

**V.V. Zhirinovskiy
University
of World Civilizations**

**Владимиру
Вольфовичу
Жириновскому**

RUSSIA AND THE WORLD: THE DEVELOPMENT OF CIVILIZATIONS. IDEAS. CHALLENGES. FORECASTS (ON THE 80TH ANNIVERSARY OF V.V. ZHIRINOVSKY)

*Collection XVI international
scientific and practical conference*

(2–3 April, 2026)

in two parts

Part 1

Moscow
Publishing house UWC
2026

Университет
Мировых Цивилизаций
имени В.В. Жириновского

Владимиру
Вольфовичу
Жириновскому

РОССИЯ И МИР: РАЗВИТИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ. ИДЕИ. ВЫЗОВЫ. ПРОГНОЗЫ (К 80-ЛЕТИЮ В.В. ЖИРИНОВСКОГО)»

*Материалы XVI международной
научно-практической конференции*

(2–3 апреля 2026 года)

в двух частях

Часть 1

Москва
Издательский дом «УМЦ»
2026

Редакционная коллегия:

М.А. Булавина, кандидат юридических наук, доцент, Университет мировых цивилизаций; *В.И. Герасимов*, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Университет мировых цивилизаций; *Митронова А.С.*, заместитель декана факультета журналистики, Университет мировых цивилизаций; *И.В. Заикина*, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин, Университет мировых цивилизаций; *С.А. Попова*, кандидат экономических наук, доцент, Университет мировых цивилизаций; *А.А. Романов*, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой мировой политики и межкультурного развития, Университет мировых цивилизаций; *Т.В. Сичкарь*, кандидат технических наук, доцент, Университет мировых цивилизаций; *И.Ю. Сомова*, кандидат исторических наук, доцент, Университет мировых цивилизаций; *С.П. Шорохова*, кандидат философских наук, доцент, Университет мировых цивилизаций

Ответственный редактор:

М.А. Булавина, кандидат юридических наук, доцент, Университет мировых цивилизаций

Р76 Россия и мир: развитие цивилизаций. Идеи. Вызовы. Прогнозы (к 80-летию В.В. Жириновского): материалы XVI международной научно-практической конференции (2–3 апреля 2026 г.): в 2-х ч. — Москва : Издательский дом УМЦ, 2026. — 552 с.

ISBN 978-5-908135-46-7.

Часть 1.

ISBN 978-5-908135-47-4.

В сборнике представлены материалы XVI Международной научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию В.В. Жириновского и посвящённой осмыслению путей развития цивилизаций, ключевых идей, актуальных вызовов и возможных прогнозов социально-политического, экономического и культурного развития России в мировом контексте.

В докладах и статьях участников рассмотрены широкий спектр вопросов: геополитические векторы развития России, цивилизационная специфика и «особый путь» страны, трансформации международных отношений и суверенитета, экономические концепции и прогнозы (в том числе в свете санкционного давления и новых моделей сотрудничества), вопросы национальной безопасности, сохранения культурного наследия и роли русского языка как элемента цивилизационной идентичности. Отдельное внимание уделено анализу идейного наследия В.В. Жириновского — его политическим, экономическим и геополитическим тезисам, их интерпретации и актуальности в современных условиях.

Сборник отражает междисциплинарный характер конференции: в нём представлены исследования в области политологии, экономики, социологии, истории, юриспруденции, философии и международных отношений.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также для всех, кто интересуется вопросами цивилизационного развития, современной геополитики и общественно-политической мысли.

УДК 316.354.4

ББК 60.5

Материалы публикуются в авторской редакции. Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, собственных имен, статистических данных и прочих сведений.

The materials are being published in the author's edition. The authors of the published materials bear responsibility for the selection and accuracy of the presented facts, quotations, proper names, statistical data and other information.

Содержание

Пленарное заседание

Слуцкий Л.Э.

Потенциал экономического роста России:
взгляд В.В. Жириновского и современные инициативы ЛДПР 12

Афанасьева Е.В.

Женское лидерство:
потенциал общественной дипломатии в реализации
национальных интересов России 18

Слоботчиков О.Н.

Цивилизационный суверенитет России:
от геополитического противостояния к философии «Русского мира»
в наследии В.В. Жириновского 25

Третьяков В.Т.

Владимир Жириновский:
трезвость анализа, искусство прогноза, мастерство убеждения 31

Лексин В.Н.

Русский мир в мировом цивилизационном пространстве 34

Винокуров В.И.

ТРАНСФОРМАЦИЯ
Международной системы и мирового порядка — движение в бесполярный
беспорядок? 40

Энтина Е.Г., Энтин М.Л.

Как помочь глобальному большинству преодолеть обман несостоявшейся
деколонизации 48

Панеш К.М.

Политические риски:
теоретико-методологические подходы к идентификации и управлению 54

Васецкий Н.А.

Катехизис В.В. Жириновского: воцивилизованный русский человек 60

Березин Н.В.

Владимир Вольфович Жириновский о будущем России 65

Нижегородцев Р.М.

Фрагментация экономического пространства
и глобализация локальных конфликтов: современные тренды 70

Погосян Г.А.

Россия сосредотачивается: возврат к себе 74

Бобков В.А.

Политическая идеология: механизм эффективности 80

Гарник С.В.

Противодействие проявлению идеологии экстремизма против Российской
государственности в современных геополитических условиях 91

Жидченко А.В.

Образ В.В. Жириновского и ведущих российских политиков
рубежа 1990–2000-х гг. (по материалам проекта «20 лет назад») 97

Вышкварцев В.В.

В.В. Жириновский как идеолог концепции нравственного государства 102

Булавина М.А.

Цивилизационная парадигма «Русского мира»
в геополитическом наследии В.В. Жириновского 109

Пивоваров Ю.Ф.

Проблемы национальной безопасности Российской Федерации
на Ближнем Востоке и пути их решения в первой четверти XXI в. 113

В.В. Жириновский
как идеолог концепции нравственного государства

Головецкий Н.Я., Козик И.В.

Эволюция институтов экономической политики
Центральной Азии: от колеса до искусственного интеллекта 120

Зайцев А.Я.

Анатомия гибридной войны: контуры конфликта будущего 129

Копылов А.В.

Геополитические аспекты стратегии национальной обороны США 133

Кузнецов В.Ф., Маслюк Д.С.

Средства массовой коммуникации как фактор эффективного воздействия
на выборный процесс 140

Лебедева О.П.

Под сенью великих соседей по миру: побеждать вопреки или благодаря? 147

Лебедева О.П.

Политический маркетинг как методология и прагматика XX–XXI вв. 153

Лебедева О.П.

Мечта как этический и социальный феномен. Стоит ли мечтать? 158

Легошин А.И.

Цивилизационное политическое сознание личности — новый этап
синхронизации социально-политической сферы в процессе развития
базиса государственного функционирования 163

Митрофанова И.В.

Культурная политика России: от модели «культуры как свободы»
к ответственному государственному патронажу 167

Налетов А.К., Шорохова С.П.

Русский язык как генетический код нации:
сохранение и передача культурного наследия 172

Петров М.В., Чичулин Н.А.

Государственная молодежная политика:
проблемы, решения, перспективы развития 177

Старостин М.В., Чичулин Н.А.

ЛДПР на страже национальной безопасности Российской Федерации 182

Фофанов А.Ю.

Российско-украинский конфликт в свете международных
нормативно-правовых актов начала 2026 года 187

Шарова М.А.

Россия и Западный мир:
цивилизационный диалог или противостояние? 194

Шевченко И.Г., Меланин В.А.

ВПК как зеркало суверенитета России..... 198

**Геополитические векторы России:
анализ региональных трансформаций в контексте цивилизационного развития**

Гребенкин А.Н.

Образ России в представлении классиков западной геополитики
(О. Шпенглер, А.Дж. Тойнби)..... 204

Григорьев А.Н.

Трансформация региональной экономики России в условиях
современных геополитических изменений 210

Добрынин В.В., Перепелкин Л.С.

Становление *Хартленда* и *Римленда*:
предыстория развития геополитической ситуации в Северной Евразии 217

Зубарев М.М.

Сибирь и Дальний Восток в цивилизационной структуре России:
«Окно в азию» или внутренняя периферия? 230

Лобанов К.Н.

Перспективы фронтальных регионов России в ракурсе видения вариантов
российско-украинского постконфликтинга 235

Никоноров С.М., Лисянский А.Б., Якишияц А.Р.

Стратегическое развитие энергетической отрасли в странах СНГ..... 239

Белхароев Х.У.

Глобальные вызовы: риски и угрозы 245

Матвиенко А.А., Деметрадзе М.Р.

Особенности информационной политики в современных процессах
глобализации..... 251

Сухоручкина, Сухоручкина А.А.

Интеграция национальных программ и проектов развития
технологий искусственного интеллекта в рамках СНГ 255

Экономические тезисы В.В. Жириновского: оценка прошлого и взгляд в будущее

Алексеев Д.Н., Новосельский С.О., Скулков И.С.

Устойчивое развитие социально-экономической инфраструктуры
сельских территорий..... 262

Мусин А.П.

К вопросу о внедрении инструментов цифровой трансформации
нефтегазовой отрасли..... 270

Гарибян Г.Г., Стам Е.Б.

Совершенствование использования цифровых технологий
в государственном управлении 275

Новосельский С.О., Гукасов Д.О.

Методический подход к комплексной оценке развития
социально-экономической инфраструктуры приграничного региона 288

Колесниченко О.В.

Законодательство о платформенной экономике:
создан ли непротиворечивый правовой режим
деятельности цифровых посредников? 294

Конобеева А.Б.	
Основные проблемы агромаркетинга и предпринимательства в сельском хозяйстве.....	299
Константинова О.А.	
Цифровая трансформация как драйвер экономии ресурсов в российском бизнесе: анализ потенциала автоматизации, облачных сервисов и удалённой работы	305
Павлова А.Н.	
Проблема стимулирования и мотивации персонала компании в современных условиях: отдельные пути ее решения.....	309
Попова С.А., Датченко И.В.	
Экономика счастья: поиск нового баланса между глобальными трендами и мезоцивилизационной идентичностью	314
Рохмистров К.М.	
Устойчивость региональной экономики в эпоху цифровых трансформаций: подходы к мониторингу и оценке.....	321
Семочкина Е.В.	
Комплексы ПО для управления предприятиями пищевой промышленности, общественного питания — фактор развития предпринимательства.....	328
Стельмах Е.В.	
Роль продовольственной безопасности в формировании демографической стабильности региона.....	334
Новосельский С.О., Сушко Д.А., Шашин К.И.	
Концептуальные и методологические подходы к управлению развитием технологического потенциала регионов России.....	339
Тарасов С.Ю., Новосельский С.О.	
Инструменты социально-экономического развития регионов России на примере программы «Инфраструктурного меню».....	343
Улогов Я.В.	
Факторы и механизмы повышения конкурентоспособности региона в условиях цифровой трансформации экономики.....	354
Умнов Д.Д.	
Роль идей ЛДПР в развитии региональной политики малых и средних предприятий	360
Новосельский С.О., Сукманов Э.В., Федоров И.А.	
Практика устойчивого развития экосистем в разных регионах мира	366
Фомичева Н.С.	
Цифровизация логистики в России: состояние, тренды и перспективы развития.....	371
Цидилин Г.Д.	
Особенности организации приемки грузов на объектах розничной торговли. Применение решений в плоскости риторики В.В. Жириновского	377
Шевченко М.В.	
Классификация услуг в медицинском и санаторно-курортном туризме	383
Юсупов И.Р.	
Развитие промышленной политики Московского региона в условиях международных санкций	390

Право будущего: формирование новых подходов. Цифровое общество

Азарова Е.С.	
Россия и мир: развитие института судейское усмотрение. Смелые идеи. Вызовы современности. Уверенные прогнозы	398
Акиева П.Х.	
Политическое прогнозирование и аналитика: к постановке проблемы.....	403
Алиев Р.Т.	
«Право будущего» в свете законотворческого наследия В.В. Жириновского...	407
Алиев Т.Т.	
К вопросу о гармонизации регулирования защиты прав интеллектуальной собственности, нарушенных в цифровой среде, в ЕАЭС	411
Аманиязов Г.Я., Аманиязов А.Я.	
Трансформация финансового контроля в цифровой среде	415
Аманиязов А.Я.	
Смарт-контракты как новая форма юридического договора	420
Андреиновская И.И.	
Интеллектуальные права работников: перспективы правового регулирования.....	425
Белов В.Е.	
К вопросу о перспективах развития частного права России: оценка через призму цивилизационного подхода	430
Варакина Л.А.	
От электронного правосудия к искусственному интеллекту	434
Варакина Л.А.	
Взгляд Жириновского В.В. на проблемы социально-трудовой сферы на территории России	439
Власенко В.А.	
Доказательства в цивилистическом процессе.....	442
Гаврилов А.А.	
Использование современных технологий в правотворчестве (на примере Legal Tech)	446
Гукасов Д.О., Трясугина Т.А.	
Влияние процедур банкротства физических лиц, имеющих ипотеку, на сектор ипотечного кредитования	450
Елаев А.А.	
Национальная идентичность как источник права: от исторической памяти к цивилизационному обновлению юридической методологии	458
Заикина И.В., Глотова М.А.	
Нормативное правовое регулирование компьютерных видеоигр российским гражданским законодательством.....	463
Заикина И.В., Чудин А.С.	
Односторонний отказ от исполнения обязательства и его правовые последствия.....	468
Золотов Г.Б.	
Платное пользование объектами общественного достояния как инструмент правовой охраны музейных предметов и музейных коллекций.....	474

Ильин П.А., Волох В.А.

Трансформация публичной сферы в цифровую эпоху:
влияние платформенных алгоритмов 479

Колесниченко О.В.

Законодательство о платформенной экономике:
создан ли непротиворечивый правовой режим деятельности цифровых
посредников? 484

Кочкалов С.А.

Единственное ипотечное жильё в деле о банкротстве гражданина:
эволюция правового регулирования и современные пределы
исполнительского иммунитета 489

Кугач П.И.

Правовые инициативы и конституционные взгляды В.В. Жириновского ... 495

Ломакина А.А.

Литературоведение и цивилистика:
о значении междисциплинарного подхода для теории и практики 500

Лысянский В.Л., Богданова А.Л.

Особенности формирования нотариата в России
и перспективы его развития 504

Максуров А.А.

Векторы изменений в национальном праве и государственном управлении
в условиях санкций 509

Матвеев Р.В.

Принудительное лицензирование как способ ограничения исключительных
прав на изобретение в сфере инновационного предпринимательства 514

Матвеев А.С.

Принудительное лицензирование объектов интеллектуальной собственности:
перспективы расширения перечня объектов в РФ 518

Мишуков В.О.

Правовое регулирование цифровых решений в избирательном процессе 522

Наибханова Р.И.

Гонорар успеха в договоре оказания юридической помощи:
гражданско-правовая природа и пределы судебного взыскания 527

Павликов С.Г.

О доктринальных подходах к сущности и правовой природе
интеллектуальной собственности и интеллектуальным правам 532

Поярков С.Ю.

Технологический суверенитет и информационная целостность:
правовые режимы верификации происхождения публично значимого
контента в эпоху генеративного ИИ 535

Рамазанов Р.М.

Наследование исключительного права на товарный знак: проблемы
квалификации спора и перехода права 543

Тонконоз А.Н.

Право и политическая девиантность в эпоху глобализации
и цифровизации 548

Пленарное заседание

ПОТЕНЦИАЛ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РОССИИ: ВЗГЛЯД В.В. ЖИРИНОВСКОГО И СОВРЕМЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ЛДПР

Л.Э. Слуцкий

доктор экономических наук,
председатель партии ЛДПР,
руководитель фракции ЛДПР в Государственной Думе,
председатель комитета Государственной Думы по международным делам,
Учредитель Университета мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского

RUSSIA'S ECONOMIC GROWTH POTENTIAL: V.V. ZHIRINOVSKY'S VIEW AND CURRENT LDPR INITIATIVES

L.E. Slutsky

Doctor of Economics,
Chairman of the Liberal Democratic Party of Russia (LDPR),
Head of the LDPR faction in the State Duma,
Chairman of the State Duma Committee on International Affairs,
Founder of the University of World Civilizations

Аннотация. В статье рассмотрены оценки возможностей экономического развития России во взглядах В.В. Жириновского, а также представлен комплекс разработанных ЛДПР инструментов в рамках Новой индустриальной политики, способных сформировать условия для экономического прорыва. Отмечается подтвержденная историческими фактами справедливость идей В.В. Жириновского, направленных на построение эффективной экономики, обеспечивающей устойчивость политической системы в условиях внешнего давления. Предложенные ЛДПР инициативы являются ответом на существующие вызовы санкционной политики недружественных стран и соответствуют турбулентности макроэкономического пространства в конъюнктуре сегментации мирового хозяйства и фрагментации финансовой системы, требующих построения суверенной экономики на базе создания собственных технологий, стимулирования внутреннего потребления и масштабирования промышленного производства за счет массовости его автоматизации. Выделенные ЛДПР приоритеты преобразований, включающие в себя инструменты оптимизации налоговой, денежно-кредитной и внешнеторговой политик, при грамотной интеграции приведут к достижению необходимых параметров траектории экономического роста в краткосрочной перспективе.

Ключевые слова: Либерально-демократическая партия России, Жириновский, экономический рост, экономика России, Новая индустриальная политика, устойчивость политической системы.

Abstract. The article examines the assessment of the possibilities of Russia's economic development in the views of V.V. Zhirinovsky, and also presents a set of tools developed by the Liberal Democratic Party within the framework of the New Industrial Policy that can create conditions for an economic breakthrough. The author notes the validity of V.V. Zhirinovsky's ideas, confirmed by historical facts, aimed at building an efficient economy that ensures the stability of the political system under external pressure. The initiatives proposed by the Liberal Democratic Party are a response to the existing challenges of the sanctions policy of unfriendly countries and correspond to the turbulence of the macroeconomic space in the context of the segmentation of the global economy and fragmentation of the financial system, requiring the construction of a sovereign economy based on the creation of its own technologies, stimulating domestic consumption and scaling industrial production due to its massive automation. The transformation priorities identified by the Liberal Democratic Party, which include tools for optimizing tax, monetary, and foreign trade policies, with proper integration, will lead to achieving the needed parameters of the economic growth trajectory in the short term.

Key words: Liberal Democratic Party of Russia, Zhirinovsky, economic growth, Russian economy, New industrial policy, stability of the political system.

Текущая ситуация в экономике страны характеризуется наличием кризисных тенденций, которые выразились в расхождении фактических и прогнозных значениях ключевых

макроэкономических показателей. Анализ наиболее индикативных параметров экономического развития РФ позволяет сделать вывод о снижении ВВП в январе и феврале 2026 года на 2,1 и 1,5% соответственно, уменьшении индекса промышленного производства в январе и феврале 2026 года на 0,8 и 0,9% соответственно, а также о сокращении производства в обрабатывающей промышленности за аналогичные периоды на 3,0 и 2,8%¹. Таким образом, в начале 2026 года экономическая ситуация в стране носит пессимистичный характер, что требует принятия кардинальных мер по её исправлению. Именно об этом говорил Президент РФ на оперативном совещании с членами Правительства РФ, потребовав дать исчерпывающие объяснения и главное разработать комплекс эффективных инструментов по достижению экономического роста².

Необходимо обратить внимание на то, что большая часть политических деятелей и объединений лишь декларируют критические оценки экономическому курсу действующего в стране правительства, но при этом не способны предложить конкретные обоснованные идеи по изменению негативных тенденций. ЛДПР на протяжении всей своей 35-летней истории всегда имела и последовательно отстаивала четкую позицию по ключевым вопросам экономического развития страны. Причем дальнейший ход событий подтверждал грамотность и эффективность инициатив ЛДПР по стабилизации отечественной экономики.

В.В. Жириновский, описывая приоритетные направления преобразований в экономической системе России, выдвинул тезис о том, что «экономика должна быть умной» [5; 6].

К числу основных факторов построения эффективной экономики В.В. Жириновский отнес в первую очередь:

- обеспечение устойчивости вертикали исполнительной власти в рамках неделимого государственного пространства;
- исключение попыток сформировать отечественную экономику по «западным лекалам», так как Россия обладает широким спектром особенностей, требующих построения суверенной модели развития, учитывающей этапы исторической эволюции, богатство природных ресурсов и национальный менталитет предпринимательского мышления;
- признание ошибок приватизации и возврат в государственную собственность стратегически значимых предприятий. Главной проблемой приватизации был её массовый характер, ставший причиной разрушения промышленного стержня экономики. Попав в частные руки, многие системообразующие предприятия были попросту ликвидированы как хозяйственные комплексы, а активы выведены в другие юрисдикции. Сегодня начинается процесс постепенного исправления сделанных в период реформ ошибок, который носит болезненный, но стратегически необходимый характер;
- восстановление деятельности отраслевых министерств с персональной ответственностью должностных лиц за достигнутые результаты в подконтрольной отрасли;
- использование дифференцированного подхода при управлении каждой отраслью в отдельности с учетом особенностей её функционирования. Вовлечение всех без исключения отраслей в рыночный механизм хозяйствования не приемлемо. Для каждой отрасли на основе анализа специфики её деятельности необходимо выстраивать наиболее эффективную модель сочетания рыночного механизма и государственного регулирования;
- снижение стоимости энергоресурсов для отечественного бизнеса, что позволит сформировать комплекс конкурентных преимуществ его развития. Использование мировых цен на энергоресурсы во внутренней экономике России не приемлемо, так как приводит к росту производственных издержек и разгоняет инфляционные процессы в обществе.

Для создания эффективной экономики В.В. Жириновским был сделан ряд предложений, способных сгенерировать условия для национального роста и общественного процветания:

- активное развитие обрабатывающих отраслей на конкурентном базисе доступности собственных энергетических ресурсов;

¹ О текущей ситуации в российской экономике. Февраль 2026 года. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/f19076de0fe9cefe5eea477ae32b0a9c/2026_04_01.pdf.

² Путин требует объяснений: экономические показатели не оправдали прогнозы. — URL: <https://investfuture.ru/articles/putin-trebuat-obyasneniy-ekonomicheskie-pokazateli-ne-opravdali-prognozy-1178331658>.

- использование долгосрочных горизонтов управления экономикой, основанных на 10–12 национальных проектах, обладающих повышенной стратегической значимостью;
- стимулирование инвестиционной активности за счет участия частных и государственных инвесторов в реализации крупные проектов в рамках стратегического развития страны [2; 3].

Как видим, многие идеи В.В. Жириновского являются актуальными и сегодня. ЛДПР, учитывая накопленный партийный опыт, на регулярной основе разрабатывает конкретные инициативы, направленные на стабилизацию экономической ситуации в стране и способствующие росту благосостояния граждан.

В.В. Жириновский делал однозначное утверждение о том, что использование либеральной модели экономики, практикуемой на Западе, неприемлемо для России [4].

В качестве доказательства были приведены неоспоримые аргументы:

- разница в природно-климатических условиях: бизнес на Западе развивается в теплом климате, способствующем уменьшению инвестиционных затрат. Большая часть территории России находится в пределах холодного временного пояса, а организация производства требует значительных, зачастую непосильных для малого предпринимательства, вложений для обеспечения энергией и теплом. В этой связи ключевая роль в экономике отводится государству;
- масштаб территорий: предпринимательство на Западе развивалось в относительно компактном пространстве, чего не скажешь о России с её огромными площадями.

Таким образом, для России наиболее эффективной будет гибридная экономическая модель, сочетающая на стратегическом уровне четкое государственное регулирование при относительной либерализации управления на тактическом уровне, обеспечивающим свободу маневра для предпринимательских инициатив. Поиск формулы совмещения является не простым делом, но её необходимо обязательно найти для формирования эффективной суверенной модели экономического развития государства.

ЛДПР на основе комплексного анализа текущей экономической конъюнктуры в стране и стратегирования перспектив разработала комплекс актуальных инициатив, способных изменить ситуацию и сформировать условия для стабилизации социально-экономического развития [7; 8]³. Огромную работу в данном направлении сделал и продолжает делать экономический совет ЛДПР, объединивший ведущих экспертов, политиков и промышленников. На основе взаимодействия с Правительством РФ, представителями предпринимательского сообщества и научных кругов, происходит обоснование наиболее приоритетных механизмов развития экономики России.

На данный момент в рамках предложенного ЛДПР плана экономического развития выдвинуты следующие ключевые инициативы:

- использование политики «Новой индустриализации», как стратегической модели развития российской промышленности. Утрата промышленного потенциала является значимой угрозой для национального суверенитета особенно в условиях геополитического противостояния с недружественными странами. В этой связи, как говорил В.В. Жириновский, основной упор необходимо делать на развитии отечественной промышленности, формируя комплекс мер государственного стимулирования инвестиционной активности и режим финансового благоприятствования;
- уход от использования ключевой ставки в качестве инструмента снижения инфляции. Анализ текущей макроэкономической ситуации отчетливо показывает, что высокая ключевая ставка не оказала существенного влияния на снижение инфляции, но крайне негативно сказалась на предпринимательской активности в стране. Политика «дорогих денег» привела к падению промышленного производства, «замораживанию» большого количества инвестиционных проектов, сокращению внутреннего предложения. Сегодня необходимо сделать поворот к монетарной политике и обеспечить доступ промышленников и предпринимателей к относительно «дешевым» деньгам, которые бу-

³ ЛДПР предлагает план «Новой индустриализации» России. — URL: <https://ldpr.ru/event/ldpr-predlagaet-plan-novoy-industrializatsii-rossii/>.

дуг использованы для развития производства и реализации инвестиционных проектов. По нашему убеждению, достичь успеха в борьбе с инфляцией можно за счет увеличения предложения на основе стимулирования производства и создания условий для справедливой конкуренции;

- необходимо изменить подход к построению фискальной политики, в основе которого должен находиться не рост налоговых ставок, а увеличение налогооблагаемой базы. Повышение ставок оказывает негативное влияние на бизнес, которое еще сильнее ощущается в текущих условиях нестабильности. При этом необходимого для наполнения бюджета роста налоговых поступлений можно добиться на счет стимулирования расширения производства и масштабирования предпринимательской активности, что в совокупности приведет к росту сбора налогов за счет повышения налогооблагаемой базы;
- текущая геополитическая ситуация и враждебное поведение «партнеров» показывают необходимость реализации широкого комплекса мер по защите отечественных производителей. Используемые отдельными чиновниками отсылки к заключенным договорам в рамках ВТО в условиях того масштаба санкции, которые были введены в отношении российской экономики, можно смело считать неактуальными. Для поддержки отечественных производителей целесообразно применять комплекс инструментов протекционистского свойства, обеспечивающих расширение их конкурентных преимуществ;
- реальный сектор экономики должен иметь возможность доступа к кредитным ресурсам на условиях «ставка инфляции+1%». Реализация данного правила даст импульс роста инвестиционной активности в промышленности и позволит достичь расширения предложения;
- выделение категории специализированных промышленно ориентированных коммерческих банков, спектр интересов которых будет концентрироваться на обслуживании реального сектора экономики. Особенности деятельности подобных финансовых институтов будут: во-первых, сниженные требования по условиям резервирования за счет ограниченности операций с физическими лицами; во-вторых, предоставление средств по линии ЦБ РФ по заниженной ключевой ставке, что позволит сформировать более «дешевые» условия кредитования промышленности⁴.

Ряд актуальных инициатив выдвинуты ЛДПР в рамках оптимизации фискальной политики:

- необходимо осуществить переход от текущей регрессивной шкалы налогов и сборов с фонда оплаты труда к справедливой умеренно прогрессивной шкале. Реализация данного предложения позволит снизить налоговое бремя промышленников, а также повысить справедливость распределения налоговой нагрузки с учетом изменения величины корпоративного фонда оплаты труда;
- для стимулирования инвестиционной активности в реальном секторе экономики целесообразно использовать инвестиционный налоговый вычет, расчет которого строится на прозрачных алгоритмах обоснованности условий предоставления. Существующая локальная практика предоставления инвестиционных вычетов должна быть масштабирована на всю территорию страны при использовании максимально прозрачных процедур их предоставления. Императивным условием получения инвестиционного вычета является системность осуществления капитальных вложений в приоритетных отраслях промышленности;
- в отношении сырьёориентированных предприятий требуется совершить так называемый «обратный налоговый маневр» с целью снижения цен на производимую продукцию на внутреннем рынке за счет сокращения косвенного налогового бремени. Использование принципа равнодоходности продаж на внутреннем и внешнем рынках является неэффективным, так как приводит к изъятию природной ренты за счет повышения внутренних налогов и акцизов. При этом пополнение бюджета может быть обеспечено на основе увеличения экспортных пошлин. Перенос рентной нагрузки на экспорт-

⁴ Новая индустриализация России: план ЛДПР для экономического прорыва. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7754567>.

ные материальные потоки позволит создать выгодные экономические условия для отечественных предприятий обрабатывающей промышленности, которые будут получать сырье по относительно низким ценам. В этом случае экономически привлекательным будет выглядеть создание производственных комплексов по переработке сырья в отличие от его простого экспорта⁵.

Важное место в системе координат разработанной ЛДПР Новой индустриальной политики принадлежит инструментам тарифного регулирования, которые должны стимулировать развитие несырьевого производства внутри страны. Пошлинная политика в отношении импортеров призвана обеспечить конкурентные преимущества отечественным производителям. Выбор мер тарифного регулирования является результатом комплексного анализа текущих и потенциальных возможностей собственного производства по каждой группе товаров. Целью поиска сбалансированной величины пошлин является построение внутрироссийского экономического пространства, оставляющего поле для конкурентного маневра импортеров, но формирующего более благоприятные конкурентные условия для отечественных производителей. Применение мер тарифного и нетарифного регулирования должно придать импульс роста при производстве отдельных промышленных товаров, который позволит не только заполнить внутренний спрос, но и при постепенном снижении пошлин сформировать условия для конкурентоспособной хозяйственной деятельности с учетом специфики мирового рынка.

Соглашаясь с В.В. Жириновским, отметим, что стратегической целью развития любой экономической системы является рост благосостояния населения страны. В этой связи перед органами исполнительной власти РФ должна всегда стоять приоритетная задача по обеспечению ежегодного роста реальных доходов граждан не менее чем на 5%. Достижение этого показателя сформирует условия для развития потенциала национального человеческого капитала, обеспечит инвестиционную привлекательность нашей экономики, а также выступит актуальным фактором успешного решения проблем демографии.

В.В. Жириновский всегда подчеркивал неразрывную связь экономических и политических систем государства, обеспечивающих его устойчивость и конкурентоспособность. Достижение высоких показателей экономического роста невозможно без четкого политического каркаса, формирующего комплекс стратегических инициатив. В то же время политическая власть опирается на стабильность экономической системы, исключающей весь спектр социальных рисков для общества. В современной геополитической ситуации недружественные страны, не сумев нанести России поражение в открытом противостоянии, стремятся раскачать маятник внутренних противоречий за счет масштабирования социальных проблем, основанных на существующих экономических вызовах, спровоцированных санкционным давлением. В этой связи весь комплекс введенных беспрецедентных санкций является ни чем иным как инструментом давления на политический режим с целью трансформации его в подконтрольную структуру, лишенную самостоятельности в принятии решений [1]. Осознавая всю серьезность положения, ЛДПР призывает все политические силы сплотиться «плечом к плечу» вокруг Президента РФ с целью формирования единой повестки, обеспечивающей незыблемость государственного суверенитета, опирающегося на устойчивость экономической системы и общественное согласие. Разработанный ЛДПР план новой индустриализации, включает в себя комплекс обоснованных инструментов, отличающихся высокой степенью актуальности в текущей геополитической конъюнктуре и опирающихся на «три кита» блоков необходимых изменений в рамках налоговой, денежно-кредитной и внешнеэкономической политик, способных обеспечить условия для экономического прорыва.

Список литературы

1. Ахметов Л.А., Булавина М.А. Российская экономика: вызовы и реакция // Путеводитель предпринимателя. — 2025. — Т. 18. — № 1. — С. 81–92.

⁵ Бизнес: сохранить нельзя потерять. — URL: <https://ldpr.ru/event/biznes-sokhranit-nelzya-poteryat/>.

2. *Жириновский В.В.* Другая экономическая политика // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. — 2014. — № 2(8). — С. 126–131.
3. *Жириновский В.В.* Россия и реформы / В.В. Жириновский, А.Г. Виноградов; худож. В.И. Полухин; Либер.-демократ. партия России. — Москва, 1995. — 93 с.
4. *Жириновский В.В.* Политическая классика: в 50-ти т. / Владимир Жириновский. — 3-е изд., перераб. и доп. — Т. 33. Я сторонник третьего пути. Иван, запахни душу! — М.: Издательский дом «УМЦ», 2026. — 420 с.
5. *Жириновский В.В.* Экономика должна быть умной // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2017. — Т. 203. — № 1. — С. 92–99.
6. *Кротов М.И., Слуцкий Л.Э., Батистова О.И.* Евразийская экономическая интеграция в новой глобальной реальности: системный подход и разрешение противоречий // Проблемы современной экономики. — 2020. — № 4(76). — С. 6–14.
7. *Слуцкий Л.Э.* Роль ЛДПР в реализации приоритетов развития России в современной геополитической обстановке // Россия и мир: развитие цивилизаций. Научное наследие и взгляды В.В. Жириновского на формирующийся миропорядок. Материалы XIII международной научно-практической конференции. — Москва, 2023. — С. 18–32.
8. *Слуцкий Л.Э., Кротов М.И., Мунтиян В.И.* Матрица выравнивания структурных диспропорций в социально-экономическом положении регионов России // Проблемы современной экономики. — 2024. — № 1 (89). — С. 6–21.

ЖЕНСКОЕ ЛИДЕРСТВО: ПОТЕНЦИАЛ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ В РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

Е.В. Афанасьева

кандидат исторических наук, доцент,

Сенатор Российской Федерации,

Заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам

WOMEN'S LEADERSHIP: THE POTENTIAL OF PUBLIC DIPLOMACY IN REALIZING RUSSIA'S NATIONAL INTERESTS

E.V. Afanasyeva

PhD in Historical Sciences, Associate Professor,

Senator of the Russian Federation,

Deputy Chairman The Federation Council Committee on International Affairs

Аннотация. В статье анализируется потенциал женского лидерства как стратегического ресурса общественной дипломатии в условиях трансформации международных отношений и беспрецедентного внешнего давления на Россию. Автор рассматривает институциональные механизмы реализации женской публичной дипломатии, включая Женскую двадцатку, Женский деловой альянс, Совет Евразийского женского форума, а также деятельность общественных организаций (Союз женщин России, Ассоциация женщин-предпринимателей, Лига женщин Либерально-демократической партии России). Особое внимание уделяется трём ключевым направлениям практической деятельности: гуманитарные миссии («дипломатия доверия»), образовательные программы для женщин-лидеров из стран Глобального Юга и культурно-историческая дипломатия с участием ветеранских организаций. В статье обосновывается необходимость перехода от эпизодических инициатив к системной стратегии, включающей институциональную координацию, географическую диверсификацию присутствия в Африке, Азии и Латинской Америке, а также формирование суверенной российской модели женского лидерства, опирающейся на традиционные ценности. Автором предложены практические рекомендации по интеграции женских инициатив во внешнеполитическую деятельность Российской Федерации.

Ключевые слова: женское лидерство, общественная дипломатия, национальные интересы, международные отношения, публичная дипломатия, мягкая сила.

Abstract. The article analyzes the potential of women's leadership as a strategic resource of public diplomacy in the context of the transformation of international relations and unprecedented external pressure on Russia. The author examines the institutional mechanisms for the implementation of women's public diplomacy, including the Women's Twenty, the Women's Business Alliance, the Council of the Eurasian Women's Forum, as well as the activities of public organizations (the Union of Women of Russia, the Association of Women Entrepreneurs, the League of Women of the Liberal Democratic Party of Russia). Special attention is paid to three key areas of practical implementation: humanitarian missions («diplomacy of trust»), educational programs for women leaders from the countries of the Global South, and cultural and historical diplomacy with the participation of veteran organizations. The article substantiates the need to move from episodic initiatives to a systemic strategy that includes institutional coordination, geographical diversification of presence in Africa, Asia and Latin America, as well as the formation of a sovereign Russian model of women's leadership based on traditional values. The author offers practical recommendations on the integration of women's initiatives into the foreign policy activities of the Russian Federation.

Key words: women's leadership, public diplomacy, national interests, international relations, public diplomacy, soft power.

В условиях современной геополитической турбулентности, характеризующейся кризисом традиционных институтов межгосударственного общения и нарастанием конфликтного потенциала, на первый план выходит общественная дипломатия, которая становится критически важным каналом поддержания международного диалога. Актуальность темы обусловлена фундаментальным изменением парадигмы международных отношений. Государственно-центричная модель, где единственным субъектом выступало национальное государство, уступает

место полицентричной системе, в которой значимую роль начинают играть негосударственные субъекты — общественные организации, неправительственные объединения и лидеры гражданского общества. В этой связи трансформация подходов к лидерству, а именно сдвиг от авторитарно-иерархических моделей к инклюзивным, сетевым и кооперативным практикам, создает благоприятную среду для реализации потенциала женского лидерства. Использование данного потенциала в рамках общественной дипломатии способно стать значимым ресурсом для продвижения национальных интересов России, обеспечивая альтернативные каналы коммуникации в условиях санкционного давления и информационной конфронтации [1].

Теоретическое осмысление общественной (публичной) дипломатии восходит к работам Дж. Ная, обосновавшего природу «мягкой силы» как способности добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не принуждения [6]. В российской науке значительный вклад в развитие этого направления внесла М.М. Лебедева, рассматривающая публичную дипломатию в контексте трансформации политических процессов и необходимости адаптации к новым условиям неопределенности [4].

Особое значение для осмысления роли женщин в международных отношениях имеют работы Дж.Энн Тикнер, Р. Деветак и др. [8, 9]. Это направление научной мысли демонстрирует, что инклюзивные модели принятия решений способствуют большей устойчивости дипломатических процессов. В контексте российских исследований феномен женского лидерства наиболее глубоко проработан в работах Т.А. Ивлевой, исследующей эволюцию гендерных ролей в российском социуме и политической элите, а также О.Ф. Лейченко, анализирующей специфику реализации лидерского потенциала женщин в условиях современной России [3; 5].

Если исследователи фокусируются преимущественно на внутренних социально-политических аспектах, то в условиях трансформации международных отношений и возрастания роли негосударственных субъектов на первый план выходит необходимость системного рассмотрения того, как женское лидерство институционализируется в качестве инструмента публичной дипломатии. Обращение к данному уровню анализа позволяет не только восполнить существующий исследовательский пробел, но и выявить реальный вклад женских инициатив в реализацию национальных интересов России на международной арене. Современная архитектура российской общественной дипломатии демонстрирует устойчивую тенденцию к институционализации «женского трека» как на глобальном, так и на региональном уровнях.

Ключевой площадкой для продвижения национальных интересов в сфере гендерного равенства и социальной устойчивости является Женская двадцатка (W20). Участие России в деятельности W20 позволяет транслировать приоритеты государства в области поддержки семьи, материнства и женского предпринимательства в контексте «Большой двадцатки», противодействуя попыткам навязать чуждые ценностные конструкции.

Параллельно с этим в рамках объединения БРИКС значимым механизмом сотрудничества становится Женский деловой альянс (BRICS Women's Business Alliance) [2]. Российская сторона последовательно выступает за трансформацию данной платформы из дискуссионной площадки в инструмент практического сопровождения экономических проектов, что позволяет укреплять связи с ключевыми партнерами из государств Глобального Юга в обход традиционных логистических и финансовых ограничений.

На национальном уровне системообразующую роль играет Совет Евразийского женского форума при Совете Федерации Федерального Собрания РФ. Данная структура выполняет функцию «мягкой инфраструктуры», объединяя законодательную власть, бизнес-сообщество и некоммерческий сектор.

Важнейшим внутривластным основанием для развития женской публичной дипломатии в России является Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы¹. Если первый этап (2017–2022 гг.) был сфокусирован преимущественно на преодолении структурных барьеров и обеспечении формального равенства, то новая стратегия

¹ Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-р Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405965441/?ysclid=mneggie9nj541162231>.

знаменует переход к качественно иному этапу — к интеграции женского лидерства в решение приоритетных задач социально-экономического и внешнеполитического развития страны. Как справедливо отмечает Г.Г. Силласте, ключевым отличием обновленной стратегии является ее нацеленность «не просто на расширение присутствия женщин в публичных сферах, а на использование их лидерского потенциала в качестве ресурса достижения национальных целей», что напрямую корреспондирует с задачами общественной дипломатии в условиях геополитической турбулентности [7]. Данный документ создает нормативную основу для консолидации женских инициатив во внешнеполитическом треке, задавая вектор перехода от эпизодических проектов к системному присутствию российских женщин-лидеров на ключевых международных площадках — от «Группы двадцати» до региональных объединений Глобального Юга.

Стратегическое видение развитию женского трека публичной дипломатии задает Председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко, являющаяся инициатором ключевых международных женских форумов и последовательно отстаивающая включение лидерских качеств женщин в повестку стратегической безопасности и межпарламентского сотрудничества. Личное участие В.И. Матвиенко в мероприятиях Женской «двадчатки» (W20), БРИКС и Евразийского женского форума придает институциональный вес российским инициативам и обеспечивает их интеграцию на высшем уровне межгосударственного диалога.

Форум выступает не только в качестве консолидатора женских инициатив на пространстве ЕАЭС и СНГ, но и служит каналом парламентской дипломатии, позволяя выстраивать межпарламентские диалоги по вопросам здравоохранения, социальной защиты и образовательной миграции в условиях ограниченности официальных межправительственных контактов.

Существенное значение в реализации международного трека имеют общественные организации, прежде всего Союз женщин России и Ассоциация женщин-предпринимателей России. Их специфика заключается в высокой степени адаптивности и способности к «дипломатии второго трека» (неофициальный, но структурированный процесс взаимодействия между государствами). Оставаясь неправительственными структурами, они являются проводниками государственной линии, используя механизмы социального партнерства и профессиональных ассоциаций.

Лига женщин ЛДПР, под руководством сенатора Е.В. Афанасьевой, играет важную роль в парламентской и общественной дипломатии. Как часть партии, представленной в Госдуме, Лига эффективно работает по принципу «дипломатии второго трека», используя свои региональные отделения для развития гуманитарных и культурных связей.

Организация активно продвигает социальные инициативы, поддерживает семейные ценности и участвует в международных женских форумах. Это способствует расширению диалога с дружественными странами и распространению российских взглядов на традиционные ценности на неправительственном уровне.

Функционирование обозначенных организаций на международной арене играет существенную роль в минимизации деструктивного воздействия санкционных ограничений. Применяемый ими инструментарий компенсации, включающий, но не ограничивающийся, организацией бизнес-миссий, проведением конгрессов и реализацией гуманитарных акций, эффективно способствует сохранению и развитию экономических и культурных связей с территориями, характеризующимися наличием институциональных затруднений в сфере официальной дипломатии.

Эти институты образуют многоуровневую систему (глобальный — региональный — национальный), обеспечивающую стратегическую гибкость и непрерывность в реализации внешнеполитических задач, в частности, через призму женской общественной дипломатии.

Анализ текущей практики российской публичной дипломатии выявляет значительную реализацию потенциала женского лидерства, проявляющуюся в трех основных направлениях:

- 1) гуманитарные инициативы, где женщины-лидеры часто принимают на себя функции миротворцев и координаторов помощи;
- 2) сфера образовательной дипломатии, которая способствует трансферу знаний и формированию интеллектуального капитала будущих поколений.

- 3) культурно-историческая дипломатия, которая ориентирована на укрепление межгосударственных связей посредством апелляции к общему историко-культурному наследию.

Представленные направления обретают повышенную значимость, поскольку актуализируют специфическую эффективность женского лидерства в условиях эскалации геополитической турбулентности и компрессии пространства официальных коммуникативных каналов, что проявляется в генерации инновационных решений и конструировании доверительных отношений на приоритетных векторах взаимодействия.

Еще одним значимым направлением имплементации женского лидерства во внешнеполитический дискурс является консолидация акторов, связанных с зоной Специальной военной операции. Женщины из числа ближайших родственников военнослужащих, а также участницы волонтерского движения и медицинские работники, вовлеченные в гуманитарные практики на новых территориях, выступают в роли институционализированного канала общественной дипломатии, базирующегося на доверии, эмоциональном интеллекте и экзистенциальном опыте. Их включение в международные гуманитарные инициативы и диалоговые площадки позволяет доносить до внешней аудитории подлинные свидетельства происходящего, противодействуя информационным искажениям и укрепляя консолидацию российского общества в условиях внешнего давления.

Первое направление связано с участием женщин-дипломатов, парламентариев и представителей общественных организаций в международных гуманитарных миссиях, прежде всего в контексте урегулирования конфликтов. Опыт Сирии и Центральной Азии показывает, что женские делегации (например, в рамках инициатив Совета Федерации и Союза женщин России) выполняют функцию «мостиков доверия».

В отличие от официальных политических переговоров, акцент здесь смещается на восстановление социальной инфраструктуры, помощь уязвимым категориям населения (дети, беженцы) и налаживание межобщинного диалога. Анализ деятельности женщин-посредников в урегулировании конфликтов показывает их способность к получению доступа в зоны, закрытые для традиционных дипломатических механизмов, посредством применения стратегий, основанных на эмпатическом взаимодействии и снижении уровня конфронтации. В качестве характерного примера можно рассмотреть деятельность официального представителя МИД РФ, М.В. Захаровой. Ее практика публичной дипломатии характеризовалась систематическим информированием мирового сообщества о позиции Российской Федерации по критически важным вопросам, таким как эвакуация мирного населения и обеспечение доставки гуманитарной помощи.

Деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, возглавляемого Т.Н. Москальковой, представляет собой значимый кейс применения гуманитарных императивов в сфере международных отношений. Исследуемый феномен демонстрирует потенциал женского лидерства в деэскалации и разрешении многоаспектных межгосударственных вызовов.

Эффективность реализованных инициатив свидетельствует о продуктивности женского лидерства в сферах, требующих синергии правовой аргументации и антропоцентричного подхода. Способность Т.Н. Москальковой к комплексному решению проблем, базирующаяся на интеграции юриспруденции и антропологических методологий, подчеркивает ее вклад в развитие гуманитарной дипломатии и повышение международного престижа Российской Федерации.

Вместе с этим наблюдается развитие образовательной дипломатии как инструмента формирования устойчивых межгосударственных связей. Российская Федерация обладает значительным опытом в имплементации программ академической мобильности и профессиональной переквалификации для иностранных студенток и женщин-лидеров из стран Глобального Юга (Африка, Ближний Восток, Юго-Восточная Азия). В рамках таких платформ, как Евразийский женский форум и проекты Россотрудничества, формируются выпускнические сообщества, сохраняющие приверженность российским образовательным стандартам и ценностным ориентирам. Данный процесс способствует кристаллизации транснациональных сетей влияния, сохраняющих свою функциональность даже в условиях геополитической напря-

женности.

Примером является деятельность Россотрудничества и подведомственных ему Российских центров науки и культуры, где в последние годы получили распространение специализированные стажировки для женщин, занимающих руководящие позиции в сферах образования, здравоохранения и социального предпринимательства. В частности, программа «Новое поколение» включает отдельные модули для женщин-лидеров из стран Африки, Ближнего Востока и Азии. Так, в 2023–2024 гг. состоялись стажировки для делегаций из Кении, Зимбабве и Камеруна, организованные при участии Ассоциации женщин-предпринимателей России. Участницы не только знакомились с российскими образовательными технологиями, но и проходили интенсивный курс по устойчивому развитию городских сообществ, что впоследствии привело к подписанию меморандумов о сотрудничестве между российскими вузами и африканскими университетами.

Конкретным воплощением «женского почерка» в образовательной дипломатии стала инициатива Совета Евразийского женского форума (ЕЖФ) — проект «Женщина-лидер». В его рамках с 2021 года реализуется программа наставничества, где российские сенаторы и ректоры вузов (например, ректор МГИМО А.В. Торкунов и председатель Совета ЕФЖ Г.Н. Карелова) выступают менторами для молодых женщин-политиков и активисток из Вьетнама, Сербии, Египта и Индии. Кульминацией этих образовательных программ стало создание Международного клуба выпускниц, который сегодня насчитывает более 300 участниц из 25 стран. Выпускницы клуба, такие как Линдиве Кумало (ЮАР) и Фарида Талаат (Египет), в своих странах открыли центры по изучению русского языка и лоббируют участие местных компаний в интеграционных проектах ЕАЭС.

Такой подход позволяет не только формировать лояльное к России сообщество профессионалов, но и эффективно противостоять попыткам монополизации образовательной повестки со стороны коллективного Запада. Образовательные треки в данном контексте выступают в качестве инструмента «тихой дипломатии», позволяющего транслировать национальные интересы Российской Федерации — расширение сети международных партнеров и продвижение русского языка — через удовлетворение конкретных кадровых и социальных потребностей развивающихся государств.

Третье направление относится к сфере культурно-исторической дипломатии, где ведущая роль принадлежит женским ветеранским организациям и объединениям потомков участников Великой Отечественной войны. В процессе сохранения исторической памяти и укрепления межгосударственных связей ключевое значение приобретают ветеранские структуры. В частности, Союз женщин России под руководством Е. Лаховой и М. Ситтель на протяжении ряда лет реализует программу «Великая Победа: наследие и наследники». В рамках данной инициативы женщины-ветераны и жительницы блокадного Ленинграда выступают в роли послов мира, участвуя в международных форумах «Память поколений» на территории стран Балтии и Европы. Их личные нарративы, основанные на опыте пережитых военных событий, обладают высоким перлокутивным потенциалом, воспринимаясь аудиторией как более аутентичные и эмоционально окрашенные по сравнению с официальными дипломатическими заявлениями. Таким образом, женская ветеранская дипломатия является эффективным механизмом «мягкой силы», позволяющим транслировать достоверную информацию о войне и ее последствиях для широких слоев общественности.

Проект «Женское лицо Победы», реализуемый при содействии Союза женщин России и аффилированных ветеранских женских организаций, создает коммуникативную платформу для женщин, переживших войну (фронтовиков, тружениц тыла, лиц, переживших блокаду, и представителей военного поколения), с целью ретрансляции их личных свидетельств. Участницы проекта выступают перед аудиторией в образовательных учреждениях и на общественных площадках Абхазии, Южной Осетии и стран Балтии, затрагивая темы семейных ценностей, фронтовых судеб и послевоенного восстановления. Реализуемые за пределами институциональных структур официальных межгосударственных отношений, подобные мероприятия детерминируют нивелирование информационных барьеров и легитимируют введение в дискурс исторических событий личностно-ориентированного, гуманитарного компонента.

Представленные векторы развития свидетельствуют о трансформации фрагментарного применения разрозненных инструментов в системную интеграцию «женского почерка» в дипломатическую практику как ресурса достижения национальных приоритетов. Обеспечение системного характера реализации женской дипломатии в контексте национальных интересов обуславливает необходимость разработки комплексной стратегии, учитывающей совокупность внутренних и внешних вызовов.

Первым перспективным направлением является институциональное оформление координации женских дипломатических инициатив. Целесообразным представляется создание постоянно действующего Координационного совета по женской публичной дипломатии при МИД России. Данная структура призвана обеспечить синергию между деятельностью государственных ведомств, женских организаций (Союз женщин России, Ассоциация женщин-предпринимателей) и профильных объединений в рамках интеграционных структур (Женская «двадцатка» (W20) и Женский альянс БРИКС). Это позволит преодолеть фрагментарность текущих усилий и интегрировать женские инициативы в официальный внешнеполитический курс.

Вторым направлением является географическая диверсификация присутствия. В условиях санкционного давления и попыток сужения традиционных дипломатических каналов особую значимость приобретает усиление активности в странах Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки. Механизмами расширения здесь могут стать женские бизнес-миссии, направленные на установление кооперационных связей между женщинами-предпринимателями, а также целевые образовательные программы и стажировки для женщин-лидеров из государств Глобального Юга. Такая деятельность не только способствует формированию устойчивых транснациональных сетей, но и деполитизирует коммуникацию, переводя ее в плоскость практического сотрудничества.

Третьим направлением является методологическое переосмысление самой модели женского лидерства. Необходим отход от концепции «догоняющего участия» (стремления соответствовать западным стандартам гендерной повестки) в пользу формирования суверенной российской модели. Такая модель должна базироваться на традиционных ценностях — семья, преемственность поколений, социальная ответственность, но при этом отвечать на современные вызовы. Это предполагает выход женской дипломатии за рамки сугубо «социальной» или «гуманитарной» функции и включение женщин-лидеров в обсуждение вопросов стратегической безопасности, технологического суверенитета и экономической кооперации.

В качестве практических рекомендаций предлагается следующее.

1. Разработать и утвердить «дорожную карту» по интеграции женских общественно-дипломатических инициатив в деятельность загранучреждений РФ.
2. Создать специализированный грантовый фонд для поддержки женских дипломатических проектов в дружественных странах, ориентированный на образовательные, предпринимательские и культурно-исторические программы.
3. Включить показатели эффективности женской публичной дипломатии (количество реализованных совместных проектов, охват аудитории, формирование устойчивых женских сетей) в систему оценки деятельности профильных подразделений МИД России и партнерских организаций.

Реализация предложенных направлений позволит превратить женское лидерство в действенный инструмент «мягкой силы», способствующий укреплению суверенитета России и расширению круга ее международных партнеров в условиях геополитической турбулентности.

Список литературы

1. Афанасьева Е.В., Слоботчиков О.Н. Женщины в современной политике // Актуальные политические и исторические вопросы современности. Сборник статей. — Москва, 2020. — С. 42–50.
2. Глушкова С.И., Франц В.А. Расширение возможностей женщин в международной повестке стран БРИКС // *Universum Juris*. — 2024. — № 1.
3. Ивлева Т.А. Влияние советского наследия на женское политическое лидерство в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. — 2024. — Т. 11. — № 1. — С. 72–86.

4. *Лебедева М.М.* Концептуальные перевоплощения публичной дипломатии // Вестник МГИМО-Университета. — 2020. — Т. 13. — № 5. — С. 293–306.
5. *Лейченко О.Ф.* Женское лидерство в современном мире // Научные труды Дальрыбвтуза. — 2009. — № 21. — С. 269–276.
6. *Най Дж.С.* Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике / Джозеф С. Най; пер. [с англ.] В.И. Супруна. — Новосибирск; Москва: Фонд социо-прогност. исслед. «Тренды», 2006. — 221 с.
7. *Силласте Г.Г.* Новая национальная стратегия в интересах женщин // Бюджет. — 2023. — № 9(249). — С. 90–93.
8. *Тикнер Дж.Э.* Мировая политика с гендерных позиций: проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны» / пер. с англ. под ред. Д.И. Польшанного. — Москва: Культурная революция, 2006. — 333 с.
9. *Devetak R., Burke A., George J.* An Introduction to International Relations. — Cambridge University Press, 2012. — 94 p.

**ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ:
ОТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ
К ФИЛОСОФИИ «РУССКОГО МИРА»
В НАСЛЕДИИ В.В. ЖИРИНОВСКОГО**

О.Н. Слоботчиков

кандидат политических наук, профессор,
ректор Университета мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского, Москва
rektor@imc-i.ru

**THE CIVILIZATIONAL SOVEREIGNTY OF RUSSIA:
FROM THE GEOPOLITICAL CONFRONTATION
TO THE PHILOSOPHY OF THE «RUSSIAN WORLD»
IN THE LEGACY OF V.V. ZHIRINOVSKY**

O.N. Slobotchikov

PhD in Political Science, Professor, Rector,
University of World Civilizations, Moscow
rektor@imc-i.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме цивилизационного суверенитета России в условиях трансформации миропорядка и нарастающего геополитического противостояния с Западом. Автор анализирует переход от однополярной системы, основанной на англосаксонской модели глобализации, к полицентричному миру, ключевым принципом которого является цивилизационное многообразие. Обосновывается, что обеспечение цивилизационного суверенитета — права общества на следование собственному историческому пути и формирование идентичности — приобретает особую значимость в свете современных вызовов, включая военно-политическое давление со стороны Соединенных Штатов Америки и их союзников. Особое внимание уделяется философии «Русского мира», рассматриваемой в качестве ценностно-смысловой основы цивилизационной идентичности России. Автор раскрывает вклад Жириновского в развитие данной концепции, анализирует дискуссии о базовых ценностях (правда, соборность, спасение, справедливость, духовность) и подчеркивает закрепление идеи Русского мира в стратегических документах Российской Федерации. В заключение автор формулирует приоритетные направления государственной политики, направленные на цивилизационную интеграцию постсоветского пространства, укрепление союзнических отношений с незападными державами и формирование полицентричного миропорядка на основе диалога цивилизаций.

Ключевые слова: цивилизационный суверенитет, геополитическое противостояние, Русский мир, международные отношения, многополярный мир, духовно-нравственные ценности.

Abstract. The article is devoted to the problem of Russia's civilizational sovereignty in the context of the transformation of the world order and the growing geopolitical confrontation with the West. The author analyzes the transition from a unipolar system based on the Anglo-Saxon model of globalization to a polycentric world, the key principle of which is civilizational diversity. It is proved that ensuring civilizational sovereignty — the right of society to follow its own historical path and form an identity — is of particular importance in the light of modern challenges, including military and political pressure from the United States of America and its allies. Special attention is paid to the philosophy of the «Russian World», considered as the value-semantic basis of the civilizational identity of Russia. The author reveals Zhirinovsky's contribution to the development of this concept, analyzes discussions about the basic values (truth, unity, salvation, justice, spirituality) and emphasizes the consolidation of the idea of the Russian world in the strategic documents of the Russian Federation. In conclusion, the author formulates the priority directions of state policy aimed at the civilizational integration of the post-Soviet space, strengthening allied relations with non-Western powers and the formation of a polycentric world order based on the dialogue of civilizations.

Key words: civilizational sovereignty, geopolitical confrontation, Russian world, international relations, multipolar world, spiritual and moral values.

Человечество вступило в эпоху революционных перемен. Уходит в прошлое однополярная систем международных отношений, основанная на гегемонии США и англосаксонской модели глобализации. Началось формирование нового миропорядка. Переход к новой геополитической структуре стал ответом международной системы и самой истории на навязчивое стремление Западного мира выстроить всех в одну иерархию, на вершине которой находились бы страны Запада¹. План англосаксонской глобализации, по которому человечество подвергалось унификации мира по западному эталону, лишалось своих национальных, культурных, цивилизационных признаков, изначально был обречен на провал. Об этом говорил президент В.В. Путин еще в 2007 году в Мюнхене. Именно поэтому формирующийся миропорядок принципиально отличается от прежнего.

Главное отличие нового миропорядка от провалившегося проекта — цивилизационное разнообразие, предполагающее многообразие культур, жизненных укладов, религиозных норм, языковых картин мира, которое выработало человечество [8].

Еще в начале XXI столетия российские ученые, изучая влияние глобализации на развитие цивилизаций, выявили три тенденции в развитии межкультурных отношений. Во-первых, это усиление цивилизационного разнообразия как ответ на унифицирующий вызов глобализации. Во-вторых, повышение роли межкультурных отношений в глобализирующемся мире в новых геополитических условиях. В-третьих, перестройка мирового цивилизационного пространства, которая займет несколько десятилетий [10]. Эти тенденции сопровождаются возрождением российской цивилизации, усилением геополитического влияния Китая и Индии, повышением роли исламской цивилизации, укреплением суверенитета и конкурентных возможностей незападных мировых держав и региональных стран-лидеров. При этом снижается авторитет и геополитическое влияние Соединенных Штатов. Утрачивает свое геополитическое влияние Европейский союз.

Политика России и других мировых держав по отстаиванию своих цивилизационных интересов и продвижению геополитической парадигмы многополярного мира вызывает острую реакцию со стороны США и Европы [5]. Чтобы сохранить свое доминирующее положение в мире страны Запада используют все средства — от политического и экономического давления на неугодные страны до военных операций по смене политических режимов и развязывания военных конфликтов. Соединенные Штаты и их союзники инспирировали военный конфликт на Украине и открыто заявили о своей цели нанести стратегическое поражение России. Американская администрация Д. Трампа в качестве основы внешней и военной политики провозгласила принципы «Америка превыше всего» и «мир через силу»².

В Стратегии национальной обороны США³, вышедшей в январе 2026 года, было лицемерно провозглашено, что с «интервенционизмом, бесконечными войнами, сменой режимов и национальным строительством будет покончено». Однако уже через месяц Соединенные Штаты совместно с Израилем развязали войну против Ирана, в результате которой в конфликт было вовлечено более десяти стран, в мире разразился энергетический кризис, сопоставимый по масштабу с нефтяными шоками 1970-х и газовым кризисом 2022 года. Ракетный обстрел Бушера, где расположена атомная электростанция, поставил Ближневосточный регион на грань ядерной катастрофы.

Данные события со всей очевидностью демонстрируют, что в современной геополитике военная сила была и остается основным инструментом достижения политических целей Соединенных Штатов и их союзников.

В условиях сложившейся геополитической обстановки, обострения противостояния с Западным миром особую актуальность приобретает обеспечение национальной безопасности России, защита цивилизационного суверенитета нашей страны.

¹ Путин сформулировал шесть принципов нового миропорядка. — URL: <https://ria.ru/20251004/putin-2046286186.html>.

² Эксперт рассказал, как новые стратегии США повлияют на судьбу мира. — URL: https://tochka.by/articles/policy/ekspert_rasskazal_kak_novye_strategii_ssha_povliyayut_na_sudbu_mira/?ysclid=mnego772nw175261326.

³ 2026 National Defense Strategy. — URL: <https://static.mediapart.fr/files/2026/01/26/2026-national-defense-strategy.pdf>.

В последние годы термин «суверенитет» стал одним из наиболее часто употребляемым в общественных науках и средствах массовой информации. Он рассматривается в политическом, экономическом, технологическом, общественном, цивилизационном, культурном аспектах.

Цивилизационный суверенитет — это право общества следовать своему историческому пути в любом направлении и создавать любые социально-политические и социокультурные формы. Его идеологическую основу составляет культурный суверенитет, под которым понимается «совокупность социально-культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность, избегать социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния, быть защищенными от деструктивного идеологического и информационного воздействия, сохранять историческую память, придерживаться традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁴.

В этом контексте цивилизационный суверенитет России обретает не только политическое, но и мировоззренческое измерение. Он предполагает формирование адекватного культурного пространства, задающего основные измерения ценностной идентичности, представление о морально-нравственных нормах, принципы, идеалы и ориентиры, которые определяют выбор и поведение человека.

Общероссийская культурная идентичность, являясь самостоятельной фундаментальной характеристикой самосознания граждан России и российских соотечественников, является неотъемлемой ценностной и культурной основой «общероссийской гражданской идентичности», российского гражданского самосознания» [6].

Важное место в обеспечении цивилизационной безопасности и защиты цивилизационного суверенитета России принадлежит концепции Русского мира, которая уходит своими корнями в историю Древней Руси.

Зарождение русской идеи связано с именами В. Соловьева, Н. Данилевского, Л. Карсавина, Н. Бердяева, Н. Устрялова, И. Ильина. В начале 2000-х термин «русский мир» прочно вошел в политический дискурс. Необходимо констатировать, что единой философской трактовки понятия «Русский мир» на сегодняшний день не сложилось. Существующие определения разнятся, однако их объединяет тезис об исключительности России как уникальной общности народов, обладающей культурой мирового уровня. Атрибутами «русского мира» признают русский язык, общую историю, культурные нормы, традиции, иногда единство территории, православие [3].

Осмысление этой категории в современной политико-философской традиции было бы неполным без обращения к наследию одного из ее ключевых идеологов.

Огромный вклад в развитие философии Русского мира внес В.В. Жириновский, написавший романтический очерк «Русский мир как симфония этносов» в монографии «Социология мировой интеграции»⁵.

Большое внимание разработке концепции Русского мира уделяет Президент РФ В.В. Путин. Впервые о русском мире как всеобщей концепции русскости Президент России заявил в конце 2006 г. в Санкт-Петербурге в канун Года русского языка на встрече с творческой интеллигенцией в Доме Державина⁶.

Идея Русского мира прочно вошла в основополагающие документы стратегического планирования России — Стратегию национальной безопасности⁷, Концепцию внешней политики

⁴ Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 29.12.2014. — № 52 (ч. I). — Ст. 7753.

⁵ Социология мировой интеграции: учебное пособие для вузов / В.В. Жириновский, В.И. Добренков, Н.А. Васецкий. — Москва: Академический проект, 2017. — С. 79–82.

⁶ Пресс-конференция Президента России В.В. Путина по итогам встречи глав государств и правительств «Группы восьми», Санкт-Петербург, Стрельна, 17 июля 2006 года. — // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/1687219/?ysclid=mnegvrnqb3724854832.

⁷ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 5.07.2021. — № 27 (ч. II). — Ст. 5351.

Российской Федерации⁸, Военную доктрину⁹, Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года¹⁰. Так, в Концепции внешней политики РФ подчеркивается «особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»¹¹.

Русский мир как цивилизационная общность является ядром Восточно-христианской православной цивилизации, которая укреплялась и расширялась именно благодаря энтропии (расширению) этногеополитической пассионарности Русского мира [2, с. 34]. В концепции Русского мира находит выражение цивилизационного, социокультурного и наднационального пространства.

Системообразующую основу философии Русского мира составляет система ценностей, которые охватывают духовную, политическую, экономическую и духовную сферы и выражают «русскую идею». Патриарх Кирилл на III Ассамблее Русского мира в ноябре 2009 г. в качестве основополагающих ценностей предложил: «православие, русскую культуру и язык, общую историческую память и русскую традицию»¹².

Вместе с тем среди российских ученых до сих пор не утихают споры об основополагающих ценностях Русского мира. Исследователь Кочеров С.Н. среди многих ценностей, которыми богата культура многонациональной России, выделяет: правду как основополагающую ценность, соборность как интегративную ценность и спасение как целеполагающую ценность нашей культуры [3] (не случайно В. Шубарт определял русскую идею как «спасение человечества русскими» [9]). А. Громыко включает в триаду ценностей «справедливость, духовность, солидарность»¹³.

Наряду с дискуссией о ценностном ядре Русского мира, в научной среде активно обсуждаются и его социокультурные границы. Среди специалистов, занимающихся вопросами цивилизационных отношений, также ведутся дискуссии о том, сколько во всем мире людей причисляют к Русскому миру, как развивать добрые отношения между людьми, принадлежащими к различным этносам, религиям и культурам, каковы пути воссоединения разделенного русского народа после развала СССР и др. [4; 5].

По нашему мнению, главное в том, что Русский мир стал показателем ценностно-смысловой и духовной ориентации тех, кто разделяет его идеалы.

Многовековая история и опыт нашей страны свидетельствует о том, что основой равноправного, конструктивного диалога цивилизаций являются традиционные духовно-нравственные ценности, без опоры на них достижение прочного и справедливого мира невозможно¹⁴.

Обеспечение цивилизационного суверенитета и укрепление геополитического влияния России в мире во многом зависит от поддержания союзнических и партнерских отношений с другими странами [1]. 5 марта 2022 года распоряжением Правительства РФ был утвержден первый исторический список иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия против России¹⁵. В настоящее время Россия сохраняет дружественные

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 03.04.2023. — № 14. — Ст. 2406.

⁹ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976). // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70730556/?ysclid=mneg7n42u307761436>.

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации 25 ноября 2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года». — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413034563/?ysclid=mneg9ty5u960736895>.

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 03.04.2023. — № 14. — Ст. 2406.

¹² Громыко А. Русский мир: понятие, принципы, ценности, структура. — URL: <https://russkiymir.ru/publications/190922/>.

¹³ Там же.

¹⁴ Патриарх Кирилл назвал основы диалога между людьми разных религий и культур. — URL: <https://ria.ru/20251026/kirill-2050724465.html>.

¹⁵ Распоряжение Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих в отношении РФ, российских юридических лиц и физиче-

отношения примерно со 100 государствами, тогда как в официальный реестр недружественных стран внесены 49 государств, которые ввели санкции против России, поставляли оружие враждебным силам и т.д.¹⁶.

В этих условиях дальнейшее укрепление цивилизационного суверенитета России требует системной государственной политики, учитывающей как вызовы, так и возможности современной геополитической конфигурации.

Государственная политика Российской Федерации по обеспечению цивилизационного суверенитета должна быть направлена на цивилизационную интеграцию постсоветского пространства, укрепление геополитического влияния России во всех цивилизационных ареалах Восточного и Западного полушарий, объединение усилий российской, китайской, индийской, исламской, латиноамериканской, африканской в единый блок для противодействия гегемонии западной цивилизации, восстановления междивизиационного баланса, развития диалога цивилизаций в интересах формирования полицентрического миропорядка, обеспечения международной безопасности, стабильности, суверенного права и устойчивого развития всех государств.

В заключение следует отметить, что в условиях кардинальной трансформации миропорядка, характеризующейся отказом от англосаксонской модели глобализации и переходом к полицентрической архитектуре, обеспечение цивилизационного суверенитета России приобретает фундаментальное значение для сохранения национальной идентичности, культурной автономии и геополитической субъектности страны. Цивилизационный суверенитет, базирующийся на культурном суверенитете и традиционных духовно-нравственных ценностях, является не только инструментом защиты от внешнего деструктивного воздействия, но и основой самостоятельного исторического развития российского общества.

Особая роль в философском обосновании данной концепции принадлежит наследию В.В. Жириновского, чьи идеи о Русском мире как согласии этносов и цивилизационной общности органично интегрированы в стратегические документы Российской Федерации. Русский мир, понимаемый как ценностно-смысловое и культурное пространство, объединяющее народы на основе общей истории, языка и традиций, становится ключевым элементом противодействия гегемонии западной цивилизации и формирования многополярного миропорядка.

Дальнейшее укрепление цивилизационного суверенитета России требует последовательной государственной политики, направленной на цивилизационную интеграцию постсоветского пространства, развитие союзнических отношений с государствами Востока, Юга и Латинской Америки, а также на сохранение и трансляцию традиционных ценностей как основы диалога цивилизаций. Только при условии консолидации усилий незападных мировых держав и восстановления междивизиационного баланса возможно устойчивое развитие всех государств, обеспечение международной безопасности и формирование справедливого полицентрического миропорядка, отвечающего вызовам XXI века.

Список литературы

1. Бельков О.А., Копылов И.А., Булавина М.А. Механизм реализации политики национальной обороны России и его совершенствование в условиях современного межгосударственного противоборства // Социально-политические науки. — 2026. — Т. 16. — № 1. — С. 23–31.
2. Васецкий Н.А. Русский мир Жириновского. — Москва: Издательский дом «УМЦ», 2024. — 48 с.
3. Кочеров С.Н. Проблема идеологии в современной России // Credo New. — 2022. — № 4(112). — С. 204–227.
4. Кочин В.В. Русский мир — это все, кто любит русский язык и культуру — интервью Владимира Кочина исполнительного директора фонда «Русский мир» // Обучение иностранным языкам. — 2014. — Т. 41. — № 3. — С. 335–340.

ских лиц недружественные действия. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403515676/?ysclid=mnehvwhx8314619659>.

¹⁶ Дружественные и недружественные страны России в 2025: актуальный геополитический обзор. — URL: <https://vtimah.livejournal.com/https://vtimah.livejournal.com/>.

5. *Подгорская А.В.* Русский язык и русский мир как факторы диалога культур // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. — 2017. — № 2(12). — С. 99–100.
6. *Путрик Ю.С., Соловьев А.П.* К вопросу о социокультурных факторах укрепления культурного суверенитета Российской Федерации // Культурное наследие России. — 2024. — № 2(45). — С. 14–19.
7. *Слоботчиков О.Н.* Цивилизационные аспекты геостратегического развития России в формировании нового миропорядка // Современная геостратегия Российской Федерации в условиях становления нового мирового порядка. Сборник материалов круглого стола. — Москва, 2024.
8. *Слущкий Л.Э.* Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография: в 2 т. Т. 2: Свойства мировых цивилизаций: цветущая сложность / Л.Э. Слущкий, Н.А. Васецкий, О.Н. Слоботчиков; Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского. — Москва: Издательский дом УМЦ, 2025. — 540 с.
9. *Шубарт В.* Европа и душа Востока. — М.: Альманах «Русская идея» (вып. 3), 1997. — 448 с.
10. *Яковец Ю.* Вызовы глобализации и цивилизационное многообразие // Синтез цивилизации и культуры. Международный альманах / отв. ред.: Ю. Пивоваров, Т. Тимофеев, Н. Шмелёв. — Москва, 2004. — С. 80–89.

**ВЛАДИМИР ЖИРИНОВСКИЙ:
ТРЕЗВОСТЬ АНАЛИЗА, ИСКУССТВО ПРОГНОЗА,
МАСТЕРСТВО УБЕЖДЕНИЯ**

В.Т. Третьяков

кандидат филологических наук,
декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ

**VLADIMIR ZHIRINOVSKY:
THE SOBRIETY OF ANALYSIS, THE ART OF FORECASTING,
THE SKILL OF PERSUASION**

V.T. Tretyakov

PhD in Philological Sciences,
Dean of the Higher School (Faculty) of Television at Moscow State University

Аннотация. В статье представлен политический и социальный портрет В.В. Жириновского. К числу важнейших черт его личности автор относит глубокие знания, гражданскую смелость, способность к публичному обсуждению жизненно важных для нашего государства и общества проблем, понимание нужд и желаний простых людей. В.В. Жириновский, по мнению автора, был русским националистом и апологетом сильного Русского государства, имеющим уникальный прогностический дар.

Ключевые слова: В.В. Жириновский, ЛДПР, политическая деятельность, идеология, социально-экономическое и политическое прогнозирование.

Abstract. The article presents a political and social portrait of V.V. Zhirinovsky. The author considers deep knowledge, civic courage, the ability to publicly discuss issues vital to our state and society, and an understanding of the needs and desires of ordinary people to be among the most important traits of his personality. V. V. Zhirinovsky, according to the author, was a Russian nationalist and an apologist of a strong Russian state, possessing a unique predictive gift.

Key words: V.V. Zhirinovsky, LDPR, political activity, ideology, socio-economic and political forecasting.

Я знал Владимира Вольфовича Жириновского лично, мы довольно часто встречались с ним — прежде всего в телевизионных эфирах. Как минимум, раз он участвовал в моей телепрограмме «Что делать?» на канале «Культура». Я пригласил его на разговор о Турции.

Могу свидетельствовать, что Жириновский был разным в разных аудиториях и при разных обстоятельствах. И его экспансивная и даже экспансионистская риторика в условиях, приближающихся, выражусь так, к академической дискуссии, исчезала. Он превращался во вполне корректного собеседника, с которым можно было спорить, не опасаясь его ругательных выпадов.

Но, конечно, в зале присутствуют люди, которые гораздо лучше меня знали его как человека.

Моё отношение к Жириновскому как к политической фигуре сильно изменилось со времён его первых появлений на публичной политической сцене. Изменилось от почти негативного к объективно позитивному. Не разбирая всю эту трансформацию, я постараюсь в своём выступлении описать те качества Жириновского как политического деятеля, которые и привели меня к этой объективно позитивной оценке.

Кстати, уже в первых своих публичных, абсолютно митинговых выступлениях — и это отмечали многие уже тогда, он говорил, во-первых, много правдивого и справедливого, во-вторых, такого, что другие, зная, что это правда, просто не решались, боялись произносить.

Итак, **первое**, что нужно отметить, это, конечно, глубокие знания Владимира Вольфовича практически во всём, о чём он говорил. Это касалось и многих аспектов международной политики, особенно в том, что касалось Востока, но и почти всех внутренних вопросов.

При этом Жириновский очень нетерпимо относился к тем, особенно если они решались вступать с ним в спор, кто, очевидно, слабо разбирался в том, о чём пытался рассуждать публично.

Второе. Знающих людей много, но тех, кто не боится публично говорить о том, что знает, очень и очень мало. Тут три главные причины: 1) страх перед начальством, 2) боязнь затронуть самые деликатные, но очень важные проблемы, из-за того, что об «этом не принято говорить», «это проблема не для публичного обсуждения». В целом такая позиция сейчас обычно именуется «политкорректностью», то есть современной формой цензуры. 3) Хотя чаще всего это примитивный страх публичного обсуждения действительно важных глубинных причин тех или иных проблем, а не их внешнего проявления, многие искренне считают, что откровенное обсуждение некоторых «деликатных» вопросов способно «спровоцировать в обществе» что-то нехорошее, деструктивное.

Отчасти это так, но дело в том, что замалчивание этих «деликатных» вопросов, особенно если ты ничего вразумительного не делаешь, чтобы эти вопросы решить, рано или поздно приведёт к гораздо худшим для общества последствиям — к последствиям, буквально взрывающим это общество. Владимир Жириновский это понимал. Отсюда и многие его успешно сбывшиеся негативные прогнозы. И то, что он раньше других говорил то, что, по его мнению, было опаснее скрывать, чем «открывать».

К прогнозам Жириновского, от которых сейчас в восторге практически все, я ещё вернусь. А пока только отмечу, что он давно предсказал фактически все негативные последствия непродуманной миграционной политики, которые у нас до сих пор, причём на официальном уровне, скрываются. Не понимаю, в надежде на что.

В частности, он очень откровенно говорил, что завоз в Россию миллионов малообразованных молодых мужчин приведёт к всплеску сексуальных преступлений. Что и происходит.

Не помню, предупреждал ли он об опасности завоза мигрантов целыми семьями, что, как, видимо, кто-то решил, предотвратит рост сексуального терроризма, но уверен, что и эту опасность он прекрасно представлял.

Третье. Жириновский не боялся — из ложной деликатности — разоблачать не только неправильные, на его взгляд, идеи оппонентов, но и их реальные проступки, грехи, преступления по отношению к обществу. Лукавый тезис «Не надо переходить на личности!» его никогда не смущал. И справедливо. Ибо есть опасные идеи, а есть опасные политики, которые вредят обществу не столько своими идеями, сколько действиями.

Четвёртое. Я не знаю, насколько плотно общался Владимир Жириновский с так называемыми «простыми людьми», но для меня очевидно: при всех своих знаниях он прекрасно этих «простых людей» понимал и знал их реальные, а не кем-то от их имени декларируемые «идеи», «мысли», «нужды» и «желания».

Бесспорно, он был народным политиком, а если и популистом, то только в позитивном понимании этого термина. Ибо «populus» — это и есть народ.

Казалось бы, в этом популизме сильным соперником для Жириновского были современные коммунисты. Да, это так, но лишь отчасти. Потому что коммунизм — это всё-таки идеология, а Жириновский был вне идеологий — он был реалистом. Реализм его идеология.

Пятое. Впрочем, одной идеологической линии он всё-таки придерживался. Он был русским националистом и апологетом сильного Русского государства.

В чём здесь его отличие от других? В том, что именно как реалист он был русским националистом — по историческому факту создания Русского государства, то есть России, русским народом.

Шестое. Это как раз то, что, опять же, будучи политическим реалистом, он всегда выступал за сильную власть и за сильное государство.

Сейчас почти все согласились с тем, что мировой политикой правят не разные прекрасные идеи и теории, а сила. А когда-то об этом в нашей стране из видных политических фигур говорил почти один Жириновский.

Седьмое. Человек греховен. На этой «кочке» большевики подорвались. Но не в скучные 20–30 годы, а в «тучные» 70–80-е (до Горбачёва). Они считали, что «перекуют» грешников в людей «коммунистического будущего». Не получилось.

Жириновский всегда исходил из того, что человек грешен, и в этом одна из ипостасей его сути. Не перековывать нужно человека, а использовать его «грешность» во благо обществу, стране. В этом он, кстати, был ближе всего к «американским империалистам».

Прогностический дар Жириновского. Об этом — отдельно. В чём состоит, на мой взгляд, искусство прогноза (я этому, кстати, учу своих студентов)?

В трёх вещах — и все они присутствовали у Владимира Вольфовича. 1) необходимом максимуме (не минимуме) знаний; 2) знание исторических прецедентов: всё было и всё будет, как было; 3) интуиция. Всё это у него присутствовало. Но главное в прогнозе — не основывать его на желаемом, а исключительно на реально вырисовывающемся — пусть и неприятном. Это было у Жириновского и отсутствовало у большинства его оппонентов и критиков.

Пожалуй, только Эдуард Лимонов мог бы быть его соперником на данном поприще. Но Лимонов был гораздо менее известен, а популярен лишь в довольно узком круге своих сторонников.

Вот важный вопрос: А если бы Жириновский оказался при реальной власти общероссийского уровня? Как бы всё это изменилось? Ибо одно дело «говорить правду», а другое — проводить эту «правду», часто неприятную, пугающую или рискованную и уже совсем не популярную, когда она перестаёт быть только оценкой или лозунгом, в жизнь.

Но тут нужно отдельное большое выступление. Если кратко, он, скорее всего, сломался бы, как ломаются в этом пункте большинство. Ибо политика есть действительно искусство реального. Точнее даже — не искусство, а ремесло.

Есть, конечно, и то, в чём я с Жириновским не согласен. Например, с его постоянными и злыми инвективами по поводу тех же коммунистов и Советской власти. Или с предложением провести такую административную реформу, которая бы отменила институт национальных республик в составе Российской Федерации. Идея правильная, но практически нереализуемая. Ну и ещё некоторые дискуссионные вопросы есть в его наследии.

Завершаю своё выступление ответом на вопрос: а нужен ли был Владимир Жириновский в истории современной, отсчитывая от самого конца 80-х годов прошлого века, России? Пострадала ли бы эта история или выиграла, если бы его не было?

Мой ответ такой: да, был нужен. Да, не пострадала, а выиграла.

Почему? Об этом я и пытался рассказать. Кратко: своими многочисленными и шокировавшими многих выступлениями Владимир Жириновский отрезвлял текущий политический процесс и тех, кто находился у власти. Отрезвлял с помощью реализма и правды, выражаемых пусть и не действиями, но хотя бы словами. Большинство так называемых оппозиционных политиков на это неспособны.

РУССКИЙ МИР В МИРОВОМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В.Н. Лексин

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФИЦ «Информатика и управление» РАН

THE RUSSIAN WORLD IN THE GLOBAL CIVILIZATIONAL SPACE

V.N. Leksin

Doctor of Economics, Professor,
Chief Researcher at the Scientific Research Center "Informatics and Management" of the Russian Academy of Sciences

Аннотация. В статье уточнены понятия «русский мир» и «русская цивилизация». Показаны сущностные основания цивилизационной миссии России в мировом цивилизационном пространстве и несоответствие этой миссии уставным задачам президентского фонда «Русский мир». Изложены нормативные основания его функционирования и новейшие примеры его деятельности. Обсуждаются возможности использования идеологии и практической работы фонда «Русский мир» как «мягкой силы».

Ключевые слова: русский мир, русская цивилизация, фонд «Русский мир», «мягкая сила».

Abstract. The article clarifies the concepts of "Russian World" and "Russian Civilization". It shows the essential foundations of Russia's civilizational mission in the global civilizational space and the discrepancy between this mission and the statutory objectives of the Russian World Foundation. The article outlines the regulatory foundations of its functioning and provides recent examples of its activities. It discusses the possibilities of using the ideology and practical work of the Russian World Foundation as a "soft power".

Key words: Russian World, Russian civilization, Russian World Foundation, soft power.

Многозначность понятия «русский мир»

Обе составляющих словосочетания «русский мир» невероятно многозначны. Так, «мир» — это (1) всё, связанное с масштабом нашей планеты Земля («нигде в мире», «мировая премьера», «объехать весь мир», «первые в мире», «чемпион мира» и т.п.); (2) отдельная область жизни, явлений, предметов («мир животных, растений», «мир звуков», «внутренний мир человека»); (3) светские верующие, не монахи и не священники («миряне», чин «отпевания мирских человек»); (4) дореволюционная сельская община и её члены, орган крестьянского самоуправления во 2 половине XIX — начале XX веков («мир», «мирской сход»); (5) согласие, отсутствие вражды, ссоры, войны («заключить мир», «мирное население», «в семье мир»); (6) объединённое по каким-либо признакам человеческое общество, общественная среда, («античный мир», «научный мир»); (7) мировое цивилизационное пространство — сосуществование на нашей планете различных цивилизаций¹.

Тождественность понятий «русский мир» и «русская цивилизация» недавно отметил В.В. Аверьянов — философ, публицист и писатель, один из учредителей и заместитель председателя Изборского клуба: «Когда мы говорим о России как цивилизации... есть простой эквивалент, вполне удачный, вошедший в обиход в последнее время, — это «Русский мир»... Русский мир объединил огромное пространство, разнообразное, мозаичное. Но, несмотря на его многообразие, это пространство воспринимается и как целостность, как определенная гео-историческая ниша для одной цивилизации. Известная школа евразийцев в первой половине XX века показала, что это пространство имеет явные признаки целостности и свои внутрен-

¹ Ранее чаще всего называли египетскую, шумерскую, вавилонскую, ассирийскую, финикийскую, этрусскую, греческую, римскую, китайскую, индийскую, а также цивилизации майя и ацтеков, а в наше время — западную, китайскую, индийскую, исламскую, русскую и еврейскую.

ние закономерности развития. Как писал об этом Велимир Хлебников, Россия «сменой тундр, тайги, степей похожа на один божественно звучащий стих»².

Десять лет назад в монографии о судьбах цивилизаций и русском вопросе³ я писал о современной русской цивилизации как о реально существующем сообществе людей, объединенных близкими представлениями о ценностных основаниях их бытия и культуры (в том числе политической и хозяйственной), специфическим менталитетом, общим языком и латентно православной традицией, гигантскими возможностями саморазвития и крайне слабой устремлённостью к использованию этих возможностей. Я неоднократно писал и публично заявлял о том, что русская цивилизация — уникальный системообразующий компонент цивилизационного конгломерата России.

Миссия русского мира

Считается, что словосочетанию «русский мир» более тысячи лет: великий князь Киевский Изяслав I в XI веке в своем восхвалении папы Климента II написал: «С благодарностью тому верному рабу, который умножил талант своего господина — не только в Риме, но везде: и в Херсоне, и в Русском мире»⁴. В XIX в. и в наши дни понятие «русский мир» в большинстве случаев трансформируется в русскую идею всемирного блага; об этом прямо заявил Ф.М. Достоевский в его знаменитой «пушкинской» речи: «Назначение русского человека есть бесспорно... всемирное ... Мы будем первыми, кто возвестит миру, что мы хотим процветания своего не через подавление личности и чужих национальностей, а стремимся к нему через ... братское все-единение... Только Россия живет не ради себя, а ради идеи..., наша судьба это и судьба мира». Через полвека об этом же будет писать философ Вальтер Шубарт: «Англичанин ждет от ближнего выгоды, француз стремится вызвать у него симпатию, немец хочет им командовать, и только русский ... не пытается превратить ближнего в орудие. В этом суть русской идеи братства. Это и есть Евангелие будущего. Это — великая нравственная сила, направленная против латинских идей человека насилия и государства насилия. Русский все-человек как носитель нового солидаризма — единственный, кто способен избавить человечество от индивидуализма сверхчеловека и от коллективизма массового человека... Так он творит одновременно и новое понятие и новый идеал личности и свободы»⁵.

В начале февраля 2022 г. президент РФ В.В. Путин на церемонии вручения высших государственных наград говорил: «Миссия России в мире — укрепление, развитие русского мира и повышение его привлекательности как для самих россиян, так и для граждан других стран. Он такой многоликий — русский мир, огромный. Не мы его создавали. Наша миссия заключается в том, чтобы укреплять его, развивать и делать его привлекательным для наших граждан, для всего мира». И об этом же он заявил в ноябре 2024 г. в ходе своего выступления на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай»: «Мы не за свою свободу боремся, не за свои права, не только за свой суверенитет, а защищаем всеобщие права и свободы, возможность развития и существования абсолютного большинства государств. В этом в известной степени мы видим и миссию нашей страны». Не могу не процитировать моего друга В.Э. Багдасаряна — замечательного историка и убежденного патриота, предложившего поразительно точный образ-метафору «русского мира». Выступая в октябре 2024 г. в пресс-центре «Известия» на круглом столе «Цивилизация — Россия: историческая роль и образ будущего», он определил миссию «русского мира» как «русский ковчег»: «мы объединяем всех. Мы разные. У нас разные конфессии. У нас разные этносы. Но мы едины, как на ковчеге. А — вокруг «потоп». Это метафора русского катехона, удерживающего зло. Пока существует русское государство, зло не может восторжествовать. Россия, пройдя этот путь Голгофы, одержав победу

² Аверьянов В.В. Стратегическая прочность России // Государство. — 2026. — Вып. 4. — С. 26.

³ Лексин В.Н. Судьбы цивилизаций и русский вопрос. Опыт системной диагностики. — М.: Лепан, 2016. — С. 305.

⁴ Похвала свт. Клименту из «Чуда об отрочати» (древнерусский оригинал и русский перевод) // Patrologia slavica. — 2013. — Т. 2. — Р. 197.

⁵ Шубарт В. Европа и душа Востока. — М., 1997. — 448 с.

в схватке Армагеддона, устанавливает это счастье, воскрешение России. В этом отношении это счастье всего человечества»⁶.

Нельзя не упомянуть в связи этим и слова о «русском мире» Владимира Вольфовича Жириновского, к 80-летию которого приурочена наша конференция. Он первым заявил о «Русском мире» как проекте еще в 1993 г, когда возглавляемая им ЛДПР получила на выборах в Государственную думу четверть всех голосов. А в последующем говорил о «Русском мире в границах СССР», и о «Русском мире как объединении русского народа», о том, что «мы защищаем Русский мир», что «моя идеология — Русский мир» и даже отвечал на вопрос: «кто уничтожил Русский мир?».

Задачи фонда «Русский мир»

Фонд «Русский мир» был создан во исполнение Указа Президента РФ В.В. Путина «О создании фонда «Русский мир» от 21.06.2007 г. № 796 как некоммерческая организация, финансируемая за счет федерального бюджета и добровольных взносов. Фонд действует исключительно «в целях популяризации русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры, а также для поддержки программ изучения русского языка за рубежом». Деятельность этого фонда была предметом еще нескольких указов президента РФ (например, «О некоторых вопросах фонда «Русский мир» от 12 апреля 2021 года № 215, «О некоторых вопросах деятельности фонда «Русский мир» от 18 сентября 2023 года № 696, «О председателе наблюдательного совета фонда «Русский мир» от 30.05.2024 № 451 и др.), но целью по-прежнему оставались поддержка и продвижение русского языка в мире, укрепление его позиций как языка международного общения и ключевого инструмента (!,?) повышения значимости Российской Федерации в мировом гуманитарном пространстве. Учредителем фонда является МИД РФ, устав утвержден общим собранием учредителей этого фонда «Русский мир» (протокол от 06.08.2007 г. № 6/н), попечительским советом фонда утверждены некоторые изменения: (протоколы от 17.12.07 г. № 03, от 25.04.08 № 05, от 04.02.09 № 06, от 19.02.10 № 08, от 05.07.12 № 02/12, от 28.03.19 № 01/19) и наблюдательным советом фонда (протокол от 29.03.2022 г. №3/2022 г.).

18 сентября 2023 г. стало известно, что Вячеслав Никонов, занимавший пост руководителя фонда с момента его учреждения, покидает пост председателя правления фонда «Русский мир», а его место займёт сотрудник МИД РФ Александр Алимов. В настоящее время исполнительным директором фонда «Русский мир» является Татьяна Вениаминовна Шлычкова — заместитель директора Департамента по многостороннему гуманитарному сотрудничеству и культурным связям МИД РФ, специальный координатор МИД РФ по вопросам реализации госпрограммы по русскому языку. По данным на 2022 г. фонд поддерживал сеть из 104 центров в 52 странах и 128 кабинетов в 57 странах.

Недавно распределение средств фонда «Русский мир» стало проводиться на конкурсной грантовой основе. Гранты выделяются безвозмездно на реализацию проектов по поддержке и продвижению русского языка в мире, укреплению его позиций как языка международного общения и ключевого инструмента повышения значимости Российской Федерации в мировом гуманитарном пространстве. Фонд «Русский мир» предоставляет гранты до 10 миллионов рублей по направлениям образования, культуры, социальной поддержки и укрепления российской идентичности. Первый этап приема заявок запланирован с 15 августа по 15 сентября 2026 года. Второй этап пройдет с 15 декабря 2026 года по 15 января 2027 года. Финансирование доступно для проектов, направленных на развитие образования, продвижение культуры, оказание социальной помощи и поддержку российской самобытности. Перечень предложенных тематических направлений четко характеризует актуальные приоритеты деятельности фонда по двум направлениям: (1) Проекты, ориентированные на продвижение русского языка и программ его изучения за рубежом: организация обучения русскому языку, в том числе как

⁶ Катэхόν (от *греч.* «удерживающий») — исторический субъект, как правило, то или иное государство, имеющий миссию препятствовать окончательному торжеству зла в истории, приходу антихриста и отдалить конец света.

иностранному, и русской литературе; повышение квалификации и переподготовка преподавателей русского языка и литературы зарубежных школ, университетов и других образовательных организаций и учреждений; разработка учебно-методических комплексов и пособий, учебников, иных изданий в помощь иностранным гражданам, изучающим русский язык, и преподавателям русского языка и литературы; разработка мультимедийных образовательных ресурсов и систем дистанционного обучения русскому языку и русской литературе; проведение форумов, конференций, круглых столов, семинаров, фестивалей, дней русского языка и иных мероприятий, направленных на популяризацию русского языка и литературы на русском языке; проведение научных исследований в сфере русского языка и русской литературы; организация и проведение олимпиад и конкурсов по русскому языку и русской литературе; популяризация русского языка и литературы на русском языке в печатных и электронных средствах массовой информации и в социальных сетях; поддержка программ обмена учащимися и студентами между зарубежными и российскими школами, образовательными организациями и учреждениями; проведение летних и зимних школ, языковых лагерей за рубежом и на территории России для иностранных граждан, изучающих русский язык; методическая и иная поддержка русских школ за рубежом и (2) Проекты культурно-гуманитарной направленности, запланированные к реализации за рубежом: проведение научно-просветительских мероприятий, посвященных России, отечественной науке и истории, сохранению памяти о значимых событиях и выдающихся представителях русской литературы, культуры и истории России; проведение культурно-выставочных мероприятий, посвященных России и отечественной культуре, способствующих росту интереса к России и русскому языку; создание и продвижение научно-популярной, учебной, учебно-методической и справочной литературы о России, российской культуре, русском языке, а также продвижение художественной литературы на русском языке; создание и продвижение аудиовизуального контента о России, российской культуре, русском языке, Русском мире и его выдающихся представителях; поддержка и продвижение русскоязычных печатных и электронных информационных ресурсов, сохранение российского культурно-исторического наследия и проведение мероприятий, направленных на развитие научных культурных и образовательных связей с зарубежными и международными организациями. Это — повторю, может рассматриваться как предметный перечень уставной деятельности фонда «Русский мир».

Несколько примеров

Силами фонда только в марте этого года прошли десятки мероприятий, опять же языковой направленности. Среди них лекция в Ошском государственном университете о «Школе молодого переводчика» и презентация выставки, посвящённой Михаилу Булгакову, в Бендерском политехническом институте состоялся Республиканский научно-методический семинар «Инновационные подходы в образовании», в Тирасполе в Русском центре Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко состоялся просмотр короткометражных документальных фильмов российского общества «Знание» и литературная встреча к Всемирному дню поэзии под названием «В начале было слово», в рамках Года единства народов России в Генеральном консульстве Российской Федерации в Стамбуле прошел концерт этно-музыкального ансамбля «Кадим Альмет» с программой «Ваши любимые песни», В Русском центре Приднестровского государственного университета подвели итоги конкурса «Народные традиции моей семьи», в Научно-информационном библиотечном центре Рыбницкого филиала ПГУ им. Т.Г. Шевченко при поддержке Кабинета Русского мира состоялся литературный час, приуроченный к Всемирному дню поэзии, в преддверии Всемирного дня поэзии, студенты-русисты Хошиминского государственного педагогического университета провели конференцию о русской поэзии и о творчестве русских поэтов, русский культурный центр в Стамбуле в преддверии 12 апреля 2026 года, когда будет отмечаться 65-летие первого полёта человека в космос, провел конкурс рассказов «Юрий Гагарин — человек-легенда», русский язык снова стал учебным предметом в школах Кубы, состоялся онлайн-форум «Наши в БРИКС», в котором приняли участие 70 человек из 27 стран мира: России, Индии, Бразилии, ЮАР, Египта, Эфиопии, Туниса, Парагвая, Швеции, Франции, Южной Кореи, Малайзии и других. Выступаю-

щие делились своим опытом продвижения русского языка и культуры в странах проживания. И все это, повторю, — события одного месяца — марта 2026 г.

Фонд «Русский мир» с ноября 2007 года издает журнал «Русский мир.RU», предназначенный, как сказано на сайте журнала, тем, кто интересуется русским языком и русской культурой. С 2026 г. журнал в бумажном виде будет выходить один раз в квартал, и со статьями, опубликованными в марте 2026 года, можно ознакомиться на его сайте. Публикации журнала «Русский мир.RU» рассчитаны на российского читателя: они интересны, хорошо иллюстрированы и, как правило, рассказывают о тех, кто этого заслуживает. Так, в мартовском номере за этот год помещены такие статьи, как например, «В одиночку по тропе» об уральской путешественнице Оксане Лыткиной, которая за 4 месяца прошла 2300 (!) километров и стала первой, кто полностью преодолел Большую Уральскую тропу — уникальный маршрут, соединяющий пять регионов нашей страны, который всего несколько лет назад появился на туристической карте России. Публикация «Открытка с Русского Севера» — о проведенном при поддержке фонда «Русский мир» Международном конкурсе архитектурной и объектной фотографии регионов Севера России, в статье «Равновесие земного и небесного» женщина-птица с копной огненных волос загадочно улыбается, большая рыба плывет сквозь розовые водоросли, рыжая птица в зарослях чем-то неуловимо похожа на хитрую лису, а в миниатюре сквозь стихийные белые разводы проступают мощные буквы. В публикации «Право голоса» говорится о проводимой семь лет в Москве «без особой шумихи» выставке «Искусство труда», на полотнах которой литейщики и конструкторы, химики и пекари, шахтеры и токари⁷. Статья «Возвращение обэриутов» — о первом и пока единственном «Музее ОБЭРИУ», открывшемся в конце 2025 года в Петербурге в квартире, где в 1914–1936 годах жил один из самых ярких участников этой литературной группы — поэт Александр Введенский. Замечательны публикации о таких знаковых событиях «Русского мира», как выигранное в 1103 г. русскими князьями сражение между войсками Киевской Руси и половцами на реке Сутени, об одном из первых «Колумбов русских», прорубавших во льдах путь на восток, русском мореплавателе адмирале Василии Яковлевиче Чичагове, о поэтическом подвиге Мусы Джалиля, о том, как в рамках проекта «Восходящие звезды» молодые российские музыканты продолжают покорять сердца зрителей по всему миру, о том, как историческая генетика позволила установить подлинный облик скифов и древних славян. Все это хорошо, но, как говорится в рефренах стихотворения «Вот и лето прошло» замечательного русского поэта Арсения Тарковского «только этого мало», поскольку ни в зарубежных мероприятиях фонда «Русский мир», ни в интереснейших статьях его журнала, не прозвучала тема ни миссии России, ни ее всемирно исторического предназначения.

Фонд «Русский мир» как «мягкая сила»

Сейчас, говоря о «Русском мире», традиционно упоминают «мягкую силу». Ею для продвижения своей идеологии и своих национальных интересов пользуются различные государства, но результатов достигают лишь те, у кого кроме языковой культуры (предмет фонда «Русский мир») есть реальная сила экономики и военного потенциала. Грань между «мягкой силой» и другими способами воздействия на поддающихся ему народов и государств весьма зыбка: что, например, завоевавшее весь мир («Бог создал мир, всё остальное сделано в Китае») *made in China* — проявление «мягкой силы» или конкурентной войны? И столь же разнообразны результаты действия «мягкой силы»; чего добивается фонд «Русский мир», пытаясь распространить русский язык и русскую культуру? И — какую — классику всех видов искусства дореволюционной и советской России? Но она уже давно живет за рубежом собственной жизнью и не нуждается в поддержке со стороны ее родины, все более уступающей «мягкой силе» совре-

⁷ Выставка проходила с 16 января по 15 февраля 2026 г. и была финальной экспозицией всероссийского фестиваля «Время, вперед!». В 170 экспонатах, распределенных по разделам: «Традиции», «Преобразование», «Ритм» и «Перспективы», были представлены замечательные образцы живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства и инсталляции авторов со всей страны (в том числе А.А. Дейнеки, Г.М. Коржева, А.Н. Самохвалова, В.Е. Попкова, Ю.И. Пименова), причем большинство художников создавали работы «с натуры» на действующих производствах «индустриальные пленеры».

менной культуры Запада. Любопытны и поучительны воззрения на эти вопросы родившегося и живущего в Узбекистане русскоязычного писателя Владимира Фетисова. В связи с выходом в Ташкенте его книги «Дуэль на Крыше мира. Эпизоды «Большой игры» в уже упоминавшемся журнале «Русский мир» (март 2026 г.) было опубликовано большое интервью с писателем.

Владимир Фетисов напомнил, что впервые словосочетание «Большая игра» использовал в 1840 году в профессиональной переписке британский разведчик Артур Конолли, а в обиход термин вошел благодаря роману Редьярда Киплинга «Ким». Автор, прекрасно знающий настроения молодежи на постсоветском пространстве, справедливо замечает, что она изучает историю и геополитику по трудам западных ученых, по «Большой игре» Питера Хопкирка⁸, по концепции «Хартленда» Хэлфорда Маккиндера, по работам Генри Киссинджера и Збигнева Бжезинского, и что русский язык уходит: «ведь раньше на русском языке в республиках Средней Азии говорили почти все. Этому способствовали два фактора. Первый — политика СССР, сделавшая стандартом обучение на русском языке. Второй фактор — культурное пространство, кино, телевидение, СМИ — лучший контент, как сейчас говорят, был на русском языке. Сегодня ни первого, ни второго фактора нет». Добавлю к этому конкретный пример: президент Казахстана еще в 2017 г. поручил начать переход с кириллицы на латиницу.

«Когда я работал с источниками в Национальном архиве Узбекистана и в Библиотеке имени Алишера Навои, — продолжал В.Фетисов, — то поразился одному термину в циркулярах, официальной переписке, документах Туркестанского генерал-губернаторства часто отмечается: «Нет, так делать не надо, это снизит обаяние русской власти». Или: «В этом сила обаяния русской власти». Это, кстати, оценка создания сети кочующих лечебниц для бедных — будущих стационарных больниц. То есть речь идет о важном критерии и ценностной установке присутствия Российской империи. Сегодня термин «обаяние русской власти» я бы заменил на «обаяние Русского мира». Лично для меня обаяние ценностей Русского мира — это сильное, экономически мощное и технологически продвинутое государство Россия». Ис с этим нельзя не согласиться.

К сожалению, место русского мира в мировом цивилизационном пространстве становится все незаметнее, а его судьба в вожделенном многополярном мире — абсолютно неясной. Цивилизации страдают не из-за силы нападающих, а из-за собственной слабости, и это в равной степени относится и к цивилизации Запада, и к нашей русской. И дело не в недостаточности нашего военно-оборонного комплекса (он функционирует более чем успешно) и не в провалах российской экономической политики (она в кратчайший срок научилась преодолевать санкционные ограничения), а в скептическом отношении многих русских людей к складывающемуся столетиями защитному поясу русских цивилизационных ценностей, в небрежении ими языком русской цивилизации, в их безразличии к агрессии иноцивилизационных экспансий, в легкомысленной их неразборчивости по отношению к иноцивилизационным заимствованиям, в их стыдливости по отношению к собственной национальной ментальности и в оскорбительном равнодушии к чуду русской православности. В этом можно винить кого угодно — «тлетворное влияние Запада», «антинациональную (по отношению к русским) политику Кремля», «пятую колонну», «гибельность проводимых реформ», «развращающее влияние собственных СМИ (прежде всего телевидения)» — этими и подобными клише переполнены все более или менее оппозиционные газеты, журналы, сайты и т.п., но будем честными — дело в нас самих, в нашем равнодушии к судьбе собственной цивилизации, в нашем пристрастии всего, что нам (и нашим детям с нашего согласия) предлагают телевидение, радио, Интернет и развлекательные концертные программы. Проблема в том, что мы в большинстве своём «отказники» от своих цивилизационных ценностей. Будущее русского мира зависит только от нас самих.

⁸ Хопкирк П. Большая игра. — М.: АСТ, 2023. — 672 с. Автор описывает двухвековое (от эпохи Петра I до Николая II) противостояние между Англией и Россией в Центральной Азии и анализирует их геополитические цели на этой огромной территории, масштабные исторические события, острейшую явную (и тайную) борьбу за территории, влияние и рынки. Обстоятельно представляет историю проникновения русских в Среднюю Азию и последовательного покорения владений эмиров и ханов — Ташкента, Самарканда, Бухары, Хивы, Коканда, Геок-Тепе, Мерва, а также удивительные и драматические приключения выдающихся участников Большой игры.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ И МИРОВОГО ПОРЯДКА — ДВИЖЕНИЕ В БЕСПОЛЯРНЫЙ БЕСПОРЯДОК?

В.И. Винокуров

доктор исторических наук, профессор,
почётный профессор Дипломатической академии МИД РФ,
руководитель Центра военно-дипломатического анализа и оценок
vin46@mail.ru

TRANSFORMATION OF THE INTERNATIONAL SYSTEM AND WORLD ORDER — MOVE TO THE NON-POLAR DISORDER?

V.I. Vinokurov

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Honorary Professor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Head of the Center for Military-Diplomatic Analysis and Assessments
vin46@mail.ru

Аннотация. В настоящее время глобальная международная система испытывает глубокие потрясения, связанные с трансформацией своей структуры и меняющимся взаимодействием со средой. В предлагаемой статье дается краткий анализ последствий трансформации мирового порядка и предсказывается возможность перерастания однополярного мира в бесполярный беспорядок. По прогнозам международных обозревателей бесполярность будет существовать неопределённое время до прочного утверждения многополярного мирового порядка с такими его атрибутами, как равноправие и справедливость. Таким образом бесполярный мир станет промежуточным пунктом на пути транзита однополярного мира в многополярный. Задача мирового большинства, которое проявляет наибольшую заинтересованность в многополярном мироустройстве, заключается в том, чтобы совместными усилиями сократить продолжительность этой трансформации.

Ключевые слова: международная система, международный порядок, мировой порядок, мироустройство, равновесие сил, баланс интересов, бесполярный беспорядок, многополярный мировой порядок.

Abstract. Currently, the global international system is experiencing profound upheavals related to the transformation of its structure and the changing interaction with its environment. This article provides a brief analysis of the consequences of the transformation of the world order and predicts the possibility of the unipolar world transitioning into a bipolar disorder. According to international observers, bipolarity will persist for an indefinite period until the establishment of a stable multipolar world order with its attributes of equality and justice. Thus, the bipolar world will serve as an intermediate stage in the transition from the unipolar to the multipolar world. The task of the global majority, which is most interested in a multipolar world order, is to work together to shorten the duration of this transformation.

Key words: international system, international order, world order, world structure, balance of power, balance of interests, bipolar disorder, and multipolar world order.

Понятия «международная система» и «мировой порядок»
как фундамент состояния международной среды

В науке о международных отношениях существует полное согласие относительно того, что современный международный порядок и современная система международных отношений берут свое начало после окончания Тридцатилетней войны (1618–1648) и заключения Вестфальского мирного договора (1648). Однако до сих пор отсутствует общепринятое понимание таких понятий, как «международная система» и «система международных отношений», с одной стороны, и «международный порядок» и «мировой порядок» — с другой. А то, по которому имеется достаточно высокая степень согласия, часто является слишком узким или оформлено

в виде одних и тех же или похожих толкований. Из этого вытекает другое ошибочное представление о том, что в настоящее время мы являемся свидетелями трансформации международной системы и/или системы международных отношений, в то время как в первую очередь меняется международный и/или мировой порядок. Имеется много вопросов по поводу и того, что ждет мировое сообщество в результате этой трансформации.

Понятия международной системы и системы международных отношений используются очень часто. Один из основателей историко-социологического подхода к изучению международных отношений Р. Арон называет международной системой «совокупность политических образований, поддерживающих между собой постоянные отношения и могущих быть вовлеченными в широкомасштабную войну... Политическая система определяется организацией, взаимосвязями составляющих, взаимодействием элементов, механизмами управления» [11].

В целом идея системности в международных отношениях исходит из того, что государства стремятся существовать и признавать правомерность интересов друг друга, чтобы гарантировать стабильность международных отношений. Причины возникновения системности в международных отношениях заключаются в наличии комплекса устойчивых целей и интересов акторов, необходимости стабильности и предсказуемости долговременных взаимоотношений между государствами, а также в наличии правовой регламентации международных отношений.

В зависимости от исторической эпохи, на протяжении которой сформировалась и функционировала международная система, выделяют четыре типа ее структурной организации: Вестфальская система (1648–1789 гг.) — система классического «европейского равновесия», Венская (1814–1914 гг.) — система «европейского концерта», Версальско-Вашингтонская (1919–1939 гг.) с главным завоеванием — Лигой Наций и Ялтинско-Потсдамская система (1945–1991 гг.), венцом которой является создание Организации Объединенных Наций.

Таким образом, систему международных отношений можно характеризовать как состояние международной системы на том или ином этапе общественного развития, то есть как историческую категорию.

Под международным порядком подразумевается порядок, складывающийся между всеми странами мира, совокупность которых условно именуется международным сообществом. Международный порядок призван обеспечить основные потребности государств и других институтов создавать и поддерживать условия их существования, безопасности и развития. Международный порядок — это совокупность правил и норм политических, экономических, военно-политических, правовых, и других отношений между различными международными акторами в определенный исторический промежуток времени.

В отличие от международного порядка, мировой порядок — это понятие, которое характеризует содержание отношений между доминирующими субъектами международных отношений, то есть великими державами (иногда их называют несущими конструкциями системы международных отношений).

Под мировым порядком, таким образом, понимается устройство системы, принципы и нормы, управляющие системой, а также внешнеполитическое поведение доминирующих государств. Термин «мировой порядок» характеризуется соотношением потенциала ведущих участников, их общими ценностями, устойчивыми моделями взаимного поведения. Чаще принято говорить об этой группе как о странах либеральной демократии.

Таким образом, под мировым порядком понимается такое устройство системы международных отношений, в котором действуют принципы, нормы и внешнеполитическое поведение ведущих держав.

Мировой порядок, следовательно, не имеет в современном мире всеобщего характера, по охвату он уже, чем порядок международный. Хотя, вероятно, мировой порядок выражает перспективную тенденцию развития, которая характеризуется распространением, экспансией мирового порядка в масштабах планеты. Теоретически уместно говорить о возможности разрастания мирового порядка до масштабов международного.

Теории международных отношений известны три типа мирового порядка (мироустройства): однополярный, биполярный и многополярный (мультиполярный, многополюсный).

Современные международные отношения характеризуются большой сложностью, турбулентностью и непредсказуемостью. В связи с развалом СССР на рубеже веков родились кон-

цепции, которые стали хоронить Вестфальскую систему международных отношений, доказывая неизбежность ослабления и постепенного отмирания государств. Так, например, Г. Киссинджер в вышедшей в 2014 году книге «Мировой порядок» пишет, что основные принципы Вестфальской формации, в том числе и невмешательство во внутренние дела, являются безнравственными и устаревшими. То есть США все это время добивались того, чтобы заложить в основу миропорядка свои универсальные ценности [4].

Однако исторические факты и события последнего времени красноречиво свидетельствуют о том, что США не справляются с ролью единственного полюса действующего мирового порядка. Сегодня Соединенные Штаты и их союзники не в состоянии, в частности, обеспечить равновесие сил на Ближнем Востоке — ни своими войсками, ни поддержкой группировок, которые пытаются захватить власть и зачастую сотрудничают с террористами.

На этом фоне формального регулирования силами ООН действует неформальный (по типу принятия решений) механизм, ядром которого являются, по крайней мере, семь государств (так называемая G-7). Члены «семерки» фактически остаются более влиятельными отчасти благодаря принадлежности шести из них блоку НАТО (кроме Японии), который в отдельных случаях способен выступать инструментом защиты интересов этих стран при помощи силы. К началу 2000-х годов полуформальная коалиция семи членов «семерки» с блоком НАТО по практическому воздействию на мировую политику стала вровень с ООН. Между этими двумя ветвями миро-политического регулирования — формальной (ООН) и неформальной (члены G-7 и НАТО, мировой порядок с их участием называют «однополярный+») развернулась настоящая конкуренция, в результате которой мир вообще стал неуправляем [2].

Сегодня, как никогда, актуальны слова того же Г. Киссинджера об уязвимости всемогущей страны, о проблемах нового порядка, в котором Америка не сможет господствовать над миром: «Она не должна ставить под угрозу собственное величие, питая иллюзии относительно пределов своих возможностей. Мировое лидерство есть неотъемлемая часть могущества и моральных ценностей Америки, но оно не включает в себя привилегию делать вид, будто Америка оказывает любезность другим нациям, вступая с ними в союз, или обладает неограниченной возможностью навязать им свою волю, лишая их благосклонности» [4].

Таким образом, эпоха однополярности заканчивается. Куда же движется мировое сообщество?

Рис. 1. Характеристика переживаемого периода

Сегодня мир переживает «начало очень опасного, турбулентного периода, который будет означать финал эпохи, сложившейся после Второй мировой войны» [9], — так прозвучало знаковое высказывание советника бывшего президента США Джо Байдена по нацбезопасности Джейка Салливана.

Само это высказывание означает одновременно и признание в том, что Вашингтон не способен поддерживать существовавший когда-то «американоцентричный» порядок и начинает отказываться от планов его реанимации. А также еще нечто более важное — то, что сами американцы называют «порядком», на самом деле им не являлось.

А вот что говорится по этому поводу в недавнем выпуске *Atlantic*: «США превратились в сверхдержаву-изгоя из-за войны с Ираном. Военная операция против Ирана привела к тому, что США оказались в положении «сверхдержавы-изгоя» [1]. По оценке издания, действия Вашингтона усилили разрыв с бывшими союзниками, одновременно укрепив позиции России и Китая, а также ускорив глобальную политическую и экономическую нестабильность.

Реагируя на последние события, связанные с событиями вокруг Ирана, министр иностранных дел России Сергей Викторович Лавров подчеркнул: «фактически складывается ситуация, когда Запад со своими неумными гегемонистскими амбициями вступил, как говорится, в клинч со стремлением мирового большинства к преодолению существующих вызовов на основе равенства, справедливости, или, иными словами, на основе принципов Устава ООН, согласованных по итогам Второй мировой войны» [7].

Таким образом ныне мы наблюдаем следующие основные **признаки трансформации международной системы**:

- 1) существенные различия отдельных государств по отношению к основным принципам системы;
- 2) неспособность США и их ближайших союзников справляться с ролью единственного полюса действующего мирового порядка;
- 3) вступление мира в полосу неуверенности и возросших рисков, хаотизация мировой политики и новые подходы к её регуляции;
- 4) отсутствие компенсаторного вертикального механизма и снижение в связи с этим управляемости международных отношений.

Каковыми выглядят **контуры новой системы**?

- геополитический центр тяжести переместится на Восток;
- главная роль в структурировании системы будет принадлежать крупнейшим государствам и международным правительственным организациям (МПО);
- за право войти в ядро системы соревнуются 10–15 государств;
- произойдёт активное перемещение государств из периферии в центр и наоборот;
- будет иметь место перераспределение удельного веса между различными центрами влияния;
- главная интрига происходящих в международной системе изменений заключается в будущем характере отношений между развитым и развивающийся мирами («центром» и «периферией»).

Претенденты на полюса в будущем мироустройстве:

- в формирующемся многополярном мире на роль будущих полюсов (центров) претендуют как большие влиятельные государства (Россия, Китай, Индия, Турция, Иран и др.), так и межправительственные организации (ШОС, БРИКС, ЕАЭС, АСЕАН, МЕРКОСУР, ССАГПЗ и др.);
- в модели многополярного мира центры принятия глобальных решений могут формироваться также не на базе отдельных стран, а внутри цивилизаций — коллективных общностей, объединённых причастностью к одинаковой духовной, исторической, культурной, ментальной и символической традиции (например, исламская, китайская, индуистская, латиноамериканская, формирующаяся африканская и иные цивилизации).

К **характерным особенностям новой международной системы и мирового порядка** следует отнести:

- 1) трансформацию политической карты мира;
- 2) рост корреляции внутренней и внешней политики;

- 3) кризис морального сознания и правосознания;
- 4) рост потребности народов в самоидентификации;
- 5) изменение ценностной значимости свободы и безопасности в пользу последней.

В результате происходящих тектонических сдвигов в международной системе возникают следующие потенциальные **варианты нового мирового порядка**:

- 1) новая биполярность / «триполярье»;
- 2) многополярность на основе полицентризма;
- 3) «конец истории» (по Фукуяме) как не оправдавшее себя и в итоге провалившийся философский сценарий, в соответствии с которым история человечества с какого-то момента замедлится или закончится, поскольку будет реализована идея распространения в мире либеральной демократии западного образца как конечной точки социокультурной эволюции человечества и формирования окончательной формы государственного устройства;
- 4) «мир-система» (по Валлерстайну) — подход, который рассматривает эволюцию систем обществ, а не отдельных социумов. В этом он схож с цивилизационным, но идёт несколько дальше, исследуя не только эволюцию социальных систем, охватывающих одну цивилизацию, но и такие системы, которые охватывают более одной цивилизации или даже все известные цивилизации;
- 5) «новый мировой беспорядок» («бесполярный беспорядок»).

Так что же ждёт нас:
бесполярный беспорядок или многополярный мир?

Бывший советник Барака Обамы, бывший президент Совета по международным отношениям Ричард Хаас видит будущий мир без государств, называя его бесполярным миром: «Система мирового правительства должна быть создана, а суверенитет упразднен... Нации должны быть подготовлены к сдаче суверенитета мировым структурам... Это уже происходит в торговой сфере». И далее: «Момент однополярности» в политике США закончился. Международные отношения в XXI веке определит ситуация бесполярности. Сила скорее окажется размытой, чем сконцентрированной, а значение национальных государств будет снижаться по мере укрепления негосударственных акторов. Но это ничем не угрожает Соединенным Штатам. В условиях переходного периода Вашингтон по-прежнему способен удерживать в своих руках курс на более безопасный мир» [8].

Движение в бесполярность стало возможным как неизбежное следствие происходящих ныне процессов деглобализации. Эти процессы закрепляют бесполярность и придают ей все большее распространение, неся с собой в основном негативные последствия для большинства государств, в том числе для России.

Другим катализатором установления бесполярного беспорядка является большое количество акторов международных отношений, которые обладают значительной силой и пытаются оказывать своё влияние, а также сложности с организацией коллективных действий в условиях снижения активности ООН и её специализированных международных организаций [3].

При этом в период бесполярности будут доминировать не одно, два или даже несколько государств, а десятки акторов, способных оказывать различное влияние на положение дел в мире, то есть на мировой порядок. Новая ситуация коренным образом отличается от той, что была в прошлом, и представляет собой принципиальное изменение расстановки сил.

Но в отличие от многополярности, которая подразумевает несколько четко выраженных полюсов или центров средоточия силы, бесполярность характеризуется наличием многочисленных центров, обладающих значительной мощностью.

Однако даже при том, что наступление эпохи бесполярности неизбежно, характер этой системы не предопределен. Перефразируя слова теоретика международных отношений Х. Булла, можно прийти к выводу, что глобальная политика в любой точке земного шара — это смесь анархии и организации. Более того, анархия признается ведущей силой развития международных отношений. «Анархия» трактуется как отсутствие мирового правительства, единой верховной власти при взаимодействии государств [12]. Вопрос только в том, каково соотноше-

ние этих составляющих и какова тенденция. Многое можно и нужно сделать для того, чтобы сформировать структуру бесполярного мира. Порядок не возникнет сам по себе. Напротив, бесполярный мир, если пустить все на самотек, со временем станет более хаотичным. Энтропия учит, что системы, состоящие из большого числа акторов, при отсутствии внешнего вмешательства тяготеют к большей случайности и беспорядку.

Бесполярная система осложняет дипломатическую деятельность. Дело не только в том, что в бесполярном мире больше акторов. В нем не хватает предсказуемых фиксированных структур и правил отношений, которые характерны для однополярной, биполярной и многополярной структур. Так, во многом утратят свое значение союзы хотя бы потому, что для них требуются предсказуемые угрозы, четкие прогнозы и обязательства, а всего этого не хватает в бесполярном мире. Отношения будут иметь более избирательный характер и строиться в зависимости от ситуации. Станет труднее определять другие страны либо как союзников, либо как противников: по некоторым вопросам они станут сотрудничать с нами, а по другим — выступать против. На первый план выйдут консультации и создание коалиций, а также дипломатия, которая, когда возможно, поощряет взаимодействие и защищает его от последствий неизбежных разногласий.

Бесполярная система будет трудной и опасной. Но содействие более высокой степени глобальной интеграции поможет достижению стабильности. Создание центральной группы, состоящей из правительств и других акторов, приверженных мультилатерализму, стало бы значительным шагом вперед. Назовем это «согласованной бесполярностью». Такая модель не покончит с бесполярностью, но поможет управлять ею и повысит шансы того, что международная система не будет деградировать и не распадется.

Данный сценарий категорически не устраивает Москву, но, к сожалению, становится неизбежным на пути длительного транзита мирового порядка к новому международному порядку, который Россия видит как равноправные отношения, основанные на справедливости.

Такой сценарий развития международной системы предполагает, что мир в ближайшие годы продолжит находиться в некоем промежуточном состоянии — положении, когда прежний однополярный мир окончательно умер, а новый пока не может родиться по причине разного подхода сторон к его параметрам.

Также предполагается, что этот период будет характеризоваться еще большим хаосом, когда страны не будут обращать внимания на бывшего гегемона. Это мы ярко видим сегодня на примере Украины, Ближнего и Среднего Востока, где США и Израиль развязали полномасштабную войну против Ирана. Это и есть начало очень опасного, турбулентного периода, который будет означать финал эпохи, сложившейся после Второй мировой войны.

И последнее: на определенном этапе формирования многополярного мирового порядка может возникнуть его конфигурация в формате «мир на троих», когда:

- в российскую сферу влияния может войти вся Европа, а также Турция и страны Закавказья;
- Китай получит Юго-Восточную Азию, Японию, Индию и Пакистан;
- что касается США, то Вашингтон будет контролировать всю Северную Америку и Гренландию;
- регионы Средней Азии, Ближнего Востока, Африки, Южной Америки и Австралии не были отнесены ни к одной из этих держав [5] (рис. 2).

Но в итоге трансформация международной системы завершится формированием многополярного мира со всеми его атрибутами равноправия и справедливости, с многоуровневой, многовекторной и мобильной международной и двусторонней системой, где на передний план выдвигаются различные проблемы, особенно в политической сфере, которые требуют применения многосторонней дипломатии и создания новых сетевых международных институтов.

Заключение

По результатам сказанного выше можно сделать следующие выводы. Характер международных отношений менялся исторически — от государственно-центричной системы международных отношений середины XVII века через «равновесие сил» первой половины XIX сто-

летия, «баланс сил» второй половины XX-го и «баланс интересов» первой четверти XXI века к последующей «общности интересов», без которой, похоже, невозможно представить себе будущее.

В XXI веке международные отношения подвергаются мощной трансформации, которая меняет характер, структуру и сущность международного/мирового порядка и, как следствие, — системы международных отношений и международной системы в целом. Структура международных отношений обогатилась новыми субъектами, оспаривающими властные полномочия и влияние у традиционных — государств и межправительственных организаций. Соответственно, и сущность международных отношений претерпела значительные воздействия. Государства, стремившиеся максимально реализовать свои интересы на основе принципа суверенитета, ныне стремятся войти в мир-экономику и мир-политику.

Рис. 2. Карта директора РФПИ К. Дмитриева

Источник: <https://podolyaka.ru/glava-rfpi-kirill-dmitriev/>

Развитие цивилизации выносит на повестку дня все новые и все более сложные проблемы. В какой мере их удастся решить, какова будет цена снятия противоречий, сейчас сказать трудно, но ясно, что становление новой модели международных отношений будет проходить весьма болезненно и с большими издержками. В то же время накопленный к настоящему моменту опыт решения самых разнообразных и не менее сложных, чем сегодня, проблем позволяет надеяться, что в конечном итоге стремление создать благоприятную внешнюю среду для развития государств, рост их взаимозависимости перевесит все негативные факторы и приведет к формированию более совершенной, по сравнению с предшествовавшими, модели международных отношений.

России и всему миропорядку предстоит пережить эпоху турбулентности, сложное и нестабильное время, существенно отличающееся от реалий прошедшего XX столетия. В мире формируются новые факторы критичности. В этих условиях надежными якорями стабильности для нашей страны были и останутся единство многонационального народа, Вооруженные силы и национальная экономика, которая должна соответствовать статусу России как великой державы.

Список литературы

1. Аблесимов А. The Atlantic: США стали сверхдержавой-изгоем из-за войны с Ираном. 2026. — 31 марта. — URL: <https://dzen.ru/a/acwlRw2DMQBBDHZL>.

2. *Богатуров А.Д.* Современный международный порядок // Международные процессы. — 2004. — Т. 2. — № 3(6), сентябрь-декабрь. — <http://www.intertrends.ru/one/001.htm>; *Богатуров А.Д.* Системный подход и эволюция международных отношений в XX веке // *Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А.* Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. — М., 2002.
3. *Винокуров В.И.* Трансформация международной системы и мирового порядка — движение в беспоплярный беспорядок? // Дипломатическая служба. — 2019. — № 3. — С. 20–25; *Винокуров В.И.* От однополярного к многополярному миру: теоретическое обоснование неизбежности трансформации мирового порядка // Дипломатическая служба. — 2023. — № 1. — С. 43–52.
4. *Киссинджер Г.* Мировой порядок. — 2015.
5. *Комарин С.* Мир на троих: аналитики предсказали глобальный передел // Военное дело. — 2026. — 13 апреля. — URL: <https://voennoedelo.com/posts/id72536-mir-na-troih-analitiki-predskazali-globalnyj-peredel>.
6. *Красиков В.И.* Преддверие глобального беспорядка? Факторы и акторы мировой нестабильности // Век глобализации. — М., 2020. — № 1. — С. 21–27.
7. *Лавров С.В.* Выступление на Общем собрании Российского совета по международным делам 14 марта 2026 г. // РИА Новости. 31.03.2026.
8. *Хаас Р.* Мировая неразбериха: американская внешняя политика и кризис прежнего порядка. — М.: АСТ, 2019.
9. *Салливан Дж.* Выступление на 54 Всемирном экономическом форуме (Давос, Швейцария 15–19 января 2024 г.). — URL: <https://infotaiga.ru/policy/page/55/>.
10. *Чернега В.Н.* Геополитический беспорядок в мире и Россия // Контурные глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2021. — № 3. — С. 6–22.
11. *Aron R.* Paix et Guerre entre les nations. — Р., 1984.
12. *Булл Х.* Анархическое общество: исследование природы порядка в мировой политике // Антология мировой политической мысли. Т. 2. Зарубежная политическая мысль XX века. — М., 1997. — С. 802–805.

КАК ПОМОЧЬ ГЛОБАЛЬНОМУ БОЛЬШИНСТВУ ПРЕОДОЛЕТЬ ОБМАН НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ

Е.Г. Энтина

доктор политических наук,
профессор НИУ «Высшая школа экономики»,
руководитель Отдела Черноморско-Средиземноморских исследований Института Европы РАН
e.entina@hse.ru

М.Л. Энтин

доктор юридических наук,
профессор,
зав. Кафедрой интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России
entinmark@gmail.com

HOW TO HELP THE GLOBAL MAJORITY TO OVERCOME THE DECEPTION OF FAILED DECOLONIZATION

E.G. Entina

Doctor of Political Sciences,
Professor at the Higher School of Economics,
Head of the Department of Black Sea and Mediterranean Studies at the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences
e.entina@hse.ru

M.L. Entin

Doctor of Law,
Professor,
Head of the Department of Integration Law and Human Rights, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia
entinmark@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается противоборство в современных международных отношениях двух взаимоисключающих тенденций утверждения начал равенства и справедливости и обустройства на их основе мультицентричного миропорядка и переформатирование международных отношений на началах господства, вассалитета и подчинения и построение однополярного мироустройства. Неотъемлемым слагаемым первой из двух тенденций является решение задач подлинной деколонизации, состоящей в обретении бывшими колониальными народами не только формальной политической независимости, но и независимости экономической, финансовой, технологической, военно-стратегической, а также независимости в выборе пути развития и независимости в государственно-правовом строительстве. В связи с этим рассматривается Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 25 марта 2026 года, подчеркивающая юридическую ответственность США и бывших метрополий за преступления колониального порабощения, которые квалифицируются в ней в качестве тягчайших преступлений против человечности.

Ключевые слова: подлинная деколонизация, тягчайшее преступление против человечности, репарационное правосудие, международное и региональное нормотворчество, резолюции ГА ООН, Африканский союз, Карибское сообщество.

Abstract. The article examines the confrontation in modern international relations between two mutually exclusive trends — the establishment of the principles of equality and justice and the establishment of a multicentric world order based on them, as well as the reformatting of international relations based on domination, vassalage and subordination, and the construction of a unipolar world order. An integral component of the first of the two trends is the solution of the tasks of genuine decolonization, which consists in the acquisition by the former colonial peoples of not only formal political independence, but also economic, financial, technological, military-strategic independence, as well as independence in choosing the path of development and independence in state and legal construction. In this regard, the United Nations General Assembly Resolution of March 25, 2026, is being considered, emphasizing the legal responsibility of the United States and former metropolises for the crimes of colonial enslavement, which it qualifies as the gravest crimes against humanity.

Key words: genuine decolonization, the gravest crime against humanity, reparative justice, international and regional norm-setting, UNGA resolutions, African Union, Caribbean Community.

Современные международные отношения превратились в арену противоборства между двумя взаимоисключающими тенденциями. В феврале-апреле 2026 года с неспровоцированного нападения Соединенных Штатов Америки и Израиля на Исламскую Республику Иран, безостановочной многодневной бомбардировки его территории и вовлечения в вооруженный конфликт соседних государств это противоборство вступило в горячую фазу и дополнилось многоаспектным кризисом мировой политики и экономики. Взаимоисключающими тенденциями являются, с одной стороны, всё, что связано с усилиями Российской Федерации и Китайской Народной Республики, стран Большого БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества, Глобального Большинства по утверждению в международных отношениях начал равенства и справедливости и обустройству на их основе мультицентричного миропорядка, с другой стороны, переход США, при поддержке их союзников, пусть и преследующих свои интересы, к переформатированию международных отношений на началах господства, вассалитета и подчинения и построению никогда в прошлом не получавшегося однополярного мироустройства. Неотъемлемым слагаемым первой из двух тенденций является решение задач подлинной деколонизации, состоящей в обретении бывшими колониальными народами не только формальной политической независимости, которую США и бывшим колониальным державам удалось выдать за деколонизацию, но и независимости экономической, финансовой, технологической, военно-стратегической, а также независимости в выборе пути развития, его политической и социально-экономической модели и независимости в государственно-правовом строительстве. Крупной вехой на этом пути может стать Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 25 марта 2026 года, настаивающая на юридической ответственности США и бывших метрополий за преступления колониального порабощения и эксплуатации, которые квалифицируются в ней в качестве тягчайших преступлений против человечности. Однако для этого потребуются изменить всё еще господствующий в мире нарратив, в который Резолюция вписана, и сделать достижение подлинной деколонизации целеполаганием ее осуществления.

Резолюция Восьмидесятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН
«Объявление торговли порабощенными африканцами
и расово обусловленного обращения африканцев
в вещное рабство тягчайшим преступлением против человечности»

25 марта 2026 года Генеральная Ассамблея ООН совершила колоссальный шаг вперед в осуждении преступлений колониализма и борьбе с его последствиями, а также в формировании политико-правовой основы для признания юридической ответственности США и европейских метрополий за причиненные страдания и нанесенный ущерб. 123 голосами «за» при 3 «против» (Аргентина, Израиль и США) и 52 «воздержавшихся» (в основном страны ЕС, Великобритания и зависимые от них государства) Генеральная Ассамблея под «гром аплодисментов» приняла Резолюцию (Документ А/80/L.48), в которой признала трансатлантическую работорговлю и обращение людей в «вещное рабство» без каких-либо изъятий «тягчайшим преступлением против человечности» (п. 2 и 3), а их квалификацию в качестве такого преступления — нормой “*jus cogens*” (п. 4) [Резолюция, 2026].

Проект Резолюции был внесен Ганой и активно поддержан странами Глобального Большинства. Ее одобрение является результатом усилий Африканского Союза (АС), добивающегося единства и сплочения своих государств-членов в вопросе о взыскании репараций с держав, виновных в исторической несправедливости по отношению к бывшим колониальным народам. В 2025 году на саммите АС в столице Эфиопии г. Аддис-Абеба главы государств и правительств стран-членов высказались за сближение позиций и единство взглядов в том, что касается юридической ответственности бывших колониальных держав, оценки нанесенного ими ущерба, взыскания репараций и того, каким образом и какими средствами легализовать и легитимировать предъявление соответствующих требований и исков [Demony, 2025]. Ее более чем убедительная поддержка стала возможной, в том числе, благодаря согласованным действиям АС и Карибского сообщества (Caribbean Community, CARICOM), о котором они договорились в 2023 году [Demony, 2023]. Спустя год членам АС и КАРИКОМ удалось существенно продвинуться по этому пути.

Правомерность квалификации колониального порабощения в качестве тяжелейшего преступления против человечности

Резолюция не только признает трансатлантическую работорговлю и «вещное рабство» людей «тягчайшим преступлением против человечности», но и опровергает аргументы бывших метрополий и присоединившихся к их лагерю остальных европейских государств о неправомерности установления иерархии преступлений против человечности, их подразделении на менее тяжкие и более тяжкие [Demony, 2026].

В ней (1) подтверждается несовместимость работорговли с основополагающими целями и принципами современного международного права и Устава ООН и базовыми конвенциями о правах человека; (2) напоминает, что Дурбанская декларация и Программа действий [Доклад, 2001] уже квалифицировали рабство и работорговлю в качестве «вопиющей трагедии в истории человечества» и «преступления против человечества», выделяя «в особенности» трансатлантическую работорговлю; (3) дается отсылка к Абуджийскому заявлению ОАЕ о компенсации за порабощение, колонизацию и неокolonизацию Африки 1993 года, решению № 934 (XXXVIII) Ассамблеи АС от 16 февраля 2025 года «О признании рабства, депортации и колонизации преступлениями против человечности и геноцидом в отношении народов Африки», план Карибского сообщества из десяти пунктов по репаративному правосудию и последующие декларации и инициативы АС; (4) колонизаторам вменяется ответственность за многочисленные правовые акты, которыми они на протяжении веков превращали людей, обращаемых в рабство, в «движимое имущество», дети которых наследовали этот статус; (5) разъясняется, почему данный тип преступных деяний колонизаторов и всех причастных к работорговле подлежит квалификации в качестве тягчайших преступлений против человечности: «ввиду их кардинального воздействия на ход мировой истории, их масштаба, продолжительности, системного характера, жестокости» и вызванных ими последствий (п. 3); (6) акцентируется, что такая квалификация соразмерна масштабам содеянного бывшими колониальными державами.

Признание колониального порабощения длящимся международным преступлением и сегодняшней ответственности за его совершение

Точно также Резолюцией опровергаются утверждения США и бывших метрополий, настаивающих на том, будто колониализм и работорговля принадлежат прошлому и не имеют отношения к сегодняшнему дню, а признание каких-либо деяний противоправными не может и не должно иметь обратной силы [Demony, 2026]. Несостоятельность американских и европейских аргументов обосновывается доказательствами троякого типа: особой жестокостью, масштабами и бесконечно повторяющимся характером преступлений; их квалификацией в качестве длящихся (согласно правовой концепции длящихся правонарушений, нашедшей закрепление в практике Латиноамериканского, Африканского и Европейского судов по правам человека и Международного уголовного суда [Abrusci, 2019; Almutawa, Magliveras, 2025; Salmón, Pérez-León-Acevedo, 2022] и тяжестью сохраняющихся последствий совершенных преступлений.

В преамбуле и постановляющей части Резолюции (1) указывается, что любые преступления против человечности не имеют срока давности; (2) провозглашается, что у преступлений против человечности «не может быть срока давности и что тяжкие преступления порождают обязательства длящегося характера, сохраняющиеся до тех пор, пока они не будут надлежащим образом урегулированы посредством установления истины, отправления правосудия и возмещения ущерба»; (3) определяющим образом констатируется, что «отвратительные режимы рабства и колониализма, а также сохраняющаяся расовая дискриминация и неокolonизм оказывают глубокое и долгосрочное воздействие на африканцев и лиц африканского происхождения и по-прежнему являются причиной огромных страданий, разрушения культуры, экономической эксплуатации, эмоциональных травм и бесконечной дискриминации, с которыми африканцы и лица африканского происхождения сталкивались на протяжении всей истории» (п. 5); подчеркивается, что трансатлантическая работорговля и вещное рабство

являются длящимися преступлениями в силу «сохраняющихся последствий, которые продолжают определять жизненный уклад всех людей в рамках расово обусловленных режимов труда, собственности и капитала» (п. 3).

Крупный шаг вперед по пути легитимации и легализации требований о репарациях за преступления колониализма

Прорывное значение Резолюции для бывших колониальных народов и Глобального Большинства в целом во многом определяется тем, что она идет гораздо дальше словесной криминализации колониального прошлого и ответственности за многовековые насилие и эксплуатацию. Пусть и в качестве рекомендации, которая не имеет обязательной юридической силы, но Резолюция легализует и легитимирует требования о «возмещении ущерба или предоставления компенсации в иной форме», которые предъявляются или могут быть предъявлены всем тем, на ком лежит вина за совершенные тягчайшие преступления против человечности (п. 7).

Во-первых, в ней указывается на то, что истории известны конкретные случаи возмещений за преступления против человечности, иначе говоря, требования о репарациях имеют прецедентную природу (п. 7).

Во-вторых, Резолюция придает тематике «репаративного правосудия» постоянный характер, поручая Генеральному секретарю представить к 82 сессии ГА ООН доклад о ходе ее осуществления, в том числе и в этом аспекте (п. 15).

В-третьих, документ содержит целый ряд призывов, рекомендаций и предложений по осуществлению и организации возмещения ущерба или предоставления компенсации. Они касаются ведения всеми государствами-членами «инклюзивного диалога по вопросам репаративного правосудия ... реституции, компенсации, реабилитации и сатисфакции» (п. 8); «незамедлительного и беспрепятственного» возвращения всего вывезенного из бывших колоний (п. 9); взаимодействия всех заинтересованных международных структур и государств-членов в деле «разработки механизмов для проведения диалога, осуществления сотрудничества и принятия мер в интересах обеспечения репаративного правосудия и примирения».

Наконец, в нем закреплена универсальная формула, согласно которой «в соответствии с нормами международного права, включая принципы статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния» государства обязаны предоставить «полное возмещение причиненного вреда, которое может осуществляться в форме реституции, компенсации и сатисфакции, будь то отдельно или в их сочетании».

Очевидно, насколько такая формула и вся поддерживающая и подкрепляющая ее аргументация весомее, нежели аморфные пожелания равенства и справедливости, которыми ограничивается «Пакт во имя будущего», утвержденный Генеральной Ассамблеей ООН всего полтора года назад. Максимум, что в него удалось включить по данной тематике, изложено в п. 14. В нем говорится: «Мы признаем, что наши усилия по устранению несправедливости и сокращению неравенства внутри стран и между ними для построения миролюбивых, справедливых и открытых обществ не смогут увенчаться успехом, если мы не активизируем наши усилия по поощрению терпимости, обеспечению уважения к многообразию и борьбе со всеми формами дискриминации, включая расизм, расовую дискриминацию, ксенофобию и связанную с ними нетерпимость и все их одиозные и новейшие формы и проявления» [Пакт, 2024].

Императивы и возможности встраивания минималистской идеологии Резолюции в нарратив о достижении подлинной деколонизации и решение вытекающих из него политических задач

Тем не менее, несмотря на весь позитив Резолюции, она по большей части обращена в прошлое, а не в будущее. Резолюция не выходит за пределы парадигмы о том, что деколонизация состоялась. Главным же для построения справедливой и равноправной системы международных отношений и соответствующего обустройства мультицентричного мира являются выдвижение лозунга о подлинной деколонизации и разворачивание борьбы за ее осуществление.

В этом плане ни в коем случае нельзя упустить возможности, которые открывают, пусть и сугубо конъюнктурные и декларативные, но достойные всяческой поддержки высказывания Генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша о том, что преступную колониальную систему так до сих пор победить и не удалось, и репарационное правосудие может в перспективе стать важным шагом на пути исправления порожденных колониальной системой пороков мировой политики и экономики. Вот несколько узловых формулировок из его высказываний: «Деколонизация не освободила африканские страны или людей африканского происхождения от структур и предрассудков, которые сделали эти проекты возможными», и «Когда африканские страны обрели независимость, они унаследовали систему, созданную для служения другим, а не им самим» [Justice, 2025]. В создаваемый приведенными высказываниями контекст органически ложится призыв бывшего председателя ГА ООН Филемона Юнжи Янга (Philémon Yunji Yang): «Сейчас самое время превратить рекомендации в права, извинения — в действия, а стремления — в ответственность» [Justice, 2025].

Вот как раз этому Резолюция об ответственности за колониальное прошлое сильно помогает. Помимо включенной в нее доказательной базы, нужной для обоснования вины за содеянное, она, вопреки нигилистическим утверждениям западных политиков и скептиков (а равно экстремистов) из рядов сторонников нового panaфриканизма, намеренно или невольно понижающих ее значение [Behanzin, 2026], создает широкий набор сугубо политических преимуществ, которыми тоже обязательно надо воспользоваться. Некоторые из них упоминаются в комментариях на злобу дня [Эксперт, 2026]. В систематизированном виде они могут быть представлены следующим образом. Резолюция:

- 1) лишает Запад возможности отрицать преступления колониализма;
- 2) ослабляет Запад, вынуждая защищаться;
- 3) подталкивает идти на определенные уступки, поскольку полностью снимать с себя ответственность, значит противопоставлять себя Глобальному Югу, что заведомо невыгодно и проигрышно;
- 4) превращает не только метрополии, но и весь Запад в обвиняемых, поскольку Резолюция отчетливо разделила мир на два лагеря;
- 5) формирует еще одно антизападное большинство по конкретной проблеме, стержневой для современных международных отношений;
- 6) дает странам Глобального Юга своего рода контригру, позволяющую более уверенно противостоять давлению, которое оказывается на них США, НАТО, ЕС и зависящими от них державами;
- 7) подтверждает, что Россия и Китай находятся с Глобальным Югом по одну сторону баррикад, защищают и отстаивают общие интересы.

Кроме того Резолюция:

- 8) подготовила площадку для развития успеха;
- 9) сделала предъявление требований и исков к виновным в столь страшных преступлениях на порядок более естественным, логичным и неотвратимым;
- 10) фактически стерла границы между преступлениями колониального порабощения и ответственностью за них и преступлениями колониализма и неоколониализма в целом.

Список литературы

1. Эксперт рассказал, как резолюция ООН повлияла на бывшие колониальные страны. — 2026. — 28 марта. — <https://share.google/JPUo2d9II7kp4DEMO>
2. Abrusci E. Judicial convergence and fragmentation in the case-law of regional human rights bodies and the UN Human Rights Committee, in ResearchGate. — 2019. — July. — URL: https://www.researchgate.net/publication/334646175_Judicial_convergence_and_fragmentation_in_the_case-law_of_regional_human_rights_bodies_and_the_UN_Human_Rights_Committee
3. Almutawa A., Magliveras K.D. (eds.). A Comparison of the European, Inter-American, African and Arab Human Rights Courts: Institutional Aspects. The Hague: T.M.C. Asser Press, 2025. — XXI, 289 p.

4. *Behanzin E.* The trap of the ‘gravest crime’: When condemnation replaces reparation. Honoring the victims of the past is a hollow commitment if it serves as a pretext for evading the reality of today’s global hierarchies. — 2026. — March 31. — URL: <https://www.rt.com/africa/636816-slavery-recognition-un-declaration-limited-reach/>.
5. *Demony C.* African, Caribbean nations join forces to call for reparations for slavery. — 2023. — July 28. — URL: <https://www.reuters.com/world/african-caribbean-nations-join-forces-call-reparations-slavery-2023-07-27/>.
6. *Demony C.* African leaders to push for slavery reparations despite resistance. — 2025. — February 13. — URL: <https://www.reuters.com/world/africa/african-leaders-push-slavery-reparations-despite-resistance-2025-02-13/>.
7. *Demony C.* UN adopts Ghana’s slavery resolution, defying resistance from US, Europe. — 2026. — March 25. — URL: <https://www.reuters.com/sustainability/society-equity/un-adopts-ghanas-slavery-resolution-defying-resistance-us-europe-2026-03-25/>.
8. Justice is long overdue’: Guterres calls for reparations for enslavement and colonialism // United Nations News. — 2025. — May. — URL: <https://news.un.org/en/story/2025/05/1163886>.
9. Report of the World Conference against Racism, Racial Discrimination, Xenophobia and Related Intolerance, Durban, 31 August — 8 September 2001. — 180 p. — URL: <https://docs.un.org/en/A/CONF.189/12>.
10. Resolution of the United Nations General Assembly Eightieth session “Declaration of the Trafficking of Enslaved Africans and Racialized Chattel Enslavement of Africans as the Gravest Crime against Humanity”. — 2026. — March 17. — URL: <https://docs.un.org/en/A/80/L.48>.
11. *Salmón E., Pérez-León-Acevedo J.P.* Reparation for victims of serious violations of international humanitarian law: New developments // International Review of the Red Cross. — 2022. — No 919, June. — URL: <https://international-review.icrc.org/articles/reparation-for-victims-of-serious-violations-of-ihl-new-developments-919>.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИДЕНТИФИКАЦИИ И УПРАВЛЕНИЮ

К.М. Панеш

кандидат экономических наук,
депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации
panesh_kaplan@mail.ru

POLITICAL RISKS: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO IDENTIFICATION AND MANAGEMENT

K.M. Panesh

PhD Economic Sciences,
Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation
panesh_kaplan@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема политических рисков в контексте динамики социально-политических трансформаций. Актуальность исследования обусловлена необходимостью обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития государства в условиях ускорения социально-исторических процессов. Автор обращается к теоретическому наследию структурного функционализма, синергетическому подходу и современным концепциям интенсификации политических процессов, что позволяет обосновать взаимосвязь между темпами социальных изменений и возрастанием кризисных последствий. Особое внимание уделено анализу идентификации политических рисков в двух форматах: в рамках общего политологического исследования и применительно к конкретным управленческим решениям. В статье представлена сравнительная характеристика ведущих политологических подходов (реализм, либерализм, постмодернизм, экономический подход, институциональная теория, системный подход) с позиций их влияния на практики выявления и регулирования политических рисков. Обосновывается вывод о том, что ключевым условием минимизации политических рисков является соблюдение конституционного принципа разделения властей и правовая регламентация взаимодействия государственных институтов. Результаты исследования могут быть использованы в процессе совершенствования механизмов государственного управления и прогнозирования политических рисков.

Ключевые слова: государственное управление, политические риски, политическая стабильность, институциональный анализ, системный подход, социально-политическая трансформация, теории политических рисков, методология анализа рисков.

Abstract. The article examines the problem of political risks in the context of the dynamics of socio-political transformations. The relevance of the research is determined by the need to ensure national security and sustainable development of the state in the context of accelerating socio-historical processes. The author refers to the theoretical legacy of structural functionalism, the synergetic approach and modern concepts of the intensification of political processes, which makes it possible to substantiate the relationship between the pace of social change and the increasing crisis consequences. Special attention is paid to the analysis of the identification of political risks in two formats: within the framework of general political science research and in relation to specific management decisions. The article presents a comparative description of the leading political science approaches (realism, liberalism, postmodernism, economic approach, institutional theory, systemic approach) in terms of their influence on the practice of identifying and regulating political risks. The author substantiates the conclusion that the key condition for minimizing political risks is compliance with the constitutional principle of separation of powers and legal regulation of interaction between state institutions. The results of the study can be used in the process of improving public administration mechanisms and forecasting political risks.

Key words: public administration, political risks, political stability, institutional analysis, systemic approach, socio-political transformation, theories of political risks, methodology of risk analysis.

Вопросы организации и функционирования государственной власти на протяжении всей истории России остаются одними из наиболее значимых для обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития страны. Обращение к ретроспективному анализу становле-

ния властных институтов в контексте политических рисков обусловлено тем, что многие системные кризисы, пережитые государством, были связаны не только с внешними вызовами, но и с внутренними дисбалансами в механизме реализации властных полномочий. Современный этап общественного развития характеризуется беспрецедентной динамикой социально-политических трансформаций, что влечет за собой симметричное возрастание интенсивности кризисных последствий. В этих условиях особую актуальность приобретает проблема идентификации и регулирования политических рисков, которая требует не только прикладного анализа конкретных управленческих решений, но и глубокого теоретического осмысления с позиций различных политологических школ — от реализма и либерализма до системного и институционального подходов.

Фундаментальным фактором политического регулирования является уровень динамики социально-политических трансформаций. Несмотря на то, что на всех этапах истории можно встретить периоды высокоинтенсивных трансформационных процессов (бунты, завоевания, раскол государства и т.д.), на ранних стадиях развития общества существуют параметры, характеризующие стабильностью, близкой к статике. В свою очередь, периоды исторического излома, которые в дальнейшем концептуализируются историками как смена эпох, характеризуются глубинным сломом основ сложившегося социально-политического порядка и соответствующими сдвигами в культуре, что сопровождается глубоким кризисом ряда сфер жизни общества.

В рамках методологии структурного функционализма взаимосвязь между социальными изменениями и кризисными последствиями была обоснована Э. Дюркгеймом, рассматривавшим «разрывы» в отлаженных системах социальных связей и отношений в результате трансформаций в отдельных областях жизни общества, в связи с чем французский социолог сформировал концепцию трансформационного кризиса, возникающего как реакция на значительные изменения, независимо от полярности последних [8]. В соответствии с этим принципом вслед за всяким значимым изменением следует адаптация системы общества к характеристикам изменившегося элемента или подсистемы, однако до тех пор, пока общество не адаптируется, имеют место побочные следствия социального изменения — трансформационные издержки. Типичным примером явления подобного рода может быть утрата рабочих мест множеством рабочих в результате механизации производства и последовавшее за этим развитие движения луддитов [21]. Ключевым моментом в данном отношении является то, что возрастание динамики социальных изменений влечет за собой симметричное возрастание интенсивности сопутствующих им кризисных последствий.

В конце прошлого столетия отечественный исследователь С.П. Капица, применивший элементы синергетического подхода к анализу социальных процессов с использованием математических методов, обосновал взаимосвязь между численностью населения планеты и темпами социально-исторических изменений. В этом контексте исследователь сопоставил наиболее значимые исторические периоды и вывел корреляцию между временем, необходимым для смены эпох, и совокупными демографическими показателями человечества. На основании выстроенной математической модели Капица определил, что в настоящее время имеет место беспрецедентно высокая динамика глубинных социально-исторических изменений — на современном этапе средняя продолжительность жизни человека превышает период, необходимый для кардинальной трансформации общества (смены эпох) [9]. По сути им был математически обоснован принцип ускорения социально-исторического времени, с сопутствующей данному процессу интенсификацией общественных и политических трансформаций.

Еще один отечественный исследователь Н.В. Нарыков связал рост динамики политических процессов с технологическим прорывом в областях информационной и транспортной коммуникации, что определило значительное ускорение ряда социально-политических процессов, и соответственно спровоцировало колоссальный рост нагрузки на политическую систему, связанный с повышением интенсивности и динамики возникающих вызовов [17]. Если сопоставить это со структурно-функционалистским положением о соотношении трансформационных процессов и их кризисных последствий, можно характеризовать современный период истории как время перманентного возникновения кризисных процессов в обществе, связанных с возникающими на его уровне изменениями. Это отчасти объясняет обращение многих ис-

следователей к тематике «общества риска», и в целом характеризует условия, на уровне которых реализуются подходы государственной власти к управлению социально-политическими рисками.

Рассмотрим по порядку особенности каждой из обозначенных составляющих первоначального научного исследования социально-политических рисков.

Прежде всего, следует отметить, что идентификация, или выявление рисков на уровне прикладных политологических исследований, осуществляется в двух основных форматах:

- определение социально-политических проблем и рисков в контексте общего политологического исследования;
- прикладное определение политических рисков, связанное с проработкой условий и последствий реализации конкретного политического решения.

Первый подход предполагает детализацию существующих научных представлений об актуальном характере и состоянии социально-политической обстановки в обществе, в результате которой производится выявление конкретных процессов и явлений, имеющих политическую природу и несущих в себе угрозу социально-политической стабильности. Важность данного направления исследовательской деятельности связана с тем, что оно способствует своевременному определению угроз политической стабильности, что, в свою очередь, может способствовать осуществлению политической регуляции, направленной на минимизацию рассматриваемых рисков.

В данном отношении необходимо понимать, что процессы противодействия факторам риска могут быть реализованы только при условии, если последние были своевременно выявлены и определены [19]. Несмотря на то, что выделение политических рисков как самостоятельной области исследования политологического знания произошло сравнительно недавно, разработка проблем, связанных с противодействием угрозам нарушения политической стабильности, преодолением кризисов в политической сфере, определением последствий столкновения политических интересов на национальном и международном уровне активно осуществлялась на уровне существующих направлений политологического знания. Исходя из этого, можно судить о возможности экспликации отдельных установок существующих политологических парадигм на проблематику политических рисков. В этой связи целесообразно рассмотреть интерпретацию проблемы политических рисков с точки зрения ведущих политологических подходов, что позволит в дальнейшем рассматривать приверженность отдельных носителей власти к конкретной политологической традиции как непосредственный фактор, влияющий на осуществляемую ими практику идентификации и регулирования политических рисков¹.

Рассмотрим анализ особенностей следующих политологических направлений:

- реалистическая школа в политологии;
- либерально-идеалистическая школа;
- постмодернистское течение в политологии;
- экономический подход в политологии (включая неомарксизм);
- институциональная теория;
- системный подход.

Одним из наиболее ранних подходов в политологическом дискурсе является *реалистический подход*, истоки которого заложены еще в социально-политических воззрениях Гоббса [5]. К числу основных представителей данного направления относятся Г. Моргентау [15], К. Уолтц [24], Г. Киссинджер [11]. В рамках данной теории основной движущей силой политики является борьба за власть, что проявляется как на уровне внутривнутриполитических, так и на уровне внешнеполитических процессов, в связи с чем фундаментальной задачей политической деятельности является достижение достаточного уровня мощи для сохранения суверенитета и распространения своего влияния, с целью обеспечения реализации национальных интересов во внутренней и внешней политике.

¹ Здесь имеет значение то, что приверженность конкретному политологическому подходу задает применяемый понятийный аппарат, способ трактовки политических процессов, приоритеты и представления о приемлемых путях осуществления регулятивного воздействия. Все это в совокупности напрямую влияет на реализуемые практики политического управления, направленные на существующие области политического риска.

Либерально-идеалистический подход базируется на представлении о необходимости глобального сотрудничества государств, согласования их интересов и внешнеполитических векторов развития в рамках действия международных институтов. К числу видных представителей либеральной школы относятся такие авторы, как Р. Кеохейн [10], Дж. Най [16], М. Дойл [6], Э. Митраним [14] и др. На современном этапе либеральный подход дополнился теорией демократического мира, основанной на полагании взаимосвязи между формой государственного устройства и внешней политикой государства [5]. Эта теория, по сути, ставит вопрос об «оптимальном» и «неоптимальном» государственном устройстве с точки зрения приоритета реализации либеральных ценностей во внутренней и внешней политике. По мнению П.К. Гончарова, именно теория демократического мира лежит в основе ряда агрессивных внешнеполитических действий США в последние десятилетия [5, с. 192].

Особенностью *постмодернистского направления в политологии*, видными представителями которого являются Дж. Дер-Дериан [27] и Р. Уолкер [28], становится перенос акцента с централизованных практик управления, осуществляемого органами государственной власти, на социально-политические процессы, инициируемые на негосударственном уровне, однако оказывающие влияние на условия внутренней и внешней политики локальных государств. По сути, постмодернистское направление отражает влияние «горизонтальных» процессов в эпоху глобализации и вводит в политический дискурс проблемы влияния корпораций и международных организаций, ослабление территориального фактора политики, усиление роли культурных и медийных процессов в формировании векторов политического развития отдельных стран и глобальной системы взаимодействия.

Экономический подход в политологии связан с рассмотрением преобладающей роли социально-экономических процессов и интересов в выстраивании внутренней и внешней политики. К числу представителей данного направления относятся Д. Норт [18], Д. Родрик [22], Д. Аджемоглу [1], О. Уильямсон [23] и др. Отдельно следует отметить значение неомарксистского направления. В рамках этого подхода И. Валлерстайн [3, 4] осуществил постановку вопроса о неравноправном характере международных отношений и, в частности, обратил внимание на практики эксплуатации, осуществляемые более развитыми государствами в отношении менее развитых. По сути, его идеи близки теории неокolonизма.

В *институциональной теории*, получившей развитие в работах таких авторов, как Э. Остром [20], С. Линденберг [13], Н. Дуглас [7], ключевое значение приобретает состояние и характер взаимодействия основных социальных и политических институтов. Это определяет ориентацию на институциональный анализ не только развития, но и кризисных процессов в политической сфере, истоки которых усматриваются в нарушении институционального взаимодействия или внутренних процессах на уровне отдельных институтов.

Что касается *системного подхода*, следует отметить, что первоначальную разработку он получил в трудах Л. Берталанфи [2], как общеметодологическая программа изучения системных процессов. В дальнейшем элементы общей теории систем были адаптированы к социально-политической сфере в трудах таких исследователей, как Д. Форрестер [25], К. Холлинг [26], Н. Луман [12].

Следует отметить, что в рамках данных подходов не только получают различную трактовку принципы и механизмы политических изменений, которые могут быть определены как *факторы и формы проявления политического риска*, но и стандарты, по которым оценивается оптимальное или неоптимальное состояние социально-политической системы. Так, например, в рамках реалистического подхода обеспечение независимости государства (в том числе, за счет высокой концентрации власти у одной из политических сил) рассматривается как позитивный процесс, в то время как с точки зрения либерального подхода речь идет о негативной тенденции, несущей в себе риски как для внутренней политики данного государства, так и для глобального мироустройства. Это характеризует не только теоретическое многообразие современных подходов к оценке политического риска, но и говорит о значимости критериев и стандартов к его оценке.

В настоящее время в развитых странах существуют научно-исследовательские институты, деятельность которых направлена на прикладное исследование разворачивающихся социально-политических процессов с целью определения возникающих источников и факторов риска.

Например, в России на базе Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН действуют сразу два подразделения, ориентированные на теоретическое и прикладное исследование социально-политических рисков — Центр социальной безопасности и рискологии, а также Отдел методологии исследования социально-политических рисков.

Особенность второго формата анализа социально-политических рисков состоит в том, что в его рамках производится последовательное изучение конкретной сферы политической деятельности применительно к предполагаемым векторам политической регуляции. В качестве примера можно привести такие политические решения, как пенсионная реформа или изменение границ призывного возраста. В рамках конкретного направления политической регуляции осуществляется анализ основных системных процессов, которые затрагивает принимаемое решение, а также актуальных факторов, влияющих на его результаты. Как результат, для органов государственной власти, выступающих в качестве субъекта принятия решения, формируется аналитическая сводка, характеризующая риски, издержки и последствия его осуществления.

Ключевое различие между обозначенными подходами в политическом риск-менеджменте связано с тем, что в первом случае создаются теоретические предпосылки для реактивного (связанного с необходимостью ответа властных структур на возникающую угрозу) управления, в то время как второй подход предполагает проработку стратегии реализации направлений деятельности, определяемых и инициируемых самими носителями власти.

Проведенный анализ свидетельствует о высокой значимости научно-исследовательской разработки проблемы политических рисков. При этом следует обратить внимание на важный момент — чем более развитым и последовательным является научное осмысление взаимосвязи между различными компонентами общества и различными процессами, разворачивающимися в нем, тем более полными и эффективными будут научные исследования, направленные на определение, анализ и количественную оценку политических рисков.

Таким образом, подходы к идентификации и регулированию политических рисков детерминируются приверженностью субъектов власти той или иной политологической традиции (реализм, либерализм, постмодернизм, экономический подход, институционализм, системный анализ), каждая из которых задает собственные критерии оценки «оптимальности» состояния политической системы и, следовательно, определяет специфику управленческих практик. В этой связи своевременное выявление рисков, осуществляемое как в рамках фундаментальных исследований, так и в формате прикладного сопровождения конкретных политических решений, является необходимым условием перехода от реактивного управления к проактивной стратегии, инициируемой самими носителями власти.

Особое значение в контексте устойчивости государственного развития приобретает соблюдение конституционного баланса между ветвями власти. Исторический опыт свидетельствует о том, что отклонение от принципа разделения властей и рассогласование интересов элит и общества создают предпосылки для реализации политических рисков в периоды неопределенности. Эффективная государственная политика, минимизирующая политические риски, возможна лишь при условии ее нахождения в рамках правовых норм, опоры на системный научный анализ и учета исторических уроков взаимодействия властных институтов.

Список литературы

1. *Аджемоглу Д.* Почему одни страны богатые, а другие бедные / Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон. — Москва: АСТ, 2012. — 608 с.
2. *Берталанфи Л.* Общая теория систем. — Москва: Прогресс, 1969. — 296 с.
3. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. — Санкт-Петербург: Университетская книга, 2001. — 414 с.
4. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ. Введение / пер. с англ. Н.В. Тюкиной; вступительная статья и приложение профессора Г.М. Дерлугьяна. — 2-е изд., испр. — Москва: URSS: Ленанд, 2017. — 299 с.

5. *Гончаров П.К.* Международная политика: основы теории // Социально-гуманитарные знания. — 2020. — № 6. — С. 185–202.
6. *Дойл М.* Способы мира: Демократический мир и международные конфликты. — Москва: Праксис, 2005. — 432 с.
7. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и экономические результаты. — Москва: Весь мир, 1997. — 368 с.
8. *Дюркгейм Э.* Самоубийство = Le Suicide = Le Suicide: социол. этюд / пер. с фр. А.Н. Ильинского; [послесл. Вал. А. Лукова]. — Санкт-Петербург: Союз, 1998. — 492 с.
9. *Капица С.П.* Глобальная демографическая революция и будущее человечества // Новая и новейшая история. — 2004. — № 4.
10. *Кеохейн Р.* После гегемонии: Сотрудничество и беспорядок в мировой политической экономике. — Москва: Издательство МГУ, 2002. — 360 с.
11. *Киссинджер Г.* Дипломатия: [пер. с англ.] / [послесл. Г.А. Арбатова]. — Москва: Науч.-изд. центр «Ладомир»: ТОО «ВРС», 1997. — 847 с.
12. *Луман Н.* Введение в системную теорию / под ред. Д. Беккера; пер. с нем. К. Тимофеевой. — Москва: Логос, 2007. — 359 с.
13. *Линденберг С.* Государственные институты и экономическое развитие. — Москва: Экономика, 2003. — 352 с.
14. *Митраним Э.* Многообразие и справедливость: демократические институты и права человека. — Москва: Ладомир, 2006. — 352 с.
15. *Моргентау Г.* Политика среди наций: Борьба за власть и мир. 5-е изд. — Москва: Издательство МГУ, 2005. — 512 с.
16. *Най Дж.* Мягкая сила: Средства достижения успеха в мировой политике. — Москва: Альпина Паблишер, 2004. — 304 с.
17. *Нарыков Н.В.* К вопросу об определении факторов интенсификации современных политических процессов // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2014. — № 6–1. — С. 295–298.
18. *Норт Д.* Возвышение западного мира. — Москва: ИРИСЭН, 2004. — 448 с.
19. *Овчаренко А.Н., Секач М.Ф.* Интегративный подход к анализу политических рисков // Акмеология. — 2005. — № 4. — С. 16.
20. *Остром Э.* Управление общими ресурсами: эволюция институтов коллективной деятельности. — Москва: Аспект Пресс, 2011. — 424 с.
21. *Панеш К.М., Болгов Н.В.* Политические риски обеспечения экономической безопасности страны // Актуальные проблемы обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в новой геополитической реальности. монография. — Москва, 2025. — С. 27–39.
22. *Родрик Д.* Экономика глобализации. — Москва: ГУ ВШЭ, 2008. — 376 с.
23. *Уильямсон О.* Экономические институты капитализма. — М.: Логос, 1996. — 384 с.
24. *Уолц К.* Теория международной политики. — Москва: МЭИ, 2010. — 320 с.
25. *Форрестер Д.* Мировая динамика. — Москва: Прогресс, 1978. — 344 с.
26. *Холлинг К.* Система, окружающая среда и общество. — М.: Логос, 2000. — 432 с.
27. *Der-Derian J., Wendt A.* ‘Quantizing international relations’: The case for quantum approaches to international theory and security practice // Security Dialogue. — 2020. — Vol. 51. — No 9.
28. *Wallack M.* Inside/Outside: International Relations as Political Theory by R.B.J. Walker // Canadian Journal of Political Science / Revue canadienne de science politique. — 1994. — Vol. 27. — No 1. — P. 203–204.

КАТЕХИЗИС В.В. ЖИРИНОВСКОГО: ВОЦИВИЛИЗОВАННЫЙ РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК

Н.А. Васецкий

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
navaseckiy@yandex.ru

THE CATECHISM OF V.V. ZHIRINOVSKY: A CIVILIZED RUSSIAN MAN

N.A. Vasetsky

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Chief Researcher,
V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
navaseckiy@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена систематизации взглядов Жириновского на русского человека как творца и ядро Российской цивилизации. Вводится и обосновывается авторская категория «воцивилизованный русский человек», которая рассматривается не как публицистическая метафора, а как полноценная антропологическая и цивилизационная единица анализа. Методологическую основу исследования составляет катехизисный подход — тезисное изложение незыблемых положений, позволяющее придать интеллектуальному наследию политика форму чёткого учения. Автор раскрывает триединство роли русского человека: он является одновременно создателем, носителем и продуктом собственной цивилизации. Отмечается, что в отличие от западных либерально-индивидуалистических моделей, где человек сводится к пассивному потребителю или «винтику» системы, воцивилизованный русский человек трактуется как патриот, государственный и субъект деятельного преобразования среды. В статье выделены ключевые черты этого типа личности — православие, коллективизм, высокий интеллект, развитые социальные и производственные навыки, способность к самопреодолению через служение Родине. Катехизисный формат изложения позволяет перевести разрозненные высказывания Жириновского в систему практически ориентированных постулатов, значимых для современной культурной, образовательной и государственной политики.

Ключевые слова: воцивилизованный русский человек, катахезис, Российская цивилизация, государство-цивилизация, православие.

Abstract. The article is devoted to the systematization of Zhirinovskiy's views on the Russian person as the creator and core of Russian civilization. The author introduces and substantiates the author's category of «a civilized Russian person», which is considered not as a journalistic metaphor, but as a full-fledged anthropological and civilizational unit of analysis. The methodological basis of the research is the catechetical approach — a thesis statement of unshakable provisions, which makes it possible to give the intellectual heritage of the politician the form of a clear teaching. The author reveals the trinity of the role of the Russian person: he acts simultaneously as the creator, carrier and product of his own civilization. It is noted that unlike Western liberal-individualistic models, where a person is reduced to a passive consumer or a «cog» of the system, a civilized Russian person is treated as a patriot, a statesman and a subject of active transformation of the environment. The article highlights the key features of this personality type: Orthodoxy, collectivism, high intelligence, developed social and industrial skills, and the ability to overcome oneself through service to the Motherland. The catechetical presentation format makes it possible to translate Zhirinovskiy's disparate statements into a system of practically oriented postulates that are significant for modern cultural, educational and public policy.

Key words: the civilized Russian man, catathesis, Russian civilization, state-civilization, Orthodoxy.

В.В. Жириновский ушёл физически. Но духовно, интеллектуально он и сегодня находится в наших рядах, вместе с нами отвечает на актуальные вопросы исследования современного русского человека и русского народа.

Чтобы это духовное и интеллектуальное присутствие обрело форму чёткого учения, необходимо систематизировать его взгляды. Именно так возникает необходимость катехизисного

подхода — как способа тезисного изложения незыблемых положений о русском человеке, которые Владимир Вольфович высказывал на протяжении всей своей научной и политической деятельности.

Катехизис переводится с греческого на русский язык как «оглашение» или наставление в устной форме. Первоначально использовался в виде тезисного изложения основных положений христианского вероучения. Но со временем под катехизисом стали понимать свод правил и незыблемых положений, не обязательно религиозной направленности. Вот об этой сути катехизиса Жириновского и пойдёт речь далее.

Для В.В. Жириновского и ЛДПР *русский человек — это воцивилизованный человек*. Что означает такое представление данной категории русскости в исследовании русского человека?

Воцивилизованный русский человек — сегодня можно употреблять эту новую категорию в социологии мировых цивилизаций без всяких кавычек, потому что этот термин довольно удачно выражает положение человека в цивилизации. Такая взаимосвязь возникла как народная песня из самой среды обитания русского человека в цивилизационном пространстве.

Автора термина «воцивилизованного человека» сегодня вряд ли можно найти. Зато совершенно определённо можно утверждать, что воцивилизованный человек воспринимает цивилизацию как естественное пространство, среду обитания и ресурс развития в своей жизни [4, с. 56].

Пусть сам человек даже особенно и не осознаёт своё новое антропологическое качество. Ведь новая современная терминология социоантропогенеза человечества тоже прижилась не сразу, как говорится, в процессе уяснения предмета социальной антропологии как отрасли социологической науки.

Доминантным является базовый постулат В.В. Жириновского — без русского человека никогда бы не было Российской цивилизации. И наоборот. Без Российской цивилизации никогда бы не было русского человека.

Эта взаимосвязь и взаимообусловленность между каждым из данных феноменов — русским человеком и Российской цивилизацией — несомненна [7]. Она проявляется, пожалуй, лучше и ярче, чем в любой другой мировой цивилизации именно в российских условиях, в формирующемся и развивающемся уже на протяжении 1150 лет российском цивилизационном пространстве.

Россия и русские, как показывает исторический опыт и современное этногеополитическое развитие мирового сообщества, — это особая цивилизация, особая страна, особый народ и особые люди. На чём основан данный цивилизационный императив Жириновского?

Ответ на этот вопрос — в системе базовых постулатов, которые В.В. Жириновский неоднократно повторял.

Русский человек самодостаточен во всём — от бытовых условий до утверждения великих идеалов мирового развития.

Русский человек является ядром Российской цивилизации.

Русский человек — главный субъект (актор) всех цивилизационных процессов, происходящих на шестой части планеты Земля.

Русский человек сохраняет и приумножает уникальные очаги культуры в архитектуре, живописи, музыке, литературе, балете, театре. Словом, везде, где требуется ум, талант и гениальность для развития ценностей и смыслов России государства-цивилизации [5; 6].

Русский человек, если ему не мешать, достигает вершин в любом творческом деле. Это — создатель и архитектор нации новаторов и пионеров, вносящих неоценимый вклад и в развитие всей мировой цивилизации [3, с. 108].

Воцивилизованный русский человек, по мнению Жириновского, обретает в отношении цивилизации те же качества, свойства и образ жизни, что и воцерковленный русский человек, то есть тот, кто не только и не просто крещён, но начинает жить, и живёт жизнью Русской Православной Церкви.

Усваивает её учение, становится участником богослужений, берёт на себя исполнение церковных таинств — исповеди, причастия, венчания. Начинает сознавать себя не формальным, а реальным христианином и прихожанином, частью церковной общины. Усматривает в Церк-

ви не просто организацию, а животворный организм, позволяющий ему через молитву и праведный образ жизни, покаяние и милосердие, постигать Божественную благодать.

Но сходство с воцерковленным человеком — лишь одна грань. Вторая, не менее важная — способность творить цивилизацию.

Воцивилизованный русский человек, в отличие от не достигшего цивилизованного уровня жизни человека не только испытывает на себе влияние цивилизационного пространства, в котором живёт, но и творит его.

Основой его акторского потенциала становится, прежде всего, удовлетворение потребностей жизни населения цивилизации — обеспечение нормальными воздухом и водой, продуктами питания, отдыхом и сном. К ним добавляются и такие комплексные социоантропологические потребности как самосохранение и безопасность, продолжение рода, физическая активность и работоспособность, информация об окружающей среде и других людях.

Активность русского человека по удовлетворению витальных, то есть жизненных, потребностей и определяет его положение в цивилизационном пространстве. Цивилизация становится деятельным пространством жизни воцивилизованного русского человека, полем применения разнообразных усилий по преобразованию окружающей среды и всего мира.

Закономерным итогом такого деятельного отношения к цивилизации становится формирование нового типа личности.

Воцивилизованный русский человек превращается в личность, воспринявшую ценности и смыслы Российской цивилизации, это человек, живущий по правилам и нормам поведения в обществе, обладающий самоконтролем и уважением к другим личностям, понимающий собственную ответственность за происходящее, демонстрирующий стремление к созиданию и развитию, а не к разрушению и бездумному потребительству.

Воцивилизованный русский человек освоил культурный и цивилизационный коды, стал мыслить не только о настоящем, но и о будущем, оказался способен к диалогу и поиску компромиссов, а не к провоцированию конфликтов. Словом, русский человек не просто воспринимает, а ценит достижения цивилизации, своим трудом, поведением и отношением к жизни стремится приумножать эти достижения, развивать их в меняющихся исторических условиях.

Русский человек в Российской цивилизации оказывается актором (субъектом), который одновременно является создателем своей цивилизации, носителем и производным её продуктом. В процессе этногенеза русский человек осваивает земледелие, совершенствует свой язык, создаёт развитые социальные структуры, формирует культуру.

Эта триединая роль закрепляется в повседневной практике через усвоение ценностей, норм и технологий. Русский человек, развивая разумную деятельность, усваивает ценности и смыслы цивилизации, принципы справедливости, доброты и взаимопомощи. Создает новые производственные технологии и социальные нормы жизни. Побуждаемый биологической эволюцией, он дополняет её социокультурными элементами общежития на всём цивилизационном пространстве. Благодаря деятельности русского человека Российская цивилизация представляет собой стадию развития человеческого общества, в котором люди взаимодействуют со средой в сложных системах, основанных на здравом смысле и самоорганизации.

Основными чертами воцивилизованного русского человека становятся:

- православие, русский язык, письменность, книгопечатание, русская культура;
- коллективизм, солидарность, взаимопомощь, доброты и взаимопомощи;
- высокий интеллект и духовное развитие: знания и информация, наука и техника, архитектура и зодчество, литература и поэзия, театр и искусство;
- развитые (каменные) города и поселения;
- система народного хозяйства: производительный труд в земледелии, городском посаде, ремесленничестве, скотоводстве, рыболовстве, общероссийский рынок и внешняя торговля и др.;
- структурированная социальная организация: русская Православная церковь, сословное деление общества, государство и право, парламентаризм (вече и дружина), армия, социальные институты (община, артель, образование), межэтнические и межконфессиональные отношения.

Эти принципы самоорганизации и здравого смысла кристаллизуются в конкретные, повторяющиеся черты.

Перечисленные черты не просто дополняют друг друга — они образуют системное качество. Русский человек в Российской цивилизации — это высокоразвитый субъект в повседневной и общественной жизни, создавший культурный и цивилизационный коды, развивший сложную структуру производственных технологий и социальных институтов, зарекомендовавший себя не только творцом, но и хозяином всего цивилизационного пространства.

Из этого системного качества вырастает главное определение: воцивилизованный русский человек — это, прежде всего, патриот и государственный.

Таким образом, воцивилизованный русский человек является не просто индивидуумом, а прежде всего и главное всего — патриотом своей Отчизны и носителем русской идеи, созидателем и строителем, воином и дипломатом, обеспечивающим безопасность и суверенитет России государства-цивилизации.

Воцивилизованный русский человек как творец Российской цивилизации посредством служения Родине, преодолевает трудности и укрепляет державную мощь России. Совершенствует её духовные устои, обороняет территориальные рубежи, создаёт материальные и ресурсные основы развития. Формирует и развивает мощное государство. И в результате образует Российскую цивилизацию, основанную на вере, справедливости и разумной силе.

Воцивилизованного русского человека В.В. Жириновский противопоставляет западным либеральным и индивидуалистским концепциям, в которых человек представляется винтиком, а приоритет отдаётся личному комфорту и потребительству [1, 2].

Проведённый анализ позволяет утверждать, что концепт «воцивилизованного русского человека», разрабатывавшийся В.В. Жириновским и систематизированный в форме катехизисного подхода, представляет собой не просто публицистическую метафору, а полноценную антропологическую и цивилизационную категорию. Данная категория фиксирует неразрывную взаимосвязь русского человека и Российской цивилизации, где последняя является одновременно и средой обитания, и деятельным полем самореализации личности.

В отличие от либерально-индивидуалистических моделей западного типа, сводящих человека к пассивному потребителю или «винтику» системы, воцивилизованный русский человек трактуется как триединый актор — творец, носитель и продукт собственной цивилизации. Его ключевыми характеристиками становятся православие, коллективизм, высокий интеллект, развитые социальные и производственные навыки, а главное — способность к самопреодолению через служение Родине.

Катехизисный формат изложения, предложенный в статье, позволяет перевести разрозненные высказывания В.В. Жириновского в систему устойчивых, практически ориентированных постулатов. Это важно не только для историко-политологической рефлексии, но и для современной государственной культурной и образовательной политики, где востребован позитивный образ русского человека-созидателя.

Список литературы

1. Быстренко В.И. В.В. Жириновский об истории России и главных источниках укрепления ее государственности сегодня // Мировые цивилизации. — 2024. — Т. 9. — № 4. — <https://wcj.world/PDF/06IAMZ424.pdf>.
2. Васецкий Н.А., Березин Н.В. Цивилизационные проблемы глобального будущего в системе взглядов В.В. Жириновского // Россия и мир: развитие цивилизаций. Уроки Великой Победы и новое мироустройство. Материалы XV международной научно-практической конференции. В 2-х ч. — Москва, 2025. — С. 95–102.
3. Исаев В.Д. Человек в пространстве цивилизации и культуры. — Луганск: Світлиця, 2003. — 188 с.
4. Мысли и афоризмы: [высказывания Владимира Жириновского] / [сост.: И.В. Дьяков и др.]; ЛДПР. — Москва: ЛДПР, 2016. — 271 с.
5. Слуцкий Л.Э. Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы. В 2 т. Т. 1. Россия — государство-цивилизация: монография / Л.Э. Слуцкий, Н.А. Васецкий, О.Н. Слоботчиков. — Москва: Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского, 2024. — 384 с.

6. *Слуцкий Л.Э.* Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы. В 2 т. Т. 2. Свойства мировых цивилизаций: цветущая сложность: монография / Л.Э. Слуцкий, Н.А. Васецкий, О.Н. Слоботчиков. — Москва: Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского, 2025. — 540 с.
7. *Толмачёв А.В.* Традиционные ценности русской цивилизации // Гусевские чтения — 2024. Три измерения политической истории России: идеология, политика, практики. Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). — Ярославль; Москва, 2024. — С. 424–455.

ВЛАДИМИР ВОЛЬФОВИЧ ЖИРИНОВСКИЙ О БУДУЩЕМ РОССИИ

Н.В. Березин

заместитель руководителя аппарата фракции ЛДПР в Государственной Думе,
куратор УМЦ,
аспирант,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
moo@ldpr.ru

VLADIMIR VOLFOVICH ZHIRINOVSKY ON THE FUTURE OF RUSSIA

N.V. Berezin

Deputy Chief of Staff of the LDPR faction in the State Duma,
curator of the UMC,
graduate student,
V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
moo@ldpr.ru

Аннотация. В статье рассматривается политическое наследие основателя Либерально-демократической партии России Жириновского в контексте современных геополитических трансформаций и поиска стратегических ориентиров развития России. На основе систематизации выступлений и прогнозов политика анализируются ключевые элементы предложенной им модели будущего: унитарное территориальное устройство, жёсткая оборонная доктрина, государственный капитализм, демографическая политика, направленная на решение «русского вопроса», а также роль традиционных ценностей и православия как культурного кода. Особое внимание уделяется внешнеполитическим прогнозам Жириновского, включая концепцию многополярного мира, сценарии развития украинского кризиса, формирование оси «Москва-Анкара-Тегеран» и трансформацию Западного полушария. Автор сопоставляет взгляды Жириновского с концепциями других исследователей, выявляя оригинальные черты его подхода. В заключении предлагаются дополнительные ориентиры для стратегического планирования, вытекающие из аналитического наследия политика. Делается вывод о высоком прогностическом потенциале идей Жириновского, их востребованности для осмысления современных вызовов и сохранения актуальности его политического наследия.

Ключевые слова: Жириновский, политическое наследие, историческая память, Русский вопрос, внешнеполитические процессы, прогнозы.

Abstract. The article examines the political legacy of the founder of the Liberal Democratic Party of Russia, Zhirinovskiy, in the context of modern geopolitical transformations and the search for strategic guidelines for Russia's development. Based on the systematization of the politician's speeches and forecasts, the key elements of his proposed model of the future are analyzed: a unitary territorial structure, a rigid defense doctrine, state capitalism, demographic policy aimed at solving the "Russian question", as well as the role of traditional values and Orthodoxy as a cultural code. Special attention is paid to Zhirinovskiy's foreign policy forecasts, including the concept of a multipolar world, scenarios for the development of the Ukrainian crisis, the formation of the Moscow-Ankara-Tehran axis and the transformation of the Western Hemisphere. The author compares Zhirinovskiy's views with the concepts of other researchers, revealing the original features of his approach. In conclusion, additional guidelines for strategic planning are proposed, stemming from the analytical legacy of the politician. The conclusion is made about the high predictive potential of Zhirinovskiy's ideas, their relevance for understanding modern challenges and maintaining the relevance of his political legacy.

Key words: Zhirinovskiy, political heritage, historical memory, the Russian question, foreign policy processes, forecasts.

В настоящее время политическое наследие основателя ЛДПР Владимира Вольфовича Жириновского приобретает особую актуальность в контексте современных геополитических трансформаций и поиска новых ориентиров для развития России. На протяжении более 30 лет В.В. Жириновский оставался одним из самых ярких и противоречивых деятелей отечественной политики, чьи высказывания и прогнозы неизменно вызывали широкий обществен-

ный резонанс. Однако после его ухода в 2022 году интерес к его идеям не только не угас, но и приобрел новое, более глубокое измерение.

В условиях продолжающейся геополитической нестабильности, когда перед Россией стоят вызовы беспрецедентного масштаба, обращение к наследию Жириновского-мыслителя, предложившего целостную картину будущего мирового устройства, становится не просто данью памяти, но и важным инструментом осмысления текущей ситуации [1; 11].

Систематизация и анализ взглядов В.В. Жириновского позволяют не только оценить его прогностический потенциал, но и выявить преемственность в развитии отечественной политической мысли, а также предложить дополнительные ориентиры для стратегического планирования.

Когда думаешь о будущем России по В.В. Жириновскому, первое, что приходит на ум, — это железная воля к сохранению территории, но не той, что сейчас, а куда более жесткой и унифицированной конструкции. Он не терпел самой идеи федерализма, построенного по национальному признаку. Россия в его представлении — это страна, где не может быть национальных республик с особыми правами, своими конституциями или брачными обычаями. «Это безумие, когда на карте одной страны написано «Кабардино-Балкария» или «Татарстан»», — повторял он. Будущее — за губерниями и землями, как в имперский период. Все регионы должны быть равны перед законом, утратив политический суверенитет. Укрупнение регионов, слияние крошечных субъектов в мощные провинции — это инструмент, чтобы люди перестали делить страну на «наши» и «ваши». Только единая и неделимая нация, где национальность становится личным делом каждого, но не привилегией для элиты¹.

Однако эту единую территорию, по В.В. Жириновскому, невозможно сохранить без абсолютно бескомпромиссной оборонной доктрины. Безопасность — это не просто приоритет, это краеугольный камень, на котором стоит всё. Он исходил из исторической памяти: Россию всегда пытались расчленить — поляки в Смуту, французы, немцы дважды. Мощная армия и флот, постоянная готовность к гибридным угрозам, жёсткий ответ на любое расширение НАТО на Восток. В его картине мира нет места пацифизму; есть только вооружённый нейтралитет, подкреплённый ядерным щитом и миллионной армией, способной за неделю дойти до Ла-Манша, если потребует государственный интерес.

Но для чего нужна эта мощь? Не для завоеваний, а для экономики, которая работает на народ. В.В. Жириновский был сторонником жёсткого государственного капитализма. Стратегические отрасли — энергетика, оборонка, связь — должны принадлежать государству. При этом он требовал тотальной защиты отечественного производителя. Никакой дешёвой китайской или турецкой продукции, если своя — хуже, но своя. Пошлины, запреты, квоты. Экономика будущего — это самодостаточность, автаркия в критических секторах. Человек должен быть уверен, что его труд не обесценят импортные потоки, а заводы не закроют ради прибыли акционеров из-за границы.

Однако самым болезненным вопросом для него была демография. «Русский вопрос» — это не национализм, это крик о спасении [3]. Он видел пустеющие сибирские города, вымирающие деревни и считал это главной угрозой номер один². Решения, которые он предлагал, были радикальны: запрет аборт для молодых бездетных женщин, миллионные выплаты за третьего и четвёртого ребёнка, создание государственных «домов невесты», где одинокие девушки получали бы жильё и пособие при рождении детей. Что касается миграции, он требовал жёстких ограничений: только русскоязычные и культурно близкие народы, никаких анклавов с шариком, обязательное тестирование на знание истории и языка³.

И, наконец, духовная составляющая. В.В. Жириновский считал роль православия и традиционных ценностей в будущем России абсолютной. Не как обязательной религии для всех,

¹ ЛДПР предлагает отказаться от территориального деления РФ по национальному признаку. — URL: <https://tass.ru/politika/2724482>.

² Жириновский: демографическую проблему РФ можно решить сокращением количества абортов. — URL: <https://www.vesti.ru/article/2122544?ysclid=mnfx3s60fq571096719>.

³ Миграционный вопрос. Владимир Жириновский — об увеличении числа приезжих. — URL: https://aif.ru/politics/russia/migracionnyy_vopros_vladimir_zhirinovskiy_ob_uvelichenii_priezzhih?ysclid=mnfx1p53p9689958887.

а как культурного кода. Семья, где мужчина — защитник, женщина — хранительница очага, уважение к старшим, верность Родине. Он презирал западные концепции чайдффри, гендерного равенства и толерантности, называя их «болезнями умирающего Запада». В его образе будущего школа воспитывает патриота, телевидение пропагандирует многодетность, а памятники советским героям и царским полководцам стоят рядом. Культура — это оружие, и оно должно стрелять по бездуховности, цинизму и либеральному хаосу. Россия по В.В. Жириновскому — это огромный, мобилизованный, жёсткий, но справедливый мир, где никто не забыт и ничто не забыто, где сила уважаема, а слабость прощательна только детям и старикам.

Что касается внешнеполитических процессов и места в них России, то будущее, согласно В.В. Жириновскому, принадлежит многополярной конфигурации, где управление миром осуществляют несколько суверенных центров. В его выступлениях неоднократно фигурировала триада «Россия — США — Китай» как базовый каркас нового мирового порядка⁴. Примечательно, что данная модель не предполагала конфликтного противостояния, но утверждала принцип взаимно уважаемого раздела зон ответственности и стратегических интересов. Для России в этой схеме отводилась роль евразийского балансира, способного поддерживать равновесие между морскими (США) и континентальными (Китай) цивилизационными массивами [7]. С научной точки зрения, концепция Жириновского демонстрирует симптоматичную для постсоветской политической мысли попытку преодолеть «комплекс однополярности» и предложить России не роль догоняющего, а одного из архитекторов глобального управления. Актуальность тезисов В.В. Жириновского о многополярности подтверждается современными трендами формирования блоков БРИКС и ШОС, что делает его наследие востребованным для анализа трансформации международных отношений.

Позиционирование взглядов В.В. Жириновского в поле современной геополитической мысли требует их сопоставления с концепциями, получившими мировое признание. Такое сравнение позволяет выявить оригинальные черты жириновской модели.

Так, если американский политолог, Ф. Фукуяма после окончания Холодной войны провозгласил «конец истории» в виде триумфа либеральной демократии и рыночной экономики, то В.В. Жириновский последовательно отрицал линейность этого сценария [12, 4]. Вместо универсализации западных институтов он предсказывал возврат к классической геополитике баланса сил, а не унификацию политических режимов. Оригинальность Жириновского здесь — в отрицании самой идеи «конечного состояния» мировой системы; его мир вечно конкурентен и цикличен.

Американский политолог Дж. Миршаймер, как и В.В. Жириновский, исходит из неизбежности великодержавного соперничества и считает расширение НАТО прямой причиной украинского кризиса [10]⁵. Однако их прогнозы расходятся в своей основе. Миршаймер, будучи сторонником рационального сдерживания, предсказывает затяжную конфронтацию без полного краха одной из сторон, тогда как Жириновский настаивает на скором и тотальном распаде НАТО и ЕС (к 2026 году) с последующей территориальной перекройкой Украины. Оригинальность жириновской модели — в её «сценарной смелости» и учёте иррациональных факторов (исторические фобии, личностный фактор).

При рассмотрении цивилизационного подхода советского и российского политолога А. Дугина и прогнозов В.В. Жириновского у обоих прослеживается примордиалистская логика многополярности и критика однополярного мира [2; 7]. Однако у Дугина многополярность носит эзотерически-идеологический характер (противоборство «сухопутной» и «морской» цивилизаций), тогда как Жириновский остаётся прагматичным популистом-государственником. Для Дугина ось Москва-Анкара-Тегеран — метафизический союз «континентальных ценностей»; для Жириновского — сугубо инструментальный блок для контроля транзита и вытеснения США. Оригинальность Жириновского — в отсутствии жёсткой идеологической нагруженности, что делает его прогнозы более гибкими.

⁴ Жириновский: Ни Вашингтон, ни Пекин, ни Москва не должны командовать человечеством. — URL: <https://www.kp.ru/daily/26771/3804776/>.

⁵ Что говорил Жириновский о конфликте России и НАТО. — URL: <https://ria.ru/20251117/zhirinovskiy-2054116590.html?ysclid=mnfydv7is1717281464>.

В рамках анализа политического наследия В.В. Жириновского одним из наиболее разрабатанных сюжетов его прогнозов является «украинский вопрос», который он рассматривал в качестве ключевого элемента будущего Русского мира [5]. Стержнем его риторики являлась убежденность в искусственности и, следовательно, нежизнеспособности украинского государства. Политик неоднократно подчеркивал, что «Украина как государство никогда не существовала, а была создана искусственно», в частности, в результате решений большевистского руководства. По его мнению, процесс разрушения этой конструкции был неизбежен, причем критическую роль в нем, по прогнозу 2019 года, должен был сыграть В. Зеленский, которому отводилась роль «могильщика», способного своими действиями привести страну к финалу.

В отношении исхода конфликта В.В. Жириновский давал детальные и бескомпромиссные прогнозы, центральными элементами которых были победа России и территориальная реконфигурация. Он был убежден, что «Россия снова станет великой страной»⁶, а Специальная военная операция завершится победой. Одним из самых ярких символических жестов, иллюстрирующих его видение, стало разрезание торта в виде карты Украины, где он ножом отделил территории, которые, по его мнению, должны отойти к России: Крым, ДНР, ЛНР, а также Запорожскую и Херсонскую области [9]. Он предрекал раздел страны, в результате которого Россия получит контроль над юго-восточными и центральными регионами, а также над Киевом. Западная же часть, включающая Львовскую, Тернопольскую и другие области, по его сценарию, могла образовать государство «Галиция» под протекторатом Польши и НАТО. Таким образом, прогнозы В.В. Жириновского представляли собой целостную, хотя и эпатажную, концепцию решения украинского вопроса как ключевого этапа на пути восстановления исторической справедливости и единства Русского мира.

Особое место в геополитическом пространстве В.В. Жириновский отводил Ближнему Востоку [6]. Он неоднократно характеризовал этот регион как пороховую бочку, способную инициировать Третью мировую войну, причем пусковым механизмом, по его мнению, должны были стать не столько межгосударственные противоречия, сколько внутренняя религиозная и клановая природа конфликтов, перерастающая в тотальную борьбу за ресурсы. Выход из этого коллапса он видел не в либеральной демократизации, а в создании жестких центров силы. Одним из самых ярких и оригинальных предложений В.В. Жириновского стала идея формирования стратегической оси «Москва-Анкара-Тегеран». Он рассматривал эту тройственную связку не как временный тактический союз, а как естественный континентальный блок, способный взять под контроль транзитные потоки из Центральной Азии и Каспия, вытеснив англосаксонское влияние из Закавказья и северной части Ближнего Востока. Для России этот блок означал бы защиту южных рубежей и доступ к теплым морям без прямого столкновения с НАТО.

Однако наиболее радикальным и парадоксальным в его прогнозе выглядит видение Западного полушария [8]. Владимир Вольфович предрекал неизбежное, обусловленное экономическими кризисами и исчерпанием либеральной модели, объединение США, Канады и Мексики в единое федеративное государство по образу «Североамериканского союза». С его точки зрения, это не было бы усилением конкурента России, а, напротив, свидетельствовало бы о начале эпохи континентальных гигантов, где Россия как евразийский центр будет вынуждена консолидировать постсоветское пространство, чтобы противостоять уже не разрозненным странам, а мощным блокам — американскому, европейскому и китайскому. Анализ этих взглядов позволяет заключить, что Жириновский, несмотря на эпатажность формулировок, последовательно отстаивал первичный взгляд на международные отношения, где будущее России напрямую зависит от способности играть на межблоковых противоречиях и физически доминировать в ключевых «буферных» зонах — от Ближнего Востока до Арктики.

В качестве дополнительных ориентиров для стратегического планирования, вытекающих из его аналитических размышлений, можно предложить следующие.

Во-первых, концепция «управляемой децентрализации» как альтернатива жесткому унитаризму: сохранение политической монолитности при передаче фискальных и администра-

⁶ Пророчества Жириновского сбываются! Программные тезисы ЛДПР. — URL: <https://ldpr.ru/event/203448/?ysclid=mnfyxxiwqo803016110>.

тивных полномочий на уровень макрорегионов (Урал, Сибирь, Дальний Восток) для снижения сепаратистских рисков, о которых говорил политик.

Во-вторых, формирование «культурно-тыловых поясов»: опережающее развитие средних городов в 150–200 км от государственной границы как буферных анклавов, сочетающих логику, оборонную промышленность и социальную инфраструктуру, — мера, косвенно следующая из жириновской критики гипертрофии мегаполисов. Наконец, целесообразно дополнить классическую триаду «национальная безопасность — экономический рост — народосбережение» четвертым компонентом — «сценарная эмпатия», то есть способность ведомств моделировать поведение акторов на основе их исторических травм и иррациональных мотиваций, чем славился сам В.В. Жириновский, предсказывая действия оппонентов там, где рациональный анализ давал сбой. Эти ориентиры не носят нормативного характера, но могут служить матрицей для стресс-тестирования текущих стратегических документов.

В заключение к анализу взглядов Владимира Вольфовича Жириновского о будущем России следует подчеркнуть, что предложенная им модель сильного, унитарного государства, опирающегося на самодостаточную экономику, жёсткую оборонную доктрину, традиционные ценности и решительную демографическую политику, содержит рациональные зерна, востребованные в условиях современной нестабильности. Его видение многополярного мира, предсказание «заката гегемонии США», а также конкретные сценарии развития украинского кризиса и ближневосточных процессов обнаруживают высокий прогностический потенциал, подтверждаемый текущими трендами. В конечном счёте, идеи В.В. Жириновского, при всей их дискуссионности, остаются важным источником для осмысления вызовов, стоящих перед Россией, и поиска ответов на них, что подтверждает непреходящую актуальность его политического наследия.

Список литературы

1. *Васецкий Н.А., Березин Н.В.* цивилизационные проблемы глобального будущего в системе взглядов В.В. Жириновского // *Россия и мир: развитие цивилизаций. Уроки Великой Победы и новое мироустройство. Материалы XV международной научно-практической конференции.* В 2-х ч. — Москва, 2025. — С. 95–102.
2. *Дугин А.Г.* Основы геополитики: Геополитическое будущее России. — Москва: Арктогея, 1997. — 599 с.
3. *Жириновский В.В.* Геополитика и русский вопрос / Либер.-демократ. партия России. — Москва: Издательский дом «Галерея» 1998. — 494 с.
4. *Жириновский В.В.* Главные заблуждения нашего времени. — 2019. — 27 с.
5. *Жириновский В.В.* Дым над Украиной. — 2016. — 72 с.
6. *Жириновский В.В.* Жестокая война. Ближний Восток в огне. — 2016. — 57 с.
7. *Жириновский В.В.* Запад против России. — 2019. — 31 с.
8. *Жириновский В.В.* Россия — США. — 2019. — 46 с.
9. *Жириновский В.В.* Утомленная планета. — 2020. — 65 с.
10. *Миршаймер Д.* Неизбежное соперничество // *Россия в глобальной политике.* — 2022. — Т. 20. — № 1 (113). — С. 166–181.
11. *Слоботчиков О.Н.* Жириновский как философ. — 2017. — 91 с.
12. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. — Москва: АСТ: Полиграфиздат, 2010. — 588 с.

ФРАГМЕНТАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЛОКАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ

Р.М. Нижегородцев

доктор экономических наук, профессор,
зав. лабораторией экономической динамики и управления инновациями,
Институт проблем управления РАН, Москва
bell44@rambler.ru

FRAGMENTATION OF THE ECONOMIC SPACE AND GLOBALIZATION OF LOCAL CONFLICTS: CURRENT TRENDS

R.M. Nizhegorodtsev

Doctor of Economics, professor,
the chief of the Laboratory of economic dynamics and control for innovations,
Institute for Control Studies RAS, Moscow
bell44@rambler.ru

Аннотация. Рассматриваются современные тренды развития мирового хозяйства в преддверии наступающей рецессии, вызванной глобальным ресурсным дефицитом, в основе которого лежат технологические сдвиги. Поляризация экономических интересов в мировой экономике вызывает фрагментацию хозяйственного пространства, и в этих условиях возрастает потребность в расширении внутреннего спроса, обеспечивающего замкнутый характер воспроизводственных контуров.

Ключевые слова: фрагментация экономического пространства, технологические сдвиги, ресурсный дефицит, глобальные конфликты, внутренний спрос, государственное регулирование.

Abstract. The article examines the current trends in the development of the global economy on the eve of the coming recession caused by the global resource shortage, which is based on technological shifts. The polarization of economic interests in the global economy causes fragmentation of the economic space, and in these conditions there is an increasing need to expand domestic demand, ensuring the closed nature of reproductive circuits.

Key words: fragmentation of the economic space, technological shifts, resource scarcity, global conflicts, domestic demand, government adjustment.

Предстоящая рецессия в мировом хозяйстве вызвана ресурсным оскудением. Технологические сдвиги изменяют логику ресурсного обеспечения: отныне ресурсами становятся субстанции, которые прежде не являлись таковыми. С этим связаны лихорадочные, судорожные попытки нынешней администрации США добиться ресурсной поддержки инициированной ею программы реиндустриализации. Вроде бы благая цель — переместить высокотехнологичное производство на территорию своей страны, дать работу представителям среднего класса и т.д., но для достижения этой цели нужно обеспечить приток ресурсов, а их получение упирается в факт экономического и политического суверенитета отдельных стран. Следовательно, для решения поставленной задачи с суверенитетом этих стран должно быть покончено, и Соединенные Штаты (как это бывало много раз в истории данной страны) занимаются свержением правительств, убийством национальных лидеров других стран и насаждением марионеточных режимов по всему миру.

Ресурсный дефицит не является специфической чертой американской экономики, его испытывают страны всего мира — разумеется, в разной степени. Подведение экономических итогов 2021 года [1] побудило констатировать факт глобального дефицита энергии, причем это было еще до развертывания масштабных антироссийских санкций и торговых войн по все-

му миру. Эксперты обратили внимание на то, что в некоторых странах замораживается производство микрочипов и электромобилей, а также другие энергоемкие производства.

Сложившаяся ситуация крайне болезненно отражается на экономике стран Западной Европы. Многие резиденты этих стран ведут себя так, как будто рецессия уже идет полным ходом, и это отражается в том числе на потребительском поведении определенной части населения [4]. В качестве возможной реакции на ухудшение экономической конъюнктуры правительства соответствующих стран рассматривают регулирующие меры [2], способные трансформировать отраслевую структуру экономик этих стран, в частности, вызвать локальный отток капитала из отраслей, составляющих опору хозяйственной деятельности в этих странах.

Готовность к пересмотру постулатов, на которых зиждется экономическая политика во многих странах мира, обнажает еще один важный тренд современных макросистем — переход к ручному управлению, который с одной стороны естествен в сложившейся ситуации, но с другой стороны чреват труднопредсказуемыми последствиями для текущих очертаний мирового разделения труда.

Когда хорошо формализованы институты и специфицированы правомочия (т.е., грубо говоря, понятно, кому что принадлежит, где чей функционал и кто на что имеет право), роль личности в истории минимальна. Не кадры, а вот эти формальные институты решают всё. Поэтому в этих условиях не очень разумно обсуждать, добрый или злой у нас царь-батюшка и чего нам от него ожидать. На первый план выходит праксеология — как всё устроено, как функционирует.

А когда осуществляется ручное управление, роль личности максимальна, и тогда есть смысл поинтересоваться тем, кто стоит во главе процессов. Важнее становится аксиология — чего хотят.

Сегодня среда, в которой мы живем, изменчива и слабо структурирована [8]. Иначе говоря, мы живем в мире, в котором никогда прежде не жили, и на наших глазах происходят вещи, которых мы никогда раньше не видели. Поэтому во всем мире сейчас совершается отчетливый поворот в сторону ручного управления. Это не специфика отдельных стран, а глобальный тренд, вызванный технологическими разрывами, происходящими на многих локальных рынках одновременно. И на микро-, и на макроуровне к управлению приходят новые лидеры, у них иное понимание ситуации, нежели у их предшественников, и начинается снос целой череды прежних договоренностей и обязательств.

Опыт 2022–2024 годов для России ценен и интересен тем, что он показал реакцию нефинансовых рынков на надувание пузырей, на вход-выход иностранного капитала, как отмечал ранее автор этих строк [3, с. 193–194]. Каким образом это происходит на финансовых рынках — мы в свое время увидели, это были 1998–1999 годы. А теперь аналогичные сюжеты развернулись на нефинансовых рынках. Мы убедились в том, что наши локальные рынки проявили должную степень устойчивости, хотя реакция правительства на структурные деформации, откровенно говоря, несколько запоздала. Зато в социально значимых сферах проявил активность частный капитал, в них возникли разные формы государственно-частного партнерства.

Этот факт позволяет нам смотреть в ближайшее будущее с относительным оптимизмом, несмотря на то, что хозяйственные противоречия между странами продолжают углубляться, и в скором времени по всему миру развернутся вооруженные конфликты за овладение дефицитными ресурсами, возникнут попытки организовать новые переделы сфер влияния в мировой экономике.

Тенденция к глобализации локальных конфликтов свидетельствует об отчетливой, ярко выраженной поляризации интересов отдельных групп стран и об осознании правящими кругами (элитами) этих стран внутреннего единства соответствующих групп.

При всей разнородности экономических интересов стран коллективного Запада, их выразителем и защитником остаются США, давно взявшие на себя роль мирового жандарма и на этом основании затевающие вооруженные конфликты по всему миру. В этих обстоятельствах притязания нынешнего президента этой страны на получение Нобелевской премии мира выглядят, по меньшей мере, двусмысленно.

Стоит Соединенным Штатам ввести санкции против компании или страны, и на реализацию этих санкций работает вся мощь государственной машины США. Когда африканские пираты задерживали и грабили суда на морских путях, соприкасающихся с водами этого континента, это называли пиратством. Когда военно-морские силы США блокируют и арестовывают суда других стран, помогающие той или иной стране справиться с американскими санкциями (нередко грубо нарушающими Устав ВТО и зафиксированные в нем принципы международной торговли), это называется порядком, основанным на правилах.

В Европейском Союзе придумали термин «теневого флот» специально для того, чтобы практикуемые европейскими странами разбойные нападения на суда других стран получили некую видимость обоснованности и легальности [6], несмотря на то, что основная цель подобных нападений заключается не в поддержании режима санкций, а в устранении конкурентов на рынке морских грузоперевозок.

В результате предпринимаемых действий дефицитные для мировой экономики ресурсы становятся еще более дефицитными, и межстрановые противоречия сплетаются в единый узел, разрубить который становится возможным только вооруженным путем.

В этих условиях, как всегда бывает при наступлении мировой рецессии, экономическое пространство фрагментируется, преобладает тенденция к натурализации хозяйственной жизни. Устойчивый характер воспроизводства обеспечивается тем, что все важнейшие предпосылки функционирования макросистемы создаются внутри нее самой.

В этом смысле решение ключевой задачи для нашей страны еще впереди — эта задача состоит в том, чтобы отвязать российскую экономику от внешнего спроса. Для этого нужно расширять внутренний спрос, расширять внутренние рынки. Эта задача сейчас, кажется, осознана, но для ее решения делается пока очень мало. Условно можно сказать, что пока не до этого, но сама реальность, ход событий побуждает правительство торопиться с этим сюжетом. Чем раньше сможем отвязаться от внешнего спроса, тем больше возможностей обрести реальный, экономический, а не формальный, декларативный суверенитет [5]. Можно сколько угодно сетовать на низкие темпы роста, но они являются следствием половинчатого, непоследовательно проводимого курса на технологическую модернизацию. В то же время, наши заклятые друзья на Западе (и добросовестные переводчики их сентенций на русский язык, популяризирующие их нарративы внутри России) убеждают нас в том, что это не следствие, а причина: дескать, денег на модернизацию нет, потому она и происходит медленными темпами.

На самом деле вопрос не в наличии денег: инвестиционные ресурсы, обеспечивающие функционирование долгосрочных воспроизводственных контуров, можно создать внутри нашей макросистемы, и институциональные решения, обеспечивающие это создание, постепенно формируются на наших глазах. Вдобавок к этому становление экономики предложения, а именно такая задача поставлена нашим Президентом [7], предполагает повышение цены труда, укрепление рубля и возможность аккумуляирования необходимых инвестиционных ресурсов на ключевых направлениях развития российской экономики.

Список литературы

1. 2021-й перевернул представление о рыночной экономике // Деловая газета «Взгляд». 08.01.2022. — URL: https://finance.rambler.ru/economics/47898900-2021-y-perevernul-predstavlenie-o-rynochnoy-ekonomike/?utm_source=head&utm_campaign=self_promo&utm_medium=news&utm_content=news.
2. В Европе предложили ввести налог на сверхприбыль для энергокомпаний // Известия. — 04.04.2026. — URL: <https://vfokuse.mail.ru/news/69614892-v-evrope-predlozhili-vvesti-nalog-na-sverhpribyl-dlya-energokompanij/?from=swap&swap=2>.
3. Зотова Е.С. Россия в 2025 г.: социум, хозяйство, культура // Научные исследования экономического факультета. — 2026. — Т. 18, вып. 1 (59). — С. 190–201.
4. Кризис заставил: жительница Франции променяла авто на лошадь // Life.ru. — 04.04.2026. — URL: <https://vfokuse.mail.ru/news/69614903-krizis-zastavil-zhitelnitsa-frantsii-promenyala-avto-na-loshad/>

5. *Нижегородцев Р.М.* Экономическая динамика и вопросы технологического лидерства // Друкеровский вестник. — 2024. — № 3. — С. 245–251.
6. Патрушев рассказал, зачем в Евросоюзе выдумали понятие теневого флота // РБК. Политика. — 31.03.2026. — URL: <https://news.mail.ru/politics/70363575/>.
7. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума: Владимир Путин принял участие в пленарном заседании XXVI заседании Петербургского международного экономического форума. 16.06.2023. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71445>.
8. *Тренев Н.Н.* Управленческие технологии на основе институтов как существенный фактор инновационного роста // Друкеровский вестник. — 2025. — № 6. — С. 15–24.

РОССИЯ СОСРЕДОТАЧИВАЕТСЯ: ВОЗВРАТ К СЕБЕ

Г.А. Погосян

доктор социологических наук, профессор,
академик НАН РА,

Институт философии, социологии и права АН РА, Ереван
gevork@sci.am

RUSSIA IS FOCUSES ON: RETURNING TO ITSELF

G.A. Poghosyan

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia,
Institute of Philosophy, Sociology and Law of the Academy
of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan
gevork@sci.am

Аннотация. Мир движется к новому миропорядку, в котором каждая страна должна заново пересмотреть свои роль и место. Глобальный мир на наших глазах вошел в новый исторический этап масштабной войны, в перспективе способной перерасти в ядерное противостояние. В условиях глобальной турбулентности Россия возвращается к своим исконным корням и православию. За истекшее десять лет Евразийский экономический союз (ЕАЭС) принес странам-участницам немало преимуществ. Страны-участницы выдвигают вопрос о необходимости расширения интеграции в политической, энергетической и в сфере безопасности. Проблемы безопасности на всем внешнем контуре Евразийского союза особенно обострились в последнее десятилетие. В статье обсуждаются вопросы обеспечения информационной безопасности, защиты общества от внешнего деструктивного воздействия путем развития средств информационного противоборства на качественно новом уровне.

Ключевые слова: глобальный миропорядок, модернизация интеграции, информационные войны.

Abstract. The world is moving toward a new world order, in which every country must reassess its role and place. Global world has entered before our eyes a new historical stage of the large-scale war, potentially escalating into the nuclear confrontation. Amid global turbulence, Russia is returning to its ancestral roots and Orthodoxy. Over the past ten years, the Eurasian Economic Union (EAEU) has brought many advantages to its member states. Along with these real achievements, member states are raising the need for expanded integration in the political, energy, and security spheres. Security issues along the entire external border of the EAEU have become particularly acute in the past decade. This article discusses issues of ensuring information security and protecting society from external destructive influences by developing information warfare tools at the qualitatively new level.

Key words: global world order, modernization of integration, information wars.

В 2024 г. исполнилось 10 лет Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), в рамках которого пять стран СНГ реализовали экономическую интеграцию. За истекшее время экономический союз принес немало выгод и преимуществ, в частности, в плане облегчения и расширения возможностей межгосударственной торговли. В наше время ведутся переговоры с целым рядом новых стран, изъявивших желание присоединиться к ЕАЭС. Страны-участницы выдвигают вопрос о расширении интеграции в политической, энергетической и сфере безопасности. Эксперты говорят о совершенствовании и модернизации евразийской интеграции с учетом новых реалий в глобальном мировом порядке. Опросы общественного мнения, проведенные в странах-участницах, свидетельствуют о снижении интереса населения к перспективам интеграции в связи с некоторым замедлением интеграционных процессов и несоответствием их первоначальным социальным ожиданиям.

Исторический этап масштабных войн

Глобальный мир на наших глазах вошел в новый исторический этап масштабной войны, в перспективе способной перерасти в ядерное противостояние. Мир движется к новому миропорядку, в котором каждая страна должна заново пересмотреть свои роль и место. Но не секрет, что старый порядок не хочет уступать свои позиции. США демонстрируют свое желание доминировать во всем мире от Венесуэлы и Гренландии до Ирана и Южного Кавказа.

Война США и Израиля в Иране наглядно показала, что любые переговоры с Вашингтоном являются абсолютной профанацией, целью которой являлось лишь стремление усыпить бдительность Ирана перед нападением. Фактически мир стал свидетелем акта тотального международного беззакония, когда согласие на ведение мирных переговоров становится для агрессора идеальным моментом нанести неожиданный удар по противнику. Ведь на недавних переговорах Иран фактически согласился на все ключевые требования США, включая полную остановку накопления обогащённого урана. Однако ответом на его готовность к миру спустя всего несколько часов стал массированный удар Израиля и США. После физического уничтожения высшего руководства Ирана, президент США обратился к народу Ирана с призывом свергнуть законную власть аятоллы и установить столь желанные для американцев «демократические» порядки. По этому поводу министр иностранных дел Омана Бадр аль-Бусаиди заявил, что понятие «американской дипломатии таким образом окончательно обнулилось». Международные наблюдатели заметили особый цинизм ситуации, который заключался в том, что атаки затронули и сам Оман, являвшийся страной-посредником в ирано-американских переговорах. Решительная бесцеремонность и презрение к международным нормам, с которыми Трамп осуществил военные операции по захвату президента Венесуэлы Мадуро и массированные бомбардировки Ирана, стали предметом серьезной переоценки тактики и стратегии ведения СВО, применяемой Россией.

Превратятся ли американские бомбардировки в Иране в многолетнюю войну по российско-украинскому сценарию СВО? Скорее всего американцы постараются, если получится, продемонстрировать, как они по-своему проводят специальные военные операции в короткие сроки.

Новые возможности для России и ЕАЭС

Страны ЕАЭС вместе с Россией должны совместными усилиями обеспечить такой путь развития, благодаря которому будут реализованы их новые возможности. Следует резко повысить конкурентоспособность нашей интеграционной модели, самое большое преимущество которой — это гарантия безопасности, а самое слабое место — это экономическое отставание и низкий уровень жизни населения. Особое значение приобретают вопросы экономического преодоления новых барьеров, возникших в связи с военной обстановкой, общей геополитической турбулентностью в мире и с возросшими угрозами национальной безопасности.

Сегодня даже такой давно состоявшийся интеграционный центр, как Европейский союз, составляющий серьезную конкуренцию для стран ЕАЭС, в современных глобальных условиях трансформации сложившегося миропорядка испытывает серьезные экзистенциальные угрозы.

Кризис Евросоюза

В Европе все громче раздаются недовольные голоса евроскептиков. Об усиливающемся кризисе Евросоюза пишут западные эксперты. Глубинные причины кризиса еврозоны кроются в миграционной проблеме, замедлении экономического роста и усилении правых и популистских движений. Европейские аналитики считают, что Евросоюз обречен на гибель из-за больших различий в укладе жизни, исторических традициях и психологии европейских народов. Современный французский философ Мишель Онфре выражает мнение, что Евросоюз — это новая империя с признаками международной организации и государства [1]. М. Онфре отмечает, что традиционные европейские классы попали под влияние либеральной

идеологии и интересов меньшинства. Любые попытки граждан выражать протест неолибералы выставляют как проявление нацизма и шовинизма. По его мнению, Европа мертва и уже давно [6]. Возможно, философ Онфре здесь имел в виду классический труд немецкого философа и историка культуры Освальда Шпенглера, который еще сто лет назад в 1918 г. опубликовал свою знаменитую книгу «Закат Европы» [7]. Другой французский социолог и антрополог Эмманюэль Тодд издал книгу «Поражение Запада», которая сразу стала бестселлером [2]. В книге он пишет о кризисе в Европе, о том, что европейские народы теряют веру в будущее, а правящая элита проявляет бессилие. Европе угрожает раздробленность и очередной приток мигрантов. Европейская идеология зашла в тупик, а ложная вера в примат экономики и приверженность неолиберальной теории мультикультурализма потерпели полный крах. Европейцы сильнее ощущают свою национальную идентичность, возвращаются к своим национальным ценностям и корням в поисках самосохранения [2]. По мнению болгарского политолога Ивана Крестева, европейский интеграционный мегапроект «Европейский союз» в наши дни переживает глубокий системный кризис [3, с. 122]. Вместе с другими экспертами он утверждает, что европейский проект уже исчерпал себя, и что Евросоюз неизбежно рухнет [4]. Подобные опасения высказывались и ранее. Так, еще в 2016 г. ЕС принял документ, определяющий стратегию в области внешней политики, направленной на создание сильной Европы (“Shared Vision. Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union’s Foreign and Security Policy”). В этой глобальной стратегии отмечалось, что страны Европы переживают «экзистенциальный кризис» внутри ЕС, и что его «существование находится под угрозой» [5].

Безопасность на внешнем контуре ЕАЭС

Проблемы безопасности на всем внешнем контуре Евразийского союза особенно обострились со второго десятилетия XXI в. Локальные пограничные вооруженные конфликты, война на Украине, на Южном Кавказе и в Иране, фактически вскрыли глубокое и долгосрочное противостояние между Россией и коллективным Западом. Жесткая конфронтация России с коллективным Западом уже приняла затяжной характер и, возможно, в ближайшем будущем будет развиваться по возрастающей траектории. Поэтому прежняя парадигма встраивания России и ЕАЭС в глобальную экономику теперь становится проблематичной. Перед экспертами встает задача формирования своей суверенной модели эффективного социально-экономического и политического развития в условиях многополюсного миропорядка.

Информационные войны

Современные войны резко изменили характер боевых действий и всю стратегию обеспечения национальной безопасности. Дело в том, что угроза ядерной войны настолько сильно напугала человечество, что глобальные игроки разработали международные договоры, конвенции, соглашения и решения ООН для запрещения распространения ядерного оружия.

Поэтому ведущие страны стали создавать другие виды оружия массового поражения, не содержащие радиоактивный компонент. Они стали разрабатывать биологическое оружие, которое не несет столь разрушительных последствий для инфраструктуры городов, но уничтожает живую силу. Но и оно вскоре было запрещено международными конвенциями. Тогда начали разрабатывать другие виды оружия — психологическое и информационное. Специальные центры начали разработку гибридных видов оружия массового поражения, на основе сочетания обычного вооружения, совмещенного с биологическим, психологическим и информационным.

Сегодня мало кто решится развязать большую войну против ядерной державы. Россия обеспечивает надежную безопасность себе и партнерам по Евразийскому Союзу. Поэтому ее противники переносят боевые операции в информационное пространство и используют информацию как оружие ведения боевых действий.

В XXI веке для решения геополитических проблем чаще стали прибегать к информационной войне. В ней при в тысячу раз меньших затратах можно добиться больших успехов над

противником, вплоть до смены неугодных политических режимов. Методы информационных войн хорошо известны. Это различные «цветные революции», тактика «мягкой силы», стратегия «управляемого хаоса» и многое другое. Давно уже ясно, что мы живем в эпоху глобальных гибридных войн, в которых пока проигрываем Западу. Различные западные структуры, в отличие от российских, осуществляли такую работу на всем постсоветском пространстве, включая Россию, с завидной последовательностью и эффективностью. В рамках идущей сегодня гибридной войны различные информационные акции по отношению, например, к Армении, стали повседневной реальностью.

В США недавно был представлен Доклад о стремлении изменить глобальную информационную среду. Темой доклада стал масштабный рост операций по дезинформации и манипулированию новостями. Сегодня ситуацию в мировом информационном пространстве называют в докладе «необъявленной информационной войной, которую США и Запад ведут» против России и Китая. Благодаря развитию информационных технологий мир столкнулся с *«фундаментальной асимметрией свободы слова»*, которая заключается в том, что некоторые страны блокируют доступ к своему информационному пространству, но при этом активно действуют и манипулируют во всем остальном мировом информационном пространстве. Они доминируют в информационном пространстве, подавляя новостной контент, который им не нравится, и нагнетают ложные нарративы. В докладе описаны основные категории таких манипулятивных действий:

- 1) использование пропаганды и цензуры,
- 2) продвижение цифрового авторитаризма,
- 3) эксплуатация международных организаций в своих целях,
- 4) технологии манипуляции общественным мнением,
- 5) контроль над иноязычными СМИ.

В целом проявляется шокирующее по масштабам стремление доминировать в информационном пространстве в ключевых частях мира.

Главные особенности информационного оружия

Впервые термин «информационная война» был употреблен в отчете Томаса Рона «Системы оружия и информационная война», подготовленном в 1976 г. для компании «Боинг». Проблематика информационных войн довольно широко освещена в научной литературе, в качестве самостоятельного объекта исследования применительно как к международному праву, так и в военной науке. Несмотря на это, термин «информационная война» представляет собой пока подобие «зонтичной концепции, которая охватывает разрозненные категории из многих сфер знания и формирует некое образование, обладающее объяснительной силой».

Среди существующих средств массовой коммуникации Интернет и популярные социальные сети представляют собой самые удобные и наиболее используемые площадки для ведения информационной войны.

Поражающим элементом информационного оружия является, как известно, *ложная информация* или специально разработанное информационное сообщение, способное оказать сильное воздействие на общественное сознание населения конкретной страны.

Под информационным оружием следует понимать «комплексную систему информационно-психологического воздействия на психику людей, направленное на управление его высшей нервной деятельностью». Информационное оружие может воздействовать как на отдельную личность, так и на общество в целом. Это современное грозное оружие массового поражения.

Перечислим его некоторые важные особенности.

Дальность и глубина проникновения подобного оружия на территорию противника практически не ограничена, равно как и скорость доставки, которая в тысячи раз превосходит скорость гиперзвуковых ракет.

Разрушения, производимые информационным оружием, касаются общественного сознания, умонастроения людей.

Информационное оружие, является орудием массового поражения, причем самого широкого профиля, оказывающего воздействие как на вооруженные силы противника, так и на

мирное население. В случае Армении это еще и многомиллионная армянская диаспора во всем мире.

Производство информационного оружия обходится совсем не дорого, оно создается легко и в неограниченных количествах, большими партиями и сразу берется на вооружение.

Оно легко осваивается соответствующими специальностями, не требует особых условий для хранения, подготавливается к применению в течение нескольких секунд.

Поражающие возможности этого оружия колоссальны; запрещающих и ограничивающих его применение международных конвенций и договоров на сегодняшний день не имеется.

Восстановление потерь и разрушений, наносимых этим оружием, требует длительного времени, больших средств и усилий. Оно не трогает материальную среду и инфраструктуру противника, но наносит серьезный урон его живой силе.

В отличие от обычных видов оружия, здесь нет никаких средств ПВО или технической обороны. Никакой защиты и эффективных средств борьбы и обороны от него пока нет ни у одной страны. Придется отключить все ТВ, радио, СМИ, Интернет и мобильные телефоны населения. Но это может привести к полному коллапсу и потере управляемости в стране.

Информационное оружие, словно бацилла или вирус — невидимое, неслышимое, неосязаемое. Оно действует как межконтинентальная ракета с разделяющимися боеголовками. Начинка информационной бомбы может быть самой разнообразной, а цели поражения — самые разные. Оно может вызывать массовую депрессию, недоверие населения, взаимную агрессию, немотивированную ненависть или беспомощность, массовые настроения суицида, протестные социальные движения, тотальное безразличие, социальную анемию и аутизм.

Инструментарий защиты

Все эти и другие возможности информационного оружия необходимо изучить, чтобы разработать эффективные способы защиты от него.

В сентябре на площадке Международной школы молодых лидеров в Москве специально обсуждались вопросы информационной безопасности. В дискуссии принимали участие эксперты из пяти стран ЕАЭС и российских регионов. Проблемы информационной безопасности рассматривались в контексте общего развития Большого евразийского пространства. Участники особо подчеркивали необходимость и значимость защиты и сохранения исторической памяти, национальной культуры и идентичности в условиях современных информационно-психологических войн с участием искусственного интеллекта, что становится вызовом нового поколения.

Информация используется все больше как способ влияния на общество, на ход внутренних процессов в стране. Она фактически становится элементом внешней политики, инструментом пропаганды и манипулирования общественным мнением с целью продвижения своих геополитических нарративов. Следовательно, вопросы обеспечения информационной безопасности должны рассматриваться в рамках общей доктрины национальной безопасности страны.

Необходимо разработать набор технологий, стандартов и методов управления, которые будут направлены на защиту и обеспечение информационной безопасности. Распространение знаний о современных формах и методах ведения информационных войн может позволить не только ослабить их накал, но и обезопасить общество от вредоносного воздействия. Так, например, в образовательных учреждениях стоит внедрить специализированный курс по информационной безопасности, в рамках которого популярно можно будет представить феномен информационной войны, а также методы и способы защиты от его разрушительного воздействия.

Список литературы

1. Французские историки о неизбежном распаде Евросоюза // ИноСМИ. — 01.10.2018. — URL: <https://inosmi.ru/20181001/243360745.html>.
2. Todd E. La Defaite de l'Occident. — Paris: Gallimard, 2024.
3. Крестев И. После Европы. — М.: Дело, 2018.

4. *Krastev I.* Democracy Disrupted: The Politics of Global Protest. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014.
5. *Шмелев Б.* Перспективы европейской интеграции в оценках болгарского политолога // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — Т. 63. — № 3. — С. 122–126.
6. *Onfray M.* The Death of Europe. — 2011. — URL: <https://terenceblake.wordpress.com/2011/11/01/onfray-2-the-death-of-europe/>
7. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем.; вступ. ст. и прим. К.А. Свасьяна. — Москва: Мысль, 1993.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МЕХАНИЗМ ЭФФЕКТИВНОСТИ

В.А. Бобков

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент НАН Беларуси,
Заслуженный деятель науки Республики Беларусь,
председатель Белорусской ассоциации политических наук,
Белорусский национальный технический университет, Минск
375kpss@gmail.com

POLITICAL IDEOLOGY: THE MECHANISM OF EFFECTIVENESS

V.A. Bobkov

PhD in Historical Sciences, professor,
Honored Scientist of the Republic of Belarus,
Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus,
Chairman of the Belarusian Association of Political Sciences,
Belarusian National Technical University, Minsk
375kpss@gmail.com

Аннотация. Феномен идеологии остаётся в большой мере притягательным для изучения как в целом, так и по составляющим его частям. Остаётся очевидным и актуальность поиска ответов на вопрос о роли идеологии в современном обществе, обосновании сложившихся тенденций. Автор исследует процесс (механизм) превращения политической идеологии в ценностно-ориентационную силу. Вводится новое понятие «духоподъёмности» как необходимого потенциала для эффективности идеологической работы. Такую творческую подсказку даёт нам идейное и политическое наследие В.В. Жириновского, который умело использовал возможности идеологии в формулировании геополитических и цивилизационных прогнозов.

Ключевые слова: индивидуальное сознание, общественное сознание, идеология, политика, политическая идеология, деидеологизация, реидеологизация, ориентационно-ценностное сознание.

Abstract. The phenomenon of ideology remains highly attractive to study both as a whole and in its constituent parts. The urgency of finding answers to the question of the role of ideology in modern society and the justification of current trends remains obvious. The author explores the process (mechanism) of turning political ideology into a value-oriented force. A new concept of “spiritual upliftment” is introduced as a necessary potential for the effectiveness of ideological work. V.V. Zhirinovsky’s ideological and political legacy gives us such a creative clue, he skillfully used the possibilities of ideology in formulating geopolitical and civilizational forecasts.

Key words: individual consciousness, social consciousness, ideology, politics, political ideology, deideologization, reideologization, orientation and value consciousness.

Духовное княжение

Представление об идеологии как влиятельной духовной силе сложилось ещё в древние времена. Это находило своё отражение в мифах и религиозных учениях, а особенно наглядно представлено религиозной политической концепцией Средних веков. Она, по сути, явилась основой для превращения христианства в государственную религию — политическая власть происходит от Бога! Поэтому все граждане, в первую очередь правители государств, должны повиноваться церковнослужителям-наместникам Бога на Земле.

Великий мыслитель эпохи Возрождения Никколо Макиавелли видел в идеологии «орудие духовного княжения» определенной политической силы. А известный испанский философ Х. Ортега-и-Гассет утверждал, что у большинства людей мнения нет, мнение надо дать им, влить, «как смазочное масло в машину». Тем самым каждый из них отмечал великую роль

идеологии как формы специфического ориентационно-ценностного сознания, как духовной силы, воздействующей на людей.

Было также замечено, что идеология, находясь в непосредственной связи с индивидуальным и общественным сознанием, властью, способна выступать как мощная сила созидания. Но может становиться и силой разрушения, подталкивающей и направляющей людей к ложным целям, насильственным методам и средствам действия (например, гитлеровский фашизм, современный неонацизм на Украине). И тогда она оказывает деструктивное воздействие на сознание людей.

В процессе цивилизационного развития представления об идеологии постепенно сложились в форму систематизированных и взаимосвязанных идей, взглядов, ценностей. Классическими образцами их можно назвать либерализм, консерватизм, социализм.

Сам термин «идеология» (от *греч.* *idea* — мысль и *logos* — слово, понятие) ввёл в научный оборот французский учёный А. Дестют де Траси. В работах «Этюд о способности мыслить» и «Элементы идеологии» (1801–1815 гг.) он изложил своё понимание идеологии как теории идей, их взаимодействия, естественного перехода в процессе развития общества от одних идей к другим. Дестют де Траси видел в идеологии особую науку, выясняющую причины рождения и развития идей. По его мнению, она составляет основу таких наук, как педагогика, право, политика.

Выяснением понятия и сущности феномена идеологии занимались многие известные учёные и политики в разное историческое время. Так, Карл Маркс и Фридрих Энгельс провели анализ идеологии как общественного явления в специальном труде «Немецкая идеология» (1845–1846 гг.). Рассматривая существовавшие в буржуазном обществе представления об идеологии, они квалифицировали их как ложное, извращённое отражение реальной действительности. Авторы противопоставили свой подход, свою теорию как альтернативу буржуазной идеологии и назвали её научным социализмом. Они исходили из того, что идеи и мысли людей — это продукт их материальной жизни. Поэтому сделали вывод: «Не сознание людей порождает их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [6].

Марксистская теория в XX веке была пересмотрена и развита В.И. Лениным. Владимир Ильич впервые использовал понятие «научная идеология». По Ленину, носителем такой идеологии является только пролетариат, то есть, самый передовой и сознательный класс общества, так как его борьба за своё освобождение опирается на последние достижения науки, культуры и прогрессивной общественной мысли. Ленинская концепция идеологии, которая была принята в СССР в качестве государственной (политической), рассматривалась как научная основа коммунистического движения и в то же время как идейное средство революционного преобразования общества. Иначе говоря, у Ленина идеология становится по существу мощной идейно-политической силой, оружием пролетариата. В целом классики марксизма-ленинизма видели в идеологии классовое явление, которое обуславливает характер и содержание идеологии определённого класса.

Нас интересует политическая идеология

Нас интересует политическая идеология. Уже само название этой категории — «политическая идеология» даёт подсказку о том, что такая идеология всегда имеет ярко выраженный политический характер. Она содержит в себе ориентиры на завоевание политической власти (если это идеология оппозиции), удержание, сохранение за собой политической власти правящей элитой, а также и оправдание действий данной политической власти.

В то же время категория «политическая идеология» подсказывает, что идеология и политика теснейшим образом взаимосвязаны между собой. Ведь политическая идеология — это основная составляющая содержания политики. Она обеспечивает ценностное восприятие политических интересов субъектов политики, формирует и развивает политическое сознание, политическое поведение людей, интегрирует, сплачивает, консолидирует, воспитывает, мобилизует их и даёт ориентиры для достижения поставленных политических целей. Идеология создает также определенное представление о перспективах развития общества, являясь мощным интеллектуальным средством его формирования. Поэтому сущность идеологии мож-

но определить как групповое ориентационно-ценностное сознание, которое реализуется с помощью теоретических, эмоционально-психологических и практических идей.

Если все это суммировать, то напрашивается вывод: политическая идеология составляет мировоззренческую основу политики и практической политической деятельности в их конкретной направленности — участия или неучастия граждан в выборах, демонстрациях, другого рода политических мероприятиях, работу в государственных органах, мировоззрение чиновников на службе у власти и т.п. Это приоткрывает нам каналы взаимосвязи идеологии и политики и убеждает в том, что взаимосвязь осуществляется через интересы политической власти и реализуется идеологией. Идеология в то же время создает для правящей власти широкую социальную основу успешной деятельности, или, наоборот, может разрушать ее, работая на оппозицию.

Понимая все это, можно определить основные цели политической идеологии. Их, на наш взгляд, две. Во-первых, овладение общественным сознанием, внедрение в него своих идеалов и ценностных оценок. А во-вторых, регулирование политической деятельности и политического участия граждан в соответствии с этими идеалами и оценками. Например, в наше время важной целью политической идеологии и культуры в Республике Беларусь является разработка ориентиров и практическая деятельность по формированию всесторонне развитой личности, способной осознанно участвовать в строительстве социально справедливого общества.

Таким образом, сам феномен идеологии и важен, и сложен, и многогранен. В его оценке многое зависит от того, какую сторону этого феномена лучше видит исследователь и какую сторону он хотел бы видеть. Скажем, в политической идеологии почти всегда ярче видится та её часть, которую мы называем ориентационно-ценностным сознанием.

Теперь посмотрим, какое отражение данный феномен находит в изданной литературе при формулировании определения политической идеологии. Известный российский учёный А.И. Соловьёв в учебнике для вузов «Политология: политическая теория, политические технологии» даёт такое определение: «Политическая идеология представляет собой, прежде всего, определённую доктрину, оправдывающую притязания той или иной группы лиц на власть (или её использование), добивающейся в соответствии с этими целями подчинения общественного мнения собственным идеям» [8, с. 335].

Учебник Финансовой академии при Правительстве России видит в идеологии прежде всего политическое сознание. «Политическая идеология, — считают авторы этого учебника, — выраженное в обобщенной теоретической форме политическое сознание определенных индивидов, социальных групп; совокупность идей политического характера, на основе которых складываются политические отношения и функционируют соответствующие институты, организации и учреждения» [9, с. 461].

Близкие, но отличающиеся взгляды на идеологию содержатся в учебной литературе, изданной белорусскими учёными. Например, В.А. Мельник, который в определённой мере является законодателем в понимании идеологии, даёт ей такое развёрнутое определение: «Идеология — это систематизированная совокупность взаимосвязанных идей, ценностей и представлений, являющихся продуктом мышления определённых групп и общностей людей, которые обусловлены их положением в окружающей действительности, выступают по форме или по существу как выражение интересов и устремлений всех членов общества, направлены на закрепление или изменение существующего общественного устройства и служат в качестве инструмента коллективного политического действия» [7].

Такие белорусские учёные, как Бондарь П.И. и Бондарь Ю.П., дают следующее определение идеологии: «Политическая идеология — это система взглядов, идей и ценностей, выражающих интересы субъектов политики, их отношение к политической действительности, проблемам, задачам, средствам и методам преобразования общества» [3, с. 168].

Представленное разнообразие подходов в понимании идеологии подводит к вопросу — какое же определение наиболее точно отражает сущность и содержание феномена «политическая идеология»? Мы не отвергаем ни одно из представленных выше, ибо они формировались в разное время, в разных экономических, социальных и политических условиях, с разным пониманием проблемы.

Исходя из реалий современной жизни и апробированного опыта, изложенного в прежних публикациях автора, предлагается взять за основу следующее определение: политическая идеология — это система идей, взглядов, политических традиций и ценностей, в которой осознаётся и оценивается цивилизационный опыт, отношение людей к социальной действительности и друг к другу, отражаются интересы определённых субъектов политики, посредством влияния на сознание людей эта система помогает им добиваться успехов в практической политической деятельности.

Наше определение политической идеологии подкрепляется также тем обстоятельством, что в народной среде Беларуси, да и России, политическая идеология воспринимается в основном как ориентационно-ценностное сознание. То есть идеология — ориентир к патриотизму; идеология — ориентир к производительности и качеству труда; идеология — ориентир к общей и политической культуре народа: идеология — ориентир к героическому подвигу. Об этом убедительно свидетельствуют произведения белорусских писателей — Ивана Шамякина, Василя Быкова, Ивана Мележа; российских писателей — Константина Симонова, Николая Островского, Александра Фадеева, Михаила Шолохова и многих других.

Важные детали в идеологическом механизме

Как на теоретический, так и на практический успех деятельности власти направлены структура, функции и уровни политической идеологии. Структура политической идеологии как общественного явления состоит из системы провозглашаемых идей и их компонентов, идеологических отношений, идеологической деятельности, идеологических организаций и учреждений, идеологических процессов.

Если рассматривать идеологию на примере Республики Беларусь, то прежде всего необходимо не упустить из виду организационную структуру идеологической вертикали политической власти. Её деятельность координируется и анализируется Администрацией Президента. В исполнительных и распорядительных органах действуют комитеты, управления, отделы или секторы идеологической работы и по делам молодёжи. Такие же структуры занимаются идеологической, воспитательной работой на предприятиях и в учебных заведениях. В ВНТУ, например, информационно-пропагандистское, воспитательно-профилактическое, аналитическое и методическое обеспечение идеологической и воспитательной работы с обучающимися и трудовым коллективом осуществляет Центр идеологической работы и по делам молодёжи.

Важной составной частью структуры являются идеологические учреждения страны, политические партии, общественные организации и объединения, а также идеологические отношения. В Беларуси в настоящее время официально зарегистрировано четыре политических партии: «Белая Русь», Коммунистическая партия Беларуси, Республиканская партия труда и справедливости, Либерально-демократическая партия Беларуси. Из числа общественных организаций и объединений назовём Федерацию профсоюзов Беларуси, Белорусский республиканский союз молодёжи, общественное объединение «Белая Русь», Белорусскую ассоциацию политических наук.

В Беларуси создана и действует многоуровневая организационная структура, которая нацеливает систему идеологической работы и воспитания на эффективную деятельность. Её в народе называют «идеологической вертикалью», что на практике образует стержень идеологической системы.

Какие же функции выполняет в обществе идеология? В некоторых учебниках и монографической литературе, изданной в Беларуси и России, выделяется множество мелких функций. Но здесь особенно важно знать и чувствовать сам процесс идеологической работы, а также учитывать и то понимание идеологии, которое наиболее распространено в современном обществе. Это понимание в белорусском обществе мы выше характеризовали как ориентационно-ценностное сознание. С учётом такого подхода предлагается выделить пять основных, логически связанных между собой функций.

1. *Выражение и защита интересов определённых социальных сил.* Мы и в определение идеологии записали такую её особенность. Политическая идеология возникает из общественной потребности отражения и выражения коренных интересов классов, социаль-

ных групп, личностей. Потому идеологию называют ещё и специфическим учением, обосновывающим притязания определённых классовых сил на власть и регулирование их коренных интересов.

2. *Ценностно-ориентационная или воспитательная.* Её задача — дать личности, обществу, власти систему смыслов и ориентаций на основе исторически накопленных знаний и политического курса власти. Эта функция призвана формировать и развивать политическое сознание людей, политическое поведение и участие. Её можно ещё назвать ориентационной и воспитательной. Действующая власть в Беларуси часто прибегает к ней, выдвигая новые задачи на очередную пятилетку. Предлагаемые идеалы преподносятся в качестве вдохновляющих смыслов. Например, «За процветающую Беларусь!»
3. *Интегративная или консолидирующая.* Логически рассуждаем — дав людям ориентации для практических действий, необходимо идейно сплотить их, внушить единство интересов каждой личности, общества и власти. Эта функция является интегрирующим фактором, побеждая также частные интересы граждан.
4. *Мобилизационная.* Суть данной функции в практической мобилизации людей на выполнение поставленных властью задач. Практически это — организация конкретной идеологической работы в трудовых коллективах, учебных заведениях.
5. *Амортизационная.* Эта функция может быть востребована в случае возникновения напряжённой политической ситуации в стране, регионе, трудовом коллективе, учебном заведении. Умная и эффективная идеологическая работа способна в такой ситуации самортизировать, то есть ослабить социальную напряжённость, умело используя формы и методы своего влияния на людей. Ценность данной функции обнаруживается и тогда, когда к ней прибегают заранее, упреждая возможное возникновение напряжённой политической ситуации.

В Беларуси, как отмечалось выше, официально зарегистрировано четыре политических партии. Каждая из них является естественным выразителем интересов определенных социальных групп. Можно предположить, что в таком случае между партиями должна идти непримиримая идеологическая борьба за первенство во власти. Однако — нет. Дело в том, что все зависит от поляризованности политических сил в стране. В белорусском обществе достигнут консенсус между действующими политическими партиями по очень важному вопросу — отношению к существующему политическому режиму. Его поддерживают все четыре политические партии.

Такая ситуация содействует созданию в обществе мягкого морально-нравственного и идейно-политического климата, идейного плюрализма, который можно назвать умеренным, по-белорусски толерантным. Он основывается не на жестокой борьбе и соперничестве политических партий и их идеологий, а на дискуссиях, солидаризации, диалоге, совместной разработке стратегий развития страны и принятии важнейших решений. То есть обществу не присуща крайняя поляризация, которую мы наблюдаем, например, в современной Америке, где две сильнейшие политические партии — Республиканская и Демократическая противостоят друг другу насмерть.

В Беларуси объединяющей все политические силы является идеология белорусского государства, основы которой составляют цивилизационная, политическая, экономическая и социально-гуманитарная составляющие. Когда политическая идеология принимает форму государственной, то это говорит о том, что принцип согласования индивидуальных, групповых и общих интересов становится доминирующим. Следовательно, государственная идеология в демократическом государстве представляет собой концентрированное выражение интересов подавляющего большинства граждан.

Таким образом, функции, которые выполняет политическая идеология, направлены на выражение интересов социальных сил, просвещение, сплочение, интегрирование общества, мобилизацию на этой основе его возможностей, а также при необходимости на снижение в обществе степени конфронтационности. То есть, функции идеологически обеспечивают объем и основные направления реализации политики правящей власти. Причём в зависимости от складывающейся в обществе ситуации та или иная функции идеологии может выходить на первый план.

Вместе с тем важно понимать: идеологическая деятельность — это живое дело, ибо оно связано с людьми и завязано на них, что требует от идеологических кадров постоянного умения, обширных знаний, гибких нестандартных форм и методов воспитания, пропаганды и агитации. Этой цели подчинены три уровня функционирования политической идеологии: теоретико-концептуальный, программно-политический и поведенческий (или житейский). Они дифференцируют идеологическую деятельность, распределяют в ней роли идеологических служб, их конкретные обязанности, формы, методы, стиль работы.

На теоретико-концептуальном уровне разрабатываются важнейшие теоретические положения, которые раскрывают и обосновывают ценности и идеалы, лежащие в основе предлагаемого правящей элитой типа общественного устройства, механизма функционирования политического режима, политической системы общества. В Беларуси это осуществляется идеологами-теоретиками и идеологами-практиками из высших идеологических учреждений страны, а также учеными. Они разрабатывают такие идеологические документы, как директивы, указы главы государства, национальную идею, стратегии развития и национальной безопасности страны и др. Например, в 2025 году разработана и внедрена в практику Директива Президента Республики Беларусь «О реализации основ идеологии белорусского государства», которая определяет цели и задачи идеологической работы в стране на современном этапе её развития.

На программно-политическом уровне идеологические принципы и идеалы переводятся на язык программ, лозунгов, других пропагандистских материалов, которые отражают основу идейно-политического курса элиты или контрэлиты (оппозиции). В то же время они содержат ориентиры для принятия управленческих решений и ориентирования политического поведения граждан.

На поведенческом (житейском) уровне основные ценности, идеалы и цели, связанные с интересами определённых социальных сил, весьма важно внедрить в общественное сознание, реализовать на практике. Иначе говоря, элите или контрэлите мало выдвинуть идеи, пусть даже самые гениальные. Если их не воплотить в жизнь, они так и повиснут в воздухе. Поэтому не зря данный уровень называется поведенческим, житейским, а нередко — актуализированным. Его задача — организация практической идеологической работы на местах. В Беларуси это реализуется проведением в трудовых коллективах и учебных заведениях единых дней информирования по актуальным вопросам внутренней и внешней жизни страны. В Белорусском национальном техническом университете такой цели подчинены беседы и дискуссии в группах, на кураторских часах, а особенно в лекциях и практических занятиях учебных дисциплин «Основы идеологии белорусского государства», «Политология», «Социология», «История».

Следовательно, организационная структура, каждый уровень политической идеологии и её функции призваны отвечать за решение своих конкретных задач как в овладении общественным сознанием, так и в регулировании политического поведения граждан. Достигает идеология поставленных целей и задач только в случае эффективной деятельности на всех уровнях.

Духоподъёмность — потенциал для эффективности

Ситуацию создания в обществе определенного морально-нравственного и политического климата предлагается охарактеризовать категорией «духоподъёмность». Пока она безымянная. Поясним, духоподъёмность в обществе, созданная в том числе и политической идеологией, — это то состояние человеческой души, когда умножаются силы, когда у людей словно крылья вырастают — хочется жить, творить, созидать, летать. В то же время духоподъёмность характеризует и саму личность как зрелую, находящуюся за пределами собственных узких интересов и ценностей. Не зря Никколо Макиавелли видел в идеологии средство «духовного княжения». Слова «дух» и «духовность» в китайском языке обозначают «разум», «непостижимость». В немецкой философии — это «внутренняя сила человека», «частица божества в нем».

Следовательно, можно утверждать, что духоподъёмность в обществе — это высшая осознанная способность человека княжить в деле, которым он занимается, источник его личност-

ного самоопределения. А слияние множества таких способностей людей и образует духоподъёмность в обществе.

Определённая духоподъёмность возникает в обществе на основе реализации в теории и на практике таких категорий политической власти, как её легитимность и эффективность; демократия или диктатура; политическая социализация личности; знания, формы и методы, стиль работы и др. Политическая идеология, получившая в своё пользование духоподъёмность в обществе, играет первую скрипку на пути к эффективности идеологической работы. Разрабатывая под власть и по её распоряжению определённые теоретические опоры и ориентиры, а также осуществляя практическую работу по их исполнению, идеология превращается в мощную духовную силу. Причём этот процесс идёт тем успешнее, чем более умело используются функции, структура, уровни политической идеологии, формы и методы работы. А самое главное — кадры, занятые в сфере идеологии, их знания и умения.

Поясняя сущность духоподъёмности, приведём конкретный пример из собственной жизни. В газете «Весці БНТУ» я рассказываю о подростке военных лет Ваське Клинцове. Во время Великой Отечественной войны партизаны подорвали немецкий эшелон с танками, солдатами и офицерами. Как раз в километре-полтора напротив нашей деревни. Утром приехали каратели, подозревая связь местных жителей с партизанами. Немецкие автоматчики прошли по хатам, согнали всех: женщин, стариков, детей к высокому дощатому забору соседней с нами хаты. Поставили в два ряда, а в нескольких метрах напротив — грузовую машину с пулеметом. Вокруг — плач и прощание односельчан перед расстрелом.

Вдруг на улице стало тихо-тихо. Все увидели, как на большой рыжей кобыле, в высокой дощатой повозке подъезжает немецкий майор. Взрослые называли его интендантом немецкого военного подразделения. Он постоянно, один раз в неделю объезжал все близлежащие деревни и собирал у населения кур, яйца, сало, молоко. Майор, хотя и был толстяком, быстро слез с повозки, долго разговаривал с немецким капитаном, возглавлявшим расстрельную группу, довольно показывал ему в повозке то, что было собрано из окрестных деревень.

После нескольких длинных и томительных минут немецкий капитан на ломаном русском языке объяснил нам: майор доволен вами. Вы поддерживаете продуктами немецкую армию. Майор считает, что вы не имеете связи с партизанами. От имени немецкого командования я вам дарю жизнь. Но если связь с партизанами будет обнаружена, расстрел последует немедленно.

На улице опять плач, но уже со слезами радости: люди обнимаются, целуются... В это время мы — дети, подростки группой собрались на пригорке и уселись в кружок, активно обсуждая несостоявшийся расстрел, хвалили немецкого майора. И тут неожиданно Васька Клинцов, старший среди нас, достает из кармана длинного отцовского пиджака, который он носил после того, как отец ушел на фронт, достаёт гранату, подбрасывает и ловит ее. Мы все, сидя, шарахнулись в стороны и закрыли глаза. А Васька спокойно, с улыбкой и видом бывалого воюки произнес:

— Не бойтесь, хлопцы! Я же чеку в ней не выдернул. Не взорвется...

Страх стало меньше, и сразу же посыпались к Ваське вопросы: где взял, что собирался с ней делать?

— Где-где взял? Спёр у пьяных немцев, — довольно улыбаясь, ответил Васька. — Что бы делал? Вот когда бы пулеметчик сел за пулемет, я бы опередил его, крикнул: За Родину! За Сталина! И бросил туда гранату.

Васька встал, в глазах у него был настоящий огненный блеск, и показал, как бы он это сделал. Мы, каждый по-своему, по-детски были изумлены поступком Васьки, и в представлении каждого из нас он стал настоящим Героем. При этом он был еще ребенком, лет восьми-девяти. Да и мы, дети, чувствовали себя недалеко от Васьки.

Позже, став взрослыми и вспоминая поступок Васьки Клинцова, мы снова и снова удивлялись его храбрости и патриотизму, но уже сознавали, что это была отличная работа советской идеологии. А что касается несостоявшегося нашего расстрела, то вскоре мы узнали от родителей: расстрел был отменён не потому, что немцы пожалели нас, а потому, что пожалели себя. Если бы нас расстреляли, они теряли большую часть продуктовой подпитки от местного населения [2].

Напрашивается пример и совсем другого типа. Многие ученые, политики и простые граждане не перестают искать ответ на вопрос: «Почему так легко, словно карточный домик, распался Советский Союз?». Ведь это была могучая страна, обладающая самыми богатыми на планете ресурсами, передовыми космическими технологиями, высокоразвитым промышленным потенциалом, сильнейшей армией. И — вдруг все рухнуло.

Ответы находят самые разные. Одни видят причину в слабой организованности, неподготовленности, непрофессионализме политических лидеров, другие — в несовершенстве экономической и политической моделей социализма, третьи — в разлагающем влиянии буржуазной идеологии. Но глубинная причина, сама истина, на наш взгляд, кроется в том, что Советский Союз ко времени развала обнищал духом, сознанием народа. Собственно, это подтвердил один из руководителей советской страны той поры Ю.В. Андропов. Став Генеральным секретарем ЦК КПСС, он, имея в виду духовную силу, честно признался: мы не знаем общества, в котором живем.

К девяностым годам прошлого столетия Советский Союз растерял своё великое духовное богатство, духоподъёмность, утратил те жизненные ориентиры, которые цементировали многонациональный советский народ накануне, в годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. А народ, оторвавшийся от своих духовных корней, во многом утративший идейно-политическое и нравственное достоинство, становится легко уязвимым даже в условиях экономического процветания. Разве не это демонстрирует миру современный разваливающийся «коллективный Запад», который барахтается в трансгендеризме и глубоком идейно-нравственном расколе?

Деидеологизация или реидеологизация?

Несмотря на очевидную общественно-политическую роль идеологии, судьба её не всегда была счастливой. Она переживала периоды бурного взлета и падения, кризиса и забвения. В 1992 году американский ученый японского происхождения Фрэнсис Фукуяма опубликовал книгу под названием «Конец истории и последний человек». Фукуяма как бы подводил черту под жизнеспособностью коммунистической и других идеологий. По его понятиям, идеологическое противостояние заканчивается, потому что всем теперь ясно: на всей планете побеждает либеральная идеология, только её идеи, в первую очередь свободы, способны покорить весь мир. На основе ценностей либеральной демократии, утверждал Фукуяма, будут формироваться все правительства, войн и революций больше не будет... Так появилась на свет теория «деидеологизации».

Триумф либеральной идеологии для ее сторонников в конце XX — начале XXI века казался безусловным. Это было время, когда они рукоплескали распаду Советского Союза. А еще раньше в Восточной Европе прокатилась бурная волна революций под знаменем свободы и борьбы «с вредным коммунистическим прошлым», в ходе которых от так называемого «лагеря стран социалистического содружества» откололся целый ряд государств.

Однако спустя некоторое время практика набравших в мире силу процессов глобализации и интеграции потребовала возврата к важной роли идеологии. Это вызвало к жизни теорию «реидеологизации». При всём этом не будем забывать, что не менее важно, куда направлен идейный потенциал — на созидание или разрушение. Например, значительное число современной молодежи в США и Европе, да и на Украине, помешалось на трансгендеризме и гомосексуализме. Сегодня такую беду начали осознавать мыслящие люди и в самой молодежной среде западного мира. В Америке большую известность и авторитет получил пропагандист Республиканской партии Чарли Кёрк, который активно и успешно выступал за сохранение традиционных идеалов и ценностей. Он заплатил за это жизнью — в 2025 году его застрелил ярый поклонник ЛГБТ-сообщества.

Ложную «свободу», чуждую нам культуру, а также радикально-националистические идеи западные пропагандисты пытаются по всем возможным информационным каналам проталкивать в белорусскую и российскую молодежную среду. К минским сексологам обратились несколько подростков с просьбой поменять их биологический пол. Специалисты, изучив ситуацию, заключили, что это результат влияния Интернета, общения в нетради-

ционных социальных группах. То есть, эти подростки — жертвы своеобразного зомбирования [1].

Подавляющее большинство современной белорусской молодежи понимает это. Проводя со студентами занятия в Белорусском национальном техническом университете, автор постоянно выясняет их отношение к данной проблеме. Обычно в группах находятся один-два человека, которые к ЛГБТ относятся, можно сказать, либерально-безразлично, а остальные решительно осуждают отклонения от устоявшихся норм и традиций. С ещё большей неприемлимостью выступают иностранные студенты — узбеки, туркмены, казахи.

Мы не ставим под сомнение принцип и значение свободы для каждого человека (он присутствует во всех основных партийных идеологиях). Однако жизнь делает акцент на необходимости его неразрывного единства с духовно-нравственными нормами общества. Такими нормами являются национальные традиции, патриотизм, культура поведения, честность, справедливость, высокая порядочность, преклонение перед законом, сохранение единства общества, самоограничение, забота о себе и государстве, в котором живешь, и другие общечеловеческие ценности. Практика показывает, что в Беларуси и России насущной задачей остается идеологическая помощь в мотивации поведения человека на основе значимых для собственного народа идеалов и ценностей.

Вместе с тем нельзя идеологию рассматривать как производственную силу, которая является субъектом материальной деятельности человека, что нередко проскальзывает в публикациях и властных решениях. Необходимо понимать и то, что будучи тесно связанной с обществом, с его развитием идеология должна опережать общественный прогресс своими теоретическими установками, ориентирами развития в политике, экономике, образовании, воспитании, культуре, всех сферах общественной жизни.

Это позволяет нам сделать основополагающий вывод о том, что роль и значение идеологии должны постоянно возрастать на каждом новом этапе прогресса. Так, нынешний XXI век, который уже назвали информационным, требует крупномасштабного решения проблем, связанных с искусственным интеллектом, цифровизацией в промышленности, сельском хозяйстве, культуре, образовании, во всей сфере обслуживания граждан. В этих условиях перед идеологией стоит задача — выработать такие формы и методы идеологической работы, идеологического влияния на человека, его воспитания, чтобы он был способен справиться с новыми задачами. Иначе говоря, необходимо сформировать всесторонне развитую личность, независимо от её базового образования — технического, экономического, гуманитарного. Это во-первых.

Во-вторых, значимость идеологии для Беларуси и других постсоветских государств возрастает и в связи с тем, что все они имеют молодой возраст. Всем им пришлось с нуля обособываться и реализовывать на практике свой суверенитет, организацию внутренней жизни и внешнеполитический курс. И здесь не обойтись без теоретических возможностей идеологии и без практической организации идеологической, воспитательной работы в трудовых коллективах и учебных заведениях [4].

В-третьих, основные функции, которые идеология выполняет в обществе, убеждают в том, что для их успешной реализации нужны в качестве предпосылок определенные представления граждан, четкое осознание ими своих и государственных интересов, идейных представлений, обоснования необходимых для их достижения средств. А это — непосредственное дело идеологии. Очень точно по этому поводу выразился К. Маркс, который писал, «что теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» [5, с. 422].

В-четвертых, современная жизнедеятельность Беларуси, Союзного государства Беларуси и России осуществляется в сложных международных условиях — санкционного давления, борьбы вместе с рядом других государств за создание нового, справедливого многополярного мира. Наши недруги стремятся навязать идеологию, девальвирующую социальные, культурные, политические ценности, когда геи, лесбиянки, трансгендеры, «Родитель 1» и «Родитель 2» возводятся в ранг приоритетов жизнедеятельности человека. Запад организованно ведет манипулирование политическим сознанием в мировом масштабе, прилагая особые усилия к среде молодежи — не закаленной идейно и практическим опытом. При этом понимает, что нынешняя молодежь — это будущие представители политической элиты и строители государства.

Конечно же, эффективное противодействие такой ситуации требует организации умной контрпропаганды, теоретической и практической работы всей идеологической вертикали, бережного отношения к историческому наследию, исторической памяти, веками сложившимся традициям и ценностям многих поколений белорусов и россиян. Для идеологической работы, в отличие от любого другого вида общественной деятельности, подпитка историческим опытом дает убедительные аргументы и содержит в себе огромный воспитательный потенциал. Его количественно и качественно укрепили подготовка и празднование 80-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, непосредственное участие в этих мероприятиях молодых поколений вместе с ветеранами.

Всё это с новой силой убеждает не только в важной роли политической идеологии, но также и в необходимости держать под контролем государства процесс влияния на человеческое сознание идей, содержащих в себе силу человеколюбия и миролюбия, справедливости и высокой нравственности, патриотизма и государственности. Ослабление идеологической работы ведет к снижению её влияния на массовое сознание граждан, патриотические и интернациональные чувства, сознание долга и личной ответственности.

Понимая роль и значение идеологии в современных условиях, в Беларуси принята Директива Президента «О реализации основ идеологии белорусского государства» (9 апреля 2025 года). Она определяет цели и задачи идеологической работы на современном этапе, предлагает оправдавшие себя формы и методы, направления деятельности субъектов политической идеологии, даёт ориентиры на повышение качества и эффективности всей идеологической работы в стране. Акцент на повышение качества идеологической работы непосредственно связывается с повышением профессиональных качеств специалистов, которые занимаются идеологической работой. Ведь от их знаний, убеждений, патриотической настроенности и в целом профессионального мастерства во многом зависит сила влияния политической идеологии на граждан, её роль и значение.

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить исключительную значимость политической идеологии в овладении сознанием граждан, в выражении их интересов. Политическая идеология возникает в силу общественной потребности регулирования интересов различных социальных классов и групп на пути их борьбы за обладание государственной властью. Образуя стержень идеологической системы общества, она имеет свою структуру, выполняет одновременно функции: выражения и защиты интересов определённых социальных сил, ориентационную или воспитательную, интегративную или консолидирующую, мобилизационную и амортизационную, которые совместно с властью, её легитимностью и эффективностью создают определённый уровень духоподъёмности в обществе и помогают добиваться поставленных целей.

Понятие «духоподъёмности» предлагается ввести в научный оборот в Союзном государстве Беларуси и России. Это позволит использовать его в практической идеологической работе, в учебниках и учебных пособиях по целому ряду гуманитарных дисциплин в высшей школе обоих государств. А значит — привлечь внимание молодых поколений к необходимости наличия у них высокой созидательной духовности. Практическая отдача от такого нововведения способна сказаться на повышении эффективности идеологической и воспитательной работы в трудовых и учебных коллективах.

Мы раскрыли механизм идеолого-воспитательного действия не только для того, чтобы увидеть и запечатлеть его. Главное — чтобы запечатлеть, умело пользоваться им в индивидуальной и коллективной практике. Под умелой практикой имеется в виду постоянное внимание ко всем деталям этого механизма, их творческому взаимодействию на всех уровнях идеологического процесса. Тогда идеологический механизм будет действовать так же точно и исправно, как механизм швейцарских часов. А если пользоваться терминологией Х. Ортеги-и-Гассета, то «машинным маслом» для смазки сознания людей и самого идеологического механизма должны являться прежде всего профессионализм и личные качества кадров, занятых в идеологической сфере. На наш взгляд, это очень хорошо понимал и использовал в своей деятельности В.В. Жириновский, в том числе выстраивая верные геополитические прогнозы.

Список литературы

1. *Бобков В.А.* Думай, Европа! — Минск: Беларусь, 2024.
2. *Бобков В.А.* После расстрела. Фрагмент из лекции «Основы идеологии белорусского государства» // Весці БНТУ. — 12.05.2025. — № 7. — С. 3.
3. *Бондарь П.И., Бондарь Ю.П.* Политология наука о политике. Учебно-методический комплекс. — Минск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2008.
4. Директива Президента Республики Беларусь «О реализации основ идеологии белорусского государства». — URL: <https://president.gov.by/ru/documents/direktiva-no-12-ot-9-aprela-2025-g>.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — Т. 1. — С. 422.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — Т.13. — С.7.
7. *Мельник В.А.* Политология: пособие. — Минск: Вышэйшая школа. 2014. — С. 248–249.
8. *Соловьёв А.И.* Политология: политическая теория, политические технологии: учебник для студентов вузов. — М.: Аспект Пресс, 2000.
9. Курс политологии: учебник. — М.: Финансовая академия при Правительстве РФ, 1998.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРОЯВЛЕНИЮ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

С.В. Гарник

доктор экономических наук, кандидат педагогических наук, профессор,
главный научный сотрудник Академии управления МВД России
garnik-sergei@mail.ru

COUNTERING THE MANIFESTATION OF THE IDEOLOGY OF EXTREMISM AGAINST THE RUSSIAN STATEHOOD IN MODERN GEOPOLITICAL CONDITIONS

S.V. Garnik

Doctor of Economics, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor,
Chief researcher, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia
garnik-sergei@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты противодействия проявлениям экстремизма, в том числе, международного, против народов Российской Федерации и других независимых государств. Содержится анализ генезиса агрессивной политики Коллективного Запада в развязывании гибридных войн в различных регионах мира. Предложено рассмотрение ряда направлений, вытекающих из Стратегии национальной безопасности РФ, по которым возможно развитие мероприятий по противодействию международному экстремизму.

Ключевые слова: экстремизм, национальная безопасность, идеология, нацизм, гибридная война, ментальная война, противодействие угрозам, независимые государства, геополитические условия, террористические атаки, сотрудничество.

Abstract. The article discusses some aspects of current activities aimed at countering extremism, including international extremism, against the peoples of the Russian Federation and other independent states. It provides an analysis of the genesis of the Collective West's aggressive policy in unleashing hybrid wars in various regions of the world. The paper proposes a number of areas derived from the National Security Strategy of the Russian Federation, which could be used to develop measures to counter international extremism.

Key words: extremism, national security, ideology, Nazism, hybrid war, mental war, countering threats, independent states, geopolitical conditions, terrorist attacks, cooperation.

Угрозы экстремистского характера существовали во все времена, но в последние годы они приобрели критический характер в различных регионах мира. В таких условиях наша страна должна иметь гибкую, адаптивную, мобильную и эффективную систему внешней и внутренней безопасности, способную быстро реагировать на возникающие угрозы, в том числе, вызванные террористической направленностью, экстремистской и националистической деятельностью, приводящей к терроризму прямым путем.

Это касается, в первую очередь, противодействия террористическим атакам, совершаемым экстремистами нацистского толка, ультра националистами. Именно они сегодня представляют собой наибольшую степень опасности для российского общества. Нацизм составляет ту самую платформу, на базе которой взращивается экстремистская идеология и ее крайние проявления в форме экстремистской деятельности, вплоть до организованных террористических актов.

Для успешного противодействия угрозам экстремистского толка необходимо понимать, что их «взрачивание» чаще всего происходит двумя основными путями. Первый путь — эксплу-

атация реально существующих в обществе факторов социально-экономического характера, способных, при определенных обстоятельствах, вызвать протестные (в том числе — массовые) проявления в обществе. Они могут быть и элементом (одним из), например, выступлений масс населения, как их реакция на социальные проявления несправедливого характера. Например, некорректные формы распределения материальных благ в обществе, равнодушие властей к этому, проявлений коррупции и ненадлежащего исполнения своих функций правоохранительными органами. Особенно катализируются подобные процессы в обществе, если они происходят на фоне подчеркнутого к ним равнодушия со стороны представителей властей, демонстрирующих свое «сытое» существование при ухудшающемся состоянии жизни основной части народа. Именно такая ситуация наблюдалась на Украине в годы, предшествовавшие событиям киевского «майдана 2014». Помноженная на неспособность киевской власти организовать и предпринять необходимые действия по решительной защите конституционного строя экстремизация настроений толпы сделала возможным совершение государственного переворота в столице Украины. В результате экстремистского поведения «толпы» в столице Украины власть в стране узурпировали экстремистские силы крайне националистического и нацистского толка, со всеми вытекающими из этого негативными последствиями. При проведении сколько-нибудь объективного анализа произошедшей на Украине трагедии, нельзя не отметить, что там был налицо и второй путь — активного взращивания экстремизма. Это происходило на почве имевшего место быть взращивания украинского национализма извне. Такой путь типичен для западной своекорыстной политики — путь внешней организации осуществления агрессивных действий, дестабилизации социальной жизни в стране, экстремизации умонастроений «толпы» как результат целенаправленных усилий, предпринятых зарубежными государствами и их спецслужбами. Варианты этой политики были апробированы государствами НАТО в конце прошлого века на Балканском полуострове и на арабском Востоке. Эти методы внешней агрессии постоянно обновляются и совершенствуются Коллективным Западом, используются все возможности научно-технического прогресса в их борьбе против независимых стран и народов. В текущем десятилетии этот комплекс агрессивных средств основывается, в первую очередь, на кибертехнологиях, цифровых возможностях ведения враждебных действий против независимых государств. В Соединенных Штатах Америки этим занимались давно. Еще в начале 50-х годов прошлого века глава ЦРУ Аллен Даллес давал установку своему ведомству на организацию тайных антигосударственных действий, подчеркивая, что свержение любого неугодного США режима эффективнее всего начинать с разжигания межнациональной или межрелигиозной розни. В нынешнем столетии, в век цифровых технологий создание и распространение Интернет-коммуникаций предоставили для этого новые, несомненно более «благоприятные» возможности. В результате этого использование деструктивных средств воздействия на политические процессы в интересах агрессивных сил резко возросло, и западные спецслужбы заняты активным их применением.

На протяжении ряда последних лет известные экстремистские организации стремятся усилить свою преступную деятельность по вербовке российских граждан в экстремистские организации, по вовлечению молодежи в противоправную активность. Для распространения фейковой информации, организуются различные акции в Интернете, которые, на самом деле, тщательно планируются и режиссируются западными спецслужбами.

Для международного сообщества основную опасность несет в себе главная цель системы всех информационных войн последнего времени — формирование виртуальной реальности с одновременным переформатированием мирового общественного сознания под «определенные стандарты» мирового правительства (господствующей элиты), действующего в интересах правящих элит натовских государств и стоящего за их спиной глобального финансово-военно-промышленного лобби.

Именно в их интересах планируются и осуществляются «ментальные войны» через средства массовой коммуникации, особенно социальные сети. При этом осуществляется формирование «пятой колонны» (в основе которой специально созданные оппозиционные НПО и НКО различной направленности, агенты влияния в органах власти различного уровня, оппозиционные СМИ, блогеры в составе экстремистских сообществ). Перед ними ставятся практические задачи — распространять ложь о России, ее союзниках и дружественных странах, ком-

прометировать деятельность международных организаций и объединений — ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, БРИКС, искажая факты, тиражируя дезинформацию, сочиняя фейки, внедряемые в обывательское сознание.

Напряженность в информационном пространстве провоцируется сознательно и целенаправленно как запугивающими и безответственными заявлениями западных политиков, так и обслуживающими их интересы ведущими мировыми СМИ и глобальными медиа-компаниями. Ярким свидетельством этому является недавно прошедший под эгидой США форум «Альянс за будущее Интернета», который США предложили в качестве ответа на два «глобальных вызова». Первым называется «рост альтернативного видения Интернета» как инструмента государственного контроля, продвигаемого «авторитарными державами», такими как Китай, Россия, Иран, Северная Корея. Второй — необходимость переоценки Интернета в свете текущих событий, включая события на Украине, используя его возможности в ведении гибридной войны Запада против независимых государств.

Негативные события и резкие изменения в военно-политической и оперативной обстановке вокруг внутреннего вооруженного конфликта на Украине побудили перейти на круглосуточный режим работы и задействовать весь киберпотенциал НАТО и ЕС для противодействия, как они это называют, «агрессивной вредоносной и злонамеренной политике России» в информационном пространстве.

По оперативным расчетам для реализации скоординированных мер Североатлантического альянса и Европейского союза в рамках проведения широкомасштабной информационной войны были задействованы значительные силы общей численностью до 200 тыс. человек, включая специалистов в области ИТ-технологий, информационно-психологических операций, компьютерной разведки, стратегической пропаганды, общественной дипломатии, взаимодействия с национальными и зарубежными СМИ, а также персонала в области обеспечения кибербезопасности. В настоящее время после начала осуществления СВО Вооруженных Сил Российской Федерации на Украине эта цифра возросла втрое — до шестисот тысяч.

Таким образом в США функционирует наиболее мощная система когнитивного влияния на глобальном и национальном уровне. Руководящими органами на стратегическом уровне являются Государственный департамент и Агентство международного развития США, Центр глобального взаимодействия (Global Engagement Center), Агентство США по глобальным медиа, Межминистерская структура по «оказанию сопротивления скрытому российскому влиянию на страны и народы», Агентство национальной безопасности США.

При разработке долгосрочных замыслов информационных операций со стратегическими целями особое внимание уделяется на первоначальном этапе планирования использованию наработок профильных научно-исследовательских организаций, в первую очередь в области кросс-культурных исследований. Реальным отлаженным механизмом сетевого принципа действия по оказанию заданного информационно-психологического воздействия до определенного времени считался конгломерат глобальных СМИ и сетей (USIA, Twitter, Facebook, CNN, Bloomberg, Streamup) и региональных СМИ (The Washington Post, New York Times, Wall Street Journal, Newsweek) во взаимодействии с некоммерческими организациями (Фонд Евразия, Фонд Макартуров, Фонд Карнеги, Фонд «Открытое общество» Сороса) и их дочерними филиалами по регионам мира.

В указанную работу усилиями США и НАТО полноценно втянут Европейский Союз. Для этого в ЕС в последние годы созданы соответствующие механизмы, сформированы пропагандистские структуры, организован процесс разработки планирующих документов на основе единых подходов к использованию информационно-коммуникационного пространства для противодействия и сдерживания России.

В этих целях с 2015 года в составе Европейской внешнеполитической службы функционирует Оперативная группа стратегической пропаганды «Восток» в тесном взаимодействии с Европейским центром передового опыта в области противодействия «гибридным» угрозам (Хельсинки), а также Центром военного планирования и управления зарубежными небоевыми миссиями ЕС (Брюссель), Агентством сетевой и информационной безопасности ЕС, Центром по обмену новостями на русском языке (Чехия).

В международном праве не определено содержание информационной агрессии, тем не менее, этот вид вмешательства во внутренние дела суверенных государств получил широкое практическое применение у Коллективного Запада. США со своими союзниками и партнерами в рамках специальных информационных кампаний (операций) ведут агрессивную пропаганду, распространяют различную дезинформацию в целях эскалации напряженности, побуждения населения к массовым беспорядкам и в целом к осуществлению экстремистской деятельности, направленной на насильственное свержение государственного строя.

В 2025 году стратегическая пропаганда на международной арене, включая информационное обеспечение политики ЕС и политики безопасности в международных организациях и среди населения западных стран, реализуется по соответствующим скорректированным документам стратегического планирования:

- план действий в области стратегической пропаганды;
- глобальная стратегия в области внешней политики и политики безопасности;
- план действий ЕС по борьбе с дезинформацией.

О некоторых мерах по совершенствованию деятельности
по противодействию идеологии экстремизма
в контексте обеспечения национальной
и международной информационной безопасности

Руководством страны в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации четко определен перечень задач для обеспечения государственной и общественной безопасности, среди которых:

- предупреждение проявлений радикализма, профилактика экстремистских и иных преступных проявлений, прежде всего среди несовершеннолетних и молодежи;
- предупреждение и пресечение правонарушений и преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий.

«Основами государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» определены четыре основных направления реализации государственной политики в области МИБ по созданию условий для противодействия угрозе использования ИКТ в экстремистских целях, а также в целях вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

Таковыми направлениями являются:

- содействие разработке и реализации на глобальном, региональном, многостороннем и двустороннем уровнях комплекса мер, направленных на противодействие угрозе использования информационно-коммуникационных технологий в экстремистских целях;
- развитие сотрудничества с иностранными государствами, их правоохранными органами и специальными службами, а также с международными организациями, осуществляющими борьбу с экстремизмом, по вопросам противодействия угрозе использования информационно-коммуникационных технологий в экстремистских целях;
- содействие созданию эффективного международного механизма контроля за использованием информационно-коммуникационных технологий для предотвращения их использования в экстремистских целях, а также в целях вмешательства во внутренние дела суверенных государств;
- содействие выработке порядка межгосударственного обмена информацией о распространении материалов запрещенных экстремистских организаций, а равно иной информационной продукции, содержащей материалы данных организаций.

Борьба с идеологией экстремизма, прежде всего, может быть реализована при комплексном решении указанных задач в рамках единой программы действий федеральных органов исполнительной власти в форме информационной кампании, к реализации которой должны быть активно привлечены институты гражданского общества, в т.ч. НПО и НКО, учебные и научные организации и учреждения, бизнес-сообщество во взаимодействии и поддержке органов власти на всех уровнях.

В сегодняшнем глобальном мире проблема борьбы с идеологией экстремизма — это проблема межгосударственного взаимодействия. Именно Запад является заказчиком и покровителем множества операций, в том числе «под чужим флагом» (пример Украины), в информационном пространстве, направленных на распространение вредного («токсичного») контента.

Появились новые перспективные возможности для повышения эффективности и результативности противодействия распространению идеологии экстремизма за счет планирования и реализации совместных мероприятий в рамках Союзного государства Россия-Беларусь.

Не реализован пока еще потенциал по противодействию идеологии экстремизма в рамках нейтрализации экстремистской угрозы в информационной сфере для государств, сотрудничающих в рамках ШОС и БРИКС. Особенно актуальны эти вопросы оказались на фоне агрессии США и Израиля против суверенного государства Иран — то есть осуществления актов государственного терроризма против страны, являющейся членом Организации Объединенных Наций. И на этом фоне очень показательным является отказ Советом Безопасности ООН принять внесенный Российской Федерацией в марте 2026 года проект Резолюции, осуждающей эти экстремистские действия, приведшие к массовым убийствам, в том числе детей, разрушениям, трагическим последствиям для людей. Необходимо из этого делать соответствующие выводы по укреплению мер как внешней, так и внутренней безопасности Российского государства.

Задачи по осуществлению мер политического, экономического и социального характера в целях нераспространения экстремизма и радикал-национализма в нашей стране были поставлены и в Послании Президента Федеральному Собранию Российской Федерации 29 февраля 2024 года и в Итогах 2025 года, подведенных Президентом РФ 19 декабря 2025 года.

Это:

- улучшение социально-экономического положения малоимущей части населения страны, способной рекрутироваться в ряды националистов, экстремистов, а затем — террористов;
- активизация борьбы с преступностью, с идеологией нацизма и национал-радикализма всеми возможными средствами;
- целенаправленная воспитательная работа в средних и высших учебных заведениях, по месту жительства молодежи как наиболее социально активной части общества с разъяснениями несостоятельности идеологии национализма и экстремизма в какой бы то ни было форме;
- обеспечение занятости и успешной профессиональной деятельности молодежи, вовлечение ее в антиэкстремистскую деятельность, поддержка волонтерства и любой деятельности позитивной по своей направленности и форме.

Все эти меры напрямую корреспондируют с положениями Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 года. Решение о начале СВО ВС РФ на Украине было принято во исполнение мер обеспечения национальной безопасности Российского государства. Последовавшие события, включая агрессию США против руководства независимого государства Венесуэлы, война, развязанная США и Израилем против Ирана, так же, как и жесточайшие меры, направленные против Кубы — «Острова Свободы» со всей убедительностью показывают правоту стратегического курса России на укрепление собственной национальной безопасности, противодействие всем формам экстремизма, включая международный экстремизм и государственный терроризм, усиливающиеся год от года, буквально на глазах всего человечества.

Список литературы

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 29 февраля 2024 года. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585>.
2. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

3. Власть в XXI веке. Социокультурные аспекты политических процессов: Монография. — Н. Новгород: ННГУ, 2020. — 329 с.
4. *Гарник С.В., Власов Б.Е.* Социально-экономические аспекты противодействия агрессивной информационной политике против России в условиях новых вызовов и угроз. — Н. Новгород: На страже экономики, 2021.
5. *Дугин А.Г.* Шестая колонна во власти не сопоставима с русским будущим // Изборский клуб. — 29.09.2021. — URL: <https://izborsk-club.ru/21721>.
6. *Радаев В.* Миллениалы. Как меняется российское общество / Нац. исслед. университет ВШЭ. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. — 224 с.
7. Россияне о войне с Украиной // Новости Украины. — Киев. — 30.03.2022. — URL: <https://yandex.ru/video/preview/17188802509692052850>.

**ОБРАЗ В.В. ЖИРИНОВСКОГО
И ВЕДУЩИХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ РУБЕЖА 1990–2000-Х ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОЕКТА «20 ЛЕТ НАЗАД»)**

А.В. Жидченко

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Центра гендерных исследований,
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
travel822@yandex.ru

**THE IMAGE OF V.V. ZHIRINOVSKY
AND LEADING RUSSIAN POLITICIANS OF THE LATE 1990–2000
(BASED ON THE «20 YEARS AGO» PROJECT)**

A.V. Zhidchenko

Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher,
Center for Gender Studies,
N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences
travel822@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена реконструкции образа В.В. Жириновского и ведущих российских политиков рубежа 1990–2000-х гг. по материалам Интернет-проекта «20 лет назад». В основе анализа — реконструкция образа известного российского политического деятеля в условиях острого общественного и экономического кризиса 1990-х гг. и попыток выхода из этого кризиса в 2000-е гг. Выявленные факторы, которые оказывали влияние на образ В.В. Жириновского в данный период, были характерны и для ряда других известных политиков в данный период. Образ эпатажного, но дальновзорного и прозорливого лидера одной из ведущих партий во многом был продиктован вниманием СМИ к громким акциям и свойственной ему манере публичного поведения.

Ключевые слова: социальная история, медиапроекты, В.В. Жириновский, политология, социология.

Abstract. This article reconstructs the image of V.V. Zhirinovskiy and leading Russian politicians of the late 1990s and early 2000s, based on materials from the «20 Years Ago» online project. The analysis is based on the reconstruction of the image of the famous Russian political figure during the acute social and economic crisis of the 1990s and the attempts to overcome this crisis in the 2000s. The identified factors that influenced Zhirinovskiy's image are presented in the context of the project. Zhirinovskiy's image during this period was also characteristic for a number of other prominent politicians during this period. The image of a flamboyant, yet far-sighted and insightful leader of one of the leading parties was largely dictated by the media attention he received for his high-profile actions and his characteristic public demeanor.

Key words: social history, media projects, V.V. Zhirinovskiy, political science, sociology.

В.В. Жириновский как один из известных и наиболее ярких политиков постсоветской России оставил большое политическое, научное, творческое и информационное наследие, которое еще долгие годы будет важным источником для представителей целого спектра гуманитарных наук — от специалистов в сфере медиа до историков.

Обращение к его наследию помогает получить ответы на важнейшие вопросы как в глобальном контексте (в рамках цивилизационного подхода к дальнейшему развитию России), так и в частных социально-экономических и общественно-политических процессах, стоящих на повестке дня.

В предлагаемом исследовании автор делает попытку анализа образа В.В. Жириновского и ведущих российских политиков рубежа 1990–2000-х гг. (по материалам интернет-проекта «20 лет назад»). Подобное обращение позволит выявить факторы популярности В.В. Жириновского на рубеже 1990–2000-х гг., а также восприятие аудиторией (как того времени, так и современной) его фигуры в зеркале российских СМИ этого периода.

Методологически данное междисциплинарное исследование опирается на концепцию коллективной исторической памяти. В частности, памяти о В.В. Жириновском и событиях, которые связаны с ним, но отдалены от нас на двадцать лет.

Коллективную память представитель социологической школы Э. Дюркгейма М. Хальбвакс рассматривал как некую социальную «рамку» индивидуального опыта, которая встраивается в коллективную память определенной группы. В этом контексте он выделял понятие «Историческая память», которую определял как память достаточно больших групп, для которых индивидуальные воспоминания уже не являются релевантными [8]. Продолжатель идей М. Хальбвакса, Я. Ассман вводит понятие «социальные институты памяти» [2].

Суть проекта «20 лет назад»: с января 2018 года в социальных сетях (Telegram, Vk.com, Яндекс.Дзен и TikTok) публиковался контент, посвященный общему состоянию российской экономики, социальной и политической сфер в конце 1990-х гг. с акцентом на предстоящий приход (преодоление социально-экономического и политического кризиса в начале 2000-х гг.). Основная особенность проекта — публикация новостного контента, но с опозданием ровно на 20 лет.

За более чем 7 лет существования проекта было опубликовано более 4700 постов, 2000 видеороликов, суммарное число просмотров на март 2026 г. которых превышает 200 млн. Подписчиками проекта и распространителями контента стали известные российские журналисты и ньюсмейкеры, федеральные лидеры общественного мнения.

Контент-анализ публикаций, сделанных за весь период существования проекта, показал, что постов с упоминанием имени В.В. Жириновского — 96. Это относительно много, поскольку проект не преследовал цель информационной поддержки именно этого политика, а просто становился площадкой для публикаций наиболее интересных и уникальных материалов, которые могли бы иметь популярность у нынешней (современной нам) аудитории, в том числе у молодежи, которая может не помнить тот период (поскольку не была его свидетелем).

Для сравнения, контент-анализ имен других известных политиков конца 1990-х — начала 2000-х гг. на ресурсах «20 лет назад» показал следующие данные: имя первого президента России Б.Н. Ельцина упоминалось более 300 раз, имя В.В. Путина более 500 раз.

Владимир Вольфович Жириновский (25 апреля 1946 года, Алма-Ата, Казахская ССР — 6 апреля 2022 года, Москва, Россия) — заметный деятель российской политики позднесоветского и постсоветского периодов, основатель и многолетний лидер Либерально-демократической партии.

Получив разностороннее образование, Жириновский окончил в 1970 году Институт восточных языков при МГУ им. М.В. Ломоносова (специальность «Турция и турецкий язык»), а в 1977 г. — вечернее отделение юридического факультета того же вуза. В 1998 году защитил докторскую диссертацию по философии на тему социально-философского анализа русского вопроса. Владел английским, французским, немецким и турецким языками.

Политическая карьера Жириновского стартовала на рубеже 1980–1990-х годов. В 1989 году он стал одним из основателей Либерально-демократической партии Советского Союза, преобразованной в 1992 году в ЛДПР, которую возглавлял вплоть до своей смерти. Партия под его руководством быстро заняла заметное место в политическом ландшафте новой России: на выборах 1993 года ЛДПР добилась первого места по партийным спискам [6, с. 32–47].

В. Жириновский шесть раз баллотировался на пост президента РФ (в 1991, 1996, 2000, 2008, 2012 и 2018 годах), демонстрируя устойчивый электоральный потенциал: лучший результат — 9,35 % голосов в 2008 году. Он избирался депутатом Государственной Думы всех восьми созывов, возглавлял фракцию ЛДПР в ряде созывов и занимал пост заместителя председателя Госдумы (2000–2011). Также был делегатом Парламентской ассамблеи Совета Европы (1996–2008).

Публичный образ политика строился на ярких, зачастую провокационных выступлениях и радикальных заявлениях, что обеспечило ему высокую узнаваемость и устойчивую поддержку определённой части электората. При этом его политическая стратегия эволюционировала: если в 1990-е годы он активно критиковал власти и предлагал радикальные решения, то после 2000 года фракция ЛДПР в Госдуме в основном поддерживала ключевые инициативы президента.

За заслуги в государственной деятельности Жириновский был удостоен звания Заслуженного юриста РФ и стал полным кавалером ордена «За заслуги перед Отечеством» (I, II, III и IV степени), а также был награждён орденом Почёта и орденом Александра Невского. Его деятельность оказала заметное влияние на формирование многопартийной системы России и развитие политического дискурса 1990–2010-х годов [6, с. 49–56].

Наследие В.В. Жириновского в настоящее время активно исследуется специалистами в сфере политологии, международных отношений, истории, социологии и т.д. Среди основных публикаций ученых — темы, посвященные: его биографии [3], личному бренду [5], политической риторике [1], взглядам на украинский кризис [4] и т.д.

Обратимся к рассмотрению конкретных публикаций проекта «20 лет назад» о В.В. Жириновском рубежа 1990–2000-х гг., которые помогут восстановить его образ как яркого политика данного периода. 29 декабря 1998 года в газете «Коммерсант» была опубликована заметка о том, как известные политики будут отмечать Новый год. Ответ В.В. Жириновского был следующим: «Новый год я встречу с моим трудовым коллективом — аппаратом, партийными активистами. Уже два года подряд мы встречаем этот праздник на Старой площади в помещении бывшей столовой ЦК КПСС. Это застолье, поздравления и так далее. Люблю утро первое января, начало года — самый прекрасный день. Обычно все спят, потом часа в два-три приходят в себя. Хочется просто побыть одному»¹.

Свои ответы также дали: Юрий Маслюков, первый вице-премьер правительства России, Егор Строев, председатель Совета федерации, Геннадий Селезнев, спикер Государственной думы, Михаил Горбачев, экс-президент СССР и др.

Весной того же года в еженедельнике «Новости» на первой полосе появилась публикация о том, что 24 апреля 1998 г. в МГУ В. Жириновский будет защищать докторскую диссертацию на тему «Прошлое, настоящее и будущее русской нации». Совету предстоит увидеть 10-томник соискателя «Политическая классика»².

13 марта 1998 года в числе основных новостных сюжетов выделялся скандал между партиями «Яблоко» и ЛДПР под заголовком «Фракция Яблоко бойкотирует работу Госдумы». «Фракция Яблоко покинула зал заседаний Госдумы после того, как палата не смогла принять решение о лишении Жириновского слова на месяц. Г. Явлинский заявил, что его фракция намерена блокировать работу палаты до тех пор, пока Генпрокуратура РФ не примет решение по Жириновскому»³. (Инцидент с оскорблением и обливанием водой депутатов Голова и Мизулиной.)

На рубеже нового тысячелетия особой популярностью на российском телевидении пользовался шоу «Куклы», где почти в каждом выпуске был персонаж, связанный с В.В. Жириновским. Видеоконтент с фрагментами политической сатиры шоу «Куклы» становился особенно популярным у подписчиков проекта «20 лет назад». Героями шоу также были куклы других известных российских политиков: Б. Ельцина, А. Чубайса, Б. Немцова, В. Черномырдина, Г. Зюганова, Б. Березовского и др.

В январе 2000 года на страницах «Огонька» появилась сатирическая заметка. «Под Рождество депутаты второй Думы прямо у места работы расставлялись с ненужными вещами. Одеждой, книгами, авторучками. Вещи тут же находили новых владельцев из числа всегда стоящих у Думы пенсионеров. Многие жители окрестных домов, да и жители отдаленных окраин прослышали о чуде. И теперь занимают очередь за подарками с самого утра. И хотя новая Дума еще не приступила к работе, люди терпеливо ждут. Ведь прошел слух, что изредка из здания выходит Жириновский и дарит первому стоящему в очереди старику десять долларов»⁴.

16 июля 2001 года Владимир Жириновский презентовал свой роман-эпопею «Иван, запахни душу!». «Журналисты, пришедшие ознакомиться с произведением, обнаружили, что роман вовсе не про какого-то там Ивана, а про самого Владимира Вольфовича, да и не роман это, а жизнеописание с рассуждениями...» [7]. «...Врага, по мнению заслуженного юриста, надо искать «теперь в каждом доме, в каждой квартире, в каждом холодильнике...» [7].

¹ Кто как встречает Новый год // Коммерсант. — 29.12.1998. — С. 7.

² Прорыв российской науки // Новости (еженедельник). — 2024. — № 15 (932). — С. 1–2.

³ Повестка дня // Комсомольская правда. — 13.03.1998. — С. 2.

⁴ Панорама // Огонек. — 23.01.2000. — № 3 (4630). — С. 12.

Из видеоконтента начала нулевых, опубликованного на страницах проекта «20 лет назад», с участием В. Жириновского, особый интерес имели видеоролики новостных программ, участия политика в известных проектах — новогодняя ночь на Первом канале (в новогоднюю ночь 2003 года В. Жириновский и группа «Отпетые мошенники» исполнили кавер-версию песни «Обратите внимание», шоу «За стеклом» и т.д.

14 сентября 2002 года в программе «Время» Первого канала был показан сюжет «Жириновский заявляет о всенародном референдуме». «Лидер ЛДПР призывает россиян высказаться за упразднение Совета Федерации (примечание автора — имеется в виду верхняя палата парламента образца 2002 года), приостановление действия закона о гарантиях бывшему президенту России. А вместо слова «президент» Жириновский путем референдума требует ввести в стране должность «верховного правителя России»⁵. «...Лидер ЛДПР обещает уже в ноябре представить для рассмотрения в Центризбирком 5 миллионов подписей россиян...»⁶. Предложенный фрагмент интересен ярким идейным смыслом, который В.В. Жириновский вкладывал в инициативы, казавшиеся в начале нулевых популистскими. Но именно эти инициативы мы вправе рассматривать как актуальные и своевременные для того периода с позиций современных (по прошествии 20 лет).

В данном контексте можно привести также множество публикаций, которые характеризуют В.В. Жириновского как смелого, яркого и невероятно дальновзорного и проницательного политика. На основе предложенных примеров можно выделить несколько характеристик Владимира Вольфовича, а также особенностей, которые влияли на его политический портрет и формировали образа среди массовой аудитории.

Во-первых, В.В. Жириновский становился ярким отражением соответствующей эпохи.

Его риторика, громкие заявления и определенная линия поведения соответствовали общей атмосфере морального, идейно-политического и социального кризиса конца 1990-х гг. и его постепенного преодоления в нулевые годы.

Во-вторых, яркость и неординарность личности В.В. Жириновского в общественно-политическом и информационном пространстве особенно широкого раскрывается на фоне других политических деятелей этой эпохи, зачастую тоже способных на громкие заявления и неординарное позиционирование. Среди них: Б. Ельцин, В. Черномырдин, Г. Селезнев, А. Чубайс и др.

В-третьих, образу В.В. Жириновского как в этот период, так и до, и после, был свойственен эпатаж, притягательный для новостных и информационных агентств этого времени.

В-четвертых, полному раскрытию образа В.В. Жириновского в популярных федеральных СМИ в этот период способствовало относительное отсутствие цензуры в этот период.

В заключении важно отметить, что именно проекты, аналогичные проекту «20 лет назад», способны консолидировать наиболее сложные и противоречивые моменты в новейшей социальной истории России в коллективной исторической памяти. Подобные проекты призваны восполнить пробелы в восприятии общественных процессов недавнего прошлого у молодежи, а также вызвать ностальгию у свидетелей, хоть и не дистанцированной от нас во времени, но уже ушедшей в историю, эпохи.

Список литературы

1. Агафонова О.В. Категория разговорности и ее реализация в «Твиттере» (на материале электронных дневников Г. Зюганова, В. Жириновского, И. Лебедева) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2017. — № 2(68): в 2-х ч. — Ч. 1. — С. 51–54.
1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. — Москва, 2004. — 368 с.

⁵ Лидер ЛДПР во второй раз за эту неделю заявляет о необходимости провести всенародный референдум // Первый канал. — URL: https://www.1tv.ru/news/2002-09-14/262177-lider_ldpr_vo_vtoroy_raz_zh_zayavlyaet_o_neobhodimosti_provesti_vsenarodnyy_referendum.

⁶ Там же.

1. *Воронин Н.С.* Роль семьи в формировании будущих политических взглядов В.В. Жириновского // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. — Москва, 2025. — № 5. — С. 97–110.
1. *Гарцев А.С., Аулов А.П.* Проблемы украинского кризиса в теоретическом наследии В.В. Жириновского // Вестник Института мировых цивилизаций. — 2023. — Т. 14. — № 2 (39). — С. 13–18.
1. *Гоголева Д.В.* Особенности формирования российского политического бренда: на примере феномена личности В.В. Жириновского // Социально-гуманитарные знания. — 2022. — № 2. — С. 79–85.
1. *Жиглов В. В.В.* Жириновский гениальный пророк политического Олимпа. — Москва, 2025. — 278 с.
1. *Сигида А.* Лучший подарок русскому народу. Вышла книга Владимира Жириновского // Коммерсант. — 17.07.2001. — С. 8.
1. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2–3 (40–41). — С. 8–27.

В.В. ЖИРИНОВСКИЙ КАК ИДЕОЛОГ КОНЦЕПЦИИ НРАВСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА

В.В. Вышкварцев

кандидат юридических наук,
заместитель председателя Совета депутатов г.о. Краснознаменск Московской области,
руководитель фракции ЛДПР, Московская область, г.о. Краснознаменск
info@vyshkvartsev.ru

V.V. ZHIRINOVSKY AS AN IDEOLOGIST OF THE CONCEPT OF A MORAL STATE

V.V. Vyshkvartsev

PhD in Law,
Deputy Chairman of the Council of Deputies of the city of Krasnoznamensk, Moscow region,
Head of the LDPR faction, Moscow region, the city of Krasnoznamensk
info@vyshkvartsev.ru

Аннотация. В статье раскрываются идеологические принципы нравственного государства, сформулированные в научных трудах В.В. Жириновского. Среди основных принципов — создание власти для блага, счастья и человечности общества, где вещи и деньги служат людям, а не наоборот; интерес нации исторически оправдывает защиту от методологического, исторического, идеологического, экономического, социального, военного оружия, применяемого против нас другими странами; все законы, административные указы и акты должны соответствовать идее общественной безопасности России. Автор вводит в научный оборот и раскрывает понятие «принцип бумеранга В.В. Жириновского», который представляет собой историко-политическую траекторию, по которой движется Российская Федерация. Духовно-нравственная идеология, развиваемая В.В. Жириновским, не только легла в основу первого в России документа стратегического планирования — Концепцию национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 17.12.1997 № 1300), но и нашла отражение в стратегии «собирания и объединения», чем на протяжении всей своей научной и общественно-политической жизни занимался В.В. Жириновский. Сделан общий вывод о том, что нравственное государство в понимании В.В. Жириновского, характеризуется формируемым политико-правовым концептом «русский императив», согласно которому Россия полицентрична в мире, то есть позиционирует себя собирателем и объединителем традиционно ориентированных государств с сильной духовностью, приоритетом национальных интересов и культурных ценностей. Россия — это форпост цивилизаций, идейно-теоретическое, философское обоснование которому дал В.В. Жириновский.

Ключевые слова: державная духовность, идеология, нравственное государство, право, общественная безопасность, русский императив, традиционные ценности.

Abstract. This article reveals the ideological principles of the moral state, formulated in the scientific works of V.V. Zhirinovsky. Among the basic principles — the creation of power for the benefit, happiness and humanity of a society where things and money serve people, and not vice versa; the interest of the nation historically justifies protection from methodological, historical, ideological, economic, social, military weapons used against us by other countries; all laws, administrative decrees and acts must comply with the idea of public safety in Russia. The author introduces and reveals the concept of «V.V. Zhirinovsky's boomerang principle», which represents the historical and political trajectory along which the Russian Federation is moving. The spiritual and moral ideology developed by V.V. Zhirinovsky not only formed the basis of Russia's first strategic planning document, the Concept of National Security of the Russian Federation (Decree of the President of the Russian Federation dated 17.12.1997 N 1300), but it was also reflected in the strategy of «gathering and uniting», which V.V. Zhirinovsky was engaged in throughout his scientific and socio-political life. The general conclusion is made that V.V. Zhirinovsky's moral state is characterized by the emerging political and legal concept of the «Russian imperative», according to which Russia is polycentric in the world, that is, it positions itself as a collector and unifier of traditionally oriented states with strong spirituality, priority of national interests and cultural values. Russia is an outpost of civilizations, the ideological, theoretical, philosophical justification of which was given by V.V. Zhirinovsky.

Key words: sovereign spirituality, ideology, moral state, law, public safety, Russian imperative, traditional values.

Гениев, чьи имена живут вместе с Россией в веках, не принято подвергать сравнению. Но времена и уникальность нашего Отечества, его богатый исторический, культурный, ду-

ховный и интеллектуальный потенциал оказались и остаются способными вдыхать эти аксиологические константы в новых созидателей будущих поколений. Вчерашние ученики стали известнее и выше своих благородных и великодушных учителей. Ф.М. Достоевский получил невероятно высокое признание в сравнении с одним из его учителей — Николай-Шарль-Иоанном Сушаром (Николаем Ивановичем Драшусовым), французом по происхождению, но неистово стремившимся стать русским, что, впоследствии, и удалось ему сделать — благодаря высочайшему соизволению Николая I поменять иностранное имя Сушара на русское. Одним из главных наставников цесаревича Александра Александровича, будущего Императора Всероссийского Александра III, был обер-прокурор Священного Синода Константин Петрович Победоносцев, сочетавший в себе религиозные и консервативные традиции и предостерегавший Российскую империю от демократии, по его словам, великой лжи нашего времени [9, с. 31–59]. Патриарх Московский и всея Руси Алексей I (Симанский) в период 1888–1891 гг. обучался в Лазаревском институте восточных языков, состоявшем из специальных классов с трехлетним сроком обучения арабскому, персидскому, турецкому языкам, а также истории, языкам и культуре стран Востока и Закавказья, а в 1899 году, благодаря своему научному руководителю — профессору международного права Императорского Московского университета, графу Леониду Алексеевичу Камаровскому, подготовил и блестяще защитил свою диссертационную работу «Комбатанты и некомбатанты во время войны», за что был удостоен ученой степени кандидата права.

Эти имена приведены неслучайно. Личности учителей и учеников были многогранны, чтобы понимать и предполагать намерения и действия народов государств, нужно говорить и мыслить с ними на одном языке, синтезировать лучшие политические модели государств, развивая правосознание их народонаселения на духовно-нравственных принципах. Именно такой личностью был Владимир Вольфович Жириновский.

Его политическая жизнь и судьба во многом совпадала с творческим путём выдающегося русского правоведа и философа Павла Ивановича Новгородцева, которому в этом году исполнилось 160 лет со дня его рождения. Они оба родились на переломе эпох в беспокойное для России время (в 1866 году продолжались Туркестанские походы русской армии, которые были направлены против попыток Британской империи установить протектораты в Средней Азии, а в 1946 году, соответственно, Англия планировала очередную военную операцию «Пинчер», связанную с втягиванием СССР в третью мировую войну), оба стояли у истоков создания политических партий конституционно-правовой, демократической направленности («Партия народной свободы» и «ЛДПСС» соответственно), оба руководили учреждениями высшей школы Новгородцев П.И. возглавлял Московский коммерческий институт (в настоящее время РЭУ им. Г.В. Плеханова), а Жириновский В.В. учредил Институт мировых цивилизаций (в настоящее время УМЦ им. В.В. Жириновского) и оба «сгорели на алтаре служения Отечеству» вдали от своей родной земли от болезни, к которой они отнеслись с христианским смирением. Они оба искали идеалы государства, понимая, что их истоки находятся в религиозно-нравственной догматике как регулятивной силе и основе национально-культурной идентичности, принадлежности к Русскому миру и русской цивилизации. Весьма уместно вспомнить строки из стихотворения Ф.И. Тютчева «Пророчество», написанного им 1 марта 1850 года:

«И своды древние Софии,
В возобновленной Византии,
Вновь осенят Христов алтарь.
Пади пред ним, о царь России, —
И встань, как всеславянский царь» [10, с. 214].

Владимир Вольфович Жириновский высоко ценил идеалы Российской империи, предлагая извлекать из имперских эпох всё самое полезное и продуктивное для внедрения в систему управления и в идеологию обновлённой России. Например, предложение об изменении наименования главы государства «Президент Российской Федерации» на «Верховный Правитель» следует воспринимать не как политический тренд, а как дань уважения к публично-правовому статусу Императора Всероссийского (статьи 4 и 5 Высочайше утвержденных Основных Госу-

дарственных Законов от 23 апреля 1906 года): «Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает». «Особа Государя Императора священна и неприкосновенна». В качестве аналога можно привести наименование главы Исламской Республики Иран — «Рахбар», что в переводе с фарси означает «Верховный лидер», которым является выдающийся знаток мусульманского права (факих), обладающий правом самостоятельного толкования сакральных текстов и вынесения религиозно-правовых заключений (иджтихад). Должность Верховного Правителя в Малайзии («Янг ди-Пертуан Агонг») в переводе с малайского языка означает «Тот, кто создан Верховным Господином». В.В. Жириновский как профессиональный востоковед понимал религиозную и конституционную архетипику, стремясь придать ей нравственное обоснование для последующего нормативно-правового закрепления. В интерпретации В.В. Жириновского Верховный Правитель — это попечитель, отец, лицо, упорядочивающее земное бытие и правящее (устанавливающее правило, направляющее) в гармонии с гражданами, соотечественниками. Неслучайно в Программе ЛДПСС, принятой на I Всесоюзном съезде ЛДП 31 марта 1990 года, высшая законодательная власть принадлежит Государственному Собранию — парламенту (по сути собору), о чем говорилось и в проекте Конституции России, подготовленном ЛДПР в 1993 году. А сегодня идея собора закреплена в наименовании «Федеральное Собрание», согласно действующей Конституции Российской Федерации.

В.В. Жириновский как фундаменталист особое внимание уделял принципам и формам организации державности. Одной из таких форм является **державная духовность**, под которой ученый понимал ответственность за состояние своей Родины, жертвенность — способность отдать свою жизнь за Родину, гуманность — идею человечности и заботу о культурном состоянии своей Отчизны [1, с. 53]. Особо подчеркнем, что указанные ценности, обозначенные В.В. Жириновским, сегодня закреплены в пункте 91 Стратегии национальной безопасности (утв. Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400) и в пункте 5 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809), что свидетельствует о понимании В.В. Жириновским вектора развития правового нравственного государства, причем выраженное еще в юношеские годы, в период 1966–1971 гг., когда Владимир Вольфович в своем очерке «Рубеж понимания» размышлял: «Духовное, социально-оформленное начало всему предшествует и к нему всё обращается» [5, с. 26]. В этой связи его мысли вновь перекликаются с восприятием П.И. Новгородцевым идеи «единого правотворящего гражданского общества» [8, с. 124] под властью святынь — агиократии.

Власть святынь, на наш взгляд, возможна только в идее симфонии соборной и политической власти. Сегодня в России эта модель развивается в контексте ведущей роли Православия (В.В. Жириновский при этом подчеркивал свое уважение и к другим традиционным религиозным конфессиям), оказывающего благотворное влияние на современные социально-политические процессы в России. Предстоятель Русской Православной Церкви (РПЦ), его Святейшество Патриарх Кирилл возглавляет Всемирный Русский Народный Собор, который объединяет не только представителей других религий, но и участвует в духовно-нравственной повестке государства. Так, с участием РПЦ проведено малое конституционное духовно-нравственное преобразование, фактически связанное с установлением таких конституционно-правовых ценностей, как вера в Бога, брак как союз мужчины и женщины, историческая правда, память защитников Отечества, дети как важнейший приоритет государственной политики России (в книге «Нравственное здоровье России» даже в рисунках изображено конституционно-правовое будущее России — на с. 33 изображен ребенок и девиз «Новому веку — новая идеология», а на с. 53 призыв «Новой России — новую Конституцию»). В этой книге В.В. Жириновский выразил пророческие мысли: «Одним из этапов установления и закрепления в России истинной нравственности для дальнейшего распространения новых ценностей по всему жаждущему преобразований, погрязших в пучине потребительства миру должна стать разработка, утверждение и общенародное принятие новой Конституции, в каждой «букве» которой должны быть отражены новые установки на созидание, творчество, духовное и нравственное развитие» [4, с. 55].

Выступая на заседании III Всемирного Русского Народного Собора (4–6 декабря 1995 года), В.В. Жириновский утверждал: «Западу негде взять сырье. Все революции, все войны устра-

ивает Запад — Франция, Британия, Америка и Израиль. Они с 1945 года разжигают все конфликты на планете Земля с одной целью — получить энергоносители»¹. Земля и ресурсы до сих пор имеют большую ценность чем человек, его жизнь и личность, несмотря на закрепление этих принципов в преамбуле Всеобщей Декларации прав человека (принята ГА ООН 10 декабря 1948 года). Мировое сообщество должно было вспомнить недавние исторические попытки конкретного гегемона поработить народы ради т.н. «расширения жизненного пространства» и получения природных ресурсов, но, к сожалению, оно так и не извлекло уроки прошлого. Примером является недавнее размещение в сети Интернет Президентом США политической карты, на которой Венесуэла, Гренландия и Канада закрашены цветами американского флага. И эту карту он продемонстрировал главам Франции, Италии, Германии и Великобритании, тем самым, кто предавал свой народ на протяжении ряда исторических периодов. Если обратиться к евангельским текстам, то можно заметить, что употребление в них слова «земля» в ряде случаев связано с предательствами и убийствами. Так, обращаясь к книжникам и фарисеям, Господь говорил: «Да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авеля праведного до крови Захарии, сына Варахиина, которого вы убили между храмом и жертвенником» (Мф. 23:35). Другой эпизод, описанный в Евангелии, относится к самоубийству Иуды, понявшего, что совершил грех предательства невинной крови Христа и возвратившего тридцать сребреников. «Первосвященники взяв сребреники, сказали: непозволительно положить их в сокровищницу церковную, потому что это цена крови. Сделав же совещание, купили на них землю горшечника, для погребения странников; посему и называется земля та «землею крови» до сего дня» (Мф. 27:6–8).

Любые попытки несправедливым путем захватить или иным способом овладеть землей, другим имуществом, приводят к войнам и внутренним конфликтам. Одним из таких имущественных конфликтов В.В. Жириновский называл процесс приватизации 1992–1994 гг. Российский предприниматель, сопредседатель попечительского совета «Фонда Сороса» М.В. Масарский в 1993 году восклицал: «В ходе приватизации мы должны обременить собственностью десятки миллионов человек. Собственник — это хороший работник и ответственный инвестор. Он не так панически реагирует на пустые прилавки, у него нет синдрома отоваривания тех денег, которые оказались в кармане, он не так подвержен удару инфляции» [7, с. 111]. Вместе с академиком В.А. Лисичкиным В.В. Жириновский обозначил результаты приватизации:

- не выдержан принцип социальной справедливости при попытке вернуть собственность народу;
- у основной массы населения не созданы новые мотивации к труду;
- не повышена эффективность экономики и уровень жизни населения [6, с. 21–22].

По сути, 90% граждан не стали крупной социальной группой собственников. Они должны были представить новый институт трудящихся (в СССР слово «трудящийся» также было заимствовано из Евангелия: «В доме же том оставайтесь, ешьте и пейте, что у них есть, ибо **трудящийся достоин награды за труды свои**; не переходите из дома в дом» (Лк. 10:7). Сегодня закреплённый в качестве духовно-нравственной ценности созидательный труд связан не только с правом человека на достойное человеческое существование, о котором в начале прошлого столетия говорили русские философы и правоведы В.С. Соловьев, П.И. Новгородцев Б.А. Кистяковский, но и со смыслами т.н. «военно-нравственной» политической обстановки в России, к которой приобщились наши граждане, ежедневно помогающие фронту. Не случайно В.В. Жириновского сравнивали с В.М. Пуришкевичем, основавшим санитарные поезда в период Второй Отечественной войны (1914–1918 гг.). Воссозданный Владимиром Вольфовичем поезд ЛДПР является современным олицетворением милосердия, любви к ближнему и самоотверженности. Рассматривая выражение духовности в годы Великой Отечественной войны, В.В. Жириновский считал, что без неё «вряд ли Советская армия разгромила бы немецкий, а затем и японский фашизм. Кстати в войне слились воедино коллективная и индивидуальная духовность народа и подавляющего большинства отдельных его составляющих личностей» [1, с. 50–51]. В этой связи целесообразно развеять миф о, якобы, отри-

¹ Стенограмма III Всемирного Русского Народного Собора «Россия и русские на пороге XXI века» (4–6 декабря 1995 года). — URL: <https://vrnsnsso.ru/stenogramma-iii-vrns/>.

пции В.В. Жириновским вклада отдельных исторических персоналий в укрепление СССР, особенно в период Великой Отечественной войны. Еще в 1995 году Владимир Вольфович отмечал: «Последним проявлением личностных форм патриотизма был боевой призыв солдат Великой Отечественной войны: «За Родину, за Сталина!» С вершин нашего времени не стоит бросать камни в наших предков за подобные выражения патриотизма. У людей каждой эпохи была своя патриотическая психология» [3, с. 18]. Спустя 30 лет идеи Владимира Вольфовича нашли свое отражение в историко-патриотической символике: Указом Президента России от 29.04.2025 г. № 273 международному аэропорту Волгоград присвоено историческое наименование «Сталинград», а 15 мая 2025 года на станции московского метрополитена был открыт барельеф с изображением И.В. Сталина. Таким образом, Владимир Вольфович предрёк, что Россия будущего не станет стесняться своей истории, или намеренно её замалчивать или искажать, как это происходит сегодня в отдельных республиках бывшего СССР и в странах Европейского Союза. Именно поэтому в целях формирования общероссийской гражданской идентичности и укрепления единства Русского мира на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей в Российской Федерации закреплены соответствующие направления, одним из которых является сохранение памяти о выдающихся личностях в российской истории, внесших важный вклад в развитие и процветание России, что предусмотрено в Основах государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения (утв. Указом Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314).

К числу основных идеологических принципов нравственно-правовой России В.В. Жириновский относил:

- создание власти для блага, счастья и человечности общества, где вещи и деньги служат людям, а не наоборот (де-факто приоритет духовного над материальным);
- интерес нации исторически оправдывает защиту от методологического, исторического, идеологического, экономического, социального, военного оружия, применяемого против нас другими странами;
- все законы, административные указы и акты должны соответствовать идее общественной безопасности России [4, с. 52].

Последняя позиция особенно важна, поскольку сегодня президентская Стратегия национальной безопасности Российской Федерации играет ключевую роль в сверке всей нормативно-правовой базы на предмет наличия эффективных регуляторов и методов воздействия на вызовы и угрозы, стоящие перед Российской Федерацией.

Примечательно, что ЛДПР во главе с В.В. Жириновским в истории новейшей России первой задумалась о корневой основе нравственного государства — концепции общественной безопасности еще в далеком 1992 году. Даже первая научная монография о национальной безопасности в России «Безопасность человека и общества: политико-правовые вопросы», автором которой является С.В. Степашин, была издана лишь в 1994 году.

Теоретическая платформа ЛДПР — Концепция общественной безопасности России (КОБ) в глобальном историческом процессе была сформулирована 10 апреля 1992 года и одобрена на III съезде ЛДПР 18–19 апреля 1992 года, где была констатирована технократическая цивилизация, системы управления в которой требуют от людей обладания специальными доступными знаниями. Концептуально КОБ подчеркивает ее идеологическую целостность, гармонично отражает такие высшие блага, как:

- жить в семье;
- почитать святое Отечество, разделяя судьбу своего народа;
- созидательно трудиться.

Наверное, сегодня очевидно, сколь долго глобальная уния противопоставляла этим аксиологическим константам деструктивные установки: вместо семьи — идеология «ЛГБТ и чайлдфри»; вместо уважения к своему Отечеству — русофобия и размывание своей национально-культурной идентичности до статуса «гражданина всего мира»; вместо созидательного труда — иждивенчество и формирование стереотипных потребностей человека. Специальная военная операция, точный прогноз проведения которой также дал В.В. Жириновский, дала мощный отпор неолиберальной западноевропейской пропаганде.

Историко-политическую траекторию, по которой движется Россия, возможно назвать «принципом бумеранга В.В. Жириновского» — полет бумеранга подчинен аэродинамическим законам, особенностью которых является чередование уклонов бумеранга справа-налево и т.д. Если опираться на эпохальные войны и конфликты, то можно выстроить следующую закономерность:

- 1) Отечественная война 1812 года и Вторая Отечественная война (1914–1918 гг.) — право-право;
- 2) Гражданская война (1917–1922 гг.) и Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) — лево-лево;
- 2) военное столкновение октября 1993 года и СВО — право-право.

Вопрос, на который смог бы ответить В.В. Жириновский, хватит ли траектории для полета бумеранга, чтобы вернуться в руки его хозяина и вновь не уйти влево. Для этого необходимо вспомнить, кому принадлежит роль венца в концепции нравственного государства — мудрому руководителю, пекущемуся о безопасности его Державы и подданных граждан. Таким остается в памяти народов России и мира Владимир Вольфович Жириновский, который, не будучи оформителем своего труда «Нравственное здоровье России» в 1999 году предсказал, что следующим председателем ЛДПР станет Л.Э. Слуцкий.

Духовно-нравственная идеология, развиваемая В.В. Жириновским, не только легла в основу первого в России документа стратегического планирования — Концепцию национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 17.12.1997 № 1300), но и нашла отражение в стратегии «собираения и объединения», чем на протяжении всей своей научной и общественно-политической жизни занимался В.В. Жириновский: «В условиях России исключительное значение имеет развитие общественной системы социальной защиты, основанной на активности граждан, групп и слоёв населения. <...> Центром общероссийской интегрированной, системной социальной активизации, мобилизации и координации деятельности общественных организаций, движения народных масс может быть национальное неполитическое и негосударственное общественное объединение — Общественная Ассамблея» [2, с. 73], ставшая прообразом Общественной Палаты Российской Федерации, созданной в качестве российского законосовещательного общественного института гражданского общества («нулевого чтения» и общественного контроля) и действующей на основании Федерального закона от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации».

Рис. 1²

² Жириновский В.В. Нравственное здоровье России. — Москва, 1999. — С. 90. Слева изображен рисунок руководителя, внешне напоминающего Председателя ЛДПР Л.Э. Слуцкого, справа — фото-

Таким образом, нравственное государство В.В. Жириновского, характеризуется формируемым политико-правовым концептом «русский императив», согласно которому Россия полицентрична в мире, то есть позиционирует себя собирателем и объединителем традиционно ориентированных государств с сильной духовностью, приоритетом национальных интересов и культурных ценностей. Россия — это форпост цивилизаций, идейно-теоретическое, философское обоснование которому дал В.В. Жириновский.

Список литературы

1. *Жириновский В.В.* География русской души. Культура и духовность. — Москва, 1999.
2. *Жириновский В.В.* Доктрина национальной безопасности Российской Федерации. Основные принципы и механизмы реализации. — Москва, 1997.
3. *Жириновский В.В.* Идеологические основы Либерально-демократической партии России. — Москва, 1995.
4. *Жириновский В.В.* Нравственное здоровье России. — Москва, 1999.
5. *Жириновский В.В.* Рубеж понимания // Жириновский В.В. Юношеские записи. — Москва, 1998.
6. *Жириновский В.В., Лисичкин В.А.* Народная собственность — это народная власть. Ч. I. Возрождение русского либерализма. — Москва, 1995.
7. *Масарский М.В.* Правый центр (этюды исторического оптимизма) // Либерализм в России. Сборник статей. — Москва, 1993.
8. *Новгородцев П.И.* Два правовых идеала // Научное слово. — 1904. — Кн. 10.
9. *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. — М., 1993.
10. *Тютчев Ф.И.* Россия и Запад. — М., 2025.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА «РУССКОГО МИРА» В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ В.В. ЖИРИНОВСКОГО

М.А. Булавина

кандидат юридических наук, доцент,
проректор по научной работе
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
m.a.bulavina@uwc-i.ru

THE CIVILIZATIONAL PARADIGM OF THE «RUSSIAN WORLD» IN V.V. ZHIRINOVSKY'S GEOPOLITICAL LEGACY

M.A. Bulavina

PhD Law, Associate Professor,
Vice-Rector for Scientific Work,
V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
m.a.bulavina@uwc-i.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу цивилизационной парадигмы «Русского мира» в геополитическом наследии Жириновского. Автор обосновывает актуальность обращения к идеям политика в условиях крушения однополярной модели и кризиса глобального либерализма. Центральное место в доктрине Жириновского занимает концепция России как государства-цивилизации, противопоставленного западной модели. Раскрывается ключевая идея о переходе от государства-нации к государству-цивилизации. Особое внимание уделяется трёхуровневой структуре «Русского мира»: историческая Россия (восточнославянское ядро), постсоветское пространство (Казахстан, Прибалтика, Закавказье) и страны Юга и Востока (Индия, арабский мир, Турция). Подчёркивается роль русского языка как цивилизационного кода. Показана критика Жириновским глобализма как инструмента американской гегемонии и его альтернативная концепция многополярного мироустройства. Автор делает вывод, что идейное наследие политика предлагает целостный методологический инструмент для анализа современных геополитических процессов, позволяя объяснять внешнеполитическое поведение России через категории цивилизационной самозащиты и конкуренции макроидентичностей.

Ключевые слова: Русский мир, цивилизационная парадигма, геополитическое наследие, Жириновский, цивилизационный подход, государство-цивилизация.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the civilizational paradigm of the «Russian World» in the geopolitical legacy of Zhirinovskiy. The author substantiates the relevance of appealing to the ideas of a politician in the context of the collapse of the unipolar model and the crisis of global liberalism. The central place in Zhirinovskiy's doctrine is occupied by the concept of Russia as a state-civilization, opposed to the Western model. The key idea of the transition from a nation-state to a civilization-state is revealed. Special attention is paid to the three-level structure of the «Russian World»: historical Russia (the East Slavic core), the post-Soviet space (Kazakhstan, the Baltic States, Transcaucasia) and the countries of the South and East (India, the Arab world, Turkey). The role of the Russian language as a civilizational code is emphasized. Zhirinovskiy's criticism of globalism as an instrument of American hegemony and his alternative concept of a multipolar world order are shown. The author concludes that the ideological legacy of politics offers a holistic methodological tool for analyzing modern geopolitical processes, allowing explaining Russia's foreign policy behavior through the categories of civilizational self-defense and competition of macro-identities.

Key words: Russian world, civilizational paradigm, geopolitical heritage, Zhirinovskiy, civilizational approach, state-civilization.

Обращение к идейному наследию Владимира Вольфовича Жириновского сегодня — это не дань политической историографии, а насущная научная необходимость. В условиях крушения однополярной модели, кризиса глобального либерализма и оформления новых полюсов силы, концепты, предложенные В.В. Жириновским ещё в 1990–2000-е годы, демонстрируют высокую прогностическую ценность [2].

Чтобы понять, в чём именно заключается цивилизационная парадигма «Русского мира», необходимо рассмотреть базовые принципы его геополитической доктрины. Ключевым из них стал цивилизационный подход, который Жириновский последовательно противопоставлял либеральному универсализму.

Как справедливо отмечают исследователи его творчества, политик разработал целостную теорию перехода в организации мирового социума от государства-нации к государству-цивилизации [6]. Этот теоретический прорыв позволил ему по-новому взглянуть на закономерности и тенденции развития современных мировых цивилизаций, предвосхитив многие процессы, ставшие актуальными лишь в последние годы.

Центральной категорией цивилизационного подхода В.В. Жириновского стала концепция России как государства-цивилизации. Он последовательно развивал идею о том, что Россия представляет собой не просто национальное государство в классическом понимании, а самобытную цивилизационную общность, обладающую уникальным культурным кодом, исторической судьбой и геополитическим предназначением [2]. В этом контексте В.В. Жириновский рассматривал русский суперэтнос как государствообразующий народ Российского государства-цивилизации, а советский культурный код — как важнейшую составляющую русской идентичности.

Существенной составляющей его цивилизационной теории стало противопоставление России как самобытной цивилизации западной цивилизационной модели. В.В. Жириновский последовательно критиковал глобализм, который называл «гибелью человечества и настоящей войной», указывая на то, что 90% государств не хотят лишаться суверенитета, становясь, по сути, слугами США [4]. Эта критика глобализма как идеологии западного доминирования стала важнейшим элементом его геополитической доктрины.

Однако одна лишь критика не предлагает позитивной альтернативы. Такой альтернативой для Жириновского стала развёрнутая концепция «Русского мира» — не как культурно-языкового феномена, а как цивилизационного и геополитического проекта.

В.В. Жириновский, будучи профессиональным востоковедом и юристом, опирался на классиков цивилизационного подхода — Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, С. Хантингтона, но переосмыслил их в русле **геополитического реализма**.

Так, если С. Хантингтон прогнозировал конфликт цивилизаций, то В.В. Жириновский утверждал, что цивилизации не сталкиваются случайно. Их границы — это линии разлома, где либо укрепляется суверенитет, либо происходит поглощение [5; 7].

В.В. Жириновский неоднократно подчеркивал тысячелетнюю историю России, ее роль как великой державы и наследницы великих цивилизаций — от Киевской Руси до Российской империи и Советского Союза. Для него «Русский мир» — это не просто совокупность русскоязычного населения, а цивилизационное пространство, объединенное общей историей, культурой, языком и, что немаловажно, общим геополитическим предназначением. Он видел Россию как центр силы, способный объединить вокруг себя народы и территории, которые, по его мнению, исторически принадлежали к сфере ее влияния. Это имперское сознание, пронизанное идеей величия и особой миссии, является краеугольным камнем его концепции. Другими словами, «Русский мир» — этнически полиэтничная цивилизация, где доминирует русский культурный и государственный код.

С началом 2000-х гг. термин «русский мир» прочно вошёл в политический дискурс [8]. В 2006 году Президент России В.В. Путин заявил: «Русский мир может и должен объединить всех, кому дорого русское слово и русская культура, где бы они ни жили, в России или за её пределами». В 2007 году по указу Президента России Путина В.В. был создан фонд «Русский мир», который занимается содействием распространению объективной информации о современной России, российских соотечественниках и формированием на этой основе благоприятного по отношению к России общественного мнения¹. Таким образом, акцент больше делался на соотечественников и мягкую силу.

Версия В.В. Жириновского была более жёсткой и трёхуровневой:

- 1) историческая Россия (РФ, Беларусь, Украина в границах до 1991 г.). Он настаивал, что без воссоединения восточнославянского ядра «Русский мир» не состоятелен. При этом Украина для него была не «братской республикой», а неотъемлемой частью единого цивилизационного пространства, что сейчас звучит пророчески;

¹ История становления концепции «русский мир» // URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/young-and-smart/istoriya-stanovleniya-kontseptsii-russkiy-mir/?ysclid=mnt0nzdbui291340824> (дата обращения: 23.03.2026).

- 2) Казахстан, Прибалтика (как зона ущемлённых прав русских), Закавказье. Здесь «Русский мир» понимался как гарант стабильности против исламского радикализма и экспансии НАТО;
- 3) Индия, арабский мир, частично Турция. В.В. Жириновский одним из первых в российской политике заявил: «Наш путь — не в Европу, а на Юг и Восток» [3]. Он предсказал формирование БРИКС задолго до того, как эта организация стала по-настоящему значимой.

Для скрепления этих трёх уровней в единое пространство В.В. Жириновский отводил ключевую роль русскому языку — как «цивилизационному коду», без которого ни историческое единство, ни влияние на Востоке невозможны.

В своих выступлениях он неоднократно подчёркивал необходимость укрепления позиций русского языка как цивилизационного кода, противопоставляя его экспансии английского языка. Показательно его заявление: «Пускай лучше изучают автомат Калашникова. И тогда скоро весь мир заговорит по-русски»². В этой эпатажной, на первый взгляд, формулировке отразилась глубокая идея о взаимосвязи цивилизационной, языковой и военно-политической составляющих «Русского мира».

Геополитическая доктрина В.В. Жириновского представляла собой последовательную альтернативу глобализму и однополярному миропорядку. Политик утверждал, что глобализация под руководством США является не путём к прогрессу человечества, а инструментом установления американской гегемонии. В основе этой критики лежало убеждение Жириновского в существовании многовекового, непрерывного плана Запада по стратегическому демонтажу России и славянского мира в целом.

Анализируя этот план, Жириновский обращался к историческим документам, в частности к записям Эдварда Хауса, советника президента Вудро Вильсона, который ещё в 1918 году писал: «Остальной мир будет жить спокойнее, если вместо огромной России в мире будут четыре России» [1]. По мнению Жириновского, этот проект последовательно реализовывался на протяжении всего XX века — сначала через уничтожение царской империи, затем через «Гарвардский проект» по ликвидации СССР, а в постсоветский период — через систему «цветных революций» и поддержку сепаратистских движений.

В качестве альтернативы однополярному миру В.В. Жириновский предлагал концепцию многополярного мироустройства, в котором Россия должна играть роль одного из самостоятельных центров силы наряду с США, Китаем, Индией, исламским миром и другими цивилизациями. Он предвещал возрождение трёх «империй» на юге — российской, иранской и турецкой. Эта идея, высказанная ещё в конце XX — начале XXI века, сегодня находит подтверждение в самостоятельной внешней политике Тегерана и Анкары.

Идейное наследие В.В. Жириновского в части разработанной им цивилизационной парадигмы «Русского мира» даёт современной науке не просто набор историко-политологических фактов, но целостный методологический инструмент для анализа текущих геополитических процессов. Прежде всего, его концепция позволяет перевести дискуссию о «Русском мире» из сугубо культурно-языковой или гуманитарной плоскости в плоскость геополитического и цивилизационного реализма. Жириновский предложил научному сообществу модель понимания России не как национального государства западного образца, а как государства-цивилизации — категории, которая сегодня активно используется в официальной доктрине и академических исследованиях. Тем самым современная наука получает возможность объяснять внешнеполитическое поведение России не через категории «имперского реванша» или «национализма», а через закономерности цивилизационной самозащиты и конкуренции макроидентичностей. Кроме того, трёхуровневая структура «Русского мира» даёт исследователям рабочий инструмент для прогнозирования конфликтов и союзов — в частности, она задолго предвосхитила значение украинского, казахстанского и прибалтийского направлений, а также поворот России на Юг и Восток.

² Владимир Жириновский: «Все карты розданы, козыри у нас». Цитаты // URL: https://aif.ru/politics/russia/vladimir_zhirinovskiy_vse_karty_rozdany_kozyri_u_nas_citaty?ysclid=mnszm4dk31169345187 (дата обращения: 23.03.2026).

Концепция В.В. Жириновского даёт исследователям язык описания многополярности как системы, где Россия выступает одним из центров силы наряду с Китаем, Индией, исламским миром и Турцией. Таким образом, научное осмысление «Русского мира» в его версии обогащает современную политологию, геополитику и цивилизационную теорию прогностическим инструментарием, позволяет уйти от евроцентричных шаблонов и предлагает внутренне непротиворечивую модель для понимания роли России в трансформирующемся миропорядке.

Следует отметить, что Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского стал центром по исследованию и развитию его теоретического наследия. Это свидетельствует о том, что цивилизационная парадигма «Русского мира», разработанная Жириновским, сохраняет высокую актуальность и востребованность в современных условиях, когда вопросы цивилизационной идентичности, суверенитета и геополитического позиционирования России приобретают особое значение.

Список литературы:

1. Архив полковника Хауза: избранное: в 2 т.: Т. 1. / [коммент. Ч. Сеймура; пер. с англ. В.В. Прокунина]. — Москва: АСТ: Астрель, 2004. — 220 с.
2. *Васецкий Н.А.* Русский мир Жириновского / Н.А. Васецкий. — Москва: Издательский дом «УМЦ», 2024. — 48 с.
3. *Жириновский В.В.* Последний бросок на Юг / В.В. Жириновский — М.: издание ЛДПР, 2016. — 80 с.
4. *Жириновский В.В.* Россия — США / В.В. Жириновский — «Автор», 2019. — 46 с.
5. *Жириновский В.В.* Скрытая цивилизация / В.В. Жириновский — «ЛитРес: Самиздат», 2013. — 65 с.
6. *Слуцкий Л.Э.* Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы. В 2 томах. Т. 1. Россия — государство-цивилизация. Монография / Л.Э. Слуцкий, Н.А. Васецкий, О.Н. Слоботчиков. — Москва: Издательский дом «УМЦ», 2024. — 384 с.
7. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новикова. — М.; СПб.: АСТ, 2003. — 603 с.
8. *Пашковський П.И.* Концептуальные основы политики России на постсоветском пространстве в 2000-е гг. // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. — 2014. — Т. 27. — № 1-2 (66). — С. 349–358.

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI В.

Ю.Ф. Пивоваров

доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник,
Институт военной истории, г. Москва
Pivovarovyuri@mail.ru

NATIONAL SECURITY PROBLEMS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE MIDDLE EAST AND WAYS TO RESOLVING THEM IN THE FIRST QUARTER OF THE 21ST CENTURY

Yu. F. Pivovarov

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Leading Researcher,
Institute of Military History, Moscow
Pivovarovyuri@mail.ru

Аннотация. В своей статье автор на основе военно-исторического подхода анализирует важнейшие внутренние и внешние условия и факторы, оказавшие влияние на современный конфликтный потенциал ближневосточных государств, причины и последствия агрессии США и Израиля против Ирана и Ливии. Результатом военных ударов США и Израиля по этим странам является разрушение социально-экономической инфраструктуры стран региона, гибель мирного населения и разрастание конфликтного потенциала, что несет угрозу национальной безопасности Российской Федерации в формирующемся многополярном мире. Показана взаимосвязь современных событий на Ближнем Востоке с историческим прошлым. Сделан вывод о важности соблюдения принципов ООН и прежде всего невмешательства в дела суверенных государств и мирного разрешения конфликтных ситуаций.

Ключевые слова: геополитика, СССР, Россия, США, Израиль, Иран, Ливан, безопасность, война, агрессия, мир.

Abstract. In this article the author, using a military-historical approach, analyzes the most important internal and external conditions and factors that have influenced the current conflict potential of Middle Eastern states, as well as the causes and consequences of the aggression of the United States and Israel against Iran and Libya. US and Israeli military strikes against these countries have resulted in the destruction of the socio-economic infrastructure of the region, the loss of civilian lives, and the escalation of conflict potential, posing a threat to the national security of the Russian Federation in the emerging multipolar world. The article also demonstrates the interconnectedness of current events in the Middle East with the historical past. The conclusion is drawn on the importance of adhering to UN principles, particularly non-interference in the affairs of sovereign states and the peaceful resolution of conflicts.

Key words: geopolitics, USSR, Russia, USA, Israel, Iran, Lebanon, security, war, aggression, peace.

Чтобы подчеркнуть особую актуальность обозначенной темы статьи, необходимо обратиться к политическому наследию Владимира Вольфовича Жириновского о роли личности в истории. «Развал Советского Союза, межнациональные распри, многочисленные вооруженные конфликты, рост показателей заболеваемости, смертности, количества алко- и наркозависимых людей, катастрофическое падение уровня жизни миллионов граждан в девяностые годы прошлого века — все это произошло не случайно. Необходимо на государственном уровне дать оценку итогам политической деятельности президента СССР М.С. Горбачева и первого президента России Б.Н. Ельцина, признав деструктивный и преступный характер этой деятельности» [1].

Внутренние процессы, вызвавшие исчезновение Советского Союза и стран социалистического содружества с политической карты мира, оказали непосредственное влияние на между-

народную безопасность. И они имели в основном трагические последствия для большинства его участников. «Волна общих забастовок, прокатившаяся в течение нескольких месяцев сначала по Степанакерту, административному центру Нагорного Карабаха, потом по всей Армении; создание комитетов содействия и координации, которые на равных стали вести переговоры с местными и центральными властями; грандиозные демонстрации, собиравшие сотни тысяч людей. Впечатляющие результаты подтвердили уроки массовых взрывов в различных странах Восточной Европы: большая часть местных властей встала на сторону масс, разделив и поддержав их требования» [2, с. 258].

Искусственная перекройка существовавшего послевоенного порядка биполярного мира значительно повлияла на изменение баланса сил и интересов на глобальном уровне. Стратегической целью ведущих игроков мира «на великой шахматной доске», по мнению З. Бжезинского, в складывающемся глобализационном мире стал передел сфер влияния в различных регионах мира. Он рассматривал мир как шахматную доску, на которой разыгрывается партия за глобальное господство. В центре внимания — роль США как единственной сверхдержавы, а также позиции Европы, России и Азии в формирующемся миропорядке. «Последнее десятилетие XX века было отмечено тектоническим сдвигом в мировых делах. Впервые в истории неевразийская держава стала не только главным арбитром в отношениях между евразийскими государствами, но и самой могущественной державой в мире. Поражение и развал Советского Союза стали финальным аккордом в быстром вознесении на пьедестал державы Западного полушария — Соединенных Штатов — в качестве единственной и действительно первой подлинно глобальной державы» [3, с. 6, 7].

Резкое снижение уровня жизни населения в кризисных странах Ближнего Востока вынудило их лидеров искать новые источники существования и развития. Окончание холодной войны ослабило одну из несущих опор региональных сил, Советский Союз, усилив тем самым социально-экономические проблемы, вызвавшие недовольство народных масс проводимой внутренней политикой, которое вывело их на площади для протестных выступлений. Все это в конечном итоге вылилось в «арабскую весну»¹, нацеленную на смену неугодных Западу политических режимов.

В условиях геополитической турбулентности лидеры стран Ближнего Востока стали пересматривать свою внешнюю политику в отношении бывших партнеров из социалистического лагеря, переходя к более «надежным» политическим ориентирам. Кризис власти в новой России, вооруженные конфликты на постсоветском пространстве, ориентация российской элиты на Запад, все это в конечном итоге способствовало усилению роли США на геополитическом пространстве всего Ближнего Востока. Особенно это проявилось в контроле над энергоресурсами. Это, в свою очередь, оказало влияние на изменение стратегии стран региона в отношении Израиля на фоне обострения соперничества за региональное господство внутри арабских стран между суннитами и шиитами.

После разрешения югославского кризиса (1999) Россия вновь заявила о себе на международной арене. Она постепенно с помощью внешней дипломатии и военной силы стала возвращаться на ближневосточную арену в качестве ведущего регионального игрока, надежного союзника и торгового партнера, став важным участником переговорного процесса в решении региональных социально-экономических проблем, вызванных появлением на Ближнем Востоке радикальных незаконных вооруженных формирований (НВФ) из-за агрессии США и НАТО в Афганистане (2001) и Ираке (2003).

В глобально-стратегическом измерении после окончания холодной войны и операции США в Персидском заливе 1991 г. американское военно-политическое руководство приняло решение разместить в регионе сеть военных баз, которые практически совпадают с границами нахождения залежей нефти. В 1992 г. было опубликовано «Руководство по оборонному планированию» («Доктрина Вульфовица» (англ. — Defense Planning Guidance, DPG). В списке его авторов «ястребы войны»: Д. Чейни, К. Пауэлл и П. Вулфовиц. Доктрина провозглашала

¹ Арабская весна (араб. *ربيع الربيع*) — серия антиправительственных протестов, восстаний и вооружённых мятежей, охвативших в начале 2010-х гг. большую часть арабского мира, страны Ближнего Востока и Северной Африки. — *Прим. авт.*

статус США как единственной в мире сверхдержавы и победителя в холодной войне и провозглашала своей главной целью сохранение этого статуса. «На Ближнем Востоке и в Юго-Западной Азии наша общая цель — оставаться доминирующей внешней силой в регионе и сохранить доступ США и Запада к региональной нефти» [4].

С исторической точки зрения, драйвером современного Ближневосточного процесса является стремление США сохранить монополию на мировое господство. Ровно 80 лет назад, сразу же после окончания Второй мировой войны (1939–1945), а именно 5 марта 1946 г., на то время частное лицо, британский политик У. Черчилль выступил в США с «Фултонскими тезисами». В них он выразил суть человеконенавистнической англосаксонской идеологии, назвав свою стратегию: «Мускулы мира». Приведем его высказывание буквально: «Соединенные Штаты Америки находятся сегодня на вершине могущества, являясь самой мощной в мире державой, и это можно расценить как своего рода испытательный момент для американской демократии, ибо превосходство в силе означает и огромную ответственность перед будущим. Оглядываясь вокруг себя, вы должны заботиться не только об исполнении своего долга перед всем человечеством, но и о том, чтобы вы не опускались ниже достигнутого вами высокого уровня. Перед обеими нашими странами открываются новые, блестящие перспективы и возможности. Отказавшись от них, или пренебрегши ими, или же использовав их не в полную меру, мы навлекли бы на себя осуждение наших потомков на долгие времена. Необходимо, чтобы последовательность в мыслях, настойчивость в достижении целей и величественная простота в решениях определяли и направляли политику англоязычных стран в годы мира точно так же, как и в годы войны» [5].

Реакция советского лидера И.В. Сталина была незамедлительной и вполне предсказуемой: «Следует отметить, что господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира. Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы как единственно полноценная нация должны господствовать над другими нациями. Английская расовая теория приводит господина Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные должны господствовать над остальными нациями мира» [6].

Положение в мире после окончания Второй мировой войны на основе биполярных интересов, железного занавеса между Западом и Востоком вылилось в так называемую холодную войну с многочисленными военными конфликтами различной интенсивности и угрозой применения ядерного оружия (Корейская война, Берлинский, Карибский кризисы). Сегодня уже забылось, что НАТО — это вовсе не оборонительный альянс, а объединение «желающих» поддержать гегемонию США. Немного перефразирую истинную цель Североатлантического альянса, это меню для стола англосаксов: США — в Европе, Германия и Франция под Европой, а Британия — вне Европы. К этому столу сегодня подали Финляндию и Норвегию, несколько «несвежий» русофобский продукт в своем милитаристском угаре, который одновременно с прибалтами и Польшей непродуманной политикой довел ЕС до абсурдного проекта «Анти-Россия» в экономике, идеологии и культуре.

В первой четверти XXI в. в условиях переходного периода от глобализации к биполярному миру в большинстве развивающихся стран Ближнего Востока стали господствовать протестные настроения в форме так называемой «арабской весны», получившие поддержку не только со стороны США и Запада, но и лидеров радикальных исламистских организаций: «Мы, — заявил в середине сентября 2011 г. один из лидеров «Аль-Каиды» Айман аз-Завахири, — на стороне арабской весны, которая принесет с собою подлинный ислам» [7]. Поэтому любая внутренняя конфронтация в кризисной стране сегодня чревата разрастанием гражданской войны в борьбе за власть в стране до глобального уровня, войны с международным терроризмом и неонацизмом за цивилизационный выбор своего развития. Пример: Ливия, Ирак и Сирия, а в настоящее время к этому процессу США и Израиль пытаются принудить и Иран на основе военной интервенции, так называемая «насильственная демократия» в действии.

Роль России сегодня заключается в недопущении разрастания кризисных ситуаций в Ближневосточном регионе до крупномасштабной войны и защите национальных интересов на дальних рубежах. В новых глобальных условиях на Западе для достижения военно-политических целей получила распространение т.н. «гибридная стратегия». США и странами Запада она реализуется в кризисных странах для свержения неугодного политического режима. Ее суть — война чужими руками, а цель — развал государств по образцу 90-х гг. прошлого века. На основе внешнего влияния со второго десятилетия XXI в. в странах Ближневосточного региона стали нарастать протестные настроения, вылившиеся в гражданские войны. Яркими примерами явились вооруженные конфликты в Ливии и Сирии. И сегодня, как мы видим, продолжается деструктивная западная политика на территории арабских государств.

О влиянии Турции на ближневосточное урегулирование стоит поговорить особо. По своей сути сегодня Турция стала для России единственным связующим звеном с Европой в области энергетической безопасности, «Турецкий поток 1, 2», тогда как все бывшие «союзники» отказались от данной миссии, предпочтя выполнять волю руководства ЕС в отказе от энергетической зависимости от России. Поэтому, после поражения Ирана в борьбе за региональное господство на Ближнем Востоке с большой долей вероятности следующей целью Израиля (а заодно и США) может стать Турция. По мнению главы турецкого внешнеполитического ведомства Хакана Фидана, израильское руководство во главе с Б. Нетаньяху находится в постоянном поиске новых объектов для конфронтации. «Израиль не может существовать без врага. Сейчас мы видим, как формируется риторика, в рамках которой Турцию пытаются представить в качестве нового противника» [8].

Следовательно, после конфликта с Ираном власти Израиля начнут подготовку к противостоянию с союзником США по блоку НАТО, если Североатлантический альянс к тому времени сохранится как единый военно-политический блок. Американский лидер Дональд Трамп намерен пересмотреть участие США в альянсе после отказа европейских стран НАТО в их поддержке в ходе операции против Ирана [9].

Следующим игроком ближневосточного процесса является Сирия. Сегодня это государство, несмотря на понесенный ущерб от гражданской войны с 2011 по 2024 гг., находится в выгодном геополитическом положении из-за блокирования Ираном Ормузского пролива. Через ее территорию могут быть проложены нефте- и газопроводы, связывающие страны Персидского залива с Европой.

Однако будущее новой Сирии выглядит крайне неопределенным и туманным. «Некогда одно из самых успешных государств региона — Сирия — превратилось в центр притяжения политических экстремистов и международных террористов, в универсальную площадку для выяснения отношений между иранцами и израильянами, турками и курдами, шиитами и суннитами...», так описывает пеструю кризисную картину сирийского кризиса А. Кортунов, генеральный директор Совета по международным делам [10].

Спектр экспертных оценок относительно возможных сценариев развития ситуации в Сирии сегодня крайне обширен. Мнения варьируются от того, что удастся восстановить сирийскую государственность, консолидировать население, начать социально-экономические преобразования при снятии экономических рестрикций до полностью апокалиптических прогнозов о превращении территории Сирии в набор разношерстных этно-конфессиональных образований под протекторатом вовлеченных в текущие события внешних участников. Реальность такова, что пласт проблем и противоречий, который аккумулировала в себе Арабская Республика в ходе гражданской войны, и сегодня дает незначительные шансы на проведение политических и экономических преобразований в стране. На практике сирийская действительность свидетельствует, что новое государственное образование, созданное на основе «арабской весны», будет жизнеспособным только в условиях исламизации сирийской элиты [11].

Ирак — следующий игрок ближневосточного процесса. Он может сыграть важную роль в качестве центра как в борьбе с радикальными незаконными вооруженными формированиями (НВФ), так и выступить инициатором вывода американских войск из Ближневосточного региона. Правительство Ирака поддержит ультиматум шиитских военных группировок по выводу коалиции НАТО из страны. Грядет повторение бегства США из Афганистана. В заявлении влиятельной в Ираке группировки «Катаиб Хезболла», входящей в состав «Ислам-

ского сопротивления в Ираке», говорится, что «иностранцы солдаты не останутся в Ираке, от севера до юга. Кроме того, мы не позволим им иметь смертоносное оружие или системы ПВО на нашей территории» [12].

Поэтому вряд ли базы США и их диппредставительства останутся на территории Ирака, так как постоянные обстрелы делают их содержание запредельно дорогим и политически токсичным из-за потерь среди солдат. Собственно, из них остались только база Виктория в Багдаде и авиабаза Аль-Харир (менее 2 000 человек) в Иракском Курдистане, которые постоянно подвергаются атакам БПЛА. В итоге США будут вынуждены полностью уйти не только из Ирака, но и всего Ближнего Востока.

Следующим важнейшим участником ближневосточного процесса выступает Иран. Для России, да и стран Европы, это центр шелкового пути из Юго-Восточной Азии. В войну между Ираном, Израилем и США может быть втянуто множество участников. За Иран выступают «прокси» силы, НВФ, включая «Хезболлу», хуситов, ХАМАС и «Палестинский исламский джихад» (запрещен в России), которым Израиль пытается нанести поражение, но в большей степени страдает мирное население. Наибольшее число жертв зафиксировано в Иране. «По данным агентства Tasnim, в Иране погибли свыше 1 332 человек, из них 278 детей. Только 28 февраля в ходе первых ударов США по Ирану число погибших учеников начальной школы «Шаджаре Тайебе» для девочек составило 148, пострадавших — 95. В Ливане погибли 570 человек, включая 86 детей, сообщил Минздрав страны. Среди жертв также есть медицинские работники» [13].

В ближайшее время формат своего участия в ближневосточном урегулировании определят и страны Европы. Самим арабским государствам сложно выбрать сторону: удары Ирана по их территориям с одной стороны наносят ущерб инфраструктуре и репутации, а с другой — открытая поддержка Израиля может вызвать обвинения в предательстве мусульманских эдиноверцев.

Противостояние между США, Израилем и Ираном длится уже не один десяток лет. Этот конфликт начался при свержении шахского режима в 1979 г., возобновился при Б. Обаме, где ключевым камнем преткновения была ядерная программа Исламской Республики. Америка и Израиль расценили ее как угрозу для национальной безопасности (хотя сам Израиль незаконно располагает ядерным оружием — «оружием последней надежды» и продолжает вырабатывать обогащенный уран в пустыне Негев). По словам главы МИД РФ С.В. Лаврова, истинная цель США при участии Израиля — не просто смена режима в Иране, а попытка установить контроль над всеми мировыми энергоресурсами. «Вашингтон претендует на богатства не только Персидского залива и Латинской Америки, но и на российские углеводороды. Из-за данной стратегии произошел раскол в стане агрессоров. Если президент США Д. Трамп спешит объявить о «победе» и свернуть операцию, чтобы избежать экономических последствий, то Израиль нацелен на затягивание агрессии» [14].

Следовательно, проблемы национальной безопасности Российской Федерации на Ближнем Востоке и пути их решения в первой четверти XXI в. тесно взаимосвязаны с историческим прошлым нашей Родины, а именно развалом Советского Союза. В условиях глобализации США превратились в сильную сверхдержаву, которая стремится решать свои внутренние проблемы на основе внешнего вмешательства в дела третьих стран. Когда будет мир на Ближнем Востоке, и нужно ли вести Ирану переговоры с США и Израилем? Дадим ответ словами Аишан, дочери растерзанного ливийского лидера М. Кадафи. С начала развязывания военной агрессии Израилем и США против Ирана она обратилась к иранскому народу с напутствием: «переговоры с волками не ведут к спасению стада — они лишь фиксируют дату следующей охоты. Отец поверил, пошел на уступки... и бомбы США и НАТО превратили Ливию в руины...» [15].

И такие прецеденты, к сожалению, в международной практике, не единичны. Для России это Минские соглашения и Стамбульские договоренности, которые были якобы гарантией Запада в ходе решения проблемы урегулирования вооруженного конфликта на Украине. Исходя из сложившегося феномена доверия к западным посредникам быть не может. Военный конфликт на Ближнем Востоке должен быть прекращен только на условиях иранской стороны, жертвы агрессии. Только в этом случае будут достигнуты цели мирного процесса, что соответствует национальным интересам Российской Федерации. Подлинный мир должен быть без

каких-либо предварительных условий, что остановит вооруженное насилие в регионе.

Список литературы

1. ЛДПР: Нужно признать деятельность Горбачёва и Ельцина преступной. Ответ Госдумы // Военное обозрение. — 2018. — 26 марта.
2. Чернышов Б.А. Краткий курс истинной истории России. Учебник правды: монография. — М.: Издательский дом «ИМИЦ», 2021. — С. 258.
3. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска / Збигнев Бжезинский; [пер. с англ. О. Уральской]. — М.: Издательство АСТ, 2026.
4. Defense Planning Guide // The New York Times. — 1992. 7 of March.
5. 5 марта 1946 года прозвучала Фултонская речь Уинстона Черчилля в Вестминстерском колледже. Российское историческое общество // URL: https://historyrussia.org/index.php?option=com_content&view (дата обращения* 15.04.2026).
6. Сталин И.В. Ответ корреспонденту «Правды» // Правда. — 1946. — 14 марта.
7. Подцероб А.Б. «Арабская весна» или «исламистская осень»? // URL: <https://iimes.ru/rus/stat/2012/06-08-12d.htm#top> (дата обращения 07.03.2026).
8. «Следующей целью станет Турция»: Хакан Фидан сделал громкое заявление об Израиле // URL: <https://azh.kz/ru/news/view/126790> (дата обращения: 15.04.2026).
9. Иванова О. Эксперт назвал три сценария выхода США из НАТО // Новости. 2026. 3 апреля.
10. Химшиашвили П., Пудовкин Е., Сидоркова И. Как закалялась дамасская сталь // РБК. — 2021. — 15 марта.
11. Подцероб А.Б. «Арабская весна» или «исламистская осень»? // URL: <https://iimes.ru/rus/stat/2012/06-08-12d.htm#top> (дата обращения: 07.03.2026).
12. Степушкова Л. Пять дней на сборы: Ирак выставил жёсткие сроки для вывода американских военных баз // URL: <https://www.pravda.ru/world/2339922-iraq-usa-withdrawal-ultimatum/> (дата обращения 10.04.2026.).
13. Все выходит из-под контроля: сколько жизней унесла война на Ближнем Востоке за неделю. Инфографика // URL <https://ura.news/news/1053075416> (дата обращения: 14.04.2026).
14. Сигнал из Москвы: Лавров обозначил позицию России по Ирану и Украине. Что это означает для Запада? // URL: https://news.rambler.ru/politics/56191141/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 14.04.2026).
15. Аиша Каддафи призвала Иран не верить Западу: реакция Пушкина // URL: <https://fb.ru/news/politics/2026/3/12/438683> (дата обращения: 14.04.2026).

В.В. Жириновский
как идеолог
концепции нравственного государства

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОТ КОЛЕСА ДО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Н.Я. Головецкий

кандидат экономических наук, профессор,
декан факультета экономики и менеджмента Красногорский филиал

И.В. Козик

аспирант,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
igorkozik2000@mail.ru

THE EVOLUTION OF ECONOMIC POLICY INSTITUTIONS IN CENTRAL ASIA: FROM THE WHEEL TO ARTIFICIAL INTELLIGENCE

N.Ya. Golovetsky

PhD in Economic Sciences, Professor,
Dean of the Faculty of Economics and Management,
Krasnogorsk Branch of the RANEPA
golovetskiy-ny@ranepa.ru

I.V. Kozik

Postgraduate student,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
igorkozik2000@mail.ru

Аннотация. В данной статье исследуется многовековая эволюция институтов экономической политики в Центральной Азии через призму цивилизационного подхода. Анализируются ключевые этапы трансформации экономических моделей региона и их неразрывной связи с развитием политических институтов. На основе исторической ретроспективы, от древних аграрно-городских цивилизаций до современных процессов цифровизации, выявляются преемственность и разрывы в формировании институциональной среды. В рамках статьи проводится сравнительный анализ современных политических систем пяти стран Центральной Азии, выявляются скрытые угрозы их суверенному развитию со стороны глобальных и региональных игроков, а также определяются перспективы институционального развития в условиях геополитической турбулентности и Четвертой промышленной революции.

Ключевые слова: Центральная Азия, экономическая политика, политические институты, институты экономической политики, цивилизационное развитие, цифровая экономика, искусственный интеллект, суперпрезидентские республики, долговая дипломатия, многовекторность.

Abstract. This article examines the centuries-old evolution of economic policy institutions in Central Asia through the prism of the civilizational approach. The key stages of transformation of the region's economic models and their inextricable connection with the development of political institutions are analyzed. Based on a historical retrospective, from ancient agrarian-urban civilizations to modern digitalization processes, continuity and discontinuities in the formation of the institutional environment are revealed. The article provides a comparative analysis of the modern political systems of the five Central Asian countries, identifies hidden threats to their sovereign development from global and regional players, and determines the prospects for institutional development in the context of geopolitical turbulence and the Fourth Industrial Revolution.

Key words: Central Asia, economic policy, political institutions, institutions of economic policy, civilizational development, digital economy, artificial intelligence, super-presidential republics, debt diplomacy, multivectorism.

Центральная Азия, выступающая в роли уникального перекрестка цивилизаций, представляет собой исключительно релевантный объект для исследования долгосрочной эволюции институтов. Под институтами в данной работе понимаются, в соответствии с неoinституциональной традицией, формальные и неформальные правила, нормы и ограничения, структури-

рующие политические и экономические взаимодействия [Норт, 1997]. Институты экономической политики являются совокупностью норм и организаций, определяющих цели, методы и инструменты государственного воздействия на хозяйственные процессы.

Актуальность темы обусловлена необходимостью осмысления современных вызовов, стоящих перед странами региона, в контексте их глубокого исторического наследия. Переход к цифровой экономике и внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ), а также обострение геополитической конкуренции знаменуют собой новый этап трансформации, последствия которого невозможно оценить без понимания предшествующих институциональных циклов. Целью статьи является выделение и характеристика ключевых этапов эволюции институтов экономической политики в Центральной Азии, определяемых сменой доминирующих технологических укладов и ресурсных баз, а также соответствующих им политических моделей. В задачи работы входит проведение сравнительного анализа современных политических институтов пяти государств региона, оценка внешних угроз их стабильности и формулирование прогностических суждений относительно их дальнейшей трансформации.

Методологическую основу исследования составляет историко-сравнительный анализ, позволяющий выявить общие закономерности и специфические особенности институционального развития в долгосрочной перспективе.

1. Истоки формирования институтов: аграрно-кочевые цивилизации и Великий Шелковый путь

Фундамент институционального развития Центральной Азии был заложен в глубокой древности, когда сформировался базовый дуализм экономических укладов — оседло-земледельческого и кочевого. Этот дуализм напрямую определял структуру политических институтов и приоритеты экономической политики.

Экономика и ресурсы: Основными обрабатываемыми ресурсами были вода и плодородная земля в оазисах, а в степях — обширные пастбищные угодья. Технологической основой стало изобретение и распространение колеса, которое революционизировало как сельское хозяйство (колесный плуг), так и трансфертные возможности (колесницы, телеги). Ключевыми сферами экономики были поливное земледелие (зерно, бахчевые), отгонное скотоводство (лошади, овцы, верблюды) и, с запуском Великого Шелкового пути, международная торговля и ремесленное производство (металлургия, керамика, ткани).

Формирование политических институтов: В оседлых областях сформировался институт восточной деспотии, основанный на сильной централизованной власти правителя (шаха, хорезмшаха). Его политическая легитимность напрямую зависела от способности организовать строительство и поддержание масштабных ирригационных систем. Как отмечается в исследовании, «происходит становление производящей экономики, основанной на земледелии и скотоводстве, формируются первые государственные образования» [1, с. 45]. Аппарат управления состоял из чиновников, отвечавших за сбор налогов, мобилизацию трудовых ресурсов и поддержание порядка. В кочевой среде политические институты были более гибкими и строились на принципах военной демократии и родоплеменных отношениях. Власть кагана или хана была выборной в пределах знатного рода и зависела от его военных успехов и способности обеспечивать благополучие рода. В периоды консолидации возникали мощные кочевые империи (гуннов, тюрков), чья политическая структура представляла собой конфедерацию племен под верховенством правящего клана.

Культура: Культурное развитие характеризовалось синтезом местных традиций и влияний извне (иранского, китайского, индийского). Возникла самобытная городская культура с развитой архитектурой, монументальным искусством и письменностью. «Великий шелковый путь сыграл ключевую роль в развитии региона, способствуя не только экономическому процветанию, но и культурному обмену, а также становлению городской культуры» [1, с. 48]. Распространение зороастризма, буддизма, несторианского христианства и манихейства создавало сложный религиозный ландшафт, который терпимо воспринимался светской властью.

Институты экономической политики: Ими выступали административный аппарат, управляющий ирригацией (мираб), система караван-сараев и охраны торговых путей, а также стан-

дартизация монетной чеканки, что минимизировало транзакционные издержки торговли.

Таким образом, истоки формирования институтов в Центральной Азии были напрямую обусловлены фундаментальным дуализмом экономических укладов — оседлого земледелия и кочевого скотоводства. Этот дуализм породил и две соответствующие модели политических институтов: централизованную деспотию, необходимую для организации крупных ирригационных систем в оазисах, и гибкую военно-родовую организацию кочевых империй. Культурное развитие характеризовалось синкретизмом и высокой степенью веротерпимости, чему в значительной степени способствовал Великий Шелковый путь, который, в свою очередь, стал катализатором формирования ключевых институтов экономической политики, таких как система караван-сараев и стандартизация денежного обращения, направленных на снижение транзакционных издержек международной торговли.

2. Институты в условиях имперского администрирования: между традицией и модернизацией

Вхождение региона в состав Российской империи ознаменовало кардинальный разрыв с предшествующей институциональной траекторией и насильственную интеграцию в новое политико-экономическое пространство.

Экономика и ресурсы: Экономическая политика метрополии была подчинена сырьевой специализации региона. Основным обрабатываемым ресурсом стали агроклиматические условия для выращивания хлопка, что привело к превращению региона в хлопковую монокультуру. Развивалась также добыча нефти в Фергане и угля. Ключевым инфраструктурным проектом стало строительство железных дорог (Закаспийская, Ташкентская), которые связали регион с центром и обеспечили ускоренный вывоз сырья.

Формирование политических институтов: На смену ханской власти пришла жестко централизованная бюрократическая система в форме генерал-губернаторств (Туркестанского, Степного). Местные традиционные институты (суд казиев, власть аксакалов) были либо упразднены, либо маргинализированы и подчинены колониальной администрации. Политика «игнорирования ислама» и русификации проводилась с целью ослабления потенциала сопротивления. В то же время, империя опиралась на местную феодальную аристократию (мананов, баев), включив ее в систему управления на низовых уровнях, что создавало гибридную модель управления, сочетающую прямую администрацию с косвенным контролем [2, с. 9].

Культура: Наблюдался глубокий культурный раскол. С одной стороны, происходила модернизация: открывались светские школы, типографии, возникала первая интеллигенция (джадиды), стремившаяся к синтезу исламских ценностей и европейского просвещения. С другой стороны, политика русификации и колониальный статус порождали ощущение культурной угнетенности и стимулировали рост национального самосознания. Традиционная культура консервировалась в сельской местности и в рамках бытового ислама.

Институты экономической политики: Ими стали Крестьянский поземельный банк, регулирующий земельные отношения в интересах переселенцев, а также система государственных заказов на хлопок и таможенные тарифы, защищавшие российскую промышленность. Железнодорожные тарифы использовались как инструмент экономического регулирования, искусственно сдерживая развитие обрабатывающей промышленности в регионе.

Период вхождения в состав Российской империи ознаменовал собой насильственный разрыв с предшествующей институциональной траекторией и интеграцию в новое экономико-политическое пространство. Экономическая политика метрополии, направленная на сырьевую специализацию региона, привела к формированию хлопковой монокультуры и созданию соответствующей инфраструктуры. Политические институты были перестроены по колониальной модели генерал-губернаторств, что маргинализировало традиционные структуры власти, но при этом создало гибридную систему управления, опиравшуюся на лояльную местную аристократию [3, с. 11]. В культуре этот период породил глубокий раскол между модернизацией, привнесенной светским образованием и деятельностью джадидов, и консервацией традиционных устоев, что в совокупности стимулировало рост национального самосознания.

3. Советская модернизация: плановая экономика как тотальный институт

Советский период стал временем наиболее радикальной и тотальной трансформации институтов Центральной Азии, осуществленной по единому союзному образцу.

Экономика и ресурсы: Экономическая политика была направлена на ускоренную индустриализацию и дальнейшее укрепление сырьевой специализации. К традиционному хлопку добавились новые ключевые ресурсы: полезные ископаемые (уголь в Караганде, нефть и газ в Туркмении и Узбекистане, цветные металлы в Казахстане и Кыргызстане), а также энергетические мощности (каскады ГЭС на Сырдарье, Нарыне). Была создана мощная ирригационная система, позволившая резко увеличить посевы хлопчатника, но приведшая к экологической катастрофе Аральского моря.

Формирование политических институтов: Формально были созданы национальные советские республики с собственной государственностью (парламенты, правительства). Фактически же вся власть была сосредоточена в жестко иерархической структуре КПСС. Политические институты представляли собой «передаточный механизм» для исполнения решений союзного центра. Партийно-государственная номенклатура формировалась по принципу «кадровой национальной политики», что привело к росту местных элит, полностью лояльных центру. Это способствовало формированию патерналистской политической культуры, где верховная власть воспринималась как источник благ и верховный арбитр. Институты демократии (Советы) были полностью декоративными.

Культура: Проводилась политика «коренизации» и одновременно советизации. Создавались национальные письменности (на основе кириллицы), развивалась система образования, наука и профессиональное искусство. С другой стороны, происходила насильственная секуляризация, борьба с «пережитками прошлого» (например, паранджой) и внедрение унифицированной советской идентичности («советский народ»). Это привело к двойственности культурного сознания: внешняя советскость сочеталась с внутренней сохранностью традиционных устоев, особенно в семейно-бытовой сфере.

Институты экономической политики: Ими выступили Госплан, отраслевые министерства (союзного и республиканского уровня) и система государственных заказов, которые директивными методами определяли объемы производства, цены, зарплаты и логистику. Колхозы и совхозы стали основными институтами аграрной политики, обеспечивающими выполнение плана по хлопку. Эта система была крайне эффективна для мобилизации ресурсов на достижение узкого круга целей, но совершенно негибка и порождала гигантские потери и изживенческие настроения.

Советский период стал временем наиболее радикальной и тотальной трансформации, в ходе которой все предшествующие институты были заменены единой моделью плановой экономики и однопартийной политической системы. Институты экономической политики, такие как Госплан и отраслевые министерства, подчинили себе все хозяйственные процессы, углубив сырьевую специализацию и создав масштабные экологические проблемы. Политические институты, формально построенные по национально-государственному принципу, фактически являлись передаточным механизмом решений союзного центра, что сформировало патерналистскую политическую культуру. Культурная политика, сочетавшая коренизацию и советизацию, привела к двойственности сознания, где внешняя советскость сочеталась с внутренней сохранностью традиционных устоев.

4. Постсоветская трансформация и вызовы цифровой эпохи

Распад СССР поставил перед странами Центральной Азии задачу формирования национальных институтов в условиях перехода от плана к рынку и от однопартийной системы к политическому плюрализму.

Экономика и ресурсы. На первом этапе (1990–2000-е гг.) экономическая политика была сосредоточена на приватизации, либерализации внешней торговли и привлечении иностранных инвестиций, в первую очередь в сырьевой сектор. Ключевыми обрабатываемыми ресурсами оставались углеводороды, минералы, а также потенциал транзитных транспортных коридоров.

ров (проекты «Шелкового пути XXI века»). В 2010-е годы началась медленная диверсификация: развитие агропромышленного комплекса (с акцентом на глубокую переработку), легкой промышленности, туризма и, что наиболее важно, цифровой экономики.

Формирование политических институтов. Политическое развитие пошло по пути строительства суперпрезидентских республик с доминирующей партией. Это стало реакцией на риски дезинтеграции, необходимость сохранения контроля над ресурсами и обеспечения политической стабильности. Власть президента сконцентрировала в себе большинство рычагов исполнительной, а зачастую и законодательной власти. Институты либеральной демократии (свободные выборы, независимый парламент, сильное местное самоуправление) развиты слабо. Однако сформировались специфические институты, адаптированные к местным условиям, такие как Совет старейшин (Курултай) или Народное собрание (Мажилис) в Казахстане, выполняющие консультативные и представительские функции [4, с. 9].

Культура. Происходит активное строительство национальной идентичности, основанной на обращении к доисламскому и досоветскому прошлому, популяризации национальных языков (при сохранении русского как языка межнационального общения), героизации исторических личностей. Одновременно наблюдается религиозное возрождение, в основном в форме умеренного ислама ханафитского мазхаба, которое жестко контролируется государством из-за опасений религиозного экстремизма. Культура становится полем идеологической борьбы между традиционалистскими, либерально-вестернизированными и панисламистскими тенденциями.

Институты экономической политики в эпоху ИИ: Формируются новые институты, отвечающие на вызовы цифровизации. Создаются специализированные государственные органы (например, Агентство по цифровому развитию в Узбекистане), разрабатываются национальные стратегии («Цифровой Казахстан»). Внедряются цифровые платформы госуслуг, системы «электронного правительства», цифровые тендеры. Технологии ИИ начинают применяться для прогнозирования урожаев, мониторинга инфраструктуры, анализа больших данных для правоохранительных органов. Ключевым вызовом является адаптация авторитарных политических институтов к требованиям цифровой экономики, которая по своей природе требует децентрализации, открытости информации и высокой степени личной инициативы.

Постсоветский период характеризуется сложным и противоречивым процессом строительства национальных государств и рыночной экономики. Политическое развитие пошло по пути формирования суперпрезидентских республик, что стало реакцией на риски дезинтеграции и необходимость сохранения контроля. В экономике доминирует сырьевая модель, хотя намечились осторожные шаги по диверсификации и цифровизации. Культурное возрождение, основанное на обращении к доисламскому и досоветскому прошлому, происходит параллельно с контролируемым религиозным ренессансом. Ключевым вызовом настоящего времени является адаптация авторитарных политических институтов к требованиям цифровой экономики, которая требует децентрализации, открытости и высокой степени личной инициативы, что формирует новый комплекс институтов экономической политики, связанных с цифровым регулированием.

5. Современные политические институты стран Центральной Азии: сравнительный анализ

На современном этапе политические институты пяти стран Центральной Азии, при общности исторического наследия, демонстрируют заметную дифференциацию, эволюционируя от унифицированной советской модели к национальным формам правления.

Казахстан представляет модель «технократического авторитаризма» с элементами персонализма. Институт президентской власти остается доминирующим, однако после конституционной реформы 2022 года начался осторожный процесс перераспределения властных полномочий в пользу Парламента и Правительства. Политическая система характеризуется наличием доминирующей партии «Amanat» и формально представленной, но слабой оппозицией. Институты гражданского общества развиты слабее, чем в соседних странах, но имеют больше пространства для деятельности. Ключевой тенденцией является курс на децентрализацию управления и создание более сбалансированной системы «сдержек и противовесов».

Узбекистан после 2016 года вступил в период либерализации жесткой президентской модели. Политические реформы президента Ш. Мирзиёева включают ослабление роли силовых структур, ограничение срока президентских полномочий, усиление роли парламента (Олий Мажлис) и института премьер-министра. Несмотря на это, система остается суперпрезидентской. Происходит оживление многопартийности, однако партии зачастую представляют собой не идеологические платформы, а группы интересов, лояльные центру. Институты экономической политики активно реформируются в сторону либерализации и привлечения иностранных инвестиций.

Туркменистан является примером крайней формы персоналистского авторитаризма с элементами неотрадиционализма. Политические институты полностью подчинены власти президента, который совмещает функции главы государства и правительства. Парламент (Меджлис) и единственная политическая партия выполняют декоративные функции. Права и свободы граждан серьезно ограничены, институты гражданского общества отсутствуют. Уникальной чертой является использование символов традиционного общества (например, культ племенных старейшин) для легитимации власти.

Таджикистан также относится к категории жестких президентских республик с сильной властью главы государства. Правящая Народно-демократическая партия Таджикистана монополизировала политическое пространство после гражданской войны 1990-х годов. Политические институты характеризуются высокой степенью централизации и клановостью. Особенностью является сильное влияние силовых структур на политический процесс. Институты экономической политики тесно связаны с крупными бизнес-группами, аффилированными с правящей элитой.

Кыргызстан выделяется на общем фоне наиболее конкурентной и неустойчивой политической системой, которую часто характеризуют как «парламентско-президентскую». За годы независимости здесь дважды происходили насильственные смены власти (2005, 2010, 2020 гг.). Институт президента был существенно ослаблен в пользу Жогорку Кенеша (парламента), однако конституционные реформы 2021 года вновь усилили президентскую власть. Политический процесс отличается высокой фрагментацией элит, активностью гражданского общества и частой сменой правительств, что является признаком как демократизации, так и хронической нестабильности политических институтов [5, с. 19].

Сравнительный анализ современных политических институтов пяти стран Центральной Азии демонстрирует значительную дифференциацию при сохранении общих черт, унаследованных от советского прошлого. Модели варьируются от крайних форм персоналистского авторитаризма в Туркменистане и жесткой президентской республики в Таджикистане до более гибких систем в Казахстане и Узбекистане, где предпринимаются попытки управляемой либерализации и укрепления формальных институтов при сохранении доминирующей роли исполнительной власти. Кыргызстан, в свою очередь, представляет собой уникальный для региона случай неустойчивой парламентско-президентской системы с высокой степенью политической конкурентности и фрагментации элит. Эта дифференциация свидетельствует о том, что, несмотря на общее историческое наследие, траектории политического развития определяются конкретными внутривнутриполитическими раскладами и стратегиями национальных элит.

6. Внешние угрозы и перспективы институционального развития в Центральной Азии

Страны региона, находясь в центре Евразии, вынуждены проводить многовекторную внешнюю политику, балансируя между интересами глобальных и региональных игроков, что создает как возможности, так и скрытые угрозы для их суверенитета и институционального развития.

Скрытые угрозы со стороны соседних стран и глобальных игроков

Со стороны России: Угрозы носят, в первую очередь, политико-экономический и информационный характер. К ним относится зависимость от российских транспортных коридоров, денежных переводов трудовых мигрантов и, в некоторых случаях, энергетики и рынков сбыта. Через структуры как ЕАЭС и ОДКБ Москва оказывает значительное влияние на политиче-

ский курс и экономическую политику стран-участниц. Информационное пространство региона сильно зависимо от российских медиа, что используется как инструмент мягкой силы для формирования благоприятного для Кремля общественного мнения [6, с. 8].

Со стороны Китая: Основные угрозы связаны с экономической экспансией в рамках инициативы «Пояс и путь». Рост долговой зависимости от Пекина создает риски потери экономического, а в перспективе и политического суверенитета («долговая дипломатия»). Массовая миграция китайских рабочих и скупка земель порождают социальную напряженность и антикитайские настроения. Существуют опасения относительно возможного использования Китаем цифровых технологий (системы распознавания лиц, «умные города») для экспорта своей модели цифрового авторитаризма.

Со стороны исламского мира (Афганистан, радикальные группировки): Нестабильность в Афганистане представляет прямую угрозу безопасности, способствуя росту наркотрафика, нелегальной миграции и проникновению идеологии радикального ислама. Это оказывает давление на внутривнутриполитическую ситуацию, провоцируя ужесточение законодательства и усиление роли силовых структур, что тормозит демократические процессы.

Со стороны Запада (США, ЕС): Угрозы воспринимаются правящими элитами в контексте поддержки Западом демократии, прав человека и гражданского общества. Программы по развитию независимых СМИ и НКО, а также критика авторитарных практик рассматриваются как попытки дестабилизации и организации «цветных революций».

Перспективы развития политических институтов и процессов

Эволюция, а не революция. В среднесрочной перспективе в Казахстане, Узбекистане и, возможно, Таджикистане наиболее вероятно эволюционная трансформация по пути «управляемой либерализации» и укрепления формальных институтов (парламента, судебной системы, местного самоуправления) при сохранении доминирующей роли исполнительной власти.

Цифровизация, а не контроль. Цифровая трансформация будет продолжаться, создавая новую среду для взаимодействия государства и общества. Ключевым вопросом станет то, будут ли технологии использоваться для повышения прозрачности и подотчетности власти (открытые данные, электронные петиции) или для создания систем тотального контроля и социального рейтинга по китайскому образцу [7, с. 4].

Рост значения неформальных институтов. В условиях слабости формальных демократических институтов, будут сохранять и даже усиливать свою роль неформальные практики — клановость, nepотизм, коррупционные сети. Борьба с ними станет одним из главных вызовов для устойчивого развития.

Внешний фактор как катализатор

Дальнейшее обострение геополитической конкуренции между Россией, Китаем и Западом будет вынуждать страны ЦА к еще более изощренному многовекторизму, но одновременно может предоставить им больше пространства для маневра, позволяя играть на противоречиях и привлекать ресурсы из разных источников для укрепления собственного суверенитета и институтов [8, с. 6].

Перспективы институционального развития в Центральной Азии в среднесрочной перспективе будут определяться сложным взаимодействием внутренних реформ и внешних давлений. Наиболее вероятным сценарием для большинства стран региона является эволюционная, а не революционная трансформация по пути управляемой либерализации при сохранении сильной президентской власти. Ключевым вызовом станет цифровая трансформация, которая может пойти как по пути повышения прозрачности и подотчетности власти, так и по пути построения систем цифрового контроля. Внешние угрозы, исходящие от долговой зависимости от Китая, экономико-политического влияния России и нестабильности в Афганистане, создают серьезные риски для суверенитета. Однако дальнейшее обострение геополитической конкуренции может предоставить странам ЦА больше пространства для маневра, позволяя использовать многовекторность для привлечения ресурсов и укрепления собственных институтов [9, с. 8].

Заключение

Проведенный анализ позволяет выделить ключевые этапы эволюции институтов экономической политики в Центральной Азии и охарактеризовать их современное состояние. На каждом историческом этапе доминирующий технологический уклад определял основную обрабатываемую ресурсную базу и структуру экономики, которая, в свою очередь, формировала запрос на соответствующие политические институты и институты экономической политики — от ирригационных управлений древности до цифровых платформ современности.

Современный период характеризуется значительной дифференциацией политических систем пяти стран региона при сохранении общих черт, унаследованных от советского прошлого. Модели варьируются от жесткого персоналистского авторитаризма в Туркменистане до неустойчивой парламентско-президентской системы в Кыргызстане, в то время как Казахстан и Узбекистан демонстрируют тенденции к управляемой либерализации при сохранении доминирующей роли президентской власти.

Устойчивость и дальнейшее развитие политических институтов Центральной Азии сталкивается с комплексом вызовов. Внутренние вызовы связаны с необходимостью преодоления сырьевой зависимости, борьбы с коррупцией и неформальными практиками, а также адаптации авторитарных по своей природе систем к требованиям цифровой экономики. Внешние угрозы, исходящие от геополитического соперничества России, Китая и Запада, а также нестабильности в Афганистане, создают риски ограничения суверенитета и дестабилизации. Однако это же соперничество может предоставить странам региона дополнительные возможности для многовекторного маневра.

Перспективы институционального развития видятся в эволюционном, а не революционном сценарии для большинства стран региона. Ключевым фактором станет способность правящих элит найти баланс между сохранением политического контроля и созданием инклюзивных институтов, способных реализовать потенциал цифровой эпохи, обеспечить устойчивый экономический рост и легитимность власти в долгосрочной перспективе. Таким образом, будущее Центральной Азии будет определяться сложным взаимодействием ее глубокого исторического наследия и способности адекватно ответить на вызовы XXI века.

Список литературы

1. *Бегалиев И.С.* Модернизационные процессы в политической жизни современного Кыргызстана: специфика и противоречия // ГУУ. — 2014. — URL: https://guu.ru/files/referate/begaliev_i.pdf (дата обращения: 14.03.2026).
2. *Гуртнийазов М., Сопыев К., Назарова А.* Влияние цифровизации на экономический рост: анализ на примере стран Центральной Азии // КиберЛенинка. — 2025.
3. *Деметрадзе М.Р.* Социокультурная методология разработки модернизационной политики // Гуманитарий Юга России. — 2020. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-metodologiya-razrabotki-modernizatsionnoy-politiki-1> (дата обращения: 14.03.2026).
4. *Зиядуллаев Н.С., Бахриддинова Х.А., Омарова З.К.* Стратегический вектор развития стран ЕАЭС и Центральной Азии в рамках приоритетов обеспечения экономической безопасности // Экономика Центральной Азии. — 2023. — Т. 7. — № 1. — С. 9–24. — DOI 10.18334/asia.7.1.116969.
5. *Малашкина О.Ф.* Стратегическое развитие высокотехнологичных компаний Центральной Азии в условиях глобальной цифровизации // Экономика Центральной Азии. — 2019. — № 4. — С. 219–228.
6. *Мармونتова Т.* Экономические процессы в Центральной Азии: проблемы и перспективы решения // НИИРК. — 2022.
6. *Моргачёв А.Б.* Политические процессы в Центральной Азии: тенденции и перспективы // Вестник Московского университета. — 2020. — № 4. — С. 98–112.
7. *Сарсекеев М.М.* Модернизация политических систем Центральной Азии и структурно функциональные противоречия в регионе // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2015. — № 12 (часть 10). — С. 1888–1892. — URL: <https://applied-research.ru/article/view?id=8403> (дата обращения: 01.03.2026).

8. *Хакимов Ф.* Национальные стратегии цифровизации государств Центральной Азии: вызовы и возможности // CABAR.asia. — 2022. — URL: https://cabar.asia/wp-content/uploads/2022/10/Policy-Brief_Digitalization_ru_1910.pdf (дата обращения: 14.03.2026).
9. *Хазраткулова Л.Н.* Сравнительный анализ важнейших макроэкономических показателей стран Центральной Азии / Л.Н. Хазраткулова // Экономика Центральной Азии. — 2025. — Т. 9. — № 4. — С. 339–360. — DOI: 10.18334/asia.9.4.123952. — EDN NFLVAE.

АНАТОМИЯ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ: КОНТУРЫ КОНФЛИКТА БУДУЩЕГО

А.Я. Зайцев

кандидат политических наук,
ассистент кафедры российской политики МГУ,
старший преподаватель кафедры «Таможенное право и организация таможенного дела»,
Российский университет транспорта
zayts214@rambler.ru

THE ANATOMY OF HYBRID WARFARE: CONTOURS OF THE FUTURE CONFLICT

A.Ya. Zaytsev

PhD in Political Science,
Assistant Professor, Department of Russian Politics, Moscow State University,
Senior Lecturer, Department of Customs Law and Organization of Customs Affairs,
Russian University of Transport
zayts214@rambler.ru

Аннотация. В статье показано, что современный военный конфликт представляет собой целостную гибридную систему, где прямое силовое противостояние является лишь одним из элементов. Стратегическое преимущество достигается за счёт параллельного доминирования в информационном, когнитивном и технологическом пространствах. Автор утверждает, что новая реальность требует радикальной перестройки подходов к национальной безопасности, смещая фокус с традиционного военного планирования на обеспечение комплексной устойчивости государства и общества.

Ключевые слова: гибридный конфликт, когнитивное противостояние, информационные операции, кибербезопасность, суверенитет.

Abstract. The article shows that modern military conflict represents a holistic hybrid system, in which direct military confrontation is only one element. Strategic advantage is achieved through parallel dominance in the information, cognitive, and technological spaces. The author argues that the new reality requires a radical restructuring of approaches to national security, shifting the focus from traditional military planning to ensuring the comprehensive resilience of the state and society.

Key words: hybrid conflict, cognitive confrontation, information operations, cybersecurity, sovereignty.

В современных условиях вооруженные конфликты претерпевают не тактическую эволюцию, а кардинальную трансформацию самой своей сути. Традиционная, относительно ясная и упорядоченная модель ведения войны уступает место сложной и многомерной системе противостояния. Её главная черта — стирание прежде четких границ: между войной и миром, фронтом и тылом, военнослужащим и гражданским, правдой и дезинформацией, государственной армией и нерегулярными формированиями [1]. Эта новая реальность основывается на тесном слиянии и взаимном усилении обычных вооружений и асимметричных, гибридных инструментов [4]. В результате, успех в отдельном крупном сражении утрачивает свою решающую роль в достижении конечных стратегических целей. Конфликт обретает всеобъемлющий, постоянный характер и разворачивается одновременно на множестве взаимосвязанных направлений — от традиционного поля боя до киберпространства и информационной среды.

Синтез как основа новой парадигмы

Первой и наиболее заметной особенностью современного конфликта является его сложный, гибридный характер. Это не просто одновременное применение разных видов оружия, а их органичное соединение в единый комплекс [4]. В рамках одной операции могут сочетаться масштабные артиллерийские обстрелы, действия штурмовых отрядов, массирован-

ные атаки дронов, точечные кибератаки на системы управления и скоординированная кампания по дезинформации в местных медиа. Цифровые и иные технологии перестали быть лишь поддержкой для войск — они сами стали полноценной сферой ведения боевых действий.

Пространство ведения боевых действий претерпело радикальное расширение. К классическим сферам добавились новые, принципиально иные области противоборства, такие как киберпространство, где воздействие исчисляется скоростью передачи данных и объемами информации, информационно-психологическая сфера, где противостояние разворачивается за господство в общественном сознании, а также космическое пространство, контроль над которым стал критически важен для управления войсками [3]. Ход противостояния утратил линейность: современный конфликт развивается одновременно во всех сферах, требуя параллельных действий на каждом из направлений.

Важной чертой современных конфликтов стало активное участие в них негосударственных акторов [1]. Наряду с регулярными армиями в боевых действиях и их обеспечении теперь участвуют частные военные компании, добровольческие подразделения, международные террористические группировки, хакерские коллективы и даже крупные корпорации. Суверенные государства, сохраняя за собой роль основных игроков и монополию на самое мощное вооружение, вынуждены взаимодействовать с этими разнородными группами, вступая в сложные альянсы [8].

Такое взаимодействие порождает ряд серьёзных проблем. Затрудняется централизованное управление операциями и координация между разными участниками, становится неясной система подчинения и ответственности. Возникают сложности с привлечением к ответственности за нарушения законов войны [2]. Противник перестаёт быть единым и понятным субъектом, что осложняет как дипломатические контакты, так и выработку эффективной военной стратегии для его нейтрализации.

Пересмотр целей войны и трансформация театра военных действий

Логика гибридной войны предполагает коренной пересмотр целей воздействия. Если в войнах индустриальной эпохи ключевой задачей было физическое уничтожение вооруженных сил противника, то современная стратегия делает ставку на системную дестабилизацию общества и государства [5]. Фокус смещается на достижение превосходства в сознании противника, где основными объектами атаки являются:

- 1) психологическое состояние и сплоченность граждан: формирование в обществе устойчивых состояний тревоги, безысходности и цинизма;
- 2) работоспособность и авторитет власти: подрыв доверия к государственным структурам, провоцирование управленческого кризиса;
- 3) экономическая безопасность и жизнеобеспечение: целенаправленные удары по энергетике, транспорту, финансовой системе;
- 4) общественное согласие: разжигание внутренних противоречий и размывание чувства национального единства.

Итогом становится принципиальное изменение театра военных действий. Главным полем битвы становится сознание граждан, а стратегическим ресурсом — их доверие. Победа достигается не столько на географической карте, сколько в информационном пространстве страны [6].

Новые масштабы конфликта и стратегия управляемой эскалации

Качественная трансформация произошла в использовании воздушного и космического пространства. Речь идёт не о простом завоевании превосходства в воздухе, а о создании единой разведывательно-ударной системы [3]. Эта система создаётся за счёт соединения ударных и разведывательных беспилотных летательных аппаратов всех классов, орбитальных спутников, а также высокоточного оружия большой дальности. В результате география конфликта приобрела глобальный характер: угроза может исходить из любой точки мира через киберпростран-

ство или с использованием коммерческих космических систем. Данная реальность требует кардинального пересмотра подходов к обороне: традиционное понятие «тыла» теряет смысл, а развитие современных систем защиты становится вопросом национального выживания [1].

В тактическом плане современные конфликты отличаются моделью управляемой и постепенной эскалации. Эпоха решающих вторжений «одного дня» сменяется стратегией поэтапного наращивания давления. Конфликт развивается по спирали, последовательно проходя фазы: скрытой подготовки, экономических и дипломатических санкций, масштабных информационных и кибератак, поставок вооружений и военных специалистов, вплоть до ограниченного или полномасштабного применения регулярных сил. Подобная стратегия позволяет изматывать противника, гибко тестировать его реакции, избегая при этом точки невозврата к тотальной войне. Однако платой за такую управляемость становится затяжной характер боевых действий, возрастающие разрушения и потери [2].

Информационное поле как центр противоборства

Одним из наиболее значимых изменений стала трансформация информационно-психологического противоборства в ключевой, а зачастую и решающий театр военных действий. Физическое силовое воздействие и кибероперации всё чаще выполняют вспомогательную роль в достижении главной цели — завоевания превосходства в сознании противника.

Их стратегические задачи имеют комплексный характер:

- 1) деморализация войск противника через целенаправленное психологическое давление.
- 2) создание выгодного образа событий для трёх ключевых аудиторий: внутренней, вражеской и международной.
- 3) влияние на политические решения иностранных государств с целью добиться благоприятных внешнеполитических решений.

В новой реальности стратегический успех достигается не столько путём физического уничтожения потенциала противника, сколько через установление контроля над картиной мира в его сознании [6]. Возникает феномен, при котором активное продвижение определённого тезиса само по себе начинает менять ситуацию. Победу одерживает не сторона, обладающая превосходством в силах, а та, чья версия реальности становится общепринятой.

Непредсказуемость и горизонты будущего

Суммарный эффект данных тенденций формирует однозначный вывод: конфликты будущего будут отличаться критически высокой степенью неопределённости. Технологический прогресс сам по себе становится источником новых угроз: автономные боевые системы, стратегическое кибероружие и генеративный ИИ для информационных атак радикально меняют сам образ войны [3].

В этих условиях основой национальной безопасности становится способность к быстрой адаптации. Это предполагает:

- 1) гибкие структуры управления, пришедшие на смену жёстким иерархиям.
- 2) скорость в принятии и корректировке решений, позволяющая учиться быстрее противника.
- 3) готовность быстро внедрять новые технологии и тактики.
- 4) всеобщая устойчивость государственной системы — от инфраструктуры и экономики до общественного сознания.

Итогом является признание того, что современное военное противостояние представляет собой интегральную систему. Для достижения победы недостаточно превосходства в традиционных видах вооружений, необходимо доминирование одновременно во всех значимых сферах: военной, информационной, экономической и технологической [1].

Таким образом, война будущего — это состязание в комплексной устойчивости и адаптивности. Подготовка к ней требует отказа от шаблонов прошлого и принятия новой концепции безопасности, достигаемой совместным действием военной мощи, интеллектуального превосходства, технологической самостоятельности и общественного единства.

Список литературы

1. Булавин А.В., Карпович О.Г., Манойло А.В., Мантусов В.В. Мировая политика: передовые рубежи и красные линии. — М.: РИО Российской таможенной академии, 2018. — 456 с.
2. Мюнклер Г. Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках / пер. с нем. А.И. Лоскутовой. М.: Кучково поле, 2018. — 384 с.
3. Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего. Концептуальные основы и практические выводы. — М.: Кучково поле, 2016. — 832 с.
4. Теория и практика информационных и гибридных войн: учебное пособие для вузов / А.В. Манойло, И.В. Бочарников, А.Я. Зайцев [и др.]. — М.: Горячая линия — Телеком, 2025. — 236 с.
5. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского; ред. перевода А. Смирнов, В. Софронов. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. — 416 с.
6. Свет А.В. Гибридная война за мир: где пройдет ее «Курская битва». — М.: Горячая линия — Телеком, 2024. — 640 с.
7. Стригунов К.С., Манойло А.В., Петренко А.И. Наркокартели и криминальные сети: рассвет темной глобализации. — М.: Горячая линия — Телеком, 2024. — 304 с.
8. Суржик Д.В., Маркушин А.В. Приватизация международных отношений и безопасности как одна из главных тенденций развития современности и будущего // История. Общество. Политика. — 2020. — № 2(14). — С. 22–32.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ США

А.В. Копылов

доктор политических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Научного центра исследования истории и развития мировых цивилизаций,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
Shashike@mail.ru

GEOPOLITICAL ASPECTS OF THE US NATIONAL DEFENSE STRATEGY

A.V. Kopylov

Dr. Sci. (Polit.), Professor;
leading researcher;
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
Shashike@mail.ru

Аннотация. В статье проведен анализ концептуальных подходов американской администрации Д.Трампа к обеспечению национальной обороны США в контексте геополитических изменений мирового порядка. Выявлены причины изменения взглядов военно-политического руководства США на приоритеты военной политики в ключевых регионах мира.

Ключевые слова: стратегия национальной обороны, национальные интересы, геополитические концепции, оборонная политика, стратегические приоритеты.

Abstract. The article analyzes the conceptual approaches of the U.S. administration of D. Trump to ensuring the national defense of the United States in the context of geopolitical changes in the world order. The reasons for the change in the views of the U.S. military and political leadership on the priorities of military policy in key regions of the world are identified.

Keywords: national defense strategy, national interests, geopolitical concepts, defense policy, strategic priorities.

Современный мир переживает сложный период трансформации миропорядка, основным содержанием которого является переход от однополярной системы международных отношений к многополярной.

В документе Национального совета по разведке США «Глобальные тренды 2040» была отмечена невозможность доминирования одного государства во всех регионах мира [10].

Глобальные изменения в мироустройстве затрагивают интересы всех стран и в первую очередь такой мировой державы, как Соединенные Штаты, которые в последние десятилетия утрачивает свое геополитическое влияние, уступая место Китаю, России, Индии и другим укрепляющимся центрам силы.

Для того, чтобы сохранить свое доминирующее влияние в мире американская администрация вынуждена вносить коррективы в документы стратегического планирования, пересматривать концептуальные подходы к использованию политических, экономических, военных, информационных и других элементов государственной мощи для достижения геополитических целей.

Особое место среди документов стратегического планирования американской администрации занимает такие документы, как Стратегия национальной безопасности и Стратегия национальной обороны, в которых определяются цели и приоритеты внешней и оборонной политики государства на среднесрочную перспективу.

Актуальность исследования стратегии национальной обороны США обусловлена необходимостью уяснения целей и приоритетов внешней и военной политики Соединенных Штатов в изменяющихся геополитических условиях, прогнозирования использования военной силы в различных регионах мира и на этой основе выработки мер противодействия угрозам глобальной, региональной безопасности и национальной безопасности Российской Федерации.

При этом следует учитывать, что при разработке основных направлений внешней политики и военно-политического курса американская администрация часто обращается к геополитическим концепциям таких ученых и политических деятелей, как А. Мэхэн, Дж. Корбетт, Х.Д. Макиндер, Н.Д. Спайкман, Зб. Бжезинский, Г. Киссинджер, Дж. Миэршаймер и др. [3].

В соответствии с законом Голдуотера-Николса от 20 сентября 1986 года президенту Соединенных Штатов предписано ежегодно представлять в Конгресс доклад о Стратегии национальной безопасности, в котором должны содержаться руководящие указания по вопросам защиты национальных интересов от внутренних и внешних угроз. Этот документ должен представляться в секретной и несекретной форме, одновременно с докладом о бюджете на следующий финансовый год [11].

Второй базовый документ стратегического планирования Соединенных Штатов впервые — Стратегия национальной обороны — впервые был принят в марте 2005 г. министром обороны Д. Рамсфелдом в период президентства Дж. Буша-младшего и выходит один раз в четыре года также в секретной и несекретной форме.

Если Стратегия национальной безопасности устанавливает основные принципы, определяющие внешнюю политику и стратегию развития государства [14], то Стратегия национальной обороны ставит перед Министерством войны конкретные задачи по реализации целей и приоритетов политики американской администрации в сфере обороны.

23 января 2026 г. министр обороны США Пит Хэгсет подписал очередной документ о стратегии национальной обороны, который был разработан в соответствии со Стратегией национальной безопасности США, утвержденной в ноябре 2025 г. Его идейной основой являются провозглашенные президентом Д. Трампом принципы «Америка превыше всего» и «мир через силу». Не случайно, что Стратегия национальной обороны США 2026, имеет подзаголовок «Восстановление мира через силу для нового золотого века Америки».

Сравнительный анализ СНО 2026 с аналогичным документом, утвержденным в 2022 году министром обороны Ллойдом Остиным, позволяет рассмотреть трансформацию взглядов американского военно-политического руководства на геополитические аспекты обеспечения оборонной безопасности страны и сделать некоторые выводы.

Стратегия национальной обороны — это, прежде всего, процесс определения стратегических приоритетов (направлений), именно поэтому особую актуальность представляет анализ изменений в этих элементах оборонной политики США (табл. 1).

Таблица 1

**Сравнительный анализ приоритетов оборонной политики
в Стратегиях национальной обороны США 2022 и 2026 года**

Стратегия национальной обороны 2022 г.	Стратегия национальной обороны 2026 г.
Защита Родины в условиях растущей многодоменной угрозы, исходящей от КНР	Защита Родины в США
Сдерживание стратегических атак против Соединенных Штатов, союзников и партнеров	Сдерживание Китая в Индо-Тихоокеанском регионе с помощью силы, а не конфронтации
Сдерживание агрессии, будучи готовыми одержать верх в конфликте, когда это необходимо, уделяя приоритетное внимание проблеме КНР в Индо-Тихоокеанском регионе, затем проблеме России в Европе	Увеличение распределения бремени с союзниками и партнерами США
Создание устойчивой экосистемы совместных сил и обороны	Усиление оборонно-промышленной базы США

Составлено по: 2022 National Defense Strategy of the United States. Department of Defense. October 27, 2022; 2026 National Defense Strategy. Department of War. January. 23, 2026/

Если в СНО 2022 первым стратегическим приоритетом в области обороны провозглашалась защита Соединенных Штатов от угрозы, исходящей от КНР, то в СНО 2026 первым стратегическим приоритетом объявлена защита американской территории («defend the US

homeland»), что свидетельствует об изменении геополитических акцентов оборонной политики при администрации Д. Трампа.

Изменение стратегического вектора оборонной политики США тесно связано с геополитической доктриной Монро, провозглашенной президентом США Джеймсом Монро в ежегодном послании Конгрессу 2 декабря 1823 года, в соответствии с которой Западное полушарие объявлялось зоной исключительных американских интересов, закрытой для вмешательства европейских держав. Несмотря на то, что прошло уже более 200 лет с тех пор, как провозглашена доктрина Монро, и к ней обращались другие президенты для обоснования внешней политики, в официальном документе — СНО 2026 она была оформлена впервые.

В обновленной Стратегии национальной обороны отмечается, что «американские интересы находятся под угрозой во всем Западном полушарии». «Еще в XIX веке, — говорится в документе, наши предшественники признали, что Соединённые Штаты должны играть более мощную, ведущую роль в делах Западного полушария, чтобы обеспечить собственную экономическую и национальную безопасность нашей <...> Но мудрость этого подхода была утрачена, поскольку мы воспринимали наше доминирующее положение как должное, даже когда оно начало ускользать» [14].

По оценкам Пентагона, «влияние геополитических противников Соединенных Штатов растет от Гренландии в Арктике до Американского залива, Панамского канала. Это не только угрожает доступу США к ключевым территориям во всем полушарии, это также делает Америку менее стабильной и безопасной, подрывая как интересы США, так и интересы их региональных партнеров» [13].

Такой поворот в изменении приоритетов в оборонной политике США не случаен. Объявление Западного полушария исключительной зоной безопасности, экономических интересов США обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, США заинтересованы в сохранении и укреплении геополитических позиций в регионе. Во-вторых, военное присутствие необходимо для обеспечения доступа к таким стратегически важным территориям и объектам, как Гренландия, Мексиканский залив и Панамский канал. В-третьих, использование военной силы позволяет обеспечить контроль над морскими путями для предотвращения нелегальной миграции, торговли наркотиками и транзитными маршрутами.

Соединенные Штаты выражают обеспокоенность усилением стратегического влияния Китая и России в Западном полушарии, поэтому новая американская стратегия обороны направлена на вытеснение основных геополитических противников США из региона.

КНР является по значимости внешнеторговым партнером в странах Латинской Америки и Карибского бассейна (после США) и третьим по объему прямых иностранных инвестиций (после США и Японии) [5]. За первые два десятилетия XXI века объем внешней торговли стран ЛАКБ и Китая увеличился в 26 раз, с 12 до 315 млрд долл. США [7]. Китай сделал огромные инвестиции (более 60 млрд долларов) в экономику Венесуэлы. После национализации правительством Уго Чавеса нефтяных залежей пояса Ориноко Пекин получил право на их разработку. В результате к 2025 году 90% венесуэльского экспорта нефти шло в Китай. Превращение Венесуэлы в стратегического партнера Китая было направлено на продвижение проекта «Пояса и пути» в Латинской Америке и использование его в качестве рычага давления на США по тайванскому вопросу.

Соединенные Штаты выражают обеспокоенность растущим влиянием России в странах Латинской Америки, развитием ее экономических отношений со странами региона. Прежде всего, это касается Бразилии, которая является одним из основательниц БРИКС, занимает второе место в мире по экспорту сельскохозяйственной продукции, считается одним из крупнейших импортеров российских удобрений и дизельного топлива и не поддается тарифному шантажу и давлению со стороны Вашингтона. Достаточно сказать, что объем торговли России с Бразилией за последние пять лет утроился и в 2024 году составил 12,4 млрд американских долларов [6].

Недовольство у Соединенных Штатов вызывает развитие военно-технического сотрудничества России с Венесуэлой. За последние десятилетия объем контрактов на поставку в эту страну российской военной техники значительно увеличился и превысил 10 млрд американских долларов. В то же время следует учитывать вероятность смены политического режима в Вене-

суэле, что создает угрозу срыва российско-венесуэльских соглашений в области военно-технического сотрудничества.

Доктрина Монро, которая имеет несколько версий толкования в американской историографии [1], тесно связана с давними спорами между республиканцами и демократами относительно внешней политики США с точки зрения противостояния изоляционистов и интернационалистов. В период последней президентской избирательной кампании в США некоторые политологи выражали обеспокоенность, что избрание президентом Д. Трампа может привести к возрождению политики изоляционизма и нарушить сложившийся миропорядок. Так, известный специалист по международным отношениям Джозеф Най в статье «Возвращается ли Америка к изоляционизму?» писал, что те, кто утверждает, что у Америки нет важных национальных интересов в Европе, оказании помощи Украине, носят «исторические шоры» [9]. В сопроводительной записке к Стратегии национальной обороны 2026 министр обороны Хэгсет опровергает мнение о том, что изменение региональных приоритетов означает, что администрация и страна стали изоляционистскими. В этой связи следует согласиться с американским аналитиком Джеймсом Холмсом, который пишет, что директива, провозглашающая, что Соединенные Штаты восстановят свое господство в половине мира, будут сдерживать своего главного внерегионального противника — Китай — и помогать союзникам справляться с трудностями в их регионах, не является изоляционистской ни по одному из значимых критериев [8].

Вторым приоритетом оборонной политики США после восстановления лидерства в Западном полушарии является «сдерживание Китая в Индо-Тихоокеанском регионе с помощью силы, а не конфронтации» («Deter China in the Indo-Pacific Through Strength, Not Confrontation»).

Впервые о постепенном переносе центра тяжести военной активности США в АТР было заявлено в январе 2012 года в документе Министерства обороны «Поддержание американского глобального лидерства: приоритеты XXI века» [16]. В тот период смещение фокуса американской военной политики из Европы в АТР было вызвано возрастанием военной мощи Китая, стремлением Вашингтона обеспечить военное сдерживание КНР путем передового базирования вооруженных сил и формирования военно-политических союзов. В Стратегии национальной обороны, принятой в 2018 году, Китай был назван самой большой угрозой безопасности США [15].

В отличие от предыдущих документов, в обновленной стратегии 2026 года тон в отношении Китая стал мягче, чем в предыдущие годы, допускается сотрудничество с Китайской Народной Республикой при сдерживании ее влияния в регионе «силой, а не конфронтацией». В новой стратегии Пентагона прямо указано: «Мы просто не хотим, чтобы Китай или кто-либо другой мог доминировать над нами или нашими союзниками». При этом отмечается важность Индо-Тихоокеанского региона с экономической точки зрения, подчеркивается необходимость сохранения доступа к региону как крупнейшему в мире рынку сбыта, что имеет «фундаментальные последствия для жизненно важных интересов страны» [13].

При обосновании тихоокеанского направления оборонной политики США американские стратеги опираются на геополитическую концепцию «Римленда», разработанную в 30-х гг. XX века профессором Йельского университета Н. Спайкменом, согласно которой ключевым объектом в международных отношениях являются прибрежные регионы, окружающие Евразию. Руководствуясь принципом «мир через силу», военно-политическое руководство США намерено «создавать, развертывать и поддерживать мощную оборону вдоль Первой островной цепи» — крупных архипелагов Тихого океана, расположенных у материкового побережья Восточной Азии, развивать сотрудничество с союзниками и партнерами в регионе, чтобы «стимулировать их и дать им возможность делать больше для коллективной обороны».

Третьим приоритетом оборонной политики является перераспределение ответственности за безопасность, увеличение распределения бремени («Burden-Sharing») с союзниками и партнерами США. Такой подход к обеспечению оборонной безопасности основан на реалистической концепции оффшорного балансирования, разработанной американскими политологами Дж. Миршаймером и С. Уолтцем [4].

Ее суть состоит в поддержании баланса сил в ключевых геополитических регионах: Европе, Персидском заливе и Северо-Восточной Азии, где расположены крупнейшие экономиче-

ские центры мира, привлечении других государств для «уравновешивания слишком мощных или амбициозных соседей» в ключевых регионах, перекалывание части ответственности по обеспечению безопасности на плечи региональных союзников. Это позволяет сократить расходы на военное присутствие американских войск по всему миру и одновременно поддерживать военную мощь государства на необходимом уровне.

Теперь союзникам США предлагается взять на себя большую ответственность в обеспечении собственной безопасности, а Соединенные Штаты будут обеспечивать ядерную защиту, помогать посредством продажи оружия, оборонного промышленного сотрудничества, обмена разведданными, сотрудничества в области силового и оперативного планирования и совместной работы по повышению готовности вооруженных сил к выполнению ключевых задач.

В Западном полушарии Соединенные Штаты намерены развивать военное сотрудничество с Канадой и Мексикой по предотвращению проникновения нелегальных мигрантов и наркоторрористов к границам Америки, укреплению обороны от воздушных, ракетных и подводных угроз, недопущению влияния противников США на ключевые территории, особенно на Гренландию, Американский залив и Панамский канал.

Согласно новой стратегии, европейские союзники должны взять на себя основную ответственность за оборону континента при «критической, но ограниченной поддержке» («critical but more limited U.S. support») американских сил. В качестве аргумента приводятся данные о том, что экономический потенциал европейских стран НАТО многократно превосходит российский. Важным пунктом новой оборонной стратегии США, имеющим ключевое значение для национальной безопасности России, является требование к союзникам по НАТО существенно увеличить оборонные расходы. В июне 2025 года на саммите Североатлантического альянса по инициативе президента Д. Трампа был установлен новый стандарт военных расходов на уровне 5% ВВП, из которых 3,5% должны направляться на собственно военные нужды, а 1,5% — на расходы, связанные с безопасностью. Только за последние три года военные расходы европейских стран НАТО выросли на 80 процентов.

Принятие Соединенными Штатами обновленной Стратегии национальной обороны создает серьезные вызовы для Российской Федерации. Во-первых, это усиление военного потенциала НАТО за счет увеличения военных расходов, передачи европейским союзникам передовых американских военных технологий и реализации оборонных программ. Во-вторых, наращивание европейскими союзниками США своих вооруженных сил и создание новых группировок войск вблизи российских границ [2].

На Ближнем Востоке Пентагон намерен предоставить региональным союзникам и партнерам возможность взять на себя главную ответственность за сдерживание Ирана путем решительной поддержки усилий Израиля, которого в стратегии называют «образцовым союзником», углубление сотрудничества и интеграции с партнерами по Персидскому заливу.

Стратегия национальной обороны 2026 предусматривает «более ограниченную» роль США в сдерживании Северной Кореи. В Пентагоне считают, что «Южная Корея способна взять на себя основную ответственность за сдерживание Северной Кореи при критически важной, но более ограниченной поддержке со стороны США».

Четвертым приоритетом Стратегии национальной обороны США 2026 является усиление оборонно-промышленной базы страны, которая лежит в основе других ключевых направлений стратегии. Этому направлению в обновленном документе стратегического планирования уделено не много внимания, но оно имеет важное значение для формирования законопроекта об ассигнованиях на оборону, утверждения дорогостоящих оборонных программ, от «Золотого купола» до самолета шестого поколения F/A-XX. Пентагон намерен предпринимать срочные действия по мобилизации, обновлению и обеспечению безопасности американской оборонной промышленности, чтобы она была готова отвечать на современные вызовы.

По оценкам российского исследователя С.Гриняева, особое значение имеет акцент американской администрации на развитие сотрудничества США со странами НАТО, которое направлено на формирования интегрированного трансатлантического военно-промышленного комплекса и на этой основе развитие объединенных вооруженных сил блока для решения возникающих задач [2].

Анализ обновленной американской оборонной стратегии показывает, что впервые за последнее десятилетие Россия не обозначена в этом документе как острая или первоочередная угроза для США. В разделе о приоритетных направлениях оборонной политики США наша страна не упоминается. В то же время в разделе «Среда безопасности» отмечено, «Россия остается постоянной, но управляемой угрозой для восточных членов НАТО в обозримом будущем». При этом указано, что Россия также обладает крупнейшим в мире ядерным арсеналом, а также подводными, космическими и кибернетическими возможностями.

Таким образом, несмотря на то, что Стратегия национальной обороны США 2026 претерпела трансформацию по сравнению с предыдущей оборонной стратегией, принятой при администрации Джо Байдена, оборонная политика администрации Д.Трампа продолжает базироваться на прежних геополитических концепциях и направлена на использование вооруженных сил для сохранения лидирующего положения в мире, обеспечение интересов американского бизнеса, доступа к источникам сырья и рынкам сбыта. Официальное провозглашение лозунга «мир через силу» свидетельствует о том, что военная сила по-прежнему продолжает рассматриваться как исключительно важный инструмент достижения политических целей.

В то же время сегодня, в условиях трансформации мирового порядка, укрепления новых центров силы, администрация Д. Трампа осознает невозможность доминирования и поддержания военного превосходства во всех регионах мира. Поэтому для достижения своих геополитических интересов военно-политическое руководство США намерено шире использовать военный потенциал НАТО и других военных союзов, перенести часть ответственности и бремя военных расходов на своих союзников и партнеров, сохранить стратегическое влияние и военное присутствие в жизненно важных регионах мира.

Смещение акцента оборонной политики США в Западное полушарие, смягчение риторики в отношении России, исключение из основополагающих документов стратегического планирования формулировок о России как о прямой угрозе национальной безопасности Соединенных Штатов является позитивным фактором обеспечения международной стабильности, национальной безопасности России.

Вместе с тем следует учитывать, что Стратегия национальной обороны США носит декларативный, лицемерный характер. Официально заявив в СНО 2026 о том, что с «интервенционизмом, бесконечными войнами, сменой режимов и национальным строительством будет покончено» [13], США совместно с Израилем развязали войну против Ирана для устранения верховного лидера Ирана Али Хаменеи, установили военную и экономическую блокаду Кубы для смещения законного правительства страны, продолжают оказывать силовое давление на Венесуэлу для насаждения в ней проамериканского режима.

Кроме того, нельзя забывать, что тексты документов по стратегии национальной безопасности и обороны США, которые представляются мировой общественности, содержат только несекретную часть стратегических планов американской администрации, поэтому к ним необходимо подходить критически. Об истинных стратегических замыслах военно-политического руководства Соединенных Штатов необходимо судить не по декларативным заявлениям, а по практическим действиям.

Список литературы

1. Буранок С.В. Доктрина Монро: оценки республиканцев в период формирования Версальско-Вашингтонской системы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. — 2023. — Т. 15. — № 3. — С. 56–86. — DOI: 10/48015/2076-7404-2023-15-3-56-86.
2. Гриняев С.Н. Стратегия национальной обороны США 2026 года: последствия для безопасности РФ в европейском контексте // URL: <https://csef.ru/oborona-i-bezopasnost/340/strategiya-nacziionalnoj-oborony-ssha-2026-goda-posledstviya-dlya-bezopasnosti-rf-v-evropejskom-kontekste-9849> (дата обращения: 3.03.2026 г.).
3. Копылов А.В., Лихоносов А.Г., Пивоваров Ю.Ф. Влияние геополитических концепций на стратегию национальной безопасности США // Общество: политика, экономика, право. — 2024. — № 12. — С. 14–23. — URL: <https://doi.org/10.24158/per.2024.12.1> (дата обращения: 3.03.2026).

4. *Мишаймер Дж., Уолт С.* Доводы в пользу офшорного балансирования. Лучшая внешнеполитическая стратегия США // Россия в глобальной политике. — 2016. — Сентябрь/Октябрь — № 5 // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/dovody-v-polzu-ofshornogo-balansirovaniya/> (дата обращения: 3.03.2026).
5. *Прохоренко И.Л.* Двусторонние соглашения о свободной торговле в контексте борьбы Китая за глобальное лидерство. Анализ и прогноз // Журнал ИМЭМО РАН. — 2024. — № 4. — С. 19–29. — DOI: 10.20542/afij-2024-4-19-29 EDN: KSPDLW.
6. Россия и Бразилия активно наращивают торговлю в национальных валютах // URL: <https://www.vesti.ru/article/4574462> (дата обращения: 20.02.2026 г.).
7. China's Trade with Latin America Is Bound to Keep Growing. Here's Why That Matters // World Economic Forum. — 17.06.2021. — URL: <https://www.weforum.org/stories/2021/06/china-trade-latin-america-caribbean/> (accessed: 15.02.2026).
8. James Holmes Four Takeaways from Donald Trump's National Defense Strategy February 7, 2026 // URL: <https://nationalinterest.org/feature/four-takeaways-from-donald-trumps-national-defense-strategy-jh-020726> (дата обращения: 24.02.2026).
9. Joseph S. Nye Jr. Is America Reverting to Isolationism? [Электронный ресурс] // Strategist. — URL: <https://www.aspistrategist.org.au/is-america-reverting-to-isolationism/> (дата обращения: 06.08.2024).
10. Global Trends 2040: A More Contested World [Электронный ресурс]: Technical Report NIC 2021-02339. 2021 // Office of the Director of National Intelligence. — URL: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/GlobalTrends2040.pdf> (дата обращения: 24.01.2026.).
11. Goldwater-N. Department of Defense Reorganization Act of 1986. Public Law 99-433 99 Congress. Oct. 1, 1986. 100 STAT. 1075 // URL: <https://loveman.sdsu.edu/docs/1986goldwaternichols.pdf> (дата обращения: 24.01.2026).
12. 2022 National Defense Strategy of the United States. Department of Defense. October 27, 2022 // URL: <https://meepforum.sk/wp-content/uploads/2022/10/US-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-2022.pdf> (дата обращения: 6.03.2026).
13. 2026 National Defense Strategy. Department of War. January. 23, 2026 // URL: <https://static.mediapart.fr/files/2026/01/26/2026-national-defense-strategy.pdf> (дата обращения 6.03.2026).
14. National Security Strategy of the United States of America November 2025 // URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (дата обращения 2.03.2026).
15. Summary of the 1918 National Defense Strategy Sharpening the American Military's Competitive Edge. // URL: <https://www.americanrhetic.com/speeches/PDFFiles/nationaldefensestrategy2018.pdf> (дата обращения: 2.02.2026).
16. Sustaining U.S. Leadership: Priorities for 21st Century Defense. January 2012. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/sites/default/files/documents/2692124/Document-16.pdf> (дата обращения: 5.03.2026).

СРЕДСТВА МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ВЫБОРНЫЙ ПРОЦЕСС

В.Ф. Кузнецов

доктор политических наук,
профессор кафедры мировой политики и межкультурного развития,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
kuzvadimfed@gmail.com

Д.С. Маслюк

аспирант,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
dmitry.masluk@yandex.ru

MASS MEDIA AS A FACTOR IN EFFECTIVELY INFLUENCING THE ELECTORAL PROCESS

V.F. Kuznetsov

Doctor of Political Sciences, Professor,
Department of World Politics and Intercivilizational Development,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
kuzvadimfed@gmail.com

D.S. Maslyuk

Postgraduate Student,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
dmitry.masluk@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы средств массовой коммуникации в избирательном процессе. Проанализированы эффекты воздействия СМК с помощью следующих техник: поисковые запросы избирателей в системе «Яндекс», официальные статистические показатели и качественные данные, основанные на методе фокус-групп. Эмпирически подтвержден, дифференцированный характер медиавоздействия, опосредованный устойчивыми политическими установками и моделями медиапотребления избирателей. Установлено, что институциональный, контекстуальный и персонализированные уровни воздействия СМК, в восприятии респондентов, носят интегрированный и взаимосвязанный характер. Зафиксирована ключевая для понимания роли СМК асимметрия эффектов. Несмотря на фиксацию молодежной аудиторией на негативных сюжетах, связанных с выборами, общий уровень институционального доверия и легитимности выборов (по данным ВЦИОМ: 60–72%) остался стабильно высоким, будучи обеспеченным устойчивым электоратом. Данный феномен является эмпирическим подтверждением теории ограниченного влияния СМК: медиа способны фрагментировать восприятие и формировать повестку дня для отдельных групп, но не могут кардинально изменить устоявшиеся политические установки большинства, подкрепленные долгосрочными факторами и доминирующим социально-политическим контекстом в краткосрочный период.

Ключевые слова: средства массовой коммуникации, выборная кампания, избирательный процесс, политика, информация, политические партии, политические лидеры.

Abstract. This article examines the impact of mass media in the electoral process. The effects of mass media are analyzed using the following techniques: voter search queries on Yandex, official statistics, and qualitative data based on focus groups. The differentiated nature of media influence, mediated by voters' stable political attitudes and media consumption patterns, is empirically confirmed. It is established that the institutional, contextual, and personalized levels of mass media influence, as perceived by respondents, are integrated and interrelated. An asymmetry of effects, crucial for understanding the role of mass media, is documented. Despite the youth audience's focus on negative election-related topics, the overall level of institutional trust and legitimacy of the elections (according to VTSIOM data: 60–72%) remained consistently high, supported by a stable electorate. This phenomenon provides empirical confirmation of the theory of the limited influence of mass media: media can

fragment perceptions and shape the agenda for individual groups, but cannot fundamentally change the established political attitudes of the majority, which are reinforced by long-term factors and the dominant socio-political context in the short term.

Key words: mass media, election campaign, electoral process, politics, information, political parties, political leaders.

Средства массовой коммуникации всегда играли важную роль в период выборных кампаний. Однако в современных условиях выявились новые обстоятельства, которые требуют комплексного исследования и внедрения новых подходов в избирательный процесс.

Для оценки эффектов воздействия СМК на избирательный процесс используются следующие техники: поисковые запросы избирателей в системе «Яндекс», официальные статистические показатели и качественные данные, основанные на методе фокус-групп.

Общее число запросов на тему выборов в поисковой строке «Яндекс» с декабря по март 2023–2024 гг. повысилось в 4 раза с 5 млн до 20 млн. Интерес к выборам резко возрастает по мере приближения даты голосования. Согласно исследованию, ВЦИОМ 61% в целом доверяют процедуре выборов, а среди электорально активных граждан этот показатель составляет 69% [1]. Общая информированность в форме знания о том, когда состоятся президентские выборы в 2023 году, также находилась на высокой отметке — около 90% [2]. При этом также, согласно данным, ВЦИОМ около 60% респондентов утверждали, что результаты федеральных президентских выборов 2024 г. легитимны [3].

Специальная военная операция стала не только фоном, но и ключевой темой выборов-2024 — утверждали эксперты ВЦИОМ [4]. Эксперты ВЦИОМ подчеркивали, что «ситуация военных действий придала выборам-2024 необычный оттенок», отмечая, что «голосование в поддержку главнокомандующего Путина превратилось в демонстрацию верности россиян его курсу, готовности приложить все силы для победы». «Ключевой задачей Путина на следующем президентском сроке становится успешное завершение СВО на справедливых и выгодных для России условиях». При этом большинство избирателей, из тех, кто голосовал за В.В. Путина в качестве основного мотива выбирали критерий «Он должен завершить СВО» (32%), что свидетельствует о тесной взаимосвязи выборов с информационным контекстом и доминирующим дискурсом [4]. Доминирующая перманентная повестка дня (СВО) сохраняла стабильно высокий тренд и даже прослеживался рост запросов пользователей в системе «Яндекс».

Увеличение поиска слова «Специальная операция» на 150 тысяч (с 833 тысяч до 960), СВО на 2 млн (с 6 млн до 8 млн), «война Украина» на 500 тысяч (с 2 до 2,5 млн) — период декабрь 2023 — март 2024. Особенно яркий рост проявился на слове «беспилотники» с 200 тысяч до 1 млн 467 тысяч, причём резкий рост в 3 раза произошёл именно за последний месяц перед датой голосования, с февраля по март (с 460 тысяч до почти полутра миллионов). Эта динамика говорит о том, что интерес к перманентной доминирующей повестке дня возрастал в период избирательной кампании. Согласно исследованию, ВЦИОМ демонстрируется высокий уровень интереса к СВО — около 70% [5].

Оппозиционная событийная повестка дня, в частности акция «Полдень против Путина», в косвенном отношении, характерна отсутствием значимого эффекта на макроуровне. Так, согласно данным ВЦИОМ, акция «Полдень против Путина» не вызвала рост индекса протестного потенциала, который остался на прежнем уровне — 23% [6].

Персонализированный уровень анализа характерен двойственной динамикой. С одной стороны, показатель доверия Президенту РФ В.В. Путину составил около 80%, несмотря на множественные информационные атаки оппозиционных медиа конкретно на В.В. Путина в предвыборный период [7]. Следует также констатировать, что официальный рейтинг политических акторов никак не изменялся в предвыборный период и сохранял стабильную линию тренда, что подтверждает вывод о деперсонализации системных кандидатов в соответствии с предыдущим параграфом [8]. С другой стороны, по данным поисковых запросов wordstat прослеживается тенденция роста запросов участников избирательной кампании по мере приближения даты голосования и пиковое значение занимает в марте месяце. В.В. Путин — в январе месяце наблюдается снижение запросов с 9 млн до 5 млн по отношению к марту, однако затем последующий возврат на предыдущий параметр около 9 млн. В. Даваков — планомерный рост интереса пользователей — рост от 57 тысяч в декабре до 1 млн к марту месяцу. У Л. Слуцкого и Н. Харитоновой также прослеживается рост тренда, однако в менее

интенсивной форме — от 200–300 тысяч запросов до около 800. Б. Надеждин — резкий рост тренда от 85 тысяч запросов в декабре до 2 млн в январе. К февралю же резкое падение, в марте возврат к декабрьскому показателю 85–90 тысячам запросов. Е. Дунцова (признана иноагентом) — наблюдается рост от 500 тысяч в декабре до резкого снижения в последующие 2 месяца (до 100 тысяч).

Приведенные вторичные социологические данные предоставляют пилотную-обобщенную картину относительно анализа эффектов воздействия СМК на поведение избирателей и отличаются противоречиями, выводы варьируются в зависимости от источника социологической службы (ВЦИОМ или Левада-центр). Кроме того, вышеперечисленные аспекты не учитывают разную сегментацию избирателей.

Настоящие исследования имеют целью верификацию выводов, полученных с помощью количественных параметров, посредством качественного метода — фокус-групп. Задача заключалась в выявлении и интерпретации эффектов медиавоздействия на различные сегменты электората через призму трех уровней анализа, примененных к контенту СМК: институционального, контекстуального и персонализированного.

На первом этапе исследования была проведена пилотная фокус-группа из трех человек: респондент Y — мужчина, 40+ лет, предприниматель; Y2 — мужчина, 20+ лет, шахматист, Y3 — мужчина 20+ лет, безработный.

Модерация дискуссии строилась вокруг трех концептуальных блоков, непосредственно соответствующих трехуровневой модели анализа контента СМК: институциональный (восприятие и легитимность выборов), контекстуальный (восприятие медиаповестки, взаимовлияние доминирующей и избирательной повестки), персонализированный (восприятие медиаобразов кандидатов и партий).

Респондент Y1 утверждал, что частота освещения выборов в России в 2024 году в целом увеличилась по сравнению с предыдущими годами. Респондент Y2 выдвинул противоположный тезис: «Я достаточно следил за федеральными каналами и могу сказать, что уменьшилось. В 2024 году так сильно выборы не освещались, как президентские выборы 2018 г. и все предыдущие. Не было даже никаких публичных дебатов на выборах президента. Официальных, как это было на федеральных каналах, не было». «Были максимально скромные предвыборные ролики, вообще эту тему как-то очень быстро пробежали и закрыли».

Если анализировать данные фокус-групп с точки зрения динамики дискуссии, то следует подчеркнуть, что после данного высказывания Y2 образовался спор. Респондент Y1 обратился к Y2 с риторическим вопросом: «Вы вообще читаете новости?». Примечательно, что со стороны Y1 практически сразу последовало эмоционально-выраженное утверждение о высоком доверии россиян к федеральной власти: «Нашей власти доверяет 70%, потом 80%. Всё время эти цифры укрупняются!».

Оба респондента утверждают, что смотрели федеральные средства массовой коммуникации, однако у обоих диаметрально противоположное восприятие избирательной кампании. Это свидетельствует о том, что функциональная роль СМК не универсальна, происходит дифференцированное воздействие СМИ на группы избирателей (при одинаковом контенте) в соответствии с их политическими установками.

Представитель возрастной группы 40+, воспринимал выборы через отождествление активности избирательного процесса с доверием к власти и ключевых фреймов, транслирующих СМИ в предвыборный период — высокий уровень доверия к власти и легитимация института выборов. Представитель 20+ (респондент Y2) воспринимал выборы, напротив, через призму низкой частоты упоминания кандидатов в предвыборном процессе. В этом ключе воздействие СМК прошло через фильтры внутренних установок и особенностей восприятия разных групп избирателей (устойчивого электората и неустойчивого).

Представитель устойчивой электоральной группы Y1 рассказывал о предвыборных новостях в связке с доминирующей информационной повесткой в СМК, в частности с тематикой СВО: «Что такое присоединение новых регионов? Это новый электорат. Именно вот это глубоко освещалось в СМИ на всех уровнях, о том, что люди новых регионов идут активно голосовать. При этом респондент в эмоционально-выраженной интонации добавил: «Новые регионы, в таких условиях под бомбами!». «И они идут голосовать!». Респондент Y1 указывал, что

смотрел прогосударственные средства массовой информации. Респондент Y2, при этом, говорил о президентских выборах также с неотъемлемой связью с доминирующей информационной повесткой: «Если мы рассматриваем основные тезисы провластных СМК, что я заметил. Главный посыл на мой взгляд был такой — главнокомандующего во время боевых действий не меняют — одна из главных причин почему за Владимира Владимировича проголосовали много людей. (респондент указывал, что смотрел и прогосударственные СМИ, и оппозиционные). Участник Y3 подчеркнул: «Я бы сказал, что здесь больше отталкивались СМИ от того, что в любом случае граждане выберут его (В.В. Путина)».

В контекстуальном уровне анализа прослеживается взаимосвязь с транслируемым содержанием СМК. Респондент Y1 выдвигал тезисы о голосовании граждан «под бомбами» в новых регионах, что являлось одной из значимых тем в контенте прогосударственных СМК. Ответы респондентов Y2 и Y3 о том, что «главнокомандующего во время боевых действий не меняют» и «граждане в любом случае выберут В.В. Путина» сопрягается с выводом, в ключе того, что фигура президента России В.В. Путина оказалась встроена в доминирующую повестку, а это свидетельствует о тесной взаимосвязи избирательной кампании с основной информационной повесткой. И в данном ключе избирательная кампания выступила как зависимая переменная от перманентной доминирующей повестки, произошло встраивание выборной тематики в доминирующий контекст.

Персонализированный уровень, в этом отношении, оказался встроен в контекстуальный уровень (на примере упоминания В.В. Путина в СМК). Следует подчеркнуть, что респондент Y2 указал на то, что смотрел, в том числе, оппозиционные СМК и выявил для себя ключевой вывод об их деятельности в избирательном процессе: «Если мы говорим об оппозиционных СМК (именно несистемная оппозиция), то я заметил, что в начале предлагали голосовать все за Надеждина. Но когда Надеждина не зарегистрировали, все оппозиционные СМК стали агитировать за Даванкова. Но не из симпатий нему, а выбирая «меньшее из зол» (для оппозиции)». Этот вывод также сопрягается с результатами контент-анализа и говорит об использовании оппозиционными СМК образа Б. Надеждина в противовес образу федеральной власти и институту выборов. На уровне восприятия эта информация запомнилась респонденту Y2.

Данные второй однородной фокус-группы, участниками которой стали 9 человек лиц в возрасте 18–19 лет, сопрягались с данными, о неустойчивости электоральных предпочтений молодых лиц, в части медиавоздействия СМИ. (количество человек — 7).

На вопрос о том, чем запомнилась президентская избирательная кампания 2024 года, первичные ассоциации сопрягались с содержанием контента оппозиционных СМИ. Респондент 1: «Если говорить про громкие события, то вспоминается только если пытались что-то сделать с бюллетенями, может поджечь, зеленку разлить, только если такие громкие новости слышал». Респондент 2: «Перед избирательной кампанией президентской были эксцессы и мероприятия, которые освещались СМИ. Это не регистрация кандидатов, какие-то скандалы вокруг этого». Респондент 3: «Были случаи, когда происходили неприятные ситуации с бюллетенями. И какие-то доказательства на камеру, и конечно, каждые выборы — это скандалы, и момент возникает определенное недоверие к СМК, к самой ситуации, к её определенной неясности, например, произошла какая-то ситуация с бюллетенями, а нам СМК говорят, что всё хорошо». Отдельно следует подчеркнуть, что тематика выборов данную группу, в целом, не интересовала. Респондент 1 на вопрос о том, следили ли за какими-либо выборами в 2024 году, в том числе президентскими, ответил, что тематика выборов его не интересовала. Все присутствующие участники, в свою очередь, воздержались от ответов.

Образы партий и ключевых политиков оказались чрезвычайно инерционными. Партия ЛДПР устойчиво ассоциировалась с В. Жириновским, а не с действующим кандидатом Л. Слуцким, чье медийное присутствие было минимальным и процедурным. «Единая Россия» вызывала ассоциации с Д. Медведевым. Это подтверждает тезис о том, что краткосрочная медиаактивность неспособна конкурировать с долгосрочным историческим медиаобразом. При этом обсуждение подтвердило гипотезу о сверхперсонализации образа власти, выявленную в контент-анализе. Даже когда речь заходила о других партиях, центральной фигурой дискурса оставался В.В. Путин. Образы же других зарегистрированных кандидатов (Харионов, Слуцкий, Даванков) в сознании респондентов оказались «деперсонализированы», что

полностью коррелирует с данными об их сугубо процедурном освещении и низкой доле упоминаний в телеэфире.

Так модератором исследования был задан вопрос: «Какие основные партии вы знаете, и какие они у вас вызывают ассоциации?». Респондент 1 ответил, что «ЛДПР — это (Жириновский)». Респондент 2: «Единая Россия (логотип медведь, вспоминается Дмитрий Медведев избирательная кампания и связанная с ней скандалы)». Респондент 1: «В 2024 году кто-то из Новых людей пытался участвовать в выборах (ярко-зеленый свет, в этой президентской избирательная кампания пытался взять голоса более оппозиционных избирателей, и уже впоследствии, когда он не победил, пытаются принимать законопроекты то, что очень нужно гражданам, но почему-то другие партии не решаются делать». У2: «КПРФ — Советский Союз. Респондент 2: «О КПРФ негативные представления, запомнился рекламный ролик «поиграли в социализм и хватит». Респондент 3: «Я бы хотела назвать свои ассоциации по поводу партии «Единая Россия» — это власть, партия, поддерживающая курс президента, ассоциируется с порядком, также консерватизм, традиционные ценности, критика». Про ЛДПР — это конечно же Владимир Жириновский, темно-синий-желтый свет. У1: «Партия — это Явлинский и больше никаких ассоциаций нет, на первом плане возникает личность».

Проведенный анализ эффектов воздействия средств массовой коммуникации на избирательный процесс в ходе президентской кампании 2024 года, основанный на данных поисковых запросов, официальной статистики (ВЦИОМ) и результатах фокус-групп, позволяет сделать следующие ключевые выводы, верифицирующие теоретическую модель и эмпирические данные.

1. Дифференцированный характер медиа-воздействия СМК.

Воздействие медиаконтента опосредуется устойчивыми политическими установками и моделями медиапотребления избирателей. Для представителей старшего, устойчивого электората (группа 40+), характерных для сторонников системных партий, средства массовой коммуникации выполняли функцию подкрепления существующих провластных ориентаций и легитимации института выборов. Для молодежного сегмента (18–21 год), чьими основными источниками информации являются новостные сайты, медиавоздействие носит фрагментированный характер. Их восприятие выборов не сформировало целостной позитивной картины, фиксируясь на отдельных резонансных событиях и эксцессах, распространяемые оппозиционными медиа, которые проникают в информационное поле молодежного сегмента.

2. Институциональный, контекстуальный и персонализированные уровни воздействия СМК, в восприятии респондентов, носят интегрированный и взаимосвязанный характер.

Исследование подтвердило тезис о взаимовлиянии перманентной доминирующей повестки и повесткой избирательной кампании. Данные wordstat демонстрировали, что в период активности избирательного процесса возрастал интерес к теме СВО (в поисковой строке «Яндекс». Данные ВЦИОМ подтверждали устойчивый интерес к доминирующей повестке (более 70%). А ответы респондентов характеризовались упоминанием данной тематики. При этом образы политических деятелей и кандидатов оказались встроены в доминирующую повестку.

3. Инерционность образов.

Показано, что краткосрочное медиавоздействие в рамках одной кампании неспособно конкурировать с устоявшимися долгосрочными образами (пример: ЛДПР = Жириновский) [9].

4. Стабильность институционального доверия при фрагментации восприятия.

Несмотря на фиксацию молодежной аудиторией на негативных сюжетах, связанных с выборами, общий уровень институционального доверия и легитимности выборов (по данным ВЦИОМ: 60–72% доверия) остался высоким, обеспечиваемым устойчивым электоратом. Это подтверждает теорию ограниченного влияния СМК: медиа способны фрагментировать восприятие и формировать повестку дня для отдельных групп, но не могут кардинально изменить устоявшиеся политические установки большинства, подкрепленные долгосрочными факторами и доминирующим контекстом.

Проведенный анализ эффектов воздействия средств массовой коммуникации на избирательный процесс в ходе президентской кампании 2024 года, основанный на триангуляции данных поисковых запросов, официальной статистики (ВЦИОМ) и результатов авторских фокус-групп, позволяет сделать следующие выводы, верифицирующие теоретическую модель и эмпирические данные.

Во-первых, эмпирически подтвержден дифференцированный характер медиавоздействия, опосредованный устойчивыми политическими установками и моделями медиапотребления избирателей. Для представителей старшего, устойчивого электората (40+), составляющих ядро сторонников системных партий, средства массовой коммуникации выполнили преимущественно функцию подкрепления существующих провластных ориентаций и легитимации института выборов. Их восприятие кампании оказалось конгруэнтным доминирующему дискурсу прогосударственных СМК. В противоположность этому, для молодежного сегмента (18–21 год), чьи политические предпочтения характеризуются неустойчивостью, а основными источниками информации выступают новостные сайты, воздействие СМК носило фрагментированный характер. Их восприятие выборов не сформировало целостной картины, фиксируясь преимущественно на отдельных резонансных событиях и эксцессах, активно тиражировавшихся оппозиционными медиа, что свидетельствует о проникновении альтернативных нарративов в информационное поле данной группы.

Во-вторых, исследование подтвердило тезис о взаимовлиянии и интегрированном характере институционального, контекстуального и персонализированного уровней воздействия СМК в восприятии респондентов. Данные wordstat зафиксировали рост интереса к теме специальной военной операции параллельно с активизацией избирательной кампании, что коррелирует с данными ВЦИОМ об устойчивом интересе к доминирующей повестке (более 70%). В ответах участников фокус-групп тематика выборов неизменно сопрягалась с контекстом СВО, а образы политических деятелей (прежде всего В.В. Путина) оказались прочно интегрированы в этот доминирующий дискурс. Таким образом, эмпирически доказано, что избирательная повестка выступала в качестве зависимой переменной от перманентной информационной повестки дня.

В-третьих, выявлена высокая степень инерционности партийно-политических образов в массовом сознании. Данные фокус-групп демонстрируют, что краткосрочные медийные стратегии в рамках одной кампании неспособны конкурировать с устоявшимися долгосрочными образами исторических лидеров (например, устойчивая ассоциация ЛДПР с В. Жириновским, а не с действующим кандидатом Л. Слуцким). Это подтверждает ограниченность возможностей СМИ по оперативному формированию новых политических идентификаций в короткий промежуток времени (3 месяца избирательной кампании).

Таким образом, зафиксирована ключевая для понимания роли СМК асимметрия эффектов. Несмотря на фиксацию молодежной аудиторией на негативных сюжетах, связанных с выборами, общий уровень институционального доверия и легитимности выборов (по данным ВЦИОМ: 60–72%) остался стабильно высоким, будучи обеспеченным устойчивым электоратом. Данный феномен является эмпирическим подтверждением теории ограниченного влияния СМК: медиа способны фрагментировать восприятие и формировать повестку дня для отдельных групп, но не могут кардинально изменить устоявшиеся политические установки большинства, подкрепленные долгосрочными факторами и доминирующим социально-политическим контекстом в краткосрочный период.

Список литературы

1. Выборы в России: участие, легитимность, доверие // ВЦИОМ [сайт]. — 2023. — 7 сентября. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-v-rossii-uchastie-legitimnost-doverie> (дата обращения: 01.03.2026).
2. Президентские выборы 2024 [Электронный ресурс] // ФОМ [сайт]. — 5 марта 2024. — URL: <https://fom.ru/Politika/14988> (дата обращения: 01.03.2026).
3. Выборы Президента РФ-2024: оценка результатов // ВЦИОМ [сайт]. — 2024. — 19 марта. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-prezidenta-rf-2024-ocenka-rezultatov> (дата обращения: 01.03.2026).

4. Президентское супербольшинство — 2024: семь шагов к победе // ВЦИОМ [сайт]. — 2024. — 19 марта. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/prezidentskoe-superbolshinstvo-2024-sem-shagov-k-pobede> (дата обращения: 02.03.2026).
5. Специальная военная операция на Украине: мониторинг // ВЦИОМ [сайт]. — 2024. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-na-ukraine-monitoring> (дата обращения: 02.03.2026).
6. Протестный потенциал // ВЦИОМ [сайт]. — 2024. — URL: <https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial> (дата обращения: 03.03.2026).
7. Рейтинги доверия политикам // ВЦИОМ [сайт]. — 2025. — 8 августа. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-08082025> (дата обращения: 03.03.2026).
8. Доверие политикам // ВЦИОМ [сайт]. — 2024. — URL: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam/> (дата обращения: 03.03.2026).
9. *Маслюк Д.С.* Визуализация политического контента в средствах массовой информации современной России / *Д.С. Маслюк* // *Медиа в современном мире. Молодые исследователи : материалы 24-й международной научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и соискателей, Санкт-Петербург, 12–14 марта 2025 г. / под ред. В.А. Ачкасовой.* — С.Пб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2025. — С. 45–52. — ISBN 978-5-288-12345-6.

ПОД СЕНЬЮ ВЕЛИКИХ СОСЕДЕЙ ПО МИРУ: ПОБЕЖДАТЬ ВОПРОКИ ИЛИ БЛАГОДАРЯ?

О.П. Лебедева

кандидат философских наук, доцент,
кафедра мировой политики и межкультурного развития,
кафедра зарубежного регионоведения,
Университет мировых цивилизаций имени В.В.Жириновского
oplebedeva@bk.ru

UNDER THE SHADOW OF GREAT NEIGHBORS AROUND THE WORLD: TO WIN DESPITE OR BECAUSE OF?

O.P. Lebedeva

PhD in Philosophy Science, Associate Professor,
Department of World Politics and Intercivilizational Development,
Department of Foreign Area Studies,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
oplebedeva@bk.ru

Аннотация. Современный Вьетнам является многонациональной республикой, культура которой сформировалась под влиянием древнейшей истории местных племен, стран-соседей, а также колонизаторов. Страна всегда имела выгодное географическое положение, отличаясь при этом привлекательным природным и климатическим разнообразием. Официальное название современного Вьетнама — Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ). А до этого страна носила много других названий: в эпоху правления королей Хунгов она называлась Ванланг, при короле Ан Заонг Вьонге — Аулак, при короле Ли Нам Де — Дайковьет, при династии Ли — Дайвьет, в период правления династии Хо — Дайнгу. Есть и другие исторические названия этих территорий. История государственного и культурного становления Вьетнама издревле тесно связана с Китаем, его политическими, территориальными амбициями и культурным влиянием. Большое воздействие на формирование цивилизационных и культурных кодов Вьетнама оказала также Индия. Важной страницей в истории Вьетнама является колонизация со стороны Франции, влияние европейской традиции на формирование и развитие освободительного движения. История XX–XXI вв. тесно связала историческую судьбу Вьетнама с международным коммунистическим движением, с Советским Союзом, затем Россией. Для Соединенных Штатов Вьетнам был и остается одним из приоритетных объектов внимания.

Ключевые слова: региональная интеграция, глобализация, страна, территория, цивилизация, история, культура, колонизация, порабощение, освободительное движение, технологии, население, экономика, политика, развитие, перспективы, сотрудничество, конкуренция, лидерство, Юго-Восточная Азия, Вьетнам, Китай, Индия, Советский Союз, США, Россия.

Abstract. Modern Vietnam is a multi-ethnic republic whose culture has been shaped by the ancient history of local tribes, neighboring countries, and colonizers. The country has always had a favorable geographical location, and it is also known for its attractive natural and climatic diversity. The official name of modern Vietnam is the Socialist Republic of Vietnam (SRV). Before that, the country had many other names: during the reign of the Khung kings, it was called Vanlang, during the reign of King An Phuonг Vuong, it was called Aulak, during the reign of King Ly Nam De, it was called Dai Kho Viet, during the reign of the Ly dynasty, it was called Dai Viet, and during the reign of the Ho dynasty, it was called Dayngu. There are also other historical names for these territories. The history of Vietnam's political and cultural development has been closely linked to China, its political and territorial ambitions, and its cultural influence. India also had a great influence on the formation of Vietnam's civilizational and cultural codes. An important chapter in Vietnam's history is its colonization by France and the influence of European traditions on the formation and development of the liberation movement. The history of the 20th and 21st centuries has closely linked Vietnam's historical fate with the international communist movement and the Soviet Union, later Russia. For the United States, Vietnam has been and remains a top priority

Key words: regional integration, globalization, country, territory, civilization, history, culture, colonization, enslavement, liberation movement, technology, population, economy, politics, development, prospects, cooperation, competition, leadership, Southeast Asia, Vietnam, China, India, the Soviet Union, the United States, and Russia.

В последнее время внимание общественности при изучении процессов региональной интеграции и глобализации приковано, прежде всего, к Китаю, который стремительными темпами наращивает свою мощь по всем основным центрам силы глобального мира. Вьетнам, на этом фоне, теряется, на первый взгляд, в тени своего незаурядного соседа.

Вместе с тем, во Вьетнаме также идут важные для всего мира процессы. Вьетнам — интенсивно развивающаяся территория, все громче заявляющая о себе, особенно в регионе Юго-Восточной Азии. В состав этого региона включают страны, расположенные на полуострове Индокитай. Это Мьянма (Бирма), Таиланд (Сиам), Камбоджа, Лаос, Вьетнам, Малайзия (часть которой находится на острове Калимантан), а также Сингапур, Индонезия и Филиппины, султана Бруней и Восточный Тимор. Всего в состав Юго-Восточной Азии входят 11 государств, в которых проживают почти сто разных наций и народностей, представители разных расовых типов, языков, письменностей, систем ценностей. Суммарное население Юго-Восточной Азии составляет около 630 миллионов человек, занимаемая территория — около 4,5 миллионов квадратных километров, а это составляет около 3% территории земной суши. При этом численность жителей в процентном отношении к общему числу человечества — не менее 9% [15; 13; 6].

На протяжении столетий регион находился на стыке разных цивилизаций, испытывая сильнейшее влияние двух древнейших культур — индийской и китайской. Географическое положение Вьетнама по-своему уникально для Юго-Восточной Азии. Он простирается на 1650 км. с севера на юг. В самом широком месте протяженность территории составляет около 600 км., а в самом узком — около 50 км. Географически Вьетнам расположен близко к основным морским путям, соединяющим Индийский и Тихий океаны. С востока страну омывает Южно-Китайское море, в котором проходят важные морские пути, соединяющие внутренние территории Юго-Восточной Азии с Тихим океаном. Вьетнам, таким образом, играет роль ворот в Азию из Тихого океана [15; 2; 6].

Стратегическое положение Вьетнама по вышеобозначенным причинам вызывает конкуренцию за влияние среди ведущих стран мира. Особенно ярко это можно обнаружить в Индо-тихоокеанской стратегии США, в китайской инициативе «Дин пояс, один путь». Сегодня Юго-Восточная Азия переживает период не просто бурного роста промышленности, а интенсивного развития высоких, наукоемких технологий. Огромные, современные мегаполисы оттеснили крестьянские хозяйства, много лет бывшие основой экономики этого региона. На 2021 г. Сельскохозяйственный сектор составлял 12,56% ВВП [4]. За прошедшие годы тенденция только усилилась.

С одной стороны, это немалые показатели, но для страны, традиционно обозначавшей свою роль в мировой экономике как один из главных производителей риса, цифра может говорить о росте иных, инновационных отраслей. Может ли Вьетнам в этих условиях претендовать на роль регионального лидера в этой части земного шара? Способен ли Вьетнам стать центром силы в Юго-Восточной Азии по основным полюсам развития глобального мира: экономическому, политическому, военному и культурному?

Вьетнам — территория, имеющая древнюю историю, давнюю культурную традицию, а также многовековую закалку мужественного и трудолюбивого населения в тяжелой борьбе против врагов и угнетателей. История всех стран региона Юго-Восточной Азии восходит к очень древним временам и начинается задолго до привычной европейским историкам вехи — «нашей эры» [6; 15]. Исследование истоков этих цивилизаций затрудняет то, что археологические раскопки в регионе практически не велись, а если и случались такие «мероприятия», то они были редкими и бессистемными. В рассуждениях о древней истории региона специалисты опираются на китайские летописи раннего Средневековья, а также на древние предания, отчасти имеющие сказочно-мифологический характер с многочисленными элементами магического восприятия мира, при этом отчасти излагающие реально происходившие события времен седой старины.

Возникновение первых государств в Юго-Восточной Азии относится, по всей видимости, к началу III тысячелетия до н.э., то есть примерно совпадает по времени с зарождением цивилизаций в Древней Месопотамии и Египте. Первое название страны в языках Юго-Восточной Азии переводится как «красный демон», сообщают нам некоторые исследователи [6]. Крас-

ный демон при этом, как персонаж, не встречается в китайской мифологии, поэтому исследователей крайне интригует подобная этимология.

Идет ли речь о самоназвании или об обозначении территории и населявшем ее племен близкими соседями — китайцами, стремившимися к порабощению и ограблению вьетов. Титул выонг или «царь» (китайский эквивалент ван) встречается в надписях Южного Китая примерно с 1600 г. до н.э. Процесс складывания племен вьетов, предков будущих вьетнамцев, происходил на юго-востоке Китая в местности Цзинъян и крайнем севера нынешнего Вьетнама. Предания гласят, что первый вьетнамский герой правил в земле Ситькуи. Легенды утверждают существование правителя по имени Киньзыонг-выонг, которому некоторые западные ученые и приписывают собственно основание вьетнамского государства.

Другие же исследователи связывают имя этого легендарного героя с большим количеством полусказочных, магически окрашенных напластований, а роль истинного прародителя вьетов отводится Лак Лонг Куану. В сказаниях о нем также много неправдоподобного, но имеется датировка событий и указание на реальные факты. Первое государство Ванланг на территории современного Вьетнама представляло собой своеобразную деревню — государство, в отличие от городов — государств Древней Греции.

Процесс складывания государства происходил также и у горных племен аувьетов, родственных по крови равнинным лаквьетам. Горные племена аувьетов жили в основном к северу от Ванланга. Условия жизни в горах затрудняли создание единого централизованного государства, поэтому речь идет, скорее, о существовании союза племен, а не княжества. Колыбелью вьетнамского народа стало протогосударство Аулак, что подтверждают остатки крепости Колоа. Жители

Аулака занимались земледелием, выращивали рис, мандарины, бетелевую пальму, сахарный тростник и другие непростые в культивации культуры, ведение сельского хозяйства постепенно усложнялось. Аулакцы располагали квалифицированными строителями и инженерами. Жители поклонялись преимущественно силам окружающей природы, щедро населяя этот мир многочисленными добрыми и злыми духами. Многие годы войны и простые жители Аулака сражались против хищных и коварных китайских захватчиков.

Аувьеты сталкивались с набегами не раз, а отбивать набеги им помогали горы и собственное мужество. В целом, об истории предков вьетнамцев в древние времена известно немного, но еще меньше известно о древней истории других территорий и народов, входящих в состав Юго-Восточной Азии. Вьетнам в этом отношении является территорией с самой глубокой традицией и исторической памятью.

Некоторые историки утверждают, что основой будущего вьетнамского национального государства стало царство Дайвьет [6; 9; 11]. Это название появилось в официальных документах в середине XI века после того, как было сброшено китайское иго в X веке. Крупная вьетнамская провинция Зяотяу задолго до этого представляла для Китая немалый интерес. Китайцы брали здесь большую дань, в том числе, слоновой костью, рогами носорога, панцирями черепах и другими предметами, крайне ценными в китайской медицине. Востребованной формой дани были изделия искусных вьетнамских мастеров и шелковая пряжа, издавна умело изготавливавшаяся вьетами. Помимо натуральной дани вьеты выплачивали денежные подати и несли трудовые повинности. Китайцы при этом постоянно заботились о расширении сельскохозяйственных угодий, внедряли новые породы скота для увеличения своих доходов [6].

Считается, что впервые именно слово «Вьетнам» употребил поэт Нгуен Бинь Кхием в своей книге «Пророчество Чанг Чиня» в XVI веке. Это слово было выгравировано на 12 стелах в пагоде Бао Лам в Хайфоне. Само слово состоит из двух частей: «вьет» как титульная нация и «нам», что означает «юг». Слово «Вьетнам» напоминает по словообразованию китайское «юэнань», где «юэ» — китайское название вьетов, а «нань» — юг. В официальных документах слово «Вьетнам» стало использоваться с начала XIX века. В период с 1804 по 1813 гг. император Зя Лонг стал использовать этот термин в официальных бумагах. До 1945 г. страна вьетов называлась обычно Аннамом. Это название было изменено императором Бо Даем [6; 5; 1].

На сегодняшний день Социалистическая республика Вьетнам является территорией с очень высокой плотностью населения. Она составляет в среднем более 228 человек на квадратный километр [18; 19]. Ежегодный прирост населения достигает 1,5%. При этом посто-

янно увеличивается доля горожан, которая на сегодня составляет более 23% от общего числа жителей страны. Вьетнамские аналитики предполагают, что в ближайшие тридцать лет эта доля возрастет до половины от общего числа. В начале XXI века Вьетнам занимал 14-е место в мире, и 3-е в Юго-Восточной Азии после Индонезии и Филиппин по численности населения [18].

Значимое место в социально-политической жизни Вьетнама занимают вопросы образования [16; 17]. В современных публикациях вьетнамских ученых дата начала формирования образования во Вьетнаме обозначена 1076 годом. Эта века связывается с процессом первоначального формирования древнего вьетнамского государства. Вьетнамцы гордятся тем, что их система высшего образования возникла намного раньше, чем древние колледжи Ангкор Ват в империи кхмеров на территории Камбоджи и католический университет Санто-Томас на Филиппинах [9]. Вьетнамские политики хорошо осознают необходимость вхождения в общемировое информационное пространство, полагая, что включение национальной культуры в общемировую пойдет вьетнамцам на пользу.

При этом усиленно подчеркивается, что национальная культура Вьетнама обладает рядом специфических характеристик [2; 14]. Вьетнамские авторы, пишущие об особенностях образования, подчеркивают, что система обучения основана на традиционных конфуцианских принципах [5; 7–9]. Так, подчеркивается, что системы профессионального образования Вьетнама и России развиваются в разных культурных пространствах. Специфические особенности связаны с пониманием прав личности, автономности, обособленности и коллективизма. Во Вьетнаме образованные люди причисляются к элите. В соответствии с конфуцианскими традициями учитель и обучающийся занимают высокое положение в народном сознании. Учитель при этом почитается выше родителей. Эта идея укоренена в конфуцианской триаде «государь — учитель — отец». Взаимоотношения, чувства причастности в процессе обучения крайне важны. Они важнее рационального мышления и интеллектуального развития отдельной личности.

Обновление высшего образования Вьетнама является одним из приоритетных проектов правительства, начиная с 2006 г. Министерством образования и подготовки кадров Вьетнама был принят долгосрочный план развития образования на период 2006 — 2020 гг. Согласно этому плану, предстояло реализовать радикальную трансформацию высшего образования, отвечающую современным запросам.

Было намечено реализовать семь групп новаторских, прорывных проектов. Мероприятия были тщательно спланированы и разбиты на подэтапы. Важно учесть, что еще в начале XXI века вообще никакой экспертизы и контроля за качеством образования во Вьетнаме не было. Сейчас эти процедуры обязательны для всех институтов и колледжей Вьетнама. Среди различных направлений совершенствования образования выделяется участие СРВ в международной и региональной системе органов экспертизы и контроля за качеством образования. В частности, речь идет о сети институтов Восточной Азии East Asia Institution Network, а также сети Азиатско-Тихоокеанского региона Asia Pacific Network. Сотрудничество Советского Союза с Демократической республикой Вьетнам началось в период французской агрессии в Индокитае после того, как были установлены дипломатические отношения в 1950 г. Объединяющим началом стала социалистическая идеология и ценности интернационализма.

Первая индокитайская война (агрессия Франции против Вьетнама, Лаоса и Камбоджи) продолжалась девять лет — с 1946 по 1954 г. Советский Союз стал инициатором созыва Женевского совещания по перемирию. Тогда война была остановлена усилиями советских дипломатов и лично министра иностранных дел Молотова В.М. Немалую роль сыграли усилия вьетнамских военных, применявших в первой индокитайской войне реактивные установки залпового огня «Катюша» [1; 3; 6].

Итогом установленного в 1954 году мира стало разделение Вьетнама на две части — северную и южную. Между этими территориями существовали системные противоречия и конфликты, приведшие ко Второй индокитайской войне. На стороне Северного Китая выступили СССР и Китай, на стороне Южного — США. Военный конфликт продолжался с 1965 по 1973 г. СССР оказывал военную поддержку Вьетнаму и активно его поддерживал в Совете Безопасности ООН [13]. В военных действиях на территории Южного Вьетнама приняли уча-

стие 6,3 тыс. российских офицеров, 4,5 тыс. солдат и сержантов. Они занимались, главным образом, противовоздушной обороной [10; 13].

В январе 1973 г. в Париже было подписано соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. А в 1976 г. произошло слияние Севера и Юга и была образована Социалистическая республика Вьетнам. Этот факт внес существенные изменения в геополитическую ситуацию в юго-восточной Азии.

Вторая индокитайская война по времени совпала с обострением противоречий между Советским Союзом и Китаем. В свою очередь это вызвало переформатирование отношений в треугольнике Вьетнам — Россия — Китай. В частности, были прекращены транзитные перевозки советских грузов через Китай [10; 14].

В 1978 г. в ходе официального дружественного визита был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ. В этом же году Вьетнам был принят в СЭВ. Китай же открыто поддерживал враждебный Вьетнаму режим «красных кхмеров» в Кампучии. В этом же году вьетнамские войска вошли в Кампучию. В феврале 1978 г. КНР атаковал приграничные районы Вьетнама. СССР поддержал Вьетнам политически и поставками военной техники. В мае 1979 г. СССР и Вьетнам подписали соглашение об использовании бывшей военной базы США в Камрани сроком на 25 лет. Это стало важным событием в геополитическом противостоянии СССР и США.

На рубеже 70-х и 80-х годов Вьетнам испытывал колоссальный дефицит в продовольствии и товарах народного потребления. После вступления в СЭВ граждане Вьетнама стали направляться на работу в Советский Союз, ГДР и ЧССР. До сих пор в России существует большая вьетнамская диаспора. Одновременно при помощи СССР и других стран социалистического лагеря во Вьетнаме создавалась собственная промышленность и энергетика. Перестройка вызвала значительное сокращение экономического сотрудничества, военно-техническое сотрудничество продолжалось, хотя и в меньших масштабах. Помимо этого, был списан долг, образовавшийся в советское время (9,5 млрд. долл. из 11 млрд. долл.). В начале 1990-х Вьетнам и КНР приступили к нормализации и развитию добрососедских отношений. Это стало возможным после выхода вьетнамских войск из соседних стран Индокитая. В 1994 г. был подписан Договор об основных принципах сотрудничества между РФ и СРВ. В 1995 году Вьетнам вошел в состав АСЕАН. В 2001 г. Между Россией и Вьетнамом было подписано соглашение о стратегическом партнерстве. В ходе визита президента РФ Путина В.В. в СРВ в марте 2001 г. была принята Декларация. Составляющей этого важного документа стали взаимные связи в образовательной области.

Прошедшие годы внесли много нового. В настоящее время Вьетнам интенсивно развивается, превращаясь из когда-то преимущественно рисоводческой, сельскохозяйственной страны в территорию инновационного развития, образования, науки, крупных мегаполисов. Эти обстоятельства дают основания задуматься о переменах в положении Вьетнама в своем регионе — есть ли у него перспектива когда-нибудь стать региональным лидером Юго-Восточной Азии?

Список литературы

1. Власов Е.Е. Вьетнамское государство в процессе обновления страны (тридцатилетие начала политики «Дой Мой») // Ойкумена. — 2016. — № 2. — С. 137–146.
2. Гарри М.И. Геополитические подходы Франции при завоевании Вьетнама (1858–1884 гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. — 2012. — № 7. — С. 165–168.
3. Гимазов Д.Ф. Анализ становления хошиминского Вьетнама // Научно-практический электронный журнал «Аллея науки» Alley-scienc.ru. — 2019. — № 5(32).
4. Данг Хоанг Линь, Нгуен Тхи Тхань Лам. Геоэкономическое положение Вьетнама: преимущества и проблемы // Вьетнамские исследования. — 2022. — Т.6. — № 4. — С. 23–32.
5. Захаров А.О. Политическая история Центрального Вьетнама во II–VIII вв.: Линь и Чампа. — М.: Институт востоковедения РАН. — 2015. — 160 с.
6. Ландау А. Краткая история Юго-Восточной Азии. — М.: Энциклопедия-ру. — 2019. — 800 с.

7. *Ле Ван Вьонг*. Основные направления обеспечения качества подготовки в системе высшего образования СРВ в условиях международной, региональной и двусторонней интеграции // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — Выпуск XXXVI (№ 36, 2017). — С. 160–170.
8. *Ле Ван Вьонг*. Вьетнамо-российское сотрудничество по реализации приоритетных направлений образовательной политики в 2001–2017 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук // E-mail: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?page=1&*=Z%2FiC3y10drIhgZAMLCVpr%2BAh5SR7InVybCI6Imh0dHBzOi8vcmluZGUyS5ydWRuLnJlL2VuL3JlY29yZHMvZGlzc2VydGF0aW9uL2Rvd25sb2FkZmlsZS85MTJmYTI2Zi02ZDQ4LWVjMTEtYTI1NS0w.
9. *Ле Ван Вьонг*. К вопросу о становлении высшего образования во Вьетнаме. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Т. II.
10. *Лузянин С.Г.* Треугольник «Россия — Вьетнам — Китай»: современные вызовы, трансформации и асимметрии // Вьетнамские исследования. — 2022. — Т. 6. — № 4. — С. 4–12.
11. *Мосяков Д.В.* Юго-Восточная Азия в современных политических и экономических процессах в Большой Восточной Азии // Актуальные проблемы Юго-Восточной Азии. — М., 2006.
12. *Новакова О.В., Губер А.А.* Вьетнам: вторая половина XIX века — 1917 // История стран Азии и Африки в новое время. — М.: изд-во Московского университета, 1991. — Т. 2. — С. 113–132.
13. Российско-вьетнамские отношения с современным миром. Коллективная монография / отв. ред. Л.Б. Вардомский, И.А. Коргун. — М.: Институт экономики РАН, 2021 — 147 с.
14. Россия и Вьетнам: двустороннее сотрудничество и перспективы региональной интеграции / под ред. К.А. Кокарева, Б.М. Волхонского. Российский ин-т стратегических исследований; Вьетнамская акад. общественных наук. — М.: РИСИ, 2015. — 75 с.
15. Современный Вьетнам. Справочник. — М.: ИД «Форум». — 330 с.
16. *Соколов А.А.* Высшее образование Вьетнама: формы интернационализации. — М.: ИДВ, 2017.
17. *Ткач В.М., Филиппов В.М., Чистохвалов В.Н.* Тенденции развития и реформы образования в мире: учебное пособие [электронный ресурс]. — М.: РУДН, 2008.
18. *Чан Тхи Тху Хиен*. Система высшего профессионального образования социалистической республики Вьетнам // Вопросы образования за рубежом.
19. *Шкунов В.Н.* Внешняя торговля Вьетнама во второй половине XIX в. и российские внешнеторговые интересы // Журнал «Вьетнамские исследования». — 2024. — № 1. — с. 66–80.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МАРКЕТИНГ КАК МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАГМАТИКА XX–XXI ВВ.

О.П. Лебедева

кандидат философских наук, доцент,
кафедра мировой политики и межкультурного развития,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
oplebedeva@bk.ru

POLITICAL MARKETING AS A METHODOLOGY AND PRAGMATICS OF THE 20TH AND 21ST CENTURIES

O.P. Lebedeva

PhD in Philosophy Science, Associate Professor,
Department of World Politics and Intercivilizational Development,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
oplebedeva@bk.ru

Аннотация. Целью данного исследования явилось стремление показать историю формирования, развития и применения политического маркетинга. Актуальность выбранной темы определяется тем, что, несмотря на эффективность и реальные, практические результаты, данный подход неоднозначно воспринимается как научным сообществом, так и широкой общественностью в нашей стране. Этому подходу уделяется недостаточно внимания при обучении политологов, специалистов по рекламе и связям с общественностью. Автор анализирует зарубежную и отечественную литературу по данной тематике. Многие упомянутые источники считаются на сегодняшний день классическими в области политического маркетинга. Основные результаты связаны с обоснованием необходимости и возможности учета многих положений политического маркетинга в работе российских политологов в условиях недостаточной политической активности граждан, развивающейся потери интереса избирателя к политике.

Ключевые слова: маркетинг, политический маркетинг, политические явления, политические технологии, политическая реклама, массовое сознание, электорат, рыночные отношения, эффективность, успех.

Abstract. The purpose of this study is to show the history of the formation, development, and application of political marketing. The relevance of this topic is determined by the fact that, despite its effectiveness and practical results, this approach is not universally accepted by both the scientific community and the general public in our country. This approach is not given enough attention in the training of political scientists, advertising specialists, and public relations professionals. The author analyzes both foreign and domestic literature on this topic. Many of the sources mentioned are considered to be classics in the field of political marketing. The main results are related to the justification of the need and possibility of taking into account many aspects of political marketing in the work of Russian political scientists in the context of insufficient political activity among citizens and the growing loss of voter interest in politics.

Key words: marketing, political marketing, political phenomena, political technologies, political advertising, mass consciousness, electorate, market relations, efficiency, and success.

Как писал польский ученый П. Голембовский, вокруг самого понятия «политический маркетинг» существует немало недоразумений, вытекающих, прежде всего, из незнания этой важной дисциплины [1]. Неприятие политического маркетинга может быть также связано с идеологическими установками некоторых политических партий и движений, преимущественно левой направленности, рассматривающих рыночные отношения и его инструменты как безусловное или, по крайней мере, относительное зло. Но, как правило, такие движения имеют достаточно обширный электорат в нашей стране.

Своим существенным преимуществом приверженцы политического маркетинга как методологического основания практической деятельности политолога считают тот факт, что сфера охвата здесь не ограничивается электоральным периодом и деятельностью партий. Она существенно шире. С иных, по сравнению с привычными для классических постулатов политической науки, здесь рассматриваются политический брендинг, позиционирование и формиро-

вание имиджа, управление повесткой, политическая реклама и многие другие вопросы [10; 2; 11]. Также необходимо утверждать, что политический маркетинг как особая методология в деятельности политтехнолога дает немало возможностей для объяснения, прогнозирования развития, активной трансформации политической реальности [7; 8].

В политическом маркетинге сохраняются все основные понятия и системные идеи маркетинга вообще, то есть речь идет о попытке применить категории рыночных отношений к политической сфере. Именно этот основной факт вызывает недоумение и сопротивление противников политического маркетинга как направления исследований [1; 3].

В политическом маркетинге, также как в маркетинге в целом, основополагающей является парадигма обслуживания, поэтому избиратели, рядовые граждане рассматриваются как потребители политического продукта. Политические партии, их лидеры и даже органы государственной власти имеют статус производителей в этой предметной области. А идеология, программы политических партий, имидж и т.п. являются политическим продуктом. В совокупности эти три компонента и образуют политический рынок. А основополагающей является концепция обслуживания и выгодное для организации удовлетворение потребностей других людей [10; 5]. Политика здесь устойчиво рассматривается как специфический рынок, как сфера взаимовыгодного обмена информацией, энергией, ресурсами, а также сфер с присутствующими рыночными отношениям жесткой конкурентной борьбой, возникающей в процессе продажи политического товара [7; 8].

Политический маркетинг как научное направление имеет междисциплинарный характер и находится на стыке множества различных областей: теории и социологии массовых коммуникаций, теории политики, политических технологий, экономики, менеджмента и маркетинга. Исследователи приписывают политическому маркетингу длительную предысторию, начиная с самых древних времен зарождения товарно-денежных отношений. Но непосредственное активное внедрение методов маркетинга в политику связано с двадцатым веком. Так, например, Рузвельт использовал радио в 30-е гг. для влияния на электорат через проведение «бесед у камина». Президентская кампания Трумэна 1948 г. сознательно проводилась с активным использованием средств аудиовизуальной коммуникации. Как писал Т. Штуцкий в польской «Энциклопедии маркетинга», само явление маркетинга является специфическим продуктом Америки [1].

Само понятие вошло в академический язык в 50-х гг. XX в. В 1956 г. С. Келли использовал этот термин для обозначения убеждающего воздействия на массовую аудиторию, применяемого в процессе избирательных кампаний. В середине XX века в оборот не только войдет само понятие, но и маркетинговые исследования. В политике они приобретут достаточно системный и научно обоснованный характер. Само же явление политического маркетинга обычно связывалось с тщательно планируемым и системно обеспеченным продвижением политиками себя и своих программ через искусно выстроенную коммуникацию и общественную поддержку.

Именно в 50-е годы в США телевидение станет ключевым инструментом политических технологов для выстраивания продуманных стратегий работы с электоратом. Считается, что первым серьезным политиком, задействовавшим маркетологов с их инструментами и методами, опиравшимся на маркетинг системно и последовательно, был Эйзенхауэр в 1952 г.

Еще в 40–50-х гг. XX в. популярной станет простая и крайне креативная по тем временам концепция Т. Ривза, основанная на использовании следующих факторов: интенсивное использование телевидения в избирательной кампании, предпочтение кратких рекламных форм, размещение рекламы перед самыми популярными программами или сразу после них, представление в политической рекламе только наиболее важных и актуальных для избирателя программных идей [6].

Работа с президентской кампанией Эйзенхауэра стала принципиально новым этапом в маркетинговых разработках Т. Ривза [11]. Была разработана новая стратегия с новыми принципами: создание имиджа национального героя, акцентуация времени перемен как главной, сквозной темы, отказ от долгих и пространственных выступлений политика в пользу кратких, не более минуты, но ярких сюжетов. Неожиданным приемом стала краткость избирательной кампании, она продолжалась всего три недели, а также максимизация эффекта усталости

аудитории как приема борьбы с противниками. Те оказались лишены времени на реагирование при продуманной маркетинговой политике профессионалов.

Считается, что в рамках истории политического маркетинга существовали три основные парадигмы: социологическая, социально-психологическая и коммуникативная. Социологический подход, представленный именами Н. Лазерфельда, Б. Барельсона и др. использует опросы общественного мнения, поскольку политический выбор рассматривается через призму социальных факторов [8]. Он был крайне популярен в 40–50-е гг. Кампании 1952 г. предшествовало исследование общественного мнения институтом Дж. Геллапа, в ходе которого были обозначены важнейшие, злободневные проблемы, остро волнующие людей. Оказалось, что это коррупция, налоги, инфляция и война в Корее. После этого политтехнологи организовали 40 полетов по стране со слоганом «Эйзенхауэр над Америкой». Встречи с электоратом строились по схеме «один вопрос — краткий точный ответ» [8].

Социологический подход будет потеснен социально-психологическим подходом, деятельностью А. Кэмпбелла, В. Миллера и др., спустя одно — два десятилетия. На первый план выйдут внутренние когнитивные и мотивационные факторы, которые, по мнению приверженцев этого подхода, и определяют большинство электоральных установок в обществе. В параллельно развивающемся коммуникативном подходе (Э. Катц, П. Лазерфельд и др.) основное внимание было сосредоточено на роли СМИ, активному формированию общественного мнения и эффективной трансляции политических сообщений [7; 8]. Интернет, цифровые технологии вывели политический маркетинг на новый уровень в плане используемых инструментов и технологий: задействованы big data, алгоритмический таргетинг, персонализированная реклама, социальные сети, современные методы брендинга [9; 10].

К концу 50-х — середине 60-х политический маркетинг перестанет быть исключительно американским явлением. В 1959 г. консервативная партия в Англии впервые наняла рекламное агентство для разработки избирательной стратегии. Методы и инструменты политического маркетинга активно применялись в 1965 г. во время президентских выборов во Франции, а в 1969 г. на парламентских выборах в Великобритании. В 1979 г. в Англии было установлено постоянное сотрудничество партии тори с рекламным агентством Saatchi&Saatchi. В 1981–1983 гг. Маргарет Тэтчер активно консультировалась с политтехнологом Ч. Лоусоном, бывшим успешным маркетологом, сбывавшим шоколадные батончики «Mars».

Еще один, принципиально новый по своим временам, этап в развитии политического маркетинга начался в 90-х гг. Центр его применения сместится в Россию, страны соцлагеря, бывшие советские республики, сломавшие прежний политический режим и претендовавшие на становление демократии и нового гражданского общества. Уже не секрет, что Ельцину в борьбе за президентское кресло в 1996 г. помогали американские политтехнологи, если не сказать жестче, руководили им. В 1999 г. Л. Кучме давали консультации по американским методикам российские политтехнологи.

В Польше технологии политического маркетинга применялись уже в первой избирательной кампании III РП, в июне 1989 г. Особого размаха применение политического маркетинга в Польше достигло в 1995 г. В это время Ж. Сегела, бывший ранее советником Ф. Миттерана, помогал А. Квасневскому.

Многие исследователи отмечают, что в последние десятилетия развития политического маркетинга менялись не только методология этой области и т.н. прагматика. Новацией стало формирование новых сфер, связанных с чутким реагированием на изменение политического спроса и в которые в прежние времена маркетологов предпочитали не допускать.

Некоторые авторы предлагают анализировать политический маркетинг с акцентуацией в сторону его методологии и формирования научной традиции и культуры [4; 11; 9]. Научные основания применения рыночного подхода к политическим явлениям были заложены американским экономистом К. Эрроу в работе 1951 года «Социальный выбор и индивидуальные ценности». В ней автор тщательно обосновал обусловленность социального выбора индивида системой личных ценностей [4].

В 1957 году Э. Даунзом был издан труд «Экономическая теория демократии». Основной идеей этого текста стала мысль о том, что в основе отказа от участия в голосовании лежит ин-

дивидуально понятый интерес или рациональный подход к транзакционному обмену на рынке политических услуг [4].

В 1962 году Дж. Бьюкенен и Г. Таллок написали книгу «Исчисление согласия», в которой были использованы понятия маркетинговые понятия «обмен и торговля голосами», «логроллинг». Авторы упомянутой книги утверждали, что репрезентирующий политические интересы социальной группы индивид поступает, опираясь на общепринятые ценностные критерии, участвуя в действиях как рыночного, так и политического характера [4].

В 1969 году свет увидела знаковая статья Ф. Котлера и С.Дж. Леви «Расширение понятия маркетинга». Они открыто призвали распространить категории, закономерности, инструментов маркетинга на самую широкую социальную и политическую сферы. С того момента имена и авторитет Котлера и Леви станут определяющими в области политического маркетинга [8; 4].

Далее, важным этапом стало применение к демократическому политическому режиму метафоры «открытого политического рынка». Подразумевалось, что периодическое голосование играет роль регулятора обеспечения выражения гражданами индивидуальных предпочтений и обуславливает принятие важных решений [10; 3].

С политическим маркетингом непосредственно связана тема политической рекламы. Некоторые авторы рассматривают политическую рекламу как разновидность коммерческой и поэтому распространяют на первую все основные свойства и качества второй. В рамках такого подхода политическая реклама анализируется как совокупность методов психологического воздействия в целях управления поведением людей через изменение и закрепление различных потребительских предпочтений и убеждений. Здесь политическая реклама может пониматься достаточно широко, если речь идет, в том числе, о привлечении внимания к лидерам, партиям, движениям и формировании в дальнейшем их соответствующего имиджа. Иногда интерес через яркий скандал и эпатаж является более ценным, чем непосредственный имидж.

В рамках политического маркетинга [10; 11] реализуется подход, основанный на отождествлении политической сферы и ее задач с процессами в сфере товарно-денежных отношений. Здесь используется аналогичная терминология. Например, Р. Ривз сравнивал выбор избирателей между различными кандидатами с выбором между тюбиками зубной пасты или другими товарами в супермаркете.

Заслуживает интереса вопрос о соотношении понятий политической рекламы и политического PR. Большинство авторов рассматривают их как составные части политико-коммуникационного комплекса. Но PR рассматривается как особая функция менеджмента, нацеленная на управление общественным сознанием и поведением людей в интересах определенных сил или отдельных людей через налаживание доверительных и взаимовыгодных отношений. У этой сферы множество важных функций — социальная, коммерческая, государственная, политическая и др. В России эта сфера связывается, в первую очередь, с деятельностью государственных структур [11].

Главной целью политической рекламы является мнение и поведение людей по отношению к определенному объекту. Этот объект может быть вполне материальным и объективно существующим, а может быть практически неосознаваемым. К первому можно отнести политических лидеров, политические организации или объединения, целые политические проекты и даже политические действия. В качестве неосознаваемых политических продуктов обычно называются политические программы, инициативы, идеи, отношения и практики.

В данном контексте заслуживает внимания известная линейная модель коммуникации Г.Д. Лассуэла [11]. Ее основная идея заключается в том, что важнейшими в процессе коммуникации являются следующие вопросы: кто говорит, что говорит, по какому каналу сообщается информация, кому она сообщается и каков достигнутый эффект. В соответствии с ответами на эти вопросы Лассуэлом были выделены пять основных элементов коммуникации: источник, сообщение, канал, получатель и эффект. Эффект и представляет собой основную и потенциально планируемую цель коммуникации [11].

В рамках этой модели отчетливо обозначаются отличия между политической рекламой и PR. Важнейшее различие пролегает через первый элемент — политики и партии не могут сами рекламировать себя. Ключевыми коммуникаторами должны выступать субъекты, не имею-

щие прямого отношения к ним. В PR-деятельности вполне допускается, что сами политики, представители движения или партии транслируют политические мнения и сообщения.

Таким образом, и политическая реклама и PR призваны поведать электорату о «добродетелях» политики и политиков, но для этого должны быть использованы различные методы и инструменты. Известный американский специалист по политической рекламе Джордж Луис заявлял, что без рекламы и PR любой, даже замечательный кандидат, будет просто уничтожен или на него никто просто не обратит внимания [7].

Список литературы

1. Гугнин А.М. Политический маркетинг // *Философия и общество*. — 2016. — № 2. — С. 84 — 89.
2. Котлер Ф., Келлер Л. Маркетинг-менеджмент. — СПб.: Питер, 2007. — 221 с.
3. Лебедева О.П., Кучеренко А.А., Козлов С.Д., Афанасьева Е.В., Афанасьева Ю.С. Политические технологии: некоторые практические аспекты. — М.: ИМИЦ, 2015. — 110 с.
4. Морозов С.А. Культура политического маркетинга // *Человек. Общество. Управление*. — 2005. — № 2. — С. 27–35.
5. Недяк И.А. Политический маркетинг. Основы теории. — М.: Весь мир, 2008. — 352 с.
6. Ривз Р. Реальность в рекламе. — М.: Библос, 2017. — 128 с.
7. Сайфатова А.Р. Политический маркетинг в условиях новых вызовов // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. — 2025. — № 6. — С. 168 — 182.
8. Сайфатова А.Р. Политический маркетинг: теоретические основы и современные исследования // *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*. — 2025. — Т. 22. — № 3. — С. 104–122.
9. Управление стратегическими коммуникациями: монография / И.А. Мисинева, А.П. Баранников, Е.С. Бычкова и др. — М.: МУиВ, 2025.
10. Франц В.А. Политический маркетинг. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. — 92 с.
11. Хорошкевич Н.Г. Социальная и политическая реклама. — Екатеринбург: УрФУ, 2015. — 146 с.

МЕЧТА КАК ЭТИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН. СТОИТ ЛИ МЕЧТАТЬ?

О.П. Лебедева

кандидат философских наук, доцент,
Кафедра мировой политики и межкультурного развития,
Кафедра зарубежного регионоведения
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
oplebedeva@bk.ru

THE DREAM AS AN ETHICAL AND SOCIAL PHENOMENON. IS IT WORTH DREAMING?

O.P. Lebedeva

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of World Politics and Intercivilizational Development,
Department of Foreign Regional Studies,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
oplebedeva@bk.ru

Аннотация. Категория мечты не академична для современных философов в привычном смысле. В академических исследованиях в большей степени представлены другие, более теоретически оформленные, понятия научного анализа: идеал, ценности, нормы, концептуальная и должная мораль, а также ряд других. При этом практический срез морали, уровень обыденного сознания в реальной действительности в большей степени представлены такими психологическими явлениями, как мечты, надежды, чаяния, планы. И работать практическому психологу, политтехнологу, педагогу предстоит именно с ними. Автор пытается разобраться в вопросе: может ли «мечта» быть строго научным, философским термином, что это может дать исследователю, а также освещает некоторый имеющийся опыт философского, культурологического, психологического анализа данной темы.

Ключевые слова: мечта, мечтания, иллюзии, желания, надежда, оптимизм, страх, испытания, чаяния, нравственность, идеалы, нормы, ценности.

Abstract. The category of dreams is not academic for modern philosophers in the usual sense. Academic research is more likely to focus on other, more theoretically defined concepts of scientific analysis, such as ideals, values, norms, conceptual and proper morality, and a number of others. However, the practical aspect of morality and the level of everyday behavior in real life are more likely to be represented by psychological phenomena such as dreams, hopes, aspirations, and plans. These are the areas that practical psychologists, political strategists, and educators need to work with. The author tries to understand the question: can «dream» be a strictly scientific or philosophical term, and what benefits can it provide to a researcher? The article also highlights some existing philosophical, cultural, and psychological analyses of this topic.

Key words: dream, fantasies, illusions, desires, hope, optimism, fear, trials, aspirations, morality, ideals, norms, and values.

Многие исследователи, бравшиеся за философские исследования феномена мечты, отмечали снисходительное отношение к этой теме как со стороны ученого сообщества, так и со стороны общественного мнения [4; 5; 8]. В основном, отрицательно относятся к мечтанию педагоги и практические психологи, видя в нем причину невнимательности, плохой успеваемости, уход от решения сложных задач реальной жизни в удобный мир грез и фантазий. При этом игнорируется тот факт, что по мнению некоторых специалистов, мысли и образы, рожденные мечтой, обязательно сопровождают внешнюю, непосредственную активность людей и могут занимать до половины времени бодрствования [5; 7]. Уже сам этот показатель говорит о том, что анализу феномена мечты надлежит уделить большее внимание. Справедливости ради стоит отметить, что в последние годы появляются работы, направленные на исследование позитивной роли мечты и мечтаний в процессах саморегуляции психической деятельности, но главным образом, в области психологии, немного их число находится в предметном поле этики и антропологии. Достаточно благосклонны к исследованию мечты как феномена культуры

филологи и культурологи, здесь накоплен достаточный опыт исследования фольклора, сказки, фэнтези [6; 1; 8].

Когда-то советские школьники разучивали наизусть «Песню о Соколе» пролетарского писателя Максима Горького. В этом метафорическом повествовании противопоставлены два образа — ужа, не смеющего мечтать о небе приземленного прагматика, обывателя, труса и смелого сокола. Я храбро бился, я видел небо, — говорит гордый романтик сокол перед смертью ужу, живущему свой век в тяжелой затхлости и гнили.

Деятельная, активная, высокая мечта была важной составляющей коммунистической идеологии, а оптимистичный посыл и устремленность к общественно значимым целям являлись важным условием того, чтобы то или иное произведение пришло к массовому читателю или зрителю. Идеологический и подцензурный контроль в итоге был одним из инструментов для того, чтобы направить общественную энергию в русло самых смелых свершений, веры в свои силы и поиска путей для реализации самых смелых планов.

На первый взгляд, кажется абсолютно ясным, что подразумевается под мечтой, но оказывается, значение этого понятия различается в отдельных языках и культурах. В некоторых языках «мечта» и «сон» совпадают по значениям, они синонимичны. Для их обозначения может использоваться одно и то же слово. Мечтание, тем самым, считается сном наяву. Например, такое лингвистическое явление существует в немецком, испанском, французском, английском и арабском языках. При этом существует два основных значения таких слов. Во-первых, это мысли и чувства, которые человек видит во сне, а, во-вторых, это сильные желания [5; 8]. Интересно, что в славянских языках у слова «мечта» несколько иная этимология и связана она с глаголами «мигать», «мерцать», «сверкать». Это значит, что основным этимологическим содержанием слова является призрак, наваждение, нечто мерцающее вдали. Акценты смещаются в сторону чего-то недостижимо идеального и прекрасного, манящего и загадочно зовущего [5; 8]. В целом же, этимологи подчеркивают, что семантическое наполнение понятия «мечта» отчетливо видоизменяется вместе с наполнением и изменением культуры [2].

В современной академической литературе можно найти различные определения мечты и мечтаний, в частности, мечтание некоторые исследователи определяют как «процесс создания в сознании человека определенных динамических картин существования человека в разных ситуациях, а мечту как единицу этого процесса» [9].

В рамках культурно-деятельностного подхода в психологии мечта определяется в нескольких иных терминах. А именно, вслед за основоположниками подхода Выготским и Рубинштейном, как образ желаемого будущего, обладающий ценностью для субъекта [3; 5; 7]. Мечта здесь — это продукт творческого конструктивного воображения, направленного в будущее. Мечтая, человек изучает и осмысляет себя самого, а также создает желаемый образ окружающего мира. Мечта — это наиболее ценный, идеальный и абсолютно необходимый проект последующей жизни. В рамках такого подхода важнейшая функция мечты заключается в том, чтобы мотивировать, направлять деятельность, придавать ей смысл, наделять ценностью каждый отдельный поступок. Мечтать необходимо. Акцент делается на то, что мечта представляет собой эмоционально положительно окрашенный образ желаемого будущего. Представители культурно-деятельностного подхода особо выделяют тип конструктивной мечты как методологического адаптивного фундамента работы с личностью.

«Мечта» коррелирует с рядом других понятий. Это «надежда», «иллюзия», «планы», «проект» и др. Каждое из понятий имеет свои семантические оттенки в русском языке, которые довольно ярко показывают значимые оттенки нравственного сознания.

Так, например, в близком семантическом поле находятся «мечта» и «надежда». И в том, и в другом понятии — образ будущего, устремленность мышления в дальнейшее развитие. Но между этими понятиями имеются смысловые различия. Мечта является достаточно конкретным представлением, видением того, чего хочется достичь. Это идеальный и часто идеализированный образ желаемого. В нем скрыто активное стремление к понятной или относительно понятной цели. Польза от мечтаний заключена в обозначении мотивации и отчетливом обозначении главного в направлении дальнейших действий. Многих людей мечта, даже самая смелая и дерзкая, делала смелыми и решительными. Среди радикальных общественных реформаторов много таких мечтателей с зашкаливающим по меркам современников градусом

решительности намерений. Успех начинаний обеспечивался обычно подкреплением действием, прагматической компонентой, четким планом, гибкостью тактики, созданием системы, работающей на пользу «мечте» и нацеленностью на сотрудничество и использование коллективной энергии. Романтические мечты революционеров-одиночек, рассчитывавших на силу эмоционального порыва и шопенгауэровской воли к жизни, обычно заканчивались разочарованием и крахом надежд.

Надежда, в отличие от мечты, представляет собой тихую опору, убеждение, что все может измениться к лучшему или хотя бы не ухудшиться. Мечтают оптимисты, надежда — это психологический компромисс между конкретной мечтой и пессимизмом, нашептывающем под сознанию аргументы в пользу синицы в руке перед журавлем в небе.

Также близки по смыслу и нередко отождествляются в сознании некоторых людей, считающих себя трезвыми реалистами, живущими здесь и сейчас и мыслящими предметно, понятия «мечта» и «иллюзия». Специфической чертой иллюзии являются ложные ожидания, тормозящие развитие и реальные достижения. Иллюзии уводят человека от повседневности в особый, воображаемый мир, делая его пассивным созерцателем. Мечта мотивирует к действию и концентрации энергии и ресурсов. Также специфическое различие между мечтами и иллюзиями, заключается в разном временном восприятии будущего. В мечте движение к цели разбито на этапы и подэтапы, каждый со своими целями, показателями, ресурсами. В иллюзии образ будущего запредельно обобщен и не конкретизирован, ни по срокам, ни по этапам, ни по возможным ресурсам.

Психологи предлагают небольшой тест для самоисследования мечты и ее отделения от иллюзии. Необходимо на одной половине листа написать свои мечты, а на второй половине — шаги, которые можно предпринять для ее достижения. С иллюзией поиск конкретных действий окажется существенно затруднен или вовсе невозможен. Иллюзии часто подпитываются страхом перед реальностью, неуверенностью в завтрашнем дне. Поэтому иллюзии являются достаточно распространенным явлением общественного сознания при недостатке информации, в трудные, неопределенные времена перелома истории. Иллюзии могут быть реализованы через уход в мир трансцендентного, религиозных исканий, поиска идеалов для фанатского поклонения. Квазирелигии и парарелигии базируются на иллюзиях как психологическом феномене. Также как надежда, иллюзии тесно связаны со страхами и тревогами и пассивно-выжидательным отношением к миру и своей судьбе.

Но не следует считать мечту абсолютно сильным психологическим феноменом в аспекте деятельного, активного характера отношения к действительности. В этом отношении мечта уступает планам и проектам. Последние гораздо более отчетливо привязаны к действиям и прагматической конкретике. По сравнению с планами мечта более абстрактна и не определена. Это может быть мечта о счастье, романтической и возвышенной любви, «алых парусах», «принцах на белых конях», выигранной лотерее, найденном кладе и внезапном, богатом наследстве от дяди из-за границы. Так, мы видим, что мечта — это динамичное явление, которое может тяготеть к иллюзии, пассивному ожиданию и бездействию, а может стать основой для составления и практической реализации планов и проектов.

Некоторые исследователи отмечают тесную связь феноменов мечты и свободы [9]. При этом свобода рассматривается как родовое, универсальное качество человека. Главное обоснование в этом случае — человек мечтает без внешнего насилия, его нельзя принудить мечтать, применяя грубое насилие. Здесь, конечно, можно возразить, что современные когнитивные войны наработали огромный арсенал средств, тонко и умело манипулирующих человеком, уводя его помыслы и идеалы в мир бытового достатка и обладания вещами, карьерных и статусных достижений, стандартов жизни по образцу другой культуры. В целом же, действительно, человеческая жизнь — это парадоксальное существование в мире несвободы и свободы. Именно в мечтах человек может сотворить собственный мир, в котором он будет максимально свободен.

К этому подходу примыкает мнение, в котором мечта связывается, в первую очередь, с феноменом творчества и активности [4; 11]. «Человек является не только тварным, но и творческим существом, *homo creans*. С этой точки зрения, творчество как атрибут человека есть не что иное как продолжение, форма космического творчества», — мнение Н.В. Омельченко [4].

Данный подход связан, как правило, с рассуждениями об активности человеческого духа в целом, ментальной креативности. Оригинальным моментом таких рассуждений является мысль о том, что креативным характером может обладать не только мысль, но и чувство. Любая ментальная процедура имеет при этом двойную направленность — на объект внимания и на воспринимающий, активный субъект. Иначе говоря, люди становятся тем, что они думают и чувствуют. Мы становимся тем, что мы познаем, истина является фактором очеловечивания человека. Познавая ложь, человек становится лживым, истина делает человека свободнее [4; 5].

Обращает на себя внимание тот факт, что в исследованиях многих авторов психологический феномен мечты исследуется в культурологическом контексте феномена сказки. То есть, еще одним аспектом смыслового срастания понятия «мечта» с родственными по смыслу является связь с категориями мифа и сказки. Сказочные мечты могут принимать самые разнообразнейшие формы, при этом сказку нередко ошибочно рассматривают исключительно как проявление детского возраста человеческой культуры, детскости и инфантильности, в целом. Такой взгляд на социально-психологическую природу сказки игнорирует тот факт, что сказка является определенным мировоззрением, в котором автор, возможно, воплощает в образы и сюжеты коллективную мечту, а также является каналом трансляции опыта. Немецкий философ Ф.В. Шеллинг в работе «Философия мифологии» [10] пишет, что все проявления мифологии имеют нечто общее между собой. Герои сказок имеют символический и даже мистический смысл. Уже в наивной мифологической мечте сказки задаются устойчивые и определенные образы и смыслы, которые в дальнейшем приобретает в культуре другие, более совершенные и рационализированные формы. Поэтому изучение мифологии и сказки имеет большой гносеологический потенциал.

Все ли люди мечтают и какими бывают наши мечты? Эмпирические исследования психологов показывают, что человек начинает мечтать в старшем дошкольном возрасте, то есть в пять-шесть лет. Именно в этом возрасте человек начинает осознавать будущее, начинает формироваться нравственное самосознание, ребенок впервые в жизни ставит цели и составляет план своих действий. Мечта становится особенно значимой в период активного взросления, построения образа будущего и выбора жизненного пути, то есть в подростковом возрасте. Безусловно, умение мечтать является одним из проявлений оптимизма, веры в себя, витальной силы. То, что многие люди принимают за наивность и чудачество психически здорового человека, является на самом деле показателем жизнестойкости, негибаемой воли и веры в свои силы.

Роль мечты становится особенно значимой в ситуации фрустрации, когда человек в силу тех или иных причин не может удовлетворить свои потребности и желания. Переход в мир великолепных, талантливых грез как возможная компенсация физического недуга ярко представлен в биографии замечательного советского писателя-фантаста Александра Беляева. Тяжело больной человек, получивший в юности тяжелую травму позвоночника, подолгу поэтому прикованный к постели, создал уникальный, вымышленный мир научной фантастики, в котором добро, разум, научные технологии, дружеское плечо и высокое человеческое благородство побеждают зло и самых немыслимых злодеев в труднейшей и захватывающей битве.

Схожая логика приводит зрителя вслед за главным героем популярного фильма «Аватар» в природный, причудливо красивый мир сильных и благородных существ этого киношедевра.

Большого и отдельного внимания заслуживает тема реализации компенсаторной функции мечтаний в создании утопических моделей общества в условиях, казалось бы, безнадежного уровня социальной несправедливости и напряженности.

Некоторые исследователи обращают наше внимание на различные типы мечты. Их выделяют не менее пяти. Это, во-первых, гедонистическая мечта, приятные грезы, например, о возможном дорогом отдыхе, роскошной праздности, нескончаемом удовольствии, собственном совершенном теле, помещенном в номер люкс-отеля, и вызывающем восторги глянца и массового Интернета.

Вторым типом является компенсаторная мечта, формирующаяся в ситуации серьезного разрыва между ожиданиями, желаниями и возможностью их реализации [5]. В рамках этой функции наиболее отчетливо виден интегративный характер мечты как социально-психоло-

гического феномена, в котором взаимодействуют внутренний и внешний мир человека. Ценности, идеалы, цели, мотивация, способности, субъективное преломление пережитых событий соединяются с конкретными и реальными обстоятельствами ситуации и времени в феномене мечты. Специалисты утверждают, что основное различие между гедонистической и компенсаторной мечтой состоит в степени фрустрации. Возврат к реальности от компенсаторной мечты может стать наиболее эмоционально тяжелым, болезненно разочаровывающим. В этом отношении конструктивная мечта не является потенциально психотравмирующим фактором при возврате мечтателя к решению реальных задач реальной жизни.

Еще одним, третьим, типом мечты является конструктивная мечта. Она необязательно строго реалистична по принципу «здесь и сейчас». Так, конструктивным мечтам может придаваться ребенок или бедняк, не имеющие реальных возможностей для воплощения в жизнь своих полезных прожектов. Конструктивная мечта представляет собой идеальную модель будущего, основанную на стремлении к благу через указание возможных путей и действий. Различия между компенсаторной и конструктивной мечтами очень тонкие и обнаруживают они себя в ситуациях наличия или появления возможностей для реализации мечтаний. Компенсаторная мечта так и останется грезой и манящей надеждой, а субъект бездействующим.

Четвертый и пятый типы мечты, схожие между собой — это мечта-игра и мечта-размышление [11; 5]. В них представлены абсолютно фантастические сюжеты, совершенно невозможные в реальности. Мечтой-игрой является вымышленный диалог с великими людьми прошлого, смещение исторических эпох, перенос себя в другое историческое время. Основное различие между этими типами связано с преобладанием действий, событийной канвы или мыслительных конструкций. Например, мечта-размышление может строиться как попытка смоделировать отношение к происходящему выдающихся политиков и ученых прошлого.

Список литературы

1. Богатырева Ж.В., Зимина Н.Ю. Сказка как феномен культуры. // Мир науки, культуры, образования. — 2015. — № 3(52). — С. 293–295.
2. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. — 4-е изд. — М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009. — 811 с.
3. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте: психологический очерк. — М.: Просвещение, 1991. — 93 с.
4. Омельченко Н.В. О значении мечты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: философия. Социология и социальные технологии. — 2006. — № 5.
5. Осин Е.Н., Егорова П.А., Кедрова Н.В. Конструктивные функции мечты: от теоретической модели к эмпирической валидации. Ч. 1 // Культурно-историческая психология. — 2023. — № 19(4). — С. 56–66.
6. Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. — М.: Лабиринт, 2014.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. — СПб.: Питер, 1998. — 705 с.
8. Семёновых С.А., Петрухина И.Г. Лингвистический портрет слова «мечта» // Молодой ученый. — 2024. — № 3(77). — С. 2–4.
9. Стерпедев Р.К., Стерпедева Т.Д. Мечта как сущностное свойство человека // Теория и практика общественного развития. — 2013. — № 6. — С. 18–21.
10. Шеллинг В.Ф. Историко-критическое введение в философию мифологии. Философия мифологии. — СПб., 2013. — Т. 1.
11. Эльконин Д.Б. Психология игры. — М.: Педагогика, 1978. — 304 с.

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ — НОВЫЙ ЭТАП СИНХРОНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ БАЗИСА ГОСУДАРСТВЕННОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

А.И. Легошин

аспирант,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

ringlevit@yandex.ru

THE CIVILIZATIONAL POLITICAL CONSCIOUSNESS OF THE INDIVIDUAL IS A NEW STAGE OF SYNCHRONIZATION OF THE SOCIO-POLITICAL SPHERE IN THE PROCESS OF DEVELOPING THE BASIS OF STATE FUNCTIONING

A.I. Legoshin

Postgraduate student,

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow

ringlevit@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается идея полномасштабного внедрения в российские реалии такого социально и политически ориентированного феномена как цивилизационное политическое сознание, которое описывается как новый этап развития функционирования внутригосударственной системы управления в период перехода всемирного геополитического действия к многополюсному устройству межкультурного контактирования, характеризующемуся наличием на мировой политической арене незыблемых суверенных центров развития цивилизаций. Данный вид политического сознания рассматривается как всесторонне действующая система, закладывающая основу для дальнейшего закрепления патриотических настроений в широких общественных массах, служащих необходимым полезным подспорьем проведения внутренней и внешней политики Российской Федерации, важным элементом которой становится усиление опоры на социальное одобрение посредством расширения понимания обществом геополитических стратегий, работы социальных и политических институтов, а также долгосрочных целей и задач России как страны-цивилизации.

Ключевые слова: цивилизация, сознание, геополитика, фундамент, развитие, система, масштаб, внедрение.

Abstract. The article discusses the idea of a full-scale introduction into the Russian reality of such a socially and politically oriented phenomenon as civilizational political consciousness, which is described as a new stage in the development of the functioning of the domestic management system during the transition of global geopolitical action to a multipolar system of intercultural contact, characterized by the presence of unshakable sovereign centers of development of civilizations in the global political arena. This type of political consciousness is considered as a comprehensively functioning system that lays the foundation for further consolidation of patriotic sentiments among the broad masses of society, serving as a necessary useful tool for conducting domestic and foreign policy of the Russian Federation, an important element of which is strengthening the reliance on social approval by expanding society's understanding of geopolitical strategies, the work of social and political institutions, as well as long-term goals and the tasks of Russia as a country of civilization.

Key words: civilization, consciousness, geopolitics, foundation, development, system, scale, implementation.

Одним из основных объектов современного государственного внимания в области всецелого цивилизационного строительства России в условиях переходного периода от монополярного мира к существованию множества центров геополитического влияния, составляющих многополюсную систему межкультурных отношений, на наш взгляд, должно стать исключительное понимание необходимости ориентации внутренней государственной политики

на важность всесторонней подготовки личности, воспитание которой пронизано идеей специализированного цивилизационного политического сознания, полномасштабное внедрение которого призвано стать новым этапом в становлении более тесного взаимодействия социальной и политической областей государственного функционирования в процессе развития России как страны-цивилизации.

Безусловно, коллективистская идея, как составляющая часть системы сплачивания общественных масс во время актуальных внешнеполитических и вероятных внутривнутриполитических вызовов, имеет неотъемлемый характер. И вместе с тем, широкий спектр направлений и тенденций развития современного мира поднимает вопрос об актуальности качественной составляющей коллективного сплочения как составляющей количественной, в роли которой выступает развитие каждого индивида, вбирающее в себя всю полноту навыков и знаний, в частности, о геополитическом и внутригосударственном функционировании, позволяющих гражданину максимально осознанно подходить к собственному развитию и восприятию себя как политически активной единицы, что сегодня является одним из наиболее важных стратегических приоритетов российской цивилизации [2].

Так, из вышеуказанного следует, что для воспитания и образования индивидов, совокупно составляющих многонациональный народ российской цивилизации — мировоззрение которого стремится как к большей согласованности с проведением взвешенной внешней политики с последующим укреплением позиций России на мировой арене (которой в частности, должна оказываться посильная поддержка со стороны общественных масс), так и нивелировать вероятность масштабирования проявлений политической апатии и социальной аномии, характеризующейся дезорганизацией социальных институтов — требуется полноценная и всесторонняя корректировка курса не только по вовлечению общественности, и что наиболее важно — молодежи, в процесс принятия участия в политической жизни страны, но и по прививанию индивидам осознания своей цивилизационной принадлежности и формированию устойчивой самоидентификации отдельных личностей и всего общества с российской цивилизацией и ее будущим развитием [3].

Говоря о том, что цивилизационное политическое сознание должно стать новым этапом в усилении синхронизации между социальной и политической сферами российской государственной жизнедеятельности, мы предполагаем необходимость осуществления целого комплекса разноплановых мер, позволяющих создать прочный фундамент для последующего бесперебойного проведения государственной политики по всестороннему образованию индивидов, ориентированных на внесение личного вклада в цивилизационное развитие и глубокую приверженность патриотическим настроениям.

Так, на наш взгляд несмотря на то, что стоит разводить понятия о личностном и коллективном развитии, полезное для государственной политики и цивилизационной целостности становление каждого индивида не может происходить вне сферы коллективного контактирования по актуальным вопросам местного и федерального значения.

В связи с этим, среди крайне востребованных областей, требующих внимания со стороны государства выступают, во-первых, расширение области продуктивной общественной коммуникации, основная задача которой состоит как в приобщении индивидов к пониманию значимости коллективного обсуждения и решения острых проблем, так и в минимизации тенденций превалирования частного развития над общим, одновременно с повышением уровня вовлеченности в урегулирование спорных социально-политических ситуаций, прямо или косвенно затрагивающих стабильность коллективного общежития, разрешение которых сопряжено с качественным индивидуальным саморазвитием через частный ситуационный анализ, выступающий в качестве катализатора выстраивания целостной картины политической жизнедеятельности страны посредством индукционного метода.

Меры, охватывающие описанную область, должны, в частности, затрагивать:

- 1) проведение мероприятий с возрастающей числовой вовлеченностью индивидов, включающие масштабирование таких форм общественного взаимодействия, как публичные дискуссии и общественные слушания по вопросам местного и федерального развития, по итогам которых необходимо формирование резолюций с последующим направлением для рассмотрения в органы государственной власти, что будет способствовать, как

было заявлено ранее, не только развитию идеи о первостепенной важности коллективного сплочения, но и становлению личностного роста;

- 2) усиление внимания за функционированием социальных сетей и медиаплатформ. Данные интернет-ресурсы, в современных реалиях популяризации тематики независимого развития цивилизаций и мирного отстаивания права на самоопределение дипломатическим путем в противовес политике силы и преобладания приоритета безопасности одних государств над безопасностью других, выступают мощным драйвером развития междоцивилизационной народной дипломатии через налаживание деловых, научных и иных контактов. Задачей же государственной политики в данной сфере является усиление контроля за проникновением деструктивной информации, призванной как нарушить стабильность междоцивилизационного диалога, так и подорвать основы российской государственности в переходный период геополитической систематизации, одной из которых и является образование и воспитание личности и коллектива, приверженных российскому цивилизационному строительству и осознающих принципиальную важность слаженности взаимодействия социальной и политической сфер государственного функционирования [4].

Во-вторых, среди областей, нуждающихся в государственной проработке, необходимо назвать формирование общего ценностного фундамента, проявляющегося в усилении политики по созданию общего ценностного информационного фона, нацеленного на складывании опоры для проведения последующих государственных действий в области цивилизационного строительства через разделяемые широкими массами населения идеи, символы, а также приверженность сохранению исторической памяти.

Малые и большие коллективы, являющиеся структурными составляющими патриотически настроенного общества, сами состоят из индивидов с набором индивидуальных качеств, прививаемых социально-политической средой их воспитания и образования. Наиболее серьезной задачей государства сегодня выступает не только обеспечить социум и отдельных личностей закрытием базовых потребностей, но и создать окружающую среду, образующую искомый информационный фон, позволяющий органам власти проводить эффективную государственную политику в системе целокупного стремления к всестороннему цивилизационному развитию через прививание цивилизационного политического сознания на уровне отдельно взятой личности.

В-третьих, немаловажную роль в процессе перехода на новый этап социально-политического взаимодействия в России играет процедурный и институциональный факторы. Ни для кого не секрет, что уровень осведомленности о политической ситуации в стране и мире, равно как и уровень знаний о системе функционирования государственного аппарата принятия решений и их реализации (а также уровень доступности получения данных знаний для индивида) отличается в различных субъектах Федерации, что может становиться препятствием не только для стабильной работы регионов и всеобщей консолидации общественных масс при возникновении вызовов федерального масштаба, но и для вовлеченности индивидов в политическую жизнь страны и принятия участия, в частности, в электоральном процессе. В данной связи важно отметить, что сегодня российское цивилизационное развитие нуждается в переходе к унифицированному доступу к функционированию механизмов принятия решений и согласования интересов различных социальных групп как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскостях, что необходимым образом может быть осуществлено посредством принятия специальных законов, а также внедрения особых регламентов, контролирующих порядок выражения общественного волеизъявления и обратной связи от органов власти.

Так, перечисленные сферы являются лишь одними из многих, требующих специализированных мер со стороны органов власти, направленных на повышение устойчивости всей политической системы в целом и укрепление фундамента цивилизационного развития через прогрессирующее движение от формирования политически активной личности с выраженными чертами патриотических настроений и глубокой самоидентификацией с судьбой России, до выстраивания всеобщего коллективного цивилизационного сознания, служащего на пользу политической сплоченности, и призванного синхронизировать социально-политический

уклад российской цивилизации в целях упрощения процесса государственного управления как в мирное время, так и в периоды угроз общецивилизационного масштаба.

Список литературы

1. *Афанасьева Е.В., Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А.* Геостратегические регионы мира: методика исследования и анализ. — М., 2020. — 200 с.
2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.
3. *Булавина М.А., Новосельский С.О., Попова С.А.* Стратегические цели и тактические приоритеты управления городом в условиях геополитической напряженности // Вестник евразийской науки. — 2022. — Т. 14. — № 3.
4. *Булавина М.А., Новосельский С.О., Измestьев Д.М.* Организационно-экономический механизм управления бизнес-процессами производства металлоконструкций в условиях кризиса // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2024. — Т. 15. — № 2(43). — С. 68–74.
5. *Кирсанов К.А.* Базовые положения креативно-развивающей образовательной парадигмы // Мир науки. — 2016. — Т. 4. — № 6. — 383 с.
6. *Легошин А.И., Болгов Н.В.* Внедрение цивилизационного политического сознания как основа для нового этапа развития России // Социально-политические науки. — 2026. — Т. 16. — № 1. — С. 32–39.
7. *Легошин А.И.* Роль формирования цивилизационно ориентированного мышления для политической стабильности страны // Россия и мир: развитие цивилизаций. Уроки Великой Победы и новое мироустройство. Материалы XV международной научно-практической конференции. В 2-х ч. — М., 2025. — С. 176–180.
8. *Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А.* Теоретико-методические проблемы формирования национальной идеи Российской Федерации // Актуальные политические и исторические вопросы современности. Сборник статей. — М., 2020. — С.160–176.
9. *Цыганков П.А., Слуцкий Л.Э.* Западный дискурс о «гибридной войне России против демократии»: новое вино в ветхие мехи // Вопросы политологии. — 2022. — Т. 12. — № 12(88). — С. 4227–4238.
10. *Шестопал Е.В.* Политическая психология. — М.: Инфра-М, 2002. — 448 с.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ОТ МОДЕЛИ «КУЛЬТУРЫ КАК СВОБОДЫ» К ОТВЕТСТВЕННОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ ПАТРОНАЖУ

И.В. Митрофанова

преподаватель кафедры политических процессов и технологий,
Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского, Москва.
irinamitrofanova@mail.ru

RUSSIA'S CULTURAL POLICY: FROM THE MODEL OF 'CULTURE AS FREEDOM' TO RESPONSIBLE STATE PATRONAGE

I.V. Mitrofanova

Lecturer at the Department of Political Processes and Technologies,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
irinamitrofanova@mail.ru

Аннотация: В представленном исследовании рассматривается культурная политика России, начиная с конца 80-х годов до настоящего времени. Особый акцент делается на идейно-ценностных основах отечественной культурной политики. В статье прослеживается закономерный путь от «духовно-нравственного вакуума» российского общества и минимизации вмешательства государства в дела культуры до поэтапного возвращения понимания необходимости четко очерченной роли государственной власти в вопросах культурной политики, создания действенных механизмов обеспечения культурного суверенитета страны, а также интеграции культурной политики с другими сферами, в первую очередь с образованием и молодежной политикой. Как важный этап трансформации парадигмы культурной политики России рассматривается принятие в 2009 году «Стратегии национальной безопасности до 2020 года», где культурной политике отдавалась ключевая роль в возрождении и сохранении культурно-нравственных ценностей. Далее приводятся примеры последующих юридических документов, направленных на утверждение и расширения роли культуры в вопросах воспитания и популяризации традиционных духовно-нравственных паттернов российской цивилизации. В качестве актуальных примеров успешной практики взаимодействия государства и деятелей культуры РФ в вопросах популяризации традиционных духовно-нравственных ценностей приводится деятельность Президентского фонда культурных инициатив, что представляет на сегодняшний день оптимальную модель воздействия официальной власти на культурные процессы страны.

Ключевые слова: традиционные духовно-нравственные ценности, культурные ценности, культура, государственная культурная политика, культурный суверенитет, идентичность, национальная безопасность, культурные процессы.

Abstract. This study examines Russia's cultural policy from the late 1980s to the present day. It focuses on the ideological and value foundations of Russian cultural policy. The article traces the logical progression from the "spiritual and moral vacuum" in Russian society and the minimization of state intervention in cultural affairs to the gradual return of understanding the need for a clearly defined role of the state in cultural policy, the creation of effective mechanisms for ensuring the country's cultural sovereignty, and the integration of cultural policy with other areas, particularly education and youth policy. The adoption of the National Security Strategy until 2020 in 2009 is considered an important stage in the transformation of Russia's cultural policy paradigm, where cultural policy was given a key role in the revival and preservation of cultural and moral values. Next, examples of subsequent legal documents are provided, aimed at the approval and expansion of the role of culture in the issues of education and popularization of traditional spiritual and moral patterns of Russian civilization. As current examples of successful practice of interaction between the state and cultural figures of the Russian Federation in the issues of popularization of traditional spiritual and moral values, the activities of the Presidential Fund for Cultural Initiatives are cited, which represents today the optimal model of the official power influence on the cultural processes of the country.

Key words: traditional spiritual and moral values, cultural values, culture, state cultural policy, cultural sovereignty, identity, national security, and cultural processes.

Государственная культурная политика России постсоветского периода претерпела значительные трансформации, что было связано с изменением общественно-политической форма-

ции, экономическими реформами, ключевыми событиями во внешнеполитической деятельности России. В конце 1980-х — начале 1990-х годов в стране негласно была провозглашена модель «культуры как свободы», которая характеризовалась минимизацией государственно-го вмешательства в дела культуры и искусства, а также конституционным закреплением идеологического многообразия. Однако последовавшая за этим вестернизация и коммерциализация культуры привели к нивелированию традиционных духовно-нравственных основ, что в конечном итоге привело к необходимости возвращения к патерналистской роли государства в сфере культуры, но уже в совершенно иных формах, нежели в СССР.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современных условиях культурная политика рассматривается как фактор обеспечения национальной безопасности. Принятие в 2014 году «Основ государственной культурной политики» и последующих стратегических документов поставило перед культурной политикой ряд актуальных задач, выполнение которых должно способствовать наибольшей консолидации российского общества.

В исследовании использованы историко-аналитический метод для прослеживания изменений в культурной политике России, сравнительный анализ для сопоставления различных моделей государственного участия в культурной жизни общества, а также анализ документов и обобщение для формулирования выводов о современных тенденциях.

Результаты исследования

Вопрос соразмерности вмешательства государства в вопросы культуры и искусства всегда оставался дискуссионным, как и вопрос государственной цензуры. В конце 80-х — начале 90-х была провозглашена модель «культуры как свободы», каждый художник получил право говорить то, что ему хочется и доносить свое видение теми средствами, какими считает нужным. Юридическое закрепление эти творческие вольности нашли в статье 13 Конституции 1993 года, освобождающей творцов от идеологического гнета, утверждая идеологическое многообразие и в статье 44, провозглашающей свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества.

Получив разрешение наконец-то выйти за рамки, многие деятели искусства попытались сказать ту самую «правду жизни». Среди них были и наработавшие в советские годы авторитет кинорежиссеры. Но как показала практика, далеко не у всех это получилось талантливо и во многих случаях советская цензура играла для деятелей искусства роль того самого внутреннего редактора, который должен быть присущ истинному творцу, чтобы не свалиться в беспросветную черноту или пошлость. Примерами этого могут служить далеко не самые удачные фильмы позднего Эльдара Рязанова «Небеса обетованные» и «Дорогая Елена Сергеевна». Оказалось, что, увы, то ли эстетического чутья изначально не всем хватало и требовался внешний цензор, то ли от радости, что все ограничения сняты, это самое чутье полностью атрофировалось. Впрочем, такое искусство — транслирующее насколько все плохо и насколько плохи мы сами особого отклика у зрителя не получило. Кинотеатры опустели, к ним на замену пришли видеосалоны. Российскому зрителю стало интереснее наблюдать за приключениями героев «Звездных войн», поражаясь доселе неизвестными спецэффектами, впечатляться от ужасиков, удивляться «их эротике» и этим хоть на время отвлекаться от насущных проблем. Это было окно в другой мир, где даже проблемы казались, какими-то не проблемными, по сравнению с нашими, жизнь более благополучной и яркой. Создавалось впечатление, что это общество на более высокой ступени развития: более прогрессивное, свободное, уже сумевшее справиться с рядом социально-экономических проблем, преодолевшее ненужные, атавистические комплексы, от которых нам еще предстоит избавиться.

Конечно же, это было неким всеобщим заблуждением, и с течением времени несоответствие системы западных ценностей и приоритетов российскому сознанию становилось все более очевидным. Но возникший после распада СССР сначала идеологический, а потом и ценностный вакуум привел к целому ряду негативных последствий, таким как размывание духовно-нравственных основ, частичная утрата общественной, и, как следствие, культурной солидарности, а также чувства гордости за свою страну, ее историю, научные и культурные достижения.

В 1999–2006 годы культура становится субъектом рыночных отношений, ее стали трактовать как сферу услуг, а культурные ценности как товар. Учреждениям культуры и искусства нужно было выживать в условиях жесткой экономической конкуренции с индустрией развлечений. Из справочника руководителя учреждения культуры: «Надо превратить культурные ресурсы в товары и услуги, научиться продавать их в розницу и по мелочи». Культура начала коммерциализироваться и вестернизироваться, впитывая образцы западных музыкальных шоу, бесконечных сериалов, различных тенденций в музыке и моде. В литературе также акцент сместился на большую развлекательность и тому доказательство появление множества серий отечественных детективов. До определенного момента все эти процессы не попадали под пристальное внимание властных структур, государственное регулирование касалось только узких финансово-экономических вопросов культурной политики [4].

Однако в начале двухтысячных пришло понимание, что совсем оставить без контроля эту сферу никак нельзя и если государство не обеспечит ей ощутимую поддержку, последствия могут быть необратимыми. В декабре 2005 года Правительство РФ принимает Федеральную целевую программу «Культура России на 2006–2010 гг.». Основными целями программы являлись: сохранение культурного наследия Российской Федерации, формирование единого культурного пространства, создание условий для обеспечения выравнивания доступа к культурным ценностям и информационным ресурсам различных групп граждан, сохранение и развитие культурного потенциала нации, интеграция в мировой культурный процесс, обеспечение адаптации сферы культуры к рыночным условиям [7].

Следующим шагом стала утвержденная в 2009 году «Стратегия национальной безопасности до 2020 года». В этом документе впервые массовая, коммерческая, вестернизированная культура, ориентированная на духовные потребности маргинальных слоев населения и пропаганда образа жизни в основе которого вседозволенность признавалась угрозой национальной безопасности, было заявлено, что решение задач обеспечения национальной безопасности в среднесрочной и долгосрочной перспективе достигается за счет признания первостепенной роли культуры для возрождения и сохранения культурно-нравственных ценностей [1].

Позднее были приняты «Основы государственной культурной политики» — документ, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808, где постулировалось понимание общественной миссии культуры как инструмента передачи новым поколениям свода моральных, эстетических и этических ценностей, составляющих ядро национальной самобытности.

2014 год был объявлялся Годом культуры. Большое значение уделяется реставрации старых и вводу в эксплуатацию новых объектов культуры. Широко празднуется 200-летие со дня рождения М.Ю. Лермонтова. Проводятся различные фестивали, конкурсы, форумы и выставки, посвященные традиционной культуре разных народов России. Логическим продолжением этой тенденции становится последующий 2015 год — Год литературы, совпавший с юбилейными датами со дня рождения Александра Грибоедова, Антона Чехова и Михаила Шолохова, что нашло отражение в целом ряде как федеральных, так и региональных мероприятий самых разных форматов [6].

Такие культурно-образовательные акции как Библиночь, Ночь музеев, Ночь театров стали частью культурной жизни нашего общества и во многом способствовали популяризации именно нашей отечественной культуры среди широких масс населения, в том числе и молодежи.

Также до 2024 года включительно одним из ключевых инструментов достижения целей и задач государственной культурной политики был национальный проект «Культура», состоящий из трех федеральных проектов: «Культурная среда», «Творческие люди» и «Цифровая культура», что имел целый ряд положительных эффектов: библиотеки и Дома культуры в самых разных регионах нашей страны получили современное оборудование и превратились в современные творческие пространства, представляющие гражданам широкие возможности культурного и образовательного досуга. Детские школы искусств и музеи также получили необходимое оснащение, работники культуры прошли эффективное повышения квалификации, а благодаря появлению «Пушкинской карты» удалось привлечь молодежь к более активному посещению музеев, театров и выставок [5].

В ноябре 2022 года выходит уже ставший знаменитым Указ Президента №809, утверждающий «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», включающий в себя и задачи политики в сфере культуры. Данный документ является уникальным случаем законотворческой практики. Впервые в истории российского законодательства традиционные российские ценности получили юридическое закрепление, что, с одной стороны, было воспринято с воодушевлением, как положительная тенденция укрепления взаимосвязи норм права и морали [3], с другой, вызвало некоторый скепсис, особенно в связи со сложностью дачи определения некоторым духовно-нравственным ценностям, например, таким как «созидательный труд» или «высокие нравственные идеалы». В качестве отдельной проблемы некоторые исследователи выделяют также декларативность этого документа: встречались утверждения, что многим, особенно молодежи, на текущий момент не до конца понятно, о чем именно идет речь, а возможные объяснения и разъяснения вряд ли могут вызвать серьезный, неподдельный интерес [2].

Стоит признать, что далеко не все общественные отношения, особенно если это касается духовно-нравственной сферы, возможно уложить в прокрустово ложе юридических норм, и там, где язык закона исчерпал свои возможности, следует перейти на язык искусства, поскольку искусство в первую очередь апеллирует не к разуму, а к чувству, и по-настоящему талантливые произведения способны воспитать патриотизм и гражданственность, утвердить ценность крепкой семьи, вдохновить на созидательный труд и явить высокий нравственный идеал.

С 2021 года в Российской Федерации существует Президентский фонд культурных инициатив. Это российская некоммерческая организация, созданная по указу президента Российской Федерации. Уже несколько лет подряд фонд проводит конкурс на предоставление грантов в области культуры и искусства. В жюри входят как известные представители государственной власти, так и представители мира культуры. Представляемые на конкурс проекты должны соответствовать традиционным российским духовно-нравственным ценностям, утверждённым Указом Президента РФ №809. В форме заявки есть обязательное требование: соискатель гранта должен указать, какой или каким именно из 17 традиционных ценностей (жизнь; достоинство; права и свободы человека; патриотизм; гражданственность; служение Отечеству и ответственность за его судьбу; высокие нравственные идеалы; крепкая семья; созидательный труд; приоритет духовного над материальным; гуманизм; милосердие; справедливость; коллективизм; взаимопомощь и взаимоуважение; историческая память и преемственность поколений; единство народов России) соответствует представленный им на конкурс проект. Вся информация о правилах участия и итогах конкурса по годам можно получить на официальном сайте фонда.

В число победителей входили самые разнообразные проекты: документальные фильмы, региональные театральные фестивали, туристические программы, компьютерные игры. Особенно стоит отметить проект «МузыкаВместе», который стартовал в 2016 году и действует до сих пор. Цель проекта — наглядно продемонстрировать, как песни способны объединять людей в самых разных уголках нашей страны. Творческая команда, оснащенная необходимым портативным оборудованием, ездит по различным регионам России и записывает исполнение одних и тех же песен музыкантами — как профессионалами, так и любителями. Каждый новый исполнитель привносит в известную композицию что-то своё, присущее самобытности его народа или места проживания. В результате получаются очень яркие, воодушевляющие видеоклипы, которые демонстрируют единство многонационального российского народа через музыку, и снискали значительную популярность как в отечественном интернет-пространстве, так и за его пределами.

Успешная реализация данного проекта демонстрирует положительную тенденцию культурной политики России, которая находит актуальные в настоящее время эффективные механизмы воздействия на формирование мировоззрения граждан, подстегнув правовой нормой творческую инициативу.

Заключение

Представленное исследование позволяет сделать вывод о приоритетном значении культурной политики в вопросах воспитания подрастающего поколения и обеспечения национальной безопасности, поскольку именно через культуру мы в первую очередь осознаем принадлежность к своему народу, его историческому прошлому и будущим перспективам развития. Известный политический деятель В.В. Жириновский в своих выступлениях не раз подчеркивал необходимость популяризации именно нашей истории, нашей литературы, достижений наших героев, а также представителей науки и искусства. Выступал с критикой современной литературы и театра, когда вместо того чтобы рассмотреть вечные проблемы, поставленные классиками, в актуальном времени ракурсе, но с той же степенью глубины и осознанности, деятели искусства занимаются своеобразной симуляцией, обставляя старые сюжеты новыми декорациями, но при этом не добавляя ничего нового к пониманию сути, а скорее упрощая замысел классика, сводя большие смыслы до уровня бездарного анекдота, либо переиначивают «иностранщину» на псевдорусский манер, что подрывает сами основы российской культуры, нивелируя ее самобытность.

В настоящее время практика цензуры, существовавшая в советское время, на данном витке цивилизационного развития нашего государства, в том виде, в котором она существовала, уже не представляется возможной. Хотя, несомненно, задачей государства является ограждение граждан от явных разлагающих и дестабилизирующих общество процессов, толчком к которым может послужить безответственный или изначально злонамеренный творческий продукт. Но диктовать деятелю искусства, как именно нужно действовать и на чем акцентировать в своем творчестве, если он действует в рамках закона, в современных финансово-экономических условиях стало затруднительно. Поэтому создание и успешное функционирование Президентского фонда культурных инициатив на данный момент является оптимальным решением, когда государство выступает не как жесткий диктатор, а в форме эффективного патронажа, поддерживая те творческие идеи, которые могли бы работать на утверждение и популяризацию традиционных ценностей российской цивилизации, способствовать сплоченности нашего общества, его моральному оздоровлению и устремленности к наиболее позитивным сценариям общего развития, и, вполне возможно, что если бы В.В. Жириновский был сейчас жив, он бы со свойственной ему энергией поучаствовал в деятельности этого фонда.

Список литературы

1. *Афанасьева Н.В.* Традиционные ценности как гарант национальной безопасности // Научный альманах Причерноморья. — 2024. — № 10(4). — С. 7–11.
2. *Гилязова О.С.* Традиционные российские ценности: понятия, назначение, достоинства и ограничения // Социально-политические исследования. — 2024. — № 2(23). — С. 27–45.
3. *Еремина Е.А.* Особенности правовой политики государственной поддержки сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей в области культуры // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. — 2025. — Сер. 4: Государство и право. — № 4 — С. 62–76.
4. *Загребин С.С.* Культурная политика как индикатор поиска стратегии общественного развития в современной России // Социум и власть. — 2015. — № 5. — С. 126–131.
5. *Малханов А.Д.* Государственная политика в сфере культуры: основные направления, механизмы реализации, проблемы и перспективы развития / А. Д. Малханов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2026. — № 6(609). — С. 360–365.
6. *Устиленцев К.А.* Традиционные российские духовно-нравственные ценности как объект правового исследования // Право и управление. XXI век. — 2024. — Т. 20. — № 1(70). — С. 44–51.
7. *Ханнанова А.С.* Культурная политика как функция государства // Социально-гуманитарные науки. — 2016. — № 9. — С. 1–10.

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ГЕНЕТИЧЕСКИЙ КОД НАЦИИ: СОХРАНЕНИЕ И ПЕРЕДАЧА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

А.К. Налетов

аспирант,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
nalyotovvv@yandex.com

С.П. Шорохова

кандидат философских наук, доцент

декан факультета международных отношений и геополитики,

зав. кафедрой политических процессов и технологий,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
orator3@yandex.ru

RUSSIAN LANGUAGE AS THE GENETIC CODE OF A NATION: PRESERVATION AND TRANSMISSION OF CULTURAL HERITAGE

A.K. Naletov

Postgraduate student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
nalyotovvv@yandex.com

S.P. Shorokhova

PhD in Philosophy Science, Associate Professor,

Dean of the Faculty of International Relations and Geopolitics,

Head of the Department of Political Processes and Technologies

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
orator3@yandex.ru

Аннотация. В статье развивается представление о том, что язык определенной культуры является ключом к ее пониманию, своеобразным идентификатором или кодом. Очевидно, что народ, нация и государство не существуют без языка или языков, воплощающих национальную культуру и объединяющих людей как этническое и гражданское сообщество. Русский язык не исключение, он является одновременно и фактором, и условием сохранения и распространения российской государственности. Русский язык и его положение, закрепленное в законе страны или региона, относится не только к языковой или культурной сферам, но и к области социальных и политических интересов России. В этом контексте можно считать статус русского языка глобальным культурным кодом, с учетом того, что русский язык входит в состав в число так называемых мировых (глобальных) языков. Подчеркивается, что обеспечение защиты языка и поддержания его статуса — важнейшая задача языковой политики России в современном социо-политическом пространстве.

Ключевые слова: культурный код, русский язык, литература, государственная языковая политика.

Abstract. The article develops the idea that the language of a particular culture is the key to its understanding, a kind of identifier or code. It is evident that a people, a nation, and a state cannot exist without the language or languages that embody national culture and unite people as an ethnic and civic community. The Russian language is no exception; it is both a factor and a condition for the preservation and dissemination of Russian statehood. The Russian language and its status, enshrined in the laws of the country or region, relate not only to the linguistic or cultural spheres but also to the domain of Russia's social and political interests. In this context, the status of the Russian language can be considered a global cultural code, given that Russian is among the so-called world (global) languages. It is emphasized that ensuring the protection of the language and maintaining its status is a crucial task of Russia's language policy in the modern socio-political space.

Key words: cultural code, Russian language, literature, state language policy.

Язык — это код культуры. Всякая культура, как сложная знаковая система, предполагает наличие специфического культурного кода — системы правил, которые преобразуют материальные объекты и идеальные представления в символы. Язык выступает главным средством кодирования, хранения и передачи культурной информации. В лексике, фразеологии, грам-

матике, дискурсивных практиках закрепляются и транслируются базовые концепты, ценностные доминанты и стереотипы поведения, составляющие основу национальной картины мира [1, с. 31–32].

Идея о языке как «генетическом коде» или «духовной ДНК» нации давно перешла из разряда красивой метафоры в категорию рабочей философско-культурологической концепции. Если биологический геном определяет физиологию и биологическую наследственность индивида, то язык — этот самый сложный, саморазвивающийся семиотический организм — формирует коллективное сознание, историческую память, аксиологическую систему и, в конечном итоге, саму судьбу народа. Русский язык в этом контексте предстаёт не просто коммуникативной системой, а фундаментальной матрицей, порождающей и воспроизводящей уникальный культурный космос. Он является главным инструментом смыслопорождения, хранилищем тысячелетнего опыта и одновременно механизмом его трансляции в будущее. Актуальность осмысления этой роли сегодня предельно обострена: человечество вступило в эпоху цифровой цивилизации, характеризующуюся беспрецедентными скоростью коммуникации, глобализацией информационных потоков и мощным давлением на национально-культурные идентичности. В этих условиях вопрос сохранения и передачи культурного наследия, зашифрованного в языковом коде, становится вопросом выживания нации как духовного, а не только политического субъекта.

Структура кода: грамматика, синтаксис и лексика как носители национального мировидения

Чтобы понять, как язык выполняет роль кода, необходимо обратиться к его внутренней архитектуре. Грамматические категории — это не сухие школьные правила, а отлитые в форме законов мысли архетипы национального восприятия мира.

Грамматические формы суть не условные знаки, а органические порождения народного духа. Взяв, к примеру, категорию вида в русском глаголе, мы увидим, что она принуждает мысль к постоянному различению законченности и процесса, целого и частного. Эта форма не существует в сознании как отвлечённое правило, но живёт как сама мысль, направляя её течение. Так грамматика становится судьбой мышления [3, с. 148–149].

Категория вида глагола (совершенный/несовершенный) — это философская концепция времени, воплощённая в морфологии. Она приучает говорящего различать не просто действие и результат, но процессуальность и предельную целостность события. «Я читал книгу» и «Я прочитал книгу» — это два разных взгляда на одно явление, два разных способа его проживания. Такое внимание к процессу отражает созерцательное, аналитическое начало в русском мышлении.

Развитая система падежей, управляющая отношениями между словами, воспитывает тонкое чувство иерархии, связи, принадлежности и направленности. Она создаёт сложную, многомерную картину мира, где каждый элемент находится не в изоляции, а в сети взаимных обязательств и влияний.

Свободный порядок слов, используемый не для грамматики, а для смыслового и эмоционального выделения, делает русскую фразу невероятно гибким инструментом для выражения оттенков чувств, иронии, драматизма. Это — грамматическое отражение душевной подвижности, склонности к эмоциональной оценке.

Лексический пласт — это прямое хранилище исторической памяти. Каждое слово — капсула времени. Древнейший, индоевропейский и праславянский слой («мать», «небо», «дом») содержит базовые, архетипические концепты. Церковнославянизмы («благо», «восторг», «власть») привнесли высокий духовный и книжный регистр, создав дихотомию «возвышенное/бытовое». Тюркизмы («деньги», «товарищ», «карандаш») — следствие многовекового соседства и синтеза культур. Петровские голландизмы и германизмы («флот», «галстук», «лагерь») — маркеры модернизации. Галлицизмы XIX века («будуар», «ансамбль», «жест») — отпечаток культурной ориентации эпохи. Советский период породил свой мощный пласт аббревиатур и неологизмов («комсомол», «колхоз», «спутник»), формировавших новую реальность. Утрата или размывание смысла любого из этих слов ведёт к атрофии связи с соответствующим пластом национального бытия.

Литература как главный механизм репликации и верификации кода

Если повседневная речь — это живое, текучее бытование языка, то литература — его кристаллизованная, отрефлексирующая и возведённая в степень форма. Именно литература взяла на себя в русской культуре роль универсального средства самопознания, суда над действительностью и проектирования идеалов. Она стала тем самым «механизмом репликации», который обеспечивает точную и полную передачу культурного кода от поколения к поколению.

А.С. Пушкин совершил акт гениального синтеза, создав тот самый «эталонный код». Он сблизил книжную и разговорную стихии, обогатил язык невиданной гармонией, гибкостью и психологической точностью. Чтение Пушкина — это не только эстетическое наслаждение, но и бессознательное усвоение нормы, эталона языкового чутья.

Литература «золотого» и «серебряного» веков (Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский, Чехов, Бунин, Ахматова, Цветаева, Пастернак) превратила русский язык в инструмент глубочайшего философского, религиозного и экзистенциального поиска. Проблемы свободы и ответственности, веры и безверия, смысла жизни, добра и зла, «маленького человека» и власти были пропущены через призму художественного слова и стали неотъемлемой частью национального сознания. Язык этих писателей — это код, содержащий не только сюжеты, но и системы ценностей, модели поведения, способы переживания мира.

Школьное изучение литературы — это системная «инициализация» молодого сознания. Это введение его в символический универсум нации, обучение чтению культурных кодов, заложенных в образах Башмачкина, Раскольникова, Болконского, трёх сестёр. Без этого знания невозможно полноценное участие в национальном диалоге, понимание аллюзий, юмора, трагедии, лежащих в основе коллективной психологии.

Современные вызовы: угрозы мутации и размывания кода

Канонические тексты — это «холодная» память культуры. Они кристаллизуют смыслы, останавливают поток интерпретаций, создают фиксированные точки отсчёта... Для таких культур, как русская, где письменная традиция (через церковнославянский и классическую литературу) играла колоссальную цивилизационную роль, текст становится не просто сообщением, а местом памяти (*lieu de m moire*), духовной территорией, на которой происходит самоидентификация нации. Без этой стабилизированной текстовой основы культурный код подвержен быстрому распаду и мутациям [2, с. 171–172].

Современная коммуникативная революция (интернет, мессенджеры) привела к драматическому увеличению скорости речи и радикальному её упрощению. Новые формы письменной речи, имитирующие устную (орфографическая и синтаксическая редукция, эллипсис), ведут к опасному разрыву: поколение, воспитанное на классических текстах, и поколение, мыслящее «цифровым узусом», начинают говорить на разных языках. Культурный код, зашифрованный в сложных синтаксических конструкциях и смысловых нюансах, перестаёт считываться, что грозит фрагментацией единого смыслового пространства нации [4, с. 56–57].

Сегодня процесс передачи и сохранения языкового кода сталкивается с комплексом взаимосвязанных вызовов, ведущих к его опасной эрозии, «мутациям» и фрагментации.

1. Глобализация и «кодовый сдвиг»: Английский язык как лингва франка глобальной науки, бизнеса, цифровых технологий и поп-культуры создаёт ситуацию «диглоссии». Во многих профессиональных и молодёжных сферах мышление и коммуникация осуществляются на английском, а русский используется для бытовых тем. Это ведёт к обеднению терминологических систем, калькированию синтаксических конструкций и, в конечном итоге, к отчуждению целых областей знания от родного языкового контекста.
2. Цифровая коммуникативная революция: Культ скорости, клиповость восприятия, ограниченность формата (твиты, смс, сообщения в мессенджерах) порождают новые языковые формы: эллипсы, эмодзи, пренебрежение к пунктуации, орфографии и синтаксической сложности. Язык рискует превратиться из инструмента тонкой смысловой дифференциации в инструмент быстрой передачи простых сигналов.

3. Внутренняя эрозия и вульгаризация: В публичном пространстве (особенно в медиа и политике) часто культивируется намеренно упрощённая, агрессивная, насыщенная штампами и жаргонизмами речь. Это не только снижает общую речевую культуру, но и уплощает само мышление, делая его бинарным, оценочным, лишённым нюансов.
4. Разрыв поколений и утрата классического культурного багажа: Снижение интереса к чтению сложной литературы, замена её визуальным контентом ведёт к тому, что новые поколения теряют ключи к расшифровке классического культурного кода. Возникает риск ситуации, когда генетический материал есть, но механизмы его «считывания» атрофированы.

Стратегии сохранения:
от личной ответственности до государственной политики

Национальный язык — это не просто один из кодов семиосферы, но её главный автокоммуникационный канал. Через язык культура не только общается с внешним миром, но, что важнее, ведёт диалог сама с собой, переосмысливает и перезаписывает своё прошлое, создавая тем самым непрерывность своего существования во времени. Литературные тексты в этой системе выполняют роль мощных генераторов смысла, которые постоянно актуализируют и перекодируют базовые символы и мифологемы нации [5, с. 165].

Сохранение языка как живого, развивающегося, но не теряющего своей сущности кода требует комплексных усилий на всех уровнях.

- *Личностный уровень.* Осознание каждым носителем языка своей роли не пассивного потребителя, а хранителя и творца. Это предполагает бережное отношение к слову в быту, культуру дискуссии, постоянную работу над расширением собственного лексикона, поддержку качественной современной литературы, театра, кино, где язык остаётся искусством.
- *Образовательный уровень.* Трансформация преподавания русского языка и литературы из системы формальных правил и обязательного списка произведений в увлекательное путешествие по вселенной смыслов. Важно показать язык как живой организм, объяснять историю слов, учить чувствовать его красоту, раскрывать связи между языковыми структурами и способами мышления. Литература должна преподаваться как диалог с современностью, а не как археологический артефакт.
- *Информационно-медийный уровень.* Повышение стандартов речи в СМИ, на телевидении, радио и в цифровых площадках. Поддержка проектов, популяризирующих филологическую науку, лингвистику, этимологию. Развитие качественного контента на русском языке в digital-среде, способного конкурировать с англоязычным по глубине и привлекательности формы.
- *Государственно-общественный уровень.* Формирование последовательной и мудрой языковой политики, направленной не на изоляционизм и пуризм, а на поддержку развития языка в ключевых сферах: науке, образовании, культуре, дипломатии. Это включает финансирование фундаментальных и прикладных лингвистических исследований, поддержку переводческой деятельности (как переводов мировых шедевров на русский, так и переводов русской классики на иностранные языки), защиту языкового пространства как суверенной среды национального бытия.

Русский язык как генетический код — это не реликвия прошлого, а динамичная программа будущего. В его недрах заложен колоссальный творческий потенциал, доказательством чему служит великая литература, философия и научная мысль, порождённые им. Сохранить этот код — значит не законсервировать его, а обеспечить условия для его здоровой, эволюционной, а не революционной мутации, для его обогащения новыми смыслами без утраты связи с корневой системой.

Процесс передачи культурного наследия сегодня — это не линейное движение из прошлого в будущее, а сложный диалог, в котором современность, опираясь на код прошлого, создаёт код для будущего. Пока звучит живое, богатое, точное, способное к философскому полёту и лирическому трепету русское слово — пока мы способны понимать Пушкина и порожд-

дать новые смыслы в контексте цифровой эпохи — жива и нация, её духовный суверенитет и её уникальный вклад в мировую культуру. Забота о языке — это, в конечном счёте, забота о самом качестве человеческого в нас, о нашей способности мыслить, чувствовать и творить на том единственном на свете языке, который для нас является не просто средством общения, но Родиной, вмещённой в речь.

Список литературы

1. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2001.
2. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. — М.: Языки славянской культуры, 2004.
3. *Потебня А.А.* Мысль и язык. — М.: Лабиринт, 1999 (репринт изд. 1862 г.).
4. *Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. — 3-е изд. — М.: АСТ: Corpus, 2021.
5. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. — М.: Языки русской культуры, 1996.
6. *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. — М.: Изд-во МГУ, 1982.
7. *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли // Флоренский П.А. Соч. в 4-х т. — М.: Мысль, 1990.
8. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Академия, 2001.
9. *Ведерникова Э.И.* Русский язык в зеркале культурной истории. — СПб.: СПбГУ, 2014.
10. *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). — 3-е изд. — М.: Аспект Пресс, 2002.
11. *Лихачёв Д.С.* Избранные работы: в 3 т. Т. 3: Раздумья о России. — СПб.: Logos, 2015.
12. *Бочаров С.Г.* Сюжеты русской литературы. — М.: Языки русской культуры, 1999.
13. *Кристал Д.* Интернет-лингвистика. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020.
14. *Гудков Л.Д.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. — М.: Новое литературное обозрение, 2004.
15. *Прохоров Ю.Е., Стернин И.А.* Русские: коммуникативное поведение. — 4-е изд. — М.: Флинта, 2020.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

М.В. Петров

магистр,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

m.v.petrov@uwc-i.ru

Н.А. Чичулин

доктор политических наук, профессор,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

STATE YOUTH POLICY: PROBLEMS, SOLUTIONS, DEVELOPMENT PROSPECTS

M.V. Petrov

Master's degree,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

m.v.petrov@uwc-i.ru

N.A. Chichulin

Doctor of Political Sciences, Professor,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

Аннотация. Слова В.В. Жириновского точно обозначают вызов в сфере работы с молодёжью, признание её динамичного статуса и призыв к системному ответу. Молодёжь сегодня это стратегический ресурс и будущее страны, но одновременно «зыбкая» группа, чья энергия требует направления и интеграции в национальное развитие. В контексте Года празднования, связанного с деятельностью Владимира Жириновского, который уделял значительное внимание работе с молодёжью, его идея о создании специализированного Министерства выступает указанием на необходимость высшего приоритета в этой сфере — концентрации управленческих усилий и ресурсов.

Целью данной научной статьи является анализ современной государственной молодёжной политики Российской Федерации, выявить ключевые проблемы её реализации, предложить обоснованные решения и обозначить перспективные направления развития. Исследование отталкивается от тезиса Жириновского, рассматривая молодёжь как значимый потенциал, требующий продуманной и последовательной государственной стратегии. В работе анализируются:

- текущее состояние молодёжной политики в РФ;
- основные вызовы и системные проблемы в работе с молодёжью;
- возможные институциональные и управленческие решения (в т.ч. идея создания профильного министерства);
- долгосрочные перспективы формирования эффективной молодёжной политики как элемента национальной стратегии развития.

Ключевые слова: государственная молодёжная политика, внутренняя политика, молодёжь, проблемы молодёжной политики, решения в сфере молодёжной политики, национальное развитие, управление молодёжной политикой, Министерство по работе с молодёжью, идеи и прогнозы В. В. Жириновского.

Abstract. V.V. Zhirinovsky's words accurately describe the challenge in working with young people, recognizing their dynamic status and calling for a systematic response. Today, young people are a strategic resource and the future of the country, but they are also a «fragile» group whose energy requires direction and integration into national development. In the context of the Year of Celebration dedicated to Vladimir Zhirinovsky, who placed significant emphasis on working with young people, his idea of establishing a specialized Ministry highlights the need for a top priority in this area — the concentration of management efforts and resources.

The purpose of this scientific article is to analyze the current state youth policy of the Russian Federation, identify the key problems of its implementation, propose reasonable solutions, and identify promising areas of development. The study is based on Zhirinovsky's thesis, which considers young people as a significant potential that requires a well-thought-out and consistent government policy state strategy. The work analyzes:

- the current state of youth policy in the Russian Federation;
- the main challenges and systemic problems in working with young people;

- possible institutional and managerial solutions (including the idea of creating a specialized ministry);
- long-term prospects for developing an effective youth policy as an element of the national development strategy.

Key words: state youth policy, domestic policy, youth, youth policy problems, youth policy solutions, national development, youth policy management, Ministry of Youth Affairs, ideas and forecasts by V. V. Zhirinovskiy.

Министерство по делам молодёжи, я считаю, что надо создать. Молодёжь — очень зыбкая часть общества. Они хорошие, но они неустойчивые, они любят всё другое¹.

В.В. Жириновский,
на встрече Президента РФ Владимира Путина
с руководителями фракций ГД ФС РФ 17.02.2021 г.

Молодежная политика — система мер по установлению и поддержанию общественного статуса подрастающего поколения. В России её реализуют в сложных условиях. Возраст молодёжи — 14–35 лет. В Российской Федерации она находится в стадии активного развития и реализуется в сложных экономических и социальных условиях. Возраст российской молодёжи считается 14–35 лет, но границы размыты и подвижны².

Согласно Федеральному закону № 489, молодежная политика — это комплекс мер, направленных на создание условий для развития и самореализации молодежи, её гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание для достижения устойчивого развития и национальной безопасности³. Сущность молодежной политики, рассматриваемой в контексте государственного управления, характеризуется концептуальной многозначностью.

Государственная молодежная политика представляет собой сложный синтез управления и партнерства, где Правительство пытается направить стихийную энергию нового поколения в русло общественного развития. Для понимания ее современного состояния необходимо обратиться к теоретическим основаниям, историческому контексту и нормативной эволюции, которые в России имели свою уникальную траекторию.

В контексте государственной политики молодёжь традиционно выступает в двух ключевых ипостасях: как **объект** и как **субъект**⁴.

В государственной политике молодёжь выступает в двух ипостасях:

Как **объект** — группа, требующая защиты, поддержки и формирования. Государство стремится оградить её от деструктивных влияний, обеспечить ресурсами и воспитать лояльного гражданина. Риск — патернализм, подавление инициативы.

Как **субъект** — активный творец жизни и агент социальных изменений, источник инноваций. Задача государства — создавать инфраструктуру возможностей и вовлекать в принятие решений.

Сам Жириновский, выступая за активную роль государства, критиковал упрощённый «объектный» подход. Он резко отрицательно высказывался о механическом квотировании мест для молодёжи во властных структурах, видя в этом путь к снижению качества управления. Его позиция: истинная поддержка — в создании условий для естественного роста, а не в раздаче «портфелей»⁵.

¹ Встреча Владимира Путина с руководителями фракций Госдумы. Стенограмма // Российская Газета. — URL: https://rg.ru/2021/02/17/vstrecha-vladimira-putina-s-rukovoditeliami-frakcij-gosdumy-stenogramma.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.

² Социологический словарь: МОЛОДЕЖЬ // Большой толковый социологический словарь. — URL: <https://gufo.me/dict/social/МОЛОДЕЖЬ>.

³ Закон Российской Федерации «Федеральный закон “О молодежной политике в Российской Федерации”» от 30 декабря 2020 № № 489 // Официальный интернет-портал правовой информации. — 2020 г. — Ст. 2.

⁴ Хренников В.Д. Молодёжная политика в России: особенности статуса молодёжи // Стратегии исследования в общественных и гуманитарных науках : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 января 2022 г. — Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2022. — С. 59–61.

⁵ Владимир Жириновский: Никогда не искал себе учителя и наставника // Комсомольская правда. — URL: <https://www.kp.ru/daily/26761.4/3791678/>.

Современный тренд смещается к политике вместе с молодёжью. Идея Министерства может трактоваться как призыв к созданию института-партнёра, работающего на раскрытие потенциала молодёжи как субъекта развития.

Обратимся к практике «молодежного парламентаризма», несмотря на создание в России разветвленной сети молодежных парламентов, советов и палат на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, их практическая эффективность и способность быть реальными каналами влияния молодежи на принятие решений вызывает серьезные сомнения. Анализ их деятельности позволяет выявить системные проблемы, превращающие эти институты из инструментов субъектности в элементы «декоративной демократии». Ключевой недостаток — это сугубо совещательный, часто де-факто декоративный статус данных структур. Молодежные парламенты не обладают правом *veto* или даже обязательностью рассмотрения их заключений органами власти.

Их основная функция зачастую сводится к организации мероприятий, акций и форумов, что, безусловно, полезно для социализации молодежи, но не меняет политической или социальной реальности. Они имитируют вовлеченность, создавая видимость диалога, при этом реальные рычаги влияния на бюджеты, программы или законы остаются в руках «взрослых» административных и политических структур. Подавляющее большинство молодежных палат и парламентов созданы *при*- и жестко подчинены действующим органам власти (законодательным собраниям, мэриям, районным управам).

Например, любая молодежная палата в Москве административно и финансово зависит от районной Управы. Это порождает системное противоречие: структура, призванная представлять интересы молодежи перед властью, сама является ее подразделением. В таких условиях палата не может быть независимой площадкой для критики или альтернативных предложений. Её повестка, состав и ключевые инициативы неизбежно проходят фильтр и получают «одобрение» курирующего органа Управы или же центра молодежного парламентаризма, чтобы стать руководителем молодежной палаты или же членом этой самой палаты необходимо быть «утвержденным» в центре молодежного парламентаризма или в Управе.

Как показывает практика — это создает систему, где молодежный парламент становится не представителем всего спектра молодежных интересов, а «молодежным крылом» местной администрации или правящей партии, что полностью нивелирует его представительную функцию. Это превращает молодежный парламентаризм в школу лояльности, а не в школу реального гражданского действия.

Создание реального министерства по делам молодежи смогло бы несколько изменить действующую структуру, поднять престижность и влияние молодежных объединений.

Одним из примеров нарушения равенства возможностей является практика распределения грантов, например грантов Мэра Москвы. Формально открытый конкурс на деле может иметь скрытые фильтры. Показательна ситуация, когда студент государственного вуза имеет все шансы на поддержку, в то время как студент университета (или иной общественной структуры), учредителем которого является политическая сила, может столкнуться с отказом в рассмотрении его заявки на этапе формирования заявки, вне зависимости от социальной полезности самого проекта.

Что действительно является дискриминацией по идеологическому и политическому признаку, которая противоречит конституционным принципам и духу молодежной политики, ориентированной на поддержку талантов. *«Глава 3 «Требования к участникам конкурса», п.п.3.1.3 «Отсутствие политических партий среди учредителей соискателя гранта»⁶.*

Таким образом, существующая модель молодежных парламентов и палат в ее массовом воплощении страдает от фундаментальных пороков: имитации и зависимости. Она воспроизводит административную вертикаль внутри молодежной среды, гася независимую инициативу и создавая класс «молодых бюрократов». Но не будем на этом останавливаться.

Молодёжь — это электоральный ресурс будущего, фактор общественной стабильности или же протестного потенциала. Её политическая апатия или мобилизация могут определять

⁶ Постановление Правительства Москвы от 09.04.2018 № 279-ПП, редакция действует с 11 марта 2025 // URL: <https://www.arbitr-praktika.ru/npd/doc/docid/557087536/modid/80>.

долгосрочные траектории развития государства. Поэтому эффективная государственная молодежная политика — это не просто социальная сфера, а вопрос национальной безопасности и стратегического планирования, требующий сбалансированного сочетания защиты (объектный подход) и доверия (субъектный подход).

В заключении хотелось бы отметить ключевые тезисы работы: Государственная молодежная политика — комплекс мер для создания условий развития молодежи в интересах личности, общества и государства. Акцент должен делаться на активной роли молодежи как субъекта.

Эффективность молодежной политики для национальной безопасности и иных сфер государственного управления, определяется способностью формировать гражданскую идентичность, патриотизм и стимулировать участие в развитии страны. Современные вызовы требуют комплексного ответа, где молодежная политика играет ключевую роль.

Из работы стоит выделить основные рекомендации по совершенствованию работы с молодежью.

1. *Использование современных технологий*

Необходимо задействовать социальные сети и онлайн-платформы для обеспечения налаженной коммуникации с молодежью. Это поможет повысить доступность информации о молодежной политике и расширить возможности для участия молодежи в обсуждениях и инициативах. Следовать принципу «не запрещать, а разрешать», естественно в рамках разумного.

2. *Совершенствование законодательства в сфере молодежной политики*

Разработка законодательных основ, касающихся молодежного волонтерства, занятости и предпринимательства, что создаст правовые рамки для активного участия молодежи в этих сферах, возможное создание Министерства по делам молодежи.

3. *Развитие взаимодействия государственных и негосударственных организаций*

Введение норм, регулирующих область деятельности каждого типа организации, а также систематический мониторинг и оценка результатов их работы.

4. *Создание «реальных», а не мнимых молодежных организаций:*

Формирование организаций, которые учитывают мнение различных групп молодежи и представляют их интересы. Важно обеспечить, чтобы эти организации не были мнимыми, а действовали как настоящие платформы для обсуждения и реализации молодежной политики.

Такой подход способствует формированию ответственного и активного поколения, способного влиять на развитие общества.

Библиографический список

I. Нормативные правовые акты

1. Закон Российской Федерации «Федеральный закон “О молодежной политике в Российской Федерации”» от 30 декабря 2020 № № 489 // Официальный интернет-портал правовой информации. — 2020. — Ст. 2.
2. Постановление Правительства Москвы от 09.04.2018 № 279-ПП, редакция действует с 11 марта 2025 // URL: <https://www.arbitr-praktika.ru/npd/doc/docid/557087536/modid/80>.

II. Научная, учебная и специальная литература

1. Хренников В.Д. Молодёжная политика в России: особенности статуса молодёжи // Стратегии исследования в общественных и гуманитарных науках: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 января 2022г. — Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2022. — С. 59–61.

III. Информационные источники

1. Владимир Жириновский: Никогда не искал себе учителя и наставника // Комсомольская правда. — URL: <https://www.kp.ru/daily/26761.4/3791678/>.
2. Встреча Владимира Путина с руководителями фракций Госдумы. Стенограмма // Российская Газета. — URL: https://rg.ru/2021/02/17/vstrecha-vladimira-putina-s-rukovoditeliami-frakcij-gosdumy-stenogramma.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.
3. Социологический словарь МОЛОДЕЖЬ // Большой толковый социологический словарь. — URL: <https://gufo.me/dict/social/МОЛОДЕЖЬ>.

ЛДПР НА СТРАЖЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М.В. Старостин

студент,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

mikhail-staros@yandex.ru

Н.А. Чичулин

профессор, доктор политических наук,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

LDPR GUARDS THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

M.V. Starostin

Student,

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow

mikhail-staros@yandex.ru

N.A. Chichulin

Doctor of Political Sciences, Professor,

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow

Аннотация. Статья посвящена вопросам обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в современных геополитических условиях, когда международная политическая система переживает период глобальной перестройки. Появление новых глобальных и региональных стран-лидеров, стремление стран Запада сохранить свою гегемонию ставят перед нашей страной приоритетные задачи: сохранение суверенитета государства, самобытной культуры и цивилизационной модели. Степень угрозы национальной безопасности России достаточно высока, о чем красноречиво свидетельствуют события как внутри страны, так и на международной арене. Главным условием в общей деятельности государства по обеспечению национальной безопасности на сегодняшний день являются навыки прогнозирования и абсолютный анализ угроз национальной безопасности во всех областях. Главной целью партии ЛДПР всегда было укрепление российской государственности, забота о национальной безопасности РФ. Особенно это касается ситуации на международной арене, где исторические события тесно переплетаются с настоящими и определяют будущий вектор развития геополитических процессов.

Ключевые слова: Российская Федерация, ЛДПР, национальная безопасность, международные отношения, Запад, геополитические факторы.

Abstract. The article is devoted to the issues of ensuring the national security of the Russian Federation in modern geopolitical conditions, when the international political system is undergoing a period of global restructuring. The emergence of new global and regional leading countries and the desire of Western countries to maintain their hegemony set priorities for our country: preserving the sovereignty of the state, its distinctive culture and civilizational model. The degree of threat to Russia's national security is quite high, as eloquently evidenced by events both domestically and internationally. The main condition in the overall activity of the state to ensure national security today is forecasting skills and an absolute analysis of threats to national security in all areas. The main goal of the LDPR party has always been to strengthen Russian statehood and take care of the national security of the Russian Federation. This is especially true of the situation in the international arena, where historical events are closely intertwined with the present and determine the future vector of development of geopolitical processes.

Key words: Russian Federation, LDPR, national security, international relations, the West, geopolitical factors.

В современных геополитических условиях вопросы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации являются приоритетными, связаны с сохранением суверенитета государства, самобытной культуры и цивилизационной модели. Национальная безопасность Российской Федерации — состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир

и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны [6].

Система национальной безопасности России, как и любого другого государства, определяется ее геополитическим положением, совокупным влиянием групп объективных и субъективных геополитических факторов, характером геополитических процессов формирования геополитической структуры мира [4]. Современная международная политическая система переживает период глобальной перестройки. Появление новых глобальных и региональных стран-лидеров, увеличение количества центров мирового экономического и политического развития, стремление стран Запада сохранить свою гегемонию — приводят к изменению структуры мирового порядка. Данные изменения сопровождаются усилением межгосударственных противоречий, ослаблением влияния международных институтов и снижением эффективности системы глобальной безопасности. Попытки разрешить нарастающие межгосударственные противоречия приводят к поиску внутренних и внешних врагов, росту радикальных и экстремистских настроений, к разрушению экономики, традиционных ценностей и игнорированию основных прав и свобод человека [6]. Степень угрозы национальной безопасности России достаточно высока, о чем красноречиво свидетельствуют события как внутри страны, так и на международной арене. К современным угрозам относят: терроризм, нестабильное состояние экономики (в сфере экономики угрозы имеют комплексный характер и характеризуются существенным сокращением внутреннего валового продукта, снижением инвестиционной, инновационной активности и научно-технического потенциала, снижением уровня аграрного сектора, преобладанием в экспорте топливно-энергетических компонентов), высокий уровень коррупции, наметившиеся тенденции к размещению около границ России военных сил иностранных государств, дифференциация уровня жизни населения и т.д. [5, с. 63].

Главным условием в общей деятельности государства по обеспечению национальной безопасности на сегодняшний день являются навыки прогнозирования и абсолютный анализ угроз национальной безопасности во всех областях. Особенно это касается ситуации на международной арене, где исторические события тесно переплетаются с настоящими и определяют будущий вектор развития геополитических процессов.

Отмена конституционного положения о руководящей роли КПСС в 1990 году позволила выйти на политическую арену молодым оппозиционным партиям. В борьбу за избирателей вступила Либерально-демократическая партия Советского Союза (ЛДПСС), которая в 1992 году была преобразована в Либерально-демократическую партию России (ЛДПР). ЛДПР под руководством В.В. Жириновского стала одним из столпов многопартийной политической системы России, обеспечивая себе непрерывное парламентское представительство на протяжении всей истории современной России. Главной целью партии всегда было укрепление российской государственности, забота о национальной безопасности РФ. В программных документах ЛДПР прослеживалась идея сильного государства, которое станет залогом духовного единства всей страны, сможет обеспечить достойный уровень жизни своему населению, соблюдение прав и свобод каждого человека в отдельности [10, с. 139].

Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) СССР был создан во время политического кризиса в стране в ночь с 18 на 19 августа 1991 года представителями высшего руководства государства. Основная цель членов ГКЧП и их сторонников заключалась в том, чтобы не допустить ликвидации СССР, которая, по их мнению, должна была начаться 20 августа во время подписания Союзного договора. Согласно договору, СССР должен был трансформироваться в федерацию. Новое федеративное государство предполагалось назвать Союзом Суверенных Советских Республик, с прежней аббревиатурой — СССР. ЛДПСС публично поддержала Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР — советское правительство, которое пыталось предотвратить распад страны.

В декабре 1991 года ЛДПСС осуждает Беловежские соглашения и проводит митинги против развала СССР. Жириновский смог проанализировать политическую ситуацию в стране на тот момент и сделать прогнозы дальнейшего развития событий. Парад суверенитетов, Беловежские соглашения. Драматическими итогами данных соглашений стали политическая дезинтеграция институтов власти, как в России, так и на постсоветском пространстве, эконо-

мическая разруха, нищета миллионов соотечественников, межэтнические конфликты и гуманитарная миграционная катастрофа 90-х г. Беловежские соглашения — это не что иное, как предательство партийной верхушки и самого Горбачева, попавшего под влияние Запада. Последствия событий того времени нашли отражение в современной политической ситуации в мире. «И шел сценарий — за счет русских везде освободить власть для национальных меньшинств, передать им власть, создать независимые государства, а потом ненависть к русским перебросить уже внутри России. И началась внутренняя миграция — с Северного Кавказа русских выдавили, из Средней Азии, из Закавказья, с той же Украины, Молдавии и т.д. И это продолжается до сегодняшнего дня» — таково было мнение Владимира Вольфовича Жириновского [8]. Уникальный талант политика — умение анализировать политическую и экономическую ситуацию в стране и мире и делать фантастически точные прогнозы развития событий. В выступлении в Совете Европе в 1999 году Жириновский высказался о расширении НАТО на Восток: «У НАТО нет других планов, кроме ведения войны, главная цель — война с Россией, но напрямую они боятся, поэтому будут бомбить по периферии, Кавказ, Балканы, Ближний Восток, напрямую они не пойдут, но будут прижимать через Украину, через Белоруссию, через Прибалтику, через Кавказ... НАТО будет двигаться на восток» [1]. Сбылся и прогноз 2008 года: «Идеальный вариант для Грузии и для Украины был бы оставаться нейтральными странами и иметь хорошие дружеские отношения с Россией. Россия никогда не будет вводить войска на Украину, но, если кто-то попытается втянуть Украину в НАТО и население выступит против, а над ними будут издеваться, если кто-то будет бомбить Луганск, Донецк, — мы защитим эти города. У России есть концепция национальной безопасности. Там четко написано, весь мир знает, что в случае угрозы для России в любой точке планеты мы имеем полное право нанести превентивный удар» [1]. В 2022 г. Россия начала специальную военную операцию на Украине, которая стала новой отправной точкой в мировой истории. ЛДПР поднимала важные вопросы: о Крыме, об Украине, поддерживала независимость Абхазии, южной Осетии, поддерживали Югославию, Багдад, Триполи, Дамаск на востоке.

Идеологические, религиозные, политические отличия отдельных стран не влияют на общий вектор внешней политики Запада. Несмотря на так называемую демократию, коллективный Запад не настроен на диалог, на поиск компромисса. Экспансия происходит как силовым путём, так и идеологическим, который ЛДПР оценивает как более разрушительный [11, с. 126]. Информационное воздействие, направленное на подрыв духовного потенциала России, наряду с экономическими рычагами давления, является оружием коллективного Запада, стремящегося любыми силами удержать свое ускользающее лидерство на мировой арене. Экономический эффект для России этих санкций оказался куда менее того, на что рассчитывали их организаторы, однако возникли определенные проблемы и трудности для экономического развития страны вследствие этих санкций. Для укрепления роли Российской Федерации как одного из влиятельных центров на международной арене необходимо особое внимание следует уделить угрозам в духовно-нравственной сфере: доминирование в общественном сознании прагматических ценностей; существенное снижение значимости жизненных, мировоззренческих и общественных ценностей; снижение уровня общественной нравственности и морально-этических норм; снижение общего уровня культуры. В духовной сфере главным условием обеспечения национальной безопасности должно стать формирование национальной идеи, объединяющей народы России в их усилиях по достижению достойного будущего для себя и своих потомков.

ЛДПР и Жириновский в глазах людей стали символом защиты Русского мира. «Я буду защищать русских!» — с таким лозунгом основатель ЛДПР пошел на свои первые выборы. Русские составляют 80% населения страны. И в этом нет ущемления чьих-либо прав. Каждый из народов Российской Федерации находит свое достойное место и может реализоваться только в большой равноправной семье народов, где государствообразующим является великий русский народ [9]. Русский — это вопрос не крови или территории, а духа, который объединяет людей на основе общих ценностей. Главными идеями российской культуры всегда выступал и духовные ценности, коллективизм, религиозность, труд, справедливость, свободолюбие, любовь к земле, любовь к женщине — матери и супруге, любовь и служение Отчизне. ЛДПР готова поддерживать и продвигать патриотическую повестку во всех ее формах и взять

на себя роль политической силы — хранительницы русского культурного кода. Для этого надо навсегда избавиться от чуждых культурных и общественных шаблонов (Коллективный Запад). Именно духовность и вера привлекают к России внимание, вера как осознанный выбор человека Русского мира. Человека, который ставит духовные ценности выше материальных и стремится жить в соответствии с ними [9].

ЛДПР всегда вставала на защиту национальных интересов РФ. При прямом воздействии партии было принято около 500 законов. При активном участии ЛДПР Дума приняла несколько резонансных законопроектов, которые затем стали законами: о включении Крыма в состав России, о запрете чиновникам иметь счета за границей, о запрете усыновлять детей из России иностранцами, о признании иностранными агентами политических НКО, поддерживаемых за рубежом и другие. Защита национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз требовала порой жестких и непопулярных решений. В декабре 1994 года ЛДПР поддержала попытку правительства вооруженным путем восстановить контроль федеральных органов власти над Чечней, при том, что большинство депутатов дружно ее осудили. В июле 1995 года ЛДПР осудила мирные переговоры с чеченским руководством и выступила за возобновление полномасштабных военных действий [3, с.330].

ЛДПР под руководством Эдуарда Леонидовича Слуцкого выступает за укрепление российской государственности. 21 февраля 2024 г. Эдуард Слуцкий представил свою предвыборную программу кандидата на пост Президента Российской Федерации с названием «Дело Жириновского живёт!». Как в предвыборной программе Слуцкого, так и в программе ЛДПР значительное место уделено таким вопросам, как отстаивание интересов русского народа и других народов России; защита интересов Русского мира; возвращение в состав России территорий бывшего СССР мирным путём; централизация страны, укрупнение регионов, переход от федеративной модели государственного устройства к унитарной [2, с. 15–16].

Также ЛДПР настаивает на усилении мер по защите национальной безопасности. С каждым годом уровень миграции в Россию только увеличивается, нарастает этническая преступность и национальная напряженность. За первые три месяца 2025 года число преступлений, совершенных мигрантами, выросло на 15% (12 440 противоправных деяний), а террористическая активность выросла в 2,7 раза, 65% тяжких преступлений касаются оборота наркотиков. В Обнинске 9 мая юные мигранты осквернили символ Великой Победы. Всю страну облетело видео, на котором школьники-вандалы срывают и топчут Георгиевский флаг на площади. Такой экстремистский поступок сложно понять, а уж тем более простить. Заметьте, что сделано все это было демонстративно, да еще и в День Победы. Школьники и воспитывающие их родители продемонстрировали россиянам свое истинное отношение к нашим ценностям, традициям и законам [12]. *Фракция ЛДПР в ГД, возглавляемая Леонидом Слуцким, инициировала разработку законопроекта, предусматривающего бессрочный запрет на въезд в Россию для иностранных граждан, имеющих уголовное прошлое.* Партия настаивает на том, что иностранным гражданам и лицам без гражданства, имеющим судимость за тяжкие или особо тяжкие преступления, следует пожизненно запретить въезд в Россию. Данная инициатива является важным и своевременным шагом, направленным на защиту интересов российских граждан и укрепление национальной безопасности. Позволит создать дополнительные барьеры на пути преступности и повысит уровень защищенности населения [7].

С момента своего возникновения и по настоящее время ЛДПР: выступает за укрепление российской государственности; встает на защиту национальных интересов РФ на законодательном уровне, настаивает на усилении мер по защите национальной безопасности; стремится сохранить русскую культуру и духовность, продвигает патриотическую повестку во всех ее формах. Следует акцентировать внимание на том, что ЛДПР — единственная партия РФ, которая всегда остро чувствовала противостояние России и Запада, смогла предсказать многие события современной истории. Поиск собственного пути геополитического развития, определение направлений реализации национальных интересов являются для Российской Федерации приоритетной задачей на ближайшую и среднесрочную перспективу. Сейчас как никогда необходимо отстаивать национальные интересы России перед казавшейся непобедимой гегемонией Запада. За свои идеи 16 декабря 2022 года ЛДПР наряду с другими партиями РФ была внесена в санкционный список Евросоюза. Подвести итог многолетней работы ЛДПР на по-

литической арене страны я хотел бы словами В.В. Жириновского из обращения к гражданам России: «Одна страна, одно знамя, один гимн! Один закон — для всех! Одно гражданство — российское! Один государственный язык — русский! Одна клятва — на верность России!».

Список литературы

1. *Юрьев В.* «Вы почувствуете в 4 утра». Какие прогнозы Владимира Жириновского сбылись // Аргументы и Факты. — 06.04.2022. — URL: https://aif.ru/politics/russia/vy_pochuvstvujete_v_4_utra_kakie_proгноzy_vladimira_zhirinovskogo_sbylis (дата обращения: 07.03.2026).
2. *Внук В.К.* Сравнительный анализ предвыборных программ ЛДПР на выборах 2021 г. и Л.Э. Слуцкого на выборах 2024 г. // Политика и общество. — 2025 — № 1. — С.19–24.
3. *Данилин П.* Партийная система современной России. — М., 2015. — 400 с.
4. *Калюжный В.* Национальная безопасность как фактор развития России // Ориентир. — 30.07.2014. — URL: <https://orientir.milportal.ru/natsional-naya-bezopasnost-kak-faktor-razvitiya-rossii/> (дата обращения: 13.03.2026).
5. *Конкин В.С.* Национальная безопасность современной России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2012. — № 6. — С. 60–63.
6. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»
7. ЛДПР настаивает на усилении мер по защите национальной безопасности. — 02.02.2026 // URL: <https://ldpr.ru/event/ldpr-nastaivaet-na-usilenii-mer-po-zashchite-natsionalnoy-bezopasnosti/> (дата обращения: 07.03.2026).
8. *Панкин И., Пряников П.* Владимир Жириновский: День, когда ГКЧП взял власть, был самым радостным в моей жизни // Комсомольская правда. — 21.08.2019. — URL: <https://www.kp.ru/daily/27018/4081022/> (дата обращения: 12.03.2026).
9. *Слуцкий Л.* ЛДПР продолжает борьбу // Парламентская газета. — 31.03.2025. — URL: <https://www.pnp.ru/politics/ldpr-prodolzhaet-borbu.html> (дата обращения: 07.03.2026).
10. *Субботина И.А., Давыдова Е.А.* Политическая программа ЛДПР на современном этапе // Приволжский научный вестник. — 2015. — № 12. — С. 137–139.
11. *Тимшина Е.Л.* Особенности исторической политики ЛДПР // Исторический журнал: научные исследования. — 2023. — № 1. — С. 126–139.
12. *Черненко Н.* Количество преступлений среди мигрантов выросло на 15% с начала года // Коммерсантъ. — 20.05.2025. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7736264> (дата обращения: 07.03.2026).

РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ НАЧАЛА 2026 ГОДА

А.Ю. Фофанов

руководитель Молодёжной научно-исследовательской школы «Инициатива»
при Российском Институте общественных наук, Киров
sasha.fofanov.12@mail.ru

THE RUSSIAN-UKRAINIAN CONFLICT IN THE LIGHT OF INTERNATIONAL LEGAL ACTS OF THE BEGINNING OF 2026

A.Yu. Fofanov

Head of the Initiative Youth Research School
at the Russian Institute of Social Sciences, Kirov
sasha.fofanov.12@mail.ru

Аннотация. Статья рассматривает ситуацию, связанную с российско-украинским конфликтом (Специальной Военной Операцией на Украине), в свете нормативно-правовых актов января-февраля 2026 года и анализирует возможные геополитические последствия настоящих событий. В статье приведены комментарии текстам Парижской декларации «Коалиции желающих» «Надёжные гарантии безопасности для прочного и долгосрочного мира на Украине», подписанной 6 января 2026 года лидерами ряда европейских держав, а также Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Поддержание прочного мира на Украине», подписанной 18 февраля 2026 года по результатам заседания Одиннадцатой чрезвычайной сессии. Особое внимание уделено реакции США и Европы, чьи позиции играют решающую роль в развитии конфликта. В результате, автор приходит к выводу, что происходящие действия направлены на милитаризацию Украины и срыв планов РФ по обеспечению государственной безопасности.

Ключевые слова: российско-украинский конфликт, международные нормативно-правовые акты, Парижская декларация, «Коалиция желающих», милитаризация Украины, военные базы, обеспечение национальной безопасности, резолюция ООН.

Abstract. The article examines the situation related to the Russian-Ukrainian conflict (the Special Military Operation in Ukraine) in light of the legal acts issued in January-February 2026, and analyzes the possible geopolitical consequences of these events. The article provides comments on the texts of the Paris Declaration of the “Coalition of the Willing” “Reliable Security Guarantees for a Sustainable and Long-Term Peace in Ukraine”, signed on January 6, 2026, by the leaders of several European countries, as well as the UN General Assembly Resolution «Maintaining a Sustainable Peace in Ukraine», signed on February 18, 2026, following the Eleventh Emergency Session. Special attention is given to the reactions of the United States and Europe, whose positions play a crucial role in the development of the conflict. As a result, the author concludes that the ongoing actions are aimed at militarizing Ukraine and disrupting Russia’s plans to ensure national security.

Key words: Russian-Ukrainian conflict, international legal acts, Paris Declaration, “Coalition of Willing”, militarization of Ukraine, military bases, national security, UN resolution.

Специальная военная операция (СВО), начатая в феврале 2022 года, продолжает оставаться предметом пристального внимания мирового сообщества и вызывает широкий спектр правовых вопросов [1]. В начале 2026 года в свет вышли несколько международных нормативно-правовых актов, а именно декларация «Коалиции желающих» «Надёжные гарантии безопасности для прочного и долгосрочного мира на Украине» и резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Поддержание прочного мира на Украине», направленных непосредственно на регулирование действий России и Украины в данной ситуации, тем самым международная практика продемонстрировала ряд ключевых тенденций и подходов, влияющих на развитие правового поля вокруг этой операции.

На фоне глобализации и интеграции норм международного права, тема легитимации специальных операций приобретает особую значимость. Анализируя ситуацию через призму

действующих международных соглашений и принципов, мы можем выделить несколько аспектов, имеющих важное значение для понимания правовой природы СВО [2].

По сути, декларация о развёртывании многонациональных войск на Украине, подписанная 6 января 2026 года по итогам заседания «Коалиции желающих» (союз, объединяющий более 30 стран, в основном, европейских союзников Украины, готовых участвовать в возможной «миротворческой миссии» и гарантиях безопасности для Киева после заключения российско-украинского мирного соглашения) президентом Украины В.А. Зеленским, президентом Франции Э. Макроном и премьер-министром Великобритании К. Стармлером, является уже не политическим заявлением, а юридически обязывающим с точки зрения международного права документом, который поставил Россию перед следующим выбором: или ей придётся признать покровительство Европы над Украиной и продолжать вести переговоры, согласившись с поставленными «Коалицией желающих» условиями, или продолжить вооружённый конфликт с Украиной, приняв к сведению риск вовлечения европейских держав. Нам стоит понять, что заявления российских властей о нашем отрицательном мнении относительно размещения иностранных военных баз и войск на территории Республики Украина не представляют важности для стран-оппонентов. Единственным «арбитром» во всей геополитической игре является президент США Дональд Трамп, каждая из сторон пытается убедить его принять себе выгодную позицию. Истинной проблемой для России является то, что представитель США на заседании «Коалиции желающих» Стив Уиткофф довольно позитивно высказался об итогах настоящей встречи, в частности, и о декларации намерений⁷. На заседании «Коалиции» прозвучала речь британского премьер-министра, он говорил о создании на территории Украины военных баз. Помимо Кира Стармлера идею поддерживали канцлер Федеративной Республики Германия Фридрих Мерц и многие другие⁸.

Возможно, придётся столкнуться с мнением, что размещение на Украине неких «military hubs» не приведёт к каким-либо геополитическим последствиям. Однако подобного рода гипотезы являются заведомо ошибочными. Существует устойчивая позиция Кремля, формировавшаяся на протяжении нескольких лет, согласно которой подобные действия приводят к милитаризации Украины и к дальнейшему разжиганию войны, а Россия будет делать всё возможное, чтобы не допустить размещения иностранных войск на территории государства-оппонента [7]. Если всё же на Украине появятся европейские военные базы, то они будут считаться законной военной целью. В качестве геополитического сравнения, представим следующую модель. Известно, что в течении последнего десятилетия у Трампа были весьма непростые отношения с Мексикой и её народом, начиная с первого президентского срока (2017–2021). Стоит предположить, что военные действия США против Мексики не исключены [8]. В случае начала американо-мексиканской войны, гипотетически, ряд государств, в числе которых Китай, Россия и Иран, примут решение разместить на территории Мексики свои войска. Ситуация совершенна зеркальна. В случае возможного присоединения нейтральных стран-соседей (например, Канада) во враждебный США альянс, для них это обернётся многочисленными кризисами, в том числе социальными и экономическими, например, санкционным.

С определённой уверенностью можно сказать, что размещение на украинской территории на украинской территории европейских военных баз является прямой угрозой национальной (государственной) безопасности России. На данный момент одной из основных целей Европы стало принятие Россией сложившейся ситуации и подписание мирного договора для выгодных европейским странам условиям. Возможно предположить, что задачей подписания декларации стало обеспечение безопасности Украины и государств Европы в долгосрочной перспективе. Следует отметить, что данная задача реализуется на протяжении уже нескольких лет, следствием чего стало вступление Финляндии в НАТО в апреле 2023 года, многочисленные экономические проблемы, вызванные санкциями [3]. Интересно, что Китай стал бенефициаром конфликта. Россия находится в сильной экономической зависимости от КНР

⁷ Медведчук: Парижская декларация продвинула мир к третьей мировой войне // URL: https://rg.ru/2026/01/07/medvedchuk-parizhskaia-deklaraciia-prodvinula-mir-k-tretej-mirovoj-vojne.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 11.03.2026).

⁸ Там же.

и Республики Индия, так как уже не может сохранять баланс между Европой и Азией относительно поставок нефти и газа [5].

Лидеры европейских государств активно выступают с заявлениями, подобными речи Э. Макрона. Президент Франции сообщил, что Турция готова взять на себя ответственность за морские вопросы безопасности в Чёрном море⁹. Собственно, подобные утверждения несут в себе лишь несколько целей:

- 1) сорвать переговорный процесс или убедить Россию согласиться с покровительством Европы над Украиной, тем самым согласиться с ухудшением своих геополитических позиций по отношению к первоначальным;
- 2) склонить США на сторону Европы на фоне «куража Трампа».

Действительно, эйфория у Трампа присутствует. Свидетельством этого стало заявление американского президента Д. Кушнера, который на фоне выступления европейских лидеров выразил своё мнение о том, что мир находится на важном этапе на пути заключения мирного соглашения, и благодарность ВС США в связи с организованной на прошлой неделе спецоперацией, убедив, что это не предел возможностей американской армии. Таким образом, Кушнер прямо намекнул на похищение президента Венесуэлы Н. Мадуро, подсказав, что подобное может произойти с каждым из враждебных стран США стран [4].

Для детального понимания контекста происходящих событий стоит разобрать текст происходящих событий стоит разобрать текст декларации, названной «Надёжные гарантии безопасности для прочного и долгосрочного мира на Украине». Члены «Коалиции желающих», Украина и США заявили, что готовы взять на себя обязательства по системе политически и юридически обязывающих гарантий, которые будут введены в действие после вступления в силу соглашения о прекращении огня, в дополнение к двухсторонним актам о безопасности и в соответствии с их правовыми и конституционными нормами. Обязательства будут включать в себя следующие компоненты.

1. *«Participation in a proposed US-led ceasefire monitoring and verification mechanism. There will be a continuous, reliable ceasefire monitoring system, including contributions from members of the Coalition of the Willing. The Coalition of the Willing will also be represented in the Special Commission that will be established to address any breaches, attribute responsibility, and determine remedies»*¹⁰.

Перевод: «Участие в предлагаемом механизме мониторинга и верификации режима прекращения огня под руководством США. Будет создана постоянная и надежная система мониторинга режима прекращения огня, в том числе при участии членов Коалиции желающих. Коалиция желающих также будет представлена в Специальной комиссии, которая будет создана для расследования любых нарушений, установления виновных и определения мер по исправлению ситуации».

Комментарий. Прочитав изложенное в пункте 1, мы можем наблюдать значительное политическое неравенство между Россией и Украиной в пользу последней. Для обеспечения равенства двух сторон конфликта следовало бы организовать совместную систему мониторинга, где гаранты соблюдения режима прекращения огня были представителями как из США, так и из Китая или Республики Беларусь (например).

2. *«Support for the Armed Forces of Ukraine: The Coalition agreed to continue critical long term military assistance and armament to the Armed Forces of Ukraine to ensure their sustained capability, as they will remain the first line of defence and deterrence. This will include but not be limited to: long term defence packages; support for financing the purchase of weapons; continued cooperation with Ukraine on its national budget to finance the armed forces; access to defence depots which can deliver rapid additional support in the case of a*

⁹ Медведчук: Парижская декларация продвинула мир к третьей мировой войне. // URL: https://rg.ru/2026/01/07/medvedchuk-parizhskaia-deklaraciia-prodvinula-mir-k-tretej-mirovoj-vojne.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 11.03.2026).

¹⁰ Парижская декларация — «Надежные гарантии безопасности для прочного и долгосрочного мира в Украине», принятая Францией. // URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2026/01/06/robust-security-guarantees-for-a-solid-and-lasting-peace-in-ukraine-statement-of-the-coalition-of-the-willing-issued-by-france/> (дата обращения: 11.03.2026).

future armed attack; provision of practical and technical support to Ukraine in building defensive fortifications»¹¹.

Перевод: «Поддержка Вооруженных сил Украины: Коалиция согласилась продолжать оказывать критически важную долгосрочную военную помощь и поставлять вооружение Вооруженным силам Украины, чтобы обеспечить их боеспособность, поскольку они остаются первой линией обороны и сдерживания. Это будет включать в себя, помимо прочего, предоставление долгосрочных оборонных пакетов, поддержку в финансировании закупок оружия, продолжение сотрудничества с Украиной в вопросах государственного бюджета для финансирования вооруженных сил, доступ к оборонным складам, которые могут обеспечить быструю дополнительную поддержку в случае нового вооруженного нападения, а также оказание практической и технической помощи Украине в строительстве оборонительных сооружений».

Комментарий. Исходя из того, что всё изложенное в пункте 2, будет происходить уже после завершения российско-украинского конфликта, можно сказать, подобные действия приведут к милитаризации Украины, а впоследствии, вероятно, к полноценной войне между Россией и Европой, США и Украиной.

3. *«A Multinational Force for Ukraine made up from contributions from willing nations within the framework of the Coalition, to support the rebuilding of Ukraine's armed forces and support deterrence. Coordinated military planning has been conducted to prepare for reassurance measures in the air, at sea and on land and for the regeneration of the armed forces of Ukraine. We confirmed that these reassurance measures should be strictly implemented at Ukraine's request once a credible cessation of hostilities has taken place. These elements will be European-led, with the involvement also of non-European members of the Coalition, and the proposed support of the US»¹².*

Перевод: «Многонациональные силы для Украины, сформированные за счет взносов стран-участниц в рамках Коалиции, призваны содействовать восстановлению вооруженных сил Украины и сдерживанию противника. Было проведено скоординированное военное планирование для подготовки к мерам по обеспечению безопасности в воздухе, на море и на суше, а также для восстановления вооруженных сил Украины. Мы подтвердили, что эти меры по обеспечению безопасности должны быть строго реализованы по запросу Украины после того, как будет достигнуто надежное прекращение боевых действий. Эти элементы будут разрабатываться под руководством европейских стран при участии неевропейских членов коалиции и при предполагаемой поддержке США».

Комментарий. Опять же всё изложенное направлено на дальнейшую милитаризацию Украины и провалу цели России по обеспечению национальной безопасности путём демилитаризации республики Украины как недружественного государства.

4. *«Binding commitments to support Ukraine in the case of a future armed attack by Russia in order to restore peace. We agreed to finalise binding commitments setting out our approach to support Ukraine and to restore peace and security in the case of a future armed attack by Russia. These commitments may include the use of military capabilities, intelligence and logistical support, diplomatic initiatives, adoption of additional sanctions»¹³.*

Перевод: «Обязательства по оказанию поддержки Украине в случае будущего вооруженного нападения со стороны России с целью восстановления мира. Мы договорились окончательно согласовать обязательные к исполнению обязательства, определяющие наш подход к поддержке Украины и восстановлению мира и безопасности в случае будущего вооруженного нападения со стороны России. Эти обязательства

¹¹ Парижская декларация — «Надежные гарантии безопасности для прочного и долгосрочного мира в Украине», принятая Францией. // URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2026/01/06/robust-security-guarantees-for-a-solid-and-lasting-peace-in-ukraine-statement-of-the-coalition-of-the-willing-issued-by-france/> (дата обращения: 11.03.2026).

¹² Там же.

¹³ Там же.

могут включать использование военного потенциала, разведывательную и логистическую поддержку, дипломатические инициативы, введение дополнительных санкций».

Комментарий. Смысл пункта 4 заключается в юридическом закреплении обязательств по восстановлению мира, обеспечении безопасности Украины в случае вооруженного нападения со стороны России путём использования, в том числе, и военного потенциала, что опять же представляет угрозу государственной безопасности Российской Федерации.

5. *«Commitment to deepen long-term defence cooperation with Ukraine. We agreed we would continue to develop and deepen mutually beneficial defence cooperation with Ukraine, inter alia: training, defence industrial joint production, including with the use of European relevant instruments, and intelligence cooperation»¹⁴.*

Перевод: «Приверженность углублению долгосрочного оборонного сотрудничества с Украиной. Мы договорились, что продолжим развивать и углублять взаимовыгодное оборонное сотрудничество с Украиной, в том числе в таких областях, как обучение, совместное оборонно-промышленное производство, в том числе с использованием соответствующих европейских инструментов, и сотрудничество в сфере разведки».

Комментарий. Как и в пунктах 2–4 речь идёт о милитаризации Украины.

Если же говорить о содержании Парижской декларации в целом, то стоит отметить то, что она включает в себя и политически, и юридически обязывающие договорённости. Так, например, в документе написано. Что каждая сторона должна действовать в рамках своих внутренних процедур, включая парламентскую ратификацию. Некоторые формулировки указывают на то, что данный акт является не только политической декларацией, но и документом, имеющим юридическую силу. Следует сказать, что в Парижской декларации прямо прописано, что уже идёт координационное планирование реализации всех намерений специально созданным штабом США, Украины, «Коалиции желающих».

Возможно было два сценария дальнейших геополитических событий на международной арене: первый — Россия откажется от проведения переговоров в виду невыгодных условия; второй — Россия продолжит вести переговоры несмотря на данную Декларацию. Второй сценарий оправдался. Россия ведёт дипломатические переговоры с украинской стороной.

18 февраля 2026 года Одиннадцатая чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи ООН [6] выпустила резолюцию «Поддержание прочного мира на Украине», которая гласит:

«Генеральная Ассамблея, с обеспокоенностью отмечая, что полномасштабное вторжение Российской Федерации на Украину [Прим. Российско-украинский конфликт нельзя называть «полномасштабным вторжением», так как военная спецоперация на Украине не ставит целью оккупацию или смещение руководства страны [9]. Она объясняется защитой русских граждан и границ России. Однако в современном международном праве война запрещена по Уставу ООН. Государство может применять вооружённую силу только в целях самообороны (ст. 51 Устава ООН) или по решению Совета Безопасности ООН. Можно сказать, что Россия применяет вооружённую силу исключительно в целях самообороны с целью обеспечения государственной безопасности.] продолжается уже четыре года и по-прежнему имеет крайне пагубные и долгосрочные последствия для Украины и для региональной и глобальной стабильности, подтверждая свою твердую приверженность суверенитету, независимости, единству и территориальной целостности Украины в пределах ее международно признанных границ, включая ее территориальные воды, выражая серьезную обеспокоенность продолжающимися и усиливающимися нападениями Российской Федерации на гражданских лиц, гражданские объекты и критически важные объекты энергетической инфраструктуры

¹⁴ Парижская декларация — «Надежные гарантии безопасности для прочного и долгосрочного мира в Украине», принятая Францией. // URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2026/01/06/robust-security-guarantees-for-a-solid-and-lasting-peace-in-ukraine-statement-of-the-coalition-of-the-willing-issued-by-france/> (дата обращения: 11.03.2026).

ры, а также серьезным ухудшением гуманитарной ситуации, приветствуя усилия Соединенных Штатов Америки, европейских стран и других государств-членов, направленные на прекращение войны,

1. призывает к немедленному, полному и безусловному прекращению огня между Российской Федерацией и Украиной;

2. вновь призывает установить всеобъемлющий, справедливый и прочный мир в соответствии с нормами международного права, включая Устав Организации Объединенных Наций;

3. вновь призывает также провести полный обмен военнопленными, освободить всех незаконно задержанных лиц и вернуть всех интернированных и насильственно перемещенных или депортированных гражданских лиц, включая детей, в качестве значимой меры укрепления доверия;

4. постановляет объявить временный перерыв в работе одиннадцатой чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи и уполномочить Председателя Генеральной Ассамблеи возобновить ее заседания по требованию государств-членов»¹⁵.

Удивительным стало то, что в поддержку данной резолюции проголосовали лишь 107 государств, воздержались — 51, в числе которых было и США, против — 12, не участвовали — 23. Соединенные Штаты Америки воздержались от осуждения действий Российской Федерации, вместо этого представив собственный проект резолюции, лишенный резких формулировок в адрес России. Ответственность за возникновение конфликта возлагается на противоборствующие стороны. Предложенный Соединенными Штатами Америки проект резолюции, несмотря на одобрение большинством голосов (93 «за», 8 «против», 73 воздержались), претерпел существенные изменения к моменту голосования. Его первоначальный замысел был искажен вследствие внесения европейскими странами поправок, которые возлагали всю ответственность за текущие события на Российскую Федерацию. Вследствие данной трансформации американская делегация в итоге воздержалась непосредственно при голосовании по собственной инициативе.

Можно предположить, что, если США продолжит своё движение в сторону пророссийской позиции, не исключён раскол и последующий крах НАТО, который, как предсказывал Владимир Вольфович Жириновский, приведёт к глобальному экономическому кризису и падению Евросоюза, снижению влияния доллара в мировой экономике и так далее.

Таким образом, начавшиеся в феврале 2022 года боевые действия на Украине, получившие название «специальная военная операция» (СВО), по-прежнему находятся в центре внимания международного сообщества, порождая множество правовых коллизий. В начале 2026 года были приняты важные международные документы, такие как декларация «Коалиции желающих» под названием «Надёжные гарантии безопасности для прочного и долгосрочного мира на Украине» и резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Поддержание прочного мира на Украине». Эти акты призваны регулировать поведение российских и украинских сторон в сложившейся обстановке. То сеть, международная правовая практика выявила ряд актуальных тенденций и стратегий, формирующих правовую базу, касающуюся этой операции.

В настоящей статье автор рассмотрел содержание текстов двух нормативных актов международного права: декларация «Коалиции желающих» под названием «Надёжные гарантии безопасности для прочного и долгосрочного мира на Украине» и резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Поддержание прочного мира на Украине» и пришёл к заключению, что настоящие документы действуют не наряду с политическими заявлениями, а как юридически обязывающие акты.

Примечательно, что резолюцию поддержали всего 107 государств, 51 страна, включая США, предпочли воздержаться, а 12 выступили против, при этом 23 государства не приняли участия в голосовании. США воздержались от осуждения действий Российской Федерации, представив вместо этого свой проект резолюции, который не содержал резких высказываний

15 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Поддержание прочного мира на Украине» от 18 февраля 2026 года. // URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/ltd/n26/029/84/pdf/n2602984.pdf> (дата обращения: 11.03.2026).

в адрес России. При таком сценарии, если Соединенные Штаты будут все больше склоняться к пророссийскому курсу, вполне возможен распад НАТО. Как прогнозировал Владимир Жириновский, это может повлечь за собой мировой финансовый кризис, крах Европейского союза, ослабление позиций доллара на международной арене и другие негативные последствия.

Список литературы

1. *Алаудинов А.А.* Запад против России: особенности СВО как гибридной войны нового типа // Российский социально-гуманитарный журнал. — 2025. — №2.
2. *Гапарова А.Б., Михеева Т.Н.* Международные правовые акты // Вестник магистратуры. — 2025. - № 6-4(165). — С. 54–57.
3. *Гладких А.С., Филиппова И.А.* Экономика России в условиях специальной военной операции // Вестник Ульяновского государственного технического университета. — 2023. — № 2(102). — С. 66–70.
4. *Гонсало Ф.В.* Америка для сильных: Венесуэла и распад мирового порядка // Россия в глобальной политике. — 2026. — № 2. — С. 96–99.
5. *Зубарев А.А., Слинько А.А.* Консолидация российского общества в условиях специальной военной операции // РСЭУ. — 2023. — № 3(62). — С. 109–114.
6. *Лукьянов В.Ю.* ООН в современном мире — проблемы, тенденции, перспективы // Terra Linguistica. — 2015. — № 2 (220). — С. 35–44.
7. *Никонов В.А.* Государственное управление в условиях специальной военной операции // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). — 2024. — № 4. — С. 3–50.
8. *Чернышева А.Г.* Экономический эффект пограничного конфликта США и Мексики // Экономика и парадигма нового времени. — 2024. — № 4(25). — С. 35–39.
9. *Шевкопляс Л.Ю.* К вопросу о теоретических аспектах правового содержания понятий: «военный конфликт», «вооруженный конфликт», «специальная военная операция» // Закон и право. — 2026. — № 2. — С. 120–125.

РОССИЯ И ЗАПАДНЫЙ МИР: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИАЛОГ ИЛИ ПРОТИВОСТОЯНИЕ?

М.А. Шарова

кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных и социальных наук,
ФГБОУ ВО «МИРЭА — Российский технологический университет», Москва
MASharova@fa.ru

RUSSIA AND THE WESTERN WORLD: CIVILIZATIONAL DIALOGUE OR CONFRONTATION?

M.A. Sharova

PhD in Philosophy Science,
Associate Professor at the Department of Humanities and Social Sciences,
FGBOU VO «MIREA — Russian Technological University», Moscow
MASharova@fa.ru

Аннотация. В статье показано, уникальность российской цивилизации связана со сложным взаимодействием множества факторов: географических, климатических, этнических, конфессиональных, политических, исторических. При этом самобытность русской цивилизации не является однозначной — оценки её уникальности различаются в зависимости от подхода. Например, некоторые исследователи считают, что российская цивилизация — это «государство-цивилизация», которое руководствуется собственными культурно-историческими критериями, исключающими универсализм. Другие отмечают, что самобытность проявляется в адаптивности и открытости, а не в изоляции.

Ключевые слова: самобытность русской культуры, русская цивилизация, геополитика, культурно — историческая общность, «государство — цивилизация».

Abstract. The article shows that the uniqueness of Russian civilization is associated with a complex interaction of many factors: geographical, climatic, ethnic, confessional, political, and historical. However, the uniqueness of Russian civilization is not unambiguous, and assessments of its uniqueness vary depending on the approach. For example, some researchers believe that Russian civilization is a «state-civilization» that is guided by its own cultural and historical criteria, which exclude universalism. Others argue that uniqueness is manifested in adaptability and openness rather than isolation.

Key words: the identity of Russian culture, Russian civilization, geopolitics, cultural and historical community, and the «state-civilization».

Вопрос о месте России во всемирной истории остается дискуссионным на протяжении столетий. Ключевой аспект этой дискуссии — определение цивилизационной принадлежности страны: относится ли Россия к западному миру, к восточному или представляет собой особую цивилизацию, сочетающую черты обеих традиций? Для поиска ответа необходимо:

- 1) обратиться к историческому опыту России;
- 2) провести сравнительный анализ культурного развития России, Запада и Востока.

Актуальность темы усиливается в условиях глобализации, когда каждому государству важно понимать, как его воспринимают партнеры, и выстраивать диалог на принципах взаимного уважения. Поэтому особенно значимым становится изучение:

- 1) исторического и современного характера отношений России и Запада;
- 2) степени близости и взаимовлияния российской и западной культур;
- 3) западных представлений о российском менталитете.

Осознание исторического пути и текущих вызовов невозможно без осмысливания многовековых взаимоотношений России с Европой, начиная с эпохи становления Руси и принятия христианства в X веке. После распада СССР геополитическое давление Запада на Россию не только не ослабло, но и вышло за рамки политики, проникнув в самую ткань нашей культуры. Западные модели навязываются как универсальный стандарт, постепенно подменяя тра-

диционные ценности. Особенно тревожным сигналом стало активное проникновение англицизмов в русский язык. Мы все еще заменяем родные слова иностранными, не задумываясь о последствиях. Яркий пример — слово «gadget». По звучанию оно напоминает «гад» — слово, с явно негативной окраской, обозначающее что — то противное или мерзкое. Но сегодня мы без тени сомнения используем его для обозначения «гаджетов» — привычных технических устройств, и никаких неприятных ассоциаций это уже не вызывает.

Молодежь все охотнее читает книги, смотрит фильмы и слушает музыку на английском языке, впитывая чужую систему ценностей. Это не просто мода — это мощный инструмент идеологического влияния, меняющий наше мировоззрение и размывающий культурный код. Мы можем сколько угодно говорить о защите языка и традиций, разрабатывать программы и стратегии, но пока не осознаем глубину проблемы, любые меры будут лишь полумерами. Важно не просто сохранить язык, а вернуть ему силу носителя национальной идентичности. На протяжении всей истории Россия стремиться сохранить значимое место в мировом развитии и не отставать от ведущих стран в сфере просвещения, науки и культурных достижений. Изоляционизм никогда не был характерен для российского общества: присуще русскому человеку любознательность и тяга к новому способствовали активному восприятию внешних влияний.

Существенное воздействие на эволюцию страны оказало сближение с Западом и ориентация на европейские стандарты — то, что А.С. Хомяков называл «страной святых чудес» [6]. Особенно показателен период правления Петра I, когда заимствование европейского опыта в области культуры, ремесел, науки и кораблестроения дало мощный импульс развитию России. В результате страна быстро преобразилась и укрепила свои позиции на международной арене.

Вместе с тем восприятие России в западной интеллектуальной традиции было неоднозначным. Ряд западных мыслителей и политиков (Р. Пайпс, Д. Ранкур-Лаферьер, В. Пфайлер, А. де Кюстин и др.) высказывали критические оценки русской культуры и национальной идентичности, формируя негативный образ страны. Так, А. де Кюстин в своих мемуарах описывал Россию как «тюрьму народов», отрицая за русскими способность к интеллектуальной самостоятельности и саморазвитию и считая, что страна может быть лишь неудачной копией Европы [3].

Р. Пайпс изображал Россию как страну варваров, якобы неспособную к иному типу правления, кроме тирании [4]. Автор выделяет уникальность российской государственности, называя ее вотчиной и противопоставляя как европейским, так и азиатским моделям [4]. При этом эффективность государства в политической и военной сферах, по его мнению, достигается ценой подавления личной свободы и законности. Негативный портрет русского человека — с чертами лицемерия, вспыльчивости и склонности к крайностям — дополняет эту картину.

Д. Ранкур-Лаферьер идет дальше, утверждая, что любые попытки России утвердить свое величие продиктованы психологическими комплексами, а самобытность национального мышления трактуется им как признак варварства [5]. Такой подход, однако, вызывает вопросы: он упрощает сложную историческую реальность, сводя многообразие культурных и политических процессов к односторонней и зачастую предвзятой интерпретации.

Какие аргументы в пользу своих доводов приводят европейцы? Согласно позиции ряда исследователей, отставание России обусловлено отсутствием в ее истории таких явлений, как Ренессанс, Реформация и эпоха Великих морских открытий. При этом сторонники данной концепции не рассматривают вопрос о релевантности Ренессанса и Реформации для страны, в которой культурные традиции сохранились непрерывно, а церковь не обладала самостоятельной политической властью. Акцентируя внимание на неучастии России в морских открытиях, они игнорируют вклад русских землепроходцев, осваивавших обширные континентальные территории Евразии.

Большое количество опасений, в том числе и на данный момент, вызывает масштаб территории России. Разница с европейскими государствами в этом плане очевидна: масштаб территории России по сравнению с европейскими государствами порой становится одной из причин их непонимания и настороженности по отношению к русским. Кроме того, страх, вызванный количеством территории, увеличивается с помощью закрепления в общественном сознании

стереотипов о менталитете нашей страны. Русские непредсказуемы, обладают врожденной агрессией, держат дома медведей в качестве домашних животных. Чтобы осознать, насколько искажен образ русских в глазах европейцев и каково их истинное к нам отношение, стоит вспомнить известные пословицы, такие как: «с русским знаться — с чертом остаться», «с русскими дружись, а за топор держись», «раз солгал — навек русским стал».

Религия, в частности православие, выступает одним из ключевых факторов, подчеркивающих культурное отличие России от Запада. В западной традиции православная церковь нередко воспринимается как закрытый и не склонный к диалогу институт. Для ряда западных исследователей отсутствие Реформации в отечественной истории — еще один довод, подкрепляющий их оценку. Некоторые европейские исследователи (С. Хантингтон, М. Раду и др.) даже ставят под сомнение «полноценность» православия как формы христианства, ссылаясь на значительные теологические и обрядовые различия между церквями Европы, Америки и России. Тем не менее, подобные суждения о «мракобесии» и подавлении личности не соответствуют действительности. В последние годы Русская православная церковь демонстрирует готовность к диалогу и преодолевает былую отстраненность от западного мира.

Критики русской культуры зачастую не стремились изучить ее уникальность, а исходили из представления о европейской модели как об эталоне. Несоответствие этому эталону автоматически трактовалось как недостаток. Различия в отношении к государству, церкви, коллективу и другим народам, характерные для русской традиции, вызывали у Запада настороженность и отторжение. Вместе с тем негативные оценки во многом основаны на стереотипах, а не на глубоком анализе.

Русская и европейская культуры имеют немало общего — в литературе, искусстве, способах мышления. Благодаря этим точкам соприкосновения Россия смогла заимствовать и адаптировать ряд позитивных элементов западной идеологии и философских концепций. Д. Голсуорси в статье «Русский и англичанин» подчеркивает, что русская и западная культуры дополняют друг друга [2]. Образы их носителей автор выстраивает так, чтобы подчеркнуть их единство. Д. Голсуорси считал, что русские сосредоточены на познании внутреннего мира и поиске истины в рамках собственного миропонимания [2]. Англичане же, напротив, отличаются прагматизмом и рациональностью — это может восхищать русских, хотя их отталкивают меркантильность и неспособность поддаваться чувствам вопреки разуму. Писатель выделяет такие положительные черты русской культуры, как правдивость, искренность и всеобъемлющая терпимость. Он ожидает от России не столько рационального осмысления, сколько глубокого понимания ожиданий Европы и готовность к диалогу [2]. Эту мысль развивает И.Г. Гердер, рассматривая Россию как необходимое дополнение Западу. По его мнению, Россия — демонстрирует редкий баланс — умеет сочетать рациональность и душевность, силу и чуткость, — в ней гармонично соединяются воля и человеколюбие, высокая гуманность и чуткая совесть [1].

Р. Хингли подчеркивает противоречивость и широту русской души [7]. Он отмечает, что русские ставят в приоритет не рациональный исход, а сопереживание и чуткость к чужой беде, при этом их характер сочетает, казалось бы, несочетаемое: свободолюбие и покорность, доброту и жестокость, энергичность и лень [7].

Вопрос о самобытности нашей цивилизации не имеет смысла: подобно тому, как ребенок вырастает в самостоятельную личность, страна с более чем тысячелетней историей обретает уникальную идентичность. Этапы ее развития — от Киевской Руси до Российской Федерации — показывают, как государство:

- осваивало огромные и сложные территории;
- объединяло множество народов;
- отражало внешние угрозы;
- выстраивало международные отношения;
- усваивало и переосмысливало опыт христианского мира.

В результате оно утвердилось на мировой арене как сильная, самобытная и достойная держава.

Список литературы

1. *Гердер И.Г.* Пётр Великий / пер. Н. Мальчевский // *Философская культура*. — 2006. — № 3 (январ-июнь).
2. *Голсуорси Д.* Собрание сочинений в 16 томах. Т. 16: Сатира; статьи, речи, письма. — М.: Правда, 1962. — 511 с.
3. *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году: в 2 тт. / пер. с франц. В.А. Мильчиной и И.К. Стаф; комм. В.А. Мильчиной и А.Л. Осповата. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. — Т. I. — 528 с.
4. *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. — Москва: Независимая газета, 1993. — 421 с.
5. *Ранкур-Лаферьера Д.* Россия и русские глазами американского психоаналитика. В поисках национальной идентичности. — М.: Ладомир, 2003. — 287 с.
6. *Хомяков А.С.* Мечта / После Пушкина: сб. стихотворений рус. Поэтов. — М.: Русская мысль, 1890. — 489 с.
7. *Hingley R.* The Russian Mind / Ronald Hingley. — London etc.: The Bodley Head, 1978. — 247 p.

ВПК КАК ЗЕРКАЛО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

И.Г. Шевченко

доктор экономических наук,
профессор кафедры экономики,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

В.А. Меланин

кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой экономики,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

THE MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX AS A MIRROR OF RUSSIA'S SOVEREIGNTY

I.G. Shevchenko

Doctor in Economic Sciences,
Professor of the Department of Economics,
Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities

V.A. Melanin

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Economics,
St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities

Аннотация. Существование Западной цивилизации является угрозой уничтожения нашей страны, что обусловлено сложившимся в течение тысячелетия механизмом функционирования Западной цивилизации, использующей периоды мирного сосуществования и сотрудничества с Россией для подготовки очередной попытки военного реванша. В этой связи работа военно-промышленного комплекса, его успешное развитие превращается в условие физического существования нашей страны, является зеркалом действительного, а не иллюзорного суверенитета.

Ключевые слова: законы общественного развития, гравитационная модель, противоречие между Россией и Западом, русская православная цивилизация, современная война, военно-промышленный комплекс.

Abstract. The existence of Western civilization is a threat to the destruction of our country, which is due to the mechanism of functioning of Western civilization that has been established over the course of a millennium, using periods of peaceful coexistence and cooperation with Russia to prepare for another attempt at military revenge. In this regard, the work of the military-industrial complex, its successful development, becomes a condition for the physical existence of our country, and is a mirror of real, rather than illusory, sovereignty.

Key words. laws of social development, gravitational model, the contradiction between Russia and the West, Russian Orthodox civilization, modern war, military-industrial complex.

Законы общественного развития стоят несоизмеримо выше чаяний отдельных личностей или даже целых народов. Их безжалостная логика неумоимо вертит колесо истории, вызывая взлеты и падение человеческих судеб, промышленных и финансовых гигантов и целых империй.

Будущее скрыто от нас самой вероятностной природой материального мира, но понимание законов позволяет заглянуть за железный занавес грядущего. При этом общественные законы далеко не всемогущи, они лишь частный случай, конкретное проявление законов более высокого порядка, описывающих мироздание.

Одной из проекций законов мироздания является гравитационная модель, получившая признание в классической механике, электростатике, экономической географии, анализе мировой торговли, геополитике.

Согласно выводам этой модели, в геополитический вакуум, сформировавшийся в результате крушения Римской империи, затянуло огромное количество народов и культур, которые образовали центр Западной цивилизации. И если на первом этапе устремившиеся в Запад-

ную Европу племена и народы «проваливались» в геополитическую пустоту разложившейся изнутри Римской империи, по мере накопления критической имперской массы территории Западной Европы поменяли свой геополитический потенциал с отрицательного знака на положительный. «Скатывание в пустоту» сменилось притяжением периферийных территорий к имперскому центру.

В зону притяжения Европы за последнее тысячелетие практически попал весь мир. Европейские «ценности», европейская культура и наука, особенности устройства хозяйственного уклада победно шествовали по планете. Это был противоречивый и довольно кровавый путь, уничтоживший целые цивилизации: были разорены обширные территории, погибли десятки миллионов людей. Западный проект привел к росту производительных сил планеты и увеличению материального достатка, но с другой стороны явил свою саморазрушительную, античеловеческую сущность.

Агрессивность Запада и накопленные в результате этой агрессии богатства провоцировали войны, в результате которых начали формироваться новые имперские центры: Российский, Американский, Китайский.

Изначально Русь была периферией Запада (как впрочем в более поздние времена — и США, и вступивший на путь рыночных реформ Китай — история экономный художник и часто повторяет полюбившиеся сюжеты). Вторжение монгольских орд оторвало русские земли от западного мейнстрима.

Давность этих событий и духовное оскудение не позволяют понять и принять этот очевидный факт: Русь, а впоследствии и Россия, давно уже не Запад. Более того неизбежно тянущийся к планетарной экспансии Запад враждебен для России, рассматривает её как историческое недоразумение, досадное препятствие на пути к мировому господству.

В отдельные исторические периоды противоречие между Россией и Западом маскируется обилием культурных, экономических, политических и научных связей. Но как только возникает иллюзия слабости России, а возникает она не реже одного раза в столетие, Запад с неистовостью стервятника набрасывается на добычу.

Нельзя сказать, что эта стратегия оказалась проигрышной. При крушении Российской империи в орбиту Западной цивилизации вернулись Финляндия и Польша. Распад Советского Союза привел к отделению Прибалтики, Белоруссии, Украины, Молдавии, республик Закавказья и Средней Азии.

Да, конечно, эти печальные события были обусловлены социальным взрывом изнутри, но условия для этого взрыва, его провоцирование готовились и финансировались Западом.

Отчего такая хроническая нелюбовь Запада к России, иногда тщательно загримированная взаимовыгодным экономическим сотрудничеством, иногда рвущаяся наружу в виде военных конфликтов?

Первая причина — Запад и Россия разные цивилизации. Факт давно установленный в научном мире, и постепенно начинающий осознаваться российским обществом. Отношения между цивилизациями не всегда бывают безоблачными.

Сам факт существования принципиально различных форм организации общественного устройства предполагает своего рода конкуренцию между ними и некий естественный отбор, в результате которого останется одна, наиболее эффективная цивилизационная модель. Наша планета слишком мала и ограничена ресурсами, и для достижения принципиально нового уровня развития мир рано или поздно объединится. Весь вопрос в том, каким образом произойдет это объединение.

Запад в силу своей агрессивной природы идет по пути уничтожения иных обществ и уже сократил вдвое количество существовавших на планете цивилизаций. Принципиально важным является понимание, что такого рода поведение объективно обусловлено, независимо от того, осознает ли его элита Западной цивилизации или нет. Представители последней могут искренне верить, что несут свет и прогресс странам и континентам.

Вторая причина — глобальный характер товарно-денежных отношений, формирование и осознание собственных интересов мировым капиталом, стремление дополнить уже существующие цепочки создания стоимости единым политическим регулятором в лице мирового государства. Ради достижения этой цели Запад пошел на демонтаж политической системы

своего, казалось бы неоспоримого лидера — США, что вызвало ответную реакцию в виде прихода к власти Трампа и его команды, пытающихся повернуть вспять этот разрушительный процесс.

Третья причина, заключается в развитии культа сверхпотребления, что привело к истощению природных ресурсов планеты, увеличению стоимости добычи полезных ископаемых. Данное обстоятельство обострило борьбу за оставшиеся ресурсы: события в Венесуэле, проблема Гренландии, война в Персидском Заливе — все это звенья одной цепи: стремление обеспечить долгосрочное развитие собственной цивилизационной модели. В этом контексте российские ресурсы выглядят вождленным призом, а российское общество нежелательной помехой на пути коллективного Запада.

Четвертая причина — исторический опыт освоения и порабощения славянских земель: славяне, издревле населявшие значительную часть земель Восточной Германии и Австрии, стали достоянием истории. Чехия ещё во времена второй мировой войны являлась оружейной мастерской вермахта, а в нынешние времена нацистов, захвативших власть на Украине. Польша успешно колонизируется Германией, а польские наемники — один из наиболее многочисленных контингентов, воюющих с Россией на Украине, значительная часть территории которой превращена в бесправную колонию Запада. Разобщить, покорить и в значительной части истребить славянские народы, а оставшихся в живых ассимилировать: этот людоедский сценарий Западная цивилизация успешно реализует в течение столетий.

Пятая причина — негибкость России, её способность сохранить себя, свою цивилизационную сущность при экстремальных исторических обстоятельствах, что с одной стороны рушит планы глобального доминирования Запада, выбивает в военных столкновениях его самых успешных и перспективных агентов: в разные исторические эпохи эту роль выполняли Швеция, Германия, Польша, Франция.

С другой стороны, своим сопротивлением Россия подает пример странам Азии, Африки и Латинской Америки, сильно осложняя паразитарные возможности Западной цивилизации, что в современном нестабильном мире может сломать налаженный веками механизм колониального грабежа: фиаско Франции в зоне Сахеля, военные успехи Ирана, разногласия в НАТО наглядно демонстрируют уязвимости планетарного хищника.

Шестая причина самая важная, метафизическая: формально являясь христианской цивилизацией Запад постепенно становится открытым приверженцем отрицания христианских, общечеловеческих ценностей. Сатанинские культы элитарных западных сообществ уже открыто начинают насаждать свои взгляды в культуре и системе образования, а сопротивляющиеся этому процессу подвергаются государственному преследованию. В этом контексте православная русская цивилизация всегда будет восприниматься Западом как опасное, нежелательное явление.

Более того, являясь непримиримым врагом рода человеческого, сатанизм стремится к уничтожению человека как биологического вида: это и вымирание населения в странах Запада, и пропаганда «чайлд-фри», идеи трансгуманизма и многое другое.

Зло обладает свойством самоуничтожения, и разложение Западной цивилизации, утрата морального авторитета и глобального лидерства наглядное тому подтверждение. Проблема в том, что в небытие Запад пытается утащить весь мир, и по уже отработанной привычке сделать это чужими руками...

Можно сделать однозначный вывод, что сам факт существования Западной цивилизации является экзистенциальной угрозой России. Если перефразировать известное высказывание маршала Жукова — Запад не простит России её победы. Данное обстоятельство обесценивает многовековые попытки России наладить с Западом конструктивное сотрудничество и мирное сосуществование.

Это не означает, что все население Запада (включая отдельных представителей элиты) являются непримиримыми врагами России. Немало людей искренне симпатизирующих России, значительное количество компаний имеет опыт успешного сотрудничества с нашей страной. Трагедия заключается в том, что все эти люди в меньшинстве, и не они определяют динамику Западной цивилизации. Большая часть населения послушно следует за элитой, которая заражена хронической русофобией.

В отдельные исторические периоды народы Германии, Польши, Литвы внесли существенный вклад в становление российской государственности, но сейчас эти страны прямо и косвенно выступают против России в открытом вооруженном противостоянии: поставляют оружие, военных инструкторов и наемников, предоставляют разведывательную информацию, открыто готовятся к эскалации конфликта.

Из вышесказанного можно сделать однозначный вывод: пока существует Западная цивилизация будет существовать угроза уничтожения нашей страны. Причем данная угроза не будет стечением каких-то экстраординарных событий или следствием действий особо экзальтированных политиков. Все обусловлено наличием сложившегося в течение последнего тысячелетия устойчивого механизма функционирования Западной цивилизации, использующей периоды мирного сосуществования и сотрудничества с Россией для накопления сил и подготовки реванша.

Повторяющиеся из столетия в столетие попытки военного уничтожения нашей страны объективно способствовали особой роли армии в российском обществе и формированию мобилизационного типа хозяйствования.

В условиях современной войны особое значение приобретает техническое превосходство над противником, возможности его дистанционного уничтожения с помощью автоматизированных устройств и искусственного интеллекта.

В мире существует общепризнанный брэнд «Русский солдат». Современный Запад пытается исключить его из военного уравнения. Характер войны принципиально изменился: разреженные боевые порядки, «килл-зоны», война роботов — все это реалии сегодняшнего дня. Акценты вооруженного противостояния все больше смещаются в сторону войны экономик и технологий. В этой связи работа военно-промышленного комплекса, его успешное развитие превращается в условие физического существования нашей страны, является зеркалом действительного, а не иллюзорного суверенитета.

Список литературы

1. *Асланов Л.А.* Менталитет и власть. Русская цивилизация. Основы теории. Начало Руси. Московское царство. Книга первая. — М.: Теис, 2009. — С. 557.
2. *Осипов Ю.М.* Обречение или новый Екклезиаст (монолог с самим собой и для себя). Время и Вечность (сквозь онтологическую призму немотно ревущего августа 2022 г.). — М.: Странник. 2023. — С. 105.
3. *Осипов Ю.М.* Постреформизм на службе России: вырыв к развитию. Послесловие к конференции от 5–7 декабря 2012 года. (вместо резолюции). — С. 19 // www.econ.msu.ru.
4. *Шевченко И.Г.* Эволюция либерализма // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Материалы VII международной научно-практической конференции. В 4-х ч. — М., 2025. — С. 114–117.
5. *Шевченко И.Г.* Супервакуум Евразии // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Материалы VII международной научно-практической конференции. В 4-х ч. — М., 2025. — С. 183–185.
6. *Шевченко И.Г.* Вязкость и гравитация геополитических систем // *Философия хозяйства*. — 2025. — № 1(157). — С. 215–218.
7. *Шевченко И.Г.* Гравитационная модель структурирования пространства Восточной Европы // Россия в борьбе за Россию: государственность и социум, хозяйство и культура, глобальные конфликты и миротворчество. Материалы по итогам Международной научной конференции, посвященной 35-летию лаборатории философии хозяйства. — Тамбов, 2024. — С. 27–29.
8. *Шевченко И.Г.* Гравитационная модель взаимодействия Запада и России // Россия и мир: развитие цивилизаций. Мир, страна, университет — 25 лет развития. Материалы XIV международной научно-практической конференции. — М., 2024. — С. 59–62.
9. *Шевченко И.Г.* Эволюция конфликта цивилизаций: выбор России // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Материалы Пятой международной научно-практической конференции «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества» / отв. редактор В.И. Герасимов. — М., 2023. — С. 691–692.

10. *Шевченко И.Г.* Влияние конфликта Киевской Руси и Монголии на смену парадигмы православной цивилизации // Отечественная историко-цивилизационная матрица: Миссия. Время. Ценности. Сборник научных статей / под ред. Ю.Ю. Иерусалимского. — Ярославль, 2020. — С. 139–142.

**Геополитические векторы России:
анализ региональных трансформаций
в контексте цивилизационного развития**

ОБРАЗ РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ КЛАССИКОВ ЗАПАДНОЙ ГЕОПОЛИТИКИ (О. ШПЕНГЛЕР, А.ДЖ. ТОЙНБИ)

А.Н. Гребенкин

доктор исторических наук,
сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации, Орел
angrebyonkin@mail.ru

THE IMAGE OF RUSSIA IN THE VIEW OF THE CLASSICS OF WESTERN GEOPOLITICS (O. SPENGLER, A. J. TOYNBEE)

A.N. Grebenkin

Doctor of Historical Sciences, Member of the Academy
of the Federal Security Service of the Russian Federation, Orel
angrebyonkin@mail.ru

Аннотация. В статье дана характеристика образа России в трудах основоположников цивилизационного подхода О. Шпенглера и А.Дж. Тойнби. Особое внимание обращено на факторы, обуславливающие логику и динамику взаимоотношений между Россией и Западом. Сделан вывод о том, что если в представлении Шпенглера Россия была однозначно чужда Западу, то А.Дж. Тойнби признавал факт ее приобщения в XX в. к западным идеалам и наличие определенного потенциала, позволяющего устранить ряд присущих западно-христианской цивилизации проблем.

Ключевые слова: философия истории, Россия, Запад, О.Шпенглер, А.Дж. Тойнби.

Abstract. The article describes the image of Russia in the works of the founders of the civilizational approach O. Spengler and A.J. Toynbee. Special attention is paid to the factors that determine the logic and dynamics of relations between Russia and the West. It is concluded that if in Spengler's view Russia was unequivocally alien to the West, then A.J. Toynbee recognized the fact that it had become familiar with Western ideals in the 20th century and had a certain potential to eliminate a number of problems inherent in Western Christian civilization.

Key words: philosophy of history, Russia, the West, O. Spengler, A.J. Toynbee.

Политическое противостояние России и коллективного Запада, переживающее в настоящее время очередной период эскалации, побуждает вновь обращаться к трактовке взаимоотношений русской и западной цивилизации в европейской политической мысли. Это позволяет понять, насколько кардинальными являются различия между Россией и Западом с точки зрения мыслящих европейцев и в какой степени наши оппоненты готовы к конструктивному диалогу на паритетных началах.

Один из основоположников цивилизационного подхода к интерпретации исторического процесса, поклонник «старой Европы» [1, с. 179] О. Шпенглер полагал, что культивируемая на Западе воля, стремление к возвышению, господству органически чужды России. Он писал: «Русская безвольная душа, прасимволом которой предстает бесконечная равнина, самоотверженным служением и анонимно тщится затеряться в горизонтальном братском мире» [7, с. 489]. Разумный эгоизм, совершение каких-либо действий в целях самовозвышения кажется всем русским кощунственным. Личность не наделена способностью к генерации волевых импульсов, и воля человека трактуется не как потенциальная возможность что-либо сотворить, а прежде всего как свобода от довлеющего над человеком долженствования, какого-либо принуждения, идущего извне. Акцентирование внимания на собственной персоне греховно, стремление к обогащению, приобретению имущества — это также грех. Импульс к масштабным преобразованиям, к движению вперед шел с Запада и впервые выразился в петровских реформах.

Шпенглер считал, что истории России XVIII — начала XX в. является собой ярчайший пример так называемого псевдоморфоза. Вплоть до конца XVII в. Россия шла своим путем, кардинально отличным от Запада. В XVII в. старая московская культура пыталась защититься от постепенно проникновения в нее западных элементов. Начало петровских преобразований было сопряжено с искусственным и насильственным перерождением русской культуры; «с основанием Петербурга (1703) следует псевдоморфоз, втиснувший примитивную русскую душу вначале в чуждые формы высокого барокко, затем Просвещения, а затем — XIX столетия» [8, с. 197]. Петра Великого мыслитель называет «злым роком русскости» [8, с. 197]. Это объясняется тем, что, как установлено И.А. Голосенко и К.В. Султановым, «характеристика славянской истории, русской культуры, реформ Петра I, нигилизма, подражания Западу... во многом усвоены им (Шпенглером. — А.Г.) из работ славянофилов разных поколений» [2, с. 53]. Естественное политическое состояние России, по мнению Шпенглера, не могло выйти за рамки примитивной модели московского царизма. Петровская «революция сверху» искусственно придала ему западноевропейский облик. Исконная ориентация на Восток (Византийскую империю и Иерусалим), заданная православным вектором, сменилась обращением к Западу. Апогей политического влияния России, который был обусловлен победой над Наполеоном и созданием Священного союза, Шпенглер называл вынужденным и органически чуждым России с сугубо цивилизационной точки зрения. Русский народ до Петра жил как бы вне исторического времени, теперь же он помимо его воли был выдвинут на авансцену истории, чтобы жить той жизнью, к которой не был ни подготовлен, ни приспособлен. Культурная прививка Запада была сделана слишком поздно, без надлежащих подготовительных мер. Образование, науки, искусства, даже материальные артефакты Санкт-Петербурга были как бы гнойниками на теле православного крестьянства. Сама столица Шпенглером вслед за Достоевским трактовалась как в высшей степени иллюзорный социокультурный феномен, который не мог, не имел права быть долговечным. Он воспринимался как полный аналог эллинистических городов, не имевших ни малейшей связи с той местностью, в которой они находились.

Последствия европейской культурной прививки воспринимались настоящими русскими как яд, от которого необходимо избавиться во что бы то ни стало. Следствием этого являлись ненависть к Санкт-Петербургу и диаметрально противоположные ему идеализация и даже обожествление Москвы как подлинной столицы. Им симфоничен созданный еще раскольниками образ Петра I как зримого Антихриста. Параллель в античной истории — ненависть первых христиан к изысканной, высокоразвитой и вместе с тем глубоко порочной римской городской культуре, мертвящей бюрократии, бездушному материальному миру. Отсюда разлом, пропасть между русским народом, которого западное влияние практически не коснулось, и насквозь, до мозга костей европеизированными верхами.

Настоящая Москва, в представлении Шпенглера, никогда не имела собственной души, так как обитатели Кремля и все высшее общество не обладали духовным единством с низами. Он писал: «Общество было западным по духу, а простой народ нес душу края в себе. Между двумя этими мирами не существовало никакого понимания, никакой связи, никакого прощения» [8, с.199].

Суждение это настолько парадоксально, что на нем следует остановиться подробнее. Европеизация верхов, безусловно, имела место быть, однако вплоть до начала XVIII в. этот процесс был слабым, непоследовательным, и лишь в 1670–1680-е гг., при Федоре Алексеевиче, а затем при царевне Софье и В.В. Голицыне, он приобрел зримый характер и уверенную динамику. Чуждость московской политической элиты народу была обусловлена не западным влиянием, а, напротив, восточным. Князь в качестве представителя ханской власти был вместе с тем и проводником насилия. Кроме того, вынужденное усвоение сначала внешних форм, а затем и внутреннего содержания азиатского деспотизма способствовало трансмутации или, если угодно, псевдоморфозу княжеской власти, ее превращению в грубую и жестокую силу по отношению к кормившему князей и монголов и терпевшему все выпадавшие на его долю невзгоды народу. Деспотизм Ивана IV был следствием этого восточного деспотизма, который был усилен усвоенным его дедом и отцом византийским цезарепапизмом, теорией «Москва — Третий Рим» и стремлением к утверждению своего авторитета в глазах европейских государств. Здесь мы видим еще одно противоречие — между явными политическими амбициями

московских правителей и утверждением Шпенглера о «равнинности» русской политической культуры, отсутствием стремления к возвышению.

Весьма интересна характеристика, данная Шпенглером двум великим русским писателям XIX столетия — Л.Н. Толстому и Ф.М. Достоевскому. Толстой, по мнению мыслителя, это «Русь прошлая». Несмотря на свое стремление отрицать западную культуру, на самом деле он выступал в качестве ее адепта. Толстой являлся продуктом западного влияния, хотя не признавал этого и всеми силами стремился освободиться от воздействия европейской культуры. Этот антиевропейский нигилизм превращал писателя в предтечу большевизма.

Достоевский, напротив, был «Русью будущего». Он смирился с западным влиянием, любил Европу и воспринимал ее достижения незаметно для себя, поскольку его внимание к сугубо идеальным, духовным вопросам позволяло не замечать конфликтов между консервативными и революционными идеями, являвшимися в равной мере порождениями Запада.

Смысл революции 1917 года, как полагал Шпенглер, заключался в том, что русский народ руками глубоко чуждых ему большевиков избавился от навязанных ему европейских идеалов. Следующий шаг был направлен на избавление от самих большевиков, которые также являлись порождением Запада, низшим слоем западного общества, не признаваемым самой Европой и по этой причине ее ненавидевшим. Самоуничтожение наносного западничества должно было стать новым деянием Антихриста, некогда породившего это западничество. Та легкость, с которой произошла революция 1917 г., служила доказательством непрочного усвоения Россией западных политических форм, которые, не имея опоры, рухнули в одночасье.

Характеризуя взгляды другого видного представителя цивилизационного подхода — английского историка А.Дж. Тойнби — современные исследователи В.И. Уколова и П.П. Шкаренков отмечают, что его «позиция... относительно России была благожелательной, но внутренне весьма противоречивой» [6, с. 58].

«Православно-христианское общество Юго-Восточной Европы и России», по мнению Тойнби, представляло собой одно из четырех живых обществ, сосуществовавших с западно-христианским миром. Он полагал, что оно являлось «ребенком-близнецом общества эллинского, только переместившимся не на северо-запад, а на северо-восток» [4, с. 61]. Преодолев сопротивление исламского общества, в течение длительного времени препятствовавшего его развитию, православно-христианское общество добилось серьезного территориального расширения в направлении на север и на восток. Еще одним серьезным сдерживающим фактором являлся суровый климат, который серьезно отличался от европейского. В Новое время Россия в рамках этого общества стала основным центром тяжести, в то время как находившаяся в затяжном кризисе Византия в середине XV в. исчезла с политической карты.

В самой России политический центр неоднократно перемещался и находился сначала в верхнем Поднепровье, затем, с XII в., в верхнем Поволжье, и, наконец, в XIII в., накануне монгольского вторжения, оказался в районе нижнего Днепра. Трактовка Тойнби является более чем спорной — ведь общеизвестно, что Киев находится в среднем Поднепровье (в верхнем течении Днепра единственным сильным политическим центром является Смоленск, который никогда не стремился к главенствующей политической роли). В XII в., в контексте феодальной раздробленности, одним из новых сильных политических центров действительно стал Владимир-на-Клязьме. Что же касается перемещения политического центра в XIII в. в район нижнего Днепра (то есть к днепровским порогам), то это утверждение Тойнби выглядит явно ошибочным, так как даже Киев перед приходом монголов в значительной степени утратил свой экономический и, следовательно, политический вес. Нижнее же Поднепровье, даже с учетом установления относительно конструктивных отношений с обитавшими там половцами, в первые годы XIII в. точно не переживало период резкого политического усиления.

Что же касается ответа на вызов, связанный с нашествием Батыя в конце 1230-х — начале 1240-х гг., то Тойнби неожиданно связывает этот ответ, названный им «оригинальным и творческим» [4, с. 231], с деятельностью... казаков (! — А.Г.). Именно казакам, по его мнению, удалось обеспечить «возможность оседлому обществу впервые в истории не просто удержаться под натиском евразийских кочевников и предпринять против них отдельные карательные экспедиции, но и реально осуществить продолжительное завоевание кочевнических земель и изменить ландшафт, превратив пастбища кочевников в крестьянские поля и заменив их передвижные

становища оседлыми деревнями» [4, с. 232]. Это утверждение резко диссонирует с тем непреложным фактом, что казачество как специфическая сословная группа складывается на окраинах уже после избавления от монгольского владычества, причем изначально земледельческий труд для них не являлся основным занятием. Между запорожскими и донскими казаками XVII в., которые были не крестьянами, а скорее пиратами, и казаками конца XIX — начала XX в., действительно представлявшими собой зажиточных земледельцев, — огромная социокультурная разница. Облик раннего казачества действительно складывался под воздействием противостояния вооруженным захватчикам, однако это были уже не монголы Золотой Орды, а одни из них наследников — крымские татары. Этих казаков, запечатленных Н.В. Гоголем в «Тарасе Бульбе», можно вслед за Тойнби назвать полумонашеским военным орденом, схожим не только с крестоносцами, но и со спартамцами. Что же касается завоевания казаками господства над Евразией при помощи ладьи, то здесь следует сказать, что уничтожить Крымское ханство таким путем было невозможно в силу сугубо географических факторов (и пало оно вследствие натиска регулярной армии много позже, уже в правление Екатерины II). Что же касается активной роли казачества в освоении Сибири и Дальнего Востока, то она скорее объясняется авантюрной жилкой, в той или иной степени имевшейся у многих казаков, которые в XVI–XVII вв. вели активную, насыщенную приключениями жизнь, а также стремлением к личному обогащению и известности. Эти качества были в полной мере присущи Степану Разину, который, не будучи землепроходцем, обрел богатство и славу в походах «за зипунами».

Начало масштабного давления на Россию со стороны Запада Тойнби относит к XVII в. и связывает с польской и шведской экспансией. Не следует, однако, забывать о том, что серьезные попытки поставить русские земли под политический и религиозный контроль предпринимались в XIII столетии крестоносцами и стоявшим за их спиной папством. О том, какие последствия могли бы иметь эти попытки, нам напоминает история народов, некогда проживавших в Прибалтике. Парадоксально, но факт: нашествие Батыя, которое привело к порабощению русских княжеств, почти на два с половиной столетия превратившихся в источник экономических, людских и прочих ресурсов для Золотой Орды, спасло их в культурном и цивилизационном отношении от экспансии Запада, которая, возможно, привела бы к полной утрате национальной идентичности.

Прямое столкновение западно-христианского мира с Россией Тойнби связывал с возвышением атлантических народов, «просачивавшихся через порты, умышленно открывавшиеся русским имперским правительством для ввоза» [5, с. 538]. Его стержень составляли технические достижения, которые Россия желала усвоить, сохранив при этом свою культурную самобытность и роль хранительницы православия. Реакция русского общества на контакты с Западом не была однозначной. Петр I и его окружение стремились к интенсификации взаимодействия и превращению России в часть Запада, старообрядцы — к полной изоляции. Третий вариант был предложен в 1917 г. В.И. Лениным.

Неудачи русской армии в Первой мировой войне Тойнби считал ярким свидетельством краха политики вестернизации России. Ленин, как отмечает А.В. Кореневский, был одновременно и продолжателем, и ниспровергателем дела Петра Великого [3, с. 443–444]. Приход к власти большевиков Тойнби трактует как единственный удачный внешний вызов западной цивилизации начиная с 1683 г., когда турки осаждали Вену. Вместе с тем эта угроза имела достаточно четкую локализацию и была ограничена территорией СССР. Концепция строительства социализма в одной отдельно взятой стране, разработанная Сталиным, одержала верх над идеологией перманентной революции Троцкого, и Советский Союз в качестве великой державы стал полноправным участником международных отношений, в которых практические соображения играют гораздо большую роль, нежели идеологические различия. Впрочем, поскольку коммунистическая идеология являлась порождением не славяно-русской, но западной цивилизации, в случае победы коммунизма над капитализмом следует говорить не о торжестве России над США и Европой, а о доминировании одного западного учения над другим. Вместе с тем Тойнби не исключал того, что «Советский Союз можно было бы рассматривать, подобно его петровской предшественнице, в качестве русско-православного универсального государства, старающегося сохранить свое европейское платье, которое он усвоил для удобства и для маскировки» [5, с. 533].

Большой интерес представляет оценка, данная Тойнби деятельности В.И. Ленина. С одной стороны, перенос столицы в Москву означал разрыв с западной государственной традицией, заложенной Петром Великим, возвращение к истокам, солидарность с раскольниками и славянофилами. Запад после октябрьского переворота и Гражданской войны стал восприниматься в качестве врага. Однако идеологический базис заложенной Лениным новой модели государственности имел сугубо западное происхождение, несмотря на весь антизападный, антиэтатистский и деструктивный посыл концепции К. Маркса. Советская власть являлась своего рода компромиссом между исконно русской и западной традицией: «Русский коммунизм был попыткой примирить это неустойчивое чувство русской судьбы с неизбежной необходимостью копировать современные западные технические изобретения» [5, с. 539]. Вместе с тем в России марксизм приобрел черты религиозного учения, которое было призвано не только вытеснить некогда безоговорочно доминировавшее православие, но и стать оружием в борьбе с Западом.

«Великий перелом», который был связан с деятельностью И.В. Сталина, был следствием попытки вестернизации советской экономики. По своему масштабу, глубине и методам она оставляла далеко позади петровскую «революцию сверху». И в том, и в другом случае речь шла о приближении к западным идеалам, только для первого императора образцом выступала Европа в целом и Голландия в частности, генсек же стремился преодолеть технологическое отставание от США. При этом речь шла о копировании лишь экономического уклада, ибо вразрез с марксистской трактовкой соотношения базиса и надстройки усвоение американского типа хозяйствования не должно было повлиять на социокультурный облик советского человека.

Что касается роли России в развитии западно-христианского мира, то здесь Тойнби исходит из того, что попытка разорвать связь с Западом с помощью марксистской идеологии дала обратный эффект, вследствие чего вестернизация России усилилась. Это превращает СССР в часть «мирового сообщества», созданного на западной основе и порождает надежду на то, что жители Советского Союза рано или поздно выступят в роли того творческого меньшинства, которое будет призвано решить проблемы, стоящие перед Западом.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что О. Шпенглер давал однозначную трактовку России как цивилизации, кардинальной отличной от Запада, а ее попытки сблизиться с Европой считал искусственными и безуспешными. С точки зрения А.Дж. Тойнби, политика вестернизации России, предпринятая в имперский период ее истории, потерпела крах. Что же касается советской государственной модели, то она была нацелена на ликвидацию Запада заимствованными у него же средствами. Попытка эта неожиданно привела к превращению СССР в политическое образование, определенным образом интегрированное в сообщество стран Запада. Это дало Тойнби надежду на использование потенциала советской модели в процессе решения стоявших перед западным сообществом проблем. Быть может, современным американским политикам следует перечитать соответствующие страницы «Постижения истории».

Список литературы

1. Артемов А.А. Освальд Шпенглер: закат одного европейца на фоне заката Европы // Актуальные проблемы социальной философии. Материалы всероссийской научно-практической конференции. — СПб., 2024. — С. 175–180.
2. Голосенко И.А., Султанов К.В. Культурная морфология О. Шпенглера о «ликах России» // Журнал социологии и социальной антропологии. — 1998. — Т. 1. — № 3. — С. 43–54.
3. Корневский А.В. А.Дж. Тойнби о зигзагах русской истории и двух ее «Антихристах» // Cogito. Альманах истории идей. Выпуск 1. — Ростов-на-Дону, 2006. — С. 439–445.
4. Тойнби А.Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. — М.: АСТ Москва, 2009. — 670 с.
5. Тойнби А.Дж. Исследование истории: Цивилизации во времени и пространстве. — М.: АСТ Москва, 2009. — 863 с.
6. Уколова В.И., Шкаренков П.П. Россия и Запад: горизонт вызовов, ответов и угроз в концепции А.Дж. Тойнби // Новый исторический вестник. — 2020. — № 3(65). — С. 56–78.

7. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. — М.: Мысль, 1998. — 663 с.
8. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы. — М.: Мысль, 1998. — 606 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

А.Н. Григорьев

аспирант,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

aquilonstaff@gmail.com

TRANSFORMATION OF THE REGIONAL ECONOMY OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY GEOPOLITICAL CHANGES

A.N. Grigorev

Postgraduate student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

aquilonstaff@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности трансформации региональной экономики России в условиях современных геополитических изменений. Анализируются ключевые факторы, оказывающие влияние на пространственное развитие национальной экономики, включая трансформацию внешнеэкономической среды, изменение структуры торгово-логистических и инвестиционных потоков, а также адаптацию экономической системы к новым геоэкономическим условиям. Особое внимание уделяется региональным аспектам экономических преобразований, проявляющимся в усилении роли восточных регионов страны, развитии транспортно-логистической инфраструктуры и активизации ресурсных территорий. В работе рассматриваются современные инфраструктурные и энергетические проекты, включая развитие транспортных коридоров, модернизацию железнодорожных магистралей и использование потенциала Северного морского пути. Также анализируется значение межрегиональной экономической кооперации как одного из факторов формирования устойчивых производственных и логистических связей внутри страны. Сделан вывод о том, что современные геополитические изменения оказывают существенное влияние на пространственную организацию экономики России и способствуют формированию новых центров экономического роста в региональной структуре национальной экономики.

Ключевые слова: региональная экономика, геополитические изменения, пространственное развитие, региональная трансформация, транспортно-логистическая инфраструктура, межрегиональная кооперация, экономическое развитие регионов.

Abstract. The article examines the transformation of the regional economy of Russia in the context of contemporary geopolitical changes. The study analyzes key factors influencing the spatial development of the national economy, including the transformation of the external economic environment, changes in trade, logistics and investment flows, and the adaptation of the economic system to new geo-economic conditions. Particular attention is paid to regional aspects of economic transformation manifested in the growing importance of eastern regions of the country, the development of transport and logistics infrastructure, and the increasing role of resource-based territories. The paper considers modern infrastructure and energy projects, including the development of international transport corridors, modernization of major railway routes, and the growing significance of the Northern Sea Route. The study also highlights the role of interregional economic cooperation as an important factor in strengthening internal production and logistics links within the national economy. The results of the study indicate that contemporary geopolitical changes significantly influence the spatial organization of the Russian economy and contribute to the formation of new centers of economic growth in the regional structure of the country.

Key words: regional economy, geopolitical changes, spatial development, regional transformation, transport infrastructure, interregional cooperation, economic development.

Современный этап развития мировой экономики характеризуется значительными трансформационными процессами, связанными с усилением геополитической конкуренции, изменением структуры международных экономических отношений и формированием новых центров экономического влияния. В условиях трансформации мировой цивилизационной системы возрастает роль геополитических факторов, оказывающих существенное влияние на национальные экономики и направления их дальнейшего развития [13; 14].

Для Российской Федерации данные процессы приобретают особую значимость, поскольку изменения внешнеэкономической среды сопровождаются трансформацией торгово-экономических связей, изменением инвестиционных потоков и переориентацией международного сотрудничества. Усиление геополитических факторов формирует новые условия функционирования национальной экономики и требует адаптации экономических механизмов развития на различных уровнях хозяйственной системы.

Особое значение в данных условиях приобретает региональный уровень экономического развития. Регионы выступают ключевыми элементами пространственной организации национальной экономики и обладают различными ресурсными, инфраструктурными и институциональными характеристиками, что определяет неоднородность их экономической динамики [1; 2]. Влияние внешних факторов, включая геополитические изменения, проявляется на региональном уровне в изменении структуры экономической активности, трансформации внешнеэкономических связей и перераспределении экономических потоков между территориями.

В научной литературе вопросы регионального развития и пространственной организации экономики рассматриваются в работах отечественных и зарубежных исследователей, среди которых следует отметить труды А.Г. Гранберга, О.В. Кузнецовой, Н.В. Зубаревич, а также П. Кругмана и М. Портера, посвящённые анализу пространственных факторов экономического роста и конкурентоспособности территорий [1; 5; 10].

Объектом исследования выступает региональная экономика Российской Федерации.

Предметом исследования являются процессы трансформации региональной экономики России в условиях современных геополитических изменений.

Целью исследования является анализ трансформации региональной экономики Российской Федерации под воздействием современных геополитических факторов.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- рассмотреть теоретические основы исследования региональной экономики и пространственного развития;
- определить влияние современных геополитических изменений на экономическое развитие России;
- выявить основные направления трансформации региональной экономики Российской Федерации в современных условиях.

Методологическую основу исследования составляют методы системного и сравнительного анализа, а также подходы региональной экономики и пространственного анализа, позволяющие выявить особенности трансформации регионального развития в условиях современных геополитических изменений.

Научная значимость исследования заключается в анализе современных тенденций регионального развития в условиях трансформации мировой экономической системы и усиления геополитических факторов, оказывающих влияние на пространственную организацию экономики России.

Теоретические основы исследования региональной экономики в условиях внешних трансформаций

Региональная экономика представляет собой одно из ключевых направлений экономической науки, исследующее закономерности пространственной организации хозяйственной деятельности, особенности социально-экономического развития территорий и механизмы формирования региональной экономической политики. В рамках данного научного направления особое внимание уделяется анализу факторов, определяющих экономическое развитие отдельных регионов и их роль в структуре национальной экономики [1].

Современные исследования регионального развития подчёркивают, что пространственная структура экономики формируется под воздействием комплекса внутренних и внешних факторов, включая ресурсный потенциал территорий, уровень инфраструктурного развития, институциональную среду, а также влияние глобальных экономических процессов. Как отмечает А.Г. Гранберг, региональная экономика выступает важнейшим элементом национальной хозяйственной системы, обеспечивающим эффективное использование территориальных ресурсов и сбалансированное развитие страны [1].

Значительный вклад в развитие теории пространственной экономики внесли зарубежные исследователи. В частности, П. Кругман рассматривает пространственную концентрацию экономической активности как результат взаимодействия факторов экономической агломерации, транспортных издержек и особенностей распределения производственных ресурсов [10]. В свою очередь, М. Портер подчёркивает значение территориальных конкурентных преимуществ и роль региональных кластеров в обеспечении устойчивого экономического роста [7].

В современных условиях усиливается влияние внешних факторов на региональное развитие, что связано с трансформацией мировой экономической системы и изменением структуры международных экономических отношений. Геополитические процессы оказывают всё более заметное воздействие на национальные экономики, определяя направления торгово-экономического сотрудничества, инвестиционные потоки и развитие инфраструктурных связей между странами [13].

Для Российской Федерации влияние данных факторов проявляется в трансформации внешнеэкономической среды, изменении направлений экономического взаимодействия с зарубежными партнёрами и переориентации торгово-логистических потоков. Эти процессы оказывают непосредственное воздействие на региональную экономику страны, поскольку регионы обладают различными ресурсными и инфраструктурными возможностями адаптации к новым условиям экономического развития [2; 5].

Таким образом, анализ региональных трансформаций в условиях современных геополитических изменений представляет собой важное направление научных исследований, позволяющее выявить ключевые тенденции пространственного развития экономики России и определить перспективные направления региональной экономической политики.

Влияние современных геополитических изменений на экономическое развитие России

Современные геополитические процессы оказывают значительное влияние на функционирование мировой экономической системы, формируя новые условия развития национальных экономик [17]. Усиление международной конкуренции, изменение структуры глобальных экономических связей и трансформация системы международной торговли приводят к формированию новой геоэкономической реальности, в рамках которой государства вынуждены адаптировать свои экономические стратегии к изменяющимся условиям внешней среды [11; 13].

Для Российской Федерации данные процессы приобретают особое значение, поскольку трансформация международных экономических отношений сопровождается изменением структуры внешнеэкономического взаимодействия, ограничением доступа к отдельным рынкам и технологиям, а также необходимостью формирования новых направлений международного сотрудничества. Эти факторы оказывают комплексное воздействие на национальную экономику и определяют направления её дальнейшего развития.

Изменение условий внешнеэкономического взаимодействия становится одним из наиболее заметных проявлений современных геополитических преобразований. Эти процессы определяют особенности функционирования и развития национальной экономики. Ограничения в сфере международной торговли, трансформация финансовых механизмов взаимодействия и изменения глобальных рынков приводят к необходимости пересмотра традиционных моделей внешнеэкономического сотрудничества.

Одной из ключевых тенденций последних лет является изменение географической структуры внешнеэкономических связей. В условиях трансформации мировой экономической системы наблюдается постепенная переориентация внешнеэкономического сотрудничества на новые рынки и формирование альтернативных каналов международной торговли. Подобные процессы сопровождаются развитием новых экономических партнёрств и расширением взаимодействия с государствами Азии, Ближнего Востока и другими регионами мировой экономики [14].

Кроме того, изменения внешнеэкономической среды затрагивают инвестиционную сферу. Ограничение доступа к ряду международных финансовых инструментов приводит к необходимости поиска новых источников инвестиционного капитала и формированию альтернативных механизмов финансирования экономического развития [12; 16]. В этих условиях возрастает значение внутренних инвестиционных ресурсов и расширения экономического сотрудничества с новыми партнёрами на международной арене.

Наряду с трансформацией внешнеэкономической среды существенные изменения затрагивают структуру торговых, логистических и инвестиционных потоков. В современных условиях особую роль начинают играть транспортно-логистические коридоры, обеспечивающие устойчивость экономических связей между странами и регионами. Развитие новых логистических маршрутов становится важным фактором адаптации экономики к изменяющимся условиям мировой торговли.

В частности, усиливается значение транспортных коридоров, соединяющих российскую экономику с государствами Азии и другими регионами Евразии. Развитие инфраструктуры, включая железнодорожные и морские транспортные маршруты, способствует формированию новых направлений экономического взаимодействия и расширению внешнеэкономических возможностей страны.

Одновременно с этим происходит перераспределение инвестиционных потоков. В условиях изменения международной финансовой среды возрастает роль внутренних источников инвестиций и государственных механизмов поддержки экономического развития. Это способствует формированию новых экономических проектов и стимулирует развитие ключевых отраслей национальной экономики.

Следствием трансформации внешнеэкономической среды и изменения структуры торгово-логистических и инвестиционных потоков становится адаптация национальной экономики к новым геоэкономическим условиям. В условиях изменения мировой экономической системы данный процесс предполагает диверсификацию внешнеэкономических связей, развитие внутреннего рынка и формирование новых экономических стратегий, направленных на обеспечение устойчивости экономического развития.

Особое значение в данных условиях приобретает развитие технологического и промышленного потенциала страны. Формирование новых производственных цепочек, развитие внутренней кооперации и поддержка стратегически значимых отраслей экономики становятся важными направлениями экономической политики.

Таким образом, современные геополитические изменения оказывают комплексное влияние на экономическое развитие Российской Федерации, формируя новые условия функционирования национальной экономики и определяя направления её дальнейшей трансформации.

Основные направления трансформации региональной экономики России

Одним из наиболее заметных направлений трансформации региональной экономики России в современных условиях становится усиление экономического значения восточных регионов страны. Переориентация внешнеэкономических связей на государства Азии и Ближнего Востока, а также расширение сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона способствуют росту роли территорий Сибири и Дальнего Востока в системе международных экономических связей России. В этих условиях восточные регионы постепенно превращаются в важные центры взаимодействия страны с внешними партнёрами, обеспечивая развитие новых торговых маршрутов и формирование альтернативных направлений внешнеэкономической деятельности [3; 5].

Усиление роли восточного направления во многом связано с развитием крупных инфраструктурных и энергетических проектов, направленных на расширение экономического сотрудничества с государствами Азии. Одним из наиболее значимых примеров является реализация газотранспортного проекта «Сила Сибири», обеспечивающего поставки природного газа в Китай и стимулирующего развитие инфраструктуры восточных регионов страны. Одновременно обсуждаются перспективы реализации проекта «Сила Сибири-2», который рассматривается как один из элементов дальнейшего расширения энергетического взаимодействия России со странами азиатского региона [4].

Важным направлением развития внешнеэкономических связей становится формирование новых транспортно-экономических маршрутов, ориентированных на государства Южной и Западной Азии. В частности, значительное внимание уделяется развитию международного транспортного коридора «Север — Юг», который соединяет территорию России с Ираном, странами Ближнего Востока и Индией через систему железнодорожных, автомобильных и морских транспортных маршрутов [15]. Реализация данного проекта позволяет сократить сроки доставки грузов между странами Евразии и способствует расширению торгово-экономи-

ческого сотрудничества между регионами России и государствами азиатского макрорегиона.

Кроме того, развитие сотрудничества с государствами Ближнего Востока и Южной Азии сопровождается активизацией инвестиционного взаимодействия и расширением торговых связей. Экономическое сотрудничество с такими странами, как Индия, Иран, Объединённые Арабские Эмираты и Саудовская Аравия, открывает дополнительные возможности для развития инфраструктурных проектов, энергетического взаимодействия и расширения экспортного потенциала российских регионов. В совокупности данные процессы способствуют усилению роли восточных территорий страны и формированию новых центров экономической активности в пространственной структуре национальной экономики.

Развитие новых направлений экономического взаимодействия требует соответствующей модернизации транспортно-логистической инфраструктуры, обеспечивающей устойчивость торговых и экономических связей между регионами и внешними партнёрами. В современных условиях инфраструктурные проекты приобретают особое значение, поскольку именно транспортные коридоры обеспечивают эффективное функционирование внешнеэкономических связей и позволяют интегрировать национальную экономику в новые направления международной торговли.

Особую роль в этом процессе играет развитие крупных транспортных магистралей и логистических узлов, связывающих европейскую часть страны с восточными регионами и государствами Азии. В частности, модернизация железнодорожной инфраструктуры, включая расширение пропускной способности Байкало-Амурской магистрали и Транссибирской железнодорожной магистрали, способствует увеличению объёмов грузоперевозок в направлении стран Азиатско-Тихоокеанского региона и формированию новых маршрутов международной торговли [6]. Как отмечается в исследованиях пространственного развития, транспортная инфраструктура выступает одним из ключевых факторов экономической интеграции территорий и формирования единого экономического пространства страны [1; 8].

Дополнительное значение в современных условиях приобретает развитие арктического направления транспортных перевозок и использование потенциала Северного морского пути, который рассматривается как один из перспективных международных транспортных маршрутов между Европой и Азией.[8; 10] Развитие инфраструктуры арктических портов, расширение ледокольного флота и создание новых логистических центров в северных регионах открывают дополнительные возможности для формирования альтернативных транспортных маршрутов и повышения устойчивости международных торговых связей [11].

В совокупности данные процессы способствуют усилению экономической роли отдельных регионов страны и формируют новые условия пространственного развития национальной экономики. Развитие транспортно-логистической инфраструктуры становится важным фактором трансформации региональной экономики России, обеспечивая перераспределение экономической активности между территориями и формирование новых центров экономического роста.

Продолжением описанных процессов становится усиление роли ресурсных регионов в экономическом развитии страны. В условиях трансформации мировой экономической системы и изменения структуры международных экономических связей возрастает значение территорий, обладающих значительным природно-ресурсным потенциалом. Такие регионы играют важную роль в формировании экспортного потенциала страны и обеспечивают стабильность внешнеэкономических доходов национальной экономики [2].

К числу наиболее значимых ресурсных регионов относятся территории Сибири, Урала и Арктической зоны Российской Федерации, где сосредоточены крупные запасы нефти, природного газа, угля и других видов сырьевых ресурсов. Экономическая активность в данных регионах во многом определяется развитием добывающих отраслей промышленности, а также формированием инфраструктуры, обеспечивающей транспортировку и экспорт природных ресурсов на международные рынки. В современных условиях значение этих территорий усиливается в связи с расширением энергетического сотрудничества России со странами Азии и Ближнего Востока [5].

Одновременно развитие ресурсных регионов оказывает заметное влияние на пространственную структуру национальной экономики. Как отмечается в исследованиях региональ-

ного развития, концентрация природных ресурсов и производственной инфраструктуры в отдельных территориях способствует формированию специализированных экономических зон и усиливает роль данных регионов в системе межрегиональных экономических связей [1; 3]. В этих условиях ресурсные регионы становятся важными центрами экономической активности, обеспечивая не только экспорт сырья, но и развитие сопутствующих отраслей промышленности, транспортной инфраструктуры и энергетического комплекса.

Усиление роли ресурсных регионов выступает важным фактором трансформации региональной экономики России в условиях современных геополитических изменений и способствует формированию новых центров экономического роста.

Расширение экономической активности отдельных регионов и усиление их отраслевой специализации сопровождается развитием межрегиональной экономической кооперации. В условиях изменения внешнеэкономической среды и необходимости адаптации национальной экономики к новым геоэкономическим условиям возрастает значение внутренних экономических связей между регионами страны. Формирование устойчивых межрегиональных производственных и логистических цепочек становится одним из ключевых факторов обеспечения экономической устойчивости и сбалансированного территориального развития [2].

Развитие межрегиональной кооперации проявляется в расширении взаимодействия между промышленными, ресурсными и транспортно-логистическими регионами. Ресурсные территории обеспечивают поставки сырья и энергетических ресурсов, в то время как индустриально развитые регионы выступают центрами переработки и производства продукции с более высокой добавленной стоимостью. В свою очередь, транспортные регионы играют важную роль в обеспечении перемещения сырья, продукции и инвестиционных потоков между различными частями страны [1].

В современных условиях особое значение приобретает развитие внутренних производственных цепочек и кооперационных связей между предприятиями различных регионов. Расширение внутреннего рынка, развитие инфраструктуры и стимулирование промышленной кооперации способствуют формированию более устойчивой экономической системы, способной адаптироваться к изменениям международной экономической конъюнктуры. Как отмечают исследователи регионального развития, усиление межрегиональных связей способствует более эффективному использованию экономического потенциала территорий и формированию единого экономического пространства страны [3].

Таким образом, развитие межрегиональной экономической кооперации становится важным элементом трансформации региональной экономики России, обеспечивая укрепление внутренних экономических связей и формирование новых механизмов взаимодействия между территориями в условиях современных геополитических изменений.

Заключение

Современные геополитические изменения оказывают значительное влияние на развитие национальных экономик, формируя новые условия функционирования международной экономической системы. Для Российской Федерации данные процессы сопровождаются трансформацией внешнеэкономических связей, изменением структуры торговых потоков и формированием новых направлений международного экономического сотрудничества. Эти изменения оказывают непосредственное влияние на пространственную организацию экономики страны и определяют особенности развития её регионов.

Проведённый анализ показывает, что трансформация внешнеэкономической среды и переориентация международных экономических связей способствуют усилению роли отдельных территорий в структуре национальной экономики. В частности, возрастает значение восточных регионов России, выступающих важным звеном экономического взаимодействия со странами Азии и Ближнего Востока. Развитие инфраструктурных и энергетических проектов, а также формирование новых транспортных маршрутов создают предпосылки для активизации экономической деятельности в данных регионах.

Существенную роль в трансформации региональной экономики играет развитие транспортно-логистической инфраструктуры и расширение ресурсного потенциала отдельных тер-

риторий. Модернизация крупных транспортных магистралей, развитие арктических транспортных маршрутов и активизация добывающих отраслей способствуют формированию новых центров экономического роста и усиливают значение ресурсных регионов в структуре национальной экономики.

Одновременно возрастает значение межрегиональной экономической кооперации, которая обеспечивает формирование устойчивых производственных и логистических цепочек внутри страны. Расширение внутренних экономических связей между регионами способствует более эффективному использованию их экономического потенциала и формированию единого экономического пространства.

Таким образом, современные геополитические изменения выступают важным фактором трансформации региональной экономики России, определяя новые направления пространственного развития и формируя предпосылки для дальнейшего укрепления экономических связей между регионами страны.

Список литературы

1. *Выдашенко Л.А.* Исследование перспектив развития Восточного полигона на транссибирской магистрали / Л.А. Выдашенко, П.А. Выдашенко, Ю.М. Гарифуллина // Бюллетень науки и практики. — 2023. — Т. 9. — № 4. — С. 389–398. — DOI: 10.33619/2414-2948/89/45. — EDN SUSRLG.
2. *Гранберг А.Г.* Основы региональной экономики: учебник для вузов. — М.: ГУ ВШЭ, 2004. — 495 с.
3. *Зубаревич Н.В.* Регионы России: неравенство, кризис, модернизация / Н.В. Зубаревич; Независимый институт социальной политики. — М.: Независимый институт социальной политики, 2010. — 160 с. — ISBN 978-5-903599-10-3. — EDN VNFDJX.
4. Зубаревич Н.В. Регионы России в новых экономических условиях / Н.В. Зубаревич // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2022. — № 3(55). — С. 226–234. — DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-15. — EDN EVVYVQ.
5. *Кондратов Д.И.* Китайские перспективы российского газа // Российский внешнеэкономический вестник. — 2023. — № 10. — С. 85–111. — DOI: 10.24412/2072-8042-2023-10-85-111.
6. *Кузнецова О.В.* Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. — 392 с.
7. *Портер М.* Конкурентное преимущество наций. — М.: Альпина Паблишер, 2016. — 947 с.
8. *Сомова И.Ю., Аулов А.П., Князьков И.В.* Арктика — арена назревающей борьбы в условиях истощения традиционных источников ресурсов глобальной экономики // Мировые цивилизации. — 2025. — Т. 10. — № 2. — С. 20–27.
9. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. — М.: Правительство Российской Федерации, 2019.
10. *Тушков А.А., Сомова И.Ю., Немчинов А.С., Нехорошева А.Н.* Аркто-атлантический регион в контексте обеспечения национальных интересов России: транспарентный взгляд на проблему структуризации // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. — 2025. — Т. 14. — № 2(67). — С. 411–420.
11. *Lasserre F.* Arctic shipping: routes, resources and governance. — London: Routledge, 2022. — 242 p.
12. *Krugman P.* Geography and Trade. — Cambridge: MIT Press, 1991. — 142 p.
13. OECD. Regional Development Report 2023. — Paris: OECD Publishing, 2023. — 120 p.
14. OECD. Regional Outlook 2024. — Paris: OECD Publishing, 2024. — 180 p.
15. *Rodrik D.* Straight Talk on Trade: Ideas for a Sane World Economy. — Princeton: Princeton University Press, 2018. — 320 p.
16. UNCTAD. World Investment Report 2023. — Geneva: United Nations, 2023. — 180 p.
17. UNESCAP. International North–South Transport Corridor. — United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific, 2023. — 18 p.
18. World Bank. World Development Report 2022: Finance for an Equitable Recovery. — Washington: World Bank, 2022. — 310 p.
19. World Bank. Global Economic Prospects 2024. — Washington: World Bank, 2024. — 230 p.

СТАНОВЛЕНИЕ ХАРТЛЕНДА И РИМЛЕНДА: ПРЕДЫСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ¹

В.В. Добрынин

доктор философских наук,
профессор Кафедры международного бизнеса,
Институт управления РАНХиГС при Президенте РФ
prof.dobrynin@yandex.ru

Л.С. Перепелкин

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт востоковедения РАН
leonethnography@yandex.ru

THE FORMATION OF THE HEARTLAND AND RIMLAND: THE PREHISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE GEOPOLITICAL SITUATION IN NORTHERN EURASIA

V.V. Dobrynin

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of International Business,
RANEPA Institute of Management under the President of the Russian Federation
prof.dobrynin@yandex.ru

L.S. Perepelkin

PhD in Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
leonethnography@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается предыстория и история некоторых геополитических характеристик политического процесса в Евразии, который в определенных политологических концепциях характеризуется как противостояние хартленда и римленда. Подчеркивается, что предпосылки этого противостояния складывались медленно — в течение тысячелетий. Определенную роль в нем сыграло великое переселение народов и формирование государств, контролирующих центр Евразии и ее периферию. По мнению авторов, важно разобраться в историческом процессе и происхождении противостояния, чтобы на следующем витке эволюционного процесса компенсировать исторические ошибки. Особо учитывается роль народов индоевропейской языковой семьи и их историческое формирование.

Ключевые слова: археологическая культура, великое переселение народов, гаплогруппа, геополитика, государственность, Евразия, металлургическая провинция, миграция, индоевропейские языки, кочевое хозяйство, полис, римленд, хартленд.

Abstract. The article examines the background and history of certain geopolitical characteristics of the political process in Eurasia, which is characterized in certain political science concepts as a confrontation between the Heartland and the Rimland. It emphasizes that the preconditions for this confrontation developed slowly over thousands of years. The Great Migration and the formation of states that control the center of Eurasia and its periphery played a significant role in this process. According to the authors, it is important to understand the historical context and origins of this confrontation in order to compensate for historical mistakes in the next stage of the evolutionary process. The role of the Indo-European language family and their historical formation is particularly important.

Key words: archaeological culture, great migration, haplogroup, geopolitics, statehood, Eurasia, metallurgical province, migration, Indo-European languages, nomadic economy, polis, Rimland, Heartland.

¹ Частично материалы этой статьи опубликованы на персональном сайте Л.С. Перепелкина: *Перепелкин Л.С. Индоевропейская легенда о «призвании» и ее роль в создании Русской государственности* // URL: <https://ls-perepelkin.ru/>.

...Понятие силы в геополитике не является тривиальным. Оно может иметь количественное измерение, только если рассматривать военную силу... <...> Но не меньшее стратегическое значение имеют и нематериальные компоненты силы <...> все еще подчеркивается жесткая привязка к географическому фактору. В принципе, в этом нет ничего удивительного, т.к. вся история свидетельствует, что географическое расположение государства, его территория, представляет такую компоненту стратегического потенциала страны, которая часто превосходила все остальные.

В.В. Жириновский²

В цитированной работе В.В. Жириновский довольно точно обозначил различные факторы, определяющие современную геополитику. Они создавались исторически. Предыстория охватывает дописьменный, а история — освещенный письменными источниками период. Термин *хартленд* («сердце земли») восходит к статье 1904 г. английского географа Х. Макиндера «Географическая ось истории», в которой он изложил основы своей историософии [7]. Макиндер полагал, что *достижение мирового господства*³ связано с достижением господства в центре Евразии, на территории, которую он назвал «сердцем Земли»: «Я утверждаю, что, с географической точки зрения, они (региональные государства — авт.) совершают что-то вроде кругового вращения вокруг осевого государства, которое всегда так или иначе является великим, но имеющим ограниченную мобильность по сравнению с окружающими пограничными и островными державами» [7, с. 255]⁴. По мнению автора, такое противостояние восходит к античности в виде противостояния между Грецией и Ри-

² Жириновский В.В. Очерки по геополитике // Геополитика: Антология. — М.: Академический проект; Культура, 2006. — С. 925.

³ Надо сказать несколько слов о «мировом господстве». Как мы увидим далее, приблизительно с XIII в., начиная со становления Монгольской империи и вплоть до современности, «сердце земли» контролировалось одновременно одним государством, но «мировое господство» так и не свершилось. Что такое «мировое господство», малопонятно. Возможно, речь идет о глобальном идеологическом влиянии, на что претендуют некоторые идеологи либерализма [15]. Возможно, речь идет о глобальном управлении из одного (американского) центра, ибо «крах Российской империи (в 1991 г. — Л.П.) создал вакуум силы в самом центре Евразии» [2, с. 9] и заложил основу для «американского лидерства». Инструменты достижения «мирового господства», кроме завоевания *хартленда*, могут быть разные — техническое и институциональное превосходство (монополия на ядерное оружие, использование искусственного интеллекта, эмиссия мировой резервной валюты и т.д.), а также подкуп или воспитание национальных элит (например, русское западничество). Надо учитывать, что понятие «господство» связано с понятием «власть», то есть *управление поведением других людей*, или элит других стран, что в настоящее время и происходит [см. статью на указанном сайте: Перепелкин Л.С. Кризис мироустройства (стоимостей и ценностей) в фокусе конфликта на Украине]. Уже давно пропагандируется «мировое правительство» как легальная форма мирового господства западной, и в первую очередь американской элиты. В любом случае, речь идет о том, что одна страна или группа стран будет пользоваться ресурсами всего остального мира. Очень похоже, что *современная прокси-война Запада против России* [9, с. 111–127] имеет именно это происхождение. Как мы можем судить, современное стремление к мировому господству проявилось после распада СССР и Организации Варшавского договора, а также в начале стремительного расширения НАТО на восток. На наш взгляд, достижение «мирового господства» не только маловероятно, но и потенциально губительно для человечества, так как будет способствовать прекращению всяческого развития, уничтожая его основу — разнообразие. Мы полагаем, что *мечты о мировом господстве связаны с такими негативными свойствами человеческого существа, как жадность, глупость и тщеславие*. Сейчас заметна попытка установить мировое господство США договорным порядком, через создание Совета мира (см.: Интересовались уставом «Совета мира» Дональда Трампа? Показываем полный текст. — URL: <https://www.fontanka.ru/2026/01/20/76225020/?ysclid=mkqu558w1a175351309/23.01.2026/>).

⁴ Х. Макиндер, англичанин, стал автором идеи о мировом господстве не случайно, ведь Британская империя на пике своего могущества занимала территорию в 35.5 млн кв. км и была крупнейшим государством в истории. См.: Площадь Британской империи на пике могущества // URL: <https://ya.ru/search/?text=площадь+британской+империи+на+пике+могущества>.

мом и последующим противостоянием между европейским Востоком и европейским Западом. Ведь первый приобщился к христианству при посредстве Греции, а второй — Рима⁵. Понятие *римленд*, об этом далее, ввел американский политолог Н. Спикмэн (Приложение, рис. 5).

Думаем, что *геополитика* как научная дисциплина не отражает каких-то естественных законов, а связана с *неизменными или долговременными факторами человеческой деятельности*, например, доминирующей широтной протяженностью Евразийского континента, а также климатическими условиями в тот или иной исторический период. Естественно, что эти факторы могут оказывать свое политическое воздействие в определенных социально-культурных условиях, в данном случае — *после возникновения развитой государственности*. Не очень понятно, насколько «становление *хартленда*» отражает какие-либо закономерности — *наш планетарный геополитический опыт уникален*. Но вполне можно проследить, как ситуация складывалась — объяснение в данном случае говорит не о закономерности, а о том (если использовать строки Тита Лукреция Кара), что «из ничего не творится ничто по божественной воле». Как складывалась та или иная политическая ситуация, знать важно, чтобы понимать, что мы имеем дело с *объективным историческим процессом*, а не с его *идеологической интерпретацией*.

* * *

Предыстория становления *хартленда* относится к глубокой, еще догосударственной (неолитической) древности Евразии. Как хорошо известно, неолитическая революция произошла в 8–9 тыс. до н.э. на Ближнем Востоке, в регионе «плодородного полумесяца»⁶. В Европе тогда жили мезолитические охотники-собиратели, и где-то в 7–6 тыс. до н.э. сюда, на Балканы в бассейн Дуная, из Малой Азии произошла миграция неолитических земледельцев, носителей гаплогруппы⁷ G. В это время в Европе жили носители гаплогрупп I1 и I2, но они были вытеснены, а частью истреблены пришельцами. Мигранты принесли в Европу не только производящую неолитическую культуру, но и свои языки, которые, по наиболее распространенной версии, консолидировались здесь в индоевропейскую семью языков [12]. Пришельцы-индоевропейцы создали на Балканах целый ряд родственных неолитических культур, наиболее известной из которых является культура Винча (Приложение, рис. 1).

Вместе с миграцией индоевропейцев на Балканы здесь появилась и металлургия. Первые следы использования металла (меди, а потом бронзы) относятся к 7–5 тыс. до н.э. «Медь — один из первых металлов, хорошо освоенных человеком из-за доступности для получения из руды и малой температуры плавления. Этот металл встречается в природе в самородном виде чаще, чем золото, серебро и железо. Одни из самых древних изделий из меди, а также шлак — свидетельство выплавки ее из руд — найдены на территории Турции, при раскопках поселения Чатал-Гююк⁸. <...> Экспериментальные исследования С.А. Семенова с сотрудниками показали, что, несмотря на мягкость меди, медные орудия труда по сравнению с каменными дают значительный выигрыш в скорости рубки, строгания, сверления и распилки древесины, а на обработку кости затрачивается примерно такое же время, как для

⁵ В 1940 г. американский политолог Н. Спикмэн ввел параллельное хартленду понятие *римленд* (Rimland — «Дуговая земля»). Римлендом Спикмэн назвал дугу прибрежной полосы, окружающей хартленд с запада, юга и юго-востока. Спикмэн полагал, что именно эта земля имеет решающее стратегическое значения для контроля над Евразией. См.: Римленд // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Римленд>, а также: Приложение, рис. 5.

⁶ См.: Неолитическая революция // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Neolithic_Revolution.

⁷ Гаплогруппа здесь: последовательность нуклеотидов в Y-хромосоме ДНК. Она точно указывает на родство людей по мужской линии (см.: [5]). Обращение к этому понятию и явлению связано с необходимостью фиксировать древние миграции.

⁸ Протогородское поселение на Юге Анатолии (Турция, плато Конья) неолита-энеолита (8–6 тыс. до н.э.). См.: Корниенко Т.В. Чатал-Хююк // URL: <https://old.bigenc.ru/archeology/text/4680674?ysclid=1w3r2h9zt7606215821>.

каменных орудий»⁹. Где-то в 4 тыс. до н.э. на смену меди пришел ее более твердый сплав с другими металлами (бронза), причем металлы способствовали масштабному распространению человека по поверхности планеты¹⁰.

Для изготовления бронзовых орудий нужны были запасы ископаемых медных и оловянных руд, которые достаточно редки. Постепенно в Евразии сложились несколько металлургических провинций¹¹, в которых в результате торговых и обменных процессов развивалось производство бронзовых орудий (Приложение, рис. 2). Евразийская степная и Европейская провинции смыкались на Балканах. «В 2010 году в Сербии археологи обнаружили древнейшие в мире изделия из выплавленной меди — 5340–4640 лет до н.э. Они относятся к культуре Винча (культура расписной керамики)» [13, с. 44]. Можно предположить, что в обеих провинциях какой-то из индоевропейских праязыков использовался в качестве лингва-франка (язык-посредник), как *современный суахили*¹². Наличие этих торговых провинций подчеркивается тем фактом, что «в перечисленных языках стран»¹³, участвующих в торговле с неолита, слово “покупать” до сих пор имеет один и тот же корень» [13, с. 28–31].

Надо сказать, что в обеих провинциях шел интенсивный обменный (торговый?) процесс. Так, «уже в V тысячелетии до новой эры торговля шла по вполне сформировавшимся торговым путям. Причем, эти торговые пути уже были трансконтинентальными». «Протяженность некоторых торговых путей глубокой древности достигает 5–10 тысяч километров». «Торговля древности охватывала весь Евразийский континент, и географическим центром таких торговых операций по обнаруженным артефактам надо считать Центральную Россию» [13, с. 7, 10]. Иными словами, *многие современные языки индоевропейской семьи возникли из обслуживания обменных процессов*¹⁴, а далее стали развиваться по законам эволюции языков. Возможно, было два исходных языка-посредника, которые сформировались в современные группы индоевропейских языков *кентум* и *сатем* (Приложение, рис. 3). Вторые более характерны для носителей гаплогруппы R1a, а первые — R1b (Приложение, рис. 4), причем распространение типов языков и гаплогрупп в Европе, как очевидно, практически совпадают.

Появление в Европе носителей гаплогрупп R1a и R1b имеет достаточно позднюю историю: обе гаплогруппы возникли в Восточной Сибири давно, еще во времена последнего оледенения, и постепенно их носители мигрировали в западном направлении¹⁵. В Западной Европе носители гаплогруппы R1b (эрбины) появились вместе с Культурой колоколовидных кубков (2800–1900 гг. до н.э.)¹⁶ с территории Северной Африки. Носители этой гаплогруппы проделали в течение тысячелетий длительный путь из Западной Сибири через Поволжье, Кавказ и Египет (а туда они попали в качестве *гиксосов*¹⁷) в Северную Африку, где оставили свои генетические

⁹ См.: Медь // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Медь>. Также см.: Зими́на Г.В. Медь // URL: <https://bigenc.ru/c/med-afe2ff?ysclid=lw0yixv9fu208909873>.

¹⁰ Использование металлов увеличивало эффективность повозки как средства передвижения. См.: Колесо и повозка // URL: <https://historyonline.livejournal.com/166483.html>

¹¹ Речь идет о территориях, совмещающих добычу руд, изготовление из них орудий и других предметов, обмен ими на больших пространствах.

¹² Суахили // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Суахили>. Язык возник как «язык торговли» при совмещении элементов языков банту и арабского.

¹³ Речь идет о языках от японского на востоке, до германских, романских и славянских на западе.

¹⁴ В любом случае, создание металлургических провинций в связи с обменными процессами делало территории более связанными и облегчало возникновение в дальнейшем политической организации хартленда — государства.

¹⁵ Опять ссылаемся на статью на сайте: Перепелкин Л.С. Индоевропейская легенда о «призвании» и ее роль в создании Русской государственности // URL: <https://ls-perepelkin.ru/>.

¹⁶ Традиция колоколовидных кубков // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Традиция_колоколо-видных_кубков.

¹⁷ См.: Гиксосы. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Гиксосы>. Нашествие гиксосов на Египет относится к XVIII–XVI вв. до н.э., однако созданная носителями гаплогруппы R1b в Предкавказье Ямная культура существовала в 3200–2300 гг. до н.э. (см. Ямная культура // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ямная_культура). Иными словами, гиксосы были дальними родственниками носителей этой гаплогруппы (их иногда называют эрбинами), которые продолжили процесс переселения.

следы. В Западной Европе завоеватели уничтожили мужчин и захватили женщин, так что гаплогруппа R1b стала доминирующей. По словам одного из исследователей, «гибель старой Европы произошла как результат фактического геноцида коренного населения Европы *эрбинами*... совпадает и время заселения Европы *эрбинами* со временем исчезновения коренных гаплогрупп, и данные по разрушению поселений в Европе... и то, что мужчины старой Европы практически исчезли, а женщины остались...» [5, с. 309]. К R1b принадлежат и такие неиндоевропейские по языку народы, как баски, а в прошлом принадлежали этруски. Индоевропейский праязык стал распространяться, таким образом, как язык торговли и, возможно, язык колыбели, если он достаточно широко распространился здесь до прихода *эрбинов*.

Сходные процессы шли и на Востоке региона, где опять же из Западной Сибири произошла инфильтрация в направлении Балкан носителей гаплогруппы R1a (назовем их *эранами*). В своем восточном направлении они участвовали в создании неолитической культуры Яншао (5–3 тыс. до н.э.) в среднем течении р. Хуанхе¹⁸. Сюда они, вероятно, прибыли из места формирования гаплогруппы — Южной Сибири. На запад носители гаплогруппы R1a продвинулись, вероятно, в рамках Лужицкой культуры (XII–IV вв. до н.э.; распространение — восточная Германия, Польша, Чехия, Западная Украина)¹⁹ — в культурно-языковом отношении возможных предков нынешних славян (венды?) и балтов, а в генетическом плане — они вошли в состав многих народов Центральной Европы — немцев, скандинавов, венгров и т.д. Впрочем, древнейшие находки этой гаплогруппы в интересующих нас районах Европы относятся ко времени 5300 лет до н.э. (Средний Дон)²⁰. Носители обеих гаплогрупп имели крупное вооруженное столкновение в XII в. до н.э.

Речь идет о битве на р. Толлензе, которая расположена в 120 км к северу от Берлина [5, с. 274–286]. Происходившая одновременно с Троянской войной, битва не оставила литературных свидетельств типа «Илиады», но сохранила археологические остатки, включая человеческие кости. По свидетельству археологов, битва была очень крупной для того времени: в ней участвовало не менее 4000 человек, а погибло не менее 800 человек²¹. Победители, наверняка носители гаплогруппы R1a, так как битва происходила на территории Лужицкой культуры, забрали и похоронили своих погибших в другом месте, а вот трупы врагов сбросили в реку. Интересно, что эти люди были носителями гаплогруппы R1b и других европейских гаплогрупп²². Судя по находкам, пришельцы были собраны с разных концов Западной Европы. Некоторые авторы полагают, что *эрбины* собирались отвоевать южное побережье Балтики — источник высоко ценимого янтаря и начало Янтарного пути²³. Тогда, в XII в. до н.э., этого не получилось²⁴.

В любом случае, в Европе и сопредельных регионах сложилась большая община народов, говорящих преимущественно на индоевропейских языках и имеющих *ряд общих черт в социально-политической структуре (полисная организация)*. Где-то на рубеже 3–2 тыс. до н.э. носители индоевропейских языков стали интенсивно расселяться: на север, запад, юго-запад,

¹⁸ Яншао // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Яншао>.

¹⁹ Новицкий Б. Представитель луицкой культуры в Саксонии-Анхальт (Германия) оказался носителем характерной для славян Y-хромосомной гаплогруппы R1a-Z280 // URL: <https://dzen.ru/a/Zu0aLjh-siIBJCxX?ysclid=m7tbi4jshd490979622>; Новицкий Б. Историю Европы периода 3500–3200 назад придется переписать, полагает польский ученый-славист Томаш Косиньский // URL: https://dzen.ru/a/Zuf9mxoOjxF_Pvtb; Луицкая культура // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Луицкая_культура.

²⁰ Гаплогруппа R1a (Y-ДНК) // URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппа_R1a_\(Y-ДНК\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппа_R1a_(Y-ДНК)).

²¹ Что значительно больше погибших в Троянской войне, хотя она и длилась 10 лет.

²² О том, как собиралась эта «коалиция желающих», напоминают строки из «Илиады» об Одиссее, басыевсе о. Итака, «принужденном плыть в Илион».

²³ См.: Ковалев В. 8 торговых путей, которые сформировали мировую историю // URL: <https://travelask.ru/blog/posts/29513-8-torgovyh-putey-kotorye-sformirovali-mirovuyu-istoriyu>

²⁴ Очень хочется провести параллель с современной ситуацией, но удерживает тот факт, что эта битва произошла очень давно. Впрочем, работа Ю.Е. Березкина предполагает, что длительное, тысячелетнее сохранение и передача потомкам мемов вполне возможна [1]. Значит, возможно и сохранение в течение тысячелетий направления экспансии Drang nach Osten. Речь идет о существовании в течение тысячелетий мема «угроза с востока». Впрочем, мы не настаиваем на этом тезисе.

юг, юго-восток и восток (см. Приложение, рис. 1). В этих переселениях приняли участие все гаплогруппы, носители которых говорили на индоевропейских языках (I, G, J, R1a и R1b). В этом движении приняли участие предки италиков, греков²⁵, малоазиатских народов (хеттов, лувийцев и проч.), а также индоиранцев. Последние создали кочевую цивилизацию в Северном Причерноморье, осели в районах Южного Урала (Аркаим) и Аральского моря (Хорезм), и далее завоевали Северную Индию и Иранское нагорье. Все группы, мигрировавшие на юго-запад, юг и юго-восток попали в тесную взаимосвязь с древними южными центрами цивилизации, но принесли сюда свои социально-экономические образцы. В Греции была сохранена полисная модель [14], а в других регионах она стала преобразовываться в имперскую, причем соревнование между республикой и монархией имеет, скорее всего, прото-полисное, более древнее, чем рассуждения Аристотеля, происхождение²⁶. *В остальной Европе, как мы полагаем, сохранилась прото-полисная организация.*

Подобная ситуация в Центральной и Северной Европе сохранилась вплоть до Великого переселения народов (ВПН). Событийный ряд ВПН исследователи обычно начинают с 357 г., когда в Европу вторглись гунны, и заканчивают VII в., когда шло расселение славян на восток и юг (на территорию Византии)²⁷. Думаем, что начало ВПН можно отодвинуть на более ранний период и связать с климатическими изменениями²⁸. По мнению В.В. Клименко (Приложение, рис. 6), за период с 500 г. до н.э. по 632 г. н.э. *климатические изменения* легли в основу около 140 важнейших исторических событий, которые он сгруппировал следующим образом: «...1. Культурные и технологические прорывы, духовные свершения²⁹. 2. Переселения народов, нашествия, вторжения. 3. Возникновение и укрепление государств, усиление централизованной власти. 4. Распад государств, ослабление централизованной власти. 5. Гражданские войны, внутренние конфликты, восстания»³⁰. Где-то во II в. н.э. началось снижение температуры в Северном полушарии, — естественно, сначала в самых северных широтах.

Во II в. до н.э. вандалы, группа германских племен, переселились из юго-западной Скандинавии и Ютландии на территорию между Вислой и Нижней Эльбой, начав тем самым ВПН и дав начало движению других — германских, славянских, тюркских, угорских, монгольских — групп (Приложение, рис. 7). Конечно, этим переселенческим процессам способствовали не только климатические изменения, но и определенные технические и социокультурные изменения. Среди технических изменений наиболее важным было широкое распространение выплавки железа и кузнечного дела, а также развитие кочевого хозяйства как отдельного *хозяйственно-культурного типа*.

На наш взгляд, появление кочевого хозяйства и социальной организации [подробнее см. 11] обусловлено в первую очередь появлением и широким распространением навыков обработки железа, Без чего трудно представить кочевое хозяйство Евразии и Северной Африки, так это без стремени и подкованной лошади. Массовый материал для подков может дать только железо, распространенное, в отличие от меди, повсеместно. «Древнейшим центром металлургии железа был регион Малой Азии, Восточного Средиземноморья, Закавказья (2 пол. 2 тыс. до н.э.). <...> Одна из древнейших находок металлургического горна относится к рубежу 2 и 1 тыс. (Квемо-Болниси, территория современной Грузии), шлака — в слоях архайического периода Милета. <...> Возможно, из Ирана в нач. 1 тыс. черная металлургия распространилась в Индию (где начало широкого использования железа относят к 8 или 7/6 вв.),

²⁵ Это были предки ахейских греков, а в XII в. произошла миграция греков-дорийцев, а также «народов моря».

²⁶ По этому поводу см.: [4, с. 26–74], причем автор отмечает, что «обсуждается вопрос о типологической близости античным полисам городов Киевской Руси» [4, с. 27], что скорее всего указывает на их общие истоки.

²⁷ Великое переселение народов. — https://ru.wikipedia.org/wiki/Великое_переселение_народов.

²⁸ Так же, как и окончание ВПН можно передвинуть на более позднее время, явно более позднее, чем создание Арабского халифата.

²⁹ К этому времени относится тот период, который К. Ясперс называл «Осевым временем» [16], а также распространение христианства и возникновение ислама.

³⁰ Клименко В.В. Климат и история // URL: <https://abuss.narod.ru/Biblio/klimenko.htm> (подчеркнуто нами. — Л.П.).

в 8 в. — в Среднюю Азию. В степях Азии железо получило широкое распространение не ранее 6/5 вв.»³¹.

Железо как массовый материал возникло вместе с использованием широко распространенной болотной руды, то есть «...разновидности бурого железняка (лимонита), естественно отлагающегося в болотах на корневищах болотных растений благодаря жизнедеятельности особых микроорганизмов»³². Болотные руды имеют достаточно широкое распространение, равнозначное распространению железобактерий, продуктом жизнедеятельности которых является болотная руда³³.

Период ВПН интересен для нашей темы в первую очередь тем, что именно тогда начали формироваться такие явления, как *римленд* и *хартленд* (не говоря уж о том, что именно тогда создавались основы современной этнической структуры Евразии). Создание *римленда* хорошо иллюстрируют завоевания норманнов [Приложение, рис. 8], а возникновение *хартленда* и длительное его существование демонстрирует последовательная смена политических образований, охватывающих значительную часть центральных территорий Евразии: например, Монгольская империя, Российская империя (Приложение, рис. 9 и 10).

В дальнейшем *римленд* развивался в виде создания *заморских колоний*, в том числе и переселенческих, и надо отметить, что в этом процессе участвовали люди, относящиеся преимущественно к гаплогруппе R1b (Приложение, рис. 4). Возникновение *хартленда* связано с *колонизацией внутренних районов Евразии* [например: 6], причем следует отметить, что в процессе создания *хартленда* преимущественно участвовали люди, имеющие гаплогруппу R1a³⁴ (сравн.: Приложение, рис. 4, 5, 8, 9, 10). Впрочем, совершенно непонятно, является ли закономерностью исторически зафиксированное противостояние между *хартлендом* и *римлендом*. Или это историческая случайность, связанная с определенным соотношением сил между обществами с политическим (государственным) устройством в рамках Евразийского континента и доминирующими в этих обществах традициями/мемами? Кажется, на этот вопрос нельзя найти ответ при помощи традиционного научного — экспериментального — метода, а история пока не предоставила нам необходимого естественного эксперимента [см. 3].

* * *

Совершенно очевидно, что геополитика не относится к разряду естественных наук, которые изучают природные законы на основе экспериментальных данных. Приведенные выше данные показывают, как складывалась система взаимодействий между *римлендом* и *хартлендом* на протяжении тысячелетий, как формировались эти самые явления, но они никоим образом не говорят о неизбежности и необходимости такого противостояния. Иными словами, та геополитика, которую в данной статье представляют работы Х. Макиндера и Н. Спикмэна, очень далека от *естественной науки*. Но это и не ART (по А.Р. Рэдклифф-Брауну [см. 10]), так как геополитика показывает *большую статистическую возможность* определенных ре-

³¹ Гавритухин И.О., Канторович А.Р., Кузьминых С.В. Железный век // URL: <https://old.bigenc.ru/archeology/text/2624901?ysclid=md3fchj4j5978877039>. Также см.: Кубанова А.Н., Гвоздев А.Е., Протопопов Е.А. История зарождения и развития металлургической отрасли и ее влияние на мировую промышленность // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-zarozhdeniya-i-razvitiya-metallurgicheskoy-otrasli-i-ee-vliyanie-na-mirovuyu-promyshlennost>; История производства и использования железа // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/История_производства_и_использования_железа.

³² Болотная руда // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Болотная_руда.

³³ Железобактерии // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Железобактерии>.

³⁴ Надо отметить, что и тюрки по языку имеют в своем составе от 25 до 33% носителей гаплогруппы R1a, что говорит о наличии общих «физических» предков, например, со славянами, среди которых эта гаплогруппа во многих случаях достигает или даже превышает 50% популяции. Сказанное не означает, что та или иная последовательность нуклеотидов в Y-хромосоме определяет поведение людей и судьбу стран и континентов. Логика здесь другая, а именно: социальные границы [8, с. 21–33] на определенной территории создают группы, нивелированные в генетическом и культурном отношении. У этих групп под воздействием факторов среды и истории вырабатываются сходные модели поведения (реакции).

зультатов при данных природно-географических и социально-культурных условиях. Измени условия, и результаты были бы другие. Так, например, если бы Китай не перешел к политике изоляции, то, вероятно, путешествие китайского адмирала Чжэн Хэ в Индийский океан, к берегам Африки и Аравии (1405–1433 гг.)³⁵ не привели к формированию *римленда* на базе западноевропейских стран. И, следовательно, не было бы современного противостояния, описываемого как конфликт между *римлендом* и *хартлендом*.

То, что история не имеет сослагательного наклонения, — это банальность, которую надо додумать до конца. Понять, как формировалась та или иная ситуация в историческом процессе важно, ибо это *дает возможность надеяться на исправление исторических ошибок*. Например, на следующем историческом витке, который, как мы полагаем, будет связан с актуализацией *региональных интеграционных систем*, можно будет попытаться избежать проклятия национального (государственного) эгоизма. А при совершении глобального экономического и политического порядка можно будет попытаться уменьшить жадность и коррумпированность западных элит и их чувство собственной исключительности. Наконец, при осмыслении возможного будущего устройства мира можно будет попытаться уменьшить влияние идеологием левого (коммунистического или либерального) толка. Наконец, напрашивается отказ от универсалистских трактовок общественного развития.

Список литературы

1. Березкин Ю.Е. Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. — СПб.: Наука, 2013. — 320 с.
2. Бжезинский З. Геополитическое положение России // Бжезинский З., Киссинджер Г. Россия в американской политике. До и после 2014 года. — М.: Родина, 2024. — 240 с.
3. Даймонд Д., Робинсон Дж. (ред.) Естественные эксперименты в истории: сборник. — М.: АСТ, 2018. — 352 с.
4. Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. — Л.: Изд-во ЛУ, 1985. — 208 с.
5. Клёсов А.А. Происхождение народов. Очерки ДНК-генеалогии. — М.: Наше завтра, 2021. — 624 с.
6. Любавский М. Русская колонизация. — М.: Алгоритм, 2014. — 304 с.
7. Макиндер Х. Географическая ось истории // Геополитика: Антология. — М.: Академический проект; Культура, 2006. — С. 244–256.
8. Перепелкин Л.С. Проблема «Иного» в российской жизни: феномен социальных границ и объект национально-культурной политики. — СПб.: Алетейя, 2018. — 112 с.
9. Перепелкин Л.С. Эволюционная антропология: очерки по изучению социальных процессов большой длительности. — М.: ИВ РАН, 2024. — 268 с.
10. Перепелкин Л.С. Антропологическая тематика в журнале «Личность. Культура. Общество» // Личность. Культура. Общество. Научно-практический журнал. — 2024. — Т. 25, вып. 3–4 (119–120). — С. 198–213.
11. Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. — М.: Наука, 1982. — 188 с.
12. Сафронов В.А. Индоевропейские прародинны. — Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1989. — 402 с.
13. Тюняев А.А. Доисторическая межконтинентальная торговля. По данным археологии (аналитическая история). — М.: Белые альвы, 2020. — 430 с.
14. Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. — Л.: Изд-во ЛУ, 1988. — 232 с.
15. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек // Геополитика: Антология. — М.: Академический проект; Культура, 2006. — С. 568–590.
16. Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат, 1991. — 527 с.

³⁵ Путешествия Чжэн Хэ. — https://ru.wikipedia.org/wiki/Путешествия_Чжэн_Хэ

Приложение

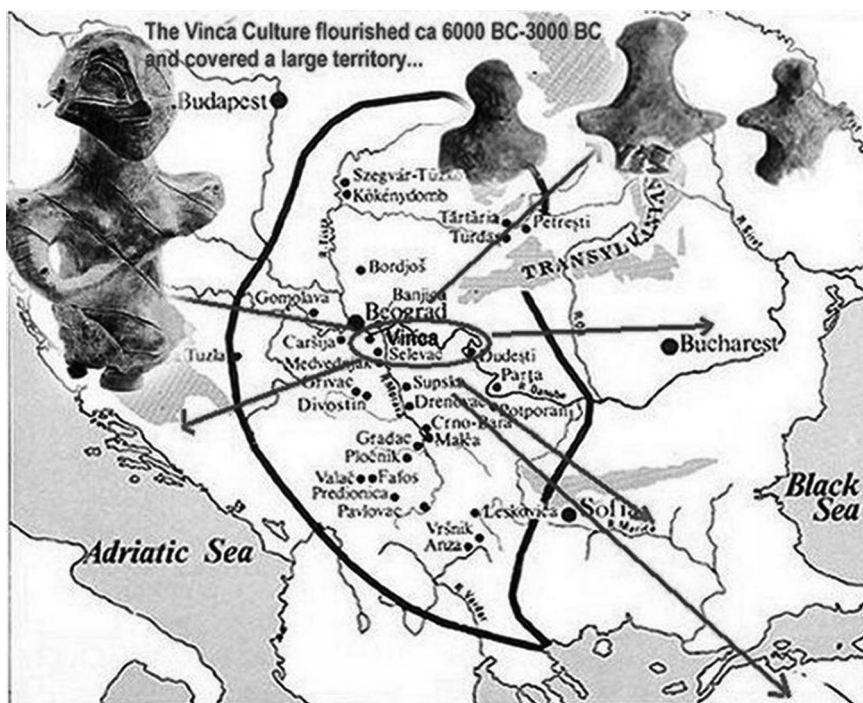

Рис. 1. Распространение культуры Винча

Источник: URL: <https://i.pinimg.com/736x/b5/81/5a/b5815a3d54a40f7a1b9d9b4e3ca5563c.jpg>.

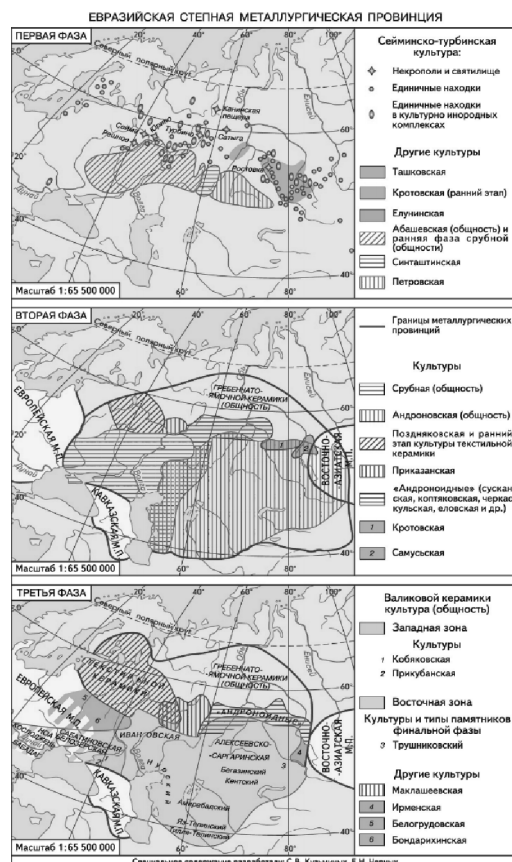

Рис. 2. Металлургические провинции в Евразии (бронзовый век)

Источник: Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Евразийская степная металлургическая провинция // URL: <https://old.bigenc.ru/archeology/text/1973789?ysclid=m7hxm3tykr651631166>.

Рис. 3. Языки кентум и сатем в Европе

Источник: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Изоглосса_кентум_—_сатем.

Рис. 4. Распространение доминирующих гаплогрупп в Европе

Источник: Доминирующие гаплогруппы Y-хромосомы стран Европы. // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Y-DNA_haplogroups_in_populations_of_Europe.

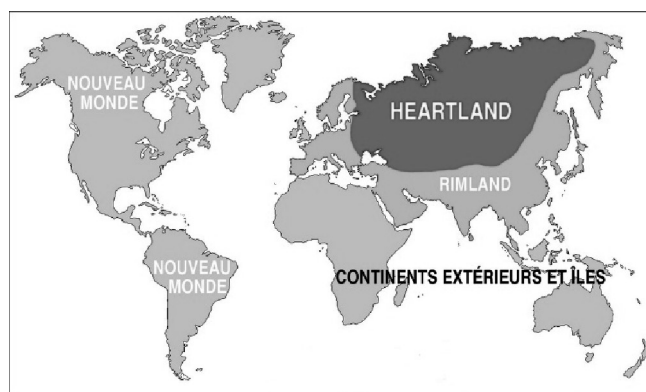

Рис. 5. Римленд и хартленд, по Н. Спикмэну

Источник: Римленд. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Римленд>.

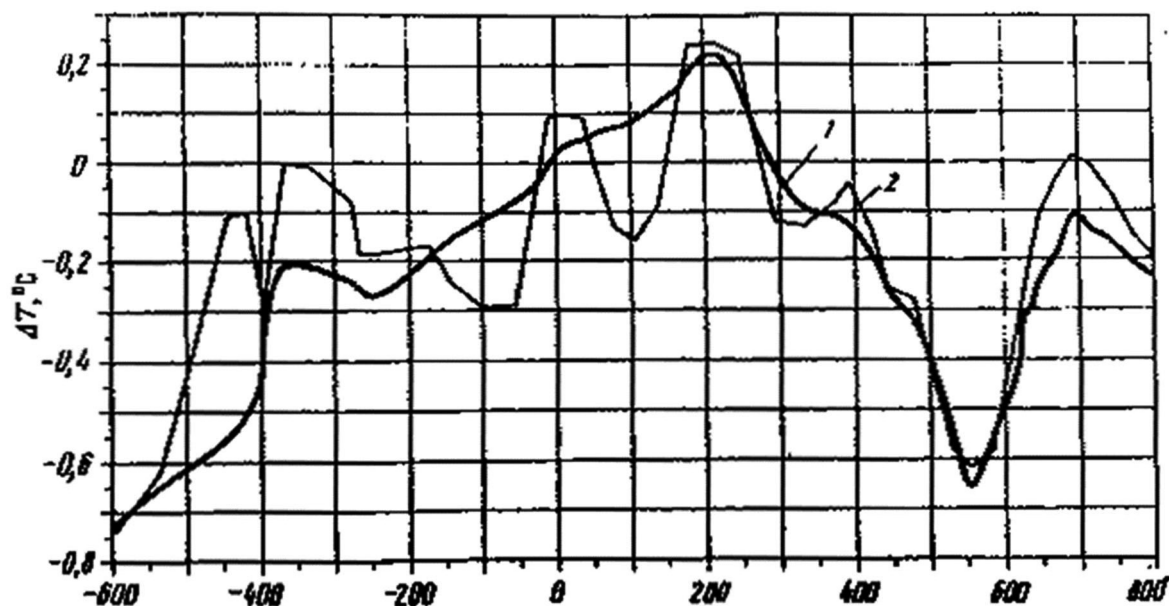

Рис. 6. Реконструкция среднегодовой температуры Северного полушария в V в. до н. э. — VIII в. н. э.

(1 — наши данные, пересчитанные из радиоуглеродной в календарную шкалу времени;
2 — детализированные данные.

Температура отсчитана в разности от средней за 1951–1980 гг. величины).

Источник: Клименко В.В. Климат и история // URL: <https://abuss.narod.ru/Biblio/klimenko.htm?ysclid=ma73cnjd36747898695>

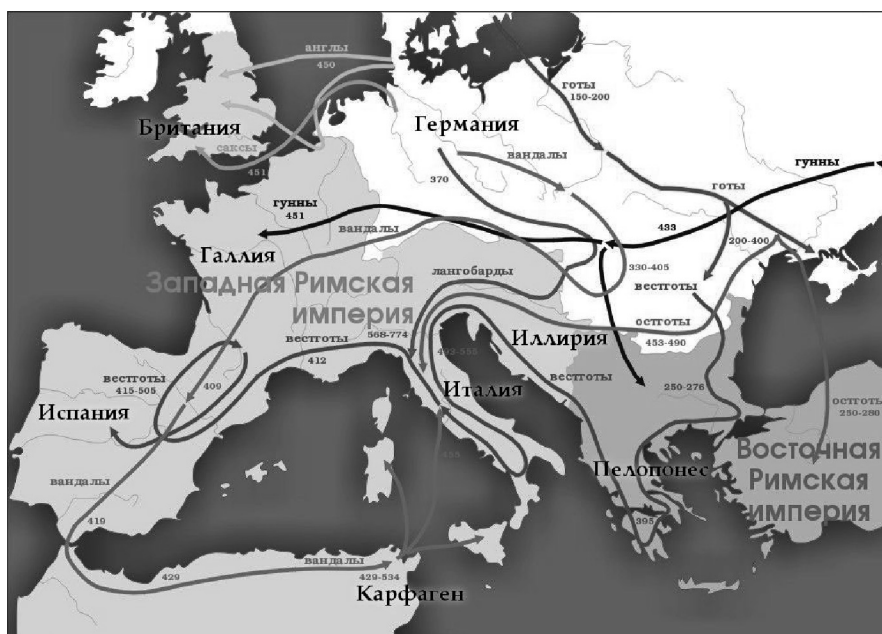

Рис. 7. Карта Европы 150–550 гг. с изображенными на ней путями миграции народов

Источник: Вандалы // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Вандалы>.

Рис. 8. Владения норманнов в 1130 г.

Источник: Норманны // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Норманны>.

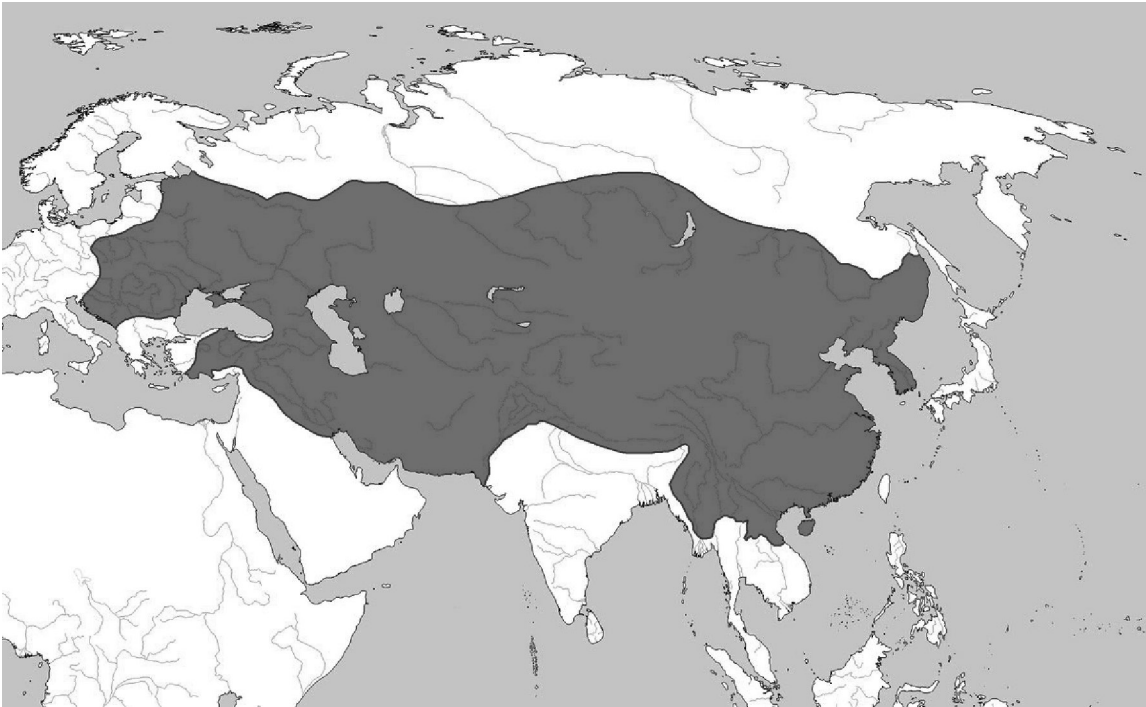

Рис. 9. Монгольская империя в период наибольшего могущества

Источник: Монгольская империя. Как возникло и почему исчезло второе по величине государство в истории? // URL: <https://dzen.ru/a/Z6HifMKVbchb1zyxh>.

Рис. 10. Российская империя в период наибольшего расширения

Источник: Российская империя — территория максимальная. —/ https://sun9-26.userapi.com/c831309/v831309517/165c38/wmkX_2MV92k.jpg.

СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ РОССИИ: «ОКНО В АЗИЮ» ИЛИ ВНУТРЕННЯЯ ПЕРИФЕРИЯ?

М.М. Зубарев

аспирант

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
zubarevmm@gmail.com

SIBERIA AND THE FAR EAST IN THE CIVILIZATIONAL STRUCTURE OF RUSSIA: “WINDOW TO ASIA” OR INTERNAL PERIPHERY?

M.M. Zubarev

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
zubarevmm@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается дихотомия цивилизационной роли Сибири и Дальнего Востока в структуре российского государства. На основе анализа экономических показателей, инвестиционной динамики и демографических процессов исследуется противоречие между стратегическим курсом на «поворот на Восток» и фактическим положением макрорегиона как сырьевой периферии. Особое внимание уделяется новой фазе освоения, связанной с санкционным давлением и переориентацией на рынки АТР. Делается вывод о необходимости перехода от экстенсивной модели к качественному развитию человеческого капитала.

Ключевые слова: Сибирь, Дальний Восток, цивилизационная идентичность, региональная экономика, поворот на Восток, инвестиции, демография, сырьевая периферия.

Abstract. The article examines the dichotomy of the civilizational role of Siberia and the Far East in the structure of the Russian state. Based on the analysis of economic indicators, investment dynamics and demographic processes, the contradiction between the strategic course of the «turn to the East» and the actual position of the macroregion as a raw material periphery is investigated. Special attention is paid to the new phase of development associated with sanctions pressure and reorientation to the Asia-Pacific markets. The conclusion is drawn about the need to transition from an extensive model to the qualitative development of human capital.

Key words: Siberia, Far East, civilizational identity, regional economy, turn to the East, investments, demography, raw material periphery.

Освоение Сибири и Дальнего Востока на протяжении столетий выступало не только экономическим, но и цивилизационным проектом России. Еще М.В. Ломоносов пророчески утверждал, что «российское могущество прирастать будет Сибирью», фиксируя тем самым фундаментальную связь между восточными территориями и судьбой государства [3]. В современной геополитической ситуации, характеризующейся разрывом отношений с Западом и форсированным «поворотом на Восток», вопрос о цивилизационной роли Сибири и Дальнего Востока приобретает особую остроту.

Цель настоящей статьи — проанализировать, выступают ли восточные регионы России действительно «окном в Азию» — плацдармом для интеграции в динамично развивающийся Азиатско-Тихоокеанский регион, — или же сохраняют статус внутренней сырьевой периферии, эксплуатируемой в интересах центра.[1] Основной фокус исследования направлен на региональную экономику как ключевой индикатор реальной роли территорий.

Методология и исторический контекст

Теоретическую основу работы составляют концепции цивилизационного развития, разработанные в трудах Л.И. Мечникова, рассматривавшего влияние географической среды на

историю обществ [10], а также современные подходы к региональной идентичности, опирающиеся на методологию постколониальных исследований [11]. Важное значение имеет анализ стратегии «нового освоения», предложенный В.В. Черновым, который обосновывает необходимость комплексного подхода к развитию восточных территорий с учетом исторических, социальных и географических факторов [10].

Исторически Сибирь осваивалась как колониальная периферия: от «мягкого золота» (пушнины) XVI–XVII веков до серебра, золота и пшеницы в имперский период. Советская индустриализация придала процессу качественно иной характер: великие комсомольские стройки, создание Урало-Кузнецкого комбината, БАМ, западносибирский нефтегазовый комплекс превратили регион в индустриальное сердце страны [4]. Однако и в советский период сохранялась сырьевая специализация, лишь дополненная оборонной промышленностью.

Ресурсный потенциал и его реализация

Сибирь занимает исключительное положение в экономике России. На ее долю приходится 70% территории страны, где сосредоточено 62,2% валовой ценности балансовых запасов полезных ископаемых, включая 71% нефти, 78% природного газа, 69% угля [9]. Регион обеспечивает около 47% налоговых поступлений в бюджет за счет нефтегазового сектора, производит 73% добычи основных видов топлива, 80,6% алюминия, свыше 50% никеля и меди. Экспорт минерально-сырьевых ресурсов дает почти 67% валютных поступлений страны [10].

Казалось бы, столь впечатляющие показатели свидетельствуют о ключевой роли макро-региона в национальной экономике. Однако за этими цифрами скрывается глубокая проблема: Сибирь и Дальний Восток функционируют преимущественно как сырьевой придаток, поставляя ресурсы как на внешние рынки, так и в европейскую часть России. Добавленная стоимость создается в минимальном объеме, глубокая переработка развита слабо, а значительная часть доходов изымается в федеральный бюджет и перераспределяется в пользу других территорий.

Демографический вызов и человеческий капитал

Наиболее тревожным индикатором периферийного статуса выступает демографическая ситуация. При 70% территории в Сибири проживает лишь 16,3% населения России, причем численность сокращается со скоростью около 1 млн человек в год [10]. Это результат устойчивого миграционного оттока, который не удастся переломить несмотря на десятилетие активной государственной политики.

Исследователи отмечают парадоксальный феномен: сам носитель региональной идентичности — сибирская интеллигенция, квалифицированные кадры — уже во втором-третьем поколении стремится покинуть регион [9]. Образовательная миграция в европейскую часть России и за рубеж приобрела устойчивый характер. Лучшие выпускники школ изначально не ориентированы на поступление в местные вузы, рассматривая учебу дома как «личную катастрофу» [10]. Это создает эффект «промывной миграции», при которой регион теряет наиболее активную и образованную часть населения.

С. Караганов, анализируя ситуацию, приходит к выводу, что Дальний Восток оказался «искусственно оторван от гораздо более мощных в человеческом, промышленном, ресурсном отношении Восточной и Западной Сибири», что препятствует формированию целостной стратегии развития [4]. Он предлагает концепцию «сибиризации» — возвращения к идее восточного поворота всей России через первостепенное развитие всей Сибири, включая Приуралье.

Инвестиционная динамика и новые проекты

Позитивным сигналом выступают инвестиционные показатели последних лет. По данным на начало 2026 года, на Дальнем Востоке реализуется более 3 тыс. инвестиционных проектов на общую сумму 13,5 трлн рублей, из которых 6 трлн уже фактически вложено [7]. Введено в эксплуатацию более 1 тыс. предприятий, создано свыше 180 тыс. рабочих мест. За время реализации предшествующей стратегии развития (до 2025 года) валовой региональный продукт ДФО вырос на 25%, привлечено 5,5 трлн рублей частных инвестиций [6].

Правительство РФ готовит новую стратегию социально-экономического развития Дальнего Востока до 2030 года с прогнозом до 2036 года [8]. Ключевые направления включают:

- программу развития электроэнергетики ДФО до 2050 года;
- программу газификации макрорегиона до 2036 года (с использованием инфраструктуры «Силы Сибири — 2» для газификации Забайкалья и Бурятии);
- ускорение модернизации БАМа и Транссиба;
- развитие прибрежного рыболовства и малого бизнеса [6; 7].

Вводятся и конкретные меры поддержки: с 2026 года предприниматели могут получить льготный кредит под 8% годовых для строительства зарядных комплексов для электромобилей (выделено 150 млн рублей), а жители Сибири и Дальнего Востока — финансовую поддержку для модернизации отопительных систем частных домов (16,5 млрд рублей на 2026–2028 годы) [2].

Проблема «двух Сибирей»

Анализ экономической динамики позволяет говорить о формировании феномена «двух Сибирей». Первая — это зона активного освоения, привязанная к транспортным коридорам и экспортным потокам: Приобье с его нефтегазодобычей, южная полоса вдоль Транссиба, отдельные очаги в Приморье и на Сахалине. Здесь концентрируются инвестиции, формируются новые производства, уровень жизни относительно выше.

Вторая Сибирь — это огромные пространства, не затронутые модернизацией: депрессивные моногорода, поселки лесозаготовителей, районы Крайнего Севера. Отсюда продолжается отток населения, инфраструктура деградирует, социальные проблемы нарастают. Разрыв между этими двумя Сибирями увеличивается, что создает угрозу территориальной целостности и социальной стабильности.

Западные политологи, включая З. Бжезинского и М. Олбрайт, неоднократно высказывали тезис о том, что Сибирь должна стать «общеевразийским достоянием», а Россия неспособна самостоятельно удержать эти территории в долгосрочной перспективе [10]. На семинаре в Сиэтле в 2007 году российским представителям прямо предлагали «подумать о будущем региона, управлять которым Россия вскоре не сможет» [10]. Хотя эти высказывания носят провокационный характер, они фиксируют реальную проблему: слабозаселенная, экономически недиверсифицированная территория с сырьевой специализацией уязвима для внешнего давления.

«Окно в Азию»: возможности и ограничения

«Поворот на Восток», активизировавшийся после 2022 года, создает принципиально новые возможности. Азия, по оценкам экспертов, остается самым перспективным направлением в XXI веке [2]. Развитие БАМа, ввод в эксплуатацию газопровода «Сила Сибири», проектирование «Силы Сибири — 2» — все это свидетельствует о стремлении интегрироваться в динамичные рынки АТР.

Однако реализация этих возможностей наталкивается на инфраструктурные ограничения. Пропускная способность Восточного полигона железных дорог (БАМ и Транссиб) остается недостаточной. Пограничные пункты пропуска требуют реконструкции. Энергетическая инфраструктура в ряде регионов не справляется с растущей нагрузкой.

Кроме того, сохраняется риск закрепления неокOLONиальной модели: вывоз сырья в обмен на готовую продукцию. Китайские компании активно занимают ниши, освободившиеся после ухода западных производителей, усиливая свои позиции в сфере промежуточной продукции и машиностроения. Без форсированного развития обрабатывающей промышленности и сектора высоких технологий Сибирь рискует превратиться в сырьевой придаток уже не только европейской части России, но и стремительно растущего Китая.

Цивилизационный аспект:
между Европой и Азией

В цивилизационном плане Сибирь занимает уникальное положение. С. Караганов подчеркивает, что «освоение Сибири сделало из древней Руси, Русского царства великую Россию» [4]. Именно здесь формировались особые черты русского характера: культурная и национальная открытость, коллективизм, тяга к воле, безмерная отвага. Сибирь стала «заваркой русского характера», местом, где русские тесно взаимодействовали с десятками национальностей, формируя уникальную евразийскую идентичность.

Возвращение к этой идентичности — не только экономическая, но и мировоззренческая задача.[9] Конфронтация с Западом, разложение европейского общества, долговременное замедление развития Европы указывают: будущее России на Востоке и Юге, куда перемещается центр мира [4]. Россия с ее уникальной культурой и открытостью призвана стать важной частью этого сдвига, «Северной Евразией» — балансиrom и военно-стратегическим стержнем нового многополярного миропорядка.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Сибирь и Дальний Восток сохраняют двойственную природу: обладая колоссальным ресурсным потенциалом и стратегическим значением, они продолжают функционировать преимущественно как сырьевая периферия с высоким уровнем зависимости от федерального центра и экспортной конъюнктуры.
2. Демографическая ситуация остается наиболее уязвимым звеном: отток населения, особенно квалифицированных кадров, подрывает возможности качественного развития. Перелом тенденции, зафиксированный в 2025 году (впервые за много лет миграционный прирост в ДФО составил 24 тыс. человек) [5], требует закрепления и наращивания.
3. Инвестиционная активность последних лет создает основу для модернизации, однако существует риск закрепления неокOLONиальной модели экспортно-сырьевой специализации в отношениях со странами АТР.
4. Цивилизационная роль восточных регионов требует переосмысления: они должны стать не просто «окном в Азию», но органической частью евразийской идентичности России, платформой для формирования новой модели развития, соединяющей передовые технологии с уникальным культурным опытом.

Для реализации этой роли необходим переход от экстенсивной модели «нового освоения» к качественному развитию человеческого капитала, диверсификации экономики, созданию комфортной среды жизни. Как справедливо отмечает В.В. Чернов, «разработка и реализация стратегии комплексного развития России невозможна без решения вопроса «нового освоения» территорий Севера, Сибири и Дальнего Востока» [10]. Сегодня этот вопрос приобретает не только экономическое, но и цивилизационное измерение, от ответа на которое зависит будущее российской государственности.

Список литературы

1. Аулов А.П., Сомова И.Ю., Князьков И.В. Активизация новых торговых проектов европейского союза и стран семерки в Центральной Азии в условиях быстроменяющегося мирового порядка // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. — 2024. — Т. 13. — № 6(59). — С. 1363–1373.
2. Вводится федеральная субсидия на модернизацию отопительных систем ИЖС в Сибири и на Дальнем Востоке // Инвестиционный портал Камчатского края. — 2026. — 28 января.
3. «Восточный вектор» российской политики // Editorum. — 2022. — С. 16–20.
4. Караганов С.А. Сибиризация: второй поворот России на Восток лежит «за Камнем» // Россия в глобальной политике. — 2024. — 1 июня.

5. Манаков А.Г. Выделение основных элементов территориальной структуры этнокультурного пространства Азиатской России конца XIX столетия // Известия Иркутского государственного университета. Серия Науки о земле. — 2023. — № 45. — С. 68–79.
6. Михаил Мишустин дал поручения по новой Стратегии развития Дальнего Востока // Большая Азия. — 2026. — 14 января.
7. Названы главные темы ВЭФ-2026 // Хабаровские вести. — 2026. — 28 февраля.
8. Правительство готовит новую стратегию развития Дальнего Востока // Deita.ru. — 2026. — 15 января.
9. Тушков А.А., Матвеев О.В., Николенко А.А., Сомова И.Ю. Сигнификативные аспекты исследования некоторых проблем русской локальной цивилизации // Вопросы политологии. — 2025. — Т. 15. — № 2(114). — С. 432–442.
10. Чернов В.В. «Великий путь» русской цивилизации в контексте стратегии «Нового освоения» Сибири и Дальнего Востока // ВВ: Философские исследования. — 2012. — № 4. — С. 210–233.
11. Чистанов М.Н. Формирование региональных элит и проблемы сохранения культурной идентичности регионов Сибири и российского Дальнего Востока // Гуманитарный вектор. — 2019. — Т. 14. — № 4. — С. 81–86.

ПЕРСПЕКТИВЫ ФРОНТИРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ В РАКУРСЕ ВИДЕНИЯ ВАРИАНТОВ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПОСТКОНФЛИКТИНГА

К.Н. Лобанов

доктор политических наук, доцент,
Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, Белгород
lobanov-pol@yandex.ru

PROSPECTS OF RUSSIA'S FRONTIER REGIONS IN THE CONTEXT OF THE OUTCOMES OF THE RUSSIAN-UKRAINIAN POST-CONFRONTATION

K.N. Lobanov

Grand PhD in Political Sciences, Associate Professor,
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod
lobanov-pol@yandex.ru

Аннотация. Статья представляет собой своеобразный каркас авторского видения перспектив сопредельных с Украиной регионов Российской Федерации в условиях политической и военной финализации конфликта. Методологической основой работы послужили прием политологической диагностики сложных социальных процессов и метод сценарирования. Целью публикации является осмысление возможных вариантов исхода российско-украинской вооруженной конфронтации и активизация готовности российских фронтальных регионов к организации жизнедеятельности при каждом из вариантов в логике конструирования будущего, а не в режиме реакций.

Ключевые слова: Российская Федерация, Украина, российско-украинская вооруженная конфронтация, территориальная реконфигурация, трансграничная интеграция, еврорегион.

Abstract. The author presents a conceptual framework for the prospects of the adjacent regions of the Russian Federation to Ukraine in the context of the political and military finalization of the conflict. The method of political science diagnostics of complex social systems, as well as the scenario planning method, form the basis of this work. The goal of the article is to grasp the possible outcomes of the Russian-Ukrainian armed confrontation and prepare the Russian frontier regions for revitalization in any of the outcomes. Such is based on the logic of constructing the future, rather than on the reactionary regime.

Key words: Russian Federation, Ukraine, Russian-Ukrainian armed confrontation, territorial reconfiguration, transboundary integration, Euroregion.

Динамика российско-украинской вооруженной конфронтации, какой эскалированной она не была бы в моменте, будет вести к неизбежной пацификации. Вопрос о том, в какой форме произойдет замирение между сторонами конфликта и на чьих условиях — во многом остается пространством открытых решений [5]. Тем не менее, несмотря на фундаментальную неопределенность как состояние текущего развития, всплывают проблемы, требующие осмысления уже сегодня. К числу предметов для аналитического препарирования относятся вопросы обеспечения комплексной безопасности и последующего социально-экономического развития приграничных (фронтальных) с Украиной субъектов Российской Федерации. Формат настоящей статьи не позволяет в одинаковой степени остановиться на всех семи регионах России, расположившихся на протяжении почти двух тысяч километров российско-украинского сухопутного порубежья, учитывая, что западные и северные границы четырех новых конституционных территорий с высокой степенью вероятности еще будут смещаться. В фокусе авторского внимания находятся коренные области нашей страны, входившие в состав Слобожанщины и Северной Украины исторического российского государства — Белгородская, Курская и Брянская [3]. По убеждению автора, территориальная реконфигурация этого участка государственной границы протяженностью 970.6 километров по итогам конфликта

представляется незначительной и даже маловероятной. Тем не менее, определенным изменениям может быть подвергнут политико-правовой статус сопредельных с российской стороной украинских областей, что в различной степени будет оказывать влияние на перспективы развития наших собственных территорий.

Наименее благоприятным для организации и поддержания жизнедеятельности российских фронтальных земель окажется вариант возврата к *status quo ante*. Здесь подразумевается реанимация прежнего рисунка российско-украинской границы с возвратом Киеву так называемых «буферных карманов» в Сумской и Харьковской областях. Важно заметить, что принципиально важным обстоятельством в этом случае будет являться не сам факт восстановления границы, а содержание политики украинской власти по отношению к России. В случае, если в условиях постконфликтного политическое и военное руководство Украины будет придерживаться прежней враждебной и тем более реваншистской линии в отношении российского соседа, то зона границы в пределах трех «старых» областей России станет малоприспособленной для полноценной хозяйственной и социальной жизни. Четыре года вооруженной конфронтации превратили территории Белгородской, Курской и Брянской областей в театр военных действий со всеми вытекающими негативными последствиями для экономики, демографии и психического здоровья населения. Будучи обескровленными в материальном и морально-психологическом плане, эти территории как субъекты экономической жизни будут только пессимизироваться и испытывать на себе дальнейшую функциональную ротацию в виде милитаризации.

В случае изменения формулы мира панорама перспектив для российского порубежья также будет корректироваться. Это может произойти, например, если вооруженные силы России к завершению конфликта смогут зафиксировать линию боевого соприкосновения с противником на десятки или сотни километров в глубине украинской территории. Создаваемая таким образом буферная или санитарная зона станет существенным фактором обеспечения безопасности российских регионов, однако политико-правовой статус образовавшихся промежуточных пространств будет под вопросом. Это, в свою очередь, затруднит как социально-экономическую регенерацию самих российских фронтальных субъектов, так и сделает проблемным налаживание устойчивых и долгосрочных связей с управляющими администрациями и населением на сопредельных территориях. Другой версией исхода конфликта может стать соглашение о демилитаризации пограничной зоны по одной или двум сторонам границы. При условии, что российские и украинские власти будут строго и неукоснительно придерживаться достигнутых договоренностей, для находящихся на пограничной линии административно-территориальных единиц появляются некоторые шансы на приостановку социально-экономической деградации и выход на стабильное развитие. Определенный импульс движению в этом направлении могло бы дать обустройство в демилитаризованной полосе свободной экономической зоны (СЭЗ). Аналогичные планы в предварительном порядке обсуждаются в отношении дальнейшей судьбы 23% территории Донецкой Народной Республики, находящихся пока под контролем вооруженных сил Украины, которые могут быть демилитаризованы по итогам дипломатического урегулирования конфликта. Свободная экономическая зона предполагает беспрепятственную внутреннюю циркуляцию всех факторов производства, облегченные процедуры регистрации субъектов хозяйственной деятельности, льготный налоговый режим и иные преференции [см. подробнее 4]. Предполагается, что такие преимущества будут привлекательны как для российских, так и украинских резидентов СЭЗ, что, в свою очередь, позволит установить на сопредельных территориях благоприятный хозяйственный климат как неременное условие для нормализации экономики и социальной жизни. Вместе с тем, важно понимать, что создание СЭЗ сопряжено с определенными ограничениями, главным из которых является временный характер предоставляемых государствами выгод для хозяйствующих субъектов. Поэтому в долгосрочных интересах развития и роста своих сопредельных территорий стороны были бы заинтересованы в поиске константных и более резистентных форм кроссграницного взаимодействия.

В мировой практике к числу сложных территориально-функциональных систем организации сотрудничества приграничных локаций относятся еврорегионы. Еврорегионы как пилотные проекты впервые возникли на франко-германской границе в 50-х годах прошлого столетия и стали своеобразным проявлением так называемой «малой интеграции» в рамках

нарождающегося Европейского Экономического Сообщества — прообраза будущего Европейского союза [см. подробнее 6]. По своей структурной анатомии еврорегион — это обычно две и более сопредельные территории соседних стран, характеризующихся относительным единством природной первоосновы или расселения, трудовых и культурно-бытовых связей населения, хозяйства, инфраструктуры, нередко также исторических, этнических и культурных традиций. Отправной точкой для формирования еврорегиона, обычно становится инициатива «низов» — консенсус местных политических и экономических элит и жителей приграничных территорий относительно тех выгод, которые может извлечь каждый субъект отношений из своего нового, приграничного положения. Затем происходит юридическое оформление и институционализация еврорегиона. Когда таких трансграничных сообществ появляется несколько, они начинают стимулировать центральные власти узаконить их статус на межгосударственном уровне и принять соответствующие акты [1, с. 49]. Одними из первых на постсоветском пространстве на рубеже 90-х-нулевых годов были созданы трансграничные регионы «Слобожанщина» (в составе Белгородской области России и Харьковской области Украины), «Ярославна» (в составе Курской области России и Сумской области Украины), «Донбасс» (в составе Ростовской области России и Луганской и Донецкой областей Украины), «Днепр» (в составе Брянской области России, Черниговской области Украины и Гомельской области Беларуси). Позже с запада на восток от Калининградской области России через Беларусь и Украину были конституированы сложные, многосоставные (по три-пять приграничных территорий) еврорегионы «Балтика», «Неман», «Озерный край», «Беловежская пуща», «Буг» — всего 9. Учрежденные еврорегионы приняли свои уставы и сформировали общие органы для оперативного управления и реагирования.

«Слобожанщина» являлась, пожалуй, одной из наиболее успешных попыток инициировать и продвинуть интеграцию между Российской Федерацией и Украиной на трансграничном уровне. Особенность этого проекта заключалась в его мультимодальности. Прежде всего, в пределах локации еврорегиона действовал упрощенный режим транзита через границу основных факторов производства — людей, денежных средств, товаров и услуг. Эта инновация благоприятно сказывалась на развитии экономик Белгородской и Харьковской областей, так как организация производства и условия ведения бизнеса становились заметно лучше. Хозяйственные комплексы двух регионов все больше сближались и взаимно ориентировались друг на друга. Товарооборот Харьковской и Белгородской областей в 2010 г. достигал рекордных 400 млн долл. [2, с. 148]. Например, для харьковских предпринимателей и промышленников это составляло 40% от всего товарооборота области с Россией, а в целом в 2011–2013 годах товарооборот украинских соседей в среднем возрастал более чем на 1/3 [2, с. 149]. Эта положительная и восходящая тенденция была подкреплена трансграничным сотрудничеством в сфере научно-технологического и инвестиционного взаимодействия, что нашло свое отражение в учреждении в 2011 году российско-украинского технопарка «Слобожанщина» (другое название — «TECHNOPOLIS») в составе ведущих вузов и предприятий Харьковской и Белгородской областей. Целью создания технопарка было формирование среды активного взаимодействия ученых и предпринимателей Украины и Российской Федерации для коммерциализации научных разработок, формирования условий для ускоренного развития высокотехнологичных направлений производства и превращения их в основную движущую силу экономического роста всего еврорегиона. Развитию экономических и научно-технических связей всегда сопутствовали давние и прочные гуманитарные контакты между жителями двух областей. Эти взаимосвязи основывались на исторической, языковой и культурно-бытовой общности слобожан как особой этнической группы смешанного типа, состоящей из русскоязычных украинцев и русских, населяющих восточные земли Украины и юго-запад России. В рамках еврорегиона «Слобожанщина» создавались широкие возможности для культурного взаимодействия и повседневного общения людей «поверх барьеров» — от создания Приграничного российско-украинского университетского консорциума до организации пунктов специально упрощенного порядка пересечения границы жителями двух областей¹. Последнее нововве-

¹ См.: Соглашение между Кабинетом Министров Украины и Правительством Российской Федерации о порядке пересечения российско-украинской границы жителями приграничных регионов Украи-

дение было особенно положительно воспринято населением по обе стороны фронта, но существовало оно, к сожалению, недолго.

Ревитализация идеи «малой» интеграции в формате еврорегиона на российско-украинском порубежье не может произойти механически. Чтобы на местном уровне возродились паттерны прежнего сотрудничества и восстановились необходимые связи, сначала требуется создать благоприятные политические условия для этого на межгосударственном уровне. По окончании интенсивной вооруженной конфронтации в Киеве, по меньшей мере, должна установиться формально лояльная России власть, а в лучшем случае — дружественный режим, мотивированный на выстраивание кооперативных отношений со своим соседом. Но даже если в условиях мира официальная украинская сторона будет придерживаться минимально приемлемого уровня толерантности, шансы на переход к более развитым формам общения между приграничными территориями вполне реальны при наличии соответствующей воли и желания проживающего на этих землях населения. В конце концов, в истории имеются примеры, когда «малая» интеграция на уровне периферийных приграничных муниципалитетов и коммун придавала импульс «большой» коллаборации на уровне столиц и стран в целом.

В заключение подытожим сказанное. Потенциал развития фронтирных регионов России напрямую зависит от динамики и исхода вооруженной конфронтации нашей страны с соседней Украиной. Наименее благоприятным фоном для регенерации и роста этих территорий станет сохранение враждебной отчужденности между двумя государствами на этапе постконфликтного сосуществования. Определенный позитивный, но паллиативный эффект может быть достигнут в ситуации буферного разграничения и то с учетом ряда дополнительных условий. Комфортная среда устанавливается при учреждении и с началом функционирования сложных многоуровневых систем организации кроссгосударственного взаимодействия в обстановке мира и встречных волевых интенций. Российское высшее руководство, региональные власти и муниципальные органы приграничья должны принимать во внимание все варианты развития ситуации и быть готовыми к реагированию в логике стратегий, а не рефлекторных процессов.

Список литературы

1. Кузнецов А.В. Еврорегионы: полвека «малой» интеграции // Современная Европа. — 2008. — № 3.
2. Лобанов К.Н., Погонина Е.А. Слобожанский край и его политико-стратегические возможности в контексте развития российской государственности и евразийской интеграции // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. — 2016. — № 1.
3. Папков А.И. Освоение российским государством южных окраин в XVI веке // Научные ведомости Белгородского государственного национального исследовательского университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. — 2013. — № 1(144). — С. 63–81.
4. Плотникова А.П. Сравнительно-географическая характеристика комплексных ОЭЗ/СЭЗ в России и их влияние на экономику региона // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. — 2022. — № 1. — С. 57–72.
5. Тушков А.А., Сомова И.Ю., Аулов А.П., Гарцев А.С. Эволюция отношений России и запада в XXI веке: от хрупких мостов к тектоническому разлому // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2025. — Т. 16. — № 1(46). — С. 61–67.
6. Яровой Г.О. Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе. — СПб.: Норма, 2007. — С. 178–198.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ В СТРАНАХ СНГ

С.М. Никоноров

доктор экономических наук,
профессор Кафедры экономики устойчивого развития и природопользования,
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва
nico.73@mail.ru

А.Б. Лисянский

кандидат экономических наук,
доцент Кафедры управления человеческими ресурсами,
Самарский университет им. Королева, Самара
Lysyanskiyaab@mail.ru

А.Р. Якшиянц

студент,
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва.
a67697886@gmail.com

STRATEGIC DEVELOPMENT OF THE ENERGY SECTOR IN THE CIS COUNTRIES

S.M. Nikonorov

Doctor of Economics, Professor,
Department of Economics of Sustainable Development and Environmental Management,
Lomonosov Moscow State University, Moscow.
nico.73@mail.ru

A.B. Lisyansky

PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Human Resource Management,
Samara University named after Korolev, Samara.
Lysyanskiyaab@mail.ru

A.R. Yakshiyants

student,
Lomonosov Moscow State University, Moscow
a67697886@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается стратегическое развитие энергетической отрасли, которая является основой современного мира. Существует мнение, что энергетика — это ключ к развитию цивилизации. Под понятием энергетика в данной статье будет подразумеваться производство различных видов энергии, её передача, распределение и использование разного рода энергетических ресурсов. Энергетика в современном мире перестаёт быть отраслью экономики, она превращается в сложную систему, требующую новых решений и продуманного планирования для устойчивого развития в борьбе с масштабными вызовами. Рассматриваются особенности развития энергетики в странах СНГ.

Ключевые слова: энергетика, стратегическое развитие, возобновляемые источники энергии.

Abstract. The article examines the strategic development of the energy industry, which is the foundation of the modern world. There is an opinion that energy is the key to the development of civilization. The concept of energy in this article will mean the production of various types of energy, its transmission, distribution and use of various kinds of energy resources. In the modern world, energy is no longer a branch of the economy, it is turning into a complex system that requires new solutions and thoughtful planning for sustainable development in the fight against large-scale challenges. The peculiarities of energy development in the CIS countries are considered.

Key words: energy, strategic development, renewable energy sources.

В странах СНГ по-разному справляются с энергетическими вызовами, у каждой страны есть своя национальная стратегия развития энергетической отрасли.

Стратегическое развитие энергетической отрасли в России (1)

Стратегической целью государственной энергетической политики в сфере обеспечения энергетической безопасности является последовательное улучшение ее следующих главных характеристик:

- 1) способность топливно-энергетического комплекса надёжно обеспечивать экономически обоснованный внутренний спрос на энергоносители соответствующего качества и приемлемой стоимости, то есть покрывать весь спрос на энергию [2];
- 2) способность потребительского сектора экономики эффективно использовать энергоресурсы, предотвращая нерациональные затраты общества на собственное энергообеспечение;
- 3) устойчивость энергетического сектора к внешним и внутренним экономическим, техногенным и природным угрозам надёжному топливообеспечению и энергообеспечению, а также его способности минимизировать ущерб, вызванный проявлением различных дестабилизирующих факторов.

Вот что говорится об энергетической стратегии России на период до 2030 года: «Стратегической целью государственной энергетической политики в сфере повышения энергетической эффективности экономики является максимально рациональное использование энергетических ресурсов на основе обеспечения заинтересованности их потребителей в энергосбережении, повышении собственной энергетической эффективности и инвестировании в эту сферу»¹.

Как и было выше отмечено, ответственность за потребление лежит не только на производителях, но и потребителях. Для решения данных проблем требуется:

- 1) разработка и утверждение интегрированной нормативно правовой базы (федерального и регионального уровня) в области энергосбережения;
- 2) построение унифицированной и эффективной системы менеджмента для управления процессом повышения энергетической эффективности;
- 3) установление адекватной внутренней ценовой политики на энергоресурсы через их постепенную и контролируруемую либерализацию с целью мотивации экономики и населения к бережливому потреблению;
- 4) активизация бизнес-инициатив в секторе энергосбережения путём создания привлекательных условий, гарантирующих механизмы возврата частных капиталовложений в проекты повышения энергоэффективности.

После начала производства чистой энергии и её рационально потребления, важно направить имеющиеся топливные ресурсы на экспорт, для того чтобы решить проблему с нехваткой инвестиций, то есть, деньги, которые необходимы для перехода на ВИЭ, строительство новых АЭС и технологий утилизации ядерных отходов, должны поступать в казну от продажи топливных ресурсов.

Для устойчивого развития энергетики в России также будет крайне важна подготовка специализированных кадров, которые будут заниматься развитием ядерной энергетики и поиском новых источников энергии. Всё это будет невозможно без поддержки государства, в первую очередь, улучшения системы среднего, средне специального и высшего образования.

Стратегическое развитие энергетической отрасли в Узбекистане (3)

Основу энергетики в Узбекистане составляет природный газ, его доля по разным оценкам составляет примерно 80% в энергопотреблении и 85% в производстве электричества.

Стоит напомнить о том, что природный газ относительно экологичен, но в стране с населением почти в 40 миллионов человек, где по официальным данным более 75% автомобилей работают на газе, приходится думать и об иных видах топлива не только для автомобилей, но и

¹ URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/economic/document122/>.

для электростанций, 70–85% которых работает на ископаемом топливе (уголь, газ). Растущее энергопотребление, связанное с естественным приростом населения (1 млн человек в год) и отсутствием достаточного электроснабжения, вызывает частые перебои с подачей электричества в центре столицы, статистика окраин Ташкента и тем более регионов гораздо хуже.

Стратегическая задача для Узбекистана, по нашему мнению, — использовать запасы газа как переходный ресурс и финансовый рычаг для масштабного инвестирования в возобновляемые источники энергии (ВИЭ). Это позволит высвободить значительные объёмы газа для экспорта и развития высоко маржинальной химической промышленности, максимизируя экономическую выгоду.

Центральным элементом этой стратегии является «Солнечный Шелковый Путь». Благодаря более чем 300 солнечным дням в году и высокому ветровому потенциалу в пустынных регионах (Каракалпакстан, Навоийская область), Узбекистан обладает огромным ресурсом — до 610 ГВт потенциальной «зеленой» мощности. Стратегия предполагает доведение доли ВИЭ в генерации до 60% к 2035 году. Это будет достигнуто через мега-проекты солнечных и ветровых парков, реализуемых на основе государственно-частного партнерства с международными гигантами, обеспечивая приток прямых иностранных инвестиций.

Однако массированное внедрение прерывистых источников энергии (солнца и ветра) невозможно без создания «цифрового энерго-интеллекта». Это означает полную модернизацию и цифровизацию сетей до стандарта Smart Grid 2.0. Необходимо не просто заменить старые ЛЭП, но и внедрить системы накопления энергии (BESS) ёмкостью в несколько гигаватт, которые будут выступать в роли «электрических резервуаров», балансируя сеть и обеспечивая энергией в часы пик и ночью. Искусственный интеллект станет диспетчером этой сложной системы, прогнозируя погоду и потребление.

Ключевым аспектом стратегии является децентрализация. Через программу «Солнечный дом» необходимо максимально стимулировать установку микрогенерации (солнечных панелей) на крышах домохозяйств и предприятий. Введение механизма «чистого учета» (Net Metering) позволит гражданам продавать излишки энергии государству, превращая потребителей в активных участников рынка и снижая нагрузку на национальную сеть. Это создаст не только экономическую выгоду для населения, но и мощный импульс для развития малого и среднего бизнеса и создания тысяч новых рабочих мест в сфере установки и обслуживания ВИЭ.

Наконец, никакой прорыв в генерации не будет эффективным без «энергетического разумного потребления». Необходимо внедрить обязательные и жёсткие стандарты энергоэффективности для нового строительства и промышленности. Снижение энергоемкости ВВП в 2–3 раза — амбициозная, но достижимая цель, достижение которой снизит общий спрос и минимизирует потери. Важной частью стратегии является региональная энергетическая интеграция. Превращение Узбекистана в «зеленый» центр позволит экспортировать излишки чистой энергии в соседние страны, укрепляя стабильность всего Центрально-Азиатского региона. Реализация «Энергетического моста будущего» — это не только экологическая, но и экономическая необходимость. Это путь к гарантированной энергобезопасности, устойчивому росту и превращению Узбекистана в ключевого партнера в Центральной Азии по вопросам «зеленого» перехода.

Стратегия направлена на: гарантированную энергобезопасность; устойчивый экономический рост; укрепление роли Узбекистана как ключевого партнера в Центральной Азии в рамках «зелёного» перехода.

Стратегическое развитие энергетической отрасли в Казахстане (3)

Казахстан интересен нам не только своим географическим положением, но и своей структурой энергетики. Энергетика Казахстана на 70% зависит от угля и во многом использует устаревшие технологии генерации электроэнергии, что оказывает негативное воздействие на окружающую среду из-за выбросов вредоносных соединений от сжигания угля. Уголь по сравнению с газом гораздо более токсичен. Использование угля во многом обусловлено наличием данного ресурса в регионе, а также отсутствием более новых и выгодных технологий. В

стране существуют и другие ресурсы, которые в основном экспортируются — нефть и природный газ.

Казахстан как и большинство стран на планете стремится к изменению структуры своей энергетики с помощью трансформации и адаптации. Амбициозная цель для Казахстана является достижение углеродной нейтральности региона к 2060 году. Это предполагает снижение доли угля в энергетике и резкий переход на возобновляемые источники энергии..

Стратегическое развитие энергетической отрасли в Кыргызстане (5; 8; 12)

Кыргызстан имеет высокий потенциал в развитии ВИЭ, в первую очередь за счет использования водных ресурсов — этот источник энергии активно применяется, и до 90% электроэнергии производится на ГЭС.

Согласно официальным данным стратегия 2035 направлена на развитие ГЭС, строительство новых и обновление старых, что приведёт к улучшению положения. Стратегией предусмотрено и развитие солнечных электростанций.

У Кыргызстана достаточно ресурсов для решения не только внутренних энергетических проблем, но и выработки электроэнергии на экспорт, но без умелого распоряжения ресурсами, грамотного управления и помощи со стороны государства с данными проблемами справиться будет не просто.

Стратегическое развитие энергетической отрасли в Таджикистане (6; 11)

Таджикистан имеет существенный потенциал для развития ГЭС. Эта страна является лидером по данному показателю, и он составляет 4% от всего мирового потенциала. На долю ГЭС в стране по разным данным приходится около 98% выработки электроэнергии. Зимой, как и в Кыргызстане у страны начинаются проблемы с энергоснабжением. Мощность ТЭС ограничена и не может заменять работу ГЭС в зимний период. В связи с этим предполагается строительство новой ГЭС на реке Вахш. Судя по проекту эта ГЭС должна решить проблему зимнего дефицита электроэнергии.

Стратегия Таджикистана направлена на достижение энергетической независимости и максимального получения прибыли от ГЭС. Избыток электроэнергии планируется экспортировать странам соседям (Афганистану, Пакистану и Кыргызстану). ТЭС, работающие на газе, также подлежат модернизации, что станет подстраховкой в холодные зимние месяцы.

Таджикистан — это страна с огромным потенциалом для выработки чистой электроэнергии, в данный момент мы видим лишь начало развития этой отрасли, но если им удастся реализовать свои планы, то страна станет владельцем не только большого количества электроэнергии, но и сделает это с минимальным экологическим вредом.

Стратегическое развитие энергетической отрасли в Туркменистане (4; 7; 9)

Туркменистан обладает огромным потенциалом в добыче газа. По некоторым данным она является 4 страной в мире по разведанным запасам этого топливного ресурса. Природный газ является основным и чуть ли не единственным товаром, экспортируемым из Туркменистана. В настоящее время страна стремится создавать новые маршруты сбыта этого полезного ископаемого. Развитие направлено в сторону построения новых маршрутов — в Китай, а также Индию, Пакистан, Афганистан, Азербайджан, Грузию и Турцию. Также стратегия рассматривает экспорт готовой продукции, а не только сырья.

Стратегическое развитие энергетической отрасли в Армении (3)

В отношении этой страны в первую очередь следует назвать ее зависимость от импорта природного газа, который имеет существенное значение для энергетики страны. Газ приходит в Армению через Грузию что фактически создаёт монополию на данном рынке. Однако в последнее время появился новый источник — Иран сотрудничает с Арменией и обменивает газ

на электричество. Другой важной отраслью энергетики в Армении является ядерная энергетика. До 40% всей электроэнергии страны составляют АЭС, и они имеют стратегическое значение для государства. Есть и ещё один источник энергии — это ГЭС, который также вносит свой вклад в энергетику страны.

В своей стратегии до 2040 Армения предполагает максимально эффективное использование своего потенциала. Предполагается, в частности, значительное развитие солнечной энергетики. С помощью СЭС к 2030 году планируется получать до 15% всего электричества. Также в последнее время появляются проекты, направленные на развитие ветреных электростанций в регионе на горных перевалах и высокогорных районах.

Стратегическое развитие энергетической отрасли в Беларуси (3; 10)

В Беларуси немного собственных топливных ресурсов, ее энергетика зависит от импорта топливного сырья из соседних стран (прежде всего газа из России). 90% первичных энергоресурсов и более 80% электроэнергии производится на ТЭС. Здесь опять стоит заметить, что с точки зрения экологии — это далеко не самый плохой вариант, ведь природный газ весьма экологичен. Но факт зависимости от поставок, которые могут быть с перебоями, является ключевым и заставляет искать новые источники энергии. Потенциал возобновляемых источников энергии в Белоруссии не велик, рек не много, ветра слабые (площадь для развития ВЭС недостаточна), солнечных дней также не очень много. Решением в таком случае является атомная энергетика.

С помощью собственных АЭС Беларусь успешно заменяет импортируемые топливные ресурсы, что ведёт к устойчивому развитию региона.

Выводы

Несмотря на близкое расположение друг к другу многие страны СНГ имеют существенно различающиеся подходы к развитию энергетики.

Не все страны СНГ стремятся к переходу на возобновляемые источники энергии.

Государство является важнейшим субъектом в развитии энергетики. Только инвестиционного и финансового сопровождения недостаточно для устойчивого развития.

Для оптимизации энергетики важны не только технологии, но и рациональное потребление.

Образование вносит свой вклад в развитие энергетики стран СНГ и ему надо уделять особое внимание.

Некоторые страны СНГ, даже не имея достаточного количества ресурсов, могут себя обеспечивать энергией, то есть и те, которые имеют огромный потенциал, но пока его не реализовали в полном объеме.

Список литературы

1. Никоноров С.М., Лисянский А.Б., Сарафанов М.В. Устойчивое развитие энергетической отрасли в странах БРИКС // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2025. — Т. 16. — № 3. — С. 74–80.
2. Никоноров С.М., Морозов В.А., Лисянский А.Б., Королева Н.С. Эффекты и эффективность от развития атомной энергетики в России // Менеджмент и бизнес-администрирование. — 2025. — № 2. — С. 125–135.
3. Никоноров С.М., Юнь Сюй, Шулинь Чжан. Формирование управленческих отношений на основе взаимосвязи экономики и энергетики в странах ШОС // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. — 2024. — Т. 58. — № 3. — С. 67–74.
4. Международные эксперты обсуждают устойчивое развитие энергетики Туркменистана // URL: <https://turkmenportal.com/ru/news/95626-mezhdunarodnye-eksperty-obsuzhdayut-ustoychivoe-razvitie-energetiki-turkmenistana>.
5. Одобрена энергетическая программа до 2035 года. Каковы пути выхода из энергокризиса и режи-

- ма ЧС в энергетике Кыргызстана? // Аналитика АКИpress. — URL: https://analitika.akipress.org/unews/un_post:40436.
6. Обзор энергетического сектора Республики Таджикистан // URL: <https://www.mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/energetika>.
 7. Президент Туркменистана обозначил приоритеты сотрудничества с Италией // URL: <https://business.com.tm/ru/post/14517/prezident-turkmenistana-oboznachil-prioritety-sotrudnichestva-s-italiei>.
 8. Состояние и перспективы развития энергетики Кыргызстана // Energy Charter. — URL: https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Events/20071108-1RECA_S1_ARTyumenbaev_Speech_ru.pdf.
 9. Туркменистан открывает новые инвестиционные возможности в рамках панельной дискуссии OGT 2025. // URL: <https://arzuw.news/turkmenistan-otkryvaet-novye-investicionnye-vozmozhnosti-v-ramkah-panelnoj-diskussii-ogt-2025>.
 10. Энергетическая программа КР до 2035 года: пути выхода из энергокризиса // URL: <https://www.interpost.kg/blog/news/energy-program-of-kr-until-2035-ways-out-of-energy-crisis.html>.
 11. Электроэнергетическая система // Министерство энергетики и водных ресурсов Республики Таджикистан. — URL: https://www.mewr.tj/?page_id=552.
 12. Энергетическая стратегия Кыргызской Республики и перспективы партнёрства в торговле электроэнергией // Energy Charter. — URL: https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Events/20070426-Bishkek_Kyrgyzstan_Kasymova_ru.pdf.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ: РИСКИ И УГРОЗЫ

Х.У. Белхароев

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России
имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, Санкт-Петербург;
доцент,
Институт мировой экономики и бизнеса,
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва
x101010x@yandex.ru

GLOBAL CHALLENGES: RISKS AND THREATS

K.U. Belkharaev

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
Saint Petersburg University of the State Fire Service of the EMERCOM of Russia
named after Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev, Saint Petersburg;
Associate Professor,
Institute of World Economy and Business,
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow
x101010x@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются коренные проблемы, взаимосвязанные с глобальными вызовами современности. Исследованы вопросы цивилизационной идентичности, общечеловеческих ценностей, включая семейные. Отмечено, что идеальных условий функционирования государственного образования не существуют, жить в мире и не завесить от него, невозможно. Раскрыто, что количество суверенных государств, стремящихся в современном мире, обеспечить на более высоком уровне, свою национальную безопасность, увеличивается. Выявлено, что политические предпочтения западной военно-политической коалиции, заключаются в реализации концепции однополярного мира, посредством рукотворных конфликтов и экономического давления. Изучены вопросы формирования базовых основ, в сфере обеспечения национальной безопасности. Рассмотрены Федеральный закон «О безопасности» и Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Показано, что динамичное развитие государства, должно подкрепляться, национальной системой образования, расовой гармонией, целенаправленной социальной политикой, на базе политико-правовой переоценки, необходимо формировать защитные меры регулятивного характера, они поспособствуют нейтрализации (минимизации) основных внутренних и внешних рисков и угроз системе национальной безопасности России.

Ключевые слова: глобализация, идеология, суверенитет, безопасность, угрозы, риски, регулирование, защитные меры.

Abstract. The article examines the fundamental problems related to the global challenges of our time. The issues of civilizational identity and universal values, including family values, are investigated. It is noted that there are no ideal conditions for the functioning of public education, it is impossible to live in the world and not depend on it. It is revealed that the number of sovereign states striving to ensure their national security at a higher level in the modern world is increasing. It is revealed that the political preferences of the Western military-political coalition are to implement the concept of a unipolar world through man-made conflicts and economic pressure. The issues of forming the basic foundations in the field of national security have been studied. The Federal Law "On Security" and the Decree of the President of the Russian Federation: "On the National Security Strategy of the Russian Federation" are considered. It is shown that the dynamic development of the state should be supported by the national education system, racial harmony, and targeted social policy, based on a political and legal reassessment, it is necessary to form protective regulatory measures that will help neutralize (minimize) the main internal and external risks and threats to the Russian national security system.

Key words: globalization, ideology, sovereignty, security, threats, risks, regulation, protective measures.

По мере расширения масштабов идеологии глобализма, взаимосвязанной с реализацией концепции повсеместного управляемого хаоса, страны западной цивилизации, модифицируют общественное сознание, закладывая в основу бытия, ложные ценности, дискредитируя институт фундаментальных религиозных основ. Формируя узкое понятие, цивилизационной идентичности, пренебрегая понятиями личное пространство, государственный суверенитет, национальная безопасность, откровенно провозглашаются идеи беспринципного, стадного общества, в котором соответствующим образом, доминирует стратегия всеобъемлющей управляемости человечества, во всех сферах.

Ф.А. Лукьянов отмечает, что «интерес Запада понятен и вполне естественен — удержание гегемонии, доминирующего положения в мире, любыми способами, пока США и их союзники бесконечно далеки от осознания того, что сохранить все это не получится» [5, с. 39].

Настойчивая реализация запланированной повестки, через третьи страны, благотворительные фонды и международные гуманитарные организации, позволяют сделать определенные выводы о том, что военно-политической коалицией западных стран, целенаправленно формируется всеобъемлющая стратегия, по подавлению иной силы, провозглашающей традиционный уклад жизни, иные человеческие ценности, включая семейные.

М.А. Васьков отмечает, что «в рамках геостратегии Запада, по мысли его идеологов, сейчас или позже, но должен быть реализован принцип, что Россия должна быть уничтожена как единое и суверенное государство» [1, с. 70].

Общее количество суверенных государств, стремящихся в современном мире, обеспечить на более высоком уровне, свою национальную безопасность, увеличивается. При этом на глобальном уровне, этот процесс непрерывно блокируется западными странами, как особая угроза своей гегемонии. Во всех предлагаемых парадигмах, идеологических изысках, концептуальных доктринах, разрабатываемых западной цивилизацией, прослеживается стремление целенаправленно ввести в заблуждение мировую общественность, приучить ее, особенно политических лидеров развивающихся государств, к единственной мысли, о нежелательности защиты своей самобытности, идентичности, суверенитета, территории и институтов национальной безопасности. Политические предпочтения западной военно-политической коалиции, заключаются в реализации концепции однополярного мира, посредством рукотворных конфликтов.

Е.М. Примаков отмечает, что «феномен многополярного мира, когда защищаются свои национальные интересы в условиях развивающихся тенденций к однополярному мироустройству» [9, с. 14–15].

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации «увеличение количества центров мирового экономического и политического развития, укрепление позиций новых глобальных и региональных стран-лидеров приводят к изменению структуры мирового порядка, формированию новой архитектуры, правил и принципов мироустройства» (пункт 6)¹.

Взамен фундаментальных цивилизационных ценностей, им предлагают, кабальную стратегию общества потребления, товаров и услуг, которая основана на идеологии глобальных геополитических интересах стран западных союзников. Эти принципы на первоначальном этапе, выглядят перспективными (заманчивыми), с практической стороны весьма привлекательными, так как они сопровождаются различными инвестиционными предложениями, по развитию социально-экономического блока.

Морозов Ю.В. и Батюк В.И. отмечают, что «нестабильность современных международных отношений в сочетании с несовершенством теории многополярности обуславливают периодическое уточнение ее трактовок, находящих свое отражение в совместных документах стран — членов международных организаций и на национальном уровне» [6, с. 380].

Идеальных условий функционирования государственного образования не существуют, жить в мире и не завесить от него, невозможно, потребность в обеспечении безопасности не-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2021. — № 27 (ч. II). — Ст. 5351.

прерывно увеличивается. Заменить эту концепцию, с помощью гипотетических обещаний, не представляется возможным, поступательное развитие человечества, взаимосвязано с обеспечением безопасности человечества, страны продвигающие политику разоружения, на практике «сами столетиями вооружаются с целью подавления третьих стран».

Авторский коллектив РГГУ, в своем исследовании отмечают, что «процесс глобализации породил, неолиберальные концепции, допускающие ограничение суверенности отдельных государств, формирование нового типа личности, граждан мира, которые не испытывают необходимость в признании легитимности собственных правительств, а напротив, демонстрируют свою лояльность к транснациональным негосударственным структурам» [10, с. 44].

Безопасность личности, осознается отсутствием физических и моральных угроз, связанных с голодом, войной, преступностью, репрессиями, притеснениями, здоровьем. Нарушениями налаженного быта в семье, незапланированными срывами общественно-политической жизни, притеснениями и игнорированием на работе. Среди всех категорий, полноценного функционирования отдельного человека, она вбирает огромный набор причин и последствий, поэтому активная жизнедеятельность формируется вокруг этого фактора.

Федеральным законом «О безопасности» определено, что «государственная политика в области обеспечения безопасности является частью внутренней и внешней политики Российской Федерации» (статья 4)².

Условия полноценного обеспечения экономической независимости индивида, требует достижения определенных параметров финансовой доходности, достаточного для полноценного удовлетворения ежедневных насущных потребностей. Эти показатели восполняются за счет собственного труда, государственно-гражданской службы, предпринимательской активности, при затруднениях и/или крайней необходимости мерами государственной поддержки (частично).

М.Я. Корнилов отмечает, что «вся жизнь людей, их взаимодействие друг с другом в социуме обусловлено реализацией каких-либо их интересов» [4, с. 6].

Реализовывая глобальную повестку, страны Запада, под лозунгом свобода, закладывают непосредственно сочетание «выбор индивида», не раскрывая практическую сторону этой категории, на содержательной основе. Выбор экономической и военно-политической элиты, не означает выбор народа, это право сильной стороны, подкрепленное карательными функциями государственного образования. Человеческое развитие, по взглядам сторонников глобализации, в теоретическом аспекте, означает процесс расширения человеческих возможностей, подразумевающих «свободный выбор». В практической плоскости, их концепция, поэтапно сужает границы личного пространства, наличие декларативных возможностей, не означает полноценный выбор, параметры, которого изначально определены идеологическим направлением общественного развития. Наличие свободы, это еще не выбор, он должен быть подкреплен необходимыми инструментами, его реализации, включая материальное благополучие.

В.В. Жириновский отмечает, что «люди не могут быть одинаковыми, в разнообразии — красота мира, насилием не заставишь другого человека думать по-своему, рождается внутренний протест, который может привести к драматической развязке» [3, с. 127].

Реализовывая идеологию повсеместной глобализации, призывая страны третьего мира, к взаимодействию, посредством раскрытия границ, внутреннего рынка, частичной утраты государственного правового, экономического, социального и военно-политического суверенитета. Западные страны, на своей территории, не реализовывают продвигаемые во внешнем пространстве идеи, напротив, они всеми доступными силами и средствами укрепляют институт национальной безопасности своих государств. Этот фактор отчетливо прослеживается в их национальных стратегических документах, в которых доминирует политика внешнего уклона и превосходства, подкрепленная военной силой коллективного характера. Человечество на различных исторических этапах, угроз от бедных и развивающихся стран не наблюдало, конфронтация происходит от самодостаточных государств, которые постоянно пытаются эксплуатировать первых, нащупывая слабые стороны оппонентов.

² О безопасности: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 1. — Ст. 2.

А.О. Деркачёв, С.В. Смульский отмечают, что «национальные интересы, государственная мощь, внешние и внутренние угрозы интересам страны, политическое искусство адекватно выбирать способы и средства достижения стратегических целей составляют определяющие компоненты безопасности» [2, с. 152].

Значимость формирования базовых основ, в сфере обеспечения национальной безопасности, выражается в ее особой актуальности на долгосрочную перспективу, любого суверенного государственного образования, при полном соответствии с интересами, потребностями политической и идеологической системы страны. Содержательная сторона, характер угроз и рисков безопасности, безусловно, имеют свойство кардинальных изменений, которые в значительной степени, имеют модифицирующие свойства, эти процессы выражаются появлением совершенно новых угроз, на качественно ином уровне, по свойствам и специфике глобального масштаба. Базовые угрозы безопасности населения, выработаны при активном участии человечества, многие из них, на практике стали носить международный характер, они, преодолев государственные границы, вышли на первый план, в виде социально-экономических, политических рисков глобального масштаба.

А.В. Толочко, И.А. Зайцева отмечают, что «реальностью политического процесса служат так называемые торговые, экономические, психологические, информационные и другие виды войн» [12, с. 50].

Особая опасность заключается в увеличении наркозависимой молодежи, число которой увеличивается, из-за резкого разрыва уровня жизни населения, взаимосвязанного с общими параметрами благосостояния, между суверенными государствами. Социальное неравенство, религиозный фундаментализм, экстремизм, терроризм и/иные античеловеческие проявления, зарождаются в развитых странах, под светлой оболочкой демократических процессов, как правило, они реализовываются в третьих неугодных государствах, имея единственную цель, смены независимого политического курса. Эти факторы отражаются на миграционной активности людей, озабоченных реальным поиском лучшей доли, для себя и своих детей. Глобальные угрозы имеют тенденцию постоянного роста, они связаны с развитием человечества, качественный научно-технический рывок, отражается на безопасности человека, текущий век будет сопровождаться увеличением рукотворных техногенных опасностей [14]. Они порождаются результатом человеческой жизнедеятельности, функционирование многомиллиардной массы населения, на различных континентах, отражается на безопасности человеческой цивилизации. Этот процесс, ускоряется из-за внутренней промышленной политики развитых, глубинных государств, которые прогрессируя, разрабатывают продукцию нового поколения, несущую угрозу мировому сообществу.

С.М. Небренчин отмечает, что «в истории земной цивилизации имело место немало кризисных ситуаций, которые несли в себе угрозы существования отдельных племен и народов, государственных и территориальных образований, становится очевидным, что мир вступил в эпоху стремительного нарастания глобальных вызовов и угроз, связанных с периодом эволюции» [7, с. 329].

Динамичное развитие государства, должно подкрепляться, национальной системой образования, расовой гармонией, отсутствием экологических проблем, целенаправленной социальной политикой, минимизацией внутренних и внешних угроз. Стремительный рост расслоения в обществе, деградация окружающей природной среды, безработица, разгул преступности, экстремистские призывы в СМИ и социальных сетях, благодатная база, способствующая проникновению чуждых идей, в сознание малообразованной части населения. При этом необходимо понимать, что возраст лиц совершающих преступления на почве расовой ненависти помолодел, как правило, закулисными организаторами этнических конфликтов, на первоначальном этапе используются несовершеннолетние подростки, которые в силу возраста избегают уголовной ответственности (не подсудны). Кроме того, они идеологически закаляются в противоправной борьбе, становятся ярыми противниками государственной власти, гуманное законодательство, милосердная общественность, в некоторых случаях становятся соучастниками более тяжелых преступных проявлений в будущем. В этой связи, необходимо использовать в воспитательном процессе опыт Советского государства, распространяя спортивную культуру массового характера, на безвозмездной

основе, подросток, занятый учебой, спортом, морально и физически находится на правильном векторе развития.

Н.П. Патрушев отмечает, что «расширение сфер интересов транснациональной преступности и попытка криминализации новых сфер экономической и социальной жизни определяет необходимость постоянного мониторинга общемировой криминальной ситуации» [8, с. 23].

Глобальные вызовы на современном этапе развития человечества, демонстрируют устойчивый рост, так как многие из них целенаправленно разрабатываются странами западной военно-политической коалиции, против неугодных им суверенных государств [13]. По своей выраженной специфике, реализуемые меры, направлены на уязвимые сектора функционирования государственного образования, они требуют целенаправленного системного реагирования. Сложности процесса противостояния, заключается в постоянной модернизации возникающих угроз, деструктивные явления проявляются, как источники нежелательных рисков многопланового формата.

В.П. Сальников и др. отмечают, что «в ряду вызовов, угроз и рисков национальной безопасности России одно из центральных мест занимает англосаксонская стратегическая культура и ее разновидность — унифицированная европейская, главное содержание которых — милитаризм, шовинизм, агрессия и русофобия» [11, с. 19].

Основная роль в ликвидации возникающих угроз принадлежит государству, многие проблемы переплетаются между собой, усложняя процесс их решения. Повсеместная бедность, недостаточность продовольственных ресурсов (особенно воды), нехватка энергетических ресурсов, отсутствие доступной медицины, общий интеллектуальный, технологический, технический, научно-образовательный разрыв между странами, внутренние и внешние вооруженные конфликты. Эти и иные масштабные противоречия, преходящие в политические вызовы, экономические трудности, затрагивают цивилизацию на глобальном уровне. Современные вызовы по своей выраженной структуре специфичны, они требуют коренной политико-правовой переоценки, на базе которой необходимо формировать защитные меры регулятивного характера, адекватные исходящим источникам угроз национальной безопасности нашей страны. При этом особо следует выделить (определить), что правовое регулирование, это первостепенный фактор, необходимый органам государственной власти, для организации системных мер противостояния, античеловеческой идеологии недружественных России стран.

Список литературы

1. Васьков М.А. Геостратегические императивы и дилеммы коллективного Запада в отношении России на современном историческом этапе // // Современная геостратегия Российской Федерации в условиях становления нового мирового порядка: сборник материалов круглого стола ВАГШ ВС РФ (12 августа 2024 г.). — М.: Издательский Дом «УМЦ», 2024. — С. 66–72.
2. Деркачёв А.О., Смутьский С.В. Основные направления формирования системы гарантий международной безопасности // Гуманитарный вестник ВА РВСН. — 2019. — № 3(16). — С. 144–153.
3. Жириновский В.В. Другая экономическая политика // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. — 2014. — № 2(8). — С. 126–131.
4. Корнилов М.Я. К вопросу об обеспечении экономической безопасности в современной России // Вестник РУДН. — 2016. — № 2. — С. 5–19.
5. Лукьянов Ф.А. Глобальное большинство — на перекрёстке мировой политики? // Проблемы национальной стратегии. — 2023. — № 2(77). — С. 34–41.
6. Морозов Ю.В., Батюк В.И. Стратегический треугольник США-КНР-РФ: вызовы и перспективы безопасности России: монография // М.: ИКСА РАН, 2022. — 544 с.
7. Небренчин С.М. Глобальные вызовы и угрозы международной и национальной безопасности в XXI веке // Тенденции развития системы международных отношений и их влияние на управление национальной обороной Российской Федерации: сборник статей. — М.: Издательство: Издательский дом «УМЦ», 2023. — С. 328–340.
8. Патрушев Н.П. Транснациональная преступность, взаимосвязь наиболее опасных ее видов — терроризма, наркотрафика, нелегальной миграции, незаконного оборота оружия и радиоактивных материалов, пиратства // Право и безопасность. — 2010. — № 4(37). — С. 20–23.

9. *Примаков Е.М.* Выступление на презентации книги «Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России // Вестник Московского университета. — 2015. — № 5. — С. 12–16.
10. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / под общ. ред. А.С. Коржевского. — М.: РГГУ, 2021. — 604 с.
11. *Сальников В.П.* Национальная безопасность и стратегическая культура / В.П. Сальников, В.Н. Лукин, Т.В. Мусиенко // Национальная безопасность и стратегическое планирование. — 2024. — № 4(48). — С. 5–28.
12. *Толочко А.В., Зайцева И.А.* Милитаризация государства как фактор геополитической конкуренции // Проблемы постсоветского государства. — 2016. — № 4(10). — С. 43–68.
13. *Тушков А.А., Матвеев О.В., Николенко А.А., Сомова И.Ю.* Сигнификативные аспекты исследования некоторых проблем русской локальной цивилизации // Вопросы политологии. — 2025. — Т. 15. — № 2(114). — С. 432–442.
14. *Тушков А.А., Сомова И.Ю., Аулов А.П., Гарцев А.С.* Эволюция отношений России и Запада в XXI веке: от хрупких мостов к тектоническому разлому // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2025. — Т. 16. — № 1(46). — С. 61–67.

ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

А.А. Матвиенко

аспирант,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

aleks.matvienko.2012@yandex.ru

М.Р. Деметрадзе

доктор политических наук,

профессор Красногорского филиала РАНХиГС;

ведущий научный сотрудник,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

demetradze1959@mail.ru

FEATURES OF INFORMATION POLICY IN MODERN PROCESSES OF GLOBALIZATION

A.A. Matvienko

Postgraduate student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

aleks.matvienko.2012@yandex.ru

M.R. Demetradze

Doctor in Political Science,

Professor of the Krasnogorsk Branch of the RANEPa;

Leading Researcher,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

demetradze1959@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются структурные трансформации информационной политики государств в условиях тотальной цифровой глобализации. Рассматривается переход от классических моделей «мягкой силы» к алгоритмическому управлению и концепции цифрового суверенитета. Особое внимание уделено роли искусственного интеллекта (ИИ) в международных переговорах, деятельности «платформ-государств» и вызовам когнитивной безопасности. Статья ориентирована на анализ актуальных политических процессов 2024–2026 гг.

Ключевые слова: информационная политика, глобализация, цифровой суверенитет, искусственный интеллект, международные переговоры, платформы-государства, когнитивная война, мягкая сила, алгоритмическое управление, социо-культурная трансформация.

Abstract. The article analyzes the structural transformations of the information policy of states in the context of total digital globalization. The transition from classical models of “soft power” to algorithmic management and the concept of digital sovereignty is considered. Special attention is paid to the role of artificial intelligence (AI) in international negotiations, the activities of “platform-states” and the challenges of cognitive security. The article focuses on the analysis of current political processes in 2024–2026.

Key words: information policy, globalization, digital sovereignty, artificial intelligence, international negotiations, platform-states, cognitive warfare, soft power, algorithmic management, socio-cultural transformation.

Цифровая онтология глобального политического процесса

В третьем десятилетии XXI века информационная политика окончательно трансформировалась из вспомогательного инструмента государственного управления в самостоятельный субъект политической реальности. Современная глобализация характеризуется состоянием «постоянной трансляции», где любое внутривнутриполитическое событие мгновенно становится фактом глобальной повестки [7].

Ключевой вызов для современной политической науки заключается в осмыслении детерриториализации информации. Традиционная информационная политика строилась на вестфальской логике контроля над пространством. Сегодня же информация существует в логике потоков. Как отмечает М. Кастельс, в сетевом обществе власть перемещается из институтов в коммуникационные сети [4]. Это создает фундаментальное противоречие: государства пытаются применять национальные законы к глобальной, децентрализованной среде, что порождает новые формы политической напряженности и диктует необходимость поиска инновационных моделей управления смыслами.

Трансформация субъектов: Феномен «платформ-государств»

Традиционное понимание субъектов политики как исключительно национальных правительств и международных организаций устарело. В 2024–2026 гг. ключевыми акторами стали технологические гиганты, обладающие ресурсами управления поведением миллионов людей.

Алгоритмическая власть и частная цензура

- Современная информационная политика реализуется не через прямые запреты, а через архитектуру выбора. Алгоритмы ранжирования (например, в лентах новостей или поисковой выдаче) определяют политический ландшафт.
- **Механизм влияния.** Алгоритмы создают «эхо-камеры», усиливая существующие убеждения пользователей и подавляя альтернативные точки зрения.
- **Частная цензура.** Корпорации устанавливают собственные правила модерации, которые по факту становятся выше национальных конституций в цифровом пространстве. Ш. Зубофф подчеркивает, что этот «капитализм слежки» превращает политические предпочтения в товар, подлежащий модификации через интерфейсы [10].

«Платформизация» политического участия

Государственные институты сами становятся зависимыми от платформ. Политическая коммуникация сегодня «платформизирована»: государственные лидеры, ведомства и оппозиционные группы вынуждены играть по правилам частных интерфейсов. Это создает риск «инфраструктурного захвата», когда суверенная информационная политика государства может быть заблокирована или искажена решением менеджмента частной корпорации, базирующейся в другой юрисдикции.

Искусственный интеллект в архитектуре международных переговоров

Искусственный интеллект (ИИ) перестал быть инструментом автоматизации и стал активным участником дипломатического процесса. Его влияние проявляется на всех стадиях — от подготовки до фиксации договоренностей.

Предиктивная аналитика и сценарное моделирование

Информационная политика в дипломатии теперь опирается на «данные реального времени». ИИ способен обрабатывать массивы информации о социально-экономической стабильности партнера по переговорам, анализировать историю его голосований и даже психологические особенности его лидера.

- **Моделирование.** Использование теории игр в связке с ИИ позволяет предсказывать реакцию оппонента на конкретные дипломатические предложения с точностью до 85–90%. Это меняет тактику переговоров: стороны стремятся не к поиску идеальной справедливости, а к математически выверенному «равновесию Нэша» в цифровом представлении [3].

Преодоление лингвистических и культурных барьеров

Нейронные сети обеспечивают мгновенный перевод с учетом контекста и дипломатических эвфемизмов. Это ускоряет глобальные процессы, но одновременно создает феномен «семантической потери». Информационная политика государств должна учитывать, что алгоритм может нивелировать тонкие культурные подтексты, которые в классической дипломатии играли роль предохранителей от конфликтов.

Проблема «черного ящика» и этика алгоритмов

Главный риск использования ИИ в переговорах — непрозрачность принятия решений. Если ИИ-советник рекомендует пойти на уступки или, наоборот, занять жесткую позицию, политическое руководство может не видеть логической цепочки, приведшей к этому выводу. В условиях глобализации это порождает кризис ответственности: кто несет вину за срыв переговоров — политик или ошибка в коде? [3].

Цифровой суверенитет и социокультурные вызовы

Глобализация вызвала мощную волну противодействия в форме борьбы за цифровой суверенитет. В 2026 году этот процесс рассматривается как вопрос выживания национальной идентичности.

М.Р. Деметрадзе обосновывает, что современная информационная политика должна базироваться на социокультурном коде нации [2]. В условиях глобальных сетей происходит «вымывание» традиционных ценностей универсальными потребительскими стандартами.

Социокультурный щит. Автор доказывает, что информационная политика эффективна только тогда, когда она опирается на устойчивые ментальные установки общества, а не просто копирует западные или восточные технологические модели. Без понимания внутренних ценностных иерархий попытки внедрения «цифрового государства» могут привести к отчуждению граждан от власти [2].

Технологические аспекты суверенитета:

- 1) **локализация инфраструктуры.** Переход на отечественные сетки технологий (ПО, серверы, спутниковая связь) для предотвращения отключения от глобальных сервисов;
- 2) **законодательный фильтр.** Внедрение норм, обязывающих глобальные платформы иметь представительства в стране и подчиняться её этическим и законодательным стандартам.

Когнитивные войны и трансформация политики «мягкой силы»

Классическое понятие «мягкой силы» замещается концепцией «острой силы». Информационная политика в условиях глобализации становится агрессивной: целью является не просто симпатия аудитории, а управление её восприятием реальности [9].

Синтетическая реальность и кризис верификации

Генеративный ИИ позволяет создавать бесконечный поток контента (тексты, видео, аудио), который невозможно отличить от реальности без специальных технических средств.

Кризис верификации: когда правда становится неотличима от вымысла, информационная политика государства смещается в сторону создания «систем доверия». Эффективность коммуникации теперь описывается через сложное взаимодействие технологий и скорости: где эффективность зависит от алгоритмической мощности, доступности данных и скорости

распространения сигнала. Рост переменной (ИИ) делает информационные атаки практически мгновенными.

«Микротаргетинг» и дегенерация общественного диалога

Использование большого объёма данных позволяет воздействовать на страхи и желания определённых социальных групп. В условиях глобализации это используется для фрагментации общества изнутри. Информационная политика государства вынуждена балансировать между необходимостью защиты от внешнего прицельного воздействия и сохранением демократических свобод в сети. Как указывает Дж. Най, в эпоху «искусственного интеллекта» политика «мягкой силы» зависит не столько от её культуры, сколько от её способности обеспечивать информационную гигиену и честность алгоритмов [11].

Заключение

Информационная политика в условиях современной глобализации — это высокотехнологичная отрасль, находящаяся на стыке политологии и анализа больших данных. Основные особенности текущего этапа включают в себя:

- 1) **конфликт акторов:** борьба между государствами и глобальными платформами за право устанавливать нормы коммуникации;
- 2) **технологический детерминизм:** решающая роль искусственного интеллекта в формировании политической повестки и ведении переговоров;
- 3) **диалектика границ:** необходимость участия в глобальных процессах при одновременном строительстве «цифровых крепостей».

Будущее информационной политики будет определяться способностью государств найти баланс между глобальной интеграцией и сохранением управляемости своего информационного ландшафта.

Список литературы

1. *Абрамова, М.А.* Цифровой левиафан: Политическая власть в эпоху алгоритмов. — М.: Весь Мир, 2025. — 320 с.
2. *Деметрадзе, М.Р.* Социокультурный фактор в политических процессах: глобальные вызовы и информационные стратегии. — М.: Изд-во КноРус, 2024. — 280 с.
3. *Иванов, С.В.* Искусственный интеллект в дипломатической практике: от протокола к прогнозу. — М.: Международ. отношения, 2026. — 288 с.
4. *Кастельс, М.* Власть коммуникации в сетевом обществе: глобальный аспект / пер. с англ. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2024. — 564 с.
5. *Кузнецов, П.А.* Информационный суверенитет и стратегии «балканизации» интернета // Вестник Московского университета. Сер. 12. Полит. науки. — 2026. — № 2. — С. 45–62.
6. *Сморгунов, Л.В.* Политическая коммуникация и государственное управление в цифровой среде. — М.: Аспект Пресс, 2025. — 256 с.
7. *Сомова И.Ю., Боева А.С.* История развития китайского информационного поля: от цензуры к контролю над международной информацией // Мировые цивилизации. — 2024. — Т. 9. — № 4. — С. 1–6.
8. Digital Cooperation Organization. Global Digital Economy Trends: Sovereignty vs. Integration. — 2026 // URL: <https://dco.org/reports/2026>. (дата обращения: 12.04.2026).
9. *Walker, C., Orttung, R.* Sharp Power and the Global Information Environment // Journal of Democracy. — 2025. — Vol. 36. — No 1. — P. 12–28.
10. *Zuboff, Sh.* The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. — N.Y.: PublicAffairs, 2024. — 704 p.
11. *Nye, J.S.* Soft Power's Future in the Age of AI // Foreign Affairs. — 2025. — Vol. 104. — No 3.

ИНТЕГРАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ И ПРОЕКТОВ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАМКАХ СНГ

И.Н. Сухоручкина

кандидат технических наук,
старший научный сотрудник Аналитического управления,
Всероссийский институт научной и технической информации Российской академии наук, Москва
insukhoruchkina@mail.ru

А.А. Сухоручкина

соискатель,
Московский государственный лингвистический университет, Москва.
aasukhoruchkina@mail.ru

INTEGRATION OF NATIONAL PROGRAMS AND PROJECTS FOR DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN THE CIS

I.N. Sukhoruchkina

PhD in Technical Sciences,
Senior Staff Scientist of Analytical Department,
Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences, Moscow
insukhoruchkina@mail.ru

A.A. Sukhoruchkina

PhD Candidate,
Moscow State Linguistic University, Moscow
aasukhoruchkina@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются национальные стратегии и программы развития, законодательство, стандарты и практики внедрения технологий ИИ в системах связи, госуправления, промышленности, образования и здравоохранении в странах СНГ в рамках интеграции национальных программ и проектов развития технологий искусственного интеллекта в СНГ, включая модельный закон СНГ «О технологиях искусственного интеллекта» от 18.04.2025 № 58–8 и резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от 25.07.2025 № 79/322 «Роль ИИ в создании новых возможностей для устойчивого развития в Центральной Азии».

Ключевые слова: технология искусственного интеллекта, Содружество Независимых Государств, национальная стратегия развития ИИ, модельный закон «О технологиях искусственного интеллекта» в рамках СНГ от 18.04.2025 № 58-8.

Abstract. This article analyzes national strategies and development programs, legislation, standards and practices for implementation of AI technologies in communications, public administration, industry, education and healthcare systems in the CIS countries within the integration of national programs and projects for development of artificial intelligence technologies in the CIS, including the model law “On Artificial Intelligence Technologies” in the CIS No. 58-8 of 18 April 2025 and the U.N. General Assembly resolution No. 79/322 of 25 July 2025 “Role of artificial intelligence in creating new opportunities for sustainable development in Central Asia”.

Key words: Artificial intelligence technology, Commonwealth of Independent States, AI development strategies, model law “On Artificial Intelligence Technologies” in the CIS No.58-8 of 18.04.2025.

Интеграция национальных стратегий, программ и проектов развития технологий искусственного интеллекта (ИИ) как приоритетного направления информационных технологий,

систем и сетей обуславливает развитие цифрового общества и экономик девяти стран-членов СНГ — Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана, Узбекистана и ассоциированного члена — Туркменистана.

Для правового регулирования интеграции развития и использования ИИ в СНГ Межпарламентской ассамблеей СНГ принят модельный закон «О технологиях искусственного интеллекта» в рамках СНГ на основе своего постановления от 18.04.2025 № 58–8 [4] и Заявления Совета глав государств СНГ о развитии сотрудничества в области ИИ гражданского назначения от 08.10.2024 [2]. Закон разработан Объединенным институтом проблем информатики Национальной академии наук Беларуси с учетом рекомендаций и интересов стран СНГ, для внедрения единой терминологии и принципов этичного использования нейросетей в СНГ, регулирования НИОКР и сопровождения технологий ИИ. Он определяет задачи, принципы и компетенции органов госрегулирования в области ИИ, права разработчиков, исследователей, международное взаимодействие, подходы к хранению, сбору и защите информации для использования на основе законодательных актов стран СНГ.

В России принят Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению регулирования в целях создания условий для разработки и внедрения технологий ИИ в Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 ФЗ «О персональных данных» и от 08.08.2024 № 233-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «О персональных данных»¹.

17.11.2025 президентом Казахстана подписан первый в Центральной Азии закон Республики Казахстан № 230–VIII «Об искусственном интеллекте» и введен в действие 18.01.2026 как правовая основа развития, использования и регулирования систем ИИ, безопасности, прозрачности и ответственности.

Госпрограммы развития технологий ИИ в странах СНГ отражают национальные стратегии и инициативы по регулированию ИИ на уровне ООН. По инициативе Таджикистана 25.07.2025 Генеральной Ассамблеей ООН принята резолюция № 79/322 «Роль ИИ в создании новых возможностей для устойчивого развития в Центральной Азии» [7] в связи с признанием усилий стран региона по внедрению технологий ИИ. В странах региона реализуются национальные стратегии развития ИИ: Стратегия развития ИИ в Республике Таджикистан до 2040 г. на основе постановления правительства республики от 30.09.2022 (в редакции от 31.01.2025); Стратегия развития технологий ИИ в Узбекистане до 2030 г. на основе постановления президента республики от 17.10.2024 г. № УП–358 (в редакции от 21.11.2025 № УП–223); Концепция развития ИИ в Казахстане на 2024–2029 гг. на основе постановления правительства республики от 24.07.2024 № 592.

В Кыргызстане Концепция развития ИИ разрабатывается Национальным советом по развитию ИИ, созданным на основе постановления Кабинета министров республики от 22.01.2025 № 29 «О Национальном совете по развитию ИИ»; республика взаимодействует с Беларусью в программах применения ИИ и институтом «Сколтех» в рамках сессии «Искусственный интеллект в экономике, промышленности и государственном управлении» в Бишкеке.

В Туркменистане Национальная стратегия в области ИИ разрабатывается Министерством связи и Министерством финансов и экономики республики при поддержке Программы развития ООН для цифровой трансформации. Программа обсуждалась на конференции «Национальная стратегия в области ИИ: формирование совместных решений для устойчивого развития» 5–6 марта 2026 г. в Ашхабаде. Национальная стратегия в области ИИ включает внедрение технологий ИИ, блокчейна и Интернета вещей в промышленности и подготовке специалистов. Технологии ИИ интегрируются в приоритетные сектора и системы электронного правительства в рамках госпрограммы «Развитие цифровой экономики Туркменистана в 2026–2028 гг.» от 30.01.2026.

Резолюция ООН «Роль ИИ в развитии Центральной Азии» принята в подтверждение резолюций ООН от 21.03.2024 № 78/265 «Об использовании возможностей безопасных, защищенных и надежных систем ИИ в целях устойчивого развития» [8], от 01.07.2024 № 78/311 «Об укреплении международного сотрудничества в деле наращивания потенциала в обла-

¹ Федеральный закон от 08.08.2024 № 233-ФЗ // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408080031> (дата обращения: 06.03.2026).

сти ИИ» [5], от 25.07.2023 № 77/320, от 19.12.2023 № 78/160, от 19.12.2023 № 78/213, от 17.12.2024 № 79/175, от 19.12.2024 № 79/194, от 16.12.2015 № 70/125, а также рекомендаций о международном управлении ИИ, подготовленных в 2024 г. Консультативным органом высокого уровня по ИИ в рамках ООН «Управление искусственным интеллектом в интересах человечества» [6].

Лидирующая роль России в развитии систем ИИ в СНГ обеспечивается реализацией нацпроектов с использованием технологий ИИ в 2024–2026 гг. Сферу ИИ в РФ регламентируют: 15 федеральных законов;

- три указа Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества РФ на 2017–2030 гг.»; от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии ИИ в РФ» и «О Национальной стратегии развития ИИ до 2030 г.» как основе нормативных правовых актов о целях развития технологий ИИ и координации государственных и частных структур; от 26.02.2026 № 116 «О Комиссии при Президенте РФ по вопросам развития технологий ИИ»²;
- два постановления Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. 19.12.2025) «Об утверждении госпрограммы РФ «Информационное общество» и от 02.03.2019 (ред. 01.08.2024) № 234 «О системе управления реализацией нацпрограммы «Цифровая экономика РФ»;
- распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий ИИ и робототехники»³;
- **Дорожная карта** развития сквозной цифровой технологии «**Нейротехнологии и искусственный интеллект**», одобренная 11.06.2019 по направлению «Цифровые технологии» программы «Цифровая экономика РФ»;
- **федеральный проект «Искусственный интеллект**», утвержденный 27.08.2020 Правительственной комиссией по цифровому развитию и отражающий шесть задач Национальной стратегии развития ИИ: поддержка НИОКР; создание системы правового регулирования, развития программного обеспечения; повышение доступности и качества данных; увеличение доступности аппаратного обеспечения; обеспеченность кадрами; повышение информированности населения. 16.02.2024 федеральный проект включен в национальный проект «Экономика данных» и продлен до 2030 г.⁴;
- **экспериментальные правовые режимы** в 14 регионах РФ с регламентацией использования ИИ в сферах беспилотного транспорта и здравоохранения введены постановлениями Правительства РФ в соответствии с Федеральным законом от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в РФ» и от 31.10.2025 № 1706 «Об утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций»⁵;
- Кодекс этики в сфере ИИ, разработанный Альянсом в сфере ИИ и утвержденный 26.10.2021, определяющий этические принципы прав и свобод при разработке и использовании ИИ, включая прозрачность, ответственность, безопасность и защиту данных.

Три ГОСТа в сфере ИИ в РФ: ГОСТ Р 59277–2020 Системы ИИ. Классификация систем ИИ; ГОСТ Р 59898–2021 Оценка качества систем ИИ. Общие положения; ГОСТ Р ИСО/МЭК 24668–2022 Информационные технологии. ИИ. Структура управления процессами аналитики больших данных; а также ПНСТ 776-2022 ИТ. ИИ. Управление рисками. Российские технические

² Указ Президента РФ от 26.02.2026 № 116 «О Комиссии при Президенте РФ по вопросам развития технологий ИИ». вместе с «Положением о Комиссии при Президенте РФ по вопросам развития технологий ИИ» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_527515/ (дата обращения: 06.03.2026).

³ Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий ИИ и робототехники» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74460628/> (дата обращения: 02.03.2026).

⁴ Цифровая трансформация государства: итоги нацпроекта «Экономика данных» // URL: <https://xn--80aarpemcchfmo7a3c9ehj.xn--plai/news/tsifrovaya-transformatsiya-gosudarstva-itogi-natsproekta-ekonomika-dannykh/> (дата обращения: 02.03.2026).

⁵ Постановление Правительства РФ от 31.10.2025 № 1706 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412884359/> (дата обращения: 02.03.2026).

стандарты в сфере ИИ гармонизируются со стандартами стран СНГ, дружественных государств и международных организаций на основе утвержденного Президентом РФ перечня поручений Правительству РФ по итогам конференции 19.12.2025 «Путешествие в мир ИИ» [3].

Консорциум для исследований безопасности технологий ИИ [1] при поддержке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ работает с 21.05.2024 на основе соглашения между АНО «Национальный технологический центр цифровой криптографии», Академией криптографии РФ и Институтом системного программирования им. В.П. Иванникова РАН.

Центр развития искусственного интеллекта на базе Аналитического центра при Правительстве РФ действует в соответствии с постановлением Правительства РФ от 09.06.2025 № 861 «Положение о системе реализации приоритетных задач Правительства РФ в области развития технологий ИИ и Центре развития ИИ при Правительстве РФ».

На Национальном портале в сфере ИИ⁶ при поддержке Минцифры РФ в Реестр российского программного обеспечения включены 30 136 проектов ПО и 1000 ПО с ИИ; 11 152 правообладателя ПО и 564 правообладателя ПО с ИИ.

Импортозамещение в сфере ИИ в СНГ. Генеративные модели и специализированные ИИ-продукты развивают ПАО «Сбербанк России» — модели “GigaChat” и “Kandinsky 5.0”; ООО «Яндекс» — “YandexGPT” и «Шедеврум»; а ПАО «МТС» — ИИ-продукты для торговли, производства и фармацевтики: маркетинговые CVM-платформы, системы FMCG для выпуска товаров повседневного спроса, аналитические приложения, цифровые двойники и системы-подсказки.

Национальная большая языковая модель Казахстана “KazLLM” на казахском, русском и английском языках с поддержкой турецкого языка разработана Институтом умных систем и искусственного интеллекта (ISSAI) и внедрена в системы госуправления и бизнеса.

Технологии ИИ в промышленности и системах связи в СНГ. 18.02.2026 на Экономическом совете СНГ представлены Концепция цифровой трансформации горно-металлургического комплекса (ГМК) стран СНГ с применением ИИ и План ее реализации, разработанные Исполнительным комитетом СНГ и НИТУ МИСИС как базовой организацией СНГ по подготовке кадров для ГМК. Российская компания «Удоканская медь» в 2025 г. внедрила систему видеоаналитики SKAI для мониторинга промышленной безопасности, транспорта в карьерах добычи меди и снижения опасности ДТП.

Министерство промышленности и торговли РФ внедряет технологии ИИ в отраслях; на базе государственной информационной системы промышленности в рамках сервиса «Каталог продукции» внедрена система разметки с применением ИИ для подбора аналогов по типам, техническим характеристикам, названиям и текстовым описаниям. В 2021 г. Исследовательский центр «Сильный искусственный интеллект в промышленности» на базе Университета ИТМО при поддержке Минпромторга РФ создан для НИОКР цифровых инструментов, ИИ-решений и роботизированных технологий в химической промышленности.

ИИ в сфере финансов: АО «Т-Банк» запустил первую в РФ экосистему шести ассистентов «Вселенная AI-ассистентов» с использованием собственной технологии Gen-T для управления финансами и планирования путешествий.

Технологии ИИ используются для **медицинского анализа** компьютерной томографии и рентгенографии в крупных городах СНГ. ПАО «Сбер» с 2020 г. использует ИИ через дочернюю компанию «СберМедИИ» для автоматизации медицинских обследований в 70 регионах РФ.

ИИ в образовании. В Академии стандартизации, метрологии и сертификации Росстандарта как базовой организацией СНГ по подготовке кадров в стандартизации и метрологии с 08.12.2023 разрабатывается использование ИИ в мультилингвальной образовательной среде СНГ на основе правового регулирования применения сквозных цифровых технологий в РФ.

ИИ в региональном управлении и транспортных системах. В 55 регионах РФ внедрены городские системы видеонаблюдения, транспортных потоков и госуслуг с ИИ для создания умных городов, сокращения числа ДТП и пробок, борьбы с нарушениями, устранения комму-

⁶ Национальный портал в сфере искусственного интеллекта // URL: <https://ai.gov.ru/> (дата обращения: 02.03.2026).

нальных аварий, вызова врачей на дом. Министерство транспорта РФ поддерживает внедрение ИИ в региональные транспортные системы и увеличение беспилотных грузовиков. Дочерняя компания ПАО «Сбер» «Cognitive Pilot» с 2020 г. разрабатывает и внедряет системы ИИ для беспилотных транспортных средств, включая для сельского хозяйства.

Стратегии ИИ в других странах СНГ. В Беларуси системы ИИ развиваются как направление Национальной стратегии устойчивого развития до 2040 г., рассмотренной на заседании Президиума Совета министров 06.02.2025. Стратегия разработана в соответствии с законом от 05.05.1998 № 157-З «О государственном прогнозировании и государственном планировании». На международном форуме «AI4Development: решения для Беларуси» в Минске 7–8 октября 2025 г., организованном Министерством связи и информатизации во взаимодействии с Программой развития ООН в Беларуси с 1992 г., отмечено стремление республики к разработке устойчивой и сбалансированной национальной стратегии по внедрению ИИ. В совместном заявлении отмечены факторы продвижения ИИ в Беларуси: инвестиции в человеческий капитал, нормативно-правовая база, международное сотрудничество и доступ к цифровым технологиям. В Программу правительства на 2025–2029 гг. включено использование ИИ-систем в социальной, транспортной, производственной сферах. Технологии ИИ и больших данных определены как приоритетные постановлением Совета министров от 13.06.2024 № 417 «О приоритетных видах деятельности для инвестиций». В Беларуси действуют 12 стандартов на беспилотные транспортные средства с применением технологий ИИ.

В **Азербайджане** Стратегия искусственного интеллекта на 2025–2028 гг. утверждена 19.03.2025 распоряжением президента республики. Стратегия включает пять направлений цифровой трансформации страны: управление и регулирование ИИ, кадры и образование, инфраструктура данных, НИОКР и международное сотрудничество. Для регулирования и безопасности систем ИИ приняты 8 госстандартов, интегрированных с ISO/IEC, включая AZS ISO/IEC 42001:2025 Информационные технологии. ИИ. Системы управления; AZS ISO/IEC 23894:2025 ИТ. ИИ. Руководство по управлению рисками при внедрении ИИ; AZS ISO/IEC 22989:2023 ИТ. ИИ. Понятия и терминология; AZS ISO/IEC TR 24028:2024 ИТ. ИИ. Обзор доверия к ИИ. Разработку, экспертизу и утверждение стандартов ИИ осуществляет Технический комитет по стандартизации «Информационно-коммуникационные технологии», включающий структуры Министерства цифрового развития и транспорта — Агентство информационно-коммуникационных технологий, Азербайджанский технический университет, Ассоциацию индустрии ИКТ и Ассоциацию организаций кибербезопасности Азербайджана, а также Службу госбезопасности и Азербайджанский институт стандартизации при Министерстве экономики. С сентября 2025 г. в Баку функционирует Академия искусственного интеллекта, развивающая международное сотрудничество.

В **Армении** закон республики от 17.12.2024 № ЗР-498 «О государственной поддержке в сфере высоких технологий» принят Национальным собранием республики 04.12.2024. 22.05.2025 правительством утверждена Национальная стратегическая программа развития сферы высоких технологий, разработанная Министерством индустрии высоких технологий с приоритетами — цифровизация, применение инструментов ИИ, развитие технологий, телекоммуникаций, совершенствование законодательства о регулировании радиочастот благодаря превращению Армении в региональный технологический центр посредством семилетних механизмов господдержки, налоговых льгот и повышения международной конкурентоспособности сектора.

Республика Молдова подписала Заявление глав государств СНГ о развитии сотрудничества в области ИИ гражданского назначения от 07.10.2024 и решение Совета глав правительств СНГ от 29.09.2025 о Стратегии научно-технологического развития СНГ на 2026–2035 гг. С 09.02.2026 развивается национальная кампания «Давайте безопасно использовать искусственный интеллект!» под эгидой Министерства экономического развития и цифровизации, Министерства труда и социальной защиты, Министерства образования и науки и Главного управления полиции для повышения информированности о рисках в онлайн-среде с использованием ИИ, о профилактических и образовательных мероприятиях.

Таким образом, ключевыми отраслями внедрения технологий ИИ в СНГ являются НИОКР, промышленность, системы связи, государственного и муниципального управления,

безопасности, транспорта, строительства, ЖКХ, образования, здравоохранении, сельского хозяйства и банковский сектор. Для цифровизации общества в рамках СНГ реализуются цели интеграции внедрения технологий ИИ — создание общего цифрового пространства научно-технических данных благодаря переходу от использования готовых технологий к разработке собственных решений и импортозамещению технологий с использованием ИИ, от региональных проектов к единому правовому полю, преодолению цифрового неравенства и интеграции многих технологий ИИ, включая робототехнические системы.

Список литературы

1. Консорциум исследований безопасности ИИ // URL: <https://trust-ai.ru/company/index.php> (дата обращения: 06.03.2026).
2. О Заявлении глав государств СНГ о развитии сотрудничества в области ИИ гражданского назначения // URL: <https://base.garant.ru/410642396/> (дата обращения: 02.03.2026).
3. Перечень поручений по итогам конференции «Путешествие в мир ИИ». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/78992> (дата обращения: 02.03.2026).
4. Повестка дня 58-го пленарного заседания Межпарламентской Ассамблеи государств СНГ 18.04.2025 // URL: <https://eccis.org/document/7176> (дата обращения: 10.03.2026).
5. Enhancing international cooperation on capacity-building of artificial intelligence. Resolution adopted by the General Assembly on 1 July 2024 // URL: <https://docs.un.org/en/A/res/78/311> (дата обращения: 02.03.2026).
6. Governing AI for Humanity: Final Report. United Nations. 2024 // URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/governing_ai_for_humaneity_final_report_en.pdf (дата обращения: 02.03.2026).
7. Role of artificial intelligence in creating new opportunities for sustainable development in Central Asia: resolution / adopted by the General Assembly, 2025-07-25 // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4086743?ln=ru&v=pdf> (дата обращения: 02.03.2026).
8. Seizing the opportunities of safe, secure and trustworthy artificial intelligence systems for sustainable development. Resolution adopted by the General Assembly on 21 March 2024 // URL: <https://docs.un.org/en/A/res/78/265> (дата обращения: 02.03.2026).

Экономические тезисы

В.В. Жириновского:

оценка прошлого

и взгляд в будущее

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Д.Н. Алексеев

аспирант,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

dalekseev98@gmail.com

С.О. Новосельский

кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, научного центра по исследованию истории и развития

мировых цивилизаций,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

nsvyatoslav@yandex.ru

И.С. Скулков

аспирант,

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»,

edik24@yandex.ru

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF SOCIAL AND ECONOMIC INFRASTRUCTURE IN RURAL AREAS

D.N. Alekseev

Postgraduate Student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

dalekseev98@gmail.com

S.O. Novoselsky

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,

Leading Researcher at the Scientific Center for the Study of the History and Development of World Civilizations,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

nsvyatoslav@yandex.ru

I.S. Skulkov

Postgraduate Student,

FSBEI HE «Kursk State University»

edik24@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния санкционного давления на устойчивость агропромышленного комплекса в условиях реализации политики импортозамещения. Целью исследования является оценка воздействия санкций на развитие АПК Воронежской области и выявление его адаптационного потенциала. На основе данных Росстата и Воронежстата за 2010–2025 годы проведен сравнительно-динамический анализ ключевых показателей развития отрасли в досанкционный и постсанкционный периоды. Методологической основой выступили институциональный подход, регрессионное моделирование и многофакторная модель расчета интегрального индекса устойчивости. В результате исследования выявлено, что АПК Воронежской области демонстрирует устойчивость к внешним шокам благодаря реализованным механизмам импортозамещения. Сделан вывод о том, что адаптационный потенциал региона реализован через модернизацию базы и диверсификацию экспорта, однако для максимизации конкурентных преимуществ требуется дальнейшее развитие системы государственного регулирования с акцентом на инновационные технологии и цифровизацию.

Ключевые слова: Агропромышленный комплекс, устойчивое развитие, импортозамещение, санкционное давление, продовольственная безопасность.

Abstract. This article examines the impact of sanctions pressure on the resilience of the agro-industrial complex in the context of import substitution policies. The aim of the study is to assess the impact of sanctions on the development of the agro-industrial

complex in the Voronezh Region and to identify its potential for adaptation. Based on data from Rosstat and Voronezhstat for the period 2010–2025, a comparative dynamic analysis of key indicators of the sector's development in the pre-sanctions and post-sanctions periods was conducted. The methodological framework comprised an institutional approach, regression modelling and a multi-factor model for calculating the integral sustainability index. The study revealed that the agricultural sector of the Voronezh Region demonstrates resilience to external shocks thanks to the implemented import substitution mechanisms. It is concluded that the region's adaptive potential has been realised through the modernisation of its infrastructure and the diversification of exports; however, to maximise competitive advantages, further development of the system of state regulation is required, with an emphasis on innovative technologies and digitalisation.

Key words: The agricultural sector, sustainable development, import substitution, pressure from sanctions, food security.

Современный этап социально-экономического развития России характеризуется усилением внешнеэкономических ограничений, особенно после введения санкций 2014 года и их значительного расширения с 2022 года по настоящее время. Усиление геополитической напряженности обострило проблему продовольственной безопасности и стимулировало поиск внутренних источников роста, в первую очередь в агропромышленном комплексе (АПК), который выступает базовым сектором региональной экономики и играет ключевую роль в обеспечении продовольственной независимости страны.

Воронежская область традиционно занимает одно из ведущих мест в структуре российского АПК благодаря высокой концентрации сельскохозяйственного производства, развитой перерабатывающей промышленности и благоприятным природно-климатическим условиям. На фоне санкционного давления регион стал полем интенсивных процессов адаптации, связанных с импортозамещением, трансформацией производственно-технологических цепочек и изменением структуры государственных мер поддержки.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценки устойчивости регионального АПК в условиях внешних шоков, а также выявления факторов, обеспечивающих конкурентоспособность и самостоятельность отрасли. Санкции выступили как вызовом, так и стимулом для перестройки институциональной среды, внедрения инноваций и замещения импорта ключевых ресурсов и технологий.

Теоретико-методологическая основа исследования опирается на труды отечественных ученых, посвященные анализу санкционных эффектов и импортозамещения в АПК. В работах Матвеевой Л.Г. и Черновой О.А. подчеркивается роль конкурентного импортозамещения как императива развития АПК в условиях санкций с учетом региональных детерминант (факторные условия, спрос, родственные отрасли) [1]. Региональные работы по Воронежской области Шкарупета Е.В. и Ермишина С.Н. акцентируют влияние санкций на экспортно-ориентированный малый бизнес и динамику производства [2]. В то же время, остается недостаточно изученной специфика импортозамещающих эффектов в АПК Воронежской области с учетом государственной и региональной поддержки. Аналогично, Гапонова С.Н., Солодовникова М.П., Новичихина Н.А. анализируют развитие сельскохозяйственного предпринимательства Воронежской области под влиянием санкций 2014–2016 гг., отмечая переход от низкой базы роста к устойчивым лидерским позициям региона по абсолютным и относительным показателям производства [3]. Мещеряков Д.А. рассматривает приоритетный стратегический проект «Новая индустриализация региона» как инструмент импортозамещения в промышленном производстве Воронежской области, подчеркивая его роль в диверсификации и росте высокотехнологичной продукции на 2021–2024 гг. [4].

Представленный обзор научной литературы свидетельствует о значительном интересе к проблемам импортозамещения и устойчивости АПК в условиях санкций, однако преобладают описательные и сравнительные подходы к анализу региональных особенностей. В то же время остаётся недостаточно изученной динамика социально-экономических показателей Воронежской области с использованием методов моделирования трендов, а также роль специфических механизмов региональной политики адаптации.

В этой связи целью настоящего исследования является оценка влияния санкций на развитие агропромышленного комплекса Воронежской области и выявление его адаптационного потенциала, выраженного в процессах импортозамещения и повышении экономической устойчивости региона.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- проанализировать институциональные и ценовые эффекты санкций для аграрного сектора региона;
- оценить динамику ключевых социально-экономических показателей развития АПК Воронежской области в докризисный и постсанкционный периоды;
- выявить роль государственной поддержки и региональной политики в формировании механизмов адаптации и импортозамещения.

Объектом исследования выступает агропромышленный комплекс Воронежской области, предметом — устойчивость его социально-экономического развития в условиях санкционного давления и реализуемых механизмов импортозамещения.

Экономические санкции представляют собой меры принудительного воздействия, включающие прямые (финансовые ограничения, заморозка активов), косвенные (через третьи страны) и секторальные ограничения на ключевые отрасли, такие как энергетика и АПК; особняком стоят «смарт-санкции», ориентированные на точечное давление без широкого ущерба. Их типология эволюционировала от персональных к комплексным, с преобладанием секторальных форм после 2014 г., направленных на ослабление технологического суверенитета. В аграрном секторе санкции усиливают импортозависимость по технике (60% импортной доли до 2022 г.), семенам, племенному материалу, удобрениям, а также затрудняют логистику, экспорт и кредитный доступ [5].

В аграрном секторе каналы воздействия санкций проявляются через импортозависимость по ключевым ресурсам: сельхозтехнике (до 60–70% импортной доли до 2022 г.), семенам, племенному материалу и удобрениям, а также через кредитный канал (ограничение финансирования), логистику (рост тарифов на 30–50%) и экспортные барьеры. Эти эффекты приводят к краткосрочному спаду производства (на 5–10% в 2014–2015 гг.), но стимулируют долгосрочную адаптацию за счет замещения импорта [6].

Устойчивость агросектора понимается как способность системы сохранять производственные объемы и продовольственную безопасность при внешних шоках, опираясь на институциональные условия (государственные программы, субсидии, региональные стратегии). Продовольственная безопасность обеспечивается самообеспеченностью по ключевым группам и диверсификацией рисков [7].

Стратегия импортозамещения реализуется через комплексный подход, включающий ресурсное замещение с достижением уровня локализации семеноводства в размере 75%. Дополнительно предусматриваются структурные изменения производственного сектора и расширение экспортной направленности за счет диверсификации рынков сбыта в восточном направлении. Адаптационные стратегии оцениваются через индексы устойчивости и факторный анализ, учитывающий инновации и господдержку [8].

В качестве методики исследования используется сравнительно-динамический анализ (тренды ключевых показателей АПК), институциональный подход и регрессионное моделирование. Период охватывает 2010–2025 гг.: досанкционный (2010–2013), санкционный (2014–2021) и усиленный санкционный (2022–2025, с прогнозом на 2026 г.).

Данные собраны из Росстата, Минсельхоза РФ, отчетов Воронежстата. Оценка устойчивости проводится через многофакторную модель расчета интегрального индекса, учитывающую региональные детерминанты Воронежской области.

Воронежская область занимает лидирующие позиции в российском АПК, внося 3–5% в общероссийское производство ключевой продукции: зерна (около 6,2 млн т в 2025 г., 4–5% РФ), подсолнечника (1,25 млн т, 7% РФ), сахарной свеклы (5,25 млн т, 3% РФ). Регион специализируется на зерновых, масличных (подсолнечник 65% масличных посевов), сахарной свекле, мясном животноводстве и масложировой переработке. АПК обеспечивает 20–25% ВРП региона, объем производства — 321,5 млрд руб. в 2023 г. (рост 102,8%).

Воронежская область в рассматриваемый период демонстрировала более устойчивую динамику по сравнению со среднероссийскими показателями, что связано с высоким уровнем аграрного потенциала региона, развитой перерабатывающей промышленностью и значительными инвестициями в сельское хозяйство. Основными драйверами роста стали развитие зернового хозяйства, расширение производства масличных культур и ускоренное развитие животноводства.

Первый этап (2010–2013 гг.) характеризуется стабилизацией производства после кризисных явлений конца 2000-х годов. В этот период наблюдалось постепенное увеличение объемов растениеводства и модернизация аграрной инфраструктуры.

Второй этап (2015–2019 гг.) связан с активным развитием импортозамещения после введения продовольственного эмбарго. В регионе увеличились посевные площади под зерновыми и масличными культурами, активно развивались мясное животноводство и масложировой комплекс.

Третий этап (2022–2024 гг.) характеризуется влиянием новых санкционных ограничений и трансформацией экспортных потоков. Несмотря на логистические сложности и рост стоимости импортной техники и компонентов, аграрный сектор региона сохранил положительную динамику производства за счет роста внутреннего спроса и расширения переработки сельхозсырья.

Данные, представленные в таблице 1 свидетельствуют о значительном увеличении масштабов сельскохозяйственного производства. Так, средний валовой сбор зерна в регионе вырос почти в два раза по сравнению с началом рассматриваемого периода. Аналогичная динамика наблюдается в производстве подсолнечника, что связано с расширением посевных площадей и ростом урожайности масличных культур [10].

Таблица 1

Показатели производительности АПК 2010–2025 гг.

Показатель	2010–2013	2015–2019	2022–2025
Индекс производства сельхозпродукции, в %	102	105	106
Валовой сбор зерна, в млн т	3,3	5,0	6,0
Производство подсолнечника, в млн т	0,9	1,3	1,7
Производство мяса, в тыс. т	350	500	650

Индекс производства АПК вырос с 100% (2010) до 105% (2024), с переломом тренда после 2014 г. (спад до 98%, затем восстановление) и 2022 г. (102,8% в 2023 несмотря на базу).

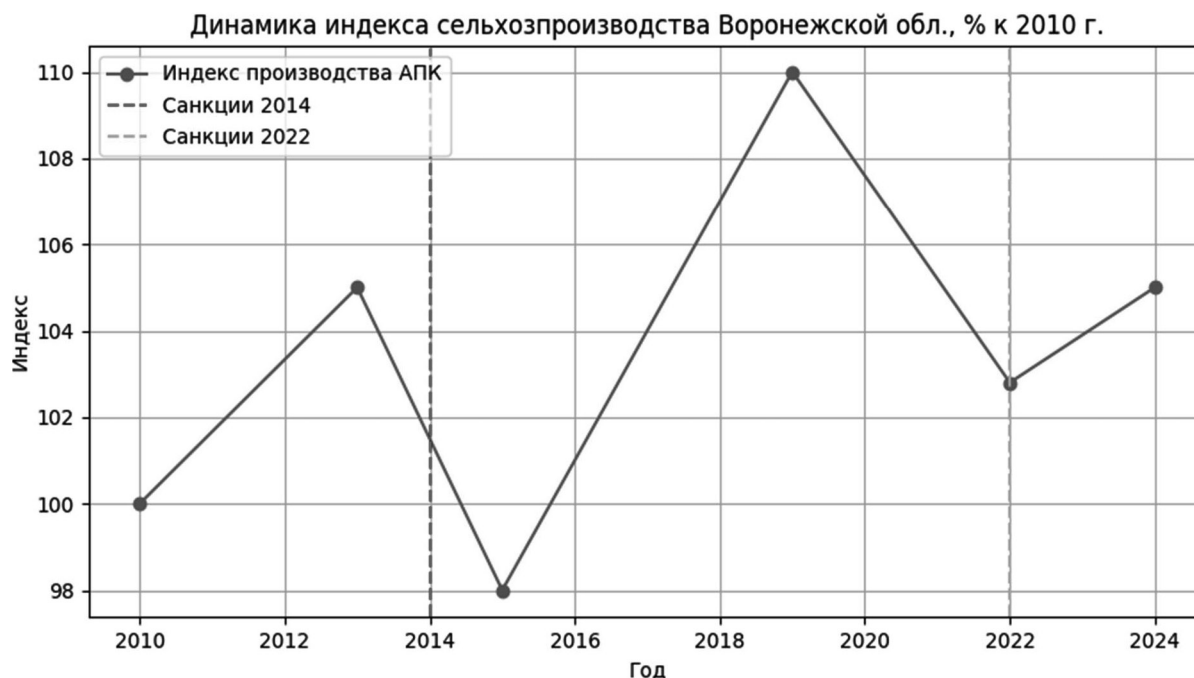

Рис. 1. Динамика индекса с/х производства Воронежской области

АПК Воронежской области за последние 10 лет демонстрирует устойчивый рост ключевых показателей, с ускорением после 2022 года несмотря на санкции, благодаря импортозамеще-

нию и переориентации экспорта на дружественные рынки, а также господдержке. Динамика отражает сдвиг от сырьевого экспорта к переработке и локализации.

Инвестиции в АПК росли около 40 млрд руб. ежегодно в 2016–2020 гг. до рекордных 49,3 млрд руб. в 2019–2020 гг., оставаясь лидерами в РФ [11]. После санкций 2022 г. объемы вложений просели (~38 млрд руб.) и акцент сместился на проекты масложирового, мясного и тепличного сегментов с вводом 100 тыс. т мощностей в 2023–2025 гг. Замедление в 2022 г. (на 5–10%) сменилось восстановлением к 2025 г. (+10–15% год к году) и превысило 50 млрд руб. ежегодно.

За последние годы в регионе было реализовано множество крупных проектов. Набор ключевых объектов приведён в таблице 2. Многие проекты получили статус «особо значимые» и поддержаны федеральными и региональными фондами [12]. Так, например, ГК «Агроэко» завершает строительство молочного комплекса мощностью 40 тыс. т молока/год (инвестиции 6 млрд руб., ввод — 2025 г.) и реализует проект свиноводческого кластера «Агроэко Восток» (4 комплекса по 4000 свиноматок, выпуск 63 тыс. т мяса в год, вложения 13,7 млрд руб., план — к 2030 г.) [13]. Группа «Молвест» строит завод глубокой переработки молока (1,2 тыс. т/сутки; 6,5 млрд руб., 2025–2028). В животноводстве «ЭкоНива» инвестирует в расширение ферм (+5000 коров, +75 тыс. т молока в год) за 2 млрд руб. [14]. Среди пищевых производств стоит отметить наращивание мощностей маслодельного и мясоперерабатывающего секторов: два новых маслозавода и крупный комбикормовый завод «Русский агролидер» с общим объемом инвестиции свыше 4 млрд рублей.

Таблица 2

Реализация крупных проектов в Воронежской области

Проект	Инвестор	Объём инвестиций, в млрд руб.	Сроки реализации	Тип мощности, выпуск
Молочный комплекс (40 тыс. т)	ГК «Агроэко»	6	2021–2025	Молоко, 40 тыс. т/год
Свинокомплексы (4×4000 маток)	ГК «Агроэко Восток»	13,7	2024–2030	Мясо свинины, 63 тыс. т/год
Завод глубокой переработки молока	ГК «Молвест»	6,5	2025–2028	1,2 тыс. т молока/сутки
Завод по производству трейлеров	«Воронеж-сельмаш»	1,7	2023–2026	До 500 с/х техники в год
Расширение ферм (5 ферм)	ГК «ЭкоНива»	2,0	2025–2026	Молоко +75 тыс. т/год

Экспорт АПК Воронежской области по стоимости за последние годы варьируется в пределах \$0,4–0,6 млрд/год. По данным ФТС, показатели составили ~\$414,1 млн (2015), \$540,9 млн (2018) и \$504,6 млн (2020) [15]. На графике ниже видно, что после пика в 2018 г. объём экспорта стабилизировался на уровне ~\$0,5 млрд, однако к 2025 году экспорт составляет уже \$0,6 млрд. Основную долю традиционно дают зерновые: к 2018 г. экспорт пшеницы и ячменя (311,9 млн \$, 2018) обеспечивал более половины выручки [16].

С началом санкций и отказом ряда западных производителей от рынка РФ для сельхозотрасли возник дефицит импорта техники. Региональные и федеральные меры поддержки нацелены на сокращение этой зависимости. Воронежская область совместно с Минпромторгом участвует в федеральной программе 1432, дающей скидки до 50 % на отечественную технику, а с 2025 года субсидии по льготным кредитам увеличены до 70 % ключевой ставки ЦБ при покупке российской сельхозмашины [17]. Кроме того, регион предпринимает собственные шаги: предусмотрено софинансирование лизинга и кредитов, повышенные компенсации за приобретение техники местного производства.

Например, к 2023 году в бюджет АПК области было заложено 8,0 млрд руб. поддержки (5,2 млрд руб. — федеральные, 3,1 млрд руб. — областные) [18]. Из них значительная часть

приходится на субсидии сельхозтоваропроизводителям: возмещение части затрат на покупку отечественной техники, на уплату процентов по кредитам, компенсации инвестпроектов и т.д. По итогам 2023 г. свыше 1,1 тыс. агропредприятий и фермерских хозяйств воспользовались более чем 50 мерами поддержки, включая льготы на технологическое обновление. В региональной программе «Инвестиционные проекты» заложены субсидии субъектам, реализующим приоритетные проекты, в том числе на локализацию производств оборудования.

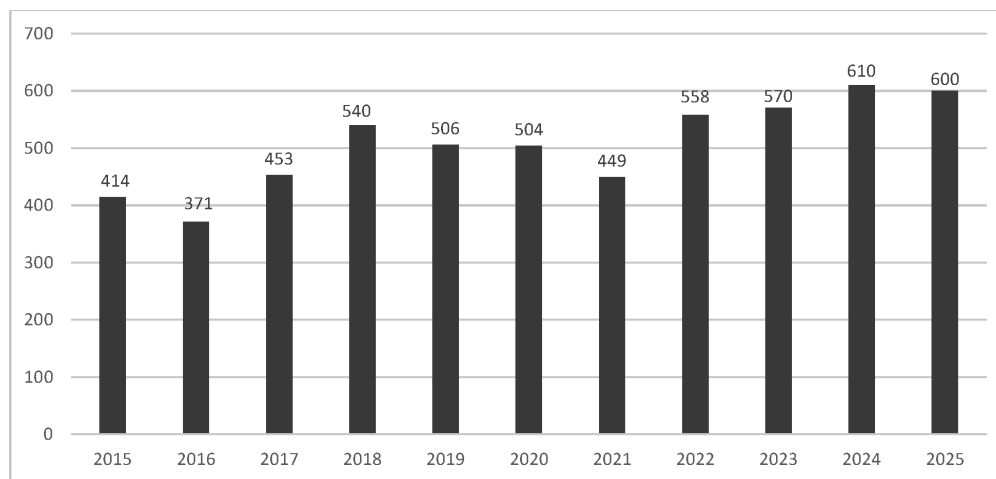

Рис. 2. Экспорт АПК Воронежской области, в млн долл.

Для оценки устойчивости агропромышленного комплекса Воронежской области, проведем расчет интегрального индекса за 2025 год на основе данных, рассмотренных выше, а также статистики Воронежстата.

Для выбранного периода, воспользуемся методом минимаксной нормализации. Предложенный метод обеспечивает вычисление синтетических показателей в единой метрической шкале, что позволяет осуществить их упорядочение в соответствии с полученными количественными оценками. Рассмотрим пять показателей: индекс производств w_j аловый сбор зерновых, производство мяса, инвестиции в АПК и экспорт продукции. Вес каждого показателя определим одинаковым и равным 0,2.

Нормализация (для показателя j):

$$x' = \frac{x - \min_j}{\max_j - \min_j}. \quad (1)$$

Интегральный индекс для пяти показателей i периода:

$$I_{\text{АПК}} = \sum_{j=1}^5 w_j x'_{ij}. \quad (2)$$

Для оценки устойчивости системы был проведен расчет нормализованного показателя на 2025 год. Расчет базируется на формулах (1) и (2), которые позволяют учитывать как количественные, так и качественные параметры системы. В результате проведенных вычислений нормализованный показатель для 2025 года составил 0,85. Это значение характеризует систему как высокоустойчивую, что свидетельствует о следующих положительных аспектах: эффективное управление ресурсами, технологическая готовность, социально-экономическая стабильность, а также устойчивость к внешним воздействиям [19].

В итоге проведенного исследования можно констатировать, что агропромышленный комплекс Воронежской области обладает значительным адаптационным потенциалом и демонстрирует устойчивость к санкционным воздействиям. Эмпирический анализ временных рядов за период 2014–2025 гг. выявил положительную динамику ключевых показателей: рост объемов производства растениеводства и животноводства, а также увеличение доли экспорта продукции. Реализованные механизмы импортозамещения, включая модернизацию материально-технической базы и диверсификацию экспортных направлений, обеспечили не только минимизацию негативных эффектов внешних шоков, но и повышение общей экономической устойчивости отрасли.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости дальнейшего развития системы государственного регулирования АПК региона с акцентом на инновационные технологии и цифровизацию для максимизации его конкурентных преимуществ.

Список литературы

1. *Матвеева Л.Г., Чернова О.А.* Конкурентное импортозамещение как императив развития АПК в условиях экономических санкций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. — 2015. — № 4(35). — С. 5–13. — URL: <https://re.volsu.ru/archive/articles/index.php?ID=554> (дата обращения: 12.02.2026).
2. *Шкарупета Е.В., Шмырева М.Б., Ермишин С.Н.* Импортозамещение в Воронежской области // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. — 2016. — № 1(7). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/importozameschenie-v-voronezhskoy-oblasti> (дата обращения: 23.02.2026).
3. *Гапонова С.Н., Солодовникова М.П., Новичихина Н.А.* Развитие сельхозпредпринимательства воронежской области в условиях санкций: достижения и ориентиры на будущее // Лесотехнический журнал. — 2017. — № 3(27). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-selhozpredprinimatelstva-voronezhskoy-oblasti-v-usloviyah-sanktsiy-dostizheniya-i-orientiry-na-buduschee> (дата обращения: 23.02.2026).
4. *Мещеряков Д.А.* Приоритетный стратегический проект «новая индустриализация региона» как инструмент, обеспечивающий импортозамещение в промышленном производстве воронежской области // Россия: тенденции и перспективы развития. — 2022. — № 17-3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prioritetnyy-strategicheskiy-proekt-novaya-industrializatsiya-regiona-kak-instrument-obespechivayuschiy-importozameschenie-v> (дата обращения: 23.02.2026).
5. *Шкодинский С.В., Кушнир А.М., Продченко И.А.* Влияние санкций на технологический суверенитет России // Проблемы рыночной экономики. — 2022. — № 2. — С. 75–96. — (дата обращения: 23.02.2026). — DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2022-2-75-96>
6. *Глотова Н.И., Баранов Г.А.* Влияние санкций на агропромышленный комплекс России // Панорама. — 2023. — URL: <https://panor.ru/articles/vliyanie-sanktsiy-na-agropromyshlennyy-kompleks-rossii/94942.html> (дата обращения: 23.02.2026).
7. *Шалбаева А.Р., Куланова Д.А., Абдикеримова Г.И.* Устойчивое развитие агропромышленного комплекса как фактор продовольственной безопасности страны // Qainar Journal of Social Science. — 2023. — No 2(3). — P. 41–55. — URL: <https://doi.org/10.58732/2958-7212-2023-3-41-55> (дата обращения: 23.02.2026).
8. *Чаткина Е., Казакова Н.А.* Анализ риск-факторов и оценка устойчивости развития АПК в условиях санкций. Финансы: теория и практика // Finance: Theory and Practice. — 2024. — No 28(2). — P. 166–177. — URL: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-2-166-177> (дата обращения: 23.02.2026).
9. Воронежский статистический ежегодник 2024 // URL: ([https://36.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Воронежский статистический ежегодник 2024.pdf](https://36.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Воронежский%20статистический%20ежегодник%202024.pdf)) (дата обращения: 23.02.2026).
10. Федеральная служба государственной статистики // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110> (дата обращения: 23.02.2026).
11. Номер один по объему агроинвестиций. Обзор АПК Воронежской области по итогам работы в 2020 году // URL: <https://www.agroinvestor.ru/regions/article/36944-nomer-odin-po-obemu-agroinvestitsiy-obzor-apk-voronezhskoy-oblasti-po-itogam-raboty-v-2020-godu/> (дата обращения: 23.02.2026).
12. Инвестпроекты в АПК Воронежской области в III квартале 2023 года // URL : <https://specagro.ru/news/202310/klyuchevye-sobytiya-apk-voronezhskoy-oblasti-v-iii-kvartale-2023-goda> (дата обращения: 23.02.2026).
13. Агроэко запускает новый молочный комплекс в Воронежской области // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8230065> (дата обращения: 23.02.2026).
14. «Эконива» инвестирует 2 млрд рублей в расширение ферм в Воронежской области // URL: https://souzmoloko.ru/news/pressa-o-nas/pressa-o-nas_7551.html (дата обращения: 23.02.2026).
15. Официальный сайт таможенной службы // URL: <https://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 23.02.2026).

16. Агроэкспорт. Экспортный профиль региона Воронежская область // URL: <https://aemcx.ru/wp-content/uploads/2021/10/Воронежская-область.pdf> (дата обращения: 23.02.2026).
17. Субсидии 70% на сельхозтехнику в 2025 году — выгодные кредиты для фермеров // URL: https://www.lbr.ru/blog/minselkhoz-povysil-subsidii-na-pokupku-rossijskoj-selkhoztekhniki-do-70-stavki-cb?srsltid=AfmBOooROG3wynL5CbF4N6lyJ4ZYeUJHi3ej_tju2YTHMCwHYKuAVjwG (дата обращения: 23.02.2026).
18. В 2023 году воронежские аграрии получают 8 млрд рублей субсидий // URL: <https://riavrn.ru/news/v-2023-godu-voronezhskie-agrarii-poluchat-8-mlrd-rublej-subsidij/> (дата обращения: 23.02.2026).
19. *Бобылев С.Н.* Индикаторы устойчивого развития: региональное измерение: пособие по региональной экологической политике. — М.: Акрополь; ЦЭПР, 2007. — 60 с.
20. *Булавина М.А., Новосельский С.О., Измestьев Д.М.* Организационно-экономический механизм управления бизнес-процессами производства металлоконструкций в условиях кризиса // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2024. — Т. 15. — № 2(43). — С. 68–74.
21. *Булавина М.А., Новосельский С.О., Попова С.А.* Стратегические цели и тактические приоритеты управления городом в условиях геополитической напряженности // Вестник евразийской науки. — 2022. — Т. 14. — № 3.
22. *Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А.* Теоретико-методические проблемы формирования национальной идеи Российской Федерации // Актуальные политические и исторические вопросы современности. Сборник статей. — М., 2020. — С. 160–176.
23. *Слуцкий Л.Э., Васецкий Н.А., Слоботчиков О.Н.* Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография в 2-х т. / Том 1. Россия — государство-цивилизация. — М., 2024. — 384 с.
24. *Ищенко М.М., Плятова Ю.А.* Анализ методов и результатов развития персонала на современном предприятии // Вестник института мировых цивилизаций. — № 2. — 2023. — С.60–65.
25. *Конобеева, А.Б.* Социальные условия развития аграрного предпринимательства / А.Б. Конобеева // Маркетинг и логистика. — 2021. — № 2(34). — С. 37–44.
26. *Зейналова Л.М.* Генезис понятия «коррупция» в антикоррупционном законодательстве: международный опыт и национальное законодательство // Наука и новация: современные проблемы теории и практики права. сборник материалов международной научно-практической конференции в рамках IV Международного Фестиваля науки. — 2019. — С. 83–86.

К ВОПРОСУ О ВНЕДРЕНИИ ИНСТРУМЕНТОВ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ

А.Л. Мусин

аспирант,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
artemmusin1998@gmail.com

ON THE IMPLEMENTATION OF DIGITAL TRANSFORMATION TOOLS IN THE OIL AND GAS INDUSTRY

A.P. Musin

Postgraduate Student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
artemmusin1998@gmail.com

Аннотация. Вопрос цифровой трансформации нефтегазовой отрасли Российской Федерации в настоящее время перешел из плоскости дискуссий о технологической целесообразности в область практической реализации масштабных инвестиционных проектов, определяющих конкурентоспособность всего топливно-энергетического комплекса в среднесрочной и долгосрочной перспективе. В статье автором анализируется современное состояние процессов цифровой трансформации в нефтегазовом секторе. Автором предложена трактовка цифровой трансформации применительно к нефтегазодобывающим предприятиям, отличающаяся от распространённых определений акцентом на технологическую и организационную связанность. Также в статье выявлены основные драйверы внедрения цифровых решений, среди которых — не только экономия издержек, но и требования регуляторов в области углеродной отчётности. Систематизированы основные барьеры, препятствующие полноценному внедрению инструментов цифровой трансформации. На основе анализа данных российских нефтегазовых компаний предложены индикаторы экспресс-оценки уровня цифровой зрелости. Показано, что наиболее высокие темпы цифровизации демонстрируют компании, интегрирующие цифровые платформы с корпоративными системами управления производством. Сформулированы рекомендации для предприятий, находящихся на начальных этапах цифровой трансформации. Материалы статьи могут быть использованы при разработке внутренних стратегий цифрового развития компаний нефтегазовой отрасли.

Ключевые слова: цифровая трансформация, нефтегазовая отрасль, цифровая зрелость, большие данные, барьеры цифровизации.

Abstract. The digital transformation of the Russian oil and gas industry has now shifted from a discussion of technological feasibility to the practical implementation of large-scale investment projects that determine the competitiveness of the entire fuel and energy sector in the medium and long term. In this article, the author analyzes the current state of digital transformation processes in the oil and gas sector. The author proposes an interpretation of digital transformation as it applies to oil and gas production companies, which differs from common definitions by emphasizing technological and organizational connectivity. The article also identifies the key drivers for implementing digital solutions, including not only cost savings but also regulatory requirements for carbon reporting. The main barriers hindering the full implementation of digital transformation tools are systematized. Based on an analysis of data from Russian oil and gas companies, indicators for rapid assessment of digital maturity are proposed. It is shown that the fastest rates of digitalization are demonstrated by companies integrating digital platforms with corporate production management systems. Recommendations are formulated for companies in the early stages of digital transformation. The article's materials can be used in developing internal digital development strategies for oil and gas companies.

Key words: digital transformation, oil and gas industry, digital maturity, big data, digitalization barriers.

За последние пять лет опубликованы большое количество отраслевых докладов о неизбежности цифровой трансформации нефтегазового комплекса. Консалтинговые компании единодушно прогнозируют рост эффективности от внедрения инструментов цифровой трансформации. Однако на практике российские нефтегазовые предприятия внедрились отдельные

цифровые элементы — автоматизированные системы учёта, SCADA-системы, элементы интернета вещей на ключевых скважинах. Но системного эффекта, о котором пишут в отчётах, достигают далеко не все [6; 7].

Стоит отметить, что руководители воспринимают цифровую трансформацию как закупку дорогого программного обеспечения, забывая о необходимости перестройки бизнес-процессов и изменения культуры принятия решений [3].

В настоящей работе сделана попытка отойти от шаблонного перечисления технологий и сосредоточиться на реальных факторах ускорения или торможения цифровой трансформации в российском нефтегазовом секторе.

В научной литературе отсутствует единство в определении цифровой трансформации применительно к сырьевым отраслям. Одни авторы понимают под этим широкое внедрение информационных технологий, другие настаивают на принципиальном изменении бизнес-моделей.

Можно сформулировать следующее определение данного понятия с акцентом на деятельность предприятия нефтегазового сектора промышленности.

Цифровая трансформация нефтегазового предприятия — это целенаправленный процесс изменения системы управления производственными и поддерживающими процессами, основанный на сквозной интеграции датчиковых данных, предиктивной аналитики и цифровых двойников активов, приводящий к измеримому снижению операционных затрат и росту коэффициента извлечения нефти.

Ключевое отличие предложенного определения — требование измеримости эффекта и сквозного характера интеграции. Единичное внедрение «умного» датчика на одной скважине без связи с системой планирования ремонтов нельзя считать цифровой трансформацией. Это лишь локальная автоматизация.

Важно подчеркнуть ещё один аспект. В нефтегазовой отрасли цифровая трансформация имеет специфику, связанную с длительным жизненным циклом активов (месторождения разрабатываются 30–50 лет). Цифровое решение, внедрённое сегодня, должно быть совместимо с системами, которые появятся через 10–15 лет. Эта проблема технологического наследия («legacy systems») в отраслевых дискуссиях часто недооценивается [2].

Традиционно основным стимулом для цифровизации называли снижение затрат. Действительно, мировая практика показывает, что применение предиктивной аналитики на буровых установках сокращает непроизводительное время на 15–25% [5].

Однако анализ деятельности российских компаний (проведённый автором на основе открытых интервью с руководителями ИТ-департаментов пяти компаний) выявил более сложную структуру драйверов.

Первый драйвер — действительно экономический. Цифровые двойники месторождений позволяют оптимизировать режимы закачки воды и газлифта, что напрямую влияет на себестоимость добычи. При цене нефти ниже 60 долларов за баррель этот фактор становится критическим.

Второй драйвер — требования регуляторов. С 2024 года в России ужесточилась отчётность по выбросам парниковых газов. Цифровые системы мониторинга и учёта выбросов становятся не роскошью, а необходимостью. Три из пяти анализируемых компаний назвали этот фактор в числе трёх наиболее значимых.

Третий драйвер — кадровый. В условиях дефицита профильных инженеров (особенно в регионах Западной Сибири) компании вынуждены автоматизировать рутинные операции, чтобы высвободить квалифицированных сотрудников для решения нестандартных задач. Парадоксально, но нехватка кадров ускоряет цифровизацию.

Четвёртый драйвер, о котором редко пишут в литературе, — давление со стороны акционеров и кредитных организаций. Крупные банки при выдаче инвестиционных кредитов всё чаще запрашивают «цифровую стратегию» как отдельный документ.

Также необходимо выделить следующие основные барьеры на пути полноценного внедрения цифровой трансформации в нефтегазовой отрасли:

- технологические;
- организационные;

- культурный барьер;
 - барьеры внешней среды.
- Технологические барьеры*

Самый очевидный барьер — несовместимость оборудования разных производителей. На одном месторождении могут работать датчики Siemens, контроллеры Honeywell и SCADA-система отечественной разработки. Интеграция этих разнородных элементов в единый контур требует дополнительных затрат, которые часто не закладываются в первоначальный бюджет. Кроме того, значительная часть скважинного оборудования, установленного в 2000-е годы, физически не имеет цифровых интерфейсов. Их модернизация сопоставима по стоимости с бурением новой скважины [4].

Организационные барьеры

Эта группа барьеров является ключевой. Во многих нефтегазовых компаниях сохраняется функциональная разобщённость. Производственники не доверяют данным, полученным с датчиков, и перепроверяют их ручными замерами. IT-отделы не понимают технологических нюансов и предлагают решения, которые неудобны в полевых условиях. Между службами главного инженера, автоматизации и информационных технологий отсутствует единая ответственность за цифровой проект [4].

Культурный барьер и привычка к старым методам. Если решения о замене оборудования ранее принимались старшим мастером на основе личного опыта, это могло сформировать у персонала убеждение, что система предупреждений не всегда надёжна или не учитывает реальные условия эксплуатации.

Барьеры внешней среды

К ним относятся санкционные ограничения (западное ПО и оборудование недоступны), нестабильность цен на нефть (что затрудняет долгосрочное планирование цифровых инвестиций) и дефицит квалифицированных подрядчиков на рынке IT-услуг для ТЭК [1].

Для анализа уровня цифровой зрелости можно использовать следующие основные индикатора:

- доля скважин с датчиками в реальном времени (пороговое значение для высокого уровня — более 60%);
- наличие цифровых двойников хотя бы для 30% ключевых месторождений;
- использование прогнозируемой аналитики для планирования ремонтов (бинарный показатель);
- интеграция цифровых платформ с ERP-системой (оценивается экспертным путём).

Были проанализированы следующие компании «Газпром нефть», «Лукойл», «Татнефть», «Сургутнефтегаз», «Новатэк», результаты оценки представлены в табл. 1.

Таблица 1

Уровень цифровой зрелости российских нефтегазовых компаний

Компания	Доля скважин с датчиками	Цифровые двойники	Прогнозируемая аналитика	Интеграция с ERP	Итоговый уровень
«Газпром нефть»	~65%	есть	есть	есть	высокий
«Лукойл»	~55%	частично	есть	есть	выше среднего
«Татнефть»	~50%	частично	частично	есть	средний
«Новатэк»	~60%	есть	есть	частично	выше среднего
«Сургутнефтегаз»	~35%	нет	нет	частично	ниже среднего

Источник: составлено автором по данным открытых источников и экспертным оценкам.

Полученные данные показывают значительную дифференциацию. Компании, которые начали цифровую трансформацию раньше и создали централизованные центры компетенций («Газпром нефть», «Новатэк»), уверенно лидируют. В то же время предприятия, сохраняющие традиционную модель управления, демонстрируют отставание [1].

На основе проведённого анализа сформулированы следующие рекомендации, адресованные руководителям нефтегазовых компаний.

1. Начинать цифровую трансформацию необходимо не с закупки ПО, а с аудита существующих бизнес-процессов. Часто оказывается, что 30–40% операций можно оптимизировать без внедрения новых технологий — только за счёт устранения дублирования и упрощения процедур.
2. Создавать кросс-функциональные проектные команды, включающие ИТ-специалистов, и производителей, и экономистов. Пока эти группы работают изолированно, цифровые проекты обречены на низкую эффективность.
3. Внедрять цифровые решения по принципу «от простого к сложному». Начать с автоматизации учёта наработки оборудования (это относительно дёшево и быстро даёт измеримый эффект), затем переходить к прогнозируемой аналитике и лишь потом — к полномасштабным цифровым двойникам. Попытки охватить всё и сразу, как показывает практика, заканчиваются распылением ресурсов и потерей управляемости.
4. Уделять особое внимание обучению персонала не только работе с интерфейсами, но и интерпретации цифровых данных. Бесполезно внедрять сложную систему аналитики, если инженер на промысле не понимает, что означают выдаваемые системой прогнозы.
5. Закладывать в бюджет цифровых проектов отдельную строку на сопровождение и доработку в течение первых двух лет после внедрения. Опыт показывает, что около 20% бюджета должно резервироваться на «доводку» системы с учётом обратной связи от пользователей.

Подводя итоги, можно утверждать, что цифровая трансформация в российском нефтегазовом секторе перешла из фазы пилотных проектов в фазу системного развёртывания, но с существенной дифференциацией между компаниями-лидерами и компаниями-аутсайдерами.

Главный вывод исследования состоит в том, что технологические аспекты цифровизации (датчики, программное обеспечение, каналы связи) являются необходимым, но не достаточным условием успеха. Решающее значение имеют организационные факторы: распределение ответственности, мотивация персонала, готовность руководства пересматривать устоявшиеся процедуры.

Дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку детализированных моделей оценки экономической эффективности цифровых проектов с учётом отраслевой специфики, а также на изучение опыта компаний, прошедших полный цикл цифровой трансформации от первых пилотов до корпоративного масштабирования.

Список литературы

1. *Азиева Р.Х.* Мониторинг результатов цифровой трансформации в нефтегазовой отрасли // Естественнo-гуманитарные исследования. — 2022. — № 40(2). — С. 21–29.
2. *Афанасьева Е.В., Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А.* Геостратегические регионы мира: методика исследования и анализ. — М., 2020. — 200 с.
3. *Булавина М.А., Новосельский С.О., Измestьев Д.М.* Организационно-экономический механизм управления бизнес-процессами производства металлоконструкций в условиях кризиса // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2024. — Т. 15. — № 2(43). — С. 68–74.
4. *Дивина, Т.В.* Взаимосвязь составляющих компонентов системы управления промышленным предприятием, как целостной системы / Т.В. Дивина // Экономическая среда. — 2020. — № 4(34). — С. 18–23. — DOI 10.36683/2306-1758/2020.04/18-23. — EDN IOUCXT.
5. *Дивина, Т.В.* Возможности использования цифровых технологий при реализации корпоративных стратегий / Т.В. Дивина // Новый экономический миропорядок: управление активами в условиях ограничений и санкций: Сборник тезисов всероссийской научно-практической конференции «УПРАВЛЕНИЕ АКТИВАМИ — 2022», к 65-летию факультета международных экономических отношений МГИМО МИД России, Москва, 13 апреля 2023 года / под ред. И.М. Степнова, Ю.А. Ковальчук. — М.: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2023. — С. 88–91. — EDN RDBOHY
6. *Еременская Л.И., Степнова О.В.* Инновационные подходы к управлению развитием персонала на предприятии химической промышленности // Глобальный научный потенциал. — 2021. — № 10(127). — С. 254–257.

7. *Осадчук, Е. В.* Цифровизация промышленности: барьеры на пути внедрения искусственного интеллекта и предложения по их преодолению // Информационная среда и проблемы цифровизации. — 2022. — С. 202–209.
8. *Саморукова, Г. В.* Развитие малого бизнеса России в условиях санкций / Г. В. Саморукова, А. В. Карих // Современные тенденции управления и экономики в России и мире: цивилизационный аспект: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 29 февраля 2024 года. — М.: Издат. дом «УМЦ», 2024. — С. 213–225.
9. *Зейналова Л. М.* Генезис понятия «коррупция» в антикоррупционном законодательстве: международный опыт и национальное законодательство // Наука и новация: современные проблемы теории и практики права. сборник материалов международной научно-практической конференции в рамках IV Международного Фестиваля науки. — 2019. — С. 83–86.
10. Цифровые технологии строительства скважин. Создание высокопроизводительной автоматизированной системы предотвращения осложнений и аварийных ситуаций в процессе строительства нефтяных и газовых скважин // URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/tekhnologii/547745-tsifrovye-tekhnologii-stroitelstva-skvazhin-sozdanie-vysokoproizvoditelnoy-avtomatizirovannoy-sistem/?ysclid=mo712et0qo693735848> (дата обращения: 10.02.2026).
11. *Цыганков П. А., Слуцкий Л. Э.* Западный дискурс о «гибридной войне России против демократии»: новое вино в ветхие мехи // Вопросы политологии. — 2022. — Т. 12. — № 12(88). — С. 4227–4238.
12. *Черсков, А. В.* Повышение конкурентоспособности предприятий газовой отрасли в условиях цифровой экономики / А. В. Черсков, Т. В. Дивина // Экономика и предпринимательство. — 2022. — № 6(143). — С. 1181–1184. — DOI: 10.34925/EIP.2022.143.6.220. — EDN EZVMGV.
13. *Чжан Тиншо, Жэнь Аминь.* Цифровая трансформация нефтегазовой отрасли: тренды и перспективы // Прогрессивная экономика. — 2023. — № 4. — С. 36–51.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Г.Г. Гарибян

аспирант,

АНО ВО «Московский университет “Синергия”», Москва

ga.g.garibyan@my.mgimo.ru

Е.Б. Стам

аспирант,

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

edik24@yandex.ru

IMPROVING THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN PUBLIC ADMINISTRATION

G.G. Garibyan

Postgraduate student,

ANO HE “Moscow University ‘Synergy’”, Moscow.

e-mail: ga.g.garibyan@my.mgimo.ru

E.B. Stam

Postgraduate student,

FSBEI HE “Kursk State University”

e-mail: edik24@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена совершенствованию применения цифровых технологий в государственном управлении России в условиях санкционного давления и задач технологического суверенитета. Рассматриваются ключевые элементы архитектуры цифрового государства: Единый портал государственных услуг, платформа «ГосТех», межведомственная интеграция и цифровой профиль гражданина. Выявлены системные барьеры трансформации — нормативно-правовые ограничения, кадровый дефицит, цифровое неравенство и риск воспроизводства бюрократической логики в цифровой форме. Обоснована трёхмерная концепция цифрового государства, объединяющая сервисное, управленческое и суверенное измерения. Определены приоритетные направления развития: внедрение искусственного интеллекта в управленческий цикл, переход к датацентричной платформенной модели, укрепление кибербезопасности, поддержка отечественных ИТ-разработчиков и подготовка кадров. Сделан вывод о том, что результативность цифровизации определяется не наращиванием числа отдельных сервисов, а способностью государства выстроить целостную суверенную цифровую архитектуру, сопряжённую с реинжинирингом административных процессов и стандартизацией управления данными.

Ключевые слова: цифровое государственное управление, цифровая трансформация, технологический суверенитет, платформа «ГосТех», датацентричное управление, импортозамещение в ИТ, искусственный интеллект, кибербезопасность, цифровое неравенство, электронное правительство.

Abstract. The article examines ways to improve digital technology use in Russian public administration under sanctions pressure and technological sovereignty imperatives. The study analyses key elements of the digital state architecture: the Unified Public Services Portal, the GovTech platform, inter-agency integration, and the citizen digital profile. Systemic barriers are identified, including regulatory constraints, personnel shortages, the digital divide, and the risk of reproducing bureaucratic logic in digital form. A three-dimensional concept of the digital state is substantiated, combining service-oriented, managerial, and sovereign dimensions. Priority directions are defined: integrating artificial intelligence into the management cycle, transitioning to a data-centric platform model, strengthening cybersecurity, supporting domestic IT developers, and developing human capital. The study concludes that the effectiveness of digitalisation depends not on expanding the number of individual services, but on the state's capacity to build a coherent sovereign digital architecture coupled with the re-engineering of administrative processes and standardisation of data governance.

Key words: digital public administration, digital transformation, technological sovereignty, GovTech platform, data-centric governance, IT import substitution, artificial intelligence, cybersecurity, digital divide, e-government.

Цифровизация государственного управления в России стала инструментом устойчивости, повышения качества услуг и адаптации к высокой неопределенности. Рост объема данных, усложнение управленческих связей и спрос на проактивные сервисы усилили значение цифровых решений. После 2022 года трансформация также направлена на обеспечение непрерывности функционирования при санкционном давлении и киберугрозах, что отражено в национальных целях и задачах технологического суверенитета [1–3]. Переход к управлению на основе данных и платформ снижает издержки, повышает прозрачность и расширяет проактивное предоставление услуг. Научный подход акцентирует датацентричную и человекоцентричную модель, где ключевым показателем выступает эффект для граждан и организаций [4–6]. Цифровизация связана с технологическим суверенитетом через развитие собственной инфраструктуры и отказ от критической зависимости от зарубежных решений. Государственная политика ориентирована на импортонезависимость, отечественное ПО и платформу «ГосТех» [2; 3; 7; 8]. Несмотря на развитие ЕПГУ и цифровых сервисов, сохраняются ограничения: слабая интеграция данных, различия в цифровой зрелости, кадровый дефицит и риски безопасности [4–6]. Перенос неэффективных процедур в цифровую форму ведет к воспроизводству бюрократии, что требует реинжиниринга процессов и стандартизации данных [3; 4; 8].

Цель исследования — определить направления повышения эффективности и устойчивости государственного управления через цифровые технологии с учетом задач технологического суверенитета [1; 3; 4].

В теоретическом плане цифровизация государственного управления должна восприниматься значительно шире, чем перевод отдельных услуг в электронный вид. Электронное правительство в раннем понимании было сосредоточено главным образом на цифровом канале взаимодействия гражданина и государства. Современный этап предполагает движение к цифровому государству, где технологии затрагивают уже всю внутреннюю логику публичного управления: сбор, верификацию, обмен и интерпретацию данных; моделирование решений; контроль исполнения; проактивное предоставление услуг; платформенное объединение разнородных ведомственных контуров; формирование новых механизмов доверия и подотчетности. В российской научной литературе данный переход связывается с развитием датацентричного государственного управления, то есть системы, в которой государственные данные превращаются в стратегический ресурс и основу принятия решений [4; 6; 9].

Цифровое государственное управление представляет систему организации публичной власти на основе данных, платформ и интеллектуальных технологий, обеспечивающих проактивное и межведомственно интегрированное предоставление услуг. В центре находится сквозной процесс достижения общественно значимого результата, что повышает требования к интероперабельности реестров, качеству данных, цифровой идентификации и информационной безопасности [3; 4; 7].

Ключевые технологии включают искусственный интеллект, большие данные, распределенные реестры и платформенные решения. ИИ используется для обработки обращений, прогнозирования и автоматизации решений, при сохранении контроля. Большие данные обеспечивают переход к управлению на основе событий и рисков и применяются в аналитике, социальной политике и мониторинге. Их эффективность зависит от качества управления данными и правового регулирования обмена информацией [4; 7; 9; 10].

Технологии распределенных реестров применяются для обеспечения неизменяемости и прослеживаемости данных, особенно в реестрах и юридически значимых операциях, однако требуют точечной настройки и не выступают универсальным решением [5].

Платформенные решения позволяют преодолевать ведомственную разобщенность за счет стандартизации сервисов, повторного использования компонентов и единой архитектуры. В России данное направление реализуется через «ГосТех» и государственные облачные сервисы, формируя общегосударственный подход к цифровой трансформации [3; 8].

Концепция цифрового государства в теоретическом смысле объединяет три взаимосвязанных измерения. Первое измерение — сервисное: государство должно быть доступным, удобным и предсказуемым для граждан и бизнеса. Второе — управленческое: цифровые технологии призваны повышать качество решений, скорость координации и исполнимость госу-

дарственной политики. Третье — суверенное: цифровая инфраструктура государства должна быть защищенной, воспроизводимой внутри страны и независимой от внешних ограничений по критическим компонентам. При отсутствии третьего измерения сервисная и управленческая составляющие оказываются уязвимыми. По данной причине в современных российских реалиях теория цифрового государства закономерно дополняется теорией технологического суверенитета [2; 7; 11].

Международный опыт в данной сфере традиционно демонстрирует результативность моделей, сочетающих единые цифровые идентификаторы, реестровую организацию государства, межведомственную интероперабельность, развитые механизмы обмена данными и проактивные услуги. Однако механическое заимствование подобных моделей для России ограничено масштабом страны, федеративным устройством и значительно более жестким контуром требований к технологической безопасности. По данной причине российская модель цифрового государства закономерно эволюционирует как гибрид сервисного, платформенного и суверенного подходов. В указанной особенности проявляется ее отличие: цифровизация рассматривается одновременно как инструмент удобства, эффективности и стратегической автономии [3; 6; 11].

Российский опыт последних лет показывает, что нормативная и институциональная база для подобного перехода в целом уже сформирована. Актуализированное стратегическое направление цифровой трансформации государственного управления до 2030 года закрепляет ориентиры по росту числа пользователей ЕПГУ, переводу государственных информационных систем на платформу «ГосТех», развитию цифрового профиля гражданина, стандартизации электронных документов, переходу органов власти на единые коммуникационные сервисы и расширению применения искусственного интеллекта. В российской практике теория цифрового государства получает вполне конкретное проектное содержание [3; 8].

Современная архитектура цифрового государственного управления в России строится вокруг нескольких базовых контуров: Единого портала государственных и муниципальных услуг, ЕСИА как системы доверенной идентификации, инфраструктуры межведомственного электронного взаимодействия, государственных информационных систем отраслевого назначения, платформы «ГосТех», государственных облачных сервисов, системы «Электронный бюджет», цифровых профилей, а также ведомственных и региональных цифровых платформ. В совокупности перед нами уже не набор разрозненных решений, поскольку постепенно формируется экосистема цифрового государства, где гражданин взаимодействует с государством через единый вход, а ведомства переходят к обмену данными и повторному использованию типовых цифровых компонентов [8; 12].

Ключевым фронт-офисом цифрового государства выступает ЕПГУ. Согласно актуализированному стратегическому направлению цифровой трансформации государственного управления, к 2030 году ориентиром являются 124 млн зарегистрированных пользователей портала, 75 документов в мобильном приложении и 150 видов сведений в цифровом профиле гражданина [9]. Уже сама постановка подобных целевых значений свидетельствует, что государство рассматривает портал как универсальную точку доступа к государственным данным, документам и жизненным ситуациям гражданина, а не как обычный канал подачи заявлений. Подобная трактовка указывает на качественный сдвиг: государственная услуга все в меньшей степени воспринимается как разовая административная процедура и все в большей степени включается в единую цифровую траекторию взаимодействия гражданина с публичной властью [8; 12].

Наряду с ЕПГУ первостепенное значение имеет платформа «ГосТех». Ее управленческий смысл заключается в унификации жизненного цикла государственных информационных систем, снижении дублирования затрат на разработку, стандартизации сервисов безопасности и ускорении масштабирования решений. В актуализированном стратегическом направлении прямо закреплён ориентир, согласно которому к 2030 году 100% государственных информационных систем, подлежащих созданию, развитию и эксплуатации на платформе, должны функционировать на «ГосТехе» [9]. Для системы государственного управления речь идет о переходе от ведомственного ИТ-партикуляризма к централизованной архитектуре, внутри которой появляется возможность управлять стоимостью владения, защищенностью, совмести-

мостью и воспроизводимостью государственных цифровых сервисов в общегосударственном масштабе [8; 13].

Еще одним значимым направлением выступает перевод внутренней деятельности органов власти в цифровой формат. Речь прежде всего идет о юридически значимом электронном документообороте, типовом автоматизированном рабочем месте государственного служащего, цифровой отчетности, интеграции кадровых, финансовых и архивных контуров. В стратегическом направлении до 2030 года прямо зафиксированы целевые показатели подключения органов власти к электронному документообороту, стандартизации электронных документов, перевода обязательной отчетности в электронную форму и использования единых коммуникационных сервисов государственными служащими [9]. С управленческой точки зрения подобный вектор имеет принципиальное значение, поскольку без цифровизации бэк-офиса цифровой фронт-офис неизбежно наталкивается на бумажные, разрозненные и медленные внутренние процессы [9].

Текущее состояние цифровизации в России позволяет говорить о наличии значимых достижений. Во-первых, создан и масштабирован единый пользовательский контур взаимодействия государства с гражданами и бизнесом. Во-вторых, сформированы стратегические документы и дорожные карты, переводящие цифровую трансформацию в режим обязательного государственного приоритета. В-третьих, цифровизация перестала быть сугубо сервисной повесткой и включена в задачи бюджетного процесса, архивного дела, кадрового контура, поддержки принятия решений и технологической безопасности. В-четвертых, после 2022 года государство заметно ускорило курс на импортонезависимость и переход на отечественные решения в чувствительных сегментах [1–3; 8].

Однако анализ нынешнего этапа выявляет и серьезные ограничения. Первая проблема связана с бюрократизацией: цифровые услуги часто сохраняют прежнюю административную логику с избыточными согласованиями и дублированием операций. Электронная форма упрощает доступ, но не обеспечивает рост эффективности без реинжиниринга процессов [4; 6]. Вторая проблема — низкая интеграция данных. Сохраняются различия в форматах, качестве реестров и правилах доступа, что приводит к повторным запросам сведений, ограниченной проактивности и снижению качества решений [4; 9]. Третья проблема касается кибербезопасности и доверия. Риски утечек и мошенничества подрывают использование цифровых сервисов, что требует защиты инфраструктуры, прозрачных правил обработки данных и механизмов ответственности [5; 7; 13]. Четвертая проблема — зависимость от зарубежных технологий, создающая риски непрерывности управления. Государственная политика ориентирована на технологическую независимость и развитие отечественных решений [2; 13]. Пятая проблема связана с кадровой и организационной асимметрией: уровень цифровой зрелости определяется компетенциями управленцев и их способностью работать с данными и цифровыми инструментами [4; 6].

В целом текущий уровень цифровизации государственного управления России можно оценить как этап перехода от электронного государства к платформенно-датацентричной модели. Базовые элементы цифровой инфраструктуры уже созданы, нормативная рамка обновлена, стратегические цели на период до 2030 года сформулированы. Вместе с тем главным ограничителем дальнейшего движения становятся уже не отсутствие отдельных цифровых сервисов, поскольку решающее значение приобретает необходимость глубокой институциональной перестройки: устранения ведомственной замкнутости, стандартизации работы с данными, реинжиниринга государственных функций, обеспечения киберустойчивости и ускоренного развития отечественной технологической базы.

В современной российской правовой и управленческой мысли технологический суверенитет государства целесообразно трактовать не в качестве полной автаркии в цифровой сфере, поскольку подобное понимание выглядело бы чрезмерно упрощенным, а как способность публичной власти стабильно осуществлять свои функции, обеспечивать защиту критической информационной инфраструктуры, поддерживать непрерывность оказания услуг гражданам и организациям, одновременно сохраняя возможность самостоятельного развития ключевых цифровых контуров управления без критической зависимости от внешних поставщиков технологий, обновлений и сервисного сопровождения [14–16]. Для системы государствен-

ного управления данная проблематика приобретает особую значимость, поскольку цифровые платформы, государственные информационные системы, инструменты идентификации, электронного документооборота, межведомственного обмена и аналитики уже перестали восприниматься как вспомогательная среда и фактически образуют инфраструктурную основу реализации властных полномочий [14; 17].

При подобном подходе цифровые технологии выступают уже не в роли средства повышения удобства и скорости администрирования, поскольку их значение выходит на уровень прямого фактора государственного суверенитета. Когда государственные функции реализуются посредством программных, сетевых и платформенных решений, находящихся под контролем внешних юрисдикций, возникает риск ограничения доступа к обновлениям, прекращения технической поддержки, навязывания архитектурных ограничений, а также усиления уязвимости перед санкционным, кибернетическим и правоприменительным давлением. Именно по данной причине Указ Президента РФ № 166 прямо связал безопасность критической информационной инфраструктуры с технологической независимостью, закрепив курс на отказ от использования иностранного программного обеспечения на значимых объектах КИИ [16]. Указанное положение обладает системным характером, поскольку переводит импортозамещение из сферы промышленной политики в плоскость управленческой устойчивости государства [15; 18].

Импортозамещение в ИТ для органов публичной власти следует рассматривать не как механическую замену одного программного продукта другим, поскольку подобная логика не отражает глубины происходящих процессов, а как формирование суверенного технологического стека государственного управления. Речь идет о переходе на отечественные операционные системы, базы данных, средства виртуализации, инструменты информационной безопасности, офисное программное обеспечение, платформы разработки и отраслевые прикладные решения, встроенные в единую архитектуру цифрового государства [15; 17; 19]. По данной причине значимую роль приобретает Единый реестр российского программного обеспечения, выступающий не простым каталогом решений, а институциональным механизмом приоритизации отечественных продуктов для нужд государства и государственного сектора [1]. Само по себе наличие большого числа решений в реестре еще не свидетельствует о полной функциональной зрелости рынка, однако позволяет заключить, что государство формирует нормативную и организационную базу для перехода от зависимости к воспроизводимости цифровых контуров управления внутри страны [1].

Развитие отечественного программного обеспечения в государственном управлении порождает двойной эффект. С одной стороны, снижаются технологические и санкционные риски, связанные с внешними ограничениями. С другой стороны, формируется внутренний спрос, позволяющий российским разработчикам последовательно наращивать функциональность, совместимость, надежность и отраслевую специализацию собственных продуктов [16; 18; 19]. В указанном смысле государство выступает уже не одним лишь заказчиком, поскольку одновременно оно выполняет функцию институционального инвестора в национальную цифровую индустрию. Федеральный закон № 478-ФЗ о развитии технологических компаний и акты Правительства, посвященные проектам технологического суверенитета, формируют рамку, внутри которой поддержка отечественных высокотехнологичных компаний становится составной частью государственной стратегии развития [16; 20]. Для сферы государственного управления речь идет о возможности выстраивания более тесной кооперации между органами власти, государственными заказчиками и российскими ИТ-разработчиками на основе долгосрочного спроса и предсказуемых требований [16; 20].

Категория цифровой независимости в управленческом смысле заметно шире импортозамещения. Она охватывает происхождение программного продукта, контроль над жизненным циклом технологии, права на доработку, возможность локального сопровождения, безопасность архитектуры, управление данными и независимость от закрытых внешних экосистем [14; 17]. Государство может формально использовать программный продукт, разработанный в России, сохраняя при этом зависимость от внешних библиотек, облачных компонентов, аппаратных решений либо лицензионных ограничений. Вследствие указанного обстоятельства цифровая независимость требует архитектурного подхода: суверенными должны становиться не отдель-

ные приложения, поскольку решающее значение имеют базовые слои цифровой системы — идентификация, обмен данными, вычислительная среда, доверенная разработка, киберзащита, платформы хранения и аналитики данных [15; 17; 21].

Санкционное давление после 2022 года стало катализатором переосмысления самой модели цифровой трансформации государства. Если прежде цифровизация нередко понималась как внедрение наиболее доступных и функционально развитых решений, включая зарубежные, то впоследствии приоритет сместился к устойчивости, воспроизводимости и защищенности [15; 18]. Санкции продемонстрировали, что внешняя технологическая зависимость способна в короткие сроки трансформироваться в прямой риск срыва государственных функций, модернизации инфраструктуры и сопровождения уже внедренных систем. Именно по данной причине Концепция технологического развития до 2030 года, Стратегия научно-технологического развития и актуализированное стратегическое направление цифровой трансформации государственного управления связывают цифровое развитие с задачами технологического лидерства, критической независимости и формирования собственных платформенных решений [14; 18; 22].

Особое место в обеспечении технологического суверенитета занимают национальные цифровые платформы. Для государственного управления платформенный подход ценен прежде всего тем, что позволяет отказаться от множества разрозненных ведомственных решений, каждое из которых характеризуется собственной архитектурой, бюджетом, набором требований и спектром рисков, и перейти к модели централизованной цифровой среды с типовыми компонентами, едиными требованиями безопасности и стандартизированным жизненным циклом [17; 21]. Платформа «ГосТех» в данном отношении представляет собой уже не очередную ИТ-систему, а механизм институциональной сборки цифрового государства. Правительственные акты определяют ее как единую цифровую платформу Российской Федерации для создания, развития и эксплуатации государственных информационных систем, закрепляя требования к архитектуре, защите информации и взаимодействию участников [17; 21]. Управленческое значение данной конструкции состоит в том, что суверенитет обеспечивается не через хаотичное импортозамещение по отдельным ведомствам, поскольку более продуктивной оказывается централизованная платформизация цифрового государства [8].

Цифровые технологии обеспечивают технологический суверенитет России в трех взаимосвязанных измерениях. Во-первых, они выступают инфраструктурой непрерывности государственного управления. Во-вторых, служат инструментом снижения зависимости от внешних поставщиков и санкционных рисков. В-третьих, образуют механизм формирования внутреннего рынка отечественных цифровых решений и национальных платформ. Для части исследования, посвященной технологическому суверенитету и лидерству России, данный вывод имеет принципиальное значение: при отсутствии суверенной цифровой архитектуры невозможно обеспечить ни эффективное государственное управление, ни устойчивое развитие страны под внешним давлением [14; 15; 17; 18].

Несмотря на существенный прогресс в развитии цифрового государства, российская практика убеждает в том, что дальнейшее продвижение цифровизации ограничено целым рядом системных барьеров. Указанные барьеры имеют технологическую и институциональную природу. В исследованиях НИУ ВШЭ, посвященных датацентричному государственному управлению, подчеркивается, что ключевые препятствия сосредоточены на стыке нормативного регулирования, организационной структуры, управления данными и кадровой обеспеченности [23; 24]. Следовательно, предмет обсуждения сводится уже не к наличию отдельных цифровых сервисов, поскольку в центре внимания оказывается способность государства перестроить саму модель управления в соответствии с цифровой логикой [13].

Первый блок проблем связан с нормативно-правовыми ограничениями. Действующее регулирование во многих случаях развивается фрагментарно: одни нормы стимулируют обмен данными и проактивные услуги, другие сохраняют ведомственную закрытость, множественность согласований и избыточные требования к бумажному дублированию либо формальной отчетности [17; 23]. В результате цифровая технология внедряется в процесс, который изначально не был перестроен под сквозное датацентричное исполнение. Наиболее остро данная коллизия проявляется в вопросах правового режима данных, ответственности за качество

и актуальность сведений, межведомственного доступа, использования алгоритмов поддержки принятия решений, а также унификации электронных документов [17; 23]. Для государственного управления речь идет о ситуации, при которой цифровизация сталкивается не с отсутствием техники, поскольку куда более серьезным препятствием выступают правовая неоднозначность и процедурная инерция.

Второй барьер выражается в кадровом дефиците. Речь идет не об одной лишь нехватке ИТ-специалистов как профессиональной категории, поскольку значительно острее ощущается недостаток управленцев нового типа — руководителей и специалистов, способных формулировать цифровые задачи, интерпретировать данные, управлять платформенными проектами, понимать архитектурные ограничения, риски информационной безопасности и логику пользовательского пути [23; 24]. Российские исследования прямо указывают, что навыки и знания государственных служащих сохраняют значение одного из решающих условий успешного внедрения датацентричного управления [13]. При отсутствии подобного кадрового корпуса цифровизация сводится к передаче задач подрядчикам, а государство продолжает зависеть от внешних исполнителей уже не в сугубо технологическом, но и в интеллектуальном смысле [23; 25].

Третий барьер связан с цифровым неравенством. Для государственного управления данная проблема носит не абстрактный, а предельно практический характер. Когда значительная часть граждан обладает ограниченным доступом к интернету, недостаточным уровнем цифровых навыков либо выраженным недоверием к электронным каналам взаимодействия, даже качественно спроектированный сервис не способен обеспечить полноту охвата и равенство доступа к публичным услугам [26; 27]. Российские исследования последних лет показывают, что цифровые различия между регионами, типами поселений и социальными группами сохраняются и обнаруживают себя в инфраструктурном доступе, а также в интенсивности и качестве использования ИКТ [2]. Для государства отсюда вытекает необходимость выстраивать цифровизацию не по модели формального наличия онлайн-услуги, поскольку решающим критерием становится реальная включенность граждан в цифровое взаимодействие [26; 28].

Четвертый барьер определяется низкой цифровой грамотностью и недостаточной цифровой готовностью части населения и части аппарата управления. По данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, общий уровень цифровой грамотности в России остается сравнительно умеренным, а владение базовыми и выше базовых навыками распределено весьма неравномерно [27; 29]. Подобное положение ограничивает использование гражданами сложных цифровых сервисов, одновременно сдерживая переход государства к более продвинутым форматам — проактивным услугам, цифровым профилям, сервисам на основе данных и интеллектуальным помощникам. С управленческой точки зрения низкая цифровая грамотность создает дополнительную нагрузку на систему поддержки, увеличивает число ошибок на входе, снижает доверие к цифровым каналам и требует сохранения параллельных офлайн-контуров [27; 29].

Пятый барьер состоит в устаревшей либо разнородной инфраструктуре. Во многих случаях органы власти и подведомственные организации продолжают работать при неоднородном парке оборудования, исторически сложившихся информационных системах, ограниченной совместимости решений и высоких затратах на сопровождение легаси-систем [17; 21]. Подобная инфраструктура затрудняет миграцию на платформенные решения, замедляет импортозамещение, усложняет обеспечение кибербезопасности и повышает стоимость цифровой трансформации. Более того, разнородность инфраструктуры нередко воспроизводит ведомственную замкнутость: чем сильнее различаются системы, тем сложнее выстроить обмен данными, унифицированные сервисы и сквозные процессы [17; 23].

Отдельного упоминания заслуживает риск институционального «оцифрованного консерватизма». Он проявляется в ситуации, когда органы власти демонстрируют формальное выполнение цифровых КРП — количество сервисов, процент электронного документооборота, число подключений — без подлинного изменения качества управления. При подобном развитии событий цифровизация превращается в надстройку над прежней бюрократической логикой. Исследования, посвященные качеству государственного управления в цифровую эпоху, показывают, что необходимый эффект достигается лишь при сопряжении технологий с изменением процессов, механизмов координации, ответственности и оценки результатов [24].

В противном случае цифровое государство рискует остаться лишь цифровой витриной, не превращаясь в новую модель публичного управления [24].

Совершенствование использования цифровых технологий в государственном управлении должно строиться не вокруг дальнейшего наращивания числа разрозненных сервисов, поскольку подобный путь едва ли способен обеспечить качественный скачок, а вокруг повышения управленческой целостности цифровой трансформации. Приоритет получает переход к модели, при которой данные, платформы, безопасность, кадры и отечественная технологическая база развиваются как единая система. Подобный подход соответствует задачам повышения эффективности государственного управления и одновременно отвечает повестке технологического суверенитета [14; 17; 18].

Первое направление связано с внедрением искусственного интеллекта в государственное управление. Однако ИИ следует воспринимать не как универсальную замену чиновнику, поскольку более точным было бы понимание его как инструмента поддержки управленческого цикла: анализа обращений, интеллектуальной маршрутизации документов, выявления аномалий, прогнозирования рисков, формирования вариантов решений, мониторинга исполнения и персонализации сервисов [19]. Актуализированная Национальная стратегия развития ИИ до 2030 года исходит именно из подобного подхода, рассматривая ИИ в числе ключевых сквозных технологий для повышения эффективности экономики, социальной сферы и управления [19]. Для государства принципиальное значение приобретает сопровождение внедрения ИИ требованиями к качеству данных, объяснимости решений, распределению ответственности и защите прав граждан. Лишь при подобной правовой и организационной настройке ИИ будет усиливать государственное управление, не создавая новых источников недоверия [23; 30].

Второе направление состоит в развитии межведомственных платформ и датацентричной модели. Ключевая задача сводится уже не к простой интеграции систем, поскольку необходим переход к единой архитектуре данных и сервисов, при которой ведомства перестают быть владельцами замкнутых массивов информации и превращаются в участников общей государственной платформы данных [17; 23]. Платформа «ГосТех», государственные облачные сервисы, типовые компоненты электронного документооборота и цифровой профиль гражданина должны развиваться синхронно, иначе цифровое государство будет сохранять черты набора несовместимых решений [17; 21]. Для управленческой практики отсюда вытекает необходимость унификации справочников, мастер-данных, API-взаимодействия, типовых сервисов безопасности и юридически значимого обмена [8].

Третье направление связано с усилением кибербезопасности как обязательного условия цифрового государства. Сегодня информационная безопасность должна пониматься уже не в качестве изолированной технической функции, поскольку по существу она становится частью архитектуры государственного управления. Указы Президента № 250 и № 500 усилили требования к обеспечению информационной безопасности органов власти и организаций, относящихся к соответствующим секторам [31; 32]. Для системы государственного управления отсюда следует, что любой новый цифровой сервис должен проектироваться по принципу *secure by design*: с учетом требований по сегментации доступа, журналированию, резервированию, непрерывности, управлению инцидентами и устойчивости к компрометации отдельных узлов [31; 32]. При отсутствии подобного подхода цифровизация неизбежно увеличивает поверхность атаки и создает новые уязвимости.

Четвертое направление предполагает системную поддержку отечественных ИТ-разработчиков. Государству недостаточно ограничиваться требованием использования российских решений; ему необходимо формировать устойчивый и качественный спрос, позволяющий отечественным компаниям инвестировать в доработку, тестирование, совместимость и сервисную зрелость продуктов [16; 19; 20]. В практическом отношении речь идет о переходе от модели разовых закупок к модели долгосрочных программ сотрудничества, пилотирования, масштабирования лучших решений и включения отечественного программного обеспечения в платформенный контур государства. Существенную роль играют реестр российского ПО, механизмы проектов технологического суверенитета и правовой режим развития технологических компаний [16; 19; 20]. Для государственного управления подобный вектор одновременно выступает мерой независимости и инструментом индустриального развития.

Пятое направление касается подготовки кадров. Цифровая трансформация будет сохранять ограниченный характер до тех пор, пока она воспринимается как задача ИТ-подразделения, а не всей системы публичного управления. Требуется новая модель подготовки кадров, сочетающая цифровые компетенции, навыки управления данными, знание права цифровой среды, основы кибербезопасности, проектное управление и ориентацию на жизненные ситуации граждан [23; 25]. Причем речь должна идти не об одном лишь базовом обучении государственных служащих, поскольку не меньшую роль играет формирование кадрового резерва цифровой трансформации: архитекторов платформ, владельцев государственных данных, руководителей цифровых проектов и специалистов по управлению изменениями [13].

Шестое направление выражается в развитии «умного государства» — smart government. В государственно-управленческом смысле данная концепция представляет собой уже не просто цифровое правительство, а систему, способную предвидеть события, адаптироваться к изменениям, автоматически координировать межведомственные процессы и предоставлять услуги по жизненным ситуациям без необходимости многократного обращения гражданина [17; 24]. Для России развитие подобного подхода возможно лишь при сочетании трех условий: датацентричной модели управления, платформенной архитектуры и суверенной технологической базы [17; 23]. В противном случае «умность» рискует превратиться либо в поверхностную автоматизацию, либо в зависимую форму взаимодействия с внешними цифровыми экосистемами.

Для практической реализации обозначенных направлений органам государственной власти целесообразно перейти от общего лозунга цифровой трансформации к пакетам конкретных управленческих мер. На федеральном уровне необходимо утвердить обязательные требования к реинжинирингу государственных функций перед их цифровизацией. Каждая услуга, разрешительная процедура, контрольное действие или межведомственный процесс до цифрового перевода должны проходить административный аудит с точки зрения избыточных согласований, дублирования документов и возможности использования уже имеющихся у государства данных [17; 23]. Подобный подход позволит сократить риск цифровой бюрократии и обеспечит измеримый эффект от внедрения технологий [13].

Следующим шагом должно стать закрепление в органах власти институциональной ответственности за управление данными. В практическом выражении речь идет о введении ролей владельцев данных, регламентов актуализации, единых стандартов качества, метаданных и обмена сведениями между ведомствами [23; 24]. При отсутствии подобной основы любая межведомственная платформа будет сталкиваться с проблемой несовместимости и недостоверности информации [13].

Отдельного внимания требует ускорение поэтапного перевода государственных информационных систем на платформенные решения, прежде всего на «ГосТех», с выделением приоритетных доменов: социальной сферы, контроля и надзора, кадрового управления, бюджетного процесса, документооборота и архива [17; 21]. На первом этапе целесообразно переводить типовые, массовые и наиболее стандартизируемые функции; на втором — интеграционные контуры и межведомственные сервисы; на третьем — аналитические и предиктивные модули поддержки принятия решений [8]. Подобная поэтапность позволит снизить риски и избежать дестабилизации действующих процессов.

Внедрение искусственного интеллекта в государственном управлении целесообразно начинать с узких и высокоэффективных кейсов: интеллектуальной сортировки обращений, анализа типовых документов, выявления рисков нарушения сроков исполнения, поддержки ведомственных контакт-центров, мониторинга аномалий в закупках и контрольных процедурах [19]. Для каждого подобного кейса должны быть заранее определены цель, метрика эффективности, источник данных, пределы автоматизации, контур человеческого контроля и механизм обжалования ошибочных решений. Подобная конструкция позволит перевести ИИ из экспериментальной повестки в контур ответственного государственного управления [19].

В сфере кибербезопасности органам власти необходимо перейти от реактивной модели к модели постоянной устойчивости. На практике речь идет о регулярной инвентаризации цифровых активов, сегментации доступа, резервировании критических сервисов, независимом тестировании защищенности, обучении персонала правилам кибергигиены и включении

вопросов информационной безопасности в КРІ руководителей цифровых проектов [31; 32]. Для государственных систем данная линия имеет особое значение, поскольку цена инцидента измеряется ущербом данным и срывом публичных функций.

Одновременно требуется усилить механизмы поддержки отечественных ИТ-разработчиков применительно именно к потребностям государства. С данной целью возможно формирование ведомственных дорожных карт импортозамещения с указанием классов решений, сроков миграции, критериев зрелости продуктов и обязательной обратной связи разработчикам [16; 19]. Эффективной мерой может стать создание регуляторных песочниц и пилотных контуров в государственном секторе, внутри которых отечественные продукты проходят апробацию в реальных процессах, после чего масштабируются на уровне платформы либо группы ведомств [16; 20].

Существенную роль играет и многоуровневая программа подготовки кадров. Для руководителей необходимы программы по цифровой стратегии, данным и управлению изменениями; для среднего звена — проектное управление цифровизацией, управление качеством данных, цифровое право; для исполнителей — прикладные навыки работы в новых системах, кибергигиена, цифровое взаимодействие с гражданами [23; 25]. Параллельно требуется развивать цифровую грамотность населения, прежде всего применительно к государственным сервисам, чтобы минимизировать цифровое исключение социально уязвимых групп [27; 29].

В целях снижения цифрового неравенства следует сохранять и разумно развивать гибридную модель доступа к государственным услугам: цифровой канал должен рассматриваться как основной, однако при обязательной поддержке МФЦ, социальных учреждений, библиотек, образовательных организаций и иных точек сопровождения граждан [26; 28]. Для государства принципиальное значение имеет уже не один лишь перевод услуги в онлайн, поскольку подлинным критерием становится ее реальная доступность для различных категорий населения.

Анализ показывает, что результативность цифровизации государственного управления в России определяется способностью формировать суверенную платформенную и датацентричную модель [14; 17; 23]. Цифровые технологии повышают скорость и качество управления и одновременно обеспечивают непрерывность государственных функций и снижение зависимости от внешних поставщиков [15; 18].

Цель исследования достигнута: определены ключевые направления развития — переход к платформенной архитектуре, укрепление отечественной технологической базы, развитие обмена данными, внедрение ИИ, повышение киберустойчивости и подготовка кадров [17; 23; 30].

Перспективы связаны с институциональной модернизацией. Без пересмотра административных процессов и стандартизации данных цифровизация сохраняет характер надстройки над бюрократической моделью. Реализация обозначенных мер усиливает роль цифровых технологий в повышении эффективности управления и достижении технологического лидерства [23; 24].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Единый реестр российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных // URL: <https://reestr.digital.gov.ru/>.
2. Исламутдинов В.Ф., Прокопьев Е.А. Цифровое неравенство в регионах России: проблемы и пути их преодоления. — 2024 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-neravenstvo-v-regionah-rossii-problemy-i-puti-ih-preodoleniya>.
3. Минэкономразвития России. Исследовательские центры ИИ создают решения мирового уровня. — 18.04.2025. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_issledovatelские_centry_ii_sozdayutresheniya_mirovogo_urovnnya.html.
4. Минцифры России. Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций) (ЕПГУ). — URL: <https://digital.gov.ru/information-systems/edinyj-portal-gosudarstvennyh-i-municipalnyh-uslug-funkczij-epgu>.
5. Перова М.В., Никоненко Н.Д., Головкина Е.К. Цифровая трансформация государственного и муниципального управления: технологические тренды // Государственное и муниципальное управ-

- ление. Ученые записки. — 2024. — № 4. — URL: <https://upravlenie.uriu.ranepa.ru/index.php/upravlenie/article/view/2320>.
6. Понов Е.В. Цифровая грамотность населения // Жизнь онлайн: цифровая трансформация российского общества. — М.: НИУ ВШЭ, 2024. — URL: <https://publications.hse.ru/chapters/1017008388>.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2023 № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации...» // URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304170025>.
8. Правительство России. Платформа «ГосТех»: нормативное обеспечение и развитие // URL: <https://government.ru/docs/all/145089/>.
9. Правительство России. Стратегическое направление в области цифровой трансформации государственного управления: целевые показатели и мероприятия до 2030 года // URL: <https://government.ru/docs/all/152609/>.
10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.03.2024 № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» // URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202403200032>.
11. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305250050>.
12. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.10.2022 № 3102-р о развитии единой цифровой платформы «ГосТех» // URL: <https://government.ru/docs/46861/>.
13. Стырин Е.М. Барьеры внедрения датацентричного государственного управления: опыт России // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). — 2024. — № 1. — С. 61–81. — URL: <https://publications.hse.ru/articles/911483606>.
14. Стырин Е.М., Дмитриева Н.Е., Санина А.Г. и др. Датацентричное государственное управление: концепция, риски, барьеры. — М.: НИУ ВШЭ, 2023. — URL: <https://ipag.hse.ru/publications/datatsentrichnoe-gosudarstvennoe-upravlenie-kontseptsiya-riski-barery/>.
15. Указ Президента Российской Федерации от 01.05.2022 № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации» // URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202205010023>.
16. Указ Президента Российской Федерации от 30.03.2022 № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202203300001>.
17. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015>.
18. Указ Президента Российской Федерации от 13.06.2024 № 500 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 1 мая 2022 г. № 250 “О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации”» — URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406130032>.
19. Указ Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 “О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации” и в Национальную стратегию...» // URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402150063>.
20. Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003>.
21. Федеральный закон от 04.08.2023 № 478-ФЗ «О развитии технологических компаний в Российской Федерации» // URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202308040087>.
22. Цифровая трансформация государственного управления как фактор достижения цифрового суверенитета в Российской Федерации // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-gosudarstvennogo-upravleniya-kak-faktor-dostizheniya-tsifrovogo-suvereniteta-v-rossiyskoy-federatsii>

23. Цифровые навыки россиян // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. — 23.04.2025. — URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1039162234.pdf>.
24. Южаков В.Н., Добролюбова Е.И., Покида А.Н. и др. Влияние цифровизации на качество государственного управления — через оценку граждан // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2024. — № 2. — URL: <https://www.vgmu.hse.ru/2024--2/933901344.html>.
25. Южаков В. Н., Покида А. Н., Зыбуновская Н. В., Старостина А.Н. Цифровизация взаимодействия граждан и государства: оценка эффектов и рисков в условиях внешних ограничений // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2023. — № 2. — URL: <https://vgmu.hse.ru/article/download/24970/20490/>.
26. Булавина М.А., Новосельский С.О., Измestьев Д.М. Организационно-экономический механизм управления бизнес-процессами производства металлоконструкций в условиях кризиса // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2024. — Т. 15. — № 2 (43). — С. 68–74.
27. Слуцкий Л.Э., Васецкий Н.А., Слоботчиков О.Н. Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография в 2-х т. / Том 1. Россия — государство-цивилизация. — М., 2024. — 384 с.
28. Ищенко М.М., Молкоедов Р.А. Влияние процессов цифровизации региональных органов исполнительной власти на бизнес-процессы // Вестник университета мировых цивилизаций. — 2024. — Т. 15. — № 2(43). — С. 86–91.
29. Конобеева, А.Б. Особенности поиска, отбора и найма персонала современной организации / А.Б. Конобеева // Труд и вызовы современности: от уроков прошлого к перспективам будущего. — Москва; Берлин: ООО «Директ-Медиа», 2022. — С. 102–109.
30. Зейналова Л.М. Генезис понятия «коррупция» в антикоррупционном законодательстве: международный опыт и национальное законодательство // Наука и новация: современные проблемы теории и практики права. сборник материалов международной научно-практической конференции в рамках IV Международного Фестиваля науки. — 2019. — С. 83–86.
31. Гагарина, М.В. Структурные трансформации и механизмы обеспечения устойчивого развития аграрного сектора России в условиях макроэкономической нестабильности / М.В. Гагарина // Russian Journal of Management. — 2026. — Т. 14. — № 2. — С. 92–101.

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К КОМПЛЕКСНОЙ ОЦЕНКЕ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

С.О. Новосельский

кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник научного центра по исследованию истории и развития мировых цивилизаций,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
nsvyatoslav@yandex.ru

Д.О. Гукасов

аспирант,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
gukasovdo@gmail.com

METHODOLOGICAL APPROACH TO A COMPREHENSIVE ASSESSMENT OF THE DEVELOPMENT OF SOCIO-ECONOMIC INFRASTRUCTURE OF THE BORDER REGION

S.O. Novoselsky

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,
Leading Researcher at the Scientific Center for the Study of the History and Development of World Civilizations,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
nsvyatoslav@yandex.ru

D.O. Gukasov

Postgraduate Student,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
gukasovdo@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью приграничных регионов в обеспечении продовольственной безопасности страны и необходимостью разработки специализированного инструментария для оценки устойчивости их агропромышленного комплекса (далее — АПК), функционирующего в условиях повышенной волатильности внешней среды. Цель работы заключается в разработке методического подхода к комплексной оценке устойчивости АПК приграничного региона, учитывающего риски и факторы трансграничного взаимодействия. В статье обоснована научная гипотеза о том, что традиционные методы оценки устойчивости АПК недостаточно полно отражают особенности функционирования приграничных территорий, что требует включения в анализ дополнительных индикаторов, характеризующих влияние приграничного положения. Предложен авторский методический подход, базирующийся на многоуровневой системе показателей, объединенных в экономический, социальный, экологический и инфраструктурно-логистический блоки с последующей интеграцией в сводный индекс устойчивости. Методологическую основу составляют методы многомерного сравнительного анализа, нормирования показателей и расчета интегральных индексов с применением аппарата нечетких множеств для учета качественных характеристик. Разработанный подход позволяет диагностировать текущее состояние устойчивости АПК приграничного региона и выявлять места, требующие первоочередного управленческого воздействия. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения предложенного инструментария органами регионального управления для обоснования стратегических решений в сфере развития приграничных агротерриторий.

Ключевые слова: устойчивое развитие, агропромышленный комплекс, приграничный регион, методический подход, комплексная оценка, интегральный показатель, трансграничные риски, продовольственная безопасность

Abstract. The relevance of the study is determined by the increasing role of border regions in ensuring food security of the country and the need to develop specialized tools for assessing the sustainability of their agro-industrial complex (hereinafter referred

to as the AIC), functioning in conditions of increased volatility of the external environment. The aim of the work is to develop a methodological approach to a comprehensive assessment of the sustainability of the AIC in a border region, taking into account the risks and factors of cross-border interaction. The article substantiates the scientific hypothesis that traditional methods for assessing the sustainability of the AIC do not sufficiently reflect the peculiarities of the functioning of border territories, which requires the inclusion of additional indicators characterizing the influence of the border location in the analysis. The author's methodological approach is based on a multi-level system of indicators combined into economic, social, environmental and infrastructural-logistics blocks with subsequent integration into a composite sustainability index. The methodological basis is formed by the methods of multidimensional comparative analysis, standardization of indicators and calculation of integral indices using the apparatus of fuzzy sets to take into account qualitative characteristics. The developed approach allows not only to assess the current state of sustainability of the agro-industrial complex in the border region but also to identify areas requiring priority management intervention. The practical significance of the study lies in the potential application of the proposed tools by regional government bodies to inform strategic decisions regarding the development of border agricultural territories..

Key words: sustainable development, agro-industrial complex, border region, methodological approach, comprehensive assessment, integrated indicator, cross-border risks, food security.

Приграничные регионы занимают уникальное положение в системе национальной экономики, поскольку они обладают потенциалом для развития трансграничного сотрудничества и доступа к внешним рынкам, но при этом подвержены повышенным рискам, связанным с изменчивостью внешнеполитической конъюнктуры, миграционными потоками и конкуренцией со стороны зарубежных производителей. Устойчивость агропромышленного комплекса приграничного региона представляет собой его способность сохранять заданные параметры функционирования и развития, противостоять дестабилизирующему воздействию внешних и внутренних факторов, адаптироваться к изменяющимся условиям и обеспечивать расширенное воспроизводство при соблюдении экономических, социальных и экологических императивов. Однако существующие методические подходы к оценке устойчивости АПК, как правило, носят универсальный характер и не учитывают специфику приграничного положения территорий, что определяет значимость настоящего исследования.

Значительный вклад в разработку теоретико-методологических основ устойчивого развития АПК внесли работы, рассматривающие данную категорию через призму экономической безопасности, продовольственной независимости и сбалансированного территориального развития. Как справедливо отмечает Р.А. Вахрамеев, «АПК — это сложная, динамичная система, состоящая из множества компонентов, от упорядочения которых зависит качество обеспечения населения продовольствием», а «устойчивость развития АПК, в свою очередь, является одним из основных факторов обеспечения продовольственной безопасности государства и его регионов» [2, с. 83].

Анализ существующих методических подходов позволяет выделить несколько направлений в оценке устойчивости АПК, одно из которых базируется на использовании частных показателей, характеризующих отдельные аспекты функционирования агропромышленного комплекса: финансовую устойчивость сельскохозяйственных организаций, рентабельность производства, урожайность культур, продуктивность животных и т.д. Так, М.И. Какора рассматривает обеспечение экономической безопасности организаций АПК на основе их устойчивого финансового развития, применяя зарубежные многофакторные модели диагностики вероятности банкротства и отечественные модели прогнозирования с использованием множественного дискриминантного анализа [4, с. 6]. Однако использование только финансовых индикаторов не позволяет сформировать целостное представление об устойчивости АПК как системы.

Другое направление ориентировано на построение интегральных показателей, агрегирующих разнородную информацию о различных сторонах функционирования АПК, так Р.А. Вахрамеевым предложена методика комплексной оценки устойчивости развития АПК, состоящая из семи последовательных этапов: формирование исходного информационного массива; очистка данных и приведение показателей к сопоставимому виду; отбор показателей для построения интегрального показателя; нормирование показателей; определение весовых коэффициентов; расчет частных интегральных показателей по блокам; расчет сводного интегрального показателя устойчивости развития АПК [2, с. 86–89]. Данный подход обеспечивает системность анализа и позволяет осуществлять межрегиональные сопоставления, однако он

не учитывает специфические факторы, влияющие на устойчивость АПК именно приграничных территорий.

Еще одно направление акцентирует внимание на учете рисков и неопределенности в оценке устойчивости АПК, например, Е. Чаткина и Н.А. Казакова предлагают методику, построенную на принципах приоритетности влияния критериев устойчивого развития на конкурентные возможности и использования риск-факторного подхода как навигатора оценки конкурентных позиций [7, с. 167]. Авторы отмечают, что современные условия требуют учета влияния санкций, их последствий и способности компаний к оперативной перенастройке своих бизнес-моделей. Для приграничных регионов фактор санкционного давления приобретают непосредственное значение, поскольку ограничения на внешнеэкономическую деятельность влияют на возможности экспорта продукции и импорта необходимых ресурсов.

Особого внимания заслуживают исследования, посвященные оценке устойчивости АПК на муниципальном и региональном уровнях, в частности, методика М.С. Арзуманян, разработанная для количественной оценки степени связи устойчивости развития АПК с бюджетной обеспеченностью муниципальных районов и основанная на соизмерении показателей доходной и расходной частей бюджета с величинами показателей компонентов устойчивого развития АПК [1, с. 16]. Данный подход важен для понимания роли бюджетного финансирования в обеспечении устойчивости АПК, однако он не учитывает внешние факторы, характерные для приграничных территорий. А.А. Малыгин предлагает параметрическую оценку и мониторинг устойчивости регионального аграрного производства на примере растениеводства, используя SWOT-анализ для выявления угроз и факторов, сдерживающих устойчивое развитие [6, с. 66]. Представленный порядок мониторинга отличается реализацией концептуальной модели алгоритма определения сводного индекса и систематизацией уровней отраслевой устойчивости производства. Вместе с тем, как показывают исследования, «структурный дисбаланс территориального аграрного сектора проявляется в диспропорции уровня развития растениеводства и животноводства» [6, с. 62]. В свою очередь Е.Н. Криулина, Л.Р. Оганян и К.А. Катков применяют индексный подход к сравнительной оценке устойчивости сельского хозяйства субъектов Северо-Кавказского федерального округа, группируя регионы по степени устойчивости и выявляя системные проблемы отрасли [5, с. 122]. Исследование демонстрирует эффективность индексного подхода для межрегиональных сопоставлений, однако его адаптация к специфике приграничных регионов требует включения дополнительных показателей, характеризующих интенсивность и результаты трансграничного взаимодействия.

Важным для настоящего исследования представляется мультиметрический подход к анализу кооперационных и интеграционных взаимодействий субъектов хозяйствования в АПК, предложенный Н. Ермалинской [3, с. 5]. Автором обоснована научная гипотеза проектирования методического подхода, разработаны метрические карты анализа в разрезе архитектурных уровней и функциональных модулей системы, обеспечивающие комплексное исследование различных форм кооперационного взаимодействия [5]. Использование математических инструментов исследования нечетких множеств в условиях субъективной и объективной неопределенности позволяет учитывать качественные характеристики, которые трудно поддаются количественной оценке, но влияют на устойчивость АПК приграничных регионов.

На основе проведенного анализа теоретических и методических подходов можно говорить, что традиционные методы оценки устойчивости АПК, ориентированные на анализ внутренних факторов производства и финансового состояния, недостаточно полно отражают особенности функционирования приграничных территорий, что требует включения в оценочную систему дополнительных индикаторов, характеризующих влияние приграничного положения на экономические, социальные и инфраструктурные параметры развития агропромышленного комплекса. Разработка специализированного методического подхода, учитывающего фактор приграничности, позволит повысить достоверность оценки и обеспечить органы регионального управления адекватным инструментарием для обоснования стратегических решений в сфере развития приграничных агротерриторий.

Предлагаемый методический подход, состоящий из нескольких последовательных этапов, начинается с формирования системы показателей оценки устойчивости АПК приграничного региона, сгруппированных по функциональным блокам, отражающим основные аспекты

устойчивости. При отборе показателей учитывались требования репрезентативности, достоверности, доступности информации, а также возможность количественного измерения или качественной оценки с последующей формализацией.

В состав экономического блока включены показатели, характеризующие эффективность производства, финансовое состояние организаций АПК, инвестиционную активность и внешнеэкономическую деятельность: валовая продукция сельского хозяйства на душу населения, рентабельность сельскохозяйственного производства, доля прибыльных организаций в общем числе организаций АПК, коэффициент обновления основных фондов, объем инвестиций в основной капитал АПК, объем экспорта продукции АПК, доля импортной продукции в региональном продовольственном балансе.

Социальный блок представлен показателями, отражающими уровень и качество жизни сельского населения, обеспеченность трудовыми ресурсами и социальную инфраструктуру: среднемесячная заработная плата в сельском хозяйстве, уровень занятости сельского населения, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, коэффициент миграционного прироста сельского населения, обеспеченность жильем сельских жителей, доступность социальных услуг (образовательных, медицинских, культурных) для сельского населения.

Экологический блок включает показатели, характеризующие воздействие АПК на окружающую среду и соблюдение экологических требований: доля обрабатываемых земель в общей площади сельскохозяйственных угодий, внесение минеральных и органических удобрений, доля сельскохозяйственных организаций, осуществляющих природоохранные мероприятия, выбросы загрязняющих веществ в атмосферу от объектов АПК, сброс загрязненных сточных вод.

Инфраструктурно-логистический блок, имеющий особое значение для приграничных регионов, включает показатели, характеризующие развитие транспортной и логистической инфраструктуры, обеспечивающей трансграничные связи: плотность автомобильных дорог с твердым покрытием в сельской местности, наличие и пропускная способность пунктов пропуска через государственную границу, количество логистических центров и складов временного хранения, обеспеченность складскими помещениями для хранения сельскохозяйственной продукции, доля продукции, проходящей через логистические центры.

Для учета специфических факторов приграничного положения, не поддающихся прямой количественной оценке (политическая стабильность в сопредельном государстве, состояние межгосударственных отношений, барьеры для трансграничной торговли и др.), предлагается использовать аппарат нечетких множеств, позволяющий формализовать качественные характеристики. В соответствии с подходом, предложенным Н. Ермалинской, применение математических инструментов исследования нечетких множеств в условиях субъективной и объективной неопределенности [3, с. 8] обеспечивает корректное включение качественных параметров в интегральную оценку.

На втором этапе осуществляется сбор и первичная обработка исходных данных, включая формирование динамических рядов показателей, проверку их сопоставимости и достоверности, а также предварительная стандартизация показателей, имеющих разнонаправленное влияние на устойчивость (стимуляторов и дестимуляторов).

На третьем этапе нормирование показателей для приведения их к единому масштабу измерения осуществляется посредством линейного масштабирования, предполагающего сопоставление фактических значений с эталонными (максимальными, минимальными или нормативными). Для показателей-стимулов, увеличение которых способствует росту устойчивости, нормирование осуществляется по формуле:

$$I_{ij} = \frac{x_{ij} - x_i^{\min}}{x_i^{\max} - x_i^{\min}} \cdot 1$$

Для показателей-дестимулов, снижение которых повышает устойчивость, используется обратное преобразование:

¹ Составлено автором на основе методологии построения интегрального показателя из работы Р.А. Вахрамеева [2, с. 87].

$$I_{ij} = \frac{x_i^{\max} - x_{ij}^2}{x_i^{\max} - x_i^{\min}},$$

где I_{ij} — нормированное значение i -го показателя для j -го объекта (региона или периода);

x_{ij} — фактическое значение;

$x_i^{\max}$ и $x_i^{\min}$ — соответственно максимальное и минимальное значения i -го показателя по всей совокупности наблюдений.

Четвертый этап включает определение весовых коэффициентов значимости отдельных показателей и функциональных блоков в интегральной оценке. Для решения данной задачи предлагается использовать метод экспертных оценок с привлечением специалистов в области региональной экономики, агропромышленного производства и управления приграничными территориями. Альтернативным подходом может выступать применение метода главных компонент, позволяющего определить объективные веса на основе анализа структуры исходных данных.

На пятом этапе производится расчет частных интегральных показателей по каждому функциональному блоку:

$$B_k = \sum_{i=1}^{n_k} w_{ki} I_{ki}^3,$$

где B_k — интегральная оценка по k -му блоку;

w_{ki} — весовой коэффициент i -го показателя в k -м блоке; I_{ki} — нормированное значение i -го показателя k -го блока; n_k — количество показателей в k -м блоке.

Шестой этап предполагает расчет сводного интегрального показателя устойчивости АПК приграничного региона:

$$Y_k = \sum_{i=1}^m v_k B_k^4,$$

где Y_k — сводный интегральный показатель устойчивости;

v_k — весовой коэффициент k -го блока;

m — количество функциональных блоков.

Седьмой этап включает интерпретацию полученных результатов на основе разработанной шкалы оценки уровней устойчивости, для содержательной характеристики которой предлагается использовать градацию значений интегрального показателя, которая представлена в табл. 1.

Для наглядного представления результатов оценки целесообразно использовать метод построения многоугольников (лепестковых диаграмм) устойчивости, позволяющий визуализировать соотношение частных интегральных показателей по функциональным блокам и выявить проблемные зоны, требующие первоочередного управленческого воздействия. Как отмечают Е. Чаткина и Н.А. Казакова, использование данного метода «обеспечивает наглядность оценки конкурентных преимуществ и управленческих способностей компаний оперативно адаптироваться к меняющимся рыночным условиям» [7, с. 166].

Можно предположить, что регионы, граничащие со странами с развитым аграрным сектором и либеральными условиями внешней торговли, будут демонстрировать иные траектории устойчивости по сравнению с регионами, граничащими со странами с нестабильной политической ситуацией или высокими протекционистскими барьерами. Данные различия должны находить отражение в значениях частных интегральных показателей по отдельным функциональным блокам, прежде всего по блоку внешнеэкономической деятельности и инфраструктурно-логистическому блоку. Результаты оценки могут быть применены для совершенствования механизмов межрегионального и трансграничного сотрудничества: выявление факторов,

² Составлено автором на основе алгоритма расчета частных интегральных показателей из работы Р.А. Вахрамеева [2, с. 88].

³ Составлено автором на основе индексного подхода к сравнительной оценке устойчивости сельского хозяйства из работы Е.Н. Криюлиной, Л.Р. Оганян и К.А. Каткова [5, с. 123].

⁴ Составлено автором на основе применения математических инструментов нечетких множеств в условиях неопределенности из работы Н. Ермалинской [3, с. 8].

сдерживающих использование потенциала приграничного положения, позволяет разрабатывать адресные мероприятия по развитию приграничной инфраструктуры, упрощению процедур трансграничной торговли, стимулированию кооперационных связей с организациями АПК сопредельных государств.

Таблица 1

**Интерпретационная шкала уровней устойчивости
агропромышленного комплекса приграничного региона (фрагмент)**

Диапазон значений	Характеристика уровня устойчивости
0,00–0,20	Критический уровень. Деградация АПК, утрата способности к воспроизводству, высокая зависимость от внешних поставок продовольствия, обострение социальных проблем сельских территорий
0,21–0,40	Низкий уровень. Нестабильное функционирование АПК, периодические кризисные явления, недостаточная адаптация к изменяющимся условиям
0,41–0,60	Средний уровень. Относительно стабильное функционирование при сохранении уязвимости к отдельным видам рисков, в том числе связанных с приграничным положением
0,61–0,80	Высокий уровень. Стабильное развитие АПК, эффективное использование преимуществ приграничного положения, развитая инфраструктура
0,81–1,00	Очень высокий уровень. Устойчивое динамичное развитие, инновационная активность, сбалансированность экономических, социальных и экологических параметров

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы, устойчивость агропромышленного комплекса приграничного региона представляет собой многомерную экономическую категорию, отражающую способность системы сохранять параметры функционирования и развития под воздействием дестабилизирующих факторов внешней и внутренней среды, включая специфические риски, обусловленные приграничным положением. Существующие методические подходы к оценке устойчивости АПК, разработанные для регионов безотносительно их территориальной специфики, недостаточно полно учитывают особенности функционирования приграничных агротерриторий, что подтверждает выдвинутую научную гипотезу и обосновывает необходимость разработки специализированного инструментария.

Разработанный методический подход базируется на системе принципов (системности, комплексности, специфичности, информационной достаточности, сопоставимости, интерпретируемости) и включает семь последовательных этапов: формирование системы показателей по функциональным блокам (экономический, социальный, экологический, инфраструктурно-логистический); сбор и первичную обработку данных; нормирование показателей; определение весовых коэффициентов; расчет частных интегральных показателей по блокам; расчет сводного интегрального показателя устойчивости; интерпретацию результатов с использованием разработанной шкалы уровней устойчивости. Особенностью предлагаемого подхода является включение в анализ инфраструктурно-логистического блока и использование аппарата нечетких множеств для учета качественных характеристик приграничного положения.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения разработанного инструментария органами регионального управления для мониторинга устойчивости АПК, обоснования приоритетных направлений государственной поддержки, разработки стратегий социально-экономического развития приграничных регионов и программ развития агропромышленного комплекса. Перспективы дальнейших исследований связаны с апробацией предложенного методического подхода на материалах конкретных приграничных регионов, совершенствованием системы показателей и методов определения весовых коэффициентов, а также разработкой экономико-математических моделей прогнозирования устойчивости АПК с учетом сценарных условий развития приграничного сотрудничества.

Список литературы

1. *Арзуманян М.С.* Методика определения уровня влияния бюджетной обеспеченности муниципальных районов на устойчивость развития АПК // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Экономика. — 2023. — № 3. — С. 15–23.
2. *Булавина М.А., Новосельский С.О., Измestьев Д.М.* Организационно-экономический механизм управления бизнес-процессами производства металлоконструкций в условиях кризиса // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2024. — Т. 15. — № 2(43). — С.68–74.
3. *Булавина М.А., Новосельский С.О., Попова С.А.* Стратегические цели и тактические приоритеты управления городом в условиях геополитической напряженности // Вестник евразийской науки. — 2022. — Т. 14. — № 3.
4. *Вахрамеев Р.А.* Методика формирования интегрального показателя комплексной оценки устойчивости развития агропромышленного комплекса // Вестник науки Сибири. — 2018. — № 4(31). — С. 82–92.
5. *Гагарина М.В.* Структурные трансформации и механизмы обеспечения устойчивого развития аграрного сектора России в условиях макроэкономической нестабильности / М.В. Гагарина // Russian Journal of Management. — 2026. — Т. 14. — № 2. — С. 92–101.
6. *Ермалинская Н.* Мультиметрический подход к анализу кооперационных и интеграционных взаимодействий субъектов хозяйствования в АПК: методологическая гипотеза, атрибутивная система оценки, процедурные средства реализации // Аграрная экономика. — 2025. — № 11. — С. 3–27.
7. *Зейналова Л.М.* Генезис понятия «коррупция» в антикоррупционном законодательстве: международный опыт и национальное законодательство // Наука и новация: современные проблемы теории и практики права. сборник материалов международной научно-практической конференции в рамках IV Международного Фестиваля науки. — 2019. — С. 83–86.
8. *Ищенко М.М., Молкоедов Р.А.* Влияние процессов цифровизации региональных органов исполнительной власти на бизнес-процессы // Вестник университета мировых цивилизаций. — 2024. — Т. 15. — № 2(43). — С. 86–91.
9. *Какора М.И.* Обеспечение экономической безопасности организаций АПК на основе их устойчивого финансового развития // Управленческий учет. — 2024. — С. 5–11.
10. *Конобеева А.Б.* Особенности поиска, отбора и найма персонала современной организации / А.Б. Конобеева // Труд и вызовы современности : от уроков прошлого к перспективам будущего. — М.; Берлин : ООО «Директ-Медиа», 2022. — С. 102–109.
11. *Криулина Е.Н., Оганян Л.Р., Катков К.А.* Индексный подход к сравнительной оценке устойчивости сельского хозяйства субъекта федерального округа // Аграрный вестник Урала. — 2023. — Т. 23. — № 09. — С. 119–129.
12. *Малыгин А.А.* Параметрическая оценка и мониторинг устойчивости регионального аграрного производства: растениеводство // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. — 2023. — № 2 (56). — С. 62–70.
13. *Саморукова Г.В.* Роль ИТ в бизнес-процессах / Г.В. Саморукова, Д.С. Кухаренко // Россия и мир: развитие цивилизаций. Мир, страна, университет — 25 лет развития: Сборник трудов молодых ученых и студентов XIV международной научно-практической конференции, Москва, 03–04 апреля 2024 года. — М.: Издат. дом «УМЦ», 2024. — С. 448–455.
14. *Слуцкий Л.Э., Васецкий Н.А., Слоботчиков О.Н.* Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография в 2-х т. / Том 1. Россия — государство-цивилизация. — М., 2024. — 384 с.
15. *Чаткина Е., Казакова Н.А.* Анализ риск-факторов и оценка устойчивости развития АПК в условиях санкций // Финансы: теория и практика. — 2024. Т. 28. — № 2. — С. 166–177.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ: СОЗДАН ЛИ НЕПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦИФРОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ?

О.В. Колесниченко

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва
olja_korn@mail.ru

PLATFORM ECONOMY LEGISLATION: HAVE WE CREATED A CONSISTENT LEGAL REGIME FOR THE ACTIVITIES OF DIGITAL INTERMEDIARIES?

O.V. Kolesnichenko,

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor, Department of Combating Crimes in the Sphere of Information and Telecommunication Technologies,
Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow
olja_korn@mail.ru

Аннотация. В статье осуществлен критический анализ новелл нормативного правового регулирования платформенной экономики применительно к деятельности цифровых посредников. Обозначен круг проблем, которые не могут быть решены с помощью Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», включая: невозможность корректного определения понятия «цифровой посредник» за пределами отношений в сфере цифровой коммерции; противоречивость нормативного подхода к характеристике цифровых посреднических платформ, рассматриваемых одновременно в качестве субъекта экономических отношений и информационного ресурса; размытость пределов ответственности цифровых посредников за качество товаров, работ и услуг; недостаточное внимание законодателя к аспектам социально-трудовых отношений в платформенной экономике. Особое внимание обращается на невозможность контролировать добросовестность цифрового посредника в части, касающейся недопущения необоснованных ограничений и дискриминации на рынке, вследствие использования скрытых внутренних алгоритмов. Аргументировано, что дальнейшее развитие правового регулирования в данной области предполагает, в первую очередь, реализацию концепции универсального понимания цифрового посредника и определения его статуса во всех сферах оборотных отношений.

Ключевые слова: платформенная экономика, цифровая экономика, информационный посредник, цифровой посредник, электронная коммерция.

Abstract. This article provides a critical analysis of the regulatory amendments governing the platform economy as they apply to the activities of digital intermediaries. It identifies a range of issues that cannot be resolved by Federal Law No. 289-FZ of July 31, 2025, "On Certain Issues of Regulating the Platform Economy in the Russian Federation", including: the inability to correctly define the concept of "digital intermediary" outside of digital commerce; the inconsistency of the regulatory approach to characterizing digital intermediary platforms, which are considered both as a subject of economic relations and an information resource; The vagueness of the limits of digital intermediaries liability for the quality of goods, works, and services; and the legislator's insufficient attention to aspects of social and labor relations in the platform economy. Particular attention is drawn to the impossibility of monitoring the integrity of digital intermediaries in terms of preventing unjustified restrictions and discrimination in the market due to the use of hidden internal algorithms. It is argued that further development of legal regulation in this area requires, first and foremost, the implementation of a universal understanding of the digital intermediary and the definition of its status in all areas of turnover.

Key words: platform economy, digital economy, information intermediary, digital intermediary, e-commerce.

Отношения в области цифровой экономики являются наиболее стремительно развивающейся областью общественных взаимосвязей. Прогнозы, подготовленные в 2010–2015 гг. и оцениваемые на тот момент как далекая перспектива, стремительно сбываются в наши

дни [4, с. 22; 7, с. 135; 8, с. 1367]. В особенности речь идет о том, что развитие искусственного интеллекта и ИТ-трансформации способны повлечь за собой существенное снижение востребованности или даже полное отпадение необходимости в целом ряде профессий, упростить оформление сделок и правовых состояний, дать возможность исследовать личность субъекта по характеристикам его внешности и поведения.

В значительной степени эти тенденции связываются с фигурой цифровых посредников — специальных цифровых сервисов или онлайн-ресурсов, которые способны совершать одно или несколько юридически значимых действий в интересах гражданина, принимая при этом полностью или частично самостоятельные решения на основе заложенных в них алгоритмов и накопленного опыта функционирования.

В отечественном законодательстве, спустя годы напряженных дискуссий теоретиков и практиков об опорных явлениях и категориях цифровой экономики [2, с. 560; 3, с. 9; 6, с. 145], был принят Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»¹, который ввел понятие посреднической цифровой платформы — цифровой платформы, обеспечивающей взаимодействие оператора, партнеров и пользователей в целях заключения гражданско-правовых договоров, предоставляющей технические возможности для размещения заказов и (или) карточек товаров, работ, услуг, совершения сделок, осуществления оплаты товара, работы, услуги пользователем в пользу партнера, включаемой в единый реестр посреднических цифровых платформ, создаваемых в Российской Федерации. Закон был призван ввести в правовое поле активную экономическую деятельность маркетплейсов, агрегаторов такси, служб доставки и других подобным им разновидностей цифровых посредников, без которых сложно представить себе современные рыночные отношения.

Вместе с тем, на данный момент, еще до вступления в силу указанного закона, представляется необходимым обратить внимание на несколько проблем, которые не могут быть решены с его помощью, и требуют направленного внимания доктрины и законодателя.

Во-первых, ФЗ № 289-ФЗ не формирует общего определения понятия цифрового посредника, в качестве которого может выступать не только онлайн-площадка, но и иной цифровой сервис, способный организовывать экономические отношения между субъектами гражданского оборота и (или) принимать на себя функции по совершению отдельных действий от их имени в их интересах. В данной части следует обратить внимание на то, что действующее гражданское законодательство (ст. 1253.1 ГК РФ) упоминает только лишь информационных посредников как субъектов, основной функционал которых сводится к передаче информации в информационно-телекоммуникационной сети, организации размещения таковой и обеспечении доступа к ней заинтересованных лиц.

Такой подход видится справедливым для информационного, а не цифрового общества. Как известно, характерной особенностью первого является использование информационно-телекоммуникационных технологий в качестве одного из дополнительных способов организации взаимодействия между субъектами. Последнее протекает, преимущественно, в традиционной форме, при личном контакте друг с другом. Иные характеристики присущи цифровому обществу, где, напротив, большая часть коммуникаций происходит в цифровой среде и лишь в порядке исключения (когда действительность волеизъявления необходимо подтвердить посредством личного обращения к субъекту или в компетентный орган) могут быть реализованы более архаичные их формы. О том, что категория «информационного посредника» является устаревшей, свидетельствует и то, что в числе его обязанностей не упоминается анализ размещенной информации, принятие на основании нее решений в интересах пользователя по заранее согласованным сценариям.

Кроме того, важно учитывать, что терминология, предусмотренная законодательством о платформенной экономике, предназначена исключительно для использования в области электронной коммерции. В частности, вне сферы действия данного закона остается деятель-

¹ Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2025. — № 31. — Ст. 4643.

ность операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов (ЦФА), и операторов обмена ЦФА. Между тем, эти лица, правовой режим деятельности которых определен Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»², также выступают в роли посредников, но уже в области оборота ЦФА.

Во-вторых, несмотря на попытку избежать путаницы в определении правового статуса различных цифровых площадок, предоставляющих или организующих предоставление услуг, реализацию товаров и т.п., нормативное определение цифровой посреднической платформы само по себе является противоречивым. Так, в экономической деятельности принято разграничивать: *агрегатор информации о товарах, работах и услугах* — сервис, который аккумулирует предложения о реализации товаров, работ и услуг из различных источников, демонстрирует их пользователю и затем перенаправляет его на сайт продавца (их основная бизнес-модель предусматривает взимание комиссии с партнеров — продавцов, а не с пользователей — покупателей); *маркетплейс* (от англ. «marketplace» — рынок, рыночная площадь) — онлайн-платформу, объединяющую нескольких независимых продавцов в целях создания условий для заключения и исполнения договоров с покупателями; *цифровую платформу* — сайт в сети Интернет, информационную программу или систему, позволяющую объединять неограниченный круг участников экономической деятельности, действующих с различными целями (не ограничиваются реализацией товаров, работ и услуг) [1, с. 106]. ФЗ № 289-ФЗ исходит из отправного тезиса о том, что все перечисленные субъекты являются цифровыми посредниками по признаку создания на соответствующих виртуальных площадках среды для взаимодействия субъектов экономической деятельности в целях заключения и исполнения гражданско-правовых договоров.

Вместе с тем, цифровая платформа сама по себе характеризуется как информационный ресурс (информационная система, сайт или программа для ЭВМ), что указывает на то, что она задействуется, преимущественно, в технических, а не коммерческих целях. Это порождает противоречивую судебную практику в части, касающейся возложения на цифровые посреднические платформы ответственности за нарушение авторских прав. Освобождению цифровых платформ от такой ответственности со ссылкой на статус информационного посредника явно противоречит тот факт, что таковые в действительности принимают активное участие в реализации товаров, работ и услуг, создают и поддерживают необходимую для этого инфраструктуру³.

С этим противоречием тесно связана третья проблема — размытость правового статуса цифровых посредников в части ответственности за качество товаров, работ и услуг. Так, Федеральный закон «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» ориентирован на решение наиболее острых проблем, связанных с обеспечением контроля за функционированием посреднических цифровых платформ, организацией взаимодействия между операторами цифровых платформ и субъектами экономической деятельности, предлагающими и реализующими на таких платформах товары, работы и услуги.

Наиболее значимые положения данного закона, помимо основных понятий предусматривают обязательность ведения реестра цифровых платформ, возложение на операторов специальных обязанностей по проверке продавцов через ЕГРЮЛ и ЕГРП перед допуском к осуществлению деятельности на платформе, осуществлению контроля за соблюдением продавцами

² О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 31 (часть I). — Ст. 5018; 2025. — № 51. — Ст. 7985.

³ Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 03 декабря 2025 г. по делу № 33-2470/2025. — URL: <https://ivo.garant.ru/#/basesearch/№%2033-2470%7C2025/all:1> (дата обращения: 15.03.2026); Апелляционное определение Томского областного суда от 10 сентября 2021 г. по делу № 33а-3000/2021. — URL: <https://ivo.garant.ru/#/basesearch/N%2033a-3000%7C2021/all:3> (дата обращения: 26.09.2014) и др.

норм действующего законодательства при размещении информации в карточке товара. Между тем, осуществляя экономическую деятельность исключительно благодаря реализации товаров, работ и услуг, цифровые посредники не несут солидарной ответственности за некачественную продукцию, выполненные с нарушением или не в полном объеме работы и т.п.

В-четвертых, из поля зрения законодателя полностью выпадает аспект регулирования социально-трудовых отношений между конкретными исполнителями и платформой. Судебная практика показывает, что чаще всего признаются фактическими трудовыми отношения между исполнителем и партнером платформы (например, заказчиком), а не с самим цифровым посредником⁴. В то же время, именно последний устанавливает систему начисления штрафов и неустоек, привлекает субъектов для выполнения работ, предполагающих необходимость осуществления контроля за соблюдением нормативов по предельному рабочему времени или поднятию тяжестей.

В-пятых, весьма проблематично контролировать добросовестность цифрового посредника в части, касающейся недопущения необоснованных ограничений и дискриминации на рынке. В особенности, при наличии универсального требования о том, что алгоритм поиска и выдачи товаров, поиска исполнителя должен быть прозрачным, на цифровых площадках нередко действуют скрытые внутренние алгоритмы (такие, как «индекс цен», системы выявления самовыкупов), существование которых практически невозможно доказать в суде. Истец в делах данной категории должен подтвердить, что дискриминирующее влияние алгоритмов на конкретного продавца было достаточно определенным и исключало иную трактовку [5, с. 64]. Эта же проблема, по сути своей, касается и использования скидок, связанных с применением конкретного платежного инструмента, побуждением продавцов к участию общих для данной площадки акциях. Наконец, не существует четкого подхода к оценке на предмет нарушения запрета дискриминации таких явлений, как установление экономически нецелесообразных условий возврата товаров для отдельных районов и местностей, фактическая монополизация рынка по отношению к оффлайн-магазинам и электронным магазинам, действующим без посредников.

Учитывая сказанное, следует констатировать, что правовое регулирование деятельности цифровых посредников носит фрагментарный характер и требует дальнейшего внимания со стороны законодателя. В особенности, это касается разработки и внедрения широкого понятия цифрового посредника, распространяющегося на все сферы оборотных отношений, а не только отношения в сфере электронной коммерции.

Список литературы

1. Агibalова Е.Н., Мачехина Н.А. Проблемы развития гражданского законодательства в условиях цифровой экономики // Закон и право. — 2026. — № 1. — С. 106–113.
2. Вольнов А.С., Далинин А.В. Проблемы правового регулирования института конкуренции в условиях цифровой трансформации экономики // Социология и право. — 2025. — Т. 16. — № 4. — С. 560–572.
3. Габов А.В., Саяпин С.П. Платформенные отношения как предмет правового регулирования // Lex russica. — 2025. — Т. 78. — № 11(228). — С. 9–33.
4. Гелисханов И.З., Юдина Т.Н., Бабкин А.В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // π-Economy. — 2018. — Т. 11. — № 6. — С. 22–36.
5. Павлухина О.А. Антимонопольные иммунитеты и цифровая экономика: актуальные правовые аспекты и пределы допустимости // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. — 2025. — № 8(132). — С. 64–74.

⁴ Определение СК по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 15 мая 2025 г. по делу № 8Г-5444/2025[88-8558/2025]. URL: <https://ivo.garant.ru/#/doclist/502:6> (дата обращения: 26.09.2014); Определение СК по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10 февраля 2026 г. по делу № 8Г-2183/2026[88-3877/2026]. URL: <https://ivo.garant.ru/#/doclist/505:8> (дата обращения: 26.09.2014); Определение СК по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27 января 2026 г. по делу № 8Г-14889/2025[88-1250/2026-(88-19024/2025)]. — URL: <https://ivo.garant.ru/#/doclist/510:10> (дата обращения: 26.09.2014) и др.

6. *Савенко Н.Е.* Legaltech в цифровой экономике и правовом регулировании экономической деятельности граждан // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. — 2023. — № 1. — С. 145–171.
7. *Graham M., Hjorth I., Lehdonvirta V.* Digital labour and development: impacts of global digital labour platforms and the gig economy on worker livelihoods // *Transfer: European review of labour and research*. — 2017. — Vol. 23. — No 2. — P. 135–162.
8. *Teece D.J.* Profiting from innovation in the digital economy: Enabling technologies, standards, and licensing models in the wireless world // *Research policy*. — 2018. — Vol. 47. — No 8. — P. 1367–1387.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АГРОМАРКЕТИНГА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

А.Б. Конобеева

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

MAIN PROBLEMS OF AGROMARKETING AND ENTREPRENEURSHIP IN AGRICULTURE

A.B. Konobeeva

PhD in Agricultural Sciences, Docent,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

Аннотация. В статье рассмотрены основные проблемы маркетинга и предпринимательства в сельском хозяйстве, на общем фоне новых явлений и процессов, происходящих в мировой экономике. Предпринимательство только тогда сможет обеспечить расширенный воспроизводственный процесс, если найдет надежный, стабильный, емкий рынок. Аграрный маркетинг необходимо рассматривать как комплексную систему, но при этом учитывая ее специфические особенности

Ключевые слова: агромаркетинг, предпринимательство, сельское хозяйство, стратегия, маркетинг, импортозамещение, сельхозпродукция, сельскохозяйственное производство, сельские территории, субсидии, импортозамещение, спрос, аграрный бизнес, льготное кредитование.

Abstract. The article discusses the main problems of marketing and entrepreneurship in agriculture, against the general background of new phenomena and processes taking place in the global economy. Entrepreneurship will only then be able to provide an expanded reproductive process if it finds a reliable, stable, capacious market. Agricultural marketing should be considered as a comprehensive system, but at the same time taking into account its specific features

Key words: agromarketing, entrepreneurship, agriculture, strategy, marketing, import substitution, agricultural products, agricultural production, rural areas, subsidies, import substitution, demand, agricultural business, concessional lending.

Понятие «маркетинг», произошедшее от слияния «market» и «getting», условно переводимых как завоевание рынка, входит в международный язык делового общения в бизнесе. Впервые оно появилось в 30-х годах прошлого столетия в США среди фермеров, столкнувшихся с проблемой сбыта продовольствия в условиях разразившегося экономического кризиса. В начале прошлого века маркетинг, как теоретическая дисциплина, изучающая организацию и методику сбыта, была введена в учебные программы Гарвардского, Чикагского, Пенсильванского университетов.

В докладе комитета дефиниций Американской ассоциации маркетинга отображено следующее представление о маркетинге: «Маркетинг представляет собой предпринимательскую деятельность, связанную с направлением потока товаров и услуг от производителя к покупателю или потребителю». С другой стороны, маркетинг определялся как функция компании, связанная с осуществлением сбыта и рыночных операций, и таким образом — с повышением эффективности предпринимательской деятельности. Основное назначение маркетинга — слияние производства и сбыта в едином замкнутом цикле «производство — рынок — конкретный покупатель с общей главной задачей по максимизации прибыли» [7, с. 28].

Предпринимательство только тогда сможет обеспечить расширенный воспроизводственный процесс, если найдет надежный, стабильный, емкий рынок [3, с. 74].

С точки зрения анализа эволюции форм и методов конкурентной политики всех хозяйствующих агентов очевидно, что происшедшая переориентация с простой ценовой конкуренции на ценовые методы — это целая стадия перехода к рыночной концепции управления, т.е. к современному маркетингу.

Серьезные перемены в экономике США, начавшиеся в 1900 году, были, по сути, маркетинговой революцией, приведшей к осознанию руководством американских предприятий веду-

щей роли маркетинга. Если раньше типичной позицией американского предпринимателя по отношению к маркетингу все еще было: «Какую продукцию ни производило бы предприятие, отдел продаж реализует ее», — сегодня преимущественно звучит так: «Наша задача производить то, что необходимо потребителю» [1, с. 50]. Постепенное понимание и признание важности маркетинга привело, например, к тому, что в 50–х гг. в Министерстве торговли США был создан отдел сбыта продукции, руководствующийся маркетинговыми принципами и подходами.

Практически маркетинг оказался настолько важной сферой деятельности, что недостаточно было просто создать мощный отдел сбыта и поручить ему вести маркетинговую деятельность. «Маркетинг не только намного шире, чем сбыт, его вообще нельзя узко специализировать. Он пронизывает всю деятельность предприятия, рассматривая ее с точки зрения конечного результата, т.е. потребителя, поэтому интерес к маркетингу должны проявлять все сферы деятельности предприятия» [1, с. 52].

Сельское хозяйство имеет ключевое значение для продовольственного снабжения и искоренения нищеты и голода в бедных странах; оно не только обеспечивает значительную, массовую занятость, особенно в сельских районах, но и вносит существенный вклад в национальный экономический рост и является значительным источником поступлений иностранной валюты для многих развивающихся стран. С учётом фундаментальной значимости сельского хозяйства для большинства развивающихся стран вполне понятна крайняя обеспокоенность в связи с тем, что в этой области существует традиционно множество проблем и столь же традиционно, десятилетиями, им не уделяется должное внимание. В то же время целый ряд факторов привёл в последнее время к значительному увеличению масштабов участия многих частных, в том числе и иностранных компаний, в сельскохозяйственном производстве во многих развивающихся странах, что связано в основном с дефицитом продовольствия [5, с. 117].

Аграрный маркетинг необходимо рассматривать как комплексную систему, но при этом учитывая ее специфические особенности. Ошибочно считать, что весь маркетинг одинаковый, ведь агромаркетинг отличается от промышленного, коммерческого, банковского и других видов маркетинга, соответственно в аграрном маркетинге недостаточно будет пользоваться общепринятыми приемами. Именно поэтому сама специфика агропромышленного комплекса рождает ряд объективных особенностей.

Сельское хозяйство является отраслью с идеальной конкуренцией, что является нонсенсом в условиях современной экономики, т.к. в развитых странах существует большое количество предприятий, которые функционируют в сфере сельского хозяйства [4, с. 187]. Несмотря на то, что они могут быть достаточно большими, они не в силах монополизировать и захватить большую долю рынка.

Особенностью маркетинга товаров сельскохозяйственного производства (агромаркетинга) является то, что он охватывает следующие стадии исследования:

- изучение потребностей и прогнозирование спроса;
- изучение ассортиментной политики и разработка производственной программы;
- изучение каналов товародвижения и организация сбыта.

Сложность и специфика маркетингового обеспечения изучения рынка сбыта и продвижения усложняется сезонность самого производства, т.к. предприятия в основном разделены по функциям от производства, дистрибуции и продажи конечному покупателю.

Иностранное участие, а также внутренние инвестиции могут сыграть решающую роль в сельскохозяйственном производстве в развивающихся странах за счет повышения его производительности и поддержки его экономического развития [5, с. 119]. Главными факторами, стимулирующими инвестиции в сельское хозяйство, являются доступность земли и воды в определенных районах, а также быстрый рост спроса и увеличение импорта продовольственных культур в различных странах, включая страны как с формирующейся рыночной экономикой с большой численностью населения (Бразилия, Индия, Китай, Южная Корея, а также Япония), так и развивающиеся регионы, в которых ощущается нехватка земельных и водных ресурсов (например, государства — члены Совета сотрудничества стран Персидского Залива (ССЗ) [5, с. 67].

Не стоит забывать и о следующей особенности — основным источником производства является земля и ее плодородие, а это, как известно, ресурс не вечный. Современные научно-технические разработки новых удобрений, улучшения плодородия почвы или техник обработки земли могут увеличить некий процент производительности и выращивания сельскохозяйственной продукции, но дальнейшее их использование будет не всегда целесообразным, а, возможно, даже убыточным.

Многие страны культивировали разные виды растений для получения биотоплива и в последующем стали сокращать посевные площади, что было, безусловно, непродуманной политикой.

Еще одной немаловажной особенностью является то, что сам рабочий период, в зависимости от вида деятельности, не совпадал с периодом производства в сфере растениеводства и животноводства, т.к. на выращивание крупного рогатого скота или, к примеру, плодовых культур, необходим многолетний период.

Международный спрос на сельскохозяйственные продукты определялся также реализуемой во всем мире инициативой в области производства биотоплива, приводящей к притоку инвестиций в развивающиеся страны для выращивания сахарного тростника, зерновых (кукуруза) и масличных культур (соевых бобов). Данная тенденция переплетается с быстрым ростом цен на продовольствие на протяжении последних нескольких лет и последующей нехваткой такого важного продовольствия для населения бедных стран, как рис или пшеница, что привело к появлению целого ряда новых инвесторов, а также спровоцировало приток спекулятивных прямых инвестиций в сельское хозяйство и земельные ресурсы.

Важным является и то, что продукты сельскохозяйственной отрасли являются продуктами жизненной необходимости, соответственно, необходимо своевременно и в нужном объеме и ассортименте, с учетом возраста, пола, национальных традиций, состояния здоровья потребителей удовлетворять их нужды и интересы [4, с. 188].

В целях улучшения процесса разработки продовольственной политики правительствами ряда стран были подготовлены руководящие указания и разработаны стратегии по вопросам развития предпринимательства. Некоторые страны осуществили инициативы на уровне провинций, штатов, муниципальных образований и городов. На региональном уровне правительства ряда стран предпринимают совместные инициативы для создания трансграничных экономических зон, способствующих развитию предпринимательских сетей [6, с. 165]. Показательный перечень стратегий развития предпринимательства, принятых на региональном, национальном и субнациональном (местном) уровнях представлен в табл. 1.

Большие возможности у России появились в связи с западным эмбарго (санкциями) и контрсанкциями из-за ряда политических событий. Однако отечественное сельское хозяйство постоянно сталкивается с рядом проблем, сложностей, препятствий из-за особенностей его ведения и рисков. Занимая лидирующее положение среди сельхозпроизводителей мира, страна отстает от развитых стран на несколько десятков лет из-за высоких удельных энергозатрат, высокой степени изношенности и, значит, низкой производительности большинства сельхозтехники, высоких цен на ГМС, снижения уровня льготного кредитования аграрного бизнеса, отсутствия социальных условий на селе, защиты внутреннего рынка от поставок сельхозпродукции по демпинговым ценам, в итоге — низкой рентабельности сельхозпроизводства. Федеральные субсидии до конечных производителей не всегда и не в полной мере доходят в срок; возникают проблемы и с целевым использованием финансов на региональном уровне.

Хорошей отправной точкой были бы государственная поддержка создания заготовительной сельскохозяйственной инфраструктуры и переработки продукции, целенаправленная синергетическая деятельность государства и сельхозпроизводителей в разных сегментах производства аграрной и животноводческой продукции, жесткое регламентирование, ответственность должностных лиц, установление сроков достижения промежуточных и конечных результатов [4, с. 188], организация и проведение мероприятий по оказанию содействия в налаживании диалога между стейкхолдерами для проведения анализа текущего состояния аграрного предпринимательства и сбора качественных и количественных базовых данных, формирование высокоэффективного, конкурентоспособного и качественного аграрного предпринимательства, поощрение комплексного подхода к нему, обеспечение его выживания

и развития, поддержка предпринимательского потенциала сельской молодежи, развитие сельскохозяйственной потребительской кооперации, защита от банкротства сельхозпредприятий, формирование и развитие ресурсов финансового, человеческого и социального капитала в сфере сельского хозяйства.

Таблица 1

Стратегии развития предпринимательства [2]

Уровень	Стратегии
Региональный уровень	— План действий по развитию предпринимательства в Европе до 2020 г. — Стратегии предпринимательства Системы центрально американской интеграции (СЦАИ) «СИКА Эмпренде», 2014 г. — Стратегия Группы Африканского банка развития «Предпринимательство в Африке как основа развития частного сектора», 2013–2022 гг. — Концепция развития малых и средних предприятий Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), 2010–2014 гг. (включает главу о предпринимательстве)
Национальный уровень	— Доминиканская Республика — Национальная стратегия развития предпринимательства, 2014 г. — Южная Африка — Стратегия развития молодежного предпринимательства, 2013 г. — Испания — Закон о поддержке предпринимателей и их выхода на международный рынок, 2013 г. — Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии (Уэльс) — Стратегия развития молодежного предпринимательства, 2010–2015 гг.; — Коста-Рика - Национальная политика в области предпринимательства «Коста-Рика Эмпренде», 2010–2014 гг. — Колумбия - Национальная политика в области предпринимательства и Национальная стратегия развития предпринимательства, 2009 г.
Субнациональный (местный) уровень	— План действий по развитию предпринимательства в провинции Мурсия (Испания) и инициатива «Предпринимательство в муниципалитете», 2014 г.; — Стратегический план города Медельин (Колумбия) по развитию предпринимательства в департаменте АНТИОКИЯ. — План развития инноваций и предпринимательства Западной Швейцарии, 2012 г.; — Стратегии развития предпринимательства в Квебеке (Канада), 2011г.; — Предпринимательство и наращивание производственного потенциала: создание рабочих мест на основе развития предпринимательства (17 февраля 2014г., конференция ООН по торговле и развитию)

Кроме того, аграрные предприниматели в регионах порой сталкиваются в своей деятельности с некоторыми административными барьерами, например, получение разрешения на инвестиции и лицензии на предпринимательство, сложные налоговые правила, определенные юридические требования и другие регулятивные препятствия, проблемы с реализацией продукции и др. [8] Все это препятствует конкурентоспособности, как на отечественном, так и международном рынке. Нам следует перенимать положительный опыт зарубежных стран, разработавших национальные планы действий — комплексную стратегическую политику и рамочные основы регулирования деятельности агрохолдингов в сельскохозяйственном производстве, охвативших такие жизненно важные области, как развитие инфраструктуры, конкуренция, торговля и упрощение ее процедур, а также внедривших упрощенный порядок налогообложения, бухгалтерского учета, учредительных расходов и устранивших бюрократические препоны, не забывая при этом предоставлять соответствующие государственные услуги.

Продукция агропромышленного комплекса является товаром ежедневного спроса, да еще и на дефицитном рынке, тем не менее, не стоит преуменьшать важность агромаркетинга, ведь

именно правильно проведенные маркетинговые исследования и грамотно подобранные маркетинговые мероприятия по продвижению и сбыту сельскохозяйственной продукции дадут возможность не только с легкостью и выгодой реализовывать произведенную продукцию, но и сформируют приоритетные направления развития для каждого сельскохозяйственного предприятия и отрасли в целом.

Таким образом, государству необходимо поощрять синергию в сельском хозяйстве между агрохолдингами и местными фермами в целях увеличения предсказуемых доходов фермеров, повышения производственного потенциала и увеличения выгод с использованием глобальных производственно-сбытовых цепочек. Для защиты интересов фермеров, укрепления предпринимательской экосистемы для аграриев и динамичного роста сельскохозяйственного производства целесообразно применение типовых контрактов с агрохолдингами, а относительно стратегии развития агромаркетинга, в соответствии с национальной политикой развития, необходимо определить, каким образом аграрное предпринимательство и сельскохозяйственное производство будут вносить вклад в достижение таких национальных целей, как расширение занятости, инновации в сельскохозяйственном производстве, экономический рост, индустриальная политика страны. Но для этого должен быть создан фундамент — устойчивая институциональная основа, отрегулированный механизм государственного регулирования сельского хозяйства, координационный механизм и достаточное финансирование сельскохозяйственной отрасли.

Список литературы

1. Булавина М.А., Новосельский С.О., Измestьев Д.М. Организационно-экономический механизм управления бизнес-процессами производства металлоконструкций в условиях кризиса // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2024. — Т. 15. — № 2(43). — С. 68–74.
2. Гагарина М.В. Устойчивое развитие предприятий в условиях цифровой экономики / М.В. Гагарина // Экономические исследования и разработки. — 2020. — № 4. — С. 102–105.
3. Доклад Генерального секретаря на Генеральной ассамблее ООН. Роль предпринимательства в процессе развития. 18 августа 2014 г.
4. Друкер П.Ф. Практика менеджмента. — М.: Издат. дом «Вильямс», 2009. — С. 87.
5. Ищенко М.М., Плятова Ю.А. Анализ методов и результатов развития персонала на современном предприятии // Вестник института мировых цивилизаций. — № 2. — 2023. — С. 60–65.
6. Зейналова Л.М. Сущность феномена коррупции как социально-правового явления // Теория права и межгосударственных отношений. — 2019. — № 2(10). — С. 79–86.
7. Конобеева А.Б. О развитии рынка экопродукции в России / А.Б. Конобеева // Развитие предпринимательства в торговле и услугах: проблемы и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции «V Найденовские чтения». Сборник научных статей преподавателей, аспирантов и студентов, Москва, 16–18 апреля 2013 года / под ред. Ю.В. Рагулиной; Московская академия предпринимательства при Правительстве Москвы. — М.: Издат. дом «Научная библиотека», 2013. — С. 186–188. — EDN TTRSN.
8. Конобеева А.Б. Прогнозирование структурных изменений развития сельскохозяйственного предпринимательства в условиях глобализации мирового рынка / А.Б. Конобеева, Н.В. Митропольская-Родионова, М.В. Андриянова // Экономика и управление в XXI веке: актуальные вопросы, достижения и инновации : монография. — Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. — С. 73–80. — EDN YLSFHT.
9. Митропольская-Родионова Н.В. Конкурентоспособность международного предпринимательского бизнеса / Н.В. Митропольская-Родионова, М.В. Андриянова, А.Б. Конобеева // Экономика и управление в XXI веке: актуальные вопросы, достижения и инновации: монография. — Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. — С. 112–121. — EDN YLSFIX.
10. Павлова А.Н. Управление затратами транспортной компании и их влияние на экономико-технологический потенциал хозяйствующего субъекта / А.Н. Павлова, Н.В. Гуськина // Экономика и предпринимательство. — 2022. — № 3(140). — С. 1232–1236.
11. Реализация концепции устойчивого развития социально-экономических систем в условиях трансформации / А.Б. Конобеева, Н.Ф. Мельниченко, О.В. Маркова [и др.]. — М.: ООО «Директ-Медиа», 2024. — 208 с. — ISBN 978-5-4499-4505-1. — DOI 10.23681/714189. — EDN AVMJPT.

12. *Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А.* Теоретико-методические проблемы формирования национальной идеи Российской Федерации // Актуальные политические и исторические вопросы современности. Сборник статей. — М., 2020. — С.160–176.
13. *Слуцкий Л.Э., Васецкий Н.А., Слоботчиков О.Н.* Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография в 2-х т. / Том 1. Россия — государство-цивилизация. — М., 2024. — 384 с.
14. *Хасбулатов Р.И.* Международное предпринимательство: учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2016.
15. *Gerald C. Johnson.* Effective Marketing Begins on the Design Board // Journal of Marketing. — 1948. — October. — P. 209.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ДРАЙВЕР ЭКОНОМИИ РЕСУРСОВ В РОССИЙСКОМ БИЗНЕСЕ: АНАЛИЗ ПОТЕНЦИАЛА АВТОМАТИЗАЦИИ, ОБЛАЧНЫХ СЕРВИСОВ И УДАЛЁННОЙ РАБОТЫ

О.А. Константинова

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и бизнеса,
НОЧУ ВО Московский экономический институт, Москва
olga1-92@mail.ru

DIGITAL TRANSFORMATION AS A DRIVER OF COST SAVINGS IN RUSSIAN BUSINESS: ANALYSIS OF THE POTENTIAL OF AUTOMATION, CLOUD SERVICES AND REMOTE WORK

O.A. Konstantinova

PhD in Economic Sciences,
Associate Professor of the Department of Economics and Business,
Moscow Economic Institute, Moscow
olga1-92@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется роль цифровых технологий в снижении издержек и повышении эффективности бизнеса в условиях современной экономики. Основное внимание уделяется трём ключевым направлениям: автоматизации бизнес-процессов, использованию облачных сервисов и организации удалённой работы. На основе анализа статистических данных, кейсов российских компаний и экспертных оценок представлен расчёт потенциальной экономии по каждому направлению. Доказано, что комплексное внедрение цифровых решений позволяет малым и средним предприятиям сокращать операционные затраты на 15–25%, а крупным корпорациям — на десятки миллиардов рублей ежегодно. Особое внимание уделяется стратегическому значению цифровизации для обеспечения технологического суверенитета и конкурентоспособности России в условиях глобальных вызовов.

Ключевые слова: цифровизация, экономия издержек, автоматизация, облачные сервисы, удалённая работа, операционная эффективность, российский бизнес.

Abstract. The article examines the role of digital technologies in reducing costs and improving business efficiency in the modern economy. The main focus is on three key areas: automation of business processes, the use of cloud services and the organization of remote work. Based on the analysis of statistical data, case studies of Russian companies and expert assessments, the calculation of potential savings for each area is presented. It is proved that the comprehensive implementation of digital solutions allows small and medium-sized businesses to reduce operating costs by 15–25%, and large corporations by tens of billions of rubles annually. Special attention is paid to the strategic importance of digitalization for ensuring technological sovereignty and competitiveness of Russia in the face of global challenges.

Key words: digitalization, cost savings, automation, cloud services, remote work, operational efficiency, Russian business.

В условиях санкционного давления, глобальной турбулентности и необходимости «мощного рывка вперёд» — идеи, актуализированной В.В. Жириновским, — российский бизнес стоит перед жёстким выбором: оптимизировать издержки или потерять конкурентоспособность. Цифровая трансформация перестала быть опцией и стала императивом выживания и развития. Наиболее действенными инструментами экономии ресурсов сегодня являются не разовые сокращения, а системное внедрение технологий, меняющих саму логику ведения бизнеса.

Следует выделить следующие «три столпа цифровизации» — автоматизация, облачные сервисы и удалённая работа. Которые помогают компаниям не просто экономить, но и создавать новые конкурентные преимущества.

1. Автоматизация бизнес-процессов: от рутины к эффективности.

Автоматизация рутинных операций — наиболее очевидный путь к сокращению затрат. Речь идёт не только о промышленных роботах, но и о программных роботах (RPA -Robotic Process Automation) для офисной работы.

Потенциал экономии:

- снижение трудозатрат. Автоматизация процессов в бухгалтерии, кадровой службе, приёмке и обработке заказов позволяет высвободить до 30% времени сотрудников [1]. Например, внедрение RPA для обработки счетов-фактур снижает затраты на одну операцию с 150–200 рублей до 15–20 рублей [5];
- минимизация ошибок. Человеческий фактор в рутинных операциях — источник до 5% финансовых потерь. Автоматизация сводит эти ошибки к нулю, экономя компании на исправлении последствий;
- ускорение процессов. Время выполнения типовых процессов (согласование, отчётность) сокращается в 3–5 раз, что напрямую влияет на оборачиваемость капитала.

Расчёт для среднестатистической компании (100 сотрудников): годовые затраты на зарплату административного персонала (30 чел.) — 18 млн руб. Автоматизация 50% их рутинных задач позволяет перенаправить или оптимизировать 7–8 штатных единиц, сэкономя 4,2–4,8 млн руб. в год.

2. Облачные сервисы (SaaS): от капитальных затрат к операционным.

Переход с собственных серверов и лицензионного ПО на облачные сервисы по модели подписки (SaaS — Software as a Service) кардинально меняет структуру IT-бюджета. [7]

Потенциал экономии:

- отказ от капитальных вложений. Не нужно покупать дорогое серверное оборудование (экономия от 500 тыс. до нескольких млн рублей единовременно);
- снижение эксплуатационных расходов. Исчезают затраты на обслуживание, апгрейд, электроэнергию и содержание IT-персонала. Затраты становятся предсказуемыми и масштабируемыми;
- доступ к лучшим практикам. Подписка даёт доступ к постоянно обновляемым функциям, которые самостоятельно разработать было бы дорого.

Сравнительный анализ затрат. Для компании, нуждающейся в CRM-системе, ERP и инструментах аналитики:

- локальное решение. Затраты на лицензии, серверы, внедрение и 2 IT-специалиста ~3,5 млн руб./год.
- облачное решение (например, на базе российских платформ «VK Облако», «Яндекс.Облако»). Абонентская плата за нужный набор сервисов ~0,7–1,2 млн руб./год.
- годовая экономия: 2,3–2,8 млн руб. (65–80%).

3. Удалённая и гибридная работа: оптимизация самых больших статей бюджета. Пандемия доказала эффективность удалённого формата, который в постковидную эпоху трансформировался в гибридную модель, приносящую значительную финансовую выгоду.

Потенциал экономии:

- сокращение расходов на офис. Аренда, коммунальные услуги, содержание — одна из крупнейших статей расходов. Переход на гибридную модель с hot-desking позволяет сократить арендуемую площадь на 30–50% [2]. Для московской компании с офисом 500 кв. м экономия на аренде составит 3–6 млн руб. в год;
- рост производительности. Снижение непродуктивных потерь времени на дорогу и совещания по данным исследований повышает производительность на 10–15% [3], что эквивалентно увеличению выручки без роста фонда оплаты труда;
- доступ к кадровому резерву: Возможность нанимать таланты по всей России без их переезда снижает затраты на релокационные пакеты и позволяет предлагать конкурентную, но не завышенную зарплату по региональным меркам.

Цифровые технологии — не просто инструменты, а новая парадигма ведения бизнеса, напрямую отвечающая на вызовы времени и стратегическую задачу технологического суверенитета. [6] Как показал анализ, экономический эффект от внедрения носит комплексный характер:

- 1) прямая финансовая экономия складывается из сокращения зарплатного фонда за счёт автоматизации, перевода ИТ-затрат в операционные и снижения расходов на офисную инфраструктуру;
- 2) косвенная экономия проявляется в росте производительности, скорости принятия решений, уменьшении операционных рисков и повышении гибкости бизнеса.

Для достижения «мощного рывка вперёд» российским компаниям, особенно малым и средним, рекомендуется:

- провести аудит бизнес-процессов и начать с автоматизации самых трудоёмких и рутинных;
- активно переходить на отечественные облачные SaaS-решения для снижения зависимости и затрат;
- внедрять гибридные модели работы, закрепляя экономический эффект и повышая привлекательность как работодателя [4].

Государству, в свою очередь, стоит усиливать поддержку программ цифровизации МСП через субсидии, образовательные программы и развитие защищённой отечественной цифровой инфраструктуры. Только совместными усилиями бизнеса, образовательного сообщества и государства можно реализовать тот самый «рывок», обеспечив России лидерство в формирующемся цифровом миропорядке.

Однако для перехода от точечной экономии к системной трансформации необходима стратегическая перестройка управленческой парадигмы. Цифровизация должна восприниматься не как затратный ИТ-проект, а как инвестиция в новую бизнес-модель, где экономия ресурсов является следствием повышения скорости, качества и гибкости всех операций [8].

Важнейшим элементом успеха становится развитие внутренней цифровой культуры и компетенций. Экономия от внедрения облачных сервисов или RPA может быть нивелирована сопротивлением сотрудников или неэффективным использованием новых инструментов [9], следовательно, инвестиции в переобучение персонала, создание внутренних центров цифровых компетенций и изменение КРІ руководителей являются критически важными. Это напрямую перекликается с идеей «экономики для народа», когда технологический прогресс не приводит к социальному отчуждению, а, напротив, повышает ценность человеческого капитала, освобождая его от рутины для решения творческих и стратегических задач.

В контексте обеспечения технологического суверенитета особую роль играет формирование замкнутого цикла разработки и внедрения: от фундаментальных исследований в области искусственного интеллекта и больших данных до создания удобных и безопасных отечественных платформ для бизнеса [10]. Государственная поддержка должна быть сфокусирована не только на субсидиях для покупки ПО, но и на стимулировании спроса на российские цифровые решения, создании «песочниц» для тестирования инноваций и развитии цифровой инфраструктуры в регионах. Это позволит создать самоподдерживающуюся экосистему, в которой успех одного предприятия, сэкономившего ресурсы благодаря отечественному софту, становится стимулом для развития всего рынка.

Таким образом, цифровая трансформация как драйвер экономии ресурсов предстает в трех взаимосвязанных измерениях:

- операционном (непосредственное снижение издержек);
- стратегическом (переход на новые модели работы и создание устойчивых преимуществ);
- суверенном (формирование независимой технологической базы для развития).

Реализация этого комплексного подхода — именно тот «мощный рывок вперед», который способен перевести российскую экономику на траекторию опережающего роста, основанного не на сырьевой ренте, а на интеллектуальной эффективности и технологическом лидерстве.

Список литературы

1. Гагарин А.В., Смирнова Т.К. Цифровая трансформация бизнес-процессов: теория и практика внедрения RPA // Вестник университета мировых цивилизаций. — 2023. — № 4(25). — С. 45–59.
2. Зобов А.Е., Тимофеева К.Д. Технологический суверенитет и кадры для цифровой экономики: вызовы для системы образования // Высшее образование в России. — 2023. — Т. 32. — № 5. — С. 23–37.
3. Иванова О.П. Гибридная модель работы: экономические и социальные последствия для российских компаний // Экономика и управление. — 2024. — № 2(112). — С. 78–89.
4. Петрова Е.Л. Удалённая занятость: мифы и реальность производительности // Социологические исследования. — 2023. — № 5. — С. 64–75.
5. Семенов В.П. Стратегии цифровой трансформации: от эффективности к суверенитету // Российский экономический журнал. — 2024. — № 1. — С. 34–48.
6. Bloom N., Liang J., Roberts J., Ying Z.J. Does Working from Home Work? Evidence from a Chinese Experiment // The Quarterly Journal of Economics. — 2015. — Vol. 130. — No 1. — P. 165–218.
7. Brynjolfsson E., Horton J.J., Ozimek A., Rock D., Sharma G., TuYe H.Y. COVID-19 and Remote Work: An Early Look at US Data // NBER Working Paper. — 2020. — No 27344.
8. McAfee A., Brynjolfsson E. Machine, Platform, Crowd: Harnessing Our Digital Future. — W.W. Norton & Company, 2017. — 402 p.
9. Rogers D.L. The Digital Transformation Playbook: Rethink Your Business for the Digital Age. — Columbia University Press, 2016. — 288 p.
10. Kane G.C., et al. The Technology Fallacy: How People Are the Real Key to Digital Transformation. — The MIT Press, 2019. — 264 p.

ПРОБЛЕМА СТИМУЛИРОВАНИЯ И МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА КОМПАНИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

А.Н. Павлова

старший преподаватель,
РУТ (МИИТ),
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
roat-pavlova@yandex.ru

THE PROBLEM OF STIMULATING AND MOTIVATING THE COMPANY'S PERSONNEL IN MODERN CONDITIONS: SEPARATE WAYS TO SOLVE IT

A.N. Pavlova

Senior Lecturer,
ROOT (MIIT),
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
roat-pavlova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблематика мотивации персонала посредством отдельных аспектов стимулирования. Проведено исследование факторов, имеющих для работника решающее мотивационное влияние для эффективной работы; выполнена оценка мотивов трудового поведения и предложены мероприятия для создания эффективной системы стимулирования персонала.

Ключевые слова: стимулирование, мотивация, система стимулирования, эффективность персонала.

Abstract. The article discusses the problem of motivating personnel through certain aspects of incentives. A study was conducted of factors that have a decisive motivational influence for an employee to work effectively; assessment of the motives of labor behavior was carried out and measures were proposed to create an effective system for stimulating personnel.

Key words: stimulation, motivation, incentive system, staff efficiency.

В периоды экономической неопределенности, геополитических угроз, общей нестабильности общественные настроения и ценности людей могут изменяться, что влияет на их отношение к работе и преданность компании, в которой они являются функциональным звеном — персоналом. Принятие во внимание руководством возможных изменений в данном плане «поможет руководителям разработать эффективные стратегии управления различных типов людей, чтобы поддержать мотивацию сотрудников и обеспечить успешное функционирование организации в сложных условиях» [1].

Дэниел Пинк в своих исследованиях определяет, что «мотивация — это внутренняя сила, которая стимулирует нас к действию и помогает достигать поставленных целей» [2, с. 21].

В рамках сферы управления мотивацию можно представить как «основной процесс управления человеком, направленный на побуждение мотивов работников и созданию стимулов для их активации к эффективному труду» [3].

На практике мы часто отмечаем, что каждый человек обладает определенной специфической для него структурой трудовой мотивации, зависящей от его индивидуальных особенностей, опыта, характера усвоенных трудовых норм и ценностей.

Поэтому знание факторов мотивации персонала является для руководителя одним из основополагающих, поскольку именно соотношение внутренних и внешних факторов мотивации является основой для сопоставления интересов сотрудника и компании, и разработки системы мотивации для него.

Мотивация определяет основу потенциала сотрудников компании и совокупность свойств, непосредственно влияющих на трудовую деятельность [4]. Очевидно, что существует связь между мотивацией персонала предприятия и результативностью работы сотрудников, поэтому эффективная трудовая деятельность возможна лишь при построении оптимальной системы мотивации труда.

Одним из главных элементов мотивации персонала является стимулирующий аспект деятельности, но и он имеет свою проблематику.

С целью выявления проблем стимулирования персонала недостаточно рассматривать отдельные количественные показатели деятельности персонала компании. Необходимо понимание, почему сотрудник в качественном аспекте проявляет различный уровень эффективности труда, что им движет, что его в наибольшей степени простимулирует на более высокие результаты? Ведь результат каждого по отдельному — формирование общей деятельности компании, направленный на достижение положительных финансовых результатов. Поэтому необходимо рассмотреть эту проблематику.

Итак, в качестве отдельного инструментария можно предложить использование метода обратной связи посредством анонимного анкетирования сотрудников.

В исследовании в качестве примера разберем среднестатистическую компанию X, которая работает в сфере производства пластмассы и относится к субъектам малого предпринимательства.

В рамках исследования весь персонал компании разделим на 2 выделенные категории сотрудников: офисные работники и производственные работники.

По результатам анализа рассмотрим, как каждая категория будет представлена при анкетировании по вопросу удовлетворенности стимулированием и мотивацией труда.

Всего в исследовании участвовало 50 респондентов, из них 19 — офисные руководители и специалисты, 31 — производственный персонал.

Задачей респондентов являлась выборка факторов, имеющих для работника решающее мотивационное влияние для эффективной работы. Ответы первой группы респондентов, офисных руководителей и специалистов, обобщены на рис. 1.

Полученные ответы второй группы респондентов, производственных работников, обобщены на рис. 2.

Анализируя полученные результаты, видим, что для «белых воротничков» наибольший приоритет отдается высокой заработной плате и возможности сделать карьеру, тогда как у «производственников» главный мотивационный аспект — высокая заработная плата, а все остальное рассматривается далеко не как важный аспект работы.

Если первой группе респондентов важны не только финансовые мотивации, но и, например, публичное признание, то вторая группа респондентов интереса к такому стимулированию особо не проявляет.

В дополнение к опросу респондентам также предлагается оценить мотивы трудового поведения.

Полученные результаты были сформированы в табл. 1.

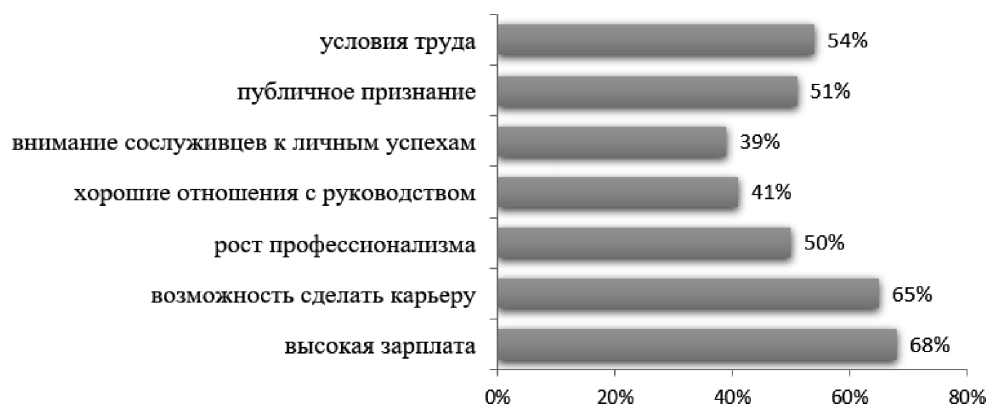

Рис. 1. Ответы участников опроса (офисных руководителей и специалистов) о важных для них факторах мотивации

Рис. 2. Ответы участников опроса (производственный персонал) о важных для них факторах мотивации

Таблица 1

**Оценка мотивов
трудового поведения сотрудников компании
в % от общего количества участников**

Мотивы трудового поведения сотрудников	Степень влияния				
	Большое	Среднее	Незначи- тельное	Не имеет значения	Затрудняюсь ответить
Желание и использование усилий для получения большей оплаты труда	68	32			
Опасения потерять работу		54	46		
Усилия по избеганию различного рода наказаний и депремирования	2	40	58		
Желание продвижения по должности	5	22%	1	12%	
Удовлетворение от грамотно и в срок выполненных работ	56	36	3	5	
Усилия по формированию дружеских отношениям с коллегами	55	25	15		5
Усилия к росту уважения со стороны руководителя, товарищей по работе	45	25			30
Ответственность за выполняемую работу		31	42	1	26
Осознание значимости выполняемых производственных задач	15	42	28		15
Желание проявить в работе инициати- ву, чтобы сделать ее лучше	24	42	34		

Результаты проведенного исследования позволяют определить факторы, которые, по мнению самих работников, в наибольшей степени оказывают влияние на их эффективную работу.

Наиболее выигрышными позициями являются: стремление к получению большей заработной платы; стремление к хорошим отношениям с коллегами; стремление к признанию и уважению; стремление к продвижению по службе; удовлетворение от хорошо выполненной работы, а также стремление к самовыдвижению и инициативе в труде.

Проведение таких анкетирований позволит компании более лояльно посмотреть на позицию увеличения эффективности труда за счет правильных мотивационных основ организации труда персонала. Ведь кому-то важен «пряник» (благодарность, материальное стимулирование), а кому-то, увы, нужен «кнут» (заработная плата в зависимости от эффективности личного труда).

Довольно часто в компаниях при мониторинге проблем мотивации выявляется, что в рамках изменяющейся среды рынка у персонала компании наибольшую неудовлетворенность вызывает: материальная мотивация, при которой заработная плата носит уравнилительный характер, распределение заработной платы без учета вклада каждого в конечный результат деятельности экономического субъекта хозяйствования («жесткий» оклад), невозможность профессионально — должностного развития («рожденный ползать летать не может»).

В рамках отдельных мероприятий по улучшению организации труда в современных компаниях предлагается (рис.3):

Рис. 3. Мероприятия по совершенствованию стимулирования персонала

Отчасти решением проблематики вопроса может послужить использование гибкой оплаты труда для управленческих кадров на основе КРП. Кроме этого, не лишним будет внедрение для руководителей и специалистов системы оплаты труда на основе разрядов. Присвоение каждого из разрядов можно осуществлять с учетом различных факторов: образования, опыта работы, ответственности.

Кроме того, немаловажным предлагается формирование и использование гибкой системы премирования, в которой будет использоваться коэффициент трудового участия, для начисления которого могут быть использованы конкретные факторы конкретного в рамках специфики и особенностей деятельности каждой компании, понижающие и понижающие размер премии в зависимости от личных рабочих достижений сотрудника.

С целью стимулирования сотрудников, имеющих потенциал развития, можно предложить изменить подход к формированию кадрового резерва на вакантные должности руководящего состава компании. Предлагается разработать систему баллов, которая позволит принять участие в отборе на замещение вакантных должностей руководителей, желающих должностного продвижения. Для оценки кандидатов может быть использована оценка анкетных данных; оценка профессиональных достижений; оценка мотивации служащего к должностному развитию; участие в решении практических заданий и самопрезентация.

При этом главным аспектом всей системы должно стать соблюдение принципа равенства, когда результаты будут очевидны и справедливы, исключают субъективность отбора, одновременно повысят мотивацию персонала, которые ранее не могли претендовать на участие в кадровом резерве по различным причинам, в том числе и предвзятого характера. Выстроенная таким образом система отбора персонала в кадровый резерв достаточно прозрачна и понятна, а результаты выбора очевидны и аргументированы.

Список литературы

1. Булавина М.А., Новосельский С.О., Измestьев Д.М. Организационно-экономический механизм управления бизнес-процессами производства металлоконструкций в условиях кризиса // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2024. — Т. 15. — № 2(43). — С. 68–74.
2. Гагарина М.В. Институциональная модель структурной трансформации агропромышленного комплекса в условиях технологической модернизации / М.В. Гагарина // Инновации и инвестиции. — 2026. — № 3. — С. 343–345.

3. *Еременская Л.И., Степнова О.В., Боброва О.М.* Исследование проблемы физического воспитания в образовательной среде технического вуза: мнения студентов // *Перспективы науки и образования*. — 2021. — № 3(51). — С. 127–139.
4. *Конобеева А.Б.* Проектный менеджмент в деятельности компании / А.Б. Конобеева // *Вестник Университета мировых цивилизаций*. — 2025. — Т. 16. — № 3 (48). — С. 67–73.
5. *Коротков Э.М.* Антикризисное управление + дополнительные материалы в ЭБС: учебник для вузов / Э.М. Коротков. — М.: Изд-во Юрайт, 2021. — 406 с.
6. *Мотивация и стимулирование трудовой деятельности: учебник* / под ред. д-ра экон. наук О.К. Миновой. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2024. — 275 с. + Доп. материалы [Электронный ресурс]. — (Высшее образование). — DOI 10.12737/981560. — ISBN 978-5-16-018886-7. — Текст: электронный. — URL: <https://znanium.com/catalog/product/2075159> (дата обращения: 19.03.2026). — Режим доступа: по подписке.
7. *Парахина Л.В.* Теоретические аспекты мотивации и стимулирования персонала в системе управления компанией / Л.В. Парахина, В.В. Солодкин // *Прикладные экономические исследования*. — 2023. — № 3. — С. 16–24.
8. *Пинк Д.* Драйв: что на самом деле нас мотивирует / Д. Пинк — М.: Альпина Паблишер, 2012. — 274 с.
9. *Саморукова Г.В.* Развитие малого бизнеса России в условиях санкций / Г.В. Саморукова, А.В. Карих // *Современные тенденции управления и экономики в России и мире: цивилизационный аспект: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 29 февраля 2024 года*. — М.: Издат. дом «УМЦ», 2024. — С. 213–225.
10. *Зейналова Л.М.* Сущность феномена коррупции как социально-правового явления // *Теория права и межгосударственных отношений*. — 2019. — № 2 (10). — С. 79–86.
11. *Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А.* Теоретико-методические проблемы формирования национальной идеи Российской Федерации // *Актуальные политические и исторические вопросы современности. Сборник статей*. — М., 2020. — С. 160–176.
12. *Слуцкий Л.Э., Васецкий Н.А., Слоботчиков О.Н.* Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография в 2-х т. / Том 1. Россия — государство-цивилизация. — М., 2024. — 384 с.

ЭКОНОМИКА СЧАСТЬЯ: ПОИСК НОВОГО БАЛАНСА МЕЖДУ ГЛОБАЛЬНЫМИ ТРЕНДАМИ И МЕЗОЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ

С.А. Попова

кандидат экономических наук, доцент,
руководитель научного центра по исследованию истории и развития мировых цивилизаций,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
svetpopzhuk@yandex.ru

И.В. Датченко

доктор экономических наук, доцент,
ректор,
АНО ДПО «Московская международная академия непрерывного образования и социальных исследований
“Цивилизационное обновление”»

THE ECONOMICS OF HAPPINESS: THE SEARCH FOR A NEW BALANCE BETWEEN GLOBAL TRENDS AND MESO-CIVILIZATIONAL IDENTITY

S.A. Popova

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,
Head of the Scientific Center for the Study of the History and Development of World Civilizations,
V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
svetpopzhuk@yandex.ru

I.V. Datchenko

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Rector,
Moscow International Academy of Continuing Education and Social Research “Civilizational Renewal”»

Аннотация. В статье исследуется концепция «экономики счастья» как ответ на кризис модели бесконечного материального роста и возрастающую рискогенность жизнедеятельности в условиях смены миропорядка. Автор обосновывается недостаточность традиционных макроэкономических показателей и доминирующих научных подходов для оценки реального благополучия населения. В качестве методологической основы предлагается использование цивилизационной парадигмы, которая позволяет выйти за рамки глобо- и микроанализа и сфокусироваться на мезоцивилизационном (страновом и региональном) уровне. Именно на этом уровне формируется уникальный баланс между универсальными глобальными трендами (цифровизация, «зеленая» повестка) и локальной культурно-исторической идентичностью. Автор анализируется национальные особенности (коллективистские или индивидуалистские ценности, отношение к материальным и духовным благам, повседневные практики), которые формируют различные доминанты «счастливой жизни». На примере конкретных страновых моделей (Бутан со своим «Валовым Национальным Счастьем», скандинавская концепция «хюгге» и японская «икигай») показана эволюция от философских категорий к измеримым инструментам экономической политики. Делается вывод, что экономическая политика будущего должна стать политикой «точной настройки», интегрирующей глобальные изменения в гармонии с цивилизационным кодом региона для обеспечения подлинного благополучия человека.

Ключевые слова: экономика счастья, региональная экономика, культура, региональная специфика, цивилизационные особенности, мезоцивилизационная идентичность.

Abstract. The article explores the concept of the «happiness economy» as a response to the crisis of the model of endless material growth and the increasing risk of living in a changing world order. The author substantiates the insufficiency of traditional macroeconomic indicators and dominant scientific approaches to assess the real well-being of the population. The use of a civilizational paradigm is proposed as a methodological basis, which allows us to go beyond global and microanalysis and focus on the mesocivilizational (country and regional) level. It is at this level that a unique balance is formed between universal global trends (digitalization, the «green» agenda) and local cultural and historical identity. The author analyzes the national

characteristics (collectivist or individualistic values, attitudes towards material and spiritual goods, everyday practices) that form the various dominants of a «happy life». Using the example of specific country models (Bhutan with its «Gross National Happiness», the Scandinavian concept of «hygge» and the Japanese «ikigai»), the evolution from philosophical categories to measurable instruments of economic policy is shown. It is concluded that the economic policy of the future should become a policy of «fine tuning», integrating global changes in harmony with the civilizational code of the region to ensure genuine human well-being.

Key words: economy of the region, regional economy, culture, regional specifics, civilizational features, mesocivilizational identity.

Экономика счастья не просто отдельная наука или даже стратегически важное направление в гуманитарном знании. Нарастание цивилизационных разломов, кризис модели бесконечного роста, истощенность социально-экономических форматов, основанных исключительно на материальном потреблении, со всей остротой обозначили вопрос о поиске новых ориентиров развития. Традиционные показатели, например такой как ВВП на душу населения, все чаще критикуется за свою неспособность отразить реальную проблематику рискогенной жизнедеятельности, истинное социальное самочувствие и психоэмоциональное благополучие строителей цивилизации знания и риска. В этих условиях концепция «экономики счастья» перерастает рамки узкоспециальных исследований, превращаясь в центральный элемент дискуссий о будущем мироустройства и соответственно миропорядка.

За последние годы количество исследований в области экономики счастья постоянно увеличиваются. Эти исследования посвящены не только изучению данного понятия как отдельного феномена, но и как совокупной системы научного знания [1; 5; 6; 10].

Однако теоретические и прикладные наработки в этой сфере зачастую остаются в рамках доминирующей парадигмы, которая большей частью выделяет глобо-, макро- и микроподходы. Поэтому целесообразно использовать подход, который используется в цивилизационистике при анализе социосферных объектов. Цивилизационная парадигма предлагает следующую градацию:

- - наноцивилизации;
- - миницивилизации;
- - микроцивилизации;
- - мезоцивилизации;
- - макроцивилизации;
- - мегацивилизации;
- - глобоцивилизации¹.

Из всего представленного многообразия, как показывает анализ, наименее исследованным является мезоуровень, то есть фундаментально упускается из виду ключевую роль регионов как основы для формирования динамической реальности. Именно на (страновом) мезоуровне с его набором уникальных культурно-исторических кодов, институциональной средой и ресурсным потенциалом, происходит апробация моделей, которые впоследствии могут стать доминирующими на более крупных уровнях.

Современный этап глобального развития характеризуется становлением нового миропорядка, в основе которого — переход от унифицированной глобализации к многополярному миру, где возрастает значение национальных моделей развития [4; 7–9]. В этом контексте страновая мезоцивилизационная экономическая политика становится ключевым механизмом формирования «счастливой жизни» — концепта, который, вопреки попыткам глобального стандарта, глубоко укоренен в национальной специфике.

Именно смена доминант страновой мезоцивилизационной экономической политики стала той точкой бифуркации, от которой берет начало процесс формирования нового миропорядка. Такие приоритеты, как «суверенизация» экономик, развитие «зеленой» энергетики, цифровая трансформация и, в конечном счете, стремление к решению проблем рискогенной жизнедеятельности и тем самым «счастья» населения, перестали быть лишь внутренним делом отдельных стран. Они превратились в геоэкономические инструменты, конкурирующие между собой и создающие новые полюса притяжения [2].

¹ Кирсанов К.А., Попова С.А. История и развитие мировых цивилизаций: учебник в 4 ч. Часть 1. / К.А. Кирсанов, С.А. Попова. — М.: Издат. дом «УМЦ», 2024. — 180 с.

Выделим в связи с этим один из моментов, который очень часто упускается из вида, когда говорится о доминантах формирования счастливой жизни, — это национальные мезоцивилизационные особенности жизнедеятельности населения.

Наиболее ярко национальные особенности проявляются в балансе между индивидуальными цивилизационными достижениями и благополучием группы в критериях цивилизационного счастья с упором на решение вопросов экономики счастья.

В коллективистских культурах, характерных для многих (стран) цивилизационных идентичностей Азии (Китай, Япония, Корея), Латинской Америки, Ближнего Востока и России, доминантой счастливой жизни является гармония в отношениях и чувство принадлежности. Счастье индивида неотделимо от счастья его семьи (миницивилизационные проблемы), клана (микроцивилизационные проблемы), общины (мезоцивилизационные проблемы). Здесь высоко ценится взаимопомощь, уважение к старшим, выполнение своего долга перед родными и обществом. Успех, достигнутый в одиночку (на наноцивилизационном уровне), вне контекста социального признания и поддержки семьи и других структурных групп, может считаться неполноценным. Например, в японской концепции «икугай» (ikigai) — смысла жизни — огромная роль отводится ощущению своей нужности и полезности для других. В арабских странах счастье тесно связано с гостеприимством и поддержанием теплых, прочных отношений с широким кругом родственников. Эффективная политика должна поддерживать эту специфику, развивая не столько крупные мегаполисы, сколько сети малых и средних городов с комфортной средой; финансируя общественные центры, праздники, локальные инициативы. Инвестиции в человеческий капитал здесь так же важны, как и в инфраструктуру.

В индивидуалистских культурах (наноцивилизациях), доминирующих в Северной Америке, Западной и Северной Европе, Австралии, акцент смещен на личные достижения, самореализацию и автономию. Счастье — это результат самостоятельного выбора, личных усилий и свободы от излишних социальных обязательств. Здесь поощряется независимость, право на приватность и карьерный рост как способ самоутверждения. Скандинавская концепция «лагом» в Швеции, означающая «не слишком много, не слишком мало — в самый раз», отражает стремление к счастью через умеренность, баланс между работой и личной жизнью, но этот баланс выстраивается, прежде всего, для личного комфорта, а не для соответствия ожиданиям группы. Политика здесь фокусируется на создании равных возможностей, а не равных результатов, и на защите прав личности.

Второй ключевой аспект — это соотношение материального благополучия и духовного удовлетворения. Однако это, как правило, упрощенная дихотомическая постановка вопроса. Цивилизационная парадигма требует резкого расширения концептуальной основы рассмотрения исследуемой темы.

Прежде всего, требуется учесть, что в обществах, сформированных под влиянием буддизма, даосизма или индуизма (Юго-Восточная Азия, Индия, Непал), доминирующей идеей является отказ от чрезмерных привязанностей и стремление к внутренней гармонии. Счастье здесь — это состояние ума, достигаемое через самопознание, медитацию и умеренность. Материальный успех не отрицается, но он не считается конечной целью. Бхутанская концепция «Валового Национального Счастья», которая ставится выше Валового Внутреннего Продукта, — яркий пример институционализации этой идеи. Счастье измеряется экологическим благополучием, сохранением культурных традиций и качеством управления процессами рискогенной жизнедеятельности.

В протестантской традиции, исторически повлиявшей на культуру США и Северной Европы, изначально существовала связь между материальным успехом и божественным благословением. Это породило так называемую «Протестантскую трудовую этику», где трудолюбие, бережливость и финансовый успех стали не только средством выживания, но и маркером добродетельной жизни, а значит, и счастья. Однако в современных скандинавских странах эта идея трансформировалась: высокие налоги и социальные гарантии обеспечивают материальную безопасность, которая, в свою очередь, считается фундаментом для спокойной и счастливой жизни, свободной от экзистенциальных тревог. Но сегодня эта «счастливая жизнь» уходит в историю. мироустройство меняется радикальным образом.

В культурах, переживших период дефицита или экономических потрясений (как, например, в постсоветских странах), материальная обеспеченность и стабильность часто выходят на первый план как доминанта счастья. Возможность иметь собственное жилье, надежную работу, доступ к качественным товарам и услугам воспринимается не как база, а как сама цель, достижение которой и приносит ощущение счастья и социальной состоятельности.

Национальные особенности проявляются и в повседневных ритуалах и практиках, которые конструируют ощущение счастливой жизни.

Доминантой культуры Юга Европы (Италия, Испания, Греция) является умение радоваться жизни здесь и сейчас — концепция *«dolce far niente»* («сладкое ничегонеделание») в Италии или *«сиеста»* в Испании. Счастье ассоциируется с солнечным светом, вкусной едой, живым общением за столом, шумными семейными праздниками. Это гедонистический, но глубоко социальный подход, где ценность представляет сам процесс жизни, а не только его итоги. Но и эта концепция сегодня находится в стадии глубокой модернизации. Понятие счастья меняется, но почему, зачем и главное в какую сторону неизвестно. Для ответа на эти вопросы требуется сменить понятийно-концептуальную базу и перейти к понятию цивилизационное счастье [3].

В противовес южному гедонизму в скандинавских странах сформировались свои уникальные доминанты. Это тесная связь с природой в Норвегии — «жизнь на открытом воздухе») и создание уюта и комфорта («хюгге» в Дании). В условиях долгой зимы и недостатка света счастье ищут в простых радостях: в тепле свечей, чашке кофе в кругу близких, прогулке в лесу. Это счастье не как яркой вспышки, а как ровного, стабильного тепла.

Также прослеживаются национальные особенности с экономической политикой.

В странах с нестабильной политической историей или переживающих кризисы (например, некоторые государства Африки, Ближнего Востока) доминирующей является физическая и экономическая безопасность. Счастье здесь — это, прежде всего, отсутствие угрозы жизни, гарантия продовольственной безопасности и стабильности доходов.

Для таких регионов политика должна быть направлена на создание базовой инфраструктуры, надежных источников дохода (например, развитие агросектора), а также на диверсификацию экономики, чтобы уберечь ее от внешних шоков.

В то же время, в странах Северной Европы или Швейцарии, где базовая безопасность достигнута, понятие «стабильности» смещается в сторону социальных гарантий — уверенности в завтрашнем дне благодаря надежной пенсионной системе, бесплатной медицине и защите от безработицы. Экономическая политика здесь фокусируется на перераспределении благ и поддержании высокого качества социальных институтов.

В быстроразвивающихся экономиках Азии (Китай, Вьетнам) или в культурах, где высоко ценится социальный статус (США, страны Персидского залива), доминантой часто является материальное благосостояние. Уровень дохода, владение определенными благами (автомобиль, недвижимость) являются прямыми индикаторами успеха и счастья. Акцент делается на стимулировании экономического роста, поддержке предпринимательства и создании высокооплачиваемых рабочих мест.

В скандинавских странах или, например, в Бутане, где официально измеряется «Валовое национальное счастье», концепция благосостояния трансформируется в идею «достаточности» и баланс между работой и личной жизнью. Счастье — это не максимизация потребления, а наличие времени для семьи, хобби и самореализации вне работы. Политика здесь может включать регулирование рабочего дня, поддержку малого бизнеса в сфере досуга и развитие общественных пространств.

Экономическая политика будущего — это политика «точной настройки». Ее главная задача — не подгонять все страны под один показатель ВВП, а выявлять уникальные доминанты счастья для каждой культурно-исторической общности и создавать экономические условия для их реализации.

Успешной будет политика, которая сможет интегрировать глобальные тренды (цифровизацию, экологизацию) не вопреки, а в гармонии с национальными особенностями. Счастье человека в XXI веке все больше будет зависеть от способности его региона предложить ему не просто высокий доход, а осмысленную, безопасную и аутентичную жизнь в соответствии

с тем, что веками считалось ценным в его культуре. Именно это и станет главным конкурентным преимуществом и основой стабильности в новом, многополярном мире.

В этом случае выходим на проблему экономики счастья. Проблема эта носит междисциплинарный характер и требует переосмысления самих оснований экономической науки. Классическая и неоклассическая традиции рассматривали человека преимущественно как «Человек экономический» или «Человек рациональный» — то есть агента, который в цивилизационистике понимается как интеллектуально одарённый феномен, максимизирующий полезность в условиях ограниченных ресурсов. Однако, как убедительно демонстрируют национальные особенности, представленные выше, такая модель оказывается редукционистской. Она не учитывает ни культурно-исторического контекста, ни глубинных экзистенциальных потребностей человека, ни той роли, которую играют в его жизни социальные связи, идентичность и чувство принадлежности.

Экономика счастья, напротив, исходит из предпосылки, что экономическое развитие не является самоцелью, а лишь инструментом для достижения более фундаментальной цели — человеческого благополучия. Особую значимость в этой связи приобретает институциональный аспект. Экономика счастья невозможна без создания соответствующей институциональной среды, которая не только обеспечивает экономическую эффективность, но и формирует условия для реализации тех доминант счастливой жизни, о которых шла речь выше. В странах с коллективистской культурой такие институты должны быть ориентированы на поддержку общинных форм хозяйствования, развитие общественных пространств и механизмов соучаствующего управления. В индивидуалистских культурах, напротив, акцент делается на защите прав личности, обеспечении равных возможностей и институциональной поддержке индивидуальных траекторий самореализации.

Важно подчеркнуть, что экономика счастья не предлагает единого универсального рецепта благополучия. Напротив, она исходит из признания многообразия представлений о счастливой жизни и вариативности путей их достижения. Это ставит перед региональной (мезоцивилизационной) политикой задачу принципиально нового уровня сложности: необходимо не просто стимулировать экономический рост, а выявлять, поддерживать и развивать те уникальные сочетания экономических, социальных и культурных факторов, которые в данном конкретном регионе способствуют росту субъективного благополучия населения.

Такой подход требует и новой архитектуры межстранового взаимодействия. Их конкурентоспособность будет определяться не столько объемом производимых благ, сколько способностью предложить своим жителям и привлечь новых ту уникальную среду обитания, в которой экономическая эффективность органично сочетается с качеством жизни, а материальное развитие — с духовным комфортом.

Для того чтобы перейти от теоретических построений к практической реализации концепции экономики счастья, необходимо обратиться к анализу конкретных страновых моделей. Наиболее показательными в этом отношении являются примеры Бутана, скандинавских стран и Японии, где философские категории («валовое национальное счастье», «хюгге», «лагом», «икигай») были трансформированы в измеримые индикаторы и инструменты экономической политики.

Так, Бутан представляет собой уникальный пример, где концепция счастья стала не просто лозунгом, а основой национального планирования и конституционной нормой. Провозглашенная в 1970-х годах королем Джигме Сингье Вангчуком идея о том, что «Валовое Национальное Счастье (Gross National Happiness — GNH) важнее Валового Внутреннего Продукта», к XXI веку обрела форму строгого математического инструмента^{2, 3}.

С одной стороны, подход обеспечил сохранение культуры и уникальной экологии: более 50% территории страны покрыто лесами, что закреплено конституционно. Однако, как отме-

² Unfinished business: 50 years of Gross National Happiness and now GMC // URL: <https://thebhutanese.bt/unfinished-business-50-years-of-gross-national-happiness-and-now-gmc/#tab2> (дата обращения: 12.02.2026).

³ Bhutan's Gross National Happiness (GNH) Index // URL: https://www.oecd.org/en/publications/well-being-knowledge-exchange-platform-kep_93d45d63-en/bhutan-s-gross-national-happiness-gnh-index_ff75e0a9-en.html (дата обращения: 12.02.2026).

чают местные исследователи, молодое поколение бутанцев все чаще воспринимает GNH как теоретический концепт, не решающий проблему роста безработицы (особенно среди молодежи) и экономической стагнации. Ответом на этот вызов стал проект Гелепху: Город осознанности (Gelephu Mindfulness City — GMC). Это попытка интегрировать традиционные ценности с экономическим развитием, создав особую экономическую зону, где «благосостояние расширяет возможности и является инструментом благополучия»⁴. Бутан, таким образом, демонстрирует эволюцию модели: от простого противопоставления GNH и ВВП к поиску их синтеза в конкретных региональных проектах.

Другим примером является скандинавская модель, которая на основе культурных концептов (датский «хюгге», шведский «лагом») формирует запрос на экономическую политику, ориентированную на качество жизни. Такой запрос институционализируется посредством Института исследования счастья (Happiness Research Institute), который разработал метрику WALY (Well-being Adjusted Life Years — годы жизни с поправкой на благополучие). Это аналог QALY (Quality-Adjusted Life Year — год жизни с поправкой на качество) в здравоохранении, позволяющий оценивать эффективность государственных инвестиций не по спасенным годам жизни, а по годам жизни, прожитым в благополучии. На этой методологии сейчас строится датский проект «Тривсельсбанкен» (Trivselsbanken / The Wellbeing Bank) — открытая база данных для оценки социальных программ⁵.

Еще одним примером является Финляндия. В марте 2023 года в стране был утвержден «Национальный план действий для экономики благополучия на 2023–2025 годы»⁶. План включает 5 ключевых направлений, среди которых — интеграция мониторинга благополучия в процесс принятия решений на уровне государства, регионов и муниципалитетов, а также разработка соответствующих индикаторов⁷.

Японская концепция икигай («смысл жизни» или «то, ради чего стоит жить») глубоко укоренен в культуре и тесно связана с ощущением нужности и полезности для других. В условиях старения населения и депопуляции сельских районов эта философия стала основой для прагматичной региональной политики. В июне 2021 года базовый документ экономической политики — «Основная политика в области экономического и финансового управления и реформ» — зафиксировал, что ключевые показатели эффективности в государственных планах должны включать параметры благополучия. Для координации этой работы была создана Межведомственная конференция по благополучию, объединившая 11 министерств⁸.

Таким образом, поиск нового баланса между глобальными трендами и локальной идентичностью переходит от унификации к учету цивилизационных особенностей. Ключевой целью становится обеспечение «счастливой жизни», понимаемой по-разному в зависимости от национальных особенностей стран. При этом традиционные экономические модели оказываются недостаточными для анализа современных реалий, поскольку игнорируют человека как центральный элемент системы, а также недооценивают роль информационных потоков. Успешная экономическая политика будущего должна быть гибкой, учитывать локальные доминанты счастья в гармонии с национальными ценностями.

⁴ Unfinished business: 50 years of Gross National Happiness and now GMC // URL: <https://thebhutanese.bt/unfinished-business-50-years-of-gross-national-happiness-and-now-gmc/#tab2> (дата обращения: 12.02.2026).

⁵ Nasjonal livskvalitetsstrategi // URL: <https://www.regjeringen.no/no/dokumenter/nasjonal-livskvalitetsstrategi/id3111081/?q=korus&ch=6#id0064> (дата обращения: 12.02.2026).

⁶ Finland's National Action Plan for the Economy of Wellbeing 2023-25 and related initiatives // URL: https://www.oecd.org/en/publications/well-being-knowledge-exchange-platform-kep_93d45d63-en/finland-s-national-action-plan-for-the-economy-of-wellbeing-2023-25-and-related-initiatives_58931a45-en.html.

⁷ Finland's National Action Plan for the Economy of Wellbeing 2023-25 and related initiatives // URL: https://www.oecd.org/en/publications/2023/10/well-being-knowledge-exchange-platform-kep_daff0e85/finland-s-national-action-plan-for-the-economy-of-wellbeing-2023-25-and-related-initiatives_0388989e.html.

⁸ Japan's initiatives to integrate well-being evidence in policy making // URL: https://www.oecd.org/en/publications/2023/10/well-being-knowledge-exchange-platform-kep_daff0e85/japan-s-initiatives-to-integrate-well-being-evidence-in-policy-making_d3e0a3d7.html.

Список литературы

1. *Маркусенко Л.Н.* «Экономика счастья» и ее подходы к оценке благосостояния // В книге: Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость. материалы XI Международной научно-практической конференции. — 2018. — С. 290–291.
2. *Гранкин В.Ф., Новосельский С.О., Краснослободцева А.Д., Андрусова Е.Э., Данилов М.В.* Развитие мирового хозяйства в условиях геополитической нестабильности // Вопросы политологии. — 2023. — Т. 13. — № 11-2(99-2). — С. 6247–6259.
3. *Попова С.А.* Цивилизационное счастье и новая экономика // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2024. — Т. 15. — № 3(44). — С. 110–114.
4. *Рыбкин С.А.* Точка поворота при управлении экономическим ростом // Россия и мир: развитие цивилизаций. Уроки Великой Победы и новое мироустройство. Материалы XV международной научно-практической конференции. В 2-х ч. — М., 2025. — С. 489–493.
5. *Стахеева Л.М., Фетисова А.В., Фатеева Н.Б., Батракова С.И., Кружкова Т.И.* Особенности становления понятия «экономика счастья» в современном обществе // Образование и право. — 2023. — № 5. — С. 158–163.
6. *Скачкова Л.С., Герасимова О.Я., Кривошеева-Медянцев Д.Д., Яковлева Е.А.* Экономика счастья: исследование об исследованиях // Журнал институциональных исследований. — 2023. — Т. 15. — № 3. — С. 125–146.
7. *Тебекин А.В., Дементьева А.Г.* Национальная модель устойчивого развития как объект управления // Экономика строительства. — 2025. — № 10. — С. 276–280.
8. *Тимиргалеева Р.Р., Гришин И.Ю.* Государственное планирование как инструмент экономического развития современной России // Естественно-гуманитарные исследования. — 2025. — № 4 (60). — С. 520–526.
9. Укрепление экономического суверенитета России в условиях внешних вызов: монография / под ред. А.В. Русавской. — М.: Издат. дом «УМЦ», 2024. — 196 с.
10. *Ушаков В.В.* Экономика счастья: очередная теория или смена научной парадигмы? // Вестник Керченского государственного морского технологического университета. — 2018. — № 1. — С. 105–115.
11. *Булавина М.А., Новосельский С.О., Измestьев Д.М.* Организационно-экономический механизм управления бизнес-процессами производства металлоконструкций в условиях кризиса // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2024. — Т. 15. — № 2(43). — С. 68–74.
12. *Гагарина М.В.* Устойчивое развитие предприятий в эпоху цифровой трансформации / М.В. Гагарина // Вестник Национального Института Бизнеса. — 2025. — № 1(57). — С. 51–58.
13. *Зейналова Л.М.* Сущность феномена коррупции как социально-правового явления // Теория права и межгосударственных отношений. — 2019. — № 2(10). — С. 79–86.
14. *Павлова А.Н.* Человеческий капитал как стратегический фактор увеличения производительности труда и эффективности развития экономики страны / А.Н. Павлова // Повышение производительности труда на транспорте — источник развития и конкурентоспособности национальной экономики, Москва, 09 декабря 2022 года. — М.: ООО «Директ-Медиа», 2023. — С. 121–125.
15. *Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А.* Теоретико-методические проблемы формирования национальной идеи Российской Федерации // Актуальные политические и исторические вопросы современности. Сборник статей. — М., 2020. — С. 160–176.
16. *Слуцкий Л.Э., Васецкий Н.А., Слоботчиков О.Н.* Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография в 2-х т. / Том 1. Россия — государство-цивилизация. — М., 2024. — 384 с.

УСТОЙЧИВОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ПОДХОДЫ К МОНИТОРИНГУ И ОЦЕНКЕ

К.М. Рохмистров

аспирант,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

rokhmistrovkirill982@gmail.com

SUSTAINABILITY OF THE REGIONAL ECONOMY IN THE ERA OF DIGITAL TRANSFORMATION: APPROACHES TO MONITORING AND ASSESSMENT

K.M. Rokhmistrov

Postgraduate Student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

rokhmistrovkirill982@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена проблеме обеспечения устойчивости региональных экономических систем в условиях опережающего развития цифровых технологий и трансформации регуляторной среды. Актуальность исследования обусловлена наличием институционального разрыва между скоростью внедрения инноваций и темпами законотворчества, что порождает правовые «белые пятна» и риски для экономической безопасности. В работе анализируются два ключевых регуляторных инструмента формирования цифровой экономики: национальная система управления данными, направленная на упорядочивание государственных информационных массивов, и механизм экспериментальных правовых режимов («регуляторных песочниц»), позволяющий тестировать инновации в контролируемой среде. Автор обосновывает объективную необходимость перехода от разрозненных экспериментов к системной оценке цифрового компонента устойчивости регионов. Главным результатом исследования является авторская концепция архитектуры мониторинга, базирующаяся на принципах модульности, интеграции с Центрами управления регионами, применении технологий Больших данных, искусственного интеллекта и машинного обучения. Делается вывод, что внедрение предложенной модели позволит трансформировать мониторинг из инструмента пассивной фиксации показателей в механизм проактивного управления. Это создает возможности для прогнозирования кризисных явлений, минимизации рисков и выработки эффективных стратегических решений, способствуя устойчивому развитию регионов в цифровую эпоху.

Ключевые слова: цифровая экономика, региональная экономическая система, устойчивость, мониторинг, регуляторные инструменты.

Abstract. The article is devoted to the problem of ensuring the sustainability of regional economic systems in the context of the rapid development of digital technologies and the transformation of the regulatory environment. The relevance of the study is due to the existence of an institutional gap between the speed of innovation and the pace of lawmaking, which generates legal «white spots» and risks to economic security. The paper analyzes two key regulatory tools for the formation of the digital economy: the national data management system, aimed at streamlining government information arrays, and the mechanism of experimental legal regimes («regulatory sandboxes»), which allows testing innovations in a controlled environment. The author substantiates the objective need to move from disparate experiments to a systematic assessment of the digital component of regional sustainability. The main result of the research is the author's concept of monitoring architecture, based on the principles of modularity, integration with Regional Management Centers, the use of Big Data technologies, artificial intelligence and machine learning. It is concluded that the implementation of the proposed model will make it possible to transform monitoring from a passive indicator-fixing tool into a proactive management mechanism. This creates opportunities for predicting crisis events, minimizing risks, and developing effective strategic solutions, contributing to the sustainable development of regions in the digital age.

Key words: digital economy, regional economic system, sustainability, monitoring, regulatory tools.

Формирование цифровой экономики является важнейшей стратегической инициативой развития Российской Федерации в условиях внутренних и внешних глобальных вызовов. Од-

ним из важных факторов, способствующих успешной реализации Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»¹, становится внедрение эффективной системы регуляторных инструментов.

Внедрение такой системы в управленческий контур формирования цифровой экономики Российской Федерации будет способствовать достижению следующих ключевых положительных эффектов:

- стимулирование использованию цифровых платформенных решений в социально-экономическом развитии общества, а также в деятельности коммерческих бизнес-структур и органов государственного управления;
- выстраиванию четких и законодательно обоснованных механизмов между всеми субъектами отечественной цифровой экосистемы;
- достижение высокого уровня соответствия существующих организационно-экономических отношений в цифровом пространстве эволюционному развитию отечественной правовой базы;
- обеспечение необходимого уровня конкуренции и защиты от внешней экспансии отечественного цифрового пространства и представителей цифровой экосистемы.

Однако стремительное развитие технологий опережает темпы законодательства, что создает риски для устойчивости и безопасности цифровой среды.

Особая значимость при разработке системы регуляторных инструментов отводится регулированию национальной системы управления данными. На сегодняшний момент система отечественного государственного управления обладает огромным массивом данных, который нуждается в первую очередь в защите, а также в комплексной архивации для дальнейшего использования в качестве информационной базы для принятия разного рода управленческих решений. Основной задачей разработки и внедрения национальной системы управления данными является превращение государственных баз данных в управленческий ресурс.

Цикл создания национальной системы управления данными предусматривает реализацию следующих основных этапов:

- разработка методологических принципов и подходов к управлению различными типами и массивами данных государственных информационных систем;
- разработка базового нормативно-правового обеспечения функционирования национальной системы управления данными;
- разработка модели предотвращения угроз безопасности и несанкционированного доступа к информационным данным для обеспечения высокого уровня безопасности;
- разработка и тестирование пилотной модели национальной системы управления данными;
- корректировка пилотной модели национальной системы управления данными, стандартизация ее параметров и методологии с учетом требований цифрового законодательства.

Ключевое место в механизме функционирования национальной системы управления данными занимает «Проект единых требований по управлению государственными данными»². Основные направления реализации этого проекта представлены на рис. 1.

Под едиными требованиями к управлению государственными данными понимается совокупность обязательных и рекомендательных положений, регламентирующих деятельность государственных органов (включая органы местного самоуправления) и подведомственных организаций на всех этапах жизненного цикла данных. Указанные требования представляют собой комплекс организационных, нормативно-правовых, технологических, методологических и иных мер, направленных на обеспечение качества государственных данных.

Данный комплекс предусматривает разработку и унификацию правил по следующим направлениям:

¹ Паспорт национального проекта Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7). — URL: <https://base.garant.ru/72296050/> (дата обращения: 12.03.2026).

² Пояснительная записка «О формировании проекта единых требований по управлению государственными данными». — URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2019/12/PZ_trebovania_k_upravleniyu_gosdannymi.pdf?ysclid=mmx434uvq0983652396 (дата обращения: 12.03.2026).

- создание (формирование) и ведение государственных информационных систем и государственных информационных ресурсов;
- оценка и обеспечение качества государственных данных;
- формирование и актуализация нормативной справочной информации, включая ведомственные и общегосударственные справочники и классификаторы;
- порядок и регламенты обмена государственными данными между субъектами взаимодействия;
- систематизация и гармонизация государственных данных (обеспечение их семантической и структурной совместимости);
- применение информационно-телекоммуникационных технологий для обмена данными, включая требования к инфраструктуре (государственным информационным системам и иным компонентам), обеспечивающей реализацию мероприятий по управлению данными;
- организация мониторинга соблюдения вышеперечисленных требований и правил [3].

Рис. 1. Основные направления реализации «Проекта единых требований по управлению государственными данными»

Основной целью разработки и внедрения единых требований по управлению государственными данными является формирование и реализация условий для обеспечения (повышения) качества данных, содержащихся в государственных, муниципальных информационных системах, либо данных, которыми управляют государственные органы (органы местного самоуправления), в том числе на бумажном носителе.

Если национальная система управления данными призвана навести порядок в уже существующих массивах информации, то инструмент «регуляторных песочниц» ориентирован на будущее — создание безопасной среды для тестирования инноваций, еще не вписанных в жесткие рамки законодательства. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций»³ определил ключевые направления для установления экспериментальных правовых режимов, включая медицинскую деятельность, транспорт, сельское хозяйство, финансовый рынок, дистанционную торговлю, строительство, промышленное производство и другие сферы. На начало

³ Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций» // URL: <https://base.garant.ru/74451176/> (дата обращения: 12.02.2026).

2026 года в стране функционирует уже более 14 таких режимов, охватывающих различные отрасли экономики⁴.

Применение этого инструмента обусловлено тем обстоятельством, что динамика развития цифровых платформ и сервисов, а также механизмов функционирования отечественной цифровой экосистемы значительно превышает темпы регулирования данных процессов со стороны отечественного законодательства. Другими словами, на принятие новых нормативно-правовых актов, регулирующих те или иных общественно-правовые и организационно-экономические отношения в рамках развития цифровой экосистемы, уходит несколько месяцев, а то и большее. В то же время новый скачок в развитии цифрового пространства и ориентиров использования цифровых платформ может произойти в течение значительно меньшего временного интервала [11]. В результате отмеченного дисбаланса образуются так называемые «белые пятна» в российской правовом поле, которые крайне негативно сказываются на формировании цифровой экономики и повышают уровень ее криминализации.

Теоретическое осмысление процессов, происходящих на стыке цифровизации и регионального развития, требует обращения к фундаментальным концепциям устойчивости сложных систем. Анализ существующей теоретической базы позволяет выделить несколько ключевых подходов, обосновывающих необходимость предлагаемых изменений в системе мониторинга.

Во-первых, это концепция устойчивости социально-экономических систем, которая в контексте цифровой трансформации претерпевает существенную эволюцию. Классическое понимание устойчивости как способности системы возвращаться в равновесное состояние после воздействия возмущений (статическая устойчивость по Л. Вальрасу или А. Маршаллу) дополняется пониманием динамической устойчивости [2; 6]. В работе К. Перес подчеркивается, что внедрение технологических парадигм (в данном случае — цифровой) неизбежно вызывает структурные сдвиги и неравновесность [8]. Следовательно, региональная экономическая система должна обладать не столько способностью к сохранению статус-кво, сколько адаптивной устойчивостью — возможностью перестраивать свою структуру и параметры функционирования под воздействием цифровых факторов. Именно это смещение акцента от стабильности к адаптивности должно быть заложено в теоретическую основу разрабатываемой модели мониторинга. Вместо фиксации отклонений от плановых показателей система должна оценивать способность региона к реконфигурации ресурсов на базе цифровых платформ.

Во-вторых, значительный объяснительный потенциал имеет теория институциональных изменений [7; 9]. С этой точки зрения, «регуляторные песочницы» и национальная система управления данными предстают как механизмы преодоления институциональных ловушек и снижения транзакционных издержек. Возможное появление «белых пятен» в праве является классическим примером отставания формальных институтов (права) от неформальных практик и технологических реалий (цифровых платформ). Инструмент экспериментальных правовых режимов можно интерпретировать как способ «выращивания» новых формальных институтов в защищенной среде, что позволяет снизить неопределенность и создать предсказуемые «правила игры» для субъектов цифровой экономики в регионах. Следовательно, мониторинг устойчивости должен включать индикаторы, оценивающие качество этих адаптирующихся институтов (например, скорость приведения регионального законодательства в соответствие с результатами ЭПР, уровень доверия бизнеса к цифровым регуляторам).

В-третьих, с точки зрения теории сложности и эволюционной экономики, региональная экономика рассматривается как сложная адаптивная система. Цифровизация многократно увеличивает связанность элементов этой системы (акторов), что ведет к нелинейности эффектов и росту сетевых внешних эффектов. Как отмечает ряд исследователей, в таких системах традиционные методы прогнозирования на основе усредненных показателей дают сбой [5; 10].

Интеграция этих теоретических подходов позволяет обосновать, что обеспечение устойчивости региональной экономики в цифровую эпоху требует не просто корректировки отдельных показателей, а фундаментального пересмотра самой философии управления — перехода

⁴ Регулирование ИИ: от «песочниц» до стандартов // URL: <https://pravo.ru/story/258257/> (дата обращения: 12.02.2026).

от реактивной модели к проактивной, основанной на управлении сложностью и институциональным дизайном.

Для решения отмеченной проблемы и разработан такой инструмент как «регуляторные песочницы».

Одним из самых амбициозных проектов является «Беспилотные логистические коридоры» на трассе М-11 «Нева». Стартовав в 2023 году, эксперимент был продлен до 2028 года и расширен на новые регионы: Республику Башкирия, Свердловскую область и Пермский край⁵.

Описанный выше механизм «регуляторных песочниц» выступает в роли своеобразного катализатора инноваций, позволяя тестировать передовые цифровые решения в условиях ограниченного правового поля и минимизировать риски внедрения неапробированных технологий [4]. Однако успешная апробация технологий в контролируемой среде «песочницы» — это лишь первый этап интеграции цифровых инструментов в реальный сектор экономики.

После того как «регуляторные песочницы» решают проблему адаптации права к технологическим сдвигам, возникает новая цель: создать инструменты для измерения качественного и количественного влияния цифровизации на фундамент регионального роста. Достижение этой цели невозможно без разработки системы мониторинга, способной как констатировать текущее экономическое положение региона, так и прогнозировать его устойчивость к вызовам динамичной цифровой среды. Именно здесь теоретические преимущества цифровизации, отработанные в «песочницах», должны быть конвертированы в практические показатели эффективности, что требует перехода от разрозненных экспериментов к системной оценке цифрового компонента устойчивости региональной экономики.

Оценка цифрового компонента обеспечения устойчивости региональной экономики для применения в мониторинговых целях в современной ситуации в России является объективной необходимостью и требует применения адекватных решений:

- обеспечение развития методов мониторинга региональной экономической системы в условиях цифровой экономики;
- создание общих мониторинговых регуляторов для субъектов цифровой экономики;
- целенаправленное формирование мониторинговых индикаторов цифровой экономики;
- участие органов власти в обеспечении устойчивости экономики регионов и возможностей реализации современных методов мониторинга;
- проведение гибкой государственной политики в вопросах мониторинга региональной экономической системы в условиях цифровизации;
- определение компетенции региональных органов власти и органов местного самоуправления в вопросах мониторинга региональной экономической системы в условиях цифровизации.

Реализация перечисленных направлений возможна только при создании принципиально новой архитектуры мониторинга, отвечающей вызовам времени.

Предложенная модель должна реализовываться следующими компонентами:

- модульность — подразумевает, что модель мониторинга строится не как монолитная система, а как совокупность независимых, но взаимосвязанных блоков (модулей). Каждый модуль отвечает за конкретную задачу или функцию;
- интегрированность с Центрами управления регионами (ЦУР). Этот компонент означает, что разработанная модель не существует изолированно, а встраивается в уже действующую инфраструктуру ситуационных центров — ЦУР, что обеспечивает прямую связь между аналитикой и оперативным управлением;
- использование Больших данных (Big Data) — подразумевает работу с огромными, разнородными и быстро обновляющимися массивами информации, которые невозможно обработать традиционными методами. Цель — найти скрытые закономерности и получить новое знание;

⁵ Эксперимент по беспилотным грузовикам продлили до 2028 года // URL: https://www.senatinform.ru/news/eksperiment_po_bespilotnym_gruzovikam_prodlili_do_2028_goda/ (дата обращения: 12.02.2026).

— машинное обучение и искусственный интеллект (ИИ). Это ключевой компонент, который превращает систему из пассивного наблюдателя в активного советника. ИИ и машинное обучение используются для прогнозирования, выявления скрытых рисков и моделирования последствий решений.

Комплексный подход при построении модели мониторинга устойчивости региональных экономических систем позволяет перейти от ретроспективной и текущей оценки мониторинга региональной экономической системы к прогрессивному методу моделирования управленческих решений с использованием искусственного интеллекта. Предложенная модель мониторинга устойчивости региональной экономической системы отвечает требованиям цифровой эпохи и является определяющим элементом системы контроля в управлении региональной экономики в условиях неопределённости и политических рисков [1].

Таким образом, система мониторинга трансформируется из инструмента пассивного наблюдения в инструмент проактивного управления посредством искусственного интеллекта, способствующего выработке стратегических решений, минимизации рисков и более рациональному распределению ресурсов при интеграции с ЦУРаи. Использование искусственного интеллекта для мониторинга устойчивости региональной экономической системы позволяет определить риски между политическим решением и экономическим эффектом устойчивого развития. Кроме того, на основе моделей мониторинга устойчивого развития экономической системы можно определять социально-политические и экономические кризисы.

В заключение необходимо отметить, что в условиях стремительной цифровизации и опережающего темпа развития технологий перед законодательным регулированием обеспечение устойчивости региональных экономических систем требует принципиально нового подхода к организации мониторинга. Анализ показал, что существующие инструменты, такие как национальная система управления данными и механизм «регуляторных песочниц», создают необходимую инфраструктурную и правовую основу для внедрения инноваций, однако для комплексной оценки их влияния на экономику региона необходим переход от разрозненных экспериментов к системной аналитике. Ключевым решением видится разработка архитектуры мониторинга, основанной на принципах модульности, интеграции с Центрами управления регионами и использовании технологий искусственного интеллекта и больших данных. Предложенная модель трансформирует мониторинг из пассивного инструмента фиксации показателей в активный элемент управления, позволяющий не только оценивать текущую устойчивость региональной экономики, но и прогнозировать риски, моделировать последствия управленческих решений и выявлять потенциальные кризисы, что в конечном итоге способствует более эффективному и безопасному развитию регионов в цифровую эпоху.

Список литературы

1. Болгов Н.В., Рыбкин С.С. Проблема экономического развития Российской Федерации в условиях неблагоприятных факторов внешней и внутренней среды // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. — 2025. — № 1(97). — С. 89–97.
2. Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии / Леон Вальрас; [пер. на рус. яз. — И. Егоров, А. Белянин]. — М.: Университет. б-ка: Экономика, 2000. — 421 с.
3. Двоеносова Г.А. Управление документами и данными в цифровом государственном управлении // Управление документацией: прошлое, настоящее, будущее. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Т.В. Кузнецовой. — М., 2021. — С. 133–141.
4. Жилкина Я.В., Кукарцева С.В. Регуляторные песочницы как катализатор инноваций в цифровой экономике // Решетневские чтения. Материалы XXVIII Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со Дня рождения генерального конструктора ракетно-космических систем академика Михаила Федоровича Решетнева: 2-х частях. — Красноярск, 2024. — С. 250–252.
5. Зубкова П.В. Прогнозирование технических и экономических рисков бизнес-процессов // Уральский научный вестник. — 2023. — Т. 3. — № 1. — С. 3–6.

6. *Маршалл А.* Основы экономической науки / Альфред Маршалл; [пер. с англ. В.И. Бомкина, В.Т. Рысина, Р.И. Столпера]. — М.: Эксмо, 2007. — 830 с.
7. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; РАН; пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. — М.: Начала, 1997. — 180 с.
8. *Перес К.* Технологические революции и финансовый капитал: динамика пузырей и периодов процветания / Карлота Перес; пер. с англ. Ф.В. Маевского, науч. ред. пер. С.Ю. Глазьев, В.Е. Дементьев; Акад. народного хоз-ва при Правительстве Российской Федерации, Центр эволюционной экономики. — М.: Дело, 2011. — 231 с.
9. *Попова С.А., Русавская А.В.* Развитие экономики регионов России на основе институциональных финансово-кредитных факторов // Финансовый менеджмент. — 2024. — № 7. — С. 268–276.
10. *Фролова Ю.Л.* Цифровизация процесса оценки состояния системы обеспечения единства измерений // За нами будущее. тезисы докладов III Международной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов и тексты работ участников пилотного Международного конкурса «Лучший молодой метролог МГС СНГ» 2024 года. — СПб., 2024. — С. 222–226.
11. *Шлеенко А.В., Золкин А.Л., Новосельский С.О., Салосин А.М.* Развитие платформенной экономики и цифровая трансформация макрорегионов // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2025. — Т. 16. — № 4(49). — С. 131–138.
12. *Афанасьева Е.В., Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А.* Геостратегические регионы мира: методика исследования и анализ. — М., 2020. — 200 с.
13. *Булавина М.А., Новосельский С.О., Измestьев Д.М.* Организационно-экономический механизм управления бизнес-процессами производства металлоконструкций в условиях кризиса // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2024. — Т. 15. — № 2(43). — С. 68–74.
14. *Зейналова Л.М.* Сущность феномена коррупции как социально-правового явления // Теория права и межгосударственных отношений. — 2019. — № 2(10). — С. 79–86.
15. *Ищенко М.М., Молкоедов Р.А.* Влияние процессов цифровизации региональных органов исполнительной власти на бизнес-процессы // Вестник университета мировых цивилизаций. — 2024. — Т. 15. — № 2(43). — С. 86–91.
16. *Конобеева А.Б.* Социальные условия развития аграрного предпринимательства / А.Б. Конобеева // Маркетинг и логистика. — 2021. — № 2(34). — С. 37–44.
17. *Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А.* Теоретико-методические проблемы формирования национальной идеи Российской Федерации // Актуальные политические и исторические вопросы современности. Сборник статей. — М., 2020. — С.160–176.
18. *Слуцкий Л.Э., Васецкий Н.А., Слоботчиков О.Н.* Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография в 2-х т. / Том 1. Россия — государство-цивилизация. — М., 2024. — 384 с.

КОМПЛЕКСЫ ПО ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯМИ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ — ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Е.В. Семочкина

независимый исследователь, Москва
semochkina.elena@yandex.ru

AN AUTOMATION SYSTEMS FOR MANAGING ENTERPRISES IN THE FOOD INDUSTRY AND CATERING — BUSINESS DEVELOPING FACTOR

E.V. Semochkina

independent researcher, Moscow
semochkina.elena@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена цифровизации предприятий пищевой индустрии России. Цель: составить в инструментальной среде «ARIS EXPRESS» диаграммы «Карта систем» для автоматизирующих комплексов из отечественного ПО для российских предпринимателей. Уделяется внимание интеграции task-менеджеров и PRM-систем в ПО, управляющее основными функциями бизнес-цепочки.

Ключевые слова: метод «SMART», метод «Agile», task-менеджер», PRM-система, ERP-система, инструментальная среда «ARIS EXPRESS».

Abstract. This article is devoted to the digitalization of Russian food industry enterprises. Purpose: to create «System Map» diagrams for automation systems from domestic software for Russian entrepreneurs in the ARIS EXPRESS tool environment. Attention is paid to the integration of task managers and PRM systems into software that manages the main functions of the business chain.

Key words: “SMART” method, “Agile” method, task-manager, ERP-sistem, PRM-sistem, “ARIS EXPRESS” tool environment.

Бурная цифровизация всех отраслей экономики, происходящая в развитых странах, стала как бы визитной карточкой прогресса в их жизни. Моделирование, анализ и обоснованный выбор новых ИТ-решений способствуют дальнейшему прогрессу в области цифровизации. В данной статье преследуется цель: составить диаграммы «Карта систем» для автоматизирующих комплексов из отечественного ПО для российских предпринимателей. Чем легче будет организовать «своё дело», тем быстрее пойдёт его развитие. Такой подход поможет выполнению пожелания основателя ЛДПР В.В. Жириновского: «В России доля малого и среднего бизнеса должна быть доведена до 50%. Это будет способствовать развитию экономики и улучшению благосостояния её граждан» [6, с. 1].

Построение диаграмм «Карта систем». Интегрированные системы отечественного ПО должны управлять всеми звеньями бизнес-цепочки компании — от управленческого аппарата, бухгалтерии, всех отделов (цехов) до взаимоотношений с партнёрами по специальным программам.

Работа управленческого аппарата по методу «SMART» получила широкое распространение в маркетинге, продажах [14], HR [17], управлении проектами [15] и клиентском менеджменте. Метод «SMART» применим, когда есть уверенность в достижении поставленных задач. В условиях неопределённости лучше «работает» метод «Agile». Автоматизация работы управленческого аппарата производится с помощью task-менеджеров. Они также могут быть запрограммированы в соответствии с методами «SMART» и «Agile».

Автоматизирующий комплекс ПО для управления предприятиями пищевой промышленности

Рассмотрим интеграцию таск-менеджера, организующего управление на предприятии пищевой промышленности по методу «SMART», в виду того, что возможно чётко определить 5 критериев правильной постановки задач (конкретность (Specific), измеримость (Measurable), достижимость (Achievable), важность целей (Relevant) и их определённости по срокам (Time-bound)).

В статье [12] автор помогает разобраться с ПО данного класса и сделать выбор. Остановимся на облачном сервисе «ASPRO.CLOUD». Тогда можно будет выбрать и готовый корпоративный сайт этой же компании «Аспро: Корпоративный сайт 3.0» [1] или «Аспро: Приорити 2.0» [2]. Автор статьи отдаёт предпочтение облачным системам в виду их перспективности.

Функциональное ядро автоматизирующего комплекса ПО

В источнике [24] описывается функционал системы планирования производства «APS ADEPTIK», а в источнике [23] — модули системы управления производством в цехах «ADEPTIK MES». («ADEPTIK» применяют в отраслях «Металлообработка», «Машиностроение», «Нефтепереработка», «Пищевая промышленность», «Производство кабельной продукции», «Микроэлектроника» [3].)

Возможности «APS ADEPTIK»: «Выдача сменно-суточных заданий», «Регистрация основных событий в цехе», «Регистрация доп. данных у рабочих центров», «Автоматически регистрируемые статусы», «Формирование логистических операций для перемещения полуфабрикатов», «Формирование транспортировочных операций для материалов», «Нормирование операций» [24].

Возможности «ADEPTIK MES»: «Автоматическое построение графиков работы производственных ресурсов с учётом компетенций, переналадок, особенностей техпроцессов», «Контроль и оптимизация загрузки ресурсов», «Отображение планов производства в графиках, диаграммах», «Перестройка производственных планов при изменении условий», «Построение нескольких планов при заданных критериях», «Информация о ситуации на производстве в реальном времени» [23].

Для обеспечения связи можно подключить ip-BATC «Ростелеком».

Построим диаграмму «Карта систем» намеченного комплекса ПО с помощью инструментальной среды «ARIS EXPRESS» (рис. 1).

Комплекс, который показан на рис. 1 не включает ИС, осуществляющую автоматизацию работы бухгалтерии. Скорее всего была бы выбрана программа компании «1С». Указанный разработчик выпустил большую линейку продукции, полный список её можно посмотреть в источнике [13]. Часть решений включает автоматизацию производства. В данном случае есть другой мощный блок автоматизации предприятия.

Решения компании «1С» масштабируемы, но от какого продукта проводить конфигурирование? Конкретное ПО предстоит выбирать главному бухгалтеру компании. Может быть ему понадобится спецпоставка базовой версии «1С: Бухгалтерии 8», а может быть спецпоставка «1С:Корпорация» или др.

После выбора ИС, отвечающей за автоматизацию работы бухгалтерии, в комплекс ПО, изображённый на рис. 1 надо добавить блок «1С...» рядом с блоками таск-менеджера и IP BATC.

Автоматизирующий комплекс ПО для управления предприятиями ресторанных сетей и служб доставки готового питания

Управление по методу «SMART» может быть успешным и в сети, занимающейся доставкой готового питания. Для автоматизации указанной деятельности может подойти «SMART:ERP», но можно создать и автоматизирующий комплекс ПО с таск-менеджером, организованным по методу «SMART», CRM-системы и сопутствующих ИС — функциональных модулей.

В ресторанном сервисе может быть конкурентоспособным применение метода управления «Agile», в виду меньших партий изготавливаемой пищевой продукции и повышенного внимания к требованиям клиента. В ресторане клиент может заказать изготовление блюда, которого нет в меню, за особую цену. (Нестандартность, гибкость подхода к запросам клиента заложена в метод «Agile». «Своевременная и регулярная поставка ценного продукта заказчику является приоритетом команды» [16, с. 1]).

Рис. 1. «Карта систем» компании, организующей работу с помощью «APS ADEPTIK» и «ADEPTIK MES», таск-менеджера «Аспро.Cloud», сайта на «Аспро: Корпоративный сайт 3.0» и IP ВАТС «Ростелеком»

Составим структурную модель автоматизации с использованием «SMART:ERP». В статье [20] описывается функционал этого ПО. Оно интегрируется с продуктами компании «1С».

Создадим сайт на «1С-Битрикс: Управление сайтом». Если предусмотрена доставка питания при продаже её через Интернет-магазин, то указанная CMS позволит создать веб-ресурс необходимого назначения.

Для обеспечения связи возьмём IP АТС «Asterisk» [10]. Она «может устанавливаться на обычный сервер без необходимости приобретения лицензии. За счёт этого компьютер становится физическим центром систем ERP/CRM и телефонным сервисом. Программное решение Asterisk легко интегрировать со многими системами, используя его в качестве многофункциональной АТС.»

В статье [22] объясняется, как применять партнерские программы в ресторанной сети, так же их можно применять для сети доставки. Для таких организаций может быть полезно включение PRM-систем в автоматизирующий комплекс ПО. В источнике [19] представлен обзор ИТ-решений данного класса на российском рынке. Выберем подходящую из отечественных систем: «PRM Online», «Edprocross», «Сделка», «Nexign», «Salematics», «СПА Тренд». Остановимся на первой системе из списка. «PRM Online» — это облачный сервис для автоматизации работы с партнёрами: привлечение, управление, аналитика, мотивация и сопровождение в одном инструменте [25].»

На основании этих сведений составим автоматизирующий комплекс ПО для сети, занимающейся доставкой готового питания. Он может быть востребован. Таких компаний на рынке много, только в Москве больше 50 сервисов указанного профиля деятельности [5]. Структурная модель обсуждаемого комплекса систем приведена на рис. 2.

На рисунке 2 представлена диаграмма одного из возможных ИТ-решений. Его достоинство — интеграция минимального числа готовых программ (простота).

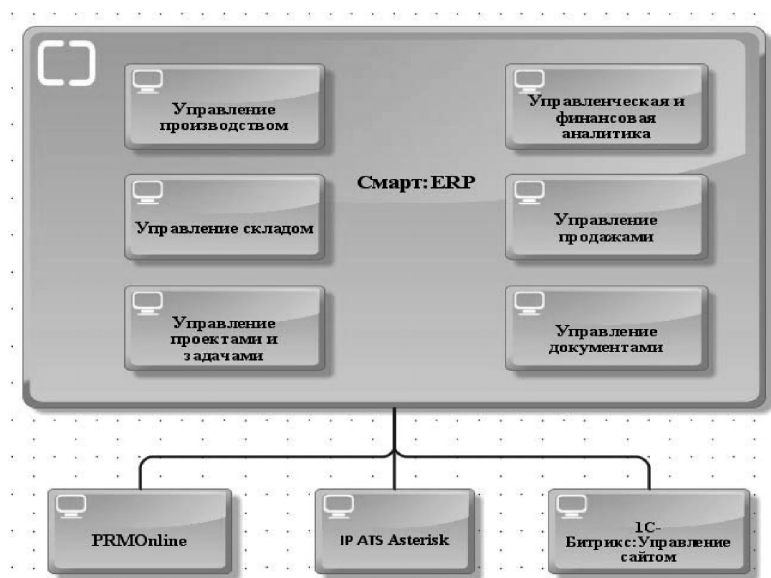

Рис. 2. «Карта систем» фирмы, организующей работу с помощью «СМАРТ:ERP», платформы «PRM Online», CMS «1С-Битрикс: Управление сайтом» и IP ATC «Asterisk»

Однако возможно пойти и другим путем — интегрировать упоминавшийся выше таск-менеджер «ASPRO.CLOUD» в «1С: Комплексная автоматизация», для обеспечения связи снова добавить IP ATC «Asterisk», для создания Интернет-магазина — CMS «1С-Битрикс: Управление сайтом» и для работы с партнёрами — облачный сервис «PRM Online».

Вид диаграммы «Карта систем» изменится и будет выглядеть как на рис. 3.

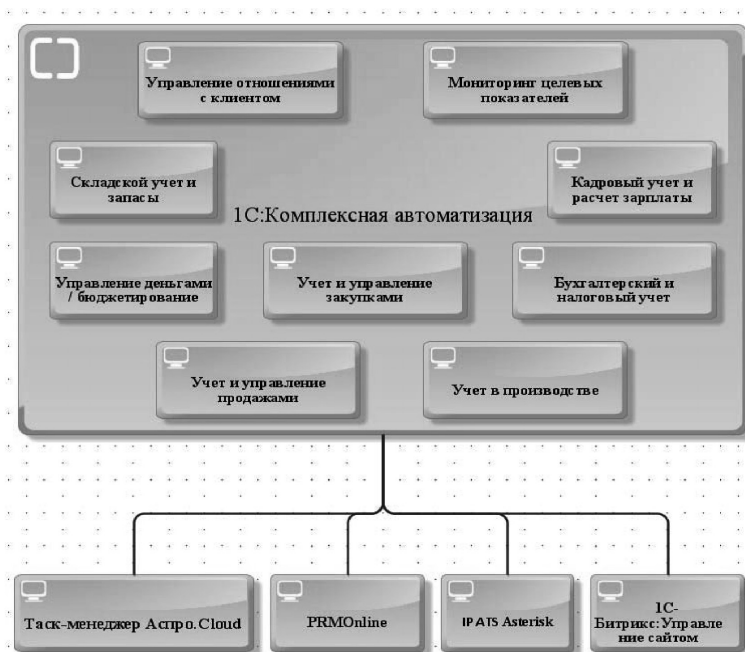

Рис. 3. «Карта систем» компании, организующей работу с помощью «1С: Комплексная автоматизация», Таск-менеджера «Аспро.Cloud», платформы «PRM Online», CMS «1С-Битрикс: Управление сайтом» и IP ATC «Asterisk»

Представленная на рис. 3 структурная модель преследует цель лучшего учёта особенностей бизнеса при его автоматизации (см. подробный функционал «1С: Комплексная автоматизация»).

Объём производимой в ресторанной сети продукции может быть большим (в крупной популярной сети) — и «1С: Комплексная автоматизация» может подойти для управления функ-

циональным ядром компании, но заказ здесь формируется иначе, и выполнение ещё более ориентировано на требования клиента. По этой причине может быть более эффективно применение таск-менеджера, организующего управление по методу «Agile». В моделируемом системном комплексе таск-менеджер «Аспро.Cloud» заменяется на «Аспро.Agile». В остальном всё может быть похоже (см. рис. 4).

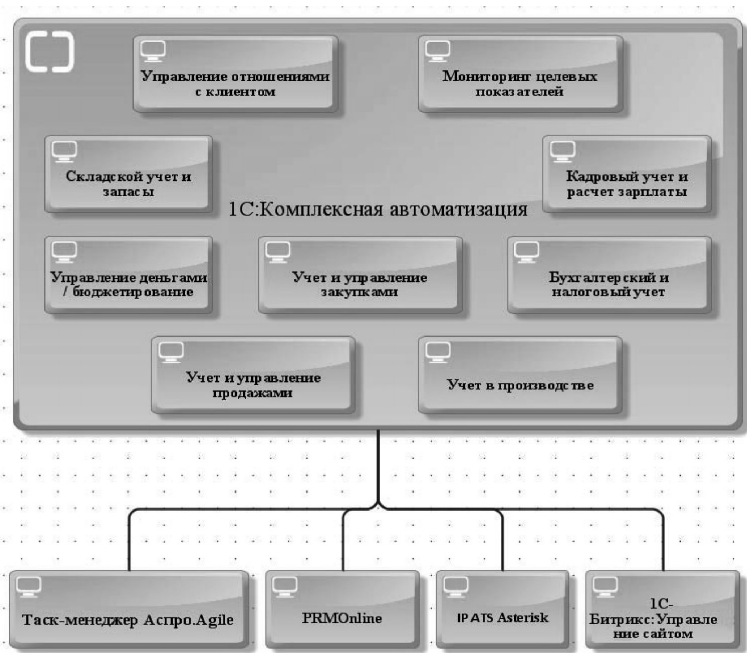

Рис. 4. «Карта систем» фирмы, организующей работу с помощью 1С:Комплексная автоматизация», Таск-менеджера «Аспро.Agile», платформы «PRM Online», на CMS «1С-Битрикс: Управление сайтом» и IP ATC «Asterisk»

На рисунке 4 показан автоматизирующий комплекс ПО для ресторанной сети управляемой по методу «Agile» [21]. Чаще всего он применяется в разработке ИТ-решений, но не только в этой сфере может быть необходим гибкий, клиенто-ориентированный подход. Управляющий ресторана может выбрать и ПО для применения метода «SMART», как более привычный. Тогда может быть востребована диаграмма, представленная на рис. 3.

Рисунки 3 и 4 демонстрируют интеграцию таск-менеджеров и PRM-системы в автоматизирующий комплекс ПО предприятия общественного питания. Появление ИТ-решений дополнительного назначения позволяет цифровизации общественного питания набирать обороты, и не только в России.

Выводы

Статья помогает моделировать системные комплексы ПО для управления предприятиями пищевой промышленности и общественного питания России. Применение таск-менеджеров облегчает деятельность управленческого аппарата, а PRM-систем — взаимодействие с партнёрами. В зависимости от величины предприятия и его задач меняются необходимые ИТ-решения. В статье представлены 4 диаграммы «Карта систем» при использовании российского ПО. Они применимы на практике после адаптации под особенности конкретного бизнеса.

Список литературы и источников

1. Автоматизация пищевой промышленности // ADEPTIK.COM. — URL: <https://adeptik.com/blog/avtomatizaciya-pishchevoj-promyshlennosti/>.
2. Аспро: Корпоративный сайт 3.0 (Allcorp3) — Мощное готовое решение для вашего бизнеса на 1С-Битрикс // UNICOMS.BIZ. — URL: <https://unicoms.biz/blog/article/8911/>.

3. Аспро: Приорити 2.0 — корпоративный сайт представительского класса! // Яндекс 360. — URL: <https://dzen.ru/a/ZkbyIZ8BfA7h11YY>.
4. Как кыргызстанский IT-стартап меняет ресторанный опыт в Бишкеке и за его пределами. — URL: <https://limon.kg/ru/news:85318>.
5. Где заказать готовую еду: 13 сервисов. — URL: <https://t-j.ru/list/food-delivery/>.
6. Жириновский призвал увеличить долю МСП до 50% // Телевидение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. — URL: <https://dumatv.ru/news/zhirinovskii-prizval-uvlichit-dolyu-msp-do-50>.
7. *Зиявитдинов Х.Х.* Особенности инновационного проекта «smart restaurant» в ресторанном сервисе. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-innovatsionnogo-proekta-smart-restaurant-v-restorannom-servise>.
8. *Зиявитдинов Х.Х.* Инновационный проект «smart restaurant» в ресторанном сервисе // Вестник науки и образования. — 2021. — № 6 (109), ч. 2. — С. 25–26.
9. Инновации в ресторанном бизнесе Казахстана // IN-CITY.KZ. — URL: <https://www.inalmaty.kz/list/512964>.
10. Интеграция Asterisk с системами ERP\CRM. // AMIGOIT.RU. — URL: <https://amigoit.ru/sistemy-i-resheniya/sistemy-svyazi/integratsiya-telefonii-s-erp-crm/>.
11. *Казырский Н.А.* Развитие облачных технологий в области автоматизации производственных процессов // Научный лидер. — 2025. — Июнь. — URL: <https://scilead.ru/article/9036-razvitie-oblachnikh-tekhnologij-v-oblasti-avt>.
12. Какой таск-менеджер выбрать для // ASPRO.CLOUD. — URL: <https://aspro.cloud/pm/docs/kakoy-task-menedzher-vybrat-dlya-raboty/>.
13. Каталог продуктов // 1C.RU. — URL: <https://1c.ru/rus/products/products.htm>.
14. *Кулешов А.* 5 показателей, которые должен знать каждый руководитель, для увеличения продаж // Академия продаж. — URL: <https://academy-of-capital.ru/blog/smart-prodazhi/>.
15. Метод SMART в управлении проектами: примеры использования // NAUMEN. — URL: https://www.naumen.ru/products/project_ruler/smart_system/.
16. Методология Agile в управлении проектами // Яндекс 360. — URL: <https://360.yandex.ru/blog/articles/chto-takoe-agile-i-pochemu-eta-metodologiya-effektivna-dlya-nekotoryh-kompanij>.
17. *Притула М.* HR SMART цели (с примерами) // Mike Pritula Academy. — URL: <https://pritula.academy/tpost/8vf079i5z1-hr-smart-tseli-s-primerami>.
18. *Рындина С.В.* Методы и средства моделирования бизнес-процессов: методология ARIS. Учеб.-метод. пособие. — Пенза: Изд-во ПГУ, 2018. — 52 с.
19. *Салютин А.* Как выбрать PRM-систему: необходимые функции для управления партнерами // Рабочие решения. — URL: <https://worksolutions.ru/blog/kak-vybrat-prm-sistemu/>.
20. Смарт ERP // Smart-erp.pro. — URL: <https://smart-erp.pro/>.
21. Управление проектом по Agile методике // Хабр. — URL: <https://habr.com/ru/companies/otus/articles/710034/>.
22. Что такое партнерский маркетинг и зачем он нужен ресторану // Околица. — URL: <https://dostavkaedyokolica.ru/articles/poleznye-statii/chto-takoe-partnerskiy-marketing-i-zachem-on-nuzhen-restoranu/>.
23. ADEPTIK MES // ADEPTIK.COM. — URL: <https://adeptik.com/snaryad-mes/>.
24. APS ADEPTIK // ADEPTIK.COM. — URL: <https://adeptik.com/snaryad-aps/>.
25. PRMonline // Soware.Ru. — URL: <https://soware.ru/products/prmonline>.

РОЛЬ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РЕГИОНА

Е.В. Стельмах

кандидат географических наук, доцент,
старший научный сотрудник,

Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, Биробиджан
stelmahlena69@mail.ru

THE ROLE OF FOOD SECURITY IN SHAPING THE DEMOGRAPHIC STABILITY OF THE REGION

E.V. Stelmakh

PhD in Geographical Sciences, Associate Professor,
Senior Researcher,

Institute for Complex Analysis of Regional Problems,
Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Birobidzhan
stelmahlena69@mail.ru

Аннотация. Актуальность рассматриваемой темы определяется сохранением тенденции убыли населения с территории Дальнего Востока России. Выступая в качестве одного из ключевых факторов стабилизации численности населения, продовольственная безопасность играет ключевую роль в обеспечении устойчивого развития и улучшении качества жизни. Обеспечение продовольственной безопасности становится стратегической необходимостью, способствующей экономическому росту субъектов региона. В данной статье, на основе рассмотрения ключевых функций сельского хозяйства, обосновывается необходимость повышения уровня продовольственной безопасности в регионе, для решения вопросов прекращения уменьшения численности населения. Рассматривается взаимосвязь между уровнем продовольственной зависимости, численностью населения и импортными поставками сельскохозяйственной продукции, которые обеспечивают показатели необходимого потребления продуктов питания населением округа. Анализ данных по собственному производству сельскохозяйственной продукции в пределах округа показывает общую динамику спада производства и высокую долю внешних поставок для обеспечения достаточного потребления. Особое внимание уделяется роли государственного регулирования и международных инициатив в поддержании стабильного уровня продовольственной безопасности. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что последовательное и системное осуществление сельскохозяйственного производства, ориентированное на глубокую переработку сельскохозяйственной продукции будет способствовать формированию демографической стабильности в регионе.

Ключевые слова: качество жизни, продовольственная зависимость, демографическая стабильность, импорт продовольственных товаров.

Abstract. The ongoing trend of population decline in the Russian Far East is a pressing concern. As a key factor in population stabilization, food security plays a key role in ensuring sustainable development and improving the quality of life. Ensuring food security is becoming a strategic necessity, contributing to the economic growth of the region's constituent entities. This article, based on an examination of the key functions of agriculture, substantiates the need to improve food security in the region to address the issue of halting population decline. The relationship between food dependence, population size, and imported agricultural products, which provide the district's population with the necessary food consumption indicators, is examined. An analysis of data on domestic agricultural production within the district reveals a general trend of decline in production and a high share of external supplies to ensure sufficient consumption. Particular attention is paid to the role of government regulation and international initiatives in maintaining a stable level of food security. Based on the analysis, it is concluded that consistent and systematic implementation of agricultural production, focused on the advanced processing of agricultural products, will contribute to demographic stability in the region.

Key words: quality of life, food dependence, demographic stability, food imports.

Дальневосточный федеральный округ (далее — ДФО) на сегодняшний день характеризует-ся реальной угрозой утраты продовольственной безопасности по причине снижения показателей собственного производства в сельскохозяйственной отрасли.

Регион занимает 40% территории России и является стратегически важной территорией. Его продовольственная безопасность и демографическая стабильность во многом зависят от комплексного решения проблем агропромышленного комплекса (АПК) и повышения качества жизни [8]. Округ характеризуется низкой плотностью населения (всего 5,4% от общероссийского) и суровыми климатическими условиями. Несмотря на принятые специальные меры для развития агропродовольственного комплекса региона, Дальний Восток не может обеспечить себя собственными продуктами питания: уровень продовольственной обеспеченности по мясу и мясoproдуктам составляет 65%, яйцам и яйцепродуктам — 35,5%, овощам — 47,5% [4].

Хабаровский край, Магаданская область, Еврейская автономная область, практически полностью зависят от импорта продовольственных товаров. На сегодняшний день на ДФО приходится лишь около 3% производимой сельскохозяйственной продукции в стране, что является самым низким показателем среди федеральных округов РФ [4]. Несмотря на столь малую долю сельскохозяйственной отрасли в экономике, следует отметить те критически важные функции, которые выполняет сельское хозяйство в экономике Дальнего Востока России (табл. 1).

Таблица 1

Функции сельского хозяйства для экономики ДФО

Ключевые функции	Значение для экономики
Экономические	1. Сельскохозяйственное производство является основой продовольственной безопасности региона. 2. Создание рабочих мест. 3. Развитие экспортного потенциала
Социальные	1. Обеспечение занятости сельского населения. 2. Сохранение заселенности территории. 3. Поддержка коренных народов. 4. Обеспечение жизнеспособности социума в регионе

Сельхозпродукция региона по цене превышает среднероссийские показатели по большей части продукции, что вызвано высокими затратами и неблагоприятными климатическими условиями, значительной транспортной составляющей и высокими затратами на оплату труда, электроэнергию и другие статьи себестоимости продукции. В 2024 г. регион занимал 1 место среди федеральных округов по стоимости молока — выше, чем в стране, в 1,2 раза, птицы — в 1,6 раза, свинины — в 1,7 раза, яйца — в 1,2 раза. Из продукции растениеводства дороже, чем в других ФО, картофель — выше среднероссийского уровня в 1,9 раза, кукуруза — в 1,5 раза, огурцы и томаты закрытого грунта — в 1,4 и 1,3 раза соответственно. По цене ниже, чем в большинстве ФО, реализуются дальневосточная пшеница и соевые бобы — 6 место среди ФО [10]. Для Якутии и Магаданской области ситуация более сложная. Стоимость продуктов здесь в 1,5–3 раза выше, чем в центральной России. Причина не в развитии местного животноводства, а в катастрофически слабой логистике, высоких затратах на завоз кормов и энергоносителей. Короткий летний период и низкое качество местной кормовой базы делают производство мяса экономически неэффективным. Таким образом, вместо единого агрорынка, мы видим набор изолированных и неравномерно развитых анклавов [8].

Продовольственная безопасность является одним из ведущих факторов формирования качества жизни населения, поскольку обеспечивает доступ к достаточному количеству питательной, безопасной и доступной пищи, что является основой для здорового общества, а качество жизни характеризует эффективность всех сторон жизнедеятельности человека, уровень удовлетворения материальных, духовных и социальных потребностей. При этом важно понимать, что другие сферы жизни населения напрямую зависят от собственно возможности приобретения продовольственных товаров. В этом процессе наличие продукции регионального производства значительно снижает её себестоимость и повышает покупательную способность населения. Однако, рассматривая ключевые показатели продовольственного обеспечения для

ДФО за 2024 гг. (табл. 2), можно отметить снижение значений, характеризующих аграрный сектор.

Таблица 2

Ключевые показатели продовольственного обеспечения ДФО в 2024 г.

	2018	2024
Численность населения, в тыс. чел.	8119	7866
Посевные площади, в млн га	2,4	2,1
Доля в общем объеме производства продукции сельского хозяйства, в %	3,8	3,7
Импорт продовольственных товаров, % от общего объема	17,0	18,84
Уровень продовольственной зависимости, в %	Зерно	129 (95)
	Картофель	16 (95)
	Мясо и мясопродукты	44 (85)
	Молоко и молокопродукты	53 (90)
	Овощи	57 (95)

Составлено по [5; 6; 9; 11].

Как показывает табл. 2, в 2024 году продолжается снижение численности населения, посевных площадей и уменьшение доли в общем объеме производства сельскохозяйственной продукции по региону, при этом производство товаров-индикаторов продовольственной безопасности не дотягивает до установленных показателей. В соответствии со шкалой продовольственной зависимости региону недостаёт картофеля — 16% (низкая зависимость), мяса и мясопродуктов — 44% (средняя зависимость), молока и молокопродуктов — 47% (средняя зависимость), овощей — 57% (высокая зависимость). Положительным аспектом является перепроизводство по зерну, с доминирующими культурами соя и кукуруза, которые являются техническими культурами. Четко выражен рост импорта продовольствия на Дальний Восток. Общий объем импорта в макрорегионе за 2018 г. составил 6,28 млрд долл. В структуре импорта доля продовольствия составила 17%. В 2024 году в регион было завезено мяса и мясопродуктов — 78 тыс. т., на 204 млн. долл.; фруктов — 200 тыс. т., на 209 млн долл.; овощей — 249 тыс. т., на 184 млн долл. Среди стран-экспортеров, ведущее место с большим отрывом занимает Китай (53%), значительно меньше везут из Кореи (9%), Японии (8%) и США (7%). Европа представлена Германией (2%) и рядом других стран, доля каждой из которых — менее 1% [11]. В 2024 году отмечается рост поставок продовольствия на 1,84% [5].

Так, в 2018 г. импорт продовольствия составил 846 млн долл., в 2024 г. уже 977 млн долл. [3]. Ресурсная тенденция характерна не только для сельского хозяйства. Так, в структуре ВРП для ДФО в 2005 г. на долю добычи полезных ископаемых приходится 13,6%, а в 2022 г. эта доля составляет уже 32,7%. Одновременно происходит уменьшение доли сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства с 6,2 до 4,9%. Отмечается падение доли обрабатывающих производств с 7,7% в 2005г. до 4,1% в 2022 г. [2]. Таким образом, на территории ДФО отмечается смещение в сторону ресурсо-ориентированной экономики, что не способствует росту качества жизни и не удерживает население в регионе.

Следует отметить, что производство зерновых культур в округе характеризуется сырьевой ориентацией, что приводит к потере добавленной стоимости. Так, Приморский край является лидером по производству сои, однако стоимость соевого шрота остается неконкурентной. Вместо переработки сои и создания конечного продукта сырье часто уходит на экспорт, хотя внутренний рынок остро нуждается в доступных кормах для развития того же животноводства. Эта критическая ситуация, когда при огромном росте ВРП системы здравоохранения, образования и транспорта развиваются на территории округа крайне неравномерно, в большей степени затрагивая крупнейшие населенные пункты, еще больше способствует снижению качества жизни. По мнению эксперта, отток населения с Дальнего Востока является следствием самой структуры экономики региона. В ДФО преобладают отрасли добывающей промышлен-

ности. Жители ДФО зачастую оказываются невостребованными и просто вынуждены искать работу на западе России, где больше вакансий и выше зарплата [7].

Сельскохозяйственное производство на Дальнем Востоке в 2024 г. сократилось на 3,3% относительно 2023 г., что в целом соответствует общероссийскому негативному тренду (-3,2%) [1]. Среднегодовая численность занятых в сельском хозяйстве в Дальневосточном Федеральном округе в 218 году составляла 7,4%, а в 2024 отмечается падение до 6,1% [9].

Агропромышленный комплекс Дальнего Востока изначально характеризуется явными диспропорциями в развитии между южными и северными территориями. Забайкальский край, Бурятия и Приморье демонстрируют положительную динамику в животноводстве и растениеводстве. Это стало возможным благодаря мерам государственной поддержки, таким как территории опережающего развития (ТОРы) и льготное финансирование. На юге ДФО сосредоточено 73% поголовья крупного рогатого скота, 93% мелкого рогатого скота и 58% свиней. Однако эти локальные успехи не решают общую проблему продовольственного обеспечения всего округа, что критически важно не только для привлечения и удержания населения, но и для повышения качества его жизни. Соя остается доминирующей сельскохозяйственной культурой ДФО, занимая в 2024 г. 58% посевных площадей макрорегиона. Валовой сбор составил 18,4 млн ц — 26% урожая страны, из которого 77% приходится на производителей Амурской области.

В сложившихся экономических и геополитических условиях, несмотря на активную реализацию множества федеральных и региональных программ социально-экономического развития региона, говорить о достижении продовольственной независимости как в целом ДФО, так и отдельных ее субъектов не представляется возможным. Аграрный сектор округа характеризуется огромным потенциалом, для реализации которого требуется совершенствование действующих направлений, учитывающих специфику не только всего региона, но и его хозяйствующих субъектов. Первостепенная роль при этом должна отводиться приоритетному государственному финансированию перспективных направлений сельского хозяйства. В условиях сложившейся социально-экономической нестабильности состояние продовольственной безопасности в регионе может быть достигнуто благодаря повышению устойчивости внутреннего производства качественных продуктов питания за счет использования инновационных методов ведения сельскохозяйственного производства с учетом зарубежного опыта, рационального освоения имеющегося природно-экономического потенциала в сочетании с эффективной внешнеторговой политикой и при активной государственной поддержке. Сегодня сельскохозяйственный сектор региона нуждается в урегулировании правовых аспектов, связанных с закреплением за субъектами аграрной специализации. Кроме того, это тот структурный элемент реального сектора экономики, который не может ждать инвестиционных вложений, поскольку продолжающийся отток населения из села в город попросту оставит его без рабочих рук.

Таким образом, для стабилизации численности населения в регионе крайне необходимо последовательное и системное осуществление сельскохозяйственного производства, ориентированное на глубокую переработку сельскохозяйственной продукции. Основная роль при решении этих вопросов должна быть у государственного сектора, поскольку развитие сельского хозяйства требует решения вопросов на федеральном уровне.

Список литературы

1. Бюллетень EastRussia: аналитический обзор ситуации в сельском хозяйстве ДФО — зима 2025 // URL: <https://www.eastrussia.ru/material/byulleten-eastrussia-analiticheskiy-obzor-situatsii-v-selskom-khozyaystve-dfo-zima-2025/> (дата обращения: 05.01.2026).
2. Валовой региональный продукт. Федеральная служба государственной статистики // URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 02.01.2026).
3. В Приморье предложили ограничить ввоз сельхозпродукции из Китая // URL: <https://prim.rbc.ru/prim/freenews/68549c4e9a79476dc238a06b> (дата обращения: 10.01.2026).
4. Иванова А.А., Чайникова Л.Н. Направления обеспечения продовольственной безопасности в Дальневосточном федеральном округе // Аграрный вестник Урала. — 2025. — Т. 25. — № 10. —

- С. 1705–1714. — URL: <https://doi.org/10.32417/1997-4868-2025-25-10-1705-1714> (дата обращения: 10.12.2025).
5. *Кожина Н.А., Дурнева Д.Ю.* Внешнеторговые связи Дальневосточного федерального округа и Китая: особенности, проблемы, перспективы // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. — 2025. — № 4 (113). — С. 23–33. — DOI: 10.24412/1815-0683-2025-4- 23-33.
6. Основные итоги социально-экономического положения Дальневосточного федерального округа в 2018 году // URL: <https://madviz.ru/news/3486> (дата обращения: 02.12.2025).
7. План-капкан: чем больше развивают Дальний Восток, тем больше людей оттуда бежит. Почему? // URL: <https://ngs55.ru/text/world/2023/10/09/72786686/> (дата обращения: 10.09.2025).
8. Продовольственный суверенитет и качество жизни: как сделать Дальний Восток привлекательным для жизни // URL: https://roscongress.org/materials/prodovolstvennyy-suverenitet-i-kachestvo-zhizni-kak-sdelat-dalniy-vostok-privlekatelnym-dlya-zhizni/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 10.01.2026).
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024. Среднегодовая численность занятых по видам экономической деятельности. Федеральная служба государственной статистики // URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 16.12.2025).
10. Сельское хозяйство на Дальнем Востоке // URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1768869517&tld=ru&lang=ru&name=digest_selskoe_hozyajstvo_2025.pdf&text=продовольственная%20безопасность%20дальнего%20востока&url=https%3A%2F%2Fvostokgosplan.ru%2Fwp-content%2Fuploads%2Fdigest_selskoe_hozyajstvo_2025.pdf&lr=11393&mime=pdf&l10n=ru&sign=317b22de1944bb0ce9c08a15f8bc5d9c&keyno=0&nosw=1&serpParams=tm%3D1768869517%26tld%3Dru%26lang%3Dru%26name%3Ddigest_selskoe_hozyajstvo_2025.pdf%26text%3D%25D0%25BF%25D1%2580%25D0%25BE%25D0%25B4%25D0%25BE%25D0%25B2%25D0%25BE%25D0%25BB%25D1%258C%25D1%2581%25D1%2582%25D0%25B2%25D0%25B5%25D0%25BD%25D0%25BD%25D0%25B0%25D1%258F%2B%25D0%25B1%25D0%25B5%25D0%25B7%25D0%25BE%25D0%25BF%25D0%25B0%25D1%2581%25D0%25BD%25D0%25BE%25D1%2581%25D1%2582%25D1%258C%2B%25D0%25B4%25D0%25B0%25D0%25BB%25D1%258C%25D0%25BD%25D0%25B5%25D0%25B3%25D0%25BE%2B%25D0%25B2%25D0%25BE%25D1%2581%25D1%2582%25D0%25BE%25D0%25BA%25D0%25B0%26url%3Dhttps%253A%2F%2Fvostokgosplan.ru%2Fwp-content%2Fuploads%2Fdigest_selskoe_hozyajstvo_2025.pdf%26lr%3D11393%26mime%3Dpdf%26l10n%3Dru%26sign%3D317b22de1944bb0ce9c08a15f8bc5d9c%26keyno%3D0%26nosw%3D1 (дата обращения: 16.01.2026).
11. Экономическая реальность ДФО в разрезе ВЭД; как она изменилась за 20 лет? // URL: <https://habarovsk.bezformata.com/listnews/realnost-dfo-v-razreze-ved/73803569/> (дата обращения: 10.01.2026).

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ РАЗВИТИЕМ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ РОССИИ

С.О. Новосельский

кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник научного центра по исследованию истории и развития мировых цивилизаций,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
nsvyatoslav@yandex.ru

Д.А. Сушко

аспирант,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
wordf@mail.ru

К.И. Шашин

аспирант,
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск
edik24@yandex.ru

CONCEPTUAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO MANAGING THE DEVELOPMENT OF TECHNOLOGICAL POTENTIAL IN RUSSIAN REGIONS

S.O. Novoselsky

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,
Leading Researcher at the Scientific Center for the Study of the History and Development of World Civilizations,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
nsvyatoslav@yandex.ru

D.A. Sushko

Postgraduate Student,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
wordf@mail.ru

K.I., Shashin

Postgraduate Student,
FSBEI HE "Kursk State University", Kursk
edik24@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются концептуальные и методологические подходы к управлению развитием технологического потенциала регионов России. Выделяются точечный и комплексный подходы к исследуемой проблеме. Выявляются ключевые барьеры инновационного развития, включая недостаточную эффективность государственных мер, зависимость от импортной продукции и низкую заинтересованность предприятий и научного сообщества в технологических преобразованиях. Предлагается структурная модернизация экономики как основа формирования целостной модели инновационного развития. Отмечается отсутствие в стратегических документах целостного представления о технологическом развитии, а также недостаточная проработанность показателей качественных преобразований в существующих системах оценки.

Ключевые слова: технологический потенциал региона, инновационное развитие, структурная модернизация, системный подход, управление технологическим развитием, стратегическое планирование.

Abstract. The article examines conceptual and methodological approaches to managing the development of technological potential in Russian regions. The study identifies targeted and comprehensive approaches to the problem. Key barriers to innovative development are revealed, including insufficient effectiveness of government measures, dependence on imported products, and low motivation among enterprises and the scientific community to engage in technological transformation. Structural modernization of the economy is proposed as the foundation for forming a holistic model of innovative development. The study

highlights the absence of a coherent vision of technological development in strategic documents, as well as the insufficient elaboration of qualitative transformation indicators within existing assessment systems.

Key words: regional technological potential, innovative development, structural modernization, systematic approach, technological development management, strategic planning.

Одной из важнейших основ экономического роста региона является развитие технологического потенциала. В таких развитых странах, как США, Германия, Япония, Великобритания и т.д. 75–90% ВВП создается благодаря интеллектуализации факторов производства [1]. В России инновационное развитие на данный момент не соответствует уровню ее технологического потенциала. Причин этому множество: недавний переход к рыночной экономике, низкая активность частного бизнеса в финансировании разработок, отклонения от плановых значений в сфере инноваций ввиду санкций и т.д. В работах российских исследователей наблюдаются различные мнения о концептуальных и методологических подходах к управлению развитием технологического потенциала регионов. Можно выделить следующие подходы авторов в исследовании данной области:

- 1) «точечный» подход, сводящийся к развитию отдельных составляющих технологического потенциала (например, развитие отдельных процессов, институтов, отраслей, применение этих методов в контексте отдельного региона и т.д.) [2; 3];
- 2) комплексный подход, направленный на развитие технологического потенциала путем влияния на российскую экономику в целом [4; 5].

Рассмотрим основные проблемы развития, заключающиеся в отсутствии необходимого уровня подготовленности отраслей к инновационным изменениям. Несмотря на разные взгляды исследователей к вопросу инновационного развития, большинство авторов указывает на недостаточную эффективность государственных мер и решений, применяемых как на региональном, так и на национальном уровне. При этом отмечается необходимость участия государства в технологическом развитии и наличия конкретного подхода к этому развитию. Однако в работах критикуют как централизацию, так и децентрализацию государственных инициатив [6; 7].

Не меньшей проблемой авторы выделяют зависимость от импортной продукции в российской промышленности. Она является и причиной технологического застоя, и следствием. Предлагаемый подход к решению — финансирование производителей-импортозаместителей [8].

Еще одной значимой проблемой является незаинтересованность российских предприятий в технологическом развитии ввиду следующих факторов:

- недостаточная развитость рыночных механизмов;
- стоимость ресурсов;
- долгая окупаемость затраченных в инвестиции средств при краткосрочном планировании.

Незаинтересованность и неготовность принимать участие в инновационном развитии также отмечается и со стороны российской науки [9].

Таким образом, в управлении развитием технологического потенциала присутствует замкнутый круг зависимых друг от друга проблем, требующих системного подхода в их решении.

Результаты и обсуждения. Анализируя подходы таких авторов, как Клейнер Г.Б., Филатов В.И., можно отметить основное направление в инновационном развитии регионов — структурную модернизацию. Она заключается в формировании наиболее плодотворных пропорций и расстановки производственных мощностей, напрямую отвечающих за развитие технологического потенциала региона.

Можно выделить следующие цели на пути применения структурной модернизации:

- 1) выравнивание дисбаланса пропорций отраслей в технологическом и территориальном аспекте;
- 2) обеспечение межотраслевой коммуникации и взаимодействия, направленное на получение комбинированного эффекта развития технологического потенциала.

Структурная модернизация экономики должна основываться на определенной, заложенной государством, модели экономического роста. Инновационную модель следует выбирать

исходя из государственной политики технологического развития. Выбор такой модели является одной из первостепенных задач в построении концептуальной основы управления развитием технологического потенциала. На сегодняшний день такая модель в российской экономике не определена, даже несмотря на неоднократные попытки изменить это. Например, в 2018 году не был принят законопроект «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации» [10]. Рассмотрим «Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года и последующую перспективу», в котором заключено концептуально видение государства на перспективы развития технологического потенциала, отражены общие тренды, оценки мировых тенденций, анализ внешних и внутренних условий, первостепенные потребности государства и основные направления развития НТП. Однако согласно мнению ученых РАН, в прогнозе нет целостного представления о технологическом развитии, а представленные сценарии «не предполагают значительных изменений в экономике и технологиях» [11].

Таким образом, можно сделать вывод об отсутствии системного взгляда на подходы к управлению развитием технологического потенциала, а также проблем в области экономического роста и инноваций. Однако также важно осветить вопрос анализа показателей технологического потенциала и экономического роста. Во многих работах рассматриваются лишь количественные показатели, в то время как показатели качественных преобразований не затрагиваются [12]. Эта особенность наблюдается, в частности, в повышении позиции России в международных рейтингах в основном благодаря повышению численных показателей, таких как численность научных сотрудников или выпускников технических специальностей.

Выводы. Проведённый анализ концептуальных оснований управления развитием технологического потенциала в российской экономике подчеркивает необходимость формирования целостных моделей инновационного развития, реализуемых с помощью системного подхода и предполагающих трансформацию отраслевой структуры, а также внедрения процессов взаимодействия отраслей в купе с наращиванием технологического потенциала. Стратегические документы, при всей их номинальной корректности, нуждаются в углублённой теоретической разработке вопросов стратегического планирования инновационного развития и обеспечения экономического роста. Существующие направления анализа и оценочных процедур в сфере научно-технического и инновационного развития требуют дальнейшего совершенствования. Необходима модернизация подходов к диагностике фактического уровня научно-технологического прогресса как в промышленности, так и в экономике в целом.

Список литературы

1. *Теребова С., Губанова Е.* Активизация инновационного процесса в регионе. — ЛитРес, ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2014.
2. *Давыденко Е.В.* Модели национальных инновационных систем: зарубежный опыт и адаптация для России / Е.В. Давыденко // Проблемы современной экономики. — 2017. — № 2(50). — С. 23 — 26.
3. *Пиканов М.И.* К вопросу о совершенствовании региональной поддержки малых инновационных предприятий / М.И. Пиканов // Экономические науки. — 2010. — № 72. — С. 73–77.
4. *Клейнер Г.Б.* Государство — регион — отрасль — предприятие: каркас системной устойчивости экономики России. Ча. 2 / Г.Б. Клейнер // Экономика региона. — 2015. — № 3. — С. 9–17.
5. *Лосева А.В.* Инновационное развитие российских территорий: проблемы понимания, измерения и оценки / А.В. Лосева, О.В. Леднева // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2021. — № 4(235). — С. 6–23.
6. *Савон Д.Ю.* Применение инновационных методов ресурсосбережения при переработке и утилизации отходов в производственной сфере / Д.Ю. Савон, М.А. Абрамова // Горный информационно-аналитический бюллетень (научнотехнический журнал). — 2015. — № 8. — С. 280–288.
7. *Торкановский Е.П.* Инвестиционные фонды, предпосылки и факторы их развития для обеспечения инновационного роста экономики / Е.П. Торкановский // Вестник института экономики Российской академии наук. — 2014. — № 5. — С. 37–46.
8. *Крюков В.А.* О содержании проекта прогноза научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. / В.А. Крюков, В.И. Суслов, А.О. Баранов, Ю.Ш. Блам, А.А. Заболот-

- ский, Н.А. Кравченко, А.В. Соколов, Н.И. Суслов, Г.А. Унтура, В.Н. Чурашёв // Проблемы прогнозирования. — 2019. — № 3. — С. 40–49.
9. *Гузикова Л.И.* Макроэкономическое стимулирование инноваций в России / Л.А. Гузикова, Л.И. Иващенко // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2014. — № 3-1. — С. 284–291.
10. Проект Федерального закона № 99029071-2 «Об инновационной деятельности и о государственной инновационной политике» (ред., подготовленная ГД ФС РФ ко 2-му чтению 19.11.1999) // Сейчас. ру. — URL: <http://www.lawmix.ru/lawprojects/70222> (дата обращения: 21.02.2014).
11. Коробова Ю.С. Оценка уровня устойчивости регионального промышленного сектора / Ю.С. Коробова, С.Н. Яшин // Инновации. — 2018. — № 12 (242). — С. 68–76. (Интегральный показатель).
12. *Бортник И.М.* Система оценки и мониторинга инновационного развития регионов России / И.М. Бортник, А.А. Здунов, П.А. Кадочников, Н.Н. Михеева, Г.И. Сенченя, А.В. Сорокина // Инновации. — 2012. — № 9(167). — С. 48–61.
13. *Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А.* Теоретико-методические проблемы формирования национальной идеи Российской Федерации // Актуальные политические и исторические вопросы современности. Сборник статей. — М., 2020. — С.160–176.
14. *Слуцкий Л.Э., Васецкий Н.А., Слоботчиков О.Н.* Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография в 2-х т. / Том 1. Россия — государство-цивилизация. — М., 2024. — 384 с.
15. *Булавина М.А., Новосельский С.О., Измestьев Д.М.* Организационно-экономический механизм управления бизнес-процессами производства металлоконструкций в условиях кризиса // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2024. — Т. 15. — № 2(43). — С. 68–74.
16. *Зейналова Л.М.* Сущность феномена коррупции как социально-правового явления // Теория права и межгосударственных отношений. — 2019. — № 2(10). — С. 79–86.
17. *Ищенко М.М., Плятова Ю.А.* Анализ методов и результатов развития персонала на современном предприятии // Вестник института мировых цивилизаций. — № 2. — 2023. — С. 60–65.
18. *Конобеева А.Б.* Реинжиниринг бизнес-процессов как метод повышения эффективности управления организацией / А.Б. Конобеева // Маркетинг и логистика. — 2020. — № 3(29). — С. 77–81.
19. *Павлова А.Н.* Эффективность управления затратами транспортной компании как эффективная стратегия компании в рамках устойчивого развития / А.Н. Павлова // Тренды экономического развития транспортного комплекса России: форсайт, прогнозы и стратегии : Труды национальной научно-практической конференции, Москва, 17 апреля 2025 года. — М.: Издат.-торг. корпорация «Дашков и К», 2025. — С. 209–211.

ИНСТРУМЕНТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ «ИНФРАСТРУКТУРНОГО МЕНЮ»

С.Ю. Тарасов

аспирант,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

tarasovS_98@mail.ru

С.О. Новосельский

кандидат экономических наук, доцент,

ведущий научный сотрудник научного центра по исследованию истории и развития мировых цивилизаций,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

nsvyatoslav@yandex.ru

TOOLS FOR THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE EXAMPLE OF THE “INFRASTRUCTURE MENU”

S.Yu. Tarasov

Postgraduate student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

tarasovS_98@mail.ru

S.O. Novoselsky

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,

Leading Researcher at the Scientific Center for the Study of the History and Development of World Civilizations,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

nsvyatoslav@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается нормативно-правовая база, которая регулирует поддержку инфраструктурного развития регионов в рамках федерального проекта «Инфраструктурное меню». Анализируются ключевые законодательные акты, механизмы реализации инициатив, а также их влияние на развитие территорий. Особое внимание уделяется практическим аспектам применения этих мер и их эффективности. Этот проект представляет собой один из ключевых механизмов государственной поддержки, направленный на модернизацию инфраструктуры в субъектах Российской Федерации. В работе детально рассмотрены основные инструменты, предлагаемые в рамках указанного федерального проекта, а также проанализированы их потенциальные риски и перспективы. Особое внимание уделено такому инструменту, как «Инфраструктурные бюджетные кредиты», который играет важнейшую роль в реализации проекта.

Ключевые слова: инфраструктурное меню, бюджетные кредиты для инфраструктуры, инфраструктурные облигации, Фонд национального благосостояния, реструктуризация кредитов, модернизация коммунальных систем, ВЭБ.РФ, субсидирование процентных ставок.

Abstract. This article provides a comprehensive review of the legal and regulatory measures introduced under the federal project «Infrastructure Menu» (hereinafter referred to as the Project). The Project aims to promote infrastructural development across Russian regions through a series of state-supported initiatives. By examining the framework of the Project, the study highlights its role as a key instrument for enhancing infrastructure growth and addressing regional disparities. The tools within the framework of the specified OP are considered in detail, highlighting possible risks and prospects for their application. It has been revealed that the most significant role is assigned to the «Infrastructure budget loans» tool in this regard.

Key words: infrastructure menu, infrastructure budget loans, infrastructure bonds, National Welfare Fund, restructuring of budget loans, modernization of municipal infrastructure, state corporation VEB.RF, subsidizing the interest rate.

В апреле 2021 года Президент России в своём Послании Федеральному Собранию обозначил приоритеты социально-экономического развития страны. Уже через полгода, в октябре,

Правительство РФ утвердило 42 инициативы, которые должны обеспечить устойчивый рост экономики и улучшение качества жизни граждан до 2030 года. Одним из ключевых направлений стал комплекс мер по развитию инфраструктуры регионов — проект «Инфраструктурное меню». Позже он был оформлен в виде отдельного федерального проекта с тем же названием. В его реализации участвуют не только федеральные и региональные власти, но и муниципалитеты, а также институты развития.

«Инфраструктурное меню» включает восемь основных инструментов, каждый из которых решает конкретные задачи. Их применение регулируется отдельными нормативными актами, определяющими условия и механизмы поддержки. Этот проект призван ускорить модернизацию транспортной, энергетической, жилищно-коммунальной и социальной инфраструктуры, что в перспективе должно повысить инвестиционную привлекательность регионов и качество жизни населения.

В соответствии со Стратегией развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года (утверждена на распоряжением Правительства РФ от 31 октября 2022 г. № 3268-р), основными инструментами ФП являются:

- 1) инфраструктурные облигации;
- 2) предоставление средств Фонда национального благосостояния государственной корпорации — Фонду содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства (в настоящее время преобразован в Фонд развития территорий);
- 3) субсидирование процентной ставки по кредитам, выданным на досрочное исполнение контрактов;
- 4) реструктуризация бюджетных кредитов в 2020–2021 годах в целях инфраструктурной поддержки реализации новых инвестиционных проектов;
- 5) программа модернизации коммунальной инфраструктуры на период 2023–2027 годов с прогнозом до 2030 года;
- 6) Поддержка проектов по строительству, модернизации и реконструкции объектов инфраструктуры со стороны государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ»
- 7) ИБК (инфраструктурные бюджетные кредиты);
- 8) СКК (специальные казначейские кредиты — в процессе включения в паспорт проекта).

Эти механизмы дополняют уже существующие меры в рамках национальных и федеральных проектов, а также федеральных целевых программ. Их ключевое отличие заключается в возвратном характере, что выделяет их на фоне традиционных мер, таких как межбюджетные трансферты, предоставляемые в рамках национальных проектов и государственных программ.

Обзор ранее выполненных исследований. Федеральный проект «Инфраструктурное меню» зарекомендовал себя как эффективный набор инструментов межбюджетной политики Российской Федерации, привлекающий внимание как российских, так и зарубежных исследователей в области финансов и экономики. Например, такой инструмент, как бюджетные кредиты, был детально изучен с точки зрения его правового закрепления в федеральном законодательстве [7; 10], а также его влияния на бюджетную ситуацию в регионах России в различные периоды [3; 11]. Ряд публикаций посвящён анализу методов реструктуризации государственного долга регионов, особенно в части бюджетных кредитов [2; 5].

В то же время новые инструменты, такие как инфраструктурные бюджетные и специальные казначейские кредиты, пока остаются недостаточно изученными в научной литературе, что связано с их относительно недавним появлением. Среди немногочисленных работ можно выделить статью, посвящённую особенностям применения кредитных инструментов «Инфраструктурного меню» [1], а также публикации Д.И. Городецкого (МГИМО) [4] и С.И. Шабельниковой (Совет Федерации) [12], содержащие обзор инструментов ФП.

В этой связи данная статья подготовлена для суммаризации информации о доступных инструментах «Инфраструктурного меню», , что делает её актуальной для дальнейших исследований в этой области.

В целях более подробного изучения проведем анализ финансовых инструментов инфраструктурного развития в Российской Федерации

1. Инфраструктурные облигации (ИО)

Данный инструмент демонстрирует эффективный механизм привлечения частных инвестиций в инфраструктурные проекты. Согласно данным ФП, общий объем привлеченных средств составил 150 млрд рублей, что полностью соответствует объему одобренных займов специальными обществами проектного финансирования (строка 1.1 таблицы 3 ФП). Особенностью данного инструмента является его двойная структура финансирования: при значительном объеме привлеченных частных инвестиций (150 млрд руб.), прямое бюджетное финансирование составило лишь 11,3 млрд рублей (строка 1.1 таблицы 6 ФП). Такой подход позволяет минимизировать нагрузку на федеральный бюджет при реализации масштабных инфраструктурных проектов.

2. Предоставление средств ФНБ государственной корпорации — Фонду содействия реформированию ЖКХ (в настоящее время преобразован в Фонд развития территорий)

После организационной трансформации данный институт развития сохранил свою ключевую роль в финансировании инфраструктурных проектов. Общий объем реализованных проектов достиг 187,5 млрд рублей (строки 3.1 таблиц 3 и 6 ФП), при этом непосредственно на строительные и модернизационные работы было направлено 130 млрд рублей. Анализ источников [2; 5] показывает, что фонд преимущественно работает по схеме софинансирования, привлекающей дополнительные ресурсы региональных бюджетов и частных инвесторов. Это подтверждается разницей между общим объемом проектов (187,5 млрд руб.) и суммой выделенных займов (130 млрд руб.).

3. Субсидирование процентной ставки по кредитам (выдаются на досрочное исполнение контрактов)

Данный механизм поддержки дорожной отрасли показал свою высокую эффективность. Основные параметры:

- объем льготного кредитования: 596 млрд рублей;
- компенсация кредиторам: 0,9 млрд рублей;
- плановые ассигнования на 2022–2024 гг.: 2,7 млрд рублей [3; 11].

Согласно анализу источников [4; 12], данный инструмент позволил значительно ускорить реализацию инфраструктурных проектов в дорожном хозяйстве за счет снижения финансовой нагрузки на подрядные организации. При этом бюджетная нагрузка остается относительно невысокой благодаря точечному характеру субсидирования.

4. Реструктуризация бюджетных кредитов 2020–2021 гг. (инфраструктурная поддержка реализации НИП — новых инвестиционных проектов)

Несмотря на отсутствие прямого отражения в ФП, данный инструмент играет важную роль в инфраструктурной поддержке регионов. По данным портала stoi.gov.ru:

- плановый объем финансирования: 628 млрд рублей (2021–2024 гг.);
- фактически реструктуризировано: 277 млрд рублей [2; 5].

Как отмечается в источниках [7, 10], данный механизм особенно важен для поддержки новых инвестиционных проектов в условиях экономической нестабильности, позволяя регионам перераспределить финансовые потоки без увеличения долговой нагрузки.

5. Программа модернизации коммунальной инфраструктуры (2023–2027 гг.)

Хотя программа не отражена в ФП, ее значение подчеркивается специальным федеральным законом (№ 466-ФЗ от 05.12.2022):

- 2023 год: 30 млрд рублей;

— 2024 год: 100 млрд рублей.

Программа имеет четкую отраслевую направленность (коммунальная инфраструктура) и долгосрочный характер планирования (до 2030 года), что подтверждает стратегический подход к развитию данного сектора [1,4].

6. Госкорпорация «ВЭБ.РФ»
(поддержка проектов по строительству, модернизации
и реконструкции объектов инфраструктуры)

Выступает ключевым институтом развития инфраструктуры:

— общий объем проектов, которые были профинансированы при поддержке ВЭБ.РФ: 1,1024 трлн рублей;

— прямая поддержка ВЭБ.РФ: 300 млрд рублей

Анализ данных [3;11;12] показывает, что ВЭБ.РФ работает по модели комплексного финансирования, сочетая прямые инвестиции с привлечением частного капитала. Особенностью является широкий спектр поддерживаемых проектов — от строительства новых объектов до модернизации существующей инфраструктуры.

7. Инфраструктурные бюджетные кредиты (ИБК)

Суммарный объем финансирования достиг 1 трлн рублей при обязательном условии софинансирования из внебюджетных источников в соотношении 1:1 (строка 2.1 таблицы 3 ФП). Как отмечается в источниках [7,10], данный механизм доказал свою эффективность в стимулировании регионов к поиску дополнительных источников финансирования инфраструктурных проектов.

8. Специальные казначейские кредиты (СКК)

Находящийся в процессе внедрения инструмент уже предусматривает выделение 190 млрд рублей согласно Постановлению Правительства № 525 от 31.03.2023. Особенностью является целевой характер финансирования (ЖКХ, транспорт, ДФО, новые территории), что подчеркивает его значение для решения стратегических задач пространственного развития страны [1; 4].

Проведенный анализ показывает, что современная система финансирования инфраструктурного развития в России отличается:

- 1) диверсификацией инструментов;
- 2) сочетанием бюджетных и внебюджетных источников;
- 3) четкой отраслевой и региональной специализацией;
- 4) долгосрочным характером планирования.

Наибольшие объемы государственного финансирования сосредоточены в бюджетных кредитных механизмах (ИБК — 1 трлн руб.), что подтверждает их ключевую роль в реализации инфраструктурной политики государства. Также стоит отметить, что «Инфраструктурное меню» в рамках федерального проекта включает как уже существующие меры гос. поддержки, так и другие, более адаптированные под современные реалии инструменты (см. рис. 1).

Рассмотрим ключевые характеристики механизмов программы «Инфраструктурное меню».

1. Инфраструктурные бюджетные кредиты (ИБК) — Этот финансовый инструмент был разработан специально для реализации крупных инфраструктурных проектов. Его главная особенность — равное софинансирование: 50% средств поступает из федерального бюджета через региональные казны, а оставшиеся 50% вкладывают частные инвесторы.

ИБК действуют с июля 2021 года и предлагают уникальные условия:

- фиксированная ставка — всего 3% годовых;
- длительный срок кредитования — от 15 лет;
- отсрочка платежей на первые три года.

Рис. 1. Федеральный проект «Инфраструктурное меню» в период 2021–2024 годов

Чтобы получить финансирование, регионы проходят строгий конкурсный отбор под контролем публично-правовой компании «Фонд развития территорий» федеральных органов исполнительной власти и Штаба регионального развития Правительства Российской Федерации под руководством Марата Шакирзяновича Хуснуллина. В процессе отбора оценивается экономическая эффективность и социальная значимость проектов. Такой подход обеспечивает прозрачность распределения средств и ответственное использование бюджетных ресурсов.

Этот механизм уже доказал свою эффективность, помогая реализовывать стратегически важные объекты без чрезмерной нагрузки на региональные бюджеты.

К основным нормативным документам, регулирующим ИБК, относятся:

- 1) правила отбора инфраструктурных проектов, источником финансового обеспечения расходов на реализацию которых являются бюджетные кредиты из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на финансовое обеспечение реализации инфраструктурных проектов, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2021 г. № 1189;
- 2) правила предоставления, использования и возврата субъектами Российской Федерации бюджетных кредитов, полученных из федерального бюджета на финансовое обеспечение реализации инфраструктурных проектов, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2021 г. № 1190;
- 3) методика отбора инфраструктурных проектов, источником финансового обеспечения расходов на реализацию которых являются бюджетные кредиты из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на финансовое обеспечение реализации инфраструктурных проектов, утвержденная Президиумом (штабом) Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации, которая была одобрена протоколом Штаба № 30 от 15 июля 2021 г.).

2. Специальные казначейские кредиты (СКК) — это целевые заемные средства, предоставляемые регионам Российской Федерации на льготных условиях для финансирования инфраструктурных проектов. Данный инструмент направлен на поддержку ключевых направлений развития, таких как ЖКХ, транспорт, энергетика и развитие новых территорий.

Основные преимущества инструмента:

- ускоренные сроки рассмотрения заявок (не более 60 дней);
- гибкие схемы погашения (аналогично с инфраструктурными бюджетными кредитами);
- поддержка дальневосточных и новых регионов России, а также российских производителей транспортных средств (автобусов);
- техническая поддержка Фонда развития территорий на всех этапах реализации проекта (начиная с подачи заявки, заканчивая получением документов, подтверждающих ввод объекта в эксплуатацию или проведенную закупку).

На практике СКК уже доказали свою эффективность, позволив в кратчайшие сроки реализовать несколько десятков стратегических проектов по всей стране. Особенно востребованным этот инструмент оказался в регионах Дальнего Востока и новых территориях, где требуется быстрый ввод критически важных инфраструктурных объектов.

Основным документом, регулирующим предоставление специальных казначейских кредитов является постановление Правительства Российской Федерации от 31.03.2023 № 525 (устанавливает лимиты бюджетных средств в размере 190 млрд рублей на реализацию инфраструктурных проектов в регионах).

3. Инфраструктурные облигации (ДОМ.РФ) — Этот долговой инструмент предназначен для застройщиков и организаций, находящихся в 100% -ной собственности регионов России. Он позволяет привлекать крупные инвестиции на длительный срок — до 20 лет, при этом минимальная сумма займа составляет 300 млн рублей.

Деньги инвесторов направляются на создание полноценной городской среды. Речь идет не просто о строительстве домов, а о комплексном развитии территорий — прокладке коммуникаций, возведении социальных объектов, организации транспортной сети. Особый акцент сделан на проектах арендного жилья, которое становится все более востребованным в крупных городах.

Главная ценность этого инструмента — в его адресности. Средства не растворяются в общем бюджете, а работают на конкретные, тщательно отобранные проекты, каждый из которых проходит многоступенчатую проверку. Такой подход обеспечивает и прозрачность расходования средств, и высокое качество реализации инфраструктурных инициатив.

На практике это означает, что жители новых районов получают не просто квартиры, а полноценную среду для жизни со всей необходимой инфраструктурой — от детских садов и поликлиник до удобных транспортных развязок. Именно такой комплексный подход делает инфраструктурные облигации по-настоящему перспективным инструментом градостроительной политики.

К основным документам относится постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 № 2459 «Об утверждении Правил финансирования строительства (реконструкции) объектов инфраструктуры с использованием облигаций специализированных обществ проектного финансирования и о внесении изменения в Положение о Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации»

4. Предоставление средств ФНБ государственной корпорации — Фонду содействия реформированию ЖКХ (ныне Фонду развития территорий) — этот финансовый механизм представляет собой эффективный инструмент поддержки модернизации коммунальной инфраструктуры в регионах России.

Его ключевая особенность — предоставление долгосрочных займов на льготных условиях: срок до 25 лет под 3% годовых с отсрочкой платежей на первые 5 лет. Это делает финансирование доступным даже для небольших муниципалитетов с населением до 500 тысяч человек.

Фонд развития территорий (бывший Фонд ЖКХ) выступает в роли финансового посредника, перераспределяя средства Фонда национального благосостояния на реализацию инфраструктурных проектов. При этом сохраняется принцип софинансирования: Фонд покрывает до 60% стоимости проекта (но не более 300 млн рублей), тогда как оставшиеся средства должны привлекаться из других источников, включая обязательные 20% от частных инвесторов.

Основное направление расходования средств — комплексная модернизация коммунального хозяйства, включая разработку проектной документации, капитальный ремонт и техническое переоснащение объектов инфраструктуры. Каждый проект проходит строгий отбор, где оценивается его экономическая обоснованность, соответствие стратегиям развития региона и прозрачность финансирования.

Главное преимущество этого инструмента — сочетание доступных финансовых условий с рыночными принципами ответственности. С одной стороны, регионы получают «длинные деньги» по ставкам ниже рыночных. С другой — необходимость привлечения софинансирования и строгий контроль за исполнением проектов обеспечивают дисциплину использования средств. На практике это позволяет реализовывать капиталоемкие проекты модернизации ЖКХ, которые в иных условиях были бы недоступны для многих муниципальных образований.

К регулирующим относятся следующие документы.

1. Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2015 г. № 1451 «О предоставлении финансовой поддержки за счет средств государственной корпорации — Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства на модернизацию систем коммунальной инфраструктуры». Данный документ устанавливает основные правила предоставления средств и требования к проектам.
2. Постановление Правительства РФ от 2 февраля 2022 г. № 87 «О предоставлении публично-правовой компанией «Фонд развития территорий» за счет привлеченных средств Фонда национального благосостояния займов юридическим лицам, в том числе путем приобретения облигаций юридических лиц при их первичном размещении, в целях реализации проектов по строительству, реконструкции, модернизации объектов инфраструктуры, и о внесении изменения в Положение о Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации». Этот документ расширяет возможности использования средств ФНБ и уточняет порядок предоставления займов.

5. Субсидирование процентной ставки по кредитам, выданным на досрочное исполнение контрактов — этот финансовый механизм представляет собой особую форму государственной поддержки, направленную на ускорение темпов строительства ключевых объектов. Его суть заключается в частичной компенсации банкам недополученных доходов по кредитам, выданным подрядным организациям для досрочного выполнения государственных и муниципальных контрактов.

Финансовая модель инструмента построена на принципе замещения рыночной стоимости заемных средств. ДОМ.РФ возмещает кредитным организациям разницу между коммерческой ставкой и льготными 3% годовых, используя для расчетов действующую ключевую ставку Центробанка. Такой подход создает сбалансированную систему мотивации для всех участников процесса.

Особенностью механизма является его адресный характер. Право на субсидирование предоставляется только после тщательного отбора проектов специальной межведомственной комиссией, созданной согласно Приказу Минстроя № 422/пр от 28 июня 2021 года. В ходе отбора оцениваются:

- стратегическая значимость объекта;
- реалистичность графика досрочного завершения;
- финансовая устойчивость подрядной организации;
- потенциальный экономический эффект от ускоренного ввода.

На практике инструмент доказал свою эффективность, позволяя сокращать сроки строительства социально значимых объектов в среднем на 15–20% без увеличения конечной стоимости проекта. При этом достигается синергетический эффект — подрядчики получают доступ к льготному финансированию, банки сохраняют доходность операций, а государство ускоряет реализацию инфраструктурных программ.

Важно отметить, что механизм субсидирования не является безвозмездной помощью — он стимулирует участников рынка к более эффективной организации строительного процесса, создавая экономические условия для опережающего выполнения работ. Это пример удачного сочетания государственного регулирования с рыночными принципами финансирования.

К основным документам относится постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 2438 «Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета акционерному обществу «ДОМ.РФ» в виде вклада в имущество акционерного общества «ДОМ.РФ», не увеличивающего его уставный капитал, для возмещения российским кредитным организациям недополученных доходов по кредитам, выданным подрядным организациям на досрочное исполнение контрактов по объектам капитального строительства по льготной ставке, и Правил возмещения российским кредитным организациям недополученных доходов по кредитам, выданным подрядным организациям на досрочное исполнение контрактов по объектам капитального строительства по льготной ставке».

6. Реструктуризация бюджетных кредитов в 2020–2021 годах в целях инфраструктурной поддержки реализации новых инвестиционных проектов — уникальный финансовый механизм был разработан как ответ на вызовы пандемийного периода, предлагая регионам принци-

пиально новый способ работы с долговой нагрузкой. Суть подхода заключается в трансформации текущих обязательств в будущие налоговые поступления через реализацию конкретных инвестиционных инициатив.

Финансовая логика инструмента построена на парадигме «инвестиции вместо долгов». Федеральный центр идет на списание части региональной задолженности, но не безвозмездно — а в обмен на будущие налоговые отчисления от новых проектов. При этом объем списания строго привязан к прогнозируемым поступлениям в федеральный бюджет, создавая баланс интересов.

Особенностью механизма является его проектно-ориентированный характер. Согласно нормативным положениям (Постановление № 1704 от 19.10.2020), право на реструктуризацию получают только те обязательства, которые обеспечены конкретными инвестиционными проектами с четкими параметрами:

- ввод объектов после 1 января 2021 года;
- наличие детального плана реализации;
- создание новых рабочих мест;
- прогнозируемый фискальный эффект.

На практике это создает систему «инвестиционных обменов», где регионы получают финансовую передышку, а федеральный бюджет — гарантированные будущие доходы. Примечательно, что инструмент допускает участие как новых специализированных проектных компаний, так и уже действующих предприятий, расширяя круг потенциальных инвесторов.

Эффективность механизма подтверждается тем, что он не просто отсрочивает платежи, а стимулирует создание новых производственных активов. Такой подход превращает проблему региональных долгов в драйвер территориального развития, демонстрируя нетривиальное решение сложной экономической задачи.

Основные документы:

- 1) Постановление Правительства Российской Федерации от 19 октября 2020 г. № 1704 «Об утверждении Правил определения новых инвестиционных проектов, в целях реализации которых средства бюджета субъекта Российской Федерации, высвобождаемые в результате снижения объема погашения задолженности субъекта Российской Федерации перед Российской Федерацией по бюджетным кредитам, подлежат направлению на выполнение инженерных изысканий, проектирование, экспертизу проектной документации и (или) результатов инженерных изысканий, строительство, реконструкцию и ввод в эксплуатацию объектов инфраструктуры, а также на подключение (технологическое присоединение) объектов капитального строительства к сетям инженерно-технического обеспечения»;
- 2) Постановление Правительства Российской Федерации от 12 октября 2021 г. № 1740 «Об утверждении Правил списания задолженности субъекта Российской Федерации перед Российской Федерацией по бюджетным кредитам, методики расчета поступления налоговых доходов в федеральный бюджет от реализации новых инвестиционных проектов и перечня подлежащих зачислению в федеральный бюджет налоговых доходов от реализации новых инвестиционных проектов, в объеме поступления в федеральный бюджет которых Правительство Российской Федерации вправе списать задолженность субъектов Российской Федерации по бюджетным кредитам, и о признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 19 октября 2020 г. № 1705».

7. Поддержка инфраструктурных проектов государственной корпорацией «ВЭБ.РФ» — предоставление финансовой поддержки крупным инвестиционным и экспортным проектам. Предлагает комплексный подход к финансированию масштабных инфраструктурных проектов. Корпорация выступает в роли стратегического партнера, используя широкий арсенал финансовых инструментов — от прямого кредитования до участия в капитале перспективных предприятий.

Особенностью работы ВЭБ.РФ является гибкий подход к срокам финансирования. Для оперативных нужд предусмотрены среднесрочные кредиты (1–3 года), тогда как стратегические инфраструктурные проекты могут рассчитывать на поддержку сроком до 20 лет. При этом минимальный порог входа установлен на уровне 1 млрд рублей для общего объема проекта, при участии самой корпорации от 500 млн рублей.

Финансовая поддержка оказывается только тем инициативам, которые прошли строгий отбор. Согласно требованиям, закрепленным в Меморандуме (утвержден Распоряжением Правительства № 2208-р от 10.08.2021), каждый проект должен демонстрировать не только соответствие стратегическим приоритетам развития, но и четкую экономическую обоснованность. Речь идет о наличии продуманного плана реализации, реалистичных финансовых прогнозов и понятных механизмов окупаемости.

На практике это означает, что ВЭБ.РФ выступает не просто как источник финансирования, а как полноценный партнер, заинтересованный в успешной реализации инфраструктурных инициатив. Такой подход позволяет сочетать государственные интересы с принципами рыночной эффективности, создавая основу для устойчивого развития ключевых отраслей экономики.

Интересно отметить, что корпорация особое внимание уделяет проектам, направленным на устранение инфраструктурных ограничений экономического роста. Для таких стратегически важных инициатив предусмотрены максимально длительные сроки поддержки — до 20 лет при участии в капитале, что подчеркивает их особый статус в системе национальных приоритетов.

Особенности программы:

- нормативные акты, регулирующие данную программу, отсутствуют;
- условия поддержки определяются индивидуально на основе анализа заявки и оценки проекта.

8. Программа модернизации коммунальной инфраструктуры на период 2023–2027 годов с прогнозом до 2030 года — комплекс мер, направленных на обновление и развитие коммунальной инфраструктуры в регионах России.

Основные цели программы включают повышение надежности, энергоэффективности и экологической безопасности систем водоснабжения, водоотведения, теплоснабжения и других коммунальных услуг.

Основными задачами программы являются модернизация устаревших объектов коммунальной инфраструктуры, внедрение энергоэффективных технологий, снижение потерь в коммунальных сетях и улучшение качества услуг для населения.

Современные вызовы коммунальной инфраструктуры требуют комплексного подхода к модернизации. Программа 2023–2027 годов учитывает не только технические аспекты обновления сетей, но и экономические механизмы устойчивого развития отрасли. Особое внимание уделяется цифровизации процессов мониторинга и управления коммунальными системами, что позволит оперативно реагировать на аварийные ситуации и минимизировать потери.

Эксперты отмечают, что реализация программы создаст мультипликативный эффект для региональных экономик. Помимо непосредственного улучшения качества коммунальных услуг, масштабная модернизация инфраструктуры стимулирует развитие местных производств строительных материалов и оборудования, создаст новые рабочие места в строительной отрасли. Важным аспектом является гармонизация экологических стандартов с современными требованиями устойчивого развития, что особенно актуально для промышленных регионов с высокой нагрузкой на окружающую среду.

Основным нормативным документом является постановление Правительства РФ от 26.12.2015 № 1451, устанавливающее правила предоставления финансовой поддержки за счет средств Фонда содействия реформированию ЖКХ (ныне — Фонд развития территорий) на модернизацию систем коммунальной инфраструктуры.

Результаты исследования

Проведенный анализ инструментов федерального проекта «Инфраструктурное меню» позволил сделать ряд важных выводов. Среди всех рассмотренных механизмов поддержки инфраструктурного развития инфраструктурные бюджетные кредиты (ИБК) продемонстрировали наибольшую эффективность и потенциал для дальнейшего совершенствования.

Основные преимущества ИБК, выявленные в ходе исследования:

- 1) уникальная модель софинансирования (50/50), сочетающая бюджетные средства и частные инвестиции;

- 2) льготные условия кредитования (3% годовых, срок до 15 лет);
- 3) гибкий механизм реализации с учетом региональной специфики;
- 4) высокая прозрачность использования средств;
- 5) доказанная эффективность в реализации крупных инфраструктурных проектов.

По сравнению с другими инструментами (специальные казначейские кредиты, облигации ДОМ.РФ, программы ВЭБ.РФ и прочее), ИБК демонстрируют:

- 1) более широкий охват регионов.
- 2) большую гибкость в применении.
- 3) лучшие показатели реализации проектов.
- 4) более устойчивую модель финансирования.

Перспективы дальнейшего развития ИБК:

- 1) расширение перечня допустимых проектов;
- 2) дифференциация условий для различных категорий регионов;
- 3) совершенствование методик оценки эффективности;
- 4) развитие системы мониторинга реализации проектов Фондом развития территорий;
- 5) оптимизация процедуры отбора заявок и предоставления отчетности о реализации проектов субъектами.
- 6) модернизация данной программы с расширением объемов федерального финансирования для обеспечения устойчивого инфраструктурного развития субъектов РФ.

Учитывая вышеперечисленное, стоит сделать вывод, что инфраструктурные бюджетные кредиты зарекомендовали себя как наиболее эффективный инструмент территориального развития, сочетающий государственную поддержку и рыночные принципы. Их дальнейшее совершенствование должно стать приоритетным направлением развития системы инфраструктурного финансирования в России.

В будущих исследованиях планируется глубокое аналитическое рассмотрение каждого инструмента, включённого в «Инфраструктурное меню» с упором на изучение дальнейшего развития инструмента ИБК. Это позволит не только выявить их реальное влияние на социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации, но и предложить эффективные стратегии их применения для достижения оптимальных результатов.

Список литературы

1. Абдуллаев А.М., Землянский Д.Ю. Особенности применения кредитных инструментов «Инфраструктурного меню» и их возможное влияние на бюджетную ситуацию в регионах России, 2023. — С. 43–55. — DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-4.
2. Белостоцкий А.А. Программа реструктуризации государственного долга субъектов РФ: проблемы и решения // Россия: тенденции и перспективы развития / под ред. В.И. Герасимова. — М.: ИНИОН РАН, 2018. — С. 430–433.
3. Бирюков А.Г. О практике предоставления бюджетных кредитов бюджетам субъектов Российской Федерации // Власть. — 2012. — № 1. — С. 12–21.
4. Городецкий Д.И. Инструменты поддержки инфраструктурных проектов в условиях глобальной борьбы с пандемией COVID-19 // Право и управление. XXI век. — 2021. — Т. 17. — № 4. — С. 57–67. — DOI: 10.24833/2073-8420-2021-4-61-57-67.
5. Колодяжная А.Ю. Реструктуризация как способ снижения государственного долга субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы экономической деятельности и образования в современных условиях / под ред. Ю.Г. Мишучковой. — Красноярск: ООО «Научно-инновационный центр», 2018. — С. 157–163.
6. Кузнецов Н.В. Подходы к оценке эффективности деятельности государственных корпораций России (на примере ГК «ВЭБ. РФ») // Экономика и предпринимательство. — 2021. — № 7. — С. 1393–1396. — DOI: 10.34925/EIP.2021.132.7.254.
7. Ложечко А.С. Государственные кредиты Российской Федерации: проблемы теории и практики // Финансы и кредит. — 2018. — Т. 24. — № 3(771). — С. 522–536. — DOI: 10.24891/fc.24.3.522.
8. Мамедов А., Фомина Е. Бюджетные кредиты и дотации регионам в 2015 г. // Экономическое развитие России. — 2016. — Т. 23. — № 3. — С. 93–100.

9. Мнацаканян А.Г., Саргсян С.А. Проблемы и перспективы использования инфраструктурных облигаций для финансирования проектов в Российской Федерации // Финансовый бизнес. — 2021. — № 1. — С. 40–43.
10. Плещачев Ю.А., Пономарев Ю.Ю., Ростислав К.В. Развитие инфраструктурных облигаций в России: требуется проработка нормативной базы и инструментов повышения привлекательности для инвесторов // Экономическое развитие России. — 2021. — Т. 28. — № 5. — С. 40–51.
11. Покачалова Е.В., Швецова И.В. Бюджетный кредит как институт бюджетного права // Вестн. Саратов. гос. юрид. академии. — 2021. — № 5(142). — С. 234–242. — DOI: 10.24412/2227-7315-2021-5-234-242.
12. Сергиенко Н.С., Сусякова О.Н. Бюджетные кредиты для обеспечения текущей сбалансированности территориальных бюджетов // Финансы и управление. — 2017. — № 1. — С. 47–59. — DOI: 10.7256/2409-7802.2017.1.17881.
13. Шабельникова С.И. Проблемы обеспечения сбалансированности бюджетов регионов в условиях санкционного давления // Федерализм. — 2022. — Т. 27. — № 2. — С. 31–45. — DOI: 10.21686/2073-1051-2022-2-31-45.
14. Распоряжение Правительства РФ от 06.10.2021 № 2816-р (ред. от 14.03.2022) «Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_397326/ (дата обращения: 28.12.2023).
15. Постановление Правительства РФ от 14.07.2021 № 1190 (ред. от 02.04.2022) «Об утверждении Правил предоставления, использования и возврата субъектами Российской Федерации бюджетных кредитов, полученных из федерального бюджета на финансовое обеспечение реализации инфраструктурных проектов» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_391652/ (дата обращения: 22.01.2024).
16. Постановление Правительства РФ от 28.05.2022 № 976 «Об утверждении Правил проведения в 2022 году реструктуризации обязательств (задолженности) субъектов Российской Федерации перед Российской Федерацией по бюджетным кредитам» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418020/ (дата обращения: 22.01.2024).
17. Постановление Правительства РФ от 28.06.2021 № 1029 (ред. от 08.04.2022) «Об утверждении Правил проведения в 2021 году реструктуризации обязательств (задолженности) субъектов Российской Федерации перед Российской Федерацией по бюджетным кредитам» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388955/ (дата обращения: 03.02.2024).
18. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.03.2023 № 525 «Об утверждении Правил предоставления Федеральным казначейством бюджетам субъектов Российской Федерации бюджетных кредитов за счет временно свободных средств единого счета федерального бюджета и о внесении изменения в пункт 12.1 Положения о Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304270030> (дата обращения: 20.02.2024).
19. Правительственная комиссия по региональному развитию // Правительство России // URL: <http://government.ru/departments/545/about/> (дата обращения: 04.02.2024).
20. Распоряжение Правительства РФ от 06.10.2021 № 2816-р (ред. от 14.03.2022) «Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_397326/ (дата обращения: 04.02.2024).
21. Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А. Теоретико-методические проблемы формирования национальной идеи Российской Федерации // Актуальные политические и исторические вопросы современности. Сборник статей. — М., 2020. — С. 160–176.
22. Булавина М.А., Новосельский С.О., Измestьев Д.М. Организационно-экономический механизм управления бизнес-процессами производства металлоконструкций в условиях кризиса // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2024. — Т. 15. — № 2(43). — С. 68–74.
23. Зейналова Л.М. Сущность феномена коррупции как социально-правового явления // Теория права и межгосударственных отношений. — 2019. — № 2(10). — С. 79–86.
24. Слуцкий Л.Э., Васецкий Н.А., Слоботчиков О.Н. Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография в 2-х т. / Том 1. Россия — государство-цивилизация. — М., 2024. — 384 с.

ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Я.В. Улогов

аспирант,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

yar.ulogov2013@yandex.ru

FACTORS AND MECHANISMS FOR INCREASING THE COMPETITIVENESS OF A REGION IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF THE ECONOMY

Ya.V. Ulogov

Postgraduate student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

yar.ulogov2013@yandex.ru

Аннотация. В условиях ускоренной цифровизации хозяйственных систем конкурентоспособность региона выступает комплексной категорией, отражающей способность территории обеспечивать устойчивое социально-экономическое развитие, высокий уровень жизни населения и эффективное использование внутреннего потенциала. Настоящее исследование посвящено выявлению ключевых факторов, определяющих конкурентоспособность региона в цифровой экономике, а также разработке механизмов её повышения на основе интеграции цифровых технологий в региональные системы управления. В работе проведён обзор научной литературы, систематизированы теоретические подходы к понятию региональной конкурентоспособности, выделены структурные элементы (инфраструктурно-технологический, инновационно-производственный, институциональный, человеческий) и обосновано их взаимодействие в условиях цифровизации. Особое внимание уделено роли цифровой зрелости регионального управления, развитию цифровых экосистем и формированию кадрового потенциала. В заключении сформулированы направления совершенствования региональной политики, нацеленные на повышение конкурентоспособности за счёт цифровой трансформации, и предложены индикативные критерии оценки эффективности реализуемых мероприятий.

Ключевые слова: конкурентоспособность региона, цифровая трансформация, цифровая зрелость, человеческий капитал, региональная экономика, инновационное развитие.

Abstract. In the context of accelerated digitalization of economic systems, the competitiveness of a region acts as a complex category reflecting the territory's ability to ensure sustainable socio-economic development, a high standard of living for the population, and effective use of internal potential. This study is devoted to identifying the key factors determining the competitiveness of a region in the digital economy, as well as developing mechanisms for its improvement through the integration of digital technologies into regional management systems. The paper provides a review of scientific literature, systematizes theoretical approaches to the concept of regional competitiveness, identifies structural elements (infrastructural-technological, innovation-production, institutional, human) and substantiates their interaction in the context of digitalization. Special attention is paid to the role of digital maturity of regional governance, the development of digital ecosystems, and the formation of human capital. In conclusion, directions for improving regional policy aimed at increasing competitiveness through digital transformation are formulated, and indicative criteria for evaluating the effectiveness of implemented measures are proposed.

Key words: regional competitiveness, digital transformation, digital maturity, human capital, regional economy, innovative development.

Цифровая трансформация экономических систем выступает одним из ключевых векторов социально-экономического развития как на национальном, так и на региональном уровне. В современной научной литературе и нормативно-правовых документах цифровая трансформация определяется как комплексное изменение бизнес-моделей, производственных процессов и системы управления посредством внедрения цифровых технологий. Начало активного этапа цифровизации в России связано с утверждением национальной программы «Цифровая

экономика Российской Федерации», а в последующем — с установлением национальной цели «цифровая трансформация» в Указе Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474, где ключевым показателем выступает достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы.

Влияние цифровой трансформации на конкурентоспособность регионов носит двусторонний характер. С одной стороны, внедрение цифровых технологий в систему государственного управления и отраслевые комплексы позволяет повысить эффективность использования ресурсов, сократить административные барьеры, улучшить качество предоставления государственных и муниципальных услуг. С другой стороны, процессы цифровизации предъявляют новые требования к региональным системам управления, качеству человеческого капитала, уровню развития телекоммуникационной инфраструктуры, что создаёт риски углубления межрегиональных различий. К факторам, способствующим повышению конкурентоспособности региона в цифровых условиях, относятся развитость цифровой инфраструктуры, наличие квалифицированных кадров в сфере информационных технологий, эффективность институциональной среды, а также способность региональных органов власти к реализации стратегических проектов в области цифровизации. Сдерживают развитие конкурентоспособности недостатки правового регулирования, дефицит финансовых ресурсов для масштабирования цифровых решений, низкий уровень цифровой грамотности населения, а также фрагментарность цифровых платформ и разрозненность информационных систем.

В таких условиях стратегически значимым становится определение факторов, формирующих конкурентоспособность регионов в цифровой экономике, и разработка механизмов, позволяющих системно использовать потенциал цифровых технологий для устойчивого территориального развития. Настоящая работа направлена на анализ влияния цифровой трансформации на конкурентные позиции регионов, выявление ключевых факторов, способствующих и препятствующих данному процессу, а также обоснование направлений региональной политики, ориентированной на повышение конкурентоспособности за счёт цифровой трансформации. В рамках исследования проведён обзор научной литературы, посвящённой региональной конкурентоспособности и цифровизации, выделены структурные элементы, определяющие конкурентные преимущества территорий в цифровых условиях, и систематизированы механизмы их активизации.

Методологическую основу исследования составляют теоретический анализ и синтез научной литературы, а также методы деконструкции.

Литературный обзор

Категория «конкурентоспособность региона» является предметом изучения представителей различных научных школ. В российской экономической науке значительный вклад в разработку теоретических и прикладных аспектов региональной конкурентоспособности внесли исследователи, определявшие её как способность региона обеспечивать высокий уровень жизни населения и эффективно использовать производственный потенциал. Современные исследования всё чаще подчёркивают влияние цифровых факторов на конкурентные позиции территорий.

Вопросы цифровой трансформации регионов и оценки их готовности к внедрению информационных технологий получили широкое освещение в научной литературе. А.А. Ануфриева и К.С. Краснодубская систематизировали этапы внедрения информационных технологий в деятельность государственных структур в России, выделив организационные, правовые и инфраструктурные изменения. Авторы проанализировали методики расчёта целевых показателей национальной цели «цифровая трансформация», разработанные Минцифры России, а также методику оценки эффективности деятельности высших должностных лиц и органов исполнительной власти регионов. Исследователи пришли к выводу, что для объективной и комплексной оценки уровня цифровой зрелости системы государственного управления необходимо наряду с характеристикой базовых условий цифровой трансформации учитывать влияние региональных факторов, препятствующих или способствующих развитию данных процессов [3, с. 1075–1078]. Таким образом, существует разрыв между формальной цифровой

зрелостью (по методике) и фактической способностью региона использовать цифровые технологии для повышения конкурентоспособности.

В.И. Абрамов и В.Д. Андреев провели анализ плановых значений индикаторов цифровой зрелости по 82 регионам России на основе региональных стратегий цифровой трансформации. Исследование показало, что ожидаемые темпы цифровой трансформации в различных отраслях (образование, здравоохранение, государственное управление, общественный транспорт, городское хозяйство) будут существенно различаться, что позволило классифицировать регионы на передовые, средневысокие, средне-низкие и отстающие в сфере цифровой трансформации. Авторами предложено создание комплексной федеральной программы, направленной на увеличение индекса цифровой зрелости в отстающих отраслях и решение проблемы несбалансированности цифровой трансформации [1, с. 104–108]. В продолжение исследования те же авторы провели сравнительный анализ плановых и фактических оценок цифровой зрелости по итогам первого года реализации региональных программ цифровой трансформации, установив существенную разницу между плановыми и фактическими значениями, особенно в отраслях здравоохранения и государственного управления, что создаёт риски недостижения целевых показателей [2, с. 118–122].

Проблематика человеческого капитала как фундаментального фактора регионального развития и конкурентоспособности рассматривается в работах Д.В. Гонина, который обосновывает, что человеческий капитал выступает стратегическим ресурсом, основой экономического развития региона и страны в целом. Уровень развития человеческого капитала и уровень развития социально-экономической сферы находятся в прямо пропорциональной зависимости, где первый является базисом, второй — результирующим показателем. Высокий уровень развития человеческого капитала, по мнению автора, не характерен для стагнирующей или находящейся в упадке экономики [5, с. 123–125].

С.Г. Максимова, Д.А. Омельченко и О.Е. Ноянзина на основе экспертного опроса в шести приграничных регионах России анализируют проблемы эффективности человеческого капитала на региональном уровне. Авторы приходят к выводу о наличии системных противоречий, проявляющихся во взаимозависимости человеческого капитала и функционирования социальных институтов, что не позволяет приграничным регионам, особенно находящимся в восточной части страны, поддерживать человеческий капитал населения на высоком уровне и в полной мере его использовать для регионального развития [6, с. 22–27]. Л.И. Власюк, В.К. Кашин и С.В. Макара отмечают, что человеческий капитал является одной из трёх составляющих национального богатства, причём наиболее трудной для оценки. В рамках современной парадигмы развития постиндустриального общества человеческому капиталу отводится роль движущей силы экономического развития, а его качественные характеристики напрямую коррелируют с показателями валового регионального продукта и конкурентоспособностью региона [4, с. 30–32]. В цифровом контексте это противоречие усиливается: формальные показатели образования перестают быть достаточными для оценки способности населения к работе с цифровыми инструментами.

Особого внимания заслуживают работы, посвящённые методологическим основам оценки цифровой зрелости регионов. И.О. Сенькив и А.Г. Бездудная рассматривают формирование и применение рейтинговой системы цифровой зрелости как инструмента стимулирования регионов к внедрению цифровых технологий и повышению эффективности предоставления государственных и муниципальных услуг. Авторами раскрыта структура обновлённой методики расчёта цифровой зрелости, утверждённой Правительством Российской Федерации в 2025 году, охватывающей ключевые отрасли экономики и социальной сферы: здравоохранение, образование, городское хозяйство, общественный транспорт и государственное управление. Среди основных проблем внедрения авторы выделяют технологическое неравенство регионов, разрозненность инфраструктуры и ограниченность аналитических метрик [7, с. 47–50].

Часть авторов рассматривает конкурентоспособность региона как результат деятельности региональных властей (управленческий подход), другая часть — как интегральную характеристику, формируемую совокупностью рыночных агентов (рыночный подход). В цифровую эпоху это противоречие обостряется, поскольку цифровые платформы создают новые формы координации, не сводимые ни к государственному управлению, ни к чисто рыночным механизмам.

Результаты и обсуждение

Проведённый анализ теоретических источников и эмпирических данных позволяет выделить четыре базовые группы факторов, определяющих конкурентоспособность региона в контексте цифровой трансформации: инфраструктурно-технологические, инновационно-производственные, институциональные и факторы человеческого капитала. Ключевой особенностью современного этапа является их взаимопроникновение и синергетическое усиление под воздействием цифровых технологий.

Инфраструктурно-технологические факторы включают уровень развития телекоммуникационной инфраструктуры, наличие центров обработки данных, степень внедрения платформенных решений в государственном и частном секторе. Согласно методике оценки цифровой зрелости, каждый сектор (здравоохранение, образование, городское хозяйство и строительство, общественный транспорт, государственное управление) оценивается по набору индикаторов, отражающих степень цифровизации процессов и доступность электронных услуг для граждан и организаций. Например, в сфере здравоохранения оцениваются доля удалённых консультаций, наличие централизованного хранения медицинских данных и использование цифровых решений для ведения документации [7, с. 48–49].

Инновационно-производственные факторы проявляются в способности региона генерировать и коммерциализировать инновации, в том числе цифровые. Исследования показывают, что регионы с развитой платформенной экономикой демонстрируют более высокие темпы роста малого и среднего предпринимательства в сфере информационных технологий. Важнейшим индикатором выступает плотность организаций, осуществляющих технологические инновации, и объём отгруженной инновационной продукции.

Институциональные факторы охватывают качество регионального управления, уровень административных барьеров, эффективность мер государственной поддержки цифровой трансформации. Как отмечают А.А. Ануфриева и К.С. Краснодарская, успешность внедрения цифровых инструментов в значительной степени определяется наличием стратегических документов, закрепляющих приоритеты цифровизации, а также механизмов межведомственного взаимодействия и мониторинга достижения показателей цифровой зрелости. Для объективной оценки уровня цифровой зрелости необходимо учитывать влияние региональных факторов, включая уровень бюджетной обеспеченности, кадровый потенциал органов власти и степень вовлечённости населения в цифровое взаимодействие [3, с. 1079–1081].

Факторы человеческого капитала включают уровень цифровой грамотности населения, наличие квалифицированных кадров в сфере информационных технологий, развитие системы непрерывного образования. Цифровая трансформация предъявляет новые требования к компетенциям работников, и регионы, обладающие развитой системой подготовки IT-кадров и активной политикой привлечения талантов, получают значительное конкурентное преимущество. Современное видение человеческого капитала, как подчёркивают С.Г. Максимова, Д.А. Омельченко и О.Е. Ноянзина, предполагает учёт широкого спектра компонентов, не только показателей здоровья и образования, но и особенностей социализации и культурного развития, включение в структуру надпрофессиональных навыков, позволяющих индивидуам работать в команде, быть конкурентоспособными и открытыми инновациям [6, с. 26–28].

Проблема цифрового неравенства, выражающаяся в дифференциации регионов по уровню доступа к цифровым ресурсам и навыкам их использования, остаётся одной из ключевых. Преодоление данного разрыва является необходимым условием для обеспечения равных конкурентных возможностей территорий. Как показывают результаты исследований В.И. Абрамова и В.Д. Андреева, на начальном этапе цифровой трансформации российских регионов наблюдаются значительные различия в уровне цифрового развития: имеются регионы, где фактические значения цифровой зрелости отраслей превышают прогнозируемые на ближайшие периоды, что свидетельствует о неравномерности цифровой трансформации и необходимости дифференцированного подхода к реализации государственной политики в данной сфере [1, с. 110–112; 2, с. 124–126].

Механизмы повышения конкурентоспособности региона в условиях цифровой трансформации должны носить комплексный характер. К их числу относится цифровизация системы

стратегического планирования и управления, предполагающая внедрение инструментов ситуационного анализа, прогнозного моделирования на основе больших данных, а также создание региональных цифровых платформ управления проектами, что позволяет повысить обоснованность управленческих решений и сократить временные затраты.

Важнейшим направлением выступает развитие региональных цифровых экосистем, представляющих собой интегрированные платформы, объединяющие органы власти, бизнес-общество, образовательные и научные организации, что способствует ускорению трансфера технологий, привлечению инвестиций и созданию новых продуктов. Наряду с этим требуется повышение цифровой зрелости отраслей специализации региона, выражающееся в обеспечении перехода ключевых отраслей (промышленность, сельское хозяйство, транспорт) на технологии Индустрии 4.0, включая роботизацию, цифровое моделирование и применение систем искусственного интеллекта.

Критически значимым элементом является кадровое обеспечение цифровой трансформации, которое предполагает расширение программ профессиональной переподготовки, развитие целевого обучения по ИТ-направлениям, а также формирование системы непрерывного повышения цифровых компетенций государственных служащих и работников предприятий. Завершающим направлением выступает совершенствование институциональной среды, включающее адаптацию нормативной базы к цифровым реалиям, внедрение механизмов государственно-частного партнёрства в сфере цифровых проектов и обеспечение информационной безопасности. Комплексная реализация обозначенных направлений создаёт основу для устойчивого повышения конкурентоспособности региона в условиях цифровой экономики.

Заключение

Конкурентоспособность региона в условиях цифровой трансформации представляет собой многомерную категорию, обеспечение которой требует целенаправленной работы по развитию инфраструктурной, инновационной, институциональной и кадровой составляющих. Цифровизация выступает одновременно катализатором и интегрирующим элементом данных процессов. Эффективность регионального управления в цифровую эпоху напрямую зависит от уровня цифровой зрелости органов власти, степени интеграции цифровых решений в процессы планирования и контроля, а также от способности региона формировать и удерживать кадровый резерв в сфере высоких технологий.

Стратегии управления конкурентоспособностью региона в условиях цифровой трансформации должны быть ориентированы на интеграцию цифровых факторов в региональную политику, развитие цифровой инфраструктуры, повышение цифровых компетенций населения и бизнеса, создание благоприятной институциональной среды для внедрения цифровых инноваций.

Дальнейшие исследования в данной области целесообразно направлять на совершенствование методического инструментария оценки конкурентоспособности регионов с учетом цифровых факторов, анализ эффективности реализуемых стратегий цифровой трансформации, исследование механизмов межрегиональной кооперации в цифровой сфере, а также разработку прогнозных сценариев развития конкурентоспособности российских регионов в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. *Абрамов В.И., Андреев В.Д.* Анализ стратегий цифровой трансформации регионов России в контексте достижения национальных целей // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2023. — № 1. — С. 89–119.
2. *Абрамов В.И., Андреев В.Д.* Первый год реализации программ цифровой трансформации в регионах России: проблемы и результаты // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2024. — № 2. — С. 110–128.
3. *Ануфриева А.А., Краснодубская К.С.* Цифровая трансформация и оценка «цифровой зрелости» системы государственного управления субъекта Российской Федерации // Известия Байкальского государственного университета. — 2023. — Т. 14. — № 3. — С. 1069–1086.

4. *Афанасьева Е.В., Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А.* Геостратегические регионы мира: методика исследования и анализ. — М., 2020. — 200 с.
5. *Булавина М.А., Новосельский С.О., Измestьев Д.М.* Организационно-экономический механизм управления бизнес-процессами производства металлоконструкций в условиях кризиса // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2024. — Т. 15. — № 2(43). — С. 68–74.
6. *Зейналова Л.М.* Сущность феномена коррупции как социально-правового явления // Теория права и межгосударственных отношений. — 2019. — № 2(10). — С. 79–86.
7. *Власюк Л.И., Кашин В.К., Макар С.В.* Индикаторы гуманизации регионального развития: человеческий капитал // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2016. — № 4. — С. 27–34.
8. *Гонин Д.В.* Человеческий капитал как инструмент государственного управления в сфере повышения конкурентоспособности региональной экономики: теоретические аспекты // Управленческое консультирование. — 2021. — № 11. — С. 119–129.
9. *Еременская Л.И., Степнова О.В.* Совершенствование системы мотивации и стимулирования деятельности персонала // Наука и бизнес: пути развития. — 2021. — № 3(117). — С.171–173.
10. *Ищенко М.М., Молкоедов Р.А.* Влияние процессов цифровизации региональных органов исполнительной власти на бизнес-процессы // Вестник университета мировых цивилизаций. — 2024. — Т. 15. — № 2(43). — С.86–91.
11. *Конобеева А.Б.* Практика формирования и развития человеческого капитала в российских компаниях / А.Б. Конобеева // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. — 2023. — № 4. — С. 270–278.
12. *Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е.* Вклад человеческого капитала в региональное развитие: экспертные оценки структурных компонентов и институциональных условий в российском приграничье // Society and Security Insights. — 2022. — Т. 5. — № 2. — С. 13–32.
13. *Сенькив И.О., Бездудная А.Г.* Оценка цифровой зрелости субъектов Российской Федерации: методологические основы и практические аспекты применения // Экономика и управление. — 2025. — № 3. — С. 41–53.
14. *Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А.* Теоретико-методические проблемы формирования национальной идеи Российской Федерации // В сборнике: Актуальные политические и исторические вопросы современности. Сборник статей. — М., 2020. — С.160–176.
15. *Слуцкий Л.Э., Васецкий Н.А., Слоботчиков О.Н.* Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография в 2-х т. / Том 1. Россия — государство-цивилизация. — М., 2024. — 384 с.
16. *Слуцкий Л.Э., Худоренко Е.А.* Особенности современной языковой политики России в ближнем зарубежье // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2023. — Т.13. — № 1. — С. 6–14.
17. *Porter M.E.* The Competitive Advantage of Nations. — New York: Free Press, 1990. — 896 p.

РОЛЬ ИДЕЙ ЛДПР В РАЗВИТИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Д.Д. Умнов

аспирант,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

daniilumn@mail.ru

THE ROLE OF LDPR IDEAS IN THE DEVELOPMENT OF REGIONAL POLICY FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES

D.D. Umnov

Postgraduate student,

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow

daniilumn@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется роль идей Либерально-демократической партии России в формировании региональной политики поддержки малого и среднего предпринимательства в условиях санкционного давления и курса на импорто-замещение. Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска гибких экономических механизмов для диверсификации региональной экономики и снижения бюрократических барьеров. Цель работы заключается в системном анализе практического инструментария Либерально-демократической партии России, включающего предложения по переходу к уведомительной регистрации бизнеса, введению дифференцированных налоговых каникул и созданию фондов коммерческой недвижимости. Методологическую основу составил контент-анализ программных документов партии и законодательных инициатив. В результате исследования выявлено, что предлагаемые партией меры, такие как налоговые вычеты за создание рабочих мест и мораторий на изменение регуляторных правил, способствуют формированию единого конкурентного пространства и стимулируют деловую активность в регионах. Сделан вывод о том, что реализация либерально-демократических идей служит катализатором адаптации сектора малого и среднего предпринимательства к внешним вызовам и обеспечивает устойчивый рост предпринимательства на местах.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, Либерально-демократической партии России, региональная экономическая политика, налоговые льготы, импортозамещение, уведомительная регистрация бизнеса, экономический либерализм; санкции.

Abstract. The article analyzes the role of the ideas of the Liberal Democratic Party of Russia in shaping a regional policy to support small and medium-sized businesses in the face of sanctions pressure and import substitution. The relevance of the research is determined by the need to find flexible economic mechanisms to diversify the regional economy and reduce bureaucratic barriers. The purpose of the work is a systematic analysis of the practical tools of the Liberal Democratic Party of Russia, including proposals for the transition to notifiable business registration, the introduction of differentiated tax holidays and the creation of commercial real estate funds. The methodological basis was formed by a content analysis of the party's program documents and legislative initiatives. The study revealed that the measures proposed by the party, such as tax deductions for job creation and a moratorium on regulatory changes, contribute to the formation of a unified competitive space and stimulate business activity in the regions. It is concluded that the implementation of liberal democratic ideas serves as a catalyst for the adaptation of the small and medium-sized business sector to external challenges and ensures the sustainable growth of entrepreneurship in the field.

Key words: small and medium-sized enterprises, the Liberal Democratic Party of Russia, regional economic policy, tax incentives, import substitution, notification registration of businesses, economic liberalism; sanctions.

В современной экономике Российской Федерации малое и среднее предпринимательство (МСП) играет ключевую роль, обеспечивая динамику регионального развития. Единого реестра субъектов МСП, по состоянию на начало января 2026 года в стране насчитывается 6 млн 835 тыс. малых и средних предприятий. По сравнению с аналогичным периодом прошлого года их число выросло на 247 тыс. единиц (4%), и на 488 тыс. единиц (8%) — в цифрах

2024 года. Сектор малого и среднего предпринимательства является одним из драйверов экономики¹.

Согласно данным Росстата, в 2023 году сектор МСП включал свыше 6,5 млн действующих предприятий, создавших валовую добавленную стоимость на сумму более 34,5 трлн руб. — максимум с 2018 года. Лидерство обеспечили обрабатывающая промышленность, а также профессиональная, научная и техническая деятельность. Доля в ВВП стабильно увеличилась с 20,4% (2018 г.) до 21,7% (2023 г.) (табл. 1).

Таблица 1

Доля МСП в ВВП²

Год	Валовая добавленная стоимость МСП, в трлн руб.	Доля в ВВП, в %
2018	18,9	20,4
2019	20,4	20,7
2020	20,2	20,8
2021	24,7	20,4
2022	30,3	21,3
2023	34,5	21,7

В условиях западных санкций и курса на импортозамещение значимость МСП возрастает, поскольку они способствуют диверсификации экономики, созданию рабочих мест и повышению конкурентоспособности регионов. Идеи Либерально-демократической партии России (ЛДПР) — либерализм в экономике, последовательная поддержка бизнеса и децентрализация полномочий — приобретают особую актуальность, предлагая альтернативные механизмы стимулирования МСП на региональном уровне, которые ориентированы на снижение бюрократических барьеров и налоговое послабление, в настоящее время уже влияют на формирование региональной политики в субъектах РФ, способствуя адаптации к внешним вызовам.

Теоретической основой исследования выступают концепции экономического либерализма (А. Смит, Ф. Хайек) [6–8], обосновывающие минимизацию государственного вмешательства как условие эффективного распределения ресурсов, а также институциональная теория (Р. Коуз, Д. Норт) [1, 3], согласно которой транзакционные издержки (в данном случае — бюрократические барьеры и налоговое администрирование) являются ключевым тормозом развития предпринимательства. Анализ идей ЛДПР сквозь призму данных теорий позволяет оценить их потенциал в снижении этих издержек в российских регионах.

Цель настоящего исследования заключается в анализе роли идей ЛДПР в формировании и развитии региональной политики поддержки малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации. В условиях экономических вызовов, таких как санкции и импортозамещение, либерально-демократические концепции ЛДПР, включая экономический либерализм, приоритет децентрализации и меры по стимулированию бизнеса, предлагают механизмы для усиления роли МСП на региональном уровне. Методологическая основа исследования включает контент-анализ программных документов ЛДПР и законодательных инициатив партии.

Новизна настоящего исследования заключается в системном анализе не столько институциональной роли ЛДПР как партии, сколько ее ключевых идей — экономического либерализма, снижения налогового бремени для МСП, упрощения регуляторных процедур и децентрализации экономических полномочий — в контексте их влияния на региональную политику поддержки малого и среднего предпринимательства. В отличие от традиционных работ [2;

¹ Министерство экономического развития Российской Федерации: офиц. сайт. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/chislennost_msp_v_rossii_obnovila_istoricheskiy_maksimum_i_prevysila_68 mln_predpriyatiy.html (дата обращения: 12.01.2026).

² Вклад МСП в экономику России превысил 34,5 трлн рублей/ — URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/vklad_msp_v_ekonomiku_rossii_prevysil_345_trln_rubley.html?ysclid=mmlo8hg8qz742140867 (дата обращения: 26.0.2026).

4; 5], фокусирующихся на партийной активности в целом, данная статья акцентирует внимание на практическом инструментарии ЛДПР как катализатора изменений в регионах, что особенно актуально в 2026 году на фоне продолжающихся санкций и необходимости импортозамещения, когда региональные МСП требуют гибких либеральных решений для выживания и роста.

Историческая эволюция идей ЛДПР

Истоки идей в сфере поддержки МСП относятся к концу 1980-х годов, когда Владимир Вольфович Жириновский заложил фундамент платформы Либерально-демократической партии Советского Союза (ЛДПСС), ориентированный на переход к рыночной экономике и защиту предпринимателей. Программные документы партии, начиная с 1988 года, содержали прогноз о рисках формирования «дикого рынка» и предлагали план сбалансированных преобразований, сочетающих частную инициативу с государственным регулированием, снятие «налоговой удавки». В.В. Жириновский подчеркивал: «Нашей огромной стране необходим малый бизнес! Он должен создавать рабочие места... а государство... снять с них налоговую удавку»³.

На учредительном съезде 31 марта 1990 года ЛДПСС провозгласила курс на многоукладную экономику, свободу предпринимательской деятельности и деидеологизацию, отличаясь от монополии КПСС. Либерально-демократическая партия России, взявшая свое начало от ЛДПСС и продолжая ее идеи, с 1990 года позиционирует защиту малого и среднего предпринимательства как фундаментальный элемент своей экономической доктрины. В период начала рыночных трансформаций, когда доминирующий политический дискурс декларировал построение «капитализма с человеческим лицом», ЛДПР предложила альтернативную модель модернизации, ориентированную на формирование массового среднего класса и предотвращение олигархической концентрации собственности. В программе ЛДПР 1993 года подчеркивалась необходимость снижения налогов для производителей и ограничения приватизации в интересах национальной экономики⁴.

Критическим барьером для развития малого предпринимательства в современных условиях выступает избыточное административное давление и разрешительный порядок регистрации хозяйствующих субъектов. В связи с этим предлагается фундаментальная трансформация регуляторного режима: переход от разрешительной к уведомительной системе регистрации предприятий, что существенно снизит входные барьеры для нового бизнеса и минимизирует коррупционные риски на старте деятельности. В налоговой сфере обоснована необходимость внедрения дифференцированных налоговых каникул: полное освобождение от налогообложения на начальный период деятельности сроком на 2 года в общероссийском масштабе, с пролонгацией данного периода до 5 лет для субъектов Российской Федерации, расположенных в регионах Сибири, Дальнего Востока и Забайкалья. Данная мера направлена на стимулирование деловой активности в стратегически важных, но экономически уязвимых макрорегионах. По истечении льготного периода предполагается ужесточение фискального контроля за соблюдением налоговой дисциплины. Стратегическим вектором налоговой политики должно стать последовательное снижение ставки налога на добавленную стоимость (НДС) с перспективой его полной отмены.

Ретроспективный анализ показывает, что введение НДС в период экономических реформ начала 1990-х годов являлось системной ошибкой, сдерживающей развитие национальной экономики в стадии роста. Институциональная поддержка МСП требует закрепления в бюджетах всех уровней (федеральном, региональном и местном) целевых расходных обязательств, направленных на финансирование программ развития малого предпринимательства. Ключевым инструментом решения проблемы высокой стоимости арендных ставок предлагается

³ ЛДПР: Большой стране нужен малый бизнес! // Российская газета. — 2007. — 16 нояб. — URL: <https://rg.ru/2007/11/16/ldpr.html> (дата обращения: 26.01.2026).

⁴ ЛДПР: история, программа и достижения // Ведомости. — 2025. — 30 марта. — URL: <https://www.vedomosti.ru/spravka/ldpr-istoriya> (дата обращения: 12.01.2026).

создание в каждом субъекте РФ специализированных фондов коммерческой недвижимости. Данные фонды будут предоставлять помещения малым предприятиям на льготных условиях аренды с гарантированным приоритетным правом выкупа арендованных площадей в собственности, что обеспечит долгосрочную устойчивость бизнес-активов⁵.

Региональная политика ЛДПР

На сегодняшний день в контексте совершенствования государственной политики поддержки предпринимательства значимый вклад вносит пакет законодательных предложений, инициированный председателем ЛДПР Л.Э. Слуцким, продолжателем идей В.В. Жириновского. Указанные меры, объединенные концепцией «Нового экономического курса», ориентированы на преодоление региональной дифференциации экономических условий и стимулирование развития сектора малого и среднего предпринимательства, выступающего ключевым работодателем и налоговым донором в субъектах Российской Федерации. Центральным элементом предложенного механизма является система фискальных стимулов, направленных на расширение занятости и развитие человеческого капитала. В частности, предусматривается введение налогового вычета в объеме до 100 000 рублей за каждое созданное рабочее место, а также применение повышенного коэффициента (до 150%) к вычету по страховым взносам при трудоустройстве граждан молодежной категории. Дополнительно инициатива легитимизирует отнесение затрат на профессиональную подготовку и переподготовку персонала к расходам, уменьшающим налоговую базу, что способствует повышению квалификации кадрового потенциала МСП. Институциональная составляющая реформы включает унификацию условий льготной аренды имущества, находящегося в муниципальной и региональной собственности. Данная мера призвана устранить диспропорции в доступе к производственным ресурсам и снизить операционные издержки предпринимателей в различных субъектах РФ, включая регионы с высокой социальной напряженностью, такие как Омская область. Реализация комплекса предложенных мер позволит сформировать единое конкурентное пространство для бизнеса, стимулировать инвестиционную активность и обеспечить закрепление населения в регионах за счет создания устойчивых рабочих мест⁶.

Если говорить о влиянии инструментария поддержки МСП на регионы, то Калининградская область выступает показательным примером, где геополитические вызовы делают эти меры особенно актуальными. Геополитическая изоляция региона, обусловленная санкциями и окружением недружественными государствами, привела к значительному спаду в ключевых секторах — торговле и транспортном транзите с Европой. Это вызвало сокращение оборота МСП, рост издержек и дефицит рынков сбыта, усугубляя проблемы с кадрами и инфраструктурой. В результате наблюдается массовая ликвидация предприятий и миграция специалистов в центральные регионы, что угрожает устойчивости местной экономики. Внедрение перечисленных выше мер позволит сохранить 2–3 тыс. рабочих мест в МСП, повысить оборот на 12–15% и стабилизировать налоговые поступления, предотвратив отток капитала. Льготы по аренде и вычетам снизят операционные издержки на 20–30%, стимулируя импортозамещение и внутренний спрос. Согласно мнению руководителя регионального отделения ЛДПР Е. Мишина, данные меры обеспечат диверсификацию экономики, повысят качество жизни и реализуют потенциал региона, подтвержденный предшествующим ростом МСП до санкций⁷.

В контексте необходимости диверсификации международного имиджа Российской Федерации и перехода от статуса исключительно ядерной сверхдержавы к признанию в ка-

⁵ Программа политической партии ЛДПР // Российская газета. — 2007. — 8 нояб. — URL: <https://rg.ru/2007/11/08/ldpr.html> (дата обращения: 26.01.2026).

⁶ ЛДПР предлагает системные меры поддержки малого и среднего бизнеса для регионов [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЛДПР. — 2025. — 6 нояб. — URL: <https://ldpr.ru/event/ldpr-predlagaet-sistemnye-mery-podderzhki-malogo-i-srednego-biznesa-dlya-regionov/> (дата обращения: 17.02.2026).

⁷ Меры по поддержке МСП в регионах России предлагает ЛДПР [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЛДПР. — 2025. — 6 нояб. — URL: <https://ldpr.ru/event/mery-po-podderzhke-msp-v-regionakh-rossii-predlagaet-ldpr/> (дата обращения: 17.02.2026).

честве мощной экономической силы, ЛДПР предлагает свои инициативы, разработанные в условиях беспрецедентных внешних вызовов, и направленные на системную модернизацию национального хозяйства через создание благоприятной институциональной среды для бизнеса, импортозамещение и технологическое обновление. Первостепенным направлением реформирования выступает стабилизация регуляторного климата для субъектов малого предпринимательства. Предлагается введение моратория на частую смену правил ведения хозяйственной деятельности, радикальное сокращение количества контрольно-надзорных мероприятий и трансформация функции государства из карательной в консультационно-поддерживающую.

Важным элементом налоговой политики является механизм амнистии для предприятий, добровольно отказавшихся от схем дробления бизнеса: данная мера предполагает освобождение от штрафных санкций, отмену двойного размера пеней и предоставление институтов рассрочки или отсрочки по налоговым платежам, что способствует легализации экономических отношений. Структурная перестройка налогообложения включает ряд адресных мер стимулирования деловой активности. Ключевые предложения повышение предельных порогов доходов для применения упрощенной системы налогообложения и специального налогового режима для самозанятых граждан (до 3,4 млн рублей в год), что позволяет нивелировать инфляционное обесценивание ранее установленных лимитов. Дополнительно предусматривается полное освобождение от налога на прибыль предприятий, осуществляющих деятельность в сельской местности и малых городах, а также установление бессрочного характера государственной поддержки социального предпринимательства, включающей субсидирование, грантовое финансирование и льготную аренду активов.

В сфере торговой политики и рынка труда иницируются механизмы протекционизма и технологической модернизации. Предложение о введении обязательных «региональных полок» в торговых сетях крупных ритейлеров (квота не менее 25% для товаров местного производства) направлено на оптимизацию логистических цепочек и гарантирование сбыта региональной продукции. Одновременно с этим, в качестве ответа на вызовы трудовой миграции и социальной напряженности, выдвигается стратегия ускоренной роботизации производственных процессов, предполагающая замещение низкоквалифицированного иностранного труда автоматизированными системами. Совокупность данных мер формирует целостную доктрину экономического возрождения, ориентированную на внутренний потенциал и технологический суверенитет⁸.

Проведенный анализ идей ЛДПР в развитии региональной политики малых и средних предприятий позволяет заключить, что предложенный партией инструментарий не является спонтанным набором популистских лозунгов, а представляет собой имплементацию фундаментальных принципов институционализма (снижение транзакционных издержек) и теории экономического либерализма (налоговое стимулирование предложения). Реализация этих мер в регионах создает условия для преодоления институциональных ловушек, препятствующих развитию МСП, и формирует основу для устойчивого экономического роста, основанного на внутреннем предпринимательском потенциале.

Список литературы

1. Коуз Р. Фирма. Рынок. Право. — М.: Дело, 1993. — 192 с.
2. Махрин А.В. Деятельность политических партий по содействию формированию гражданского общества в регионах России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2019. — № 1. — С. 49–57.
3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с.
4. Подъячев К.В. К вопросу о роли политических партий в системе государственного и муниципального управления в регионах России // Власть. — 2014. — № 10. — С. 129–134.

⁸ Меры поддержки бизнеса, которые предлагает ЛДПР [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЛДПР. — 2024. — 26 мая. — URL: <https://ldpr.ru/event/364191/> (дата обращения: 17.02.2026).

5. Политическая активность: современные тенденции и новые формы: монография / Л.М. Батурин и др.; под ред. В.Е. Хвощева; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Южно-Уральский гос. ун-т, Юго-Восточный ин-т геополитики. — Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ: Изд-во Юго-Восточного ин-та геополитики, 2009. — 744 с.
6. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / Адам Смит; пер.с англ. — М.: Эксмо, 2009. — 956 с.
7. *Хайек Ф.* Индивидуализм и экономический порядок / Фридрих Хайек; пер. с англ. О.А. Дмитриевой; под ред. Р.И. Капелюшников. — Челябинск: Социум, 2011. — [XXVII], 392 с.
8. *Хайек Ф.* Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Фридрих Август фон Хайек; пер. с англ. Б. Пинскера, А. Кустарева. — М.: ИРИСЭН, 2006 (Можайск (Моск.обл.) : Можайский полиграфкомбинат). — 642 с.
9. *Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А.* Теоретико-методические проблемы формирования национальной идеи Российской Федерации // Актуальные политические и исторические вопросы современности. Сборник статей. — М., 2020. — С.160–176.
10. *Слуцкий Л.Э., Васецкий Н.А., Слоботчиков О.Н.* Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография в 2-х т. / Том 1. Россия — государство-цивилизация. — М., 2024. — 384 с.
11. *Булавина М.А., Новосельский С.О., Измestьев Д.М.* Организационно-экономический механизм управления бизнес-процессами производства металлоконструкций в условиях кризиса // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2024. — Т. 15. — № 2(43). — С. 68–74.
12. *Зейналова Л.М.* Сущность феномена коррупции как социально-правового явления // Теория права и межгосударственных отношений. — 2019. — № 2(10). — С. 79–86.
13. *Гагарина М.В.* Устойчивое развитие предприятий в эпоху цифровой трансформации / М.В. Гагарина // Вестник Национального Института Бизнеса. — 2025. — № 1(57). — С. 51–58.
14. *Саморукова Г.В.* Развитие малого бизнеса России в условиях санкций / Г.В. Саморукова, А.В. Карих // Современные тенденции управления и экономики в России и мире: цивилизационный аспект: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 29 февраля 2024 года. — М.: Издат. дом «УМЦ», 2024. — С. 213–225.

ПРАКТИКА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭКОСИСТЕМ В РАЗНЫХ РЕГИОНАХ МИРА

С.О. Новосельский

кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник научного центра по исследованию истории и развития мировых цивилизаций,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
nsvyatoslav@yandex.ru

Э.В. Сукманов

кандидат экономических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск
edik24@yandex.ru

И.А. Федоров

аспирант,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
f3dorov1gor@yandex.ru

SUSTAINABLE ECOSYSTEM DEVELOPMENT PRACTICES IN DIFFERENT REGIONS OF THE WORLD

S.O. Novoselsky

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,
Leading Researcher at the Scientific Center for the Study of the History and Development of World Civilizations,
V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
nsvyatoslav@yandex.ru

E.V. Sukmanov

PhD in Economic Sciences, Associate Professor
Kursk State University, Kursk
edik24@yandex.ru

I.A. Fedorov

Postgraduate student,
V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
f3dorov1gor@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные практические применения методов устойчивого развития в различных регионах мира, которые различаются как по экологическим, так и по социально-экономическим параметрам. Рассматриваются такие регионы как Волун (Китай), Кения и Пьюджет-Саунд (США). Дается обзор и анализ методов и практик устойчивого развития. Рассматриваются позитивные и негативные результаты применения данных практик и методов.

Ключевые слова: устойчивое развитие, биоразнообразие, адаптивное управление.

Abstract. The article examines various practical applications of sustainable development methods in different regions of the world, which differ in both environmental and socio-economic parameters. Regions such as Wolong (China), Kenya and Puget Sound (USA) are considered. An overview and analysis of methods and practices of sustainable development is given. The positive and negative results of applying these practices and methods are considered.

Key words: sustainable development, biodiversity, adaptive management.

Ряд современных экологических, социальных и экономических вызовов и противоречий, таких как ухудшение состояния окружающей среды, глобальная пандемия, геополитическая неопределенность и усиление социального неравенства, способствовал развитию концепции устойчивого развития — особого подхода к развитию государств, общества и экосистем, при котором решение текущих проблем должно осуществляться без ущерба для будущих поколений [1].

Также было выявлено, что классические подходы из экономических, естественных, социальных наук уже не справляются с анализом текущей ситуации и не могут предложить обоснованные и эффективные способы решения проблем. Эти подходы ограничены рамками научной сферы, к которой принадлежат, что мешает им рассматривать систему «человек-природа» как комплексную сопряженную систему. Таким образом, сейчас на первый план выходят более современные междисциплинарные как теоретические, так и практические методы исследования и осуществления устойчивого развития [2], которые помогают выявить новые сложные процессы и закономерности.

В рамках данной статьи будет рассмотрена практика применения различных методов достижения баланса в системах «человек-природа» в различных регионах мира. Локации, рассмотренные в статье, отличаются как по экологическим, так и по социальным и политическим факторам. Они находятся на разных континентах, как в развитых, так и в развивающихся странах.

Заповедник Волун (Сычуань, Китайская Народная Республика)

Волун — национальный природный заповедник, находящийся в уезде Вэньчуань Нгава-Тибетско-Цянского автономного округа китайской провинции Сычуань. Почти вся территория заповедника покрыта различными типами лесов. В заповеднике зарегистрированы более 4000 видов растений, но, что более важно для Китая и мира в целом, Волун является историческим ареалом обитания большой панды [3].

До введения статуса заповедника в 1979 году, существовали такие проблемы как незаконная вырубка леса, неконтролируемый сбор древесины на топливо, отлов диких животных, что в конечном счете приводило к уменьшению популяции и существенному сужению ареала обитания большой панды, которая в то время находилась под угрозой исчезновения и была внесена в красную книгу.

В рамках программы «Человек и биосфера», которая является продолжением Международной биологической программы ЮНЕСКО, территория Волуна была объявлена заповедником. Совместно с правительством Китая, были выработаны методики по сохранению биоразнообразия на территории заповедника. Однако, их оказалось недостаточно: в итоге из-за увеличения туристического потока (и, как следствие, увеличения спроса на топливо внутри региона), экологическая ситуация в Волуне начала еще сильнее ухудшаться, чем до введения статуса заповедника. Тогда в 2001 году был разработан новый ряд мер по сохранению экосистемы.

Одним из важных нововведений стал контроль за местом и плотностью населения местных жителей, в том числе с использованием агентного подхода [4]. В результате наблюдений была выявлена интересная пространственная закономерность: при увеличении расстояния между местами проживания людей и участками сбора дров, ареал обитания панды сужается, достигая минимума на расстоянии примерно 1800 м. Когда расстояние между домохозяйствами и источниками дров невелико, общая площадь сбора дров мала, и, таким образом, среда обитания панды лучше защищена. Когда расстояние большое (> 1800 м), сбор дров рассредоточен по большой территории; при этом затронутые участки леса могут быстро восстанавливаться. Когда же расстояние составляет примерно 1800 м, потребность местных жителей в дровах удовлетворяется за счёт вырубки большинства доступных рядом деревьев, что приводит к самому серьезному сужению ареала [5].

Также важным шагом к консервации биоразнообразия стали государственные субсидии для семей, которые активно участвуют в жизни заповедника — отслеживают нелегальную охоту и вырубку леса, помогают высаживать лес (в основном бамбуковый). На данный момент более 1100 семей являются участниками программы.

Как итог, более проработанные методики, которые привлекали как точные, так и естественные науки, с течением времени доказали свою эффективность. Ареал обитания большой панды расширился, а само животное перестало находиться под риском исчезновения.

Нагорья Кении
(Республика Кения)

В Республике Кения остро стояла проблема уменьшения площади лесов. Местные жители превращали леса в пахотные земли и интенсивно возделывают землю довольно примитивным способом, не внося дополнительных питательных веществ, в некоторых случаях более 100 лет [6]. При этом увеличение площади пахотных земель естественным образом приводило к увеличению популяции местных жителей. В сумме с уменьшением количества полезных веществ в уже обработанной земле, это приводило к еще большей вырубке лесов, создавая эффект «снежного кома». Данная ситуация привела к ряду экологических и социальных проблем.

Леса играют ключевую роль в фильтрации и накоплении воды. Их вырубка приводит к обмелению рек и озёр, снижению уровня грунтовых вод. Также вырубка привела к увеличению числа и частоты засух в регионе, что в свою очередь еще сильнее ухудшило качество сельского хозяйства.

С другой стороны, сокращение площади лесов сильно ударило по биоразнообразию Кении и нарушило баланс местной экосистемы. Многие виды животных и растений лишились своего естественного ареала.

В конечном счете, эти факторы повлияли на ухудшение качества жизни местного населения, что привело к увеличению социального напряжения и конфликтов, а также к кризису традиционных образа жизни и культуры. Плохая экологическая обстановка повлекла за собой падение урожайности, продовольственную нестабильность и спровоцировала рост бедности среди сельского населения [7]. Здесь выявилась интересная закономерность: семьи, у которых были родственники в городе, пострадали сильно меньше, поскольку родственники поддерживали их денежными переводами. На городских жителей, в свою очередь, эти проблемы повлияли лишь косвенно и не так сильно.

Правительство и народ Кении не смогли игнорировать эту проблему и разработали ряд мер по противодействию уменьшению площади лесов, которые начали внедряться примерно с 1980-х.

Были основаны многие общественные эко-движения, самым известным из которых является движение «Зеленый пояс», основанное профессором Вангари Маатаи. Участниками движения первоначально были кенийские женщины, которые занимались посадкой деревьев. Со временем движение стало очень многочисленным: в наши дни оно распространилось на весь африканский континент; участники движения посадили более 20 миллионов деревьев [8], а профессор Маатаи за свои заслуги в 2004 году получила Нобелевскую премию мира.

Правительство, со своей стороны, также содействовало сохранению и расширению лесов. Были внедрены различные административные меры, в том числе мораторий на вырубку лесов в нестабильных регионах. Также были реализованы и по сей день реализуются масштабные национальные проекты по посадке лесов с использованием инновационных методов засеивания (например, посадка в шариках из угля: уголь дает саженцу первичные полезные вещества для его выживания даже в засушливых регионах) и мониторинга ситуации (например, дистанционное зондирование земли).

Здесь важно отметить, что из-за своей природы подобные проекты имеют серьезный временной лаг между началом инвестиций и фактическим улучшением благосостояния экосистем и качества жизни местного населения. Многие из них ведутся уже более 40 лет, но экологическая ситуация в Кении все еще далека от идеала.

Впрочем, явно заметен тренд на улучшение. Площадь лесов Кении с каждым годом растет. Только за недавний период с 2018 по 2023 год лесной покров в стране вырос на 5% и достиг 8,8% территории Кении. Это приводит как к улучшению качества жизни сельского населения, так и к увеличению объемов экономики страны в целом [9].

Пьюджет-Саунд, Вашингтон, США

Пьюджет-Саунд — залив на северо-западе США около границы с Канадой. Из-за активного роста ближайших городов, главным из которых является Сиэтл, в регионе, а также из-за увеличения туристического потока в регионе обострились некоторые экологические проблемы,

такие как загрязнение воды, большие темпы роста вырубки деревьев, уменьшение биоразнообразия и сужения ареалов обитания многих видов местных растений и животных [10].

В попытках решить эти проблемы, правительство штата начало вести политику управления ростом городских поселений, которая подталкивала сельских жителей к переселению в более крупные города. Города, в свою очередь, должны были запланировать расширение на «разрешенные» территории, которые не являлись местом обитания редких видов.

Таким образом снизилось давление на экосистему залива: были определены зоны обитания местных животных и растений, этим зонам был присвоен особый природоохранный статус, и городским поселениям было запрещено расширяться в сторону и на территорию этих зон, что привело к консервации ареалов обитания, а в некоторых случаях даже к увеличению ареала и численности популяции видов.

Также закон обязал местные власти разрабатывать комплексные планы, которые учитывают не только жилищное строительство, но и транспортные, экологические и социальные аспекты. Это привело к более целостному подходу к устойчивому развитию региона [11].

К сожалению, она привела и к неожиданным для авторов отрицательным последствиям: увеличение плотности населения в городских поселениях повысила социальную напряженность, и, более того, в итоге привела к расползанию городской застройки на еще большие территории. Также из-за снижения сельского населения, штат Вашингтон стал больше зависеть от импорта продуктов из других штатов.

Выводы

Итак, на основании рассмотренных практик устойчивого развития можно заметить, что наибольший положительный эффект появляется, когда государство и общество работают сообща. Иногда в таких случаях положительный эффект распространяется даже за границы изначального региона.

Также стоит отметить, что практики, которые опирались на узкую область одной науки далеко не всегда приводили в итоге к положительным изменениям. Из-за ограниченности методов самой науки, зачастую их авторы не могли предвидеть долгосрочные неожиданные отрицательные последствия, что говорит нам о том, что в наше время в области устойчивого развития должны применяться более комплексные методики и практики, которые находятся на стыке гуманитарных, естественных и точных наук.

Список литературы

1. *Кадомцева М.Е.* Концепция устойчивого развития: эволюция теоретических подходов и современное видение // *AlterEconomics*. — 2023. — № 20(1). — С. 166–188.
2. *Алиев Ш.М., Набиева Д.Н.* Устойчивое развитие и междисциплинарное направление научного исследования // *Юг России: экология, развитие*. — 2010. — С. 56–60.
3. *Афанасьева Е.В., Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А.* Геостратегические регионы мира: методика исследования и анализ. — М., 2020. — 200 с.
4. *Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А.* Теоретико-методические проблемы формирования национальной идеи Российской Федерации // *Актуальные политические и исторические вопросы современности. Сборник статей*. — М., 2020. — С.160–176.
5. *Слуцкий Л.Э., Васецкий Н.А., Слоботчиков О.Н.* Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография в 2-х т. / Том 1. Россия — государство-цивилизация. — М., 2024. — 384 с.
6. *Булавина М.А., Новосельский С.О., Измestьев Д.М.* Организационно-экономический механизм управления бизнес-процессами производства металлоконструкций в условиях кризиса // *Вестник Университета мировых цивилизаций*. — 2024. — Т. 15. — № 2(43). — С. 68–74.
7. *Булавина М.А., Новосельский С.О., Попова С.А.* Стратегические цели и тактические приоритеты управления городом в условиях геополитической напряженности // *Вестник евразийской науки*. — 2022. — Т. 14. — № 3.
8. *Ищенко М.М., Плятова Ю.А.* Анализ методов и результатов развития персонала на современном предприятии // *Вестник института мировых цивилизаций*. — № 2. — 2023. — С.60–65.

9. Зейналова Л.М. К вопросу об изменениях в праве РФ в связи с переходом к цифровой экономике в условиях глобализации // Актуальные проблемы современного общества и пути их решения в условиях перехода к цифровой экономике. материалы XIV международной научной конференции: в 4 ч. — 2018. — С. 73–83.
10. UNESCO. Man and the Biosphere (MAB) Programme: Wolong. — URL: <https://www.unesco.org/en/mab/wolong> (дата обращения: 02.04.2026).
11. An L., Linderman M., Qi J., Shortridge A., Liu J. Exploring complexity in a human-environment system: an agent-based spatial model for multidisciplinary and multi-scale integration // Annals of the Association of American Geographers. — 2005. — Vol. 95. — No 1. — P. 54–79.
12. Linderman M., An L., Bearer S., He G., Ouyang Z., Liu J. Interactive effects of natural and human disturbances on vegetation dynamics across landscapes // Ecological Applications. — 2006. — Vol. 16. — P. 452–463.
13. Kenya: Political, Social and Environmental Issues / James W. Adoyo, Cole I. Wangai (Editors). — Nova Publishers — 2012. — P. 194.
14. Alberti M. et al. Landscape Benchmarks. — Washington State CTED, Olympia, WA, 2005.
15. Taylor B.R. Kenya's Green Belt Movement: Contributions, conflict, contradictions, and complications in a prominent environmental non-governmental organization (ENGO) // Civil Society in the Age of Monitory Democracy. — 2013. — P. 180–202.
16. Kenya (KEN) — Submissions provided by Country // REDD+ Web Platform / United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC). — URL: [https://redd.unfccc.int/submissions/by-country/country_detail/ken.html ь] (дата обращения: 05.04.2026).
17. Overview: Threats | Saving Puget Sound | Washington State Department of Ecology. — 2016. — URL: [http://www.ecy.wa.gov/puget_sound/threats.html.] (дата обращения: 09.04.2026).
18. Brock W.A. Punctuated Equilibrium and the Dynamics of U.S. Environmental Policy // In: Punctuated Equilibrium and the Dynamics of U.S. Environmental Policy / Ed. R. Repetto. — New Haven: Yale University Press, 2006. — P. 47–77.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЛОГИСТИКИ В РОССИИ: СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Н.С. Фомичева

старший преподаватель,

ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет», Москва;

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

fomicheva_79@mail.ru

DIGITALIZATION OF LOGISTICS IN RUSSIA: CURRENT STATE, TRENDS, AND DEVELOPMENT PROSPECTS

N.S. Fomicheva

Senior Lecturer,

FSBEI HE "Moscow Automobile and Road Construction State Technical University", Moscow;

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

fomicheva_79@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы цифровизации логистики в России, как ключевого направления трансформации транспортно-логистического комплекса страны. Проанализировано современное состояние внедрения цифровых технологий в логистические процессы на основе статистических данных и аналитических обзоров рынка за 2020–2026 гг. Рассмотрены основные направления и технологии цифровой трансформации: цифровые платформы перевозок, системы управления складом (WMS) и транспортом (TMS), Интернет вещей, предиктивная аналитика и электронный документооборот. Выявлены ключевые проблемы цифровизации: неравномерность цифровой зрелости компаний, фрагментарность информационных систем, риски информационной безопасности и кадровый дефицит. Определены перспективные направления развития цифровой логистики в России, включая углубление интеграции цепей поставок, расширение применения искусственного интеллекта и формирование единых стандартов данных.

Ключевые слова: цифровизация логистики, цифровая трансформация, транспортно-логистический комплекс России, информационные технологии в логистике, WMS-системы, TMS-системы, Интернет вещей, большие данные, предиктивная аналитика, электронный документооборот, цифровые платформы, автоматизация складов, искусственный интеллект в логистике, цепи поставок.

Annotation. The article discusses the issues of digitalization of logistics in Russia as a key area of transformation of the country's transport and logistics complex. The current state of the implementation of digital technologies in logistics processes is analyzed based on statistical data and analytical reviews of the market for 2020–2026. The main areas and technologies of digital transformation are considered, including digital transportation platforms, warehouse management systems (WMS), transport management systems (TMS), the Internet of Things, predictive analytics, and electronic document management. The key problems of digitalization have been identified: the uneven digital maturity of companies, the fragmentation of information systems, the risks of information security, and the shortage of personnel. Promising areas for the development of digital logistics in Russia have been identified, including the deepening of supply chain integration, the expansion of the use of artificial intelligence, and the formation of unified data standards.

Key words: digitalization of logistics, digital transformation, Russia's transport and logistics complex, information technologies in logistics, WMS systems, TMS systems, the Internet of Things, big data, predictive analytics, electronic document management, digital platforms, warehouse automation, artificial intelligence in logistics, and supply chains.

Цифровизация логистики в России в последние годы превратилась из точечных пилотных инициатив в один из ключевых векторов развития транспортно-логистического комплекса страны [2]. Это связано с общенациональным курсом на цифровую экономику и на усиление конкуренции. А также с ростом требований клиентов к прозрачности и скорости выполнения поставок и изменением условий внешнеторговой деятельности.

Цель данной статьи — рассмотреть сущность цифровизации логистики, проанализировать статистику внедрения цифровых решений в России, выделить основные технологии и выявить ключевые проблемы и перспективы развития.

Теоретические основы цифровизации логистики

Под цифровизацией логистики в научной литературе понимается комплексная трансформация логистических процессов на основе использования цифровых технологий сбора, передачи, обработки и анализа данных, что обеспечивает повышение прозрачности, управляемости и эффективности цепей поставок [3].

Брынцев А.Н. и Никишов С.И. отмечают, что цифровые инновации становятся фактором формирования адаптивно-интегрированной логистики, базирующейся на интеллектуально-информационных технологиях и обеспечивающей устойчивость экономических систем в условиях внешних шоков [2]. Силкина Г.Ю. и Щербаков В.В. подчеркивают, что цифровизация логистики носит эволюционный характер и тесно связана с развитием онлайн- и информационно-коммуникационных технологий, выступающих подрывными и прорывными инновациями для традиционных логистических моделей [12].

К базовым цифровым технологиям в логистике относятся:

- штриховое кодирование и RFID-кодирование,
- технологии идентификации и сканирования,
- электронный документооборот,
- системы управления складом (WMS) и перевозками (TMS),
- Интернет вещей (IoT),
- облачные решения,
- большие данные и аналитика,
- блокчейн,
- искусственный интеллект и машинное обучение.

Их внедрение позволяет автоматизировать рутинные операции и процессы, сократить время обработки заказов, в том числе за счет внедрения электронных заявок, оптимизировать маршруты, повысить точность планирования (прогнозирование) и снизить логистические издержки.

Текущее состояние и статистика цифровизации логистики в России

За период 2020–2024 гг. цифровизация логистики в России значительно ускорилась под влиянием роста электронной коммерции, санкционных ограничений и необходимости переориентации внешнеторговых потоков.

Опросы, проведенные Sber, показывают, что более 25% логистических компаний уже реализуют стратегии цифровой трансформации, а около 45% планируют внедрение технологий искусственного интеллекта в логистические операции в ближайшие 2–3 года [1].

Инвестиции в цифровизацию транспортно-логистического комплекса также демонстрируют положительную динамику. По оценке «Коммерсанта», по итогам 2024 года на цифровизацию транспортно-логистической отрасли в России было направлено порядка 24 млрд руб., включая средства национальных проектов, региональных бюджетов и частных инвесторов [11].

Активная цифровизация способствует росту эффективности транспортной отрасли. По данным отраслевых исследований, количество внутренних перевозок в России в 2023 г. увеличилось примерно на 51% по сравнению с 2022 г., а международных перевозок — на 21%, при этом цифровые решения позволили частично компенсировать влияние внешних ограничений [13].

В 2024 году грузооборот всех видов транспорта в РФ вырос на 0,4%, до 5,57 трлн т-км, а объем перевозок — примерно на 5,5%, до 9,4 млрд тонн, что сопровождалось расширением использования цифровых платформ, систем мониторинга и аналитики [3].

По оценкам аналитиков, доля цифровых технологий в логистических процессах в России приближается к 35%, включая использование логистических платформ, электронного документооборота, IoT-сенсоров, систем машинного обучения и блокчейн-решений.

При этом большая часть малых и средних логистических компаний пока находится в самом начале пути цифровой трансформации, ограничиваясь внедрением только базовых систем учета (бухгалтерия и финансы) и электронным документооборотом.

Основные направления и технологии цифровизации логистики. Цифровые платформы и маркетплейсы перевозок

Одним из наиболее динамичных направлений цифровизации являются логистические платформы, соединяющие грузовладельцев, перевозчиков и логистических операторов. По данным отраслевых обзоров, применение таких платформ позволяет сократить время поиска перевозчика с 4–8 часов до 30–40 минут, повысить загрузку автопарка и снизить долю холостых пробегов [15].

Эти решения, как правило, включают модули для онлайн-заказа перевозок, динамического ценообразования, трекинга грузов и электронного документооборота [11].

В российской практике активно развиваются цифровые биржи (логистические платформы) грузоперевозок, сервисы для экспедиторов и приложения для водителей, обеспечивающие передачу данных о выполнении рейсов, геолокации и состоянии транспортного средства в режиме реального времени [14]. А также логистические платформы для организации закупок. Эти программные решения, позволяют автоматизировать и оптимизировать процессы, а также обеспечивают взаимодействие между всеми участниками логистической цепи, синхронизируют большие объемы данных и повышают прозрачность логистических операций и процессов.

Автоматизация и роботизация складов

Основным элементом цифровизации логистики является внедрение систем управления складом (WMS) и роботизация складских операций.

В России крупными игроками в сфере электронной коммерции являются маркетплейсы Wildberries и Ozon. Они используют роботизированные комплексы, сортировочные линии, а также искусственный интеллект для прогнозирования спроса и управления запасами. Все это позволяет сократить время обработки заказа с нескольких часов до нескольких минут и существенно снизить уровень ошибок при комплектации заказов.

Современные WMS-системы интегрируются с ERP-системами, а также с транспортными системами (TMS) и системами штрихового и RFID-кодирования. Что позволяет обеспечить сквозной учет материальных потоков и автоматизацию логистических процессов.

Использование мобильных терминалов для сбора данных и систем голосового управления, значительно повышает производительность работы сотрудников склада и сокращает время на выполнение рутинных операций и процессов.

TMS и интеллектуальное управление перевозками

Системы управления перевозками (TMS) становятся центральным инструментом цифровой логистики, обеспечивая планирование, оптимизацию и контроль транспортных операций [16].

TMS система включает различные модули, которые позволяют формировать рейсы, выбирать перевозчика, строить и оптимизировать маршруты с учетом различных ограничений, мониторить все процессы в режиме реального времени, а также анализировать затраты.

Интеграция TMS системы с системами мониторинга транспорта и IoT-датчиками позволяет в режиме реального времени отслеживать местоположение груза, состояние груза (температура, влажность и т.д.), а также оперативно реагировать на отклонения от планового маршрута [11].

Эти решения, помогают анализировать ситуацию в режиме реального времени, что дает возможность сократить пробег, минимизировать простои, уложиться в сроки и сократить уровень затрат.

Интернет вещей, большие данные и предиктивная аналитика

Интернет вещей (IoT) в логистике представлен сетью датчиков и устройств, обеспечивающих сбор информации о транспортных средствах, складах и грузах [2]. На практике широко

применяются GPS-трекеры, датчики температуры и влажности, RFID-метки, а также бортовые терминалы, интегрированные с корпоративными информационными системами [7].

Сбор больших массивов данных создает основу для предиктивной аналитики, позволяющей прогнозировать спрос, оптимизировать уровень запасов и маршруты, оценивать риски сбоев и задержек [18].

Исследования показывают, что компании, внедрившие предиктивную аналитику в логистике, добиваются значительного снижения складских издержек за счет более точного планирования уровня запасов и сокращения излишков. Таким образом не допускается дефицит или профицит. В транспортной сфере аналитические решения позволяют прогнозировать загруженность маршрутов в режиме реального времени, а также потребность в подвижном составе и вероятность нарушения сроков поставок.

Электронный документооборот и цифровые сервисы для клиентов

Электронный документооборот (ЭДО) — один из самых массовых и относительно низкопороговых инструментов цифровизации логистики в России [19]. Внедрение ЭДО в транспортно-логистической отрасли позволило сократить сроки оформления документов на 30–40% и снизить количество ошибок, связанных с ручным вводом данных [11]. Помимо ЭДО, компании развивают клиентские порталы и мобильные приложения, предоставляющие информацию о статусе заказа, сроках доставки и доступных сервисах в режиме 24/7 [20].

Такие цифровые сервисы повышают уровень сервиса и прозрачность для клиентов, а также снижают нагрузку на сотрудников за счет автоматизации рутинных процессов.

При внедрении цифровых платформ в некоторых компаниях клиентам дается возможность самостоятельно формировать заявки, отслеживать движение грузов и управлять параметрами доставки, что способствует выведению взаимоотношений участников цепи поставок на новый уровень.

Экономический эффект и статистика результатов цифровизации

По данным аналитиков, внедрение цифровых платформ в транспортной логистике России приводит к сокращению времени поиска перевозчика до 30–40 минут и росту средней загрузки автопарка, что уменьшает долю пустых пробегов и увеличивает выручку на единицу транспорта [15].

Использование предиктивной аналитики и больших данных в управлении запасами позволяет снижать складские издержки на 15–20%, а также уменьшать объемы списаний и дефицитных ситуаций [10]. Внедрение ЭДО и цифровых сервисов для клиентов сокращает сроки документооборота на 30–40%, снижает трудозатраты административного персонала и уменьшает риск штрафов из-за ошибок в документах [11].

Рост уровня цифровизации цепи поставок оказывает влияние и на макроэкономические показатели. Это способствует значительному повышению уровня качества транспортного обслуживания и укреплению конкурентоспособности российских компаний на рынке.

Одновременно растет сегмент IT-логистики, формируя новый рынок услуг по разработке, внедрению и сопровождению цифровых решений и создавая дополнительные рабочие места в сфере высоких технологий [15].

Проблемы и ограничения цифровизации логистики в России

Цифровизация логистики в России сталкивается с рядом проблем. Во-первых, сохраняется значительный разрыв в уровне цифровой зрелости между крупными компаниями и субъектами малого и среднего бизнеса: если первые активно внедряют комплексные WMS, TMS, IoT и аналитику, то вторые часто ограничиваются базовыми учетными решениями из-за дефицита финансовых ресурсов и компетенций.

Во-вторых, на уровне отрасли наблюдается фрагментарность и недостаточная интегрированность информационных систем разных участников цепей поставок. Отсутствие единых

стандартов обмена данными и несовместимость отдельных программных решений затрудняют создание сквозной цифровой среды и приводят к необходимости дублирования данных и ручных операций.

В-третьих, цифровизация повышает требования к информационной безопасности и защите данных. Увеличение объема передаваемой в электронном виде информации, использование облачных сервисов и удаленного доступа создают дополнительные риски кибератак и утечек коммерчески чувствительных данных.

Наконец, существенным ограничением выступает кадровый дефицит: на рынке ощущается нехватка специалистов, обладающих одновременно логистическими компетенциями и навыками работы с цифровыми технологиями — аналитиками данных, архитекторами ИТ-решений, системными аналитиками. Это замедляет темпы внедрения и усложняет эксплуатацию сложных цифровых систем, особенно в регионах.

Перспективы развития цифровой логистики в России

С учетом современных трендов можно выделить несколько достаточно перспективных направлений развития цифровой логистики в России.

Углубление интеграции цепей поставок на основе логистических платформ, объединяющих производителей, логистических посредников и потребителей.

Расширение применения искусственного интеллекта: от прогнозирования спроса и оптимизации маршрутов до интеллектуального управления складами, динамического ценообразования и автоматизации принятия решений в логистических системах [19].

Развитие технологий цифровых двойников логистических систем и транспортной инфраструктуры, что позволит проводить виртуальные эксперименты и стресс-тестирование цепей поставок [11].

Использования IoT и 5G-сетей для обеспечения высокочастотного обмена данными между транспортными средствами, складскими комплексами и управляющими системами в режиме реального времени.

Формирование единых стандартов данных и интерфейсов для логистических систем, что снизит барьеры интеграции и ускорит распространение цифровых решений среди малого и среднего бизнеса [20].

Государственная политика по развитию цифровой экономики и логистической инфраструктуры, а также национальных проектов, ориентированных на цифровизацию, создают благоприятные условия для дальнейшей внедрения цифровизации.

При этом одним из основных факторов является развитие кадрового потенциала и подготовка высококвалифицированных специалистов в области цифровой логистики.

Заключение

Цифровизация логистики в России переходит к этапу системной трансформации всех сфер деятельности. Статистические данные свидетельствуют о росте рынка IT-логистики и увеличении инвестиций в цифровые решения.

Ключевую роль в этом процессе играют логистические платформы, WMS и TMS-системы, IoT-решения, предиктивная аналитика и электронный документооборот, позволяющие обеспечить сокращение уровня логистических издержек и повысить прозрачность в цепях поставок.

Вместе с тем сохраняются проблемы, связанные с неравномерностью цифровой зрелости компаний, ограничениями интеграции систем, уровнем информационной безопасности и большим дефицитом квалифицированных кадров.

В перспективе цифровизация логистики в России будет определяться внедрением искусственного интеллекта и роботизацией. Все это позволит создать предпосылки для формирования конкурентоспособных логистических систем.

Список литературы

1. *Афанасьева Е.В., Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А.* Геостратегические регионы мира: методика исследования и анализ. — М., 2020. — 200 с.
2. *Брынцев А.Н., Никишов С.И.* Цифровые инновации в сфере логистики. — М.: Белый Ветер, 2023. — 174 с.
3. *Булавина М.А., Новосельский С.О., Измestьев Д.М.* Организационно-экономический механизм управления бизнес-процессами производства металлоконструкций в условиях кризиса // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2024. — Т. 15. — № 2 (43). — С. 68–74.
4. *Булавина М.А., Новосельский С.О., Попова С.А.* Стратегические цели и тактические приоритеты управления городом в условиях геополитической напряженности // Вестник евразийской науки. — 2022. — Т. 14. — № 3.
5. *Гагарина М.В.* Устойчивое развитие предприятий в условиях цифровой экономики / М.В. Гагарина // Экономические исследования и разработки. — 2020. — № 4. — С. 102–105.
6. Затраты российских компаний на цифровизацию в 2024 году выросли на 29,5% // Интерфакс. — 2025.
7. Как российские логисты переходят на «цифру» // TN-DL. — 2024. [14]
8. *Кархова И.Ю.* Применение цифровых технологий в логистике // Российский внешнеэкономический вестник. — 2025.
9. *Конобеева А.Б.* Социальные условия развития аграрного предпринимательства / А. Б. Конобеева // Маркетинг и логистика. — 2021. — № 2 (34). — С. 37–44.
10. Логистика в России в 2024–2025 гг.: тенденции развития и цифровизация // S-PRO Group. — 2024.
11. Логистика осваивает цифру // Коммерсантъ. — 2025. [11]
12. *Силкина Г.Ю., Щербakov В.В.* Современные тренды цифровизации логистики. — СПб.: Политех-Пресс, 2019. [5]
13. *Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А.* Теоретико-методические проблемы формирования национальной идеи Российской Федерации // В сборнике: Актуальные политические и исторические вопросы современности. Сборник статей. — М., 2020. — С.160–176.
14. *Слуцкий Л.Э., Васецкий Н.А., Слоботчиков О.Н.* Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография в 2-х т. / Том 1. Россия — государство-цивилизация. — М., 2024. — 384 с.
15. *Зейналова Л.М.* К вопросу об изменениях в праве РФ в связи с переходом к цифровой экономике в условиях глобализации // В сборнике: Актуальные проблемы современного общества и пути их решения в условиях перехода к цифровой экономике. материалы XIV международной научной конференции: в 4 ч. — 2018. — С.73–83.
16. Тренды развития логистики России в 2025 году // Публикация Sber. — 2025.
17. Цифровизация логистики: вызовы, тренды и решения для бизнеса // Optiteam.
18. Цифровизация логистики: мобильные технологии в действии // Официальный сайт компании «Клеверенс». — 2025.
19. Цифровизация транспортной отрасли 2024: исследование // Secuteck. — 2024.
20. Цифровые технологии и рынок IT-логистики в России: аналитический обзор. — MegaResearch, 2025.

**ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРИЕМКИ ГРУЗОВ
НА ОБЪЕКТАХ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ.
ПРИМЕНЕНИЕ РЕШЕНИЙ
В ПЛОСКОСТИ РИТОРИКИ В.В. ЖИРИНОВСКОГО**

Г.Д. Цидилин

преподаватель,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва;
Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва
tsidilin0399@yandex.ru

**FEATURES OF CARGO ACCEPTANCE ORGANIZATION AT RETAIL FACILITIES.
THE APPLICATION OF SOLUTIONS
IN THE PLANE OF V.V. ZHIRINOVSKY'S RHETORIC**

G.D. Tsidilin

Lecturer,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow;
Moscow Automobile and Road Engineering State Technical University (MADI), Moscow
tsidilin0399@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются направления риторики В.В. Жириновского в плоскости передвижения граждан внутри Российской Федерации, связанные с недостатком рабочих мест на местах. Проведено исследование в сфере логистики. Сделаны самостоятельные наблюдения, собраны данные сервисов относительно технологических процессов в сфере объектов розничной торговли. Данные проанализированы при помощи математических функций. Сделаны выводы и предложения относительно внедрения информационных систем и открытия востребованных вакансий на объектах розничной торговли.

Ключевые слова: мобильность граждан, логистика, приёмка, розничная торговля, городские транспортные системы, рабочие места, информационные технологии, интеграция информационных решений.

Abstract. The article examines the directions of V.V. Zhirinovsky's rhetoric in terms of the movement of citizens within the Russian Federation, related to the lack of jobs in the field. A study has been conducted in the field of logistics. Independent observations were made, and service data was collected on technological processes in the field of retail facilities. The data is analyzed using mathematical functions. Conclusions and suggestions are made regarding the implementation of information systems and the opening of high-demand vacancies at retail facilities.

Key words: mobility of citizens, logistics, acceptance, retail, urban transport systems, workplaces, information technology, integration of information solutions.

В своих выступлениях известный политик и бывший лидер партии ЛДПР В.В. Жириновский выделял несколько позиций относительно ограничений передвижения людей по Российской Федерации. Основные — это сохранение жизни (запрет опасных рейсов и направлений), санитарная безопасность (изоляция страны и регионов во время эпидемий), развитие экономики в регионах: сохранение трудоспособного населения на местах (необходимость рабочих мест в регионах). В данной статье рассматривается последний тезис В.В. Жириновского, и предлагаются решения в сфере внутригородской логистики. Данные решения являются актуальными в соответствии с современной политикой властей по формированию комфортной внутригородской среды. Интеграция решений, связанных с добавлением описанных в статье вакансий, обеспечивающих исключение факторов, влекущих за собой угрозы, как для компаний, осуществляющих розничную торговлю, так и для населения районов города.

Цель исследования — формализация актуальных данных о технологических операциях процесса приемки груза на пунктах розничной торговли для совершенствования внутриго-

родской логистики в г. Москве. Формирование релевантных решений в плоскости инструментов логистики и информационных технологий. Задачи: сбор актуальных данных при помощи личного наблюдения за пунктами розничной торговли и применением онлайн-сервисов, выявление «узких мест» в процессе приемки, формализация полученных данных, формирование списка решений.

Исследовано 50 адресов пунктов розничной торговли на наличие несоответствий технологических операций с НПА. Применены данные открытых онлайн-сервисов (Яндекс-карты, 2ГИС). Проведена фото-фиксация, личные наблюдения, опросы водителей и работников пунктов розничной торговли на исследованных адресах (рис. 1).

Рис. 1. Карта исследованных районов

В рамках настоящего исследования была проведена комплексная проверка пятидесяти адресов, относящихся к объектам розничной торговли [1]. Основной целью мероприятия являлось выявление возможных несоответствий фактически выполняемых технологических операций требованиям, установленным действующими нормативными правовыми актами (НПА). Особое внимание уделялось тем этапам торгового и складского процесса, несоблюдение регламента которых может повлечь за собой административные, налоговые или иные юридические последствия для хозяйствующих субъектов.

Для обеспечения максимальной объективности и полноты собираемой информации применялась комбинированная методология, включавшая как дистанционный анализ публичных данных, так и полевые методы сбора первичной информации. На предварительном этапе с использованием открытых онлайн-сервисов — в частности, картографических платформ «Яндекс-Карты» и 2ГИС — были изучены сведения о местонахождении каждой торговой точки, режиме работы, контактных данных, а также актуальные отзывы пользователей. Это позволило сформировать исходную базу для последующей выездной проверки и сопоставить заявленные характеристики с реальным положением дел [2].

Непосредственно на объектах исследования применялись такие инструменты, как фотофиксация и личные наблюдения уполномоченных лиц. Фотофиксация проводилась выборочно, но с охватом всех ключевых зон, потенциально значимых с точки зрения соблюдения НПА: торговые залы, складские помещения, кассовые узлы, информационные стенды для потребителей, входные группы и пути подъезда транспорта. Полученные визуальные материалы впоследствии были систематизированы по каждому адресу и послужили вещественным

доказательством выявленных нарушений либо подтверждением надлежащего выполнения технологических операций [3].

Метод личных наблюдений подразумевал нахождение исследователя на территории торгового объекта в разные часы его работы, что позволило зафиксировать реальные процессы взаимодействия персонала с покупателями, процедуры приемки и выкладки товаров, соблюдение санитарных и противопожарных норм, а также корректность применения контрольно-кассовой техники. Такой подход дал возможность увидеть не только явные, но и латентные отклонения от нормативных требований, которые сложно выявить при формальном документообороте [4].

Дополнительным и крайне информативным источником данных стали опросы водителей, осуществляющих доставку товаров в данные точки розничной торговли, а также непосредственных работников (продавцов, заведующих складами, администраторов). С водителями проводились краткие интервью, касающиеся процедур разгрузки/погрузки, времени ожидания, оформления сопроводительных документов и наличия замечаний со стороны персонала магазинов. Работники пунктов розничной торговли, в свою очередь, анонимно отвечали на вопросы о фактически применяемых схемах учета товарно-материальных ценностей, графиках инвентаризаций, порядке утилизации просроченной продукции и взаимодействии с контролирующими органами. Полученные в ходе опросов сведения неоднократно перекрестно проверялись с данными фото-фиксации и личных наблюдений для исключения эффекта случайных или намеренно искаженных ответов [5].

Собранные данные: ширина подъездной дороги к пунктам розничной торговли, площадь магазина, используемый для доставки грузовой транспорт, частота поставок, радиус поворота на подъездной дороге, наличие хаотичной парковки (рис. 2), верхняя помеха, факт размещения пункта розничной торговли в жилом доме, способ приемки товара, сопроводительная документация, обрабатываемая при приемке, наличие электронной системы (информационной платформы) для обработки сопроводительной документации, требования к водителю и персоналу пункта розничной торговли при приемке.

Рис. 2. Наличие хаотичной парковки по исследуемому адресу

В процессе проведения полевых и аналитических мероприятий по пятидесяти адресам была сформирована многоуровневая система первичных данных, отражающих как транспортно-логистические условия функционирования объектов розничной торговли, так и внутренние регламенты приёмки товаров[6]. Все собранные сведения были систематизированы по категориям, позволяющим в дальнейшем провести корреляционный анализ между физическими параметрами точек и выявленными несоответствиями нормативным правовым актам. Транспортно-логистические параметры объектов. В отношении каждой торговой точ-

ки измерялась ширина подъездной дороги — от бордюра до бордюра либо от границы проезжей части до препятствия. Учитывались как стандартные участки (от 3,5 до 6 метров), так и суженные места во внутриворотовых проездах. Одновременно оценивался радиус поворота на подъездной дороге, особенно в зоне непосредственного примыкания к погрузочному фронту или входной группе. Фиксировались случаи, когда радиус поворота объективно не позволял использовать грузовые автомобили с длиной базы более 4 метров, что напрямую влияло на выбор транспортных средств при доставке [7]. Параллельно документировалось наличие хаотичной парковки (рис.2). Под хаотичной парковкой понималось стихийное размещение легковых автомобилей, а иногда и грузового транспорта третьих лиц, без соблюдения разметки, с перекрытием въездов/выездов, частичным или полным блокированием доступа к погрузочным зонам [8]. Также выявлялась верхняя помеха — наличие низко расположенных веток деревьев, козырьков зданий, балконов, проводов или иных конструктивных элементов, ограничивающих проезд высокого грузового транспорта (например, фургонов высотой более 2,8 метра).

Выделенные особенности приемки: Более 50% пунктов розничной торговли не имеют ворот для приемки грузов: более 60% пунктов розничной торговли осуществляют приемку силами сотрудников, в том числе осуществление технологических операций с тяжеловесными грузами, более 80% пунктов розничной торговли ведут учет принятого груза исключительно в бумажном формате, более 50% пунктов розничной торговли вынуждены принимать поставку от различных ТС одновременно, более 80% пунктов розничной торговли вынуждены использовать персонал не по трудовой инструкции. Столбчатая диаграмма показывает, что почти все пункты сталкиваются хотя бы с одной проблемой. Условно разделим на «Критично» (>80%) и «Высокий риск» (50–80%) (рис. 3).

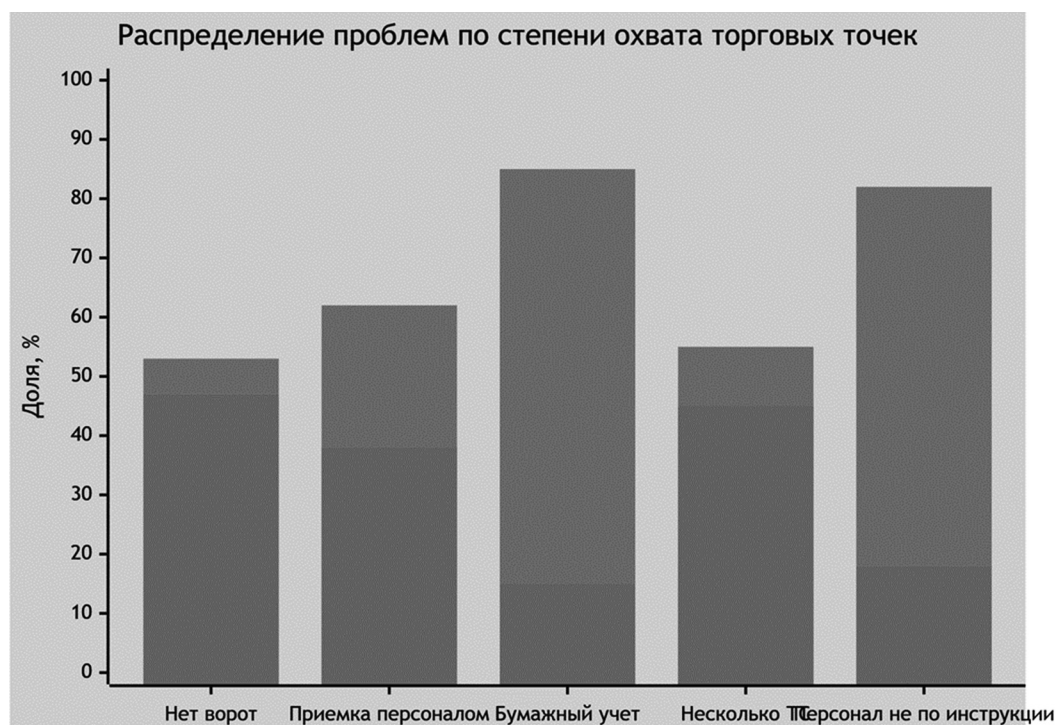

Рис. 3. Столбчатая диаграмма полученных данных

Самые массовые проблемы (охватывают >80% точек). Бумажный документооборот (85%) — главный кандидат на цифровизацию, нецелевое использование персонала (82%) — ведет к рискам травм и нарушений, значительные проблемы (охватывают >50% точек). Отсутствие специализированной зоны приемки (ворот), приемка тяжелых грузов силами неквалифицированного персонала, организационная проблема одновременной приемки с нескольких машин [9].

Предложения для совершенствования процесса приемки разделены по основным факторам риска [10]. По решению важнейших задач: выдача персоналу электронных средств (планшеты, смартфоны) для фиксации и учета; внедрение операбельного ПО (Яндекс-Курьер, электронные экосистемы) для обработки входящего потока данных о приемке; дополнение существующей бумажной модели электронными средствами; реализовать специализированный отбор кадров на места, с усложненными условиями труда; по решению выделенных второстепенных задач: использование грузовых автомобилей с гидробортом для доставки до пунктов розничной торговли; реализация условий с привлечением высококвалифицированного персонала, обеспечение существующего персонала оборудованием для работы с тяжеловесными грузами; разработка тепловой карты.

Список литературы

1. Сагинов Ю., Сагинова О. Умная городская логистика: направления исследований // Логистика. — 2022. — № 4(185). — С. 32–36.
2. Максимовских А.В. Концепция «Мобильность как услуга» (MaaS): будущее городской логистики // Инновационный транспорт. — 2021. — № 4(42). — С. 10–15.
3. Сагинова О.В. Модели городской мобильности и логистика крупного города // Экономика, предпринимательство и право. — 2020. — Т. 10. — № 2. — С. 321–330. — DOI: 10.18334/err.10.2.100430.
4. Савин Г.В., Савина В.В. Конвергенция направлений развития городской логистики в аспекте изучения мобильности // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2024. — Т. 14. — № 10-1. — С. 99–106.
5. Чубур Н.В., Глухов В.В. Имитационная модель распределенной системы логистики городских автоматизированных постаматов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 4: Промышленные технологии. — 2025. — № 1. — С. 67–72.
6. Полуботко А.А., Пиливанова Е.К., Хачатурян Н.Р. Развитие городской логистики последней мили в условиях роста e-commerce: модели, проблемы и перспективы в крупных мегаполисах // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). — 2025. — Т. 32. — № 4(92). — С. 120–128.
7. Трегубов В.Н. Анализ трендов научных исследований в области умной мобильности // Техническое регулирование в транспортном строительстве. — 2020. — № 3(42). — С. 245–251.
8. Швалов П.Г., Мироненко А.Ю. Формирование модели рационализации логистической инфраструктуры г. Красноярск // Социально-экономический и гуманитарный журнал. — 2022. — № 4(26). — С. 64–73.
9. Арифджанова Н.З. Совершенствование логистической системы управления общественным транспортом в условиях города // Экономика и социум. — 2021. — № 5-2(84). — С. 702–708.
10. Щербаков В.В., Шульженко Т.Г. Логистические приоритеты развития системы транспортной мобильности населения городской агломерации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2023. — № 6-2(144). — С. 114–122.
11. Афанасьева Е.В., Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А. Геостратегические регионы мира: методика исследования и анализ. — М., 2020. — 200 с.
12. Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А. Теоретико-методические проблемы формирования национальной идеи Российской Федерации // Актуальные политические и исторические вопросы современности. Сборник статей. — М., 2020. — С. 160–176.
13. Слуцкий Л.Э., Васецкий Н.А., Слоботчиков О.Н. Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография в 2-х т. / Том 1. Россия — государство-цивилизация. — М., 2024. — 384 с.
14. Булавина М.А., Новосельский С.О., Измestьев Д.М. Организационно-экономический механизм управления бизнес-процессами производства металлоконструкций в условиях кризиса // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2024. — Т. 15. — № 2(43). — С. 68–74.
15. Булавина М.А., Новосельский С.О., Попова С.А. Стратегические цели и тактические приоритеты управления городом в условиях геополитической напряженности // Вестник евразийской науки. — 2022. — Т. 14. — № 3.
16. Зейналова Л.М. К вопросу об изменениях в праве РФ в связи с переходом к цифровой экономике в условиях глобализации // Актуальные проблемы современного общества и пути их решения в ус-

ловиях перехода к цифровой экономике. материалы XIV международной научной конференции: в 4 ч. — 2018. — С.73–83.

17. *Ищенко М.М., Молкоедов Р.А.* Влияние процессов цифровизации региональных органов исполнительной власти на бизнес-процессы // Вестник университета мировых цивилизаций. — 2024. — Т. 15. — № 243). — С. 86–91.
18. *Конобеева А.Б.* Предпосылки и перспективы импортозамещения продукцией агропромышленного комплекса Тамбовской области / А.Б. Конобеева, Е. А. Лукьянова // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. — 2023. — № 2. — С. 135–144.
19. *Гагарина М.В.* Устойчивое развитие предприятий в условиях цифровой экономики / М.В. Гагарина // Экономические исследования и разработки. — 2020. — № 4. — С. 102–105.

КЛАССИФИКАЦИЯ УСЛУГ В МЕДИЦИНСКОМ И САНАТОРНО-КУРОРТНОМ ТУРИЗМЕ

М.В. Шевченко

аспирант,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
mv@rzsna.ru

CLASSIFICATION OF SERVICES IN MEDICAL AND SPA TOURISM

M.V. Shevchenko

Postgraduate Student,
V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
mv@rzsna.ru

Аннотация. Актуальность темы статьи обусловлена как возрастающей ролью медицинского туризма в экономике РФ, так и практической значимостью исследований, направленных на выявление перспективных путей развития отечественного медицинского туризма. Несмотря на значительное количество научных работ, посвящённых данной тематике, в академическом сообществе до сих пор отсутствует единая трактовка термина, что также подчеркивает актуальность настоящего исследования. Целью исследования выступает формирование авторской дефиниции данного феномена на основе критического обзора научной литературы, законодательных актов и выявления специфики его проявления. Теоретическая ценность настоящего исследования заключается в том, что представленные эмпирические данные и авторские выводы способствуют уточнению и систематизации терминологического аппарата в сфере медицинского туризма на основе действующего законодательства. Практическая значимость работы обусловлена тем, что предложенные в ней классификация и дефиниции могут быть использованы уполномоченными органами государственной власти при разработке специализированного законодательства, а также при совершенствовании и уточнении нормативных положений, регулирующих функционирование и развитие отечественного медицинского туризма. В ходе работы проанализированы определения медицинского туризма, предложенные в отечественных и зарубежных источниках, а также проведена дифференциация между смежными категориями — в частности, между лечебно-оздоровительным и медицинским туризмом. Методологическую основу исследования составили системный сравнительный анализ, контент-анализ и дедуктивный метод, с помощью которых осуществлена классификация и критическая оценка существующих дефиниций, а также проанализированы нормативно-правовые акты, регулирующие медицинскую и санаторно-курортную деятельность. Особое внимание уделено понятийным конструкциям, близким по содержанию к лечебно-оздоровительному и медицинскому туризму, с целью уточнения их границ и содержательных характеристик. Основным результатом исследования является теоретико-концептуальный анализ понятийного аппарата лечебно-оздоровительного туризма на основе норм действующего законодательства, классификация понятий в домене медицинского туризма. Полученные результаты могут быть использованы для уточнения и стандартизации терминологического аппарата в отечественной научной литературе, а также для обоснования разделения видов деятельности организаций, выполняющих услуги в сфере санаторно-курортного и медицинского туризма.

Ключевые слова: медицинский туризм, лечебно-оздоровительный туризм, классификация медицинского туризма, здравоохранение и туризм, лечебный туризм.

Abstract. The relevance of this article stems both from the growing role of medical tourism in the Russian economy and from the practical importance of research aimed at identifying promising avenues for the development of domestic medical tourism. Despite the substantial body of scholarly literature devoted to this topic, the academic community still lacks a unified conceptualization of the term “medical tourism,” which further underscores the timeliness of the present study. The principal outcome of the research is a theoretical and conceptual analysis of the terminological framework of health and wellness tourism grounded in current legislation, alongside a systematic classification of concepts within the medical tourism domain. The study aims to develop an original, context-sensitive definition of this phenomenon through a critical review of academic literature, legislative acts, and an examination of its distinctive manifestations. The theoretical contribution of this research lies in the refinement and systematization of the terminological apparatus in the field of medical tourism, based on empirical data and the author's analytical conclusions derived from existing legal norms. Its practical significance is evident in the proposed classification and definitions, which may serve as a basis for competent state authorities in drafting specialized legislation and refining

normative provisions governing the operation and development of domestic medical tourism. The study examines definitions of medical tourism found in both Russian and international sources and draws a clear distinction between related categories—particularly between health and wellness tourism and medical tourism. The methodological foundation of the research includes systemic comparative analysis, content analysis, and the deductive method. These approaches enabled the classification and critical evaluation of existing definitions, as well as the analysis of regulatory legal acts pertaining to medical and sanatorium-resort activities. Particular attention is paid to conceptually proximate constructs in order to clarify their conceptual boundaries and substantive characteristics. The findings may be applied to standardize and harmonize terminology in Russian academic discourse and to provide methodological justification for differentiating the activities of entities delivering services within the medical and sanatorium-resort tourism sectors.

Key words: medical tourism, health and wellness tourism, classification of medical tourism, healthcare and tourism.

В отечественной научной литературе отсутствует устоявшееся и юридически закреплённое определение понятия «медицинский туризм», согласованное с нормами действующего законодательства. Данная неопределённость в значительной мере обусловлена недостаточной нормативно-правовой урегулированностью сферы: отсутствуют единые и однозначные правовые акты, чётко регламентирующие как сам институт медицинского туризма, так и смежные с ним категории. Государственная Дума Российской Федерации планирует в ближайшее время рассмотреть соответствующий законопроект, однако на данный момент правовой статус медицинского туризма — как социального феномена и как юридически закреплённого термина — остаётся недостаточно урегулированным.

Существующие научные подходы и исследования,
посвящённые классификации и стандартизации терминологического аппарата
в области медицинского туризма

Многочисленные научные исследования посвящены попыткам сформулировать исчерпывающее и однозначное определение медицинского туризма. Среди авторов, внесших значительный вклад в теоретическое осмысление данного феномена, следует выделить С.А. Ефимова, А.С. Ефимову, В.Д. Иванова, О.В. Марандыкину, А.М. Ветитневу, А.В. Дзюбину, А.И. Чистобаева, З.А. Семенову и других уважаемых исследователей.

В их работах часто используются близкие по смыслу, а порой и взаимозаменяемые термины — «лечебный туризм», «оздоровительный туризм», «лечебно-оздоровительный туризм», «медицинский туризм» и др. Подобная терминологическая неоднозначность отчасти обусловлена различиями в переводе и интерпретации устоявшихся в международной научной и профессиональной литературе англоязычных понятий, таких как «medical tourism», «wellness tourism», «health tourism», «medical travel» и других.

Так, А.И. Чистобаев, З.А. Семенова и Н.А. Грудцын определяют явную смысловую дифференциацию: «медицинским туризмом» (medical tourism) они считают поездки, ориентированные на получение квалифицированной медицинской помощи, в том числе выполнение оперативных клинических вмешательств, в стационарах и специализированных клиниках, при этом под «оздоровительным туризмом» понимают мероприятия, направленные на восстановление, сохранение и укрепление здоровья лица, не нуждающегося в специализированной или экстренной медицинской помощи. Именно наличие клинической составляющей, по мнению указанных авторов, является ключевым критерием, отличающим медицинский туризм от оздоровительного, включая курортно-санаторный, и определяющим его позицию внутри более широкой категории — лечебно-оздоровительного туризма [10].

В.Д. Иванов, О.В. Марандыкина в своем научном исследовании определяют следующую структуру лечебно-оздоровительного туризма — см. рис. 1.

С.А. Ефимов и А.С. Ефимова в комплексной исследовательской работе, посвящённой систематизации и уточнению понятийно-терминологического аппарата лечебно-оздоровительного туризма, предлагают ряд определений, отражающих сущность и структуру данного явления. Лечебный (медицинский) туризм они определяют как «туризм, основной целью которого является закупка медицинских услуг и других медицинских вмешательств». Оздоровительным туризмом они считают «туризм, основной целью которого является активный отдых, вос-

становление физического, эмоционального и трудового потенциала при условии отсутствия в структуре турпродукта лечебных (медицинских) услуг». Лечебно-оздоровительный туризм в понимании авторов — это «сочетанная форма туризма, в структуру турпродукта которого входят как элементы лечебного (медицинского) туризма, так и элементы оздоровительного туризма» [4, с. 159; 7, с. 265].

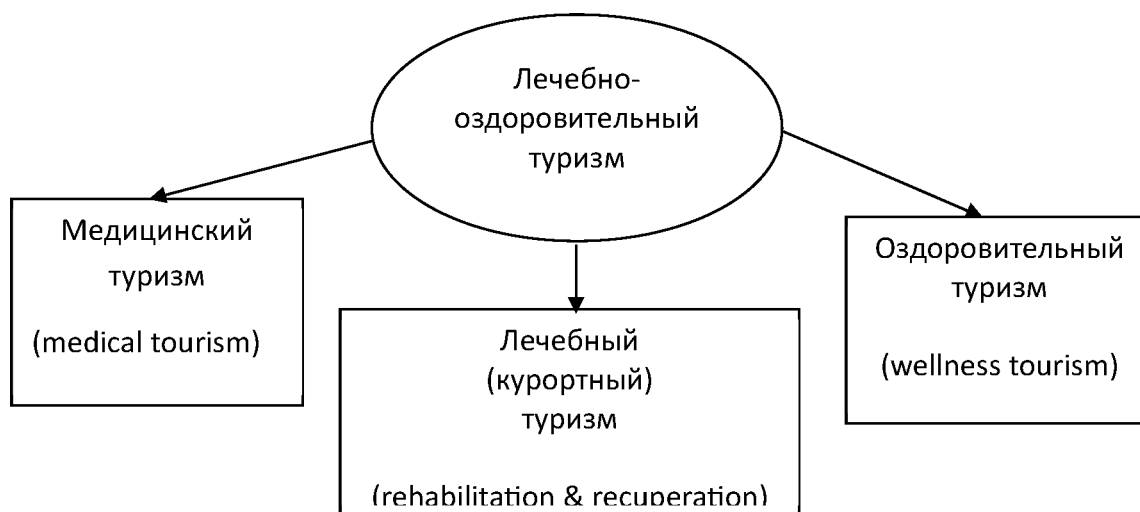

Рис. 1. Структура лечебно-оздоровительного туризма [5; 7]

Признавая научную обоснованность и методологическую ценность предложенной классификации, считаем необходимым внести в неё дополнительные уточнения с учётом норм действующего законодательства Российской Федерации в сфере здравоохранения, а также в области санаторно-курортного лечения и оздоровительной деятельности. Такой подход позволит обеспечить соответствие терминологического аппарата отраслевой правовой базы и повысить его применимость в регулировании соответствующих видов деятельности.

Многие авторы предлагают дополнительные критерии классификации, основанные на:

- характере оказываемых медицинских услуг (стандартные или высокотехнологичные) [7];
- правовом статусе получателя услуг (резиденты и нерезиденты) [9];
- географической направленности (въездной, выездной, внутренний медицинский туризм) [5; 6];
- продолжительности пребывания и комплексности предоставляемых услуг;
- источника средств оплаты услуг (за счет ОМС/ДМС или собственных средств пациента);
- «целевых факторов развития» (прогрессивные технологии медицинского обслуживания, более современная система здравоохранения, оперативные методы лечения, поиск наименее дорогих медицинских услуг) [8];
- организационных дефинициях (региональный, кластерный) [3].

Соглашаясь с целесообразностью введения дополнительной классификации, все же полагаем, что наиболее общими и содержательно ёмкими критериями её построения следует считать виды и цели лечебно-оздоровительного туризма. Это позволит не только отразить многообразие форм данной туристической деятельности, но и обеспечить её систематизацию на основе функционально значимых признаков, соответствующих как теоретическим, так и нормативно-правовым основаниям.

Для определения ключевых различий в понятийном аппарате, предлагаем рассмотреть имеющиеся в нормативных актах термины и определения, относящиеся к исследуемому домену (табл. 1).

Как следует из изложенного выше, определяющим критерием, позволяющим с точки зрения законодателя квалифицировать ту или иную услугу в качестве медицинской или санаторно-курортной, выступает наличие у организации, оказывающей данную услугу, соответствующей медицинской лицензии.

Ключевые определения в законодательстве

Закон // статья	Определение	Трактовка
Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Ст. 2	Медицинская помощь	Комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг
	Медицинская услуга	Медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение
	Медицинское вмешательство	Выполняемые медицинским работником и иным работником, имеющим право на осуществление медицинской деятельности, по отношению к пациенту, затрагивающие физическое или психическое состояние человека и имеющие профилактическую, исследовательскую, диагностическую, лечебную, реабилитационную направленность виды медицинских обследований и (или) медицинских манипуляций, а также искусственное прерывание беременности
	Профилактика	Комплекс мероприятий, направленных на сохранение и укрепление здоровья и включающих в себя формирование здорового образа жизни, предупреждение возникновения и (или) распространения заболеваний, их раннее выявление, выявление причин и условий их возникновения и развития, а также направленных на устранение вредного влияния на здоровье человека факторов среды его обитания
	Диагностика	Комплекс медицинских вмешательств, направленных на распознавание состояний или установление факта наличия либо отсутствия заболеваний, осуществляемых посредством сбора и анализа жалоб пациента, данных его анамнеза и осмотра, проведения лабораторных, инструментальных, патолого-анатомических и иных исследований в целях определения диагноза, выбора мероприятий по лечению пациента и (или) контроля за осуществлением этих мероприятий
	Лечение	комплекс медицинских вмешательств, выполняемых по назначению медицинского работника, целью которых является устранение или облегчение проявлений заболевания или заболеваний либо состояний пациента, восстановление или улучшение его здоровья, трудоспособности и качества жизни
	Медицинская деятельность	Профессиональная деятельность по оказанию медицинской помощи, проведению медицинских экспертиз, медицинских осмотров и медицинских освидетельствований, санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий и профессиональная деятельность, связанная с трансплантацией (пересадкой) органов и (или) тканей, обращением донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях
	Медицинская организация	Юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы, осуществляющее в качестве основного (уставного) вида деятельности медицинскую деятельность на основании лицензии, предоставленной в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о лицензировании отдельных видов деятельности

Закон // статья	Определение	Трактовка
Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 7 апреля 2025 г. № 169н «Об утверждении Порядка организации санаторно-курортного лечения» // Ст. 2	Санаторно-курортное лечение	Включает в себя медицинскую помощь, осуществляемую медицинскими организациями в профилактических, лечебных и реабилитационных целях на основе использования природных лечебных ресурсов, в том числе в условиях пребывания в лечебно-оздоровительных местностях и на курортах

Наличие такой лицензии служит юридическим и организационным гарантом соблюдения установленных требований в сфере здравоохранения, а именно:

- оказание услуги осуществляется квалифицированным медицинским персоналом, имеющим необходимую подготовку и сертификацию;
- предоставление услуги осуществляется в обязательно соответствии с официальными порядками оказания медицинской помощи и действующими клиническими рекомендациями;
- качество медицинской деятельности попадает под обязательный государственный контроль со стороны уполномоченных надзорных органов: Роспотребнадзор, Росздравнадзор, Министерство здравоохранения Российской Федерации и иных компетентных структур;
- медицинское оборудование, используемое при реализации услуги, проходит обязательную поверку и поддерживается в технически исправном состоянии;
- применяемые лекарственные препараты поступают исключительно из легальных источников и соответствуют требованиям фармаконадзора.

Таким образом, медицинская лицензия выступает не только формальным признаком, но и существенным правовым и практическим условием, обеспечивающим безопасность, качество и легитимность оказываемых медицинских и санаторно-курортных услуг.

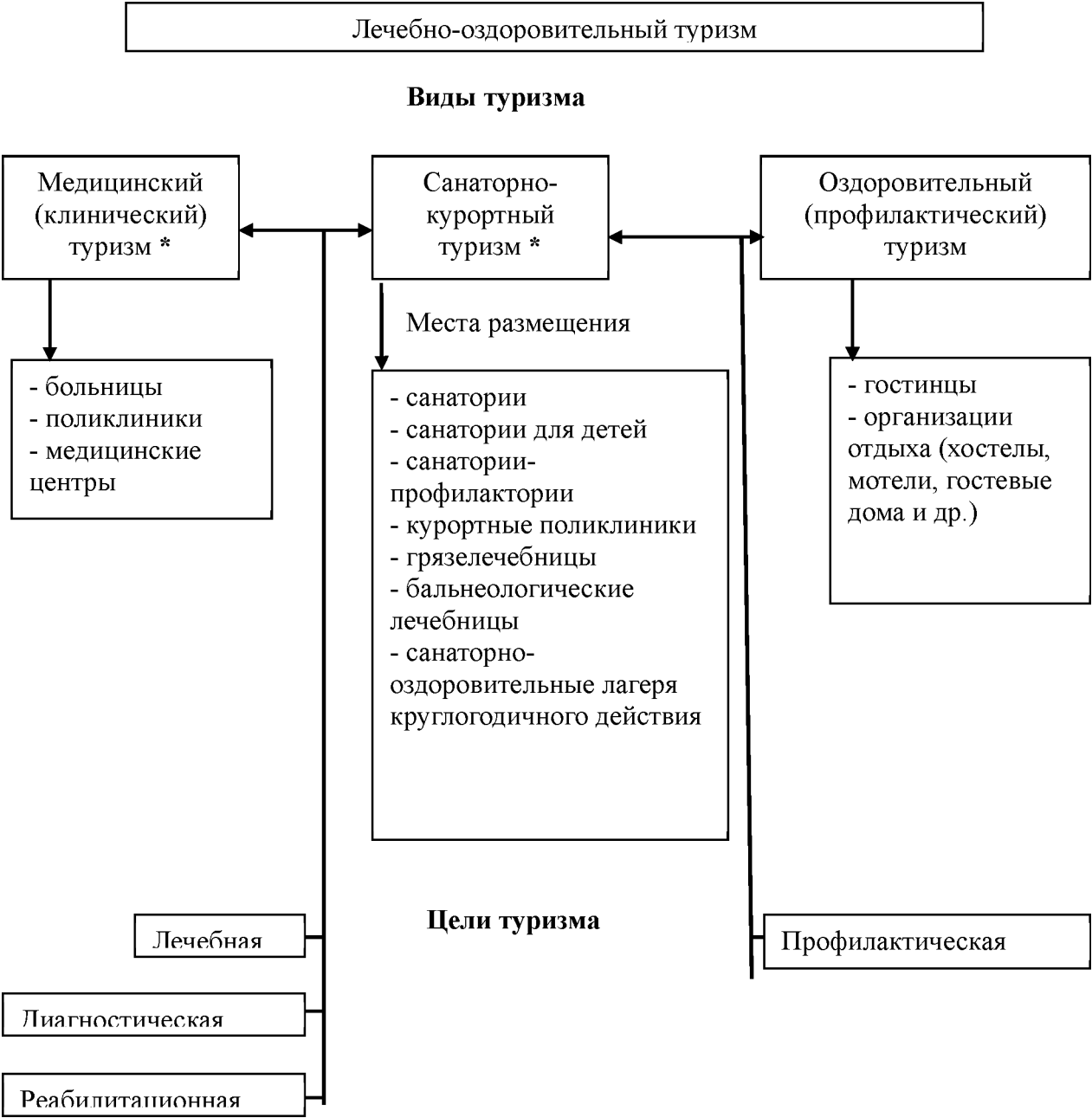
На основе анализа действующего законодательства можно выделить четыре основные цели лечебно-оздоровительного туризма: лечебную, диагностическую, реабилитационную и профилактическую (оздоровительную).

Обобщая результаты работ отечественных учёных и принимая во внимание официальные определения, содержащиеся в нормативных правовых актах, в настоящей работе предлагается обобщённая концептуальная схема, отражающая системное положение, структуру и ключевые компоненты дефиниции «лечебно-оздоровительный туризм» (рис. 2).

Как видно из предлагаемой структуры, лечебно-оздоровительный туризм включает в себя три вида туризма — медицинский (клинический), санаторно-курортный и оздоровительный. Для организации медицинского и санаторно-курортного туризма организации необходимо иметь медицинскую лицензию. Заметим, что для организации профилактической составляющей отдыха организациям санаторно-курортного типа лицензия не требуется. Оздоровительный (профилактический) туризм не требует наличие лицензии.

Агаева С. И. и некоторые другие авторы в рамках анализа целей поездок выделяет два основных вида: санаторно-курортное лечение (которое она отождествляет с санаторным или оздоровительным туризмом) и специализированное лечение [1, с. 70]. Считаем, что с данной позицией нельзя полностью согласиться. Представляется методологически некорректным объединение санаторно-курортного и оздоровительного туризма в одну категорию, поскольку они различаются по правовому и организационному статусу. В частности, деятельность организатора санаторно-курортного туризма предполагает обязательное наличие медицинской

лицензии, в то время как предоставление услуг в сфере оздоровительного туризма такой лицензии не требует. Указанные различия обуславливают необходимость отдельного рассмотрения данных видов туристической деятельности.

* — требуется наличие медицинской лицензии

Рис. 2. Структура и составляющие лечебно-оздоровительного туризма
Составлено авторами.

Заключение

В научной литературе и нормативно-правовых актах отсутствует единый подход к классификации медицинского туризма, что обуславливает необходимость систематизации существующих моделей и выработки согласованной типологии. Наиболее распространённым основанием для классификации, с учетом норм действующего законодательства, примем целевую направленность поездки пациента, в соответствии с которой выделим следующие виды меди-

цинского туризма: лечебный, диагностический, реабилитационный и профилактический (оздоровительный). Таким образом, многоаспектность феномена медицинского туризма требует применения многоуровневого подхода к его классификации, что способствует как теоретическому осмыслению данного явления, так и разработке эффективных механизмов его правового и институционального регулирования.

Список литературы

1. Агаева С.И. Сущность, экономическая роль и виды медицинского туризма // Международный научный журнал «Вестник науки». — 2021. — Т. 2. — № 3(36). — С. 69–72.
2. Ветитнев А.М., Дзюбина А.В., Торгашева А.А. Лечебно-оздоровительный туризм: вопросы терминологии и типологии // Вестник СГУТиКД. — 2012. — № 2(20) — С. 50–56.
3. Восколович Н.А. «Цена и качество услуг» как драйверы роста рынка медицинского туризма в России // Вестник ГСГУ. — 2021. — № 1(41). — С. 29–34.
4. Ефимов С.А., Ефимова А.С. Лечебно-оздоровительный, лечебный и оздоровительный туризм: уточнением понятийно-терминологический аппарат // Вестник физиотерапии и курортологии. — 2017. — Т. 23. — № 4. — С. 155–160.
5. Иванов В.Д. Специальные виды туризма: лечебный туризм / В.Д. Иванов, О.В. Марандыкина // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. — 2021. — Т. 6. — № 2. — С. 118–125
6. Левченко Т.К., Григорьева Ж.В. Особенности развития медицинского туризма и взаимодействия основных его участников // Вестник Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета. — 2021. — № 2(50). — С. 117–124.
7. Омарова К.А., Мусина К.П., Тукибаева К.Б. Лечебно-оздоровительный и медицинский виды туризма: общие и отличительные особенности. // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан. — 2025. — № 1. — С. 257–275.
8. Синьтун Ван. Анализ развития регионального медицинского туризма в России // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2022. — № 5. — С. 107–113.
9. Сурнина К.С. Аналитическая оценка регионального медицинского туризма. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология. — 2019. — Т. 5(71). — № 1. — С. 38–46.
10. Чистобаев А.И., Семенова З.А., Грудцын Н.А. Медицинский и оздоровительный туризм: учебник для вузов // — М.: Изд-во Юрайт, 2025. — 237 с.
11. Булавина М.А., Новосельский С.О., Измestьев Д.М. Организационно-экономический механизм управления бизнес-процессами производства металлоконструкций в условиях кризиса // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2024. — Т. 15. — № 2(43). — С. 68–74.
12. Слуцкий Л.Э., Васецкий Н.А., Слоботчиков О.Н. Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография в 2-х т. / Том 1. Россия — государство-цивилизация. — М., 2024. — 384 с.
13. Ищенко М.М., Молкоедов Р.А. Влияние процессов цифровизации региональных органов исполнительной власти на бизнес-процессы // Вестник университета мировых цивилизаций. — 2024. — Т. 15. — № 2(43). — С. 86–91.
14. Павлова А.Н. Эффективность управления затратами транспортной компании как эффективная стратегия компании в рамках устойчивого развития / А.Н. Павлова // Тренды экономического развития транспортного комплекса России: форсайт, прогнозы и стратегии: Труды национальной научно-практической конференции, Москва, 17 апреля 2025 года. — М.: Издат.-торг. корпорация «Дашков и К», 2025. — С. 209–211.
15. Еременская Л.И., Степнова О.В. Анализ проблемы правовой грамотности студентов технического вуза // Перспективы науки и образования. — 2021. — № 2(50). — С. 130–144.
16. Зейналова Л.М. К вопросу об изменениях в праве РФ в связи с переходом к цифровой экономике в условиях глобализации // В сборнике: Актуальные проблемы современного общества и пути их решения в условиях перехода к цифровой экономике. материалы XIV международной научной конференции: в 4 ч. — 2018. — С. 73–83.

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ

И.Р. Юсупов

аспирант,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

ildarx2@gmail.com

DEVELOPMENT OF THE MOSCOW REGION'S INDUSTRIAL POLICY UNDER INTERNATIONAL SANCTIONS

I.R. Yusupov

Postgraduate student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

ildarx2@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется развитие промышленной политики Московского региона в условиях международных санкций; под регионом понимается единая система «город Москва — Московская область». Цель работы состоит в выявлении логики текущего этапа индустриализации и оценке инструментов, обеспечивающих устойчивость производства в условиях внешних ограничений. Показано, что современная модель формируется на пересечении федеральных приоритетов технологического суверенитета, агломерационных эффектов и межтерриториальной конкуренции за инвестиции, кадры и инфраструктуру. Обоснована необходимость функционального разделения: Москва концентрирует НИОКР, инжиниринг и малосерийные высокотехнологичные производства, тогда как Московская область обеспечивает масштабирование выпуска, размещение капиталоемких мощностей и логистическую поддержку. Рассмотрены ключевые инструменты политики — промышленные парки, ОЭЗ, кластеры, налогово-финансовые стимулы и механизмы институциональной координации. Отдельно акцентированы ограничения развития: дефицит площадок, кадровый дефицит, экологические требования, зависимость от импортных технологий и удлинение логистических цепочек. Предложен набор индикаторов результативности, включающий производственные, инвестиционные, кооперационные, пространственные и кадровые параметры. Сделан вывод, что устойчивый промышленный рост возможен при синхронизации промышленной, научно-технологической, транспортной и кадровой повесток, а также при переходе к межсубъектному портфельному управлению проектами.

Ключевые слова: промышленная политика, Московский регион, Москва, Московская область, международные санкции, импортозамещение, технологический суверенитет, инфраструктурное развитие.

Abstract. The article examines the development of industrial policy in the Moscow region under international sanctions; in this study, the region is understood as an integrated system of the city of Moscow and Moscow Oblast. The purpose of the paper is to identify the logic of the current stage of industrialization and to assess policy instruments that ensure production resilience under external constraints. It is shown that the current model is shaped by the intersection of federal priorities of technological sovereignty, agglomeration effects, and interterritorial competition for investment, labor, and infrastructure. The paper substantiates the need for a functional division: Moscow concentrates R&D, engineering, and small-batch high-tech production, while Moscow Oblast provides production scaling, placement of capital-intensive facilities, and logistical support. The key policy tools considered include industrial parks, special economic zones, clusters, fiscal and financial incentives, and mechanisms of institutional coordination. The main development constraints are also highlighted: shortage of available sites, labor and skills deficits, environmental requirements, dependence on imported technologies, and longer logistics chains. A set of performance indicators is proposed, including production, investment, cooperation, spatial, and workforce metrics. The article concludes that sustainable industrial growth is possible only through synchronization of industrial, science-and-technology, transport, and human-capital agendas, as well as a transition to interregional portfolio-based project management.

Key words: Industrial policy, Moscow region, Moscow, Moscow Oblast, international sanctions, import substitution, technological sovereignty, infrastructure development.

Промышленная политика в крупнейших агломерациях приобретает особое значение в условиях структурной трансформации экономики и усиления международных санкционных ограничений. Московский регион обладает уникальной комбинацией факторов: емким внутренним рынком, высокой концентрацией научно-образовательного потенциала, развитой

логистикой и значительным инвестиционным притоком. Одновременно регион сталкивается с ограничениями, связанными с дефицитом промышленных площадок, экологической нагрузкой, высокой конкуренцией за трудовые ресурсы и необходимостью ускоренного технологического замещения внешних поставок.

В настоящей работе Московский регион трактуется как совокупность города Москвы и Московской области. Такое определение позволяет анализировать промышленную политику как единую функциональную систему, где решения одного субъекта напрямую влияют на производственную специализацию, занятость и инфраструктурные потоки другого.

Современные подходы к промышленной политике сочетают горизонтальные и вертикальные меры. Горизонтальные меры направлены на улучшение деловой среды (инфраструктура, финансирование, кадры, регуляторика), тогда как вертикальные — на поддержку приоритетных отраслей и технологических направлений. В условиях международных санкций такое сочетание приобретает антикризисный характер: горизонтальные меры снижают системные издержки адаптации, а вертикальные обеспечивают ускоренную поддержку технологически уязвимых сегментов. Для Московского региона, где высокая плотность экономической активности сочетается с межсубъектной неоднородностью условий, такая двухконтурная архитектура особенно важна.

С теоретической точки зрения промышленная политика региона может быть представлена как система согласования трех блоков: *структурного* (какие отрасли и технологии развивать), *пространственного* (где размещать производство и логистику) и *институционального* (какими инструментами координировать участников). В санкционном контексте к этой конструкции добавляется критерий устойчивости цепочек поставок: приоритетными становятся отрасли, критичные для технологической автономии и наименее защищенные от внешних ограничений. Ошибки в одном блоке снижают результативность всей системы: например, отраслевые приоритеты без обеспеченной территории и кадров не приводят к устойчивому росту выпуска.

Для Московского региона в рамках данной работы предлагается использовать следующие теоретические принципы проектирования промышленной политики:

- *принцип дополнительности Москвы и области*: Москва концентрирует НИОКР, инжиниринг, опытное и малосерийное производство, Московская область — масштабирование, индустриальные площадки и складскую инфраструктуру;
- *принцип технологической селективности*: приоритет получают направления, формирующие долгосрочные конкурентные преимущества и снижающие санкционную уязвимость (автоматизация, новые материалы, микроэлектроника, фармацевтика, приборостроение);
- *принцип сетевой кооперации*: поддержка не отдельных предприятий, а межфирменных цепочек, связывающих крупный бизнес, МСП, университеты и исследовательские центры, в том числе для замещения выпавших импортных поставщиков;
- *принцип институциональной согласованности*: унификация процедур сопровождения инвестпроектов между Москвой и областью, чтобы минимизировать административные разрывы;
- *принцип экологической и социальной устойчивости*: учет ограничений по выбросам, транспортной нагрузке и качеству городской среды при выборе параметров индустриального роста.

В прикладном анализе промышленной политики целесообразно разделять прямые и косвенные эффекты мер поддержки. Прямые эффекты включают прирост инвестиций, выпуска и занятости в целевых секторах. Косвенные эффекты проявляются через мультипликатор спроса, рост производительности смежных отраслей, ускорение диффузии технологий и расширение налоговой базы. В санкционных условиях дополнительно оценивается эффект снижения внешней зависимости: степень локализации критических компонентов, диверсификация каналов поставок и устойчивость производственных циклов к ограничениям внешнего доступа. Для агломерационного региона косвенные эффекты часто сопоставимы с прямыми и должны учитываться при оценке эффективности политики.

Дополнительно важно учитывать проблему межтерриториальной конкуренции стимулов. Если меры Москвы и Московской области строятся изолированно, возможна ситуация, ког-

да предприятие лишь меняет юрисдикцию регистрации или площадку размещения без роста совокупной региональной добавленной стоимости. Поэтому в теоретической модели оценки необходимо фокусироваться на показателях чистого прироста: новых производственных мощностях, технологическом обновлении, экспортной выручке и росте производительности труда. Однако важно обратить внимание, что международный экспорт испытывает сильное давление в связи с западными санкциями [1].

Таким образом, промышленная политика Московского региона должна рассматриваться не как сумма двух независимых наборов мер, а как координируемая агломерационная стратегия, где ключевой единицей анализа выступает межсубъектная производственная система «Москва — Московская область».

Этапы развития промышленной политики Москвы и Московской области

В рамках настоящей работы данный раздел рассматривает исключительно **текущий этап** промышленной политики Московского региона без исторической ретроспективы. Современная модель может быть описана как «умная индустриализация» агломерационного типа: приоритет получают производства с высокой добавленной стоимостью, высокой технологической насыщенностью и способностью быстро встраиваться в новые кооперационные цепочки. В условиях санкций данная модель дополняется задачей обеспечения технологической и логистической устойчивости [4].

Содержательно текущий этап определяется четырьмя взаимосвязанными контурами.

Первый контур — технологический: предприятия ориентируются на автоматизацию, роботизацию, цифровое проектирование, реверс-инжиниринг и сокращение технологических циклов. На первый план выходит цифровизация производства [5]. Второй контур — пространственный: Москва концентрируется на НИОКР, инжиниринге и малосерийных высокотехнологичных производствах, тогда как Московская область обеспечивает масштабирование выпуска, размещение капиталоемких мощностей и логистическую поддержку, включая формирование новых маршрутов снабжения. Третий контур — кадровый: усиливается конкуренция за инженерные и рабочие компетенции нового типа, что требует тесной связки промышленной политики с образовательной и программами ускоренной переподготовки под новые технологические процессы. Четвертый контур — институциональный: возрастает роль скорости административных процедур, цифровых сервисов сопровождения проектов и межсубъектной координации, а также адресной поддержки предприятий, испытывающих санкционное давление.

Для оценки результативности текущего этапа промышленной политики целесообразно выделять следующие группы индикаторов:

- *производственно-технологические*: рост производительности труда, доля высокотехнологичной продукции, темпы обновления основных фондов, уровень локализации критических компонентов;
- *инвестиционные*: объем частных инвестиций в промышленность, доля проектов расширения действующих производств, средний срок запуска новых площадок, объем вложений в технологическое замещение;
- *кооперационные*: количество устойчивых межрегиональных цепочек «Москва — Московская область», участие МСП в поставках для крупных предприятий, доля контрактов с новыми поставщиками из дружественных юрисдикций;
- *пространственные*: уровень загрузки индустриальных площадок, транспортная связанность производственных зон, баланс маятниковой занятости;
- *кадровые*: дефицит инженерных специальностей, доля сотрудников, прошедших технологическое переобучение.

С управленческой точки зрения текущий этап требует перехода от разрозненных мер поддержки к портфельному управлению промышленными проектами в масштабе всей агломерации. Это означает синхронизацию земельно-инфраструктурных решений, налоговых стимулов, кадровых программ и мер технологического развития. В санкционном контексте к этому добавляется постоянный мониторинг критических зависимостей по оборудованию, компонентам и программному обеспечению. Критически важно, чтобы Москва и Московская

область оценивали эффект не по объему локально привлеченных резидентов, а по приросту совокупной добавленной стоимости, экспортной выручки, технологической сложности и устойчивости производственной системы региона в целом [6].

Ключевые инструменты промышленной политики

1. Инфраструктурные инструменты

К базовым инфраструктурным инструментам относятся индустриальные парки, ОЭЗ, промышленные технопарки и площадки комплексного развития территорий. В условиях санкций их роль усиливается, поскольку именно инфраструктурно подготовленные площадки позволяют быстрее запускать проекты импортозамещения и локализации технологических цепочек [2].

Для Московского региона инфраструктурная политика должна строиться по принципу функционального разделения: в Москве приоритет получают площадки для НИОКР, опытного производства и инжиниринговых центров, в Московской области — площадки для масштабирования серийного выпуска, складской переработки и распределительной логистики. Такая конфигурация снижает совокупные издержки запуска проектов и уменьшает риск разрывов между стадиями «разработка — пилот — промышленная серия».

Практическая эффективность инфраструктурных инструментов определяется следующими параметрами:

- сроком подключения к инженерным сетям и доступной электрической мощностью;
- транспортной связанностью с ключевыми логистическими коридорами и грузовыми терминалами;
- наличием сервисной экосистемы (испытательные лаборатории, центры сертификации, инжиниринговые услуги);
- готовностью площадок к быстрой технологической переналадке под изменение номенклатуры продукции.

В санкционном режиме особую значимость приобретает не только создание новых площадок, но и модернизация действующих промзон под задачи ускоренного технологического замещения. Это предполагает опережающее развитие инженерной инфраструктуры, цифровых систем диспетчеризации и логистических «узлов устойчивости», позволяющих поддерживать непрерывность поставок.

2. Финансово-налоговые инструменты

Региональные льготы по налогу на прибыль и имуществу, субсидии на модернизацию, льготные займы и гарантии позволяют снижать барьеры входа для новых производств. При санкционных ограничениях финансово-налоговые меры должны быть более адресными: приоритет требуется предоставлять проектам технологического замещения, локализации критических узлов и разработке собственных производственных решений.

Содержательно финансовый контур целесообразно разделять на три уровня:

- **стартовый уровень** — поддержка запуска новых производств и расширения мощностей через льготное финансирование капитальных затрат
- **уровень модернизации** — субсидирование внедрения автоматизации, цифрового проектирования и отечественных технологических линий
- **уровень устойчивости** — инструменты страхования и гарантирования, снижающие риски срыва поставок и удлинения расчетных циклов.

Для Московского региона важно перейти от универсальных льгот к модели «контрактной результативности», когда параметры поддержки увязаны с достижением измеримых эффектов: приростом выпуска, увеличением доли локальных компонентов, созданием высокопроизводительных рабочих мест, ростом экспортной выручки на альтернативных рынках. Такой подход повышает бюджетную эффективность мер и снижает вероятность получения льгот без технологического обновления.

Одновременно при проектировании финансово-налоговых мер важно учитывать риск «перетока» предприятий между соседними территориями без реального прироста совокупного выпуска [7]. Для минимизации этого риска требуется единая межрегиональная методика оценки эффекта проектов и координация налоговых стимулов между Москвой и областью.

3. Институциональные инструменты

Сюда относятся механизмы «единого окна», агентства развития, цифровые сервисы сопровождения инвестпроектов и соглашения о межрегиональной кооперации. В санкционном контексте институциональные инструменты должны включать оперативный механизм «регуляторной перенастройки» для ускоренного согласования технологических замен, новых цепочек поставок и изменений производственных стандартов.

Институциональная эффективность в текущих условиях определяется скоростью прохождения проектом полного цикла согласований — от подбора площадки до запуска производства. Для этого необходимы:

- единые регламенты взаимодействия региональных и муниципальных органов власти
- цифровой трекинг статуса инвестпроекта с фиксированными сроками на каждом этапе
- специализированные проектные офисы по направлениям импортозамещения и промышленной кооперации
- правовые механизмы ускоренного внедрения технологических аналогов при выбытии зарубежных решений.

Для Московского региона институциональная согласованность Москвы и области является критическим условием снижения транзакционных издержек бизнеса. На практике это означает синхронизацию критериев отбора проектов, унификацию требований к резидентам промышленных площадок и согласованное управление межсубъектными цепочками поставок.

В целом сочетание инфраструктурных, финансово-налоговых и институциональных инструментов должно формировать не набор изолированных мер, а интегрированный «контур промышленной устойчивости» региона. Только при таком подходе возможно одновременно решать задачи технологического суверенитета, повышения производительности и адаптации промышленности к долгосрочному санкционному давлению.

4. Ограничения и вызовы

Несмотря на высокую инвестиционную привлекательность, развитие промышленности в регионе ограничено рядом факторов:

- дефицит доступных территорий для новых производственных объектов;
- рост стоимости труда и конкуренция за инженерные кадры;
- экологические требования и ограничения на размещение отдельных производств;
- неоднородность муниципальных практик управления инвестиционными проектами;
- санкционные ограничения на поставки оборудования, комплектующих и отдельных технологических решений;
- снижение уровня доходов населения в контексте предпринимательской деятельности [3].

удлинение и удорожание внешнеторговой логистики, влияющее на сроки производственных циклов.

Отдельный вызов связан с необходимостью синхронизации транспортной и промышленной политики: без развития магистральной и распределительной логистики снижается эффект от создания новых производственных кластеров. Дополнительным ограничением выступает дефицит ряда критических технологий и компетенций, что усиливает потребность в долгосрочных программах технологического партнерства и развитии собственных инженерных школ.

Заключение

Развитие промышленной политики Московского региона в условиях международных санкций требует перехода от конкуренции юрисдикций к модели координированного развития агломерации. Наиболее перспективным направлением является сочетание: (1) поддержки технологически сложных производств и проектов импортозамещения, (2) формирования межрегиональных цепочек кооперации с устойчивой логистикой, (3) опережающего развития кадровой и инженерной инфраструктуры. Такая конфигурация способна обеспечить долгосрочную устойчивость промышленного роста, снизить внешние технологические риски и повысить вклад региона в национальную технологическую повестку.

Список литературы

1. *Афанасьева Е.В., Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А.* Геостратегические регионы мира: методика исследования и анализ. — М., 2020. — 200 с.
2. *Булавина М.А., Новосельский С.О., Измистьев Д.М.* Организационно-экономический механизм управления бизнес-процессами производства металлоконструкций в условиях кризиса // Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2024. — Т. 15. — № 2 (43). — С. 68–74.
3. *Зейналова Л.М.* К вопросу об изменениях в праве РФ в связи с переходом к цифровой экономике в условиях глобализации // Актуальные проблемы современного общества и пути их решения в условиях перехода к цифровой экономике. материалы XIV международной научной конференции: в 4 ч. — 2018. — С. 73–83.
4. *Вагин С.Г.* Влияние международных санкций на промышленный экспорт регионов России / С.Г. Вагин // E-Management. — 2023. — Т. 6. — № 4. — С. 53–63. — DOI: 10.26425/2658-3445-2023-6-4-53-63. — EDN JODBHO.
5. *Гагарина М.В.* Устойчивое развитие предприятий в условиях цифровой экономики / М.В. Гагарина // Экономические исследования и разработки. — 2020. — № 4. — С. 102–105.
6. *Дрягина Л.А.* Развитие региональной политики импортозамещения в Центральном федеральном округе в условиях новых санкционных ограничений / Л.А. Дрягина // Экономика. Информатика. — 2023. — Т. 50. — № 4. — С. 743–755. — DOI: 10.52575/2712-746X-2023-50-4-743-755. — EDN OKFOTD.
7. *Ищенко М.М., Плятова Ю.А.* Анализ методов и результатов развития персонала на современном предприятии // Вестник института мировых цивилизаций. — № 2. — 2023. — С. 60–65.
8. *Конобеева А.Б.* Социальные условия развития аграрного предпринимательства / А.Б. Конобеева // Маркетинг и логистика. — 2021. — № 2 (34). — С. 37–44.
9. *Печаткин В.В.* Влияние санкционной политики стран Запада на социально-экономическое развитие регионов России / В.В. Печаткин // Известия Уфимского научного центра РАН. — 2022. — № 4. — С. 91–100. — DOI: 10.31040/2222-8349-2022-0-4-91-100. — EDN LKKULB.
10. *Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А.* Теоретико-методические проблемы формирования национальной идеи Российской Федерации // Актуальные политические и исторические вопросы современности. Сборник статей. — М., 2020. — С. 160–176.
11. *Слуцкий Л.Э., Васецкий Н.А., Слоботчиков О.Н.* Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография в 2-х т. / Том 1. Россия — государство-цивилизация. — М., 2024. — 384 с.
12. *Стрижакова Е.Н.* Новые вызовы для экономики Российской Федерации и пути их преодоления в условиях санкций / Е.Н. Стрижакова, Д.В. Стрижаков // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2023. — Т. 19. — № 1 (418). — С. 4–21. — DOI: 10.24891/ni.19.1.4. — EDN EHSTGH.
13. *Стрижакова Е.Н.* Экономика будущего: рост, развитие и ресурсы / Е.Н. Стрижакова, Д.В. Стрижаков. — Брянск: Брянский государственный технический университет, 2021. — 180 с. — ISBN 978-5-907570-18-4. — EDN KAWIQC.
14. *Шацкий А.А.* Региональное развитие промышленности в Российской Федерации в условиях санкций и ограничений / А.А. Шацкий // Управление. — 2023. — Т. 11. — № 2. — С. 170–178. — DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-2-170-178. — EDN LEMDQE.
15. *Экономика и финансы региона: современные тенденции: монография / под общ. ред. И.К. Мищенко.* — М.: ИНФРА-М, 2023. — 228 с. — (Научная мысль). — DOI: 10.12737/1895271. — ISBN 978-5-16-017886-8.

**Право будущего:
формирование новых подходов.
Цифровое общество.**

**РОССИЯ И МИР:
РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА СУДЕЙСКОЕ УСМОТРЕНИЕ.
СМЕЛЫЕ ИДЕИ. ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ. УВЕРЕННЫЕ ПРОГНОЗЫ**

Е.С. Азарова

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
Волгоградский государственный университет, Волгоград
aes2404@yandex.ru

**RUSSIA AND THE WORLD:
THE EVOLUTION OF JUDICIAL DISCRETION.
BOLD IDEAS. CONTEMPORARY CHALLENGES. CONFIDENT FORECASTS**

E.S. Azarova

PhD in Legal Sciences,
Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure,
Volgograd State University, Volgograd
aes2404@yandex.ru

Аннотация. Статья предлагает комплексный взгляд на институт судейского усмотрения в уголовном судопроизводстве. Явление рассматривается на фоне общемировых тенденций и с учётом российской правовой специфики. Опираясь на современные доктринальные подходы, включая концепцию субституционности доказывания и общий сдвиг к состязательной модели, автор исследует онтологические и гносеологические основания дискреционных полномочий суда. Особое внимание уделено вызовам, которые создаёт цифровая трансформация правосудия, расширение упрощённых процедур и потребность в балансе между эффективностью процесса и гарантиями прав личности. В работе формулируются не лишённые смелости теоретические идеи — в частности, о легализации и формализации алгоритмов усмотрения — и приводятся достаточно уверенные прогнозы о том, как этот институт будет развиваться в России и в мире в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: судейское усмотрение, внутреннее убеждение, уголовный процесс, состязательность, дискреционные полномочия, алгоритмы принятия решений, цифровизация правосудия, упрощённые процедуры, справедливость.

Abstract. The article offers a comprehensive perspective on the institution of judicial discretion in criminal proceedings. The phenomenon is examined against the backdrop of global trends while taking into account the specific characteristics of the Russian legal system. Drawing on contemporary doctrinal approaches—including the concept of substitutionary proof and the general shift toward an adversarial model—the author investigates the ontological and epistemological foundations of the court's discretionary powers. Particular attention is paid to the challenges posed by the digital transformation of justice, the expansion of simplified procedures, and the need to strike a balance between procedural efficiency and the guarantees of individual rights. The paper puts forward theoretical ideas that are not lacking in boldness — specifically, the legalization and formalization of discretionary algorithms — and offers reasonably confident forecasts regarding how this institution will develop in Russia and globally in the medium term.

Key words: judicial discretion, inner conviction, criminal procedure, adversarial system, discretionary powers, decision-making algorithms, digitalization of justice, simplified procedures, fairness.

Институт судейского усмотрения веками остаётся предметом острых дискуссий и в теории, и на практике. Его природа двойственна: он постоянно балансирует между законностью и произволом, между жёсткой определённой правовой нормой и необходимостью найти справедливое решение для конкретного дела. Сегодня, когда общественные отношения усложняются, право перманентно реформируется, а цифровизация проникает во все сферы, роль судейской дискреции не только не уменьшается — напротив, она приобретает новое, системное значение.

В России уголовно-процессуальная доктрина пережила радикальную смену ориентиров. На смену советской модели, нацеленной на объективную материальную истину и традици-

онно с подозрением относившейся к широкому судебскому усмотрению (считая его чем-то вроде «буржуазного» излишества), пришла состязательная модель, закреплённая в УПК РФ 2001 года. В новой парадигме усмотрение оказывается не вспомогательным инструментом, а едва ли не центральным механизмом познания и разрешения уголовно-правового конфликта. Отказ от принципа объективной истины сместил фокус на установление «юридической истины», той, что конструируется в ходе состязания сторон. По своей гносеологической сути этот процесс невозможно отделить от усмотрения [1, с. 4–5].

Цель настоящей статьи — проследить эволюцию судебного усмотрения в России, сопоставив её с мировыми тенденциями, выделить наиболее смелые и перспективные теоретические построения, обозначить ключевые вызовы, с которыми институт сталкивается сейчас, и сформулировать научно обоснованные прогнозы его развития на ближайшие десятилетия.

В континентальной правовой традиции, к которой принадлежит и Россия, долгое время господствовало представление о суде как об «устах закона» (Монтескьё). Предполагалось, что его задача сводится к почти механическому приложению нормы к фактам. Апогея эта идея достигла в эпоху великих кодификаций XIX века — усмотрению там отводили минимум места. В советский период ситуация усугубилась идеологическим запретом на «свободное судебское убеждение»: дискрецию рассматривали по преимуществу как досадный дефект законодательной техники, который следует искоренять путём всё более детальных регламентаций [2].

Однако философия права и юридическая герменевтика XX века убедительно показали: полнотой определённого права не существует и существовать не может. Норма всегда абстрактна, а жизненный случай — уникален и конкретен. Именно в онтологическом зазоре между ними и возникает судебное усмотрение как способ адаптировать общее правило к бесконечному разнообразию казусов [3]. Мировая юриспруденция — и англосаксонская доктрина (А. Барак, Р. Дворкин), и континентальная мысль — пришла к консенсусу: судебское усмотрение — не аномалия, а имманентное свойство правоприменения, особенно заметное там, где закон оперирует оценочными понятиями («разумный срок», «достаточные данные», «справедливость»).

В России признание этого факта состоялось вместе с принятием УПК РФ. Кодекс не только легализовал принцип свободы оценки доказательств по внутреннему убеждению (ст. 17), но и наделил суд широкими дискреционными полномочиями практически на всех стадиях — от санкционирования следственных действий (ст. 165) до назначения наказания (ст. 60 УК РФ). Современное судебное усмотрение уже не выглядит «дырой» в правовом порядке. Теперь это его органическая часть, особый правовой режим, который связывает абстрактную норму с конкретной жизненной ситуацией [1, с. 16–20].

Едва ли не самой смелой и эвристически ценной идеей, разработанной в современной российской процессуальной науке, можно считать концепцию субституционности (замещения) уголовного состязательного процесса. Суть её в следующем: в состязательной модели суд познаёт не событие прошлого как таковое, а его реконструкции, которые предлагают стороны обвинения и защиты. Уголовное дело, поступившее в суд, это уже интерпретация произошедшего, и задача судьи — оценить конкурирующие нарративы по критериям непротиворечивости, полноты и интерпретируемости [1, с. 25–30].

В такой гносеологической ситуации судебное усмотрение перестаёт быть периферийным инструментом. Оно становится центральным механизмом познания, замещая прежнюю активную роль суда по собиранию доказательств и установлению объективной истины. Судья не имеет доступа к «вещам в себе» (событиям прошлого) и работает исключительно с «вещами для нас» (доказательствами). Через призму внутреннего убеждения, опираясь на правосознание и профессиональный опыт, он выбирает наиболее убедительную версию. Эта концепция радикально меняет взгляд на природу судебного решения: оно оказывается не столько актом познания, сколько актом взвешенного выбора и оценки [8].

Другая смелая и уже вполне практичная новация — идея алгоритмизации судебного усмотрения. Долгое время считалось, что дискреционная деятельность судьи в принципе не формализуема; мол, это сфера интуиции и профессионального «чутья». Однако современные исследования показывают обратное: в типовых процессуальных ситуациях (санкционирование обыска, рассмотрение жалоб по ст. 125 УПК РФ, оценка допустимости доказательства) мыслительный процесс судьи поддаётся структурированию в виде поэтапного алгоритма [1, с. 80–90].

В качестве примера предлагается трёхэтапный алгоритм для санкционирования следственных действий:

- 1) **верификация** — проверка формальной правоспособности, подсудности и соблюдения процедуры;
- 2) **существенно-правовая оценка** — анализ достаточности фактических данных, соразмерности вмешательства и процессуальной корректности;
- 3) **принятие мотивированного решения** с определением конкретных условий (по времени, месту, предмету).

Такая алгоритмизация не сковывает судью, а даёт ему чёткие интеллектуальные ориентиры. Она дисциплинирует мышление и снижает риск произвола — а это особенно важно при высокой судебной нагрузке и риске формального подхода. В мировой практике сходные идеи развиваются в рамках концепций «структурированного судебного усмотрения» и находят применение, например, в руководствах по назначению наказаний[6].

Сегодня институт судебного усмотрения сталкивается с несколькими мощными вызовами, и каждый из них заставляет переосмысливать его традиционные формы.

Первый вызов — цифровая трансформация правосудия

Электронный документооборот, видеоконференц-связь, а в перспективе и элементы искусственного интеллекта для анализа практики и прогнозирования решений кардинально меняют информационную среду, в которой формируется внутреннее убеждение судьи. С одной стороны, технологии открывают беспрецедентные возможности для оптимизации усмотрительных решений: аналитические инструменты ГАС «Правосудие» позволяют за секунды получить срез практики по аналогичным делам, увидеть типичные размеры наказаний, учесть значимые факторы [4]. Это способствует предсказуемости и единообразию правосудия.

С другой — возникает риск «алгоритмической предвзятости» и «слепого» следования статистике. Индивидуальный подход может быть подменён усреднённым «цифровым стандартом»: судья неосознанно стремится попасть в медиану, избегая смелых, но справедливых в данном конкретном деле решений. Кроме того, остаётся открытым вопрос о допустимости использования «чёрных ящиков» нейросетей, чьи решения непрозрачны для человека, при формировании судебного убеждения [5]. Мировое юридическое сообщество активно обсуждает этические и правовые пределы внедрения ИИ в правосудие, и, видимо, в ближайшие годы появятся соответствующие стандарты и ограничения.

Второй вызов — экспансия упрощённых и ускоренных процедур

Особый порядок (гл. 40 УПК РФ), дознание в сокращённой форме (гл. 32.1 УПК РФ) и их зарубежные аналоги (ускоренные производства в Европе) призваны разгрузить судебную систему и повысить её эффективность. Но вместе с тем они создают парадоксальную ситуацию «связанного усмотрения». В особом порядке судья лишён возможности полноценно исследовать доказательства и, что критически важно, вынести оправдательный приговор, даже если его внутреннее убеждение сигнализирует о сомнениях [1, с. 185–190]. Усмотрение здесь редуцируется до проверки формальных условий сделки между обвинением и защитой.

Перед доктриной и законодателем встаёт труднейшая задача: как добиться процессуальной экономии, не жертвуя фундаментальными гарантиями правосудия и не превращая суд в «машину для легализации сделок»? Одно из возможных решений — разработать специальные «компенсаторные» механизмы усмотрения именно для упрощённых производств: скажем, расширить полномочия суда по проверке добровольности и осознанности признания вины, активнее пользоваться правом отказать в особом порядке при малейших сомнениях.

Третий вызов — поиск баланса между единообразием и индивидуализацией

Общество и государство, с одной стороны, заинтересованы в предсказуемости и стабильности правоприменения, что требует ограничения субъективного фактора. С другой — правосудие немыслимо без учёта уникальных обстоятельств конкретного дела. Избыточная фор-

мализация и «конвейерный» подход грозят выхолостить саму суть судебной деятельности. Мировая тенденция, искать «золотую середину», развивая доктрину разумного «судейского активизма» и создавая гибкие, рамочные стандарты доказывания и мотивировки решений.

Опираясь на анализ современных тенденций, можно с достаточной долей уверенности сформулировать несколько прогнозов о том, как институт судейского усмотрения будет развиваться в России и мире в горизонте 10–15 лет.

Прогноз 1. Легализация и «мягкая» формализация алгоритмов. В среднесрочной перспективе мы, скорее всего, откажемся от имплицитного, «латентного» существования усмотрения и перейдём к его официальному признанию в качестве самостоятельного процессуального института. Это выразится в закреплении в УПК РФ легальной дефиниции, в разграничении понятий «судебное» и «судейское» усмотрение, «внутреннее убеждение». Верховный Суд РФ, продолжая линию, намеченную в Постановлении Пленума от 19.12.2017 № 51, будет и дальше детализировать критерии и этапы принятия усмотрительных решений в наиболее проблемных сферах (избрание мер пресечения, оценка допустимости доказательств, назначение наказания). В результате сложится система «прецедентов толкования» — не будучи формальными источниками права, они станут мощными ориентирами для судей, обеспечивая единство практики и одновременно оставляя пространство для манёвра.

Прогноз 2. Развитие «цифрового помощника» судьи. В обозримом будущем искусственный интеллект судью не заменит, но станет незаменимым интеллектуальным ассистентом. Появятся специализированные программные комплексы, которые смогут: автоматически формировать «проект» судейского акта по типовым категориям дел, заполняя его фактурой из электронного дела; предлагать судье перечень релевантных правовых позиций и статистику по наказаниям в схожих случаях; выявлять противоречия в показаниях и «узкие места» доказательственной базы. При этом окончательное решение и его мотивировка в той части, где нужны оценка и выбор, всегда останутся за человеком-судьей. Разработка таких систем станет одним из приоритетов государственной политики в области цифровизации юстиции.

Прогноз 3. Конвергенция подходов в мировом масштабе. Несмотря на различия правовых семей, в сфере судейского усмотрения будет наблюдаться сближение подходов. Страны континентального права начнут перенимать англосаксонский опыт более детальной мотивировки решений и публикации «особых мнений» судей — это повышает прозрачность дискреции. В свою очередь, страны общего права будут двигаться в сторону большей структуризации усмотрения через руководящие принципы и развитие систем поддержки принятия решений. Международные организации (Совет Европы, ООН) продолжают выработать рекомендательные стандарты справедливого судейского разбирательства, и требования к обоснованности и предсказуемости судейской дискреции займут в этих стандартах важное место.

Прогноз 4. Усиление роли усмотрения как гаранта прав личности в цифровую эпоху. По мере того как государство получает всё более мощные технологические инструменты для контроля и вмешательства в частную жизнь (тотальное видеонаблюдение, анализ больших данных, биометрия), роль судейского усмотрения как «предохранительного клапана» будет только расти. Именно суд, реализуя дискреционное полномочие по оценке соразмерности и необходимости ограничения прав, останется главным барьером на пути потенциальных злоупотреблений со стороны обвинительной власти. В этом контексте повышение качества судейского усмотрения, его независимости и обоснованности перестаёт быть узкой юридико-технической задачей — оно приобретает конституционное значение.

Институт судейского усмотрения в уголовном процессе переживает этап глубокой трансформации [7]. Из явления, существовавшего во многом стихийно и нередко вызывавшего настороженность, он превращается в признанный, необходимый и всё более структурируемый элемент состязательной парадигмы. Смелые теоретические идеи, такие как концепция субстиционности доказывания или алгоритмизация усмотрительной деятельности, закладывают надёжный научный фундамент для развития и законодательства, и практики.

Вызовы цифровизации и распространения упрощённых процедур несут с собой и риски, и новые возможности. Главная задача на ближайшие годы — найти разумный баланс между эффективностью и справедливостью, между использованием технологических новшеств и сохранением гуманистической сути правосудия. Прогнозы дают основания полагать, что судеб-

ное усмотрение не исчезнет. Напротив, оно станет более «интеллектуальным», прозрачным и ответственным. Судья будущего — это не робот, действующий по заданному алгоритму, и не «свободный художник», полагающийся исключительно на интуицию. Это высокопрофессиональный юрист, вооружённый современными аналитическими инструментами, но принимающий окончательное решение на основе внутреннего убеждения, совести и чувства справедливости. Именно в этом и состоит непреходящая ценность правосудия.

Список литературы

1. *Азарова Е.С.* Судебное усмотрение в уголовном процессе: алгоритмы и практика реализации. — Волгоград, 2025. — 216 с.
2. *Мартынчик Е.Г.* Развитие уголовно-процессуального законодательства. — Кишинёв: Штиинца, 1977. — 168 с.
3. *Барак А.* Судейское усмотрение / пер. с англ. — М.: НОРМА, 1999. — 376 с.
4. *Волосова Н.Ю.* Цифровизация правосудия: перспективы и опасности // Социально-политические науки. — 2022. — №3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-pravosudiya-perspektivy-i-opasnosti> (дата обращения: 10.04.2026).
5. *Фролов Р.Н., Колкарева И.Н.* Этические и правовые риски применения искусственного интеллекта на современном этапе развития // Аграрное и земельное право. — 2025. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskie-i-pravovye-riski-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-na-sovremennom-etape-razvitiya> (дата обращения: 07.04.2026).
6. *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. — 8-е изд., перераб. — М.: КНОРУС, 2020. — 704 с.
7. *Головко Л.В.* Публично-правовая природа уголовного судопроизводства и современные глобальные усилия по ее перепрограммированию // Правоведение. — 2024. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publicjno-pravovaya-priroda-ugolovnogo-sudoproizvodstva-i-sovremennye-globalnye-usiliya-po-ee-pereprogramirovaniyu> (дата обращения: 14.04.2026).
8. *Победкин А.В., Яшин В.Н.* Субъективная оценка относительной стабильности доказательственного права в современном уголовном процессе // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. — 2023. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnaya-otsenka-otnositelnoy-stabilnosti-dokazatelstvennogo-prava-v-sovremennom-ugolovnom-protsesse>.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И АНАЛИТИКА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

П.Х. Акиева

доктор исторических наук,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва;
профессор кафедры гражданского и предпринимательского права,
ФГБОУ ВО «РГАИС», Москва
petim@yandex.ru

POLITICAL FORECASTING AND ANALYTICS: TOWARD A PROBLEM

P.Kh. Akieva

Doctor of Historical Sciences,
Professor, Department of Civil Law Disciplines,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow;
Professor, Department of Civil and Business Law,
FSBEI HE "RGAS", Moscow
petim@yandex.ru

Аннотация. Прогнозирование, будучи одним из важнейших гносеологических функций развития общества, является необходимым условием государственного управления и совершенствования управления. Цель статьи состоит в анализе проблем современной политической прогностики, разрешение которых связано с необходимостью выхода за пределы традиционных технологий и устоявшихся методологических схем. Интенсивность современных информационно-коммуникационных связей в политических сообществах привела к выдвиганию на первое место нормативных ценностей пространства культуры, которые наряду с идеологией и институциональной динамикой определяют основу современного прогнозирования.

Ключевые слова: политическое прогнозирование, регулирование, стратегия развития и управления, интеграционные процессы, коммуникация, пространство культуры.

Abstract. Forecasting, being one of the most important epistemological functions of social development, is a necessary condition for public administration and management improvement. The purpose of this article is to analyze the problems of modern political forecasting, which require going beyond traditional technologies and established methodological frameworks. The intensity of modern information and communication links in political communities has led to the prioritization of the normative values of the cultural space, which, along with ideology and institutional dynamics, form the basis of modern forecasting.

Key words: political forecasting, regulation, development and management strategy, integration processes, communication, cultural space.

Перспективы развития государственно-правовых институтов сегодня невозможно рассматривать без применения прогнозирования. Актуальность данного инструмента познания и преобразования политико-правовой действительности с каждым годом все увеличивается. Потребность в политической прогностике связана не только перспективами эффективной организации управления на основе научной предсказуемости вариативных изменений социума посредством учета известных закономерностей его развития. Современность иллюстрирует глубокие, цивилизационные изменения (цифровизация), которые диктуют необходимость пересмотра подходов к пониманию законов общественного развития, жизни социума и его сосуществования с государством. Сегодня, для обеспечения успеха России в противоборстве с «коллективным Западом» как никогда очевидна необходимость стратегии прогноза.

Результативность конечного продукта, т.е. самого прогноза, зависит от правильного набора, обработки и систематизации определенной информации. Собственно, сам процесс про-

гнозирования и есть аналитика информации, в результате которой формулируются вероятностные сценарии социально-политической динамики [1]. Сложность здесь видится в том, что известные алгоритмы, методологически выстроенные в рамках жестко детерминированных закономерностей развития недостаточны применительно к рассмотрению общества, как самоорганизующейся живой системы, способной к изменению своей структуры и самостоятельному порядкоформированию.

Алгоритмическая стандартизированная модель практически не информативна к живым самоорганизующимся системам, коим является общество. Она плохо описывает поведение. Методологический подход, связанный с преднамеренным упрощением сложности, разделением ее на простые составляющие и формулированием таким образом стандартизированной модели поведения не дает всей полноты информации. Мировая политическая система, как органическая часть жизнедеятельности общества, также слабо детерминирована в силу своей сложности, здесь цели разноплановы и достаточно быстро меняются во времени.

В целом политологические исследования в России часто страдают отсутствием новаций в методологии политического прогнозирования. Исследователи отмечают, как ошибку сведение методологии российской политической аналитики только к познанию, без учета ее диалектической связи с преобразованием [10, с. 50]. Доминирующий в аналитике нормативный подход, направленный на выявление тех тенденций и связей, которые могут привести к желаемым сценариям будущего, не работает в долгосрочной перспективе, поскольку направлен в основном на решение конкретных проблем. Такая стратегия прогноза основана на положениях о возможности влиять на будущее, об определяющей зависимости будущего от решений в настоящем, чем от событий исторического прошлого, о реальной достижимости вероятного сценария посредством скоординированных усилий, а также возможности выявления потенциальных рисков. Однако успех системного прогнозирования политического будущего возможен лишь тогда, когда оно основано на фундаментальном историческом анализе.

Ярким примером успешного прогноза, основанного на знании мировой истории, аналитике вооруженных конфликтов, стратегии и тактике ведения войн, было предвидение Ф. Энгельса о необратимости мировой войны, которую впоследствии назовут «первой». Причем Ф. Энгельс «в анализе причин возникновения войн и вооруженных конфликтов был чужд экономического детерминизма, которому следовали многие последователи Карла Маркса, особенно в нашей стране» [5].

Конечно, достоверно предсказать то, что произойдет на политической арене достаточно сложно и российская аналитика страдает рядом упущений. Одной из главных исследователи называют невнимательность власти к независимой аналитике. «В России отсутствуют социальные лифты, а действующие политики и государственные институты часто недооценивают либо игнорируют значимость экспертных оценок и прогнозов» [6, с. 12].

В политической аналитике количественные методы измерения, которые позволили бы оценить ситуацию, не работают. Ограниченность традиционных технологий прогнозирования будущего является производной нормативного подхода, основанного на анализе идеологии и институциональной динамики. Полученные таким образом сценарии будущего на основе устоявшихся технолого-методологических схем достоверны только в краткосрочной перспективе. Благодаря современным интеграционным процессам произошло смещение акцентов: интенсивность коммуникационных связей в политических сообществах привела к выдвиганию на первое место нормативных ценностей пространства культуры.

Государство преследует множественные цели, определение путей достижения которых, как и оценка событий, как считают, зависит от политических взглядов экспертов: «функционирует множество центров, различающихся по идеологической направленности трактовки и анализа политических событий, у которых разные взгляды как на место России в современном мире, так и на вектор внутреннего и внешнего развития страны» [4, с. 154–158]. С позиций сегодняшнего дня можно сказать, что «мировоззрение» ведущих российских партий размыто, еще более укрепились «идеологическая эклектика» [9, с. 6–7], смешение правых и левых взглядов, в связи с чем политическая ориентация эксперта не является определяющей.

Скорее проблема российской политической аналитики состоит в ее достаточно широких границах. Прогнозирование сценариев развития мира, определение вариантов будущего ми-

роустройства, о том какие державы будут его конструировать и т.п. вот, что в целом определяет сегодня круг интересов политологов. В качестве примера, стоит привести размышления А.С. Панарина о месте и роли России в историческом прошлом, настоящем и будущем. Так, сценарий А.С. Панарина предлагает связать «цивилизационные универсалии современного мира» (демократия и частная собственность) с традиционными российскими культурными кодами (культурологический детерминизм) [2, с. 38]. Ориентация в общественном развитии на традиционные ценности и народный капитализм откроет для России возможности вернуть в орбиту своего политического влияния постсоветские страны и станет основанием устойчивого развития и полноценного присутствия в Европе [8, с. 186]. Методология А.С. Панарина, построенная не на принципах экономической детерминированности развития, а на моральных требует от политологов-экспертов отказаться от цели переустройства общества в заданном векторе посредством политических технологий, поскольку они могут привести к непредсказуемым последствиям. Политика, с точки зрения А.С. Панарина, как игра, неопределенность которой создает точки бифуркации. Тем самым обществу открываются альтернативные возможности. В результате, в мире нет ничего предначертанного и процесс исторического развития общества — это движение открытой самоорганизующейся системы, «это драма, сюжет которой не написан заранее, он выстраивается по ходу действия» [2, с. 37].

Современные геополитические проблемы (например, расширение военного альянса НАТО, которое приведет к войне с Украиной, военная агрессия Израиля, противостояние США и Китая и др.) во многом были предсказаны В.В. Жириновским еще в начале двухтысячных.

В.В. Жириновский предсказывал американскую оккупацию семи арабских стран с целью установления «силовой демократии». Политик видел главную причину развязывании войны с Ираном в возможности затянуть в нее Россию и Китай, которые перейдут из позиции наблюдателей в защитников суверенности государства-партнера. Военная агрессия Израиля при поддержке США на Иран (когда произойдет локальная ядерная война), приведет огромному количеству беженцев. Иран будет разделен: Персия, Хузистан отойдет к шиитскому Ираку, отделится Белуджистан, возникнет Курдистан, Армения сможет увеличить свою территорию при условии ее помощи в разгроме Ирана. Вынужденная миграция беженцев на север станет основанием дестабилизации на Южном и Северном Кавказе (Азербайджан, Армения, Грузия), «заполыхает Средняя Азия». Такие угрозы заставят кавказские государства определиться в своей политической ориентации, поскольку «без России они не смогут существовать». Политик озвучивал перспективу внутреннего ослабления НАТО на фоне высокого роста цен на нефть, что приведет к двусторонним переговорам между США и Россией о переустройстве сфер влияния, которые состоятся в Сочи. Коренной демонтаж старых политико-экономических конструкций и создание новой архитектуры мира, в которой России отводится первостепенное место, с точки зрения В.В. Жириновского, должен произойти в 2026 г. — в год «великого обнуления» [7].

Выступления В.В. Жириновского не оставляли никого равнодушным, не случайно его называли «человеком-скандалом» [3, с. 107]. Эмоционально яркие и в тоже время спорные, они основывались на серьезном анализе политических и социально-экономических проблем в их диалектической связи с историческим прошлым. Обладая высокой эрудицией и методологическими навыками, В.В. Жириновский умело оперировал историческими знаниями, что позволяло ему проводить релевантные аналогии, предвидеть будущие конфликтные события, а также предлагать пути их преодоления. Согласимся с мнением о крайне важности творческого содружества «между политологами и историками, а также «выращивание» политологов из числа историков» [5].

Прогнозы В.В. Жириновского сегодня находят свое воплощение в геополитике. Во многом предвидение политика совпадает с концепцией мирового порядка в XXI в., предложенной Г. Киссинджером, о чем сам В.В. Жириновский не раз говорил. И хотя Г. Киссинджер не дает ответов каков будет этот миропорядок, но предлагает сценарий распространения универсальных ценностей США и их доминирование в глобальном масштабе.

Очевидно, что современные геополитические проблемы иллюстрируют хангингтонское столкновение цивилизаций «ибо западный мир, арабский регион и Китай не являются частями более широкой культурной общности». Общий настрой экспертного сообщества по поводу

сценариев будущего пессимистичен: он включает дальнейшее разрушение международных политических институтов, геэкономическое противостояние, технологические риски, нехватку природных ресурсов и экологические проблемы на фоне все нарастающего неравенства, социальной поляризации и эрозии прав человека и гражданских свобод.

Таким образом, политическая прогностика сегодня требует методологического совершенствования. Высокий уровень предвидения дает возможность сформировать стратегию политического развития и управления, построить алгоритм преодоления, а возможно и нивелирования потенциальных рисков, разработать модели реагирования на социальные требования и агрегации их интересов. В целом, эффективность прогнозирования лежит в основе стабильности и национальной безопасности любой страны.

Список литературы

1. *Акиева П.Х.* О значении прогнозирования в законотворчестве Российской Федерации // *Законы России: опыт, анализ, практика.* — 2022. — № 7. — С. 3–7.
2. *Доленко Д.В.* Теоретическое наследие А.С. Панарина и современная Россия // *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования.* — № 3 (11). — 2010. — С. 36–40.
3. *Душенко К.* Зернистые мысли наших политиков. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. — 146 с.
4. *Иванов Д.Ю.* Современная практика анализа политической ситуации на постсоветском пространстве // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика.* — 2012. — № 11. — С. 154–158.
5. *Кокошин А.О* роли исторических и политологических исследований в актуальном политико-военном прогнозировании // Текст выступления на форуме «Возвращение нарративов прошлого». 29 ноября 2024 г. // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/o-rol-i-istoricheskikh-i-politologicheskikh-issledovaniy-v-aktualnom-politiko-voennom-prognozirovanii/?ysclid=mnencxde60999196142> (дата обращения: 31.03.2026).
6. *Курнос Ю.В.* Аналитика как интеллектуальное оружие. — М.: Ритм, 2015. — 616 с.
7. Открытая лекция В.В. Жириновского, посвященная мировой геополитике. 8 февраля 2019 г. в РЭУ им. Плеханова // URL: https://vk.com/video-22004981_456264669?ysclid=mnf42yyany306306802 (дата обращения: 01.04.2026).
8. *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование: учеб. для студентов вузов. — М., 2002. — 348 с.
9. *Пляйс Я.А.* Партийное строительство в современной России. — М.- Ростов-на Дону, 2007. — С. 6–7.
10. *Тонких В.А., Колимбет Е.Д.* Политическая аналитика как наука (прагматические заметки) // *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования.* — 2017. — Т. 3. — № 4, — С. 49–53.

«ПРАВО БУДУЩЕГО» В СВЕТЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В.В. ЖИРИНОВСКОГО

Р.Т. Алиев

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
roman.aliev.15@list.ru

“THE RIGHT OF THE FUTURE” IN THE LIGHT OF V.V. ZHIRINOVSKY’S LEGISLATIVE HERITAGE

R.T. Aliev

PhD in Law,
Senior Lecturer at the Department of Civil Law Disciplines,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
roman.aliev.15@list.ru

Аннотация. Статья посвящена осмыслению законотворческого наследия В.В. Жириновского в контексте формирования концепции «права будущего» (jus in futuro) в условиях цифровой трансформации. Автор анализирует методологические подходы, заложенные в выступлениях и инициативах политика, в особенности — его позицию по законопроекту о «суверенном интернете» (2019). Выделяются принципы технологического суверенитета, ограниченного правами человека, экономической обоснованности правотворчества и человекоцентричности. Делается вывод о том, что наследие В.В. Жириновского содержит не готовые рецепты, а методологическую матрицу для конструирования российского цифрового права.

Ключевые слова: право будущего, цифровизация, законотворческое наследие, В.В. Жириновский, суверенный интернет, цифровое право, методология правотворчества.

Abstract. The article is devoted to the reflection on the legislative legacy of V.V. Zhirinovsky in the context of the formation of the concept of “future law” (jus in futuro) in the conditions of digital transformation. The author analyzes the methodological approaches embedded in the politician’s speeches and initiatives, in particular, his position on the draft law on “sovereign Internet” (2019). The principles of technological sovereignty limited by human rights, economic feasibility of lawmaking, and human-centeredness are highlighted. It is concluded that the legacy of V.V. Zhirinovsky contains not ready-made recipes, but a methodological matrix for the construction of Russian digital law.

Key words: law of the future, digitalization, legislative legacy, V.V. Zhirinovsky, sovereign Internet, digital law, methodology of lawmaking.

Классическое право по своей природе обращено в прошлое: оно регулирует уже сложившиеся общественные отношения. Однако цифровая эпоха порождает вызовы, на которые правовая система не успевает реагировать — скорость технологических изменений опережает законотворческий процесс. В этих условиях возникает необходимость в формировании **«права будущего»** (jus in futuro) — системы опережающего, прогностического регулирования, способного не только отвечать на вызовы, но и предвосхищать их.

Российская юридическая наука находится в активном поиске такой модели. Одним из важных источников для размышления может стать политико-правовое наследие Владимира Вольфовича Жириновского (1946–2022), чья законотворческая деятельность отличалась нестандартностью, остротой и, что особенно ценно, умением формулировать вопросы, ставшие актуальными спустя годы.

Цель настоящей статьи — реконструировать методологические подходы В.В. Жириновского к регулированию информационно-технологической сферы и оценить их применимость для построения «права будущего» в России. Задачи: (1) определить теоретические контуры «права будущего»; (2) проанализировать конкретные инициативы и высказывания В.В. Жи-

риновского; (3) выделить принципы, которые могут лечь в основу российской модели цифрового права.

1. Теоретические контуры «права будущего» в контексте цифровизации

Под «правом будущего» в современной доктрине понимается совокупность правовых норм, институтов и подходов, нацеленных на регулирование отношений, возникающих в связи с развитием искусственного интеллекта, больших данных, блокчейна, киберфизических систем и иных технологий четвертой промышленной революции. Ключевая особенность — **опережающий характер**: право не должно запаздывать, но и не может быть произвольным.

Анализ научной литературы показывает, что Российское правовое регулирование в сфере цифровых технологий долгое время развивалось по реактивному пути, что привело к фрагментарности и пробелам [1, с. 149].

В последние годы всё чаще звучат призывы к принятию **Цифрового кодекса** — систематизированного акта, который объединил бы нормы об информации, персональных данных, электронной подписи, идентификации и т.д. Однако дискуссия остаётся незавершённой, прежде всего из-за отсутствия единой методологии.

Принципиальным вопросом является баланс между **цифровым суверенитетом** государства и **цифровыми правами** граждан. Как справедливо отмечает Э. Сидоренко, «если мы сегодня не будем понимать, что право — это исключительно инструмент, в том числе нашей безопасности, нашей независимости, — мы на самом деле ограничимся очень казуальными решениями, которые в перспективе нас могут привести к цифровой кабале» [2]. Этот тезис задаёт вектор для поиска национальной модели регулирования.

Именно здесь, как представляется, может быть востребован опыт и интуиции политиков-законодателей, которые на разных этапах пытались осмыслить вызовы информационной эпохи. В их числе — В.В. Жириновский.

2. В.В. Жириновский как субъект законотворческого прогнозирования: эволюция взглядов и ключевые инициативы

Владимир Вольфович Жириновский, будучи бессменным лидером ЛДПР на протяжении трёх десятилетий, неоднократно высказывался по вопросам информационной безопасности, доступа к данным, регулирования интернета и социальных сетей. Его подход отличался синтезом государственнической риторики и внимания к правам рядовых граждан, что создавало порой парадоксальные, но интересные с научной точки зрения конструкции.

2.1. Ранние высказывания (1990–2010-е годы)

В 1990-е и 2000-е годы В.В. Жириновский преимущественно акцентировал угрозы внешнего информационного влияния и необходимость защиты национального информационного пространства. Однако к концу 2010-х годов его позиция стала более нюансированной. Например, в феврале 2019 года, комментируя готовившийся законопроект о «суверенном интернете», он заявил: «Если дать кому-то возможность ограничивать всё подряд, то он постоянно будет указывать, что запретить, а что заблокировать. И граждане справедливо опасаются такой изоляции» [3].

2.2. Ключевой кейс: письмо В.В. Жириновского о «суверенном Рунете» (апрель 2019 года)

Наиболее полное и юридически выверенное выражение позиции В.В. Жириновского содержится в его письме, направленном в ответ на обращение в рамках кампании «Цифровая оборона» [4]. Проанализируем этот документ подробно.

Во-первых, В.В. Жириновский чётко заявляет о недопустимости поддержки законопроекта: *«Законопроект, который в настоящее время проходит рассмотрение в стенах*

Государственной Думы, получивший в средствах массовой информации образное название «О суверенном интернете», ЛДПР не поддерживает, и поддерживать не будет» [4].

Во-вторых, последний апеллирует к общественному мнению и правам молодёжи: *«Мы знаем позицию многих граждан, блогеров, молодёжи, которые боятся любых ограничений в Интернете и болезненно относятся к любым покушениям на свободу в сети. Это необходимо учитывать» [4].*

В-третьих, формулируется принцип баланса: *«Мы в ЛДПР считаем, что национальные интересы нужно защищать во всех сферах, в том числе и в виртуальном пространстве, но нельзя пренебрегать мнением общественности» [4].*

В-четвёртых, приводится экономический аргумент: *«Кроме того, нельзя забывать и о том, что создание «суверенного интернета» оценивается в 20 млрд бюджетных рублей. Расходы IT-компаний по мнению экспертного сообщества могут быть существенно выше» [4].*

В-пятых, ставится риторический вопрос против «железного занавеса»: *«Необходим ли этот «железный занавес», который отгораживает российский сегмент интернета от доступности информации. Для нас и для Вас ответ на этот вопрос очевиден» [4].*

Важно отметить и **фракционный парадокс**: соавтором законопроекта выступил депутат от ЛДПР А. Луговой [5]. При голосовании во втором чтении из фракции ЛДПР против проголосовали только два человека [6]. В.В. Жириновский, по некоторым данным, требовал снять фамилию Лугового с соавторов, но тот отказался [6]. Этот эпизод демонстрирует, что даже внутри одной политической силы могут существовать различные подходы, что делает наследие В.В. Жириновского не монолитным, а многогранным.

2.3. Иные выступления и инициативы

В ноябре 2019 года В.В. Жириновский критиковал избыточное засекречивание архивов, увязывая это с правами граждан: *«Я запрашивал архив. У меня бабушка сидела, внук попросил справку — справку не дают, потому что наложен гриф секретности» [7].* Он выступал за узкий перечень причин засекречивания. Также он призывал запретить обсуждать в социальных сетях темы террора, религии и наркотиков [8] и инициировал приглашение главы службы безопасности страны для обсуждения вопросов информационной безопасности [9].

3. Методологические принципы формирования «права будущего» в интерпретации В.В. Жириновского

Обобщая проанализированный материал, можно выделить три методологических принципа, которые В.В. Жириновский последовательно проводил в своих выступлениях и которые могут быть востребованы при построении «права будущего».

Принцип 1: Технологический суверенитет, ограниченный правами человека.

Государство обязано защищать свои национальные интересы в цифровом пространстве, но эта защита не должна превращаться в тотальную изоляцию или подавление свободы граждан. Идеальный баланс, по методу В.В. Жириновского, достигается путём публичного обсуждения и учёта мнения пользователей.

Принцип 2: Экономическая обоснованность правотворчества.

Любое регулирование в сфере IT должно сопровождаться реалистичной оценкой затрат для бюджета и для бизнеса. В.В. Жириновский критиковал проекты, которые требовали огромных расходов без доказанной эффективности (как в случае с 20 млрд рублей на «суверенный интернет»).

Принцип 3: Человекоцентричность и учёт мнения молодого поколения.

Цифровое право будущего должно создаваться с учётом того, что молодёжь является наиболее активным пользователем сети. Игнорирование её запросов ведёт к отторжению закона и снижению его легитимности.

4. Значение наследия В.В. Жириновского для современной цифровой повестки

Разрабатываемый сегодня Цифровой кодекс России, по мнению многих экспертов, должен базироваться на принципах цифрового суверенитета, технологической нейтральности и приоритета прав человека [1, с. 151]. Как видим, эти принципы созвучны тем, которые отстаивал В.В. Жириновский ещё в 2019 году, хотя он и выступал против конкретного законопроекта.

Более того, его подход к **публичности и экономической рациональности** может служить важным критерием при оценке любых будущих инициатив — от регулирования искусственного интеллекта до внедрения систем биометрической идентификации.

Наследие В.В. Жириновского, таким образом, представляет собой не архивный интерес, а **работающую методологическую матрицу**, позволяющую задавать правильные вопросы и избегать крайностей как изоляционизма, так и безоглядного копирования западных моделей.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Концепция «права будущего» в условиях цифровизации требует пересмотра классических правовых категорий и выработки опережающих, прогностических подходов.
2. Законотворческое наследие В.В. Жириновского, в особенности его письмо 2019 года о «суверенном интернете», содержит последовательную позицию, сочетающую защиту национальных интересов, уважение к правам граждан и экономический прагматизм.
3. Выделенные принципы — технологический суверенитет, ограниченный правами человека; экономическая обоснованность; человекоцентричность — могут быть положены в основу Российской модели цифрового права, включая будущий Цифровой кодекс.
4. Дальнейшие исследования должны быть направлены на систематизацию всех выступлений и законопроектов В.В. Жириновского в информационной сфере, а также на сравнительный анализ с подходами других политических деятелей.

Список литературы

1. Усольцев А.Е. Концептуальные основы и принципы Цифрового кодекса России // Молодой ученый. — 2025. — № 36(587). — С. 149–152.
2. Сидоренко Э. Россия выстраивает независимую модель регулирования цифровых прав // РАПСИ. — 19.09.2025. — URL: <https://rapsinews.ru>.
3. Жириновский В.В. Комментарий о «суверенном» Интернете // NEWS.ru. — 12.02.2019. — URL: <https://news.ru>.
4. Письмо В.В. Жириновского о законопроекте «О суверенном интернете» (ответ избирателю) // Роскомсвобода. — 15.04.2019. — URL: <https://roskomsvoboda.org>.
5. Законопроект № 608767-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи”» // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru>.
6. Как голосовала ЛДПР по «суверенному интернету» // Информационное агентство «Политика сегодня». — 2019. — URL: <https://polit.segodnya>.
7. Жириновский В.В. Выступление в Госдуме о доступе к архивной информации // РИА «Новый День». — 07.11.2019. — URL: <https://newdaynews.ru>.
8. Жириновский В.В. призвал запретить обсуждать в соцсетях темы террора, религии и наркотиков // Пенза Пресс. [б.д.]. — URL: <https://penzapress.ru>.
9. Жириновский В.В. предложил пригласить главу ФСБ по вопросам информационной безопасности // Интерфакс. — 2017. — URL: <https://interfax.ru>.
10. Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А. Теоретико-методические проблемы формирования национальной идеи Российской Федерации // Актуальные политические и исторические вопросы современности. Сборник статей. Москва. — 2020. — С.160–176.
11. Слуцкий Л.Э., Васецкий Н.А., Слоботчиков О.Н. Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы // Монография в 2-х т. / Том 1. Россия — государство-цивилизация. — М., 2024. — 384 с.

К ВОПРОСУ О ГАРМОНИЗАЦИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, НАРУШЕННЫХ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ, В ЕАЭС¹

Т.Т. Алиев

доктор юридических наук, профессор,
Почетный адвокат России,
заведующий кафедрой гражданского, арбитражного процесса и правоохранительной деятельности,
ФГБУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», Москва;
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
tta70@mail.ru

ON THE HARMONIZATION OF THE REGULATION OF THE PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS INFRINGED IN THE DIGITAL ENVIRONMENT IN THE EAEU

T.T. Aliev

Doctor of Law, Professor,
Honorary Lawyer of Russia,
Head of the Department of Civil, Arbitration and Law Enforcement,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Academy of Intellectual Property", Moscow;
Professor of the Department of Civil Law Disciplines,
V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
tta70@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы гармонизации правового регулирования защиты прав интеллектуальной собственности в государствах-членах Евразийского экономического союза в условиях развития цифровой экономики. Обосновывается, что формирование общего рынка товаров, услуг и капитала в рамках ЕАЭС требует не только сближения экономических условий, но и выработки согласованных подходов к предупреждению, выявлению и пресечению нарушений интеллектуальных прав. Отмечается, что цифровизация существенно изменила характер таких нарушений, придав им массовый, трансграничный и высокодинамичный характер. Особое внимание уделяется проблемам неоднородности национального регулирования ответственности информационных посредников, порядка ограничения доступа к незаконному контенту, удаления объектов, размещенных с нарушением исключительных прав, а также фиксации электронных доказательств. Подчеркивается, что наличие общих наднациональных принципов, закрепленных в актах ЕАЭС, включая Таможенный кодекс Евразийского экономического союза, само по себе не обеспечивает единообразия правоприменительной практики. Сделан вывод о необходимости дальнейшей гармонизации законодательства государств — членов ЕАЭС, развития согласованных административных, таможенных и судебных механизмов защиты, а также укрепления консультационной, научно-экспертной и институциональной поддержки в сфере охраны и защиты интеллектуальных прав.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, защита прав, цифровая среда, право ЕАЭС, правообладатель.

Abstract. The article examines the harmonization of legal regulation concerning the protection of intellectual property rights in the member states of the Eurasian Economic Union under the conditions of digital economic development. It is argued that the formation of a common market for goods, services, and capital within the EAEU requires not only the convergence of economic conditions but also the elaboration of coordinated approaches to the prevention, detection, and suppression of intellectual property infringements. The author emphasizes that digitalization has significantly transformed the nature of such infringements, making them mass-scale, cross-border, and highly dynamic. Particular attention is paid to the lack of uniform national regulation

¹ Исследование проведено в рамках выполнения НИР «Совершенствование механизмов защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в странах ЕАЭС» согласно Государственному заданию для ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности» (2-ГЗ-2024-2).

regarding the liability of information intermediaries, procedures for restricting access to unlawful content, removal of materials posted in violation of exclusive rights, and the collection of electronic evidence in intellectual property disputes. It is noted that the existence of common supranational principles enshrined in EAEU legal acts, including the Customs Code of the Eurasian Economic Union, does not in itself ensure uniform law enforcement practice. The article concludes that further harmonization of the legislation of the EAEU member states, development of coordinated administrative, customs, and judicial protection mechanisms, as well as strengthening advisory, expert, and institutional support, are necessary.

Key words: intellectual property, rights protection, digital environment, EAEU law, copyright holder.

Возросшее и все более возрастающее значение результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации в структуре современной экономики, объективная необходимость обеспечения надлежащего уровня правовой охраны и эффективной защиты соответствующих прав в условиях интеграционного объединения — Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) обуславливает актуальность исследования вопроса защиты прав интеллектуальной собственности в государствах-членах. Формирование общего рынка товаров, услуг, капитала в рамках ЕАЭС предполагает не только сближение экономических условий, но и выработку согласованных подходов и механизмов к предупреждению, выявлению и пресечению нарушений в сфере интеллектуальной собственности. В этой связи нормативное регулирование в сфере интеллектуальной собственности в государствах — членах ЕАЭС требует гармонизации.

Так, Иванова Д.В. по результатам соответствующего сравнительно-правового анализа справедливо отмечает наличие как унифицированных положений, так и расхождений различной степени значительности, и при этом указывает: «Гармонизация не означает, что законодательство всех государств-членов ЕАЭС должно быть абсолютно идентичным в сфере интеллектуальной собственности. Однако очевидно и то, что по ряду положений возможно и желательно сближение подходов» [3, с. 305]. Данная позиция представляется обоснованной, так как специфика интеграции государств — членов ЕАЭС предполагает не устранение национальных особенностей правового регулирования, а достижение такого уровня согласованности, при котором обеспечивалась бы предсказуемость правового режима для правообладателей, участников гражданского оборота и государственных органов.

Развитие цифровой экономики, цифровизация значительно изменило характер нарушений прав на объекты интеллектуальной собственности. Ранее основное внимание, в том числе в рамках правового регулирования, уделялось обороту контрафактных материальных носителей объектов интеллектуальной собственности, сейчас же все большее значение приобретает, и это следует считать общеизвестным, защита при нарушениях интеллектуальных прав с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Негармонизированность вопросов развития систем и права интеллектуальной собственности в рамках национальных цифровых повесток может рассматриваться как дополнительный сдерживающий фактор преодоления недостаточной гармонизированности национальных законодательств государств — членов ЕАЭС в сфере интеллектуальной собственности [4, с. 85]. Отсутствие единых подходов к определению приоритетов государственной политики регулирования, к пределам государственного вмешательства, к выбору механизмов защиты правообладателей снижает общую эффективность интеграции.

ЕАЭС столкнулся с возрастанием объемов контрафакта и интеллектуального пиратства в ситуации ускоренного развития электронной торговли в условиях пандемии. В 2020 г. только на территории России была осуществлена блокировка доступа к почти 27 тыс. сайтов, на которых осуществлялась электронная торговля с нарушением прав интеллектуальной собственности. Поэтому вполне закономерно, что в поле внимания ЕЭК и государств-членов стали входить вопросы, связанные с необходимостью разработки более действенных мер по защите прав интеллектуальной собственности в среде онлайн на внутреннем рынке союза, в котором динамичным образом развивается сектор электронной торговли. В настоящее время к одному из критериев цивилизованного характера рынка электронной торговли относится высокий уровень защищенности прав интеллектуальной собственности. В свою очередь столь же цивилизованным должен быть и цифровой рынок самих прав интеллектуальной собственности, все более развивающийся при опоре на цифровые платформенные решения [5, с. 575].

В цифровой среде нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности приобретают качественно иные характеристики по сравнению с традиционными формами неправомерного использования результатов интеллектуальной деятельности. Специфика таких нарушений состоит в их массовом и трансграничном характере, высокой скорости копирования и повторного размещения контента, а также в участии информационных посредников, правовой статус и объем обязанностей которых в национальных законодательствах государств-членов ЕАЭС определяются неодинаково.

Трансграничная защита прав на объекты интеллектуальной собственности также регламентирована национальным и наднациональным законодательством. Основным актом в наднациональном нормотворчестве выступает Таможенный кодекс Евразийского экономического союза. Он, как и другие нормативно-правовые акты в ЕАЭС, содержит в себе общие принципы и нормы, которые страны-участницы интегрируют и развивают в соответствии со своими внутренними предпочтениями и культурными традициями [1, с. 99]. Однако сама по себе фиксация общих принципов еще не обеспечивает единообразия правоприменения, вследствие чего особую значимость приобретает дальнейшее развитие согласованных механизмов административной, таможенной и судебной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в пределах Союза.

В этой связи гармонизация правового регулирования в рамках ЕАЭС необходима, в частности, по вопросам определения правового режима ответственности владельцев интернет-ресурсов и информационных посредников, порядка ограничения доступа к незаконно размещенному контенту, процедур удаления объектов, размещенных с нарушением исключительных прав, а также фиксации электронных доказательств по делам о нарушении интеллектуальных прав. Отсутствие единых или, по меньшей мере, сопоставимых подходов к указанным вопросам снижает эффективность защиты правообладателей, поскольку нарушение, начавшееся в цифровом пространстве одного государства, фактически распространяется на территорию всего интеграционного объединения. Следовательно, для ЕАЭС принципиальное значение имеет выработка согласованных механизмов пресечения интернет-нарушений, способных обеспечить не только формальное сближение законодательства, но и реальную результативность защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в условиях цифровой экономики.

Весомое значение также имеет организационно-инфраструктурный аспект. Существующий уровень консультационной поддержки в сфере информационных систем недостаточен. Повышение эффективности консультационной деятельности по выявлению, защите и коммерциализации (включая продвижение и маркетинг) РИД будет способствовать развитию инвестиционно привлекательных стартапов и научно-технических проектов [2, с. 63]. В более широком смысле речь идет о необходимости формирования в государствах — членах ЕАЭС не только согласованной нормативной базы, но и полноценной институциональной среды, обеспечивающей реальную доступность механизмов защиты интеллектуальных прав.

Таким образом, современное состояние правового регулирования в сфере защиты прав интеллектуальной собственности в государствах — членах ЕАЭС свидетельствует о наличии как позитивных интеграционных тенденций, так и сохраняющихся нормативных и организационных проблем. В этой связи дальнейшая гармонизация законодательства государств-членов, развитие согласованных правоприменительных механизмов и совершенствование консультационной и институциональной поддержки должны рассматриваться в качестве приоритетных направлений укрепления единого правового пространства Союза в сфере интеллектуальной собственности.

Не менее важным направлением представляется развитие согласованного научно-экспертного и методического сопровождения процессов гармонизации в рамках ЕАЭС. Эффективное совершенствование законодательства в сфере интеллектуальной собственности требует не только формального принятия наднациональных и национальных актов, но и их содержательной проработки на основе сравнительно-правовых исследований, анализа правоприменительной практики и оценки возникающих рисков. Именно поэтому дальнейшее сближение подходов государств-членов должно опираться на системный мониторинг выявляемых проблем, обмен лучшими практиками и выработку единых доктринальных ориентиров, способ-

ных обеспечить последовательное развитие права интеллектуальной собственности на евразийском пространстве.

Список литературы

1. *Алиев, Т.Т.* Правовое регулирование вопросов судебной защиты интеллектуальных прав в странах — участницах Евразийского экономического союза / Т.Т. Алиев, Р.Т. Алиев // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2025. — № 56. — С. 95–103.
2. *Алиев, Т.Т.* Правовые механизмы гармонизации судебных систем защиты интеллектуальных прав стран-участниц ЕАЭС / Т.Т. Алиев, В.Д. Кочеткова. — М.: ООО НИИ экономики связи и информатики Интерэкомс, 2025. — 86 с.
3. *Иванова, Д.В.* Система права интеллектуальной собственности в государствах — членах ЕАЭС: сравнительный анализ / Д.В. Иванова // Управление наукой и наукометрия. — 2023. — Т. 18. — № 2. — С. 286–307.
4. *Шугуров, М.В.* Направления развития права и системы интеллектуальной собственности в национальных повестках цифровизации экономики государств-членов ЕАЭС / М.В. Шугуров // Диалог. — 2019. — № 1 (13). — С. 77–87.
5. *Шугуров, М.В.* Перспективы координации защиты прав интеллектуальной собственности в цифровой среде в рамках Евразийского экономического союза / М.В. Шугуров // Журнал прикладных исследований. — 2021. — № 6-6. — С. 573–579.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Г.Я. Аманиязов

учитель,

Средняя общеобразовательная школа № 29 Болдумсазского этрапа Дашогузского велаята

amaniyazovgurbanmyrat@gmail.com

А.Я. Аманиязов

преподаватель кафедры организация и управления сельского хозяйства,

Туркменский сельскохозяйственный институт, Дашогуз

amaniyazowatageldi@gmail.com

TRANSFORMATION OF FINANCIAL CONTROL IN A DIGITAL ENVIRONMENT

G.Y. Amaniayazov

Teacher,

Secondary School No 29 of the Boldumsaz District, Dashoguz Province

amaniyazowatageldi@gmail.com

A.Y. Amaniayazov

Lecturer at the Department of Agricultural Organization and Management,

Turkmen Agricultural Institute, Dashoguz.

amaniyazowatageldi@gmail.com

Аннотация. В представленной статье исследуется комплексная трансформация системы финансового контроля в условиях масштабной цифровизации экономики и стремительного развития информационных технологий. Актуальность темы обусловлена переходом от традиционных методов ревизии к высокотехнологичным форматам мониторинга в режиме реального времени. Автор подробно анализирует изменения институциональных механизмов государственного и корпоративного контроля, происходящие под влиянием внедрения цифровых платформ, автоматизированных систем обработки данных и технологий распределённых реестров.

Особое внимание в работе уделяется переходу к риск-ориентированным моделям надзора, которые позволяют оптимизировать ресурсы контрольных органов. Рассматриваются практические аспекты применения технологий больших данных (Big Data) и алгоритмов искусственного интеллекта для выявления аномалий и предотвращения финансовых правонарушений. В статье также поднимаются критические вопросы обеспечения прозрачности транзакций и укрепления кибербезопасности финансовых операций в условиях растущих цифровых угроз. На основе проведенного анализа делается аргументированный вывод о формировании принципиально новой цифровой модели финансового контроля. Данная модель базируется на принципах превентивности, глубокой аналитичности и практически полной автоматизации процедур. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования предложенных выводов для совершенствования нормативно-правовой базы и методологии финансового аудита в условиях цифровой среды.

Ключевые слова: финансовый контроль; цифровизация; государственные финансы; Big Data; искусственный интеллект; блокчейн; цифровое управление; аудит; финансовый мониторинг; риск-ориентированный подход; информационные технологии.

Abstract. This article explores the comprehensive transformation of the financial control system in the context of large-scale economic digitalization and the rapid development of information technologies. The relevance of the topic is driven by the shift from traditional auditing methods to high-tech, real-time monitoring formats. The author provides a detailed analysis of the changes in the institutional mechanisms of state and corporate control occurring under the influence of digital platforms, automated data processing systems, and distributed ledger technologies.

Special attention is paid to the transition toward risk-oriented supervision models, which allow for the optimization of the resources of control authorities. The study examines the practical aspects of implementing Big Data technologies and artificial intelligence algorithms to detect anomalies and prevent financial offenses. Furthermore, the article addresses critical issues of ensuring transaction transparency and strengthening the cybersecurity of financial operations in the face of growing digital threats. Based on the analysis, the author concludes that a fundamentally new digital model of financial control is being formed. This model is based on the principles of prevention, deep analytics, and near-total automation of procedures. The practical significance of the research lies in the possibility of using the findings to improve the regulatory framework and the methodology of financial auditing within a digital environment.

Key words: financial control; digitalization; public finance; Big Data; artificial intelligence; blockchain; digital governance; audit; financial monitoring; risk-oriented approach; information technologies.

Современный этап развития мировой экономики характеризуется масштабной цифровой трансформацией, охватывающей финансовую сферу, государственное управление и корпоративный сектор. Развитие электронных платежных систем, платформенной экономики, финтех-решений (fintech), технологий больших данных (Big Data) и искусственного интеллекта коренным образом изменило механизмы формирования, распределения и контроля финансовых ресурсов. Финансовые потоки приобрели высокую скорость, трансграничный характер и значительный объём цифровых транзакций, что потребовало переосмысления традиционных подходов к финансовому контролю [1].

Финансовый контроль как важнейший элемент системы государственного управления выполняет функции обеспечения законности, целевого и эффективного использования бюджетных средств, соблюдения налоговой дисциплины и устойчивости финансовой системы в целом. В классическом понимании он базируется на проверке отчётности, ревизиях, инспекциях и иных формах документального надзора. Однако в условиях цифровизации такие инструменты оказываются недостаточно оперативными и адаптивными [2].

Цифровая экономика формирует новую архитектуру финансовых отношений, в которой операции осуществляются в режиме реального времени, а данные становятся ключевым ресурсом управления. Это обуславливает переход от ретроспективного (постфактум) контроля к превентивной и аналитической модели, основанной на автоматизированной обработке данных и постоянном мониторинге финансовых потоков [3].

Исторически финансовый контроль развивался в рамках централизованных моделей управления государственными финансами. Традиционная система включала бюджетный контроль, налоговый надзор, банковский аудит, ведомственные и внутренние проверки. Основной акцент делался на анализе бухгалтерской отчётности, документальных ревизиях и проверках соблюдения нормативных требований [4].

Такая модель характеризовалась следующими особенностями: периодичность проверок, выборочный характер контроля, значительная доля ручной обработки информации, высокая зависимость от квалификации проверяющих лиц. Однако цифровизация финансовых процессов изменила саму природу объектов контроля. Электронные расчёты, онлайн-банкинг, мобильные платёжные сервисы, цифровые валюты центральных банков (CBDC), автоматизированные системы бухгалтерского учёта и облачные платформы создали принципиально новую среду финансовых отношений. Финансовые операции стали осуществляться непрерывно и в больших объёмах, что требует оперативного анализа данных и мгновенной реакции на выявленные риски [5].

Одним из ключевых этапов трансформации стало внедрение информационных систем управления государственными финансами (IFMIS — Integrated Financial Management Information Systems). Эти системы обеспечивают интеграцию бюджетного планирования, казначейского исполнения, бухгалтерского учёта и отчётности в единую цифровую платформу. В результате государственные органы получают возможность осуществлять мониторинг бюджетных операций в режиме реального времени [6].

Современный инструментальный финансовый контроль переживает качественную трансформацию, обусловленную внедрением цифровых технологий и развитием вычислительных мощностей. Если ранее контрольная деятельность опиралась преимущественно на ретроспективный анализ бухгалтерской документации и выборочные проверки, то сегодня она основывается на обработке массивов данных в режиме реального времени, использовании интеллектуальных алгоритмов и интеграции межведомственных информационных систем [7].

Цифровизация меняет не только технические средства контроля, но и саму его методологию: от формального соблюдения процедур — к аналитическому управлению рисками; от постфактум-реагирования — к превентивному выявлению отклонений; от фрагментарного анализа — к комплексному мониторингу финансовых экосистем. Рассмотрим ключевые технологические драйверы этой трансформации. В условиях цифровой экономики финансовые данные характеризуются тремя базовыми параметрами: высокой скоростью генерации

(Velocity), огромным объемом (Volume) и значительным разнообразием форматов (Variety). К этим характеристикам добавляются достоверность (Veracity) и ценность (Value), что делает технологии Big Data ключевым инструментом современного финансового контроля.

Интеграция разнородных источников данных позволяет формировать комплексные цифровые профили хозяйствующих субъектов. На основе предиктивной аналитики (predictive analytics) строятся риск-модели, учитывающие историю операций, финансовое поведение, аффилированность контрагентов и отраслевые особенности.

Искусственный интеллект (Artificial Intelligence, AI) становится центральным элементом цифрового финансового надзора. Его применение позволяет автоматизировать анализ сложных взаимосвязей между субъектами и транзакциями, выявлять скрытые закономерности и минимизировать влияние субъективного фактора.

Технология распределённых реестров (Distributed Ledger Technology, DLT), включая блокчейн, формирует принципиально новую модель доверия в финансовых отношениях. В отличие от централизованных систем хранения данных, блокчейн обеспечивает децентрализованную верификацию операций и их криптографическую защиту. Перспективным направлением является использование смарт-контрактов для автоматизации исполнения государственных обязательств. Например, оплата по государственному контракту может производиться автоматически только после цифрового подтверждения факта поставки товара или выполнения работ.

Дополнительным инструментом выступает маркировка бюджетных средств — создание цифровых «меток», позволяющих отслеживать движение средств по всей цепочке исполнения. Это формирует принцип полной трассируемости (traceability) финансовых потоков [8].

Развитие специализированных технологических сегментов RegTech (Regulatory Technology) и SupTech (Supervisory Technology) создает комплексную цифровую инфраструктуру финансового регулирования. Использование RegTech снижает административные издержки и минимизирует риск непреднамеренных нарушений.

Цифровая трансформация финансового контроля представляет собой не просто внедрение новых программных решений или автоматизацию отчетности. Речь идет о глубокой институциональной реконфигурации всей системы публичного управления финансами. Меняется логика взаимодействия государства и хозяйствующих субъектов, пересматриваются цели контроля, трансформируются организационные структуры и кадровая политика.

Ключевым институциональным сдвигом становится отказ от сплошного, формально-ревизионного контроля в пользу риск-ориентированного подхода (Risk-Based Approach). В традиционной модели контроль строился на выборочных проверках либо на тотальной ревизии отчетности, что требовало значительных ресурсов и зачастую приводило к выявлению нарушений уже после нанесения ущерба бюджету [9].

В цифровой среде формируется новая парадигма — превентивный контроль в режиме реального времени. На основе массивов данных и алгоритмов аналитики каждому субъекту присваивается динамический «рейтинг риска», учитывающий: финансовые показатели, историю налоговой дисциплины, аффилированность с другими компаниями, участие в государственных закупках, поведенческие паттерны в транзакционной активности.

Контрольные органы сосредотачивают усилия на субъектах с повышенной вероятностью нарушений, тогда как добросовестные участники рынка выводятся из зоны избыточного административного давления. Тем самым происходит институциональный переход от карательной логики к логике мониторинга и сопровождения [10].

Финансовый контроль превращается в инструмент обеспечения финансовой устойчивости и бюджетной безопасности государства, а не в механизм постфактум-наказания. Это соответствует современным международным стандартам публичного управления, включая подходы, продвигаемые такими организациями, как International Organization of Supreme Audit Institutions и International Monetary Fund, акцентирующими внимание на управлении рисками и эффективности бюджетного надзора.

Цифровизация разрушает традиционные ведомственные границы, которые долгое время ограничивали полноту финансового анализа. Если ранее налоговые, таможенные и казначейские органы функционировали как относительно автономные структуры, то в цифровой

модели формируется интегрированная экосистема обмена данными. Принцип интероперабельности предполагает техническую и правовую совместимость информационных систем различных органов государственной власти. Это обеспечивает:

- автоматизированный обмен данными в режиме реального времени;
- унификацию форматов отчетности;
- синхронизацию классификаторов и идентификаторов субъектов.

Создание единых реестров и так называемых «золотых профилей» налогоплательщиков позволяет аккумулировать в одной системе сведения о регистрации, налоговой нагрузке, внешнеэкономической деятельности, участии в государственных контрактах и судебных спорах. В результате формируется целостная картина финансового поведения субъекта. Особое значение приобретает механизм сквозного мониторинга. Например, данные о таможенной стоимости импортируемого товара могут автоматически сопоставляться с информацией о его реализации на внутреннем рынке и уплате налога на добавленную стоимость. Алгоритмы выявляют расхождения в ценовых показателях, аномальные цепочки посредников или резкие колебания маржинальности. Такая интеграция существенно сокращает «серые зоны», возникающие на стыке компетенций разных ведомств. Финансовая система становится прозрачной «насквозь», что повышает собираемость доходов бюджета и снижает возможности для уклонения от обязательств.

Институциональные изменения неизбежно затрагивают кадровую структуру органов финансового контроля. Традиционная роль ревизора, ориентированного преимущественно на анализ бумажной документации и бухгалтерских регистров, трансформируется в роль аналитика данных и специалиста по цифровым системам.

Во многих странах создаются специализированные подразделения Data Science внутри счетных палат, налоговых служб и центральных банков. Это приводит к изменению внутренней организационной культуры: управленческие решения начинают основываться не только на экспертном мнении, но и на результатах алгоритмической аналитики. Одновременно возрастает значение этики цифрового управления: инспектор должен понимать ограничения алгоритмов, риски автоматизированных решений и необходимость защиты прав проверяемых субъектов.

Цифровая инфраструктура контроля концентрирует колоссальные массивы чувствительной информации: данные о финансовых потоках, персональные сведения налогоплательщиков, коммерческие тайны. Это делает государственные системы объектом повышенного интереса со стороны киберпреступников.

Кибератаки могут привести к: компрометации персональных данных, искажению финансовой информации, парализации работы государственных органов, подрыву доверия к институтам контроля. Особую опасность представляют целевые атаки на государственные информационные системы и внедрение вредоносного кода, способного незаметно модифицировать данные. Следовательно, развитие цифрового контроля требует параллельного укрепления национальной системы кибербезопасности и постоянного аудита информационных систем.

Глобализация финансовых потоков и использование цифровых платформ осложняют юрисдикционные вопросы. Трансграничные операции, электронные кошельки и криптоактивы могут находиться вне прямой досягаемости национальных контрольных органов.

В перспективе ожидается дальнейшая автоматизация контрольных процедур и внедрение интеллектуальных систем прогнозирования финансовых рисков. Возможным направлением является создание единой цифровой экосистемы государственного финансового контроля, интегрированной с банковскими и налоговыми платформами. Важным условием эффективности цифрового контроля остаётся совершенствование правового регулирования и повышение цифровой компетентности специалистов.

Трансформация финансового контроля в цифровой среде является объективным результатом развития информационных технологий и цифровой экономики. Формируется новая модель контроля, основанная на автоматизации, аналитике больших данных и превентивном управлении рисками.

Эффективность данной модели зависит от сбалансированного сочетания технологических инноваций, правового обеспечения и институциональной адаптации контрольных органов.

Цифровой финансовый контроль становится ключевым элементом устойчивого развития государственной финансовой системы в условиях глобальной цифровизации.

Список литературы

1. *Aggarwal C.C.* Machine Learning for Text. — Cham: Springer, 2018. — 282 p.
2. *Arner D.W., Barberis J., Buckley R.P.* The Evolution of Fintech: A New Post-Crisis Paradigm? // *Georgetown Journal of International Law*. — 2016. — Vol. 47. — P. 1271–1319.
3. *Brennen J.S., Kreiss D.* Digitalization // *The International Encyclopedia of Communication Theory and Philosophy*. — Hoboken: Wiley-Blackwell, 2016. — P. 1–11.
4. *Buterin V.A* Next-Generation Smart Contract and Decentralized Application Platform // *Ethereum White Paper*. — 2014. — 36 p.
5. International Monetary Fund. The Rise of Digital Money. — Washington, DC: IMF, 2020. — 24 p.
6. *Zetzsche D.A., Buckley R.P., Arner D.W., Barberis J.N.* Regulating a Revolution: From Regulatory Sandboxes to Smart Regulation // *Fordham Journal of Corporate & Financial Law*. — 2017. — Vol. 23. — P. 31–103.
7. *Zetzsche D.A., Buckley R.P., Arner D.W., Barberis J.N.* Artificial Intelligence in Finance: Putting the Human in the Loop // *University of New South Wales Law Research Series*. — 2020. — No 20-35. — 45 p.
8. *Голубев С.А.* Цифровизация финансового контроля: современные тенденции и перспективы // *Финансы и кредит*. — 2021. — Т. 27. — № 6. — С. 1203–1218.
9. *Морозова Т.Г., Дробышевский С.М.* Государственный финансовый контроль в условиях цифровой экономики. — М.: Дело, 2022. — 256 с.
10. *Савельев А.И.* Смарт-контракты и их правовая природа // *Закон*. — 2017. — № 12. — С. 94–103.

СМАРТ-КОНТРАКТЫ КАК НОВАЯ ФОРМА ЮРИДИЧЕСКОГО ДОГОВОРА

А.Я. Аманиязов

преподаватель кафедры организация и управления сельского хозяйства,
Туркменский сельскохозяйственный институт, Дашогуз
amaniyazowatageldi@gmail.com

SMART CONTRACTS AS A NEW FORM OF LEGAL AGREEMENT

A.Y. Amaniyazov

Lecturer, Department of Organization and Management of Agriculture,
Turkmen Agricultural Institute, Dashoguz
amaniyazowatageldi@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется феномен смарт-контрактов как инновационной формы юридического договора, формирующейся в условиях цифровой экономики и развития технологии блокчейн. Рассматриваются технологические основы функционирования смарт-контрактов на базе распределённых реестров, в частности платформы Ethereum, обеспечивающей автоматическое исполнение алгоритмизируемых обязательств. Анализируется правовая природа смарт-контрактов, их соотношение с традиционными гражданско-правовыми конструкциями и принципами договорного права. Особое внимание уделяется вопросам формы сделки, действительности соглашения, юридической силы программного кода, а также проблемам распределения ответственности при технических сбоях и уязвимостях алгоритмов. Исследуются риски, связанные с неизменяемостью блокчейна, трансграничным характером цифровых сделок и сложностями судебной защиты прав сторон. Обосновывается вывод о том, что смарт-контракты не отменяют классическую модель договора, а трансформируют способы его заключения и исполнения, требуя адаптации правового регулирования при сохранении фундаментальных принципов гражданского законодательства.

Ключевые слова: смарт-контракт; цифровая экономика; блокчейн; договорное право; автоматизация обязательств; распределённый реестр; гражданско-правовая ответственность; цифровое право.

Abstract. The article examines the phenomenon of smart contracts as an innovative form of legal agreement emerging in the context of the digital economy and the development of blockchain technology. It explores the technological foundations of smart contracts functioning on distributed ledger platforms, in particular Ethereum, which enables the automated execution of algorithm-based obligations. The legal nature of smart contracts is analyzed, including their correlation with traditional civil law concepts and the fundamental principles of contract law. Special attention is paid to the legal form of transactions, the validity of agreements, the legal force of program code, and issues of liability allocation in cases of technical failures and algorithmic vulnerabilities. The study also addresses risks associated with blockchain immutability, the cross-border character of digital transactions, and challenges related to judicial protection of the parties' rights. It is argued that smart contracts do not replace the classical model of contract but transform the methods of its conclusion and performance, requiring the adaptation of legal regulation while preserving the fundamental principles of civil law.

Key words: smart contract; digital economy; blockchain; contract law; automation of obligations; distributed ledger; civil liability; digital law.

Цифровая трансформация экономики обусловила появление новых форм правовых взаимодействий, одной из которых стали смарт-контракты. Их концепция была предложена в 1990-х гг. криптографом Nick Szabo как способ автоматизации исполнения договорных обязательств посредством компьютерного кода. Однако практическая реализация идеи стала возможной лишь с развитием технологии блокчейн и появлением децентрализованных платформ.

Сегодня смарт-контракты применяются в финансовом секторе, логистике, страховании, корпоративном управлении и электронной коммерции. Их распространение ставит перед правовой наукой ряд вопросов: являются ли они самостоятельной формой договора или лишь способом исполнения обязательств? Можно ли признать программный код юридически значимой формой выражения воли сторон? Каким образом обеспечивается защита прав участников?

Смарт-контракт представляет собой программный алгоритм, функционирующий в среде распределённого реестра и обеспечивающий автоматическое исполнение заранее запрограм-

мированных условий при наступлении определённых событий. Концептуально идея была предложена Nick Szabo как способ формализации договорных обязательств в виде кода, минимизирующего необходимость доверия между сторонами. Практическая реализация данной модели стала возможной с развитием публичных блокчейн-платформ, прежде всего Ethereum, которая внедрила механизм виртуальной машины и язык программирования Solidity для создания автономных цифровых соглашений [1].

Технологическая структура смарт-контракта включает несколько ключевых элементов:

- программный код, содержащий условия типа «if–then» (если наступает событие X, выполняется действие Y);
- блокчейн-инфраструктуру, обеспечивающую хранение и верификацию транзакций;
- механизм консенсуса, гарантирующий достоверность записей;
- внешние источники данных передающие в блокчейн информацию о наступлении событий реального мира [2].

Принципиальное отличие смарт-контракта от традиционного электронного договора заключается в его самоисполняемом характере. Если классический договор предполагает необходимость последующего добровольного или принудительного исполнения, то смарт-контракт исполняется автоматически, без дополнительного волеизъявления сторон.

К основным характеристикам относятся:

- 1) автоматичность исполнения — исключается человеческий фактор на стадии реализации обязательства;
- 2) неизменяемость — после деплоя в блокчейне код не подлежит корректировке без специальных механизмов обновления;
- 3) децентрализация — отсутствует единый администратор или посредник;
- 4) криптографическая защищённость — использование хэш-функций и цифровых подписей обеспечивает целостность данных;
- 5) прозрачность и верифицируемость — участники сети могут проверить корректность исполнения [3].

Однако технологическая автономия не означает абсолютную независимость от внешней среды. Смарт-контракты часто требуют интеграции с традиционными правовыми институтами, что формирует гибридную модель взаимодействия цифрового и офлайн-пространства.

С точки зрения гражданского права договор представляет собой соглашение сторон, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Классическая теория договора базируется на принципах свободы договора, автономии воли, равенства участников и обязательности исполнения.

В контексте смарт-контрактов возникает вопрос: является ли код самостоятельной формой договора или лишь техническим инструментом его реализации?

Прежде всего, необходимо разграничить договор как юридический факт и способ его исполнения. Если стороны достигли соглашения и выразили волю на заключение сделки, то наличие программной формы не отменяет юридической природы правоотношения. Программный код в данном случае выступает формой фиксации и реализации согласованных условий [4].

В научной литературе выделяются три основных подхода.

1. Технологический подход. Смарт-контракт рассматривается исключительно как средство автоматизации исполнения уже существующего договора. Юридическое значение имеет текстовое соглашение, а код выполняет вспомогательную функцию.
2. Юридикто-функциональный подход. Смарт-контракт признаётся самостоятельной формой договора, поскольку он фиксирует волю сторон и порождает юридические последствия без дополнительного документа.
3. Смешанный (гибридный) подход. Различаются «юридический договор» и его «кодированная форма исполнения». Код не заменяет правовую конструкцию, но трансформирует механизм её реализации.

Наиболее обоснованным представляется третий подход. Юридическая сила возникает из факта достижения соглашения, соответствующего требованиям закона (правоспособность сторон, законность содержания, соблюдение формы). Код обеспечивает автоматизированное исполнение обязательств, но не отменяет возможности судебного контроля и правовой оценки.

Особую проблему представляет соотношение кода и текста договора. В случае расхождения условий возникает вопрос приоритета: следует ли считать код окончательным выражением воли или учитывать намерения сторон, отражённые в текстовой версии? Практика показывает, что приоритет обычно отдаётся интерпретации действительной воли сторон, что подтверждает необходимость правового анализа вне рамок чисто технологической логики [5].

Кроме того, смарт-контракт не всегда способен учитывать обстоятельства, имеющие юридическое значение. Это означает, что применение традиционных институтов недействительности сделок и ответственности сохраняет актуальность.

Развитие электронного документооборота и цифровых коммуникаций привело к признанию электронной формы сделки в законодательстве большинства государств. В этом контексте смарт-контракт может рассматриваться как разновидность электронной формы договора, где выражение воли осуществляется посредством программного кода и криптографической подписи [6].

С точки зрения теории гражданского права форма сделки выполняет несколько функций: доказательственную, информационную и превентивную. Смарт-контракт, размещённый в блокчейне, обеспечивает высокую степень доказуемости факта заключения и исполнения обязательства благодаря неизменяемости записей и криптографической защите. В распределённых сетях, таких как Ethereum, каждая транзакция фиксируется и подтверждается участниками сети, что исключает возможность одностороннего изменения условий. Однако возникает принципиальный вопрос: можно ли считать программный код полноценным выражением согласованной воли сторон?

Код, в отличие от текстового документа, формализует условия сделки в строго алгоритмируемой форме. Он не допускает двусмысленности, но одновременно ограничивает гибкость толкования. В традиционном праве толкование договора осуществляется с учётом намерений сторон, принципов добросовестности и разумности. В смарт-контракте же действует правило «code is law» — исполнение происходит буквально в соответствии с алгоритмом [7].

Проблема интерпретации приобретает особую значимость при возникновении спора. Суду необходимо установить:

- 1) мело ли место действительное соглашение сторон;
- 2) соответствует ли код их реальной воле;
- 3) какие правовые последствия должны наступить при обнаружении ошибки.

Если текстовая версия договора и программный код противоречат друг другу, возможны несколько подходов: приоритет кода как технически реализованного механизма, приоритет текстовой версии как юридически интерпретируемого документа, комплексный анализ действительной воли сторон.

Современная правовая доктрина склоняется к последнему варианту. Код рассматривается как способ исполнения, но не как абсолютный источник права. Это означает, что суд может отступить от буквального результата исполнения алгоритма, если доказано несоответствие воле сторон или наличие порока сделки [8].

Дополнительную сложность создаёт неизменяемость блокчейна. В традиционных договорах стороны вправе изменить или расторгнуть соглашение по взаимному согласию. В смарт-контракте изменение условий после деплоя зачастую невозможно без специального механизма обновления. Следовательно, для обеспечения правовой гибкости требуется проектирование «управляемых» контрактов с функцией модификации или приостановки исполнения.

Использование смарт-контрактов порождает специфические риски, обусловленные их технологической природой. Среди наиболее значимых следует выделить:

- технические ошибки в коде, способные привести к некорректному исполнению обязательства;
- уязвимости безопасности, позволяющие третьим лицам вмешаться в процесс исполнения;
- ограниченную способность учитывать форс-мажорные обстоятельства;
- трансграничный характер отношений, затрудняющий определение применимого права и юрисдикции [9].

Наиболее дискуссионным остаётся вопрос распределения ответственности при сбое алгоритма. Возможны несколько моделей:

- 1) ответственность сторон договора. Если стороны приняли на себя риск использования определённого программного решения, они могут нести последствия его дефектов;
- 2) ответственность разработчика. При доказанности небрежности или профессиональной ошибки возможно применение норм о деликтной ответственности;
- 3) ответственность оператора платформы. В публичных блокчейнах децентрализованный характер сети затрудняет выделение конкретного субъекта ответственности. Отдельного внимания заслуживает проблема квалификации вреда. Если в результате уязвимости были утрачены цифровые активы, необходимо определить их правовую природу и режим защиты.

Трансграничность смарт-контрактов усиливает неопределённость: участники могут находиться в разных государствах, а серверы — распределены по всему миру. В подобных условиях применяются коллизионные нормы международного частного права, однако их адаптация к децентрализованным системам остаётся открытым вопросом.

Правоприменительная практика в сфере смарт-контрактов находится на стадии становления. В отдельных юрисдикциях предпринимаются шаги по признанию юридической силы записей в блокчейне и цифровых соглашений, однако единообразного международного подхода пока не сформировано.

В целом можно констатировать, что внедрение смарт-контрактов требует развития специальных механизмов страхования рисков, стандартизации кода, обязательного аудита безопасности и совершенствования правового регулирования цифровых сделок. Ряд государств предпринимают попытки нормативного закрепления статуса смарт-контрактов. В праве отдельных штатов США закреплено признание юридической силы записей в блокчейне. В Европейском союзе регулирование осуществляется через акты, направленные на развитие цифровой экономики и защиту данных. Однако универсальной модели регулирования пока не существует. Это связано с трансграничной природой блокчейн-сетей и отсутствием централизованного субъекта управления.

Смарт-контракты способны трансформировать договорное право за счёт: снижения транзакционных издержек, исключения посредников, повышения скорости расчётов, усиления доверия между сторонами. В то же время необходима разработка гибридных моделей, сочетающих юридический текст и программный код. В перспективе возможно формирование специализированных стандартов цифровых договоров и международных принципов их регулирования.

Смарт-контракты представляют собой инновационный инструмент цифровой экономики, сочетающий правовые и технологические элементы. Их нельзя полностью отождествлять с традиционным договором, однако они могут рассматриваться как новая форма его реализации в цифровой среде.

Развитие правового регулирования должно быть направлено на обеспечение баланса между технологической автономией и защитой прав участников. В условиях цифрового общества адаптация договорного права становится объективной необходимостью, формируя контуры «права будущего».

Список литературы

1. Бычков А.И. Смарт-контракты: понятие, правовая природа и перспективы применения // *Хозяйство и право*. — 2018. — № 10. — С. 35–44.
2. Савельев А.И. Договор в цифровую эпоху: смарт-контракты и блокчейн-технологии // *Закон*. — 2019. — № 3. — С. 112–123.
3. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. — М.: Статут, 2020. — 320 с.
4. Szabo N. Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets // *Extropy*. — 1996. — No 16. — P. 18–23.
5. Werbach K., Cornell N. Contracts Ex Machina // *Duke Law Journal*. — 2017. — Vol. 67. — No 2. — P. 313–382.
6. De Filippi P., Wright A. Blockchain and the Law: The Rule of Code. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2018. — 312 p.

7. *Raskin M.* The Law and Legality of Smart Contracts // *Georgetown Law Technology Review*. — 2017. — Vol. 1. — P. 305–341.
8. *Finck M.* Smart Contracts as a Form of Solely Automated Processing under the GDPR // *International Data Privacy Law*. — 2019. — Vol. 9. — No 2. — P. 78–94.
9. European Parliament. *Blockchain and Smart Contracts: Legal and Regulatory Framework*. — Brussels, 2020.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРАВА РАБОТНИКОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ¹

И.И. Андриановская

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского и предпринимательского права,
Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС), Москва

INTELLECTUAL RIGHTS OF EMPLOYEES: PROSPECTS FOR LEGAL REGULATION

I.I. Andrianovskaya

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor, Department of Civil and Business Law,
Russian State Academy of Intellectual Property (RGAIS), Moscow

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы развития норм, устанавливающих права и обязанности работников интеллектуального труда. Исследованы нормы, предусматривающие отдельные интеллектуальные права работников, получившие закрепление в отечественном трудовом праве.

В рамках анализа отдельных норм, регламентирующих отношения работников, занимающихся интеллектуальной деятельностью (интеллектуальным трудом), показаны элементы межотраслевого согласования. Особое внимание уделено вопросу о целесообразности выделения в трудовом праве интеллектуальных прав работников и закрепления их в ТК РФ. Показана необходимость унификации ряда норм, предусматривающих интеллектуальные права отдельных работников. Предложено объединить в специальной главе ТК РФ нормы, регулирующие отношения работников интеллектуальной сферы деятельности.

Ключевые слова: умственный, интеллектуальный труд, интеллектуальные права работников, результат интеллектуальной деятельности, согласование норм.

Abstract. The article examines the prospects for the development of norms establishing the rights and obligations of intellectual workers. Norms providing for certain intellectual rights of workers, which have been enshrined in domestic labor law, have been investigated.

As part of the analysis of individual norms regulating the relations of workers engaged in intellectual activity (intellectual work), elements of intersectoral coordination are shown. Particular attention is paid to the issue of the advisability of highlighting the intellectual rights of workers in labor law and securing them in the Labor Code of the Russian Federation. The need to unify a number of norms providing for the intellectual rights of individual employees is shown. It was proposed to combine in a special chapter of the Labor Code of the Russian Federation the norms governing the relations of workers in the intellectual sphere of activity.

Key words: mental, intellectual work, intellectual rights of employees, the result of intellectual activity, harmonization of norms.

В современных условиях развития отечественного государства и права особую актуальность приобретают вопросы защиты интеллектуальных прав работников. Повышенное внимание к этим вопросам в правовой науке связано с трансформацией отношений, складывающихся в процессе применения особого вида труда — интеллектуального труда. Этот интерес вполне объясним, поскольку интеллектуальный результат (интеллектуальный продукт) непосредственно создаётся в сфере применения интеллектуального труда. В этой связи, следует сказать, что в большинстве случаев результат интеллектуальной деятельности может быть создан в процессе организованного труда (несамостоятельного труда), соответственно, он может быть получен в рамках применения интеллектуального труда работника (при осуществ-

¹ Исследование проведено в рамках выполнения НИР «Совершенствование механизмов защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в странах ЕАЭС» согласно Государственному заданию для ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности» (2-ГЗ-2024-2).

влении им конкретной трудовой функции). Более того, как отмечается в правовой литературе, «по данным различных организаций, в том числе и иностранных, более 80% изобретений создаются как служебные»² [7].

В науке гражданского права вопросы определения круга интеллектуальных прав субъектов, создавших результат интеллектуальной деятельности, их охраны основательно разработаны. В гражданском праве как отрасли права нашли закрепление права лиц, являющихся авторами (произведения, исполнения, изобретения, полезной модели, промышленного образца, селекционного достижения, топологии интегральной микросхемы и других результатов интеллектуальной деятельности). Не останавливаясь подробно на исследовании этих вопросов, отметим, что законодатель в ГК РФ использует термины: «результат интеллектуальной деятельности» (ст. 1225 ГК РФ), «автор результата интеллектуальной деятельности» (ст. 1228 ГК РФ)³, «результат творческого труда» (ст. 1259 ГК РФ); «творческий труд» (например, ст. 1228, 1257, 1347 ГК РФ); «служебное произведение» (ст. 1295 ГК РФ); «служебный секрет производства» (ст. 1470 ГК РФ).

В науке трудового права вопросы, посвящённые интеллектуальным правам работников и их защите, нашли отражение в ряде исследований лишь в последнее десятилетие⁴ [6]. В настоящее время в связи с многочисленными спорами, связанными с защитой интеллектуальных прав работников, в научной литературе наблюдается повышенное внимание к этим вопросам⁵ [4]. В трудовом праве как отрасли права группа интеллектуальных прав и обязанностей работников не выделена. По сути, как во всех ранее действовавших КЗоТах, так и Трудовом кодексе РФ, словосочетания: «интеллектуальный труд», «интеллектуальная деятельность», «интеллектуальные права работников» законодателем не использовались и не используются. Небезынтересно заметить, что только в КЗоТе 1922 года законодатель использовал, полагая, тождественную формулировку «интеллектуальный труд» формулировку: «умственный труд». С точки зрения смыслового понимания слов «интеллектуальный» и «умственный» вполне можно отметить их тождество. Как говорится в одном из словарей, слово «интеллект» (в переводе с латыни intellectus), означает — ум, рассудок, разум, мыслительные способности человека, а слово «интеллектуальный» — умственный, связанный с интеллектом⁶ [5]. Более 100 лет назад словосочетание: «умственный или конторский труд» было применено законодателем при определении случаев сокращения рабочего времени: в ст. 95 КЗоТ 1922 г. для работников, занимающихся умственным или конторским трудом, был установлен шестичасовой рабочий день. Позже, в КЗоТ 1971 г. для формулирования подобных норм (о сокращении рабочего времени для отдельных категорий работников) законодатель использует иную терминологию, связанную с субъектом, работающим в рамках определённой профессии, — учитель, врач (ст. 45 КЗоТ 1971 г.). Можно отметить, что законодатель признаёт в области регулирования отношений, входящих в предмет правовой отрасли, специфику умственного (интеллектуального) труда и, как следует из приведённых норм предшествующих кодексов,

² См.: Лушников А.М., Лушникова М.В. Трудовые права в XXI веке: современное состояние и тенденции развития. — М.: Проспект, 2015. — С. 161. Здесь же авторы приводят информацию Федерального ведомства ФРГ по патентам и товарным знакам на 2006 г. — 87% всех изобретений были заявлены как служебные.

³ В статье 1228 ГК РФ определено: автором результата интеллектуальной деятельности признаётся гражданин, творческим трудом которого создан такой результат.

⁴ В частности, М.В. Лушникова исследовала проблемные вопросы интеллектуальных прав работников. См.: Лушникова М.В. Интеллектуальные права работников: проблемы и решения // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 9 (58). Следует отметить, что Лушников А.М., Лушникова М.В. в указанной монографии: «Трудовые права в XXI веке: современное состояние и тенденции развития» в гл. 2 «Новации в развитии учения о трудовых правах» выделяют параграф: «Об интеллектуальных правах работников».

⁵ В частности, М.О. Буянова проводит анализ современной правоприменительной практики по защите интеллектуальных прав работников науки. См.: Буянова М.О. Защита интеллектуальных прав работников науки. Проблемы и практика применения // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2025. — № 5.

⁶ См.: Локина С.М. Краткий словарь иностранных слов. — 9-е изд., испр. — М.: Русский язык, 1987. — С. 204.

устанавливает для отдельных категорий работников время меньшей продолжительности (отличное от установленной в государстве общей нормы рабочего времени). В трудовом праве, если судить по нормам ранее действующих кодифицированных нормативных правовых актов, проявляется направленность на специфику регулирования труда работников, связанного с умственной, интеллектуальной сферой деятельности, но законодатель устанавливает эти нормы, связывая их не с деятельностью, а с профессией. Этот подход законодателя проявляется и в настоящее время. Заметим, что до настоящего времени такой подход был вполне приемлем, но трансформация общественных отношений в сфере применения труда потребовала соответствующих изменений, но их пока нет. Отсутствие в современном трудовом праве норм, отражающих особенности регламентации трудовых отношений работников интеллектуального труда (интеллектуальной сферы деятельности), позволяет сделать вывод о целесообразности их введения.

Как отмечается в научной литературе, вопросы защиты интеллектуальных прав субъектов связаны с их особой сферой деятельности, в рамках которой они осуществляют работу умственного, творческого и иного характера. Сфера интеллектуальной деятельности широка, следовательно, широк круг субъектов, создающих интеллектуальный продукт в виде особого результата труда (умственного, инновационного, творческого). Субъекты, занимающиеся интеллектуальной деятельностью, создающие соответствующие объекты, выраженные, как правило, в качестве индивидуального результата (продукта), обладают определённым кругом прав и обязанностей, формирующих их правовой статус⁷ [1]. Нередко лица, создающие интеллектуальный продукт (результат) подпадают под сферу действия двух отраслей права: гражданского и трудового (в разных сегментах регулирования отношений интеллектуального характера). Например, отношения субъектов, состоящих в трудовых отношениях с организацией (*работающих на получение интеллектуального результата*), регламентируются нормами трудового права, а их отношения, связанные непосредственно с результатом труда (*полученного в процессе их интеллектуального труда*), регламентируются нормами гражданского права⁸ [2].

Если взять для соотношения нормы об интеллектуальных правах субъектов гражданского и трудового отраслей права, то в современном трудовом праве сложно выделить круг прав работников интеллектуальной сферы деятельности. Хотя, следует заметить, отдельные нормы о труде работников интеллектуального труда впервые получили закрепление в результате четвёртой кодификации трудового законодательства. К ним следует отнести педагогических и научных работников (творческих работников). По большому счёту трудовому праву как отрасли права не известен термин: «интеллектуальные права работников», поскольку, как говорилось, в ТК РФ *права и обязанности работников интеллектуальной сферы деятельности не выделены*, соответственно, этот термин не применяется в действующем Трудовом кодексе. При формулировании норм, отражающих особенности регулирования труда работников интеллектуальной сферы деятельности, российский законодатель использует иные термины: «труд педагогических работников», «труд научных работников», «труд творческих работников».

В первую очередь обратимся к рассмотрению вопросов правового регулирования труда педагогических и научных работников. Здесь следует отметить, что в ТК РФ нормы о труде творческих работников отграничены от норм о труде педагогических и научных работников: они расположены в главе 55 ТК РФ «Особенности регулирования труда других категорий работников» и сосредоточены в одной статье Кодекса⁹. Нормы, регламентирующие трудовые отноше-

⁷ См.: Андриановская И.И. Проблемы защиты интеллектуальных прав работников // Проблемы экономики и юридической практики. — 2025. — № 4. — С. 69–75.

⁸ См.: Андриановская И.И. К вопросу о защите интеллектуальных прав работников // Черные дыры в Российском законодательстве. — 2025. — № 2. — С. 52–66.

⁹ Так, в главе 55 ТК РФ «Особенности регулирования труда других категорий работников» содержится ст. 351 ТК РФ, предусматривающая особенности регулирования труда творческих работников средств массовой информации, организаций кинематографии, теле- и видеосъёмочных коллективов, театров, театральных и концертных организаций, цирков и иных лиц, участвующих в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений.

ния педагогических и научных работников, вводились поэтапно. На первом этапе, — на время принятия ТК РФ (2001 г.), — в него был включён раздел XII «Особенности регулирования труда отдельных категорий работников», содержащий гл. 52 «Особенности регулирования труда педагогических работников» (в том числе, регулирование труда профессорско-преподавательского состава). На втором этапе, — в ходе текущего обновления трудового законодательства (2014 г.), — в указанный раздел была включена гл. 52¹ «Особенности регулирования труда научных работников, руководителей научных организаций, их заместителей».

Заметим, в этих двух главах ТК РФ сосредоточены нормы, регулирующие особенности заключения и прекращения трудового договора (ст. ст. 332, 332¹, 336¹, 336²), дополнительные основания прекращения трудового договора (ст. ст. 336, 336³) и другие. На наш взгляд, нормы названных глав (52 и 52¹ раздела XII ТК РФ) целесообразно объединить в одной главе ТК РФ, сосредоточив в ней группу норм, регламентирующих отношения работников, выполняющих трудовую функцию, связанную с интеллектуальной (инновационной, научной и иной творческой) деятельностью. В результате предложенного объединения норм в разделе XII ТК РФ «Особенности регулирования труда отдельных категорий работников» будет сформирована новая глава, назвать которую можно следующим образом: «Особенности регулирования труда работников интеллектуальной сферы деятельности»¹⁰ [1]. Введение этой главы позволит провести согласование межотраслевых связей в трудовом и гражданском праве. В дальнейшем, думается, необходимо будет согласовать и содержание многих норм в области регламентации отношений интеллектуальной сферы деятельности (в ГК РФ и ТК РФ).

В предложенную главу раздела XII ТК РФ следует поместить не только нормы о заключении и прекращении трудового договора (научных и педагогических работников), но и иные нормы. Думается, помимо названных норм, к этим нормам следует отнести нормы, устанавливающие для них рабочее время, время отдыха, оплату труда, охрану труда и другие. Так будет сформирован основной блок норм. Полагаем, этот блок норм будет включать для этих работников общие правила, отражающие особенности правового регулирования труда работников, выполняющих работу в рамках интеллектуальной сферы деятельности. Общими для этих работников могут быть, например, нормы о рабочем времени. Следует заметить, что в ст. 333 ТК РФ для педагогических работников предусмотрена сокращённая продолжительность рабочего времени, в ст. 334, 335 ТК РФ, — нормы об основном и дополнительном отпуске (гл. 52 ТК РФ). Для научных работников в ТК РФ (гл. 52¹ ТК РФ) норм, предусматривающих особенности регулирования рабочего времени и времени отдыха, не содержится. По нашему мнению, для научных работников можно сократить рабочее время, установив для них норму рабочего времени 36 часов в неделю. Тогда, общей нормой рабочего времени для этой категории работников (работников интеллектуальной сферы деятельности), будет установлено сокращённое рабочее время — 36 часов в неделю. Думается, впоследствии его можно сократить до 32 часов в неделю¹¹ [3]. Соответственно, следует установить для этих категорий работников и общие нормы о дополнительном времени отдыха (дополнительных отпусках), посредством унификации этих норм. В этой связи, полагаем, нормы, действующие в отношении педагогических работников есть смысл распространить и на научных работников. В целях устранения дублирования норм в Кодексе целесообразно расположить эти нормы в одной статье, объединив общие нормы для этих двух категорий работников интеллектуального труда (педагогических и научных работников).

Подобным образом, как нам представляется, необходимо ввести общие для этой категории работников (интеллектуальной сферы деятельности) нормы, предусматривающие условия оплаты, охраны труда, гарантий и компенсаций. Затем, целесообразно включить специальные нормы (для каждой категории работников), которые будут отражать специфику труда

¹⁰ См.: Андриановская И.И. Проблемы защиты интеллектуальных прав работников // Проблемы экономики и юридической практики. — 2025. — № 4. — С. 69–75.

¹¹ В отношении научных работников ныне установлена норма рабочего времени продолжительностью 40 часов в неделю. Нами предлагалось установить сокращённое рабочее время для научных работников (по аналогии с педагогическими работниками). См., подробнее: Андриановская И.И. Рабочее время по трудовому праву России (продолжительность, распределение, учёт): монография. — М.: ИНФРА-М, 2025. — С. 57–68.

(например, труда работников науки). Таким образом, для работников интеллектуального труда будут сформированы две группы норм: особенные нормы (общие для этих категорий работников) и специальные нормы (отражающие специфику труда для каждой из названных категорий работников). В этой связи, представляется важным соблюсти баланс норм, совмещающий единство и дифференциацию правового регулирования отношений в сфере применения наёмного труда (общее, особенное, специальное). Впоследствии в предложенную нами главу ТК РФ необходимо включить и иные нормы, к примеру нормы, регулирующие особенности регулирования трудовых отношений творческих работников¹².

Таким образом, первым шагом в выделении интеллектуальных прав (и обязанностей) работников послужит объединение в отдельной главе кодифицированного нормативного правового акта норм о труде работников, выполняющих трудовую функцию, связанную с интеллектуальной (инновационной, научной и иной творческой) деятельностью. В первую очередь для полноценной регламентации трудовых отношений работников интеллектуальной сферы деятельности целесообразно сформировать две группы норм: *особенные* нормы, отличающиеся от общих норм и *специальные* нормы, которые будут отражать специфику труда каждой из категорий работников. При этом, учитывая наличие в трудовом праве *общих* норм, распространяющихся на всех работников (в том числе работников интеллектуальной сферы деятельности), законодателю необходимо исключить дублирование норм, нашедших закрепление в ТК РФ и Федеральных законах¹³.

Посредством предложенной модификации (структурного и содержательного характера) в действующем Трудовом кодексе РФ найдут закрепление нормы, регламентирующие отношения двух групп работников интеллектуального труда. Выделение в российском трудовом праве круга *работников, занимающихся интеллектуальной деятельностью* (интеллектуальным трудом), создающих *интеллектуальный результат*, и закрепление однозначно определённого круга *их прав и обязанностей*, позволит определить их правовой статус и установить надлежащую защиту их прав.

Список литературы

1. Андриановская И.И. Проблемы защиты интеллектуальных прав работников // Проблемы экономики и юридической практики. — 2025. — № 4. — С. 69–75.
2. Андриановская И.И. К вопросу о защите интеллектуальных прав работников // Черные дыры в Российском законодательстве. — 2025. — № 2. — С. 52–56.
3. Андриановская И.И. Рабочее время по трудовому праву России (продолжительность, распределение, учёт): монография. — М. ИНФРА — М., 2025.
4. Буянова М.О. Защита интеллектуальных прав работников науки. Проблемы и практика применения // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2025. — № 5. — С. 59–61.
5. Лошкина С.М. Краткий словарь иностранных слов. — 9-е изд., испр. — М.: Русский язык, 1987. — С. 204.
6. Лушникова М.В. Интеллектуальные права работников: проблемы и решения // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 9(58).
7. Лушников А.М., Лушникова М.В. Трудовые права в XXI веке: современное состояние и тенденции развития. — М.: Проспект, 2015.

¹² Следует заметить, что в отношении творческих работников законодатель при формулировании норм использует одинаковую терминологию: в ГК РФ используется термин «творческий труд», а в ТК РФ — термин: «труд творческих работников».

¹³ В частности, в случае восприятия этого предложения можно будет избежать дублирования норм в Кодексе (в его разных главах) и Федеральных законах: «Об образовании РФ» (29.12.2012 г.) и «О науке и государственной научно-технической политике» (23. 08. 1996 г.) с изменениями и дополнениями.

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ЧАСТНОГО ПРАВА РОССИИ: ОЦЕНКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

В.Е. Белов

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского и предпринимательского права,
Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва
gppois@rgiis.ru

ON THE PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF PRIVATE LAW IN RUSSIA: AN ASSESSMENT THROUGH THE LENS OF A CIVILIZATIONAL APPROACH

V.E. Belov

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor, Department of Civil and Business Law,
Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow
gppois@rgiis.ru

Аннотация. В современных условиях частное право России может рассматриваться в качестве правовой основы цивилизационного развития. Анализ норм гражданского права, иных отраслей и отдельных институтов частного права свидетельствует об их огромном цивилизационном потенциале. Особую актуальность в настоящее время имеет выработка доктринальных подходов, касающихся путей дальнейшего развития частного права как составляющей цивилизации.

Ключевые слова: цивилизация, частное право, человек, общество, культура, ценности, социализация, солидарность, развитие.

Abstract. In today's conditions, private law in Russia can be viewed as the legal foundation for civilizational development. An analysis of civil law norms, other branches, and individual private law institutions demonstrates their enormous civilizational potential. The development of doctrinal approaches concerning the further development of private law as a component of civilization is particularly relevant today.

Key words: civilization, private law, individuals, society, culture, values, socialization, solidarity, development.

Владимир Вольфович Жириновский отмечал: «цивилизация — это живая реальность. Различные цивилизации существуют и развиваются уже не первую тысячу лет. Они имеют сложную, динамичную (и поэтому неподдающуюся однозначным определениям) природу» [5].

Важнейшей составляющей цивилизации является право. Так, Н.Б. Зазаева отмечает, что целостность общества подразумевает «единые нормы поведения, регулирующие все многообразие отношений между людьми в обществе, и определенные духовные ценности, разделяемые данным сообществом» [6]. По мнению В.А. Витушко, право является формообразующим фактором цивилизации и ее отличительным признаком. Оно представляет собой «право разума, то есть цивилизационное право, отражает уровень развития соответствующей цивилизации и определяет само этот уровень цивилизации» [3].

Уровень цивилизации непосредственно зависит как от уровня развития отдельного человека, так и уровня развития общества в целом. Цивилизационное право изначально основано на единстве личного и общественного, частного и публичного [3].

Цивилизационное право, как и цивилизация в целом, непрерывно развивается. Так, М.А. Булавина связывает теоретические основы построения цивилизационного права и основы формирования правовых актов с категориями новой картины миропонимания [2].

Особую роль в обеспечении единства (баланса) личного и общественного, частного и публичного призвано играть частное право. В этой связи теоретический и практический интерес представляют вопросы, касающиеся направлений развития частного права России.

Основная часть. Автор счел возможным рассмотреть перспективы развития частного права на примере базовой частноправовой отрасли — гражданского права (в то же время автор-

ские выводы касаются частного права в целом) и выделил следующие аспекты рассматриваемой темы.

1. Расширение предмета гражданского права. Гражданское право — право гражданского общества. Известно, что к предмету гражданского права относятся две группы отношений: имущественные и личные неимущественные отношения. При этом основное внимание традиционно уделяется имущественным (экономическим) отношениям. Так, анализ тематики диссертаций по гражданскому праву показывает, что значительное число работ посвящаются исследованию имущественных правоотношений, участию в них юридических лиц.

Можно в полной мере согласиться с точкой зрения В.И. Иванова, призывавшего расширить сферу частных отношений. Данный ученый отмечал, что не только экономические отношения являются базисом и «есть достаточные основания считать, что отношения в области образования, науки, культуры, прав человека, медицины, искусства также являются базисными, поскольку они служат основой создания современного гражданского общества России и ее интеграции в мировое сообщество с учетом всей специфики присущих только России особенностей» [8].

Перечисленные В.И. Ивановым отношения, к сожалению, пока что не находят должного отражения в цивилистических исследованиях. Одновременно следует заметить, что новый паспорт научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки» нацелен на расширение тематики научных исследований по цивилистике.

2. Человек как центральное звено цивилизации. Согласно ст. 2 Конституции России высшей ценностью являются человек, его права и свободы. В то же время на фоне тематики научных исследований по гражданскому праву, связанных с имущественными отношениями, участию в них юридических лиц, гораздо меньше внимания уделяется человеку как субъекту гражданского права. В частности, это касается научных работ, посвящаемых исследованию личных неимущественных прав человека. Одновременно нельзя не обратить внимания на незначительный объем нормативного материала по данной тематике: глава 8 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) «Нематериальные блага и их защита» состоит всего из пяти статей, что может влиять и на объем правоприменительной практики.

Говоря о личных неимущественных правах человека, следует упомянуть также соответствующие права авторов, перечисленные в части четвертой ГК РФ. К данным правам отнесены: право авторства, право автора на имя, право на обнародование произведения, право на неприкосновенность произведения. В.Е. Белов отмечает необходимость широкого толкования данного перечня личных неимущественных прав авторов, обращая внимание на их тесную взаимосвязь с личными неимущественными правами, составляющими конституционные основы правового статуса личности [1].

Научные работы, посвященные имущественным правам (исключительному праву) авторов и иных правообладателей, безусловно необходимы. Так, например, в настоящее время много внимания уделяется вопросу, касающемуся коммерциализации прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. В то же время представляется актуальным больше внимания уделять личным неимущественным правам человека, являющегося автором.

3. Человек как член общества. Обеспечение общественных интересов. В современных условиях необходима переоценка гражданского права как исключительно частного права — права индивидуумов, результатом которой должно явиться формирование права, в большей мере учитывающего общественные интересы.

Следует обратить внимание на то, что в 2020 году Конституция России была дополнена статьей 75.1, в которой закреплён принцип солидарности (экономической, политической и социальной солидарности).

Говоря о солидарности как общности интересов, нельзя не коснуться категории интереса. Известно, что дискуссионными являются вопросы о понятии публичных (государственных, общественных) интересов, соотношении публичных и частных интересов. Так, В.Ф. Яковлев полагал, что «под публичным интересом понимаются не столько интересы государства, сколько совокупные интересы граждан данного государства. Государство же должно выступать в качестве выразителя публичных интересов и представлять интересы общества в целом» [11,

с. 167]. О.М. Родионова делает вывод о том, что «противопоставление публичного интереса частному необоснованно, поскольку невозможно удовлетворение одних интересов без удовлетворения других. Публичный и частный интерес в частном праве представляют собой единое целое в случаях высокой общественной значимости» [9]. Таким образом, можно говорить о тесной взаимосвязи публичных и частных интересов.

Гражданским законодательством предусмотрены различные варианты реализации общественных интересов.

Это может быть сделано путем ограничения гражданских прав (ч. 3 ст. 55 Конституции России, п. 2 ст. 1 ГК РФ). Можно привести соответствующие примеры из сферы интеллектуальных прав. Так, в соответствии с п. 3 ст. 1359 ГК РФ объекты патентных прав (изобретения, полезные модели, промышленные образцы) могут использоваться заинтересованными лицами при чрезвычайных обстоятельствах (стихийных бедствиях, катастрофах, авариях). Согласно ст. 1360 ГК РФ Правительство России в случае крайней необходимости (связываемой с обеспечением обороны и безопасности государства, а также охраной жизни и здоровья граждан) вправе принять решение об использовании результата интеллектуальной деятельности без согласия патентообладателя. Также ст. 1239 и ст. 1362 ГК РФ предусмотрен правовой механизм принудительного лицензирования. Суд по требованию заинтересованного лица может принять решение о предоставлении этому лицу на указанных в решении суда условиях права использования результата интеллектуальной деятельности, исключительное право на который принадлежит другому лицу (принудительная лицензия).

В то же время для гражданского права не характерно ограничение частных прав. Так, Д.А. Туманов отмечает, что «реализация интересов (особенно частных) через гражданские правоотношения возможна главным образом в режиме свободы воли» [10].

Согласно п. 2 ст. 1 ГК РФ физические лица реализуют принадлежащие им права своей волей и в своем интересе. В данном случае следует сказать также о реализации гражданских прав в интересах общества на добровольной основе, что можно подтвердить множеством примеров из различных подотраслей гражданского права. Так, в соответствии со ст. 1118 ГК РФ человек вправе распорядиться имуществом на случай смерти путем совершения завещания или заключения наследственного договора. Завещание может быть оформлено в том числе в интересах общества (если речь идет, например, о передаче публично-правовому образованию вещей, относящихся к культурным ценностям). Завещатель может в завещании возложить на одного или нескольких наследников по завещанию или по закону обязанность совершить какое-либо действие имущественного или неимущественного характера, направленное на осуществление общепользовательной цели (ст. 1139 ГК РФ).

Применительно к сфере интеллектуальных прав следует отметить, что п. 1 ст. 1229 ГК предусмотрено, что правообладатель может по своему усмотрению разрешить другим лицам использование объектов своих интеллектуальных прав. Это может быть сделано в том числе и в интересах общества.

4. Гражданское право — право социального государства. Согласно ч. 1 ст. 7 Конституции России Российская Федерация является социальным государством. На необходимость позиционирования гражданского права как права социального государства в современных условиях обращает внимание, в частности Е.А. Суханов [4].

5. В ходе цивилизационного развития требуется непрерывная оценка происходящего с позиции обеспечения интересов личности и общества. В настоящее время это касается, например, процессов цифровизации, разработки и внедрения искусственного интеллекта. Так, В.Д. Зорькин отмечает необходимость глубокого, в том числе конституционно-правового, анализа внедрения искусственного интеллекта на каждом его уровне [7]. Например, в сфере авторского права нельзя закрывать глаза на нарушение прав авторов, чьи произведения используются для обучения искусственного интеллекта и т.д.

Заключение. Можно сделать выводы о том, что частное право (гражданское право как базовая отрасль частного права) может рассматриваться в качестве правовой основы цивилизационного развития. Частное право позволяет обеспечивать развитие человека и общества, баланс частных и публичных интересов.

Список литературы

1. *Белов В.Е.* Право авторства как элемент правового статуса личности: к 30-летию присоединения России к Бернской конвенции // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). — 2025. — Т. 54. — № 3. — С. 35–42.
2. *Булавина М.А.* Цивилизационное право и новая картина миропонимания: монография / М.А. Булавина. — М.: Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, 2023. — 144 с.
3. *Витушко В.А.* Цивилизационное право: монография / В.А. Витушко. — Минск: БИП-С Плюс. 2011. — 224 с.
4. *Емелькина И.А.* Евгений Алексеевич Суханов: «Гражданское право — это право социального государства и у него должно быть социальное лицо» // Гражданское право. — 2023. — № 2. — С. 2–7.
5. *Жириновский В.В.* Социология мировых цивилизаций. Восточно-христианская православная цивилизация. — 2013.
6. *Зазаева Н.Б.* Право как составляющая цивилизации // Философия и общество. — 2007. — № 2. — С. 67–75.
7. *Зорькин В.Д.* Право и вызовы искусственного интеллекта // Российская газета. — 2024. — 27 июня.
8. *Иванов В.И.* Частные отношения: постановка вопроса // Образование и право. — 2011. — № 5(21). — С. 48–55.
9. *Родионова О.М.* Публичные и частные интересы в меняющемся гражданском праве России: единство в многообразии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 5. — С. 101–111.
10. *Туманов Д.А.* Реализация интересов через частное и публичное право // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 5. — С. 112–121.
11. *Яковлев В.Ф.* Россия: экономика, гражданского право. (Вопросы теории и практики). — М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. 224 с.

ОТ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ

Л.А. Варакина

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса,
Международный юридический институт, Москва
sunli73@list.ru

DIGITALIZATION OF THE ARBITRATION PROCESS: FROM ELECTRONIC JUSTICE TO ARTIFICIAL INTELLIGENCE

L.A. Varakina

Senior Lecturer Departments of Civil Law and Process,
International Law Institute, Moscow
sunli73@list.ru

Аннотация. Цифровизация гражданского процесса уже изменила практику рассмотрения споров. Речь идет не о частной модернизации, а о системном переходе от бумажной модели к цифровому судебному обороту. Практический эффект измерим — электронная подача уменьшает затраты на почтовую пересылку и снижает риск утраты документов; цифровой доступ к материалам дела ускоряет подготовку к его рассмотрению; суд же быстрее обрабатывает процессуальные документы. Однако, любое развитие — это движение вперед. Следовательно, в условиях активного развития искусственного интеллекта, следующим этапом будет внедрение в систему правосудия соответствующих ему инструментов — это программные системы, которые выполняют задачи, ранее требовавшие участия человека. Речь идет не о абстракции, а о конкретных технологиях. Но ИИ может ошибаться. Поэтому критичные решения нельзя передавать модели без контроля специалиста. Инструменты искусственного интеллекта полезны не сами по себе, а тогда, когда они точно встроены в рабочий процесс и дают проверяемый эффект. Вынесение судебного акта требует оценки доказательств, толкования норм, учета позиций сторон и соблюдения принципов независимости суда. Алгоритм же не несет процессуальной ответственности, в отличие от участников процесса. И вот вопрос — каков же предел участия искусственного интеллекта в правосудии?

Ключевые слова: арбитражный процесс, электронное правосудие, искусственный интеллект, ИИ, экономические споры, суд, правосудие.

Abstract. The digitalization of the arbitration process has already changed the practice of dealing with economic disputes. This is not about private modernization, but about a systemic transition from a paper model to digital litigation. The practical effect is measurable — electronic filing reduces postal costs and reduces the risk of document loss; digital access to the case file speeds up preparations for its consideration; the court processes procedural documents faster. However, any development is a movement forward. Therefore, in the conditions of the active development of artificial intelligence, the next stage will be the introduction of tools corresponding to it into the justice system — these are software systems that perform tasks that previously required human participation. This is not about abstraction, but about specific technologies. But AI can be wrong. Therefore, critical solutions cannot be transferred to models without the control of a specialist. Artificial intelligence tools are not useful on their own, but when they are accurately built into the workflow and give a verifiable effect. The issuance of a judicial act requires an assessment of evidence, interpretation of norms, consideration of the positions of the parties and compliance with the principles of independence of the court. The algorithm does not bear procedural responsibility, unlike the participants in the process. And the question is — what is the limit of the participation of artificial intelligence in justice?

Key words: arbitration process, electronic justice, artificial intelligence, AI, economic disputes, court, justice.

На текущем этапе цифровизацию процессов при разрешении судебных дел не следует рассматривать как самостоятельный способ осуществления правосудия. В российской правовой системе правосудие осуществляется только судом, а его порядок определяется нормами процессуального закона. Однако ни Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, ни Гражданский процессуальный кодекс РФ не выделяют «электронное правосудие» как отдельную форму судебной деятельности. Таким образом, речь идет не о новом виде правосудия, а всего лишь — о технологическом формате выполнения отдельных процессуальных действий [1, с.37].

Соответственно, основной задачей электронных механизмов является обслуживание процедуры судейства. Они позволяют подать исковое заявление через цифровой сервис, направить ходатайство, получить судебное извещение, ознакомиться с материалами дела в электронном виде, участвовать в заседании по видео-конференц-связи, направить апелляционную либо кассационную жалобу в установленном порядке и совершать участниками процесса иные действия [3] (например, используя информационную систему «Мой арбитр» — дистанционное взаимодействие с арбитражным судом¹), а также осуществлять судебное делопроизводство путем использования автоматизированной информационной системы «Судопроизводство», программного комплекса «Судебно-арбитражное делопроизводство», позволяющих автоматизировать процессуальную деятельность судов². Поэтому электронное правосудие в его нынешнем виде следует понимать исключительно как инструмент процессуальной оптимизации — оно бесспорно ускоряет документооборот, снижает издержки сторон, упрощает доступ к суду, особенно при территориальной удаленности. Но, оно не подменяет судебную форму защиты права. Сущность правосудия остается неизменной — дело рассматривает судья, решение выносится от имени суда и процесс подчиняется тем же принципам: законности, состязательности, равноправию сторон, диспозитивности и соблюдению процессуальных сроков.

Иначе говоря, цифровая оболочка не преобразует юридическую природу судебной деятельности. Поэтому корректно утверждать, что в настоящее время электронное правосудие выступает лишь возможной формой реализации ряда процессуальных действий в рамках гражданского процесса, а не самостоятельным способом осуществления правосудия как такового. Такое понимание точнее отражает и содержание закона, и фактическую практику судов³.

Необходимо отметить, что изменения, вносимые последние годы в процессуальное законодательство, реализовали в той или иной степени задачи, определенные федеральной целевой программой «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы»: «по созданию мобильного правосудия, электронного правосудия, внедрению программных средств аналитического обеспечения деятельности и осуществлению сканирования всех поступающих в суды документов, а также формирование электронных дел и формирование электронного архива судебных дел»⁴.

Из чего следует, что развитие электронного правосудия на сегодняшний день является одной из приоритетных задач в области судебной защиты. В подтверждение этого стоит отметить Всероссийский съезд судей, где данной проблеме было уделено особое внимание [4, с. 32].

Итак, «электронное правосудие» на текущий момент — это только автоматизированные системы, позволяющие упростить и одновременно повысить эффективность взаимодействия всех субъектов гражданского процесса.

Тем не менее современное технологическое развитие общества диктует свои условия. Это в полной мере относится и к системе правосудия.

¹ Информационная система «Мой Арбитр» // URL: <https://my.arbitr.ru/#index> (дата обращения: 31.03.2026).

² Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2016 № 252 (ред. от 20.02.2018) «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» (вместе с «Порядком подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа») // СПС КонсультантПлюс. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=294821&dst=1000000001&cacheid=D6D7AB2BF4F7150E7F62365EED48ACCD&mode=splus&rnd=oJ0HaIV6jM3GYHxn#hG80aIVkPQlJbCGH> (дата обращения: 31.03.2026).

³ Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 (ред. от 11.07.2014) «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)» // СПС КонсультантПлюс. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=166564&dst=1000000001&cacheid=D6D7AB2BF4F7150E7F62365EED48ACCD&mode=splus&rnd=oJ0HaIV6jM3GYHxn#0wuQaIV5lAsSISl5> (Дата обращения: 31.03.2026).

⁴ Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 15.07.2024) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 — 2024 годы» // СПС КонсультантПлюс — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=480926&cacheid=F8A26E9F61ED15938A642154174012A6&mode=splus&rnd=oJ0HaIV6jM3GYHxn#v32HaIVeAJ1WZScA1> / (дата обращения: 31.03.2026).

Искусственный интеллект уже не рассматривается как абстрактная идея. Пока речь идет не о замене судьи машиной, хотя выдвигаются разные гипотезы о такой возможности⁵, и не только российскими правоведами, а о цифровой поддержке там, где требуются скорость, точность и работа с большим массивом данных.

На практике ИИ прежде всего используют для технических и аналитических задач. Он помогает искать судебную практику, группировать документы, распознавать речь на заседаниях, автоматически составлять проекты процессуальных текстов и выявлять формальные ошибки в материалах дела.

Такие подходы уже применяются в разных юрисдикциях. Так, в Бразилии система Victor используется в Федеральном верховном суде для сортировки и первичной обработки дел. В странах Европы акцент сделан на этике и контроле. В 2018 году Европейская комиссия по эффективности правосудия при Совете Европы приняла Европейскую этическую хартию об использовании ИИ в судебных системах⁶, закрепив в ней базовые принципы уважения прав человека, недискриминации, качества данных, прозрачности и контроля со стороны пользователя.

Однако применение ИИ в сфере правосудия требует особой осторожности. Цена ошибки здесь высока — право на справедливое разбирательство, на свершение правосудия. А значит — системы искусственного интеллекта, применяемые в отправлении правосудия, относятся к категории высокого риска, что предъявляет повышенные требования к качеству данных, объяснимости, документации и надзору со стороны человека.

Следовательно, ИИ в правосудии оправдан там, где он усиливает суд, а не подменяет его. Он полезен как инструмент анализа, навигации и ускорения процедур. Но окончательное решение должно оставаться за человеком. Вынесение судебного акта требует оценки доказательств, толкования норм, учета позиций сторон и соблюдения принципов независимости суда. Кроме того, существуют риски, например, непрозрачность моделей, возможная алгоритмическая предвзятость, ошибки в данных, вопросы защиты персональной информации и сохранения тайны общения доверителя с представителем.

Сегодня одним из активно обсуждаемых вопросов использования ИИ является идея замены судьи на ИИ в приказном судопроизводстве арбитражного суда и судов общей юрисдикции [2, с. 473].

Бесспорно, приказное производство проще по сравнению с иными видами судопроизводства подвергнуть полной оцифровке.

В пользу данного подхода говорят следующие условия:

- принятие решения при вынесении судебного приказа построено на формальной проверке документов;
- судебное заседание по общим правилам не проводится;
- стороны не вызываются в суд;
- судья оценивает, относится ли требование к категории, допустимой для судебного приказа, приложены ли подтверждающие документы, соблюдены ли процессуальные условия, что в полной мере основывается на законодательных требованиях (гл. 29.1 АПК РФ⁷, гл. 11 ГПК РФ⁸).

⁵ Искусственный интеллект скоро может заменить судей: не приведет ли рискованный эксперимент к восстанию машин // WWW.KP.RU. — URL: <https://www.kp.ru/daily/27662/5050880/> (дата обращения: 01.04.2026)

⁶ Европейская этическая хартия CEPEJ об использовании искусственного интеллекта (ИИ) в судебных системах и их среде // Европейская комиссия по эффективности правосудия (CEPEJ). — URL: <https://www.coe.int/en/web/cepej/cepej-european-ethical-charter-on-the-use-of-artificial-intelligence-ai-in-judicial-systems-and-their-environment> (дата обращения: 01.04.2026).

⁷ «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СПС КонсультантПлюс. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=520138&cacheid=1564B3D301CC3769DE647FB690B1EA8B&mode=rubr&rnd=8a0oQA#7hWqaIVcixxJR8Cq> (дата обращения: 31.03.2026).

⁸ «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 31.03.2026) // СПС КонсультантПлюс. — URL: <https://www.consultant.ru/>

Факт — по отдельным вопросам возможно прописать необходимые алгоритмы, которые позволят выносить судебный приказ, основываясь только на данных введенных для анализа. Но, даже в этом случае возможна ошибка при принятии решения, в основе который будет банально лежать человеческий фактор — например, не все документы были ованы и/или правильно разнесены в БД.

Не смотря, в целом, на упрощенный порядок, характерный для приказного производства, эта процедура связана не только с механической обработкой данных, но и с процессуальной ответственностью суда.

ИИ не несет конституционно-правовой ответственности. Ему нельзя заявить отвод. Он не обладает статусом судьи, независимостью и процессуальными гарантиями. И конечно алгоритм (ИИ) может ошибаться из-за некорректных и неполных данных или смещения модели.

Тем не менее видится, что именно в приказном производстве в ближайшее время возможно активное применение ИИ ввиду особого порядка приказного производства, в основе которого лежит бесспорность представленных доказательств.

Соответственно, правильнее говорить не о замене судьи, а о перераспределении функций. ИИ может проверять комплектность документов; выявлять типовые ошибки; сопоставлять суммы, даты, реквизиты документов, сроки оплаты, сведения из государственных реестров. И уже на основе данной информации предлагать проект судебного приказа, либо обоснования причин, по которым ИИ не может его вынести. По сути своей ИИ в этом случае берет на себя задачу первичной обработки и анализа материалов дела, что должно привести к ускорению рассмотрения данной категории дел.

Но, не смотря на все действия ИИ, итоговое решение должно оставаться только и только за судом.

Таким образом, в приказном производстве ИИ уместен как инструмент судебной автоматизации, но не как самостоятельный носитель судебной власти. Итоговое решение, его проверка и подписание должны оставаться за судьей. Видится, что такая модель сочетает в себе скорость, законность и минимизацию процессуальных рисков.

Поэтому вектор развития гражданского процесса должен быть не «судья-машина», а цифровой суд с контролем человека. Электронное правосудие повышает доступность и операционную эффективность. Искусственный интеллект способен усилить аналитический контур суда и участников процесса. Но легитимность решения по-прежнему должна остаться за человеком. Именно такой баланс выглядит юридически корректным и институционально устойчивым. Именно такой подход позволяет соединить технологический прогресс с принципами законности, равенства сторон и судебной независимости.

Следовательно, электронное правосудие сегодня следует понимать не как отдельный вид правосудия, а как вспомогательный, процедурный механизм. Он расширяет технические возможности суда и участников дела. Но не создает нового способа отправления правосудия в юридическом смысле. Именно поэтому в доктрине и правоприменении более точным является подход, при котором электронный формат оценивается как форма совершения ряда процессуальных действий, а не как автономная модель судебной деятельности.

Список литературы

1. Кононов, Д.А. Вопросы электронного правосудия в гражданском и арбитражном процессе в условиях цифровизации / Д.А. Кононов // Всероссийский научный журнал «Гуманитарные науки. Высшая школа». — 2025. — № 1. — С. 36–41.
2. Оруджева, Д.С. Возможность использования искусственного интеллекта в приказном гражданском судопроизводстве / Д.С. Оруджева, И.В. Воронцова // Вестник науки. — 2023. — Т. 3. — № 12(69). — С. 471–477.

3. *Трезубов, Е.С.* § 1. Электронное правосудие в российском цивилистическом процессе / Е.С. Трезубов // *Право цифровой среды: монография.* — М.: Общество с ограниченной ответственностью «Перспект», 2024. — С. 633–640.
4. *Ярошенко, Т.В.* Проблематика электронных доказательств в условиях развития электронного правосудия в арбитражном процессе / Т.В. Ярошенко // *Администратор суда.* — 2023. — № 1. — С. 32–36.

ВЗГЛЯД ЖИРИНОВСКОГО В.В. НА ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СФЕРЫ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

Л.А. Варакина

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
sunli173@list.ru

ZHIRINOVSKY'S VIEW ON THE PROBLEMS OF THE SOCIAL AND LABOR SPHERE IN RUSSIA

L.A. Varakina

Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
sunli173@list.ru

Аннотация. Владимир Вольфович Жириновский, является одним из наиболее заметных политиков современной России. На протяжении всей своей политической деятельности особое внимание им уделялось именно вопросам социально-трудовой сферы. Он рассматривал труд не только как экономическую категорию, но и как основу социальной устойчивости государства. За время его руководство ЛДПР было выдвинуто немало законопроектов в сфере занятости, труда, социального обеспечения граждан страны. Все они имели основную цель — улучшения качества жизни граждан.

Его основными лозунгами были — социальная справедливость, снижение регионального дисбаланса, усиление ответственности власти за условия труда и повышение реального благосостояния граждан. Именно поэтому его взгляды на социально-трудовую сферу остаются значимой частью его политического наследия.

Ключевые слова: Жириновский, Владимир Вольфович, социальная политика, трудовые отношения, наследие, социальная устойчивость.

Abstract. Vladimir Volfovich Zhirinovsky is one of the most prominent politicians in modern Russia. Throughout their political activities, they paid special attention to issues of the social and labor sphere. He considered labor not only as an economic category, but also as the basis of the social stability of the state. During his leadership of the Liberal Democratic Party, many bills were put forward in the field of employment, labor, and social security of the country's citizens. All of them had the main goal — to improve the quality of life of citizens.

His main slogans were social justice, reducing regional imbalances, increasing the responsibility of the authorities for working conditions and increasing the real well-being of citizens. That is why his views on the socio-labor sphere remain a significant part of his political legacy.

Key words: Zhirinovsky, Vladimir Volfovich, social policy, labor relations, heritage, social stability.

Жириновский подчеркивал важность социальной политики как ключевого элемента государственной стратегии. Он зачастую указывал на отсутствие внимания к данным проблемам со стороны правительства и политической элиты. По его мнению, недостаток социальной защиты, низкие заработные платы и высокий уровень безработицы являются основными проблемами, которые не только затрагивают экономику, но и ведут к социальной напряженности в обществе.

Жириновский считал, что человеческий капитал является самой большой ценностью государства. Именно человек обладает теми ценными качествами, благодаря которым любая страна движется вперед. А значит самые ценные инвестиции — это инвестиции в развитие личности. И если страна системно вкладывается в образование, здравоохранение и профессиональную подготовку, она получает более устойчивый рынок труда, более высокую производительность и лучшее качество управления. А цифровые технологии сами по себе не создают

долгосрочный рост. Они требуют подготовленных людей, так как, только человек способен на критическое мышление, ответственность, способность принимать решения в условиях неопределенности и навыки взаимодействия. Это особенно видно в сферах, где цена ошибки высока — в медицине, инженерии, государственном управлении, науке, образовании.

Поэтому инвестиции в человека имеют прикладной смысл. Речь идет не только о школах и вузах. Важны раннее развитие детей, доступная медицина, переподготовка взрослых, цифровая грамотность, поддержка исследователей и преподавателей. По данным ОЭСР, именно уровень навыков населения определяет способность экономики адаптироваться к технологическим сдвигам. Иначе автоматизация усиливает не рост, а неравенство.

Другими словами, цифровая эпоха не снижает ценность человеческого капитала. Она делает ее еще более очевидной [3]. Страна, которая развивает людей, лучше проходит кризисы, быстрее внедряет технологии и устойчивее растет в долгом горизонте. И Жириновский понимал это, и постоянно говорил об этом: «Самое дорогое, что есть у страны — это мозги. Не нефть, не газ, а извилины в голове молодого человека. Если мы не вложим в него деньги сегодня (в его здоровье, в его лекции, в его общежитие), завтра мы будем платить за иностранные технологии и чужие идеи», а созданный им Институт мировых цивилизаций является наиболее красочной иллюстрацией его отношения к этому вопросу. Жириновский часто повторял, что создал этот вуз как «лабораторию будущего», где учат не просто профессии, а «пониманию того, как устроен мир» [2].

В целом Владимир Жириновский действительно регулярно поднимал тему безработицы в России. В его оценках она рассматривалась не как абстрактный экономический показатель, а как конкретная социальная проблема, тесно связанная с положением регионов, внутренней диспропорцией рынка труда и миграционными процессами. При этом особый акцент он делал именно на молодежной безработице [4]. Такой подход был логичен — молодые люди чаще других сталкиваются с дефицитом стажа, нестабильной занятостью, временными контрактами и трудностями первого трудоустройства, и это делает их наиболее уязвимой группой на рынке труда.

Жириновский подчеркивал приоритет комплексного подхода к решению социальных проблем — отдельная мера редко дает прочный эффект, если смежные сферы остаются без внимания. Это подтверждается самой практикой социальной политики — у человека есть работа, но нет доступа к лечению, его трудовая устойчивость снижается; есть диплом, но образование не дает прикладных навыков, шансы на занятость невысокие; доход маленький, а жилищный вопрос не решен, растет бытовая нестабильность семьи.

Поэтому, по мнению Жириновского, государственная политика не должна ограничиваться только трудовым законодательством. Нужен более широкий контур. В него должны входить образование, здравоохранение, жилищная политика, поддержка семьи и система социального обеспечения. Эти элементы связаны не формально. Рынок труда зависит от качества подготовки кадров, а демография зависит от доступности медицины, детской инфраструктуры и уровня семейной поддержки. Социальная защищенность пенсионеров и инвалидов напрямую зависит от предсказуемости выплат, цен на базовые услуги и наличия адресной помощи.

Именно поэтому Жириновский настаивал не на точечных решениях, а на системе мер. Государство, в его понимании, обязано действовать последовательно и целно — необходимы понятные правила занятости; образование, связанное с запросом экономики; механизмы поддержки для семей с детьми, пенсионеров, инвалидов и граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации [1].

Такой подход он связывал не с отвлеченной схемой, а с управленческой реальностью. Когда меры согласованы между собой, снижается риск, что проблема просто переместится из одной сферы в другую. Комплексные решения формируют более устойчивую социальную среду. Это уменьшает напряжение, усиливает внутреннюю стабильность и создает более надежную базу для долгосрочного развития страны.

Государство обязано создавать условия, при которых труд дает человеку предсказуемый доход, а не только формальное место работы.

Также стоит отметить, что Жириновским систематически предлагались законопроекты в области социально-трудовых отношений. К наиболее значимым можно отнести проекты, регулирующие вопросы:

- квотирования рабочих мест для выпускников — в 2013 году был внесен законопроект, обязывающий предприятия со штатом более 100 человек выделять 1% мест для выпускников вузов и колледжей без опыта работы;
- присвоения статуса «Ветеран трудовой деятельности», с предоставлением соответствующих льгот, для людей с большим стажем (30–35 лет) на федеральном уровне, независимо от наличия ведомственных наград;
- приоритетного права граждан России на получение рабочих мест — за счет ввода жестких квот на иностранную рабочую силу и плату для работодателей за каждого нанятого мигранта, чтобы сделать наем местных жителей более выгодным.

Таким образом, мнение и идеи Жириновского остаются актуальными и в настоящее время, не теряя своей важности и необходимости совершенствования правовых механизмов в области социально-трудовых отношения.

Список литературы

1. Афанасьева Е.В., Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А. Геостратегические регионы мира: методика исследования и анализ. — М., 2020. — 200 с.
2. Булавина М.А., Новосельский С.О., Попова С.А. Стратегические цели и тактические приоритеты управления городом в условиях геополитической напряженности // Вестник евразийской науки. — 2022. — Т. 14. — №3.
3. Жириновский, В.В. Мысли об экономике / В.В. Жириновский. — М.: Издание Либерально-демократической партии России, 2016. — 128 с.
4. Жириновский, В.В. Уроки истории и современность / В.В. Жириновский. — М.: УМЦ, 2021 (в контексте роли образования и управления).
5. Жуков, В.И. Некоторые вопросы трансформации права в эпоху цифровизации: действующие нормы, отклонения и вектор развития / В.И. Жуков, М.В. Раттур // Государство и право. — 2022. — № 10. — С. 129–140.
6. Парламентская газета. — URL: <https://www.pnp.ru/politics/zhirinovskiy-rasskazal-kak-reshit-problemu-deficita-rabochey-sily-v-megapolisakh.html>.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

В.А. Власенко

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

EVIDENCE IN THE CIVILISTIC PROCEEDINGS

V.A. Vlasenko

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines,
V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow

Аннотация. Предметом изучения данной научной статьи является понятие «доказательства» и процессуальное значение доказательств и доказывания в гражданском процессе, а также история развития института доказывания в российском гражданском судопроизводстве.

Ключевые слова: доказательство, доказывание, гражданский процесс, судопроизводство, факты.

Abstract. The subject of this scientific article is the concept of «evidence» and the procedural significance of evidence and proof in civil proceedings, as well as the history of the development of the institution of proof in Russian civil proceedings.

Key words: proof, the process of proving, civil procedure, legal proceedings, facts.

В дореволюционной процессуальной литературе существовало три основных направления в определении доказательств. Доказательства определялись как данные, которые сторона представляет суду с целью убедить его в истинности факта¹. Доказательства рассматривались как средства, с помощью которых стороны убеждают судей в правильности своих утверждений².

Понятие «доказательства» исследовалось многими учеными, поскольку правильное его толкование имеет непосредственное отношение к качеству разрешения гражданских дел, законности и обоснованности их решений. Несмотря на то, что законодатель, определил это понятие путем легальной дефиниции, однако дискуссии по этому поводу не только не уменьшались, но и получили дальнейшее развитие.

Некоторые исследователи рассматривали доказательства в узком и широком смысле. В широком смысле доказательства — установление истины (соответствия между утверждением и действительностью). В этом смысле доказывание имеет место во всех научных дисциплинах и в теории логики. В юридическом смысле (узком) доказательства — это то, что служит убеждению судей в истинности утверждений сторон. В понятие доказательств в юридическом смысле включали три аспекта:

- средства, которыми пользуются стороны для убеждения суда в истинности своих утверждений;
- основания определения судом тех или иных утверждений, находящихся вне спора;
- процесс доказывания, ведущий к достижению указанной цели³.

Е.В. Васьковский, не формулирует четкой дефиниции «доказательства», к разрешению данной проблемы он подошел проведя, исследование через его виды. Так, в ходе исследования данный автор пришел к выводу, что они бывают — вещественными и личными. Вторые он подразделяет на устные и письменные. То, что касается личных доказательств, то Е.В. Васьков-

¹ Гольмстен А.Х. Программа по русскому гражданскому судопроизводству. — Пг., 1915. — С. 205.

² Яблочков Т.М. Учебник русского гражданского производства. — Ярославль, 1912. — С. 86.

³ Гамбаров Ю.С. Гражданский процесс. Ч. 2. 1894–1895. — С. 1.

ский, отмечает, что это возможно тогда, когда суд лично удостоверяется в состоянии и свойствах предметов, относительно которых существуют заявления сторон⁴.

В более поздней гражданской процессуальной литературе суть дискуссии отражали следующие положения. Отдельные авторы рассматривали судебные доказательства как известные факты, с помощью которых возможно установление неизвестных искомых фактов. Судебным доказательством, по мнению С.В. Курылева, является факт, полученный из предусмотренных законом источников и предусмотренным законом способом, находящимся с искомым в судебном процессе фактом в определенной связи, благодаря которой он может служить средством установления объективной истинности искомого факта. Сущность доказательств заключается в наличии связи известного нам факта — доказательства с неизвестным искомым фактом. Известные явления, при помощи которых суд, основываясь на знании объективных связей, явлений, познает неизвестное, служат средством установления объективной истинности наличия или отсутствия искомых фактов, т.е. доказательствами⁵.

А. Ф. Клейнман отмечал, что определение, данное С.В. Курылевым, страдает односторонностью и неполнотой, поскольку автор не учитывал того обстоятельства, что факты без процессуальных средств доказывания не могут быть вовлечены в процесс⁶.

М.К. Треушников ссылается на допустимость доказательств, которая не связана с фактическими данными, а имеет отношение к процессуальной форме доказательств, т.е. к средствам доказывания⁷.

М.Х. Хутыз полагал, что сведения о фактах отдельно от средств доказывания, равно как и последние отдельно от сведений о фактах не могут быть доказательствами⁸.

Представители другого направления рассматривали судебные доказательства, как явления, имеющие двойственную природу: судебное доказательство имеет два значения, которые употребляются как синонимы: доказательственные факты и источники доказательств⁹.

Гражданско-процессуальное понятие «доказательства» рассматривается С.П. Ворожбит с точки зрения его соотношения с таким же понятием, как и в логике. По ее мнению, доказательства — это сведения, на основании которых суд определяет наличие конкретных обстоятельств, или возможное их отсутствие, обосновывающие требования или возражения сторон, а также других обстоятельств, имеющих большое значение для правильного и справедливого рассмотрения и разрешения спора. В качестве итогового вывода автор отмечает, что доказывание в логике и в судебном процессе имеет одну единственную цель — убеждение¹⁰.

К средствам получения судом истинного знания о фактах, имеющих существенное значение для разрешения спора, сводит понятие доказательства в гражданском процессе Ф.Н. Фаткуллин¹¹.

Доказательствами, как отмечает А.К. Сергун, называют, кроме того, и каждое средство доказывания в целом (представление сторонами письменного документа, а также получение судом заключения эксперта), а также отдельно те сведения об обстоятельствах дела, которые получает суд из их анализа¹².

⁴ Гражданский процесс. Учебник гражданского процесса / Е.В. Васьковский. — М., 1917. — С. 101.

⁵ Курылев С.В. Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе. — М.: Наука, 1953. — С. 9.

⁶ Клейнман А.Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. — М.: Наука, 1967. — С. 51.

⁷ Треушников М.К. Доказательства и доказывание в советском гражданском процессе. — М.: Изд-во МГУ, 1982. — С. 9.

⁸ Хутыз М.Х. Общие положения гражданского процесса: Историко-правовое исследование. — М.: Наука, 1979. — С. 88.

⁹ Гражданский процесс: учебник / под ред. В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. — М.: АСТ, 1996. — С. 187.

¹⁰ Ворожбит С.П. Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.15. — СПб., 2011. — С. 33.

¹¹ Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. — Казань, 1973. — С. 44.

¹² Гражданское процессуальное право: учебник / С.А. Алехина, В.В. Блажеев и др.; под ред. М.С. Шакарян. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. — С. 211.

Лукьянова И.Н., в своей работе, «Доказательства в арбитражном процессе» сами доказательства определяет как средства, с помощью которых, в первую очередь, стороны аргументируют свои доводы для арбитражного суда в качестве обоснования своих возражений или требований. Ею выделены три составляющие, которые имеют большое значение для определения доказательства в качестве судебного, во-первых, наличие самой информации (имеется ввиду или фактических данных, или сведений), которые имеют значение для разрешения спора; во-вторых, материального носителя информации (однако она не указывает, что следует понимать в данном случае под материальным носителем, документ, или возможно флешка, компакт диск и т.п.), дающего возможность сохранить информацию и воспроизводить ее в судебном заседании, в третьих, процессуальной формы получения информации, имеющей значение для разрешения дела¹³.

Цюра Т.В. отстаивает точку зрения, согласно которой доказательство является отдельным элементом средства доказывания и несет в себе информацию об обстоятельствах дела, с существованием этого обстоятельства лицо связывает возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей¹⁴.

Отличительное мнение от вышеизложенных представлений о понятии доказательство высказал процессуалист В.В. Молчанов, который полагает, что доказательства — универсальный способ опосредованного познания, который используется в разных отраслях человеческой деятельности, в том числе и судопроизводства¹⁵.

В литературе дискуссии порождает и положение о том, являются ли доказательственные факты или сведения о доказательственных фактах доказательствами по гражданскому делу.

Так, К.И. Комиссаров определяет судебные доказательства как полученные в строгом процессуальном порядке и с помощью предусмотренных законом средств сведения о фактах или сами факты, на основе которых суд устанавливает обстоятельства, необходимые для правильного разрешения дела¹⁶.

М.К. Треушников утверждает, что сведения о доказательственных фактах, полученные с помощью предусмотренных в законе средств доказывания, являются судебными доказательствами¹⁷.

Ю.К. Осипов полагает, что фактические данные, являющиеся судебными доказательствами, выступают в судебном процессе либо в виде сведений об интересующих суд фактах, получаемых с помощью средств доказывания из источников доказательств, либо в виде доказательственных фактов¹⁸.

С.С. Алексеев в понятие «доказательство» включает сведения о фактах и доказательственные факты¹⁹.

И.В. Решетникова поясняет, что между доказательством и фактом реальной действительности нельзя ставить знак равенства, нельзя приравнивать сведения о доказательственном факте к самому доказательственному факту. И доказательство, и сведения о доказательственном факте — суть отражения фактов объективной реальности. Основанием для такого вывода служит теория отражения, согласно которой факт объективной реальности является объектом отражения, сведения о фактах — образы этих фактов, возникшие в результате восприятия. Объект отражения и его образ далеко не всегда идентичны,

¹³ Лукьянова И.Н. Доказательства в арбитражном процессе. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.15. — М., 2003. — С. 61.

¹⁴ Цюра Т.В. Субъекты доказывания и оценка доказательств в гражданском процессе: дис. ... канд. юридических наук: 12.00.03. — Киев, 2005. — С. 41.

¹⁵ Собирающие доказательства в гражданском процессе / В.В. Молчанов. — М.: Изд-во МГУ, 1991. — С. 21.

¹⁶ Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства / К.И. Комиссаров. — Свердловск, 1971. — С. 87.

¹⁷ Треушников М.К. Доказательства и доказывание в советском гражданском процессе. — М.: Изд-во МГУ, 1982. — С. 15.

¹⁸ Осипов Ю.К. Судебные доказательства // Советское гражданское процессуальное право. — М.: Юрид. лит., 1965. — С. 145.

¹⁹ Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. — Свердловск, 1972. — Т. 2. — С. 243.

ибо на процесс отражения влияет множество обстоятельств, в том числе особенности источника информации²⁰.

Таким образом, доказательствами по гражданскому делу являются сведения о фактах, подлежащих установлению для разрешения гражданского дела, полученные из указанных в законе средств и в порядке, предусмотренном ГПК РФ.

На основе понятия «доказательство» лежат сведения, под которыми понимаются:

- сведения о фактах (обстоятельствах), с помощью которых происходит обеспечение доказывания обстоятельствами, подлежащими установлению по гражданскому делу;
- фактические данные, факты, включая данные доказательственного характера (промежуточные или вспомогательные).

²⁰ Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе. — М.: Юрайт, 2019. — С. 118.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ LEGAL TECH)

А.А. Гаврилов

аспирант,

Курский государственный университет, Курск.

tutakim@vk.ru

THE USE OF MODERN TECHNOLOGIES IN LAWMAKING (USING LEGAL TECH AS AN EXAMPLE)

А.А. Gavrilov

Postgraduate student,

Kursk State University, Kursk

tutakim@vk.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы использования технологии Legal Tech в правотворчестве. Определены подходы к его определению в контексте его применения. Выявлены основные тенденции и перспективы развития Legal Tech, а также его влияние на правотворческую деятельность. Отдельное внимание уделено проблемным аспектам данной технологии.

Ключевые слова: правотворчество, Legal Tech, искусственный интеллект, цифровые технологии, право, общество, цифровая среда.

Abstract. This article examines the use of legal technology in lawmaking. Approaches to defining it in the context of its application are identified. The main trends and prospects for the development of legal technology, as well as its impact on lawmaking, are identified. Special attention is given to the problematic aspects of this technology.

Key words: lawmaking, legal tech, artificial intelligence, digital technologies, law, society, digital environment.

Цифровая среда диктует новые правила общественных отношений, а использование инновационных продуктов постепенно приводит к новым стандартам ведения юридической деятельности. В связи с этим рассматривать трансформацию правотворческой деятельности необходимо от начала выявления самой сути информационных технологий, применяемых в данном процессе, до предметного анализа конкретных технологических новшеств, одним из которых является технология Legal Tech, продолжающая идти по пути развития аналитических систем.

В настоящее время технологию Legal Tech относят к правовой (юридической) технологии. Также как и технология Big Data (большие данные), она не обладает единым научным определением. В широком значении под данной технологией понимают разнообразный круг технологических решений, необходимых для эффективной деятельности различных субъектов. В узком значении технология Legal Tech рассматривается как один из инновационных инструментов в профессиональной деятельности юристов. Или как цифровая технология, применяемая в юридической практике, построенная на продуктах искусственного интеллекта. Так, А.Н. Митин Legal Tech относит к бизнес-системе, «специализирующейся на информационно-технологическом обслуживании профессиональной юридической деятельности» [3, с. 82]. По мнению М.Е. Косова, Legal Tech — «это юридические технологии для юристов» [2, с. 19]. А с позиции С.Ф. Афанасьева данную технологию можно отнести к особой области, поддерживающей юридический процесс в технологическом отношении. Тем не менее, следует учитывать «что в качестве потребителей юридических услуг и продуктов выступает широкий круг субъектов экономических отношений. С этой точки зрения Legal Tech непосредственно затрагивает интересы не только юристов-профессионалов, но и тех, которые зависят от работы последних» [5, с. 154]. В целом Legal Tech включает в себя различные платформы, программы, продукты и инструменты, направленные на упрощение и модернизацию процес-

сов, связанных с профессиональной деятельностью юристов. Наиболее показательным отечественным примером данной технологии являются «сервисы известных справочно-правовых систем, предлагающих проверку контрагентов, составление проектов договоров, подбор судебной практики по конкретному делу и т.д.» [7, с. 203].

Теоретическое толкование технологии Legal Tech в основном опирается на такие понятия, как «машиночитаемое право», «цифровое право», «информационное право». Приоритет в ряду упомянутых категорий принадлежит машиночитаемому праву, так как оно, как выражение Legal Tech, имеет наибольшую перспективу в своем развитии. Основная задача машиночитаемого права заключается в том, «чтобы законы могли прочитываться и применяться машинами» [4, с. 235]. В целом оно является инструментом технологии Legal Tech, способным обнаружить коллизии в законах в процессе правотворчества. Актуальность машиночитаемого права очевидна. Достаточно упомянуть платформу «Нормотворчество», созданную для осуществления взаимодействия участников нормотворческой деятельности в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика». Однако, несмотря на существование разработанной концепции развития машиночитаемого права и практический опыт применения, все же повсеместного использования данного инструмента Legal Tech на государственном уровне пока не наблюдается вследствие различных причин социально-экономического, технического, технологического и правового характера. Отсюда в современных реалиях выявляется двойственность восприятия машиночитаемого права. Так, с одной стороны, его огромные возможности и ресурсы, а с другой — проблемы его интеграции. В силу все же большого потенциала и перспектив развития самой технологии Legal Tech целесообразным представляется внедрение данной инновации в правотворческую деятельность. Данное обстоятельство «должно преследовать адаптационную цель для всех участников нормотворческих и правоприменительных процессов» [5, с. 157].

Необходимо отметить, что помимо положительных аспектов применения данной технологии, существует ряд рисков, сопряженных с данной инновацией. Наиболее показательный из них связан с технологиями искусственного интеллекта, на который опираются программы Legal Tech. Широко распространенное мнение, что искусственный интеллект может полностью заменить человека, не соответствует действительности. Ключевая роль в цифровой среде все еще принадлежит человеку. А сами технологии, по большому счету, создаются для обеспечения его удобства и не претендуют на его замену. Отсюда рассматриваемая технология Legal Tech может выступать лишь в роли инструмента, способного повысить качество и скорость в процессе построения юридической деятельности.

Технология Legal Tech дает возможность упростить и оптимизировать правотворческую деятельность. В самом деле, постепенное внедрение процессов автоматизации в правотворчество дает возможность совершить подготовку, согласование и принятие нормативно-правовых актов в более сжатые сроки и на более качественном уровне. Как отмечает Д.С. Гвоздецкий, «запускаются новые юридические онлайн-сервисы, появляются разнообразные площадки, которые способствуют совершенствованию алгоритма предсказания воздействия нормативного правового регулирования на общественные отношения» [1, с. 260].

В условиях цифровой среды, под влиянием которой меняются сами общественные отношения, значимым является то, чтобы в процессе разработки и оценки правовых норм, начиная от проведения экспертизы и заканчивая правовым контролем, объединялись все информационные технологии. Модернизация методического обеспечения правотворческого процесса в рамках цифровой трансформации способствует оптимизации, как существующего правового регулирования, так и его развития на перспективу. Электронные системы ведут к совершенствованию отечественной законодательной базы, что, в свою очередь, влияет и на сам процесс создания нормативно-правовых актов. Однако необходимо установить четкую процедуру перевода правовых норм на цифровой язык и определить параметры использования искусственного интеллекта и его продуктов.

Инновационная технология Legal Tech создает условия и дает возможность для проведения диагностики всего действующего свода нормативно-правовых актов. Также способствует проведению как правовой, так и антикоррупционной экспертизы. С точки зрения Д.С. Гвоздецкого, «цифровизация нормотворчества — важное направление и логическое продолжение

существующих в России тенденций по направлению Legal Tech. Это большой шаг в сторону повышения качества, как законотворческой, так и нормотворческой работы, быстрого устранения пробелов и противоречий, мониторинга и анализа нововведения» [1, с. 261]. В самом деле, технологические инновации позволяют провести целостный анализ действующей нормативно-правовой базы и в конечном итоге не допустить «лишних» законопроектов, а также в полной мере использовать ресурсы существующего регулирования. Следовательно, цифровая трансформация правотворчества обладает потенциалом, заключающемся в существенном уменьшении возможных ошибочных действий в процессе подготовки правовых документов.

Информационные технологии способны перевести законодательные документы в машиночитаемый вид, что, в свою очередь, может повысить результативность, заключающейся в скорости выполнения следующих задач: правовой контроль для выявления правотворческих ошибок, подготовка правотворческих предписаний и само содержание правового документа, его дальнейшая характеристика в контексте правовой, антикоррупционной и других видов экспертизы. В то же время применение Legal Tech в правотворческой деятельности имеет ряд недочетов как правового, так и технологического содержания. Обратим внимание на самые значительные из них.

Возможным представляется искажение информации в процессе ее перехода из бумажного вида в цифровой формат, что, в свою очередь, может сказаться на содержании самих документов законодательного характера. Отсюда важным моментом является создание условий, способствующих корректному переходу от бумажного формата к цифровому в процессе создания правовых документов при помощи искусственного интеллекта. Кроме того, «представляется затруднительным осуществлять анализ нормативных правовых актов с использованием технологий искусственного интеллекта в автоматическом режиме» [1, с. 261]. Вместе с тем отсутствует ясное понимание единой формы правовых документов для возможности их хранения в цифровой среде. Однако, несмотря на определенную проблематичность применения Legal Tech, все же данная технология в правотворческой деятельности, основанная на сложных технологических системах, позволит в ближайшей перспективе продуктивнее организовать как проведения анализа, так и реформирование действующих правовых систем. Работа над нормативно-правовыми актами сможет носить более слаженный и качественный характер. Кроме того, использование Legal Tech в правотворческой деятельности в перспективе может стать востребованной в процессе анализа большого массива правовых законов и актов в контексте разработки новых законопроектов.

Таким образом, необходимо принимать во внимание все технологические разработки современного времени и активизировать их в правотворческий процесс. Кроме того, для эффективного внедрения рассматриваемой инновационной технологии Legal Tech необходимо учитывать два ключевых фактора. Первый заключается в подготовке новых специалистов с соответствующими компетенциями, способных применять данную технологию в правотворческой деятельности. Вторым требованием является создание необходимых условий для эффективного развития как экономического, так и технологического сектора государства. Кроме того, важно на законодательном уровне зафиксировать «гарантии соблюдения прав и свободы человека и гражданина в процессе использования технологий Legal Tech» [6, с. 73].

В настоящее время Legal Tech-цифровые решения необходимо воспринимать как инструменты для повышения эффективности правотворческой деятельности на всех ее этапах через автоматизацию ее процессов. Очевидно, что одна из ключевых ролей будет принадлежать искусственному интеллекту. Но важно принимать во внимание, что в ближайшей перспективе появятся множество других инновационных технологий, способных также существенным образом повлиять на процесс трансформации правотворческой деятельности.

Список литературы

1. *Гвоздецкий Д.С.* Legal Tech, как одно из перспективных направлений в ведомственном нормотворчестве // *Право и государство: теория и практика.* — 2020. — № 1(181). — С. 260–262.
2. *Косов М.Е.* Рынок Legal Tech: обзор и перспективы развития // *Международный журнал гражданского и торгового права.* — 2019. — № 2. — С. 19–29.

3. Митин О.Н. О процессах внедрения в юриспруденцию новых информационных технологий // Российское право: образование, практика, наука. — 2019. — № 3. — С. 82–86.
4. Понкин И.В. Концепт машиночитаемого права // Юридическая техника. — 2021. — № 15. — С. 231–236.
5. Савенко Н.Е. Legaltech в цифровой экономике и правовом регулировании экономической деятельности граждан // Право. Журнал высшей школы экономики. — 2023. — Т. 16. — № 1. — С. 145–171.
6. Шельменков В.В. Legal tech революция: как искусственный интеллект меняет юридическую сферу // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции (г. Казань, 20 сентября 2024 г.) / под ред. И.Р. Бегишева, Е.А. Громовой, М.В. Залоило, И.А. Филиповой, А.А. Шутовой. В 6 т. — Т. 5. — Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2024. — EDN: KVBLYP. — http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0845-1_5 — 1 CD-ROM. — Загл. с титул. экрана. — Текст: электронный. — С. 72–77.
7. LegalTech, FinTech, RegTech etc.: правовые аспекты использования цифровых технологий в коммерческой деятельности: коллективная монография / рук. авт. кол. и науч. ред. М.А. Рожкова. — М.: Статут, 2021. — 310 с.

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕДУР БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ ИПОТЕКУ, НА СЕКТОР ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ

Д.О. Гукасов

аспирант,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

gukasovdo@gmail.com

Т.А. Трясугина

магистрант,

АНО ВО «РОСНОУ», Москва

ttryasugina@bk.ru

THE IMPACT OF BANKRUPTCY PROCEDURES FOR INDIVIDUALS WITH MORTGAGES ON THE MORTGAGE LENDING SECTOR

D.O. Gukasov

Postgraduate student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

gukasovdo@gmail.com

T.A. Tryasugina

Master's student,

ANO VO «ROSNOU», Moscow

ttryasugina@bk.ru

Аннотация. В условиях устойчивого роста объемов ипотечного кредитования и параллельного увеличения числа дел о банкротстве физических лиц в России возникает системный риск для стабильности финансовой системы. Особую актуальность приобретает анализ влияния процедур несостоятельности заемщиков на ипотечный сектор, учитывая коллизию между правом граждан на жилище и имущественными интересами банков. Несмотря на наличие работ, посвященных банкротству, комплексный анализ взаимосвязи между динамикой банкротств, показателями ипотечной задолженности и политикой сохранения единственного жилья должника остается недостаточно изученным. Проведен анализ статистических данных за 2020–2024 гг. и изучены законодательная база и судебная практика, включая позицию Верховного Суда РФ. Установлено, что, несмотря на рост числа банкротств, доля просроченной ипотечной задолженности демонстрирует тенденцию к снижению. Выявлено, что современная судебная практика ориентирована на поиск компромиссов, позволяющих сохранить за должником единственное жилье без грубого нарушения прав кредитора. Основными инструментами выступают реструктуризация долгов и мировое соглашение, однако их применение остается ограниченным (реструктуризация инициируется лишь в 15–17% случаев). Показано, что удовлетворение требований кредиторов в процедурах банкротства часто незначительно, что делает данный механизм малопривлекательным для банков в краткосрочной перспективе, но способствует долгосрочной стабильности кредитной системы за счет сохранения платежеспособного клиента.

Ключевые слова: банкротство физических лиц, несостоятельность, ипотечное кредитование, залоговое имущество, единственное жилье, реструктуризация долгов, мировое соглашение, просроченная задолженность.

Abstract. With the steady growth of mortgage lending and the parallel increase in the number of personal bankruptcy cases in Russia, a systemic risk to the stability of the financial system is emerging. Analysis of the impact of borrower insolvency proceedings on the mortgage sector is particularly relevant, given the conflict between individuals' rights to housing and banks' property interests. Despite existing studies on bankruptcy, a comprehensive analysis of the relationship between bankruptcy dynamics, mortgage debt indicators, and policies for preserving the debtor's sole residence remains understudied. This article analyzes statistical data for 2020–2024 and examines the legislative framework and judicial practice, including the position of the Supreme Court of the Russian Federation. It was found that, despite the rising number of bankruptcies, the share of overdue mortgage debt is declining. It is also revealed that modern judicial practice is focused on finding compromises that allow debtors to retain their sole residence without grossly infringing on the creditor's rights. The main instruments are debt restructuring and settlement agreements, but their use remains limited (restructuring is initiated in only 15–17% of cases). It has been shown that the satisfaction of creditors' claims in bankruptcy proceedings is often insignificant, making

this mechanism unattractive for banks in the short term, but it contributes to the long-term stability of the credit system by maintaining solvent clients.

Key words: bankruptcy of individuals, insolvency, loan, mortgage, pledge of property, mortgage lending, the only housing.

Современная российская экономика характеризуется сложным переплетением тенденций в сфере кредитования населения, где устойчивый рост объемов ипотечного кредитования соседствует с резким увеличением количества дел о несостоятельности физических лиц. Эта дихотомия создает системные риски для финансовой стабильности, требуя комплексного анализа влияния процедур банкротства на ипотечный сектор. Институт банкротства физических лиц обладает существенными отличиями от несостоятельности юридических лиц, прежде всего в своей социальной и реабилитационной направленности. Если в корпоративных процедурах приоритетом является максимальное удовлетворение требований кредиторов, то в случае с гражданами законодатель и судебная практика стремятся найти баланс между интересами кредитора (банка) и необходимостью обеспечить должнику и его семье право на жилище.

Правовой основой банкротства в Российской Федерации выступает Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее — Закон о банкротстве). В отношении физических лиц закон предусматривает две основные процедуры: реструктуризацию долгов и реализацию имущества. Для инициирования любой из них должник должен соответствовать ряду признаков, некоторыми из которых являются наличие задолженности свыше 500 тысяч рублей и ее непогашение в течение трех месяцев.

Анализ статистических данных выявляет ярко выраженную тенденцию к росту числа дел о банкротстве граждан. Если в 2020 году их было зарегистрировано 119 049, то к 2024 году этот показатель вырос до 431 942, увеличившись более чем в 3,5 раза, как представлено на рис. 1. Такой взрывной рост свидетельствует о накоплении значительной долговой нагрузки у населения и о возрастающей популярности данного механизма как способа решения финансовых проблем. При этом, как справедливо отмечают В.А. Анисимов и Г.В. Чумаков, установленный законом порог задолженности в 500 тысяч рублей на фоне постоянной инфляции уже не воспринимается как «крупный», что делает процедуру доступной для все более широкого круга лиц [1, с. 179].

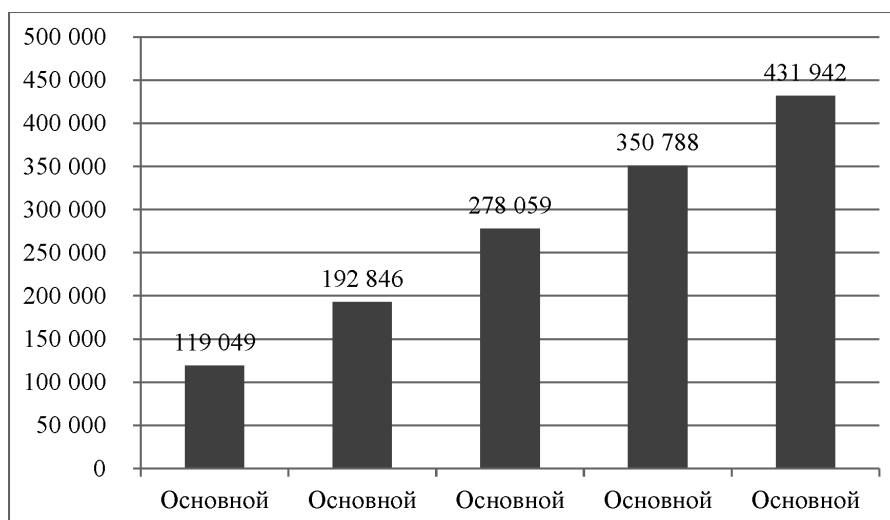

Рис. 1. Количество дел о несостоятельности (банкротстве) физических лиц за период 2020–2024 гг.
(источник: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации.
Данные судебной статистики²)

¹ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 29.05.2024). // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения 20.02.2026).

² Данные судебной статистики. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. — URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения 20.02.2026).

Параллельно с этим рынок ипотечного кредитования демонстрировал нелинейную динамику, что визуализировано на рис. 3. После роста в 2020–2021 годах в 2022 году последовал спад, вызванный макроэкономической нестабильностью. Однако уже в 2023 году наблюдался резкий скачок до 7,9 трлн руб., что свидетельствует о высокой волатильности рынка и его чувствительности к внешним проблемам. Наблюдаются тенденции на снижение доступности жилья, обусловленные растущим разрывом между стоимостью недвижимости и доходами граждан [4, с. 47]. Такой разрыв и компенсируется активным использованием ипотечных инструментов, что, в свою очередь, повышает риски для кредитных организаций. А.А. Гуковская и В.А. Шумский подчеркивают, что развитие потребительского кредитования, включая ипотеку, наиболее активно осуществляется в периоды экономических кризисов, а «покупка в кредит неразрывно сопряжена с увеличением фактической стоимости товара, что не только количественно, но и «качественно» увеличивает прибыль кредитных и торговых организаций» [5, с. 85], таким тенденцией создают системное противоречие между стремлением банков к росту прибыли и растущими рисками неплатежеспособности заемщиков.

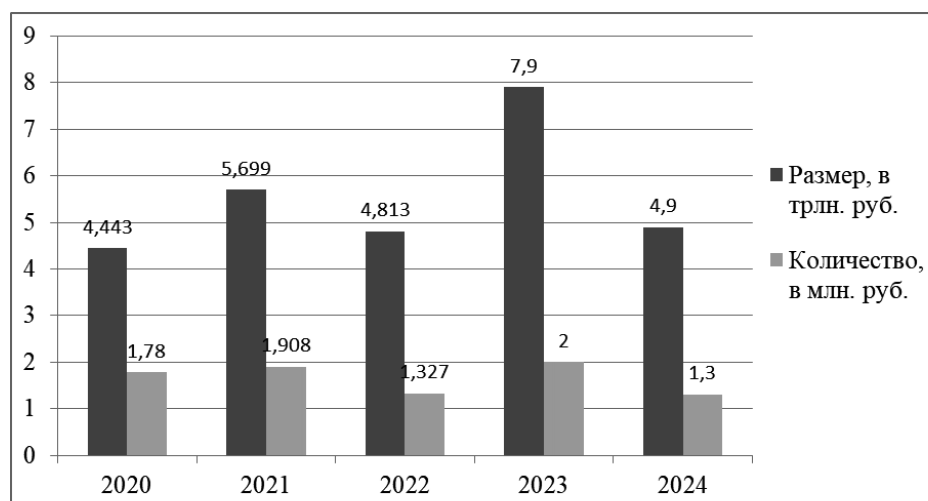

Рис. 2. Размер и количество выданных ипотечных кредитов физическим лицам за период с 2020–2024 гг. (источник: Минстрой России. Ипотечное кредитование³)

На этом фоне особенно показательной является динамика просроченной задолженности, которая представлена на рис. 3 и 4. Несмотря на рост абсолютного объема просроченной задолженности в 2024 году, ее доля от общего объема ипотечного портфеля остается на исторически низком уровне, демонстрируя тенденцию к снижению. Высокое качество ипотечного портфеля российских банков является существенным фактором, который не позволяет ипотечным рискам оказывать дестабилизирующее влияние на устойчивость банковской системы в краткосрочной перспективе. Более того, объем созданных банками резервов на возможные потери по ипотечной задолженности значительно превышает объем просроченной задолженности, что создает дополнительный буфер безопасности [8, с. 171]. Однако данная стабильность может быть обманчивой в долгосрочной перспективе, как отмечает С.Е. Блохина, проблемы с обслуживанием ссудной задолженности имеются и в сегменте кредитования физических лиц, где к первой категории качества относятся всего 1,1% выданных кредитов, а доля ссуд, которые обслуживаются с проблемами, составляет 9,2% [3, с. 108]. О.В. Савчина и В.Ю. Товмасян акцентируют внимание на том, что риск признания залогодержателя банкротом носит пролонгированный характер и растягивается на весь срок действия ипотечного договора. Неплатежеспособность граждан, как отмечают исследователи, может наступить в любой период жизни вследствие бытовых проблем, увольнения с работы и затягивания поиска новой, что приводит к потере источника постоянного дохода [15, с. 78].

Основной особенностью банкротства гражданина с ипотечными обязательствами является правовой режим предмета залога. В соответствии со статьей 446 Гражданского процессуаль-

³ Ипотечное кредитование. // Минстрой России. — URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/zhilishnaya-politika/7/> (дата обращения 20.02.2026).

ного кодекса Российской Федерации, единственное пригодное для постоянного проживания жилье не подлежит взысканию. Однако данная норма содержит исключение, а именно на жилье, обремененное ипотекой, это положение не распространяется [17, с. 84]. Таким образом, ипотечная недвижимость как имущество должника подлежит включению в конкурсную массу и последующей реализации, даже если является для должника и его семьи единственной. Данная правовая коллизия создает фундаментальный конфликт между конституционным правом на жилище и имущественными интересами залогового кредитора. Правовая природа залоговых правоотношений в банкротстве носит смешанный обязателственно-правовой и ещно-правовой характер, что обуславливает особый, привилегированный статус залогового кредитора [11, с. 220]. Суть данного преимущества заключается в особом правовом положении залогодержателя, так в случае невыполнения или ненадлежащего выполнения должником своих обязательств, он вправе компенсировать свои требования за счет реализации заложенного имущества, при этом его право на удовлетворение имеет приоритет перед аналогичными притязаниями прочих кредиторов собственника этого имущества (залогодателя).

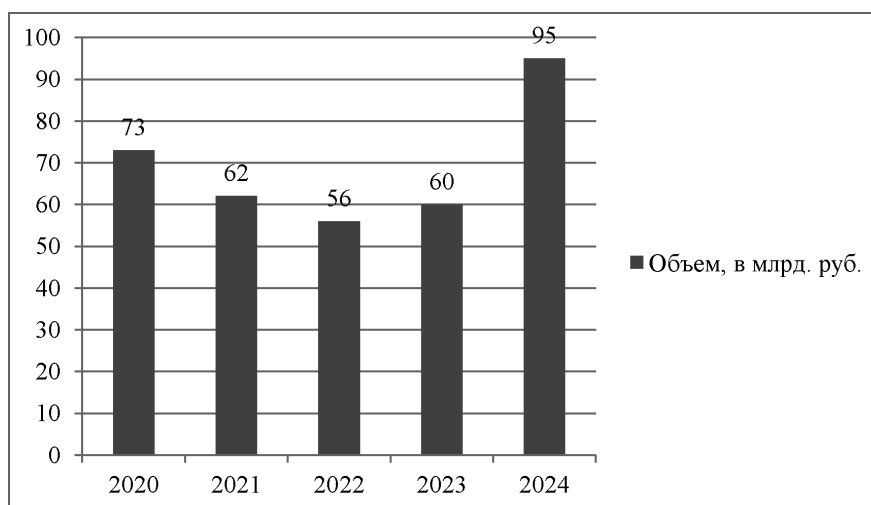

Рис. 3. Объем просроченных ипотечных кредитов за период 2020–2024 гг.
(источник: Frank RG. Просроченная задолженность по ипотечным кредитам⁴).

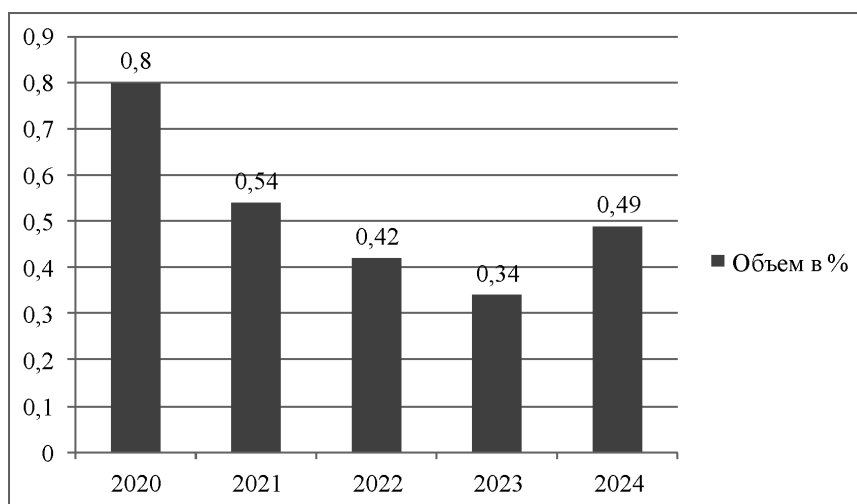

Рис. 4. Процентное соотношение задолженности
от общего объема выданных ипотечных кредитов за период 2020–2024 гг.
(источник: Frank RG. Просроченная задолженность по ипотечным кредитам⁵)

⁴ Просроченная задолженность по ипотечным кредитам. // Frank RG. — URL: <https://frankrg.com/data-hub/category/mortgage/chart/29397> (дата обращения 20.02.2026).

⁵ Там же.

Обладание залоговым имуществом значительно увеличивает вероятность удовлетворения требований кредитора. Согласно данным Единого федерального реестра сведений о банкротстве, доля удовлетворенных требований залоговых кредиторов составляет 32,4%, в то время как требования иных кредиторов удовлетворяются лишь в 2,4% случаев [11, с. 216]. В соответствии со статьей 213.27 Закона о банкротстве, 80% суммы, вырученной от реализации предмета залога, направляется на погашение требований залогового кредитора. Однако, как указывает О.М. Свириденко, процент удовлетворения требований в целом остается низким, и зачастую даже основной долг не покрывается в процессе реализации имущества, что вынуждает кредиторов вести агрессивную политику [16, с. 19].

Отсутствие детального правового регулирования существенно осложняет разрешение таких споров, так задачей судов является поддержание баланса между конституционно защищаемыми ценностями, при этом отсутствие четких критериев понуждает суды прибегать к сложным экспертизам и оценочным процедурам, что затягивает процесс и ставит под угрозу права человека на жилище. Эволюцию судебной практики в сторону большего баланса иллюстрирует позиция ВС РФ. Как верно отмечает в своей работе А.Е. Коада, который указывает, что ВС РФ видит решение дилеммы между правом на жилище и интересами кредитора в заключении мирового соглашения, при котором из конкурсной массы исключаются денежные средства, направленные на осуществление своевременных платежей кредитной организации, а также, в исключительных случаях, и сам предмет залога [9, с. 104]. Вместе с тем в российском законодательстве установлены нормы, определяющие специфические особенности и определенного рода ограничения, которые, с одной стороны, детализируют правовой статус залогового кредитора, а, с другой стороны, минимизируют его залоговые преимущества [2, с. 49].

Следует обратить внимание на проблему правовой неграмотности должников, которые зачастую не осознают всей серьезности производства по делу о банкротстве и того, что их ликвидное имущество, включая залоговое, будет изъято и реализовано. Особую сложность представляют случаи, когда в банкротство вовлечено имущество бывших супругов, Е.К. Корниенко и С.А. Ступина анализируют дискрецию суда в ситуации, когда у бывших супругов, проживающих в разных жилых помещениях, имеется несколько совместно нажитых квартир, и раздел имущества не произведен. Авторы указывают, что ключевое значение имеют случаи, когда залоговая квартира передается супругу, не находящемуся в банкротстве, либо в отношении квартиры заключено мировое соглашение [10, с. 359]. Прецеденты арбитражной практики, такие как определение по делу № А32-26026/2022-03Б/1-УТ Арбитражного суда Краснодарского края, где залоговое имущество было исключено из конкурсной массы по причине заключения мирового соглашения с кредитором, свидетельствуют о смещении акцента с силовой реализации имущества на поиск договоренностей, что соответствует общей тенденции к гуманизации процедуры банкротства физических лиц.

Законодатель закладывает в институт банкротства физических лиц реабилитационную функцию, для этого предусмотрена процедура реструктуризации долгов, которая позволяет должнику, имеющему стабильный доход, восстановить платежеспособность без распродажи имущества, в том числе ипотечного [13, с. 129]. В.В. Юрченко подчеркивает, что производство по делу о несостоятельности направлено не только на списание долгов граждан, но, в первую очередь, носит реабилитационный характер, где процедуры нацелены на восстановление платежеспособности [20, с. 329]. Успешное применение данной процедуры является основным механизмом сохранения залогового жилья. В процессе банкротства проводится процедура реструктуризации долга, которая зачастую представляет собой эффективный механизм восстановления платежеспособности, если у должника имеется стабильный доход, позволяющий производить расчеты с кредиторами [13, с. 129].

Однако на практике потенциал реструктуризации реализуется недостаточно, так доля вводимых судом процедур реструктуризации на протяжении 2021–2023 гг. колебалась в диапазоне всего 15–17%, тогда как около 85% дел сразу переходят к стадии реализации имущества [18, с. 1]. Подавляющее большинство этих дел завершается реализацией имущества должника, то есть распродажей имущества и списанием остатка долга. Подобная тенденция объясняется, по мнению экспертов, снижением реальных доходов граждан и зачастую не-

желанием кредиторов предоставлять продолжительные рассрочки [20, с. 327]. Существует статистика, что решений о введении процедуры реализации имущества должника, минуя процедуру реструктуризации долгов, за последние годы было принято более 80% от общего числа [20, с. 327].

Более гибким и перспективным инструментом представляется мировое соглашение, которое может быть заключено на любой стадии производства по делу, что позволяет сторонам найти индивидуальный компромисс, например, изменить график платежей или снизить процентную ставку, таким образом должник сможет сохранить жилье, а банк получит продолжение обслуживания кредита. ВС РФ в своих определениях (например, № 305-ЭС22-9597 от 27.04.2023) активно поддерживает данный подход, указывая, что утверждение мирового соглашения выступает в качестве одного из способов урегулирования спора, позволяющего соблюсти баланс интересов при условии, что единственное жилье является предметом ипотеки. В 2023 году ВС РФ разъяснил, что заключение мирового соглашения с банком (залогодержателем) позволит должнику сохранить единственное жилье [7, с. 244].

Тем не менее, как отмечают Е.Ю. Демова и К.А. Беляева, далеко не все банки готовы заключать мировые соглашения и идти на уступки, предпочитая стандартную процедуру включения требований в реестр и реализации залога. В большинстве случаев банк-залогодержатель подает заявление о включении в реестр требований кредиторов [7, с. 245]. Перспективы развития этого института связываются с законопроектом №309801-8, принятым Госдумой РФ, который был принят в 2024 году и направлен на специальную защиту ипотечного жилья при банкротстве. В соответствии с его положениями, гражданин получит возможность заключения мирового соглашения именно в отношении единственного ипотечного жилья, что позволит сохранить действие договора об ипотеке и избежать торгов [7, с. 244].

Исследование социально-экономических аспектов проблемы позволяет составить портрет типичного должника, так по данным исследования, это женщина в возрасте 55–64 лет, не состоящая в браке, имеющая на иждивении одного или двух детей, со средним специальным образованием, работающая по найму в сфере услуг с ежемесячным доходом от 20 до 60 тысяч рублей [6, с. 53]. Сумма долга такого заемщика составляет от 200 до 999 тысяч рублей, при этом значительную долю в структуре долговой нагрузки занимают нецелевые кредиты, которые зачастую берутся для погашения первоначального взноса по. Второе место в структуре долга занимают нецелевые кредиты, их доля составляет 34,3%, что обуславливает дополнительный риск возникновения банкротства, так как рост процентных ставок по кредитам выше, чем рост доходов физических лиц [14, с. 57].

Одной из важных причин сложившейся ситуации является проблема финансовой безграмотности населения, люди, не умеющие эффективно управлять своими финансами, часто попадают в долговую ловушку, накапливая обязательства, которые не в силах обслуживать. Это приводит к росту долговой нагрузки, снижению кредитного рейтинга и, в конечном счете, к банкротству. Финансовая безграмотность может привести к массовым долгам и, как следствие, к тому, что кредиторам не удастся вернуть свои кредиты в срок [12, с. 148].

Системный риск для банковского сектора заключается в потенциальной «волне» банкротств, которая может быть спровоцирована резким ухудшением макроэкономической ситуацией. Общее количество ипотечных заемщиков в 2023 году превысило 10 млн человек, что составляет 12% от общего трудоспособного населения, при этом около 2/3 из них имеют задолженность свыше 1 млн руб., а 9% — задолженность в 5 млн руб. Указанные данные свидетельствуют о значительной закредитованности физических лиц и потенциальном риске банкротства клиентов банка, что создает риски для банковской системы в целом [14, с. 57]. Накопление «плохих долгов» на балансах банков, неопределенность в оценке перспектив заемщиков ставят перед кредитными организациями сложнейшую задачу по соотношению риска и достаточности капитала [19, с. 759]. Как отмечает С.К. Дубинин, существовала угроза цепной реакции банкротств целого ряда кредитных организаций, то есть реальная опасность воплощения в жизнь системного риска разрушения банковского сектора [8, с. 174].

Между динамикой просроченной ипотечной задолженности и финансовыми результатами банков наблюдается сильная отрицательная корреляция (–0,9), что делает этот показатель

основным индикатором для прогнозирования [8, с. 181]. В условиях внешнего давления, как отмечают М.С. Шейхова и С.Г. Сафонова, важным фактором давления на российские финансовые институты является практика вторичных санкций, а оценка рисков кредитования требует разработки новых методов преодоления [19, с. 754]. В этой связи правительство России намеренно сократило поддержку сектора ипотечного кредитования, что, с одной стороны, ограничило спрос на ипотеку, с другой — должно снизить рост финансовой нагрузки на население и сократить риск банкротства физических лиц [14, с. 56].

Проведенный анализ был бы неполным без учета региональной специфики и международного контекста. Введение в научный оборот дефиниции «уровень снисходительности/терпимости», которая отражает реальное экономико-социологическое и правовое положение в конкретной стране по основным признакам, таким как наличие прямого банкротства, его приемлемость, цена, сложность и динамика процесса, позволяет провести сравнительную оценку [6, с. 24]. Российская модель, будучи продебиторской, тем не менее, демонстрирует более низкий уровень «снисходительности» по сравнению с теоретическими установками, что подтверждается низкой долей реструктуризаций.

Таким образом, проведенное исследование позволяет констатировать, что влияние процедур банкротства физических лиц на сектор ипотечного кредитования носит сложный, многомерный и во многом противоречивый характер. С одной стороны, наблюдается устойчивая и значительная положительная динамика количества дел о банкротстве, что является индикатором роста долговой нагрузки населения и кристаллизации долговых рисков. С другой стороны, рынок ипотеки демонстрирует волатильность, но сохраняет тенденцию к росту в денежном выражении, что усугубляет разрыв между стоимостью жилья и доходами граждан и закладывает основы для будущих проблем с платежеспособностью. Основным парадоксом текущей ситуации является снижение доли просроченной ипотечной задолженности на фоне роста числа банкротств, это явление может быть объяснено действием нескольких факторов: высоким качеством первоначального отбора заемщиков, созданием банками значительных резервов, поглощающих текущие убытки, а также растянутым во времени характером реализации рисков, при котором финансовые последствия банкротства конкретного заемщика проявляются для банка не сразу. Однако наличие значительной доли кредитов, обслуживаемых с проблемами, указывает на то, что потенциальный пул будущих неплатежей существенно шире официальной просрочки.

Центральной проблемой правового поля остается коллизия между правом на жилище и интересами залогового кредитора, несмотря на формальную возможность изъятия единственного жилья, обремененного ипотекой, судебная практика, инициированная Верховным Судом Российской Федерации, демонстрирует явную эволюцию в сторону поиска компромиссных решений. Реабилитационные процедуры, а именно реструктуризация долгов и, в особенности, мировое соглашение, которые обладают значительным потенциалом для сохранения жилья за должником и поддержания долгосрочных отношений с банком. Однако их практическое применение остается критически ограниченным, что обусловлено как низкими реальными доходами должников, не позволяющими выполнять даже льготные графики платежей, так и консервативной, риск-ориентированной позицией многих кредитных организаций, которые предпочитают сиюминутное, хотя и неполное, удовлетворение требований через реализацию залога долгосрочным договоренностям.

Список литературы

1. Анисимов В.А., Чумаков Г.В. Банкротство физических лиц // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 5-2 (68). — С. 179–181.
2. Афанасьева Е.В., Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А. Геостратегические регионы мира: методика исследования и анализ. — М., 2020. — 200 с.
3. Белоусова В.Р. Особенности правового положения залогового кредитора при банкротстве должника // Аграрное и земельное право. — 2022. — № 2 (206). — С. 49–51.
4. Блохина С.Е. Анализ кредитных рисков ПАО «Сбербанк России» // Вестник экспертного совета. — 2021. — № 1 (24). — С. 106–111.

5. Булавина М.А., Новосельский С.О., Попова С.А. Стратегические цели и тактические приоритеты управления городом в условиях геополитической напряженности // Вестник евразийской науки. — 2022. — Т. 14. — №3.
6. Вовченко Н.Г., Литвинова С.А., Карепина О.И. Риски ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации в современных условиях // Финансовые исследования. — 2021. — № 3(72). — С. 45–55.
7. Гуковская А.А., Шумский В.А. Моделирование финансово-кредитного поведения населения // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». — 2020. — № 1. — С. 82–96.
8. Давыденко В.А., Данилова Е.П., Портняга Е.М. Социально-экономические последствия банкротства физических лиц // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2022. — Т. 8. — № 4. — С. 23–64.
9. Демова Е.Ю., Беляева К.А. Влияние ипотечного кредитования на процедуру банкротства физического лица // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 3(231). — С. 243–246.
10. Дубинин С.К. Финансовая система под давлением санкций: логика противостояния // Россия в глобальной политике. — 2022. — Т. 20. — № 5. — С. 168–187.
11. Коада А.Е. К вопросу о правовом статусе единственного жилья банкрота-залогодателя // Вопросы российской юстиции. — 2024. — № 30. — С. 101–106.
12. Корниенко К., Ступина С.А. Дискреция суда в отношении исключения из конкурсной массы нескольких совместно нажитых жилых помещений в случае, если в них проживают бывшие супруги, для каждого из которых это единственное жилье, и раздел имущества между ними не произведен // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 2(230). — С. 358–360.
13. Левочкина Д.А. Проблемные вопросы удовлетворения требований кредиторов с залоговым обеспечением в процедурах несостоятельности (банкротства) граждан // Вопросы российской юстиции. — 2020. — № 11. — С. 215–226.
14. Макарова Н.В., Мелешкова Т.Ю. Финансовая безграмотность населения: проблемы и последствия // Economy and Business. — 2024. — № 11-2(117). — С. 146–149.
15. Масленникова Л.В., Папов А.А. Особенности проведения процедуры банкротства гражданина // Сибирский академический журнал. — 2023. — Т. 70. — № 40. — С. 128–130.
16. Пятшева Е.Н. Социально-экономические показатели и финансовые аспекты банкротства физических лиц в России // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». — 2024. — № 4. — С. 42–60.
17. Савчина О.В., Товмасын В.Ю. Рынок ипотечного жилищного кредитования России в условиях экономических санкций и коронакризиса // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия: Экономика. — 2022. — № 2(32). — С. 66–82.
18. Свириденко О.М. Концепция несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации: методология и реализация: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2020. 53 с.
19. Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А. Теоретико-методические проблемы формирования национальной идеи Российской Федерации // Актуальные политические и исторические вопросы современности. Сборник статей. — М., 2020. — С.160–176.
20. Чебачева А.А. Ипотечное кредитование в процедуре несостоятельности (банкротства) физических лиц // Электронный научный журнал «Аллея Науки». — 2023. — № 9(84). — URL: https://alley-science.ru/aktualnye_voprosy_politiki_i_prava__9_84__2023/ (дата обращения: 15.11.2025).
21. Швайнер А.А. Проблемы банкротства физических лиц: реструктуризация долга в процедуре банкротства физических лиц как инструмент финансового оздоровления // Universum: экономика и юриспруденция. — 2025. — № 9(131). — URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/20664> (дата обращения: 15.11.2025).
22. Шейхова М.С., Сафонова С.Г. Особенности реализации российской финансовой политики в условиях санкционного давления // Московский экономический журнал. — 2024. — № 4. — С. 746–762.
23. Юрченко В.В. Значение процедуры реструктуризации долгов в деле о банкротстве // Образование и право. — 2023. — № 6. — С. 327–331.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА: ОТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ К ЦИВИЛИЗАЦИОННОМУ ОБНОВЛЕНИЮ ЮРИДИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

А.А. Елаев

старший преподаватель Западного филиала,
РАНХиГС при Президенте РФ, Калининград
elaev@yandex.ru

NATIONAL IDENTITY AS A SOURCE OF LAW: FROM HISTORICAL MEMORY TO THE CIVILIZATIONAL RENEWAL OF LEGAL METHODOLOGY

A.A. Elaeu

Senior Lecturer, Western Branch
RANEPA, Kaliningrad
elaev@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется трансформация национальной идентичности из категории социокультурной в категорию историко-правовую для современного права. Постклассическая юридическая наука, развиваемая в трудах А.В. Полякова, фиксирует кризис формально-догматического правового понимания и усиление запроса на ценностно-ориентированное право, укорененное в исторической памяти и цивилизационном коде народа. Автор анализирует процесс конституционализации исторической памяти в Российской Федерации, рассматривает психологическую теорию права Л.И. Петражицкого и социально-психологическую юриспруденцию П.А. Сорокина как теоретические предпосылки включения идентичности в предмет правового осмысления. Особое внимание уделяется практическим аспектам формирования патриотического правосознания у подрастающего поколения через постижение эволюции отечественной правовой системы.

Ключевые слова: национальная идентичность, историческая память, источники права, постклассическая методология, коммуникативная теория права.

Abstract. This article explores the transformation of national identity from a socio-cultural category into a source-based category for modern law. Post-classical legal science, as developed in the works of A.V. Polyakov, identifies a crisis in formal-dogmatic legal understanding and an increasing demand for value-oriented law rooted in the historical memory and civilizational code of the people. The author analyzes the process of the constitutionalization of historical memory in the Russian Federation, examining L.I. Petrazhitzky's psychological theory of law and P.A. Sorokin's socio-psychological jurisprudence as theoretical prerequisites for incorporating identity into the subject matter of legal thought. Special attention is paid to the practical aspects of forming patriotic legal consciousness among the younger generation through understanding the evolution of the national legal system.

Key words: national identity, historical memory, sources of law, post-classical methodology, communicative theory of law.

Современная юридическая наука переживает период фундаментальной трансформации. Классическая парадигма, основанная на вере в универсальность правовых форм и автономии права от иных социальных регуляторов, уступает место постклассическому пониманию права как сложного, многослойного и культурно укорененного феномена. Как отмечает создатель коммуникативной теории права профессор А.В. Поляков, постклассическое правоведение исходит из того, что право не может быть понято вне контекста человеческого существования, вне тех смыслов, которые вкладывают в правовые феномены участники правовой коммуникации [6, с. 28]. Право понимается как феномен, конструируемый в коммуникации между признающими друг друга равными субъектами, нацеленный на обеспечение мирного сосуществования и баланса между индивидуальной свободой и общим благом.

В этих условиях перед теоретиками права встает вопрос о пересмотре самого понятия «источник права». Если позитивизм видел источник исключительно в государственном волеустановлении, то постклассика требует обращения к более глубоким пластам социальной ре-

альности — к ценностям, традициям, коллективным представлениям и историческому опыту народа. Национальная идентичность, долгое время остававшаяся предметом изучения философии и социологии, сегодня уверенно входит в проблемное поле юриспруденции, и теоретико-методологические основания для этого были заложены еще в трудах представителей психологической школы права — Л.И. Петражицкого и его ученика П.А. Сорокина.

Историческая память в системе конституционных ценностей и Указ о традиционных ценностях

Ключевым событием, легитимировавшим включение национальной идентичности в нормативное правовое регулирование России, стало принятие Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Данный документ стратегического планирования определяет традиционные ценности как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны».

В Указе указывается, что к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Важно отметить, что Указ устанавливает также угрозы традиционным ценностям, среди которых — искажение исторической правды, разрушение исторической памяти, отрицание российской самобытности, ослабление общероссийской гражданской идентичности. Тем самым историческая память получает статус не просто культурной категории, а объекта государственной охраны, элемента национальной безопасности.

Конституционализация исторической памяти, закреплённая в ст. 67.1 Конституции РФ, в совокупности с положениями Указа № 809 формирует нормативную основу для понимания идентичности как правовой категории. Российская Федерация, объединённая тысячелетней историей, сохраняя память предков, признаёт исторически сложившееся государственное единство. Эта преемственность требует своего теоретико-правового осмысления в категориях постклассической юриспруденции.

Психологическая теория права Л.И. Петражицкого: истоки антропологического подхода

Теоретические предпосылки для понимания связи права и внутреннего мира человека были заложены основателем психологической школы права Львом Иосифовичем Петражицким. Его концепция, изложенная в фундаментальных трудах «Введение в изучение права и нравственности» (1905) и «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» (1907–1910), представляет собой первую в отечественной юриспруденции развернутую теорию, помещающую человека с его психическими переживаниями в центр правовой реальности [6; 9].

Петражицкий рассматривал право как «совокупность императивно-атрибутивных внутренних состояний, которые при помощи психического взаимодействия участников какой-либо группы наполняются общим значением и объективируются в правовых нормах» [6, с. 190]. Сущность права, по его мнению, кроется в правосознании, в тех эмоциональных переживаниях, которые побуждают человека к определенному поведению.

Ключевым для нашей темы является предложенное Петражицким различие права позитивного и права интуитивного. Позитивное право — право, которое основывается на утверждениях авторитетных людей или на правовом акте, в то время как интуитивное право представляет собой совокупность переживаний индивидов, возникающих по зову внутрен-

него голоса совести [5, с. 11]. Именно интуитивное право выступает тем слоем правовой реальности, который аккумулирует исторический опыт народа, его ценностные установки, представления о справедливости — то есть все то, что сегодня мы называем национальной идентичностью.

Петражицкий указывал, что право выполняет две важнейшие общественные функции: распределительную, заключающуюся в наделении людей материальными и идеальными благами в виде неприкосновенности личности, свободы слова и собственности и организационную, которая состоит в наделении групп субъектов властными полномочиями [5, с. 17]. Реализация этих функций невозможна без опоры на право, укорененное в коллективном опыте и исторической памяти (интуитивное право).

Социально-психологическая юриспруденция П.А. Сорокина:
аксиологическое измерение права.

Выдающийся социолог и правовед Питирим Александрович Сорокин, развил идеи Л.И. Петражицкого, придав им более широкое социальное и ценностное значение. Уже в своей ранней монографии «Преступление и кара, подвиг и награда» (1914) Сорокин осуществляет системный анализ взаимосвязи поведения человека в контексте взаимосвязи морали и действующих правовых актов [8].

Важнейшим вкладом Сорокина в развитие теоретической юриспруденции стало обоснование аксиологического направления в социологии права. Согласно его подходу, в основе правового поведения лежат ценностные ориентации личности, сформированные под влиянием социальной среды и исторической традиции. Он выделял три основные формы актов поведения: «дозволенно-должные», «рекомендуемые» и «запрещенные», каждой из которых соответствуют свои санкции [8, с. 61]. Эта дифференциация базируется на тех ценностных представлениях, которые разделяются обществом и передаются из поколения в поколение.

Сорокин подверг критике простое догматическое понимание преступления как деяния, предусмотренного уголовным кодексом. Он указывал на невозможность установить видовые различия правонарушений, оставаясь в рамках юридического нормативизма и предлагал дополнительные меры поиска дозволенного и запрещенного в обществе [8, с. 65]. Этот вывод имеет принципиальное значение для нашей темы: понимание права требует обращения к более широкому контексту — к тем ценностям, традициям и коллективным представлениям, которые составляют содержание национальной идентичности.

Коммуникативная теория права А.В. Полякова:
синтез постклассической методологии

Наиболее последовательное развитие постклассического подхода к праву в современной российской юридической науке представлено в трудах профессора Андрея Васильевича Полякова, создателя коммуникативной теории права. Его концепция представляет собой влиятельный постклассический, человекоцентричный подход, в рамках которого в центр права помещается человек с его правами и свободами, а также ответственностью перед обществом [7, с. 56].

Коммуникативная теория права Полякова основывается на идее, что право следует рассматривать как форму взаимодействия людей в обществе. Право в постклассической парадигме возникает и функционирует из-за обмена информацией между людьми, а также их взаимодействия и согласования общих правил и норм. В этом смысле право представляет собой результат коллективного взаимодействия, согласования интересов и обмена мнениями.

Поляков также исследует взаимодействие права с другими формами социальной организации — моралью, религией, традицией, утверждая, что все эти системы основаны на способности людей к коммуникации и intersubъективному взаимодействию [4, с. 60]. Такой междисциплинарный подход позволяет глубже понять природу права и его роль в обществе, особенно в периоды цивилизационных трансформаций.

Национальная идентичность как источник права: теоретическое обоснование

Синтез идей Петражицкого (интуитивное право, императивно-атрибутивные эмоции), Сорокина (аксиологическая природа права, социальная обусловленность правовых норм) и Полякова (коммуникативная природа права, интегральное правопонимание) позволяет обосновать тезис о национальной идентичности как одном из источников права в постклассическом понимании.

В этом контексте национальная идентичность предстает как латентный, но фундаментальный источник права, выполняющий следующие функции в правовой системе.

1. *Легитимирующая функция.* Право только тогда воспринимается обществом как справедливое и обязательное, когда оно резонирует с глубинными ценностными установками, сформированными исторической памятью. Указ № 809 прямо указывает, что осмысление социальных, культурных, технологических процессов с опорой на традиционные ценности и накопленный культурно-исторический опыт позволяет народу России своевременно реагировать на новые вызовы, сохраняя общероссийскую гражданскую идентичность [2; 3].
2. *Интерпретационная функция.* Понимание правовых норм невозможно без учета того культурно-исторического контекста, в котором они применяются. С позиций коммуникативной теории права, правовая норма обретает свой подлинный смысл только в процессе intersubjective коммуникации, участники которой приносят в нее свои ценностные установки и представления о должном [4, с. 68]. Особенно ярко это проявляется в категориях «справедливость», «добросовестность», «патриотизм», содержание которых наполняется конкретным смыслом именно через обращение к национальной традиции.
3. *Телеологическая (целеполагающая) функция.* Стратегические цели правового развития государства не могут быть сформулированы вне цивилизационной идентичности. Как отмечал П.А. Сорокин, право как конституирующее начало социальных институтов всегда ориентировано на определенные ценности, разделяемые обществом [8, с. 43]. Стремление к «гуманитарно-технологическому суверенитету» есть прямое следствие осознания Россией себя как самобытной цивилизации, имеющей собственный исторический проект.

От теории к практике: формирование правосознания нового поколения

Практическая значимость теоретического осмысления связи идентичности и права наиболее ярко проявляется в сфере образования и воспитания. Формирование у подрастающего поколения патриотизма, готовности к созидательной деятельности и защите Отечества невозможно вне правового контекста.

Опираясь на теоретическое наследие Л.И. Петражицкого, подчеркивавшего роль интуитивного права и эмоциональных переживаний в формировании правового поведения, можно выделить несколько направлений формирования правосознания.

1. *Обновление содержания юридического образования.* Курсы теории и истории права должны быть переориентированы с простого перечисления фактов на выявление глубинных связей между правовыми институтами и цивилизационным развитием России. Как отмечает А.В. Поляков, понимание права невозможно вне понимания тех смыслов, которые вкладывают в него участники правовой коммуникации [4, с. 30]. Раскрытие этих смыслов требует обращения к истории, культуре, традиции.
2. *Развитие критического правового мышления.* Изучение сложных страниц правовой истории должно учить молодых людей самостоятельно анализировать правовые явления, отделять историческую правду от фальсификаций. Защита исторической правды, закрепленная в Указе № 809 как элемент противодействия деструктивной идеологии, предполагает не запрет на дискуссии, а их ведение на строго научной, доказательной основе.
3. *Воспитание уважения к праву через уважение к истории.* Понимание того, что современные правовые нормы — не абстрактные конструкции, а результат многовекового опыта предков, формирует иное, более глубокое отношение к закону. Право перестает быть внешним ограничителем и осознается как часть собственной культурной идентич-

ности. В этом контексте особое значение приобретает изучение истории отечественной правовой мысли, включая труды Петражицкого, Сорокина и других представителей дореволюционной юриспруденции.

4. *Ценностное наполнение правового воспитания.* Указ № 809 устанавливает, что традиционные ценности являются основой российского общества, позволяющей защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство страны, осуществлять бережение народа и развитие человеческого потенциала. Правовое воспитание должно органично включать эти ценностные ориентиры, формируя у молодежи не только знание норм, но и уважение к тем ценностям, которые лежат в их основе.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что национальная идентичность постепенно обретает статус источника права в постклассической юридической парадигме. Теоретические основания для этого были заложены еще в трудах представителей психологической школы права — Л.И. Петражицкого, обосновавшего роль интуитивного права и правовых эмоций, и П.А. Сорокина, развившего аксиологическое направление в социологии права.

Принятие Указа Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» создало прочную нормативную основу для этого процесса, легитимировав категории «историческая память», «преемственность поколений», «гражданская идентичность» в качестве объектов государственной охраны.

Современная коммуникативная теория права А.В. Полякова предлагает методологический инструментарий для осмысления этих процессов в категориях постклассической юриспруденции. Право, как интересубъективная коммуникация, как открытая система, взаимодействующая с иными социальными регуляторами, позволяет включить национальную идентичность в свой понятийный ряд, не редуцируя ее ни к чистому позитивизму, ни к абстрактному естественному праву.

Для юридической науки и образования сегодня открывается окно возможностей: необходимо разработать методологию, позволяющую органично сочетать фундаментальные правовые знания с ценностным, цивилизационным подходом. Конечная цель этого процесса — формирование такой правовой системы и такого правосознания, которые будут одновременно и современными (отвечающими вызовам цифровой эпохи), и самобытными (укорененными в тысячелетней истории и культуре России).

Список литературы

1. Виляйкина К.А. Психологическая теория государства и права // Электронный журнал «Контентус». — 2018. — № 4. — С. 10–18.
2. Гусева В.Ю. Психологическая концепция права Л.И. Петражицкого // Юридическая наука. — 2016. — № 6. — С. 15–20.
3. Овчинников А.И., Костишина С.А. Развитие идей социально-психологической юриспруденции в творчестве П.А. Сорокина // Философия права. — 2013. — № 4. — С. 40–45.
4. Осветимская И.И. Коммуникативная теория права А.В. Полякова как постклассический антропологический подход к праву: критический анализ замечаний оппонентов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. — 2025. — № 3(25). — С. 55–70.
5. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. — СПб.: Лань, 2000. — 608 с.
6. Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. — СПб.: Алеф-Пресс, 2014. — 576 с.
7. Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. — 2-е изд., исправл. и доп. — М.: Проспект, 2016. — 832 с.
8. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. — СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. — 448 с.

НОРМАТИВНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ВИДЕОИГР РОССИЙСКИМ ГРАЖДАНСКИМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ

И.В. Заикина

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Международный юридический институт, Москва
zainna@mail.ru

М.А. Глотова

магистрант,
Международный юридический институт, Москва
glotova.mariaa@mail.ru

REGULATORY LEGAL REGULATION OF COMPUTER VIDEO GAMES BY RUSSIAN CIVIL LEGISLATION

I.V. Zaikina

PhD in Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure,
International Law Institute, Moscow
zainna@mail.ru

M.A. Glotova

Master's student,
International Law Institute, Moscow
glotova.mariaa@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемы нормативного регулирования компьютерных видеоигр в Российской Федерации. Отсутствие прямого упоминания в ст. 1225 Гражданского кодекса РФ создает правовую неопределенность. Исследуются подходы квалификации игр как программ для ЭВМ или сложных объектов. Выявлены существенные противоречия в современной судебной практике. Обоснована необходимость внесения понятия «видеоигра» в ГК РФ на основе проекта Федерального закона. Предлагается ввести отдельную новую норму для эффективной защиты прав правообладателей.

Ключевые слова: компьютерная видеоигра, интеллектуальная собственность, авторское право, программа для ЭВМ, сложный объект интеллектуальных прав, мультимедийный продукт, исключительные права.

Abstract. The article analyzes the problems of regulatory regulation of computer video games in the Russian Federation. The absence of a direct mention in Article 1225 of the Civil Code of the Russian Federation creates legal uncertainty. Approaches to the qualification of games as computer programs or complex objects are investigated. Significant contradictions in modern judicial practice have been identified. The necessity of introducing the concept of «video game» into the Civil Code of the Russian Federation on the basis of a draft Federal Law is substantiated. It is proposed to introduce a separate new rule to effectively protect the rights of copyright holders.

Key words: computer video game, intellectual property, copyright, computer program, complex object of intellectual rights, multimedia product, exclusive rights.

Современные цифровые технологии являются неотъемлемой частью жизни человека. Мы полностью согласны с мнением В.Ф. Жириновским, который в 2019 году отметил следующее: «Переход на цифровую демократию неизбежен. Современные технологии пришли во все сферы жизни — в том числе в общественно-политическую сферу» [6]. Действительно, на сегодняшний день невозможно представить обыденную жизнь без персональных компьютеров, смартфонов, умных голосовых помощников. За последние годы стремительно вошёл в нашу жизнь искусственный интеллект. Ранее указанные инструменты нашли отражение в научном сообществе, представляя теоретический и практический научный интерес. Однако

такой элемент современного цифрового сообщества как компьютерные игры в меньшей мере представляет научный интерес. Об этом свидетельствует незначительно количество научных статей в отечественных научных журналах, а также всего две диссертации, посвящённые данной теме. На наш взгляд, данная тема представляет не только научный, но и практический интерес, так как современное гражданское законодательство не представляет комплексной правовой защиты такому объекту авторского права как компьютерная видеоигра.

Данная тема является актуальной ввиду того, что сегмент компьютерных игр на сегодняшний день представляет серьёзную экономическую сферу интересов. Так, по данным аналитического агентства Newzoo: «По итогам 2025 года мировой рынок видеоигр достигнет выручки в \$197 млрд, что на 7,5% выше показателя прошлого года» [10]. Это свидетельствует о том, что на сегодняшний день компьютерные видеоигры по выручке стали более экономически выгодным представителем сферы развлечения, чем кинематограф. Также стоит обратить внимание, что развитию сферы компьютерных развлечений государство стало уделять особо внимание. Так, в рамках Петербургского международного экономического форума генеральный директор АНО «Институт развития интернета» А.С. Гореславский отметил: «ИРИ наращивает поддержку игрового направления: в 2024 году поддерживали проекты отечественных команд на 1,5 млрд рублей, победители недавно завершившегося конкурса получают 1,9 млрд. Таким образом, общая поддержка игровых проектов со стороны ИРИ в 2025–2027 годах составит порядка 3,4 млрд рублей» [5]. Таким образом, мы можем наблюдать интерес со стороны государства, направленного на поддержку отечественных производителей компьютерных видеоигр.

Несмотря на наличие мер государственной поддержки отечественных разработчиков компьютерных видеоигр, вопросы нормативного правового регулирования данной сферы остаются дискуссионными в научном сообществе. Ключевая проблема заключается в том, что Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) не закрепляет компьютерную видеоигру в качестве самостоятельного объекта охраняемого результата интеллектуальной деятельности. В ст. 1225 ГК РФ прямое упоминание видеоигр отсутствует. Это создает правовую неопределенность в вопросах защиты прав разработчиков от неправомерного использования их продуктов. Для детального анализа данной проблемы рассмотрим наиболее распространённые в отечественных научных трудах точки зрения относительно классификации компьютерных видеоигр в рамках авторского гражданского законодательства.

Существует распространённая позиция, согласно которой компьютерную игру следует рассматривать в качестве программы для ЭВМ. Такой точки зрения придерживается, в частности, А.П. Егошин, отмечая: «Компьютерная игра является с точки зрения гражданского права программой для ЭВМ» [3]. Однако целесообразно проанализировать данное утверждение через призму легального определения, закреплённого в ГК РФ: «Программой для ЭВМ является представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения» [1].

Данный критерий («получение определенного результата») является определяющим для программного обеспечения, предназначенного для решения конкретных практических задач. Например, текстовый редактор Word предназначен для написания и корректировки текста, что представляет собой конкретный полезный результат. В то же время релевантность этого критерия по отношению к видеоиграм вызывает вопросы. Основная функция видеоигры — развлекательная, но не решение определённых практических задач. В многопользовательских проектах, где ключевым элементом является соревнование, «результат» (победа) достигается лишь частью участников, тогда как для остальных пользователей игровой процесс не приводит к аналогичному итогу. По этой причине квалификация компьютерной игры исключительно как программы для ЭВМ представляется неполной. Видеоигра представляет собой сложный комплекс объектов авторского права, специфика которого не полностью укладывается в законодательное определение программы для ЭВМ, ориентированное на получение определенного функционального результата.

Второй подход к нормативному регулированию компьютерных видеоигр предполагает их квалификацию в качестве сложного объекта интеллектуальных прав в контексте ст. 1240 ГК

РФ. Актуальность данного подхода обусловлена структурой видеоигры: она интегрирует в себе код, аудиовизуальные ряды, музыкальные произведения и сценарий, которые по отдельности уже охраняются законом. Согласно ст. 1240 ГК РФ, исключительное право на сложный объект, включающий несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (кинофильм, иное аудиовизуальное произведение, театрально-зрелищное представление, мультимедийный продукт, база данных), принадлежит лицу, организовавшему создание такого объекта.

Подобная модель успешно реализуется в праве США, где видеоигра защищается как составное произведение, что позволяет пресекать копирование не только кода, но и игрового мира в целом. Однако в рамках российского гражданского законодательства возникает проблема квалификации: к какой именно категории сложных объектов следует отнести видеоигру? В ст. 1240 ГК РФ под сложным объектом стоит понимать «Объект, включающий в себя несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (кинофильм, иное аудиовизуальное произведение, театрально-зрелищное представление, мультимедийный продукт, база данных)» [1]. Среди перечисленных в ст. 1240 ГК РФ видов наиболее релевантным представляется «мультимедийный продукт».

Тем не менее, применение данной категории сопряжено с существенными рисками. Гражданский кодекс не содержит легального определения мультимедийного продукта, что оставляет пространство для широкого судебного усмотрения. Отсутствие четких критериев может привести к тому, что в правоприменительной практике возникнут трудности с доказыванием принадлежности видеоигры к данной категории. В результате вместо единой охраны сложного объекта разработчики вынуждены защищать отдельные элементы игры разрозненно, что снижает эффективность правовой защиты. Таким образом, без законодательной конкретизации статуса видеоигры в рамках ст. 1240 ГК РФ данный механизм регулирования остается недостаточно устойчивым.

При анализе отечественных научных трудов, была обнаружена интересная идея относительно классификации компьютерных видеоигр в рамках отечественного авторского права. Так, в своих научных трудах А.А. Шестробитов рассматривает многопользовательские видеоигры посредством анализа Приказа Министерства спорта Российской Федерации от 22.01.2020 № 20 «Правила вида спорта «компьютерный спорт» (далее — Приказ № 20). Согласно п.п.1 Приказа № 20: «Видеоигра — инвентарь компьютерного спорта, состоящий из программного обеспечения, позволяющего осуществить организацию соревновательного процесса (геймплея) соревнующимся сторонам (спортсменам), формирующего соревновательное пространство (арену), создающего объекты управления, воспринимаемые органами чувств человека, где участник соревнований через устройства ввода/вывода воздействует на объекты управления» [2]. Как отмечает А.А. Шестробитов: «Приведенное определение рассматривает видеоигры лишь в разрезе спортивных соревнований, оно является, на наш взгляд, достаточно подходящим и под иные разновидности игр, так как большинство многопользовательских онлайн-игр являются соревновательными» [4]. Безусловно, данное легальное определение можно использовать при организации турниров по многопользовательским играм, однако возникает серьёзный вопрос: каким образом данная дефиниция обеспечивает защиту авторских прав на компьютерную видеоигру? Определение, закреплённое в Приказе № 20, в случае судебного разбирательства не предоставляет никаких гарантий защиты авторских прав правообладателю. По этой причине нельзя рассматривать Приказ № 20 в качестве нормативного правового регулирования компьютерных видеоигр в рамках российского законодательства.

Рассмотрев наиболее распространённые точки зрения отечественных авторов на проблематику нормативного правового регулирования компьютерных игр согласно гражданскому законодательству Российской Федерации, необходимо проанализировать судебную практику по данному вопросу. Актуальность данного вопроса заключается в том, что судебные органы власти также не могут прийти к единому пониманию компьютерной игры в рамках российского законодательства. Например, в Решении Московского городского суда № 3-0304/2020 от 18.07.2020 закреплено следующее: «В обоснование заявленных требований ООО «Танки Онлайн» указало на то, что является обладателем исключительных прав на использование, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на мультимедийный про-

дукт, многопользовательскую браузерную компьютерную игру «Танки Онлайн» [8]. В то же время в Решении Арбитражного суда Мурманской области № А42-3451/2018 от 07.06.2017 определили компьютерную игру, записанную на CD/DVD-диск, следующим образом: «Предварительно записанное или загружаемое компьютерное игровое программное обеспечение» [9]. Такое различное понимание термина «компьютерная игра» приводит к тому, что даже суды не могут определить правовую суть компьютерной игры в гражданском законодательстве.

Исходя из анализа отечественных научных трудов и судебной практики, можно отметить, что на сегодняшний день возникла потребность в качественном нормативном правовом регулировании компьютерных видеоигр в качестве отдельного объекта авторского права. Это необходимо хотя бы для того, чтобы была единая судебная практика и правообладатели могли грамотно выстроить свою защиту, иначе получается такая ситуация, что судебные органы по-разному трактуют само понятие «компьютерная видеоигра» и по этой причине разработчики могут нести экономически издержки, что в следствии не будет положительно влиять на развитие данного сегмента сферы развлечения в Российской Федерации. Стоит отметить, что с декабря 2024 года внесён на рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации проект Федерального закона «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации». Анализируя данный проект закона, законодатель в ст. 4 закрепил понятие видеоигра: «Видеоигра — программа для электронных вычислительных машин, созданная в художественной, учебной, анимационной или иной форме на основе творческого замысла, воспроизводящая изображения, звуки, объединённые сюжетом, определяемых в том числе действиями пользователя» [7]. На наш взгляд, данная легальная дефиниция создаёт благоприятные условия для развития нормативного правового регулирования компьютерных видеоигр, так как уже законодатель исключает различные трактовки понятия, определяет конкретные критерии, которые должны быть присущи видеоигре, а также указывает на интерактивность, которая является отличительной особенностью современных видеоигр.

Таким образом, проведенный анализ выявил существенные пробелы в гражданско-правовом регулировании компьютерных видеоигр, обусловленные отсутствием их прямого закрепления в ГК РФ. Неоднозначность квалификации игр либо как программ для ЭВМ, либо как сложных объектов приводит к противоречивой судебной практике и снижает эффективность защиты исключительных прав правообладателей. В связи с этим представляется целесообразным использовать легальное определение видеоигры, предложенное в проекте Федерального закона «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации». Данная дефиниция, отражающая интерактивную и художественную природу объекта, могла бы быть интегрирована непосредственно в ст. 1225 ГК РФ в качестве самостоятельного результата интеллектуальной деятельности. Кроме того, необходимо введение отдельной нормы в Гражданский кодекс, которая стала бы важным инструментом в защите авторских прав правообладателей компьютерных видеоигр. Подобное нормативное закрепление позволит унифицировать правоприменительную практику и устранил риски разрозненной охраны элементов игры. В конечном итоге, качественное правовое регулирование станет фундаментом для устойчивого развития отечественной индустрии видеоигр в условиях цифровой экономики.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 (ГК РФ ч. 4) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 52. — Ч. I.
2. Приказ Министерства спорта РФ от 22.01.2020 № 22 «От утверждении правил вида спорта «Компьютерный спорт» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 14.
3. Егошин А.П., Смирнов Г.М., Жевняк О.В. Особенности правового режима компьютерных игр и правовое регулирование их размещения на цифровых платформах // Цивилистика: от прошлого к современности. — 2024. №. 1. — С. 1340–1344.
4. Шерстобитов А.А. Тенденции правового регулирования индустрии многопользовательских онлайн-игр в Российской Федерации // Право и управление. — 2023. — № 4. — С. 277–281.

5. ИРИ выделит на поддержку игр 3,4 млрд рублей в 2025–2027 годах [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/24260173> (дата обращения: 05.03.2026).
6. Владимир Жириновский предложил внедрить цифровые технологии для опросов. — URL: <https://plus.rbc.ru/pressrelease/5ce3f6597a8aa91d0b6ee21e> (дата обращения: 05.03.2026).
7. Законопроект Федерального закона «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации». — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/795581-8>.
8. Решение Московского городского суда № 3-0304/2020 от 18.07.2020 // Электронное правосудие. — Москва. — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/e2f6e77d-1fd7-4867-b632-a7db31d97398>. — Загл. с титул. экрана. — (дата обращения: 06.03.2026).
9. Решение Арбитражного суда Мурманской области № А42-3451/2018 от 07.06.2017// Электронное правосудие. — Москва. — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/ed3191d2-d610-43ec-ab43-a64c4c2a7e09>. — Загл. с титул. экрана. — (дата обращения: 05.03.2026).
10. 2025 PC and console games industry year in review. — URL: <https://newzoo.com/resources/blog/year-in-review-2025-to-date> (дата обращения: 05.03.2026).
11. Афанасьева Е.В., Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А. Геостратегические регионы мира: методика исследования и анализ. — М., 2020. — 200 с.
12. Булавина М.А., Новосельский С.О., Попова С.А. Стратегические цели и тактические приоритеты управления городом в условиях геополитической напряженности // Вестник евразийской науки. — 2022. — Т.14. — № 3.
13. Слуцкий Л.Э., Васецкий Н.А., Слоботчиков О.Н. Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография в 2-х т. / Том 1. Россия — государство-цивилизация. — М., 2024. — 384 с.

ОДНОСТОРОННИЙ ОТКАЗ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА И ЕГО ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

И.В. Заикина

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
zainna@mail.ru

А.С. Чудин

магистрант,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

UNILATERAL WAIVER AND LEGAL CONSEQUENCES

I.V. Zaikina

PhD in Legal Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Civil Law Disciplines,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
zainna@mail.ru

A.S. Chudin

Master's student,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме одностороннего отказа от исполнения обязательств. Рассматриваются возможные основания, на которых одна из сторон отказывается от исполнения своих обязательств, их законность и возможные правовые последствия. Разбирается проблема по исполнению судебных решений в случае злоупотребления правом. Принципы взыскания, определения, обоснования ущерба, нанесенного односторонним отказом от обязательств.

Ключевые слова: обязательства, односторонний отказ, исполнительное производство, злоупотребление правом, взыскание, ущерб.

Abstract. The article is devoted to the problem of a single refusal to fulfill obligations. Possible grounds are considered for one of the parties to refuse their obligations, their legality and possible legal consequences. The problem of initiating court decisions in case of abuse of the right is being analyzed. Principles of recovery, definitions, justification of litigation for unilateral waiver of obligations.

Key words: obligation, unilateral refusal, enforcement proceedings, abuse of right, recovery, damage.

Проблема одностороннего отказа от исполнения обязательств на данный момент стоит очень остро. В первую очередь это связано с популяризацией и простотой получения кредитов. Простота получения кредита и обширные рекламные кампании дают возможность гражданам получать кредиты либо заключать другие сделки без намерения исполнять обязательства, ссылаясь на различные основания.

Односторонний отказ от исполнения договора — самый «конфликтный» из всех установленных законодателем оснований изменения и расторжения договора. Это связано с его сущностными особенностями: односторонним характером действий управомоченной на отказ стороны договора, отсутствием требований о необходимости отказывающейся стороны предпринять усилия для разрешения противоречий путем принятия соглашения об изменении или расторжении договора, отсутствием потребности обращения в судебные инстанции [3].

Рассмотрим основания, по которым чаще всего происходит отказ от исполнения обязательства. Причинами одностороннего отказа в данной статье будут различные информация правосознания, то есть это его искажение, «разрушение» позитивных идей, установок права.

Виды деформаций правосознания

1. *Правовой фетишизм*. Это явление в правосознании, при котором происходит преувеличение, романтизация и абсолютизация роли права и юридических средств в жизни общества, личности и государства. При правовом фетишизме на право и законы возлагаются избыточные надежды и ожидания, не имеющие обоснованной связи с реальностью.
2. *Правовой дилетантизм*. Это форма деформации правосознания, при которой человек или группа людей проявляют небрежное, поверхностное отношение к праву и юридическим ценностям.
3. *Правовой инфантилизм*. Это недостаточность, несформированность правовых знаний при личной уверенности в хорошей юридической подготовке. Данный вид деформации, как правило, присущ для молодых людей, не умеющих адекватно оценить уровень своих знаний и имеющих завышенное самомнение.
4. *«Перерождение» правосознания*. Этот вид деформации является крайней степенью искажения правосознания, включающей преступный умысел. Присущ для лиц, вставших на противоправный путь, и для преступных сообществ.
5. *Правовой нигилизм*. Это отрицание права как социального института и системы правил поведения, регулирующих взаимоотношения между людьми. Он проявляется в пренебрежительном, неуважительном или даже враждебном отношении к законам, правовым нормам и ценностям права.

Этот вид деформации правосознания получил в нашей стране наибольшее распространение, поэтому остановимся на истоках правового нигилизма и возможностях его сведения к минимуму¹.

Обычно изменение или расторжение договора возможно только по взаимному согласию сторон путем подписания соглашения или протокола к договору, обменом письмами. Исключения из общего правила могут быть установлены договором или законом. Односторонний отказ от договора, изменение или изменения его условий производятся, во-первых, по письменному заявлению стороны в силу закона п. 2 ст. 328, ст. 405, п. 2 ст. 487, п. 2 ст. 488 ГК РФ. Во-вторых, по решению суда, при существенном нарушении договора другой стороной в связи с существенным изменением обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора, при реорганизации юридического лица и неудовлетворения в добровольном порядке требований кредитора о прекращении или досрочном выполнении обязательства по законодательно установленным основаниям, для судебного изменения и расторжения договора. Соглашение об изменении или расторжении договора совершается в той же форме в какой был заключен сам договор, если из закона и иных правовых актов договора или обычаев делового оборота не вытекает иное (пункт 1 статья 452 ГК РФ) [2].

Для этого нам необходимо прибегнуть к популярным на данный момент источникам знаний и общественного мнения. В первую очередь к данной категории относится интернет. Но все же создаются некоторые сообщества, в которых обсуждаются острые проблемы граждан и способы их решения. Существует целые движения противников исполнения обязательств. Для того чтобы понять основание и мотивы отказа от исполнения обязательств, необходимо погрузиться в среду и выяснить с одними из наиболее активных участников сообщества основания, которые они выдвигают в качестве законного основания нарушить договор. После анализа можно сделать вывод, что основным критерием, по которому гражданин считает законным неисполнение обязательств, является неверное толкование 307 статьи Гражданского кодекса, а именно части 1.

Закон содержит формулировку в которой цитата: «В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор

¹ Понятие и виды деформации правосознания // URL: <https://www.grandars.ru/college/pravovedenie/deformaciya-pravosoznaniya.html> (дата обращения: 10.06.2022).

имеет право требовать от должника исполнения его обязанности.» Именно эта фраза «либо воздержаться от определенного действия», а «кредитор имеет право требовать от должника исполнения обязательств», по мнению уклоняющихся, является законным обстоятельством для неисполнения обязательства договора. В особую группу можно выделить случаи, в которых осуществление права на отказ не связывается законодателем с какими-либо обстоятельствами, и он может быть совершен по желанию управомоченного в любой момент после возникновения обязательства. Однако и в этих случаях предоставление права на отказ также всегда обусловлено серьезными причинами. На основании анализа этих причин можно выделить три подгруппы таких случаев.

Во-первых, наделение правом на отказ часто связано с особым, лично-доверительным (фидуциарным) характером договорных отношений сторон [5]. В данной ситуации разъяснение гражданам о том, что сделка является двусторонним обязательством. Каждая сторона имеет свое обязательство, другая сторона обязана выполнить встречное обязательство. Формулировку «не исполнять обязательства» необходимо трактовать с точки зрения того, что условие договора, в которых одна из сторон обязана отказаться от определенных действий, например, продажа объекта недвижимости, в случае заключения договора ренты, будет являться незаконной, так как квартира фактически уже продана, но юридически не перешла в собственность покупателю. Стороны должны строго соблюдать условия договора.

Как известно, наука юриспруденции придерживается правила решения всех разногласий в досудебном порядке. Это значит, что стороне, решивший отказаться от исполнения своей части обязательства, необходимо доказать законность требований. Законы трактуются односторонне. Граждане считают, что государство создало определенные условия для них, чтобы не платить кредиты, ссылаясь именно на 307 статью ГК. Эффективным способом убеждения в данной ситуации станет объяснение, что если, руководствуясь толкованием, предложенным данной группой или сообществом, предположить, что оно верно, то, к примеру, любой банк на основании этой же статьи, являясь стороной в обязательствах, имеет законное право заключить договор кредита, но не выдавать деньги, и при этом требовать вторую сторону оплаты ежемесячного погашения кредита. Данная ситуация будет выглядеть абсурдно. Данные способы убеждения помогают перестроить сознание человеком и прийти к верному заключению, что закон не может предусматривать одностороннего отказа без каких-либо последствий для стороны, принявшей решение отказаться от исполнения своих обязательств.

Правовые последствия неисполнения обязательств описаны в той же статье. Сторона правоотношения имеет право обратиться в суд по вопросам взыскания непогашенной задолженности. В данной ситуации банки обращаются в коллекторские агентства, пытаются добиться восстановления нарушенных прав в досудебном порядке. При этом граждане зачастую считают коллекторов единственным способом взыскания задолженности. Отсутствие знаний юриспруденции и информационная среда создают в сознании должника иллюзию невозможности взыскания с него долга. Общение с коллекторами происходит в достаточно неблагоприятной форме. В случае, если досудебно не удалось урегулировать вопрос о взыскании задолженности, сторона, чьи права нарушены, имеет право обратиться в суд с обязательным предоставлением доказательств, подтверждающих приложение усилий к досудебному урегулированию. Принудительные санкции за односторонний отказ от исполнения обязательств могут быть реализованы только на основании судебного решения [7]. Меры принудительного исполнения вправе применять исключительно судебные приставы-исполнители. Никакая другая организация либо частное лицо не имеют права принудительно применять какие-либо действия по распоряжению имуществом должника.

Обращение взыскания на имущество должника — реализация исполнительного документа, путем удовлетворения закрепленных в нем прав и законных интересов взыскателя за счет имущества должника. Порядок применения этой меры принудительного взыскания регламентируется главой 8 Федерального «Закона об исполнительном производстве» [6].

Исполнительное производство представляет собой деятельность судебных приставов-исполнителей и других участников правоотношений, складывающихся в процессе реализации судебных исполнительных листов и иных исполнительных документов, посредством государственного принуждения.

В зависимости от суммы задолженности меняется подсудность. В случае если сумма иска менее 50 000 рублей, необходимо обратиться к мировой судье. В случае если задолженность составляет больше 50 000 рублей, необходимо обращаться в районный суд. Иск должен подаваться по общему правилу по адресу регистрации должника. Судья на основании договора кредита выносит судебный приказ. В случае возникновения спора о праве необходимо судебное решение, на основании которого выдается исполнительный лист. В случае отказа от добровольного исполнения судебного решения ответчиком, взыскатель имеет право запросить у суда исполнительный лист, либо судебный приказ. Распоряжение данным документом относится к диспозитивным нормам права. То есть нет обязанности поступать каким-то определенным образом. Взыскатель имеет право простить долг и не прибегать к каким-либо действиям. В случае, если взыскатель планирует взыскивать денежные средства, он имеет право обратиться на место работы ответчика и предъявить исполнительный лист или судебный приказ в бухгалтерию организации, в которой работает ответчик. В этом случае работодатель обязан часть заработной платы ежемесячно перечислять в пользу истца. В случае, когда истец не обладает какими-либо сведениями о должнике, он может обратиться в Федеральную службу судебных приставов. Для этого необходимо предоставить документ-основание. Это исполнительный лист либо судебный приказ, либо нотариальная надпись, документ, удостоверяющий полномочия и заявление о возбуждении исполнительного производства. В данной ситуации судебный пристав-исполнитель имеет право принудительно взыскивать задолженность должника. Судебный пристав-исполнитель присылает уведомления заказным письмом должнику, в котором уведомляет его о необходимости добровольно погасить задолженность. Судебный пристав-исполнитель для добровольного погашения задолженности дает срок в течение 5 дней оплатить задолженность. Если установленный срок для добровольного исполнения требований, содержащихся в исполнительном документе, не исполняется, то судебный пристав-исполнитель в праве применить меры принудительного исполнения, перечисленные в ч. 3 ст. 68 Закона. В число основных и наиболее эффективных мер законодатель относит в первую очередь обращение взыскания на имущество должника, в том числе на денежные средства и ценные бумаги (п. 1 ч. 3 ст. 68 Закона).

В случае непогашения задолженности добровольно, судебный пристав-исполнитель вправе наложить исполнительский сбор в размере 7% от суммы задолженности. Далее судебный пристав-исполнитель направляет запросы на место работы, в банки с требованием уведомить о наличии счетов должника и требования к банкам о принудительном перечислении денежных средств на счет ФССП для погашения задолженности. Также судебный пристав-исполнитель имеет право наложить арест на имущество должника, ограничить выезд гражданина, предварительно уведомив об этом заказным письмом и имеет право наложить взыскание на пенсию и другие доходы должника. Судебный пристав-исполнитель также имеет право арестовать и изымать любое имущество, в том числе недвижимость. Согласно статьи закона об исполнительном производстве, законные требования судебного исполнителя обязательны для всех государственных органов, органов местного самоуправления, граждан и организаций и подлежат неукоснительному выполнению на всей территории Российской Федерации.

Реализация недвижимого имущества должника, ценных бумаг, имущественных прав, заложенного имущества, на которое обращено взыскание для удовлетворения требований взыскателя, не являющегося залогодателем, предметов, имеющих историческую или художественную ценность, также вещи, стоимость которой превышает 500 000 рублей и, включая неделимую, сложную и, главную вещь и вещь, связанную с ней общим назначением, принадлежностью, осуществляется путем проведения открытых торгов в форме аукциона [1].

Взыскание на единственное жилье может быть обращено, если будут соблюдены условия, предусмотренные законодательством. Подобные последствия не всегда ясно представляются гражданам. В связи с этим создается иллюзия возможности не оплатить свои долги.

Правовая неграмотность и повсеместное нарушение закона в области обязательств обусловлено отсутствием правильно составленных договоров. В сфере строительства данная проблема встречается достаточно часто. Работники, а даже компании зачастую пренебрегают составлением документов. В этом случае очень сложно доказать выполнялась ли работа, платились ли деньги, и так далее.

Недобросовестность является одним из основных принципов, по которому происходит нарушение обязательств. При этом существуют обстоятельства, не зависящие от гражданина, по которым он не может выполнить обязательства. Для снижения нагрузки на суды предусмотрено досудебное урегулирование. Это одна из мер, позволяющая избежать жесткого воздействия на добросовестного гражданина.

В случае злоупотребления правом создаются определенные проблемы в области судопроизводства. Может возникнуть ситуация, в которой совершенно добросовестный исполнитель выполнил свою работу, или другие обязательства по договору, получил деньги, но при этом другая сторона безосновательно отказывается подписывать акт приема выполненных работ. Это создает некоторые проблемы в доказывании. Так как гражданское право использует презумпцию виновности, требования доказывать свою невиновность возлагается на ответчика, а в случае, если ответчик добросовестно исполнил свои обязательства, но не имеет документального подтверждения выполненных работ, недобросовестный заказчик имеет возможность воспользоваться ситуацией и потребовать через суд возврата уплаченных денежных средств. Данная ситуация квалифицируется как злоупотребление правом. Санкции за злоупотребление — отказ в защите. В данном случае, по решению суда и соблюдению необходимых процессуальных норм, возможно признание работы выполненной добросовестно и отказ в требовании возвращения денежных средств истцу. Но не всегда так просто определить недобросовестно истца. В этом состоит одна из задач судебной системы. Вся судебная система нацелена на формирование в обществе наиболее прозрачных, понятных отношений, в случае разногласий суд с достаточной простотой должен принять справедливое решение. Законодательство формируется на основании проблем, возникающих в обществе. По количеству однородных проблем, от их огласки и серьезности, зависит факт возможного узаконивания каких-либо отношений. На основании деятельности властных органов создаются законы, при которых возможность злоупотребления сводится к минимуму. При этом справедливость законов может быть оспорена.

Основные принципы взыскания задолженности строятся из двух базовых понятий. Первое понятие — досудебное урегулирование, второе — судебное. Досудебное урегулирование несет наименьшие финансовые издержки, оказывает наименьшее психологическое давление, и имеет намного меньшие воздействия на личность. Данный принцип способен занимать гораздо меньше времени для урегулирования конфликтов. Большинство фактов одностороннего отказа от обязательства решаются в досудебном порядке. Рациональность подачи иска может быть рассчитана относительно издержек. Финансовое состояние кредитора также может иметь большое значение при реализации права взыскания долгов.

Необходимо иметь в виду, что при расторжении договора важно не только прекращение отношений с нарушившим договор контрагентом, но и полная компенсация понесенных экономических потерь, которую во многом гарантирует судебная процедура, а также защита интересов стороны, потерпевшей от совершения отказа [4].

В случае обращения в суд, истец имеет право на удовлетворение не только исковых требований. Он имеет право потребовать от ответчика возмещение морального вреда и других убытков, если они вызваны нарушением обязательств ответчиком. Также истец имеет право на компенсацию судебных издержек таких, как работа представителя, государственную пошлину, экспертиза и прочие расходы. Реформирование ГК РФ существенно расширило диспозитивное усмотрение сторон договора. Особенно это коснулось вопросов расширения действия принципа свободы договора, что нашло свое отражение в принятии постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 165.² Данные обстоятельства является очевидным для выбора приоритетным решением досудебного урегулирования.

Список литературы

1. Дементьева, И.В. Исполнительное производство: учебное пособие / И.В. Дементьева, П.В. Каменева, И.И. Косовская. — Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2019.

² Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — 2014. — № 5.

2. Дудченко А.Ю. «Юнити-Диана» Коммерческое (торговое) право 2021г. — С. 289 –290.
3. Егорова М.А. Некоторые особенности реализации права на изменение и расторжение договора в российском праве. — 2019.
4. Карапетов А.Г. Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве. — М.: Статут, 2007. — С. 222 и след.
5. Иоффе О.С. Обязательственное право. — М.: «Юридическая литература», 1975. — С. 519.
6. Исполнительное производство: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Н.Д. Эриашвили, — 4-е изд. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. — 304 с.
7. Правовая государственность — Terra Promissionis / Е.В. Виноградова, И.Л. Данилевская-Урбанова, Г.С. Патюлин, М.В. Раттур. — М.: Ритм, 2023. — 218 с.
8. Афанасьева Е.В., Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А. Геостратегические регионы мира: методика исследования и анализ. — М., 2020. — 200 с.
9. Булавина М.А., Новосельский С.О., Попова С.А. Стратегические цели и тактические приоритеты управления городом в условиях геополитической напряженности // Вестник евразийской науки. — 2022. — Т. 14. — № 3.
10. Слуцкий Л.Э., Васецкий Н.А., Слоботчиков О.Н. Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография в 2-х т. / Том 1. Россия — государство-цивилизация. — М., 2024. — 384 с.

ПЛАТНОЕ ПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТАМИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОСТОЯНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ И МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

Г.Б. Золотов

аспирант,
преподаватель кафедры Авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин,
ФГБОУ ВО РГАИС, Москва
zolotov1753@yandex.ru

PAID USE OF PUBLIC DOMAIN OBJECTS AS A TOOL FOR THE LEGAL PROTECTION OF MUSEUM OBJECTS AND MUSEUM COLLECTIONS

G.B. Zolotov

Postgraduate student,
lecturer at the Department of Copyright, Related Rights and Private Law Disciplines,
RSAIP, Moscow
zolotov1753@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с гражданско-правовых и административно-правовым режимом музейных предметов и музейных коллекций. Особенности регулирования правоотношений, связанных с указанными культурными ценностями, отраженные в Федеральном законе «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», определяют подход платного общественного достояния. Вместе с тем, нормативные правовые акты, регулирующие правоотношения по поводу использования музейных предметов и коллекций и их изображений не являются специальными по отношению друг к другу. Проведенное исследование показывает, что сфера музейной деятельности и административно-правовой режим культурных ценностей в определенной степени является прообразом платного пользования объектами общественного достояния, который распространяется на предметы и коллекции, входящие в состав Музейного фонда Российской Федерации. Автором научной статьи предложено определение понятия «платное пользование объектами общественного достояния» как правовой инструмент, позволяющий обеспечить государственной охраной объекты, являющиеся общественным достоянием в силу прекращения действия исключительных прав на произведения науки, литературы и искусства, предотвращая их неправомерное использование. Целесообразность применения данного инструмента оправдана тем, что образовательная, культурная, научная и социально-экономическая ценность произведений, являющихся музейными предметами и музейными коллекциями, делает необходимым их сохранение для будущих поколений, что во много предопределяет государственную культурную политику и культурное единство общества.

Ключевые слова: авторское право, исключительное право, культурные ценности, музейные предметы и музейные коллекции, Музейный фонд, общественное достояние, платное пользование объектами общественного достояния.

Abstract. The article discusses issues related to the civil and administrative legal regime of museum objects and museum collections. The specifics of the regulation of legal relations related to these cultural values, reflected in the Federal Law «On the Museum Fund of the Russian Federation and Museums in the Russian Federation», determine the approach of paid public domain. At the same time, regulatory legal acts regulating legal relations regarding the use of museum objects and collections and their images are not special in relation to each other. The conducted research shows that the sphere of museum activity and the administrative and legal regime of cultural values to a certain extent is the prototype of paid use of public domain objects, which extends to objects and collections that are part of the Museum Fund of the Russian Federation. The author of the scientific article proposed a definition of the concept of «paid use of public domain objects» as a legal instrument that allows state protection of objects that are public domain due to the termination of exclusive rights to works of science, literature and art, preventing their misuse. The expediency of using this tool is justified by the fact that the educational, cultural, scientific and socio-economic value of works that are museum objects and museum collections makes it necessary to preserve them for future generations, which greatly determines the state cultural policy and cultural unity of society.

Key words: copyright, exclusive right, cultural values, museum objects and museum collections, Museum fund, public domain, paid use of public domain objects.

Правовой режим музейных предметов и музейных коллекций является предметом изучения как с точки зрения административно-правового регулирования, так и с точки зрения гражданско-правового характера данных культурных ценностей. Первостепенное понимание музейных предметов и коллекций представлено в Федеральном законе «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (далее — ФЗ «О Музейном фонде»)¹, где выделяется их отличительная особенность: под музейным предметом понимается такая культурная ценность, качественные или иные особые признаки которой делают необходимым ее сохранение, изучение и публичное представление для общественности, в том время как музейная коллекция — это совокупность культурных ценностей, которые приобретают аналогичные музейному предмету свойства только будучи соединенными вместе, что связано с особенностями их создания или иными характерными признаками.

Все музейные предметы и коллекции являются собственностью государства, а музейные учреждения владеют, пользуются и распоряжаются данными объектами на праве оперативного управления. Функции музея, связанные с музейными предметами и музейными коллекциями, зафиксированы в ФЗ «О Музейном фонде».

Важно помнить, что музей — это не просто хранитель культурных ценностей, это место, где осмысляются, демонстрируются музейные предметы, формируется культурная и историческая ценность [10]. Кроме того, доступность музейных предметов и коллекций во многом влияет на такие сферы, как образование, туризм, научные исследования, что в целом определяет и их экономическую ценность.

Дуализм правовых режимов культурных ценностей накладывает ряд особенностей, связанных с правоотношениями, которые могут возникать в результате использования как самих музейных предметов и коллекций, так и их воспроизведений, например, в виде цифровых копий изображений. Изображения культурных ценностей, являющихся частью Музейного фонда Российской Федерации, могут использоваться третьими лицами только в случае, если был заключен соответствующий договор с музейным учреждением [5]. Одновременно с этим музей может являться обладателем исключительного права на произведение, являющееся музейным предметом или коллекцией, что в свою очередь также требует получение разрешения с точки зрения Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)².

Однако в большинстве своем, музей, выступающий в роли образовательного и культурного учреждения, имеет в своем собрании произведения, перешедшие в общественное достояние, что связано с прекращением действия исключительного права на него в соответствии с положениями ст. 1282 ГК РФ³. Между тем, в судебной практике административно-правовое регулирование режима музейных предметов и коллекций зачастую расценивается как платное общественное достояние⁴. Один из подходов, который сформировался в судебной практике, гласит, что положения ФЗ «О Музейном фонде» являются специальными по отношению к нормам ГК РФ [7].

Обратим внимание также на то, для чего законодатель вводит понятие «общественное достояние». Прежде всего, данная правовая категория защищает культурное наследие, делая произведения науки, литературы и искусства доступными для будущих поколений. За счет культурной, исторической, научной ценности произведений у авторов появляется возможность создавать новые произведения, используя ранее созданные и перешедшие в общественное достояние произведение как опыт и вдохновение. Дополнительно, общественное достояние является режимом, способствующим обмену знаниями, культурному развитию, донесению до новых поколений ценностей нации за счет открытости и доступности произведений.

В свою очередь платное общественное достояние способно обеспечить произведения науки, литературы и искусства государственной защитой, предотвращая их неправомерное использование.

¹ Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 27.05.1996. — № 22. — Ст. 2591.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 25.12.2006. — № 52 (1 ч.). — Ст. 5496.

³ Там же.

⁴ См., например, дело № А63-18468/2012.

И именно в связи с этим целесообразно исследовать вопрос: характерен ли для музейных предметов и музейных коллекций инструмент платного пользования объектами общественно-го достояния?

Отметим, что правоведы отмечают два основных подхода касательно правовой природы платного общественного достояния [1]:

- платное общественное достояние — это продолжение авторского права;
- платное общественное достояние — механизм фискального характера, взимаемый в целях развития сферы культуры.

В связи с этим дадим определение правовой категории платного общественного достояния. Согласно обзорному исследованию, подготовленному С. Дюсолье, платное общественное достояние представляет собой систему, при которой за использование произведений науки, литературы и искусства, перешедших в общественное достояние, необходимо заплатить [4]. В качестве причин необходимости введения режима платного пользования объектов, перешедших в общественное достояние, ученые-правоведы отмечают борьбу с недобросовестным поведением, а также стимулирование создания новых произведений [8].

Также цивилисты отмечают, что денежные поступления от использования произведений, перешедших в режим общественного достояния, позволяет поддерживать доступность этих объектов общественности, осуществлять финансирование отдельных видов деятельности учреждений культуры [1].

Все эти вопросы и основания для введения категории платное общественное достояние так или иначе затрагивают вопросы этики и доступности произведений искусства, одновременно являющихся музейными предметами и коллекциями. Поступления в рамках данного инструмента могут быть также направлены на реставрацию культурных ценностей, снижение потенциальных барьеров для разных категорий посетителей культурных учреждений, организацию и проведение выставок, поощрение работников культуры.

Необходимо также отметить, что, по нашему мнению, рассмотрение положений ст. 36 ФЗ «О Музейном фонде» как специальных по отношению к нормам ГК РФ является неверным подходом. ФЗ «О Музейном фонде» раскрывает иной правовой режим, характерный для музейных предметов и музейных коллекций и присущий им в сфере именно административно-правовых отношений. Хотя по своей природе правовой режим музейных предметов и коллекций с точки зрения административно-правового регулирования действительно похож на инструмент платного пользования объектами общественного достояния.

Подводя промежуточный итог, приведем определение понятию «платное пользование объектами общественного достояния». По нашему мнению, это правовой инструмент, позволяющий обеспечить государственной охраной объекты, являющиеся общественным достоянием в силу прекращения действия исключительных прав на произведения науки, литературы и искусства, предотвращая их неправомерное использование.

Платное пользование объектами, перешедшими в общественное достояние, как уже отмечалось выше, имеет ряд преимуществ и недостатков. Из недостатков дополнительно отметим, что распространение данного инструмента на все объекты авторских прав, исключительные права на которые прекратили свое действие, приведет к закрытости общества, отсутствию обмена знаниями и опытом между гражданами. Так или иначе, инструмент платного пользования объектами общественного достояния ограничивает творческую деятельность за счет отсутствия свободного оборота объектов, перешедших в общественное достояние, и ущемления материальных интересов авторов, желающих создать новое произведение [6]. В качестве уравнивающего механизма может быть предложено расширение перечня способов свободного использования произведений науки, литературы и искусства. В частности, закрепление в ГК РФ в качестве одного из оснований для свободного использования произведений, в том числе перешедших в общественное достояние, их некоммерческое использование в культурных целях [2].

Комплексность правового режима музейных предметов и музейных коллекций позволяет прийти к выводу, что правовой инструмент платного пользования объектами, находящимися в общественном достоянии, является необходимым для закрепления в законе, позволяет устранить непонимание природы культурных ценностей как в среде музейных учреждений, так и в судебной практике.

В качестве дополнительной аргументации в поддержку целесообразности введения в Российской Федерации платного общественного достояния в отношении музейных предметов и музейных коллекций приведем следующий пример. Наследники живописца А.А. Дейнеки — Г.О. Гусев и А.О. Смирнова обратились с иском в суд к ФГБУК «Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева» о неправомерном использовании изображений, исключительные права на которые принадлежали истцам. В качестве обстоятельств, позволяющих по своему усмотрению использовать изображения музейных предметов, учреждение культуры представило доказательства того, что культурные ценности являются неотъемлемой частью Музейного фонда Российской Федерации, а значит находятся в оперативном управлении самого музея. Несмотря на доводы ответчика, Верховый суд вынес решение в пользу истцов⁵.

Данное дело наглядно демонстрирует, что оба закона, устанавливающие гражданско-правовой и административно-правовой режимы музейных предметов и музейных коллекций, являются самостоятельными по своему регулированию. При этом, музеи, являющиеся носителями публичного интереса, никак не могут противостоять частно-правовым интересам. Сформировавшийся подход существенно ограничивает деятельность музея, в частности, связанную с созданием после художественных выставок каталога, в котором отражаются все произведения искусства, которые были публично представлены музеем. При этом сама форма деятельности — создание, выпуск и распространение каталога выставки — полностью отмечает миссии учреждений культуры: каталоги представляют научную ценность, формируют достоверное представление о музейных предметах и коллекциях, их местонахождении [3].

Именно в связи с этим предлагается включение в 4 часть ГК РФ понятия «платное пользование объектами общественного достояния» как правового инструмента, который нивелирует существующие правовые коллизии, связанные с правовым регулированием режимов музейных предметов и музейных коллекций. Изначально понятия «произведение» и «музейный предмет и коллекция» отнесены к разным сферам законодательства [9], однако социально-экономическое развитие деятельности учреждений культуры приводит к пересечению данных режимов, необходимости законодательного урегулированию вопросов, возникающих в правоприменительной практике.

Наличие не только закрепленных в ФЗ «О Музейном фонде» прав у музеев на распоряжение изображениями музейными предметами и музейными коллекциями, но и зафиксированное в ГК РФ понятие «платное пользование объектами общественного достояния» предоставит музеям необходимый объем функций и полномочий, связанных как с осуществлением музейной деятельности по сохранению, хранению и публичному представлению культурных ценностей, так и защитой интересов государства и общественности на получение информации о них. Это во многом предопределил исход дел, где произведения искусства, входящие в состав Музейного фонда Российской Федерации, являются охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности. Дополнительно, расширение сферы способов свободного использования произведений искусства, выраженных в виде культурных ценностей, исключительные права на которые не перешли в общественное достояние, позволит государственным музейным учреждениям по своему усмотрению использовать музейные предметы и коллекции при осуществлении своей деятельности.

Таким образом, закрепление понятия «платное пользование объектами общественного достояния», а также расширение перечня способов свободного использования произведений в ГК РФ является необходимо мерой, которая позволит урегулировать коллизии, связанные с различными подходами к рассмотрению музейных предметов и музейных коллекций как гражданско-правового и административно-правового режимов.

Список литературы

1. Близнец И.А. Юридическая природа общественного достояния: за и против его применения в практике // Труды по интеллектуальной собственности. — 2022. — Т. 43. — № 4. — С. 56–60.

⁵ См. дело Верховного суда № 5-КГ22-54-К2.

2. *Бурдова В.Д., Егорова А.С.* Особенности свободного использования произведений, воплощенных в музейных предметах и коллекциях в информационных, научных, учебных или культурных целях // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — Сентябрь 2023. — Вып. 3(41). — С. 112–119.
3. *Бычкова В.Г.* Специфика каталогизации художественных выставок // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VI Международной научной конференции, Донецк, 26–28 октября 2021 года. Т. 11. — Донецк: Донецкий национальный университет, 2021. — С. 91–93.
4. *Дюсолье С.* Обзорное исследование по авторскому праву и смежным правам и общественному достоинству. — URL: https://www.wipo.int/export/sites/www/ip-development/ru/agenda/docs/scoping_study_cr.pdf (дата обращения: 11.03.2026).
5. *Жамкочьян, С.С.* Актуальные вопросы практики применения музеями исключительных прав на использование изображений музейных предметов, музейных коллекций и объектов, расположенных на территории музеев / С.С. Жамкочьян // Фотография. Изображение. Документ. — 2022. — № 11(11). — С. 106–111.
6. *Матвеев А.Г.* Авторское право и свобода самовыражения и творчества: точки напряжения // Международный журнал экспериментального образования. — 2022. — № 6. — С. 61–65.
7. *Смирнова Е.* Музеи против авторского права // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2013. — № 11. — С. 14–22.
8. *Тоцев М.А., Приженникова А.Н.* Целесообразность внедрения института платного общественного достояния // Образование и право. — 2024. — № 9. — С. 409–411.
9. Труды по интеллектуальной собственности. Т. VI. Право интеллектуальной собственности и информационное право: проблемы правоприменения / под общ. ред. доктор юридических наук, проф. М.А. Федотова — 2003. — 90 с.
10. *Чекмасова А.А., Климкина Э.В.* Роль музеев в формировании образов прошлого и исторической памяти // XLIX Самарская областная студенческая научная конференция: Тезисы докладов, Самара, 10–21 апреля 2023 года. — СПб.: ООО «Эко-Вектор», 2023. — С. 328–329.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ВЛИЯНИЕ ПЛАТФОРМЕННЫХ АЛГОРИТМОВ

П.А. Ильин

аспирант,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

pavel_mosc@mail.ru

В.А. Волох

доктор политических наук,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

v.volokh@yandex.ru

TRANSFORMATION OF THE PUBLIC SPHERE IN THE DIGITAL AGE: INFLUENCE OF PLATFORM ALGORITHMS

P.A. Ilin

Postgraduate student,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

pavel_mosc@mail.ru

V.A. Volokh

Doctor in Political Science,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

v.volokh@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется трансформация публичной сферы в условиях глобальной цифровизации и алгоритмизации медиасреды и публичной сферы. В рамках статьи особенно важным является анализ влияния данных процессов на гражданское взаимодействие в современной России. В качестве теоретической основы статьи выступает концепция публичной сферы Ю. Хабермаса, позволяющая проанализировать изменения механизмов формирования общественного мнения и коллективного участия под воздействием алгоритмов социальных платформ, поисковых систем и рекомендательных систем. В работе показано, что алгоритмы рекомендательных систем способствуют фрагментации публичной сферы в связи с созданием «информационных пузырей» и «эхо-камер», которые, в свою очередь, оставляют пользователей в закрытых информационных потоках и минимизируют взаимодействие с оппонентами. Это приводит к подрыву классической модели рациональной дискуссии и существенно затрудняет общегражданскую консолидацию между пользователями. Эмпирическую базу исследования составляет собственный эксперимент, в рамках которого проводился анализ работы алгоритмов на ключевых цифровых платформах посредством использования «чистых» аккаунтов для поиска тематического контента. Данный эксперимент позволил зафиксировать механизмы персонализации контента, их роль в сегментации информационного поля.

Ключевые слова: публичная сфера, алгоритмы, гражданское общество, платформы, рекомендательные системы.

Abstract. This article analyzes the transformation of the public sphere in the context of global digitalization and the algorithmization of the media environment and the public sphere. Particularly important within the article is the analysis of the impact of these processes on civic engagement in contemporary Russia. The article draws on Jürgen Habermas's concept of the public sphere, which allows for an analysis of changes in the mechanisms of public opinion formation and collective participation under the influence of the algorithms of social platforms, search engines, and recommender systems. The paper demonstrates that recommender system algorithms contribute to the fragmentation of the public sphere by creating «information bubbles» and «echo chambers», which, in turn, keep users in closed information flows and minimize interaction with opponents. This undermines the classical model of rational debate and significantly hinders public consolidation among users. The empirical basis of the study is formed by our own experiment, which analyzed the performance of algorithms on key digital platforms using «clean» accounts to search for thematic content. This experiment allowed us to document the mechanisms of content personalization and their role in segmenting the information field.

Key words: public sphere, algorithms, civil society, platforms, recommendation systems.

Для понимания трансформации публичной сферы необходимо описать ее суть. В своей ключевой работе Ю. Хабермас описывает публичную сферу как социальное пространство между частной жизнью и государством, где частные лица (состоящие из образованной буржуазии)

собираются для открытого обсуждения общезначимых вопросов. На этом этапе формируется общественное мнение не как статистическая сумма, а как результат аргументированного спора. Ключевыми характеристиками публичной сферы являются пространство открытого доступа, рациональная аргументация, независимость публичной сферы и формирование общественного мнения через дискуссии. Автор указывает, что индустриализация привела к коммерциализации и медиатизации прессы, которая является одним из важнейших факторов публичной сферы. Это, в свою очередь, привело к тому, что печать становится инструментом манипуляции, а не просвещения, а реклама и массовая коммуникация вытесняют рациональный дебат [1].

Обратимся к другой, одной из последних работ Хабермаса «Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика», появившейся спустя 60 лет после своего классического труда. В ней автор развивает свои идеи применительно к цифровой эпохе и подчеркивает высокую значимость такой трансформации. В качестве позитивных аспектов цифровизации медиа и публичной сферы автор приводит:

- *доступность*. Информацию может найти любой пользователь;
- *право голоса и демократизация*. Каждый человек потенциально может стать производителем контента и быть услышанным.

Однако, Ю. Хабермас фокусируется и на негативных аспектах. Его негативная оценка связана с функционированием в цифровом пространстве «эхо-камер», которые ограничивают доступность информации для пользователя по причине того, что пользователь изучает только ту информацию, которая близка его убеждениям. Непрозрачные алгоритмы платформ дополнительно искажают реальность и формируют «пузыри», когда человеку предлагается к просмотру информация, тематически схожая с той, которую он уже изучал. Еще одним негативным аспектом автор называет фрагментацию общества, при которой люди разделены на «полуобщественности» [2].

В данном контексте считается целесообразным разобраться с тем, что такое алгоритмы на платформах, как они работают и какое влияние оказывают на публичную сферу. До появления алгоритмов распространение контента регулировалось в рамках теории «Повестки дня». Понятие повестки дня достаточно прочно закрепилось как в теориях массмедиа, так и в практической деятельности. Помимо сообщений о событиях, массмедиа создают повестку дня, т.е. придают социальное значение тем или иным новостям [3]. Согласно этой теории средства массовой информации оказывают значительное влияние на общественность непосредственно самим подбором того, что именно они освещают.

Однако, данная теория описывала ситуацию, в которой существовали немногочисленные, преимущественно односторонние каналы массовой коммуникации, контролируемые узким кругом профессиональных редакций. Сегодня, в эпоху цифровых медиа и платформ, данная функция претерпевает фундаментальную трансформацию, так как эти самые профессиональные редакции частично утратили монополию на формирование повестки, уступив место алгоритмам.

Интернет-пространство цифровой публичной сферы, в отличие от пространства традиционной публичной сферы, управляется посредством алгоритмов. Алгоритмы на платформах — это системы, которые анализируют поведение пользователей, их интересы и цифровой след, чтобы предоставлять релевантный контент и удерживать внимание пользователя.

Алгоритмы лежат в основе управления многочисленными потоками информации, от которых зависит информационно-коммуникационная составляющая общественной и частной жизни. И хотя термин «алгоритм» изначально имел довольно точное техническое значение, представляя собой пошаговый набор вычислительных или управленческих операций, в политико-управленческом контексте «алгоритм» выходит за рамки своего технического значения и часто направлен на реализацию целей государства. [4] Другими словами, весь процесс работы алгоритмов является координационной работой между акторами и формированием общественной реальности с применением сложных компьютерных систем [5].

Процесс алгоритмизации можно разбить на два этапа. На первом этапе происходит сбор данных о действиях пользователя, после чего система интерпретирует его запрос в контексте существующего профиля. То есть, платформа учитывает его интерес, например к политиче-

ской тематике и показывает ему схожие результаты. После этого наступает этап ранжирования контента для пользователя.

Данный процесс приводит к системному изменению самой природы гражданской активности. Видимость в цифровом пространстве гражданских инициатив попадает под зависимость от способности самих гражданских инициатив соответствовать логике попадания в рекомендации пользователей, что заставляет акторов таких инициатив подстраиваться под требования платформ. Алгоритмическое управление меняет основания гражданской активности, делая их зависимыми от коммерческой или политической логики платформ, работа алгоритмов которых скрыта от рядовых пользователей.

В рамках работы авторы решили провести эксперимент, касающийся того, соответствует ли данное описание работы алгоритмических систем реальному их функционированию, для чего была проанализирована работа алгоритмов на популярных платформах. Создавая определенные поисковые запросы были сделаны выводы о том, как работает та или иная площадка: какой нарратив она предлагает в качестве ведущего и как быстро можно попасть в «эхо-камеру», потребляя однотипный контент. В качестве кейса для анализа нами был выбран новостной поток, связанный с результатами выборов Президента Российской Федерации в 2024 году. С помощью сервиса Яндекс.Вордстат было определено, что пик запросов «Выборы 2024» пришелся на март 2024 года. Этот период был выбран для поиска материалов.

В качестве платформ для анализа выбраны четыре популярные среди россиян платформы: TikTok — сервис для создания и просмотра коротких видео. Принадлежит китайской частной компании ByteDance;

YouTube — интернет-видеоплатформа, принадлежащая американской частной компании Google;

ВКонтакте — российская социальная сеть, принадлежащая нескольким акционерам, в конечном счете контролируемым ООО «Газпром»;

Для проверки работы алгоритмов предлагается следующий сценарий.

1. Создание «чистых аккаунтов» на каждой платформе.
2. Введение стартовых запросов для поиска новостных материалов, касающихся нашего исследования.
3. Просмотр определенного количества контента, который выдала платформа.
4. Фиксация результата. Определим, спустя какое время наша лента станет однотипной и каким будет главенствующий нарратив при дальнейшем взаимодействии с платформой.

В рамках экспериментального исследования поведения алгоритмов был введен поисковый запрос «Выборы 2024».

TikTok:

- в ответ на наш запрос платформа сгенерировала большое количество материалов, тематика которых была связана с политической сферой и избирательным процессом 2024 года. Нарратив роликов соответствовал развлекательной тематике;
- после просмотра ограниченной выборки единиц контента (около 15 коротких видеороликов) наблюдается явно выраженный эффект рекомендательных алгоритмов. Наша лента полностью утратила разнообразие, а последующий контент был связан исключительно с политической тематикой;
- качественный анализ первоначальных роликов и комментариев позволил выявить доминирующий нарратив патриотического характера;
- при дальнейшем просмотре контента динамика несколько изменилась, чаще стали появляться ролики оппозиционной направленности;
- спустя еще некоторое количество просмотренного контента привязка к теме выборов исчезла, однако контент остался исключительно политическим. Доминирующий нарратив не был определен, так как показываемые платформой ролики отражали как оппозиционную направленность, так и противоположную;
- прекратив на время использование платформы и вернувшись через неделю к эксперименту было обнаружено, что контент сменился на развлекательно — политический, при чем нарратив в рекомендуемых роликах стал преимущественно оппозиционным.

YouTube:

- в ответ на наш запрос платформа отобразила контент следующего содержания: семь из десяти первых роликов содержали оппозиционный нарратив, еще три ролика оказались предвыборными кампаниями Н. Харитонova, Л. Слуцкого и В. Даванкова. В названиях остальных роликов констатируется устойчивый нарратив об электоральном поведении: названия роликов «Выборы-2024: как голосовать?» [6], «Николай Бондаренко и Трибун: выборы-2024. | последний шанс взять власть?» [7] и схожие говорят о наличии стратегии поведения на выборах у авторов роликов, которую они распространили в массы;
- последовательный просмотр десяти первых роликов способствовал срабатыванию алгоритмов. Страница рекомендаций содержала политический контент исключительно оппозиционной направленности с редким наличием материалов экономического и развлекательного характера;
- с целью проверки гибкости алгоритмов симитирован интерес к развлекательной тематике в результате последовательного просмотра пяти таких роликов, после чего алгоритмы снова сработали и контент разделился на политический (с сохранением оппозиционной повестки) и развлекательный;
- дальнейшее пассивное потребление контента закрепило статус-кво, тематика выборов исчезла, но контент остался политическим (оппозиционным) и развлекательным;
- прекратив на время использование платформы и вернувшись через неделю к эксперименту обнаружено, что контент остался развлекательно — политическим (оппозиционного характера).

ВКонтакте:

- после введения поискового запроса платформа предоставляет выбор типа контента — «Видео» и «Клипы». Сравнительный анализ первичной выдачи контента показывает существенную разницу: при выборе формата «клипы», показанный платформой контент оказался низким как по уровню релевантности, так и по уровню качества материала. Напротив, контент в категории «Видео» состоял преимущественно из качественных роликов, опубликованных в основном региональными средствами массовой информации. В том и другом случае оппозиционные нарративы отсутствовали;
- после просмотра клипов, попадающих под политическую категорию в количестве примерно 10 единиц, тематика выборов и даже политическая тематика полностью исчезли. Продолжив эксперимент, авторы исследования пришли к выводу, что алгоритмы платформы в категории «Клипы» не способны в данный момент выполнять свой функционал, так как ситуация не изменилась, вне зависимости от количества просмотренного контента;
- ситуация с просмотром контента в категории «Видео» аналогичная. Несмотря на первичную выдачу полностью релевантной информации, просмотр такого контента никак не влияет на его выдачу в дальнейшем;
- прекратив на время использование платформы и вернувшись через неделю к эксперименту обнаружено, что алгоритм платформы не сработал, получить в рекомендациях политический контент не удалось.

Ключевым выводом из анализа контента во ВКонтакте является проблема с работоспособностью алгоритмов платформы, а также отсутствие в выдаче оппонирующих нарративов.

Функционирование платформенных алгоритмов в цифровой среде как инструмента развития публичной сферы носит смешанный характер и действительно приводит к появлению «эхо-камер», в которые попадают пользователи. Некоторые платформы с помощью алгоритмов продвигают определенные нарративы, другие платформы на данном этапе развития не способны обеспечить необходимое качество взаимодействия. Соответственно, влияние алгоритмов на публичную сферу находится на высоком уровне, так как меняет ее суть, возможности для рациональной коммуникации и потребление контента пользователями.

Список литературы

1. *Хабермас, Ю.* Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества / Юрген Хабермас ; пер. с нем. В.Л. Катасонова, О.В. Кильдюшова ; под ред. Д.Ю. Калугина. — М.: Весь мир, 2016.
2. *Хабермас, Ю.* Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / пер. с нем. Т. Атнашева, научный редактор Т. Вайзер. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. — 104 с.
3. Теория повестки дня // URL: <https://bigenc.ru/c/teoriia-povestki-dnia-7b62d6?ysclid=ltqaf2jz9844739213> (дата обращения: 10.03.2026).
4. *Косоруков, А.А.* Алгоритмы поисковых машин и социальных сетей как фактор становления цифровой публичной сферы // Политика и общество. — 2018. — № 2. — С. 27.
5. *Katzenbach, C., Ulbricht, L.* Algorithmic Governance [Электронный ресурс] // Internet Policy Review. — 2019. — Vol. 8. — Issue 4. — URL: <https://policyreview.info/concepts/algorithmic-governance?clckid=4e375c04> (дата обращения: 10.03.2026).
6. Выборы — 2024: как голосовать? [Электронный ресурс]: видеоролик // YouTube. — URL: <https://www.youtube.com/shorts/s2ULpCUkSVk> (дата обращения: 12.03.2026).
7. Николай Бондаренко и Трибун: выборы-2024. | последний шанс взять власть? [Электронный ресурс]: видеоролик // YouTube. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=e9h7w40QxBE&clckid=2d712dca> (дата обращения: 12.03.2026).
8. *Афанасьева Е.В., Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А.* Геостратегические регионы мира: методика исследования и анализ. — М., 2020. — 200 с.
9. *Булавина М.А., Новосельский С.О., Попова С.А.* Стратегические цели и тактические приоритеты управления городом в условиях геополитической напряженности // Вестник евразийской науки. — 2022. — Т.14. — №3.
10. *Слуцкий Л.Э., Васецкий Н.А., Слоботчиков О.Н.* Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография в 2-х т. / Том 1. Россия — государство-цивилизация. — М., 2024. — 384 с.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ: СОЗДАН ЛИ НЕПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦИФРОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ?

О.В. Колесниченко

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва
olja_korn@mail.ru

PLATFORM ECONOMY LEGISLATION: HAVE WE CREATED A CONSISTENT LEGAL REGIME F OR THE ACTIVITIES OF DIGITAL INTERMEDIARIES?

O.V. Kolesnichenko

Doctor of Law, Associate Professor, Professor,
Department of Combating Crimes in the Sphere of Information and Telecommunication Technologies,
Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow
olja_korn@mail.ru

Аннотация. В статье осуществлен критический анализ новелл нормативного правового регулирования платформенной экономики применительно к деятельности цифровых посредников. Обозначен круг проблем, которые не могут быть решены с помощью Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», включая: невозможность корректного определения понятия «цифровой посредник» за пределами отношений в сфере цифровой коммерции; противоречивость нормативного подхода к характеристике цифровых посреднических платформ, рассматриваемых одновременно в качестве субъекта экономических отношений и информационного ресурса; размытость пределов ответственности цифровых посредников за качество товаров, работ и услуг; недостаточное внимание законодателя к аспектам социально-трудовых отношений в платформенной экономике. Особое внимание обращается на невозможность контролировать добросовестность цифрового посредника в части, касающейся недопущения необоснованных ограничений и дискриминации на рынке, вследствие использования скрытых внутренних алгоритмов. Аргументировано, что дальнейшее развитие правового регулирования в данной области предполагает, в первую очередь, реализацию концепции универсального понимания цифрового посредника и определения его статуса во всех сферах оборотных отношений.

Ключевые слова: платформенная экономика, цифровая экономика, информационный посредник, цифровой посредник, электронная коммерция.

Abstract. This article provides a critical analysis of the regulatory amendments governing the platform economy as they apply to the activities of digital intermediaries. It identifies a range of issues that cannot be resolved by Federal Law No. 289-FZ of July 31, 2025, "On Certain Issues of Regulating the Platform Economy in the Russian Federation", including: the inability to correctly define the concept of "digital intermediary" outside of digital commerce; the inconsistency of the regulatory approach to characterizing digital intermediary platforms, which are considered both as a subject of economic relations and an information resource; The vagueness of the limits of digital intermediaries' liability for the quality of goods, works, and services; and the legislator's insufficient attention to aspects of social and labor relations in the platform economy. Particular attention is drawn to the impossibility of monitoring the integrity of digital intermediaries in terms of preventing unjustified restrictions and discrimination in the market due to the use of hidden internal algorithms. It is argued that further development of legal regulation in this area requires, first and foremost, the implementation of a universal understanding of the digital intermediary and the definition of its status in all areas of turnover.

Key words: platform economy, digital economy, information intermediary, digital intermediary, e-commerce.

Отношения в области цифровой экономики являются наиболее стремительно развивающейся областью общественных взаимосвязей. Прогнозы, подготовленные в 2010–2015 гг. и оцениваемые на тот момент как далекая перспектива, стремительно сбываются в наши

дни [4, с. 22; 7, с. 135; 8, с. 1367]. В особенности речь идет о том, что развитие искусственного интеллекта и ИТ-трансформации способны повлечь за собой существенное снижение востребованности или даже полное отпадение необходимости в целом ряде профессий, упростить оформление сделок и правовых состояний, дать возможность исследовать личность субъекта по характеристикам его внешности и поведения.

В значительной степени эти тенденции связываются с фигурой цифровых посредников — специальных цифровых сервисов или онлайн-ресурсов, которые способны совершать одно или несколько юридически значимых действий в интересах гражданина, принимая при этом полностью или частично самостоятельные решения на основе заложенных в них алгоритмов и накопленного опыта функционирования.

В отечественном законодательстве, спустя годы напряженных дискуссий теоретиков и практиков об опорных явлениях и категориях цифровой экономики [2, с. 560; 3, с. 9; 6, с. 145], был принят Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»¹, который ввел понятие посреднической цифровой платформы — цифровой платформы, обеспечивающей взаимодействие оператора, партнеров и пользователей в целях заключения гражданско-правовых договоров, предоставляющей технические возможности для размещения заказов и (или) карточек товаров, работ, услуг, совершения сделок, осуществления оплаты товара, работы, услуги пользователем в пользу партнера, включаемой в единый реестр посреднических цифровых платформ, создаваемых в Российской Федерации. Закон был призван ввести в правовое поле активную экономическую деятельность маркетплейсов, агрегаторов такси, служб доставки и других подобным им разновидностей цифровых посредников, без которых сложно представить себе современные рыночные отношения.

Вместе с тем, на данный момент, еще до вступления в силу указанного закона, представляется необходимым обратить внимание на несколько проблем, которые не могут быть решены с его помощью, и требуют направленного внимания доктрины и законодателя.

Во-первых, ФЗ № 289-ФЗ не формирует общего определения понятия цифрового посредника, в качестве которого может выступать не только онлайн-площадка, но и иной цифровой сервис, способны организовывать экономические отношения между субъектами гражданского оборота и (или) принимать на себя функции по совершению отдельных действий от их имени в их интересах. В данной части следует обратить внимание на то, что действующее гражданское законодательство (ст. 1253.1 ГК РФ) упоминает только лишь информационных посредников как субъектов, основной функционал которых сводится к передаче информации в информационно-телекоммуникационной сети, организации размещения таковой и обеспечении доступа к ней заинтересованных лиц.

Такой подход видится справедливым для информационного, а не цифрового общества. Как известно, характерной особенностью первого является использование информационно-телекоммуникационных технологий в качестве одного из дополнительных способов организации взаимодействия между субъектами. Последнее протекает, преимущественно, в традиционной форме, при личном контакте друг с другом. Иные характеристики присущи цифровому обществу, где, напротив, большая часть коммуникаций происходит в цифровой среде и лишь в порядке исключения (когда действительность волеизъявления необходимо подтвердить посредством личного обращения к субъекту или в компетентный орган) могут быть реализованы более архаичные их формы. О том, что категория «информационного посредника» является устаревшей, свидетельствует и то, что в числе его обязанностей не упоминается анализ размещенной информации, принятие на основании нее решений в интересах пользователя по заранее согласованным сценариям.

Кроме того, важно учитывать, что терминология, предусмотренная законодательством о платформенной экономике, предназначена исключительно для использования в области электронной коммерции. В частности, вне сферы действия данного закона остается деятель-

¹ Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2025. — № 31. Ст. 4643.

ность операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов (ЦФА), и операторов обмена ЦФА. Между тем, эти лица, правовой режим деятельности которых определен Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»², также выступают в роли посредников, но уже в области оборота ЦФА.

Во-вторых, несмотря на попытку избежать путаницы в определении правового статуса различных цифровых площадок, предоставляющих или организующих предоставление услуг, реализацию товаров и т.п., нормативное определение цифровой посреднической платформы само по себе является противоречивым. Так, в экономической деятельности принято разграничивать: *агрегатор информации о товарах, работах и услугах* — сервис, который аккумулирует предложения о реализации товаров, работ и услуг из различных источников, демонстрирует их пользователю и затем перенаправляет его на сайт продавца (их основная бизнес-модель предусматривает взимание комиссии с партнеров — продавцов, а не с пользователей — покупателей); *маркетплейс* (от англ. «marketplace» — рынок, рыночная площадь) — онлайн-платформу, объединяющую нескольких независимых продавцов в целях создания условий для заключения и исполнения договоров с покупателями; *цифровую платформу* — сайт в сети Интернет, информационную программу или систему, позволяющую объединять неограниченный круг участников экономической деятельности, действующих с различными целями (не ограничиваются реализацией товаров, работ и услуг) [1, с. 106]. ФЗ № 289-ФЗ исходит из отправного тезиса о том, что все перечисленные субъекты являются цифровыми посредниками по признаку создания на соответствующих виртуальных площадках среды для взаимодействия субъектов экономической деятельности в целях заключения и исполнения гражданско-правовых договоров.

Вместе с тем, цифровая платформа сама по себе характеризуется как информационный ресурс (информационная система, сайт или программа для ЭВМ), что указывает на то, что она задействуется, преимущественно, в технических, а не коммерческих целях. Это порождает противоречивую судебную практику в части, касающейся возложения на цифровые посреднические платформы ответственности за нарушение авторских прав. Освобождению цифровых платформ от такой ответственности со ссылкой на статус информационного посредника явно противоречит тот факт, что таковые в действительности принимают активное участие в реализации товаров, работ и услуг, создают и поддерживают необходимую для этого инфраструктуру³.

С этим противоречием тесно связана третья проблема — размытость правового статуса цифровых посредников в части ответственности за качество товаров, работ и услуг. Так, Федеральный закон «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» ориентирован на решение наиболее острых проблем, связанных с обеспечением контроля за функционированием посреднических цифровых платформ, организацией взаимодействия между операторами цифровых платформ и субъектами экономической деятельности, предлагающими и реализующими на таких платформах товары, работы и услуги.

Наиболее значимые положения данного закона, помимо основных понятий предусматривают обязательность ведения реестра цифровых платформ, возложение на операторов специальных обязанностей по проверке продавцов через ЕГРЮЛ и ЕГРП перед допуском к осуществлению деятельности на платформе, осуществлению контроля за соблюдением продавцами норм действующего законодательства при размещении информации в карточке товара. Меж-

² О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 31 (часть I). Ст. 5018; 2025. — № 51. — Ст. 7985.

³ Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 03 декабря 2025 г. по делу № 33-2470/2025 // URL: <https://ivo.garant.ru/#/basesearch/№%2033-2470%7C2025/all:1> (дата обращения: 15.03.2026); Апелляционное определение Томского областного суда от 10 сентября 2021 г. по делу № 33а-3000/2021 // URL: <https://ivo.garant.ru/#/basesearch/N%2033a-3000%7C2021/all:3> (дата обращения: 26.09.2014) и др.

ду тем, осуществляя экономическую деятельность исключительно благодаря реализации товаров, работ и услуг, цифровые посредники не несут солидарной ответственности за некачественную продукцию, выполненные с нарушением или не в полном объеме работы и т.п.

В-четвертых, из поля зрения законодателя полностью выпадает аспект регулирования социально-трудовых отношений между конкретными исполнителями и платформой. Судебная практика показывает, что чаще всего признаются фактическими трудовыми отношения между исполнителем и партнером платформы (например, заказчиком), а не с самим цифровым посредником⁴. В то же время, именно последний устанавливает систему начисления штрафов и неустоек, привлекает субъектов для выполнения работ, предполагающих необходимость осуществления контроля за соблюдением нормативов по предельному рабочему времени или поднятию тяжестей.

В-пятых, весьма проблематично контролировать добросовестность цифрового посредника в части, касающейся недопущения необоснованных ограничений и дискриминации на рынке. В особенности, при наличии универсального требования о том, что алгоритм поиска и выдачи товаров, поиска исполнителя должен быть прозрачным, на цифровых площадках нередко действуют скрытые внутренние алгоритмы (такие, как «индекс цен», системы выявления самовыкупов), существование которых практически невозможно доказать в суде. Истец в делах данной категории должен подтвердить, что дискриминирующее влияние алгоритмов на конкретного продавца было достаточно определенным и исключало иную трактовку [5, с. 64]. Эта же проблема, по сути своей, касается и использования скидок, связанных с применением конкретного платежного инструмента, побуждением продавцов к участию общих для данной площадки акциях. Наконец, не существует четкого подхода к оценке на предмет нарушения запрета дискриминации таких явлений, как установление экономически нецелесообразных условий возврата товаров для отдельных районов и местностей, фактическая монополизация рынка по отношению к оффлайн-магазинам и электронным магазинам, действующим без посредников.

Учитывая сказанное, следует констатировать, что правовое регулирование деятельности цифровых посредников носит фрагментарный характер и требует дальнейшего внимания со стороны законодателя. В особенности, это касается разработки и внедрения широкого понятия цифрового посредника, распространяющегося на все сферы оборотных отношений, а не только отношения в сфере электронной коммерции.

Список литературы

1. Агibalова Е.Н., Мачехина Н.А. Проблемы развития гражданского законодательства в условиях цифровой экономики // Закон и право. — 2026. — № 1. — С. 106–113.
2. Вольнов А.С., Далинин А.В. Проблемы правового регулирования института конкуренции в условиях цифровой трансформации экономики // Социология и право. — 2025. — Т. 16. — № 4. — С. 560–572.
3. Габов А.В., Саяпин С.П. Платформенные отношения как предмет правового регулирования // Lex russica. — 2025. — Т. 78. — № 11(228). — С. 9–33.
4. Гелисханов И.З., Юдина Т.Н., Бабкин А.В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // π-Economy. — 2018. — Т. 11. — № 6. — С. 22–36.
5. Павлухина О.А. Антимонопольные иммунитеты и цифровая экономика: актуальные правовые аспекты и пределы допустимости // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. — 2025. — № 8(132). — С. 64–74.

⁴ Определение СК по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 15 мая 2025 г. по делу № 8Г-5444/2025[88-8558/2025] // URL: <https://ivo.garant.ru/#/doclist/502:6> (дата обращения: 26.09.2014); Определение СК по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10 февраля 2026 г. по делу № 8Г-2183/2026[88-3877/2026] // URL: <https://ivo.garant.ru/#/doclist/505:8> (дата обращения: 26.09.2014); Определение СК по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27 января 2026 г. по делу № 8Г-14889/2025[88-1250/2026-(88-19024/2025)] // URL: <https://ivo.garant.ru/#/doclist/510:10> (дата обращения: 26.09.2014) и др.

6. *Савенко Н.Е.* Legaltech в цифровой экономике и правовом регулировании экономической деятельности граждан // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. — 2023. — № 1. — С. 145–171.
7. *Graham M., Hjorth I., Lehdonvirta V.* Digital labour and development: impacts of global digital labour platforms and the gig economy on worker livelihoods // *Transfer: European review of labour and research*. — 2017. — Vol. 23. — No 2. — P. 135–162.
8. *Teece D.J.* Profiting from innovation in the digital economy: Enabling technologies, standards, and licensing models in the wireless world // *Research policy*. — 2018. — Vol. 8. — No 47. — P. 1367–1387.

ЕДИНСТВЕННОЕ ИПОТЕЧНОЕ ЖИЛЬЁ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ ГРАЖДАНИНА: ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДЕЛЫ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО ИММУНИТЕТА

С.А. Кочкалов

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
kochkalov@internet.ru
https://t.me/biz_sov_invest

SOLE MORTGAGED HOUSING IN PERSONAL BANKRUPTCY: THE EVOLUTION OF LEGAL REGULATION AND THE MODERN LIMITS OF ENFORCEMENT IMMUNITY

S.A. Kochkalov

PhD in Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
kochkalov@internet.ru
https://t.me/biz_sov_invest

Аннотация. В статье исследуется развитие правового режима единственного ипотечного жилья в делах о банкротстве граждан, начиная от классической модели, при которой ипотека фактически исключала действие исполнительского иммунитета, и заканчивая современной конструкцией локального урегулирования ипотечного долга, закреплённой Федеральным законом от 08.08.2024 № 298-ФЗ. Анализируются положения статьи 446 ГПК РФ, статьи 213.25, пункта 5 статьи 213.10 и статьи 213.10-1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», постановления Пленума Верховного Суда РФ, правовые позиции Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, а также Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан от 18.06.2025. Особое внимание уделено вопросу о соотношении права на жилище, интересов ипотечного кредитора и прав иных кредиторов, а также современным пределам исполнительского иммунитета в ситуации, когда жилое помещение уже реализовано, либо когда должник пытается сохранить его через отдельное мировое соглашение. Делается вывод о том, что российское банкротное право перешло от модели почти неизбежной реализации ипотечного жилья к модели контролируемого сохранения единственного жилья при соблюдении судебными проверяемых условий.

Ключевые слова: банкротство гражданина, ипотечное жильё, единственное жильё, исполнительский иммунитет, конкурсная масса, отдельное мировое соглашение, ипотека, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ.

Abstract. This article examines the development of the legal regime governing a debtor's sole mortgaged dwelling in personal bankruptcy cases, from the traditional model in which a mortgage effectively excluded enforcement immunity to the modern framework of local settlement of mortgage debt established by Federal Law No 298-FZ of 8 August 2024. The study analyses Article 446 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, Article 213.25, paragraph 5 of Article 213.10, and Article 213.10-1 of the Federal Law On Insolvency (Bankruptcy), as well as the relevant Plenum rulings of the Supreme Court of the Russian Federation, the legal positions of the Supreme Court and the Constitutional Court, and the Review of Judicial Practice in Personal Bankruptcy Cases of 18 June 2025. Particular attention is paid to the correlation between the right to housing, the interests of the mortgage creditor, and the rights of other creditors, as well as to the modern limits of enforcement immunity where the dwelling has already been sold or where the debtor seeks to preserve it through a separate settlement agreement. It is concluded that Russian bankruptcy law has moved from a model of nearly inevitable sale of mortgaged housing to a model of controlled preservation of the debtor's sole dwelling subject to judicially verifiable conditions.

Key words: personal bankruptcy, mortgaged housing, sole dwelling, enforcement immunity, bankruptcy estate, separate settlement agreement, mortgage, Constitutional Court of the Russian Federation, Supreme Court of the Russian Federation.

Эволюция правового регулирования единственного ипотечного жилья

Проблема единственного ипотечного жилья в деле о банкротстве гражданина занимает особое место в современной российской правовой системе, поскольку в одной точке здесь сталкиваются сразу несколько конституционно и социально значимых ценностей: право человека на жилище, обеспечительный интерес банка, принцип справедливого распределения конкурсной массы и задача недопущения злоупотреблений со стороны должника. На протяжении длительного времени правоприменение исходило из сравнительно жёсткой конструкции: если жилое помещение являлось предметом ипотеки, исполнительский иммунитет в отношениях с залоговым кредитором не действовал, а потому такое имущество могло быть реализовано в рамках дела о банкротстве, даже если фактически оно было единственным жильём семьи должника [1; 2; 4]. Именно эта исходная модель и стала точкой, от которой впоследствии начала развиваться новая доктрина сохранения единственного ипотечного жилья.

Нормативной основой классического подхода служит абзац второй части первой статьи 446 ГПК РФ, согласно которому взыскание не может быть обращено на единственное пригодное для постоянного проживания жилое помещение должника и членов его семьи, за исключением имущества, являющегося предметом ипотеки и на которое в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание [1]. В банкротстве этот же подход получил отражение в пункте 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», где исполнительский иммунитет распространяется на единственное жильё, но не нейтрализует ипотечное обременение [2]. Тем самым законодатель изначально проводил разграничение между обычными кредиторами и кредитором-залогодержателем: для первых жильё защищено, для второго — может стать объектом взыскания.

Позиция Верховного Суда РФ в Постановлении Пленума от 13.10.2015 № 45 во многом закрепила именно такую логику. Пленум разъяснил ключевые процессуальные и материально-правовые вопросы банкротства граждан, исходя из того, что обеспеченные залогом требования подчиняются особому режиму и что судьба заложенного имущества не может полностью растворяться в общем порядке обращения с конкурсной массой [4]. Несколько позднее Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48, посвящённое особенностям формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан, подтвердило, что исполнительский иммунитет действует в отношении единственного жилого помещения, не обременённого ипотекой, и, следовательно, в отношении ипотечного жилья вопрос должен решаться по иной логике [5]. Уже на этом этапе в судебной практике стало ясно, что ипотечное единственное жильё занимает промежуточное положение между абсолютно защищённым объектом и обычным активом должника.

Однако по мере развития института банкротства граждан стало очевидно, что механическая формула «ипотека есть — квартиру нужно продавать» не всегда отвечает задачам справедливости и баланса интересов. С одной стороны, заключая договор ипотеки, должник действительно соглашается на возможность обращения взыскания. С другой стороны, далеко не в каждом деле немедленная реализация квартиры является единственным разумным способом защиты интересов банка. Если ипотечный долг фактически может обслуживаться, если в деле имеется третье лицо, готовое исполнять обязательства, если кредитор не терпит реального ухудшения своего положения, то продажа жилья превращается уже не столько в средство защиты права, сколько в избыточную санкцию, затрагивающую жилищную основу существования семьи [11–13].

Переломным моментом в этой эволюции стала судебная практика 2023 года. В определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.04.2023 № 305-ЭС22-9597 по делу № А41-73644/2020 был фактически поставлен вопрос о том, можно ли сохранять ипотечное единственное жильё при наличии правовой и экономической модели исполнения обеспеченного обязательства без его продажи [6]. Значение данного определения состоит не только в его фабуле, но и в общем векторе правового мышления: Верховный Суд продемонстрировал готовность рассматривать ипотечное жильё не как объект почти автоматической реализации, а как социально значимый актив, судьба которого должна решаться с учётом баланса прав всех участников дела [6; 11].

Не менее важным стало определение Верховного Суда РФ от 26.06.2023 № 307-ЭС22-27054 по делу № А56-51728/2020. В нём был сделан принципиальный вывод о том, что исполнительский иммунитет не действует против залогового кредитора, однако сохраняет значение в отношении иных кредиторов применительно к денежным средствам, остающимся после реализации предмета ипотеки и расчётов с банком [7]. Иначе говоря, Верховный Суд указал, что даже в ситуации продажи ипотечного жилья право на жилище не исчезает бесследно: оставшийся денежный эквивалент не должен автоматически распределяться между незалоговыми кредиторами как обычная конкурсная масса [7]. Эта позиция стала важным шагом к дальнейшему конституционно-правовому осмыслению проблемы.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 04.06.2024 № 28-П придал данной теме окончательно системный характер. Рассматривая вопрос о конституционности положений статьи 446 ГПК РФ и статьи 213.25 Закона о банкротстве, Суд указал на необходимость такого толкования правовых норм, которое обеспечивало бы не формальное, а реальное сохранение жилищных прав гражданина-банкрота [8]. Конституционный Суд подчеркнул, что ипотечное жильё действительно не пользуется полным исполнительским иммунитетом в отношениях с залоговым кредитором, однако денежные средства, оставшиеся после его реализации и расчётов с банком, могут и должны получать защиту в той мере, в какой они необходимы для удовлетворения конституционно значимой потребности должника и его семьи в жилище [8]. Тем самым был сделан крайне важный вывод: исполнительский иммунитет может трансформироваться из вещной формы в денежную.

Следующим этапом стала законодательная реформа, проведённая Федеральным законом от 08.08.2024 № 298-ФЗ. Именно этот закон ввёл в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» пункт 5 статьи 213.10 и новую статью 213.10-1, создав специальный механизм сохранения единственного ипотечного жилья [2; 3]. По существу законодатель не отменил ипотеку и не дал должнику абсолютную защиту, но предложил более сложную и зрелую модель: если для гражданина и членов его семьи такое помещение является единственным пригодным для постоянного проживания и если на него в принципе может быть обращено взыскание по правилам законодательства об ипотеке, гражданин и ипотечный кредитор вправе заключить отдельное мировое соглашение, действие которого не распространяется на отношения с иными кредиторами [2; 3].

Современные механизмы сохранения жилья в банкротстве

Именно статья 213.10-1 стала центром современного регулирования. В ней закреплено, что решение о заключении отдельного мирового соглашения со стороны должника принимает сам гражданин; согласия иных кредиторов для его заключения не требуется; несогласие финансового управляющего само по себе не является препятствием для утверждения такого соглашения; если на жилое помещение существует последующая ипотека, участниками соглашения должны стать все ипотечные кредиторы по данному объекту; в соглашении могут участвовать третьи лица, принимающие на себя права и обязанности по нему [2]. Эти положения демонстрируют принципиально новую концепцию: вопрос о судьбе ипотечного жилья теперь может решаться локально, без подчинения воле всего собрания кредиторов.

Со дня утверждения отдельного мирового соглашения арбитражным судом наступают последствия, которые ещё несколько лет назад казались практически невозможными в рамках позитивного права. На жилое помещение и земельный участок, на котором оно расположено, не обращается взыскание в ходе процедур банкротства; эти объекты не включаются в имущество, подлежащее реализации; требования ипотечного кредитора и ипотека не прекращаются, но продолжают существовать на первоначальных условиях; само требование исключается из реестра и перестаёт удовлетворяться в общем конкурсном порядке [2]. Важно подчеркнуть, что речь не идёт о списании ипотечного долга. Напротив, законодатель сохранил природу ипотечного обязательства, но вывел его из общего «котла» банкротства, сделав самостоятельным контуром исполнения.

В этом смысле современные пределы исполнительского иммунитета следует понимать уже не только как границу между имуществом, которое можно или нельзя реализовать, но и как

границу между различными правовыми режимами защиты жилища. Если жильё не обременено ипотекой, действует классический исполнительский иммунитет. Если жильё находится в ипотеке, оно не пользуется абсолютным иммунитетом, но может быть сохранено через специальное локальное урегулирование. Если же жильё уже реализовано, иммунитет может проявиться в форме исключения части денежных средств из конкурсной массы [1; 2; 8]. Таким образом, современная конструкция стала многоуровневой и значительно более гибкой.

Особого внимания заслуживает правило, установленное пунктом 6 статьи 213.10-1 Закона о банкротстве. Если у гражданина недостаточно иного имущества для погашения требований кредиторов первой и второй очереди, отдельное мировое соглашение может быть утверждено только при условии внесения на специальный банковский счёт гражданина денежных средств для погашения таких требований, но не более десяти процентов стоимости жилого помещения, определённой по отчёту оценщика [2]. С практической точки зрения это положение можно описать как «входной билет» в процедуру сохранения жилья: законодатель признаёт приоритет права на дом, но требует компенсировать хотя бы часть притязаний наиболее социально чувствительных кредиторов. Вместе с тем введённый потолок в десять процентов показывает, что это не кара, а компромисс, делающий механизм реально применимым [2; 12].

Не менее значимо и то, что статья 213.10 в новой редакции допускает полное удовлетворение ипотечного требования третьим лицом. В этом случае после такого удовлетворения требование исключается из реестра, а жилое помещение и участок под ним не включаются в состав имущества, подлежащего реализации [2]. Для практики это означает появление ещё одного канала сохранения жилья: не только через отдельное мировое соглашение, но и через участие родственника, созаёмщика, бывшего супруга или иного лица, готового профинансировать спасение квартиры. Именно поэтому Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан, утверждённый Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025, приобрёл такое значение: Верховный Суд прямо показал пример отдельного мирового соглашения по задолженности, обеспеченной ипотекой единственного жилья, с участием бывшего супруга и созаёмщика [9].

Обзор 18.06.2025 важен не только как подтверждение применимости статьи 213.10-1, но и как иллюстрация современной судебной философии. Верховный Суд исходит из того, что судьба единственного ипотечного жилья не должна решаться по формальным и искусственно укороченным временным параметрам банкротства, если само обеспеченное обязательство продолжает исполняться на разумных условиях и не ухудшает положение банка [9]. Иначе говоря, закон и практика постепенно перестраивают восприятие ипотечной квартиры: это уже не просто ликвидный актив, а особый объект, в отношении которого действует повышенный стандарт судебной осторожности.

Современные пределы исполнительского иммунитета и выводы

В то же время было бы ошибкой говорить о полном торжестве жилищного иммунитета над ипотекой. Новая модель не устранила риск реализации жилья вообще. Во-первых, она распространяется только на единственное пригодное для постоянного проживания помещение. Во-вторых, суд может отказать в утверждении отдельного мирового соглашения, если применение абзаца второй части первой статьи 446 ГПК РФ и пункта 3 статьи 213.25 Закона о банкротстве в отношении конкретного жилого помещения является необоснованным [1; 2]. В-третьих, при отмене определения об утверждении отдельного мирового соглашения, его расторжении или неисполнении требование банка в непогашенной части восстанавливается в реестре, а кредитор снова получает право обратиться с взысканием на жильё — либо в рамках продолжающегося дела о банкротстве, либо вне его, по правилам ипотечного законодательства [2].

Следовательно, современные пределы исполнительского иммунитета в рассматриваемой сфере определяются не одним-единственным критерием, а системой условий. Имеет значение не только статус жилья как единственного, но и его ипотечная природа, добросовестность должника, наличие реального источника исполнения, положение кредиторов первой и второй очереди, участие третьих лиц, стадия дела о банкротстве, а также то обстоятельство, реализовано ли уже жилое помещение [2; 8; 9]. Именно в этом заключается главное отличие со-

временного этапа от предыдущего: право ушло от грубого автоматизма и перешло к модели дифференцированного судебного контроля.

Для научной доктрины и правоприменительной практики всё это означает изменение самой философии исполнительского иммунитета. Ранее он воспринимался преимущественно как абсолютный запрет на изъятие определённого объекта либо как исключение из такого запрета в случае ипотеки. Сейчас же иммунитет всё чаще осмысливается как инструмент сохранения человеческого минимума жилищной безопасности, который может реализовываться в вещной, обязательственной и даже денежной форме [8; 11; 13]. Такой подход делает систему более справедливой, но одновременно повышает требования к качеству судебного усмотрения и к доказательственной работе сторон.

Таким образом, эволюция правового регулирования единственного ипотечного жилья в делах о банкротстве гражданина прошла путь от модели почти неизбежной реализации к модели контролируемого сохранения жилья при судебно проверяемых условиях. Федеральный закон № 298-ФЗ, правовые позиции Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, а также обзорная практика 2025 года сформировали новый баланс, при котором право на жилище перестало проигрывать автоматически одному лишь факту ипотеки, но и не превратилось в абсолют, подавляющий законные интересы кредитора [2; 3; 6; 8; 9]. В современном правовом порядке исполнительский иммунитет в сфере ипотечного жилья действует не как глухая стена, а как сложный правовой фильтр, через который суд должен пропустить и интересы семьи, и интересы банка, и требования справедливого банкротства.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.03.2026).
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О несостоятельности (банкротстве)».
3. Федеральный закон от 08.08.2024 № 298-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан».
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27.04.2023 № 305-ЭС22-9597 по делу № А41-73644/2020.
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2023 № 307-ЭС22-27054 по делу № А56-51728/2020.
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 04.06.2024 № 28-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой акционерного общества «Юрическое бюро “Факториус”».
9. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025).
10. Кочкалов С.А., Курносова В.В. Банкротство физического лица и ипотечное жилье: возможности и риски // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. — М., 2022. — С. 121–127.
11. Пенькова С.С. Исполнительский иммунитет в отношении единственного ипотечного жилья при банкротстве гражданина // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolnitelskiy-immunitet-v-otnoshenii-edinstvennogo-ipotechnogo-zhilya-pri-bankrotstve-grazhdanina> (дата обращения: 17.03.2026).
12. Нехаева А.Ю. Правовые аспекты единственного жилья — предмета ипотеки при банкротстве // Правовое регулирование экономической деятельности. ПРЭД. — 2025. — № 1.

13. Демова Е.Ю., Беляева К.А. Влияние ипотечного кредитования на процедуру банкротства физического лица // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 3(231). — С. 243–245.
14. Афанасьева Е.В., Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А. Геостратегические регионы мира: методика исследования и анализ. — М., 2020. — 200 с.
15. Булавина М.А., Новосельский С.О., Попова С.А. Стратегические цели и тактические приоритеты управления городом в условиях геополитической напряженности // Вестник евразийской науки. — 2022. — Т. 14. — № 3.
16. Слуцкий Л.Э., Васецкий Н.А., Слоботчиков О.Н. Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография в 2-х т. / Том 1. Россия — государство-цивилизация. — М., 2024. — 384 с.

ПРАВОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ВЗГЛЯДЫ В.В. ЖИРИНОВСКОГО

П.И. Кугач

аспирант,
Славяно-Греко-Латинская Академия;
преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
kugach99@mail.ru

LEGAL INITIATIVES AND CONSTITUTIONAL VIEWS OF V.V. ZHIRINOVSKY

P.I. Kugach

Postgraduate student,
Slavic Greek Latin Academy;
Lecturer, Department of Civil Law Disciplines,
V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
kugach99@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена политико-правовому анализу конституционных взглядов и правовых инициатив В.В. Жириновского, рассматриваемых как вариант развития современного российского конституционализма. В центре внимания находятся как его концептуальные предложения по изменению текста и модели действия Конституции РФ 1993 года, так и реализованные направления законодательной деятельности. Особое значение придаётся влиянию этих идей на эволюцию федеративного устройства, баланса ветвей власти и понимания суверенитета в Российской Федерации.

Ключевые слова: конституционализм, государственный суверенитет, ЛДПР, Владимир Жириновский, государственно-правовая доктрина, суверенная демократия, права и свободы человека, законодательная инициатива.

Abstract. This article is devoted to political legal analysis of constitutional views and legal initiatives of V.V. Zhirinovskiy, considered as a variant of the development of modern Russian constitutionalism. The focus is on both his conceptual proposals for changing the text and model of action of the 1993 Constitution of the Russian Federation, and the implemented areas of legislative activity. Particular importance is attached to the influence of these ideas on the evolution of the federal structure, the balance of branches of government and the understanding of sovereignty in the Russian Federation.

Key words: constitutionalism, state sovereignty, LDPR, Vladimir Zhirinovskiy, state legal doctrine, sovereign democracy, human rights and freedoms, legislative initiative.

Предметом исследования выступают конституционные идеи и правовые инициативы В.В. Жириновского, проявившиеся как в публичных оценках действующей Конституции РФ¹ и предложениях её переработки, так и в законодательной практике фракции ЛДПР. Объектом исследования выступает российский конституционализм как особый тип правопорядка и политико-правовой практики, в рамках которого формировались и реализовывались взгляды В.В. Жириновского. Целью работы является выявление и теоретико-правовая оценка той модели конституционного строя, которая имплицитно или эксплицитно конструируется в выступлениях и законопроектах В.В. Жириновского и ЛДПР. В качестве эмпирической базы используются: официальные отчёты фракции ЛДПР в Государственной Думе, парламентские стенограммы и материалы, содержащие высказывания Жириновского по вопросам Конституции и реформирования политической системы; тексты законопроектов и принятых законов

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202007040001> (дата обращения: 23.03.2026).

при участии ЛДПР; доктринальные публикации, посвящённые роли партийных конституционных проектов в формировании основного закона.

Владимир Вольфович Жириновский, как основатель и, в прошлом, председатель Либерально-демократической партии России (ЛДПР, являясь в прошлом, одним из самых активных участников законодательного процесса в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, неоднократно выступал с предложениями по корректировке и изменению некоторых положений Конституции Российской Федерации, принятой в 1993 году. Взгляды В.В. Жириновского на Конституцию Российской Федерации подчеркивали её роль как «политического паспорта России»², регулирующего все сферы жизни, от государственного устройства до прав граждан. Инициативы лидера ЛДПР в этой сфере отражают характерную для политической доктрины Либерально-демократической партии комбинацию национал-патриотических установок, прагматичного государственного строительства и критики либерально-федералистских элементов основного закона страны.

Стоит заметить, что среди большинства российских политологов и избирателей в одно время велись активные споры относительно истинных политико-правовых взглядов Владимира Жириновского. Часть политических деятелей и аналитиков относил Владимира Вольфовича к числу монархистов, поскольку политик часто делал публичные заявления в поддержку русского имперского самодержавия, боролся за русскую национальную идентичность, язык и часто выражал грубую неприязнь по отношению к депутатам коммунистам. Другая же часть политических экспертов относил лидера ЛДПР именно к числу представителей «левой оппозиции» за его большой вклад в развитие российского государства и общества³.

С принятием Конституции РФ (1993 г.) российскому обществу внедряли в сознание мысль о деидеологизации, запрещалась одна государственная идеология. Так боролись с прежде господствующей коммунистической идеологией. Одновременно философы и другие специалисты пытались сформулировать общенациональную идею, которая сплотит народы страны. В.В. Жириновский в 1995 г. тоже считал, что сплотить народы России может общенациональная идея и предлагал «суммировать все, что было создано в России за всю ее историю и войти в XXI век с новой идеологией»⁴.

В частности, 11 декабря 2018 года в Москве, Владимир Вольфович Жириновский в стенах Государственной Думы публично представил перечень из десяти пунктов, требующих доработки, мотивируя это необходимостью устранения потенциальных «мин» в тексте Конституции Российской Федерации, заложенных в условиях постсоветского кризиса и отсутствия предшествующей конституционно-демократической традиции.

Одним из центральных тезисов В.В. Жириновского стала критика Преамбулы Конституции Российской Федерации, где формулировка «Мы, многонациональный народ...» воспринимается им как заимствование из американской модели конституции без учета специфики российской государственности. Предлагаемая ЛДПР альтернатива — «Мы, русский и другие народы», по мнению В.В. Жириновского, подчеркивала бы роль государствообразующего этноса, что соответствует идеологическим позициям ЛДПР о приоритете русской идентичности в федеративном и политическом устройстве страны. Эта поправка, согласно позиции В.В. Жириновского, была бы направлена на предотвращение размывания национального ядра нации, потенциально способного ослабить консолидацию общества в условиях современных геополитических вызовов.

Не менее острая критика В.В. Жириновского была адресована и статье 5 Конституции,

² Жириновский В. Конституция — политический паспорт России // Дума ТВ. — 2020. 12 дек. — URL: <https://dumatv.ru/news/zhirinovskii-konstitutsiya---politicheskii-pasport-rossii> (дата обращения: 23.03.2026).

³ Политико-правовые взгляды Владимира Жириновского / В.А. Ахралович // Социогуманитарные и правовые проблемы цивилизационной модернизации белорусского общества: историческое наследие и современность. — С. 530–531. — URL: https://rep.polessu.by/bitstream/123456789/31414/1/Politiko-pravovye_vzgliady.pdf (дата обращения: 23.03.2026).

⁴ Быстренко В.И. В.В. Жириновский об истории России и главных источниках укрепления ее государственности сегодня // Мировые цивилизации. — 2024. — Т. 9. — № 4. — URL: <https://wcj.world/PDF/06IAMZ424.pdf> (дата обращения: 23.03.2026).

регулирующей федеративное устройство. В.В. Жириновский квалифицирует такие термины как «республика» и «государство» в отношении определенных субъектов Российской Федерации как политически необоснованные и рискованные, способные через несколько десятков лет стать основанием для сепаратистских претензий субъектов Федерации. Согласно позиции ЛДПР, такая норма создает правовую лазейку для интерпретаций, подрывающих целостность Российской Федерации как единого политического субъекта, что перекликается с более широкой программой ЛДПР по централизации власти и минимизации «этно-федерализма». Аналогично, пункт 6 статьи 76, устанавливающий приоритет регионального законодательства в случае противоречий с федеральным, трактуется как подрыв единства правового поля, где региональные нормы получают необоснованное преимущество.

Ещё в отчете фракции ЛДПР в Государственной Думе за 2012 год⁵ упоминалось о том, что в рамках реализации этих конституционных изменений предлагается унификация наименований законодательных органов субъектов и муниципальных образований (обязательное включение названия субъекта/территории и слова «Дума»), что фактически направлено на символическое выравнивание статуса и сглаживание национально-территориальных различий. Также в этом отчёте прослеживается преемственная идеологическая линия политической партии ЛДПР, которая критикует усиление функциональной роли Правительства Российской Федерации, при которой исполнительная власть и президент де-факто определяют параметры политического процесса, в то время как парламентские инициативы нередко блокируются Правительством либо реализуются с существенным опозданием. Ввиду этого предлагалось передать из ведения Правительства Российской Федерации в сферу законодательного регулирования ключевые регулятивные комплексы (например, правила дорожного движения), чтобы единый порядок устанавливался исключительно федеральным законом, принимаемым Федеральным Собранием.

Ещё в 2000 году политическая партия ЛДПР предлагала создать на территории страны несколько крупных территориальных образований, одинаковых по своему статусу, образованных исключительно по территориальному принципу, с примерно одинаковой численностью населения и не имеющие никаких собственных конституций и национальных государственных языков. Это предложение ЛДПР нашло свое отражение⁶ в создании Федеральных округов Российской Федерации, созданных в соответствии с Указом Президента России В.В. Путина № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» от 13 мая 2000 года, однако не нашло своего отражения в Конституции Российской Федерации (Федеральные округа по своему правовому статусу не являются субъектами Российской Федерации и прямо не предусмотрены Конституцией Российской Федерации).

В.В. Жириновский также акцентирует несбалансированность властных полномочий: чрезмерная концентрация компетенций у президента сочетается с недостаточной ролью парламента, что, по его мнению, искажает конституционный баланс в правомочиях (в Конституции РФ, баланс исполнительной и законодательной властей выстроен так, что Россия определяется как смешанная республика⁷). В контексте экономической безопасности страны особое внимание уделяется нормам о недрах (статья 9 в сопряжении с действующими гражданско-правовыми институтами), допускающим их пребывание в частных, кооперативных или иных формах собственности. Лидер ЛДПР предлагал ввести строгий механизм контроля, исключаяющий иностранное владение и заменяющий продажу арендой на 49 лет, с целью предотвращения «растаскивания» стратегических ресурсов. Эта позиция иллюстрирует переход от абстрактных конституционных деклараций к конкретным правовым инструментам национальной безопасности.

⁵ Фракция ЛДПР в Государственной Думе: отчёт о работе за 2012 год. — М.: Издание Государственной Думы, 2013. — 96 с. — URL: <http://duma.gov.ru/media/files/uAFzdL9X572OceXCMp7Cvmx0qGLq3M6q.pdf> (дата обращения: 23.03.2026).

⁶ История Либерально-демократической партии России // ЛДПР. — URL: https://ldpr.ru/party/History_of_the_Liberal_Democratic_Party/ (дата обращения: 23.03.2026).

⁷ Шестернина Д.С. Форма государственного правления в Российской Федерации // Вопросы науки и образования. — 2018. — № 22(34). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/forma-gosudarstvennogo-pravleniya-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 23.03.2026).

В целом, предложения В.В. Жириновского, представляют собой системный проект конституционной модернизации, ориентированный на укрепление суверенитета, национального приоритета и централизованного управления. Они вписываются в эволюцию его взглядов, эскалировавших от радикальных реформ 1990-х к поддержке поправок 2020 года, усиливших президентскую вертикаль. С юридической перспективы, такие инициативы, безусловно, требуют тщательного анализа на предмет соответствия принципам федерализма, закрепленным в статье 1 Конституции Российской Федерации, а также оценки их влияния на сформированную судебную практику Конституционного Суда Российской Федерации. Дальнейшее исследование могло бы сравнить их с аналогичными предложениями других оппозиционных политических сил, представленных в Федеральном Собрании Российской Федерации, выявляя специфику сформированной либерально-демократической доктрины в российском конституционализме.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что конституционные взгляды В.В. Жириновского представляют собой внутренне связанный вариант «центрированного» конституционализма, в котором приоритет придаётся единству государственной власти, территориальной целостности и государственному суверенитету над принципами классического либерального разделения властей и широкими гарантиями индивидуальных прав. Это выражается в последовательной критике этнофедералистской модели, предложениях по перераспределению полномочий в пользу федерального центра, укреплении президентской вертикали и одновременном требовании институционального усиления парламента как органа законодательной детализации и политического контроля.

Анализ отчётов фракции ЛДПР в Государственной Думе и практики законотворчества показывают, что на уровне конкретных инициатив, конституционные ориентиры В.В. Жириновского частично реализуются в трёх ключевых направлениях: во-первых, реформирование федеративного устройства через унификацию статуса и наименований субъектов, ужесточение разграничения компетенций и поддержку модели назначаемых глав регионов; во-вторых, переработка избирательной системы и статуса избирательных комиссий с целью сочетания партийного контроля и борьбы с фальсификациями; в-третьих, нормативное укрепление «суверенной демократии» за счёт ограничений для иностранных акторов, некоммерческих организаций-«иностранных агентов» и расширения внутренних санкционных механизмов.

Сделанные выводы позволяют рассматривать политико-правовое наследие В.В. Жириновского как важный, элемент генезиса российского конституционализма, оказавший влияние как на дискуссии 1990-х годов вокруг текста Конституции, так и на последующие реформы, включая изменения 2014 и 2020 годов. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется более детальный сравнительный анализ конституционного проекта ЛДПР 1993 года и действующей редакции Конституции РФ, а также влияние риторики о «государствообразующем народе» и «суверенной демократии» на конституционную практику и решения Конституционного Суда Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202007040001> (дата обращения: 23.03.2026).
2. Жириновский В. Конституция — политический паспорт России // Дума ТВ. — 2020. 12 дек. — URL: <https://dumatv.ru/news/zhirinovskii-konstitutsiya---politicheskii-pasport-rossii> (дата обращения: 23.03.2026).
3. Политико-правовые взгляды Владимира Жириновского / В.А. Ахралович // Социогуманитарные и правовые проблемы цивилизационной модернизации белорусского общества: историческое наследие и современность. — С. 530–531. — URL: https://rep.polessu.by/bitstream/123456789/31414/1/Politiko-pravovye_vzgliady.pdf (дата обращения: 23.03.2026).
4. Быстренко В.И. В.В. Жириновский об истории России и главных источниках укрепления ее государственности сегодня // Мировые цивилизации. — 2024. — Т. 9. — № 4. — URL: <https://wcj.>

- world/PDF/06IAMZ424.pdf (дата обращения: 23.03.2026).
5. Фракция ЛДПР в Государственной Думе: отчёт о работе за 2012 год. — М.: Издание Государственной Думы, 2013. — 96 с. — URL: <http://duma.gov.ru/media/files/uAFzdL9X572OceXCМp7Cvmx0qGLq3M6q.pdf> (дата обращения: 23.03.2026).
6. История Либерально-демократической партии России // ЛДПР. — URL: https://ldpr.ru/party/History_of_the_Liberal_Democratic_Party/ (дата обращения: 23.03.2026).
7. Афанасьева Е.В., Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А. Геостратегические регионы мира: методика исследования и анализ. — М., 2020. — 200 с.
8. Булавина М.А., Новосельский С.О., Попова С.А. Стратегические цели и тактические приоритеты управления городом в условиях геополитической напряженности // Вестник евразийской науки. — 2022. — Т. 14. — № 3.
9. Слуцкий Л.Э., Васецкий Н.А., Слоботчиков О.Н. Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография в 2-х т. / Том 1. Россия — государство-цивилизация. — М., 2024. — 384 с.
10. Шестернина Д.С. Форма государственного правления в Российской Федерации // Вопросы науки и образования. — 2018. — № 22(34). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/forma-gosudarstvennogo-pravleniya-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 23.03.2026).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЦИВИЛИСТИКА: О ЗНАЧЕНИИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА ДЛЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

А.А. Ломакина

аспирант,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва;

младший научный сотрудник,

ФГБУ «Федеральный институт промышленной собственности», Москва

anastasya.lomackina84@yandex.ru

GUILT AS A CONDITION OF CIVIL LIABILITY IN COPYRIGHT: AN EXAMPLE OF PLAGIARISM IN SCIENTIFIC WORKS

A.A. Lomakina

Postgraduate student,

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow;

junior researcher,

Federal Institute of Industrial Property, Moscow

anastasya.lomackina84@yandex.ru

Аннотация. Использование междисциплинарного подхода в правовых (цивилистических) и литературоведческих исследованиях обусловлено тем фактом, что литературоведы и правоведы (цивилисты) в значительной мере используют общую теоретическую базу. Набор понятий, с которыми работают цивилисты, занимающиеся правом интеллектуальной собственности, в частности авторским правом, и понятийный аппарат теоретиков литературы во многом пересекаются. Исторически сложилось, что часть понятий (произведение, сюжет, персонаж и др.) пришли в цивилистику из теории литературы, однако были переосмыслены с точки зрения юриспруденции ввиду отличающихся целей и задач, что в некоторых случаях негативно сказалось на практике употребления указанных понятий и, как следствие, на понимании и толковании норм права, их определяющих. В связи с этим представляется разумным при работе с понятиями, относящимися к произведениям литературы и науки, принимать во внимание опыт теоретиков литературы, что должно способствовать как улучшению качества принимаемых нормативных правовых актов, так и повышению эффективности правоприменительной деятельности. Опыт цивилистов, в свою очередь, также может обогатить литературоведение.

Ключевые слова: conceptual framework, nature of a literary work, literary analysis of a work, and originality of a work.

Abstract. Implementation of an interdisciplinary approach in legal (civilistic) and literary studies is due to the fact that literary and legal scholars (civilists) largely use a common theoretical framework. The set of concepts used by civil scientists dealing with intellectual property law, in particular copyright, and the conceptual framework of literary theorists overlap in many ways. Historically, some concepts (work, plot, character, etc.) came to civics from literary theory, but they were reinterpreted from the point of view of jurisprudence due to different goals and objectives, which in some cases negatively affected the practice of using these concepts and, as a result, the understanding and interpretation of the legal norms that define them. In this regard, it seems reasonable to take into account the experience of literary theorists when working with concepts related to works of literature and science, which should contribute both to improving the quality of regulatory legal acts adopted and to increasing the effectiveness of law enforcement activities. The experience of the civilists, in turn, can also enrich literary studies.

Key words: copyright, plagiarism, civil liability, guilt, work of science.

В последних рекомендациях Высшей аттестационной комиссии диссертационным советам содержится настоятельная рекомендация уделять внимание междисциплинарным исследованиям. По своей сути данная рекомендация отражает действительность — многие отрасли науки тесно соприкасаются друг с другом, а в некоторых случаях происходит их взаимовлияние. Литературоведение — яркий пример такого процесса. Тесная связь истории и литературоведения обусловлена тем, что художественные произведения с той или иной степенью жизнеподобия отражают аспекты реальности, привлекая внимание авторов. В основе междисципли-

нарных исследований литературоведов и экономистов лежит тот же принцип. Так, например, Е. Чиркова в своей монографии анализирует, каким образом в литературных произведениях отражены экономические теории и изображены экономические процессы [9].

В основе взаимодействия литературоведения и правоведения лежит иная, не менее глубокая и прочная связь, — общий понятийный аппарат, используемый при работе с художественным произведением, а также процесс анализа последнего. История литературоведческих понятий восходит ко временам античности, в дальнейшем часть понятийного аппарата была заимствована другими науками, в частности юриспруденцией. Литературоведение стало источником. Такие краеугольные понятия литературоведения, как «произведение литературы / художественное произведение», «персонаж», «сюжет», являются чрезвычайно важными в работе цивилистов, занимающихся авторским правом. Кроме того, без квалифицированного анализа произведения невозможно установить факт нарушения авторских прав или вынести верное судебное решение.

Однако у правоведения и литературоведения есть фундаментальное различие в подходе, являющееся основой анализа произведения, — взаимоотношение содержания и формы. Если в понятийной паре содержание/форма для литературоведов ведущее понятие — содержание [2, с. 96], что обусловлено самой историей данного понятия, идущей еще от Аристотеля, писавшего о соотношении материи и формы, то в гражданском праве (цивилистике) дискуссия о форме и содержании продолжается до настоящего момента. Так, на стороне формы стоят В.А. Дозорцев [5], В.С. Витко, предлагающий новый вид плагиата — «плагиат формы произведения» [3]; на стороне содержания — М.А. Рожкова [7], И.А. Блинец и Б.Б. Леонтьев [1]; за единство формы и содержания выступали Э.П. Гаврилов [4] и В.П. Мазолин, который, критикуя часть IV Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), писал о двойственной природе интеллектуальной собственности, выражающейся в единстве носителя и идеи, его одухотворяющей [6]. При этом цивилистическая доктрина строится на главенстве формы, так как согласно ГК РФ охраноспособное произведение литературы должно представлять собой результат творческой деятельности автора (ст. 1257) и быть выражено в объективной форме (п. 3 ст. 1259).

В связи с данным различием анализ художественного произведения в литературоведении происходит как анализ произведения в его целостности: от замысла к способам создания художественности, в то время как в цивилистике чаще всего выполняется формальное, буквальное сравнение без углубления в смыслы, без разбора литературных приемов. Вследствие чего могут возникать неоднозначные ситуации, когда под персонажем понимается его портрет [10], или же скрытое цитирование рассматривается как недобросовестное заимствование [3].

Вышеуказанное разделение на «первичное и вторичное» особенно ярко видно в определениях, представленных в составленной автором таблице.

Таблица

Сравнение юридических и литературоведческих определений

Понятие	Юридическое определение	Литературоведческое определение
Произведение	Легальное определение отсутствует. Произведение — это совокупность идей, мыслей и образов, получивших в результате творческой деятельности автора свое выражение в доступной для восприятия человеческими чувствами конкретной форме, допускающей возможность воспроизведения [8].	Художественное произведение есть явление претворенного бытия жизни, где оно, хотя и схоже с бытием жизни, но все предопределено единой целью и живет только в нашем сознании в образах, постигаясь творческим актом обратного построения от претворенного бытия к его цели ¹

¹ Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. — М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель. 1925. — URL: https://literary_terms.academic.ru/691/%D0%A5%D1%83%D0%B4%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5?ysclid=mfcr5bm4z69336120.

Понятие	Юридическое определение	Литературоведческое определение
Автор	Автор — физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение (ст. 1257 ГК РФ)	Автор биографический — личность, существующая во внехудожественной, первично-эмпирической, исторической реальности. Автор-творец — создатель словесно-художественных произведений, мастер слова, «эстетически деятельный субъект» (М.М. Бахтин). Автор во внутритекстовом воплощении (импликативный автор) — проявления автора в структуре словесно-художественного текста, разновидности его внутритекстового бытия [2, с. 68]
Персонаж	Легальное определение отсутствует. «...Под персонажем следует понимать <i>часть произведения</i> , содержащую описание или изображение того или иного действующего лица в форме (формах), присущей (присущих) произведению: в письменной, устной форме, в форме изображения, в форме звуко- или видеозаписи, в объемно-пространственной форме и др.» ² . «...Под персонажем следует понимать совокупность описаний и (или) изображений того или иного действующего лица в произведении в форме (формах), присущей (присущих) произведению: в письменной, устной форме, в форме изображения, в форме звуко- или видеозаписи, в объемно-пространственной форме и др.» ³	Персонаж (литературный герой, действующее лицо) — вид художественного образа, субъект действия, переживания и высказывания в произведении. Персонаж понимается с одной стороны как характер, с другой, — как художественный образ, воплощающий данный характер с той или иной степенью эстетического совершенства [2, с. 197]

Таким образом будут разниться и принципы выявления копирования фрагментов произведения или персонажей. В ставшем уже классическим примером судебного спора о плагиате — споре Дж. Роулинг против Д. Емца — для литературоведа будет ясно, что произведение российского автора — пародия, так как существует различие не только в характерах героев, но и в самой внутренней идее произведения, от которой напрямую зависит содержание и художественное выражение. Для правоведа же наличие сходства внешнего вида героев и их характерных действий является поводом к тому, чтобы с большей вероятностью признать «Таню Гроттер и магический контрабас» плагиатом. Кроме того, формальный подход к юридическому анализу произведения обесценивает такие литературные приемы, как скрытое цитирование или аллюзия, превращая их в способы неправомерного заимствования.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26 марта 2009 г. «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «ГАРАНТ». — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1690777/?ysclid=mlkwmpc6x1359668552> (дата обращения: 13.02.2026).

³ Пункт 82 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «ГАРАНТ». — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72130696/?ysclid=mlkw9avkpu238647497> (дата обращения: 13.02.2026).

В связи с этим представляется разумным при работе с понятиями, относящимися к произведениям литературы и науки, принимать во внимание опыт теоретиков литературы, учитывать разработанные ими определения, научные концепции и методологические подходы к анализу произведений, что должно способствовать как улучшению качества принимаемых нормативных правовых актов, так и повышению эффективности правоприменительной деятельности. В свою очередь более глубокое ознакомление с гражданско-правовым понятийным аппаратом могло бы помочь ученым-литературоведам в их исследовательской и публикационной деятельности, а судебные решения в части споров о литературных произведениях и произведениях науки смогли бы послужить эмпирической базой литературоведческих исследований.

Список литературы

1. *Близнец И.А., Леонтьев Б.Б.* «Свободное использование произведений в университетской среде: риски и перспективы // Интеллектуальная собственность. Авторское право. — 2003. — № 4. — С. 61–70.
2. Введение в литературоведение: учеб. пособие для вузов по направлению и спец. «Филология» / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, А.Я. Эсалнек и др.; под ред. Л.В. Чернец. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Высш. шк., 2004. — 679, [1] с.
3. *Витко В.С.* Плагиат структуры формы произведения // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. — 2023. — № 5. — С. 53–57.
4. *Гаврилов Э.П.* Авторское право и содержание произведения // Патенты и лицензии. — 2009. — № 7. — С. 31–38.
5. *Дозорцев В.А.* Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации: Сб. статей. Исслед. центр част. права. — М.: Статут, 2005. — 413, [2] с.
6. *Мозолин В.П.* О концепции интеллектуальных прав // Журнал российского права. — 2007. — № 12. — С. 100–109.
7. *Рожкова М.А.* «Авторское право охраняет форму, патентное — содержание» — правильно ли это утверждение и при чем здесь «оригинальность произведения» и «плагиат»? // Закон.ру. — 2021. 10 февраля. — URL: https://zakon.ru/blog/2021/2/10/avtorskoe_pravo_ohranyaet_formu_patentnoe_soderzhanie_pravilno_li_eto_utverzhdienie (дата обращения: 13.02.2026).
8. *Серебровский В.И.* Вопросы советского авторского права. — М.: Акад. наук СССР. Ин-т права им. А.Я. Вышинского. — М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1956. — 283 с. — С. 39.
9. *Чиркова, Е.* От золотого тельца до «Золотого теленка». Что мы узнаем из литературы об экономике и из экономики о литературе / Е. Чиркова. — М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2018. — 400 с.
10. *Karjala, Dennis S.* Harry Potter, Tanya Grotter, and the Copyright Derivative Work // Arizona State Law Journal. — 2006. — Vol. 38. — Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1436760> (дата обращения: 13.02.2026).

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НОТАРИАТА В РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

В.Л. Лысянский

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
Listlist70@mail.ru

А.Л. Богданова

студент,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
Bogdanova.Anastasia2005@yandex.ru

THE SPECIFICS OF THE FORMATION OF A NOTARY IN RUSSIA AND THE PROSPECTS FOR ITS DEVELOPMENT

V.L. Lysyansky

PhD in Legal Sciences, Associate Professor,
Department of Civil Law Disciplines,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
Listlist70@mail.ru

A.L. Bogdanova

Student,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
Bogdanova.Anastasia2005@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей формирования нотариата в России и перспектив его развития в современных условиях. Автор рассматривает становление нотариальных функций в дореволюционной России, развитие нотариата в советский период и формирование его современной модели в постсоветское время. Автор анализирует правовую природу нотариата, его функции, принципы организации нотариальной деятельности, а также особенности статуса нотариуса и роль нотариальных палат. Особое внимание уделяется нормативно-правовой основе нотариальной деятельности, сочетанию публично-правового и частноправового начал и влиянию цифровизации на нотариальную практику. Автор приходит к выводам о том, что российский нотариат сохраняет значение одного из ключевых институтов превентивной защиты прав и требует дальнейшего совершенствования законодательства, развития электронных форм нотариальных действий и повышения доступности нотариальных услуг.

Ключевые слова: нотариат, нотариус, цифровизация, нотариальная деятельность, правовая защита, нотариальные палаты, развитие.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the features of the formation of a notary in Russia and the prospects for its development in modern conditions. The author examines the formation of notary functions in pre-revolutionary Russia, the development of the notary in the Soviet period and the formation of its modern model in the post-Soviet period. The author analyzes the legal nature of the notary, its functions, the principles of organization of notarial activities, as well as the features of the notary's status and the role of notary chambers. Special attention is paid to the regulatory framework of notarial activity, the combination of public and private law principles and the impact of digitalization on notary practice. The author concludes that the Russian notary retains the importance of one of the key institutions for the preventive protection of rights and requires further improvement of legislation, the development of electronic forms of notarial actions and increased accessibility of notary services.

Key words: notary, notary, digitalization, notary activity, legal protection, notary chambers, development.

Современный нотариат в России является результатом длительного исторического развития. Его становление происходило в тесной связи с эволюцией публичной власти, имущественного оборота и форм юридического удостоверения. Уже на ранних этапах развития российского права возникла потребность в официальном подтверждении сделок, завещаний,

долговых обязательств и иных юридически значимых действий. По мере усложнения гражданского оборота такая деятельность переставала быть вспомогательной и постепенно приобретала самостоятельное правовое значение.

В дореволюционной России нотариальные функции долгое время осуществлялись различными должностными лицами, однако судебная реформа XIX века придала нотариальной деятельности более системный характер. Нотариус стал восприниматься как лицо, которому государство доверяет удостоверение бесспорных прав и фактов. Именно в этот период сформировались важнейшие признаки нотариата: документальная форма деятельности, профессиональный характер удостоверения, повышенная доказательственная сила нотариального акта и направленность на предупреждение правовых споров. Развитие нотариата было тесно связано с укреплением частной собственности и договорных отношений, что придало ему выраженную связь с потребностями гражданского оборота.

Советский период существенно изменил организационную модель нотариата. В условиях доминирования публично-правового регулирования нотариальная деятельность была встроена в систему государственной нотариальной службы. Частноправовая составляющая была заметно ограничена, однако сам нотариат сохранился как правовой институт, обеспечивающий удостоверение сделок, наследственных прав, копий документов и иных юридически значимых обстоятельств. Следовательно, даже в условиях иной экономической и правовой модели нотариат продолжал выполнять функцию юридического подтверждения и обеспечения законности.

Современная модель нотариата оформилась в постсоветский период после принятия Основ законодательства Российской Федерации о нотариате¹. Именно этот акт заложил конструкцию небюджетного нотариата, при которой нотариусы, занимающиеся частной практикой, совершают нотариальные действия от имени Российской Федерации. Как отмечают Л.А. Назарова и М.В. Михайлов, изменение законодательных основ нотариальной деятельности стало важным элементом развития российского государства и обновления правового механизма защиты прав [5, с. 28]. В результате в России сложилась смешанная модель нотариата, соединившая публичное назначение нотариальной деятельности и профессиональную самостоятельность нотариуса.

Правовая природа нотариата раскрывается через его функциональное назначение и особое место в системе юридической защиты. В российской доктрине нотариат рассматривается не только как совокупность нотариусов и нотариальных действий, но и как самостоятельный институт, обеспечивающий юридическую достоверность бесспорных прав, фактов и волеизъявлений. По справедливому замечанию Р. А. Ишмухаметова, понятие нотариата в российской юридической доктрине неотделимо от его места в системе правовых институтов и от его практической направленности на юридическое обеспечение законности [4, с. 239].

Сущность нотариата состоит в том, что он действует не после возникновения спора, а до него, предупреждая возможный конфликт посредством правовой проверки и официального удостоверения юридически значимых действий. Именно поэтому нотариат обоснованно рассматривается как институт превентивной защиты прав. Это положение соответствует Основам законодательства Российской Федерации о нотариате, согласно которым нотариальные действия совершаются от имени Российской Федерации, а нотариус обязан руководствоваться Конституцией Российской Федерации, названными Основами и иными нормативными правовыми актами².

Функции нотариата носят комплексный характер. Центральной является удостоверительная функция, однако ей сопутствуют охранительная, доказательственная и разъяснительная функции. Нотариус не только удостоверяет сделку или факт, но и проверяет законность волеизъявления, разъясняет правовые последствия совершаемого действия, предупреждает нарушения прав сторон и тем самым снижает вероятность судебного спора. Как показывает

¹ «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 20.02.2026) // СПС КонсультантПлюс.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). // СПС КонсультантПлюс.

современное развитие института нотариальных действий, его значение связано прежде всего с усилением гарантийной роли нотариата в гражданском обороте [6, с. 49].

Особое место нотариата в правовой системе определяется его двойственной природой. С одной стороны, нотариальная деятельность имеет публично-правовой характер: нотариус действует от имени государства, его полномочия определяются законом, а последствия нотариальных действий признаются всей правовой системой. С другой стороны, нотариат обслуживает частные интересы граждан и организаций, обеспечивая устойчивость имущественных, семейных, наследственных и корпоративных отношений. Нормы Гражданского кодекса Российской Федерации закрепляют обязательность нотариальной формы для ряда сделок и распоряжений³, что подтверждает значимость нотариата как самостоятельного института правовой профилактики и превентивной защиты прав.

Современный этап развития нотариата в России характеризуется расширением его практической роли и усложнением нормативной базы. Основу правового регулирования составляют Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи»⁴, Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁵, Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»⁶, а также Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»⁷. Именно эта совокупность актов определяет современные пределы и формы нотариальной деятельности.

Нормативное регулирование нотариата имеет комплексный характер. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате закрепляют виды нотариальных действий, правовой статус нотариуса, основы имущественной ответственности, требования к нотариальному делопроизводству и организацию нотариального сообщества. Гражданский кодекс Российской Федерации конкретизирует случаи обязательной нотариальной формы, правила удостоверения доверенностей, соглашений, наследственных распоряжений и иных юридически значимых действий. Законодательство о регистрации прав на недвижимость и юридических лиц усиливает значение нотариуса в сфере имущественного и корпоративного оборота.

Статус нотариуса в современной России отличается особой правовой природой. Нотариус не является государственным служащим в обычном понимании, но и не выступает простым субъектом частной юридической практики. Он наделен публичными полномочиями, действует от имени Российской Федерации, обязан соблюдать закон, хранить нотариальную тайну, разъяснять участникам правовые последствия совершаемых действий и отказывать в совершении нотариального действия при наличии законных оснований. Такое сочетание полномочий и обязанностей делает нотариуса самостоятельным носителем публичного доверия.

Значительную роль в современной модели нотариата играют нотариальные палаты, обеспечивающие профессиональное самоуправление, координацию нотариальной практики и повышение квалификации нотариусов. Их деятельность способствует выработке единых стандартов нотариальной помощи и поддержанию качества нотариальных действий. В результате современный российский нотариат выступает как институт, в котором публичные и частные начала не противостоят друг другу, а взаимодействуют. Публичный элемент обеспечивает за-

³ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об электронной подписи» // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

⁶ Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 30.01.2026) «О государственной регистрации недвижимости» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // СПС КонсультантПлюс.

⁷ Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СПС КонсультантПлюс.

конность и доверие к нотариальному акту, а частноправовой — ориентацию на потребности участников гражданского оборота.

Наиболее заметной тенденцией современного этапа является цифровизация нотариальной деятельности. Она затрагивает не только техническую сторону работы нотариуса, но и содержание нотариальной помощи, формы удостоверения документов и характер взаимодействия с государственными информационными системами. А.Т. Таирова и Н.А. Захаренко подчеркивают, что цифровизация нотариальной деятельности уже оказывает существенное влияние на организацию нотариальной практики и на доступность юридически значимых услуг [3, с. 300].

Развитие электронного нотариата и удаленных нотариальных действий позволяет ускорять документооборот, оперативно передавать сведения в регистрирующие органы, использовать электронные реестры и цифровые каналы взаимодействия. По мнению Г.З. Бегловой, цифровая трансформация российского нотариата изменяет сам подход к совершению нотариальных действий, однако не отменяет необходимости строгого соблюдения принципов законности, достоверности и конфиденциальности [8; с. 82]. В этой связи особое значение приобретают положения законодательства об электронной подписи и информационных технологиях.

Вместе с тем цифровизация выявляет и ряд проблем. Проблемы развития нотариата в Российской Федерации связаны прежде всего с неполной согласованностью нормативно-правового регулирования. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате продолжают оставаться базовым актом в данной сфере, однако развитие гражданского законодательства, законодательства об электронной подписи, об информации, о государственной регистрации прав и цифровых технологиях требует более точной увязки норм, регулирующих совершение нотариальных действий в традиционной и электронной форме. В результате отдельные цифровые механизмы уже используются на практике, тогда как единая и последовательно выстроенная модель их правового применения еще окончательно не сформирована. Д.А. Попова и К.А. Бохан справедливо связывают перспективы развития нотариального производства в цифровую эпоху с качеством правовой адаптации нотариальных процедур к новым условиям [2, с. 178].

Перспективы развития нотариата связаны с совершенствованием законодательства, укреплением цифровой инфраструктуры и сохранением профилактической сущности нотариальной деятельности. М.А. Султанова отмечает, что современное развитие института нотариальных действий обусловлено расширением их значения для правовой устойчивости общественных отношений [6, с. 55]. Перспективы развития нотариата в Российской Федерации связаны прежде всего с формированием более целостной нормативной модели нотариальной деятельности. Необходима дальнейшая конкретизация правил совершения нотариальных действий в электронной форме, согласование нотариального законодательства с нормами гражданского, информационного и регистрационного права, а также устранение пробелов, возникающих при использовании цифровых процедур.

Важным направлением остается развитие электронного нотариата. Речь идет о расширении безопасного электронного документооборота, совершенствовании удаленной идентификации, укреплении межведомственного информационного взаимодействия и повышении защищенности нотариальной информации. При этом цифровые технологии должны не подменять правовую функцию нотариуса, а усиливать ее, сохраняя приоритет юридической проверки, законности и достоверности нотариального действия.

Перспективным является и повышение доступности нотариальной помощи. Это предполагает не только развитие цифровых сервисов, но и сохранение удобных очных форм нотариального обслуживания, особенно для граждан, проживающих на удаленных территориях или испытывающих трудности при использовании электронных систем. Одновременно будет возрастать значение нотариата как института превентивной защиты прав, особенно в тех сферах, где необходимы повышенные гарантии правовой определенности, — при удостоверении сделок, оформлении наследственных прав, защите семейных интересов и обеспечении устойчивости гражданского оборота. Именно поэтому электронный нотариат, удаленные нотариальные действия и иные цифровые инструменты должны рассматриваться не как самоцель, а как средство усиления традиционной функции нотариата — превентивной защиты прав и законных интересов участников гражданского оборота.

Таким образом, дальнейшее развитие нотариата должно идти по трем основным направлениям: совершенствование законодательства, безопасная цифровая модернизация нотариальной деятельности и укрепление превентивной функции нотариата как одного из ключевых институтов правовой защиты.

Проведенное исследование показывает, что формирование нотариата в России носило последовательный характер и было тесно связано с развитием государства, гражданского оборота и правовой системы. Дореволюционный этап заложил основы профессионального удостоверения юридически значимых действий, советский период усилил публично-правовую составляющую нотариальной деятельности, а постсоветская реформа создала современную смешанную модель нотариата, основанную на сочетании публичного назначения и профессиональной самостоятельности нотариуса.

Современный нотариат занимает самостоятельное место в правовой системе России и остается важным институтом превентивной защиты прав. Его особенность состоит в двойственной природе: нотариат одновременно обеспечивает публичные интересы законности и обслуживает частные интересы участников гражданского оборота. Именно это сочетание делает его устойчивым и востребованным правовым институтом.

Дальнейшее развитие нотариата непосредственно связано с цифровой трансформацией юридической деятельности [1]. Электронный нотариат, удаленные нотариальные действия и развитие информационной инфраструктуры способны повысить доступность и эффективность нотариальной помощи. Вместе с тем такие процессы должны сопровождаться совершенствованием законодательства и сохранением сущностной роли нотариуса как профессионального субъекта правовой профилактики. Следовательно, нотариат в России сохраняет значение одного из ключевых институтов превентивной защиты прав и обладает устойчивыми перспективами дальнейшего развития.

Список литературы

1. Беглова Г.З. Цифровая трансформация российского нотариата // Пробелы в российском законодательстве. — 2024. — № 2. — С. 81–85.
2. Бохан К.А., Попова Д.А. Перспективы развития нотариального производства в эпоху цифровизации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2024. — № 12. — С. 176–181.
3. Захаренко Н.А., Таирова А.Т. Цифровизация нотариальной деятельности // Образование и право. — 2023. — № 9. — С. 299–303.
4. Ишмухаметов Р.А. Понятие нотариата в российской юридической доктрине // Право и государство: теория и практика. — 2025. — № 2. — С. 238–240.
5. Назарова Л.А., Михайлов М.В. Динамика изменений законодательных основ осуществления нотариальной деятельности в механизме развития российского государства // Пробелы в российском законодательстве. — 2025. — Т. 18. — № 1. — С. 27–32.
6. Султанова М.А. Современное развитие института нотариальных действий // Проблемы экономики и юридической практики. — 2024. — Т. 20. — № 4. — С. 47–57.
10. Афанасьева Е.В., Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А. Геостратегические регионы мира: методика исследования и анализ. — М., 2020. — 200 с.
11. Булавина М.А., Новосельский С.О., Попова С.А. Стратегические цели и тактические приоритеты управления городом в условиях геополитической напряженности // Вестник евразийской науки. — 2022. — Т. 14. — №3.
12. Слуцкий Л.Э., Васецкий Н.А., Слоботчиков О.Н. Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография в 2-х т. / Том 1. Россия — государство-цивилизация. — М., 2024. — 384 с.

ВЕКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЙ В НАЦИОНАЛЬНОМ ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

А.А. Максуров

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль
alex.maks.yarosl@gmail.com

VECTORS OF CHANGE IN NATIONAL LAW AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE CONTEXT OF SANCTIONS

A.A. Maksurov

PhD in Legal Sciences,
Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law,
P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl
alex.maks.yarosl@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу и конструированию тех изменений, которые должны происходить, либо неизбежно происходят в национальном праве и государственном управлении в условиях санкционного воздействия. Представляется, что санкции в будущем мире все чаще будут включаться в арсенал международной политики и не исключается введение санкционных режимов на длительные сроки. В условиях санкций появляются проблемы учета особенностей осуществления правового регулирования и публичного управления в продолжительной кризисной ситуации, к которой относится санкционный режим. Эти проблемы следует рассматривать на двух уровнях: уровне защиты государством субъектов частного права (национальных физических и юридических лиц) и уровне перестройки национального законодательства в целях создания механизма противодействия негативным последствиям применения санкций, а также уменьшения реального или потенциального ущерба от введения ограничительных мер в отношении государства как субъекта международного права, его органов власти и должностных лиц. В исследовании показаны изменения, которые характерны для системы публичного управления. Обосновано, что перестройка системы публичного управления, в основном, сводится к координационному и системному моментам. Представлены пять основных направлений публичного управления, связанного с противодействием режиму санкций.

Ключевые слова: санкции, ограничения, контрсанкции, специальные экономические меры, принудительные меры, меры поддержки, координация, система антисанкционного законодательства, кризис, кризисная ситуация

Abstract. This article is devoted to the analysis and construction of the changes that should occur, or inevitably occur, in national law and public administration under the influence of sanctions. It is suggested that sanctions will increasingly be included in the arsenal of international politics in the future, and the introduction of sanctions regimes for extended periods is not ruled out. Under sanctions, problems arise in taking into account the specifics of legal regulation and public administration in a prolonged crisis situation, which includes the sanctions regime. These problems should be considered at two levels: the level of state protection of private law subjects (national individuals and legal entities) and the level of restructuring national legislation in order to create a mechanism for counteracting the negative consequences of applying sanctions, as well as reducing the actual or potential damage from the introduction of restrictive measures against the state as a subject of international law, its authorities and officials. The study shows the changes that are characteristic of the public administration system. It is argued that the restructuring of the public administration system mainly boils down to coordination and systemic aspects. Five main areas of public administration related to counteracting the sanctions regime are presented.

Key words: sanctions, restrictions, counter-sanctions, special economic measures, coercive measures, support measures, coordination, anti-sanctions legislation system, crisis, crisis situation

На протяжении XX века в международной политико-правовой практике получили большое распространение так называемые «санкции» (санкционные ограничения), рассматрива-

емые как меры международно-правового воздействия. По подсчетам аналитиков, на начало XXI века существовало более 600 санкционных режимов [17, с. 78], однако большинство из них ограничительных мер в отношении конкретных иностранных физических и юридических лиц не предполагало. Скорее, государства создавали ограничения для своих физических и юридических лиц в виде запрета на сотрудничество с фигурантами санкционных списков.

Санкции принимались и в отношении СССР — правопреемника Российской Федерации, однако они касались лишь государства и, крайне редко, государственных организаций, не распространяясь на граждан и негосударственные юридические лица, которых, к тому же, было в то время достаточно мало, причем они функционировали исключительно в некоммерческом секторе. Наиболее значимым в этой связи был «закон Джексона — Вэника» (*англ.* Jackson-Vanik amendment) 1974 года, в рамках которого ограничивалась торговля с государствами, нарушающими права человека и препятствующими эмиграции. Ограничительных мер в виде ареста активов СССР (позднее — Российской Федерации) законом не предусматривалось. С 1989 года на применение закона ежегодно вводился мораторий, в 2012 году Российская Федерация была выведена из числа государств, в отношении которых действуют ограничительные меры, однако в том же году был принят «Акт Магнитского» (*Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act of 2012*), которым были введены персональные санкции, включая запрет на въезд в США и блокировку доступа к активам указанных лиц в банках США [18, с. 39]. Почти одновременно были приняты аналогичные европейские акты [11, с. 25]. Несмотря на то, что персональный состав лиц, в отношении которых были введены ограничения, постоянно расширяется, данные акты по своему действию имеют строго персонифицированный характер и значительного влияния на экономические взаимоотношения Российской Федерации и других государств они не оказали [15, с. 48].

Вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации в 2014 году не только усилило общесанкционное экономическое давление на Российскую Федерацию, но и впервые затронуло достаточно широкие круги российских физических и юридических лиц¹, в отношении которых были введены ограничительные меры имущественного характера, в том числе, ограничивающие, а, иногда, полностью запрещающие распоряжение указанными лицами своими активами на территории отдельных государств.

Начиная с 2022 года наблюдается изменение характера санкций и связанных с этим ограничительных мер в отношении российских физических и юридических лиц, когда санкции и ограничительные меры все чаще применяются к частным субъектам российского права, явно не связанным с государственной властью Российской Федерации, а блокировка доступа к их активам осуществляется в форме ареста с предположением о последующем обращении активов в иную государственную собственность [9, с. 18]. Примененные в отношении частных лиц санкции, очевидно, претерпевают свое назначение инструмента принуждения к изменению поведения государства — объекта санкций — на дипломатическом уровне, все чаще предполагая обращение взыскания на активы российских частных лиц в целях некоторой последующей компенсации за ущерб, причиненный, по мнению принявших санкции иностранных законодателей, Российской Федерацией другому государству — Украине.

Актуальным становится вопрос о природе данных ограничительных мер, в том числе, о том, можно ли такого рода ограничительные меры считать разновидностью обеспечительных мер в международном гражданском процессе. То есть, если вводимые в результате принятия санкций ограничительные меры для российских физических и юридических лиц будут признаны особым рода обеспечительными мерами, их введение и действие будут подчиняться соответствующим нормам права. Пока же неясны основания принятия ограничительных мер, порядок их обжалования, изменения или отмены, сроки, на которые введены ограничительные меры и условия, при которых они будут прекращены.

Российская Федерация, кроме консульской поддержки и применения мер международной дипломатии, пытается помочь своим гражданам и юридическим лицам посредством измене-

¹ См.: Новые санкции Запада и перспективы российской экономики // Мир перемен. — URL: <http://mirperemen.net/2017/09/novye-sankcii-zapada-i-perspektivy-rossijskoj-ekonomiki/> (дата обращения: 26.05.2023).

ния национального и, прежде всего, процессуального законодательства с точки зрения дополнительной защиты в процессуальных спорах в виде, в частности, путем установления правил об исключительной национальной судебной юрисдикции для рассмотрения отдельных категорий споров с участием иностранного элемента. Ранее государство помогало своим гражданам в процедуре альтернативного разрешения споров за рубежом [12, с. 25]. Очевидно, что такая практика может быть возобновлена.

Иной подход у государства как публичного образования, защищающего национальные и общественные интересы.

Введение одними государствами санкций в отношении других стран как субъектов международного права, их физических и юридических лиц может рассматриваться в качестве продолжительной и, чаще всего, латентной кризисной ситуации экономико-политического характера, поскольку имеет место отступление от обычных международных отношений и их замена экономико-политическими и организационно-правовыми ограничительными мерами, что наблюдается и в случае современных западных санкций в отношении Российской Федерации, ее национальных лиц. Одним из способов противодействия санкционным ограничениям выступает государственная антисанкционная политика, представляющая собой, по существу, антикризисное публичное управление. Данная управленческая политика, в первую очередь, отражена в антисанкционной юридической практике, представляющей антисанкционные модели, алгоритмы и механизмы, позволяющие минимизировать или восполнять ущерб, причиненный ограничениями. Исследование особенностей указанной юридической практики позволит в большей степени защитить публичные и частные интересы.

В условиях кризисной ситуации, прежде всего, меняются задачи публичного управления, что прямо отражается на правовой регламентации общественных отношений, затронутых кризисом (в данном случае, санкционным воздействием) [8, с. 27].

К обычным задачам системы публичного управления добавляются задачи по 1) преодолению кризисной ситуации, 2) минимизация негативных последствий и проявлений кризиса и 3) восстановление докризисного положения. Решение этих дополнительных (новых) задач предполагает, по меньшей мере, удовлетворение публичных и частных потребностей и интересов на том же (докризисном) уровне или их замещение (уточнение).

Однако изменения происходят и в обычных задачах.

Государство, подвергнутое негативному воздействию внешних факторов и детерминант, уже не может достигать тех же результатов публичного управления, что и в докризисных условиях с теми же ресурсами (материальными, управленческими, информационными и т.п.) и теми же способами использования всегда ограниченных ресурсов. Этих ресурсов может быть объективно недостаточно или же они могут быть отвлечены государством на иные цели, которые государственная власть считает более значимыми в долгосрочной или среднесрочной перспективе в рамках кризиса.

Санкционное давление предполагает несколько направлений противодействия с точки зрения публичного управления.

Во-первых, это оптимизация публичного управления с точки зрения поиска и реализации скрытых внутренних резервов системы, что отражается в путях согласования элементов механизма правового регулирования новыми способами². Основным направлением оптимизации выступает координация системы государственной власти [5, с. 92], представляющая собой основной путь достижения наиболее эффективного уровня использования ресурсов органами публичной власти [6, с. 48].

Показательно, что теоретико-правовые начала перестройки системы публично-правового управления были разработаны еще до 2014 года, когда санкционное давление на Российскую Федерацию значительно усилилось, хотя было и ранее, в том числе и на Россию как правопреемницу СССР.

² См.: *Карташов В.Н.* Механизм координационного регулирования // Вестн. науч. тр. Нижнекам. филиала Москов. гуманитарно-эконом. ин-та. Вып.3. Часть 8. Вопросы теории и истории гос. и права / отв. ред. П.А. Кабанов. — Нижнекамск, 2001. — С. 21–25.

В частности, в юридической литературе уже тогда указывалось на необходимость координации деятельности по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации и предлагались направления такой деятельности [1, с. 12], принципы координации публичного управления в кризисный период³, описывалась согласованная тактика противодействия внешнему экономическому и политическому давлению [4, с. 52]. В настоящее время можно говорить уже и о проблематике координации действий субъектов права в рамках санкционного правоотношения [7, с. 110].

Во-вторых, это меры, направленные на поддержку бизнеса и граждан.

Такие меры имеют экономическое и социально-экономическое содержание [2, с. 122], однако предполагают и идеолого-психологические аспекты [16, с. 92]. Их характер в большей степени компенсационный. В данном случае право лишь опосредует соответствующую поддержку, делает ее точечной, индивидуальной, системной, справедливой, достаточной. При этом поддержка может заключаться и во временном снижении бремени государственного контроля (надзора) для субъектов предпринимательства [10, с. 65], мораторий на те или иные действия и т.п., благодаря чему, в числе прочего, повышается и эффективность правовых норм [13, с. 111].

В-третьих, это специальные экономические и иные принудительные меры — по сути, анти-санкции, которые имеют карательный и восстановительный характер. Они реализуются в соответствии с Федеральным законом от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических и принудительных мерах»⁴.

Эти меры, как потенциальные алгоритмы противодействия, содержатся и в законодательстве других государств, причем, иногда на достаточно высоком законодательном уровне. Практика показывает, что в их отношении будет полезным проектный подход, когда конкретная экономическая мера рассматривается как обособленный правовой проект с его субъектами и участниками, издержками, средствами контроля и проч. [14, с. 82].

В-четвертых, можно говорить и об иных мерах экономического, политического, социального и любого другого характера, которые обычно восстановительные или превентивные.

В частности, к таким мерам можно отнести запрет на исполнение на территории Российской Федерации судебных актов недружественных государств [3, с. 73].

В-пятых, это меры по совершенствованию материального и процессуального антисанкционного законодательства, результатом которых выступают согласованные органами публичной власти правовые акты⁵, объединенные в единый антисанкционный механизм, обладающий признаками системности.

Таким образом, в качестве итога следует отметить наличие двух основных — координационного и системного — моментов, в рамках которых происходят позитивные изменения публичного управления в условиях санкций. В работе показаны основные направления публичного управления в данной ситуации. Все эти направления государственной властной деятельности имеют комплексный характер, они взаимосвязаны и взаимообусловлены. По своему содержанию такие меры как бы «пронизывают» правотворческую, правоприменительную, интерпретационную, контрольно-надзорную и, разумеется, координационную юридическую практику органов власти.

Список литературы

1. Баранов В.М., Карташов В.Н. Основные недостатки координационной практики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2006. — № 6. — С. 11–15.

³ См.: Фролов С.Е. Принципы координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции: сборник научных трудов. — Владимир, 2002. — С. 59–64.

⁴ Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических и принудительных мерах» // URL: <https://base.garant.ru/12151317/>

⁵ См.: Кивленок Т.В. Правовой акт как внешняя форма координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции. Сборник научных трудов. — Владимир: ВГПУ, 2002. — Вып. 3. — С. 54–68.

2. *Бриль Г.Г.* Малоисследованные общесоциальные функции координационной юридической практики // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе. Сб. науч. тр. V-й Межвуз. научн.-практич. конф. / отв. ред. проф. Г.Г. Бриль. — Кострома, 2007. — С. 121–125.
3. Гражданское исполнительное право / под ред. А.А. Власова. — М.: Экзамен, 2004. — 340 с.
4. *Карташов В.Н.* К вопросу о понятии координационной юридической тактики // Развитие молодежной юридической науки в современном мире. Сб. науч. тр. по материалам VIII Международной научно-практической интернет-конференции 15 мая 2011 года. — Тамбов, 2011. — С. 50–55.
5. *Карташов В.Н.* Координационная юридическая практика государственных органов: взгляд на проблему эффективности // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе. Сб. науч. тр. V Межвуз. научн.-практич. конф. / отв. ред. проф. Г.Г. Бриль. — Кострома, 2007. — С. 89–94.
6. *Макаров И.И.* Координация в праве. — Ярославль: ЯФ МФЮА, 2012. — 322 с.
7. *Максуров А.А.* Координация действий субъектов права в рамках санкционного правоотношения // Вестник Института права Башкирского государственного университета. — 2025. — № 2(26). — С. 104–118.
8. *Максуров А.А.* Международное санкционное право и антисанкционное законодательство Российской Федерации: монография. — М.: Юстицинформ, 2024. — 340 с.
9. *Панов Ф.Ю.* Ограничительные меры ЕС в отношении третьих государств и их резидентов (на примере Российской Федерации) // Международное право. — 2022. — № 3. — С. 18–24.
10. *Постнов А.С.* Контроль и надзор как факторы повышения эффективности координационной практики // Российское право в период социальных реформ. Материалы конференции студентов, аспирантов, соискателей и молодых ученых-юристов (г. Нижний Новгород, 26–27 ноября 2004 г.). — 2005. — Вып. 6: Ч. 1. — С. 64–67.
11. *Силаева В.А.* Эволюция европейских санкций: от единичных мер до консолидированной политики // Международная аналитика. — 2018. — № 2 (24). — С. 19–27.
12. *Таланова М.В.* Политическая функция медиативной юридической практики // Государственная власть и местное самоуправление. — 2012. — № 1. — С. 23–32.
13. *Таланова М.В.* Эффективность норм частного права / Частно-правовые отношения в условиях глобализации. — Saarbrücken.: Lambert academic publishing, 2012. — Часть 1. Глава 7. — С. 109–116.
14. *Таланова М.В.* Юридическое проектирование координационных процессов // Право и бизнес: сборник статей I ежегодной международной научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию со дня рождения профессора В.С. Мартемьянова / М.Ю. Абрамкина, М.Г. Абрамова, А.А. Алпатов и др.; под ред. И.В. Ершовой. — М.: Юрист, 2012. — С. 80–87.
15. *Топорнин Н.Б.* Правовые основы регулирования санкционных мер в Европейском Союзе // Международное право и международные организации // International Law and International Organizations. — 2023. — № 1. — С. 42–54.
16. *Чернецов В.Ю.* Психологический подход к изучению проблем координационной юридической практики // Законодательство и правоприменение в Российской Федерации. Доклады и сообщения VII международной научной конференции, Москва, 17 апреля 2007 г.. — М.: РГГУ, 2007. — С. 89–94.
17. *Jonas F.* The Empirical Consequences of Trade Sanctions for Directly and Indirectly Affected Countries. // FIW Working Paper. — Vienna: FIW Research Centre International Economics, 2017. — No 174. — P. 78–89.
18. *Happold M.* Targeted Sanctions and Human Rights // Matthew Happold and Paul Eden (eds). Economic Sanctions and International Law. — Oxford: Hart Publishing. — 2016. — 280 p.

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ОГРАНИЧЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ИЗОБРЕТЕНИЕ В СФЕРЕ ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Р.В. Матвеев

аспирант,
кафедра гражданского и предпринимательского права,
Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва
asfddh@yandex.ru

COMPULSORY LICENSING AS A WAY TO LIMIT THE EXCLUSIVE RIGHTS TO AN INVENTION IN THE FIELD OF INNOVATIVE ENTREPRENEURSHIP

R.V. Matveev

Postgraduate Student,
Department of Civil and Business Law,
Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow
asfddh@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается правовая природа принудительного лицензирования, как способа ограничения исключительных прав на изобретения в инновационной предпринимательской деятельности. Раскрываются противоречия между интересами правообладателей исключительных прав и третьих лиц в случае неиспользования (недостаточного использования) или невозможности использования изобретения в предпринимательской деятельности, при условии отказа патентообладателя от заключения лицензионного договора. Обосновывается необходимость комплексного подхода к правовому регулированию общественных отношений по использованию изобретения, созданного в ходе инновационной предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: принудительное лицензирование, инновационная предпринимательская деятельность, использование изобретения, ограничение исключительных прав, правовое регулирование.

Abstract. The article examines the legal nature of compulsory licensing as a method of restricting exclusive rights to inventions in innovative entrepreneurial activities. It reveals the contradictions between the interests of exclusive rights holders and third parties in the case of non-use (insufficient use) or impossibility of using an invention in entrepreneurial activities, provided that the patent holder refuses to enter into a license agreement. The article substantiates the need for a comprehensive approach to the legal regulation of public relations related to the use of an invention created during innovative entrepreneurial activities.

Key words: compulsory licensing, innovative entrepreneurial activity, use of an invention, restriction of exclusive rights, and legal regulation.

Обеспечение финансовых затрат предпринимательства в инновационной сфере является важным направлением для развития нововведений, так как цели получения прибыли и обеспечение лидирующей позиции на рынках сбыта стимулируют инвестирование бизнеса в поиск новых методов, технологических решений или организационных процессов, тем самым обеспечивая конкурентное и научно-техническое преимущество отечественной продукции.

Инновациям отведена ведущая роль в научном и техническом развитии всех сфер деятельности человека. Рынок глобальной конкуренции заставляет искать новые подходы к развитию и внедрению инновационных технологий. Практическое применение созданной в ходе инновационной деятельности продукции создает условия научно-технического развития общества и государства.

Утвержденная Указом Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации определяет научно-технологическое развитие одним из стра-

тегических национальных приоритетов Российской Федерации. При этом поставлена задача к 2035 году довести финансирование научных исследований частным сектором экономики до уровня не ниже государственных.

Для доминирования уровня инновационной предпринимательской активности необходимы такие инструменты правового регулирования, которые обеспечивают заинтересованность частного сектора экономики, как в создании, так и в продвижении новых и значительно усовершенствованных продуктов на товарных рынках, что обеспечивает научно-технический прогресс.

Правовая охрана интеллектуальных прав многих созданных в ходе предпринимательской деятельности инновационных разработок обеспечивается оформлением исключительных прав на изобретение.

Однако, с одной стороны правообладатель исключительных прав на изобретение стремясь к получению большей прибыли может поставить обременительные условия, с другой производители продукции заинтересованы в свободном доступе к охраняемым патентом объектам для создания продукции пользующиеся спросом у потребителей по приемлемым для них ценам [6].

Одним из механизмов обеспечения баланса между интересами патентообладателя и третьими лицами является ограничение исключительных прав правообладателя на использование изобретения путем принудительного лицензирования.

Как отмечает В.Е. Белов правовой механизм принудительного лицензирования предусмотрен положениями части четвертой ГК РФ. Согласно статье 1239 ГК РФ, по иску заинтересованного лица суд может принять решение о предоставлении данному лицу на указанных в судебном акте условиях права использования результата интеллектуальной деятельности (далее-РИД), исключительное право на который принадлежит другому лицу (принудительная лицензия).

Нормой статьи 1362 ГК РФ установлен ряд условий предоставления принудительной лицензии на изобретение.

Во-первых, когда изобретение не используется либо недостаточно используется правообладателем в течение четырех лет со дня выдачи патента.

Во-вторых, если неиспользование (недостаточное использование) РИД привело к недостаточному наличию соответствующих товаров (работ, услуг) на рынке.

Третье условие заключается в отказе патентообладателя от заключения (на условиях, соответствующих установившейся практике) лицензионного договора с лицом, желающим и готовым использовать РИД (далее — заинтересованное лицо).

В этом случае заинтересованное лицо вправе в судебном порядке потребовать предоставления принудительной простой (неисключительной) лицензии на использование соответствующего РИД на территории Российской Федерации. Если патентообладатель не сможет доказать, что неиспользование (недостаточное использование) им РИД обусловлено уважительными причинами, суд принимает решение о предоставлении лицензии на определенных условиях [2].

Однако в ситуации недостаточного использования изобретения возникает правовая неопределенность, обусловленная отсутствием критериев для квалификации термина «недостаточности использования», так как ни ст. 1362 ГК РФ, ни другие положения законодательства не содержат правил определения достаточности использования [1].

Дополнительный вопрос в практическом применении вышеуказанной правовой нормы возникает при установлении показателя «недостаточности соответствующих товаров (работ, услуг) на рынке», который учитывая наличие разных товарных рынков для обращения различных товаров является весьма оценочной категорией и в каждом конкретном случае подлежит индивидуальному рассмотрению.

Отсутствие конкретизации показателей «недостаточного использования РИД» и «недостаточного наличия надлежащих товаров, работ, услуг на рынке» приводит к рискам отсутствия заинтересованности у предпринимателей в осуществлении инновационной деятельности по созданию новых продуктов, в связи с возможными дополнительными рисками обременения исключительных прав на изобретения со стороны третьих лиц.

В связи с этим авторский подход к решению данной проблемы заключается в том, что применение нормы п. 1 ст. 1362 ГК РФ должно базироваться на отсылке к подзаконным нормативным актам, разрабатываемым Правительством России или профильными министерствами в целях установления норм регулирующих оценку достаточности использования изобретений и необходимого оборота в зависимости от профиля рынка товаров, работ, услуг.

Кроме того стоит обратить внимание на закрепленный в статье 1362 ГК РФ второй вид принудительного лицензирования, который может быть применен когда патентообладатель не имеет возможности использовать свое изобретение не нарушая при этом исключительное право другого правообладателя (первого патента) на изобретение, отказавшегося от заключения лицензионного договора на соответствующих установившихся в практике условиях. В этом случае обладатель патента (второго патента) имеет право подать в суд иск о предоставлении принудительной простой (неисключительной) лицензии на использование на территории Российской Федерации изобретения обладателя первого патента.

В данном случае истцом (и претендентом на принудительное лицензирование) является организация, владеющая зависимым патентом на изобретение или полезную модель, созданные на основе зависимого технического решения (в том смысле, который следует из содержания ст. 1358.1 ГК РФ «Зависимое изобретение, зависимая полезная модель, зависимый промышленный образец») [7].

В силу пункта 1 статьи 1358.1 ГК РФ изобретение, использование которого в продукте или способе невозможно без использования охраняемых патентом и имеющих более ранний приоритет другого изобретения, является зависимым изобретением. При этом устройство может быть зависимым изобретением от другого «продукта» как части общей конструкции (например, другие устройства или вещества), или от «способа» в случае его использования при характеристике какого-либо элемента устройства [5].

Как следует из содержания пункта 2 статьи 1362 ГК РФ на патентообладателя, имеющего исключительное право на такое зависимое изобретение, возложена обязанность доказать, что оно представляет собой важное техническое достижение и имеет существенные экономические преимущества перед изобретением или полезной моделью обладателя первого патента. Только в этом случае суд принимает решение о предоставлении ему принудительной простой (неисключительной) лицензии. Полученное по этой лицензии право использования изобретения, охраняемое первым патентом, не может быть передано другим лицам, кроме случая отчуждения второго патента.

Вместе с тем, как и у первого вида применения ограничений патентных прав, законодательная норма, регулирующая данный вид ограничений, не содержит конкретизации «важности технического достижения» и «существенность экономических преимуществ» перед изобретением обладателя первого патента, что влечет правовую неопределенность в толковании данного термина.

При этом, формальные критерии, такие как сам факт выдачи патента на зависимое изобретение, не могут выступать показателем «важности». Содержание категории должно носить максимально объективный характер, а не зависеть от воли отдельных лиц. Представляется необходимым учитывать отраслевую специфику при определении двух указанных категорий. Например, для сферы фармацевтики и IT потребуются различные подходы [3].

Также действующие нормы ГК РФ не учитывают понесенные финансовые затраты на создание изобретения правообладателем первого патента и расходы на разработку зависимого продукта, что является сдерживающим фактором для разработчиков новой продукции. Например, в сфере патентоохраняемых лекарств, как указывает Д.С. Трофимов отказ правообладателя от заключения лицензионного договора бывает довольно часто, так как создатель инновационного, охраняемого результата интеллектуальной деятельности имеет интерес в компенсации своих затрат на разработку и последующее испытание нового лекарственного препарата за счет удерживания своей легальной патентной монополии. Это вызвано тем, что расходы только на патентование разработчиками новейших продуктов медицинской сферы составляют не менее половины от общего объема понесенных разработчиком расходов [7].

А.С. Вороженич, в свою очередь отмечает, что правообладатели нередко «используют» исключительные права на РИД, как инструменты получения несправедливых преимуществ

ществ, компании приобретают исключительные права на РИД не с целью их использования, а для предъявления исков к иным участникам рынка с целью получения от них несоизмеримого вознаграждения за использование объекта [4].

По данным статистического наблюдения, проведенного НИУ ВШЭ по вопросу развития инновационных процессов: по итогам 2023 года, занявшими первые два места факторами, препятствующими инновациям (по оценке организаций), являются высокая стоимость нововведений (51,4%) и высокий экономический риск (48,3%)¹.

Результаты наглядно демонстрируют, что соблюдение баланса интересов патентообладателя и третьих лиц при выдаче принудительной лицензии невозможно без учета фактических расходов на создание изобретение, как в случае неиспользования (недостаточного использования) изобретения, так и в условиях выдачи простой неисключительной лицензии патентообладателю, имеющего исключительное право на зависимое изобретение.

В этой связи предлагается с целью разрешения указанных противоречий, дополнить гражданское законодательство нормой, устанавливающей, что в случае удовлетворения судом исковых требований заинтересованного лица о принудительном заключении лицензионного договора, патентообладатель вправе кроме денежных отчислений по лицензионному договору на использование простой (неисключительной) лицензии предъявить к заинтересованному лицу требование о компенсации фактических затрат на разработку изобретения в разумных пределах, что предоставляет для заинтересованного лица возможность использования изобретения на правах простой (неисключительной лицензии), и в тоже время возмещает затраты предпринимателя на создание и внедрение в хозяйственный оборот нового или значительно усовершенствованного продукта.

Таким образом, для правового регулирования общественных отношений в сфере ограничений исключительных прав на использование изобретения, созданного в ходе инновационной предпринимательской деятельности, с помощью применения такого правового инструмента как принудительная лицензия должен соблюдаться комплексный подход, который одновременно обеспечивает баланс интересов разработчиков и заинтересованных лиц.

Список литературы

1. Александров Е.Б., Мельников А.В. Правовые аспекты принудительного лицензирования в сфере лекарственных средств по основанию недостаточного использования изобретения // Медицинское право. — 2025. — № 4. — С. 34–41.
2. Белов В.Е. Гражданско-правовые механизмы обеспечения публичных интересов в инновационной экономике // Сетевой научный журнал ФГБОУ ВО «Российской государственной академии интеллектуальной собственности»-IP: Теория и практика. — 2025. — № 4(12). — С.120–136.
3. Ванюков П.Д. Преждепользование как элемент баланса прав творцов изобретений // Юрист. — 2024. — № 1. — С. 17–22.
4. Ворожевич А.С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты: автореферат дис. ... д-ра юрид.наук/ А.С. Ворожевич. — М., 2021. — 57 с.
5. Пучнина М.М. Условие предоставления принудительной лицензии для использования зависимого изобретения//Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 11. — С. 117–132.
6. Речкин В.В. Исключительное право на патентоохраняемые объекты, включенные в стандарт производства инновационных продуктов, по праву США: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.В. Речкин. — М., 2025. — 25 с.
7. Трофимов Д.С. Оценочные понятия в сфере принудительного лицензирования патентоохраняемых лекарств // ИС. Промышленная собственность. — 2025. — № 3. — С. 70–79.

¹ Индикаторы науки: 2025 // НИУ ВШЭ: сайт. — URL: <https://issek.hse.ru/news/1015093288.html>. (дата обращения: 09.03.2026).

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ ПЕРЕЧНЯ ОБЪЕКТОВ В РФ

А.С. Матвеевко

аспирант,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва
anmatveenko@mail.ru

COMPULSORY LICENSING OF INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS: PROSPECTS FOR EXPANDING THE LIST OF OBJECTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

A.S. Matveenko

Postgraduate student,

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia
anmatveenko@mail.ru

Аннотация. Принудительное лицензирование представляет собой механизм ограничения исключительного права, позволяющий третьим лицам использовать охраняемые объекты интеллектуальной собственности (объекты патентного права, авторских и смежных прав) без согласия правообладателя при определенных условиях. Принудительное лицензирование существует вместе со смежным, но не одинаковым по содержанию институтом возмездного безлицензионного (бездоговорного) использования объектов интеллектуальной собственности. Автором настоящей работы проводится анализ норм отечественного и зарубежного законодательства, законодательные инициативы по расширению перечня объектов интеллектуальной собственности, в отношении которых мог бы быть применен указанный институт.

Ключевые слова: ограничение исключительного права, принудительное лицензирование, злоупотребление правом, интеллектуальная собственность, патентное право, авторское право, смежное право.

Abstract. Compulsory licensing is a mechanism for restricting an exclusive right that allows third parties to use protected intellectual property objects (objects of patent law, copyright and related rights) without the consent of the copyright holder under certain conditions. Compulsory licensing exists together with a related but not identical institution of paid unlicensed (non-contractual) use of intellectual property objects. The author of this work analyzes the norms of domestic and foreign legislation, legislative initiatives to expand the list of intellectual property objects in respect of which this institution could be applied.

Key words: limitation of exclusive right, compulsory licensing, abuse of right, intellectual property, patent law, copyright, related law.

Экономика большинства развитых государств на современном этапе развития отличается высоким уровнем роста, выражающегося, прежде всего, в создании участниками рынков экономических благ, предназначенных для удовлетворения широкого круга потребителей. Компании, производители, инвесторы, иные участники рынка привлекают средства и создают результаты интеллектуальной деятельности с целью их последующей коммерциализации. Конечная цель любой инвестиции — получить прибыль с вложенных ресурсов. Однако не всегда точно можно спрогнозировать наступление благоприятного результата инвестирования и поэтому создание новых экономических благ всегда отличается определенным уровнем риска недополучения не только прибыли, но и изначально вложенных средств.

При имеющихся рисках для увеличения привлекательности инвестирования в новые разработки, логичным видится то, что исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности должно охраняться, правообладатели должны иметь возможность его осуществлять, в том числе монополизировать в допустимых пределах и запрещать использование собственных разработок другим лицам, в том числе и своим конкурентам. Под «допустимой» монополией автором понимается осуществление исключительного права в его пределах с учётом ограничений, установленных законодательством, о чем пойдет речь ниже. Важно учитывать,

что результаты интеллектуальной деятельности имеют различное социально-общественное влияние и назначение, что вызывает необходимость дифференциации пределов допустимой монополии для различных объектов интеллектуальной собственности.

Так, художественное аудиовизуальное произведение или музыкальное произведение с текстом или без текста, охраняемые как объекты авторского права, не должны стоять по своей общественной значимости наравне с изобретениями в области фармацевтики, «недопустимая» монополизация которых может нанести вред обществу государства, в котором такому изобретению предоставлена правовая охрана. «Недопустимая» монополия в данном случае может выражаться и в отказе от предоставления права использования изобретения третьим лицам, и в отказе от осуществления исключительного права в целом (условное бездействие правообладателя по осуществлению правомочий на такой объект). В приведенном выше случае объекты авторского права служат целям художественного выражения и закладывают в себе рекреационную функцию, в то время как изобретение в области фармацевтики имеет жизненно важную для общества роль, и монополия правообладателя может привести к снижению безопасных и эффективных лекарств и повышению случаев заболеваемости. Указанное обстоятельство свидетельствует о необходимости соблюдения баланса частных и общественных интересов для различных объектов интеллектуальной собственности при установлении способов предотвращения монополии правообладателей.

В законодательство Российской Федерации для случаев предотвращения «недопустимой» монополии объектов интеллектуальной собственности имплементирован институт принудительного лицензирования (ст.ст. 1239, 1362, 1423 Гражданского кодекса РФ). Под принудительной лицензией Ю.З. Озмаян и Я.А. Карунная понимают «способ восстановления нарушенных общественных интересов, используемый в случае выхода правообладателем за пределы осуществления своего исключительного права. Он заключается в том, что заинтересованному лицу выдается разрешение использовать результат интеллектуальной деятельности — объект патентных прав или селекционное достижение — на условиях, определенных судом» [7, с. 162]. Важно отметить, что принудительное лицензирование может быть установлено для иных объектов интеллектуальной собственности, однако на текущий момент его применение в Гражданском кодекса РФ нашло отражение только для объектов патентного права и селекционных достижений.

Необходимо также отметить существующее разграничение между институтом принудительного лицензирования (ст.ст. 1239, 1362, 1423 ГК РФ) и возмездного безлицензионного (бездоговорного) использования объектов патентной охраны без согласия правообладателей (ч. 3 ст. 1359, ст.ст. 1360, 1360.1. ГК РФ, сформулированное А.В. Латынцевым [6]. В обоих случаях ограничения исключительного права подразумевается возмездное использование объектов. Однако, если для выдачи принудительной лицензии на объект патентной охраны выделяются следующие основания (ст. 1362 ГК РФ):

- 1) недостаточность использования объекта патентной охраны или
- 2) зависимость владельца второго патента от владельца первого патента («зависимое принудительное лицензирование»),

то для возмездного бездоговорного использования объектов патентной охраны без согласия правообладателей не требуется установления недостаточности использования или установления коммуникации с правообладателем для целей получения разрешения на использование объекта на коммерческих условиях (что также находит отражение в ст. 31 ТРИПС). В этом выражается основное отличие принудительного лицензирования от возмездного бездоговорного использования объектов патентной охраны без согласия правообладателей. Второй институт связан не с устранением случаев злоупотребления правообладателем субъективным правом, что вызвало бы недостаток предложения соответствующей продукции на рынке, а на случаи возмездного использования объектов, что никак не зависит от воли и поведения правообладателя. Обоснование законодателя о необходимости существования указанного института обосновывается необходимостью охраны интересов национальной безопасности и в указанных случаях решение на использование объекта предоставляется не патентообладателем, а государством.

С начала 2022 года в научном сообществе не раз поднимался вопрос о реализации идеи принудительного лицензирования объектов авторских и смежных прав. Несмотря на отсутствие данного механизма в Российской Федерации, принудительное лицензирование объектов авторского права существует в зарубежных правовых системах (например, в США, Индии) [8]. Представители научного сообщества высказывали свои предложения и мнения относительно перспектив расширения перечня объектов интеллектуальной собственности в институте принудительного лицензирования [1, 2, 4]. Отражение было найдено и во внесенных в Государственную Думу законопроектах № 184016-8¹ и № 717759-8². Первый законопроект не получил одобрения со стороны научного сообщества и представителей власти [5] и был возвращен на этапе предварительного рассмотрения. Второй законопроект получил заключение о несоответствии вносимых изменений в отношении института принудительного лицензирования к случаям отказа патентообладателем от исполнения лицензионного договора, не связанного с нарушением лицензиатом своих обязательств, и был отозван в феврале 2025 года.

В начале марта 2026 в СМИ появилась информация о проработке в Российской Федерации механизма временного управления интеллектуальными правами иностранных компаний³, указанная новость появилась после выступления вице-премьера РФ Александра Новак. В этой связи нельзя не прокомментировать вопрос о возможности имплементации подобного механизма в национальное законодательство.

Создание механизма временного управления интеллектуальными правами с временным управляющим, который обеспечивал бы защиту нарушенных прав и выдавал лицензии производителям для целей дальнейшего выпуска на рынке продукции не предусмотрен действующими нормами гражданского законодательства и аналога подобного института не существует в зарубежных правовых системах по нескольким основаниям. Во-первых, с учетом указанного «управления» правами такой институт означал бы лишение правообладателя возможности использования и распоряжения исключительным правом, что лежит в онтологическом содержании самого исключительного права (ст. 1229 ГК РФ), и в таком случае такой режим охраны может свидетельствовать о дискриминационном характере охраны интеллектуальной собственности иностранных компаний, хоть и покинувших рынок по политическим мотивам. Вместе с этим, автором не рассматривается легитимность и обоснованность имплементации прорабатываемых мер в ответ на действия иностранных правообладателей, поскольку предметом настоящей работы является исследование и анализ условий, которые могли бы свидетельствовать о создании привлекательных для инвестирования в инновационную деятельность мер, направленных на предоставление равного объема прав всем участникам рынка. Ограничение прав участника рынка, связанное исключительно с восстановлением общественных интересов, но не отражающее учета частных интересов, может воспрепятствовать к привлечению инвестиций в разработки технологий на территории Российской Федерации, и, таким образом, в экономику, со иностранных правообладателей, в том числе из дружественных стран. Во-вторых, отсутствующий регламентированный порядок принудительного лицензирования иных объектов интеллектуальной собственности, за исключением объектов патентного права и селекционных достижений, потребовал бы внесения изменений в четвертую часть Гражданского кодекса Российской Федерации. Кроме того, не совсем очевидно, правами на какие именно объекты интеллектуальной собственности могло бы осуществляться временное управление. Как упоминалось выше, подобный механизм действует для объектов патентных прав и селекционных достижений, однако реализация такого механизма для объектов авторского

¹ О внесении изменения в Федеральный закон «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»: Законопроект № 184016-8 от 19.08.2022 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/184016-8> (дата обращения: 12.03.2025).

² О внесении изменений в статью 1362 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (принудительных лицензиях в отношении иностранных правообладателей): Законопроект № 717759-8 от 13.09.2024 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/717759-8> (дата обращения: 12.03.2025).

³ «К иностранным патентам подбирают ключ» // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8480289> (дата обращения: 12.03.2026), «РФ создаст механизм временного управления интеллектуальными правами ушедших иностранных компаний» // URL: <https://www.interfax.ru/business/1075960> (дата обращения: 12.03.2026).

и смежного права не нашла продолжения посредством законодательной инициативы, а принудительное лицензирование товарных знаков запрещено ст. 21 ТРИПС.

В связи с чем, на взгляд автора, институт принудительного лицензирования (и близкий к нему по своему содержанию институт возмездного бездоговорного использования объектов интеллектуальной собственности) должен применяться исключительно в тех сферах, где «недопустимая» монополия может повлечь реальный ущерб интересам национальной безопасности. При этом, как верно отмечала А.С. Ворожевич, принудительное лицензирование фармацевтических изобретений должно рассматриваться в качестве экстраординарной меры, поскольку влечёт риски дестимулирования инвестирования в фармацевтическую отрасль в целом [3, с. 23]. Из указанного суждения видится возможным применить более строгий подход к институту принудительного лицензирования в отношении объектов авторского и смежного права, требующий учета баланса частноправовых интересов и общественных интересов в широком смысле.

Список литературы

1. Альбов А.П., Панченко В.Ю. Принудительное лицензирование как инструмент обеспечения технологического суверенитета России в условиях санкционных ограничений // Право и государство: теория и практика. — 2025. — № 8. — С. 628–633. — URL: http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_628.
2. Волков, А.Т. Принудительное лицензирование и импортозамещение на примере фармацевтической отрасли / А.Т. Волков, Н.Г. Пономарева, Е.И. Рожкова // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность: научно-практический журнал. — 2024. — № 2. — С. 27–34. — Библиогр.: с. 34.
3. Ворожевич А.С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2021.
4. Гилев В.М. Перспективы принудительного лицензирования в авторском праве Российской Федерации / В.М. Гилев // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2024. — № 6. — С. 69–78. — Библиогр.: с. 78.
5. Краулин К.К. Перспективы принудительного лицензирования объектов авторских прав в Российской Федерации на примере опыта Республики Беларусь // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2024. Сентябрь. — № 3(45). — С. 42–60.
6. Латынцев А.В. Классификация видов правомерного возмездного бездоговорного использования объектов патентной охраны без согласия правообладателей // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — Сентябрь 2022. — Вып. 3(37). — С. 28–38.
7. Озманян, Ю.З., Карунная, Я.А. Принудительное лицензирование результатов интеллектуальной деятельности как мера обеспечения национальных интересов научно-технического прогресса // Respublica Literaria. — 2025. — Т. 6. — № 1. — С. 159–169. — DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.159-169.
8. Bonadio E., Hingorani H. Compulsory licensing of intellectual property // Research Handbook on Intellectual Property Rights and Inclusivity. — Edward Elgar Publishing, 2024. — P. 440–456.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ РЕШЕНИЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

В.О. Мишуков

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
265036@mail.ru

LEGAL REGULATION OF DIGITAL SOLUTIONS IN THE ELECTORAL PROCESS

V.O. Mishukov

Lecturer, Department of Civil Law Disciplines,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
265036@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются элементы правового закрепления механизмов в избирательном процессе, основанных на использовании цифровых технологий. Для проведения всестороннего исследования используется анализ основных направлений в избирательном процессе, при реализации которых используются онлайн технологии и нормы права, с помощью которых процедура онлайн голосования легитимизирована в Российской Федерации. Анализ, приведенный в статье позволяет выделить проблематику использования цифровых технологий в процессе голосования и возможности восстановления законодательных пробелов.

Ключевые слова: избирательный процесс, избирательное право, цифровизация, конституционные принципы, дистанционное электронное голосование, электронное голосование.

Abstract. The article examines the elements of legal consolidation of mechanisms in the electoral process based on the use of digital technologies. To conduct a comprehensive study, the article analyzes the main directions in the electoral process that use online technologies and legal norms to legitimize the online voting procedure in the Russian Federation. The analysis presented in the article highlights the challenges of using digital technologies in the voting process and the potential for filling legislative gaps.

Key words: electoral process, electoral law, digitalization, constitutional principles, remote electronic voting, electronic voting.

Отличительной чертой, позволяющей однозначно охарактеризовать цифровое общество является повсеместная цифровизация базовых процессов. Внедрение инновационных технологий в основу жизнедеятельности граждан решает, в-первую очередь, задачи изменения сроков обработки информации, количества человеческих сил, задействованных при обработке информации, а также упрощения процессов, путем «нажатия одной кнопки».

Таким образом, внедрение цифровых технологий в любой процесс, реализуемый и обеспечиваемый на государственном уровне представляет собой несколько этапов: разработка механизмов цифровизации процесса, возможных к адаптированию, разработка и принятие нормативно-правовых положений, регламентирующих работу процесса с точки зрения законодательства, внедрение технологий в формате, доступном для практического применения, с сохранением возможности достижения целей цифровизируемого процесса.

При этом, цифровизация пространства действия любого государственного процесса подразумевает под собой как использование инновационных инструментов как для стороны государства, так и для стороны граждан. В рассматриваемом случае, цифровизация избирательного процесса призвана не только разрешить задачи работы с объемом информации на уровне всего населения, но и отличаться простотой использования, учитывая необходимость сохранения баланса интересов и доверия граждан.

Этапы цифровизации в Российской Федерации аналогичны мировым стандартам внедрения инновационных технологий в зарубежной практике. Первой стадией развития и интеграции цифрового поля в процесс голосования стало использование урн для голосования, оснащенных электронным механизмом обработки и подсчета голосов при работе специали-

рованного программного комплекса. На указанном этапе разрешалась необходимость ускорения процесса обработки голосов и подведения итогов. С целью легитимизации указанного процесса в основной закон об избирательном праве [7] были внесены соответствующие изменения, закрепляющие понятие используемого цифрового механизма

Следующий этап цифровизации избирательного процесса был связан с глобальным внедрением сети «Интернет» в жизни общества в начале третьего тысячелетия: процесс затрагивал основные сферы жизнедеятельности и повсеместным введением в активное пользование мобильных приложений и различных платформ в сети «Интернет». При этом, на законодательном уровне указанные процессы не могли быть полноценно урегулированы в связи с отсутствием нормативно-правовой базы, адаптированной в части применения инновационных технологий, в связи с чем, основной задачей государства стал запуск тестовых версий онлайн-голосований в конце 2000-х годов. Введение к использованию в процессе голосования пилотных мобильных приложений и онлайн-систем ознаменовало собой необходимость дополнения нормативно-правовой базы, охватывающей возможные механизмы голосования с использованием сети «Интернет».

При этом, уровень технической оснащенности страны в части использования цифровых технологий во многом повлиял как на скорость цифровизации избирательного процесса, так и на скорость формирования нормативно-правовой базы. В частности, в странах Европы (Эстония, Норвегия, Швейцария), имеющих достаточный уровень технической оснащенности был выработан единый Стандарт Совета Европа, регулирующий и разрешающий основные вопросы правового регулирования волеизъявления граждан в онлайн-голосовании. При этом, каждая из стран прошла через этапы тестирования различных способов онлайн-голосования с выбором более приемлемой системы для себя. Например, в Эстонии первые онлайн-выборы прошли в 2005 году, особенностью подтверждения личности граждан на которых стало использование электронного удостоверения личности.

Одновременно с необходимостью прохождения этапов цифровизации по аналогии с зарубежными странами, Российская Федерация адаптирует цифровизацию в избирательном праве под уже используемые инструменты цифровизации других сфер жизни. В российском законодательстве закреплён иной способ — голосования при аутентификации личности посредством электронного сервиса «ГосУслуги».

Ключевым документом в этой сфере является Федеральный закон № 67-ФЗ от 12 июня 2002 года «Об основах избирательного права и избирательных систем в Российской Федерации», который с учетом современных вызовов был дополнен статьёй 64.1, регулирующей дистанционное электронное голосование. В частности, эта статья закрепляет порядок реализации права избирателей на участие в выборах с использованием специализированных технических средств и систем дистанционного электронного голосования.

На нормативно-правовом уровне закреплён регламентируются требования, с помощью которых соблюдаются права и интересы граждан, предусмотренные иными законодательными актами: поскольку процедура онлайн-голосования затрагивает не только сферу избирательного права, а также напрямую связана с использованием персональных данных голосующих граждан — их автоматизацией, сбором, передачей, хранением. При таких обстоятельствах одной из задач законодательства о выборах с использованием цифровых технологий становится обеспечение сохранности персональных данных. Одновременно, другой задачей при исключении из процедуры голосования ответственного лица административного ресурса, подтверждающего личность голосующего, стала задача электронного подтверждения личности. Данное подтверждение, в свою очередь, призвано обеспечить реализацию двух основных принципов — тайности голосования и его достоверности. При этом, основной закон о выборах возлагает на административный ресурс — органы власти — ответственность за соблюдение всех демократических принципов избирательного процесса с применением цифровых технологий.

Реализация законодательства об онлайн-выборах осуществляется в Российской Федерации при участии Центральной избирательной комиссии (ЦИК РФ), которая разрабатывает методические рекомендации и отвечает за утверждение и выполнение технических требований к соответствующим цифровым системам. Данный формат взаимодействий государства,

его властных структур и общества при обеспечении легитимности процедуры онлайн-выборов посредством наличия ЦИК РФ, разрабатывающей рекомендации и требования является наиболее оптимальной по сравнению с обычным закреплением каких-либо норм и требований в основном законе о выборах. Это обусловлено динамическим развитием цифрового поля, появлением новых форматов и программ при использовании электронных технологий. Так, возложение полномочий на разработку соответствующих требований и рекомендаций позволяет своевременно отслеживать тенденции цифрового развития, апробировать их и адаптировать под избирательный процесс при необходимости.

Одновременно, наличие стандартов работы цифрового поля в процедуре голосования позволяет иметь четкую систему тестирования программного обеспечения, сертификации программного обеспечения, и иные технические критерии. В указанной части процесс онлайн-голосования регламентируется Постановлением ЦИК от 20 декабря 2023 года, которое не только интегрировало мировой опыт в национальное законодательство, но и обеспечил сохранение особенностей российского законодательства.

По мере интеграции процесса онлайн-голосования, ЦИК РФ были учтены особенности организации процесса в различных регионах страны на возможных этапах избирательного процесса — в 2024 году было утверждено соответствующее дополнительное постановление. Указанным постановлением были урегулированы как порядок организации с учетом указанных особенностей, так и порядок взаимодействия с избирателями и общественными наблюдателями. Кроме того, постановление предусматривает аудиторские проверки, требования в отчетности, что позволяет повысить прозрачность и надежность избирательного процесса [5].

Учитывая многоступенчатость и участия множества элементов при проведении онлайн-голосования, еще одной задачей правового регулирования принятых цифровых решений в избирательном процессе является легитимизация технической стороны — технической поддержки и обеспечения реализации всех принципов избирательного процесса.

В частности, обеспечение тайны, прозрачности, достоверности возможны к реализации только при соответствующем бесперебойном техническом оснащении. При таких обстоятельствах, правовое регулирование нуждается в усовершенствовании в части обеспечения технического сопровождения, позволяющего всесторонне защитить аутентификацию и данные голосующих граждан.

С указанной целью, онлайн голосование сопровождается комплексными мерами по информационной безопасности, что позволяет сохранить конфиденциальность голосов, а также соответствие отправленного голоса полученному при подсчете.

Согласно действующему законодательству, в указанной части главной технологией для достижения указанных целей является криптографическая защита данных. Такая защита позволяет зашифровать, передать и хранить полученную при голосовании информацию, при этом, при использовании асимметричной криптографии асимметричная криптография и протоколов с нулевым разглашением, представляется удостовериться в подлинности голоса без раскрытия личности избирателя и результата его голоса [2]. Такой подход гарантирует невозможность вмешательства и изменения результатов голосования на любом этапе обработки данных.

Необходимо отметить, что система аутентификации в указанном случае играет роль фильтра, с помощью которого ограничивается возможный несанкционированный доступ. На законодательном уровне закреплено использование цифровой системы, с помощью регистрации и подтверждения государством личности голосующего. При этом, используемый сервис «ГосУслуги» предусматривает использование не только в рамках избирательного процесса. В мировом опыте электронного голосования используются многофакторные методы, в частности биометрические данные, одноразовые коды и цифровые подписи. При таких средствах, считается возможным предотвратить использование чужих учетных записей, задвоенное голосование и обеспечить соблюдение закона о персональных данных.

В части усовершенствования законодательства в Российской Федерации возможно использовать опыт защиты данных избирателя на законодательном уровне Южной Кореи: законодательная база предусматривает строгие меры защиты персональных данных и обязательную сертификацию систем электронного голосования: акцентировано внимание на интеграции

систем государственного управления идентификацией граждан с избирательными платформами. Законодательство рассматриваемого государства включает положения, регламентирующие проверку результатов и возможности стороннего аудита, что повышает уровень доверия общества к электронным процедурам голосования [3].

Поскольку, обеспечение анонимности и тайны голосования является неотъемлемым элементом легитимности выборов, используемые в дистанционном электронном голосовании системы предусматривают разделение процессов идентификации и подсчёта голосов. При этом, голос избирателя анонимизирован. Технологии смешивания голосов и анонимные протоколы позволяют сохранить конфиденциальность, устраняя риски утечки информации и вмешательства в волеизъявление [2; 1].

Для обеспечения защиты систем голосования с применением цифровых технологий от кибератак используются многоуровневые меры безопасности: межсетевые экраны, системы обнаружения вторжений и регулярные аудиты процессов. Кроме того, используется мониторинг активности в реальном времени, что позволяет выявить аномалии, которые могут свидетельствовать о попытках нарушений алгоритмов голосования. Таким образом, тестирование программного обеспечения и сертификация обеспечивают устойчивость систем к известным видам угроз [4].

Одновременно, остается открытым вопрос о необходимости специальных мер противодействия манипуляциям и кибератакам — в частности закрепления на законодательном уровне специальной уголовной ответственности — недостаточная регламентация ответственности за попытки вмешательства и фальсификации голосов создает правовые «пробелы». Кроме того, проблемы вызывает недостаточная прозрачность алгоритмов подсчета голосов и отсутствие обязательных процедур независимого аудита, что снижает уровень общественного доверия.

Интеграция перечисленных технологий создаёт единый комплекс, который обеспечивает выполнение требований к выборам с использованием цифровых технологий — такой технический фундамент не только противодействует внешним и внутренним угрозам, но и формирует условия для доверия избирателей и общественности к цифровым избирательным процессам.

Еще одна существенная сложность связана с обеспечением равных условий участия для всех избирателей. Неравномерный доступ к техническим ресурсам и интернету может привести к дискриминации определенных групп, что ставит под вопрос легитимность результатов голосования и нарушает принципы всеобщего и равного избирательного права. В этом контексте отсутствует четкий юридический механизм для мониторинга и устранения подобных препятствий в цифровом пространстве [8].

Одним из открытых вопросов при проведении онлайн-голосования и его правового регулирования является правовое регулирование электронных процедур в многоуровневых системах государственного управления, где разные органы могут иметь пересекающиеся полномочия в части организации онлайн выборов. Неоднозначность в распределении ответственности осложняет процессы контроля и обжалования решений, что, в свою очередь, способствует возникновению конфликтных ситуаций.

Отдельное внимание в части правового регулирования выборов с использованием цифровых технологий необходимо уделить международной юридической координации. Действующее российское законодательство предусматривает возможность участия граждан, находящихся за пределами страны, где возникают сложности с применением национальных законов и защитой прав избирателей в трансграничном интернете. Отсутствие согласованных международных стандартов и механизмов взаимодействия увеличивает риски нарушения принципов суверенитета и легитимности выборов [5].

Совершенствование законодательства в части защиты от кибератак, аутентификации избирателей с использованием биометрических и криптографических методов, а также обеспечению независимого наблюдения за процессом голосования направлено на соблюдение принципов прозрачности и доверия, установленных как международными нормами, так и внутренним законодательством, включая положения Конституции и федеральных законов [7].

Проблемы безопасности, прозрачности и возможные риски манипуляций свидетельствуют о необходимости комплексного и всестороннего подхода к правовому регулированию онлайн

выборов [6]. Несмотря на технологическое развитие, законодательство РФ требует постоянно-го совершенствования механизмов защиты избирательных прав.

Правовое регулирование избирательного процесса с применением цифровых технологий подразумевает комплексный подход и своевременную интеграцию информационных технологий с соблюдением основных принципов проведения выборов в Российской Федерации.

На основе проведенного анализа представляется возможным сформулировать рекомендации для совершенствования законодательной базы избирательного процесса: усиление требований безопасности, внедрение многофакторной аутентификации, обеспечение прозрачности мониторинга, четкое распределение полномочий и развитие международного сотрудничества.

Список литературы

1. Гаджиева А.О., Костырко А.А., Кошель А.С. Активное избирательное право в цифровую эпоху: правовой аспект // Вестник СПбГУ. Право. — 2023. — Т. 14. — Вып. 4. — URL: <https://www.hse.ru/data/2023/12/28/2053018569/16193-Текст%20статьи-62262-1-10-20231226.pdf>.
2. Гриднев В.А., Жаров В.Г., Самодурова У.С. Обеспечение безопасности систем дистанционного голосования // Правовая информатика. — 2023. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-bezopasnosti-sistem-distantionnogo-elektronnogo-golosovaniya>.
3. Моторина В.О. Электронное голосование: Опыт зарубежных стран и России // elar.urfu.ru — URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/65653/1/978-5-7996-2404-0_2018-84.pdf.
4. Мухамедов М.Ф., Худайбергенов Т.Р. Разработка методов защиты данных в системе электронного голосования // Universum: технические науки: электрон. научн. журн. — 2025. — № 4(133). — URL: <https://7universum.com/ru/tech/archive/item/19848>.
5. Постановление ЦИК России от 03.07.2024 № 175/1389-8 «О Порядке электронного голосования на выборах и референдумах, проводимых в Российской Федерации» // legalacts.ru — URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-tsik-rossii-ot-03072024-n-1751389-8-o-porjadke>.
6. Смирнова Ю.Г. Избирательный процесс в условиях цифровизации: политико-правовой анализ развития технологии онлайн-голосования в России // Креативная экономика. — 2024. — № 6. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izbiratelnyy-protsess-v-usloviyah-tsifrovizatsii-politiko-pravovoy-analiz-razvitiya-tehnologii-onlayn-golosovaniya-v-rossii>.
7. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 17.06.2002. — Ст. 2253.
8. Афанасьева Е.В., Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А. Геостратегические регионы мира: методика исследования и анализ. — М., 2020. — 200 с.
9. Булавина М.А., Новосельский С.О., Попова С.А. Стратегические цели и тактические приоритеты управления городом в условиях геополитической напряженности // Вестник евразийской науки. — 2022. — Т. 14. — № 3.
10. Слуцкий Л.Э., Васецкий Н.А., Слоботчиков О.Н. Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография в 2-х т. / Том 1. Россия — государство-цивилизация. — М., 2024. — 384 с.
11. Языкеев А. Интернет-технологии в избирательных кампаниях: вопросы правового регулирования // Сети 4.0. Управление сложностью. — 2020. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-tehnologii-v-izbiratelnyh-kampaniyah-voprosy-pravovogo-regulirovaniya>.

ГОНОРАР УСПЕХА В ДОГОВОРЕ ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПРЕДЕЛЫ СУДЕБНОГО ВЗЫСКАНИЯ

Р.И. Наибханова

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва;
адвокат АПМО, Москва
Nri-civillius@yandex.ru

SUCCESS FEE IN A LEGAL SERVICES AGREEMENT: CIVIL LAW NATURE AND LIMITS OF JUDICIAL RECOVERY

R.I. Naibkhanova

Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow;
Lawyer APMO, Moscow.
Nri-civillius@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается гражданско-правовая природа гонорара успеха в договоре оказания юридической помощи. Анализируются подходы Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, а также практика взыскания вознаграждения, зависящего от результата оказания юридической помощи. Обосновывается, что гонорар успеха не является платой за судебный акт и не образует самостоятельный предмет договора. Он представляет собой особый способ определения вознаграждения исполнителя, допустимый при ясном согласовании сторонами результата, условий выплаты и способа расчета. Отдельное внимание уделяется разграничению взыскания гонорара успеха с доверителя и взыскания соответствующих сумм с процессуального оппонента в составе судебных расходов.

Ключевые слова: гонорар успеха, юридическая помощь, адвокат, договор возмездного оказания услуг, соглашение об оказании юридической помощи, судебные расходы, вознаграждение представителя, свобода договора.

Abstract. The article examines the civil-law nature of the success fee in a legal assistance agreement. It analyzes the approaches of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation, as well as judicial practice concerning the recovery of remuneration dependent on the outcome of legal assistance. The article substantiates that a success fee is not payment for a judicial act and does not constitute an independent subject matter of the contract. Rather, it is a special method of determining the contractor's remuneration, admissible where the parties have clearly agreed on the result, the payment conditions, and the calculation method. Particular attention is paid to distinguishing between the recovery of a success fee from the client and the recovery of corresponding amounts from the procedural opponent as part of court costs.

Key words: success fee, legal assistance, attorney, contract for paid services, legal assistance agreement, court costs, representative's remuneration, freedom of contract.

Вопрос о допустимости гонорара успеха в договоре оказания юридической помощи долгое время оставался одним из наиболее спорных в российском гражданском праве. Причина заключается не только в особенностях договора возмездного оказания услуг. Юридическая помощь, особенно связанная с судебным разбирательством, всегда находится на границе частного и публичного регулирования [1]. Адвокат или иной представитель вступает с доверителем в гражданско-правовую связь, основанную на свободе договора, автономии воли и имущественной самостоятельности сторон. Вместе с тем результат юридической помощи нередко связывается с актом суда, который не зависит исключительно от поведения исполнителя и не может быть предметом частноправового обязательства.

В практическом обороте такая модель оплаты понятна. Доверитель заинтересован оплачивать юридическую помощь с учетом достигнутого правового эффекта. Представитель, принимающий на себя сложное поручение и работающий в условиях процессуального риска, рассчитывает на дополнительное вознаграждение при успешном исходе дела. Однако сама хозяйственная целесообразность такой конструкции еще не означает ее бесспорной юридической защищенности. В литературе справедливо отмечается, что гонорар успеха имеет два измерения. В материально-правовом плане речь идет о цене договора между доверителем и исполнителем. В процессуальном плане возникает вопрос о возможности последующего взыскания такой суммы с другой стороны спора как судебных расходов [5].

Отправной точкой современной дискуссии стало Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 января 2007 г. № 1-П. Конституционный Суд рассматривал положения пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 ГК РФ в системе действовавшего на тот момент регулирования. Суд указал, что эти нормы не предполагают удовлетворение требования исполнителя о выплате вознаграждения, если оно основано на условии, ставящем размер оплаты услуг в зависимость от будущего судебного решения. В то же время эта позиция не была сформулирована как абсолютный запрет гонорара успеха на будущее. Конституционный Суд прямо допустил возможность иного специального регулирования в сфере оказания квалифицированной юридической помощи¹.

Такой подход был компромиссным. Он ограничивал попытку превратить судебный акт в фактический объект договорного оборота, но не отрицал свободу сторон в определении порядка оплаты юридической помощи как таковую [4; 7]. Судебное решение действительно не создается исполнителем юридической услуги. Его принимает суд, действующий независимо от сторон. Но деятельность представителя объективно направлена на достижение благоприятного правового эффекта для доверителя. Поэтому результат юридической помощи нельзя полностью отрывать от исхода дела, хотя и нельзя отождествлять его с самим судебным актом.

Дальнейшее развитие регулирования произошло после изменения Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». В пункте 4.1 статьи 25 Закона закреплена возможность включения в соглашение об оказании юридической помощи условия, по которому размер выплаты доверителем вознаграждения зависит от результата оказания адвокатом юридической помощи. Исключение установлено для юридической помощи по уголовному делу и делу об административном правонарушении². Это изменение фактически реализовало ту возможность специального регулирования, о которой Конституционный Суд говорил еще в 2007 году.

Особое значение имеют Правила включения в соглашение адвоката с доверителем условия о вознаграждении, зависящем от результата оказания юридической помощи, утвержденные Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 2 апреля 2020 г. Они устанавливают ряд существенных ограничителей. Соглашение должно ясно и недвусмысленно определять результат оказания юридической помощи, которым обусловлена выплата вознаграждения. Гонорар успеха не является гарантией или обещанием положительного результата. Он может быть определен в твердой сумме, в проценте от удовлетворенных требований, в проценте от размера требований к доверителю, в удовлетворении которых отказано, либо иным способом, позволяющим рассчитать вознаграждение. Отдельно запрещена выплата обусловленного вознаграждения авансом³.

Эти правила имеют не техническое, а принципиальное значение. Они отделяют допустимое условие о цене договора от расплывчатой договоренности о премии за выигрыш. Если ре-

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.01.2007 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В. В. Макеева».

² Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 25.

³ Правила включения в соглашение адвоката с доверителем условия о вознаграждении, зависящем от результата оказания юридической помощи, утв. решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 02.04.2020, протокол № 12.

зультат не определен, если неясен момент возникновения обязанности по оплате, если нельзя понять порядок расчета, то перед судом возникает не спор о взыскании согласованного гонорара успеха, а спор о том, существовало ли такое условие вообще.

С гражданско-правовой точки зрения гонорар успеха целесообразно рассматривать не как самостоятельный предмет обязательства, а как особый способ определения цены юридической помощи [3; 5]. Предметом договора остаются действия исполнителя. К ним относятся анализ материалов, подготовка позиции, составление документов, участие в переговорах, представление интересов в суде и иные юридически значимые действия в интересах доверителя. Результат, с которым стороны связывают дополнительное вознаграждение, не подменяет предмет договора. Он лишь влияет на возникновение обязанности по выплате определенной части цены или на способ ее расчета.

Иной подход приводит к неверному выводу, будто исполнитель получает плату за судебное решение. На самом деле он оказывает юридическую помощь, а стороны вправе согласовать модель оплаты, учитывающую достигнутый правовой эффект. В этом смысле гонорар успеха близок к обусловленному вознаграждению, связанному с наступлением определенного обстоятельства. Но его допустимость зависит от ясности договорной конструкции и от доказанности воли сторон.

Именно эта линия получила развитие в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 6 марта 2026 г. № 305-ЭС25-13450 по делу № А40-5833/2024. Верховный Суд указал, что условие о гонораре успеха обуславливает выплату доверителем предусмотренной договором цены результатом оказания юридической помощи и не может считаться подразумеваемым, если отсутствуют доказательства намерения сторон связать вознаграждение с достижением определенного результата. Суд также сослался на пункт 5 Правил ФПА, по которому соглашение должно ясно и недвусмысленно определять результат оказания юридической помощи⁴.

Значение этого определения выходит за пределы конкретного дела. Верховный Суд фактически сформулировал современный критерий судебного взыскания гонорара успеха. Такая сумма взыскивается не потому, что представитель хорошо работал и доверитель получил благоприятный результат. Она подлежит взысканию тогда, когда доказано, что стороны согласовали саму модель обусловленного вознаграждения, определили результат, условия выплаты и способ расчета. Положительный исход дела сам по себе не доказывает наличие такого условия. Не заменяет соглашение сторон и экспертная оценка стоимости юридических услуг. Эксперт может оценить стоимость работы, но не может создать за стороны обязанность выплатить гонорар успеха.

В деле № А40-5833/2024 Верховный Суд обратил внимание и на другой важный аспект. Письменный договор между сторонами как единый документ не заключался, однако это не исключало необходимость исследовать реальные отношения сторон. Доверенность, фактическое участие представителя в деле, переписка, претензии, поведение сторон и иные доказательства могут иметь значение для установления факта оказания юридической помощи. Вместе с тем из этих обстоятельств не следует автоматически, что стороны согласовали именно гонорар успеха. Одно дело — установить сам факт юридической помощи. Другое — подтвердить специальное условие о выплате вознаграждения за результат.

Такой подход согласуется с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 о заключении и толковании договора. Договор считается заключенным при достижении соглашения по существенным условиям, а воля сторон может выявляться не только из одного документа, но и из поведения участников оборота. При этом условие о цене или порядке ее определения может приобрести значение существенного, если на его согласовании настаивала сторона или если такое значение вытекает из закона и существа договора⁵. Для адвокатского соглашения условие о размере и порядке выплаты вознаграждения прямо относится к существенным.

⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.03.2026 № 305-ЭС25-13450 по делу № А40-5833/2024.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора».

Отсюда следует практический вывод. В споре о взыскании гонорара успеха суд должен установить не только факт работы представителя. Необходимо выяснить, какие услуги были поручены исполнителю, какой результат стороны считали значимым, как определялся размер вознаграждения, когда возникала обязанность по оплате и наступил ли именно тот результат, который стороны имели в виду. Если эти обстоятельства не доказаны, требование о гонораре успеха не может быть удовлетворено только со ссылкой на успешное завершение спора.

Отдельного анализа требует разграничение взыскания гонорара успеха с доверителя и взыскания соответствующей суммы с процессуального оппонента. Это разные юридические ситуации. В первом случае суд разрешает материально-правовой спор между исполнителем и заказчиком юридической помощи. Предмет доказывания связан с договором, объемом услуг, ценой, наступлением согласованного результата и обязанностью доверителя оплатить услуги. Во втором случае суд распределяет судебные издержки между лицами, участвующими в деле. Здесь действует уже не договорная логика, а процессуальная модель разумной компенсации расходов.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. № 1 закрепляет общий подход к судебным издержкам. Расходы на оплату услуг представителя взыскиваются с другого лица, участвующего в деле, в разумных пределах. При определении разумности учитываются объем требований, цена иска, сложность дела, объем оказанных услуг, время, необходимое на подготовку процессуальных документов, продолжительность рассмотрения дела и другие обстоятельства. Суд также вправе уменьшить заявленную сумму, если она явно чрезмерна⁶.

Смысл этого правила понятен. Процессуальный оппонент не является стороной соглашения между доверителем и представителем. Он не участвовал в определении размера гонорара и не мог влиять на структуру оплаты. Поэтому он не обязан возмещать любую сумму, которую победившая сторона согласовала со своим представителем. Доверитель может принять на себя обязанность выплатить высокий гонорар успеха. Однако переложение такой суммы на проигравшую сторону допустимо только в пределах, признаваемых судом разумными.

Судебная практика по вопросу возмещения гонорара успеха в составе судебных расходов длительное время не отличалась единообразием [2; 6]. Исторически более мягкий подход к возмещению гонорара успеха как судебных расходов был выражен в Информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2007 г. № 121. В пункте 6 Обзора указывалось, что при выплате представителю вознаграждения, обязанность по уплате и размер которого обусловлены исходом судебного разбирательства, требование о возмещении судебных расходов разрешается с учетом оценки их разумных пределов⁷. Этот подход важен и сегодня, но применять его нужно с учетом последующих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации о судебных издержках и с учетом различия между договорной обязанностью доверителя и процессуальной обязанностью оппонента компенсировать расходы.

Смешение этих двух уровней приводит к ошибкам. Если представитель взыскивает оплату с доверителя, суд не должен рассматривать такой спор как заявление о судебных расходах. Здесь нужно исследовать договорную связь между сторонами. Если же победившая сторона просит взыскать расходы с процессуального оппонента, суд не может автоматически переносить на него все условия соглашения с представителем. В Определении от 6 марта 2026 г. Верховный Суд обоснованно указал на необходимость различать вопрос о плате за оказанные юридические услуги и вопрос о судебных расходах. Такое разграничение позволяет сохранить самостоятельность гражданско-правового и процессуального режимов.

Таким образом, гонорар успеха в современном российском праве не является недопустимым сам по себе. В сфере адвокатской деятельности он получил специальное нормативное

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела».

⁷ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 05.12.2007 № 121 «Обзор судебной практики по вопросам, связанным с распределением между сторонами судебных расходов на оплату услуг адвокатов и иных лиц, выступающих в качестве представителей в арбитражных судах».

признание через пункт 4.1 статьи 25 Закона об адвокатуре и Правила ФПА. Вместе с тем его судебная защита возможна не при любом благоприятном исходе дела, а только при доказанности согласованной воли сторон.

Гонорар успеха не должен пониматься как плата за судебный акт. Его точнее рассматривать как способ определения вознаграждения за юридическую помощь, при котором часть цены зависит от заранее определенного результата. Такая конструкция требует ясности. В соглашении должны быть определены результат, порядок его установления, размер выплаты или способ расчета. При отсутствии этих условий суд не вправе выводить обязанность по оплате из самого факта успешного ведения дела.

Не менее важно отделять взыскание гонорара успеха с доверителя от взыскания соответствующей суммы в составе судебных расходов. Между доверителем и представителем действует договорная модель. Между победившей и проигравшей сторонами процесса действует модель разумной компенсации судебных издержек. Эти модели соприкасаются, но не совпадают. Именно такое разграничение позволяет обеспечить баланс свободы договора, независимости суда, добросовестности представителя и защиты доверителя от необоснованных требований.

Список литературы

1. *Багреева Е.Г., Петухов С.В.* «Гонорар успеха»: правовая и этическая природа // Евразийская адвокатура. — 2019. — № 6(43). — С. 23–25.
2. *Бояринова В.И.* Практика возмещения «гонорара успеха» в составе судебных расходов // Теория и практика современной науки. — 2016. — № 3(9). — С. 55–57.
3. *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Книга 3: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. — 2-е изд., стер. — М.: Статут, 2011. — 1053 с.
4. *Верецагин А.Н.* «Гонорар успеха» перед лицом конституционного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. — 2007. — № 1. — С. 173–178.
5. *Трезубов Е.С., Розе М.А.* «Гонорар успеха»: старая песня на новый лад // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. — 2020. — Т. 4. — № 2. — С. 177–186. — DOI: 10.21603/2542-1840-2020-4-2-177-186.
6. *Халатов С.А.* Компенсация гонорара успеха как судебных расходов. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 26.02.2015 № 309-ЭС14-3167 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2015. — № 3. — С. 9–13.
7. *Чернышев Г.П.* О «гонораре успеха» (об условных гонорарах) // Закон. — 2007. — № 12. — С. 55–58.
8. *Афанасьева Е.В., Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А.* Геостратегические регионы мира: методика исследования и анализ. — М., 2020. — 200 с.
9. *Булавина М.А., Новосельский С.О., Попова С.А.* Стратегические цели и тактические приоритеты управления городом в условиях геополитической напряженности // Вестник евразийской науки. — 2022. — Т. 14. — № 3.
10. *Слуцкий Л.Э., Васецкий Н.А., Слоботчиков О.Н.* Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография в 2-х т. / Том 1. Россия — государство-цивилизация. — М., 2024. — 384 с.

О ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПОДХОДАХ К СУЩНОСТИ И ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ ПРАВАМ¹

С.Г. Павликов

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой патентного права и правовой охраны средств индивидуализации,
Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва
89152499929@mail.ru

ON THE DOCTRINAL APPROACHES TO THE ESSENCE AND LEGAL NATURE OF INTELLECTUAL PROPERTY AND INTELLECTUAL RIGHTS

S.G. Pavlikov

Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Patent Law and Legal Protection of Means of Individualization,
Russian State Academy of Intellectual Property
89152499929@mail.ru

Аннотация. В статье, не ставя под сомнение позитивный характер единства терминологии в цивилистическом знании, аргументируется суждение о преждевременности разрешения на законодательном уровне вопроса о целесообразности использования термина «объект интеллектуальной деятельности» вместо широко используемой в настоящее время дефиниции. Охарактеризовано стремление исследователей подчеркнуть взаимосвязь специфики РИД и его «материального носителя» и, как правило, соответствие «плюрализма в терминах» общей концепции понимания сущности и специфики интеллектуальной собственности. Как более актуальные охарактеризованы вопросы трансформации гражданско — правового механизма «подбора» изучаемых объектов под «ограниченный» перечень ст. 1225 ГК РФ и возможности его расширения.

Ключевые слова: охрана, защита, спортивная символика, результат, объект, элемент, интеллектуальная (собственность), средство индивидуализации, право, термин, понятие, деятельность, объект интеллектуальных прав, права интеллектуальной собственности, результат интеллектуальной деятельности.

Abstract. In the article, without questioning the positive nature of the unity of terminology in civil law knowledge, the author argues that it is premature to resolve the issue of the expediency of using the term «object of intellectual activity» instead of the currently widely used definition at the legislative level. The article highlights the desire of researchers to emphasize the interconnection between the specifics of RID and its «material carrier» and, as a rule, the correspondence of «pluralism in terms» to the general concept of understanding the essence and specificity of intellectual property.

Key words: protection, sports symbols, result, object, element, intellectual (property), means of individualization, right, term, concept, activity, object of intellectual rights, rights of intellectual property, result of intellectual activity.

В своих публикациях автор этих строк неоднократно отмечал, что разделяет позицию о том, что «интеллектуальное», либо патентное право — подотрасли права гражданского, предпринимал попытку обосновать невозможность формирования «права машины» и подчиненности субстанции искусственного интеллекта (возможны, разумеется, другие термины) ее творцу —

¹ Исследование проведено в рамках выполнения НИР «Модель межправительственной организации по охране интеллектуальной собственности как основа новых политических и социально-экономических связей России с зарубежными странами» (2-ГЗ-2026), НИР «Совершенствование механизмов защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в странах ЕАЭС» согласно Государственному заданию для ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности» (2-ГЗ-2024-2).

человеку. Для подтверждения подобного рода теоретических рассуждений представляется целесообразным исследовать основные доктринальные позиции в отношении понимания сущности и правовой природы интеллектуальной собственности, ее правовой природы, в том числе в контексте «патентного механизма» ее охраны.

Предварительно еще раз подчеркнем, что термины могут использоваться при анализе соответствующих правоотношений самые различные [2; 3; 8].

Однако не менее важно затронуть вопрос о соотношении материальных «носителей» (объект дизайна, изобретение, объективированное, например, в полезной модели нового двигателя и т.п.) и их виртуального воплощения; это, безусловно, обуславливает научный и практический интерес участника Конференции к этим вопросам.

Автор этих строк — много лет работающий с этим ученым — в целом разделяет позиции профессора О.В. Ревинского, поскольку теоретические рассуждения обусловили его практические успехи на поприще патентной охраны (именно «охраны» в широком смысле, при применении которой применяется не прокрустово ложе «защиты объектов патентного права» в формальном контексте, но реализуется процесс обеспечения (включая превентивные меры!) прав и законных интересов добросовестных участников гражданского оборота; соответствующие примеры мы приведем в представленной работе [6, с. 8].

В любом случае попытки на современном этапе осмыслить такого рода теоретические вопросы показывает, что разделяемая «всеми» позиция по данной проблематике (если это вообще допустимо в науке) вряд ли сложилась.

Если совершить небольшой исторический экскурс, то можно отметить, что «последовавшее в XIX–XX вв. постепенное обособление «права интеллектуальной собственности» (интеллектуальных прав) [обратим внимание на порядок изложения терминов. — С.П.] сделало актуальным вопрос о соотношении вещного и интеллектуального права» [8, с. 10].

В настоящее все чаще можно обнаружить подходы, которые де факто содержат попытку «полного разрыва» объектов материального мира и «носителей» интеллектуальной собственности [представляется, что в контексте всего вышеизложенного «массива информации» — лишь такое «витиеватое» словосочетание представляется «нейтральным термином». — С.П.]. Чаще всего такой «отрыв» и «свободный» полет «бестелесных объектов» связывается с развитием искусственного интеллекта.

Однако оговоримся — искусственный интеллект может далеко не все и доказательства как раз и лежат в «ярких» примерах его «силы». Самолет «самостоятельно» совершил уникальную посадку в условиях техногенной катастрофы без «помощи человека»? В дальнейшем выясняется, что и такой алгоритм содержался в программе автопилота. Робот — хирург спас сам человеку жизнь... Да, спас... но окончательные решения (глубина, место разреза) принимал другой человек — врач...

Другой вариант — «ввергнуть» нас в цифровую реальность, где объектам материального мира опять же почти не остается места.

Автор убежден, что еще более очевидная спорность такого подхода появляется, когда — особенно в актуальной юридической литературе — об этом рассуждают в контексте различий «англо-американского» и «континентально-европейского права», хотя одну из фундаментальных работ известного теоретика М.Н. Марченко об архаичности такого «жесткого» деления автор этих строк читал почти 20 лет назад [5].

Но сейчас иной этап, где нет «классического» и «однозначного» разделения common law и romano-german law. Так в США и United Kingdom все активнее применяются нормативные акты, некоторые из которых (акты Президента США) в ряде случаев доминируют даже над актами Верховного Суда этой страны, например, при разрешении вопроса о праве Главы государства расторгнуть международный договор т.д. В «романо-германской» Российской Федерации правовая позиция Конституционного Суда России запрещает смертную казнь, Конституция государства — допускает ее применение.

Итак, автор разделяет позицию о подчиненности субстанции искусственного интеллекта (возможны, разумеется, другие термины) ее «монотворцу» — человеку. Установлено, что на современном этапе все чаще можно обнаружить подходы, которые де факто содержат попытку «полного разрыва» объектов материального мира и «носителей» интеллектуальной соб-

ственности, нередко, связывается с развитием искусственного интеллекта, который «может» далеко не все и доказательства как раз проявляются в сомнительных примерах его «силы». Детальное разбирательство якобы уникальных казусов (самолет «самостоятельно» совершил уникальную посадку, робот — хирург автономно спас человеку жизнь и т.п.) показывает, что алгоритм такого рода деяний сформировал исключительно человек.

Не менее спорный вариант — «ввергнуть» нас в цифровую реальность, где объектам материального мира опять же почти не остается места. Причем, участник конференции убежден, что очевидная спорность такого подхода проявляется, когда в актуальных цивилистических трудах об этом рассуждают в контексте различий «англо-американского» и «континентального» права», обоснованность разделения которого вряд ли можно констатировать на современном этапе.

Список литературы

1. *Архипов В.В.* Виртуальная собственность «много лет спустя»: есть ли будущее у благородной мечты цифровых юристов? // Закон. — 2023. — № 9. — С. 15–35.
2. *Анкушина М.Ю.* Юридическая природа интеллектуальных прав // ИС. Авторское право и смежные права. — 2024. — № 4. — С. 59–64.
3. *Абрамова Е.Н., Хамидуллина Е.В.* Права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта // Хозяйство и право. — 2024. — № 10. — С. 71–83.
4. *Кашанин А.В.* Развитие учения о форме и содержании произведения в доктрине авторского права. Проблема охраноспособности содержания научных произведений // Вестник гражданского права. — 2010. — № 2. — С. 68–138.
5. *Марченко М.Н.* Судебное правотворчество и судебское право. — М.: Проспект, 2007. — 268 с.
6. *Ревинский О.В.* Новые мысли по старому поводу // Патенты и лицензии. Интеллектуальная собственность. — 2025. — № 4. — С. 8.
7. *Рудаков С.Е.* Понятие интеллектуальных прав в сравнении с термином «интеллектуальная собственность» // ИС. Авторское право и смежные права. — 2024. — № 4. — С. 53–58.
8. *Суханов Е.А.* Вещное право: научно-познавательный очерк. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2024. — 626 с. — С. 10.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ИНФОРМАЦИОННАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ: ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ ВЕРИФИКАЦИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПУБЛИЧНО ЗНАЧИМОГО КОНТЕНТА В ЭПОХУ ГЕНЕРАТИВНОГО ИИ

С.Ю. Поярков

кандидат педагогических наук,
докторант кафедры конституционного права и конституционного судопроизводства,
Российский университет дружбы народов, Москва
psu@vniiftri.ru

TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY AND INFORMATION INTEGRITY: LEGAL REGIMES FOR VERIFYING THE PROVENANCE OF PUBLIC-INTEREST CONTENT IN THE ERA OF GENERATIVE AI

S.Yu. Poyarkov

PhD in Pedagogical Sciences,
Doctoral Candidate, Department of Constitutional Law and Constitutional Adjudication,
RUDN University, Moscow
psu@vniiftri.ru

Аннотация. В статье анализируется, каким образом в условиях распространения генеративного искусственного интеллекта можно поддерживать информационную целостность публичной сферы, не сводя регулирование к запретительной модели. Массовая доступность синтетических аудио-, видео- и текстовых материалов размывает различие между доказуемым источником и правдоподобной имитацией, что повышает издержки доверия для медиа, государственного управления, рынков и политической конкуренции. Технологический суверенитет рассматривается как способность государства и национального цифрового рынка выстраивать доверенную инфраструктуру происхождения контента, закреплять стандарты и обеспечивать их исполнимость для ключевых участников цепочки создания и распространения. Предлагается трехконтурная конструкция правовых режимов верификации: (1) обязательное раскрытие и маркировка синтетического либо существенно модифицированного контента; (2) криптографически проверяемая провенанс-инфраструктура (подписи, связанные метаданные, журналы операций) на базе открытых технических спецификаций; (3) процессуальные последствия верификации для доказывания (презумпции добросовестности, перераспределение бремени доказывания, стандарты экспертизы и аудита). На сравнительном материале рассматриваются подходы ЕС к прозрачности и управлению системными рисками, а также рекомендации NIST и стандарт C2PA; в российском контуре обсуждаются рамки законодательства об информации, персональных данных и охране изображения. Итогом является минимальный стандарт «доверенного происхождения» публично значимого контента и модель распределения ответственности между провайдерами моделей, заказчиками и платформами.

Ключевые слова: технологический суверенитет; информационная целостность; генеративный ИИ; верификация происхождения (provenance); маркировка синтетического контента; криптографическая подпись и метаданные; платформенная ответственность.

Abstract. This article examines how information integrity in the public sphere can be maintained amid the spread of generative AI without resorting to a purely prohibitive regulatory model. Ubiquitous synthetic audio, video, and text blur the boundary between traceable sources and plausible imitation, increasing the cost of trust for media, public administration, markets, and political competition. Technological sovereignty is understood as the capacity of a state and its digital market to build trusted provenance infrastructure, set standards, and ensure their enforceability across the content supply chain. The paper proposes a three-layer legal architecture for provenance verification: (1) mandatory disclosure and labeling of AI-generated or materially AI-edited content; (2) cryptographically verifiable provenance infrastructure (signatures, bound metadata, audit logs) grounded in open technical specifications; and (3) procedural effects for evidence and adjudication (good-faith presumptions, burden-shifting, and standards for expert review and audits). Using a comparative lens, it discusses EU transparency obligations and systemic-risk governance, together with NIST guidance and the C2PA specification; within the Russian framework it considers information law,

personal data law, and protection of a person's likeness. The article concludes with a minimum "trusted provenance" standard for public-interest content and a liability allocation model for model providers, deployers, platforms.

Key words: technological sovereignty; information integrity; generative AI; provenance verification; synthetic content labeling; cryptographic signatures and metadata; platform liability.

Публичная сфера исторически опиралась на социальные и технические механизмы доверия: узнаваемые источники, репутационные фильтры, редакционную ответственность, идентифицируемые каналы официальной коммуникации. Генеративный ИИ снижает стоимость производства убедительных имитаций, включая «голос», «образ», стилистику и поведенческий паттерн, что делает уязвимой базовую эвристику «если выглядит и звучит как X, то это X». Тем самым возникает не только риск распространения недостоверной информации, но и более фундаментальная проблема: разрушение доказуемости происхождения цифрового сообщения, когда даже истинное высказывание перестает быть защищено от подозрения, а ложное — от правдоподобия. В этой перспективе ключевым объектом правового конструирования становится не «истина как таковая», а информационная целостность: способность участников оборота отличать проверяемые источники и корректно реконструировать цепочку создания и модификаций контента.

Вопрос тесно связан с технологическим суверенитетом. Если доверие обеспечивается исключительно внешними стандартами, внешними удостоверяющими инфраструктурами или закрытыми механизмами маркировки, государство и национальный рынок оказываются зависимыми от чужих протоколов признания подлинности. Поэтому предмет исследования — правовые режимы верификации происхождения публично значимого контента — одновременно относится к «праву будущего» (инфраструктурные обязанности и процессуальные гарантии в цифровой среде) и к суверенитетной повестке (контроль стандартов доверия и исполнимость обязанностей внутри юрисдикции)¹.

Цель статьи — предложить юридически применимую трехконтурную модель верификации происхождения: (1) раскрытие/маркировка синтетического контента; (2) криптографически проверяемая provenance-инфраструктура; (3) процессуальные последствия для доказывания и ответственности. Новизна подхода состоит в переводе дискуссии от «регулирования контента» к «регулированию доказуемости происхождения» и к распределению обязанностей по цепочке создания и распространения.

Понятия и риски: от «достоверности» к «происхождению»

1.1. Информационная целостность как правовой интерес

Информационная целостность целесообразно понимать как совокупность условий, при которых (а) источник сообщения идентифицируем и проверяем; (б) изменения контента после создания фиксируемы и трассируемы; (в) потребитель получает достаточную информацию о характере материала (оригинал, монтаж, синтетическая генерация, композит); (г) существует институциональный механизм оспаривания и исправления. Эта конструкция отличается от «борьбы с фейками» в узком смысле: даже правдивое сообщение при утрате проверяемого происхождения подрывает доверие, а сообщение с проверяемым происхождением может оставаться спорным по содержанию, но сохранять юридически значимую атрибуцию.

В зарубежной литературе подчеркивается, что угрозы deepfakes затрагивают приватность, демократические процедуры и национальную безопасность не только через ложь, но и через рост транзакционных издержек доверия («truth decay») [4]. Международные организации связывают устойчивость демократии с повышением прозрачности, подотчетности и плюрализма источников, а также с укреплением институциональной архитектуры информационной среды [8]. Эти подходы позволяют сформулировать юридически релевантный вывод: право должно обеспечивать не «обязательную истинность», а минимальные гарантии происхождения и прозрачности, совместимые со свободой выражения.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 12.03.2026).

1.2. Публично значимый контент и принцип пропорциональности обязанностей

Для целей правового режима разумно выделять «публично значимый контент»: материалы, способные влиять на права и законные интересы неопределенного круга лиц, безопасность, общественный порядок, результаты выборов, финансовое поведение, доверие к органам власти и институтам правосудия. Именно здесь требования к происхождению и маркировке могут быть усилены, не превращаясь в тотальный контроль повседневной коммуникации. Риск-ориентированность согласуется с современными тенденциями цифрового регулирования: обязанность усиливается не «для всех и всегда», а при повышенном социальном эффекте распространения и при масштабируемости вреда.

Отдельный вопрос — правомерность использования реальных образов и голосов. Российское гражданское право закрепляет согласительный режим обнародования и использования изображения гражданина, включая посмертные аспекты (через согласие близких) и исключения для публичного интереса². Эти нормы важны как отправная точка: генеративные технологии делают возможным не только использование конкретной фотографии или записи, но и создание «нового» изображения/голоса, при этом социальный эффект имитации сопоставим с использованием оригинала. Следовательно, режим охраны образа должен дополняться режимом прозрачности происхождения: даже при наличии согласия или исключения по публичному интересу потребитель должен понимать, является ли материал документом или синтетической реконструкцией.

1.3. Технологические контуры верификации: маркировка, provenance, детекция

Технически верификация происхождения опирается на три группы средств. Первая — маркировка: явное указание, что контент сгенерирован или существенно изменен ИИ. Вторая — provenance-инфраструктура: криптографические подписи и связанные метаданные, фиксирующие источник и историю изменений. Третья — детекция: алгоритмическое выявление синтетики, включая распознавание водяных знаков и статистических следов генерации. NIST выделяет эти направления как комплементарные и подчеркивает, что ни одно из них не является универсальным: маркировка требует добросовестности субъектов, provenance требует внедрения в цепочку производства, а детекция неизбежно остается «гонкой» с генераторами [7].

Для права будущего существенна институциональная трансформация: «верификация происхождения» становится не факультативной технологической опцией, а юридически значимой обязанностью для определенных акторов и определенных типов контента. Именно здесь технологический суверенитет проявляется как способность закрепить стандарты, признать доказательственную силу provenance-атрибутов и обеспечить ответственность за их обход.

Сравнительные модели: ЕС, C2PA и риск-ориентированные стандарты

2.1. ЕС: прозрачность синтетического контента и управление системными рисками

Европейская регуляторика формирует два взаимодополняющих слоя. Первый — прозрачные обязанности в отношении ИИ-контента. Регламент ЕС об искусственном интеллекте (AI Act) закрепляет требования прозрачности для определенных сценариев, включая информирование о взаимодействии с ИИ и требования раскрытия/маркировки в случаях использования синтетических медиа и «deepfakes»³. Важно, что логика AI Act не сводится к наказанию за «ложь»: акцент на информировании и прозрачности позволяет адресовать проблему происхождения без прямого вмешательства в содержание.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Ст. 152.1 «Охрана изображения гражданина» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/14c6c3902cffa17ab26d330b2fd4fae28e5cd059/ (дата обращения: 12.03.2026).

³ Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (accessed: 12.03.2026).

Второй слой — платформенное управление системными рисками в рамках Digital Services Act (DSA)⁴. DSA вводит обязанности для очень крупных платформ и поисковых систем по оценке и снижению системных рисков, включая риски для общественного дискурса и распространение дезинформации; инструментами выступают отчетность, доступ исследователей, независимые аудиты и процедурные меры. Для темы статьи принципиально, что DSA не требует от платформ «устанавливать истину», но обязывает выстраивать процессы управления рисками и прозрачности, то есть создавать институциональные условия для информационной целостности.

Системный вывод из европейского подхода: правовое регулирование смещается к «обязанностям инфраструктуры» (процедуры, прозрачность, аудит, доказуемость действий), а не только к запретам на отдельные высказывания. Это и есть один из ключевых признаков «права будущего» в цифровом обществе.

2.2. C2PA: стандарт «контентных удостоверений» как юридический объект

Техническая спецификация C2PA описывает формат «content credentials»: криптографически защищенный манифест, связывающий медиаконтент с данными о происхождении, авторстве и действиях редактирования, при возможности проверять целостность и цепочку преобразований [5]. Юридически важен сам тип объекта: не «контент» и не «авторское право», а метаданные происхождения, которые могут выполнять доказательственную функцию (кто создал, чем изменял, каким инструментом, когда) при условии доверия к ключам подписи и к процедурам формирования манифеста.

Для правового режима это означает необходимость: (а) определить условия признания provenance-атрибутов (какие подписи, какие удостоверяющие центры, какие форматы); (б) закрепить обязанности участников цепочки (создатель/редактор/платформа) по сохранению и непрерывности происхождения; (в) установить ответственность за удаление, подмену или ложные аттестации происхождения. Именно здесь технологический суверенитет приобретает предметное содержание: если доверие к происхождению опирается на зарубежные корневые сертификаты или закрытые форматы, суверенитет в сфере доверия оказывается ограниченным.

2.3. NIST и OECD: рамка риск-менеджмента и политика информационной целостности

NIST в отчете о снижении рисков синтетического контента рассматривает целый спектр мер: от аутентификации и отслеживания provenance до маркировки, детекции и организационных процедур аудита и поддержки [7]. Для права важно, что NIST фиксирует необходимость сочетать технические и управленческие меры, признавая ограничения каждого подхода. Это создает основу для юридической конструкции «надлежащей осмотрительности» (due diligence) в отношении происхождения: субъект, распространяющий публично значимый контент, должен предпринять разумные меры по верификации и маркировке, а их состав может быть стандартизирован.

OECD, обсуждая укрепление информационной целостности, подчеркивает три направления: прозрачность и подотчетность источников, повышение устойчивости общества и модернизацию институтов управления информационной средой [8]. В переводе на юридический язык это означает: (а) требования к раскрытию и идентификации источников (включая синтетический контент); (б) процедуры исправления, опровержения, доступ к проверке; (в) межведомственные и межсекторные механизмы координации и стандартов. Эти положения полезны для обоснования пропорциональности мер: государство вправе усиливать требования к происхождению там, где ущерб доверия системен и масштабируем.

⁴ Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj/eng> (accessed: 12.03.2026).

Российский контур и предложения:
минимальный стандарт «доверенного происхождения»

3.1. Нормативные опоры: информация, персональные данные, охрана образа, политика ИИ

Российское законодательство об информации устанавливает общий режим обращения информации и защиты определенных категорий, формируя базовые принципы правомерного распространения и ограничения доступа⁵. Закон о персональных данных задает согласительный и риск-чувствительный режим обработки сведений, относящихся к определяемому лицу⁶. В контексте генеративного ИИ это имеет двойное значение: (а) данные, используемые для обучения и дообучения, могут содержать персональные данные; (б) синтетические материалы, воспроизводящие голос/лицо/поведение, способны порождать «персонально-сходную» информацию и фактически вмешиваться в частную сферу.

Охрана изображения гражданина в ГК РФ закрепляет ключевой критерий — согласие на обнародование и дальнейшее использование изображения, с ограниченными исключениями⁷. На практике это означает, что правомерность использования образа — необходимое, но недостаточное условие для информационной целостности: даже правомерно созданный синтетический ролик может вводить аудиторию в заблуждение относительно документальности. Поэтому охрана образа должна дополняться прозрачной обязанностью маркировки синтетики в случаях публично значимого распространения.

Политико-правовая рамка развития ИИ в Российской Федерации задается стратегическими документами и указами, ориентированными на ускорение внедрения технологий при одновременном учете рисков и правовых ограничений⁸. Это позволяет аргументировать, что создание доверенной инфраструктуры происхождения контента является частью технологического суверенитета: речь идет не о запрете ИИ-инструментов, а о правовой «обязке» для безопасного и доверенного применения.

3.2. Уровни регулирования: от обязанности маркировки к доказательственным презумпциям

Предлагаемая трехконтурная модель может быть имплементирована в российском праве без радикальной ломки отраслевых конструкций.

Контур 1. Обязательная маркировка синтетического/существенно модифицированного контента для публично значимых случаев. Смысл обязанности — обеспечить информированное восприятие: зритель/читатель должен понимать, что перед ним продукт генерации или композит, а не документальная запись. На уровне конкретизации возможно использование риск-критериев: охват аудитории, платное продвижение, тематика (выборы, безопасность, финансы), имитация конкретного лица, использование от имени организации/органа власти. Российские исследователи указывают, что deepfake-технологии создают новый спектр общественно опасных деяний и требуют как уголовно-правовых, так и регуляторных мер, включая превенцию и разграничение правомерного/неправомерного использования [1], [3]. Однако для «права будущего» центральна именно прозрачность происхождения: маркировка снижает вред, не заменяя собой ответственности за клевету, мошенничество или вмешательство в частную жизнь.

Контур 2. Признание и внедрение provenance-инфраструктуры как стандарта добросовестности. Здесь полезна логика С2РА: фиксировать манифест происхождения, подписанный

⁵ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 12.03.2026).

⁶ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 12.03.2026).

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая). Ст. 152.1 «Охрана изображения гражданина».

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

доверенными ключами, и сохранять его при публикации и перепубликации [5]. Правовая имплементация может идти через стандартизацию (национальные/отраслевые стандарты), через требования к платформам и СМИ по сохранению provenance для публично значимого контента, через условия для государственных коммуникаций (официальные каналы публикуют материалы с проверяемой подписью и связанными метаданными). Технологический суверенитет проявляется в том, какие удостоверяющие инфраструктуры признаются доверенными: национальные центры сертификации, отечественные криптографические механизмы, требования к хранению журналов внутри юрисдикции при соблюдении режима доступа.

Контур 3. Процессуальные последствия верификации: доказательство происхождения и распределение ответственности. На практике многие конфликты вокруг синтетического контента будут решаться не запретом технологии, а доказыванием: кто создал, кто распространил, что именно было изменено, с каким умыслом и при каких мерах осмотрительности. Поэтому следует закреплять (пусть сначала на уровне судебной практики и разъяснений) значимость provenance-атрибутов как доказательств. Возможны два взаимодополняющих решения: (а) презумпция добросовестности распространителя при наличии проверяемого provenance и корректной маркировки; (б) перераспределение бремени доказывания в обратную сторону при отсутствии маркировки/при удалении метаданных происхождения, особенно в публично значимых ситуациях. Аналогичная логика развивается в дискуссии об онлайн-правосудии: технологические подделки и имитации мешают доверию к цифровым процедурам и требуют правовой оценки и встроенных гарантий [2]. В более широком плане цифровая трансформация права связана с необходимостью формировать «цифровую правовую осведомленность» и институциональные механизмы доверия [6].

3.3. Распределение обязанностей и ответственности по цепочке: провайдер модели — заказчик — платформа

Для работоспособности режима необходимо развести роли.

(1) Провайдер (разработчик/поставщик) модели или инструмента. Его зона ответственности — предоставление технической возможности маркировки и provenance (поддержка стандартов, ведение документации, интерфейсы для включения метаданных), предупреждения об ограничениях и рисках. В регуляторной логике ЕС аналогичная идея выражается в требованиях к прозрачности и ответственности отдельных классов систем⁹. В российском праве это может закрепляться через требования к разработчикам и поставщикам для использования в публичном секторе и для коммерческого распространения инструментов на массовый рынок.

(2) Заказчик (лицо, использующее инструмент для создания и публикации). Его обязанность — маркировка, сохранение provenance, недопущение имитации в запрещенных сценариях (например, от имени органов власти или для мошенничества), соблюдение режима персональных данных при использовании реальных биометрических/персональных признаков¹⁰. Если имитируется конкретное лицо, дополнительно возникает вопрос согласия на использование образа/голоса и соблюдения гражданско-правовых ограничений¹¹.

(3) Платформа/распространитель. Его обязанность — не «устанавливать истину», а обеспечивать системную исполнимость режима: прием и отображение маркировок, сохранение provenance-метаданных при загрузке и репостах, интерфейсы для жалоб и оспаривания, меры против удалений/подмены метаданных, прозрачная политика для публично значимых тем. Европейский DSA задает общую рамку таких процессных обязанностей в отношении системных рисков и аудита¹². В российской перспективе задача — определить, какие элементы могут быть закреплены как обязательные для крупных платформ при публично значимом охвате.

⁹ Regulation (EU) 2024/1689 (Artificial Intelligence Act).

¹⁰ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

¹¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая). Ст. 152.1 «Охрана изображения гражданина».

¹² Regulation (EU) 2022/2065 (Digital Services Act).

3.4. Минимальный стандарт «доверенного происхождения» публично значимого контента

В целях практической применимости предлагается минимальный стандарт, состоящий из восьми элементов:

Определение публично значимого контента и критериев усиленного режима (охват, тематика, имитация лица/организации, платное продвижение).

Обязанность явной маркировки синтетического или существенно ИИ-модифицированного контента при публично значимом распространении; запрет на «скрытую синтетику» в случаях, где она вводит в заблуждение относительно документальности.

Поддержка и сохранение provenance-метаданных (криптографический манифест происхождения) при создании и публикации; предпочтение открытых спецификаций (например, C2PA) [5].

Требования к государственным и квазигосударственным коммуникациям: официальный контент публикуется с проверяемой подписью источника и связанными метаданными; аудитория получает простой инструмент проверки.

Процедуры оспаривания: быстрый канал заявления «контент имитирован/подделан», временные меры по снижению охвата, обязательство платформы сохранить данные для расследования и судебного разбирательства.

Доказательственные эффекты: наличие корректной маркировки и проверяемого provenance учитывается как фактор добросовестности; отсутствие маркировки и удаление метаданных при публично значимом распространении — как фактор повышенной ответственности и основание для неблагоприятных процессуальных выводов.

Соразмерность и исключения: режим не должен криминализировать добросовестное творчество и сатиру; исключения возможны при очевидности художественного характера и отсутствии риска введения в заблуждение, однако при массовом охвате предпочтительна мягкая маркировка.

Суверенная исполнимость: признание доверенных удостоверяющих инфраструктур, стандартизация форматов, требования к хранению журналов и доступу к ним в рамках правовой процедуры, при соблюдении персонально-данных и коммерческих тайн¹³.

Эта конструкция согласуется с риск-ориентированными рекомендациями NIST (сочетание аутентификации, provenance, маркировки, детекции и аудита) [7] и с политикой укрепления информационной целостности, продвигаемой OECD [8], при этом может быть адаптирована к российской правовой системе через сочетание гражданско-правовых, информационно-правовых и процессуальных инструментов.

Заключение

Эпоха генеративного ИИ переводит проблему доверия из плоскости «контент истинный/ложный» в плоскость «происхождение доказуемо/недоказуемо». Поэтому «право будущего» в цифровом обществе должно опираться на инфраструктурные обязанности и процессуальные гарантии, обеспечивающие проверяемость источника и прозрачность синтетики, а не только на запреты и санкции постфактум. Технологический суверенитет в этой области означает способность закреплять и поддерживать доверенную инфраструктуру происхождения контента: стандарты, удостоверяющие механизмы, обязательства ключевых акторов и признание доказательственной силы provenance-атрибутов.

Предложенная трехконтурная модель (маркировка — provenance-инфраструктура — процессуальные последствия) позволяет сбалансировать свободу выражения и требования информационной целостности. Она не требует «государственной монополии на истину», но создает условия, при которых публично значимый контент становится проверяемым по происхождению, а ответственность распределяется предсказуемо и пропорционально роли участника. Практическая реализация модели возможна через стандартизацию, обязанности крупных платформ по сохранению маркировок и метаданных, специальный режим для официальных

¹³ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

коммуникаций, а также через развитие судебных подходов к доказательствам происхождения. В совокупности это формирует юридическую архитектуру доверия, которая является и инструментом защиты публичной сферы, и элементом технологического суверенитета.

Список литературы

1. *Ефремова М.А., Русскевич Е.А.* Дипфейк (deepfake) и уголовный закон // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2024. — Т. 15. — № 2. — С. 97–105. — DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-13.
2. *Лантев В.А.* Deepfake и иные продукты искусственного интеллекта на пути развития онлайн-правосудия // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 11. — С. 180–186. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.132.11.180-186. — URL: <https://aprp.msai.ru/jour/article/view/2899> (дата обращения: 12.03.2026).
3. *Мицкая Е.В.* Вопросы правового противодействия технологии deepfake // Российско-азиатский правовой журнал. — 2025. — № 1. — С. 50–58. — DOI: 10.14258/ralj(2025)1.8.
4. *Chesney R., Citron D.K.* Deep Fakes: A Looming Challenge for Privacy, Democracy, and National Security // California Law Review. — 2019. — Vol. 107. — P. 1753–1819. — URL: https://scholarship.law.bu.edu/faculty_scholarship/640/ (accessed: 12.03.2026).
5. Coalition for Content Provenance and Authenticity (C2PA). C2PA Technical Specification. Version 2.3. — URL: <https://c2pa.org/specifications/specifications/2.3/index.html> (accessed: 12.03.2026).
6. *Laptev V., Fedin V.* Legal Awareness in a Digital Society // Russian Law Journal. — 2020. — Vol. 8. — No 1. — P. 138–157. — DOI: 10.17589/2309-8678-2020-8-1-138-157.
7. National Institute of Standards and Technology. Reducing Risks Posed by Synthetic Content: An Overview of Technical Approaches to Digital Content Transparency. NIST AI 100-4. — 2024. — URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ai/NIST.AI.100-4.pdf> (accessed: 12.03.2026).
8. OECD. Facts not Fakes: Tackling Disinformation, Strengthening Information Integrity. Paris: OECD Publishing, 2024. — DOI: 10.1787/d909ff7a-en. — URL: https://www.oecd.org/en/publications/facts-not-fakes-tackling-disinformation-strengthening-information-integrity_d909ff7a-en.html (accessed: 12.03.2026).

НАСЛЕДОВАНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ СПОРА И ПЕРЕХОДА ПРАВА

Р.М. Рамазанов

аспирант,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва;

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва;

адвокат АПМО, Москва

Ramazan_musl@mail.ru

INHERITANCE OF THE EXCLUSIVE RIGHT TO A TRADEMARK: ISSUES OF DISPUTE QUALIFICATION AND TRANSFER OF RIGHTS

R.M. Ramazanov

Postgraduate student,

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow;

Lecturer, Department of Civil Law Disciplines,

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow;

Lawyer APMO, Moscow

Ramazan_musl@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы наследования исключительного права на товарный знак, квалификации возникающего при этом судебного спора и определения момента перехода права к наследнику. Обосновывается, что основные трудности связаны не с допустимостью наследования как такового, а с разграничением момента перехода права и условий его реализации до государственной регистрации. Делается вывод о смешанной правовой природе спора, в котором сочетаются наследственные, интеллектуально-правовые, обязательственные и регистрационные элементы.

Ключевые слова: наследование, исключительное право, товарный знак, универсальное правопреемство, государственная регистрация, квалификация спора, судебная защита.

Abstract. The article examines the inheritance of the exclusive right to a trademark, the classification of the related judicial dispute, and the determination of the moment when the right passes to the heir. It is argued that the main difficulties arise not from the admissibility of inheritance as such, but from distinguishing between the moment of transfer of the right and the conditions for its exercise prior to state registration. The author concludes that such disputes have a mixed legal nature, combining hereditary, intellectual property, contractual, and registration-related elements.

Key words: inheritance, exclusive right, trademark, universal succession, state registration, classification of disputes, judicial protection.

Проблема наследования исключительных прав занимает особое место на стыке наследственного и интеллектуального права. Формально исходная правовая конструкция не вызывает сомнений, имущественные права входят в состав наследства, а исключительное право в системе интеллектуальных прав является правом имущественным¹. Однако применительно к товарному знаку данное положение долгое время не получало единообразного развития ни в доктрине, ни в практике. Причина состоит в том, что в подобных делах одновременно проявляются несколько правовых режимов: наследственный, интеллектуально-правовой, обязательственный и регистрационный. В результате спор о наследовании товарного знака редко существует как «чистый» спор о составе наследства, чаще он возникает как спор о действительности сделок, о правомерности регистрационных действий, о надлежащем истце и о моменте перехода права.

¹ См.: ст. 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ; ст. 1226, 1232, 1241 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ.

Для понимания природы проблемы необходимо исходить из общих представлений об исключительном праве. Еще Г.Ф. Шершеневич связывал исключительный характер такого права с предоставлением определенному субъекту монопольной возможности действовать в соответствующей правовой сфере; в более поздней отечественной цивилистике В.А. Дозорцев развил этот подход уже в контексте системы интеллектуальных прав, показав, что исключительное право сохраняет имущественную природу, хотя и реализуется в специальном правовом режиме [6; 2]. Для заявленной темы это не отвлеченный теоретический тезис, а исходный критерий квалификации спора. Если исключительное право на товарный знак является имущественным, исходным должен быть вывод о его вхождении в состав наследства, если только закон прямо не устанавливает иное.

Именно в таком направлении строится и специальная доктрина. О.Ю. Шиловост обоснованно исходил из того, что нормы разделов V и VII Гражданского кодекса Российской Федерации применительно к наследованию прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации соотносятся как общая и особенная части регулирования. Из этого следует важное положение — имущественный характер исключительного права сам по себе достаточен для его включения в состав наследства в силу статьи 1112 ГК РФ, а потому специальное дублирование данного правила в каждой норме части четвертой Кодекса не требуется [7]. Такой подход представляется наиболее последовательным. Иное решение фактически означало бы подмену общего правила о наследовании имущественных прав специальным разрешительным режимом, при котором каждое исключительное право наследовалось бы лишь при наличии особого прямого указания в законе.

Близкую позицию занимает и Э.П. Гаврилов. Анализируя разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации о наследовании, он справедливо отмечал, что интеллектуальные права постепенно встраиваются в общую систему наследственного правопреемства, хотя отдельные специальные вопросы остаются дискуссионными [1]. Важно подчеркнуть, что спорность этих вопросов не затрагивает саму имущественную природу исключительного права. Она лишь показывает, что применительно к определенным объектам, в том числе к товарному знаку, требуется более тонкое разграничение между фактом перехода права и условиями его последующего осуществления.

Особенно отчетливо данная проблема проявляется в сфере средств индивидуализации. Л.А. Новоселова, исследуя наследование прав на такие объекты, показала, что трудность заключается не в отрицании самой возможности наследования, а в особенностях правового режима конкретного средства индивидуализации и в недостаточной определенности специальных правил, регулирующих реализацию перешедшего права [3]. Это замечание имеет принципиальное значение для товарного знака. Исторически спорность здесь поддерживалась еще и тем, что правовой режим товарного знака долгое время был тесно связан с вопросом о специальном статусе правообладателя. Однако даже в этой ситуации смешивать вопрос о наследуемости права с вопросом о дальнейшем режиме его осуществления было бы неверно.

Статья 1241 ГК РФ позволяет рассматривать наследование исключительного права как один из случаев перехода права без договора в порядке универсального правопреемства. Следовательно, наследование исключительного права на товарный знак должно рассматриваться как один из случаев такого перехода. В этой части более убедительным представляется подход, согласно которому отсутствие специальной нормы о наследовании именно товарного знака не устраняет действия общей нормы статьи 1112 ГК РФ. Напротив, специальный запрет должен быть прямо выражен в законе; в противном случае имущественное право подлежит наследованию на общих основаниях [5].

Однако именно здесь возникает следующий, гораздо более сложный вопрос: когда именно исключительное право считается перешедшим к наследнику? Этот вопрос нельзя сводить только к наличию или отсутствию регистрационной записи. В научной литературе и практике длительное время обнаруживалась тенденция отождествлять переход права с государственной регистрацией такого перехода. Применительно к товарному знаку это выглядело внешне убедительно, поскольку сам объект существует в регистрационном режиме. Тем не менее подобная логика приводит к существенным теоретическим и практическим затруднениям. Если признать, что до внесения записи в реестр право к наследнику не переходит, то возник-

кает период, в течение которого исключительное право формально продолжает существовать, но не принадлежит никакому субъекту. Такая конструкция трудно согласуется как с природой универсального правопреемства, так и с общими началами гражданского права.

Именно данную проблему принципиально разрешил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 3 июля 2018 г. № 28-П. Хотя предметом рассмотрения был переход исключительного права на товарный знак при реорганизации юридического лица, правовая позиция Суда имеет более широкое значение. Конституционный Суд указал, что при универсальном правопреемстве исключительное право считается перешедшим к правопреемнику с момента, определяемого общими правилами такого правопреемства, тогда как возможность реализации правомочий в полном объеме обусловлена государственной регистрацией состоявшегося перехода права². Тем самым Суд четко развел два различных юридических момента: переход самого права и регистрационное подтверждение его принадлежности новому субъекту.

Для наследования исключительного права на товарный знак данный вывод имеет прямое значение. Наследование представляет собой форму универсального правопреемства, а потому нет оснований считать, что право возникает у наследника только после совершения регистрационной процедуры. Более обоснованным является иной подход. Право входит в состав наследства и переходит к наследнику в силу закона, тогда как государственная регистрация обеспечивает публичную достоверность статуса правообладателя, возможность его противопоставления третьим лицам и совершения распорядительных действий в полном объеме. Эту линию последовательно развивает и Л.А. Новоселова в статье о моменте перехода исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, подлежащие государственной регистрации, где подчеркивается недопустимость смешения перехода права с его регистрационным оформлением [4].

Практическую значимость рассматриваемой проблемы особенно наглядно демонстрирует спор о товарном знаке FORMAT. Из решения Дзержинского районного суда г. Перми по делу № 2-679/11 следует, что после смерти правообладателя была оформлена последовательная цепочка сделок по отчуждению права на комбинированный товарный знак: сначала право оказалось зарегистрированным за другим лицом, затем перешло к обществу с ограниченной ответственностью, а впоследствии — к следующему приобретателю³. Наследники умершего правообладателя предъявили иск о признании соответствующих договоров недействительными. Уже сама форма заявленного требования показательна: спор был поставлен не как абстрактный спор о признании товарного знака частью наследства, а как спор о правомерности последующих распорядительных действий в отношении права, которое, по мнению истцов, должно было перейти к ним в порядке наследования.

Суд общей юрисдикции разрешил данный конфликт в двух взаимосвязанных плоскостях. Во-первых, он признал истцов надлежащими субъектами защиты. Для этого суду пришлось прямо ответить на вопрос о наследуемости исключительного права на товарный знак. Суд указал, что право на товарный знак является имущественным, не относится к правам, неотделимым от личности правообладателя, и может переходить по наследству; нормы гражданского законодательства не содержат запрета или исключения для такого перехода⁴. Во-вторых, суд исследовал вопрос о действительности первоначального отчуждения права. На основании почерковедческой экспертизы было установлено, что подписи в доверенности и договоре выполнены не правообладателем, а иным лицом. Из этого был сделан вывод об отсутствии волеизъявления наследодателя на распоряжение правом, вследствие чего первая сделка признана недействительной, а вместе с ней недействительной оказалась и вся последующая цепочка договоров.

Юридическое значение данного решения заключается в том, что оно показывает реальный механизм судебной защиты наследников исключительного права. Наследственное

² См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03.07.2018 № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 1232 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Суда по интеллектуальным правам».

³ См.: Решение Дзержинского районного суда г. Перми от 12.05.2011 по делу № 2-679/11.

⁴ Там же.

правопреемство здесь выступает не как самоцель и не как изолированный предмет судебного рассмотрения, а как основание процессуальной легитимации истцов и как предпосылка для оспаривания сделок, нарушающих их имущественное положение. Иными словами, спор о наследовании товарного знака в судебной форме превращается в спор о действительности цепочки распорядительных актов, совершенных в отсутствие надлежащего правомочия.

Не менее показательна и арбитражная линия этого же конфликта. Из постановления Семнадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № А50-22259/2010 следует, что наследник правообладателя обратился и в арбитражный суд с требованием о признании недействительными тех же договоров об отчуждении права на товарный знак FORMAT⁵. Однако арбитражный спор по существу разрешен не был, иск был оставлен без рассмотрения ввиду наличия в производстве суда общей юрисдикции тождественного гражданского дела. Это обстоятельство имеет самостоятельное значение для исследуемой темы. Оно показывает, что один и тот же конфликт способен одновременно проявляться как спор в сфере предпринимательского оборота, связанный с зарегистрированным исключительным правом, и как спор, в основе которого лежит наследственное правопреемство. Следовательно, вопрос о судебной форме защиты зависит не только от объекта спора, но и от того, какое правоотношение суд признает основным.

Именно здесь особенно ясно обнаруживается смешанная правовая природа рассматриваемой категории дел. Такой спор нельзя исчерпывающе описать только как наследственный. В нем неизбежно присутствует наследственный элемент, поскольку решается вопрос о переходе имущественного права к наследнику; интеллектуально-правовой элемент, поскольку предметом конфликта является исключительное право на средство индивидуализации; обязательственный элемент, поскольку спор обычно связан с действительностью или последствиями сделок по отчуждению права; регистрационный элемент, поскольку движение права отражается в государственном реестре и приобретает юридическое значение через регистрационные действия. Именно поэтому квалификация соответствующего требования имеет определяющее значение. Суду недостаточно ответить только на вопрос о составе наследства, необходимо установить, какое право нарушено, каким способом оно подлежит защите и какое правоотношение составляет ядро спора.

В этой связи спор о наследовании исключительного права на товарный знак представляет особый интерес и для более широкой темы судебного порядка рассмотрения споров, связанных с наследованием исключительных прав. Он показывает, что процессуальная специфика таких дел определяется не только объектом спора, но и сложной взаимосвязью нескольких материально-правовых начал. Отсюда следует и практический вывод, в подобных делах ошибочное смешение материального перехода права с его регистрационным подтверждением, равно как и недооценка обязательственного элемента, способно привести к неверной квалификации спора и, как следствие, к неэффективной судебной защите.

Таким образом, исключительное право на товарный знак должно рассматриваться как имущественное право, входящее в состав наследства на общих основаниях. Основные трудности в данной категории дел связаны не с самой допустимостью наследования, а с разграничением момента перехода права и условий его полной реализации, а также с правильной судебной квалификацией возникшего конфликта. Государственная регистрация перехода права при универсальном правопреемстве не создает право заново, а подтверждает его принадлежность новому субъекту и обеспечивает возможность полного осуществления правомочий. Судебная практика по спору о товарном знаке FORMAT и правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации позволяют утверждать, что защита наследника в подобных ситуациях строится на сложной юридической конструкции, в которой наследственное, интеллектуально-правовое, обязательственное и регистрационное начала образуют единое содержание судебного спора. Именно в этом и состоит одна из существенных особенностей судебного порядка рассмотрения споров, связанных с наследованием исключительных прав.

⁵ См.: Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.03.2011 по делу № А50-22259/2010.

Список литературы

1. *Гаврилов, Э.П.* О наследовании интеллектуальных прав в свете Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. — № 9 / Э.П. Гаврилов // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. — 2012. — № 9. — С. 22–32. — EDN РСJEHR.
2. *Дозорцев, В.А.* Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сб. статей / В.А. Дозорцев. — М.: Статут, 2003. — ISBN 5-8354-0168-X. — EDN QVPJWL.
3. *Новоселова, Л.А.* О наследовании прав на средства индивидуализации / Л.А. Новоселова // Хозяйство и право. — 2014. — № 3(446). — С. 28–38. — EDN UFELUT.
4. *Новоселова, Л.А.* О моменте перехода исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, подлежащие государственной регистрации / Л.А. Новоселова // Хозяйство и право. — 2018. — № 10(501). — С. 29–39. — EDN YLAETR.
5. *Опря, М.В.* О наследовании исключительных прав на средства индивидуализации / М.В. Опря // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2024. — № 3. — С. 48–56. — DOI 10.34076/22196838_2024_3_48. — EDN EOHQLQJ.
6. *Шершеневич, Г.Ф.* Авторское право на литературные произведения / Г.Ф. Шершеневич. — Казань, 1891.
7. *Шилохвост, О.Ю.* Наследование прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации / О.Ю. Шилохвост // Патенты и лицензии. — 2008. — № 1. — С. 25–35. — EDN LCWYAZ.
8. *Афанасьева Е.В., Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А.* Геостратегические регионы мира: методика исследования и анализ. — М., 2020. — 200 с.
9. *Булавина М.А., Новосельский С.О., Попова С.А.* Стратегические цели и тактические приоритеты управления городом в условиях геополитической напряженности // Вестник евразийской науки. — 2022. — Т. 14. — № 3.
10. *Слуцкий Л.Э., Васецкий Н.А., Слоботчиков О.Н.* Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография в 2-х т. / Том 1. Россия — государство-цивилизация. — М., 2024. — 384 с.

ПРАВО И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕВИАНТНОСТЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ

А.Н. Тонконог

аспирант,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва
advokat@tonkonog.ru

LAW AND POLITICAL DEVIANCE IN THE ERA OF GLOBALIZATION AND DIGITALIZATION

A.N. Tonkonog

Postgraduate student,

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
advokat@tonkonog.ru

Аннотация. настоящая статья продолжает цикл публикаций, отражающих всестороннее исследование феномена девиантного (отклоняющегося) политического поведения. В статье с учетом этимологии термина «право» тезисно обозначается изменение его роли с момента зарождения в различных мировых культурах до настоящего времени. Рассматриваются некоторые предпосылки к изменению роли права в эпоху глобализации; тенденции изменения взаимосвязей и соотношения права и политики. Оцениваются перспективы масштабирования в условиях глобализации девиантного политического поведения, направленного против нормального порядка отправления власти. Подчеркивается актуальность проблемы политической девиантности, принимающей все новые формы и виды как в отдельных государствах, так и на мировом уровне; обосновывается необходимость выработки комплекса мер противодействия политической девиантности, представляющей стратегическую угрозу национальной безопасности.

Высказываются предложения по использованию современных цифровых инструментов (генеративного искусственного интеллекта, ИИ) для повышения эффективности нормативного регулирования, авторитета права, укрепления его роли в политической сфере, нейтрализации проявлений девиантного политического поведения. Предложения основаны на объективном характере математических методов, служащих основой алгоритмов для генеративных нейросетевых технологий. В силу этого ИИ не подвержен порокам, обуславливающим различные виды девиантного поведения.

Ключевые слова: право, политика, политическая девиантность, глобализация, цифровизация, перспективы, эффективность, взаимосвязь.

Abstract. This article continues the cycle of publications reflecting a comprehensive study of the phenomenon of deviant (deviant) political behavior. In the article, taking into account the etymology of the term «law,» the thesis indicates a change in its role from the moment of origin in various world cultures to the present. Some prerequisites for changing the role of law in the era of globalization are considered; trends in interrelationships and the relationship between law and politics. The prospects for scaling in the context of globalization of deviant political behavior directed against the normal order of the administration of power are assessed. The urgency of the problem of political deviance, which is taking on new forms and types both in individual states and at the world level, is emphasized; the need to develop a set of measures to counter political deviance that poses a strategic threat to national security is justified.

Proposals are being made to use modern digital tools (generative artificial intelligence, AI) to increase the effectiveness of regulatory regulation, the authority of law, strengthen its role in the political sphere, and neutralize manifestations of deviant political behavior. The proposals are based on the objective nature of mathematical methods that serve as the basis of algorithms for generative neural network technologies. Due to this, AI is not subject to vices that cause various types of deviant behavior.

Key words: law, politics, political deviance, globalization, digitalization, prospects, efficiency, interconnection.

Известно, что право служит регулятором общественных отношений, формой выражения компромисса социально полезных интересов различных групп населения. В этом качестве право занимает вполне определенное, высшее место в иерархии регуляторов человеческого поведения. Проведенные специалистами исследования этимологии термина «право» в различных мировых культурах позволили сделать следующий обобщенный вывод: «право — это мировой порядок, озвучиваемый, провозглашаемый и прочерчиваемый здесь, в нашем социуме...» [7, с. 339].

Исходя из нацеленности права на установление и поддержание порядка, в современной теории права оно преобладает над законом, выступающим здесь попыткой интерпретации, переложения на бумагу неписаных норм, продиктованных коллективной мудростью. Следствием этого тезиса является возможность принятия неправового закона и объективная необходимость его отмены.

Политическую девиантность, или отклонение, здесь следует понимать как поведение, направленное против нормального порядка приобретения властных полномочий конкретным субъектом и отправления им власти. Одним из примеров политической девиации, наряду с проявлениями экстремизма, терроризма, коррупции, выступает злоупотребление полномочиями, должностным положением. Речь идет об игнорировании норм законодательства и принципов права властным субъектом, пренебрегающим упомянутой иерархией социальных норм, создающим новую верхнюю ее ступень. Она может именоваться «целесообразностью», «интересами государства», «политическими интересами» и «политическими задачами», стоящими над всеми иными инструментами регулирования отношений в социуме [4, с. 8]. Очевидно, что интересы государства в рассматриваемом контексте являются «ложно понимаемыми», поскольку само по себе нарушение порядка отправления власти следует считать политической девиацией именно по причине подрыва основ не только права, но и государства, основ жизнедеятельности, порядка. Столь же очевидно, что пренебрежение властным субъектом нормами права искажает основы демократии постольку, поскольку голос народа, непосредственный или делегированный представителям, перестает учитываться при принятии решений. С учетом изложенного, возрастает значимость выработки комплекса мер противодействия политической девиантности, угрожающей национальной безопасности.

Между тем, доминирование политики над правом разными исследователями оценивается как негативно, так и позитивно, «избавляя население и органы власти от издержек демократии» [1, с. 86].

В эпоху глобализации дискуссия на тему соотношения права и политики приобретает особую остроту. Это обусловлено плохо скрываемым намерением глобальных корпораций и неформальных мировых лидеров доминировать на планете, не обременяя себя какими-либо институциональными нормами [6, с. 201]. Феномен «теневого правительства» из разряда конспирологических теорий перешел в теорию, открыто обсуждаемую на всех информационных площадках, занял прочные позиции как в публичном, так и научном дискурсе [5, с. 120]. Политическая девиантность в сочетании с устремлениями к мировому господству субъектов финансового и промышленного капитала обнаруживает чуждые прогрессивному человечеству признаки авторитаризма абсолютного, не связанного какими-либо ограничениями, свойственными праву как инструменту общественного компромисса, где право одного заканчивается на границе права другого. Помимо этого, возрастают и масштабы абсолютизма, эксплуатирующего исключительно в своих интересах национальные и международные институты.

В таких условиях право, как понятный, изученный, социально одобряемый инструмент установления порядка утрачивает свое значение. Это чревато утратой психоэмоциональной, идеологической опоры индивидуума и грозит всеобщей разрухой. На уровне национальном даже незначительное снижение авторитета права в силу распространенности злоупотребления должностными полномочиями конкретных чиновников, подрывающих своим поведением основы государства, национальную безопасность, влечет комплекс пагубных последствий. Так, студенты юридических факультетов и профильных учебных заведений после прохождения производственной практики утрачивают интерес к государственной службе, будучи разочарованными в реальном уровне законности и правопорядка, своих ожиданиях относительно персональных возможностей по их укреплению [3, с. 59].

Представляется необходимым в целях нейтрализации как негативных устремлений глобалистов, так и любых проявлений политической девиации, обеспечить укрепление основ права, разработку механизма его устойчивости перед посягательствами представителей власти и капитала; повышение авторитета права в общественном сознании. Это не исключает, а даже напротив, предполагает переосмысление и оценку в современных реалиях доктринальных положений права.

Инструментом, способным оптимизировать достижение обозначенных целей, может стать математический алгоритм, положенный в основу технологий генеративного искусственного интеллекта (ИИ) как наиболее эффективный на современном историческом этапе инструмент цифровизации. Наряду с его недостатками, препятствующими, например, вершить правосудие в силу отсутствия чувства эмпатии, сопереживания, ИИ обладает неоспоримым преимуществом в оценке эффективности нормативного регулирования и при выявлении посягательств на установленный порядок отправления власти [2, с. 65]. Таким образом, цифровизация как одно из явлений современности способна нейтрализовать негативные последствия другого — глобализации как катализатора существовавших прежде антисоциальных феноменов, и политической девиантности в том числе.

Список литературы

1. *Аймалетдинова, А.М.* Теоретические аспекты взаимодействия и соотношения права и политики в государстве / А.М. Аймалетдинова // Вызовы XXI века: ответы социальных и гуманитарных наук: Сборник научных статей. — М.: ООО «ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА», 2025. — С. 86–90. — EDN PQOEJQ.
2. *Вяткин, А.Н.* Искусственный интеллект как компонент цифровизации и права: тенденции и перспективы / А.Н. Вяткин // Высокотехнологичное право: ожидание и реальность: Материалы VI Международной научно-практической конференции. В 2-х ч., Зеленоград, 14 февраля 2025 года. — М.: Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», 2025. — С. 58–67. — EDN TJHRUG.
3. *Вяткин, А.Н.* Факторы мотивации службы в органах прокуратуры и органах предварительного расследования современной России / А.Н. Вяткин // Актуальные проблемы психологического обеспечения деятельности прокуратуры и правоохранительных органов: сборник материалов круглого стола, Москва, 24 апреля 2025 года. — М.: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2025. — С. 59–63. — EDN DKHBSP.
4. *Голоскоков, Л.В.* Право в политике и политика в праве / Л.В. Голоскоков // Правовая политика и правовая жизнь. — 2018. — № 2. — С. 8–14. — EDN XQZVMT.
5. *Луценко, С.И.* Контуры «глубинного государства»: цели и задачи / С.И. Луценко // Власть. — 2025. — Т. 33. — № 1. — С. 120–128. — DOI 10.24412/2071-5358-2025-1-120-128. — EDN PXEBUG.
6. *Рудакова, О.Н.* Влияние процессов глобализации на естественные права человека / О.Н. Рудакова // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 11(227). — С. 201–203. — DOI 10.47643/1815-1337_2023_11_201. — EDN LUKECJ.
7. *Шевцов, С.П.* Архаичное понимание права: этимологический подход / С.П. Шевцов // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. — 2013. — Т. 7. — № 2. — С. 326–341. — EDN QCGRPX.
8. *Булавина М.А., Новосельский С.О., Попова С.А.* Стратегические цели и тактические приоритеты управления городом в условиях геополитической напряженности // Вестник евразийской науки. — 2022. — Т. 14. — № 3.
9. *Слоботчиков О.Н., Чернышов Б.А.* Теоретико-методические проблемы формирования национальной идеи Российской Федерации // Актуальные политические и исторические вопросы современности. Сборник статей. — М., 2020. — С.160–176.
10. *Слуцкий Л.Э., Васецкий Н.А., Слоботчиков О.Н.* Современные мировые цивилизации: новые вызовы и ответы: монография в 2-х т. / Том 1. Россия — государство-цивилизация. — М., 2024. — 384 с.
11. *Цыганков П.А., Слуцкий Л.Э.* Западный дискурс о «гибридной войне России против демократии»: новое вино в ветхие мехи // Вопросы политологии. — 2022. — Т. 12. — № 12(88). — С. 4227–4238.

Научное издание

**РОССИЯ И МИР:
РАЗВИТИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ.
ИДЕИ. ВЫЗОВЫ. ПРОГНОЗЫ
(К 80-ЛЕТИЮ В.В. ЖИРИНОВСКОГО)»**

*Материалы XVI международной
научно-практической конференции
(2–3 апреля 2026 года)*

В двух частях

Часть 1

Компьютерная верстка и дизайн — *И.С. Надворский*

Подписано в печать 07.07.2026. Формат 60×90/8.
Гарнитура SchoolBookAC. Усл. печ. л. 69,0.
Тираж 500 экз. (1-й завод 50 экз.)

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского»
119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 1/2, корп. 1
Тел.: +7 (499) 261-11-26
www.imc-i.ru; www.imc-ph.ru

Отпечатано в ООО «ТоМиК»
107076, Москва, ул. Стромынка, д. 18, кор. 5, этаж 5, пом. IX, комн. 25